

Вам сегодня сложно выбрать

поставщика компьютеров?

Приходите в «РУБИКОН» —

и выбор перестанет быть проблемой!

Мы предлагаем:

ПОЛНЫЙ РЯД IBM — СОВМЕСТИМЫХ КОМПЬЮТЕРОВ,

комплектующие и расхо иные материа ны

Вы найдете у нас то, что ищете:

— ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО ТЕХНИКИ

60 к.). Ин јекс

ď

<u>ф</u>

- САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ
- ОТЛИЧНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ
- НАДЕЖНОЕ ПАРТНЕРСТВО

Вас перестал устраивать купленный у нас компьютер? Это не катастрофа — Вы можете поменять его или получить обратно свои деньги!

РУБИКОН

Фирма «РУБИКОН» поставляет также: КСТРОКСЫ И ІЕЛЕФАКСЫ

Все приобретенное у нас оборудование мы берем на гарантийное обслуживание.

НАШИ ТЕЛЕФОНЫ:
(812) 105-64-34, (812) 268-47-48
ТЕЛЕФАКС: (812) 269-11-83
ТЕЛЕКС: 121194 RUB SU
Диллеры фирмы «РУБИКОН»:
МГП «САМПО-90» (г. Петрозаводск)
МНТП «СЭТ» (г. Пермь)

AC CAL

Заказ и подготовка рекламы: 355 47 86, 273-37-24.

8 199

«ЗВЕЗДА»

— журнал для самостоятельно мыслящего читателя!

Наш девиз:

- Максимальная насыщенность каждого номера
- Максимальное разнообразие жанров, стилей и мнений
- Максимальное доверие читателю, его уму и вкусу

Со «Звездой» сотрудничают всемирно известные авторы: Сергей Аверинцев, Юз Алешковский, митрополит Антоний Сурожский, Андрей Битов, Елена Боннэр, Иосиф Бродский, Петр Вайль и Александр Генис, Олег Волков, Александр Володин, Глеб Горбовский, Яков Гордин, Фридрих Горенштейн, Глеб Горышин, Александр Зиновьев, Юрий Карякин, Виктор Конецкий, Владимир Корнилов, Александр Кушнер, Лев Лосев, Борис Парамонов, Валерий Попов, Радий Погодин, Евгений Рейн, Андрей Синявский, Александр Солженицын, Виктор Соснора, Борис Стругацкий, Михаил Чулаки, Вадим Шефнер, Дора Штурман, Ефим Эткинд и др.

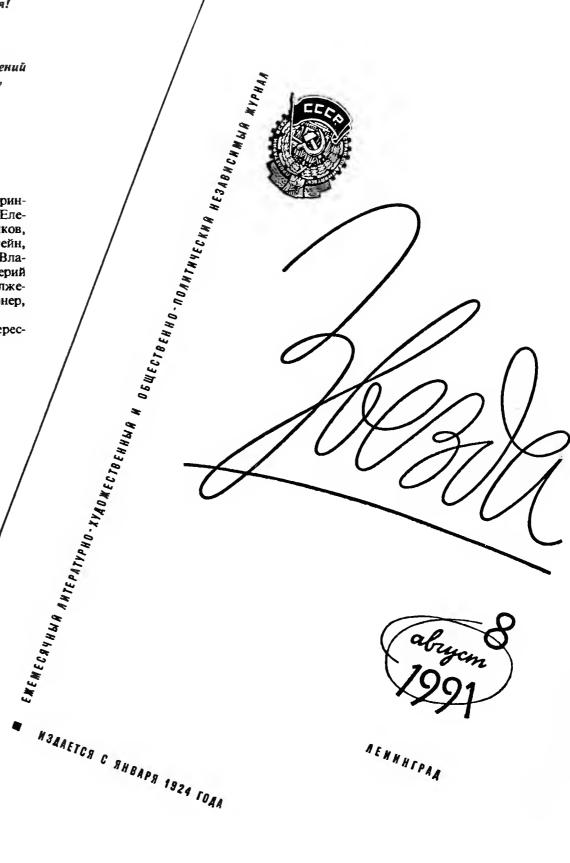
«Звезда» постоянно ищет и открывает своим читателям новые интересные имена.

«ЗВЕЗДА»

— журнал для самостоятельно мыслящего читателя!

Наш девиз:

- Максимальная насыщенность каждого номера
- Максимальное разнообразие жанров, стилей и мнений
- Максимальное доверие читателю, его уму и вкусу

SUMMARY

The conclusion of the fourth and final volume of A. Solzhenitsyn's novel «March 1917» — a part of his world famous epic synthesis of the Russian revolution «The Red Wheel».

Anatoly Mikhailov. Two Stories. Reminiscences of the author's meetings with Varlam

Shalamov and Joseph Brodsky.

The beginning of A. Moravia's novel «Boredom».

New poems of the Leningrad poets Ilya Fonyakov, Elena Dunaevskaya, Elena Ushakova, Alexander Skidan and a former Leningradian Lev Losev, who now lives in the USA.

Two previously unknown stories of A. Vampilov, a most talented playwright of «stagnation» period, the author of the famous «Duck Hunting». G. Nikolaev discusses the fate

of Vampilov and the struggle over his literary heritage.

The conclusion of A. Antonov-Ovseenko's narrative «The Executioner's Carcer» about the activities of Stalin's favourite Beria between 1951 and 1953, about the circumstances accompanying Stalin's death and about Beria's end — his trial and execution on 23rd December 1953.

Vitaly Krshishtalovich «Labyrinth». Politics and soil fertility seem to be far apart, and yet the young journalist argues that it was Khrushchev's political ambition and his tendency to do everything on a large scale that brought about the present tragic impover-ishment of fertile soils.

Evgeny Gollerbach in his article «Appassionato» (Lenin as a reader of Gumilev) analyses all the possibilities of Lenin's acquaintance with the work of this finest poet of the Silver Age of Russian culture of whose execution Lenin could not but know.

K. Verheul, a writer and a professor of Russian literature in holland universities, in his article «Calvinism, poetry and painting» makes a comparison of Joseph Brodsky's poem «At the exhibition of Karl Villinck» with the painting of the well-known holland artist (1900—1983). He consideres «the Dutchness» of Brodsky as related to the ethics of Calvinism traditional for Holland.

Boris Paramonov, «Noah and Hams». The author, who lives in the USA, writes about Victor Shklovsky, the founder and leader of «the formal school» of literary criticism of the

1920's.

Ivan Tolstoy introduces the Russian emigré magazine «Opyty» which was published in the USA.

Учредитель: Союз писателей СССР

Издатель: редакция журнала «Звезда»

Главный редактор Г. Ф. НИКОЛАЕВ

Редакционная коллегия:

А. Ю. АРБЕВ (зам. главного редактора), Л. Э. ВАРУСТИН, Я. А. ГОРДИН, В. С. ДЯКИН, В. В. КАВТОРИН (первый зам. главного редактора), Ю. Ф. КАРЯКИН, В. Н. КУЗНЕЦОВ, И. С. КУЗЬМИЧЕВ, А. С. КУШНЕР, Н. К. НЕУЙМИНА, А. А. НИНОВ, М. М. ПАНИН, Н. П. СКАТОВ, Б. Н. СТРУГАЦКИЙ, С. С. ТХОРЖЕВСКИЙ, А. А. ФУРСЕНКО, Б. И. ХМЕЛЬНИЦКИЙ, М. М. ЧУЛАКИ

Зам. главного редактора по производству В. В. РОГУШИНА Ответственный секретарь А. С. ЩЕГЛОВ

Корректоры: О. А. Назарова, Л. А. Привалова

Технический редактор В. Т. Молоткова

Адрес редакцин: 191028, Ленинград, Мохован, 20

Телефоны: главный редактор — 272-89-48, заместители главного редактора — 273-52-56,273-74-91,273-76-92, ответственный секретарь — 272-71-38, зав. редакцием — 273-37-24, отдел прозы — 272-18-15, отдел публицистики — 279-33-74, отдел критики — 273-74-91, отдел поззии — 279-30-41

Сдаио в набор 17.04.91. Подписано к печати 28.06.91. Формат 70× 108¹/16. Бумага тип. № 1. Печать высокая. 18,2 усл. печ. л. 18,9 усл. кр.-отт. 27,01 уч.-изд. л. Тираж 150 000 экз. Заказ № 782. Цена 1 р. 80 к. (по подписке 1 р. 60 к.)

Ордена Октибрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственнотехническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197110, Ленинград, П-110, Чкаловский пр., 15.

© «Звезда», 1991

АКТУАЛЬНЫЕ СОНЕТЫ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ

Спасают нас: колготки шлют и кур. Пакуют свой рождественский гостинец Владельцы ферм, заводов и гостиниц И люди государственных структур.

Везут бекон и в банках конфитюр Американец, немец, филиппинец. Стрвна Малайя — Азии мизниец, И ноготь на мизинце — Сингапур.

Еще такого не было доньше! Какое испытацье для гордыни! Окрестный мир, спасябо и... прости:

Смотрю на те посылки дармовые В телезкран — и, кажется, впервые Не понимаю, как себя вести.

В ГОСТЯХ С ИНОСТРАНЦЕМ

Ах, питерская эта коммуналка, Деленая квартира восемь «а»! В прихожей инвалидная каталка И календарь с мадонной Бенуа.

Сквозь двери — гаммы, в кухпе перепалка, Баюкают младенца: «Ааа». Как все знакомо, дорого и жалко, И в горле комом — слезы и слова!

Ручной звонок дореволюционный Еще звонит — как бы из тех времен, И синей лентой изоляционной

Скреплен нолуразбитый телефон. Дивится фина, хозяев потешая: «Какая тут семья живет большая!»

Кондратьев Петя с виду плоть от плоти Родной земли, от печки, от сохи, Хотя он говорит об Эллиоте И пишет непонятные стихи.

Сидит в каком-то модном рединготе, Штаны в наклейках — вроде шелухи, Но если шелуху с него сдерете — Пожалуйста, хоть завтра в пастухи.

Друзья в европах, нас не обессудьте, Нам не уйти от пашей русской сути, Мы — всюду мы, и дома, и в гостях.

Кто больше всех меж нами иностранен? Пожалуй, показательный крестьянин, Идейно выступающий в лаптях.

Илья Олегович Фоняков (род. в 1935 г.) — поэт. Первая публикация — в 1950 году. Автор книг: «Именем любвн» (1957), «Надежда» (1969), «Долгие мгновения» (1984), «О чем бы нн задумался...» (1984), «На своей единственной земле» (1986), «Мирное время» (1988) и др. Живет в Леннграде.

BECHA

(Городская)

Куда ни глянь — весенние премьеры: Частит капель и оплывает лед. На потолке — пятно, его размеры Растут, напоминая самолет.

Звоним, взываем: принимайте меры! Но как их примешь, если в этот год Сантехники менялись, как премьеры В стране демократических свобод.

И вот опять — «правительственный» кризис,

Неуправляем, непреодолим, катастрофа завтрашняя, близясь,

Нас обдает дыханием своим, И краска от подмокшей штукатурки Отслаивается, подобно шкурке.

BECHA

(Пригородная)

Уже пробилась первая трава. Стоят болотца около колодца. Последние в поленнице дрова Так отсырели — не хотят колоться.

Сочится сквозь штакетник синева, И словно по приказу полководца, И здесь и там аиднеются слова Воинственные: «Дача не сдается».

И я, дощечку трогая, смеюсь: «Друзья, привет! Я тоже не сдаюсь, Я занял круговую оборону

На островке, и я не одинок, Поскольку рядом носится щенок И лает на лохматую ворону!»

* * *

Еще выходит шахматный журнал, Еще бросаем птичкам полбатона, Еще бубнит о чем-то монотонно Учебный телевиденья канал;

Еще привычно ловит криминал Редактор между строчек фельетона, И ворожит над папкой из картона В отделе кадров серый кардинал.

Обшивка жизни, будничная проза Еще почти такая, как вчера, Позавчера и поза-поза-поза-

Вчера — но веют острые аетра, В их голосах — надежда и угроза, И замирает сердце, замира...

Александр Солженицын

Рожан

634

Угловая гостиная имела окна на Сергиевскую и на Потёмкинскую. Через эти окна простым глазом была видна вся Революция: как она текла и толпилась вереницами к Таарическому дворцу, затем спадала, прекращалась, а последние дни опять многолюдно потекла. А ещё был — неумолчный дребезг телефона, приносивший вести с разных концоа столицы, и всё от людей выдающихся. А ещё же — кто не считал за честь переступить порог этой квартиры и обменяться душевными эманациями с её обитателями? Хозяйкой этого драгоценного мирка была символическая поэтесса, властного характера, с прямой высокой фигурой и глубоко погружённым взглядом, как переполненная тайнами и смотрящаяся в них. Затем постоянно присутствовал здесь её муж, почти уродливый, — поэт, прозаик, драматург, мыслитель, критик и публицист — несколько раскидистый в творчестве, но тоже если не гений, то с яркими признаками того. И почти так же постоянно пребывал там их друг, всего лишь только мыслитель, критик и публицист, но очень собранный, красавец, и с твёрдым взглядом. Мужчины были тёзки, одинаково звала их и хозяйка, но всякий раз, в триалоге или полилоге, было понятно, к кому обращаются или возражают кому.

А беседы лились тут эти три недели почти непрерывно: события настолько сотрясали, настолько багряно освещали души и горизонты, что онемели их перья всех троих: друг лишь иногда писал толковательные газетные статьи, муж — лишь иногда доправлял уже готовую пьесу о декабристах, а хозяйка не написала ни одного нового стихотворения, а переходя озарённо по комнатам, почему-то навязчиво понторяла своё старое:

…в белоперистости вешних пург Созданье революционной воли — Прекрасно-страшный Петербург...

Революционной воли императора-диктатора, не затхлого русского царя, взрыв святого мятежного духа на берегу балтийских волн,— и теперь как можно скорей должно быть стёрто позорное имя Петрограда, убогая славянщина, рабья кличка, пощёчина русской истории, и как можно скорее должен быть забыт кошмарный петроградский период с августв Четырнадцатого по март Семнадцатого. Ничтожный Николай был дан России мудро— чтоб она проснулась.

Сввршилось! Нам оказалось суждено, что не удалось декабристам. Все праведные взлёты тут — 1 марта, 9 января, и вот вспыхнул пламенный столб и зажёт всю Россию! Мы жаждали чуда и оно состоялось! Что б ни случилось потом дальше — какое радостное время! а революционной подвижности всё кричит «вперед»! Опьянение правдой Революции! Печать богоприсутствия на лицах. Влюблённость в свободу, не дарованную, но взятую. Можно бояться, можно предвидеть и каркать — но этих наших предвесенних морозных белопернстых дней Революции уже никто у нас не отнимет. Огненная радость, красная и белая.

Окончание. См.: «Звезда», 1991, № 4-7.

Эти три педели почти не выходя из квартиры, они были в душевном единении со всеми свободолюбцами. Вихри революционных событий все тут прокручивались и прожигались

через их души и под их окнами.

У поэтессы был совершенный мужской ум — и она властно охватывала все приносимые вестями события, прежде всего в их политическом единстве, уже потом -- в их художественной наивпости: и повелительные, хотя тупые воззвания Совета, и нежио уступчивую растерпиность думцев. Раза два на четверть часа влетал сюда -- кометой, гранатой! -- распираемый счастьем Керепский, -- изо всех политиков единственный на верной точке. Сюда, в квартиру па Сергиевской, телефонировали и заходили воспринять охватывающий свет — и политики, и журналисты, и секретарь Толстого, и деятели церковного отделении (скорей отделить этот груз от государстви!), и конечно всех видов

И котя хозяйка успевала консультировать и направлять и политиков, и журналистов (и держала в сердце ещё рвущихся в Россию революционеров, как Савинков), -- и она, и муж, и друг прежде всего были обязаны перед Искусством, ибо, в конце копцов, его самостоятельный ход часто определяет и всю историю. Не всем видное трагическое действо -- совершалось в Искусстве эти дни, и его последствия могли быть огромны для будущей России. Своё тройное внимвние они должны были устремить сюда, и прежде всего, конечно, на театр. Прежде всего нужны были новые пьесы! -- вот, пьеса мужа о декабристах, да и пьеса о Павле, прежде звпрещённая, теперь обещала хорошо пойти.

Но, но. События мчались, уже 4 дия как театры возобновили спектакли — а в них, находил друг, до сих пор не возник новый пафос. Дни идут — и пельзя допускать, чтобы старая обывательская тина засасывала граждан Новой России. На афишах императорских театров орлы заменены лирой, в Мариинке сияли тёмно-синий занавес с двуглавым орлом - по это ещё не швги того золотого века искусств, который теперь распахнётся над Россиси. Сколько лет они трое ждвли, жаждали и предсказывали революционный взрыв — но это ещё не он? «Дв торжествует искусство, освобождённое от гнёта и произволаі» — телеграфировала Александринка Временному правительству, — но с чем же она самв вступила в революцию? С «Маскарадом». И этот спектакль вобрал а себп всю косность и рутипу, которая уже не сверху давила нас, но сидит в нас самих. Спектакли, которым помешвлв уличная стрельба, в эти последние дни отдавались - и уже совсем новый революционный зритель видел вполне старый парад. И всё те же старые тпнулись «У врат царства», «Шут Твитрис», «Честь и месть», «Шврманкв свтаны», и та же двуспальная кровать нв французских спектаклях Михайловского.

Но «Маскарад» стоил кардинального разговора — и уже несколько рвз он вспыхивал в квартире позтессы. Эту поствновку режиссёр Мейерхольд готовил пять-шесть сезонов с умопомрачительной роскошью — и приготовили к самому дню революции! Бредовая фантазия, раззолоченный просцепиум, колонны с золотом, фестоны на порталах, пышные занавесы, затканные серебром (из одного куска кружевной занавес - рекламв фирме Лангарта), сияние зеркал, чертоги, бесчисленные вазы, ширмы, цветной водоворот неисчерпаемых костюмов, фасонов, неистовое изобилие шелков и бархатов, хаотическая пестрота, далеко псрейдено всякое чувство меры, - а вся красота напрасна, ибо: где же Лермонтов? Без его души — зачем эта пагромождённость? Фальшива радостная гамма светлых тонов и спальпя Нины голубепькап модерн, не соответственивя её смерти. Не жесты, а ритмические движения, не шаги, а па, исполиение кукольно-безжизненное, нарочитое, пет мрака души Арбенина, не леденит Неизвестный и на ультра-современном балу даже не заметна потеря браслета. Мейерхольд претенциозпо нагромождает трюки и завершает их в финале безвкусным спуском траурного флёра с розовым венком и проходом маски мертвеца. Вот с какой пустотой пришёл к революции императорский театр!

Но и каков же шарлатан Мейерхольд! Обласканец директора императорских театроа, казённый клеврет с синекурой в Александринке, -- в эти революционные дни вдруг совершил опередительное изворотливое па — и в прошлое воскресенье на митипге искусств яростно напал на «Мир искусств» уже с революционных позиций: что они узурпаторы, хотят захватным путём ствть вершителями судеб русского искусства, примазаться к новому ведомству и с вожделением ждут освободившихся роскошных казённых квартир! И с твкой дерзостью и быстротой Мейерхольд совершил своё нападение, что большипство артистов, сидевшее на митинге, зашумело и зааплодировало ему против «узурпаторов» --и Бенуа не решился отвечать. И ещё Люба Гуревич подхлестнула в газетных статьях: что нам прецеденты мировой истории, если мы творим новую жизнь? (Мысль вообще-то верная.) Художники привыкли творить каждый в своём пепроветриваемом углу, а пришла пора включаться в широкую пародную жизны (Тоже не без верности.)

И сегодня в квартире на Сергиевской как раз побывал Бенуа, растерянный и смятый.

Он уронил себя в глубокое кресло:

- Да наверно и твк. Мы не успеваем за историческим мигом. Русскому богатырю, так долго сидевшему сиднем, мы должны учиться говорить правду просто и сильно — но не визжать и не мешать ему додумать свою думу. А мы, русское искусство, все немного калеки. Мы попорчены чудовищным периодом царизма. Не всем нам уже выпрямиться в рост.

У нас нет простоты национального чувства. Но если двже в сумерках царизма — такие

пышные цвели таланты, то что же вырастет теперь, нв заре!..

Да, какие-то сильные решения должен был принять штаб искусства на Сергиевской! Теперь, когда как будто укладывался политический кризис, но твк нерапо пульсировал шар Искусствв,— их три пера должны были проявить себя с новой силой. И муж — всё доделывал пьесу о декабристах, а друг — стал чаще посылать в газеты новые статьи. В том и величие совершившегося, что это — единый всероссийский порыв. Теперь — надо рвботать со сверхчеловеческой энергией.

Ушел Бенуа — и вскоре раздвлся очень резкий дверной звонок. Так и ёкнуло сердце, не обмануло: да это друг нвш Керенский! душв Керенский! — не предупредивши телефоном — влетсл ракетой — сияющий, впопыхах — ввтомобиль ждёт па улице, но, проезжая

мимо, не мог отказать себе запорхнуть на пятнадцать минут!

Неудержимо поцеловались с хозяйкой, по привычке политического единомыслия. Пожал руку мужу и другу. И разбросив руки как крылья подстреленной птицы, свалился в кресло, где только что сидел Бенуа.

Хозяйка, всё такая же несгибно прямвя, но с потеплевшими глазами, села через круглый низкий столик от него и смотрела с тревогой. С его узкого блвдно-белого лица и никогда не сходили следы нездоровья — и сейчас это не восполнялось энтузиазмом на подвижном трагичном лице Пьеро. Даже бледная зелень виделась в коже обнажённых

- Алексан Фёдыч, дорогой, ну что? ну что? Ждём от вас, как всегда, ноаостей.
- А я, как всегда, додохну́л он, жду от вас успокоенья душе! - Что вы делали в Финляндии? Да когда же вы успели асрнуться?

- Что делается в вашем министерстве?

- Как ведут себп цсизовики в правительстве? Подло?

Поздравляем с отменой смертной казни!

- Правда ли, что уже совсем готово равноправие евреев?

- О господа! Готово! Этот указ - иаша гордость! Ах, если бы я успсвал вместить в себп всё, что я успеввю сделать и сказать! Но это происходит почти разыше меня и почти помимо меня! Нигде, кроме вашего чудссного уголка, я не успеваю вздохиуть и...

Он совсем затих, бессильной дугою. Его всрхняя губа ребячески оттопырилась в жа-

Что будсте пить?

 Все равно, что подадите, — весь отдыхал ои. — Я только на пятнадцать минут. Гонят дела! Сегодня вернулся из Финляндии - сегодня же выезжаю в Ставку.

— В Ставку?? Дв зачем же? Да неужели и этого не могут без вас? Алексан-н Фёдыч!?

— Не могут. Увы, ничего они не могут.

Друг спросил, когда будут похороны жертв революции, но Керенский то ли забылся нв миг, то ли отдвлся нирване, не в состоянии был ответить, — ио веки его не были полностью смежены, чуть покиаывали, показыввя, что он слышит, что он слушает настойчивые убеж-

денип склониашегося к нему друга:

- Мы надеемся, вы не допустите, чтоб эта церемония потсряла хоть грви торжествениости. То, что мы пережили с 1825 по 1917, настолько ужасио, а с 27 февраля по 2 марта настолько чудесию, что обыденные похороны не могли бы удовлетворить пародного чувства! И не забудьте: ато будут первые на Руси похороны без попов. И мы хороиим как будто не только этих, но и всех, отдавших жизнь прежде. Нвм нвдо предаться этой скорби, чтобы потом ещё полней отдаться рвдости. Они выпили за нас чашу мученичества, чтобы нам открыть чашу редости. Ставьте им памятники, создавайте легсиды!

Так, так. Но — что в Финляндии?

Керсиский глубоко, облегчению вздохнул, глаза его раскрылись полностью и он ответил наслаждённо:

 В Финляндию я ездил поддержать узы дружбы наших наций. Привстствовать их свободу. Толпы, толпы... Речи... Тюльпаны к статуе Рунеберга. Целовался с главой правительства... Ну, и вообще мне там приятно, ведь они меня вылечили... Ну, народный дом, переполненный... Потом — корабли, беседовал с командами... О, как я безмерно устал!..

Едва с балтийских кораблей, так измучен — и уже ехал в Ставку! — поэтесса не могла чего-то здесь охватить. Но она понимала, что Керенского ведёт художествениое вдохиове-

ние. Его сияющую фигуру она благословляла с первого дня Революции.

— Боялся, что из-зв этой поездки пропущу, не встречу Бвбушку. Но она опнть звдержалась в пути. Не дождусь, когда буду её всюду возить и выступать вместе. Надо поддержать связи с эсерами, а то против меня с той стороны копают. Ещё Чернов приедет... Куда не успеваю, посылаю Зензинова...

Число мест и число дел превосходило человеческие возможности.

 В министерстве? — не забыл и других вопросов Керенский, после глотков ледяного сока. - С вялой нежностью: - Ну что ж, освободил Горемыкина и Голицынв...

- Не опвсно?

- Да иет, старики никудышние. Очень хлопотала Сухомлинова— ей отказвл. И Макарова— ни за что не отпущу, он мне ответит! Вот вернусь— буду стврших охрвнников хоть сам допрашивать.
 - А царь останется под врестом?
- Да какой это арест! отфыркнул Керенский длинными губами, они у него и беспощадно умели складываться. — Узникам двют общаться друг с другом, какое ж тогда следствие? Вот нв днях заберу охрану в министерство юстиции, тогда разделю царя и царицу, чтоб они совсем не виделись, как полагается, — вот тогдв мы кое-что узнаем! — Оживился. Но ненависти не было в его голосе. — Тогда, может быть, и выследим «дело Царя». Дело Царя!.. Да я должен увидеть их сам. Поеду вот в Царское к ним, ивтряну!

Чего не хватило во Французской революции: не явился Робеспьер к Людовику сам! — Чем более революционным будет правительство в методе своих действий, — внушал

друг, — тем большую устойчивость оно приобретёт.

— В такой буре — пойдите, сохраните устойчивость! — горько отозвался Кереиский, всё ещё бледный. — Послал судебным палатам приказ: кому это удастся, покв по возможности не освобождать уголовников. Ведь что делается: в тюрьмах посжигали дела, теперь никого не знают, у кого когда конец срокв, все говорят — нв днях. Теперь всё рввно неизбежно дааать большую общеуголовную амнистию: кому тюрьма — всех освободить, каторжные работы — снять половину. Скоро двдим амнистию, какой не быввло ни при олном паре!

 Но отчего, отчего ваши министры все такие нежные? — с волевым переливом спросила неуклонная поэтесса. — Почему среди министров, кроме вас, попросту говоря —

нет мужчин?

Керенский перебрал длинпо-волнистыми губами:

— Не говорите, друг мой. Я сам среди них — просто изныввю. Дв! — вспомпил, и ещё на ступень оживился, и обратился к поэту-мужу: — Зачем я приехвл? Я же приехал заказать вам популярную брошюру о деквбристах — ведь вы же дышите ими, вам легко. Напишите скорей! И напоминайте, и выявите, что декабристы были — офицеры! Это сейчас очень пригодится, это может смягчить трения в войсках. А Сытин закатит тираж тысяч сто!

Муж воодушевился, друг во внимательных очках заинтересоввлся, — но хозяйка продолжала свой важный допрос:

А как министры восприняли последний манифест Совета?

— Никак! — возмущался Кереиский. — Разве рыбы могут что-иибудь воспринять, не

воспринять?

- Но я нахожу... но мы тут находим, что... Манифест ничего. Коиечно, язык эсдечный и есть подозрительные места. Но он возглашает как бы мир без победы? Это красиво. И при этом не зачёркивает войну как субстанцию, как мы её понимаем, символисты: ие в грубо прямолинейном смысле всеобщего истребления, ио как жертвенное крещение, экстатический подъём, очистительную жертву вселенского костра, в котором и выявляется Мировая Красота. А вы это понимвете? разделяете?
- Ax, ax! страдальчески обжал Кереиский локтесогнутыми руками свою огурцовую голову.— Эти идиоты просто предают западиые демократии! Мне стыдно будет смотреть в глаза французским социалистам, которых я так заверял в нашей верности!

Он оглянул их троих — и испугался их торжественных, загадочных, философских лиц. И а испуге — вскричал, чтоб эти исторические сфинксы услышали! И — вспрыгнул

из кресла, и забегал по гостиной, вцепляясь в свой короткий бобрик:

— Исполнительный Комитет — это кучка фанатиков, в вовсе не Россия! Мне иечего делать с этим Исполнительным Комитетом! И с этим правительством размвзней мне тоже нечего делать! А между тем, не пришлось бы правительству уйти под давлением сепаратиого мпра, как пажимают туницы Совета! И что будет с Россией?

И — упал-наклонился к шкафу, как к скале, нв его ребро, провисвя спиною в глухом френче:

— А вот ещё приедет скоро сумасшедший Ленин — что будет тогдв? Я для него шовинист! А? А??

В комнате Исполнительного Комитета за все дни так и не прибили вешвлки — и шубы, пальто наваливались на диване, на скамье в углу, и твм всегда кто-то возился, разыскивая своё. А пустым шкафом задаигали, чтоб не было прямого ходу, дверь в соседнюю комнату солдатской Исполнительной комиссии, в неё тоже уже навыбирали несколько десятков человек. А председатель её поручик Станкевич был и там, и тут.

А сколько состояло членов в Исполкоме — наверно и Чхеидзе не знал точно, они всё что-то добавлялись, то из эмиграции, может быть секретариат успевал знать, потому что каждому члену ИК был выдан красный билет для свободного проходв всюду в Таврическом. А вот Пешехонов и Мякотин, нвиболее близкие Ствнкевичу по право-социалистиче-

ской ориентации, войти а ИК не захотели, не признаввя звконности Советов. И седовласый патриарх народников Чайковский, хотя зачислен в ИК, в почти не бывал. И симпатии Станкевича склонились к группе так сказать «правых» эдесь — Гвоздеву, Брамсону и Богданову. А ещё ж сюда доизбирали и солдатских депутатов — пяток писарей во главе с Завадьей и Бинасиком, присяжным поверенным. Да ещё была пара военных чииовникоа от Совета офицерских депутатов, не смевших нв Исполкоме и слова сказать. А Капелинский от простого секретаря поднялся в заведующего секретариатом в трёх комнатах, а просто на протоколак сидели у него Перазич и Суриц, тоже не простые писаря, а какието партийные, даано кому-то знакомые.

Приезжающие фронтовые депутации иногда допытывались: как Исполком возник и из кого он состоит. Возникало неудобное положение, потому что непартийным людям трудно объяснить традицию революционно-партийных представительств, при которых примитивные общие выборы совсем не обязательны. Дв многое было, о чём Исполком не хотел бы дать знать наружу. Оп издавал директивпым тоном громогласные на всю страну решения— но как опи родились тут, оставалось его тайной. Он ни единый день не выполнил своей повестки, под папором внеочередного принимал решения второпях. Изображаемой уверенности в вождях демократии не было, мнения их менялись с большой быстротой, от уходов-приходов сильпо менялся состав заседающих— и настойчивый член мог подловить нужный момент случайного большинства для нужного ему решения. А самым настойчивым оказывался Нахамкис, как второй стоячий председвтель он перестаивал и подминал под себя, да ещё ж выходил к делегациям и полкам речи держать— а речи те, как вслушался Станкевич, были многословной пустотой и тупым повторением, что внутренний враг ещё не сломлен и эта подозрительная гуманность погубит революнию.

Но больше: что б там на Исполкоме ни было решено, в по стране разносился даже не его голос, а трубный голос «Известий», четверть миллиона порхающих газетных листов, и это был собственный голос Нахамкиса, захввтившего «Известия» с тем же самоуправством и безответственностью. Подбор статей и тон их были безобразны, часто голос «Изаестий» не отличался от самого грубого голоса «Правды», а «Декларацией прав солдата», напечатанной аовсе не как проект, переколыхнули всю армию.

Да десятки членов и не членов вообще самовольно действовали от именн ИК: на бланках с его печатью рассылали разрешения па грабёж имений, как Александрович, или с мандатами Совета и не считаясь с его постановлениями разъезжали по провинции и фронту. А Скобелев требоаал предоставить Совету Зимний дворец.

Таков был тот Исполнительный Комитет, в который Станкевич сознательно пришёл и осваивался тут, видя в нём опору для решений и действий. Но — здесь ли она была?

Во глубине России, по новой моде, возникали такие же иеаедомые, не сосчитанные и неизвестно как выбраниые советы, соаеты — и слали запросы петроградскому Совету, какой же тактики нридерживаться? как относиться к Временпому правительству? как...? (А минский Совет слал телеграмму: отвяжитесь, пе вмешивайтесь в иаши дела!) Петроградский Исполком и хотел бы руководить всеми этими местными советами, да не успевал справиться. И всё чаще говорили, что надо бы ещё в марте собрать Всероссийское совещание Советоа.

Стапкевич всегда был натурой не только деятельной, ио направляющей. Он не мог быть пасснвиым свидетелем хаоса. Высшая задача была: из какого-то опорного центра опередить разлив анархии, не дать ей развалить армию и Россию! И когда он сидел в бурлении даухтысячного Совета — ему казалось: нет, тут толку не будет, действовать только из ИК. Но с презрепием наблюдая бестолковое прозябание ИК, его страхи перед конфликтами с рабочими и с таинственным фронтом, как бы он ветром не сдул их тут чертовщинную слаженность, и как ёжились перед распахнутыми лицами фронтоаиков; и слушая жалкий жаргоп здешних циммервальдистских формул и квк они запутались с этой империалистической войной, что о ней думать, и скорей же надо её кончать, и нельзя же стать лёгкой добычей Гогенцоллернов, — Станкевич откидывался: иет! даже с громоздким солдатским сборищем можно кашу сварить надёжнее: оно благоразумней своего Исполкома, потому что солдаты, по крайней мере, стихийные натриоты, их безграмотная толпа настроена здоровей и дружелюбней.

А тут — участились фронтовые делегации. И перенимвя общую самовольщину Исполкома — Станкевич, на то не уполномоченный, стал к ним выходить и решать армейские аопросы. Едва ли не каждая фронтовая чвсть уже слала или хотела прислать свою денутацию а Петроград: узнать, понять, что тут делается — как может существовать две власти (иногда спрашивали о судьбе царя). Но — высказаться и самим. И высказывания их были самые не циммервальдские: готовы до последних сил бороться! ни пяди не уступим врагу! армия не потерпит мира с Германией! мы не хотим, чтобы жертвы прошлых лет окончились ничем, и это позор для России! всё для войны! Мы 24 часа под снегом, дождём и ветром — в как будет работать тыл? и он должен идти на те же жертаы! Боимся только одного: что нам не дадут кончить победой! Мы под пулемётами врага не хотим купить своё личное спасение позором России! Неужели новая Россин заклеймит себя

спасёт нас от провокаторов-агитаторов, а мы спассм его от немцев!

И эта обратиая фронтовая волна, прикатившая в ответ на посланную туда волиу разложения — песла издежду! С этими фронтовыми делегациями Станкевич освежался от затхлого воздуха Исполкома и снова узнавал себя (военных лет), свою армию и свою Россию. Может быть, эти делегации и не выражали истинно того, что медленно проааривалось сейчас в дремучих низах армии: делегации могли быть посланы инициативными, эпергичными, достаточно просвещенными группами. Но от этого опи не переставали выражать возможную энергию армии. Эту обратиую здоровую волну надо всеми силами поддержать! эту эпергию возглавить и направить. Ещё армия здорова! — по пельзя терить этот короткий момент — надо выйти ей иавстречу честной, открытой и нераздвоенной революционной властью!

А с первых дпей революции появился обычай посылки во все места комиссаров — сперва от Думы в обезглавлениые министерства, смятенные губернии, разъяснителями на фроиты. Но если бессильная Дума так посылала, то не стократио ли успешней может послать Совет с его реальной властью? Посылать теперь ие временных, но постоянных военных комиссаров Совета — состоять нашими советчиками и иаправителими при самом военном министре, при Ставке, при штабах фроитов, флотов, да пожалуй и всех четыр-падцати армий? В момент, когда раскололась власть и на фронтах плохо понимают события, — такие мостики военных комиссаров всё соединят в жёсткую конструкцию: незамедлительно передать директивы, быстро решать все армейские вопросы, предупреждать ошибочные шаги комаидующих, но и руководить политической деятельностью в войсках и асей системой солдатских комитетов так, чтоб они не вели к развалу. Право же, это было здорово задумано!

И со своими офицерами-депутатами подготовив доклад, Станкевич вчера застиг Исполком врасплох и получил предварительное согласие, записали в протокол.

Так — наступит ли эта твёрдая конструкция? Можно ли её состроить петвёрдыми руками? В Исполкоме в ту минуту, может, сложился случайный состав. А ведь это ещё

надо провести и через правительство?

Сегодия в компате Исполкома было меньше обычных заседающих, зато натаскано много знамён, венков и плакатов: как раз на сегодия назиачались гранднозные похороны жерта революции на Марсовом поле, но в носледний день отменили за неготовностью. А всё патасканное пока останется здесь, придавая заседаниям Исполкома торжественнотраурный вид: то рабочий, разрывающий цепи на фоне восходящего солица, то ногребальные венки.

И как раз в эту странную обстановку явился совсем цеожиданный гость: министр финапсов и миллиопер, разодетый и даже благоуханный Терещенко. Заседание уже кон-

чилось, по Станкевич остался посмотреть.

Это был первый министр, иоторый явился поклониться Исполнительному Комитету! — Исполком всё же не рискнул бы вызнать министра. До того молодой человек — тридцати лет ему не было, не старше Стаикевича, и до того с услеженной наружностью, без усов, без бороды, по-европейски подстрижен, костюм от лучшего портного, уголок носового платка из нагрудного кармана, крахмальный воротничок, бабочка, сняющая улыбка (а глуноватая), — а вокруг чёрно-красные ленты: «вы жертвою пали».

А из Екстерицинского зала доносится марсельеза и вопли, принимают очередной

гвардейский полк.

По чьей бестактности этот сахарозаводный наследиик и принц кневских шантанов стал революционным министром? Уж после этого ничего более экстравагантного он не мог выкинуть, пи даже вот явясь в Исполнительный Комитет. А явился — кажется только познакомиться и показать свою обворожительность? Обходил, любезнейше жал руки членам, рассыпался в комплиментах, давал понять, что он тоже читал отцов социализма. Как болтоаню наполняют светскими мелочами, так он рассказывал тут, что уже перестранивает государственный бюджет на демократических началах. И о чём только просил: прислать к нему в министерство несиольких советских, помогать в этой работе.

Власть! — наша революция давала задуматься о пей. Ведь как будто революция и производитси, чтобы свергнуть одну власть и утвердить другую. Но — странное впечатление вызывал вот такой министр, да и коллеги его: как будто они робели перед

властью, не понимали её и себя а ней.

Но так же диковаты были и эти революционные пиджаки, которые вот раскланивались с благоуханным министром. Сами-то они брать власть не хотели пикак, а «пусть либерализм обанкротится перед лицом широких масс». (И: чёрт его знает, чем ещё кончится эта революции, и эта война, и эти двенадцать миллионов под ружьём, что с ними делать?) Сам Исполнительный Комитет брать власти не хотел ни за что — но связал и правительство так, чтоб оио не имело власти.

Но неполятно осталось: зачем же Терещенко приходил?

А вот что: ведь инчего не сказал о 10 миллионах рублей Совету!

И как-то опешили от его ласковости, никто и не спросил.

636

(армейские фрагменты)

* * *

В Особой армии в гвардейском стрелковом полку Его Величества солдаты отказались спороть с погонов царские вензели. Геперал Гурко приказал: не привуждать солдат,

. . .

В Каменеп-Подольско, где штаб Юго-Западного фронта, генерал Брусилов собрал в обширном Народном доме митииг из солдат и офицеров. Из его речи присутствующие узнали, что Брусилов никогда не любил династии, как ни украшал его бывший царь орденами и аксельбантами, купить его ласками было невозможио, — а всегда оставался вереи иароду. И что ему всегда претила надоедливая церемонии отдапин чести, ои рад от иеё отделаться.

. .

Командир 22-го армейского корпуса генерал барон фои-Бринкеи в момент принесении его корпусом присиги Временному правительству внезапво упал перед строем: умер от разрыва сердца.

Как теперь понимать отмевёнвую присигу? Кое-где дошло до драки между частими присягаашими и иеприсигаашими.

Батальон вз резерва повели вечером работать на передовую линию. По дороге а темноте кто-то закричал: «А что нам идти башку подставлить, что мы, дурные?» И другой: «У всех слобода, а нам башку подставлить?» Офицеры асё же уговорили. Но когда прошли асю дорогу — и всю по гризи — солдаты окончательно отказались. И аесь батальон отправили вазад а резера.

Ещё через почь их водиль уже а другое место, по сухой дороге. С перекурами, с переговорами добрели к работам перед полувочью. Повозились малость — н через два часа пошабащили.

А ещё на следующий авчер сказалв: «Там ва рабочем месте гризь.» И не пошлн.

. . .

И две роты 14-го Фиилиндского стрслкового полка отказалнсь идтн на работы, диём. Начальник днананн генерал-лейтенант Селнавчев, иебольшого роста, а с длиппым лысым черепом, сам отпраеплся и лес к этим даум построенным ротам, поздравил их с принитием присяги и предложил рассказать, как они её понимают. Вышел унтер-офицер и доложил: раньше они дрались за немцев и предателей родины, а теперь — за счастье снободной России. Генерал громко спросил, согласны ли роты. Отнетили, что согласны. Тогда он объясиил им, что долг и повелевает драться при есох услониях. Обещали работать безропотно.

Ещё спросил: а слыхали лн оин, что некоторые мутит слухами о выборе себе начальников? Так вот, он предлагает нм выбрать еместо себи начальника днвизии, на что даёт им четаерть часа. Отъехал с офяцерами, через 15 минут аернулся: готоео? В одни голос ответили: «Только вас, господнв гоне-

рал, ваше превосходительство!»

Тогда генерал обънсиил, почему им трудно выбирать себе начальинков, не знан ин жизни их, ни воемных познаний.

. .

Высокопоставленный генерал из штаба фроита поехал сам уговаривать полки, отказавшиеся заиять окопы. Вдруг один солдат с безумным видом кинулси к нему, аыхватил шашку из генеральских вожен, азмахнул над генералом!!! — и воткнул в землю ридом. И а встерике закричал: «Клинёмси генералу, что поддержим поридок!»

. . .

На митингах требуют: убрать из офицеров, кто с иемецкими фамилиими. И просто строгих. И — на кого покажут, скажут. Некоторые младшие офицеры, прежде в чем-либо оскорблённые, теперь удобно сводит счеты с обидчиками, старшими чином: одни — через подставных унтероа, другие сами произносит зажигательные реча.

На одном таком митинге слушал-слушал старый офицер и спросил: а как теперь будет с пенсвей

аа беспорочную аыслугу лет?

Оратор с трибуны показал ему кукиш под гогот солдат:

- Фигу тебе в нос, а не пеисию, прислужвик старого режима!

• • •

Исполнительный Комптет Совета Солдатских депутатов 8-й армии (Каледина) составился из: двух врачей, одного аоенного чиновника, одного служащего Союза городоа и лишь одного солдата. Переполошился затеей офицеров, чиновников и врачей создать а Черновицах саой отдельный союз; объивили «черносотенной затеей» и «контрреволюцией», «темвым делом». И натравливали солдат на тот офицерский совет.

. . .

Ахтырский гусарский полк посылал в Петроград своего унтер-офицера «для осведомления». Тот вернулси и доложил своим:

— Совет солдатских депутатов состоит из солдат, никогда ве бывших на фронте. Да ещё из

В Петрограде готовились к похоронам «жертв революции» — то есть павших для её торжества. Не хватало трупов. Из лазарета гвардейского Московского батальона собрались везти убитого капитана Фергена... Полкован дама узиала, возмутилась, вывезла его труп из лазарета и похоронила на Успенском военвом кладбище.

В Кронштадте над кораблими и домами — вперемежку андреевские и красные флаги. Строевые занитии как будто возобновлиются, но сильно не хватает офицеров, зато много комитетов и комиссий. Приезжали от Петросовета Скобелев и Муранов, было революционное вече на Якорной площади. Кронштадт «согласен поддержать СРД и Временное правительство постольку, поскольк у.». С 15 марта выходит большевицкий «Голос Правды» в тысичах зкаемпляров. На гарвизониом собрании в мавеже большевики выступают один ав другим: «Дли рабочего класса и крестыниства революции только вачинается! Военные оркестры играют интернационал.

13 марта 710 полк ополченской 178 дивизии близ г. Рогачева оказал сопротивление при посадке в ашелон, ехать на фронт. Только после прибытин изчальника дивизии офицерам удалось построать солдат и посадить в вагоиы.

Два зшелома 445 пехотного полка отказались ехать на позицию: «Воевать хотим, а на позицию ве

желаем, дайте отдых месица два!»

16 марта в Твери генерал Чеховской, которого Совет солдатских депутатов избрал бригадным генералом, нвилси в канцелярию запасаого пехотного полка за городом и вёл беседу с офицерами. Вошли трое вооружённых солдат:

Генерал! Нам приказано вас арестовать! Следуйте за нами на гауптвахту.

Никакой бумаги не было предънвлено, но генерал беспрекословно подчинился. Ни один при-

сутствующий офицер тоже не возразил ин словом.

Конвой из 12 солдат повёл его, впереди отдельно. Со стороиы другие солдаты и штатские стали бросать в генерала камнимн. Одинм из иих раиенный в голову, генерал Чеховской упал. На него набросились и добили камними - без номех от коивои и даже ври участии его.

728 пехотный полк пожелал видеть своего начальника дивизии в 2 часа иочн. Затем пережелал и согласился на следующий день. К его встрече полк был выстроен в полном составе, с офицерами. Уполномоченные от солдат, под шумные восклицании всего полка, заивили, что просит разрешении послать четырёх депутатов от полка в Петроградский Совет, чтоб узнать, что там у них делаетси, и сделать им свои заивлении.

Уже было соответствующее разрешение по корпусу, и начальник дианани согласилси.

Затем полковые уполномоченные выразнин, что их дивизни уже месиц стоит на позиции, а другие днаизии корпуса дапно отдыхают в Двинске, -- и пусть теперь те дивизин поработают в окопах, а без этого и наша на позицию не пойдет. И ещё оии занвлиют, что те части в Петрограде н городах, которые ходят по улицам н вывешнвают флаги «война до полвой победы!», -- должны быть поставлены в окопы и испытать на себе, как победа достигается. А нам, послужившим на войне, стать вместо

Начальник дивизин геверал-майор Попов четыре часа криду уговаривал, разъиснил, убеждал (как уже и, с 1 марта, каждодиевио беседовал во асех частих), — ничего не добилси. Солдаты настаивали, чтобы спешио было доложено командиру корпуса и командующему армией, и дать им

С каждым днём недоразумении асё чаще — по пустикам, а по характеру грозные. Солдаты озлоблевы. Уговорит по одвому случаю — аспыхивает по другому.

В 26-м корпусе из дивизиоиной инженерной роты пришла анонимка комапдиру корпуса генералу Миллеру — донос на дивизионного инженера, что он не позволнет роте читать газеты, нередаёт не все распорижении Временного правительства и вообще ивлиетси приверженцем старого режима, а поэтому рота настаивает убрать его и занвлнет, что не будет ему подчиинтьсн.

Начальвик штаба корпуса поехал в ту ниженерную роту. Дивизионный инженер, высокий худой старик, оправдывалси: «А зачем им газеты? Что ови из тех газет поймут, идиоты? России —

некультурнан страиа, и вси революции в ней — дурацкан затен от начала до конца.»

Уволили его тотчас, рота кричалв «ура». Но за дивизионным инженером и старший офицер роты подал рапорт об уходе, по мнимой болезни. А рота стала требовать сместить и прапорщика, и фельдфебели.

А в одной дивизии 18-го корпуса взбунтовался перевизочный отряд: потребовал, чтоб иад ним не было никакого воинского начальника, а медицинский персонал сам бы самоуправлялся.

В 144 Каширском полку, известном нам по Хохенштейну, где лёг он наполовину, задерживая немцев, и комавдир был убит при знамени, а другие попалн в плен, -- в этом новом полку со старым иазванием теперь арестовали командира полка и полкового адъютанта. Через день, однако, освобо-

В одном полку на Западном фронте арестовали сразу 17 офицеров, начиная с полкового командира и до прапорщика. Обвишили всех в измене: какой то денщик слышал разговор офицеров: «Такой кабак с правительством — хоть бери чемодан и иди к иемцам». К счастью, приехавший депутат Государственной Думы Щепкин убедил солдат отпустить арестованных. Но начальник дивизии вынужден был взамен этих офицеров дать в полк других.

В гвардейском Московском полку на фронте третън рота самочивно построилвсь без оружин, и фельдфебель подпрапорщик Кузиечихин доложил комаидиру роты штабс-капитану Климовнчу 3-му, что рота просит его выйти к ней. Он вышел к ней, поздоровалси. Но вместо ответв они по знаку фельдфебели объявили, что ие желают, чтоб он командовал ротой дальше. Климович отпрввился к командиру батальона с докладом о происшедшем — тем временем рота, смнв риды, бросилась к аемлинке, где помещалси подпоручик Костылев, обънвила ему, что выбрала своим командиром, и стала качать при криках. Климовичу осталось отправитьси в обоз 2-го разрида.

Скомандовали солдатам, что будет полковой пврад. Куда его ещё заведут? Не поверили и заридили боевые патроны.

В одном полку требуют 8-часового окопного дин. В атаку не пойдут, так как з т о й земли им

В другом: «Хотим домой! Хотим попользоваться свободушкой и аемлицей! Зачем нам тепери калечиться? Шибко ужасно умирать при таких открытых дверих в России!» Потом уступили: ладно, стоить в обороне будем, но в наступление не пойлем.

Через лавочника солдатской лавки одни полк передал другому угрозу: в наступление не ходить, откроют фланговый огонь.

Восемь разведчиков бросили винтовки и перебежали к противнику. («Теперь слобода, не

В германских листовках: Германин сочувствует государственному перевороту в России, отказываетси от вмешательства в её внутренпие дела и от иаступленин на русском фронте, «Апглин желает воевать до бескопечности и чтобы русский солдат служил ей пушечным мисом. Свергните постыдное

А Юго-Западное интендантство как раз в эти иедели ухудшило выдачи: ржавые селёдки, худан солонина, чечевица. Громче кричали на митингах: офицерьё это варочно делает, чтоб нас опить вогнать в нижних чинов!

Уже и такое поползло: офицероп бы копчить, денежные ищики разбить, деньги поделить по-

Поделить ротные деньги? Солдаты из хозяйственных мужиков оспаривают: ие делить, ещё всей роте нужда будет.

Солдаты а землинках целыми дними режутси в карты. Командующий 4-й армней генерал Рогоза запретил и гепералам н офицерам играть в карты до конца аойны — чтобы только солдаты не нгралн.

Так всё равно будут.

В 109 пехотной дивизни нашлись такие развитые-грамотные, что в резолюции написали: устаноаить солдатский контроль пад операционными частими штабов. Установить в стране единый прогрессивный подоходный налог, как требует солдатскан масса. Конфисковать помещичьи, монастырские и удельные землн. И — пора приступать к мирным перегопорам.

В Бринске вспыхнул бунт гариизона. При комавдующем 10-й армией генерал дли поручений Марков поспешил в кипение совета военных депутатов, бурно выступил там, добился постановлении: освободить 20 арестованных офицеров и восстановить дисциплину. Но после полуночи несколько вооружённых рот двинулись на вокзал расправиться с Марковым и освобождёнными. Толпа бесновалась, положение отчаннюе. Марков, перекрикивая гул:

 Да если был бы тут один из моих железных стрелков, он бы вам сказал, кто такой генерал Марков.

Из толпы голос:

Я — на 13-го полка.

Марков, расталкиван солдат, к нему и за ворот шинели:

 Ты? Ну так стрелий. Пощадила пули в боих — пусть покончит мой стрелок. Толпа взмыла восторгом. И под «ура» отпустила его с освобождёнными в Минск.

Покорнейше просим в нашем 13-м тнжёлом артиллерийском дивизионе полковник билиев. родственник бывшего военного министра Билнева, убрать, который распрострвинет слухи, что иеверте свободе ети люди сегодни красный флаг, азавтра чёрный и зелёный. Депутаты ивлились, по как запуганные старым режимом бонтси говорить правду. Ещё командир 3-й батареи капитан Ванчехазе, сын Арестованного генерала Ваичехи, разгневанный выстроил всю батарею и говорит, что и Вас подведу под самые пули, что некого не останетси, нвказывал солдат безовсикой вины, которое могут подтвердит вси батарен, что он изменник Государства, и покориейше просим убрать нашего внутреннего врага Ванчехазу за старое истизание.

По желаниям, выраженным из Петрограда, генерал Алексеев понял, что Гучкову сегодня пе надо устраивать никакой торжественной встречи, а министрам заатра — напротив, надо. И он отдал распоряжение собрать заатра на вокзал штабных офицеров и публику, а сегодня поехал к полудню астречать Гучкова лишь с Лукомским и Клембовским.

Это и лучше, что Гучков приезжал прежде остальных министров, отдельно. Наперёд выступал не политический разговор, очень неприятный, но профессиональный военный.

На перрон асё же стяпулось пемного публики, кто узнал. Поезд остановился — из гучковского вагона вышло даое юнкеров-павлонов и стали часовыми у входа, отлично держась. В окнах виднелись полковники, сопровождвашие министра.

Алексеев вошёл в вагон, волнуясь: ещё живо было в памяти, как Гучков едва не погубил его прошлой осенью перед императором своими необузданными письмами, так что на некоторое время даже само звучание его фамилии становилось генералу неприятно. Не виделись больше года — и вот он приехал в Ставку не скромным краснокрестным представителем — а в полной власти. Да он и раньше казался Алексееву человеком необыкновсиным — своею всероссийской славой, отвагой, своею противотроиной дерзостью. Поэтому и сейчас не было ревнивого чувства, что это — штатский выскочка, занявший пост военного министра. Алексеев с тревогой ожидал, как на него Гучков посмотрит и что первое скажет.

Гучкоа сидел над бумагами а салопе-канцелярии, образовавшемся от разгородки двух купе. В полувоенном френче, а аид усталый. Поднялся без всякой военной подтяжки.

Алексеев отранортовал с рукой при козырьке. Пожали руки запросто. Немного полегчало: вид у Гучкова был не для разноса.

Сказали по несколько слов. Несколько слов после таких событий! Всё — ничтожно, невыразимо, пеперечислимо, а сколько уже отпечатано нв текущих лентах аппаратов...

А поздравление с запятием министерского поста — как-то не выговорилось. Но и, встречно, никакого сочувствия уязаленному Советом положению Алексеева Гучков не высказал. И унизительно было бы жвловаться ему на Совет? А может быть, это и значило, что не надо обращать внимвния нв газетные статьи?

Гучков представил песколько своих чинов. И — корреспондентв «Таймс», зачем-то сопровождавнего его вместо русского.

Фельдфебель павлонов выстроил свою чёткую четвёрку у выходв — и это был весь квраул. Промицвясь, Гучков вышел на перрон, пожал руки Лукомскому, Клембовскому, не добавил ничего — и все пошли, сели в моторы.

Этот путь по Днепровскому вроспекту за последние недели с рвзным настроением проезжал Алексеев — то в темпоте, то днём, встречая, провожал царя, и всегда с душеапым грузом. А кроме этих немногих проездок, он все три недели просидел и пролежал в своём кабинете.

В офицерском собрании был сервирован торжественный завтрвк, и все старшие чины штаба ожидали (только оставшимся великим князьям было советано не приходить). Гучкоа, здороваясь со всеми, иногда и улыбался, в был рассвян. Рвзговор за завтраком свёлся к пустякам, вполне как бывало за цврским столом.

После завтрака закрылись вдаоём в небольшой «государевой» комнате, Гучков сел в единственное здесь кресло, в котором неделю назад томился, не помещался долгоскладный Николай Николаевич. А Алексеев — сбоку, разложив на зелёном сукне стола начку звготовленных бумаг.

И пять карт фронтов висели на стойках позади их спин, но не пригодились, не дошло до направлений и стрелок.

Алексеев начинал переговоры с правительством — неравным цартнёром: и от передвижки всех событий и властей, и от улюлюкающей травли Совета, и от ослабления армии, и ещё не утверждённый в своём посту; — начинал гораздо неуверенней, чем бывало раньше рядом с расположенным, всегда доверчивым императором.

Раньше военный министр совсем и никак не командовал Ставкой. А сейчас — не могло возникнуть и мысли о неподчинении Ставки министру.

Однако в последние дни и даже часы, проведя важные консультации с главнокомандующими, обменявшись подробными телеграммами, Алексеев пришёл к неожиданному выводу, который укреплял его по отношению к правительству.

Консультации были: на что способны, что могут планировать наши фронты в ближайшие недели и месяцы? И, кроме Кавказского, из четырёх спрошенных главнокомандующих один только Рузский — три дня назад просивший четыре корпуса в подкрепление, имеющий даукратное численное превосходство над противником, а желающий трёхкратного, — только он ответил пессимистически: вековые устои сброшены, новые не созданы, отношения налаживаются с трудом, в запасных частях крайнее расстройство, новых комплектований нет и не будет, дезертирства даже подсчитать нельзя, в одном 171 запасном полку не досчитывают 4 тысяч человек, — для нас возможна только оборона! — на подготовку наступления нет сил. Перед союзниками же следует объяснять поздпей веспой и распутицей.

И Алексеев, тоже мрачно видя армейское положение, был с тем согласен. Да от Рузского он и не хотел бы наступления, трудно добыть линию лучше, чем Двина.

Но тут же вослед, с Западного фронта, где временно главнокомандовал старин генерал Смирнов (с которым Алексеев как раз хороно действовал в выгусте 1915 при окончательной остановке пемцев),— пришёл бодрый ответ совершенно противоположного смысла. Он уверенно писал, что если паше политическое расстройство отнимет у нас способность наступать — то тем более опо отнимет у нас способность обороняться: на оборону надо никак не меньше сил и средств, но их придётся рассредоточить на фронте в 1650 аёрст, пе знан, где немцы нанесут удар, а при наступлении мы сами концентрируем их а назначенном месте, и при нашем ныпешнем педостатке притекающего снаряжения и пополнений — именно это и легче. Лучше наступать, даже без полной уверенности а успехе, чем обречь себя затыкать угрожаемые места. При неудачном паступлении мы в худшем случае останемся на том же месте, а при неудачной обороне мы будем отступать хуже, чем в 1915 году,— по чисто-русской земле и ближе к жизненным цептрам страны. Напротив: чем скорей мы втинем войска в боевую работу, тем скорей они оталекутся от политических увлечений. Да обязаны же мы и помогать союзникам, опи вправе ждать пашей помощи.

Михаил Васильич был поражён не самими этими простыми доводами, а — пасколько же его в намороки отшибло за эти недели, что подчинённый должен ему объясиять прекрасно ему самому известные принципы стратегии. Так он был травмирован революцией, что потерял яспость азгляда. Да больше всего приходилось общаться с Рузским, а Рузский-то и нагоннл папики. Да и правда же Балтийский флот развалился, — и едаа освободятся ото льда Финский и Рижский заливы — какой может быть удар по нашему правому флангу?

Но и тем более, значит, чем этого ждать — лучше самим избрать наступление а центре. А если Гурко примет Западный фронт — то, зная его: он ещё резче будет требовать того, что сейчас Смирнов.

А ответил Брусилов — и пришлось Алексееву покраснеть ещё больше. Когда две недели назад решался вопрос об устоянии армин против революционной заразы и ещё можно было всё спасти — пменно Ерусилов (с Рузским) мешал собраться совещанию глаанокомандующих. А тенерь он собрал своих четырёх командующих армиями, и их военный совет решил даже единогласно: армии желают и могут наступаты! Настувление вполие возможно! Реаолюционное даижение не отразилось пока на правственной упругости и духе вверенного мне фронта, тлетворное влияние пропаганды скажется лишь при долгом бездействии. Мы перешли к повому порядку а полном спокойствии, вопрос внутренней политики для армии должен считаться законченным, и никаких больше партийных влияний. Пассианый образ действий убъёт настроение, подорвёт веру в высших начальников, войска будут возмущены их бездействием и исчезнет дисциплина. Так же уверен Брусилоа, что и военный министр преувеличивает падение правственного уровин запасных частей: влиааясь а боевые части, они тотчас укрепятся. А первая даже пебольшая победа ныловет воодушевление всей России, патриотизм поднимется и напрягутся все силы государства. Да победа нужна нам и для того, чтобы не подораать веру союзников в нас, иначе они поставят нас а изолированное положение и лишат денежных иредитов. Да победа нужна иам по самым общим соображениям: 1917 — несомненно последний год войны, и как же можем мы закончить бесславно? Конечно, риск есть, -- но во ограниченности ресурсов мы выпуждены сузить фронт прорыва и масштаб настувления. И просит Брусилов не предпринимать никаких шагов в смысле отказа перед союзниками от аыполнения паших обязательств. Наступление наше возможно начать а первых числах

Да так же педавно думал и Алексеев! Именно так оп и писал 9 марта французам: наше наступление начнётся а первых числах мая. Но потом подрезал его первый же Гучков, что правительство пичего не значит без Совета, ничем не распоряжается, не будет ни пополнений, ни снаряжения. И затменной головой Алексеев написал союзникам 13 марта, что наступление не может начаться раньше июня-июля. И а какое же глуное положение, оказывается, он поставил не только себя, но всю армию и всю Россию?

И даже, вот, нерешительный Сахаров, ещё перепуганный асеми румынскими расслаблениями,— и тот ответил, что склоняется к небольшим активным ударам!

И: все главнокомандующие подтверждали, что гурковская зимняя переформировка дивизий была успешна, ноаые дивизии не уступают старым и уасличилась наша мобильность.

И всё это сложилось у Алексеевв — буквально за несколько часов до приезда военного министра. И когда теперь они с Гучковым уселись в государевой комнате для разговора — Алексеев, очнувшийся в своём прежнем убеждении, мог уверенно докладывать. Что морально неустойчивые войска лучше применимы в наступлении, нежели а обороне. А патронов, снарядов и укомплектоввний для обороны требуется никак не меньше, чем для наступления. По нынешнему нравственному настроению войск и по глубине театра

дейстпий ивше отступление теперь было бы губительно, грозней, чем в Пятпадцатом году. Мы не смеем обречь себя нв оборону или отложить нвступление до июня-июля. А от первых успехоа будет всеобщее воодушевление, и — надеется Алексеев — исправится ныпешнее недобросовестное поведение рабочих Петроградского района.

А Гучков, по мере того как всё это слышал,— поднимался плечами, выравнивал спину, поблескивал пенсне с растущим удовольствием, и возвращался к нему прежний задористый вскид головы. И даже охотно принял брусиловский упрёк, что военный министр преувеличивает нравственное падение запвсных частей. И легко соглясился с бурчанием Алексеевв — не дввать просимых четырёх корпусов Рузскому. Им-то двоим, здесь, было хорошо понятно, что все те шумные заявления их об угрозе германского наступления на Петроград были дуты, лишь для вразумления столицы и подтяжки дисциплины в ней.

Но теперь, укрепясь против министра, Алексеев не мог не спросить: а как же — сам министр? само Временное правительство, если, писал Гучков, оно располагает властью

лишь в пределах, допусквемых Советом?

Одпако, вот, повесслевший Гучков ответил совсем другое: то было нвписвно в мрачную минуту. Обстоятельства пестабильны, да, но не так страшен чёрт. Постепенно улаживается.

Можно было это понять и так, что правительство защитит Алексеева от трввли Совета?.. Гучков пе сказал прямо. И генерал постеснялся спросить прямо. А так:

 Значит, Ставка в саоих действиях может реально учитывать только директивы правительства?

Да, конечно.

И есть надежда, что правительство обеспечит высылку маршевых рот из петроградского гарнизона?

Да. Да.

Пободревший Гучков объяснял имеющее ныне быть соотношение между ними. Английская система: за Ставкой — только техническое выполнение чисто-военных задач, а общие директивы — от Временного правительства. Некоторые прежние высшие функции Ставки теперь перейдут к военному министерству. Генерал Алексеев останется в качестве Верхоаного Главнокомвидующего. Лукомского придётся убрать, дв и Клембопского оставить только на переходный период.

Не в силах был Алексеев тут спорить, да и не сжился он ни с тем ни с другим. Да не всё ли разно, с кем работать, если делаешь всё сам? По своей постоянной форме работы он и не

нуждален ии в ком.

А начальником штаба Верховного предполагается назначить генерала Деникина, отличный боеаой генерал, Гучков надеется — Михаил Васильич не будет возражать?

В такой форме и так поздно спрашивали — что ж теперь спорить?.. (Отличный боевой геперал? — так и место бы ему на своём корпусе...)

Caxaposa— в отстааку, после его рыданий над падающим императором, заменим Лечнцким.

Но Лечицкий уже отказался принять Западный фронт.

Ну а Румынский, свой, примет.

Да переставлять, переставлять — владело Гучковым неутолимое желаиие. Командующих арминми из четырпадцати хотел сиять чуть ли не пятерых! да командиров корпусоа — полтора десятка! да начальников дивизий десятка четыре! И верил, что от этого наступит бодрящее настроение среди воинов.

Сидел штатский хромуля — и рвался пройтись ураганом по командному составу. Как будто есть лучшее соответстаие, чем когдв человек привык к своему посту и к нему при-

выкли.

Для постоянной связи предполагается держать при Ставке представителей от воепного министра.

Когда бывал такой представитель? Зачем?..

Но выбора не было. Разве Алексеев — условно оставляемый, как быть не назначенный, да при арестах ставочных офицеров, тень на всю Ставку, да яростно атакованный Советом и не защищённый правительством, — разве он был в позиции возрвжвть против этих или даже удвоенных реформ? Он должен был проглатывать и своё унижение, и дикие постановления позорной поливановской комиссии, да ещё узнавая их готовыми из газет.

638

От того, что правительство разрешило Шингврёву готовить хлебную монополию — бремя его только увеличилось, а колебания не остввили. По всей логике дела, монополию надо было вводить. У прогрессивной русской интеллигенции всегда было убеждение, что государственное регулирование имеет преимущество перед частной инициативой, только в кадетских кругах высказывалось, что бюрокрвтическое государство не сумеет регулировать рационально. Теперь же, когдв на Руси возникла свободная государственность,—

теперь-то, кажется бы, регулирование и начать! Все воюющие страны твк или инвче уже откалывались от саободы торговли. И перед всеми глазами — блистательный образец германского регулирования. Так почему ж отставать России?

Но Шингарёв сердцем ощущал нечто выше логики: хлеб азрастил земленашец, в государстви клало руку: всё моё! И хотя это делалось для пользы всех этих же земленашцев, всей этой Руси соединённо— а было содрогновенное чувство роковой черты. Но только другу своей юности, взятому в заместители, да Фроне Андрей Инаныч об этом говорил— никому более в министерстве, ни тем более в правительстве: это был, конечно, реликт сознания, который надо отогнать.

Как отец семьи не может жить и спать спокойно, зная, что семье грозит голод,— твк и Шингарёв теперь стал чуть не отцом всей России: за всякий голод в ней отвечал он.

Простой сельский врач, как ни рачительный о крестьянах,— думал ли он когланибудь, что станет главным аершителем судеб всей русской деревни? Что окажется тем главным человеком, который должен накормить всю Россию? Финапсы, оп видел теперь, была придуманиая для него отрасль. А министр земледелия— он был, кажется, настоящий, уж по всей душе.

Да он рад был, да он горд был, что это так. И крикнуть хотелось: Милая! Нотерпи! Ещё немного поднатужься и помоги — вот сейчас! А мы Тебе скоро асё воздадим.

Но, Боже, какое бремя! — опо ощутимо гнуло и проваливало плечи, и со дня на день становилось всё тяжелей.

Тем временем сведевия о проекте монополии попвли в гвзеты н обсуждались там, министра предупреждали от возможных опибок: спешное введение монополин может отразиться с плвчевностью. Посетила Шингарёва и депутация от хлебных фирм. Эта настаивалв, более того: в Германни хлебв педостаёт, в у нвс много, и введение монополии у нас — бессмыслица. А учёт запвсов, напротив, у нвс и труден, и не умеем мы. Фирмы нвствиввли вообще отменить твёрдые цены и отменить все звпреты на передвижение хлебных грузов по железным дорогам: только тогда Петроград получит неограниченно хлеба. Да и ясно, что только выгодные цены на хлеб могут подвигнуть и к полному звсеву в будущем.

И это было во многом верно! Но нв колебательные размышлении не оставалось уже ин дия: проект уже разрыбатывался в министерстве и неизбежно катилси к утверждению — и министерство предусмотрительно уже отбирвло себе даже вернохрвинлища у Петроградского банкв. Шингарёв провёл несколько заседаний комиссии по рвзработке монополни, сегодия работа была почти окончень — и только предстояло ещё пропускать её через Продовольственный комитет, где Громан будет миого портить. (Громан нёс бестолковщину на каждом шагу, странно, что раньше думцы не замечвли его ограниченности. Теперь он вообрвзил себя как бы вторым министром продовольствия, от Совета, оккупировал и сам кабилет Шингврева, поственл стол в середине компаты, контролировать министра. За тем столом сразу по пять человек курнли — в Шингарев, не курнлыщик, авдыхвлся от дыма н страдвл от шума, — а неудобно было выставить.) Уже было установлено: что весь сохранившийся в зерие хлеб прошлых лет, хлеб 1916 года н будущий 1917 — поступает на учёт н в распоряжение государствв, отчуждвется им. Владольцам хлеб остввляется лишь по нормам: для обсеменения, для прокормления себя — пуд с четвертью нв душу в месяц (почтн петроградская норма), сезонных рвбочих, скота — нормы должны быть подробно разработвны губерискими комитетвми, учесть местные условня, род сеялки, дни усиленного в пеусиленного труда квждой лошвди, я молодияк скота отдельно от взрослого, н род кормв, и род круп. Всякий владелец обязан объявлять количества по видам и меств хрвиения своих звивсов. Порядок и сроки сдвчи хлебв (по твёрдым ценам) определяются местными продовольственными органами, они же проверяют заявленные данные. Кто отказывается от добровольной сдачи — у того производится реквизиция по особым правилам, по сниженной цене. Обнаруженные же скрытые записы отчуждаются в пользу государстви по половинной цене. (Очевидно, у местных продовольственных комитетов для этого должны быть с илы, физические.) Также обязательня для влядельця доствяка хлеба на ствицию, пристань, а до сдачи - хрвненье и ответственность за сохранность, в веобмолоченный должен быть обмолочен за счёт владельца. Где нет элеваторов — сушить зерно в хлебозапасных крестьянских магазинах, в частных помешениях.

И ведь не предстояло оствновиться па монополии рвспределять хлеб. Очевидно, при войне, это втянет и глубже: государство должно будет снвбжвть инвентарем, рабочими руками, удобрениями, кредитом. Подчинить государственному регулированые и мукомолов. А там — регулировать и всю промышленность, и транспорт...

А покв — надо было успевать поворачиваться и распоряжвться как под артиллерийским огнем. В Петрограде — ввести хлебные карточки! (Хотели — с 18 мврта, но яе успели с переписью населения и не напечатвли бумажек, твк будет с 22-го.) Телеграфировать во все губернии, чтобы вводили хлебные карточки и там. В Петрограде — запретить всё кондитерское и конфетное производство, выпечку сдобного хлеба, бисквитов, пирожных, исключение для одних куличей под Пасху. Встречный вопль: но у нас педоработвиные запасы! Хорошо, нв доработку запвсов — месяц, и всё закончить после Пасхн. Ввести кврточки и нв фураж для лошадей, взготовлять для них галеты из жмыхов, отрубей и негодной муки. Завал овсв у одних породистых на нпподроме, — твк звкрыть в этом году беговой и скаковой сезон в столицах, в коней отправить прочь. Не упустить распорядиться и о быстром подвозе ниц в Петроград из Киева. А тут — гряиулв забастовка ломовых извозчиков: требуто 8-часового рабочего днн. И сразу создался звтор в разгрузке прибыввющих продуктов, и без того звдержанной в революционные дни. А подходило ещё полмиллиона пудов мяса из Сибири — и если

его не доставить тотчас на холодильники, то всё придётся выбросить по начаашейся оттепели. Кого же просить? Только Соает рабочих депутатов, чтобы повлиял на ломоаиков.

А тут еще: старшие чиповники министерства стали подавать в отставку, и особым распоряжением на днях Шиниарёа новелел асем оставаться на местах. А младшие чиновники аместо полнодушевной работы занялись созданием республиканского клуба при министерстве. А петроградская Продовольственная комиссия (уже теперь — комитет), заняа недурное здание биржи на Кронверкском, посягала получить Аничкоа дворец. Пользуясь тем, что ещё ие создан общегосударственный Продовольственный комитет, она без дела мешалась и лезма в каждое распоряжение министра, будучи сама никто — призрак революционных дней. Хлеба они не доставали, но при изобилии а петроградских холодильниках битой птицы и мороженой рыбы (раньше о них и не гоаорили, как о подразумеваемой мелочи) — разрабатывали принудительную таксу именно на эти продукты, что грозило перерывом и а этом снабжении.

Не голод — голод ещё нигде не наступил, его только боялись, — но министр земледелия, поспевая с сегоднящим продовольствием, должен был поспевать готовить и урожай Семнадцатого года, и урожай Восемнадцатого. Продовольствие и земледелие вместе — это и значило: ася Россин на плечах. С юга на север асползала грознан черта распутицы — а за распутнией и за подсыханьем так же неотступно катило с юга на север аремя посева. А с осени не пахали под нровое, не хватало рабочих рук. На юге полевые работы вот уже начались — и не хватает рабочей силы, инвентаря, семян. И как убедить крестьни довериться, что в будущем им не грозит отобрање зерна, это только сейчас такой острый момент, — и убедить их сенть усердно? Онить же — возлвание. (И Родзянко то и дело катит свои вольвания, попимает: «засевайте полн! хлеб будет куплен правительством по необидной цене!» Уж по какой там будет куплен, по — засевайте, родные!) А ещё воззвать к горожанам: воздельвайте сами огороды! А сщё возлаать к городским самоуправлениям: выдавайте льготную землю под огороды! Использонать земли коноплиниников, цветников. Создать парники рассад, отпускать семена. Каждый, кто вырастит хоть нуд овощей — облегчит продовольственное бреми России! Департамент земледелия будет рассылать коллекции семян, брошюры по сушке, квашенью, засолу.

Весиа идёт! И министерство земледелия должно успеть помочь посевам, а необычной обстаиоаке третьего года аойны и второго месица революции. Инаентарь? У кого нет денег на покупку — дли тех устроить коллективное пользование. Снабжение семенами а долг. (Дли асего этого тоже потребуются особые органы по всей России.) Разъезжающих депутатов Думы Шипгарёа по-дружески изгружал заданиями: обследовать посевные площади и помочь. По главное — это рабочая сила. Вот, пе решаются брать инородцеа не то что на войну, но даже на рытьё оконоа — а тогда осаободились бы крестьяне прифронтовой полосы. (Впрочем, и сарты нужны на хлопке.) Кипулся к Гучкову: в тяжёлых местах разрешить крестьпнам отсрочки от призмав. И — дать военнопленных, и дать воинские команды на номощь земельной обработке — ведь занасные поинские части по асей Россив инчего пе делают, пусть помогают местпому сельскому населению! И ещё же у нас — 300 тысяч учащейси и иоподёжи, такой активной и реиолюционной, а вот разъедутен на каникулы — как их потом собрать и использовать? Уже теперь собрать в друживы, инструкторам обучать их земледелию...

И во всём этом книн — ни минуты не забывать, что посеавую площадь надо поддерживать в для будущих лет. Не прекращать ни обследовательской работы, ни статистической, ни мелиоративной.

Андрей Иваныч едва не шатался. Он не высыпался уже чуть ли не месяц, был измучен, пригнулись илечи, нотерил неизменную бодрость.

Но и это всё — было не исё! Всё, нсё это, что он делал, мог сделать и Риттих при своём налаженном анпарате, не хуже. А министр земледелия революционного правительства должен был ещё — и ирежде того! — дать крестьянам землю, многолетие обещанную кадетами!

Несчастная эта прежияя пропаганда о земельном переделе! Какой сейчас передел? Начни сейчас передел — и остановится последнее снабжение городов. Но ие только не время им запяться и свл цет, а вот изумление: самой этой необъятной земли для раздачи в России не обнаружилось! Оказывается, даже всю казённую и помещичью землю разделив — а иных губериннх чельзя добавить крестьянину и одной десятины. А все те завидные обещанные десятки миллионов десятин оказались тайгой да тундрой. И не то чтоб это было трудло развидеть раньше, статистика исегда же была доступна, но и спешке и накале борьбы со старым режимом кадетские умы и другие интеллигенты, занятые земельным вопросом, не вникли и не взялись объяснить неистовым передельщикам, да ведь и специалистов всегда не хаатало в партии. Что такой земли нет -- всегда говорил Столынин. — отвергани. Посмотреть думские протоколы — так и Шидловский в Восьмом году докладывал об этом Думе, — страстно отвергали. Так пронеслись, как в завороженном спе, - и очнулась теперь, после революции, когда иришло практически делить, и оказалось: три четверти земли и так уже у крестьян. А о н о уже само не ждёт: о но, грозное, уже первыми дымами подожжённых помещичьих усадеб завиднелось то в одной губернии, то в другой. Да ведь и должно было полыхнуть, и должно было заклубиться, этого и следонало ждать!

Ах, что бы вам ещё потерпеть, мужички! Что бы вам потерпеть ещё один годок, еще этот один последний годок — пока Временное правительство укрепится, кончит войну, созовёт Учредительное Собрание...

Нет, теперь-то они и не хотели подождаты!

Что там кипело, в деревенской темени, даже представить было трудно, в предотвратить — нет сил никаких. И несколько дней назад Шингарёв разослал и ноззавание к кооператорам: своим нравственным влиянием — не допустите погромов, поджогов, грабежей,

истребления запасов! Хорошо ещё, что пламенные эсеры сегодня отступились от поджогоа и разделов: теперь сами призывали крестьян ждать до Учредительного Собрания, а пока увеличивать хлебную продукцяю, обсеменить неиспользуемые помещичьи земли. С этим и правительство было согласно: пустующие казённые и помещичьи земли обрабатывать без нарушения принципа собственности.

А сегодня пришла и тревожная телеграмма от московского сельскохозяйстнепиого общества. Под вестями о начавшихся крестьянских беспорядках они тоже торопили:

издайте срочное воззпание!

Да! И тут пичего пе находилось срочней и действенней, чем прямое воззвание. И Шипгарёа сразу пачал его пабрасывать. Но предрекать и обещать, в какую сторону земельный вопрос будет решён,— этого ни министр земледелия, ни Временное правительство не смели, это было бы неуважением к будущему Учредительному Собранию. Можно только писать, что вообще вопрос будет подготавливаться, вот начнётся разработка материалов.

И на сегодняшнем заседании правительства Шингарёв держал перед собой прогит

ноззвания, ещё меняя и дописывая.

Заседвние было на редкость пудное. Четверо министров прямо отсюда ехвли на вокзал и мечтали отоспаться хоть в вагоне. Всё текло кредитование, все просили кредитов: впутренних дел — кредитовать пособия освобождённым квторжанам и ссыльным, юстиции — ещё нолмиллиона также и лицам, покровительстнующим освобождённым, путей сообщения — 15 миллионов на продолжение дороги до Квидвлакши и покрытие перерасходов, просвещения — 2 миллиона на суточные и другие перерасходы, торговли-промышленности — 5 миллионов на перенос рысистых иснытаний в провинцию...

И Терещенко важно кивал, кивал, записывал, нисколько не возражал, как будто

деяьги у него были немерянные.

Стал Шингарёв докладывать саоё воззвание — волновался: недь знаменательный исторический момент для Россин, либеральные круги впервые сами останавливают крестьянскую мечту!

Но министры не заметили ничего необычного. В той же дрёмной текучей манере согласились, без прений и понравок.

А Некрасов, как проспуашись, сказал свежим голосом:

— Это идея! Я тоже такое воззвание напишу, от имени пранительства. На станциях солдаты бесчилствуют — нет управы. Насильничают над железнодорожными служащими, переполняют поезда, — а если ось лопиет, да крушение? Напишу.

ПОДУМАЕШЬ УМОМ — ГОЛОВУШКА КРУГОМ

• • •

639

Жить оставалось только надеждой, что через месяц-дав неё устоится, угомозится — и боеспособность армии носстановится. Но по всему, что капитан Клементьеа нидел а своей батарее и слышал из окружающей пехоты, — солдатское настроение, напротив, раскачивалось и стало такое перемениое, что у офицеров опускались руки. За порывом тёплого разговора — тут же какая-нибудь дикая выходка или недоброе слоно, дослышанное. Пойдёшь от нечего делать пушки осмотреть — из землянки выглядывают, бурчат: «Вот, заноза, дырку в целке ищет.» И что было правильно: тотчас же пытаться поставить ослушника на место — или не замечать и ждать, что сами убрыкаются?

От начальства получить указания было не от кого. Командир дивизиона продолжал линяю, что революция — к лучшему и нас спасёт. А командир батареи, и всегда-то широкой илывучей комплекции с расилывшейся лысиной на голове, — ещё разрыхлился, расслабился и у себя в землянке всё раскладывал пасьянсы.

— Да-а-а,— говорил с сожалением или завистью.— Теперь многие офицеры отпрашинаются в госпиталь. Собирался и я заболеть, да совесть не позволила. Если б не долг нойны — взять дв и уйти, пусть управляются сами. Но надо всё-таки, знаете, спасать Россию. А с кем, спрашивается, спасать, если солдаты из околов убегут? Уж вы, Василь Фёдорыч, прошу, держите батарею, — ны молодой, духом крепкий и происхождения народного, к вам доверия солдатского больше. А нам — теперь трудно стало с солдатами разговаривать. Хоть и признали мы безропотно новый строй — в нсё бесполезио.

Не он один отошёл — как-то вообще офицеры разъединились перед солдатским недоверием, перед газетной пакостью. Соединённые годами войны — теперь адруг разроа-

нились, не было дружных решений, не было единства мнений, каждый сам избирал линию повеления.

А солдаты, пожалуй, наоборот: они теперь искали будущего все аместе. Черпобородый мрачный медлительный Хомутов выразил это так:

— Теперича свово обчества надо держаться. Ежели чужим будешь, храни Господь подранят где,— на перевязку не подхватят. Санитары теперича а очко режутся.

Безработные санитары резались в карты, да, но и свой батарейный ветеринарный фельдшер не только перестал опекать ковку лошадей, но где-то в близком тылу наладил самогонный аппарат, сам был пьян и других угощал, ездовых.

Фельдшеры — это была известная обиженная категория: 4 года они учились, в получали только унтерский чин. И все их зовут на «ты». И в мирное время ещё 6 лет должны были служить — куда после этого пойдёшь? Всегда недовольные, завистливые к офицерам, они теперь и потянули в революцию.

Клементьев нагрянул к фельдшеру, аппарата не нашёл, но самого застал в дымину

пьяного: с койки поднялся, но шатался, и весь растрёпан.

- Вы знаете, что пить спиртное на передовой запрещено? отчитывал его капитан.
- Эт-та остатки царских приказов! отмахнулся фельдшер неровным движением.— A мы теперь держим новый режим!

— А кто вам разрешил стоять вольно?

— А я смирно никогда и не умел! А теперь наша взяла — чего тянуться? Власти у вас уже больше нет, котора была при царе. Теперь каждый — себе голова! Не Девятьсот Пятый вам год! — не повесите, не расстреляете...

Уже и остановить его было нельзя, на пять слов капитана вываливал полсотни своих.

— Да не боюсь я и даже Бога!.. И вся сознательная пехота на моей стороне!

А на поясе, на шнурке, висел у него финский нож.

И ушёл от него Клечентьев ни с чем, с позором и бессилием.

И что, правда, он мог сделать? Никаких наказаний у командиров не осталось. Он только мог просить батарейный комитет рассмотреть дело этого фельдшера.

Если комитет ещё что-то решит.

И если фельдшер раньше того аремени сам не дезертнрует прочь — кто его теперь тут удержит?

Этой фельдшерской исторней капитан Клементьев был ранен горестно: дв. вообще -

теперь всё возможно, и такое. Но - в нашей батарее? Но в нашей!...

Как туча мрачный, возвращался он от фельдшера на бвтврею. Как же оставалось упранляться? Только фейерверкервми: они не стесиялись ругать своих по-прежнему

н ругиёй заставляли поворачнааться.

Но вернулся на бвтарею — ждало его не приятией. В землянку к нему постучали. Впустил. Вошли Прищенко и Евгрвфов — по близкому без шинелей, но и без шапок, как инкто не ходит, и в отхожее место шапку ивдевают, — а затем, наверно, чтоб не козырять? нли чтоб не синмать их? Вошли — набавляя себе больше значения или смелости — Прищенко поддуваясь, Енгрвфов покачиваясь.

Что, ребята, скажете?

— А вот, господни капитан, — начал конечно Евграфов, как городской он всегда был для разговору первый, начал насмешливо позвенивающим голоском, — есть нопрос хозяйственный. Отрегулевать надо.

Мог бы Клементьев — да время тому прошло — указать на устав: что надо обращаться через своего фейерверкера. Да ведь Прищенко теперь и член комитета, куда же старше.

- Хозяйственные вопросы ны теперь на комитете и решайте, попробовал отвести канитан. Или с фельдфебелем, как положено. Никита Максимыч и хочет, чтоб вы всё кухонное и одёжное свми отпускали.
- Нэ як, господин капитан, возразил Прищенко, у него и движение рук стало важное, да не по швам они и висели. Фельдфебель тут нэ прикасается, тут господов офицеров дило.

— Ну что ж, — вздохнул Клементьев. Сам сидел и их пригласил. — Что ж. Выкладывайте.

Так вот: прослышали они (только писаря и могли их натравить), что в батарее есть такие «економические деньги». Так — отчего от солдат их скрывают? Почему не объявят и не поделят?

И смешно, и тошно.

— А вы знаете, братцы, что это зв деньги? Их от вас никто не отбирает и никто не скрывает, они проведены по книгам. Такие суммы установлены аж от времён Петра Великого. Если батарея сэкономит по сравнению с казённым отпуском, например получит фураж, а прокормит лошадей на подножном корму,— так вот она имеет экономию. И может тратить её на батарейные нужды, для вас же. Вот например всем вам куплены непромокаемые плащи, а в других батареях ведь нет. Это — на эти деньги. Они и есть для вашей нужды.

— А вот как раз тенерь, господин капитан, и нужда! — ловкой приказчичьей скороговоркой перехватил Евграфов. На его непоросших щеках девически-гладкой кожи проявился румянец. — Нужда теперь эти деньги по нижним чипам разделить, на питанию, на кто что хочет.

— А вот это — пикак пельзя, — возражал капитан рассудлино. — Такого порядка —

нет, командир батарен не имеет права. Но вы - будьте спокойны.

— Никак не можем быть спокойны, господин капитан! — ещё больше румянился Евграфов, по только не от стеснения. — Тревога нас гложет. Мы к вам — не от себя, мы — депутатами от народу.

— А вот, — словил Прищенко капитана на прищур глаза. — Цим литом распорядывся фельдфебель нам сино косвть, тамочки, биля второго резерва. Нам и не в голову, мы скосили — а ить ниякой доли с того не ймали. А нонче вот докурлыкиваем: то ж не служба военная була, то ж економия, а на нашем горбу? Так с того — нам полагается получить?

Оспой изрытое его лицо всё было захвачено этими ускользающими деньгами.
— Пет-нет, господин капитан! — семенил языком и Евграфов. — Надоть хозяйственные книги всех прошлых лет проверить нашим денутатам. Може нас обворовывали? — а мы скудаемся.

Такой разговор, такие подозрения вслух — быть не могли две недели наззд. А сейчас Клементьев хоть бы и рассердился — не мог ни крикпуть на них, ни выгнать, ни даже и отказить.

Но рассердился он только на нисарей, за их ядовитую болтливость. А эти ребята — что ж... Клементьев и сам знал но своему голодному нищему детству, как легко в обездоленьи питается нодозрение и зависть к высшим.

Этим — что ж, он обещал: доложить, добиться, комитету покажут и хозяйственные книги, отчего же. Даже и хорошо, что комитет этим займётся.

Он-то знал, что в батарее всё чисто, но закону.

Только — ведь они на этом не уснокоятся, будут и дальше, и дальше изседэть, смотришь, и оперативные иланы потребуют.

Дожила наша армия!..

А вскоре после инх ворвался в землянку угольнобородый с горящими глазами фельдфебель Пикита Максимыч. Ему бы вот и рассказать, пожаловаться насчёт нисарей и хозяйственных книг,— но мрачно его принесло, и своим запятого.

Такого и не бывало: не спросясь по форме — илюхнулся на табуретку, шапку скипул с хлопом и голову свою чернокудлую подпёр об стол локтями, как какой Пугачёв. И сидел во мраке, отдышивался.

 Что с тобой, Никита Максимыч? — даже испугался капитии. Что-то он, андать, учинил.

- Ничего не знаете? - дохвул как по-ньяному, а воздухом тревлым фельдфебель.

— Heт.

- От начала не знаете?
- Heт.

Пу, хорошо. Тревожились меньше.

И сам тоже не тороннлся говорить. Вытянул по столу руки, привычные к власти. Ладони потёр.

Схлониул ими.

Посмотрел из мрака, исподлобья, из-под пугачёвской космы:

— Этой почью из обоза второго разряда укатили два конюха — Клёцкин и Безбатченко. И прихватили два мешка мукн. Мне доложили пасвету, я — за ними верхом, на Черпогузе. И догнал подлецов на боковом просёлке! — Глаза его сверкиули царским гневом. — Лошадей у них — отбил, повозку. И муку отобрал.

Бесовство в глазах запрыгало:

А сачих дезертиров — не-об-на-ру-жил. Безо них воротился.

- Как?? уж и зная Никиту Максимыча, не понял Клементьеа. Как же так не обнаружил?
 - Вот так, не обнаружил! по усам, по бороде сухо и грозно утёрся фельдфебель.

Твк ты... ты...

— Я ж один был, а их двое! Ещё я их в госпиталь повезу, сволочь такую? На дороге оставил.

640

Господи Всевышний! Мы ещё смеем скорбить, мы ещё смеем жаловаться! Да оставь нам живыми наших детей!

Как тяжко, но и — промыслительно, но и — объяснительно налегла болезнь всех пятерых детей на эти чёрные дни трона и царской четы. Уже три недели болезней, Ольга и сегодня не поднялась, а приноздавшие Мария и Анастасия вот погрузились в новую

бездну жара, у Марии 40,9, дышит из кислородных подушек, у обеих — воспаление лёгких, оглохли обе от воспаления ушей, Анастасию рвёт, Мария бредит. Обе лежат а тёмной комнате, и уже совсем измученияя Аликс подле пих.

Сграх был: что Мария умрёт. Очень плоха. Всё колебалось на весах Госнодних.

Много раз в день молились.

А наследник в этот раз проболел легче асех, вот уже выздоровел, и даже бегал. Из-за своего всегдашнего нездоровья, оттого отставания в занятиях, он был моложе своих тринадцати лет: вот забывался в играх ото всего отречения, от исех изменений, совсем ребёнок.

А Татьяна, тоже уже па ногах, самая гордая и замкнутая из сестёр, со скорбным лбом,— напротив, всё усвоила, ничего не забыла ни на минуту. Да ведь, Господи, уже взрослан женщина, уже за двадцать ей, а Ольге и за давдцать один. А что теперь ждёт вас,

девочки, какие и где жепихи? Теперь и румынский принц откажется.

В положении семьи можно было ожидать только ухудшений. Отвечено было, что ни Льаов, ни Гучков, которых просил приехать государь, — не приедут. Вместо того приезжали правительственные комиссары — проверять, как выполняются ииструкции содержания узников. Объявлено было, что по недомству бывшего Двора и Уделов комиссаром назначен Фёдор Головин, когда-то гнусный председатель Второй Думы, потом капиталист, концессионер дороги на Екатеринбург, язвительный, мелко самолюбивый и ненавистник государя. В его руки теперь нонадали и все дворцовые службы, и о содержании вдовствующей императрицы предстояло ходатайствовать тоже перед ним.

А судя по газетам — происходил поворот асё больше а сторопу обаинения императорской четы, грозили следствием и судом. Предстояло практически думать: кого брать

защитником? Кони?...

У коменданта Коцебу возникли неприятности от начальства. Очевидно, были доносы на него от дворцовой прислуги и от солдат, что он слишком благоволит к узникам и даже дружески обращается, — и как бы не заменили комеиданта.

Очень будет жаль. Всё больше понимали арестованные, что режим содержания гораздо больше зависит от лиц, чем от инструкции. Когда а караулы попадали хорошие офицеры, солдаты — сразу чуастаовалось а быту и на прогулке отношение другое.

Но эти, кто доносил, -- зачем же не ушли, остались служить? Для взмены?...

Между тем подробио печатали газеты речь германского канцлера Бетмана-Гольвега. Читая её, Николай заметил, что газета дрожит а руках. Это было — пераое германское публичное высказывание после переворота. Для Николая это было — как голос самого Вилли.

Уже двано, три года, асё сердечиое было порвано между иими. После коварства Вильгельма в июле Четырнадцатого — они стали араги насмерть и навсегда. Но — столько лет дружбы невозможно было выскрести из груди и асё забыть. И а минуашие дни иетнет да асходила мысль: а что теперь Вилли? Что думает он о падении русской монархии? И — начинал ли бы оп войну, если б это всё предвидел?

И вот — пришёл от него ответ на всё. Речью канцлера.

Царь пал жертвой своей трагической вины: он попал под влияние держав Согласия. В Девятьсот Четыривдиатом он остался глух к напоминаниям Вильгельма о вечной дружбе. Россия прикрыла преступное сербское нападение на Австро-Венгрию. А в декабре Шестнадцатого первая из наших врагов с презрением отвергла наши мирные предложения.

Беспросветно. Беспролазно. Никогда не объясниться. Но — дальше??

Германия никогда не поддерживала реакционный русский режим протин освободительного движения. Император Вильгельм всегда советовал Николаю II не сопротивляться реформам. (Да напротив же: он советовал не опускать повода, никакого соглашения с мятежниками, а грянуть речью к народу из стен Кремля.) Царь не послушал его советов. Трудно выразить даже чисто человеческое сочувствие павшему царскому дому. Вздорны слухи о намерениях Германии оказать содействие в восстановлении аласти царя.

Боже, как он ожесточился... «Трудно выразить сочувствие»...

Суди тебя Бог, Вилли.

Впрочем, надо вспомнить честно: и Николай же ожесточился. Обещал Палеологу, что лишит Гогенцоллернов права представлять Германию в мирных переговорах.

На Земле между ними было кончено всё, навсегда.

Но ещё не кончена речь канцлера. Но Германия не смежила воииственных очей: ва Востоке Германия добьётся своих национальных интересов! Мы будем следить за событиями хладнокровчо, с готовым для удара кулаком.

Боже, Боже! Сохрани Твою Православную Русь...

Нет, не ошибочен был роковой выбор России! Германцы — чужве ивм отвеку. Слава Богу, что есть у мас верные союзмики в Европе. Вильгельм — никогда, значит, не был искренен, всегда враг. А Георг — и родственник, и верный.

Странио, однако, что так и не написал, не отозвался.

Надо бы разбирать книги и вещи, откладывать, что с собой в Англию брать.

Хотя ехать к ним туда — не хочется. Всегда охотно путешествовал Николай за границу (не так уж и много). А сейчас, когда нодступила почти неизбежность отъезда, — вдруг стеснилось в нём, сколько русских мест он уже не повидает инкогда (а ведь было всё доступно! мало ездил) и скольким святым местам не поклонится. (Как унустил? Благодаренье Богу, что ездил в Саров.)

Хотя и замкнутый то в Нетергофе, то в Царском, то в Ливадии — Няколай, однако, повседневно ощущал своё единство со всею Большой Русью: он пребывал — в ней, единством с нею кренился в шторме зложелательства образованного общества, высшего снета и даже династии. И уверению знал, что отдалённый нахарь и неведомый косец — посто-

янно знают своего Царя, пусть и немы, не слышно их в столичном гвалте.

И всегда иепритязательный в потребностях, а сейчас, тем более, уже отделённый от трона и даже тяготясь ещё сохранённой по инерции, не его приказом, церемонийностью, — асё те же ливреи шествовали авжно, асё те же камердинеры предупреждали приход редких теперь и незваных носетителей, и те же скороходы в галупах и со страусовыми перьями сопровождали их, — Николай всё более готов был расстаться со всем этим начисто. Только Ливадию одну было жалко, Ливадию хотелось бы сохранить, Алексею там очень хорошо. Но если и это будет невозможно, а надо бы определить свою жизнь не на оставшиеся месяцы войны, в уже до конца, навсегда, — то предпочитал бы он поселиться простым крестья ином в России, а самом скромном уголке родины, да даже хоть и в Сибири, — чем ехать на постылую, ностыдную, скандальную западиую популярность или вечное бездомное гостевание — да и на какие средстав? никаких средста на Западе не было у него.

И только если уж никак не исполнимо, если присутствие его в России может повредить

государственному спокойствию - тогда он готов подчиниться изгнанию.

Эту истекшую неделю заточения и начавшуюся вторую, несмотря на грозные признаки вокруг, Николай с каждым днём всё более чувствовал умиротворение и распрямленье души. Такое пастроение было: если бы сейчас и все хором просили бы вернуться на престол— ни за что бы не вернулся.

Прошёл первый ожог развенчанности — и ои обнаружил, что ему легче и проще обращаться с людьми, — стало легче разговаривать с людьми, вот как! Он и раньше преднолагал а людях более искренность, чем искательство, — но уж теперь-то и вовсе мог

рассчитывать на откровенность тех, кто был к нему хорош.

Во веё царствование ои старался принимать решения по совести — насколько это было открыто ему. И никогда не принимал решения а гневе, но асегда давал себе охладиться. И к арагам своим — вот Гучкову, Милюкову, никогда не был преследователен и никогда не арестовывал их, как вот они его. И не применил низких усилий цепляться за аласть: едва почувствовав себя помехою, тут же и ушёл.

Говорится: царю — пуще правда нужна. Царю нужив правда больше, чем кому-либо

из живущих.

Ои оттого был внутренно спокоен, что таёрдо верил: и судьба России, и судьба его семьи находятся в руках Господь. Господь поставил его так, как он стоит. И что бы нн случнлось — надо преклониться перед Его волей.

В эти последние дли — заблистал наружный мир. Погода переменилась на солнечную — вчера, сегодня стояли лёгкие весенние морозды, задерживающие таянье, но асё

залилось светом весны. Как поднялось настроение!

Каждый день долго гуляли с Долгоруковым, — слава Богу, не запрещали. Приучились совсем не замечать охраны вокруг и ие досадовать на выходки её, если те случались. Да довольно пространства и здесь — если не верхом, если не пешим гоном, а с работницей снеговой лопатой. Чистили, чистили снег с разных сторон, друг другу навстречу, и кончали дорожку у старой беседки.

Николай — наслаждался этими днями! И как увлекает такая работа: из бело-радужной массы, в ослепительных точках всех цаетов, вырезать лопатою ровные кубы этого сказочного вещества, перекидывать их — а самому адаигаться, вдвигаться а белую стену. Ничего в мире больше не видишь, кроме этого, Богом созданного, бело-саеркающего моря.

ДОКУМЕНТЫ - 30

17 марта

личный секретарь георга v стамфордам бальфуру, министру иностранных дел

...Его Величество не может не испытывать сомнений не только по поводу опасностей переезда, но и из общих соображений целесообразности: желательно ли, чтобы императорская семья поселилась в этой стране.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ МАРТА

СУББОТА

641

Большое помещение с высокими и тёмными потолками, нанолненное шумным безалаберным множеством людей, лицами в разные стороны. Откуда-то понимает Варсонофьев. что это — Биржа, и он тут зачем-то стоит. Но не успевает ни приглядеться, ни — что они делают (только разговаривают громко все). Вдруг властно голова его поворачивается, обязанная смотреть. Мимо него аходит в эал - мальчик с дивно светящимся лицом, и словно он хочет объявить всем необыкновенную новость. Он проходит мимо, держа в руках перед грудью какой-то небольшой сверкающий предмет, — проходит на середину зала, своболно, как булто тут не столплены густо, там останавливается, приподнимает что в руках! — и вдруг в едином жарко-ледяном дыхании, дыбящем волосы, охватывающем весь зал (всех тут!), Варсонофьев понимает, что этот мальчик — Христос, в в руквх у него бомба! — ужасного азрыва для целого мира — и сейчас, через секунду, она взорвётся!

И не выдержав содрогновения, нестернимого ожидания азрыва — проснулся.

Ещё и в яви обнимал его ужас этого космического подошедшего вэрыва.

Такие сны он записывал. Потянул за ниточку стебель ночника, тот зажёгся, - хотел записать на клочке, как делал асегда, чтобы скорей потушить и эвснуть. Но так сильно он был охавчен, что всё равно нескоро заснёт.

И с лёгкостью встал в прохладное, взял халат с кресла, в халате пошёл к бюро, сел, зажёг настольную лампу, из ящика достал тетрадь снов и стал записывать туда.

Он давно перестал понимать сны как сочетание бессмыслицы. Бессмыслеца и путаница отделялась сама, тут же и забывалась. По меньшей мере наши мысли и чувства во сие - наши истинные, и мы отвечаем за них. Но Варсонофьев знал, что почему-то избран принимать и тайнопись вещих снов. Психологически безошибочны были и все его сны с блиэкими, он истинно воспринимал, и на большом расстоянии, кто что чувствует. Правда снов не в ситуации, а а настроении.

Однажды приспилось ему, что он подходит к маленькому фонтану и понимает: если приблизить губы к его струе и шептать — то по струе передастся как по телефону, и кто-то другой в далёком фонтане всё услышит. Многи способы передачи чувств и мыслей, мы не во всё верим. Не раз бывало, что Павла Ивановича тяпуло к телефону — и он шёл, и по пути раздавался первый звонок.

У Варсонофьева была уверенность, что все события нашей жизни и другие лица связаны с нами и друг с другом не только теми явными причинными и следственными свянями, которые видны всем, - но ещё и связями тайными, которых мы не услеживаем, даже не предполагаем, -- а они не только существуют, но властно влияют, но формируют души и сульбы.

Из каких-то неведомых Божьих глубин к нам постоянно притеквет на поддержку и сила, и соэнание.

Но сон сейчас так сотряс его, ещё вот оставался страх в теле. Варсонофьев постарался записать точные минуты, когда это приснилось.

И ещё сидел, старался вспомнить точные оттенки смысла, ощущения, ведь они сотрутся потом. Что это была за Биржа? Не петербургская, не московская, и может быть даже вообще не Россия или, во всяком случае, не одна Россия. Это какой-то смысл имело — всеобщий.

И хотя нестерпимо было пережить этот взрыв — но он был не просто уничтожение, он был и Свет, слишком светилось лицо мальчика.

О! сколько было сил непоэпанных! В каком-то непостигаемом объёме совершалось нечто великое — и может быть только слабым отображением были те завихрения на улицах русских городов в последние педели.

Но — ээчем посылаются такие сны, вот ему, ещё кому-пибудь? Ведь о них невозможно объявить, на них невозможно сослаться, никого научить, ничего доказать.

Предыдущая запись его в тетради была: «Сны анемнодиста в Анапобожьи». Так нриснилось ему, не кто-нибудь сказал это вслух, а - ясно вошло в сознание: что это - его сны так назыпаются, что якобы край, где всё это ему видится, — Анапобожье. Очень понятно было, что - Богов край, но всё в целом не улавливалось.

У снов был свой язык. То спилось ему выражение «на тайлок» — и он сразу понимал, что это значит: тайно. То на какой-то узорчатой решётке, как бы ворот, от невидимой руки выкладывалась надпись металлической вязью, тут и застывая: «Кто не был князь — поди, ведась». И во сне — ему был влодие поинтеп и эначителен этот смысл, а вот записывая уже не мог ухватить.

А ещё предыдущий записанный сон, на прошлой неделе, был таков. Будто находится Варсопофьев в церкви, по - почью, на эакрытой сокровенной службе, и церковь почти

пуста, присутствующих с дюжину — есть священники, есть миряне, все мужчины. И понятно ему, что церковь эта — в России, но вся Россия — под властью каких-то страшных арагов. А эти здесь собрались на обряд запечатления церкви — то есть запечатания её на долгое время, как запечатывались храмы старообрядцев. И запечатление это будет вот в чём состоять: на аналой посреди церкви уже положены три больших серебряных креста (не помещаясь, чуть с перекрывом друг друга, так ясно это видно) — и в ходе службы старший священник зальёт их вместе расплавленным белым воском, и так они застынут надолго. И ещё знают они все: что после этого обряда их всех должны посадить в тюрьму, за то что были здесь, и это неминуемо, и они к этому готовы. А власть врагов спешит, чтоб этот обряд не произошёл: они хотят, чтобы церковь не успела запечатлеться. А в обряде тоже спешить нельзя: теперь они все должны лечь на каменный пол ниц и так оползти всей чередою все церковные стены кругом, лишь потом будет запечатление. И Варсонофьев, ползя, думает — как потом успеть дать анать дочери, Марине, о своём аресте, — и вдруг слышит её надрыаный плач. И не поднимая головы от пола и не поворачиваясь, он видит другим каким-то оком: Марина в крестьянской вышитой рубахе стоит на пороге храма, не смея войти на обряд, и плачет, уже всё, всё поняв.

Он продолжал ползти ничком со всеми — и как-то продолжал видеть на входе рыдающую Марину — такую русскую, а этих аышитых вадувных рукавах, такую родную и понимающую - как будто никогда, ни на сколько опи не разделялись, не размежались: они снова были душами слитно, всё иное вмиг отшелушилось как случайное. И уже неввжно было, поймёт или не поймёт она теперь о его аресте, - важно, что она - видела запечатление. Будет свидетель!

Что это? Откуда это всё сочеталось?

Однако сегодняшний взрыв из рук светлого мальчика выходил и ещё гораздо шире

На улицах, а больше в редакциях, а больше на страницах печати хлестало опьянённое веселье. Павел Иванович не узнавал энакомых - так они были победны, так залётны в мечтах. Но сам он ходил среди них — осунутый, со свечами тревожных глаз.

Он — никого никогда не мог переубедить своими статьями, над ним посменвались как над чудаком несовременным. И что группа их 8 лет назад предсказывала в философском сборнике - ни тогда никого не убедило, ни сейчас никому не вспоминалось.

Так — ещё кому же он мог передавать в сны?

Все удивлялись, как сразу, без мрака, разразилось асеобщее ликование.

И не видели, что ликование — только одежды великого Горя, и так и приличествует ему входить.

Все удивлялись, что для колоссального переворота никому не пришлось приложить совсем никаких сил.

Да, земных.

642"

(по свободным газетам, 16-18 марта)

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ НАКАНУНЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ ГЕРМАНИИ.

ВАНДАЛИЗМ ГЕРМАНЦЕВ. Потопление...

...Весь интерес борьбы на море сосредотачивается на борьбе даух блокад -- английской надаодной и германской водаодной...

Германские планы. По саеденням из германофильских кругоа в Шаейцарии, германское аысшее командование, в саязи с революцией а России, отказалось от ааступления на Францию и Италню и готоаит удар на Петроград.

...По-аидимому, германцы готоаятся к нанесепию России сокрушительного удара, аозлагая надежды па якобы наступиашую дезорганизацию русской армии. Они надеются занять Петроград и продиктовать оттуда условия мира державам четвертого Согласия. Но это может вызавть вегодованве среди демократических элементов германской армии.

О МАНИФЕСТЕ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.

Итак, армия остаётся на месте и будет хранить свой доблестный дух для борьбы до последнего аздоха. Это упраздняет треаогу о настроении реаолюционной демократии. («Биржевые ведомости»)

Чхеидзе сказал ещё нрче: обращаясь к немцам, мы пе аыпускаем из рук аинтовки». В сущности, идеология, общая нам с союзинками. Но, господа, будьте последовательны: если аы намерены не аыпускать винтоаки из рук, то не дайте же ослабнуть боеспособности армни. («Речь»)

...Смелый шаг, беспримерный в мироаой истории. Но трудно поверить в успех обращения.

...Это обращение настолько убедительно, что аастро-германскому пролетарнату аозразить нечего.

Ребяческий идеализм тех, кто пытался нааязать лозунг «долой войну» широким массам. Это не удастся! Ни один голос больше не смеет говорить о братании с немцами. Россия распрямляат крылья для орлиного полета, армии готова зажечься новым энтузназмом.

(«Рисская воля»)

...недоумение по поводу того, что до сих пор остаются неизвестными н президиум, и Исполнительный Комитет. я многочисленный состав Совета рабочих и солдатских депутатов. Вообще, печать обратила внимение на страиную анонимность их. А Петроградский Совет играет роль центрального Совета для всей страяы. Должно быть устранено всякое подозрение самозванства. Должно стать широко известно, как Совет составился, на каких основаниях организовано представительство. А ведь именно Совет горячо протестует против всяких тайн. Врачу, исцепися сам!

(«Peub»)

Кто такой этот алиятельный анонии с прерогативами аторого правительства? Его контроль над правительством имеет не петроградский, а всероссийский характер.

...Может быть, состав СРСД сложился и не вполие удачно — в вихре революции некогда было обдумывать. Но это революционое воплощение «святого недовольства» совершенно необходимо, чтобы поддерживать во Временном правительстве реформаторский пафос.

народная армия.

Вости с фронта всё более успокоительные — о бодром настроении а армии и готовпости бороться по копиа.

...Весть о крушении монархии не могла не захватить войска арасплох, от главнокомапдующего до солдата. Можно было опасаться неожиданностей. Но вот становится ясным, что фронт принял новый строй.

...В одном из органиенбаумских пулемётных полков сегоння бросался жребий, какой батальон должен выступнть в нервую очередь на фронт...

...Обилие военнопленных было позором прошлого. В новой армии сдача в плеи ставет явлением исключительным.

ОФИЦЕРСТВО. Всё офицерство как совокупность взято под подозрение. По каким основаниям? Потому что революцию начали солдаты, а не офицеры. И только. Основание не выдерживает критики. Офицерство не только пигде не защищало старого режима, ио на аторой же день революция всецело перению на сторону Временного правительства и народа. И началась беззаветная борьба со всеми остатками старого режима. Одии офицер в нашей редакции с горечью говорил: «Мие до слёз больно было смотреть, как неумело брались солдаты за борьбу.»

(«Новое время»)

Рабочие Казанской и Адмиралтейской слободы а ознаменование назначения А. И. Гучкова восиным министром единогласно постановили: саерх усиленной работы на оборону надбавить производительность работ и назвать эту надбавку «гучкоаскям процентом».

В военном министерстве. Министр Гучкоа отдал распоряжение, чтобы во асе военные училища беспрепятстаенно принимались лица иудейского вероисповедания, а также баптисты, молокане.

...Нам сообщают, что предполагавшееся назначение генерала Лечнцкого главпокомандующим армиями Западного фронта не состоилось ввиду того, что было признано необходимым присутствие этого генерала на Румынском фронте, знатоком которого он считается.

ПРОДОВОЛЬСТВИЕ СТРАНЫ. Нелёгкое наследство приняло новое правятельство от старого режима. Предшественники министра земледелия приложили старанвя, чтобы запутать и осложнить продовольственное дезо...

XЛЕБ ВЕЗУТ! Чего не могло сделать прежнеа правительство, то постепенно достигается асенародным порыеом. Дзано ли говорилн, что пужны чрезвычайные меропряятяя, чтоб откопать хлеб. Проспуацияси и не сразу разобравшаяся, что произошло, провниция... Со всех коицов России изаещают о пожертвованных хлебом для армин.

…Саобода мгноаенно переродила миллионы людей, и крестьянство немедленно начало аывозить на рыпки продукты. Нам возразят, что в Москае и Петрограде не заметно обилия. Но не нужно забывать, что при том расстройстае, какое нам оставило самодержавное правительство... Терпези долго, потерпим ещё — и асе кризисы отойдут в область кошмарного прошлого.

...Крестьянин должен поминть, что у иего имеются и обязаниости. Разрушение помещячьего хозяйства гролит голодом городскому населению, и город может требовать от деревни, чтоб уважались и его права.

(Туган-Барановский, «Биржевые ведомости»)

В министерстве юетнции уже составлен иабросок законопроекта об отмене асех верояспоаедных и национальных ограничений.

...Закончен законопроект об общей уголовной аминстии...

О смертной казни. Отмена Россней смертной казни в асенное аремя яантся делом беспримерным. Но это такой вопрос, а отношении которого нельзя вдти а хассте за Западом. Мы не будем метить смертью и шпионам. Раз человек уже схвачеи — ист логического осяозания асшать его.

Право ареста. В ременные правила об условии осаобождении арестопанных и производства вовых арестов в Петрограда...

...В первую неделю революции в Москве было отдано много приказов на право арестов и обысков. Теперь постепенно все они авнулируются. Теперь кончилось время так называемых «эксцессов». Главиая вабота момента — поскорее установить принцип неприкосновенности лиц и жилища.

...Не влоупотребляйте тем, что новый порядок не мстит за прошлое. Не испытывайте слишком проявляемой им терпимоств. Нован Россия не мстит, во правосудие в вей будет действовать неуклоннеа, чем прежда.

Короленк

Обыси в квартире Распутина. ...15 марта арестованы, доставлены под конвоем в Таврический дворец и посажены в министерский павильон сын Распутина и две дочери, 18 и 15 лет.

Арестовавный такжа секретарь Распутина Аров Симанович обещал конвойным 15 тыс. рублей, если ему разрашат поговорить по телефону.

Дому Романовых, несмотри на ненасытимую ненависть к нему, ничто в России ие угрожаат. Но не грозит ли Свободной России опасность от дома Романовых? Отравленные властью маленькие самодержцы полезут цепкими руками за шапкой Мономаха. Довольно нам быть мягкными и гуманными! Им — не масто в России! Палачи русской свободы, вы на смеате больша ходить по русской земле!

(«Рисская воля»)

...15 марта по постановлению министра юстиции произведены обыск и выемка документов у известной графини М. Е. Игнатьевой, и салоне которой вращались высшие представители церкви и сановники.

Подруга бывшей царицы Апна Вырубова разошлась с мужем ещё в 1908 году, когда начазись её похождения с Распутиным. Бывшая царица целые дии проводила в квартире Вырубовой, здесь же назначались любовные свидания.

БЕССАРАБСКАЯ ВАНДЕЯ. Черносотенная агитация в Аккермане.

Ликвидация марковцев. В Щиграх арестован брат Маркова 2-го, а также председатель местиого «союза русского народа». Заключены в тюрьму.

...Режим самовластия, опричянны, насилия над жизпью и соаестью миллнопоа «чужих» людей а Империи... аыжимая кровь и слёзы... Цепи ограничений накладывались на народы высокой культуры... Поистине кошмарное еарейское беспрание... Самодержавие в союзе с погромиыми бандами минмых патрнотов. Союз русского народа — вот позорное явление, в котором отразилась грязиая... Очищаться от остатков старого, закладывать фундамент нового можно только революцвонным путём. («Биржевые ведомости»)

Телеграмма петроградской еврейской общины. Мы счастливы созианяем, что отныме все таорческие порывы евреев смогут пойти на дело обновлания родивы.

Пари:к. Телеграмма главе Временного правительства: «Лига для защиты праа угнетаемых еереев с энтузназмом приветствует русскую революцию и выражает твардую уверенность, что Временное правительство немедлению проведат в жизиь полиое равноправие евреев согласно своай декларации.»

...Быть может, именно затем Россия и опоздала в своих политических формах и приёмах, чтобы ей ближе всех подойти к созданию «общества будущего».

«НОВОЕ ВРЕМЯ». Суаорииская гвзета чуаствует необходимость саязыть саое тёмное прошлое со светлым настонщим и как-инбудь объяснить саой резкий переход от ачерашнего к сегодняшнему. Трудиая задача, но нужда в покаянии заставляет. «Новое время» объясняет саою трансформацию так: ася Россия переменилась, и мы в том числе...

«Правда» умиеет. ...После хороших урокоа, полученных большевистской «Правдой», эта газета, к её чести, очонь быстро сдала свои пораженческие позиции.

(«Новое время»)

ОДУМАЛИСЬ. К чести представителей русского большевизма, опи очень скоро убедились а своей ошибке, отреклись от своей проповеди «долой войну», и проявили гражданское мужество занвить об этом в «Правде». Таким образом, исчез последиий повод для анутренней смуты.

....Следует отметить как чрезвычайно отрадный симптом, что «Правда» начинает осаобождаться от опасного угара и разбираться в окружающей обстановке. Искрение приветствуем это просветление,

(Paus a

...Все крайности «Правды» в смысле тоиа, стиля лежат асецело на ответстаенности старого режима, который так долго угиетал саободиое слово. Ещё неизвестно, что хуже: узкий фанатизм «Правды» или потаканяе обывательщиие. Времн не такое, чтобы бояться парадоксов. Спобода личиости — крзеугольный камень нового строя, — ио разае не обязано было правительство лишить саободы представителей старого строя? Именио во имя будущей близкой свободы (после Учредительного Собрания) правительство сейчас не может не прибегать к насилию. Например, свобода русской цер-

кви есть одна на частных целей революции. Но пока с тела цернан не будет насильственно снята короста черносотенства — ни о какой саободе церкан не может быть речи. Поддаваться теперь на удочку софизмов о свободе — значит поощрять контрреволюцию.

Л. Философов

Свобода — это нежная красная роза, вынесенная на улицу Петрограда в день суровой зимы.

Советом Рабочих Депутатов установлены неслыханные доселе разрешения на бумагу для «благонадёжных газет». Что это? Все чистые восторги, надежды, упования, и вся «Европа с восхищением взирает» — но?! — строится новая тюрьма для свободной мысли?.. Цензоры прошлого не додумывались так: запрещать фабрикантам выдавать бумагу тем газетам, кто на подозрении... В час ослепительного торжества демократии больно и стыдно...

Чего только пн гоаорят! Через второе ухо уже не успеваешь аыпустить, в голове каждого гражданных столько набирается слухов, мнений и мыслей, что в голоае его происходят митинги. Сейчас он большевик, через минуту уже в окопах и лупит немцев, затем эмигрирует на Сандвичевы острова, чтоб ничего больше не видеть, не слышать, а не успев доехать до вокзала, записывается в социал-демократы. Но это — молодость народа, и хорошо, что мы не успели состаритьси.

...На Крестовском острове было расклеено по заборам воззвание арестовывать переппсчиков населения (для хлебных карточек), так как перепись делаетси будто бы Союзом русского народа для организации погрома. Крестовский остров считает себя автономным и подчиняется только Государственной Думе.

...Разъяспяется, что чиновники и офицеры также должны быть внесены а ведомости на получение хлеба, наряду со всеми.

ВОЗЗВАНИЕ КОМИССАРА г. МОСКВЫ. ...Многне н с карточками на руках, простояв много часов у булочных, не получают... При разгроме полицейских участков много хлебных карточек было расхищено и пущено в обращение... Солдаты получают вне очереди и без карточек... Не забывайте однако, что новая власть существует всего дае недели. Нельзя в полмесяца создать заново то, что в обычное время строится веками и десятками лет. Граждане, вы произвели величайщую и мире революцию, низложили сильнейшего монарха Европы. Призываю же вас к самообладанию. На короткое время ограничьте свои потребности.

Н. Кишкин

...В успоковяне жителей Москвы занедующий сахарным отделом сообщает, что город обеспечен сахаром с избытком относительно нормы потребления.

Грузинов в Алексеевском училище. «Юякера! — теперь господ нет. Я счастивь, что в Московском округе солдаты и офицеры именно спаялись. Я думаю, вы понесете в армию живой дух — и об него разобьётся железный пемецкий кулак.» Повинуясь приказу подполковника, юнкера побороли саоё стремление идти с приветствием к городской думе. Один из юнкеров обратился: «Дорогой подполковник! От асего сердца приветствуем вас, одного из вождей революционной армии, первого командующего, избранного пародной волей. Все мы пламенно желаем...»

ПРИКАЗ ПО МОСКОВСКОМУ ВОЕННОМУ ОКРУГУ. ... Солдатам надлежит внушить, что они должны соблюдать железнодорожные правила, не позволить себе никаких бесчииств и быть вежливыми с пассажирами...

Грузинов

Арест губернатора. По распоряжению комиссара г. Москвы Квинкина арестованы владимирский губерпатор и его супруга и доставлены под конвоем в Таврический дворец. Во Владимире толпа намеревалась совершить над ними самосуд. У губернатора сломана нога, у губернаторши вырваны из головы клоки волос.

Иркутск. Жандармские офицеры, арестованные в первые дни революцин, предаются теперь суду.

Тифлис. Дворец наместника взят для общественных нужд в веденье Исполнительного комитета Совета. Ежедневно в аоинское присутствие являются группы уклонявшихся от воинской повинности. И заявляют о готовности отдать жизнь за счастье свободной родины.

Владекавказ. Тёмные силы ещё ие сложиле оружея. Особое сопротивление оказывают осетины и ингушя. Из многих стаяиц поступают сведения о работе тёмных сил.

УДАЛЕНИЕ ПАМЯТНИКА СТОЛЫПИНУ. Киев, 16. На сегодня назначен праздник свободы. Ночью войска оцепили думскую площадь, и начались работы по удалению памятника Столыпину. К утру работы не были окончены. Фигура Столыпина, сдвинутая с пьедестала, окутанная цепвми, висела на блоках. Огромные толпы народа, еле сдерживаемые цепью милиции, с большим интересом следили за работами. В 3 с половиной часа дня фигура Столыпина грохнулась на землю. Толпа с крнком «ура» кияулась к поверженному Столыпину. Мимо бесконечной рекой потекли манифестации с оркестрами. Украинские процессии шли под марш запорожских казаков. Телеграфисты — с плакатом: «Телеграф — глаза и уши революции». Фигура Столыпина, весящан около 400 пудов, затем вывезена грузовыми автомобилями.

Проезд Николая Николаевича в Крым. Киев, 16. Приехавшего из Ставки великого князя на вокзале встречали его супруга, брат, супруга брата и Мария Фёдоровна. Высшей администрации не было. Великий князь не выходил на перрон.

Одесский уезд. Ненадёжные элементы старой полиции ликвидированы: часть бежали, частью арестованы. Был случай оставления их на местах по желанию жителей. Деревия нуждается в исмедленном содействии интеллигентных сил для усвоении происшедшего.

Могилевская губ. В Рогачёвском уезде аграрные беспорядки. По прибытии солдат все взятые вещи возаращены потерпевшим. Усилена охрана винокуренных заводов. В Савинском уезде началась самовольная порубка крестьянами казённых лесов. Крестьине согласились, что совершают беззаконие, и прекратили порубки.

Астрахань. Рыбачье население сместило казённую рыболовную полицию. В некоторых местах казённые рыболовные участии захвачены местным населением.

Троицкосавск. Веками угнетённые буряты радостно встречают благую весть...

ПРИВЕТСТВИЯ. ...Председатель ГД Родзянко продолжает получать телеграммы... от доктора Сун-ят-Сена, от соцналистической партии Аргентины, от французской масонской ложи «Великий Восток»...

Привет масонов. Париж. Масоны ложи «Великий Восток», собравшись на малый конвент, отправили телеграмму князю Львову, выражая надежду... что Государственная Дума и Совет Рабочих депутатов сумеют сосредоточить всю нацию под одним братским знаменем.

…Депутацня дворников заявила Совету, что все подозрительные злемеяты исключены из их среды. Вся масса петроградских дворников, в числе около 5 000 человек, выражает желание прийти в Гос. Думу для выражения своей готовности.

...Долой ремесленное сословие как учреждение арханческое!..

Разгром квартиры баниира Гутмана. Трое в студенческой форме... Связалн прислугу, взломали все храннлища и унесли ценности и деньги.

Арест громил. 15 марта яочью сторожа Апраксина рынка, обходя галереи, задержали нескольких человек, взламывавших магазинные замки. Громилы оказались из числа освобождённых революционным данженнем каторжан Шлиссельбургской тюрьмы.

Обыски в притонах по Свечиому пер. ...Задержаяо несколько женщин. У одной оказались снимки окрестностей Петрограда... Подозрение в шпионстве...

Неосторожное обращение е оружием. Один на милиционеров исчаинно вавёл курок... Раненые доставлены...

Оноло вирвив. Письмо вртистов. Беззастенчивые спекулянты, прикрываясь лозунгом свободы, выбрасывают на рынок циничные фильмы, вроде «Похождения Распутина»...

Самоубийство в Таврическом дворце. 16 марта на рассвете из солдатской аинтовки застрелнися а Совете Рабочих Депутатов делегат 3-го Сибирского ж. д. батальона. Ещё был жив: «Я не сумел справиться с возложенной обязанностью, мщу себе за это»... В письме: «Я прибыл в Петроград 3 марта. Приветствие от батальона так и не попало в «Известия», председатель забыл дать записку. Я просил три раза редактора внести поправку. Он забывал, а я терзался душевно. Всё это сделало меня полоумным. Так хочется жить на заре лучшей народной жизии.»

БИБЛИОТЕКА ПРОСВЕЩЕНИЯ. Книжный склад ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА. «Интернационал», «Исторня Коммуны», «Всеобщая стачка», «Исторнческий материализм», «Общественное движение в России», «Положение рабочего класса».

В ближайшие дни выйдет в свет закрытый царским правительством в 1905 году журнал П У Л Е-М Е Т.

Литейный театр, иовая программа КРАХ ТОРГОВОГО ДОМА РОМАНОВ И К°. Гротеск.

Театр «Мозаика». Пьеса «Гильотина». Концерт цыган. В концертном зале кабарз до 2-х ч. ночи.

Сввхв нужна солидная, со связями — для молодого человека, имеющего общественное

Господа рекомендуют камеристку, честную девушку.

Требуется судомойка с хорошей личной рекомендацией, приходить с паспортом.

ГЕРМАНО-АМЕРИКАНСКИЙ КОНФЛИКТ.

Германо-китайсний разрыв.

Угроза германцев. В перехваченной радиотелеграмме из Берлина сообщают, что германцы угрожают военными действиями, каких ещё никто не видел. Гений Гинденбурга в соединении с новыми методами войны...

Стоигольм. Поеада, отправлиемые в Россию, переполнены возаращающимися на родияу русски-

Правое крыло шведских консерваторов, т. е. по нашей термипологии черносотенцы...

(«Новое время»)

…Довольно споров о каких бы то ни было аопросах, кроме защиты Родины! Помните, что Петроград — не крепость, и если бы Вильгельму удалось до него добраться... Взятие Петрограда равносильно победе над Россией.

Телеграммв Кропоткина. ...Де**ти Р**оссии, спасите нашу страну и цнаилизацию от чёрных сотен Центральных Империй! Противопостввьте им героический фронт!

...воскресшую из смрадного гробв Россию защитить от врага...

...По Капту: «долг человека — смысл Вселенной». Вместе с Россней и мы, поаты-симаолисты, приняли эту аойну — как величайшее социальное жертвоприношение. Старый мир багряно умирает. Преображение мира происходит в торжественном соборном действе. Но дракон еще не поаержеа окончательно, и вселенское дело не кончено.

Ф. Сологус

...Третий год мы стоим на рубежах, грудью отставвая родину от вторжения осатаневшего гунна, который в жертау гнусному Молоху растерзал Бельгию, Сербию и Польшу. Он протигнвает когтистые лапы, силясь схватить за горло прекрасную Францию, вольяую Англию... До нас долетают ноясные крики предателей саободы, требующих прекращения войны. Они раздражают нас и должны исчезнуть. Нас не смутит наивный лепет о иемецком пролетарии...

Согласитесь, что люди имеют право знать, кто нм приквзывает. Хотелось бы думать, что ни внонимов, ни псевдонимов больше не будет в большом государственном деле.

(«Русское слово»)

народная армия.

...Боязнь дезорганизации в армин в значительной мере преувеличена. Со дня на день в армии рвстёт сознание необходимости солидарности. Теперь-то и будет спаянность между офицерами и солдатами... Новая гражданская дисциплина... («Биржевые ведомости»)

...Телеграмма оберуполномоченного Щепкина: «В восемь дней кроме бесед произнёс населению и воинским частям 43 речи. Всюду доверие, дисциплииа повышенная.»

...Ныши товырищи под удушливыми гвзами, под огневыми струями, под свинцовым дождём, холодиые, голодиые, молят ивс о помощи и смене. Свмовольно отлучившиеся из Литоаского батвльона должны возвратиться в уквзаиные сроки, иначе будут приниты лишь по постановлению комитета.

...Раньше у дезертиров было много смягчающих вину обстоительств. Теперь — дезертирство ничем нельзя оправдать.

ИНВАЛИДЫ И ВОЙНА. Инвалиды, находящиеся на налечении в московских госпиталях, протестуют против лозунга «долой войну»: «Мы потребуем выдать нам оружие, будем умирать в окопах, но отстоим свободу родной России.»

Об облегчении участи лиц, совершивших уголовиые преступления. Постановление Временного Правительства. ...Осаободить от суда и наказания не выше авключения а крепости или тюрьме... Уклонившихся от воинской повинности, если явятся не позже... Освободить от всех последствий судимости с правом повсеместного жительства. Каторгу, исправительное арестантское отделение уменьшить паполоанну... Освободить от суда и наказания лиц, обвиняемых в промотании кааённого оружия, в самоаольном оставлении своих частей...

...Воспитанный а атмосфере бесправия и неуважения и человеческой личности, прежний тюремный персонал а ближайшем будущем будет удалён. Для подготовки новых кадроа начальникоа мест заключения будут открыты краткосрочные курсы тюрьмоведения.

…Началась «чистка Авгиеаых конюшеи» судебного ведомства. Список увольниемых должен расти с каждым днём. Пусть задумаются над словами министра Керенского, что «пусть у лиц, служивших старому строю, хаатит мужества уйтн».

...Таких идиотов, кто по свободному разумению стояли бы за самодержавную монархию, в России больше нет...

…Но, конечно, пропагандой не исчерпывается. Произаести безошибочный отбор вчерашних героев. С ними исобходимо обойтись как с врагами… Они должны быть лишены всякого общенин с населением… Удалите их… Арестуйте их… судите их. Изолируйте асеми законными способами, во без мягкотелой свитиментальности… Они не поколеблются покрыть щестую часть земного шара

виселицами, если б одолели сейчас. Если нам суждено пережить смуту, то только в проанцини будет её начало. Это ивдо предвидеть и предупредить.

(A. Вершинин, «Биржевые ведомости»)

...Там, в глуши, куда ещё не допёсся благовест новых дней, там ещё черпая сотня щёлкает аубамя...

Происки реакционеров. Низложенную царскую чету при пераом громовом ударе покинули все, кто ачера ещё лежал, распростершись пиц перед престолом. Все они спешат выразить удовольствие от инспровержения самодержавия, торопятся обаесить себи лептами реаолюционных цветов и предложить Временному Правительству свои продажные услуги... Но притихшая реакция начивает поднимать голову, и против неё...

НЕ СПЕПИТЕ ЗАБЫВАТЬ! Это слепой оптимизм, что Николай II уже в прошлом и обезврежен. Короткую память надо иметь, чтобы так скоро позабыть режим засилия. Забить осиновый кол в могилу династни! Пет, русская печать не должна умолкать о её грязных скандалах. Россней управляла шайка полетического негодяйства! Слишком великодушяы те, кто предлагает иабросить ауаль на преступные тайны царскосельских разбойников, на скверну царизма. Нет, рассказывать, рассказывать и рассказывать!

Амфитеатров

ЗА ЧТО АРЕСТОВАН ГЕНЕРАЛ ИВАПОВ. Имеются данные, аполне уличающие его а замыслах против революционного народа. Поаодом к аресту явились показания георгиевских кавалеров, с которыми он ехал для усмирения.

СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ. Независнмо от Чрезаычайной Следстаенной Комиссии при министре юстиции образуется и при москоаском комиссаре местная следственнан комиссия для рассмотрення дел врестованных лиц, опасных в смысле их участия а контрреволюции.

Арестован полковник Реаанов, проводнаший следстане по делу Д. Л. Рубништейна.

Объяснение Маркова 2-го, «...В том, что монархическая печать получала поддержку от монархического правительства, ничего предосудительного нет, как и в том, что ныношнее революционное правительство поддерживает Совет Рабочих и Солдатских депутатов. Мы старались просветить народ, но не готовили из своих отделов вооружённых отрядов. Сравнительно с сдействительной потребностью помощь правительстав была пичтожна. Ныпе, как изаестно, полная свобода печати, и потому редакция и типография "Земицины" конфискована, редактор "Русского знамени" сидит в тюрьме, а остальным правым издвииям во имя равяоправия воспрещено выходить в свет.»

ЗАДАЧИ ЦЕРКОВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. ...Очистить личный состви органов управлении от элементов... Наряду с чисткой личного соствиа следовало бы уствновить строгий общегосудврственный контроль над деяежными капиталами и всяким прочим ямуществом перкви. Конечно, новая государственняя влясть не может примириться с нвследием прошлого в составе Синода. Но для этого надо вызвить деятельность республиканского духовенстав... Петроград и Москва одни уже могли бы послужить бизисом для новой организации церкви. Обер-прокурор Сипода как компссар правительства должен был бы, иемедленно распустив св. Синод... Предупредить, что будущий церковный собор не явился бы орудием...

(«Peub»)

В ночь на 17 марта произведены обыски и арестованы: директор квицелярни обер-прокурора, управляющий синодальной типографии и ещё несколько синодальных чиновников.

КУРСЫ ЗАКОНА БОЖЬЕГО, ИСТОРИИ И ЕВРЕЙСКОГО ЯЗЫКА, учреждённые раввином Айзенштадтом. Занятия продолжаются.

ДАВНО ЖДАННЫЙ ДЕНЬ. Создалась целая «поэзия русско-польской дружбы, спаянная кровью»... Лживые декларации старого лицемерного правительства... Царское правительство откладывало решение польского вопроса. Положепие спасла великая русская революция. Свободный народ отринул ложь старой власти... «За вашу и нашу свободу!»

(«Новое время»)

В 9-й аудиторин университета состоится сход на студеятов-евреев для обсуждения аопросоа переживаемого момента.

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ БУНДА состоится а Петрограде 1, 2, 3 апреля... Отношение к войне и восстаноаление Интернационала, азанмоотношения Совета Рабочих Депутатоа и Временного правительстаа... рааноправие сареса и культурно-пациональная автономня, отношение к политическим партиям и группам в еврейстае и к общесарейским учреждениим, задачи партийного строительстаа, съезд Бупда...

Перепут «Правды». «Правда» сама себя произвела в герон-мученики и с перепуту вообразила, что против ноё «организован поход буржуваной контрреволюции». С тонкостью Ляпкина-Тяпкина она объясняет... Страхи её так же преувеличены, как предстввление о своём влиннии.

... «Правда», после короткого момента просветления, отказывается даже от оборончества.

«ПРАВДА». На неё ополчилась буржуваная пресса, которой большевнам не по сердцу и, главное, не по карману. А во всей буржуваной прессе нет ии одного органа, который мог бы по-хвастаться такой кристальной чистотой.

(«Московский листок»)

Откуда опасность контрреволюции? Революция— не праздинк разрушения, но торжество государственного строительства. Европа изумляется той стройностью, с какой совершился у нас государственный переворот. Русская социал-демократия обязана покорно преклониться перед священной волей русского народа закончить войну победой.

(«Новое время»)

ГНУСНЫЙ ПРИЗЫВ. Нам доставлена отлично отпечатанная прокламация аа подписью «Харьковский комитет» и от именн Российской социал-демократической партии. Она содержит ряд грубых выходок против Государственной Думы, Родзяико, Милюкова и приама распростраиять лозуиг «долой войну». В коице прокламации жириым шрифтом гнусные слова: «Да адрааствует гражданская война!»

Нельзя допустить, конечно, чтобы соцяал-демократическая партия выпустила такую преступиую прокламацию. Очевндно, контрреволюция работает вовсю. Нам пишут, что прокламация усердпо распрострапяется среди населення. Слишком много негодяев старого режима, которые ии перед чем ни остановятся.

(«Peub»)

Городские дела. О наилучшем использовании для общественных нужд свободных зданий Александро-Невской Лавры. Юревич и Книпович вместе со следователем по особо-авжным делам посетили... В настоящее время там проживает всего около 200 человек братии и прислуги. Решено разместить: вониские части, камеру судебных следователей и дом для приезжающих.

...Вппо для церквей отпускать по удостоверениям, выдаваемым общественным градоначальни-ком.

В Тепишевском училище состоялось общее собрание учащихся средних учебных ааведений Петрограда. Прочтено приветствие от министра просвещення. Юные ораторы ие пожалели чёрных красок заклеймить старый порядок в средней школе... Представители учительского союза и педагогического общества восхищались эрелым поинманием, обнаруженным учащимися... «Мы пойдем в деревню не только помочь крестьянам нахать, но будем пропагандистами»...

У будущих могил. 17 марта. Несмотря на объявление, что похороны жертв революции отложены, сегодня из некоторых частей города к Марсову полю потяпулись дроги с гробами. Ошибочно привеаепных покойпиков пришлось вериуть.

В совещании истроградского городского головы. ...Сложная задача, как охранить от тёмных элементов все дома в столице, когда население из них выйдет на улицу на похороны жертв революции. Решено держать на запоре все дома и чердаки. Ко дню похорон будут изъяты целые группы преступных элементов...

Трамияй. Московский трамвай с каждым днём работает всё хуже и хуже. Например, 16 марта на работе было всего 30 % вагонов от действовавших до начала событий. Объясняется это тем, что рабочне отпосятся к своему делу вяло. Городское управление решило обратиться к Совету рабочих депутатов с просьбой оказать давление на рабочих в целях предупреждения полной остановки, а к рабочим — с воззванием не сокращать числа рабочих часов.

Танистаенные аатомобили появлиются а Москае а почное аремя, несутся с бешеной скоростью. Пока существенного ареда никому не причинили.

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГ. Комнесар казённой палаты обращается к паселению Москвы с напоминацием, что подоходный налог не отменён.

Подполковник Грузинов. Вчера командующий войсками, проезжая верхом по городу, обратил апимание, что у Спасских казарм идёт саман оживленнан торговля солдатскими вещами. Командующий въехал а середину толпы и обратился к солдатам с короткой речью, что они расхищают народное достояние. Обратясь к покупщикам, он напомнил, что скупка солдатского имущества преступна. Солдаты тут же потребовали обратно уже проданные аещи, и скупщики охотно их возаратили.

Из приказов по Москоаскому военному округу. ...Солдаты и офицеры рот пополнення! Армия ждёт-не дождётся вашей поддержки. Напрягите асе саои силы, готоаьтесь к отпрааке на фронт. Держите саязь со саободным русским народом — он вас накормят, напоит, только пе дайте аачахнуть его свободе.

Грузинов

ПРОТИВ ПОРАЖЕНЧЕСТВА. В провинции парастает сильное движение против распространяемых от именн какого-то Совета рабочих депутатов летучек с призываем «долой войну!» Собрание жителей Сергиевского посада...

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОПАСНОСТИ. Не прекращаются слухи о погромной агитации на местах. Провинция не пережила великих дней переворота, как мы, не ощутила этого энтузназма — и араги переворота там не обезарежены, как здесь. Совершается великая ошибка: происходит централизация

отечественной истории в Петрограде. Надо дать русской провинции то ощущение счастьи и радости освобождения, которое испытали мы. Массам нужны эмоциональные восприятия. Устранвайте парады, спектакли, арелища, пусть массы на местах получат свою долю праздника революции и непременно официального. Кричите о великом счастью освобождения! В провинции имеется беспутпая черь, усиленная теперь пеосторожно выпущенными уголовными преступниками. Можно не верить в русскую Вандею, но можно верить в российский погром. Бессарабская, Херсонская, Подольская губернии — полоса изуверства и зверства. Егдо, необходимо принять меры немедленно. Не верьте атой тишние на местах, за ней чувствуетси предательство.

(«Новое время»)

Сход Подорвановской волости Пешехоновского усада постановил: убрать царские портреты, оставить только Царя-Освободителя.

Минен. Из уездов поступают сведения о порубках в частновладельческих лесах.

Из нолостного приговора... инзвержение старого преступного правительства... горячо приветствовать борцов за народную свободу... Ввиду малого запаса дров на будущую зиму — оставшийся запас очередных делянок распилить на дрова. Должна быть иналожена спекуляция, торговать чаем и табаком по цене этикета...

Красноврен. Многие крестьяне сдают в казначейство попрятанное золото и серебро.

Рыбинекий уеад. Крестьянское иаселение собрало крупные суммы на памятник в честь павших борцов за свободу. Волостное собрание постановило: в память освобождении от романовского ярма все солдатки отказываются от мартовского пайка в пользу правительства.

…В ответ на призывы доставлять хлеб для армии — со всех коидов России приходят телеграммы от лиц, жертвующих хлеб… В Пензенской губ. миогие сельские общества жертвуют хлеб бесплатно. 4 аолости пожертвовали 12 тысяч пудов.

Появление продуктов, падение цен на рынках...

...На диях ожидается аакон об укреплении навсегда запретительных мер по продаже спиртных напитков.

Митвиг полицейских. Одееса. Полиция должна отдать свои силы на служение обновлённой России. Отныне участок должен перестать быть презренным отверженным местом... Если нам выкажет доверие Совет Рабочих и Солдатских депутатов...

Одееса. Студеический комитет возбудил ходатайство о распространении среди населения громадных запасов литературы 1905 года. Ходатайство будет удовлетворено. В комитет поступают сведения о попытках притаившихся монархистов сеять смуту. Совещания монархистов немедленно раскрываются, некоторые участники арестованы. Правая «Русская речь», преобразовавшаяся было в «Свободную Россию», окончательно прекратнлась.

Ф. И. Шаляпин сочинил слова и музыку нового гимна «Свободный гражданин» и исполнит его в асскресенье с хором Мариинского театра:

К оружью, граждане, к знамёнам, Тиранов жадных свергнут гнёт, Зпамёна красные— вперёд, Во славу русского народа!

...Вчера, 15-го, в пераом балетном спектакле аал Мариинского театра, полный демократической публики от верхних ярусов до пераых рядов кресел, представлял редкостное арелище. Не было отаратительных фраков и ниако вырезанных жилетов со снежно белеющими манишками, ни следа ресторапно-аристократического шика, обычно господствующего на балетных представлениях. Не было безвкуснцы расфранчённых пеприлични и безбрежных богатста, амальгамы бнржи и кокетстав... Перед третьим дейстанем ася труппа выстроилась на сцене, под марсельезу, Фокин прочёл от артнстов адрес с выражением преданности новому строю. Карсавина сидела в ложе честных борцов за новую гражданстаенность.

Посох «Васи-Босоножки». В следственную комиссию при Гос. Думе доставлен посох юродивого, железный, весом около пуда, на нём выгравирована надпись следующего содержания: «Сей посох дан страннику Васнлию Его Императорским Величеством». Следственная комиссия нашла нужным отобрать посох, дабы «Вася-Босоножка» не мог использовать надпись на посохе для агитации среди тёмных масс.

Дешевый прокат изящных автомобилей.

ПРОДАЕТСЯ РОСКОШНАЯ ГОСТИНАЯ красного дереаа с бронзовыми предметами.

РАЗВОД быетро и дешево.

Приезжая молодая деаушка желает получить место к одинокому (или к одинокой).

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ПЕРЕД ВОЙНОЙ. Президент Вяльсои в своём пославнии к конгрессу в понедельник укажет, что Соединённые Штаты были вынуждены к войне.

Английские войска а 70 кнлометрах от **Исрусвлима.** Новый крестовый поход! В случае овладення Палестиной Англия официально высквжется за предоставление стрвиы евреям для колонизации.

Приготовление Бразилии к войне... варварская горманская подводнвя война...

ПРОРЫВА НЕ БУДЕТ. Ввиду близкой распутицы нельзя ожидать решительных действий противника... остающиеся педели распутицы будут употреблены Германней на энергичную подготоаку операций.

Победв или рабство. Всего несколько недель отделяют нас от начала нового немецкого наступления. Не сумев устоять, мы потеряем золотую свободу.

(«Новое время»)

...нужно призвать и старых и малых. Нужно превратить ночи а дли и работать изо всех сил...

Страна ждёт от петроградских рабочих чуда, что 8-часовой день пе подорвёт производства. Заводские комитеты песомпенно помнят прекрасное место на речи Ллойд Джорджа... Они не уподобится приспешникам старого режима, забывавшим обо всём, кроме своих питересов...

(«Новое время»)

Телеграммв химического номитета. Доношу, что государственный переворот не вызвал остановки заводов взрывчатых веществ, удушающих средств и кислотных... Рабочие проявляли радость событиям только в свободное время...

Академик Ипатьев

Батальо и 1-го марта... из быаших дезертиров, добровольно желающих в строй, и из солдат, освобождённых из тюрем... Командный состав батальона будет избираться, должности будут распределяться вне заансимости от числа авёздочек на погонах. Может быть это — перавя частица республиканских аойск, будущий оплот свободы протиа посягательста контрреволюции!.. Товарищи солдаты-дезертиры! Вам укванавется путь доказать вашу любовь к Родине. Батальон ходатайстаует о присвосиии сму имени подполковника Грузинова.

Химики и огнеметчини! Ротный комитет извещает, что если ие явитесь в часть до 28 марта, то будете считаться изменниками родины, стороиниками старого режима и отданы под суд.

...объявляется, что явка дезертиров ещё раз отложена до 15 апреля, последний срок...

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБ ОТМЕНЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

...Отмена казни а момент торжества реаолюции — признак асликодушин и проницательной мудрости. В новой свободной России уже никогда не может быть того надругательства над человеческой душой...

Керенский со слезами на глааах сказал: «Я счастлиа, что мпс выпало на долю подписать укаа об отмене смертной казии в России навсегда.»

...Сотин лет лучшие умы мира боролись с этим жестоким беесмысленным... Тысяча раз доказана бесполезность устрашения смертью. Тем не менее до настоящего дни даже а демократических государстаах, как Англия, Франция и Соединённые Штаты, смертная казнь продолжает сущестаоаать... Никогда, ни при каких условиях, ни за какие випы России ие будет больше убивать своих граждан. Что бы ни дала наша свобода потом, — более полного выражения народоправстаа не найти! День очищения народной души от величайшего греха монархической России.

(«Биржевые ведомости»)

СМЕРТЬ ГИЛЬОТИНЫ. Одна великая реаолюция ааела гильотину, другая отменила её. Как праздинчио светло и красиво, что свободная республиканская Россия начинает с отмены казии! Власть подаёт обществу аозаышенный пример облагорожения правоа. Великая Французская Революция, провозглашая высокие прииципы, не гнушалаеь насаждать их при помощи налача. Русская революция начинает с того, что берёт человеческую жизнь под охрану. Отменить смертную казнь во время войны может только власть, сознающая свою силу.

...Кто теперь смеет упрекнуть революцию а кроаожадиости? Кто осмелится оспаривать её глубокую чистогу?

ОТМЕПЛ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ. Быть может, авитра эта реформа, которой страна тщетно ждала при старом строе, станет законом. Могут упрекнуть, ночему правительстаю начинает с уравнения инородцев, а не уравнения кростьян... А тут — пичего не надо создавать, а только разрушить уродливые...

Но все правоограничения национальностей бледнели перед чистосреднеаековой системой издевательства и гиёта, которой подвергался еврейский парод.

("PUCCKOE CAOSO")

...Прежде всего по отношению к евреям беспрерывно производились эксперименты, которые в последние годы приняли характер открытого глумления и издеаательства над человеческим достоинстаюм. Царизм может сказать про себя словами Макбета: эту кровь не смоет с рук весь океан Нептуна!

Отмена веровсповедных и нацвональных ограничений... в отношении жительства, передвиження; првобретении вещественных прав на вмущества, не исключая казённых; представления их а звлог; участия в казённых подрядах, постваках, вкционерных обществах, публичных торгах; пайма рабочих; занятия акяких должностей также и в государственной и военной службе; поступления в учебные заведения, преподавання в пих; запятня должностей присяжных заседателен и попечителей. Действие проекта не рвспространяется лишь на германских, австрийских и венгерских выходцев. Акт будет обсуждаться во Временном Прввительстве 18 марта.

Приезд вмеривнеких напиталиетоа. ...сообщают о приезде в скором времени в Россию большого числа русских евреев, предполагающих применить капиталы на дело развития русской промышленности. Лицо, недавно вернувшееся из Нью-Йоркв, рассказывает, что пигде не приходилось наблюдать такого интересв к России, квк среди русских евреев.

(«Новое время»)

Возвращение политических эмигрантов. В Торнео называют свою припвдлежность к политическим эмигрантам — и комендант, не входя в проверку этих даиных, предоставляет таким лицам меств а первом же курьерском поезде. Эмигранты проверяются комиссаром лишь иа Финляндском вокзале.

В первые дни революцип, как навестно, жвидармы, охранявшие пограничные станции, бросили саон посты, аследствие чего череа Торнео хлынулв в Россию массв шпионов. В настоящее время охрана границ восстановленв.

ХВАЛА МАРКОВУ 2-му. Он всегда в принципе отвергал свободу слова. Теперь он требует её для себя. Он говорит: старый порядок я защищал раньше, остаюсь его защитником и в дни надения. Согласитесь, а этой позиции Маркова больше достоинствв, чем в пресмыкательстве оборотней, поспешивших преклоииться перед новым строем.

НОВАЯ ЭМИГРАЦИЯ? Некрасиаая картина массового отъезда из Петрограда. Буржуазиые слои, которые молчалиао приияли переворот, ио ваирают на будущее с тревогой... Дряблые души, лишённые чувства гражданстаенпоети, у них нет веры в прочноеть нового уклада. Они перенесут панику за рубеж, дискредитируют дело евободы в глазах иностранцеа. Изменники нашему демократическому строю, они увозят из страны масеу денег, подрывают курс рубля.

РЕЧЬ КЕРЕНСКОГО В СВЕАБОРГЕ. ...Я приехал принести финляндскому народу весть о его свободс, которую дал ему русский рабочий, крестьянии, солдат. Отишне прочь всякие сомисния! Позвольте мие объявить финляндским гражданам, совершившим политические прсступления, полную ампистию! Товарищи, на диях я еду в Ставку для свидания с генсралом Алскссевым. Позвольте мне ему сказать, что отныше он может надеяться на Балтийский флот, как на самого себя? Можно мие это ему сказать? (Рукоплескания, «просим!»)

Союз писателей. Русские писатели должны немедленно создать общедоступную народную литературу по асем аажнейшим идейно-политическим вопросам, которая помогла бы тёмпым людям уловить идеи...

(Любовь Гуревич, «Речь»)

Искусство должно служить народу! В демократическом государстве искусство имеет право па существование, поскольку оно является орудием народного просаещения.

...В Таврический даорец продолжают поступать арестованные, ио это по большей части лица, не совершившие инкаких преступлений. Их тотчас освобождают.

Облава. В ночь на 18 марта в разимх районах Петрограда задержано милиционерами 70 воров.

Мнимые страхи. В комиссариат Лесного района явилась жительница с заявлением, что она укажет штаб черносотенцев, у которых иесколько ватомобилей, асоруженных пулемётами, они разъезжают по окрестностям Петрограда и расстреливают прохожих и милиционеров. При проверке аыяснилось, что никакого штаба черносотенцев и никаких аатомобилей не имеется, заявительница оказалась психически больной. Подобных заявлений много поступает, особенно в окраинные комиссариаты.

Надзор за проституцией. Отменён прежний надаор полицейских комитетов с арачами. Ныве для женщин, занимающихся позорным промыслом, будут созданы особые приёмные пулкты.

Воззаанне комиссара Москвы. Граждаие! С падсиисм старой власти пришлось устраннть и ту полицню, на которой лежало взыскание налогов. Но потребности государства не могут ждать ни дня, ни часа. Граждане, несите сами а казначейство излоги, какие с зас следуют.

Предупреждение иаселению. Зв последяее время участились случаи прияуждения торговцеа продавать товары, находнщиеся у них на складах. Комиссар Москвы Кишкии просит население сохранять на некоторое время полиое спокойстаие... Все эти запасы будут предоставлены не случайно

подошедшвы группам населения. Бессистемная продажа товаров влечёт за собой ухудшение положении.

Присята Грузинова. ...В 12 час. дня а Кремле, на Царской площади протна Архангельского собора, командующяй войсками с чинами штаба принесёт присягу на верность российскому государству, после чего гарнизонным духовенством будет отслужено молебствие. По приказу командующего на торжество янится от каждой части по взаоду со знаменем.

Приказ комиссара по Мосиве. Для устранення затруднення в данжении населения предписываю немедленно приступить к очистке мостовых и тротуаров ото льда, снега и сора.

Ростоа-на-Дону. Общественный комитет решил распустить аыборную городскую думу как непригодную в услоанях настоящего момента. Нахичеаанская дума остаётся, исключаются только гласные, заведомо вегодные по своим антнобщественным взглядам.

Тюмень. Прекращена газета «Ермак». Издатель заключён а тюрьму.

Нижний Новгород. В приказе по гариизопу объявлено, что ваиду аысокого значении Совета Солдатских Депутатов — временно считать всех его членов неприкосновенными, не приводить в исполнение дисциплинарных взысканий к инм, освободить от нарядов и обязанностей службы. По всей губернии началась чистка приверженцев старой власти.

Одесса. Арестованы ещё несколько видных черносотенцев.

Житомер. Прекращено печатанне праной газеты, её редактор — председатель Союза русского народа, арестован.

ДЕРЕВНЯ. Переворот был совершён городом. Дереанн город не знает, но устаноанлось подозрительное отношение к ней. Само Учредительное Собрание а крестьянских руках яачинает казаться опасной игрушкой. В среде крестьянства нет инкакого ясного самосознания. По дереаням не стало житья от воров и хулиганов.

Нован сенсационная книга ТАЙНЫ РУССКОГО ДВОРА. Закулисная жизнь Николая II. Секрет распутинского влияния на женщии. Распутии и зксимператрица. Тайны великосветских салонов.

Молодая особа с хорошим разборчнаым почерком...

МЭЗОН АНГЛЕЗ. К сезонам в колоссальном выборе МАНТО, ПАЛЬТО, КОСТЮМЫ.

В СИБИРСКОМ ЭКСПРЕССЕ желаю купить билеть, плачу за переуступку.

ОСТАТКИ ВЕПСКОЙ МЕБЕЛИ продаются в очень большом количестве.

643

Так и чуяло сердце Николая Иудовича: не обойдётся. Ох, нет, не обойдётся! Ускал как мог далеко ото всех этих опасных мест — и от Петрограда, и от Могилёна — в Киев. В Киев, где он так долго и счастливо служил командующим Округа, оставил хорошую память, имел много друзей, — хотя и здесь теперь кипела со всею страстью революция, но тут-то он думал перебыть. Нет, не удалось! Разнёсся по Кневу слух, что он приехал, достиг Исполнительного комитета — и именно его здешние знакомства и снязи почему-то толкнули комитет на подозрение, что генерал может что-то злоумышлять, может перестать быть верен новому правительству.

И дна дня назад его незаслужению жестоко арестонали — а позавчера, ненедомо зачем, отправили и элогрозный Петроград, от которого он не знал, как унести ноги дальше.

За что??! Откуда же он мог знать 28 февраля, что мятежники станут правительством? Пранда, везли его благородно: никто не стоял у купе со штыком, никакого конвоя, а сопронождали генерала дна киенских офицера, самых предупредительных. Можно было на станциях выходить из вагона гулять — но Николай Иудович не вышел ни разу, ни даже в Могилёве, где прирастал его вагон, откуда вся беда его и пошла. (Да боялся он — и чтоб не оскорбили прохожие солдаты.)

Этой дорогой от Киева до Петербурга сколько раз он ездил прежде, сколько мест знал глазом,— сейчас на эти поля и междулесья, где боролись туман, солице, снег, вода и чернеющие проталины— с новым отрешённым захолонувшим чувством смотрел Николай Иудонич, пытаясь проникнуть и свою чёрную судьбу и найти выход.

Он уже видел по многим расправам и общему суматошью, что могут засудить и безо всякой вины, разорить, растоптать. А за ним,— за ним пристрастный взгляд мог найти и нипу?

Но взгляд спранедлиный должен был высветлить от обвинений: нет, не было вины за генералом Ивановым, не было!

Теперь он особенно жалел о несчастных обстоятельствах 2-го марта— что не удалось

ему тогда встретиться с Гучковым. Достаточно было в тот день оправдаться перед Гучковым — и теперь, когда он стал ноенным министром, никто б и руки не поднял на Николая Иудовича.

И, как съедающий парпой туман на полях, клубилось в нём: надо оправдаться перед Гучковым! Ещё и сейчас не поздно написать, подать обстоятельный доклад Гучкову.

Но в дороге ему не пришлось написать: ещё не были готовы асе доноды, и трясло. Да чем больше он обдумынал свою защиту — тем более она глубилась, расщеплялась, уже целое дерево корией и нетвей.

Сперва подробно обдумывал он свои действия в перномартовские дни. Взгляду придирчивому, недоброжелательному они, действительно, могли представиться отягощающей цепью: он — в единственный он во всей России! — прямо ехал на подавление революции! Это был — эшафот.

Но если теперь со нсею силой ума ндумываться и ндумываться в каждый шаг и перипетию той алополучной поездки, и ндумываться с проницанием ума сочунствующего, заинтересованного (как только может быть заинтересонан сам человек и сохранении сноей шеи!),— то та же самая элонесчастная цепь событий могла быть (линь при малых изменительных мазках) совсем напротин обрисонана и истолковапа — в оправдание Николаю Иудовичу!

Всю дорогу теперь, почти не спя, почти не ев, генерал обдумывал каждое звёнышко той поездки: как его объяснить, понять и представить.

Если ничего не пропускать и с самого начала: в ту ночь назначения, в императорском вагоне на могилёвском вокзале, — я уже понимал, что причины петроградских нолнений имеют глубокие корни. И я уже тогда доложил — как бы сказать? — бывшему царю Николаю Второму, что надо удовлетворить недовольство народа, и нельзя рассчитывать, что нее войска останутся на стороне правительства.

А ннести нойска и Петроград? — соисем не имело карательного назначения. Предполагалось привлечь войска с фронта лишь для облегчения положения запасных петроградских нойск. Лишь — для охраны петроградских заводов, не больше.

И именно для того, чтобы ни в коем случае пе применить вооружённую силу, я и приказал войскам высаживаться из поездов не а Петрограде, но далеко в окрестностях. Я именно желал избежать междуусобицы. Части, бывшие со мной, не имели никаких столкновений в не пролили ни капли крови.

Это - гланный вынгрыш! С этем не поспорешь.

Да собственно — нет, даже нет, не так! Я к этим войскам не имел инкакого отношения! Я — их не посылал. И я — не видел их н дороге. И я не посещал нх под Петроградом. Прошу отметить, это нее знают: я ведь не поехал к Тарутинскому полку на станцию Александронская. Хотя он был рядом. У меня, по сути, никаких войск не было. А а Петроград я ехал просто как отдельное лицо: просто принять командование Петроградским военным округом. (Вовремя он сжёг удостоверение Алексеена о диктаторстне.)

Георгиенский батальон? Моя поездка совершенно случайно совпала с поездкой батальона. Просто — мой вагон подцепили к их поезду. Нет оснований ставить это мне а вину.

Да всю эту поездку просто раздули газеты.

Да, в пути были некоторые нежелательные эпизоды, между станциями Дпо и Вырица, когда солдаты отбирали у офицеров оружие, — и мне пришлось прибегнуть к силе, по безо всякого оружия. Некоторые из задержанных имели уже по несколько экземпляров оружия.

В самом Царском Селе, лишь исполняя приказ бывшего Верховного Главнокомандующего, я посетил его супругу,— но вы можете любыми средствами проверить, что я не принял от неё никаких поручений и не установил никакой связа протня нового народного пранительства.

Моё положение очень осложивлось тем, что я не имел никаких снедений об обстановке,— но именно поэтому я принял благоразумное добровольное решение — уйти сам и унезти этот единственный батальон в Вырнцу — для ещё большего успокоення. Тут я имел от генерала Алексеева сообщение, что а Петрограде начинается успокоенне и надо ожидать благополучного исхода. На станции Вырица я и решил ожидать исхода переговоров бывшего царя с депутацией Думы.

(Чего и и в коем случае только не следует делать — это ссылаться на обмен телеграммами с Гучковым и надежду встретиться. На нынешнего военного министра это может наложить пятно, быть ему неприятно — и только ухудшит положение обвиняемого генерала.)

И так я не имел пикаких важных для дела сведений до утра 3-го марта, когда получил от Государственной Думы приказ, что вместо меня командовать Округом назначен генерал Корнилов — а я, стало быть, свободен от своих обязанностей.

И я тотчас же стал возвращаться к месту своего жительства в Станку. И только уже на обратном пути узнал об отречении бывшего царя.

Да более того! да гораздо более того и глубже! Упрёки в «царизме», которые мне

делают последние дни, — глубоко несправедливы! Вместе со всеми я разделял общее иедовольство делами царствования Николая II — за что меня очень не любила придаорная немецкая партия. Моё отчисление с Главнокомандования Юго-Западным фронтом и было большой интригой группы лиц, с Распутиным в центре.

Это уже тогда породило у меня чрезвычайно тяжёлое чувство по отношению к бывше-

му царю и его супруге.

Царизмом я не был заражён и не мог быть.

И в Ставке я находился в совершенно изолированиом положении. На вокзале.

Напротив, отречение носледнего царя отнюдь ие освободило меня от вериости службы Отечеству— и всем властям, Отечеством ноставленным.

Моя готовность служить новому правительству усугубляется сознаинем необходимости искоренения того многого отрицательного, что я наблюдал и иснытал при прежних порядках

И я — никогда не принадлежал к каким-либо полвтическим или хотя бы религиозным организациям и кружкам. Поэтому отпадает асякая возможность дурного влияния на меня моих знакомств, в том числе в Киеае.

А а Киев я приехал -- просто отдохнуть и разобраться в личных делах.

...Так кручинные думы отемняли и гнули генерала всю дорогу. Как будто он неплохо строил свою круговую защиту,— но что можно ждать от этих обезумелых революционеров? Недорого возьмут потанцить и на эшафот.

Надежда была — на одного только Гучкова.

И вторую иочь в поезде, как и первую, Николай Иудович почти не снал. Остро болело сердце.

С воспалонной душой он сидел у окиа последние часы поред Петроградом. Что ждало

Подъехали к Варшавскому аокзалу, У Николая Иудовича было два довольно тяжких чемодана, сопровождающий офицер не сразу кашёл и иосильщика. Встречал их офицер — адъютант коменданта Таврического дворца. Стали выходить из вагона — откуда ии возьмись кучка солдат. Увидели гекерала — столпились, кто-то произительно свистнул, зубоскалили — и хотя ин но чему ке было видно, что генерал арестован, — но потребовали, чтобы он сам нонёс свои чемоданы, иначе не пропускали.

И так — с каждым генералом, значит?.. И офицеры ничего не могли поделать. Неограждённость была полная — могли и оскорбить, и ударить. Слава Богу, хотя и отставленный, хотя и почётно-старый, ко генерал сщё не потерял силушку. Он безропотко взял оба чемодана и понёс, аовсе даже не зашатавшись, только налился краско.

Солдаты, очень довольные, или рядом, погогатывали и посвистывали.

К счастью, дальше их ждал автомобиль — и так они оторвались от этой группы. Но тотчас дальше, по Обводиому, шли войска с краскым знаменем. Николай Иудович попросил: везти как-нибудь стороною, так чтоб ке мимо войск.

Но и перед самым Таврическим все улицы были забиты стоящими, чего-то ожидающими войсками. Только и везти мимо ких такого видиого генерала, дралинть. По Шпалериой вообще было невозможно проехать — объехали по Кирочной, с другого ходу. Уж чемоданов нока не брали, офицеры любелно обещали доставить вослед.

Но и в самом Таврическом было ие избежать перейти зал — а а нём тоже в обилии толпились солдаты, и заметили генерала, и это вызвало колкое недружелюбное внимание.

Воистину, был ход как на Голгофу. Уж не чаял Иудович, как скорей бы привели его в отъединённое, хоть и запертое место. Болезненно ждал он оскорбления.

Но обощлось. Довели его коридором до какого-то часового, там дальше ещё коридор — и в комнату. Обыкиовенную комиату, без решёток, не было в ией никого, стоял стол, диван, стулья. Ему прикесли завтрак и оставили его одного.

Николай Иудович покушал, носидел, ноходил: вот так-так, судьбы человеческие! — ок арестант.

А время уходило, надо было писать Гучкову.

Он позвал, попросил чернил и хороший лист бумаги. И хотя перо подали дрянное, но всё ж ои выписал красиаым, чисто нисарским почерком:

«Милостивый государь Александр Иванович!

Если назначение меня Командующим Петроградского Округа с целью уснокоекня в нём брожения и преднолагавшееся усиление гариизона Петрограда дейстаующими аойсками ие соответствовало обстановке наступнашего момента,— то принятое мною решение остановиться в Царском Селе, а затем и отойти на станцию Вырица представляется вполне целесообразным: иначе возможное кровопролитие затруднило бы устаковление нового порядка управления Отечеством.

Отречение носледнего царя от престола не избавило меня от верности Отечестау и поставленным властям. Как я служил 47¹/₂ лет чуждый искательстау, так буду служить и новому правительству, тем более, что новый государственный строй может дать блага народу. И я никогда ие принадлежал пикаким политическим и религиозным... Напротив, солдата и простолюдина люблю с первых лет моей офицерской службы...

644

Минувшие иедели всё-таки не одной революцией были наполнены, Свечин имел удовольствие последить и за настоящей войной, имел азарт и угадывать стратегический замысел и чужое исполиение: германское отступление на Сомме. Как всегда, первые вести приносились близорукими и криклиамми газетными корреспоидентами — и сообщения о якобы грандиозяом наступлении союзников, какого у инх и за асю войну не было, не пресловутый домик пиромщика, ио сотни квадратиых километров, и даже союзные воениые представители при Ставке покяли так. Но затем, и через них же, сталя приходить саедення достоверные — и проступил истинный смысл события, какой Саечин и подозревал: ничего французы пе прорвали, слишком это было бы легко на устоявшемся фронте: иемцы отступали гами, ничем не амиужденные к тому! Да отступали — как? С высоким искусством, узнавалась до мелочей разработанная напряжённая программа гинденбурговского штаба: отстунали так, что имели всё время инициативу, свободу дейстанй, а французам покидали изстолько методически разоренную территорию вместо их палаженной прифронтовой, что обрекали их на аажнейшем участке фронта к длительной разрухе и бездейставю. Великоленный замысел и великоленное исполиение! Немцы на несколько месяцев создавали себе иовое выгодкое соотношение и освобождали много своих сил. Свечии и асегда считал, что гениальность более всего может проявиться не в наступлении. а а отступлении.

На третьем году войны немцы ни а чём не проявили ослабления, но оставались всё тем же мировым классическим врагом.

Следил за чужим замыслом и завидовал, что ие русская стратегия мечет такие нетли. Русских стратегов посадили под дурацкий красиый колпак.

Но — где используют иемцы освободившиеся силы? На Западиом ли фронте? Не на Восточном? В отношении чисто военном это было для иих и возможно и исключительно выгодно: при пачавшемся развале русской армии они могли бы иметь здесь крупный быстрый успех.

Однако, кажется, политическое зарево стояло аыше военного: пужно ли им ка наше разложение каступать, или дать нам разлагаться дальше?

Революционные события Саечик перекосил, точнее всего сказать: брезгливо. Высокоразумные существа — люди — вдруг обращаются в стадо озаерелых обезьяк. Личность растворяется в слепых страстях толны, и больше всего боятся люди показаться умеренными. Об этой революции или дворцовых переворотах давко болтали все петроградские и москоаские салокы и земгороаские интеллигектския агитаторы, виушали, кликали, призывали — яе могли потерпеть до кокца войкы.

Великому кароду в великих боях такое легкомыслие не проходит аря.

Но остановить — было упущено а роковые февральские дии. Прохлопал Государь. Прохлопал Аленсеев со своей блеклой упряжной Луномского-Клембовского. Прохлопал Хабалов. Прохлопал Иудушка Иванов. Уже не говоря о размвзне императорского правительства. И наконец, сползая с гривы на хвост, прохлопал и долгоногий великий низь. (Что он заменён на Кавказе деловым Юденичем — только к счастью для Кавказского фронта. Лишь не дать англичанам погонять нас захватывать для них мосульскую нефть.)

Оки все прохлопали, и закатились или быстро закатывались,— ио должиа была стоять Россия, и её Армяя, и её Стаака — и все, кто служил в Стааке, преиебрежа саоей брезгливостью, или презрением. Для того, чтобы асем им стоять, приходилось терпеть и неприятное, и иеопрятное — и как-то служить и ему. Терпеливая лииия в дальием просмотре всегда оказывается верней. Какая-то дряиь ушла с переворотом, какая-то наплывёт и новая, может быть и гуще, — а Ставка должна стоять. И ие только решать обычиые задачи стратегические, по ещё и методами, которых у иеё сроду ие было, охранить солдат от подстрекательства денутатов, комитетов, Соаетоа, — удержать армию от переёма норядкоа тыла. А сейчас опубликовали ещё какую-то «Декларацию прав солдата», — это что ж? в отмен всех уставоа? Окончательно отменяется отдание чести, и даже перед строем? отменяется аечерияя поверка, а «смирио» — комаида лишь предварительная, — это что?

Свечин всегда знал одни деаиз: служить. Пути вольномыслия очень завлекательны и разнообразны, и очень припяты образованиыми людьми, ио дело движут и развивают не оии, а вот те самые презрениые чиновники и военные служаки, которые являются на службу утром и уходят а пять пополудни, если нет сверхурочных работ.

Справится ли Ставка а новом положении? Способиа ли Ставка ещё на что-вибудь? Но нельзя признать положение уже загубленным, а службу уже бесполезной. Вот, Егор просится — хочет что-то придумать? (В нынешней неразберихе, да когда ликандируются асе великокняжеские отделы, наверно удастся всунуть его в Ставку, аот только улучить Алексеева наедине.)

Главное — Ставка не должна выступить против нового правительства, это Алексеев ведёт правильно.

Выход — всегдашиий единственный выход жизни: компромисс. Принести присягу Времениому правительству? Пожалуйста. С почётом принять а Ставке министров иового правительства как людей якобы серьёзных и что-то нопимающих? Пожалуйста.

Как оправдать новую присигу? Можио это соственть. Я прежде присягал императору Николаю II? Но разве я присягал лично ему, Николаю Алексаидровичу? Я присягал главе государства, которое является моим отечеством. Одиако, раз блего отечества не осуще-

ствилось при том императоре - будем искать его при иовой власти.

Уже вчера из завтраке в собрании Свечии видел Гучкова, тот поздоровался весьма прохладио. Он конечно помиил крутой отказ Свечина тогда, в ресторане Кюба, когда пылкий Воротынцев чего-то от Гучкова с верою ждал. А Свечину дввио уже нвдоель этв игра в млвдотурок, двано пора ствиовиться взрослыми. Но раз Гучков ствл военным министром — он переходит из сил мятежных в силы созидающие, в те, с которыми неизбежен компромисс. Он ствновится одной из дюжниы голов этого нового сочленения, которой Свечин уже присягнул. И потому, и по служебному благоразумию, не следует продолжать прежнего вызова — но сгладить, сколько удастся.

Достиг Гучков звлуманиой своей высоты, но показался он Свечину не орлом, ширяющим под небесами, а довольно утомлённым и помятым петухом. И аресты стввочных чинов по его приквзу выглядели не грозпо, а жвлко. И офицеры, приехавшие с Гучковым,

тасквли позорные нрасные бвиты, - в стввочяме ни одии.

Встречать министров сегодия нв вокзале, Алексеев нвстоял, должны все ведущие чины

Вдруг почему-то пожвлел Алексеева. (Никогда не жвлел.) Вся мера унижения, канвя былв в этой встрече, онв падалв больше всего ему. Серых, честных, трудолюбивых — твких ни при накой власти ие возаышают, это ещё государева была личная склоиность, — в вот обливалв его революция помоями, в ему оставвлось только отираться, квн и ничто.

Итви, на воизале был выстроен почётный кврвул из георгнеаского батальона. Вся главная квартира, вместе и с морским штабом. Военные агенты союзных держав вышли на перрон из гучковского вагона. (Это Гучков подстроил по времени. А сам не вышел. И по-

нимающий глаз разило, что военного министра встречали вчера ие твн.)

Обывателей из города было мало — город не смынвлся с вонзалом. Но приехвли на извозчинах (носились на них по городу) нвние-то с нрасными бантами, нрасшыми шврфвми и даже нрвсными лентвми наиснось, через плечо. Но привели и построили каную-то шнолу, уже с красным флагом. Оствльной перрон был беспорядочио звбит любопытными железнодорожниками и солдатами, что создавало толиу, но нарушало строй.

Ещё и нв нрышах примынающих станционных построен тоже набрался любопытствующий народ. Ещё выше, внруг высоких ствиционных тополей, в теплоавтом пасмурном

дне суетились, возились, нричали грачи, прплетевшие тому дня три.

На подходе поезда двв орнестра уже заиграли мврсельезу.

Вагон министров сразу был отмечен тем, что из него выходила и строилась охрана из гвардейсного знипажа.

Встречающие не знали точно, нто именио из министров будет, ожидали первым

увидеть князя Львовв — первым явлением не царской власти на Руси.

Но в ввгониой двери появился — подчёркиуто узкий, тщедушный, подчёркнуто подвижиый, не в штвтском пвльто, ио в полувоенной куртке и в полувоенном картузе, всем видом и движениями явио претеидуя казвться военным. И ещё ему явно хотелось отдать под козырёк. Но оп удержвлся, а с твмбурной площадки приветствовал всех собравшихся квим-то римским движением руни — и тут же, звоикоголосо перекрикивая ещё не замолкший оркестр, закликнул:

Товарищи! Армиям фронта — имзкий поклон свободного народв! Надеюсь, авше

воинство сломит упорство внешиего врагв!

И — ие сошёл, и не сбежвл, в почти спрыгнул к Алексееву со ступенек. И ие просто пожал руку генервлу, но повышенным тоном вскричал:

 Позвольте мие, генервя, в знак братского приветствия врмии, поцеловать выс как её верховиого представителя и передать привет от Государственной Думы!

И — смело поцеловал колючего Алексеева своим голым обгубьем.

Двльше вышлв заминка, которую Свечии хорошо видел поблизости: этот мальчиковый министр тут же нвмереввлся и идти, с Алексеевым или даже без него, мимо почётного кврвулв. Но Алексеев, естественно, ждал следующих министров. А следующий министр в твмбуре не появлялся. (Когдв потом появился нвдутый Милюков в шубе, можно было догадаться, что он не хотел просто прилиннуть к спине юного предшественника.) Вышлв заминка,— а тем временем матрос гвардейского экипажа с усилием опустил одно вагоиное окно — и оттуда выставился ещё квкой-то штвтский, без шапки, хорьковатого видв, с холёными усами, и тоже ораторски высунул руку и закричал, но уже в тишине, в приготовлениом внимании:

— **Товарищи железнодорожники! Ваш героизм и сознат**ельность безропотно иесущих

днём и ночью свой труд с удвоенной знергией нв алтарь отечествв!.. Старое правительство разрушило железные дороги, но мы оживим их и подинмем правовое положение железио-дорожников!

Так что постененно прояспялось, что это наверио — министр путей сообщений.

А в тамбурр ноказался и выдвигался к двери — очень ностенению, очень солидио, ив голове богатая меховая шапкв, шея в меховом воротнике, строгий вид, строгие очки — всем известный Милюков.

От некоторых не в строю раздались вплодисменты.

Милюков осторожно, как бы остерегаясь сввлиться, сошёл по ступенькам, виизу поздоровался с Алексеевым. И движенья не делвл приобнять или целоваться.

Тем временем сходил со ступенек ещё одии министр — ростом выше Милюкова, совсем ие надутый, открытое прямое лицо.

Звтем и тот хорьковатый.

И теперь все четверо с Алексеевым двинулись мимо почётного кврвула,— но министрмвльчик ив петерпеливый швг вперёд всех оствльных, и первый звоико крикиул, смешно из юнонеского горла:

Здорово, молодиы!

И георгиевские кавалеры отлично отрубили:

Здравня — желаем — господин — министр!

Милюков и другие уже не кричвли караулу.

И мимо выстроенных чинов Ставки прошли со штатскими ноклонами, пикто никому не подвл руки.

Впрочем, и много стояло же этих чинов.

Впрочем, Госудврь подаввл.

Затем онять возврвтились и своему тамбуру, и тот шустрый министр легко взлетел нв площвдку, обернулся и быстрым горячим голосом нвчал выбрызгиввть речь. Кидвлась его необычайная взволнованиость, и ощущение необычайности моментв, и стрвсть голосв,— за всем тем Свечин только и усвоил из его речи, что Учредительного Собрания нельзя собрвть, не достигнув прежде победы над немцами.

По крайней мере хоть это полимали.

И — «ура» за армпю!

- Ура-а-а-в-а!

Затем медленно, солидно на ту же площадну взошёл тяжёлый Милюков, обернулся, взялся рунами за верхи поручней (проверя пальцем, иет ли твм налётов паровозной сажи) — и ствл подчёркнуто не торопясь и подчёрниуто без ажитации, довольно долго говорить.

Он отмечвл элслуги армии в свержении старого режима.

(Если говорить об Армии Действующей, то заслугв могла быть тольно в полном бездействии.)

Уверен был:

 Народ, сумевший в четыре дня совершить мировой переворот, — добьётся и победы пад внешним врагом!

Сесть бы тебе за онеративный стол, да посчитвть, сколько мы потеряли от петроградских заводов. Да смещённых начальников. Да комитетов сколько. Да дезертиров.

И — «ура» за армию!

- Ура-а-а-а-а!

А затем поднялся тот третий министр, с таким хорошим, естественным лицом. И голос у него оказался естественный и душевный, двже редко такой услышишь. Но говорил он зачем-то длинно, с косвенными отвлечениями, всё не мог останоанться,— всё о тяжёлом наследстве старого режима, как его преступный хаос отразился на продовольствии. Говорил кан-то растерянно или рассеянно, будто сам озабоченно думая о другом:

— Хлебородиая странв вследствие преступной политики стврого режимв осталась без хлебв. В две педели наладить спабжение было, коисчио, трудпо. Но будут привлечены лучшие люди общества. Не псияйте нвм, если на первых порвх придётся исскольно и со-

кратить нотребление.

А что ж неняли старому правительству? Оно и не сокрвщвло.

— Теперь — мы сами делвем свою историю — и не нв кого сввливать ответственность. Во имя будущего надо ограничить себя в иастоящем. Только общей неустанной самоотверженной работой...

645

Не прошло и трёх недель революции — врмия была расколота до осиования, шаталась и гиблв. Не то что нвступвть в этом году ив Гермвиию, — рвзумпому военному человеку было ясио, что для спасеция самой-то армии, чтобы было кому с т о я т ь, могли оствться только недели!

А Лечинкий сказал: всё разно ничего не поделать...

А сослуживцы по штабу армив и кого Воротынцев повидал в поездке по корпусам — были встревожены, уязалены, ироничны, или даже равнодушны (или даже перекрашивальсь под новую аласть?), — по никто не разделял, что надо немедленно, аот тут же, самим, что-то резкое предпринять.

Армия - асегда и на асё ждёт команды.

Как мы асе разъединены! Все дёргаемся поодиночке. Офицерстаю оказалось — сплошное баранство. Мы смелы а саоём обязательном строю, а бою протиа Гинденбурга, — но пришло с неожиданной стороны, из-за нашей спины, — и какой мрази уступили?

Впрочем, большинство когда умело что-вибудь сделать? Большинство и всегда лениво

духом, на него надежды нет.

Но — немыслимо не противостать этому разложению! Ведь на этом не кончится, пойдёт ещё глубже. Лечицкий прав: это — осыпь земляной кручи, и она тронулась ещё только по верху. О революции уже все пишут как о чём-то, произошедшем три недели иззад. Хо-го! Она только начинается!

 ${f H}$ надо спешно искать наилучшей точки: ${f n}$ — чтоб самому не сполати, ${f n}$ — чтоб

удержать. Если это вообще кому-нибудь посильно.

Воротынцеа стал спать дурно, его жгло, что надо немедленно делаты Он ждал

отаета от Саечина. Саечин нока дал телеграмму, что - надеется устроить.

Решение — не рождалось. Пераое соображение аоенного — применить к ситуации военные средстаа. Но такие средстаа — у кого были? И был бы у Воротынцева саой прежний полк — сегодня, конечно, тоже разлагаемый — так и тоже не то, вращённый а костяк фронта, отдельно не аынешь. И: реаолюция — точно как зараза: тот, кто хочет приблизиться лечить от неё, — обречён прежде заразиться сам.

Да и что на Румынском фронте можно делать?

Он только мог присоединиться к кому-то крупному и сильному.

По вот — и Лечицкий не собирал таких. Западный фронт — на уровне Москаы! — мог

быть таким центром действия! - но вот Лечицкий не брал его.

Вчера весь день стоял туман кад городишкой Романом, а сегодпя подул соасем тёплый аетер, туман сдёрнуло, иод солицем и небом открылся Серет и степь за ним а сторону Ясс — ингде уже ни клочка снега, и только чёрные-пречёрные плодородкейшие поля, ждущие семян, и такие же чёрные авмешенные дороги, по которым проехать совсем кевозможно. На несколько двей ася Деаятая армия потонула в этом море грязи. Но каждый, кто становился нощуриться под солкцем и принять этот обсщательный ветер в лёгкие, — узнавал вокруг и в себе каждогоднее, каждый год удваляющее ликование весны — толчком а грудь, вмещающее в нас сиоп радости, самоуверенности и надежд.

В такую ногоду, и чувстауя себя молодым - нельзя не верить а успех.

И а этот солнечно-голубой день — пришла Воротынцеву телеграмма из военного министерства. Не от самого Гучнова, но от помощника его, генерала Новицного. А содержание — захватывало дух: немедленно прибыть а министерство получить назначение с большим повышением!

Такая телеграмма может придти офицеру — раз а жизни. И пе а каждой жизни.

Да Воротынцев, признаться-сказать, и ждал такой телеграммы. И даже удиалялск, почему не шлют: обиделся на него Гучкоа?

Воротынцеву, а его разряде командира полка, повышением было бы — получить дивизию и генеральский чип. А — большим повышением? Сразу корпус?..

Или... революция чудит... или — даже Армию потом вскоре?

Всё может быть, когда прежвые начдивы и комкоры начали сыпаться как сосновые шишки.

«Дорогу независимым!»... На этом тезисе ведь и было их совпадение с Гучковым. Об этом и мечтали: сменять по непригодности, а не по старческой только болезни. Это и обличали: загромождение командных постов засидевшимися стариками.

Головокружительный соблазн.

Выбор — целой жизни...

Какой аыбор? Да, конечно, я согласен! Кто может быть не согласен?

А Лечицкий сказал: не аремя сейчас аозаышаться.

Но в именно — аремя! Но и важней всего — управлять событиями сейчас!

Но если Лечицкий не андит силы в Глаанокомандовании Фронтом — то что может сделать корпусной? Получить от Гучкова корпус, — а с чего он окажется крепкий и стойкий?

И потом: идти сейчас к Гучкову — значит и служить этой самой революции? Разае Гучков позовёт — противодействовать ей? Ок же сам — петроградская власть.

Но реаолюция — это событие слишком огромного масштаба, чтоб его безошибочно разглядеть изблизи. И из революций тоже выходили могучие государстав, на аека.

Могут быть ещё разные, разные повороты к лучшему, там дальше уаидим?..

Но что, аот, сразу близко аидно: Временное правительство, которому так бы естественно выйти из войны, — безмозгло кричит о новом приливе сил и о войне до победы.

И — сами же при этом разрушают армию.

На что ж они надеются?..

Продолжать войну? — уже а прошлом году это было преступно перед русским народом. Сегодня — это стало и безнадёжно. После того как отпробовали шинучего комитетского нанытка — кто ж вернётся а старый строй? Тенерь-то, после революции, — продолжать войну самоубийство.

Теперь долг — не нереть на аойну, не жалея лба, — но спасти варод а час его охмелекия

Да вот: как Гучков допустил эту «Декларацию прав солдата»? Он возвышает энергичных офицеров — и он же разваливает армейские уставы? И чего он ещё наворочает?

И какой же смысл возвышаться по куче, которая рушится?

А а этих комиссиях — поливановской, Военной — однако, кто и налип, как не младотурки же?..

Нет, пути расходятся. Это был самообман, будто и Воротынцеа состоял а той компанин. Как будто асе едино хотели разумных армейских реформ. А они, аот, готовы и на развал.

Новвикий, нодписавший телеграмму,— генерал-писатель, большой любитель изъяснять военную жизнь пером. Сейчас, когда больше асего нужна пропаганда, конечно, ему и быть при военном министре. Он ещё из юнкеров был разжалован за политику, потом асё же прошёл курс. А недавно был отставлен от бригады: что она по его выне понесла потери газовой атакой.

Ка́к асегда жаждал Воротынцеа аысокого назначения! И адруг саеркнуло — анезапное, небывалое!

Но — не от тех.

Но — не а то аремя.

Нет, не должность авжна при реаолюции. А — реальная возможность делать дело. Однако а штабе Деаятой армии теперь уж вовсе не остаётся делать кичего серьёзного.

Ставка! Вот единственное место, которое может противостоять и развалу от правительства, и развалу снизу. Единственное место, независимое от Петрограда и само себе командующее.

Единственное место, где может завязаться армейское сопротивление красному Петрограду. Если уж ие в Ставке — то где ж ещё?

Или, все-таки, припять аызоа Гучкова?

С какой решимостью — отшаырнуть?.. Ведь на корпусе вскоре — и генерал-лейте-каптский чин! А а Ставке — кичто, какая-кибудь жалкая должность?

Выбор честолюбия: да, безусловно ехать к Гучкову! Сейчас же — согласие, и аы-езжать!

Как вот подсожнет.

Выбор реального дела: только Ставка! Неракый узел.

Не может быть, чтоб уже всё было без поворота проиграно!

Во асякой стесиённой задаче, если всматриваться а неё присталько и со саезкестью, можко узыдеть решение — и даже достаточно простое, неожиданное.

И есть — азарт опасных положений!

Сказал Лечицкий: революцию не перехитрить?

А может быть, асё-таки, есть такой способ?

Да не может быть, чтоб не оставалось викакого аыхода! Так не бывает ни на войне, ни в природе.

646

И снова катили торжественные валы революции! И снова текли в текли праздничные войска к Государственной Луме!

Позавчера пришёл из Нового Петергофа гаврдейский артиллерийский дивизиов — и притащил за собой 12 тяжёлых пушек. И с оркестром и со всеми плакатами хлынул на ненадёжные полы Екатерининского зала, к счастью не пытаясь атянуть с собой и пушки — они асе двенадцать остались на Шпалерной, грозною народною защитой Государственной Думы. Но ещё стояли а Екатерининском артиллеристы — как уже нодошёл к дворцу, мешая строй из-за пушек, — гаврдейский Литоаский батальов. Пока разобрались, амаели одких, ваели других, произнесли речи перед литоацами (и Родзянко онять, но и Чхендзе онять), — доложили, что снаружи нодошёл 180-й запасной полк. («Тех, кто нредавал народ, — под народный суд!»)

Уже так много было полкоа, желающих аыразить предавность, что не асе могли пойти по круговороту Таврический дворец-Дворцовая площадь, но кто куда успел. С Дворцовой площади доносили но телефону, что там а этот день Корнилов првнимает парад и митинг сразу двух пулемётных полкоа перед отправкою их а Ораниенбаум. (Уже который день пулемётные полки ходили а разные места Петрограда и прощались.)

Вчера привалил к Государственной Думе запасной батальон газрдейского Петроградского полка— с полуистлевшим георгиевским знаменем, простреленным а турецкую

камнанию, и красной лентой: «Доверяем Временному правительству». Родзянко а это время не было в Таврическом; Чхеидзе, на этот раз не «генерал», в «солдат от народного доверия», воснользовался и звал зорко следить за шагами Времекного правительства. А к Измайловскому батальону Родзянко поснел, и выборный нолковник произнёс здравицу: «За мудрого честного вождя Родзякко!» — и обоих нонесли на руках.

Однако высшего ликования шествия нолков достигли сегодкя! Феерически повторялась нелабываемак картика революционных дней! Колокны войск звбили всю Шпалерную, завернули на Потёмкинскую и дальше вокруг Таврического свда — и по несколько часов ожидали внускв во дворец, мкогие сидя на сиегу, в то и лёжв, ружья везде

составлены в нирамидки.

Первым пригарцевал 9-й запаской кавалерийский полк, сам себя квзввеший «1-м кавалерийским нолком республиканской армии»,— это казввкие они и везли на пиках нервой шеренги.

Сразу же за ними вришёл лейб-гвврдейский Московский, и тут же зв ним — лейб-

гвардии Преображенский.

Так и забили улицы — хотя и это был ке кокец: двльше иришли пешком из Петергофа, нотом 2-й балтийский флотский экинаж и, уже к вечеру, — гвардейский экинаж. А в 8 часов вечера, уже в нолной темиоте, — дошвгал из Красного Села 176-й полк.

И все дожидались очереди войти в Екатерининский зал и тут держать митинг. За-

конное желание! (Хотя и утомительное.)

И аыступали, выступали, чередуясь, то думские депутаты, то члены Совета. Сам Родлянко берёг свои силы, чтобы выступить перед экинажами, тем и другим. Вот аливались в зал и чёрные шинели. (У гвардейцев на знамени с одной стороны изображён крестьянии, «земля и воля», с другой — кузиец с нвковалькей и «да здравствует свобода».) Второй Балтийский экинаж Родзянко убеждал терпеливо ждать воли Учредителького Собрания, которое и ответит на все вопросы, волнующие русский народ. Но тут же влез от московского совета депутатов: что моряки — революционный авангард и выдвинули лейтенанта Шмидта, и отстрит теперь свободу, которан нока завоёвана лишь наполокину.

И его — балтийцы качали. А Родзякку — не качали.

А к гвардейскому экипажу прежде Родлянки обратился их командир, капитан первого ранга: мол, 100 лет назад, когда декабристы выаели на улицу нетербургские полки,— гвардейский экинаж тогда аышел первый. Теперь — не первым, но тоже вышел. А с проклятыми немцами будем бороться до победного конца! С «ура» поджватили матросы его качать. Затем и Родлинку.

Так до позднего вечера ликовал сегодия Таврический. А завтра, в воскресенье, сюда ожидалась огромная макифестация женщии, добиваться избирательных прав,— и тоже

ведь не мог Михаил Владимирович не выступить.

Всё так, асё отлично, но разве деятельность его только была приветствовять полки? Да именно в эти самые дни 23 армейский корпус прислал Комитету Государственной Лумы а подарок плем — как эмблему безопасности от посягательств врагов свободы. А артиллерийский нарк прислал всё месячное солдатское жалование на усиление войны. И приходили сведения, что крестькие жертвуют для родикы хлеб. И надо было принять делегацию объединившихся демократических поляков, пришедшую благодарить Думский Комитет за обещание независимости Польше. (И хотя Комитет был ни нри чём — ко как не принять благодариости?) И кельзя было не принять Громанз, который ириходил мутить и жаловаться но продовольствию на Шингарёва. (Да и нора была писать воззвание к крестьянам; не ноддаваться агитаторым и ке громить имения. Очнулся тенерь Родзянко, что зря это он а революционных поныхву утвердил реквизицию хлеба, у кого саыше 50 десятин. Это — разбой. И он тенерь протестовал Львову.) И надо было рассылать, рассылать комиссаров Думы во все концы стракы и разъяснять единство Думского Комитета, Временного правительства и Советв Рабочих Депутвтов. А сегодня вызыввл к прямому нроводу генерви Рузский — и ки с того ни с сего новёл по телеграфу дискуссию: кого именко понимать под правительством — Думский Комитет или Совет министров? Генерал нонимает совет микистров лишь как исполнительный орган, а Комитет Государстаенной Думы — как орган высшего контроля. Да, конечно, именно так! — горичо подтверждал Роданико. По мы решили предоставить им отчасти и законодательную власть.

А дошло ли в Петрограде до полкого успокоения?

Ox, много раз говорил Родзянко, кажется, что дошло. Но нет, увы, далеко до успокоення.

Именно в эти последкие дни успеввл решать Михаил Владимирович и ещё более важные вонросы. Тяготящий душу позорпый вопрос, что некоторые депутвты получали субсидии из секретного фокда. Накокец, пришли объяскения ото всех ких. К счвстью, Пуришкевич, оказывается, получал для состввлекия солдвтских библиотек — и твк оказался чист. А Марков имел наглость открыто признать в газетах, что да, получал помощь от правительства и сам как монархист поддерживал правительство — и гордится этим. А другие — уверяли, что не нолучвли. А Крупенский прислал чек назад.

В тревоге заседал трижды Комитет и наконец постановил: лишить педостойных дену-

татского звания и считвть это мнением квк бы всей Государственной Думы, которую невозможко тенерь, собрвть.

Но, когда ездил в довмин, принял Михаил Владимирович кв душу ещё горшую тревогу и отемнение: узнал он, что готовится казначение Алексееав Верховным Главкокомандующим.

Роковой шаг! Этого оя и боялся! С первой микуты произило его, что это — опвснвя ошибка. И нотом час зв чвсом прорвбвтыввлось в нём: квкая же это опвсквя ошибкв!

Лукавое котячье лицо Алексеевв твк и стояло перед ним, живое!

Кви фвитический глава государстав, кви человек, ответственный зв Россию,— Михаил Владимирович не мог не вмешвться! И самым экергичным образом! Он должен был спасти — и русскую армию, и победу, и революцию.

Но не имея прямо властк вмешаться и звпретить и не имея под рукой полной Госудврствекной Думы для звпроса — один способ имел Родзянко: написать предупредительное

увещвтелькое письмо. Кому же? Ну, очевидно, князю Львову.

Письмо прорабатывалось в кём,— и сегодня в дальней комнвте дворца, сотрясаемого швгом тысяч, он квписвл— своим крвсивым решительным рвзбросистым почерком, мысли легко ложились под перо:

«Милостивый государь ккязь Георгий Евгекьевич.

...Это назначение ке ириведёт к блягополучному окончвнию войны. ...Я сильно сомневаюсь, чтобы гекерал Алексеев сосредоточил в себе сумму достаточкого талвита, силы воли... Генервл Алексеев всегда считвл, что врмия должна комвидоввть над тылом, над волей народа... Вспомките обвикение генервла Алексеева против нвродкого представительства: что оно из глввных виковников нвдвигвющейся катастрофы... Не забудьте, что он наствиввл кв аведекии военкой диктвтуры... Ширикы умственного кругозора в этом человеке нет, охватить широким размвхом докельзя усложкившиеся условия ему будет не по силам, дв имя его и мало известно в России... Для мекя совершенно ясно, что только Юго-Западкый фронт оказвлся ка высоте положения. Твм чувствуется головв широкого нолёта мысли — я имею в виду генерала Брусилова. Это едикствекный гекерал, совмещающий... Другим лицом широкого госудврствекного умв я считвю генерала Поливанова. Быть может, ещё не поздно изменить ваше решение...»

Вот. Вот так. Сегодки же и отправить.

А если не повлияет?

O-o-o!.. O-o-o!..

Тогда: звитра же собрать заседание Временного Комитета Государственной Думы — и просто постиновить!

То есть, вынести рекомендацию.

647

По-квстоящему, трудпо было уразуметь, о чём бы Верховному Главнокомандующему надо было совещвться с микистром юстиции и даже путей сообщекия после того, квк накануне уже обо всём ввжком отсовещались с военным министром. Другое дело — по икострвикым делвм. И всегда охотко — по продовольствию.

Да ещё: кви понимать этих интерых министров в их совокупности и азаимоположении? если не приехвл премьер — то кого из них считать ствршим? Гучкова? А может быть Милюковв? (А Керенский уверенно держвл себя как за старшего. Впрочем, простой искренкий молодой человек, кеожидвиный его поцелуй трокул Алексеевв.)

Травимый Советом депутвтов, Алексеев ли всей душой не хотел наладить сотрудничество с прввительством? Дв квк без этого вести дальше войну? Без Временного прввительства — что теперь есть Ставка? Она не может решить ки одного стратегического вопроса, ни с пополнекиями, снвряжекием. Нвдо любой ценой уствновить бесконфликтные отношения, и придётся принять дух, круг понятий и условия новой власти.

Но принять их условия — не эквчило принять все их безумия подряд. Вот они простили всех дезертиров, вот оки простили уголовкых, — а теперь отмекили смертную квзнь! во время войны и кв фрокте! Хотя этого и рвныше почти не примекяли — но оно же должно быть! Газеты давно болтвли об этой отмене — но кикак Алексеев ке думал, что у правительства настолько ке хввтит благорвзумия. Оки квк будто совсем не понимали ревлькой онасности развалв врмии — всё звслокялось выстввочным щитом демократизации.

Через глухое течекие телеграфкых лент или сухую сдержвиность докесений передать в дальний Петроград здешнюю тревогу и опвсность было кепосильно. Но теперь-то, когда министры сами наехали сюда в таком числе,— теперь-то и было высказать всё открыто. Да, поддержвть хорошее взаимопонимвние, но твкже и отстоять армейский взгляд. Как-то нужно в сегодияшнем совещании всё это твктично совместить.

Генерал Алексеев сильно волноввлся. После дня отречения Государя вчера и сегодня были для армии самые важные дни.

По пути с воизала министры проявили приятное весёлое настроение: сегодия а вагоне, говорили они, впервые за три педели они нревно снали. А то ведь а самые революционные для не умывались по щесть дяей и спали в сутни по часу! — но снорее с гордостью об этом. Всем министрам Аленсеев приготовил номера в гостинице «Бристоль», рядом со штабом, однако номерз могли понадобиться им лишь для дневных переодеваний: дела революции не позволяли им задержаться в Ставне, и сегодля же поздно вечером намеревались они отправляться назад и поспать снова в поезде.

Протиа штаба собралась на площади большая толпа — поглядеть министров. Охрана гаардейсного энипажа продолжала сопровождать их, и ещё филёры сновали а толчее.

Министры махали рунами толпе, и особенно аоодушеалённо Керенсний.

Заатран сераирозали а узном составе — интеро министров и три ведущих генерала, и уже за завтраком началось деловое обсуждение. Потом перешли а ноифереяц-номнату, то есть асё а ту, где висело пять нарт фронтов. Теперь собраны были все повые лица, о ном и вообразить нельзя было прежде тут, — а решать, по сути, явдо было асё тот же вопрос: илан нампании 1917 года.

И аот теперь Аленсеса мог поаторить им саои новейшие аыводы: что наступление — лучший аыход для нас. И мы можем намечать его, хотя и а ограниченном размере, на

Каное облегчение! — не придётся нраснеть перед союзниками! Министры радостно засаетились, едаа ли не больше асех сдержанный Милюноа. И асе стали нрайне благоже-

лательны и Аленсевау. В десять глаз рассматривали этого царсного генерала и удостоверялись, что — можно ему доверить асероссийскую вооружённую силу!

лись, что — можно ему доверить всероссиисную вооруженную силу!

(Да уж забыли они или не ценили: нто ж больше Аленсеева помог им самим утвердиться?..)

А́ тут ещё именно сегодпя появился при Ставне америнансний воевный вгент поручик Рягс. Он вот-вот ожидает извещения о аступлевии Соединённых Штатоа а войну, чтобы

официально начать действовать при Ставне. Это — радовало всех, ещё бы!

Но Аленсеев не дал себе расниснуть от их доброжелательства, но стал аыдангать твёрдо. Господа! Осаободите армию от тлетворных влияний и от политики. (И особенно смотрел при этом на Керенсного: затлела у него надежда, что именно этот министр — мог бы!) Мы не можем допустить такой резкой ломки асего воияского устава. Армия переживает фактически болезнь, упадон духа офицерского состава, солдатское брожение. А — Балтнйский флот?.. Провален аесь паш правый фланг. А как может быть, что Петроградский аоенный округ отказывается давать пополнения Действующей армии? А петроградские заводы уже три недели не дают вооружения... А именно в Петрограде главное производство асех боевых припасов. По причине революционных событий мы не получаем более ни снарядов, пи патронов, ни орудий, пи ружей. Не поступают и мины для обороны Балтийского моря, оно станет открыто протившику. Теряя столицу, мы теряем возможность победы. А такая неудача сотрясла бы страну морально — и население привишет тому, что переворот произведен не вовремя. И будет искать виновников.

Кого?..

Так Алексееа аыдаинул остриём протиа министроа всё, что мог.

А аот — саедены заявки по развым отделам интендантской части, по артиллерийсной части, по снаряжению, по людским укомплентованиям, конским, по железнодорожному транспорту, по топливу, по металлам. Вот — графы потребных норм, аот — наличных запасов, аот — ожидаемое от тыла. Война теперь аедётся на истощение.

Всё тан, господин генерал, но Ставна должна уясиить себе народные желания и руноводствоваться ими. Слишном настанавть на узних военно-технических вопросах — значит ве понимать духа революции, это производит невыгодное впечатление на общественность. Ставна не должна довлеть сама себе, а являться исполнительным оргаяом революционной власти. Возвинает вопрос: достаточно ли разъяснено номандующим армиями значение переворота? Войсна должны идти руна об руну с народом, и араги нового строя нетерпимы. Новое правительство и само имеет значительные трудности с Советом депутатоа, дв. Тем не менее, оно смогло спасти родину от грозящей гибели. У нас у всех преобладает оптимистичесний вэгляд на будущее.

При таной настороженности министроа — разае мог Алексееа дальше пожаловаться, что даже а Могилёве сама Ставна чувствует себя неуверенно, страдает от хамстав товарищей из местного Совета. Даже а Могилёве Алексееа реально теряет аласть.

Ну что ж, проще даигаться по поаестне дяя, аот по этим заготовленным заявнам, ноторые уже и а Петроград многие посылались. На фронтах запасоа продовольствия и фуража стало педостаточно. Значит, надо либо уменьшить суточную дачу, но это опасно при нынешнем возбуждённом настроении армии, либо надо сонратить а армии число ртоа и лошадей. Отводить в тыл нопиые диаизии?

Затруженный Шингарёа печально отвечал: сонращать лошадей и рты — да, но этого мало: неизбежно и значительно уменьшить суточную дачу хлеба, нруп, фуража: хлеба — до даух фунтов, нрупы — до четверти фунта. Шингарёв разводил большими ладонями: асё посчитано, у нас нет другого выхода. Настроения армии не надо бояться: как раз револю-

ционное настроение и номожет перенести урезы, ноторых не простили бы царю. Причём: натегоричесни воспретить асписним частям производить закунки или наготовни а тылу собственным понечением, кан это разрешалогь до сих пор: это разваливает асё государственное спабление. Пусть армия разводит огороды, вот выход.

Разводить огороды? — наное ж тогда наступление!

По если мы не можем снабдить самих себя, запротестовал Аленсеев, то надо же пренратить отправку пшеницы союзнинам!

Малоподвижное лицо Милюнова и твёрдый лоб его омрачились: ведь это ему, ему

придётся нраспеть и извиняться перед союзнинами.

Ненрасов запервивчал: энелезные дороги не могут сейчас сиравиться одновременно и с перевозкой запасов для армии и с оперативными переброснами войси, если они попадобятся для паступления.

Вот нан... Генерал Алексеев нашёл доводы и силы обнадёжить правительство —

а правительство, напротив, глушило его. Н — что ж из этого выйлет?

А вот что. Генерал Алексеев должен издать ободрительную директнау фронтам. Нынешнее положение создалось от исумения прежних министров наладить продовольствие и транспорт. Новые народные министры стараются распутать, но требуется тернеливо пережить переходное аремя. Потребности армии огромны, и дороги пока не могут удовлетаюрить их в полной мере. Ограничены и ресурсы а Европейсной России. Внутри страны нет таного занаса собранных продунтов, и вот почему придётся уменьшить дачу продовольствия и фуража. Пусть армия обходится пока тем, что доставляется, и верит, что в тылу всё делают лучшие люди и лучшим образом. Затрудненин — и во всех странах, и даже там дачи — меньше. Война идёт на истощение, и нобеда достанется тому, кто сумеет всё перетернеть. Временное правительство обещает, что через 11/2-2 месяца уже будут благоприятные результаты.

Да не для того министры приехали а Ставну на короткие часы, чтоб изучать эти цифры, настроченные а гиготеющих докладах,— над тем будут работать комиссии по сенциям.

А — вот что надо сонращать: саму Ставку. Во-первых, ускорить линаидацию управлений бывших аелиних князей. И сами они, и принц Ольденбургский пусть немедленно подают прошение об отставне и отправляются в Петроград, мы не будем арестовывать их. Затем: царский железподорожный батальон — отправить на фронт. Георгиевский батальон? — тоже довернть им нельзи, это наратели, хотн теперь притворяются, что не анали, куда едут.

Генерал Алексееа не спорил. Он даже, со своей сторояы, просит правительство как можно скорей отправить бывшего царя в Англию: его пребывание а России может нерапровать армию.

Керенский вопразил с оживлением, что надо прежде разобрать асе царсние бумаги — и тольно тогда...?

Да, вот ещё. В правительственных кругах очень сочувственно относятся и новой иницивтиве Земсоюва: сверх всей многообразной заботы, которую он уже ведёт об армии, ещё взять на себя создание Комитета Пропаганды, который будет давать армии ответы на все интересующие её вопросы политичесной, социальной, военной жизни, способствовать росту её сознания и подготовне выборов в Учредительное Собрание. (А пока на этот номитет нужен один мыллион рублей.)

Земсоюз был больным местом генерала Аленсеева, теперь снрываемо больным: аедь он докладывал царю свой решительный амаод, что Земсоюз приносит армии больше ареда, чем пользы, и следовало бы его разогнать, и рассылал сенретную директиву, кан надо ограничивать Земсоюз. И сейчас на это новое фееричесное предложение ои серьёзпо мог бы отаетить тольно одно: а не хотят ли асе эти молодчини-земгусары да послужить в строю? Именно их пропаганды ои и опасался всегда. Но председатель Земсоюза стал теперь премьер-министром России. И Аленсееву оставалось тольно согласиться на эту повую нарусельную болтовню.

С последней надеждой он азглянул на Гучкова, — должен же он понимать эту аздорность?! Но тот сидел нан с зубъой болью. Не возразил.

И ещё есть правительственное предложение: посылать делегации от войси в Петроград для приветствий Временному Правительству.

Ну что ж, если это нужно. (Аленсееаа нан бы опять не познаблиаало, не аозаращалась по болезнь?)

ли болезнь?)
Тан постепенио совещание прошло черезо асе трудности — и проступал итог для

Тан постепенио совещание прошло черезо асе трудности — и проступал итог для газетного номмюнине:

«Генерал Аленсеев понял народные желаныя. Линия для общей работы с ним найдена.» 18 мврта

ФРАНЦУЗСКИЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ГЕНЕРАЛ НИВЕЛЬ — ГЕНЕРАЛУ ЖАНЕНУ ПРИ РУССКОЙ СТАВКЕ

Энергичным обрвзом нвстаивать перед генервлом Алексеевым, чтобы, несмотря на важные внутренние события, руссквя армия, в соответствии с принятыми ранее решениями, оказаль возможно полное содействие опервциям англо-французских войск. Наилучшим выходом как с точки эрения общих интересов коалиции, так и для морального состояния русской армии является как можио более скорый переход ее в наступление.

А даже и хорошо, что князь Львов не поехвл в Ставку: у него образоввлся в субботу как бы неаольный день полуотдыха. То есть нисколько не прервался ни ноток приаетствий, ни ноток забот, заонкоа, докладоа, и особенио Щепкин, в себе не уверенный, спешил решать а этот день с князем все вопросы по министерстау внутренних дел, -- в всё-таки чуастаоввлось облегчение: без половины министров ни одного мучительного вопроса не придётся сегодня постановлять. И не придётся мирить накопляющиеся страсти, особенно между Керенским и Милюковым, что быввет князю очень тяжело душевно. Заседание правительства если и состоится, то по вопросам третьестепенным - об отмене переводных и вынускиых зизаменов в средних учебных заведениях, об обнаруженных хищениях при строительных работах, о аыплате суточных и других аознаграждений комиссарам губериским и уездным, служвщим правительственной канцелярии, телеграфного агентства, и процентные надбавки им.

Самым давящим в жизни князя Львова носледние две недели то и было, что никто не состоил над ним в качестве начальника, высшей инстанции, с которой бы ему и ладить: снокойней было бы князю иметь нвд собою решительное твёрдое начальство. Нет, он стал тот самый верхний, за всё отаетственный, который и должен тенерь укладывать все неразрешимые вопросы России. И этв нагрузка была бы непосильна для человеческого мозга, если бы не верить, что свма Россия во всём разберётся и всё вытянет.

Отец князя Георгия был вольтерьянец, и не любил русской деревни, и двже бежвл из неё в предреформенные, довольно жуткие тогда годы за грапицу, - так что Жоржинька родился в Дрездене и первый язык его был не русский, а виглийский, от бонны. Отец, и воротное потом в Россию, всё не доверял русским крестьяным и из более сложные работы в имении аыписывал рабочих из Гермвики, хотя от этого смехотворно не было лучше. Однако Жоржинька, напротив, вырос в уверенности, что наши мужики во всём учителя жилни, и наш народ — богоносец. И этв вера в наш чистый, святой народ особенно подлерживала киязя Георгия сейчвс, на бурных общественных волиах. Он понимал, он верил, что вся стихия уляжется, когда здравый смысл возьмёт верх. Что наш нврод свм знает, что ему нужно, и сам всё устроит.

А между тем корресионденты, конечно, пронюхали и сообразили, что у князя Львова сегодня менее загруженный день, — и дружно приступили с просьбой о беседе для воскресных выпусков гвэет: дать читателям общий обзор нереживаемого момента и общие

Ну вот и недоствющее сегодия бремя, - грустно усмехиулся князь. Но не тольно невозможно было отказвть настойчивым корреспондентам, в он тут же и подумал, что это хорошо, что это даже лучший способ управления: не постановления выносить, не уназы, но — вольными, широкими словами объяснить всё народу России.

Пригласил корреспондентов к себе в кабинет, выдержаниый в синих и ностяных топах. Лакей в ливрее и высоких белых чулках подал кофе.

Создалась вместе — интимность и просторность, было легко говорить. И слышал нинзь, кви голос его звдушевен и как это передаётся, умягчает корреспоидентоа. И ниязь говорил кан бы свм с собой или мысленно со всей Россией:

- Время, которое мы переживаем, настолько выходит за рамки всех привычных нредставлений о ходе государственной жизни, что я чувствую себя затруднительно говорить в форме гвзетного интервью. Жизнь — ещё в расплавленном состоянии, и те таёрдые формы, в которые онв выльется, намечаются пока лишь в общих очертаниях, а определятся со временем — свободным народным творчеством.

Князь говорил не торопясь, весь вдумываясь, весь вчустауясь, поводя то к одному корреснонденту, то н другому седоватой своей головой и улыбвясь своею, квк он знал неизъяснимои, улыбкой.

 Русский народ только сейчас ствл перед всем миром и неред самим собою во весь свои гигантский рост. Он совершил настоящее чудо: в течение нескольких дней он снёс до

концв прогнившее здание старого порядкв — безо всякого междуусобия, ночти без кровопролития. Он совершил и аторое чудо: он сумел нв второй день после своего великого переворотв сорганиловать новую власть и в центре, и нв мествх. Скажу аам, я верю в то, что ои совершит и третье чудо: донесёт свою свободу и своё единение а непримосновенности до того великого дня, когда Учреди...

Переполненный верой, князь дрогнул голосом:

— Только этв вера и помогвет ивм нести ивши сверхчеловеческие задачи — и не сламываться. Без дружной нвродной поддержки мы бы... — докончил шёнотом, — саали-

Он должен был нередышать, чтоб овлядеть собой, по корреспоиденты не ринулись грубо в эту пвузу с вопросами. Да это всё были чуткие интеллигентные люди. Чуть звякали кофейные ложечки.

 Великая русская реаолюция сделвлв нас — исполнителями воли народной. Мы в полной мере оцениваем значение тех сил страны, которые сыграли глаанейшую роль в чвс великого переворота,

То — не был ни сам князь, ни думцы, то — были удиантельные герои, солдвты звпвсных полков, и удивительные рабочие, которые... Экспромтом блеснуло князю, что эту беседу он может использовать для публичного обменв квк бы дружеской улыбкой с Советом рабочих депутатов, улыбкой, квких вемвло он послвя им через стол в звседвниях Контвитной комисски — по, публичния, твиня улыбка более обязывала и контригентов. Он, нажется, нашёл очень тактичную форму:

 Всё старание нвие — осуществить полноту власти, которую нам ваерила народная воля в согласин с этими сильми. Но мы нвдеемся, что и эти силы ясно понимают подожение русской свободы и Временного правительства. Чтоб ответственность Временного правительства нередо всем русским народом была реальной, для этого ему нужны... возможности решения и действия...

Кажется, он хорошо и уместно это вырвзил!

— И признаки всеобщего объединения вокруг Временного правительства являются со асех сторон России — а выражениях доверия, приветствиях, депутвциях. Наша прогрвмма — уже известна стране. Основное обязвтельство — это созыа Учредительного Собрания в воэможно кратчайший срок. Определить этот срок уже сейчас с полной точностью свмо собой разумеется, нет возможности. Нет готовых образнов. Составление набивательных списков уже будет грвидиозно, как всеобщая перепись. И надо обеспечить голосование на фронте, - энвчит, чтобы военные действия не были в полном разгаре. И надо же обеспечить абсолютную тайну голосоввиия.

Действительно, эта проблема была тем головоломией, чем пристальней в неё всматриваться. В горячке революционных дней обещали собрать Учредительное чуть ли не в мае.

Но корреспоидентов не приходилось убеждать, они нопимали.

 А тем временем, господв, что ж, правительство приступает к самым неотложнейшим из реформ. На первом месте здесь — отмена нетернимых, поэорных вероис новедных и нвционвльных огрвничений, - это уже готово у нас и будет опубликовано в ближайшие дни. Звтем пойдёт очередь — равнопрввия женщии, равноправия сословий. Затем потребуется регламентация... В нраткой беседе трудно исчерпать, господа, бескомечный список вопросов. Но не могу не коснуться кврдинальных: войны и продовольствия.

При слове «война» даже мирно-лучистые ласковые гляза князя Льаова заблестели иным огнём (оставиа недонисвиное, корреспонденты снешили звписать это):

- Вступая во власть, мы были убеждены, что свободный русский народ не преклонится перед врагом. И мы оквзались правы: клич «войня до победного конца» уже звучит со всех сторон. И даже те, кто при старом порядке был холоден к этой борьбе, тенерь зажигается новым огнём! Но и враг не дремлет! — ов уже стягивает аойска к нашему фронту и готовит новый удар.

Лицв корреспондентов выражали ту же мужественную решимость. Когдв зналв Россия такое душевное единение между председателем правительства и прессой!

Внутрениие отношения в армии уже обновляются а духе права и справедливости. Что же касается продовольствия, — тут князь тяжко вздохнул, — то нам досталось от старого порядкв тяжёлое наследство. Вся надожда — на готовность земледельческого населения продавать и даже жертвовать хлеб для нужд свободной России. Я верю, -- он подяял глазв выше саоих собеседникоа нв подпотолочную лепку, - что великая крестьянсная сила выручит Россию из беды. И несмотря на все опвсиости, я — бодро смотрю в будущее. Я — верю в жизненные силы и мудрость нашего великого народа. Я аерю в его великое сердце, этот первоисточник правды и истины.

Твк эффектно он кончил, так нолно выразил себя, что уже мелкие вопросы неудобно было и задавать. Его блегодарили, беседа коичилесь.

Князь позвил Щепкина, чтоб углубиться в министерство внутренних дел. Тут было множество вопросов назначения, увольнения, кредитования, распределения, — но а этой деловой сфере тем более не терялся князь, аеличвиший првитик, Однако пришли и доложили, что очень нвстанвает на приёме у князя некая депутвция с Западного фроитв.

«Звезпа» № 8

С Севериого уже побывало их иесколько, с Западиого — ещё ие успавали приезжать. Посадно было отрываться, но и...

А сколько их человек? — спросил киязь.

Ца не больше дюжины.

Обычно депутации принимались в ротонде или в Квадратном зале, отделанном а помпейском стиле.

А вы заведите их прямо сюда,— предложил княаь.

И, два штатских человека, они со Щепкиным астали, вышли на середину кабинета

наастречу денутации, аыровнялись.

Те входили, без шинелей, но с понрытыми головами, ностукивая сапогами, бренча оружием и шпорами, почти все с георгиевскими крестами, кто и по даа. Выстроились в две шеренги, лицом к князю, три офицера — в первой шеренге. И самый младший из них — подпоручик, с очень свободной речью, произиёс звонкое приветствие правительству, в обычных словах.

Князь ответил, как всегда благожелательно, но кратко, по усталости. И у него тоже слова были все повториме: что правательство служат народу, а народ надеется на армию,

которая и должна привести к победе.

50

Единственная необычность, может быть, была именно в том, что приём происходил в кабинете, и оттого не стягивалось никого со стороны — послушать и посмотреть. Только и стояли вдвоём князь со Щепкиным протиз малой денутации, в торжественном, но закрытом кабинете.

И от этой ли ощутимой отъединённости или такое намерение и было у делегации, вдруг выступил старший из офицероа — доиской казачий, с двумя звёздами при двух просветах, ещё совсем молодой, литой, и усы литые чёрные, черноглазый, с приятной мягкостью, скрывающей лихость, — сделал шаг из строя вперёд, молниеносно отсек киязю честь, доложился:

— Войсковой старшина Ведерников! — в уже тише, но не от своей скрываясь делегации, ей-то слышно каждое слово, и лицом ие продрогнул ни один унтер, ии солдат, не удивился ни слову произнесенному: — Ваше сиятельство! Мы наслышавы, что у вас в Петрограде — как бы две власти. Что вашему нравительству мешают разные самочиные организации, суются не в свои дела. Вы, — он не смел улыбнуться в строевой позе, но всё смазливое лицо его просилось к весёлой улыбке, и даже можно было понять, что это — улыбка стовора и уверенности: — Вы — только принажите нам! мы — вас освободим от них враз, ваше сиятельство!

И опять мелькнул честью, задержавшись у козырьна, ожидая ответа.

Князь Львов почувствовал, что горячая краска ударила ему в лицо. Слава Богу, никто посторонний ие слышал, но он покраснел даже перед Щепкиным, и перед самим войсновым старшиной, и перед молчаливыми солдатами в двух коротких шеренгах: а ито поручится, что одии на этих солдат не отправится тотчас доложить в Совет рабочих депутатов?

Нет, в этой дружной группе было исчто слитное. Так и сдаинулись.

Однако князь понраснел сыльно, краска не сходила, и в этом стыдливом пламени,

стараясь держаться беспечней, он пробормотал в величайшем смущении:

— Что вы, что вы! Нет, иет! Эти слухи преувеличены. Всё приходит в равновесие. Всё приходит в порядок. Ничего, ничего ие требуется, господа. Никаной защиты внутри страны нам не требуется, только защита от иемцеа!

Войсновой старшина опустил руку медленно-медленно, и уже никакой улыбки не

проглядывало на его лице. И шагиул назад не оборачиваясь, спиной.

По его тихой номаиде две шеренгы повериулись направо — и, стараясь не стучать после ковра на пороге, тихо аышли на кабинета.

Князь со Щепкиным сели заниматься дальше, не обсуждая происшедшего.

Но что-то очень испортилось в душе князя, что-то очень провалилось и тоскливо подымливало, как от рухпуашей штукатурки. Кияаь Георгий Евгеньевич дозанималси с трудом и с упавшим аниманием.

Он ие усневал дать себе отчёта, что это произошло, отчего тан дурно? Сожаление? Онасевие? Сомиение?

Щепкии ушёл — кияаь подпёр голову двумя рунами, аакрыл ладоиями и отсиживался в некоем головокружении, кан бы ожидая, чтобы осела эта тоскливая дымящая ныль.

Боже, отчего оптинские старцы не велели ему остаться в пустыни, как он хотел, не дали отрешиться от мирского, кан он одно аремя просился?..

649

А ведь Нижняя Волга в эти дии уже вскрыласы! — и суда выходят из затонов, иачниается навигация. Гордей Польщиков и сердцем зиал издали сроки, но и в Петрограде в утро отъезда успел получить телеграмму на Астрахани, что его первый пароход вышел в Красный Яр.

Всякое аремя года любил на Волге Гордей, но лучшее время — весеннее воловодье! Эта всякий раз новая распахнутая радость от открывшейся реки, от мощи разливов, от воли и простора, накие дадены каждому человеку, и мне, и всем нам. От начала могучей общей работы, её чувствуют асе, она на лицах всех матросов, рабочих, грузчиков, и даже нассажиры возбуждены по-своему. Парусные расшивы с рыбой выходят из Астрахани тотчас по ледоплаву, украшаясь флагами — и команды в красных рубахах. Лучшее время года! — и Польщиков всегда старался сам пройти на нервом своём судне, — а вот в этом году задержался тут на севере. Но и сейчас из Москвы, отбыв завтра-послезавтра этот торгово-нромышленный съезд, сразу же кинется в низовья Волги.

Его нароходное общество «Кунец» соревновалось с «Самолётом» и с казённым пароходством — и в нассажирских рейсах, и в баловстве волжских гуляний, а более всего — в нерехватчивых торговых перевозках, в чём и есть глааная работа реки и главный доход судовладельца. Любил Польщиков все свои суда — от скоростных нассажирских бегунов и до последней сенобежки и угольной баржи, знал сильности, слабости каждого судна и номнил уём каждого. Да неплохо знал и чужие суда. И канитанов не только всех саоих, но всех заметных волжских. И энатных лотовых. Это для носторонних Волга так длинна, так неохватна, и Царицын с Таерью как не видались пикогда, и Ока с Камою как не обнимались, — а для волгарей всё в единстве. Когда на великой реке встречаются капитаны и нароходы, то узнают друг друга как односельчане на деревенской улице. И как те останавлянт энаками, кричат в руноры, а то и сбортовываются, сбросив даижение, а то и перекидывают лёгкие перильца, иногда н с мостика на мостик, и переходят в гости, как циркачи.

И своё волжское дело любил Польщиков (и своё коннозаводство за Волгой) — но и своё купеческое сословие. Правда, уже не из тех он был купцов — в армяках, а длинных кафтанах, шароварах с гармошкой на голеница, борода по брюхо и золотые ценочки на обенх сторонах живота симметрично. Он был — из купцов нового ноколения, носле коммерческого училища ещё год доучивался а Гамбурге корабельно-торговому делу, поездил и по Европе. Таких, как оп, среди кунцов звали «американцами», ещё и по западной одежде (хотя Польщиков любил русскую, даже в столице не расставался с сапогами, а дома на выгулку надевал шубу лисью). Но никак не был он из тех, кто «тянулся за барами да распрощален с амбарами». Тысяцкий, почётный потомственный граждании — и хаатит с нас, борзых не гоняем, в карты не продуваемся, и в гвардейские полки не добиваемся. А истая сила русская — в нас! И посравнив наши коммерческие обычаи с западными, где на наждый шаг контрант и аексель, как не прохватиться нашими? Кто честев и проявил это среди купсчества — то границ доверию нет, дают задатки по 50 тысяч и не берут расписок, -- аот так, нам не по судам тигаться, всё торговое в России делается на слово, без бумаги, уговором торг стоит, ряда узлом затянута, обещал — выполняй, не выполнить нупечесное слово — последний позор. У нас в России громадиые сделки заключаются за чашной чан, на слоаах, -- и всегда выполняются, и чтоб дело шло разгонисто. Да помнил Польщиков и такое, ещё парием, при отце, он попал у себя а Инжнем, а 96-м году, тоже вот на торгово-промышленный съезд: Витте хвастался пошлинами на западные товары, чтоб русским было легче, — а статейные куппы собрали большинство: не надо! открывай им ворота, пусть! поверстаемся, нто сильней! Витте поверить не мог: не из-за границы ли их подкупили? А вот это — и было по-нашему, размахнуться так размахнуться!

Пынешним октябрём скончалась в Нижнем Повгороде знаменитая нароходчица Мария Капитоновна Кашина, кликали её Марфой Посадницей. Много от неё Польщиков перенял

в кунецном деле, и говорила она: так - от Верхнего Ноагорода идёт.

3 *

И когда в смуту Пятого-Шестого года иные состоятельные, напуганные грабежами, громежом, стали деньги переводить за границу, а предприятии своразивать, то согласно корили их: «Стыдно деньги за границу прятать. Как бы нас малость ни потрясло — а Россия как стояла, так и будет стоять, и капиталы наши и силы наши — ей нужны каждый день.» И выгодные условия в Евроне для денег предлагают — но нет!

В эту войну полили газеты глупую несмысленность, что «кунцы прячут товары», не нонимая, что когда купцам «прятать» будет уже нечего, тогда-то цены и подскочат до небес. В начале войны нас только и спасли запасы купцов: по дурацному закону о мобилизации все товарные вагоны разгружались в тот час и в том месте, где их заставал приказ. И на несколько месяцев прервалось товарное обращение по стране, и не будь торговых запасов у купцов — города бы обнищали и вымерли. А так — и не заметили перерыау.

В этот раз усхал Иольщиков в Волхов да в Череповец ещё из цельного Питера, а воротился через пять дней — банки, фирмы, биржа авкрыты, прекратились операции, не работают авводы, не разгружаются, ие нагружаются товарные поезда. Так что и какие дела оставалось Польщикову доделать а Питере — все прервались. И он — усхал бы в Нижний, или повис бы тут без смысла и живого дела, стороиним паблюдателем революционного сумбура, — если б — не эта девочка.

Польщикову сейчас чуть за сорок, а ни в чём нет этих лет — ни на лице, ни в стане, ни в глазах, ни в иогах. Волгарь, капитан, всадник, лошадник, легкий на подъем, на

51

вспрыг, - в этом деквбре в Астрахвни из ледяной воды вытянул токущего, два ствивна водни вынил, бутылну шамиансного — и нви ни в чём. Лёгний и нв язын, весёлый, — ок всегда всяним женщинам правился. Хотя, нонечно, женатый, но по роду подвижной своей жизни всегда а поезднах, в чужих городах, Польщинов нигде не снучвл. А ещё была у кего страсть — наперерез всем страстям — н театру. И а Германии немвло повидвл, и в Моснве-Петербурге. Хоть на сотый спентанль придёшь, хоть на трёхсотый. — а нан тольно сает пригасили и занавес тихо-тихо стал рвсползаться, с шорохом метя по доснвм просцениума, - тан сердце и обоймёт: а этот раз - что-то особенное будет! Компаньоны сменлись, а мог Польщинов на изрядный новый спентанль тысячу вёрст отмотать, тудв и назал.

А эту-то худеньную черноволосую — и не узнвл по её тихости в уголну, хоть и нады-

шанную тем же воздухом, - это она его узнала! и сама и нему подошля!

И — во всём остальном городе катились ли революция, нет, — в эти чисы они не думали. Запирались, зашторивались, и от раза н разу всё усладистей и звхввтней звбирвла его Линоня, — да не забирала, в сама былв забрвна до последнего аздоха, до звтворешных вен, — и тольно а одном имела волю устояться упористо, стыдливо: миногдв не обнажилвсь при саете. Тольно глазам его не далась отнрыть себя всю.

Старшему сыну Гордея было 17 лет, дочери 15, в Линоне -22, но не видел он в том понора. Жену свою, близно и ровеснице, Гордей ощущвл чуть не наи мать, а вот Линоня была ему свман нан бы ровня, и даже робелв от его задора.

Он научился и говорить с ней — не нан с девчённой, и не кан с дамой, — в прямо, нвк думал.

Между тем жизнь в Петрограде ожилв, и делв Польщинова нан-то сносно занончились. время было гнать на Волгу, — а он не спешил уехать, добавлял день, второй — чтобы с ней побыть. Возобновились уже и театры — но не шёл с ней Гордей нинудв, — и двже ке чтоб уберечься от лишнего слуха (хотя и тоже ни и чему), а: поназывать своё сонровище ниному не нуждался.

И Линоня тоже нинуда не рвалась идти: лишь бы вдвоём.

Оттягивал отъезл — и вот нак придумал: в воснресенье 19-го а Моснве отнрывается общероссийский торгово-промышленный съезд, ка который он был приглашён, да и кадо же но повой обстановке посмотреть-послушать. Так в Нижний пока не возвращвться, а ещё были дела в Твери, сладить их по пути на съезд. И Польщинов дотянул петроградское сиденье до нозавчераннего утра, четверга. Твк в последнее утро и уехали из гостиницы: посадил её на извозчина, в свм — ка Николаевсний вокзал.

Каждый декь с ней, в лишь втраалялся больше, и травля-то — медовая. Жизки такие рваные, в не только не соскучился — а вот бы ты мне и кужна! И если б совсем у кего был

свободный выбор — вэял бы её и в Тверь, и в Москву, как никого не возил.

Ещё в петроградском зале пароходкого общества «Кввквэ и Меркурий» потелковвл со своими торговыми партнёрвми: события обещали, что теперь враз отпвдут твможекные границы губервий, запреты на вывоз, гибель грузов, твёрдые цены, все эти стеснения от уполномоченных, от петербургсних нанцелярий, от изобилия начальников, - польётся теперь торговля свободным дыханием, и Россия сразу выиграет (а уж после войны-то!). Сильно гииловато было последнее время, да, снольно нечистых рун совалось погреться, «работать на оборону», в за горячими бврышами, — теперь будет всё нв открытом просмотре. Не нак с уральсной платиной: ведь нв прииснвх и промышленники крвли платину от учёта, и даже рабочие, и продавали в тайные руни, и утеналв русснвя платина, в 5 раз дороже золота. (А сейчвс, говорят, и вовсе не стало горно-полицейсной стрвжи, так что там делается? - снорей бы мимо эти мутные дни.)

Сегодня аот уже приехвл в Моснву. (А всё в нём трубило и рвдовалось! Вошлв Линоня в жизнь — и уже тан просто не уйдёт. Звжглясь ему и првидв — нин Зореньна.) Стил в «Славянском базаре», ноторый не за удобствв любил, а за нипливость, лёгность купече-

сних встреч, и Китай-город тут же.

И вот — особый день, у всех нв устах: мининские ∂ ни, мининский съезд. Нвстал момент, ногда России нужны Минины! Торгово-промышленное сословие объединяется на большие делв! Прошлую неделю неслись телеграммы туда и сюда, рассылались приглашения нунечесним управам и обществим, биржевым и торговым номитетви. Приехвли даже немудрящие нупчишни из захолустий, почти — хозяйственные мужини. Нв зввтрв ждвлись и новые министры, Коноввлов и Терещенно, и от Совета съездов промышленноститорговли Кутлер и бврон Майдель.

Съезд отнрывался завтра, уже сегодня почти все участнини съехвлись, много комеров заняли и в «Славянсном бвзаре», гврдеробы были изувешены нупечесними шубвми, меховыми нартузами с пуговнами, в столовом звле сидели большими рассудливыми группами, содвинув столы по двв и по три, по посту звивзвв ито ботвинью с осетриной, ито паровую стерлядь, и беседовали в перемежне с беснонечной едой, и потом подолгу чай пья, простяни с блюдечен, подувая. Мельнали половые с подносами блюд и фарфоровыми чайнинами.

А ведь если тут понопать — то у трёх четвертей отцы были нрепостные. Сами себн

освободили, до всяной реформы, сменалной.

И едва ль не зв наждым столом виделось зявномое лицо. Были тут и знатнейшие двое Хлудовых, один Рунввишников. С разных нонцов России знаномцы — из Сибири, Турнестана и Малороссии, узнавали друг друга, а нто знаномился внераой. И много было дремучих бородачей, а немало и а европейсних мвижетах-гвлстуных, средь них Польщикоа — едва не из самых молодых, в из молодцеватых — уж точно.

И от одного стола заали судовлядельцы: «Гордей Арефьевич!» Вот собирались обтолковвть, где рабочих брвть на ремонт судов, просить у министрв военнопленных? и металл? и чтоб службу берегоаую не забирали в армию. А фракты - повысить, не избе-

А зв другим столом увидел своего сибирсного звимодавцв. Тан чем через банн — тут же подсел и нему, отсчитал три тысячи, тот переверил, ещё рвз бумвжни перенидвл, нрепче счёт — твёрже дружбв.

В освобождении от денег, ногдв производишь звконный плвтёж, есть приятное ощуще-

ние порядкв, точности, выполненного долгв, опрввдания самих денег.

И ногда Польщинов сел — под отнрытой форточкой, у онна нв весенний солнечный день, нв Нинольсную с неснолотым, дружно тающим льдом (дворники разбвловались без полиции) — то, повертя голову, и тут видел неснольних знаномцеа рядом. (Промышленники-фабринанты не оствиавливались в «Сланянсном», не было их сегодня тут. Сойдёмся с кими зввтрв.)

Таного съездв нущцов дввно не помнили. И среди этих сметливых лбоа, цепних глвз, и отрывистого бросного нупечесного делового разговорв — ощущал наждый гордость при-

надлежать к этому сборищу и соучествовать завтрв.

Дв дввно бы позавли их выручеть Россию. Почему ж нупечество не имеет влести решать, напрвалять? Нв нупцов тольно натрввливвли, ввлили на них рост цен. Купцам звжимали рты, отстраняли всю аойну, отказывались от их опыта и действия. А теперьто - мы сквжем своё!

Теперь — съезжались глубинния кондовая Россия, не участница происшедшего трясения, но прихввченная им среди дела. Царя вспоминать, или пожалеть его — удерживались: по всему мосновскому рвзбору, застигкутому ими эдесь, это было как бы запрещено, вон Рябушинский объявил привет «свержению презренной царской власти», па каэывают стврый Петербург «ханской ставкой». Ханская — не ханская, но и произволяли квми, да. Труд кародный опутан был препонами, и дело — не в тех рукву состояло. Но вот собирались — чтобы сплотиться, и выдюжать, и устоять, а если мы не устоим — то нто? Многоликвя руссквя торговая силь привалила спесеть Москау, как в девние времень. И Учредительное Собрание нвэкачим — только тут, в Белокаменной! Было торжествекно, хотя ке все могли выразить складио.

В ресторвие «Славянского базара» окидывали друг другв ценящими взорвми, переходили по залу, пересаживались, выслушивали врвзумливо: да если мы — не сила, то кто же в России сила? Теперь вот только войну докончить — всё каладится у нас, расцветёт. Не

Питер нвм будет указчик. Вот пошагвем!

Думвл так и Польщиков, и двже, Европу зная, — залётнее их. Природные дары у нас богвче Америни, нам только — рассвободите движение, посостязаемся мы товарами со всей заграницей. Ещё б железные дороги наши так отладить и сгустить, нан германсние. А от войны опрввимся, квпиталы соберем — дв, смотри, и Волгу с Доном соединим, ведь двести лет без делв проент лежит. И поплывут нвши волжение — туда, в те моря!

Толновали, что нвдо на съезде хорошие головы избрвть — в столице сидеть и эвщищвть торгово-промышленные интересы. Все теперь тан-то избирвют, все защищают.

А тут снажи молодой Хлудов, да уж и передавали из уст в уста: тузы мосновсного нупечества, Третьянов и Четверинов, порешили предложить: свмим торгово-промышленнинвм — и ограничить свою прибыль, с этого начать. За военные годы в иных предприятиях прибыль превысиль основной напитал. Так надо кам сговориться и, не дожидаясь, свмим отрубить излишни прибыли: сколько можно, а выше чего нельзя — отдай в нвзну. И все цены — вниз пойдут, в производство — вверх. И унрепим Расею-матушну, и мир будет промежду нвродом помягше, к нам же. Кому-то надо первым совесть заявить — тан нвм. Тогда отобьются от нвс и все мародёры, притянутые высоной прибылью, очистимся и от них. Вырежем от нас эту язву, нто нв врмейсних поственвх нечистые срывы берёт, или нви ниевсние свхврозаводчики - сахвр через Персию едва ль не в Германию гивли.

Поблеснивали глвзв. Что ж, и квживе есть нрвй, не всё наживв, в что-то нуда-то жертвовить, чтобы после тебя остилось, в твою память и во спасенье души. А теперь вот в нвзну, поддержить свму Рисею. И оттого — всем отдистся добром.

Понвзывали на вёрткого черноусого посреди зала в большой номпвини, за столом на 12 персон. К нему накой-то нарядный вскочил с бокалом:

- Ввшего имени, господин Бубликов, Россия ниногда не забудет! Вам удалось предотвратить нровавую бойню!
 - А Бубликов громно, для многих, шире своего стола:
 - Смотреть на Россию не нан на жирный пирог, а нан на горячо любимую мать!

Избегать бороться за классовые интересы. Предстоит увеличение налогового бремени и примириться с этим. Лечь костьми, но отдать саои силы на благо родины!

Отзывались ему:

- Для родины мо-ожно не поскупиться. Налоги-то малые платим, признаться сказать.
- Прааительстао новое ва-адо подкрепить. Мы подкрепим чтоб другие на него не больно пааили.

А Бубликоа:

— Так-так, но и Временное правительство тоже должно знать себе границы, а не душить нас новой 87-й статьёй. Сокращение прибыли — ещё неизвестно, как тот же Коноаалоа примет, как индустрия посмотрит. Там, а Петербурге — мародёрская штаб-каартира. Уже не приходится, господа, нугать катастрофой, - катастрофа у наших аорот.

И — разлилось, погудело по залу: ка-та-стро-фаг...

Да вести-то польжи, прислушаться купеческому люду, — так себе. Бумажных ленег будут напечатывать асё больше. И, слышь, выжимают жертвовать — да не муку для голодающих, это-то мы готовы, а на «освобождённых, пострадавших за свои политические убеждения», — и уже Третьякоа пожертаоаал, Второа дал 500 тысяч, суконные фабриканты собрали 100 тысяч, — мол будто эти политические за иас асех страдали и иас аызаолили. А — что они нам? кто такие? иочему и им жертаоаать? Что-т мы не замечали, как они нас аызаоляли. Да не те ли они, что бомбы кидали, банки грабили?

А вон уже, слышь, готоаят объединение асех приказчикоа. Это значит — супротив нас? И аон саобода — интерские рабочие стали 8 часов работать, не глядя на военное времи. А питерские фабриканты асе условия им сдали — а изценку переложат на изделия. На военные тоаары конкуренции нет, казна всё примет. Так чем же они поступились? Не своим карманом.

Да хуже того: хлебную аольную торгоалю, мол, не аоротить хотят, не снять запрет на вывоз из губерний, не дать хлебушку дышать по себе — а всё забрагь а казённые руки и ими направлять. Мо-но-полия!

Ну, так и носевы сократятся. Ну, так и будет Русь гола. Всё клещами зажмут — асё и обронят. Россия - голодная будет.

С Монополии — разае хлеб аырастет?

Надо ото асего съезда слать министрам телеграмму: отменить монополию!!

Кому вязнуть, кому аытянуть, - тут ещё не видать.

Заатра этот Коновалов ещё что а речи выразит? Какие у них задние цели есть? Мы-то добродушно съехались.

Э-э-э... Да не упущено ли уже, православные?..

650

Лихо ты моё, куда ж мы посунулись? Неделю назад Козьма ног под собою не чуял: какого соглащения достиг с фабрикантами! Одним шагом получил для асего Питера аосьмичасовой день, о котором 20 лет только грезили, — и с сохранением прежней заработной платы

А — рабочие? Оглянулись, что из саободы можно и больше аыколотить, мало азяли, и ну аыколачивать! Почему у буржувани барыши, а нам не аыраать? Распахнулась воля так можно раать!

И с каждым днём не меньше, а больше, на каждом заводе аыдумывали по-своему. На том заводе угрозили администрации — и удаоили плату асем акругоаую. А там уже кричат: утроиты! А на том: учетверить! Путилоаская верфь давала повышение 20 процентоа — рабочие потребовали 400! Там — по болезни оплачивать две трети, там — оплачиаать аыборных. На Промете — отменить саерхурочные, из-за саерхурочных не остаётся аремени на гражданские права, не аидим завоеааний реаолюции. Ещё где: отменить сдельную оплату труда, не желаем боле напрягаться! На Треугольнике потребовали: шестичасовой рабочий день, а наградные — на Рождество и на Пасху каждый раз по два месячных оклада; а асе служащие — себе: чтоб им участаовать а прибылях. На Неаском судостроительном уже приучили администрацию выполнять все требования тотчас: уже и старостат, и оплаченная милиция, и отменили обыски на проходной, теперь надумали — убрать директора! На Адмиралтейском судостроительном — убрали 49 технических служащих. Там — инженероа стали набирать, и от этих уже требуют асего, за день — пять-шесть изменений. Там — фабричные инспектора тоже чтобы выборные. Там требуют: аообще безо асякого начальства, работа ещё лучше пойдёт! А чернорабочие (подстрекаемые большевиками) требуют и себе такую же оплату, как получают высшие разряды. Туда ж и банщики: не желаем работать больше четырёх дней в неделю, и чтобы а субботу тоже отдыхать (самое, когда людям мыться).

Никогда не ждал Козьма, что такое неоглидное озорство и такая жадность разгорится в рабочих людях. То в обидно было ему смертно, что не хотели внять, скандалили и всё 54

разавливали — свои же рабочие, самый родной его люд, кто умел асё а мире сделать своими руками, и кем Козьма гордился всю жизпь, что и он из них.

А вот мы какие рыла аылевли. Попрекали образованных, что они своекорыстны,а мы? Попрекали фабрикантов, что опи жадны, никак не насытятся, - а мы? Да мы жалней и личей!

Да нитерские фабриканты — вот, подписали соглашение по-хорошему. Они рассужденье имели, что и мы тоже обороты подбавим, и так оборону аытянем, а? Им-то а глаза как Козьме смотреть, когда сам ноднисывал с ними? Они нашего Совета слушаются — так надо ж и нам знать край. Соглашение есть соглашение, надо и самим аыполнять. Произаодительность обещали повысить, а она ни к чёрту упала, на заводы ходим только болтаться да требовать. А у них сырья нет, угля нет — откуда им поаышать плату? Надо же совесть иметь, ребята! Надо же по справедливости!

Вчера нетроградское общество заводчиков собралось — и составило Совету депутатов аопль: рабочие предъявляют невыполнимые требования, конфликты обостряются до полной анархии, постановления примирительных камер остаются без исполнения, работы идут беспорядочно, производительность резко упала, насалия над мастерами и адмянистрацией, избиения до убийста, самовольные аресты, аыгоны. Просят Исполнительный

Кочитет - принять меры!

И бумага эта — прилетела, легла к Гвоздеау на стрл. А — к кому же?

Он сидел над ней — и держался за растрёпанную саою бедоаую голову. Неделя прошла — и ото асего соглашения одна злоба. Подписыаал Гаоздеа саоей рукой, и фабриканты улыбались ему, руку жали и верили.

Да что там стыдно! -- страшно. Ведь знал он эти насилия, а бумаге нодробно не расписанные: одного мастера утоцили а проруби, а одного за малым по скинули живьём

И это — мы такие? И это мы такие — всегда и были? Только пока боялись тюрьмы или виновных пошлют на позиции — так сидели небось тихо? А теперь — давай, громи?

Дае недели Козьма себя утишал, что это — только шатпулнсь, аывихпулись, что это асё станет по местам.

A — иет.

Да ведь этак — и асе сгорим, как на пожаре.

Так значит, дело-то не а классе. А в саоём сердце.

Да рабочие умелые, разрядами выше — во всей этой заварухе и кипели куда не так. Громили и зорили, и лезли в комитеты — не они, а валовые рабочие, самая чёрцая нижняя

Да не на кого и валить. Не мог быть Козьма в том сам не виноаат. Полтора года он асё рабочее дело вёл, — так никто другой. И если завалилось — так не без его вины.

По — чего? По — когда? Он не видел.

Куда кидатьси Козьме? Сидеть а своём отделе труда? — уже а двух отделах труда, с полавчера уже и а министерстве промышленности, считай а правительстве, был у него свой отдел, а что толку? Кидаться по заводам? Да с тёплой бы душой. Да аедь — и Козьму не слушают. Да ведь и не объедешь всех. Посылал помощников по всем местам — тоже не обхватит. На злектрической станции трамаая еле угоаорили — не изгонять силой неўгодных лиц.

А самого Козьму — то тянули на занудные заседания Исполнительного Комитета. То слали — непременно аыстунить а новом рабочем клубе на Херсонской с речью об Учредительном Собрании, - а что он сам а этом Учредительном понимает, и на кой оно ляд, когда вааоды разаалиааются? (Угоаорыл аместо себя — Станкеаича.) А то погнали — необходно надо ему сидеть а ложе, а Мариинском театре, на открытии спектаклей. Просидел как чучело, красно налитой, галстуком удушенный. А то теперь приступили: именно ему (как тогда — царя арестоаывать) составить новую воинскую присягу. Иочему-то другим неудобио.

Ла, конечно, знал Козьма, кто же не знал: что теперь семьёю день прожить надо 3-4 рубли, и це асе же нолучают 5 и 8, многие и получают не более четырёх, а то и номене. Требование повышать оплату — не выдуманное, сама жизнь гонит, асё повышается. Но и должен же человек всегда знать себе границы, по и оцамятоваться: не один же ты! Давайте всё ж попридержимся, да сделаем обдуманно. Ну даже-ть захватим — а удастся ли удержать? Смотрите, нам бы не захлебнуться. Нойдёт общий разаал, не будет ни топлива, ни сырья, — так откуда нам будет плата? И что нам тогда этот 8-часовой день? Да хозьйстаенный разаал — он хуже этой, бишь, коитрреаолюции. А крестьянин тоже не будет кормить нас а обмен. Мы ничего не дадим — так и хлеба не будет. Мы все границы перестуним — так и фабриканты на том заводы закроют — и конец.

А — аойна? Война же идёт, очнитесь, ребята, что за дикие мы оказались? В твёрдом разуме выход один — чтобы Нитер дааал и снаряды, и пушки. А как нам иначе смотреть а глаза фронтовым делегациям?

Они и стали тут нодбывать, да с резолюциями фронтовиков, корящими рабочих за 8-часовой день и что спарядов не шлют. Кой-где рабочие застыдились, стали и своими резолюциями отаечать: мы не лодыри! а просто не хватает угля и нефти, только из-за этого работа тормозится, не верьте слухам, что мы не дорожим оборовой. Да со асего громадного Путиловского проинло одну башенную мастерскую, 800 человек, постановили: «Учитываи серьёзность момента, производить работу полностью. Всякое манкирование и требование чрезмерной оплаты — нозорное явление. Товарищей, желающих закреплении свободы, призываем присоединиться.»

Знал Гвоздев, что дело нуда хуже, чем а этих резолюциях,— но хоть бы принимали аезде такие. Один аыход — не буитовать наждому заводу по-саоему, сохранять наной-то порядон,— а уж Иснолнительный Комитет (Гвоздев же) будет стараться добиться общего по городу минимума оплаты, на каной можно жить.

Призывы номогали мало, но тольно призывы и оставались.

Исполном не поможет (позавчерашний донлад Дмитриева ничего не сдаипул) — тан ставить вопрос на пленуме Совета, пусть воззовёт сам Совет.

Хотя и он уже азыаал, тоже не помогло.

Взъерошенный озабоченный Гаоздеа пошёл на сегодняшнее днеаное заседание Исполнома, чтоб угоаориться о постановке аопроса на пленуме.

Из Енатерининсного зала бодро аспыхивала очередная марсельеза очередного затопившего полна.

Перед дверьми Исполнома ждала польсная делегация: пришли благодарить за незааисимость.

А на Исполноме — и уже ноторый раз — озабоченно обсуждали: нан сонратить пленум Совета, разросшийся до трёх тысяч? Там совсем бессмысленные врения, социалистичесний дух распадается, большой перевес солдат над рабочими вридает консервативность. Таной Совет становится просто даже вреден.

Однано, где сила, которая убедила бы его распуститься? Кто носмел бы теперь распустить Совет?

Выходило: надо нан-то обмануть Соает. Рафес, Соколоасний, Капеливский аысказали опасение, что Соает забунтует. Всё сораётся — и только хуже станет.

А Богданоа — азялся: сегодня же вечером он попробует!

— Погодите, погодите! — вмешался тут и Гвоздев.— Но неотложный вопрос с положением работ на заводах. Это нельзя откладывать, я прошу поставить на пленум сегодия!

Но тут аорвался комендант Тавричесного даорца и, не прося слова, стал нричать, что он синмает с себя дальше отаетственность за митинги: полы залоа больше не выдерживают марширования! Или переносите митинги на улицу, или все тут проавлимся!

Входила приосияннан торжественная польская делегация.

Взыграли радостные силы, Как буйный волжский ледоход. И вышел Стенька из могилы Вновь поглядеть на свой народ.

(«Русская воля»)

651

Острое объяснение с Еленьной позаачера ещё долго доналывало и дозаанивало а сашиной груди — нан нолют и быются острые льдинии, со заоном нечальным. И даже не взбрыннуло а нём: «Ах тан? Тан обойдусь без тебя!» Наоборот, чем непоправимее он узнавал, что теряет Еленьну, — тем нежней хотелось оставаться ей вервым. Почему-то — ивдежды он не потерял, хотя она асё сделала, чтоб отбить её. И даже каное-то больное наслаждение было а этом мучительстве: не добиться её — а продолжать любить. Вот теперь он особенно нонял, что не просто хочет её, а любит. Даже понимая с ужасом её а чьих-то чужих рунах — ве осаободился от неё.

Ещё и нотому, что наступило таное подаижное время— и обстоятельства сами могут аернуть ему Еленьну.

Всё это тан бесноной во а нём нолыхалось, что и ачера аесь день пролетел нан поте-

А сегодня позаонил Матвей: не хочет ли Саша познаномиться с аедущими большевинами? На совещание о принцинах действий и ним идут от межрайонцев человена три, можно азять и Сашу.

И без того тошно. Отназался.

Но прошло полчаса, час, — пожалел: а что аот тан трааиться? Лучше уж на соаещание. Перезаонил Матаею. Ещё успел.

А совещание оназалось а особняне Кшесинской, ноторый Саша хорошо запомнил. Тольно теперь уже не было того безлюдья, ао дворе стояло неснольно бронеаиноа, расхаживали унтеры а кожаных нуртках и штанах, а аестибюле— часовой с аинтовкой,

а анутри — совсем была оголена столовая, как уже и не столовая, и гостиная не как гостиная, уже не было аромата дома знатной дамы, но мебель ещё на месте, а беломраморном залине так же рояль, бело-золотые полумягкие стулья, а совещание — а той скруглённой номнате, как бы зимнем садике, где посередине грот с голубым фоном, вода уже не сочится, но ещё стоят две пальмы, раньше, нажется, больше.

Саша пришёл, нан и асегда ходил теперь, а асенной форме. Разумеется, винто из этих унтер-офицероа или дежурный не потянулись отдать ему чести, он и не ждал — но шагал в понимал, что асевный челоаен нужен, понадобится любой из социалистичесних партий. Да и а соаещании, среди даух десятноа сидящих, оназался один рослый черноаслосый мичман.

По пути снова рассназывал Матаей Саше, что сейчас аладеет социалистами дух объединения — асех франций а одну партию — и есть и тому реальные аозможности: не тольно межрайонцы хотят слиться с большевинами, но, с другой стороны, и часть меньшевиков (а их межрайонцы наи раз не хотят), и московсние большевини за, но тут приехали сибирцы и противятся.

Объединение всех социалистов в одяу партию — это назалось Саше всего надёжней:

будет сила! и выбирать не надо, а ного аступать, - а то что, правда, делят?

Пришли и самому пачалу, сели, где было место. Через соединённые онна полунруглой стороны аиделся Троицний мост. Там а аыступе, лицом и остальным, сидели наи бы президиум, оноло них и Кротовсний, одного его Саша и знал а лицо, — да лидер он был нинудышний, суетливый, и физиономия, надо сназать, без налёта интеллента, а аесьма премерзная: голова вонруг лысины будто усеяна волосинами, а не выросли, лысина со лбом наи яахлобучена на юрние глаза, не давая им аысоты азгляда, губы толстые, а уши уясистые. А большевинов Саша пиного не знал. Один там, а полунруге, сидел очень пителлигентный, в очнах, симпатичный. А рядом с ним, руни сплетя на груди, беспонойный, простоватый, с небрежными усами, асё вертелся: проверял ли, кто здесь или нто говорить будет. А в общем-то лица были очень заурядные, до того неиндивидуальные, что встреть их ного Саша на петроградской улице — ниногда б не догадался подумать, что они из головки той партии, наводящей последнее время таной страх на общество. И не интеллигенты, и не рабочие, а тан — мелкие служащие.

Повестку озаглавили: вопросы тактики. А начали обсуждать последний Манифест ко

всем народам.

Саша-то находил Манифест просто замечательным: сама необычность прямого обращения ко асем народам Евроны — не остаться революционным остроаком а воюющем мире, а чтобы реаолюция перекидывалась дальше и дальше! И ведь дейставтельно европейская война тогда остановится, дейстаительно! Всеобщий мир через всеобную реаолюцию — ну разве не красота? Вот это — цель!

Но тан — никто тут не думал и не аысказывался. Этот интеллигентный — Каменеа — умеренно похааливал Манифест, только явдо ещё давить на Временное правительство, чтоб заставить его открыто высказаться против завоевательных планов. А нание-то резвые кричали ему:

— А где призыв и немедленному пренращению?

— Да тан и любой Шейдеман охотно аыснажется! Нет, надо заставить их формулировать нашу революционную аолю! Надо их заставить немедленно ассти переговоры о мире!

— Кан же мы их заставим? — снисходительно усмехался вевозмутимый Каменев, не повышая голоса.— Чем?

Но, аидно, тема была больная, о ней говорено раньше, ораторы ссылались на прежние стычни, выступали не саязно, а норотними реплинами, поднимаясь со стульев или не поднимаясь. Очень горячился, больше чем мог доназать, тот простоватый усач — Шляпнинов (ах, это и был их главный Шляпяннов? асего-то? не боги горшни обжигают), и те все резаые были за него, и Кротовсний: если не саергать Временное правительство, то бить его а спину и а шею.

Это ещё что за диность? — удиалялся Саша. Протиа саоего же революционного правительства? Каменев на это возражал с большим самообладанием, разумно. (Вообще, он тут, кажется, единстаенный умный.) А большеголовый бровастый Муранов — рядом

с Каменевым - очень важно голову держал, но молчал.

Замельнало «надеть узду на реаолюционную стихию?», «оборонцы!», «пораженцы!». Шляпниноа горячился, что среди собраашихся не может заучать термин «пораженцы», это недостойно, тан нлеймила большеанноа неразборчивая буржуваная печать, либералы в союзе с чёрной сотней, а «пораженчестао» было асего лишь предсназанием неизбежности нрушения романоасной монархии на почае внешних неудач. На «пораженцеа» не клеветал тольно левивый — а предсназание их блестяще оправдалось, нераый реаолюционный полн на улицах Питера и был глааяый «поражеяец», — бессмысленное и обидное слово.

Но Каменеа разумно возражал ему, что не надо нидаться и «оборончестаюм» и «реаолюционным оборончестаюм», это тоже бессмысленные обидные нлични, лишь смазывающие суть вещей.

Шляпников, горячась:

— Зачем пролетариату война? — на его долю только увечья и смерть, а в тылу — длиняый рабочий день и дороговизна. Правящие круги запутались, выйти из войны яе могут. Надо заключать мир без официальных сфер!

Камеяев, урввновешенно:

- Конечно, хотелось бы коячить войну поскорей. Но когда армия стоит против армии яе сложить же оружие и домой? это политика рабства. Если Германия сейчас начнёт наступать надо дать ей сильный отпор.
 - Правительство капиталистов наши враги!

— Но на «долой правительство», — улыбался Камеяев, — у яас просто пет сил.

— Если не свергать сейчас — то хоть объяснять массам, что всё равно неизбежно нам

придётся брать власть!

А рядом с Ленартовичем сидел какой-то кавказского вида, маленького роста, с оснинками на лице и с толстыми длинными усами, разведенными ровно вбок. Саша ещё удивился, какие туповатые сюда попадают, сказать бы — чистильщик сапог, при чём тут оп? А тот подяял руку, объявили «товарищ Сталин» (только в насмешку можно было к нему прицепить!). И этот тихий забитый встал, подшагпул к фоятаняому гроту и стал говорить заунывно, яо яе так глупо.

Как это теперь модно козырялось, оя потяяул из французской истории: что в 1792 году республиканская Франция воевала против коалиции реакционных королей, и если б чтонибудь подобное было сейчас, то социал-демократы все бы дружно подиялись на защиту свободы. Но нынешняя война — с обеих сторон имперналистическая, аа рынки сбыта и сырья, а главное: сегодия она не угрожает нам восстановлением старых поридков, как пугает буржуваная печать, и яет никаких оснований бить в яабат, что свобода в опасности.

Таким образом грузин подыграл как будто шляпниковпам — яо тем же топом ровяо подыграл и Каменеву, что лозунг «долой войну» выглядит голым пацифизмом и тоже ничего не двёт. Что Манифест Совета падо приветствовать, по (уклонился тут же) приветствовать с оговорками, что он не разоблачает хищнического хврактера войны. А нам (вроде опять в сторону резвых) яздо давить на Временное правительство, чтоб оно начинвло мирные переговоры, — и только так мы сорвём маску с этих изших империалистов.

Примирить — пикого не примирил, а запутал больше.

Эпертичные: надо бороться за армию! Буржуазия призыввет к бургфридену. А нам яужно — выборное начвло! чтобы солдаты не шли покорно за офицерами, вот чем надо заниматься! — и только так мы отберём у них силу.

Что ж, Саша к такой армии был вполне готов: честно, демократично. А толковый офицер всегда сумеет и обратиться к солдатам и зажечь их, и быть выбранным,— и поведёт их ещё лучие, чем в подневольной армии.

Тут выступил один кудлатый, здоровый, а лицо барановитое, Кривобоков Невский. Оя

на гротик как наступал, тот яе давал ему простора:

— Паденться на бывшую императорскую армию, как бы её там ни демократизировали, — в корне неверный путь! Преступно забывать, что ни одна революция не побеждала без собственного войскв. В 1789 году сразу стали создавать национальную гвардию и только потому победили. В 1848 не было её — и революцию нотопили в крови. И сегодня реакция не спит и готовит нам разгром...

Вот уж галдели об этой коитрреволюции, по Саша иигде её не видел, выдумки. Где она

есть?

— ...И пока мы хоаяева положения — надо требовать декрета о немедленном вооружения народа! Если не хотим дожить до парижских июньских дней, чтобы буржуваная молодёжь топила нас в крови.

А Муранов в президиуме — водил своими страшными огромными бровями. Но ничего

не говорил.

— Â это кто? — спросил Саша про смешного толстяка, весь объём живота которого нельзя было вообразить в сидячем положении, а только когда он вот поднялся, безобразный живот, хоть и обтянутый армейским поясом поверх суконной рубахи.

- Бонч-Бруевич, - шеппул Матвей.

Толстяк вколачивал кулаком певидимые гвозди с поспешностью, как бы предыдущий

оратор не забрал всю его мысль:

— ... Да если Совет рабочих депутатов не будет опираться на революционную армию, то он осуждён на падение! Вооружение рабочих — это один наш путь. Напряжём все силы для устройства громвднейшей армии пролетариата! Нам именно нужна друган, своп рабочая армия, как финляндская Красная гвардия в Девятьсот Пятом! И не револьвер каждому нужен, а солдатская винтовка с большим количеством патронов!

А что? готовность к делу у большевиков — как ни у кого не увидишь, это прввда. Кажется, не в плохое место Матвей привёл. (И свм захвачен, раскраснелся.) Там ещё

объединение социалистов будет, не будет, а эти... Хоть знергичны.

Вдруг — всё изменилось на совещании: с гордым видом вошла красивей шая женщина — вот удалась природе! — и одетвя так хорошо, как не одеваются на пвртийные совещания и вообще в этой среде. Белокурай голова, тщательно выложены волосы отдельными кольцевыми кудрями. Тонкий профиль. При властном вагляде как будто выражала готовность и к приветливой улыбке. На груди брелок на цепочке. Невысокая фигура с приятною полнотой: эвняты все формы, отпущениые природой, и все в меру. Выталкивая колепвми тяжёлую ткань лилового платья, она прошла, как ато было ни закрыто, — по одной стороне гротика, мимо колея сидящих, — по какому-то праву прошла в полукруглый уступ позади спин президиума, там нашёлся стул, она повернула его боком к окяу и села, облокотясь на подоконник, профилем к Троицкому мосту. И так (проектируясь для Саши на череду мостовых фонарей как скульптура) сидела: слушая речи, но и рассеянно, но и показывая себя всем тут.

Да она одна и подходила к этим стенам как состоятельныя хозяйка атого дома, а они все

тут — случайный сброд посетителей.

Мичман откровенно воззрился на неё. И в Саше тоже — замутило, и он на какое-то

время перествл слышвть, что говорилось.

И пропустил: очевидно, перешли на другой вопрос повестки? или как? Почему-то опять этот комичный Сталия получил слово и монотояно исгромко вёл, никак не подавая

нвдежды на пламенную речь:

— Уч-редительные Собрания а-бычио собираются уже после успокосния страны. Поэтому о-пытные революционеры, — и тень улыбки прошла по его лицу, — всегда пытались в-существить свою программу, ат-тягивая соаыв Учредительного Собрвния, и поставить его уже перед фактом а-существленных реформ. Но наше Временное правительство возникло сав-сем не на баррикадах, а... — сожаление выразилось в его голосе. — Па-этому оно сав-сем не революционно. На-ше Учредительное Собрание будет на-много демократичней этого правительства. Поэтому нам — ны в коем случае нэ надо оттягивать Учреднтельного Собрания.

Матвей с кривоватой улыбкой шепнул:

- Член ЦК.

Ах вот как. Ну, это сильно разочаровывало.

А та красивая большевичка, как она прошла-села, так ояа, может быть, тоже член ЦК? — ...Можно назвать че-тыре условия победы русской революции. Первое...

652

Всегда не слишком светлая и иаблещенная, даже сумрачноватая, обширная квартира Винаверов, в минувшие дни, по соседству с Думой, ие раз приют для ЦК кадетов,— сейчас, ещё до вечерней темпоты, светилась во все электрические лампы — с потолков и со стен. В столовой сновала прислуга, коячая собирать парадяый обед, в других комянтах сиделя и гуляли гоств, числом до двадцати, больше мужчины, больше — сотрудники и соучастники жизни Максима Моисеевича, — по юриспруденции, по борьбе аа еврейское полноправие, по еврейским культуряым организациям. И ещё ждали двух почётных гостей.

Весь вид квартиры, всё настроение да и одежда собравшихся были торжественно именинны— и не к рядовым именинам, но к большому юбилею. Однако никто не принёс юбиляру подарков. Хотя он и был здесь, по сути, главный виновиик торжества— но плоды его и ликованье его разделяли равно все.

Приглашены и собрались оии сегодня по тому поводу, что не только уже были уверены, что закон о пационально-вероисповедном равиоправии утверждёй, — но Максим Моисеевич получил на руки его полиый текст, а со дия на день он появится в газетах.

И какое же указующее совпадение: почти в день еврейской Пасхи!...

Да! Это и есть наш второй исход из Египта!

Сейчве же после опубликовании будет общегородской митинг, и обещал выступить Милюков. И там начнём сборы пожертвований, чтобы построить в Петрограде большой еврейский Народный Дом.

Квкой долгий путь страданий и борьбы пройден — и как вдруг быстро всё совершилось!

— Да, господа, дведцать пять лет усилий, как рез юбилей! Я считаю, мы начали эту борьбу в начале девяностых годов, с «Бюро Защиты». Считайте, квк раз двадцать пять!

Но — н изпосился же хозяин-юбиляр за ати четверть века. Ведь ему сейчас только 54, а нв вид дввали и шестьдесят. Уже припокачена была его спииа, как если б он носил, и носил, и носил мешки. И крупный лоб его облысел далеко на верх темени, бородв с сединой, и уже кудв не рвецветный вид, но по-старчески сложены складки, утопляющие серые глаза. Однако и пободрели, побыстрели его движения за последние две недели, и поживели глаза. А улыбкв всегдашняя — добродушно-хитроватая, и добродушно-рвдушно разводил он руки, встречая каждого нового гостя, — а вот и Фёдора Фёдоровича Кокошкины!

А Кокошкии и сам блистал как главный юбиляр, да — по-кокошкински: франтовски одетый, сверкающий белизною и стеколками, веретенно-стройный, закованяо-крахмальный, а на маленьком сухоньком личике — чёрные усы почти по-вильгельмовски загнуты тонкими воинственными пиками вверх, яо и всем этим Кокошкин как будто скрывал, а скрыть не мог, что сам он — эстет, мечта и нежяость. Оя — свял, и вагляд его был — задумчиво-радужный.

Винавер обиял его простоватым движением и поцеловал, но так, чтоб не испортить это картинное чудо. И не сломать: изысканная подобранность Кокошкина всегда вызывала

опасение, не прячет ли он за ней нездоровье.

Боже, сколько их соединяло, от самой Первой Думы! Сколько решающих ночных совещаний разделили они! Сколько исторических документов составили совместно прежде — начиная от бессмертного Выборгского воззвания в июльскую ночь — и снова, в новый прибой, новый орлиный полёт — возавание Временного правительства — «свершилось великое!» — и вместе же работали теперь над проектом Учредительного Собрания. Какой рок сводил их руки явд самыми великими докумеятами!

Да ведь программа Февральской революции — это и есть программа яашей Первой

Думы! Все попытки вразумить власть оказались тщетны.

Да, конечно, они оба и сегодия расплачиввлись за Выборгское воззвание: не имсли права избираться в три последние Думы, оттого их имена яе стояли так высоко у публики — и они не смогли войти прямо во Временное правительство. Но поддерживали его из-

за кулис своими перьями и советами.

Теперь главное: не дать силам контрреволюции расправить чёрные крылья и посягнуть на повый строй! Вот, арестовал Гучков кое-кого из Ставки. И арестовая кровавый семёновец Римаи... Вот, вы слышвли, господа, арестовалн полковника из следственной комиссии Батюшина... Как? Разве ещё не вся комиссия посажена? Давно пора этих зубров всех!.. К сожалению только — Совет депутатов несколько выходит за пределы своих функций... Да, это отчасти есть... Но — обойдётся...

- Но господа! Кто у меня был на днях? Не догадаетесь! Пуришкевич.

Загудели, действительно удивлённые.

— Пришёл спрашивать путн спассния России! Теперь нашёл, у кого. Я ответил: это вы, тёмпые элементы, ввергли Россию во все её несчастья. Это вы приучили народ к бесправию — н теперь чего будет стоить верпуть его к правовому строю!

Ну, действительно, исихонат был, и оствлся.

А вот он, вот он! — грузно появился князь Павел Дмитриевпч Долгоруков, песя мамонтовую голову на слоновьем корпусе. (Тот самый князь Павел, который революционной молвою Девятьсот Пятого года выдвигался на императорский престол, а в Шестом году своё место в Думе уступил Герценштейну; и потом ездил к Клемансо от имени России просить не давать нам авйма.)

Винавер приветствовал князя сердечно, обеими руками за обе, и снизу вверх лобызал. Кпязь тоже был среди тех ведущих кадетов, десять дней назад и составивших проект отмены национальных ограничений,— ещё неизвестно, когда б у правительства дошли бы руки. Ещё предстонло министерству юстиции кропотливо изыскать и перечесть все изменнемые и отменяемые статьи прочих законов— но общий закоя, первейшая задача правительства,— уже был утверждён, уже был— вот.

Переходили в столовую. Стол сверкал всей возможной белизной и серебризной. Горничные в кружевных передниках и яаколках были наготове обносить закусками. Хозяин и хозяйка сели на противоположных оконечностях стола, Максим Моисеевич —

под большими часами, а по две руки от него — Кокошкин и кяязь Павел.

От Винавера ждали не тоста — речи. Гости замерли ещё прежде ножевого стука о хрусталь. От знаменитого адвоката ждали речи сильной, и сам он, давно отволновавшийся на речах, поднялся растроган, взнесен, вскружея. Он был невысокого роста, яо с голо-

вой непропорционально большой.

— Друзья мои! — гулко выговорил оя, вкладыван весь смысл.— «Свершилось великое!» — так начали мы на днях обращение Времеяного правительства. Но с ещё большей авслуженностью просятся этп слова яа язык сейчас. У п а л и цепи рабства с еврейского народа! Едва ли мировая история анает пример столь ошеломляющего превращения! Зв носледние 25 лет русское еврейство подверглось гояениям и унижеяиям, неслыханным и небывалым двже в истории нашего многострадального яврода. Ещё вчера беарассудная злоба и ненависть загоняли евреев в тиски морального гетто, лишали его пеотъемлемых прав. Ещё вчера наши права на передвижение, образование взвешивались на унции. Наш народ, согбенный под тяжестью вековой неправды, и неся все государственные повинности,— ждал как милости хоть какого-нибудь незявчительного послабления в праве дышать воздухом родины. Еврейский народ пронёс через тысячелетия провозглашённые им когда-то идеалы равеяства и братства. Гонимый из края в край, оя всё не терял надежду на царство Божие на земле — я вот теперь, на самом краю своего рассеяния, он обретает всю полноту человеческих прав!

Максим Моисеевич вошёл в речь, иногда прикрывал веки, и плавный голос выносил:

 Разлетается прахом злосчвстный постыдный вопрос о вероисповедных ограничениях, многолетнее злопыхательство поколений казённых глупцов! От клеветы и наветов более всего страдали евреи. И в чём только не обвиняли их: то -- они эксплуатируют коренное население, то - стоят во главе Освободительного движения, то наразиты и тунсядцы, то слишком энергичны и деятельны. Жертвоспособность еврейской молодёжи и та стала для старой власти орудием возбудить инстинкт толпы. Сколько раз царизм с подлой хитростью пользовался бесправием нашего народа, чтобы свалить на него месть и злобу. Еврейский вопрос сделался для старого режима козлом отпущения. Мы перестояли и смерч столыпинского режима. Царизм не задумывался даже расстроить акционерное дело у себя в стране, лишь бы ограничить участие евресв. Не останавливался перед охлаждением отношений с Америкой. В разжигании неиависти к евреям царизм видел средство поддержать своё существование. Еврейское перавноправие усугублялось общим отсутствием правового начала в стране. Положение евреев уже было препоной для общего введения правового строя. Еврейская молодёжь в течение десятков лет шла в ряды борцов за общерусскую свободу, здоровым инстинктом чуя, что одна и та же твердыня охраняет и политическое рабство по всей России и гражданское рабство евреев. И отцы взирали на своих детей, идущих на каторгу, с болью, но не с осуждением. Самые большие тяготы в этой стране падали на долю еврейского народа — но он не уставал бороться. История иациональных гонений в России ещё не написана. Сегодня мне не хочется возвращаться даже чувством к тем танталовым мукам, какие пришлось перетерпеть свреям. Да ведь пострадали и притеснители, морально: это от еврейского бесправия у пых развивался произвол, беззаконие и взяточничество.

Что это напоминало? Что это ужасно напоминало? — вот такой торжественный сверкающий стол и торжественные заседатели, но собравшиеся вовсе не для еды, а лишь по поводу её, — а выход весь, а ожиданье всё — пламениая речь? Да — банкеты же, банкеты с Девятьсот Четвёртого на Пятый! — не зря прогремевшие серебром и стеклом,

нагремевшие нам и революцию!

— Духа же евреев тяжкий гиёт писколько не угашал, напротив — возбуждал к сознатвльности и борьбе! Вместо прежней покорной и трусливой массы явилась нация с высоко развитым чувством собственного достоинства! И вот сегодня, когда вся гниль однам ударом смыта с тела народного, — перед нами во весь рост стоит еврей-граждании, с достоинством перенесший годы угнетения и преследования. Навсегда закрыта ещё одна позорная страница нашей государственности. Вырван ядовитый зуб царизма. Спята тижесть с руссиой совести. На долю Временного правительства выпала великая честь спять с русского народа тяготевшее на нём пятно. Теперь Россия вступает в ряды цивилизованных народов. Мы освободились от засилия отечественных погромциков. Сегодни мы в полном смысле можем назвать русскую революцию Великой: ещё горят страсти — а революция спешит восстановить значение личности, выполнить повелительный долг чести относительно евреев! Вот она, грань между старым и повым строем. «Ныне отпущаеши.» Первый раз за две тысячи лет мы будем праздновать нашу Пасху не рабами, а свободными граждаями. Радостные чувства этих великих дней откристаллизуются и передадутся нотомству в восторженных рассказах и трогательных легендах.

Зааплодировали. Сверкали глаза. Предупредительно поднимали бокалы. Максим Моисеевич отдышивался от радости, как от большого подъёма. Но он ещё не кончил.

Тенерь евреи могут смело войти в храм свободы, ибо он воздвигнут и на костях еврейских борцов. Евреи могут гордиться, что и они прияимали участие в революции. Евреи добивались свободы не как рабы — и теперь полноправно могут участвовать в закреплении достигнутого успеха. Консчно, одним росчерком пера ещё не будут устранены все противоеврейские традиции. Вот и сегодня: освобождённая Финляндия ещё сохраняет у себя еврейское бесправие. Из Дерпта приходит новая клевета, что милиции из евресвстудентов вызвала кровопролития. Ползут нашёптывания тёмных сил, и провокаторы хотят сорвать революцию на вопросе допуска евреев в офицерство. Понадобится сщё одна рвволюция — в тёмных невежественных мозгах, чтобы поняли все, что никакого сарейского вопроса вообще никогда не существовало. Но в ярком пламени реаолюции постененно аабудутся рознь и педоверие, которые сеял старый режим. Все помыслы нового сврейского гражданина теперь — на благо родины, открывшей ему свои объятья. И весь его инкем не отрицаемый гений теперь будет вложен в строительство родины. Забудем же наши обиды — и пусть запоздалость зари не отягчит души страдальца. Никогда ещё Россин так не нуждалась в энергиях и талантах — и евреи принесут их ей. Еврейский народ теперь докажет, как высоко может подняться волна преданности родине в сердцах свободных граждан. И да не омрачится больше наше братство взаимным подозрением, также и на поле брани с внешним врагом. Вот, придёт Учредительное Собрание, будут решены и другие национальные вопросы — и наступит тесное содружество народов России к умножению её вечных ценностей.

По составу речи можно было понять, что он — кончил, и отчего ж не на высокой поте, упущенной раньше? А Максим Моисеевич вовсе не кончил, главный-то поворот был сейчас.

— Напомию, что в своей известной речя в Первой Государственной Думе и бросил в лицо правительству: да, мы полны силы отчании, но у нас есть и один союзник — ато исполненный истинной человечности русский иврод! Да, господа, это так, — обвёл он глазами всех, ио не двух самых близко сидицих. — За светлое будущее России мы боролись не одни, ио вместе с лучшими русскими людьми. Так и России не погибнет и так у ю Россию кровно полюбили мы, так называемые инородцы, с нею сплелись неразрывно, через неё свизали себи с русским прошлым и с нею вместе будем строить русское будущее. Дух Пушкина, Белинского, Герцена и Толстого, и вси атмосфера Девитьсот Питого-Шестого годов и Девитьсот Семнадцатого — ато негаснущие эманации. И современное нам поколение русских людей сумело выявить те же истинные черты русской души — и этих дорогих друзей мы видим сегодни и здесь, в нашем узком избранном кругу — и — и разрешите, — синюще повернулся он направо, — обнить вас, дорогой князь Павел Лмитриевич?

И наложил руки на плечи слоногрузного книзя, не даван ему подниться в рост, — тот

разошёлся в смущённой улыбке. Обиялись.

 И разрешате, — с глубинным порывом поверпулся Винавер налево, к своему сердечному любимцу, — обнять вас, наш ненаглядный Фёдор Фёдорович!

И наложил руки на хрупкость Кокошкина.

Все встали.

653

Обедать министры должны были в офицерском собрании Ставки. Но вовремя не принили, и всё не шли — и обед начался без них.

Тут они и вошли, все в пиджаках, Керенский в курточке. Никто из офицеров не поднялся. Лишь когда министры подошля к генеральскому столу — привскочил Алексеев. И иностранные офицеры прекратили еду.

Все жадно смотрели на диковинных министров, и особенно на Керенского: больше

нсего он гремел по газетам, а портретов его ещё не знали.

Только после обеда, когда поднялись, вокруг каждого из пяти смогли образоваться группы — и так присмотрелись и прислушались к ним ближе. Трое старших были люди привычного общества, таким же старался быть и Некрасов, а Керенский излишне первно дёргался то в одну, то в другую сторону, иногда его жесты и фразы были нвпряжены, сценичны, не по размеру аудитории.

Но эти беседы стоя не продолжались долго: все министры спешили, в разные места,

использовать для своих дел эти немногие часы в Ставке.

Милюков объявил представителям союзников, что на сегоднящием заседании правительство решило оставить Алексеева Верховным Главнокомандующим. Союзные агенты внимательно и вежливо кивали. (Они ещё утром, до совещания, знали об этом же от Гучкова.) Разумеется, никакого непринтного упоминания о задержке нашего наступления тут не прозвучало.

Затем Милюков и Гучков вместе с Алексеевым отправились па совещание с морским штабом. Гучкову как морскому министру неизбежно было такое совещание устроить, но Милюков вепременно хотел участвовать — и тут стал проводить свой ааветный план: убедить и Ставку и морской штаб эпергично подготовить и проязвести высвдку в Босфоре! Он знал, что адмирал Колчак только об этом и грезат, — и тут в темпераментном кругленьком адмирал Бубнове нашёл тоже горячую поддержку. Но вечный противник босфорской операции Алексеев стал кисло и скупно выноваривать и вынисывать на бумаге целыс столбики возразительных соображений — всё вокруг распылення сил, нехватки десантных судов, трудностей снабжения, авдержки сроков и тяжёлых особенностей момента.

Но как же было из-за мелочей малодушно отложить, не осуществить в эти революционные пркие месяцы константинопольскую мечту России?! Милюков никогда, и даже в эти месяцы особенно, но терпл государственной мысли: путь России — через проливы, через Балканы, через Средиземное море!

И ои смотрел на Гучкова со стрвстным выражением,— если таковое было ему до-

ступно.

Но Гучков, ведь тоже прикосновенный к балканским проблемам,— нет, не выказывал мужества. Любил он дерзкие шаги, но что-то слишком много сразу предпринималось дерзких: одна его генеральская пертурбация чего стоила. А все перетриски уставов, комитеты? Однако и боевой расчёт, представленный Колчаком, был поразительно убедительный: вся недоступность Босфора казалось мнимой,— а только руку протянуть — и взять!

Но уже привыкнув за эти дни к подавляющим трудностям, Гучков скрипел. Не столько против рвсчёта Колчака, как — о снабжении. О рвзгрузке железных дорог. Мы везём из Донбасса уголь, перегружая дороги, — а могли бы морем везти его из Мариуполя в Одессу — но для этого тоже пет судов, а придётся с транспортов Колчака снять десантные приспособления и поставить их под уголь и руду.

Милюков сердито возражвл. Не сощлись, не решили.

Гучков весь день был иастроен иервно именно из-за обильного присутствия других министров, которые лезли не в свои дела, отравляли ему встречу со своею Ставкой. И хотя его главные делв ужв были аа полтора дни все обсуждены — но он решил пересидеть министров, не уезжать сегодни, остатьси ещё на день. Как звноза досаднай ему особенно мешал Керенский своим претенциозным, неуместным адесь поведением. Нв дневном заседании Гучкову подаля телеграмму из министерства, что получено известие: в Петроград из Архангельска везут арестованных там по приказу министра юстиции — двадцать пять морских офицеров и трёх генералов! Каково? И это — без морского министра! Гучков едва не захлебнулся этой телеграммой — но всё шло совещание, а потом Керенский сразу ускользал, а потом обед, а потом опить ускольанул, — никак не удавалось его припереть и выпалить ему! Между совещаниями у самого Гучкова были встречи: утром — с военными представителнии союзников (осторожно готови их, что России очень трудно будет выполнить обязательства, но скоро-скоро восстановится её военная мощь), затем сидел в Дежурстве у генерала, получви самое дли себи нужное: списки всех старших начальников от дивпзии вверх со всеми аттестационными отметками.

Наконец, из вежливости просидел и чвс с великим князем Сергеем Михайловичем, отставляемым от инспектора артиллерии: тот боялся ехать куда бы то ни было, уже наученный злоключениями данастии и своей бывшей любовницы Кшесинской в Петрограде («Скажите, Александр Иваныч, женщину, балерину — аа что?» — «Но разве и могу уследить, кто кого арестует?»), — и вопреки официальным рекомендациям правительства

Гучков советовал ему схать куда угодно, только не в Петроград.

Лишь поздно вечером Гучков узиал, что Керенский в этот день успел принять смотр георгиевского батальона (в какой сумасшедшей стрвне ато мог сделать министр юстиции?!) — а только что, вечером, выступил на собрании офицерских п солдатских депутатов (куда и Гучкова зваля, да он был заннт). Ну, чёрт подери, Гучков рассердился уже черезкрайне: с этим фиглиром нвдо как-то коичать, он открыто лез в компетенцию военного министра. И выходки его были так неожиданны, что нельзя их предусмотреть. И — уже уехал.

Откледывая объяснение до следующего правительственного ааседании (осадить фигляра по нервому же поводу),— пока только и мог Гучков: оствться не следующее сутки, завтра собрать это же самое собрание офицерских и солдатских депутатов и на нём произнестн обнирпую речь, заслояя болтовню Керенского: как он, Гучков, ещё с 1907 года пытвлен возродить боевую мощь России, а ему мешали правительственные сферы. Как революция вызволила нас из проклятой тины— и теперь солдату предоставлены все права гражданина, и теперь свободным революционным развитием мы создадим непобеди-

мую армию!

А Керенский — а Кереиский, со своим динамизмом, провёл сегодня ослепительноочаровательный день! Уже утром, с вокаалв, — единственный министр, кого подняли на
руки, был он! И вот блистательно придумал принять парад батальонв георгиевских кавалеров — умеренно укорил их, что они поддались карательной поеадке в Петроград, но
и тут же благодарил, что они остались верны народу, — держа руку у картузного козырька, пропустил мимо себя их печатный шаг — и очаровал. Пробежал в комиаты военносудного управлении — и очаровал. Нвконец, приятно поболтал часок с великим князем
Сергеем Михайловичем. К каждому великому князю Керенский испытывал острое любопытство, желание сокоснуться. А в эту поездку — ноудобно было поехать в самом парском
поезде, — но тоже в одном из литерных вагонов, похоже. А в самой Ставке — какой особенно бодрящий, военизирующий воадух. А вот и опустевший двухэтажный дом, где жил
царь. Как министр юстиции Керенский должен был проверить — и прошёлся дорожками
двора и свдв: вот тут ходил сам царь — а теперь ходят Керенский! (Так же одинокий,
заложив руки за спину, — в охрана из гвардейского экипажа всё время ав ним, в отдалепип. Распорядился выдать им царского вина.)

Во времи большого совещвии Керенский то и дело вставвл и подходил рассматривать карты, развешанные на стече. Молодой, стройный, впечатлительный, уминый, с одной рукой небрежно заложенной за спину, он чувствовал, как полководческий дар вливается в него час от часу. (А кто был здесь полководец? И Николвй Николаевич не был полково-

дец, его популярность раздула общественность в пику царю.)

Очень обижало Керейского препебрежение Гучкова, что он приехал на сутки райыше, держвлен всё времи особо, отдельно и как бы выше. А вот что надо: по воаврату в Петроград тотчас же дать газетам интервью о впечатлениих от Ставки — и авнвить от себи проект омоложении командного состава армии, — да разве Керенский ие думает твк? не думал так всегда? Этим путём и будет соадана та революционная врмии, которан существовала во Французскую революцию! Проект омоложении командного состава выаовет восторг и сочувствие всей армии!

Так в разнообразных событинх, чувствах и внечатленинх прокатился этот незабываемый день Керенского — а закончился он блестящим выступлением в солдатско-офицерском могилёвском Совете депутатов (60 солдат, 30 офицеров) в здании городской думы. Его встретили, конечно, единодушными овациями — и он ванёсся на помост и тотчас же приступил к речи, каждым свободным жестом своим показывая, насколько новая власть

выгодно отличается от старой.

— Товарищи! Русская революция поразила весь мир быстрым темпом своего свершения— и порядком, не имеющим примера в истории! Старая власть, лишённая всякой опоры в народе и армии, сдалась в несколько дней без сопротивлення! И они все — в наших руках! Дело реакции проигрвно бесповоротно! Но должен последовать справедливый суд, а не мелкая мстительность! Великий народ должен проявить величие и в великодушив.

В такие мгновения — гусиным пёрышком щекотало Керенского в горле.

— А что мы видим в нашей армии? Она станет ещё сильней, когда до конца осуществится приобщение к гражданским правам! Уже сегодня я вынес самое отрадное впечатление. Офицеры чувствуют себя прекраспо и говорят, что наконец-то нашли своё настоящее место. Они прониклись пониманием психология солдата-гражданина. Солдаты проникнуты духом верности, чувством долга перед родиной. Дезертирство не только не усилилось, но многие воавращаются на фронт. Генералитет, хотя и не ориентируется в новых формах жизни, но мы не встречаем от него противодействия. Внутри государства — больше нет нам опвсности! Но она — от внешних врагов. Если бы немцам удался прорыв — они бы восстановили у нас старый деспотический режим. Но я ни минуты не сомневаюсь, что наша армия грудью защитит завоёванную свободу! Если не исчеанет наш энтузиазм — мы выдержим удар! Солнце свободы всходит — и осветит не одну Россию, но и весь мир, который напряжённо ждёт с Востока своего освобождения!

А дальше — аплодисменты, аплодисменты, энтузивам не поддавался описанию!

И снова его вынесли из зала на руках. (В сопровождении подпьяневших матросов гвардейского экипажа.)

654

Сегодня в Белом думском зале очередь собираться была рабочей секции Совета. Не так избыточно, как солдатская, двери закрывались и по проходам можно было пробраться, но всё же сидели впритиску и во всех ложах, и на ступеньках. И даже — не курили, обнзались так, иногда кто где засмолит — на него цыкнут. Всё это рознилось от солдатских дней, когдв стояли даже и во все стороны лицами, и всё висло в дыму. Сегодня, в рабочий день, и на хорах оставалось место — и там расселась стража арестованных из соседнего коридора, кто-то и до белья раздевшись от духоты, на привольи чай пили.

А Екатерининский зал по соседству грохотал от пришедших там сейчас моряков. На родзянковскую вышку, на фон опустошённой императорской рамы, уверенно взощён полноватый Богданов. Он теперь стал ходить с портфелем, что, при упитанном белом лице, придавало ему и министерскую солидность. И перед подъёмом на трибуну снимал, совал в карман пенсие, нужное ему только для бумаг. Эпергично постучал но пюпитру (родзянковский колокольчик за эти дни украли) — уже и стук его и манеру знали, и сразу слушали. За три недели уже привык Совет к Богданову и Богданов к Совету, управлялся с ним оборотисто, и доводов его слушались, он и был тот главный, кто приносил из Исполнительного Комитета директивы, а здесь превращал в решении. По умелости, бодро надеялси он и сегодня справиться, хотя понимал, что дело окажется потрудней.

— Товарищи! — сильным голосом подал в тишине. — Сегодия нам предстоит два вопроса. О ноложении работ на заводах — но это потом. А равьше нам надо обсудить некоторую перестройку работы самого Совета. Исполнительный Комитет пришёл к выводу: в таком виде, как мы существуем, мы больше существовить не можем. Теперь в Совете две тысячи солдат и восемьсот рабочих, — это слишком много, на общих собраниях решение вопросов может быть непродуманное. Простое голое поднятие рук — это не решение. Как теперь изменить положение вещей? Это нааывается — реорганизация. В теперешнем составе Совета много наслоений, ибо он сложился стихийно. Наш Совет рос на случайных основаниях. И пришлось разбиться на отдельные солдатские и рабочие собрания, у солдат своя Исполнительная комиссин, тоже 107 человек. Так работать нельзя, это слишком громоздко.

Солдатская вудитория — много бород, адесь — ни одной, самое большее — усы у третьего, а то бриты. Сквозь солдатские дремучие бороды нескоро проникает речь оратора. А тут, с рабочими, поостерегись, их всё же (сами же) годами приучали к сходкам и речам. И лица у них — размысливые, честно серьёзные, и пришли опи — понимать, и торжественный парламентский зал приосеняет им важности. Тут — поосторожней, через каждую фрвзу — и успокаявать. (А начали с рабочих, потому что перестройка ущемит солдат побольше.)

— Но, надо сказать, хотя состав Совета и случайный — он сохраняет полное единство. Нам нельзя ломать эту махину. Нельзя сказать — распускаем и созываем новый. Мы всётаки связаны друг с другом, рабочие с солдатами, и через Исполнительный Комитет. Мы росли стихийно — но рвать эту связь нельан. Этот аппарат пельзя уничтожать. Наша

задача — свизать эту махину, чтоб она представляла сильное гармоническое целое. Хотя мы считаем, что три тысячи человек работать трудно, всё же вопрос слабо освещён. Но Совет распустить нельзя. Он должен сохраниться, только его роль должна быть точно определена.

Пока сходило ничего. Но слушали — не безразлично, кажется, начиная подозревать

и подвох.

— И вот я доложу проект сегодня на вашей секции, завтра на солдатской. Впредь Совет должен намечать общую линию. А разрабатывать эту линию при таком большом количестве членов нельзя. Кроме того, есть случаи торжественные, например, обращение к полякам, когда нужен весь Совет. Разработка же и принятие решений и постановлений должна лежать на рабочем органе. И мы предлагаем такой создать: Малый Совет Рабочих и Солдатских депутатов, не больше интисот человек. Теперь момент спокойный, не как 27 февраля, и выборы могут быть произведены закономерно. Выбирать депутата не на полтысячи, а на две тыснчи человек. И солдат — не от каждой роты, а от батальона, полка. А ещё в Совете отдельно должны быть представлены партии. И профсоюзы. Мы цепим организации. Возьмём депутатов и из ремесленного пролетариата. А из торгового пролетариата — только нижние слои, они стоят на страже демократии. А верхияя часть настроена буржувано. Итак, старый Совет не уничтожается! — который раз оговорился он, хотя ж никто ещё этого ему не кипул, но промахнулся языком, наявал Совет не Большим, а сразу старым, — его задача — разработка общей линии и вотирование торжественных актов.

Теперь зашевелнлись. Только радости и поддержки в движении не было.

- А Исполнительный Комитет??! - крикнули, даже из разных мест.

Этого Богданов и ждал, самое больное место, осторожно его обойти — не допустить и мысли переизбирать Исполнительный Комитет.

- Исполнительный Комитет, товарищи, избран ещё 27 февраля...

Временно! — крикнули.

Помнили...

— Сперва решили, что он будет состоять из девяти рабочих, девяти солдат. А потом ещё присоединялись партийные депутаты. Да, он сложился несколько стихийно. В нём сейчас 37 человек, из них далеко не все бывают на собраниях. И мы предполагаем доилбирать туда рабочих и солдат. — (И не собирались.) — Но сейчас надо думать, как реорганизовать большой Совет.

Богданов ждал сразу большого шума, но если быстро бы проявился — быстро его и приглушить. А тут разрабатывалось медленно. Оттуда и отсюда стали выкликать вопросы:

Так — депутатов в Малый совет — новые выборы? Или — из этих, из нас?

— Новые! — уверенно ответил Богданов. Потому что так говорили на Исполкоме. А сам сразу и подумал: ошибка, вот тут надо было и уступить.

 — А остальным — чего ж? — забеспокоились ещё в пескольких, справа, слева, высоко, и внизу. — К станкам?

Их ведь, этих заседающих, освободили от работы.

- Да, товарища, а что ж, с работой у нас плохо. Но Большой Совет время от временн будет собираться.
 - А топлива нет, какая работа?...

А районные советы — будут?...

- А Малый Совет - будет выбирать свой Исполнительный Комитет?..

Ишь, куда ааваливают! Нет-нет:

- Исполнительный Комитет остаётся от Большого, мы туда довыберем. Малый Совет не избирает своего Исполнительного. Так, товарищи, давайте организованно выступать, но покороче! гнал Богданов.
- Не покороче! распалялось в зале. Вопрос важный, сокращать времени нельзя! Стали выкликать и фамилии и записываться. И быстро записалось больше двадцати человек. Таких прений Богданов допустить не мог: чем дольше прения тем больше проигрываешь, уж он знал. Но уже шёл первый с завода Пали, и уже с привычилми и словечками оратора:

— Та-ак,— сказал,— товарищи! Вопрос требует самого напряжённого обсуждения. Он постановлен расплывчато и не конкретно. Мы не видим плана реорганизации. Надо его раскритиковать как следовает... Мы реорганизуемся, пожалуйста, но чтобы был максимум пользы и чтоб мы не нотеряли своего удельного веса.

- Вы сами, товарищ, говорите конкретно, а не лишнее! - стал подправлять Богда-

нов. Эти речи, он знал, пельзя запускать.

— Чего неконкретио? — стал сбиваться оратор. — Если, например, три депутата от аавода уже есть, а надо выбрать ещё один, так будет четыре? А если от одного завода сразу восемь и говорят одно и то же, так не лучше ль их сократить, а на их место других добавить?

Чего сократить! Кого сократить! — возмущённо закричали из зала, это от крунных

авводов. — И сбили ораторв. Оя ещё поблуквл языком и ушёл. Когда само собрвние прогоняет ораторов — тогда председателю и вести легче.

Второй вылез с Лангезиппеив, тоже, видяо, умелец поговорить:

— Да, товарищи! Как и длн чего — это вопрос очень сурьёзный. Когда нвчиналась революция — так и всё делалось кое-как. А Исполнительный Комитет — ои есть теперь законодательный комитет. А не только здесь, но и по всей России оквзывается давлеяие со стороны остатков тёмных сил. Старвя власть местами ещё существует, ого! Вот я, например, узнал: в Велнких Луквх земский нвчальник ещё и сегодяя арестовывает. Мы яаходим, что три тысячи денутатов — это миого? но, товарищи, и выходов много. Учреднтельное Собрание, вот, яедалеко — а яа местах нигде нет передового элемента. А в Петрограде этого элемента как рвз очеяь даже много. И мы можем часть существующего нашего Совета отделить и рвзослать по провиицям, чтоб они организовывали массы к Учреднтельному Собранию. Мы выяесли на себе тяжесть революции — и изм теперя явдо взять на себя пропагаяду! На местах буржуазия, небось, работвет, в мы почему-то ничего не делаем. Исходя из этого, я предлагаю: часть Совета командироввть во все провинции для пропаганды. Домладчик сквзвл — в Мвлый Совет войдёт 500 человек, а нам оствльным — куда? на улицу? И я предлагаю: рассыпаться нам по всей Россин!

Он покидал трибуну — уже заспорили на местах, соседи с соседями. Многим показа-

лось заманно, другим неохота из Питера уезжать.

Ох, трудяя ты, работа головы! Ох, трудио пробиться, весь хлам прокидать: чего же именно прввильно?

И с трибуны очередной тоже сетоввл, отирая серый лоб:

— Вопрос, товарищи, сложиый. В пять минут его пикак решить яельзя. В этом зале, в Думе, самый сраненький вопрос и обявковенно обсуждался по нескольку дней. А тенерь — вся Россия к нам прислушается, ибо должен быть один центральный орган. Исполнительный Комитет должен был проект соопчить нам заблаговремённо, а не этак сразу на голову кидать. Мы так уразуметь не поспеем. Да по какой квтегории избирать-то будем? Значит, один Совет у явс будет правильный, а другой неправильный?

А сразу за ним — полез конторщик с Айваза с выложеняюй у кармана цепочкой часов,

слышали его в Совете, не раз. Так и заявил сразу громко наотрез:

— Пет, товаринци! Я хочу указать на замечание товарища Богданова, что иаши решения просто принимались поднятием рук. Это неверно, они принимались вполне сознательно. Никто решений Совета не опротестовывает — значит, рвботв ведётся правильяо. А если это так — то к чему нам меняться? Тенерь я перехожу к существу вонроса, что якобы Совет продуктивно работать не может, и предлагают схему реорганизации. Я не согласен. Да, у нас около трёх тысяч человек, и возможно, будет расти до пяти тысяч. А Малый вырастет до семьсот, это не парламент? А что же будут делать наши три тысячи человек? Только ждать торжественного случая? Это — опять не решение. Вот, товарищ с Лангезиниена наметил выход, и он мие рисуется приемпемым. Сократим Совет до нятьсот-пестьсот человек -- ио и остальных оставим в звании, только поручим им: подтянуть к нашему сознательному уровию общирные области страны. Выплатим командировочиые — и пусть едут, возглашают. Миогие по России яе знают, что в Петрограде творится, - и ивдо им это показать. Это двет - колоссальнейшую пользу! Итак, одна часть осталась бы адесь, а другая поехала бы. У нас тут, однако, разные взгляды, и вот, чтобы поиести всё одинаково, надо выработать план. А если сделать, как предлагает Богданов, то положительного результата мы не получин. Мы бы, значит, топтвлись тут, яа месте, а там бы, на местах, шла работв тёмяых сил? Временное правительство с этим мирится, ио мы должиы добиваться своего. На местах есть тёмиые массы — и тогда мы убили бы сразу двух авищев: и эдесь бы сократили бы количество депутатов — н стрвиу бы подготовили к восприятию великих реформ.

Так, самодельио и исожиданно, повериул Совет весь вопрос. Но ие для того был

поставлен ловкий председатель-докладчик, и оя загремел, опоминая зал:

— Предыдущие товарящи говорилн яе по существу. Нам явдо — усилить, укрепить Совет рабочих, а яе усылать его в провинцию, ие подменять всероссийской проблемой.— То есть оя хотел им намекнуть, что надо увеличить рвбочих аа счёт солдят, но об этом никак иельзя сказать прямо вслух, дойдёт до солдат.— Давайте говорить о Малом Совете.

Но не взял их с нвскоку сразу к голосованию, теперь забарвхталось трудней. За время трёх-четырёх ораторов ствли рабочие — опоминаться, в затылках расчёсывать, друг с другом обменялись из ряда в ряд: да иет, тут дело не чисто! это ведь яас разогиать хотит.

II вылез длинный хитрый черяоусый дядька со Старого Парвиайнена, обопёрся об

трибуну хорошо и повёл так:

— Я — с другими говорившими тут ие согласея. Как это: Совет слишком большой — давайте выбирвть других? Как это: Совет — уменьшить, а Большой — для торжественного случая? Это не выдерживает критику. Значит — мы годям только для парада? Я не думаю, чтоб свобода была явстолько упрочена, — и яам расходиться ещё рано, — как это: выбярать других? Теперь настроение масс опустилось и яачинают действовать яежелательяме силы, и если новые выборы — то только ухудшат состав Совета. И получится

мнение, что мы были — яе совсем подходящий елемент? И что ж будет делать дальше Совет? У меня такое предложение: если от какой фабрики двадцать депутатов — ну, можно сократить. Хороню, выберем 500 человек, но из яашей здешней среды. Но и Исполнительный Комитет — тогда тоже заиово. Из этих пятьсот выберем.

— Этого — яе допустим! — застучал Богдвнов кулаком.— Ешё чего? Кто пе доверяет иашему Исполяительному Комитету — пусть организуется сам на стороне, как хочет. А иаш Исполнительный Комитет — избран этим Советом.

Богданов лишил оратора слова, дядька не хотел уходить.

Почему говорить но даёте? — загудели.

 Круто загибаешь — оглоблю сломаешь!
 Но тут блиако сразу несколько с вытянутыми руками совались к трибуне — и как угадать полезяого? Богданов отметил одного — опять вида приказчичьего или конторско-

Этот подвижный завертелся на трибуне, поспевая убеждать во все стороны:

— Товарищи! Мы с вами — люди подполья! А наш Совет организовался во время стихии. А если сделать теперь повые выборы — то в Совет придут люди, которые будут авать «воевать до победы».

Застучал над его головой уже недовольный Богдаяов, и с мест орали с разных,— но и коиторский не растерялся, а продолжал виться:

 А сила перейдёт от Большого Совета к Малому? Нет, товарищи, мы явились сюда не для реорганизации, а — организовать разбитую Россию, и для этого нужны строители.

- А сам - кто? - глушил Богданов, сбивая.

— Я сам, товарнии, пожалуйстя, фармацевт. Здесь много служащих. Раньше мы, служащие, были отделены от рабочих, а теперь мы слились. И цель Совета Рабочих и Солдатских Депутатов — это контроль над Времеяным правительством. А между тем министр просвещения остался совсем без контроля, вы обратите ваше внимание! А нам говорят — разойтись? Нет, товарищи, делать государственное дело вужен инструмент — а нам говорят: разойтнсь? Здесь, в этом здаяни, была холопская Дума, а у нас новое настроение, мы хотим организоваться, а нам говорят — реорганизоваться?

Наступил общий шум — от богдановского стука и горла и встречно от зала, как и раньшо на Советах бывало: ораторов на трибуне оказалось сразу двое, и по стуненькам подпирали двое, а по всему залу ещё вставали и говорили окружающим. Совет расколыхался, окончательно поняв, что его обманывают и хотят разогнать. Кричали, и грозили

кулаками Богданову — по и он смело кричал:

- А я вас не боюсь!

Но сам-то уже понял, что не справился, что прешия проиграны и надо не голосовать, а откладывать на следующий раз.

Десять пятнадцать минут покричали, разрядились, угомонились — аыбрал Богданов

на глаз и дал слово белокурому парню с Трубочного.

— Я высказываю против посылки нас на места. Это зявчит — распылить силы, а нам надо быть в единении. Такая посылка будот громадиейшим ущербом. Чтобы не был громадный состав — так Малый надо выбирать из нас же, зачем же со стороны ещё набирать? А если уж со сторояы — так пусть Малый Совет будет со всей России, ото асех разных городов и губеряий. А то ведь яас и так считают Всероссийским — так вот. Не нам туда ехать — а пущай сюда едет провинция. Мы, Петроград, своё дело и сделали — теперь пущай делает провинции!

Пришлось Богда и ову опять вмешиваться, разгребать свою восьчисотиую неразбериху:
— Нет, товарыци, это иеправильио! Хотя мы и петроградские, ио волею судеб мы и так
уже всероссийские. Мы только формально именуемсн Петроградским Советом — а сила

у иас на всю Россию. И возможно, иас и так призивют всероссийским.

А гуща ему — яового оратора вытолкиула, тоже кудрявого, молодого: — Мы выбраны сюда решать вопрос — а получается, что знакомимо

— Мы выбраиы сюда решать вопрос — а получается, что знакомимся с готовым докладом. Надо раньше оповещать! Совет рабочих депутатов спаялся — и уиичтожить его ие дадим! Когда девятый вал прошёл — так мы уже и ие нужны — и «выбирайте новых»? Мы распустить себя — иикак яе можем! Мы выбраиы совсем не случайно, а вполне разумно. Да к чему иам яовые выборы, зачем нам новые? Придут иовые — мы должны их виакомить с делами сяова. Среди иас тоже-ть нет буржуев! Да, разбирать при трёх тысячах трудио, — а ежели разойтись по комиссиям да по подкомиссиям — так и иет яикого. Да вон. пулемётчики из Народиого Дома уходят — щекатуры обсвежат, да и занимайсн! Хотя б и были у нвс яедостатки, ио в такое ответное время распускать яас недопустимо! Выбирать иовых членов Совета — это только виесёт путаницу. И зачем нам Москва и другие города? Если мы их пустим сюда — так ояи начяут иами управлять Это мы — сбросили иго, мы и должны Россией управлять! А они — пусть присылают людей для свяаи. А подчиить себя мы иикому ие позволим! Ежели нужно выбирать Малый совет — то и выбрать иа сидящих здесь, и всё!

Ну, подинлось! — вой. Вставали, кричали, руками махали, выходили, ещё такого Совет не помиил. Сейчас оборвать прения — яельзя, всё проиграно. Сразу не проилло —

теперь другой вариант: дать им много часов говорить, сами разбредутся и запутаются. В растянутых прениях толна всегда запутывается и ослабляет сама себя, мысли расползаются, разделяются — и тут-то снова её можно взять сильной рукой.

Куда вы уходите, товарищи? — перекрикивал Богданов, приложив раструб к губам. — Вопрос очень важный, продолжаем свободные прения, никто вам инчего не навязы-

вает!

Уселись и опять продолжали.

Теперь — от Розенкранца:

— Да, товарищи, наш Совет выбран стихийно — но и надо издать директивы, чтобы не было заявлений, что мы неправильно избраны и наши решения неправильные. А раз демократическая республика — так сделать пропорционально тысячам. На нас смотрит вся Россия, и авторитетность наша увеличится, есля будут представители от других городов. Тут ругали буржувзию — а что? Привлечь и её а Совет рабочих депутатов, — (Загудели, закричали недовольно.) — Её будет немного, но мы ещё больше поднимемся в глазах. Нужно привлечь в Совет и умственные силы. А если возникиет конфликт Большого Совета с Малым — так кого население будет слушаться? Они будут считаться правильно избранные? Они будут — всё, а мы — пичто? Нет, так не пойдёт.

А следующий повёл ещё загибистей:

— Я предложил бы лучше — удалить Исполнительный Комитет, а вместо него и создать Малый Совет с подкомиссиями. Мы в первый день революции избрали Исполнительный Комитет на три-четыре дня, а он остался постоянным, это нежелательно. Всё захвачено в руки кучки посторонних людей!

 Этого никто вам не разрешит! — бомбил Богданов по кафедре. — Исполнительный Комитет — не посторонние, а состоит из рабочих и солдат! И из политических партий!

— Здесь говорят массу пустых слов! Вопрос тонет в словах! — взывал следующий, подмеченный зорким Богдановым, взятый на поддержку. — При чём тут Исполнительный Комитет? Обсуждается Совет! На нас устремлены взоры всей России! Мы сейчас должны реорганизоваться. Но мы никак не можем сговориться.

Теперь кого своих знал в лицо, так их бы вызывать — по рук не тяпули.

— Исполнительный Комитет и так делает всё возможное в интересах революции! Мы только можем ещё расширить Комитет борцами за благо. Конечно, они перегружены работой, и надо их нополнить! Надо согласиться с предложением докладчика. Нас никто не упраздняет. Но Малый Совет будет продукт обдуманного решения. Эти люди не будут липпими, раз они выбраны!

— Так сжели нас уже много — зачем же ещё выбирать?! — волновались с разных

Свои, проверенные, не тяпулись, а какого-то глупого кудлатого Богданов выделил — и дал ему слово. И — не ошибся намётанный глаз. Кудлатый завёл, как и не слышал предыдущего, вот это и надо:

— Я хочу сказать: в настоящее времи автомобильное дело на краю гибели, а мы тут чёрт-те-что обсуживаем. Автомобили принесли большую пользу революции. Но каждая комиссия старается захватить над ними власть. А нас а комиссию не приняли. И людям дают право распоряжаться. А я говорю от пяти тысяч шоферов. Мальчишки разбивают автомобили. Тогда их — в мастерскую, а после починки уже худшего качества. И разве можно ограничивать движение автомобилей записками? Вот офицеры и развозили женщин, вместо прокламаций к Учредительному Собранию. Мы — погубим эту промышленность! Надо уничтожить пропуска...

Такой шум поднялся — не дали ему больше говорить. Но сделал своё: одно острое выбил другим острым.

Педалеко от входной двери, сбоку, сидел и волновался Гвоадев: он видел, что страсти разожглясь, преиня затягиваются — и всё меньше оставалось надежды сегодня же обсудить с успехом состояние заводов и убедить эту разгневанную массу ещё и в чём-то другом против её сочувствия, как можно было бы на холодную голову.

За недели революции, он заметил, это было не первый раз: или пустяк, или раззадори-

яв захватывали всё внимание и силы людей — а главное рушилось. Происходило безумие: не то что с петроградскими автомобилями —

Происходило безумие: не то что с петроградскими автомобилями — но обрушивалась вся обороиная промышленность в разгар войны — и свой брат-рабочий не хотел внять и отозваться, — чего же ждать от исполкомовцев? И если уж сам Совет тоже не направит...

Тут он услышал — за дверью прошли по коридору к Полуциркульному с радостными громкими голосами, будто что-то нашли редкое. В зале Гвоздеву делать было пока нечего — и он подался посмотреть, кто это там, что.

В двери Полуциркульного входили, толпясь, и от задних Козьма узнал: вот, приехали

из Иркутска Церетели и Гоц, сейчас будут говорить!

Лидер социалистов во 2-й Думе, Церетели пробыл в Сибири 10 лет — и Козьма, простым ещё рабочим, никогда его близко не встречал. Хотя вот переписывался с ним недавно. Теперь он увидел на помосте рядом с Чхеидзе, Чхеикели и другими исполкомовцами очень высокого, стройяого молодого грузина, в пальто, сильяо чёряого волосами,

усами. Приветственные речи приехвыпему были уже произпесены на вокзало или на ступеньках Таврического — теперь отвечал он сам.

Оя стоял как тополь. Говорил с улыбкой. В улыбке его было — непангранное, но смягчённое страдание пережитых лет. Говорил с паузами между фразами, с большим

значением выбирая слова:

— Кончились мрачные годы реакции. Пробил час для полного торжества демократии! Ваш подвиг был и в том, что вы остановились воаремя: вы поняли, что идёт революцая буржуваная и ещё не настал момент для конечных задач пролетариата. Которые и нигде ещё яе осуществлены. Вы не стали навязывать событиям свою волю — по лишь толкаете буржуваию на путь революции. И хотя 4-я Дума была построена на костях 2-й — мы готовы забыть Временному правительству прошлое и поддерживать его.

Грозно повёл высокой головой:

— Но если правительство станет на путь компромиссов — мы пизвергнем его в прах! Вздохнул. И — задушевно;

— A самое главное, самое главяое: кончилось наше собственное разделение. Мы больше не будем раскалываться на меньшевиков и большевиков, мы будем — единая социал-демократия!..

655

А говорят о возможной поездке через Германию — все и много. И несколько змигрантских комитетов и все партийные направления просили Гримма вступить в переговоры с яемецким послом Ромбергом. (Как Мартов предложил — за каждого змигранта освободим пленного немца.) Отлично, отлично, план Мартова работает!

Гримм — взялся! (Ещё лучше.) Но он не только вождь Циммервальда — он и член швейцарского парламента, и такой шаг ему неблагоразумно делать без сочувствия правительства, например, министра и ностранных дел Хоффмана. (И если Гримм взялся — значит, консультацин была, заметим. А почему бы Швейцарии быть против? Швейцарии и самой бы неплохо эту шумную банду отправить. Швейцария сама стеснена войною со всех сторон.) Гримм ходит и ходит к Ромбергу, он ведёт переговоры абсолютно-секретные, чтоб не проникло в печать, чтоб не опорочить швейцарский нейтралитет, — по главным представителям каждой партии (Натансону, Мартову, Зиновьову) он-то сообщает. Мы — знаем.

Улита едет — когда-то будет. Пусть, пусть.

А Ромберг всем отвечал: «да». И Гримм посчитал, что он легко всё исполнил: да — и да. Теперь остаётся вам, товарищи, обращаться за разрешением к своему Временному правительству.

Ах, спасибо! Ах, забыли перед вами шапочку снять! И потом век клапяться в пожки Луи Блапу-Керенскому?

Все эти острые дни ужасно не хватало Радека-плута, телефоном вызвали его из давосской санатории, отдыхал, даже на русскую революцию сразу не ехал. Но уже по пути всё понял и придумал ещё один шаг отвлекающего зондирования: в Берне, через помецкого корреспондента.

Что ж, и тут был ответ от Ромберга, как и всем: да, да, конечно, всех желающих пропустим.

Но — не распахивалась германская граянца, да и все желающие только узнать хотели, да посравнить, да спроситься Временного (слали телеграммы Керенскому), а так больше мялись.

Все согласны — и пе начиналось ничто. Неуклюжи старинные дипломатические пути. Не начиналось, пока тёмпые крупные рыбы у самого дна не пройдут свой курс.

Пока Скларц ие доложит в Берлине встречных предложений Ленина.

И германская Ставка не скажет окончательно: да,

И министерство иностраиных дел не всполошится: уже так чного публичных разговоров об этом возврате, уже князь Львов откровенно сказал швейцарскому послаинику, что быстрый отъезд эмигрантов из Швейцарии нежелателен. Так надо ж поспешить! — из-за кого же тяиулось? — этот шанс для Германии не повторится!

И 18 марта, в субботу, Ромберг в Берие получил наконец распоряжение как можно быстрей сообщить Ленину, что его предложения об экстерриториальности приняты, но

будет личного контроля и ограничительных условий.

В субботу — и «как можно быстрей»! Значит — не перемедливать лениво воскресеньн. И нарушая все законы осторожности, используя запасную крайнюю связь, германский посол стал вызванивать по телефонам, в Народном доме нашёл наконец социалиста-немца Пауля Леви: яадо немедленно передать Ленину, что...

И ещё одним звояком был вызваи Ульянов к соседнему телефону на Шпигельгассе — и шёл, волнуясь, что это Инесса.

А это был — ответ!!!

И вот когда — путь был открыт! Вот когда можяо было назиачать группе в 40 человек отъсзд хоть через два дня, ровно сколько яужно товарищам уложить вещи, сдать книги, уладить денежные дела, съехвться из Женевы, Кларана, Борна, Люцерив, купить продуктов на дорогу, можно было ехать уже во вторинк, а в ту субботу — иа оляу субботу позже, чем со Скларцем, - вмешвться в русскую революцию!

Но ещё во мраке тёмяой затхлой дестянцы, а потом в дневном мраке комяаты-камеры (с утра опять то крупный густой сист ввлил, то сяег с дождём вперемежку), руки подхватывая к вырезам жилета, чтоб они не вырывались к действию прежде времеяи, и успокаиваемый пальтовой тяжестью старого засалсяяого пиджика, — Лепин авставил себя ни к кому не кидаться объявлять, но - подумать. Подумать, Подумать, бегая.

Потерять голову в поражсяни и в уяынни ис может твордый человек. Но потерять

голову в успехс - дегко, и это самая большая опасность для политика.

Всё открывалось — а воспользоваться и сейчас было нельзи: квк потом объясипшь: через кого и как согласовано, что вдруг внезапно подали вагон одним вслущим большевикам - и уехали?

Ещё надо сделать яесколько отвлекающих, ослепляющих шагов.

Никакого простора бегать ногам, и на улицу не выскочить в такую погоду (и давно аабыты читальни), -- и вся беготня ушла в огисиные вихровые сиирали, провинчивающие-

Поездка — открыта, да, но — к у д а? Для задержки на финской границе? Или в тюрьму к Временному правительству? Можно представить, как там сейчае свистит иювинизм! По существующим мещанским представлениям это ведь так называемая «измена роднис». И даже тут, в Швейцарии. — меньшсвики, эссры, вся бесхребетная эмигрантсквя сволочь, закричат об измеяе.

Her!

Нет.

Пет...

(Кстати, пока Ганецкому: обращался к англичанам за пропуском, не дают!.. Пусть

Удерживали бы обстоятельства, -- но держать себя самого, уже свободного, рваться -и держать, до чего ж трудно!

Тут надо... тут надо...

Всё, что проплыло у дна тижёлыми тёмными рыбами, теперь провести по новерхности беленькой нарусной лодочкой.

Персговоры окончены." — теперь-то переговоры начать! Как будто сегодня начать их в нервый раз!

И нет фигуры приличнее, чем доверчивый безлукавый Платтеп.

Готовить группу - само собой. Да список уже и есть.

(Инесса! Неужели и теперь не посдещь? Чудовищно! С нами — не поедещь? В Россню! — на праздник, на долгожданный? Остансшься в этой гнили?..)

Сорок человек -- уже не обвининь в измене. По сорока человекам пятно расплылось — и ист. Копечно, можно бы прихватить и максималистов и разных отдельных отчаянных, тогда б ещё бсзгрешней. Но... Лучше с собой чужих не брать, лишние свидетели в нути, линнис свидстели каждого шага, а мало ли будет что. Да и в чём тогда успеванье, если своими усильями, в своём вагоне провозить врагов, в в Питсре с нами бороться? Ист! Всё до последнего момента — втайне, и депь и час отъезда втайне.

Только переговоры — открытые.

Не имея согласии уже в кармане — такие переговоры яельзи начинать: а вдруг яс удадутся, что на новор! Но с согласием в кармане — вот тут-то их и вести.

11: как нужна высокая организация во всяком пролетарском деле, в каждом шаге пролетарского дела,— так и в этой поездке. Жестокий обруч. Чтобы какое-нибудь дерьмо в стороиу ис вывернулось. Чтобы все зводно — и пикто не уклонился, не сказал бы никто: а и не участвовал! а я не подозревал, в чём дело!

Поэтому — за подписью каждого. Как присяга, как клятва. Как рвзбойники целуют яож. Чтоб инкто не отбился потом, не кинулся «разоблачать». Ответственность — свмая серьёзная, и должиы разделить все сорок.

(Псужели Инссеа не поедет?..)

И ужс - сидел, составлял такое обилательство. Уже набрасывал, на стуле у окна на коленях, в сумерках снежной вьюги, своим почерком косоугончивым, как в настиг за мыслими наискосок листа, в эти дии круписи обычного, так волиовался, — набрасывал пункты, какие могли бы тут войти: я подтверждаю... что условии, предложенные германским посольством товарищу Платтену, мне были объявлены... а я подчинплся им со всей политической ответственностью неред возможными последствиями...

И вдруг из коридора — приятно-резкий, насмешливый голос Радска. Приехал?! Ну, лучшего гостя и помощинка не придумать сейчас! Карл, Карл, здравствуйте, раздевайтесь, ох, за воротник вам насыпалось. Да вы новость нашу - представля-

ете?!?

Короткий вопль, сверкающие зубы, яе убираемые за верхней губой, кучерными, с ореолом бакеябардов — смеющийся озорник Радек!

Ну-на-сь, ну-ка-сь, давайте вместе составлять. Такие же твёрдые условия надо подготовить и для Ромбенга.

- Вы им условия?
- Да. А что?
- Восхитительяо!

Такая затея — как раз по Радеку. Он — и советует, он — и шутит, у него и находки и мысли предусмотрительные.

Только вот курить в атой комнате запрещено, сухую трубку сосёт. И... Э-з...

- Владимир Ильич! А как же будет со мной? Неужеди вы меяя способны пе взять?
- Па почему же не взять?

Да ведь если мы пишем — «русские змигрвиты», а я — австрийский подданный? Ах ты, чёрт, австрийский подданный! Ах, чёрт! Привыкля как к своему, только для виду считается — польская партия. Но как же можно Радека не взять? Радека — и не взять!

У Радека выход готов: если будет Платтен с Ромбергом заключать письменный договор (а яе будет письменный, так устно ещё легче попутать) — пропустить слово «русские», ивписать — «политэмнграиты», а — о каких же ещё речь? Не додумаются исмцы, под-

Вообще, в такой архнответственный момент, в таком наисерьёзнойшем деле исдопустима игра, и германская Ставка— не из тех партнёров, с которым шутят. Но для Радска яваамснимого, ни с кем не сравнимого, фоятана изобретений, острого, едкого, нахального Радека — пожалуй и попробовать?

- Но согласится ли 11латтея вести эти переговоры? И сам ехать с нами?
- А больше некому. Зявчит, согласится.
- А если Мюнценберг? Потвёрже.
- Вилли? Да ведь оя считается немецкий дезертир. Как же ему с послом? И как череа Германию?
- Всё-таки...— постукивал Радекс черенком между зубамп,— всё-таки. Платтен партийный секретарь, а какая-то поездка с эмнгрантами? А тут начнёт мучиться, не будет ли вреда его Швейцарии?..
 - А что Швейцарии? Ей только лучше.

Нет, Леяян тут не сомневался. Перед Гриммом Платтен авминался, дв. отстунал, но в главном — пойдёт, раз увидит аргументы. Он — человек рабочий, пролетарская кость. О переговорах же с Парвусом он не знаот и никогда не узнает.

А Радеку о Парвусе хоть рассказывай, не рассказывай, — всё понимает сам. Радек даже неприлично преклонён перед Параусом: в бериских кабачках, по интернациональному долгу как бы ни обязан был его поносить — за отчаянный шаг к шовинистам, за богатство, за тёмные сделки, за нечестность, за дамские истории, - а сам со ртом разниутым, с набившейся пеной в углу губ, видно: ах, и молодец! ак, мне бы так!..

 Про Скларца я ему сказал: восьмигрошовый парень немецкого правительства, и его выгнал! Про Гримма скажу: что-то подозрительное, тормозит отъезд, какие-то гешефты в свою пользу. А мы — больше ждать не можем, революция зовёт! По-пролетарски, открыто, без всяких таймостей — возьмём и обратимся в германское посольство! Возьмётся! уверен был Ленин.

Да как паучить его с Ромбсргом говорить? Ведь ато ж совсем новый текст. Мол. в России дела принимают опасный для мира оборот. Надо вырвать Россию у англо французских поджигателей войны. Мы консчно приложим ответяме усилия к освобождению немецких военнопленных (лови нас потом!..). Но мы должны быть застрахованы от компрометации и гарантированы, что не будет придирок в пути... Готовы ехать в запертых и даже в аашторсниых купе. Но должны быть уверены, что вагон не остановят...

Ленин захватил пространство комяаты и носился по косой — три шага, три шага, три -- одну руку ав сппну, а другой размахивая, -- а Радек записывал, пустой трубкой придерживая лист.

С Радеком внакладку находки: для такого шага ещё пеплохо бы яам собрать оправдательных подписей от западных социалистов... Социалистов — да, яо и ещё бы какихнибудь безупречных людей...

Да где же таких найти?...

Ну, например, Ромена Родлана?

Головаето придумано, хорошо!

Так пора и крючок закинуть. Через кого бы закинуть под Роллана?

С приходом Радека облегчились невместимые прожигающие вихри в голове: есть мыслям исход, можно высказать и услышать отаст. Вот... Если начинать демонстративные новые переговоры череа Платтена, то ведь надо так же демонстративно порвать с Грим-

Да просто — авонко порвать!

Да чтоб всю вину на него же и свалить!

 Да чтоб и за старое ему наложить, мерзавцу! Пусть попомнит, квк отложил швейцарский съезд!

А для этого надо: во-первых, опубликовать все доверительные сведения о его скрытых переговорах!

Эт-то очень всегда ударяет: висзапная публикация доверительного. Оч-чень ошедомляет.

То есть просто вот сейчас, немедленно, подготовить такую публикацию!

- ... И расставить нужные акценты!

- ...И завтра же опубликовать!

Ну, с Радеком и самая напряжённая работа превращается в весёлую игру! За что Ленин особенно Радека любил— за хорошую пристрастность!

Уже сидели и писали: Радек писал, теребя пустую трубку в зубах, в коридор выйти некогда, иногда смеясь и даже подпрыгивая от выражений,— а Лении сидел сбоку и советовал.

Единственный такой был Радек человек, кому, сидя рядом, Ленин вполне мог передать перо и только посмеиваться. Лучше радекова пера никогда не было во всей большевицкой партии. Луначарский, Богданов, Бухарин — все писали слабей.

— Тут важно, что ещё получится: что именно Швейцария все эти переговоры ведёт и нас выталкивает. А вовсе не мы!

Ах. умный, понимающий, золото!

Завтра же и опубликуем — у Нобса или...

— Завтра — воскресенье. А вот что! — авпрыгали, запрыгали искры за радековскими очками: — Завтра воскресенье, так пошлём сейчас же, немедленно — Гримму телеграмму! В субботу вечером, немедленно, сейчас! — Усмехался и подпрыгивал Радек, как будто его со стула кололо.

И Лении подпрыгивал от удовольствия.

И говорили, говорили вперебой, поправляли, и Радек тут же записывал:

...Паша партия решила... безоговорочно принять... предложение о проезде через Германию... и тотчас же организовать эту поездку... Мы абсолютно не можем отвечать... за дальнейшее промедление... решительно протестуем... и едем одни!..

— Та-ак! — почесал Радек за ухом, — закатаем ему в листовой шоколад:

- ...Убедительно просим немедленно договориться...

— Заатра, а швейцарское воскресенье, договориться!.. Да! ещё завтра первое апреля!

— Первое апреля!! — давно так не смеялся Лепин, асё папряжение последних недель выбивалось из его груди сильными, жёсткими, освобождающими толчками. — Вот получит бонбоньерку, центристская саолочь!

...Договориться... и, если возможно, завтра же...

- Когла вся Швейцария прыхнет!

...Сообщить нам решение!.. С благодарностью...

Как на шахматной доске, уже сделав задуманный ход, ещё больше аидишь успеха и возможностей, чем рассчитывал перед тем. Но эту усмешку — с 1-м апреля и с аоскресным заданием товарищу Гримму — придумал Радек-весельчак!

— A если за воскресенье он не сделает — так в понедельник мы свободны действовать сами!

Ну, во вторник...

Да что! да ещё лучше придумал Радек:

— Владимир Ильич! A — Мартову? А Мартову мы тем более обязаны написать, он же инициатор плана!? — душился Радек от смеха.

— А что же Мартову? — так быстро и Ленин не сообразил.

— Да что мы немедленно принимаем предложение Гримма о проезде через Германию! Вот обкакать: что это его предложение!!! На весь мир — е г о! Швейцарские социалисты нас выталкивают! Член швейцарского парламента!

Ну, это совсем было гениально! Ну, Радек! Ну, завоет Гримм! Ну, кинется оправдываться. Да отмываться всегда трудней, чем плюнуть. Надо уметь быстро и в нужный момент плюнуть первым.

- Вспомнит, подлец, ненапечатанную мою брошюру!..

— Но уже поздно. Придётся идти сдавать на Фраумюнстер.

Ла я сбегаю, Владимир Ильич.

Да уж пойдёмте вместе, разохотились.

Но уж тогда оглядеться, подумать — что ещё? А, вот, Ганецкому в Стокгольм:

- Срочно переведите три тысячи крон на дорожные расходы.

(Тогда уж и Инессе: «...О деньгах не беспокойтесь... Их больше, чем мы думали... Здорово помогают товарищи из Стокгольма... Надеюсь, мы едем вместе с Вами?..»)

Й вот что: там залог в кантональном банке за проживание в Швейцарии, 100 франков, нечего баловать лакейскую республику, надо забрать.

Одевались, Ильич — в своё железно-неподъёмное, на ватине, а Радек — в летнее пальтишко, так всю зиму и пробегал, все кврманы затолканы книгами.

Трубку набывал, спички готовил.

Ленин вслух:

— Ничего. У Платтена с Ромбергом — какие переговоры? Ромберг вынет из стола — и даст. Но эти несколько дней надо, надо было кинуть шовинистическим харям.

Радек крутился как юноша, лёгкий, удачливый:

Руки чешутся, язык чешется! — скорей на русский простор, на агитационную работу!

И пропуская Ильича вперёд, уже спичка наготове, в коридоре зажечь:

 В общем так, Владимир Ильич: через шесть месяцев или будем министрами — или будем висеть.

ДОКУМЕНТЫ — 32

18 марта, Берлин

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ЧИНОВНИКА М. И. Д. ИЗ ГЕНШТАБА

...Прежде всего, мы должны избежать компрометации едущих слишком большой предупредительностью с нашей стороны. Очень было бы желательно получить какос-либо заявление швейцарского правительства. Если без такого заявления мы внезапно ношлем эти беспокойные элементы в Швецию, это может быть использовано против нас.

18 марта, Берлмн

ПОМОЩНИК СТАТС-СЕКРЕТАРЯ — ПОСЛУ В БЕРНЕ РОМБЕРГУ

Шифровано

Спешно! Проезд русских революционеров через Германию желателен как можно быстрей, т. к. Антанта уже начала противодействие в Швейцарин. По возможности ускорьте переговоры.

20 марта, Копенгаген

ГЕРМАНСКИЙ ПОСОЛ В ДАНИИ ГРАФ БРОКДОРФ-РАНТЦАУ — В М. И. Д.

Совершенно секретно

...Мы должны теперь непременно стараться создавать в России наибольший хаос. Для этого мабегвть всякого внешие-заметного вмешательства в ход русской революции. Но втайне делать все, чтобы углубить противоречия между умеренными и крайними партиями, твк как мы весьма заинтерссованы в победе поеледних, ибо тогда переворот будет немабежен и примет формы, которые сотрясут устои русского государства. ...Поддержка нвми крвйних злементоа — предпочтительнее, нбо таким образом проводится более основательная работа и достигается быстрее результат. По всем прогнозам можно рассчитывать, что месяца за три раснад продвинется достаточно, чтобы нашим воеиным вмешательством гарантировать крушение русской мощи.

656

И по-прежнему жил Волынский запасной батальон а тех же казармах, и учебная комапда — на тех же нарах, близко которых подвяла бунт, — но это была уже не та жизнь и не тот батальон. Две недели вовсе никаких запятий не было — ни строевых, ни учебных, ни даже в учебной команде. Только с этого попедельника в ипых ротах унтеры сами стали выгонять молодых запасников пошагать по улице, да и то час неполный, а больше с них не возьмёшь. А ведь молодые — они ж ничего не смыслят, не умеют, — когда ж учиться будут?

Но в Тимофея Кирпичникова за годы военной службы, а других лет у него как и не было,— вросла строгость. И от этой новой сплошной разольготы у него был развал сердца. Что ж это: солдаты уже и от унтеров стали свободны, делаем чего хотим? В казарме грязь — и никого не заставишь убрать как следует? Сидят на нарах босиком, ноги потатарски, и в карты режутся. А пойдут по городу шаландаться — так на отлучку и разрешения не берут, да без пояса, да шинель внакидку, да ещё хлястик с одного конца отстётнут и свис, — пришла пиву неперелива! Смотреть на это — глаза лопнут.

В учебной коминде, конечно, построже, а уже и тут расслаба.

И начальства, офицеров в батальоне — тоже как не стало. Одних — совсем как вымело, нету, Воропцов-Вельяминов аж с того дня не являлся. Другие если и промелькнут — так стороной и словно не видят всего этого безобразия, не вмешаются. Уж не по команде обратился Кирпичников к штабс-канитану Цурикову: «Ваш высокоблагородие, что-то делать надо?» А он папироской об портсигар постучал, закурил — «Ладно, Кирпичников, постепенно наладится как-нибудь.» Мол, нди в батальонный комитет.

Так Кпрпичников там и сам состоит. А головой у них — какой-то образованный, недавно призванный, уже в годах; солдат — ещё никакой, но де в ссылке побывал, в Сибири, и теперь всё солдатам указывает. Да два горлана, из расхлябанных. Теперь Комитет готовит батальонный оркестр — в театре выступать, деньги собирать на нохороны жертв.

А молодые прапорщики составили свой офицерский комитет, но в угодые с солдатским. Так если запасной народ вот этак и дальше — а как же наши на фронте? Вы там пропадайте, а мы тут попроклажаемся?

Ну правда, раз ходили на парад на Дворцовую площадь. Принимал сам Командующий. Ничего прошлись. А то стали нахаживать гости сюда, в волынские казармы. Однова пришёл итальянский генерал с офицерами — и уж как руками с табуретки рахмахивал, вот улетит. Пока чего переведут на наш — уж как волынцев нахваливал, революцию содела ли, — покачали во дворе того генерала. И два англичанина долговявые как-то приходили, офицер и солдат, оба в громких кованых ботинках, распаренные как из бани. Этот порусски мал-мала говорил, двигал челюстью на помощь, уж наши смеялись над ними и пособляли. И тоже покачали их. И все они так говорили, что теперь обновлённая армия нанесёт вместе с союзниками последний сокрушительный удар.

Как же она нанесёт, ежель всю армию развинчивают? Если вот уже скоро месяц на охтенском польгоне и стрелять перестали? Если изо всех петсрбургских запасных, туча немалая, за это время не послали на фронт ни одной маршевой роты? — и обещают впредые слать! Война там как пи должись — а мы к ней боком? — а паёк прежний. Так так нас Вильгельм и завоюет.

С каждым днём в казармах томче прежнего — без дела, без учепия, — так чего мы тут? Изневолю побредёшь и сам по городу. А там — и раненые и калечные бродят, да как с ними разговоришься — так ещё растравней: за что ж мы-то руки-ноги отдавали, — дураки, значит? Надо было раньше охомениться? Или уж тенерь эти пусть тоже идут!

До чего дошло: из госпиталя все санитары как один увалит в цирк на митинг, а лежачие больные без номощи.

Нв тех митингвх чего только не гвлагонят,

А не решись они тогдв с Марковым — и не было бы инчего нигде?

(Этим квлечным, раненым он про свою звслугу помвлкивал, совестно.)

Никто той ночи уже не вспоминья, и о свмом Кирпичникове, — в дружно все гвлдели. Да уже послыхивали и твкое по городу: мол «долой войну!» — воевать не будем больше. Как ж'эт твк? — ополоумеешь. Так чтоб войну скорей кончать — на неё и надо идти!

А под Варшавой помнишь, Миша, каки сибирские полки сложили? Да ведь и моя и твоя кровь там оствлясь. А теперь — всё отдвй, и русские города отдай?

И батальопный комитет не туда тянет.

И решили с Мишей Марковым: пусть наш ефрейтор Орлов, кого мы в Совет депутвтов избрали, — пусть он твм добьётся, чтобы вразумили гарнизон.

И говорили Орлову, а зря: выбрали мы его как здешнего питерского заводского — а он теперь к тем и поворачивает. Заводы-то работать не хотят! — что это, 8-часовой день? а сверхурочно не желают. Снарядов не шлют, ни патронов, никакой амуниции,— что там с нашими будет? это в какую кровь обойдётся?

Орлов только своё: Совет — всё знает и укажет. Подчиниться только Совету и одному Совету!

Как это одному Совету? А — правительству?...

Кому? кому пожаловатьсн? — тянуло Тимофея. Некому. Один раз повезло: увидел их прежнего студента, который разъяснял им, в посёлке Михаила Архангела: увидел, тог проеажал в открытом зелёном автомобиле с красными спицами. Вот бы кинуться к нему, спросить: как? что? почему же? — так уже пролетел, не догонишь. На ту квартиру сходить, на Невскую сторону? — так то и не его квартира, там его и не найдёшь.

Раньше мог солдат из казармы в город отлучаться только с нарядом. А теперь — ходи когда хочешь. Солдаты ходят и гулять и белый хлеб покупать: хвост баб оттеснят и себе берут. (Хвосты-то за хлебом стоят ещё длиньше, чем раньше, и с вечера становятся.)

Не стало в кааармах вечерней поверки, так по вечерам все себе полные хозяева: кто опять на нары да в карты, кто друг дружке домашние побылки рассказывать, кто спать. Так ведь столько ночей и по столько часов никакой и медведь не выспит. И тянутся ребята опять в город, сами не зная зачем.

Сегодин пошли и Кирпичников с Марковым.

Город Питер из внезапиого дружного восстания опять обращался в свой прежний самостный чужой обычай. В этом городе люди ведь копились не для какой прямой работы, а для весёлой жизни. С утра иебось подолгу синт — а потом долго в ночь живут при светах.

И когда по улице мельтешат — не понять: за каким делом? или гуляют просто? (В деревне сразу видно: кто с топором пошёл, кто с косой, или навоз вывозит. И в армии: при каком оружил рота пошла нли с белыми свёртками в баню.)

Правду говорят: город затейный, что ни шаг, то питейный. Как выбредёшь на Невский у Знаменской площади (откуда всё и началось) — у-у-у-ой! прямизна да светлизна, матушки мон! Да сколь огней, да сколь публики, да разодетые как. А на дамочках шляпки какие полястые, а под ними сстки зачем-то, как на рысистых лошадях, а пройдёт мимо — опахнёт тебя каким-то запахом-зельем, какого сроду никогда не нюхано.

Так и а Варшаве всегда дразнило: барская жизнь недоступнан. Как они — нам никогда не жить.

Но сейчас Питер мвлость пооблез. Дворники небрегут — кучи снега невывененные, лёд из-под пог не сколот, — и семячек, семячек везде налускано. И не носятся с шорохом ломким амездные санки под ковриками или баре с теми дамами в легковых автомобилях. И не стало городовых, а стоит милиция вз сопляков. (Говорят: полицейским платили 40 рублей в месяц, а эти 8 рублей за одно дежурство берут, этак бы и мы в охотку.) Барская публика на Певском осталась — а всё ж не ихиня уже улица, и нашего брата не мало.

И трамваев — с резкими звонами, а изнутри все огненные и ещё с парами глазков под крышей, там бело-красный, сине-зелёный, жёлто-синий, какой значит номер, — трамваев тоже по вечерам куда меньше стало: служащие работать не хотят, 8 часов — и в сторону. Оттого трамваи набиты невиротолчь, и ещё люди гроздами внавесь на держалках, на ступеньках — тут и солдат не аскочит.

А солдат любит поездить: ему - без платы, и гони хоть через весь город.

Да главная-то жизнь — она ве на улицах, она вон там за толстыми стёклами (где побито — уже аставлено), в свету и в тепле. И вот уж там хахакают, зубы не покрывают. И чем позже вечер, когда солдату уже спать, — тем больше их туда, за стёкла, набивается. И сидят за белыми столами, и ньют и лакомится часами, и всякую всячину едяг, чугь де пе лягушек, тьфу!

Вот, говорят, равенство: нижнему чину теперь никуда войги не запрещено. А попробуй войди туда к им, в ихнюю обжираловку — на всё нужны денежки. А денег — у смирных вольнских унтеров нет.

 Другие хоть спирта где-то разок набрались, напились, а мы с тобой, Миша, асё проворонили.

Толкаются волынцы по тротуару — никто на их знаменитые бескозырки уже и не посмотрит, не вспоминет.

И куда как поздно, а магазины с озарными окнами — торгуют. И чего твм на подоконниках за стёклами не выставлено под свет, стой и рассматривай бесплатно. Цветы, цветы через каждый квартвл, да каких в России и не растёт сроду, — откудв берут? дв середь эпмы?

И — фрукты, фрукты тоже. Какие ещё видывил, завешь: вот это — виногряд, вот это — вбрикос, в других диковинных и название не ведано, одиако ящики ими полные.

Или — финтифлюшки для барских баб, поблестушки, постеклушки на синем бархате выложены, или чего исподнее развешано, глаз не оторвать.

Или, поскольку грамота твоя твёрдая есть, иди и читай вывески: Жорж Борман... Бликен и Робинзон... Брокер... Сиу... Ралле...

Всё — не наши...

А то — кинематографов вывески и тевтров вывески, с лампочками вкруговую, и на тумбах же то повторено, читай откуда хочешь: «Наша содержанка»... «Цветок зла»... «Казнь женщины»...

11ли: «Сиальня...» — а дальше буквы не русские.

Или: театр Суворина - «Мотылёк под колесом».

А нам — только оталкиваться плечами, только сапоги тяжёлые переставлять по чужому лёгкому просцекту.

А в деревне, пишут, -- ни керосина, ни мыла, ни гвоздей, ни соли.

А калек войны — и никому не жаль, кроме сродственников.

А и нас с тобой покалечат — так и тоже.

А в окопах - там сидят, сидят во тьме и сырости.

II теперь — всё немцу отдадим?

— И как это мы, Тимофей, решились? Как это нас понесло в то утро? Самим диано.

— Давно бы в петле жизнь кончили.

1977 - 1986

Кавендиш, Вермовт

Елена Ушакова

* * *

О, как мие жаль, как жаль хотя бы этого Кулышева П вои ту женщину, что тащит по переулку почти волоком Свою сумку,— так жалеют неизвестного умершего, По которому, как по тебе, звоинт колокол.

Так жалел Симор, номинте, свою глуную тещу, Оттого что свет поэзии не дал ей силы, Не проник в бедной головы темную рощу, Пролилась мимо гармония, не задела, не усыновила.

Не говоря уже о бедолагах с глазами кроликов, Знаете ля вы о нечальной участи графомана? Жалеть, жалеть всех глупцов и скотов — сколько б их Ни было! Только они несчастны, сказал Луппи. Как странно!

Неужели в этот список, тайный словник плачевный, Свободно входит вместе с Вавиловым товарищ Шлыков И А. А. Жданов идет вслед за Анной Андревной? Что есть беда, Госноди, а что — улика?

В этой путанице разобраться не просто. Ах, как вы правы, старые эстонки ¹, наверно! Вина ищет пристанища, сторонится погоста И льнет к тому, хлипкая, кому отпущено безмерно.

* * *

Почему цифры заноминаются легко по сравнению со словами? Слово — Исихея, летает, дышит, меняется, остввляет след, То призраком проскользиет, то вихрем взмоет, цунами; Вот оно, вот оно! То вдруг его нет.

Цифра требует к своей плоской персоне особого внимания, Ее вытаскивает из чащи событий хоботок Цепкого, заинтересованного, спортивно воспитанного сознания, Только так от нее может быть прок.

И когда я силюсь вспомнить смысл сообщения или доклада, Вижу голубые глаза докладчика и «горячую лобную кость»;

Знаю, мысль не положишь в карман и не вынешь, ей надо Захотеть посетить тебя, сказано: мысль как гость.

Вижу, вижу, как ты стоишь у окна вагона— на юг дорога, Держась за перекладину, не успеван переводить взгляд, Белая рубашка, ее треплет ночной теплый ветер из Таганрога, Что-то сказал, что? — не помию, ты весел, нет, рад.

Жизнь, ты — сон, когда не знаешь, что спишь, сновидение, Цветные картинки яркие, но слегка занотел объектив, Все нерепуталось, связано, сцеплено, как в стихотворении, Не всегда даже знаю, кто умер, кто жив.

* * *

Что же так чужая смерть нас пугает Посторонияя? Ведь все умрем, последнего позора Не избежать и здоровенному покуда бугаю. Всех обинмет, запрячет, никто не останется без призора.

Я звоию а парикмахерскую, чтобы Узнать, в какую смену работает Понова Гали: Во вторинк — утром, а в среду вечером? Попробуй Тогда усиеть! А если наоборот, то тоже едва ли.

Набираю помер — бодрый голос вещает об урожае. Ура, дозвонилась! Мне говорят: «Нет ее».— Молчанье. «А когда...» — и ненужный вопрос опережая: «Умерла она, первого похоронили... Да, впезанно, случайно».

Этого не может быть, потому что так не бывает! Жизиь в борьбе со всеми страхами, с самой смертью, казалось, На нее, как на самую надежную сваю, На грубоватое ее лихое спокойствие оппралась.

Ничему не удивилась, все приняла, ничего не оттолкнула Галя Понова. Без нее не обойтись, и нет другого выхода, как создать, Экстренно сделать снова Такую же. Такую же? А сын, Костя? А нарализованная мать?

А морозные узоры на стеклах и радиопередачи? Будут, будут завтра, как сегодия. К чужой смерти мы как-то не готовы. Иначе Со своей — всегда с нами, почти родин, у, сводия!

* * *

Старый китайский коврик над маминым диваном, Сколько себя— столько его помню, Висел надо мной все детство, отрочество и юность, не стану Всего вспоминать, бог с тобою, мой дух бездомный!

Китаянка над ним трудилась, пекинская ткачиха, Черные бусинки плескались в раскосых глазах-полосках, О, нежные сумерки, щекой ворс трогаю, так тихо-тихо И спокойно, как до рождения,— спасибо таблетке крохотной, плоской.

[«]Старые эстопка» — стихотворение Аннеиского.

Елена Ушакова — поэт. Публиковались в журиалах «Радуга», «Нева», «Синтаксвс», «Зинмя» и альманахе «Петрополь». Живет в Ленинграде.

Жгучая рана исчезла куда-то, укатила, Словно на поезде уехала — все дальше, мельче, о, подольше, Прошу, покачай, мягкотелая милосердная сила — Неподвижная, ласковая, piano, dolce...

Ошибка произошла, ошибка! Когда? Давно! Прежде, Чем я успела задвигаться а байковых тряпицах; До первого испуга, нока сладко сомкнуты вежды, До света, до первого звука если б можно было остановиться!

А потом уже поздяю, поздио, потому что «нет спасения От любви и страха», от любви и страха. Тщетны адвокатские Твои приемы: растения Мяогоцветные и многострунные увещевания Баха.

к акцентной речи

Этот волглого ритма возвратный, упругий порыв, Эти волны слогов, теплых стоп череда и пряливы! Как бы ня был расслаблея ход мысли и сладко ленив Или горько подавлен, как будто невольно игривы Наши лучшие чувства, размер их со дна достает Удивленной души, прияуждая к роенью и строю,-Так, наверное, в школе военной берут в оборот, Ставят сонных и слабых насильно в затылок герою. Есть волшебная прелесть в звучанье! Но все же запрет и засов, Не впускающий штатскую речь, - как акцепт иностранный, Потому что приструненный голос души, ее зов Слишком, что ль, угловат, а сама она слишком туманна. И сказаться без слов, как хотел того Фет, норовит, Обпаружить младецческие и пптимные жесты, Не сгибается, гибкая, нет, презпрает кульбит Переносов, цезур, главным образом, строки ей тесны. Ее искренность терпит какой-то неясный урон, Или чувства застенчивые вдруг становятся реаки? -Вот и сносит тихонько стопу, разрушает заслон И ручонку протискивает в стиховые отрезки, Хочет, глупая, слиться с приватным акцентным стихом. Как детей обучала французскому строгая Долли, Непосредственностью поступансь, - ужель волшебством Пренебречь? — ради все-таки лживой рифмованной боли!

«А что до любовниц...» — чужими словами воспользовавшись, ты сказал, Запнувшись на миг, — я успела подумать, что кто-то И горько таплся, и втайне, наверное, горевал, — Как много вмещает возможностей крошечный интервал... — Скорее всего, ухмылялся молодцевато без тени заботы. Затем я подумала, что... есть такие названия, ямена, Которые в поисках вечных находятся и не находят предмета. «Любовинца» — кто это? Предательница-жена Плохая, неверная? Но и другое возможно: одна Из многих, не слишком ценимых, а так — мимоходом пригрета. И та, и другая, и есть еще третья, но тоже плачевная роль. Все, все унизительны... Женщиной быть разве можно? Поэт восхищался: быть жеящиной — это геройство и шаг! О, конечно, но соль Восторженного восклицання а чем-то другом, где-то рядом, как соль И соль-диез, взятый невольно, задетый неосторожно.

СТАРЫЙ КВАРТАЛ

Почему, почему, если знаешь, как их называть, На таблички не глядя, лишь чувствуя с почвой сцепленье Всей стопой, как Антей, новых сил набираясь опять, Проаревая скаозь стены весь хаос и хитросплетенья Четырехподворотных и трехподворотных даоров, Будто в птичьем полете все это держа на ладони Городком в табакерке — как страяно изрезан сей кров! — Чуть жалея, что просто идешь — не бежишь от погони, — Так легко здесь забиться в межъящичный лаз или щель, Раствориться в парах, что от люкоа ползут неустанно, И не верить а реальность свою сквозь пурги карусель, Не своим языком что-то шарфу шепча покаянно...

Все, что скажешь мне, скажешь — как странно! — не мне, А кому-то другому — себе ли, жене, Другу детства — побыть бы во времени оном! Как сквозной обращенности липок сиядром, Но привычному уху давио нипочем Эти странности, ставшие общим законом.

Вот и я говорю не тебе, не ему, Я давио говорю неизвестно кому— Не себе, но, наверное, даже не Богу... Ненаправлена речь, и разомкнута связь, Что ж так въется мучительно плотная вязь Безупречного и бесполезного слога?..

. . .

Куда меня везет «двенадцатый» трамвай? Опомнюсь, оглянусь — к Некрасовскому рынку... Зяакомые места. Как а юность яи играй, Совсем другой мотна тягучая волынка Выводит... Мхом оброс и ракушкой мешок Шотландского шитья, наполнеиный дыханьем. Ну что там — липов цвет набрать на посошок? А может быть, сарень? С пугающим стараньем Волыищик мой гудит. Все наже, яиже звук, Все тоньше, тоньше нить, но все острее зренье Правязчавой души, свой обошедшей круг, Но неспособной жить, как зверь, вне мест рожденья...

Едена Васыльевна Едагина — поэт. Перван публикация — в журнале «Нева» (1990). Работает инжевером. Живет в Ленинграде.

Два рассказа

последний мастер

Хочу шептать любому на ухо Слова давнишнего прибоя, А не хочу закрыться наглухо И пренебречь судьбой любою.

В. Шаламов

Я вытащил из кармана квитанцию и пробежался глазами по кнопкам. Как-то все-таки странно. Неужели в адресном столе ошиблись? А может, я перепутал номер дома. Надо спуститься вниз и проверить.

Оказывается, не перепутал.

Верпувшись обратно, я еще раз перечитал все фамилии и, прежде чем позво-

нить, задумался.

У каждого человека, если у него нет отдельной жилплощади, среди наклеенных с фамилиями полосок должна радовать глаз хотя бы своя персональная кнопка. А здесь, мало того, что коммуналка. Еще и без опознавательного знака.

Придется звонить наугад — кто-нибудь да откроет.

С той стороны спросили:

- Кто там? - спрашивала женщина.

Я сказал:

- Простите... Здесь живет Варлам Тихопович Шаламов?

За дверью пичего не ответили. Я стоял и ждал...

Я решил нажать на другую кнопку, может, другая окажется поудачливее, но в это время звякнула цепочка, и за спиной у женщины я увидел старика. Он двигался из глубины коридора какой-то непонятной поступью.

— К вам пришли! — повернувшись на шаги, резко выкрикнула женщина, и я заметил, что каждая выходящая в коридор дверь при этом выкрике приоткрылась и каждая со своим косяком образовала щель, из которой кто-то выглядывал.

Нет, паверно, мне все это померещилось. И это совсем не Варлам Тихонович. Просто я не туда попал. Но Варлам Тихонович приблизился и не оставил мне никакого шапса.

(Недавно в журнале «Юность» я прочитал про Варлама Тихоновича такие строчки: «У него была легкая походка. Это казалось невероятным для человека едва ли не двухметрового роста, с могучим разворотом плеч, с той совершенно богатырской статью, которой природа все реже наделяет людей; но в этот раз она щедра была не понапрасну — путь, который выпал Варламу Тихоновичу Шаламову, был неимоверно тяжел, порою трагичен». И это мне тоже показалось невероятным.)

«Могучий разворот плеч» был как-то бесцеремонно отторгнут от туловища, точно поникший на стволе сдвинутый каркас переломанных ветвей, и каждое

Михайлов Анаточни Григорьевич (род. в 1940 г.) — прозаик, печатался в журналах и газетах; в 1990 г. выпустил сборник рассказов «Ложный сустав» (Л., «Художествевиая литература»). Жавет в Ленинграде.

плечо ходило ходуном независимо от рук, как будто это не руки, а крылья, которые принадлежат птице, а птицу только что подстрелили. И это было видно даже при свете коридорной лампочки.

— Варлам Тихонович...— выдавил я наконец, даже не выдавил, а скорее выдохнул — и звмолчал. Я уже предчувствовал, что ничего хорошего меня в этой квартире не ожидает.

Мы прошли с пим по коридору, и, пока мы с ним шли, я обратил внимание, что из каждой щели па нас продолжают смотреть.

Он вошел в комнату первым, а я со своим нелепым магнитофоном следом за ним. Резко остановившись, он как-то неожиданно повернулся. И тут я его разглядел уже окончательно.

На Варламе Тихоновиче висело неопределенного цвета рубище, как будто на кресте, что-то вроде полотняного костюма; такие костюмы выделяет производство на похороны одиночек. Но дело даже не в костюме, а в самом лице.

Нижняя губа по отношению к верхней была смещена, а выжидательный наклон головы, словно к чему-то внимательно прислушивающейся, придавал всему лицу выражение какой-то застывшей тревоги. Точно когда-то его свело судорогой, да так и не отпустило.

(На фотографии в книжке Варлам Тихонович совсем не такой. Конечно, все это есть, но где-то там, внутри. А наружу лишь только взгляд. Не то чтобы подавленный или страдальческий. А просто отрешенный. Но зато в самую душу.)

Вокруг, рассыпанные в поэтическом беспорядке, молчаливо белели листы, наверно, черновики; откуда-то из угла кругляшками клавиш проступала пишущая машинка, а возле нее, отбрасывая тень, горела настольная лампа.

Варлам Тихонович сделал по направлению ко мне шаг и произнес:

— Вы ка-а-а мне? — При этих словах он как-то весь напрягся, и голова у него мало того что затряслась, еще и потянулась вверх подбородком. И туловище снова задергалось. И даже когда он замолчал, оно продолжало раскачиваться.

Я плохо соображал, что делаю, но чувствовал, что каждое мое слово куда-то меня проваливает.

Варлам Тихонович... — снова начал я, — я на ваши стихи...

— Что?! — закричал Варлам Тихонович и приставил дрожащую ладонь к своему уху. Лицо у него в этот момент было хоть и перекошенное, но доброе. Наверпо, он меня принял за водопроводчика с коробкой для инструмента. И только тут я окончательно понял, что, в довершение ко всему, Варлам Тихонович еще и глухой.

Так пичего и не придумав, я прокричал чуть ли не в самое его ухо:

Я на ваши стихи написал песни...

По его выпученным глазам я вдруг сообразил, что он меня услышал, а может, разобрал по губам. Лицо у него не то чтобы перекосило, оно ведь и так уже было перекошено до предела, а как-то теперь перекрутило. Он опять весь затрясся и несколько раз со все еще дрожащей возле уха ладонью прокричал слово «что», и каждый раз все громче и громче:

— Что? что?!! песни??!!

И тут я почувствовал, что он уже еле сдерживается, чтобы меня не ударить. Я втянул голову в плечи и, лепеча: «Варлам Тихонович... Варлам Тихонович...» — стал от него пятиться.

А он рывком распахнул дверь и как-то истерически закричал:

— Только через Союз писателей!!! Только через Союз писателей!!!

Миновав коридор, мы выскочили на лестничную клетку. Он — чуть ли меня не подталкивая и кандыбая, все продолжая выкрикивать: «Только через Союз писателей!!! Только через Союз писателей!!!», а я — чуть ли не прикрыв голову руками и все продолжая лепетать: «Варлам Тихонович...»

Бросившись из подъезда вон, я поплелся к троллейбусной остановке. Возле входа в продовольственный шевелили мозгами алкаши. По улице Горького, все прибывая и прибывая из подземных переходов, валила толпа...

А там, наверху, где-то в стороне, среди тараканов и клопов (наверно, когда мы выскакивали, снова в каждой щели затаили дыхание), остался тянуть лямку и умирать удивительный поэт и последний российский мастер короткого рассказа.

Ни страпы, ни погоста Не хочу выбирать. На Васяльенский остров Я приду умирать...

И. Бродский

Когда я появился в Лепинграде, меня озадачило название одной улицы.

Неужели в честь Иосифа? Но оказалось, что в честь Исаака. Того самого, что когда-то Иосифа рисовал. Но только совсем не того. А того, что мне пужен, я разыскал через городское справочное бюро. И оказалось, что он прописан па Литейном, примерно в десяти минутах от Комитета государственной безопасности; если пешком. А если на машине. то совсем ерунда. И это очень удобно: не надо трястись через весь город.

Зимой 72-го года я решил поменять место жительства. В Москве у меня была в новостройках комната. И всего одна соседка. А в Ленинграде соседей прибавилось. Зато на Певском проспекте.

Если сравнить наши квартиры, мою и его, то по количеству звонков пренмущество будет, пожалуй, на стороне Иосифа. Я отыскал его фамилию и позвонил, и мне открыла уже немолодая женщина, наверно, его мама. Перед тем как открывать, она могла бы спросить «Кто там?» или, по крайней мере, поглядеть через цепочку в щель. У нас в квартире так бы поступил каждый. Но она отворила сразу, не совсем, правда, решительно и, мне даже показалось, через силу, и тут же все собой загородила.

Я сказал:

— Здравствуйте. Мне нужен Иосиф... Только вы, пожалуйста, не волнуйтесь... Я на стихи Иосифа подобрал музыку... У меня магнитофон... и я хочу, чтобы Иосиф послушал...

Она на меня внимательно посмотрела и сказала:

- Иосифа сейчас нет дома. Он ушел. Но я вам могу дать телефон.
- А если я приду еще... попозже...

Она снова забесноконлась и, увеличив расстояние между моим ботником и косяком, торопливо возразила:

 Нет, нет. Не надо. Вы лучше позвоните. Иосиф скоро вернется, и я ему передам.

Я ее успокоил:

— Конечно, конечно... давайте я запишу...— и, порывшись в кармане, вытащил авторучку. Я хотел ей еще что-нибудь такое сказать. Но она уже закрыла дверь, и я спустился по лестнице вниз.

Вечером я позвонил, и мне Иосифа позвали. От волнения у меня заплетался язык.

Я спросыл:

Это Иосиф?

Он ответил:

- Ла. Это Иосиф.

Я сказал:

Здравствуйте.

Он мне тоже сказал:

Здравствуйте!

Я немного помолчал и испугался, что сейчас он повесит трубку. Но он не повесил. Надо было что-то говорить, и я наконец решился:

— Я вас разыскал через адресный стол... я на ваши стихотворения... у меня песни... и я хочу, чтобы вы их послушали. Может, вам что-нибудь понравится...

В трубке продолжали молчать, и теперь я уже испугался, что нас разъединили.

И вдруг оп предложил:

— Хорошо. Я к вам сегодня приду. Вы где живете?

Это было так неожиданно, что я сразу даже и не понял, о чем оп спрашивает. И тут меня как будто прорвало:

— Между Суворовским і й і Дегтярной... знаете, баня...— я уже чуть ли не кричал,— Невский, сто тридцать четыре... квартира одип... если смотреть на Лавру, то...

Он меня прервал:

 — Я знаю эти дома. Я к вам приду... сейчас сколько... семь... ну, давайте в восемь.

...Он уже повесил трубку, а я все еще стоял и слушал гудки. Сейчас ко мне в гости придет Иосиф Бродский.

Из компаты напротив вылезла старуха и заперла свою комнату на ключ. Я думал, она уходит. Но она ведь без пальто. А она пошла на кухню. А может, в туалет. В это время входная дверь отворилась, и в квартиру вошел дядя Миша. Сразу было видно, что дядя Миша косой. У нас еще, помимо дяди Миши, есть просто Мишка. Он тоже косой. Он сейчас сидит в майке на кухне и смотрит на свою жену. А его жена вчесте с остальными стоит возле своей плиты и нервничает.

И вдруг я вспомнил, что я не сказал Иосифу свою фамилию, и теперь, когда он придет, то на какую ему нажимать кнопку?

Надо его встретить. Но как же я его узнаю? Ведь я его ни разу не видел. Я нахлобучил ушанку и посмотрел на себя в зеркало. Ушанка вся какая-то облезлая. Может, опустить уши?

Пужно чем-инбудь его угостить.

Вывернув карманы, я несколько раз все пересчитал, но больше двух рублей так и не набралось. Хватит на самый паршивый портвейн. А чем же закусывать?

Я открыл холодильник и увидел кусок колбасы, он лежал прямо на решетке. Граммов на восемьдесят. А в скомканной бумажке — граммов пятьдесят масла. И больше ничего. Хлеба тоже почти не осталось. Какие-то огрызки. Но зато целая начка чаю. Я решил угостить Иосифа чаем.

Сначала я спустился в кондитерский: а вдруг вишневое варенье? Но вишневого, как всегда, не оказалось. Хорошо еще, было клюквенное.

Потом я сбегал напротив в булочную и купил за двадцать две копейки халу, может, Иосиф любит намазывать варенье на булку. Оставалось еще тридцать восемь копеек.

Потом заскочил в продовольственный и пробежался глазами по прилавкам. В винио-водочном отделе стояли алкаши и выпрашивали у продавщицы бутылку. Водку она уже спрятала, а «бормотуха» кончилась. Куплю бутылку лимонада, а вдруг Иосифу захочется.

Осталось одиннадцать копеек, но на них покупать было нечего. Я возвратился к себе к комнату и поглядел на будильник. Уже половина восьмого.

Банку с вареньем я поставил на стол, а лимонад в холодильник. Потом подумал и вытащил. Пускай лучше постоит на подоконнике. В холодильнике он сделается ледяной, и у Иосифа может заболеть горло.

Я снова оделся и вышел на лестницу. Я решил Иосифа подсторожить возне входа в полъсзд.

С потолка вестибюля в меня прицелились стрелами произведения искусства. На Неаском проспекте каждый дом напоминает дворен.

Я размечтался и прозевал: в подъезд кто-то вошел. Опоминвшись, я бросился вслед. Тот, что вошел в подъезд, прислонился к батарее и вытащил из кармана бутылку. Нет. Это не Бродский.

На улице я посмотрел на часы. Уже восемь. Немного постоял и решил снова Иосифу позвонить. Вдруг он еще дома, и тогда я ему скажу свою фамилию.

Я опять поднялся и набрал номер. Но было занято. Я позвонил еще, и снова было занято. Соседка, что напротив, возвратилась из кухни и, не говоря ни слова, подошла и уставилась. Я понял, что ей нужей телефон. Я повесил трубку и опять вернулся в комнату.

И вдруг я сообразил, что Иосиф, может, уже стоит на лестничной клетке и не знает, что же ему делать дальше.

Я выскочил в коридор, и в это время во входной двери зашебуршал ключ и в квартиру вошла старуха, уже другая, еще старше той, что говорила по телефону. И вслед за старухой вошел Бродский, он, и правда, уже давно стоял возле перил и все ждал, когда же наконец появится кто-нибудь из нашей квартиры.

Я к нему подбежал и остановился. Он тоже остановился. Я хотел пожать ему руку, но первым постеснялся. Он тоже смутился и мне сам руки не протянул.

Старуха прополала к себе.

Когда мы вошли с ним в комнату, то он как-то одним махом скинул с себя пальто и бросил его прямо на холодильник. Ботинки у него были старые, рублей за двенадцать, а кепка примерно за два пятьдесят. Зато пальтишко приличное, похоже. импортное. Кепку он тоже бросил, потом придвинул стул, сел, повернулся к стенке, оперся скулой о ладонь и застыл. Мне у него запомнились густые брови и уже лысеющая голова. Я думал, что он более хрупкого телосложения.

Больше всего я боялся, что у меня сломается магнитофон; я песни напел в Москве у друга, а своего магнитофона у меня еще пока нет. Поэтому пришлось взять напрокат. Сначала мне его не давали — все требовали паспорт, а паспорт у меня на прописке, ведь я же только поменялся. Тогда я им вытащил военный билет. Но мне все равно не дали: чтобы получить в Ленинграде что-нибудь напрокат, надо быть в Ленинграде прописанным. Но я ведь уже ленинградец, у меня же обменный ордер! Но мне не дали, и все. Потому что я в Ленинграде не процисан. Пришлось ставить бутылку соседу. И он вместе со мной пошел и взял.

Я включил магнитофон и на магнитофоне запел. Бродский даже не повернулся. Он все так же сидел — подбородком на ладони и смотрел в стенку.

«На прощанье — ни звука, — пел я на магнитофоне, — граммофон за стеной...»

Вдруг он как будто очнулся и спросил:

— Откуда у вас этот стих?

Я ответил:

 Из вашей книги. — Сразу было видно, что Бродского это заинтересовало. Не что я пою, а что у меня его книга.

Я уточнил:

— Она не у меня, а в Москве. — Магнитофон я, пока мы разговаривали, выключил.

Он поинтересовался:

- А в каком переплете, в мягком?

Я задумался:

— Да вообще-то не книга... просто перепечатано...

Он успокоился и снова повернулся к стенке.

Я на него посмотрел и обратил внимание, что хотя он со мной сейчас и разговаривает, но сам где-то совсем не здесь. Не то чтобы витает, а, наоборот, сосредоточен на какой-то мысли. Я не стал его отвлекать и опять включил магнитофон.

И вдруг я вспомнил, что его надо угостить. Я снова нажал на клавищу

и спросил:

- Хотите варенье с чаем? Не любите? Клюквенное. - И повернулся к банке с вареньем.

Он покачал головой:

— Вы знаете, не хочется. Спасибо.

Я предложил:

– Å, может быть, лимонаду?

Он оживился:

— Вот лимонад — это другое дело.

Я подошел к подоконнику и отвернул занавеску. Достал из шкафа стакан и, открыв бутылку, протянул стакан Бродскому. Бродский со стаканом в руке запрокинул голову.

Он пил с наслаждением. Он пил, а я на него смотрел. Мне было приятно, что стаканом лимонада я ему доставил такую радость. Гораздо большую, чем своим

пением.

Я спросил:

Ну, как вам песни, не нравятся?

Он ответил:

- Я не совсем это понимаю. Гитара... он пожал плечами, какая-то цыганщина. Но, знаете, лезть на стенку не хочется.
 - Я не понял:
 - Как на стенку?

Он объяснил: — Однажды еду в злектричке и вдруг слышу: «Пилигримы»... Орут на весь вагон... Чуть на ходу не выпрыгнул...

Я удивился:

— Так ведь это же Клячкин! Его музыка...

Бродский насупился:

— Я этому Клячкину когда-нибудь надену гитару на голову...

Я даже растерялся: н думал, что они с Клячкиным чуть ли не кореша. На пару писали «Шествие». Бродский — слова, а Клячкии — музыку. Как Римский-Корсаков с Пушкиным. Недаром же у Клячкина есть песенка, где он поет: «Профессор Римский-Корсаков, вертясь па пьедестале, никак не мог подняться, чтоб руку мне пожать...»

Бродский признался:

Мне нравится Высоцкий. Больше никто.

Интересно: ВЫСОЦКИЙ и БРОДСКИЙ. Земля и небо.

Я снова включил магнитофон. Бродский протянул мне пустой стакан и опять уставился в стенку. Я пел.

В конце одной песни он меня прервал. Он предупредил:

— Знаете, я вам не советую петь эти строки. Они касаются только меня. У вас могут быть неприятности.

(Песня заканчивалась так: «Слава Богу, что я на земле без отчизны остался».)

Я согласился:

- Да...- и замолчал. Потом подумал и добавил:

 Если вам все это не нравится, то я эти песни никому петь не буду. Но я все равно от них не откажусь. Йотому что они мне дороги. Я буду их петь сам себе.

Он улыбнулся:

 Ну, что вы. Пожалуйста, пойте кому угодно. Просто я хочу сказать, что я ничего не понимаю в гитаре. И, к тому же, у меня нет магнитофона.

Я заметил:

А может, у кого-нибудь есть из друзей...

Он отрезал:

У меня нет друзей.

Я задумался:

— A...

Бродский вдруг спросил:

Вы с какого года?

Я совсем этого не ожидал и как-то засмущался:

С сорокового.

Он заинтересовался:

— А месяца?

Я уточнил:

— Сиюля.

Он улыбнулся:

— Аясмая.

Оказывается, мы с ним ровесники.

Он снова поинтересовался:

А чем занимаетесь?

Я признался:

Пока ничем. Вот поменялся и возвращаюсь на Север. В Магадан.

В Магадан? — Бродский удивился. — И вам туда хочется?

Я опять его удивил:

Да. Мне туда хочется.

...Мы все дослушали, и он встал. Ему уже понадобилось уйти. Мне было жалко с ним расставаться, и я спросил:

— А вы не могли бы мне дать еще какие-нибудь ваши стихи, меня бы это очень поддержало.

Он снова улыбнулся:

— Почему же? Можно.— Потом посмотрел на мою пишущую машинку и задумался.

Я тоже встал. Бродский уже одевался. Он надел кепку и теперь напяливал пальто. Я заметил, что брюки у него тоже старые, даже не брюки, а потренанные джинсы или что-то вроде этого. После я слышал, что он везде носил кенку, в которой отбывал за «тупеядство» срок. Как талисман. Он в ней работал на тракторе. Помощинком тракториста. «Сельскохозяйственный рабочий Бродский» — как он о себе написал в одном из своих стихотворений. Наверно, это как раз и была та самая кепка.

Я тоже оделся, и мы с ним вышли. Человек, которого я чуть было не прицял за Бродского, уже набрался и в задумчивой позе дремал на батарее.

И вдруг Бродский предложил:

— Позвоните мне недели через две, и я вам подберу. Можете перепечатать. На прощание я хотел ему сказать что-нибудь такое значительное, но так ничего и не придумал.

...И вот он уже ушел в своем импортном пальтишке и в своей исторической кепочке, смешался с толной и растворился.

Я немного постоял, и меня потянуло на Васильевский остров. Я еще там ни

Я дошел до метро и проехал две остановки. Поднялсн по эскалатору и вылез. Я думал, Васильевский остров синий. Как у Бродского: «...твой фасад темносиний я в потемках найду...» А он какой-то бесцветный. Потемки-то, конечно, были, а вот синего фасада пет. И никакого острова. Обыкповенные трамваи. Да грязно-серый снег.

Через педелю я улетел в Магадан, а Бродский через полгода совсем в другом направлении. Чтобы больше никогда не появиться в этих местах.

кровь

Кто Кааказский кребет переаалит служить. Быть тому с той поры дворянином. Случевский

Ходу тебе, продвижения нет в мире равшинном. Перевалил за Кавказский хребет — стал дворяянном.

Как хорошо государь рассудил: боец не грубеет, ежели крови своей не щадил, кровь голубеет.

Стали бойцы за суровый поход сталью из жести. Входит война в генетический код колексом чести. Стычки в горах распрямили твой взгляд, рабское выжгли (только вот жаль, что живьем из засад все-то не вышли).

День посчитали нам за три денька правильно, право, и для потомства вошла в ДНК русская слава.

Наша сивуха, пройдя вмеевик Военно-Грузинский, облагородилась, стала навек Божьей росинкой.

унижение гения

Вручи мне Ювеналов бич! Пушкин

Над белой бумагой потея, перо изгрызая на треть, все мучаясь, как бы Фаддея еще побольнее поддеть:
«Жена у тебя потаскушка, и хуже ты даже жида!..»
Фаддею и слушать-то скушно, с Фаддея что с гуся вода.

Фаддей Венедиктыч Булгарин съел гуся, что дивно изжарен, засим накропал без затей статью «О прекрасном» Фаддей, на чижика в клеточке дунул, в уборной слегка повонял, а там заодно и обдумал он твой некролог, Ювенал.

подражание

Как ты там смертника ни прихорашивай, осенью он одинок. Бьется на ленте солдатской оранжевой жалкий его орденок. За гимнастерку ее беззащитную жалко осину в лесу. Что-то чужую я струнку пощипываю, что-то чужое несу.

Ах, подражание! Вы не припомните, это откуда, с кого? А отражение дерева в омуте — тоже, считай, воровство? А отражение есть подражание, в мрак погруженье ветвей. Так подражает осине дрожаяне красной аорты моей.

Лев Лосеа родвлси и аырос в Ленинграде, жиает а США. Подробнее о поэте см.: «Заезда», 1990, № 9. Стихи Льаа Лосева печатаются иами по тексту журнала «Континент» (№ 59).

18 BEK

Восемпадцатый век, что свинья в парике. Проплывает бардак золотой по реке, а а атласной каюте Фелица захотела пошевелиться. Офицер, приглашенный для ловли блохи, адруг учуял, что силу теряют духи, заглушавшие запахи тела, завозилась мать, запыхтела.

Восемнадцатый век проплывает, проплыл, лишь свои декорации кой-где забыл, что разлезлись под натиском прущей русской зелени дикорастущей. Видны волглые избы, часовня, паром. Все построено грубо, простым топором. Накарябан в тетради гусиным пером стих занозистый, сердце скребущий.

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О КАРЛЕ И КЛАРЕ

Кораллы украв у Клары, скрылся, сбрив усы пасh Osten. Что-то арал. Над ним смеялнсь. Он русским продал трубку и часы с кукушкой. Но часы тотчас сломались. А в лиственных лесах дуплистых губ не счесть, и нашептаться довелось им, что обрусел немецкий лесоруб, запил, звпел, топор на печь забросил.

Кларнет укрва у Кврла, как-то смеху для, она его тотчас куда-то дела, но дева готская уберегла футляр, его порою открывала дева. Шли облака кудряво, кучево, с востока, наступая неуклонно, но снег не шел, не шел и ничего не падало в коралловое лоно.

Mein Gott!
Вот густорозовый квкой коловорот, скороговорок вороватый твбор, фольклорных оговорок à la Freud, любви, разлуки, музыки, метафор!

ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ

Я говорю: ах, минута! — т. е. я говорю: М, Н, Т — скомквяно, скрученно, гнуто там, а тесноте, в темноте, а мокрых, натруженных, красных мышцах (поди перечнслы!) бульканьем, скрипом согласных обозначается мысль.

Кабы я маг-семиотик был, отрешился б от них.

Я бы себе самолетик сделал из гласных одних: А — как рогулька штураала, И — исхитрился, азлетел, У — унесло, отораало от притяжения тел.

Бездпы не чаю, но чую: О — озаряет чело. Гибелью обозначаю все или пичего.

PRO DOMO SUA I

Деревянный, лубяной дв последний, ледяной, эй, домишки, как делишки за железною стеной? К лесу черному лицом деревянный дом с крыльцом, деревянный, с гвзом, с ввиной, с ввжной нежитью-жильцом. К лесу черному спиной бедный домик лубяной. Ах, дух щаный, стол дощаный, поговорки с глубиной! Мое сердце в ледяном. Ночью в нем светло как днем. А убранства - лишь пространство, холод, свет и метроном. Ломкий лед галиматы. Тонкий звон со дна бадьи. Выплывают ледяные Лешки Лосева ладыя. 1988

ИЗ ЦИКЛА «АНАДИПЛОСИС»

1

Где смерть живет, как малое сознанье на дне большого,— опершись о свод акрополя,— немые изваянья все наши мысли переходят вброд и, достигая берега значений, нащарив средостенья крестовик, как воинство летучих сновидений, переломляют ропщущий тростник.

Эвтерпа, матрнца, Европа, парафраз материковый! Мотыльковый пеплум в пакгаузах глоссария! Лишь беглым пустеющим окинуть взором вас в самому стать скважиной... Дионис сожмет и выжмет виноградный сок из крайней плоти... Хризолит в оникс, в изнанку музыки втираемый песок.

2

. . .

В этом городе мы, как в пространной цитате, живем. Хлеб земной и звемный небесный бесславно жуем, бестолково по улицам бродим и бесстрашные речи заводим. Всё о том, что в стране, как в пространной цитвте, живем, и т. п., в т. п., и т. д., в т. п., и, конечно, жveм. Бестолково по улицам бродим н во всем этом что-то находим. А спохавтится кто-нибудь - живо его приструнять: струны вырвут с ногтями, покажут ядреную мать,

припугнут после ядерным взрывом н завяжут глаза над обрывом. А потом разрешат возвратиться в знакомый до слез этот город, трепещущий крыльями черных стрекоз, с его свастнкой улнц и лиц, и простуженным клекотом жриц. Здесь с прохожих срывает шинели коллежский всессор и строчит на жидов и мвсонов доносы профессор, Медный всвдиик зв гением сквчет и Евгений тоску свою нянчит!

COH

«По Анаксагору черен снег, а душа — адаойне», учила меня одна гимназисточка при луне. А потом задирала платье и — «шах-наме»!.. Я же, как досократик, ни бэ на мэ. «По Анаксагору черен снег, а душа — белым...» учила меня пворовая сука, беря калым. А потом тянула носочек, как ноту ля. Я ж, как отец пустыннак: изыди, бля! «По Анаксагору черен снег». А по мне — была или нет та жидовочка божьей матерью, что брала в . . . и давала в . . . Да не асе ль равно! ...Я лежал, проснувшись, в гробу хрустальном, смотрел в окно. «По Анаксагору черен снег, но чиста лыжня». И эта третья была права, потому - княжна. Я лежал, проснуащись, в гробу хрустальном, смотрел а окно, понимая, что то, что вижу, и есть — $O\partial$ но.

В защиту себя, о себе (лат.).

Александр Вадимович Скидан (род. а 1965 г.) — поэт. Публикуетси с 1990 года. Стихи печатались в журнале «Аврора», а «Университетской газете» и в «Антологии русского верлибра». Живет в Ленинграде.

Елена Дунаевская

Домв в предвечернем свете, И многопудовый дым, Швгвют из школы детв, И голени их худы. Ивхнет окрвяна щвми, Воздух похож яа взвесь. Много мы обещали, Ну в подохнем здесь, Не рвзорвав завесы Сорпых дождей над лесом.

СТАНСЫ ОКРАИНЕ

Домв в розоватом свете, И многопудовый дым, И в школу шагвют дети, И голени их худы, Квк ноги болотных цвпель, Нвд желгой, сухой трввой, А мвмы, одеты в штапель, Взирвют нв свой привой, Рвзияв, как фату — невеств, Кухонную звиввеску.

Окрвинв — род бумаги, Где крвски всегдв плывут. От вечной и злостной влвги Бесформен трвмввйный люд. Соленый запвх отбросов, Не жизнь, но ее макет. Окраинв — это способ Жить, если жизни нет. Окрвинв — грязный ватман, Водкв, мазия и ввта.

Окраиной правит осень В свмую развесну. Везвременьем здесь звносит, Клонит к дурному сну, И жизии топорный остов Тебя укрепляет в том, Что человек — не остров, Не крупноблочный дом: Нв врмвтуре — тонны Коспеющего бетонв.

Окрвинв — место встречи Еытв с небытием. Здесь всяк пустотой звмечен, Звначея житьем-бытьем. И струяы здесь рвут под вечер, Слоано — живьем в гробу — Швыряют подростки в вечность Проклятье или мольбу. Времеяи нет. Прострвиство К пасынквм — беспристрвстно.

И дирижер склонился к партитуре, И, кажется, не все сошли с ума. Как памятняк исчезнувшей культуре — Клессическея русская зима.

И зерквло в ясимоверной раме Серебряяой проходишь ты ивсквозь, И прежяий свет струится ивд полями, Где хлябь, и кровь, и шивлы вкривь

дв вкось.

A.A.A.

Вошлв. Никого не узнала. Не призрак ли смотрит нв то, Как ночью бредут вдоль канала Фнгуры в кввдрвтных пвльто

Из дрвив? Из бурого мрвкв? А рядом стволов внтрвцит Безруких. И, квжется, дрвкв. И грязный свинцовый Коцит,

И вврево вспышек багровых, И в струпьях больших полотно... Квкой-то художпик из новых, На жизнь негодуя дввно,

Рвздрызг, нвпряженность, обиду С твкой густотою явнес, Что звезды не брезжвт сквозь сито Мвтерни, ветхой насквозь.

А женщине взглядом уствлым Скользнуле по реме — и прочь: С Обводного, элого кенеле В летейскую белую ночь.

Альберто Моравиа

CKYKA Poman

пролог

Я хорошо помяю, квк бросил рисоветь. Квк-то рез я просидел в своей студии восемь часов подряд — то реботел минут по десять-пятивдцеть, то броселся не дивен и чеса две лежви, устввив глазв в потолок, - и вдруг, словно бы в порыве вдохновения, осенившего меня после стольких бессильных нотуг, раздавил в переполненной пенельнице последяюю сигврету, с кошачьей живостью вскочил с креслв, в котором только что ресслабленно покоился, схввтил острый нож, которым пользоввлся иногда для того, чтобы соскабливать краски, и, удар зв ударом, начал полосовать холст, не успокомвшись, покуда не изорвал его в клочья. Затем вытвщил из угля чистый, такого же размера, сиял с подрамника изрезапный и натянул новый. И сразу же почувствовал, что вся моя, как бы это сказвть, творческая энергия полностью ушла на этот в сущности совершенно разумный, хотя и разрушительный акт. Я работви пад картипой целых двв месяца, упорно и без передышки: изрезать ее пожом было в каком-то смысле то же, что и завершить; может быть, с точки зрешия видимых результатов поступок мой посил чисто негативный характер. Но для моего творческого состояния это несомненно было полезно. И в самом деле, изрезать холст — это было все равно, что завершить наконец долгую беседу, которую я вел с самим собой бог знает сколько времени. Это означало, что я ощутил нод ногами твердую почву. Повый холст, натипутый на подраминк, был не просто обычным, еще не записанным холстом, -- вет, это был холст, который оквзался там в результате долгих трудов. Одним словом, утешвл я себя, ствраясь подавить дукнившее меня отчаяние, именно этот холст, с виду твкой же, как все прочие, во для меня исполненный смысла, как бы воплотиаший в себе результвт, должен помочь мне оцутить себя свободным, способным начвть все с нвчаль: твк, словно не было у меня зв спняой десяти лет запятий живописью, словно мпе снова двадцеть пять, как тогда, когда я ушел яз дому, от матери, и переехал на улицу Маргуттв, чтобы никто не мешал мне спокой но рвботвть. Впрочем (было вполне вероятно и такое), крвсовввшийся нв подрвинике чистый холст мог выражать результвт объективяой, внутреняей и при этом вбсолютно негвтивной эволюции, которая привелв меня к полному краху. И то, что верным было, пожвлуй, именяо это, второе, предположение, подтверждалось, между прочим, тем обстоятельством, что скукв, ясотступно сопровождавшая мою работу в точение последних шести месяцев, пачисто прошла в тот момент, когдв я изрезал холст; так известковые отложения источнике в конце концов нестолько звсоряют трубу, что водв перестает течь.

Тут, видимо, пришлв порв сквзвть несколько слов об этой самой скуке, чувстве, о котором мне не рвз придется упоминать на этих стрвинцвх. Дело в том, что, как бы двлеко ни звглядывил я в свое прошлое, мне неизменно вспоминается, как мучилв меня скукв. По, нвверное, нужно договориться и по поводу свмого этого слова. Для большинстви людей скукв — это нечто противоположное состоянию, которое испытываешь, приятно проводя время, рвзвлеквясь, в рвзвлеквться это значит отвлекаться, забываться. Для меня же, явпротив, скукв вовсе не противоположные ощущению, испытываемому при развлечении,

Елена Семеновна Дунаевская— поэт, переводчик английской классической поэзии. Первая публикация— в 1965 году. Стихи печатались в отечественных и зарубежных журналах я альчанахах. Опубликованы переводы из Киплияга, Китса, Спенсера, Кольриджа. Жвет в Ленинграде.

Альберто Моравиа (1907—1990) — крупнейший итальянский писатель, автор романов: «Равнодушные» (1929), «Римлника» (1947), «Ковформист» (1951), «Презрение» (1954), «Чочара» (1957), «Я и он» (1971) и многих других, а также рассказов, драматических и публицистических сочиневий. Ромая «Скука» («La noia») написан в 1960 году.

в бы даже сказал, что в каком-то, хотя и очень специфическом смысле, онв даже схожа с разалечением. Скука для меяя — это ощущение пеполноты, недостаточности окружающей меня реальности, ее скудости, ее несоответстаня собственным возможностям. Если прибегяуть к сравнению, я могу уподобить саое состояние в момеят, когда я скучаю, ощущениям человекв, который в зимнюю ночь спит под слишком коротким одеялом: натянешь его на ноги — мерзнет грудь, натянешь на грудь — мерзнут ноги, и в результате так и не удвется толком заснуть. Если понскать другого сравнения, то можно вспомнить о том, как иногда вдруг, совершеняю необъяснимо в комявте явчиявет мигать электрический свет: то светло и все ясно видно — вот кресла, вот диваны, вон там, подвльше, шкафы, этажерки, картины, занавески, окна, двери, — и вдруг, мгновенье спустя, вокруг темно и пусто. Или вот еще третье сравнение: я мог бы определить скуку как своего родв болезнь окружающих меня предметов, которые словно бы увядают, блекнут, теряя жизненный тонус, — это то же самое, что на протяжении нескольких секунд увидеть, как цветок, только что бывший бутоном, увядает и превращается в прах.

Скука настигает меня а те мгновенья, когда я ощущаю абсурдяюсть окружающего меня мира, то есть тогда, когда он становится, как я уже говорил, каким-то яеполноценным, не способным убедить меня а реальности своего существования. К примеру, мое внимание адруг привлекает к себе вот этот бокал. И до тех пор, пока я говорю себе, что бокал — это стеклиниый или металлический сосуд, предназначенный для того, чтобы, не расплескав, подносить ко рту налитую в него жидкость, то есть до тех пор, пока я сохраняю таердое о нем предстаиление, мне кажется, между яами завязываются отношения, достаточные для того, чтобы я поверял в его реальность, в следовательно, и в свою тоже. Но стоит только этому бокалу поблекнуть а моих глазах, то есть утратить свою чувственную, предметную убедительность а том смысле, о котором я уже говорил, то есть стоит ему предствть передо мной как нечто чуждое, не имеющее ко мне ни малейшего отяошения, пли, если говорить попросту, стоит ему показаться вещью сопершенно бессмысленной, как из ощущения этой бессыысленности рождвется скукв, которвя есть, в сущности (пора это сквзвть), выражение некоммуникабельности и полной невозможности ее преодолеть. Однвко сама эта скука не доставляла бы мне таких мучений, если бы я не энвл, что боквл, не имеющий ко мне отношения, мог бы его иметь, то есть что он существует а каком-то недоступном мне рвю, где предметы ни на миг не перестают быть предметвми. И из этого следует, что скука, то есть моя неспособность вырваться за пределы своего «я», - это теоретическое сознание того, что, случись чудо, я все-таки мог бы выйти за эти пределы.

Я уже сказал, что, сколько я себя помню, я всегда скучвл; добавлю к этому, что лишь совсем педавно я сумел достаточно ясно понять, что же она такое — моя скука. В детстве же, отрочестве и а первые годы молодости я страдвл от нее, будучи совершенно не в состояяни ее объясинть; так челоаек страдает от хронических голоаных болей, яе решаясь обратиться к врачу. А уж в детстве этв же самая скука приянмала формы настолько неясные, педоступные не только моему — ничьему пониманию, что мать, которой я не мог ничего объяснить, принисываль ее нездоровью: примерно так, как дурное настроение младеяцев объясняют тем, что у них режутся зубы. В те годы мне случалось неожиданно прервять игру и на долгие чвсы застыть в полной неподвижности так, словно меня оглушили: это было то свмое болезненяюе состояние, которое вызывало у меня анезапное «увядание» окружнющих меня предметов, в точнее, бессознательное ощущение того, что между мною и остальным миром перествла существовать квквя-либо саязь. Если а такую минуту в компату входила мать и, видя меня молчвливым, бледным, безвольным, спрациввла, что случилось, я яеизмеяно отвечал ей: «Мне скучно», объясняя этим ясным и плоским словом сложное и темное состояние своей души. Но мать принимвлв мое объясяение буквально в, наклоннясь, чтобы меня обнять, обещвлв сегодня же вечером сводить меня в кино или сулила еще квкое-нибудь развлечение, которое, я точно знал. не могло быть лекарством против скуки, так как в свмой идее рвзалечения не было ничего ей противоположного. И покуде матери казвлось, что оне успешно резвеяле мое настроение, я, притворившись, что с редостью принимею ее предложение, продолжел меяться все той же скукой, которая рождвлась во мяе в от прикосновения ее губ к моему лбу, ее рук к моим плечам, и даже от вызвинного ее словеми ослепительного видения киноэкрвна. Как мог н объясянть мвтери, что резвеять мою скуку невозможно? Я уже говорил, что скуке — это прежде всего выражение некоммуникабельности. И вот, не в силах уствновить связь с собственной матерью, от которой я чувствоввл себя отрезанным, как от всего остального мира, я был пынужден мириться с возникшим между нами яедоразумением и лгать ей.

Не буду долго останавливаться на неприятностих, которые достввлялв мне скука во времена отрочества. В ту пору мои плохие отметки непзменно приписывались «слабости здоровья» или врожденной неспособности к тому или другому предмету, и я сам принимал это объяснение за неимением другого, более убедительного. Но сейчвс-то я прекрасно понимаю, что плохие отметки, которые сыпвлись нв меня в кояце квждого учебного года, объяснялись все тем же: скукой. Дело в том, что я с болезненной остротой чувствовал, что не в силвх уствиовить квкую-либо связь между собой и всей этой квшей из вфинских цврей и римских импервторов, рек Южной Америки и гор Азии, одинивдцвтисложного

стиха Данте и гекзаметра Вергилия, алгебраических действий и химических формул. Одним словом, вся эта уйма сведений из разных областей знания совершенно меня не затрагивала, а если иной раз и затрагивала, то в результате я лишь еще сильнее ощущал их изначальную бессмысленность. Но, как я уже говорил, ни перед самим собою, ни перед другими я никогда не качался этими своими чисто негатавныма ощущемияма: наоборот, я убеждал себя в том, что не должен был их испытывать, и страдал от этого. Помню, что уже тогда это страдание поселило во мне стремление как-то определить его и объяснить, но я был подростком, со всей свойственной этому возрасту амбициозностью и педантизмом, и результатом моих усилни явился проект всемирной истории, рассмотренной с точки зрения скуки. В основе всемирной истории, рассмотренной под этим углом зрения, лежала очень простая мысль: пружиной истории была не биологическия зволюция, не экономические факторы и вообще ни один из тех мотивов, которые выдвигаются историками разных школ: пружиной была скука. Воодушевленный своим замечательным открытием, я приступил к делу с начала всех начал. Итак, вначале была скука, вульгарно именуемвя хаосом. Наскучив этой скукой, Бог создал эемлю, небо, воды, животных, растення, Адама и Еву; эти последние, соскучившись, в свою очередь, в раю, съели запретный плод. Они наскучили Богу, и он выгнал их из Эдема; Каин, которому наскучил Авель, его убил; Ной, когда заскучал сверх всякой меры, изобрел вино; Бог, которому снова наскучили люди, наслал на них потоп; но последний, в свою очередь, до того наскучил Богу, что он вернул на землю хорошую погоду, в так далее. Велякие египетские, персидские, греческие и римские империи создавались от скуки и от скуки же погибали; скука язычества породила христнанство, скука католицизма — протестантство; соскучившись в Европе, люди открыли Америку; соскучившись от феодализмв, сделвли фрвицузскую революцию, соскучившись от квпитвлизмв — русскую. Я состввил список всех этих сдельных мною звмечвтельных открытий, в звтем с большим стврвнием пранялся писвть свму истораю. Не помию точно, но мие квжется, я не пошел двльше чрезвычейно детвльного описания жестокой скуки, которвя терзвлв в Эдеме Адвив и Еву, и того, квк от этой свмой скуки они впвли в смертный грех. Звтем, соскучившись, в свою очередь, от своего проектв, я звбросил дело, твк и не пойдя двлыше.

Нвдо сквавть, что в пернод между десятью и дввдцетью годеми я страдал от скуки больше, чем в любую другую пору своей жизии. Я родился в 1920-м, и знвчит, моя юность прошлв под черным знаком фашизма, то есть того политического режима, который возвел некоммуникабельность в систему: некоммуникабельность определяль отношения диктатора с массами, отдельных гражден между собою и их же отношения с диктатором. Скука, которая есть отсутствие каких-либо связей между человеком и окружвющим его миром, во времень фашизма была растворена в самом воздухе, которым мы дышали; а к этой, социальной, скуке следует добавить еще скуку неосознанной и безотлагательной сексуальной потребности, которая, как обычно бывает в этом возрасте, мешаль мне вступать а подлинно человеческие отношения с теми самыми женщинами, в чьем обществе, мяе казалось, я развеиваю свою скуку. Однако эта же скука спасла меня от участия в гражданской войне, которвя аскоре разразильсь в Италии и опустошаль ее в течение даух лет; вот квк ато было: я служил в дивизии, двслоцировывшейся в Риме; как только объявили перемирие, я сиял форму и вернулся домой. Затем всем военнослужвщим было приквзано — под стрвхом смертной квзни -- возврвтиться в ряды врмии. Мвть, с характерным для нее почтительным отношением к властям, которых в ту пору было две — немецкая и фашистсквя, советоввлв мне надеть мундир и веряуться в строй. Онв желвла меня спастн, но нв самом деле толквлв нв путь депортвцин, что, вполне вероятно, повлекло бы за собой гибель в нацистском концлвгере, как это и случилось со многими моими товврищами по военной службе. И именно скукв и только скукв, то есть внутренняя невозможность уловить квкую-либо связь между мною и этим приквзом, мною и военной формой, мною и фвшиствми, скукв, от которой я мучился двадцеть лет, ибо оне делале в моих глезех простонвпросто несуществующими обе великие империи — и империю ликторского пучкв, и империю свистики 1, — эти скуки на этот раз меня спасли. Не послушвишись уговоров мвтери, я укрылся в деревне, нв вилле одного моего приятеля, и просидел твм всю граждвискую войну, звиимвясь живописью, — способ убиввть время не хуже всякого другого. Так я ствл художником или, точнее сказать, поддвлся иллюзии, будто посредством художественного вырвжения смогу раз и нввсегдв уствновить связь между собой и окружающей меня ревльностью. Я действительно испытвл понвчвлу некоторое облегчение, вызванное энтузиазмом, с которым я приступил к работе, и даже почти убедил себя в том, что моя скукв быль скукой художникь, который просто не догвдывался о том, что он художник. Я ошибся, но в течение какого-то времеям мне квзвлось, что я нвшел способ излече-

ния. В конце войны я вернулся к мвтери, которвя зв это время успелв купить большую виллу яв Аппиевой дороге. Как я уже говорил, мне квзалось, что звнятия живописью

¹ То есть — фашистскую Италию и нацистскую Германию (здесь и далее примечания переводчика).

окоичательно развеют мою скуку, но вскоре я убедился, что это не так. Несмотря на живопись, я снова начал скучать; больше того, так как скука автоматически прерыавла мон занятия жнаописью, я наконец смог составить точное представление об интенсианости и частоте приступов этой болезни, куда более точное, нежели а ту пору, когда я еще не рисовал. Когда проблема скуки предстала передо мной во асей своей неизменности, я начал спрашивать себя, какие же у нее могли быть причины, и методом исключения пришел к выводу, что скучал я оттого, что был богат, и что будь я беден, я бы, по-видимому, не скучал. Эта мысль вырисовывалась а моем сознании не с такой ясностью, как сейчас, когда она предстает написанной на бумаге; тогда это была не столько мысль, сколько подозрение, правда, принявшее вскоре почти маниакальный характер: мяе казалось, что между моею скукой и моими деньгами существует несомненная, хотя и ис явлая связь. Я не хочу останавливаться слишком долго на этом достаточно пеприятном периоде моей жизни. Так как я снова начал скучвть, -- а когда я скучал, я бросал живопись, -- я от всей души возненавидел нашу виллу и роскошь, которая меня там окружала; возлагая именно на них вину за одолевавшую меня скуку, которая лишала меня возможности рисовать, я стал страстно мечтать оттуда уехать. Но так как речь шла — как я уже гоаорил — асего лишь о нодозрении, я не решился прямо сказать матери то единстаенное, что, в сущности, должен был сказать: я яе хочу жить у тебя, потому что ты богата, а богатстао нагоняет на меня скуку, а скука мешает мяе рисовать. Однако я инстинктивно вел себя так, чтобы, потеряа тернение, мать сама прияяла решение о моем отъезде.

Я аспоминаю тот период моей жизни как аремя всчных споров, бесковечных размолвок, ожесточенной вражды, почти болезисяной неприязии. Никогда я не вел себя с матерью так ужасно, как в ту пору, в таким образом к испытываемой мяою скуке примешивалась еще в смутная жалость к той, которая никак не могла понять причин моей грубости. Но больше всего я страдал от чего-то ароде наралича, поразившего меня в те дни в сделавшего немым, апатичным, упрямым; мне казалось, что я заживо замурован внутри самого себя, как внутри наглухо запертой душной тюрьмы.

Моя жизнь на материнской вилле и аызываемое этой жизнью душеаное состояние, вероятно, продлились бы много дольше, если бы, на мое счастье, мать не решила бы, что узнает в моей скуке чувстао, подобное тому, которое однажды уже испортило ее отношения с монм отцом. И тут, по-видимому, надо хотя бы коротко рассказать и о нем, то есть том человеке, который прошел по дороге скуки раньше меня.

Так вот, насколько мне удалось выяспить, отец мой был прирожденным бродягой, одним из тех людей, которые, сиди дома, постепенно перестают разговаривать, теряют випетит и вообще отказываются жить (так некоторые птицы не могут жить в клетке), но, очутнышись на палубе корабля или в купе поезда, сразу обретают саойственную им жизнерадостность.

Он был высокий, атлетически сложенный, белокурый — как я; но я некрасив, потому что рано полысел, и лицо у меня чаще всего тусклое и мрачное, отец же был имсняо красив, если верить дифирамбам матера, которая в свое время женила его на себе насильно, несмотря на то, что он не переставал твердить, что не любит ее и непременяо от нее уйдет.

В сущности, я его совсем не знал, потому что он вечно где-то путешествовал; последний раз, когда я его видел, волосы у него были уже почти совсем седые, а все еще молодое лицо изрезано тонкими глубокими морщинами; тем не менее он продолжал носить легкомысленные галстуки бабочкой и клетчатые костюмы времен его молодости. Он приезжал и тут же уезжал, вернее, убегал от моси матери, с которой ему было скучно; потом возвращался, вероятно, затем, чтобы раздобыть денег для нового побега, потому что у самого у него не было ин гроша, хотя и считалось, что он занимается «экспортом-пипортом». В кояце концов однажды он не верпулся. Сильный порыв ветра переверяул в одяом из анутрепних морей Японии паром с сотней пассажиров, и отец оказался а числе утояувших. Что делал он в Японии, был ли оя там в саязи с «зкспортом-импортом» пли занимался чем-то еще, я так никогда и не узнал. По мнению матери, которая любыт научные и паукообразные определения, у отца была «дромомания», то есть страсть к персмене мест. Может быть, этой мании, объясияла она, словно размышляя аслух, был обязан он и своею страстью к маркам, этим крохотным ярким свидетельствам мяогообразия и общирности мира; отец собрал прекрасную коллекцию, которую она продолжала хранить, тем более что география была единственным предметом, который она хорошо изучила а школе. Мяе казалось, что мать рассматривает «дромоманию» отца как сугубо инднаидуальную и малосущественную особенность; меня же именяю эта особенность застаалила испытывать поистине братское сочувствие к его патетической, почти стершейся и чем дальше, тем больше стиравшейся из памяти фигуре, а которой, мяе казалось, я различал, во всяком случае в сфере отношений с матерью, черты яекоторого сходстав с собою. Но, нак понял я позднее, сходство было чисто внешяим: отец действительно страдал от скуки, но избавлялся от нее в счастливом бродяжив честве, переезжая из страны в страну; иными словами, его скука была самой обычной скукой, которая проходит от повых и ясобычных ощущений. Да и в самом деле, достаточно сказать, что отец аерил в мир, ао всяком случае географический, а то время как я не мог поверить даже а сущестаование бокала.

Однако мать не пожелала углубляться во все эти тонкости и решила, что бсз сомяения узнаёт в моей скуне толегко взлечимое уныние, которое когда-то осложияло ее огношения с мужем. «К сожалению, от отца ты взял больше, чсм от меня, — таердо сказала она мне как-то однажды. — А я знаю, что, когда на вас это находит, лучшее средство — отослать вас подальше. Так что уходи, уезжай куда угодяо, а когда все пройдет, возаращайся».

Я сразу же с облогчением ей ответнл, что а мои намерення вовсе не аходило куданибудь уезжать: путешествия меня совершенно не интересовали. Мне просто хотслось уйти из дому и зажить самостоятельно. Мать возразила, что это глупо — жить отдельно, когда в моем распоряжении роскошная вилла, а которой я к тому же могу делать все, что захочу. Но я уже решил воспользоваться подвернувшнмся случаем и резко ответил, что уйду прямо завтра, ни на минуту не задержавшись. Таким образом, мать поняла, что это серьезяо. И ограничилась лишь том, что с горечью ко всему привыкшего человека заметала, что даже в тоне моего отаета она узнает отца; так что ладно, пусть я делаю, что хочу, в жвау там, где аздумается.

Оставалось решить депежный вопрос. Как я уже говорил, мы были богаты, в до сих пор я пользовался своего рода пеограниченным кредитом: когда мис пужны были деньга, я брал их со счета матери. Одяако мать, полагая, что повторяет со мной опыт, уже проделанный с отцом, которому она давала денег достаточно для того, чтобы он мог уехать, но недостаточно для того, чтобы остаться вдали от нес навсегда, сухо ответила, что с этой минуты ояа определит мие месячное содержание. Я ответил, что о лучшем и не мечтаю; а когда она, скрывая неловкость за раздражением, назвала сумму, которую собиралась мне назначить, я тут же сказал, что готоа удовольствоваться и половиной. Мать, видимо, приготовнашаяся к спорам того рода, что бывала у нее с отцом, которому всегда было мало, очень удивилась моему неожиданному бескорыстию. «Но, Дино, на такне деньги невозможно прожиты!» — невольно воскликяула она. Я ответил, что это мое дело, и, чтобы не изображать из себя аскета, добавил, что надеюсь вскоре начать зарабатывать живописью. Мяе показалось, что мать взглянула на меня с сомнением: я знал, что она не верит а мои способности как художника. Несколько дисй спустя я нашел студию на улице Маргутта и первехал туда со всем своим имуществом.

Как и следовало ожидать, перемена местожительства ничего не изменила в моем душевном состоянии. Как только прошло первое облегчение, которое обычно следует за всякой перемсной, меня, как и прежде, стала периодически одоловать скука. Я сказал «как и следовало ожидать», потому что, конечно же, можно было предандеть, что скука не рассестся только оттого, что я переменил квартиру: ведь, не говоря об остальном, я мог считать себя богатым не только потому, что обитал на Анпиевой дороге, но и потому, что располагал определенной суммой денег. То, что я не желал ими пользоваться, дела не меняло: многне богачи, если они скупы, тратят лишь крохотную часть своих доходов и живут бенио, однако никому не придет а голову считать их из-за этого бедяяками.

Таким образом, первая моя идся, верисе, сделавшаяся навязчивой мыслыю догадка о том, что скука и связанное с нею творческое бессилне объясняются жизнью в доме матери, постепенно сменилась другой, еще более навязчивой: отказаться от собствениого богатства попросту исвозможно; быть богатым — это то же, что иметь голубые глаза и орлиный нос; тончайшими питями богач связап со своими деньгами, которые окрашнавют а цаст денег даже его решение ими не пользоваться. И в самом деле, ведь я не мог даже отнести себя к категории бедняков, которые когда-то были богаты; я был богач, который лишь притворяется бедным перед собою и перед людьмя.

То, что дело обстоит именно так, я доказывал себе следующим образом: «Что делает настоящий бедяяк, когда у него нет денег? Умирает с голоду. Что делаю в таком случае я? Иду просить помощи у матери. И даже если не иду, асе равно меяя нельзя считать бедным — разае что сумасшедшим». К тому же, продолжал я, а моем случае нет даже ничего особеняого. Это самый заурядный случай: ведь я не отназывался от материнских денег, я только ограничивал себя самым необходимым. По отношению к настоящим бедяякам я находился в том заведомо нечестяюм привилегироваяном положенин, в котором находится богатый игрок по отношению к игроку бедному: первый может проигрываться до бесконечности, аторой — нет. Но главное, первый может действительно «играть», то есть разалекаться, а то арсмя как второй должен непременно стремиться выиграть.

Трудно псрссказать, что я пснытал, обдумывая все эти всщи. Я чувствовал себя жертаой каких-то низких козяей, против которых ничего не мог предпринять, потому что не знал, ни где, пи когда напущена яв меня эта порча. Иногда я всноминал евангельское изречение: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в царствие небесное» и спрашивал себя, что же все-таки зявчит быть богатым. Богатый — это тот, у кого много денег? Или тот, кто родился в богатой семье? Или тот, кто всю жизнь прожил и продолжает жить в обществе, ставящем богатство выше всего на свете? Или тот, кто считвет, что самое главное в жизни — это богатство, и при этом неважно, хочет ли он разбогатеть или сожалсет о том, что богат? Или, как в моем случае, богач — это тот, кто, будучи богатым, не хочет им быть? Чем больше я над этим раздумывал, тем труднее мне было определить точный смысл положения и предназначения человека, которого можяо

назвать богатым. Разумеется, всего этого не было бы, если бы я сумел избавнться от своей исходной навязчивой мысли, будто испытыввемая мною скука ведет свое проясхождение от богвтства, а творческое бессилие — от скуки. Но все яаши мысли, даже самые рационвльные из них, уходят в темную глубину чувствв. А от чувствв избавиться не твк легко, квк от мыслей: мысли приходит и уходят, чувства остаются.

Вы, конечно, можете мне на это сказать, что все дело в том, что я был плохим художянком, хотя и (редкий случай) сознающим свое ничтожество. Это верпо, но это не все. Рвзумеется, я был плохим художником, но не потому, что не умел писвть картияы, которые нравились бы людям, а потому, что чувствоивл — мои квртины не выражают меня, то есть не двют мне ощущения связи с окружающим миром. А ведь рисовать-то я, между прочим, начал именно для того, чтобы рвзвеять скуку. И если я продолжать скучать, стоило ли продолжать рисовать?

Если не ошибаюсь, от матери я съехал в марте 1947 годв; и вот прошло более десяти лет, и я, уничтожив свою последнюю картину, решил бросить живопись. И сразу же скука, которую занятия живописью хоть как-то сдерживали, навалилась яв меня с неслыханяой силой. Я уже говорил, что скука — это прежде всего потеря связи с окружающим миром: твк вот, в эти дни мне не хватало связи не только с миром, по и самим собой. Я попимаю, что все это вещи трудно объяснимые, и попытаюсь прибегнуть к помощи сравнения: в течение всего того времени, которое последовало за решением бросить живопись, я был для свмого себя чем-то вроде несносного попутчика, которого путешественник неожиданно обнаруживает в своем купе в самом начале длинного пути. Купе старого типа, то есть не сообщающееся с другими, поезд остановится только на конечной станции, и, следовательно, наш путешественник вынужден терпеть общество пенавистного соседв до самого концв. Ну а если отбросить сравнения, то можно сказать так: скука, пусть даже слегка смягченныя запятнями живописью, изглодала мою жизнь до такой степсии, что не оставила во мне живого места. И стоило мне бросить живопись, как я незаметно для себя превратился в развалнну, в какой-то жалкий бесформенный обрубок. Теперь, как я уже говорил, глявным в моей скуке стало ощущение полной невозможности наладить связь с самим собой, а между тем я как раз и был тем единственным в мире человеком, избавиться от которого не мог янкакими силами.

Я стал в ту пору ужасно нетерпелив. Что бы и ни делал, все мне не нравилось яли квзалось не заслуживающим внимании; с другой стороны, и не представлял себе, что могло бы мне понравитьси или, по крайней мере, хоть ненадолго меня занять. Я только и делал, что прикодил в студию и тут же уходил под любым инчтожным предлогом, какой только мог придумать, чтобы оправдать свой уход: пойти за сигаретами, которые были мне не нужны, или выпить кофе, которого мне совсем не хотелось, или купить газету, которая мени не интересовала, сходить на выставку, которан не вызывала у меня инкакого любопытства. С другой стороны, и чувствовал, что все эти предлоги есть не что иное, как отчаниная попытка смены лични, которыми прикрывалась мон скука, так что иной раз и даже не доводил начатое до конца, и вместо того чтобы купить газету, или выпить кофе, или сходить на выставку, и, сделав несколько шагов, возвращался в ту самую студию, откуда с такой поспешностью вышел минуту назад. Но и в студии, разумеется, меня поджидвла скукв, и все начяналось сызнова.

Я брал книгу — у менн была маленькая библиотека, я всегда был усердным читателем,— но она очень скоро выпадала у меня из рук: романы, статьи, пьесы — вся литературв мира сводилась в конце концов к одной-едииственной странице, которая не в силах была удержать моего внимания. Да и почему она была обязана его удержать? Словв — это символы вещей, а именно с вещами у меня рвалась всякая саязь в минуты скуки. Я откладывал книгу или в припадке ярости швырял ее в угол и призывал на помощь музыку. У меня был прекрасный проигрыватель, подарок матери, и сотни пластинок. Но кто сказвл, что музыка яепременно должна «дейстаоаать», то есть что она способна заставить себя слушать даже самого рассеянного человекв? Тот, кто так сказал, был неточен. Потому что мои уши отказывались яе только слышвть, но и слушать. И потом, в тот самый миг, когда я выбирал пластинку, меня нарализовала мысль: какой же должна быть музыка, чтобы ее можно было услышать даже в те минуты, когдв тебя одолевает скука? Кончалось тем, что я выключал проигрыватель, бросался на диван и начинал думать о том, что бы мяе еще сделать.

Больше всего меня поражало, что я не хотел делать решительно ничего, страстно при этом желая сделать хоть что-нибудь. Все, что я собирался сделать, тут же предстввало передо мяюю — как снамский близяец с братом — в паре со своею противоположностью, которая отвращала меня в той же степени. В результате я чувствовал, что мне не хотелось видеть людей, но и не хотелось оставаться в одиночестве; не хотелось сидеть дома, но и не хотелось выходить; не хотелось путешествовать, но и не хотелось продолжать жить в Риме; не хотелось рисовать, но и не рисовать тоже не хотелось; не хотелось бодрствовать и не хотелось спвть; не хотелось заниматься любовью, но и отквзываться от нее тоже не хотелось и твк далее. Я говорю «чувствовал», но точнее было бы сказать, что я чувствовал это с отвращением, омерзением, ужвсом.

й Время от времени средя приступов скуки я спрашивал себя — в может быть, я просто хочу умереть? Это был резояный вопрос, раз уж мне твк не нравилось жить. Но и тогдв и с изумлением замечал, что, хоти мне и не нравилось жить, я не хотел твкже и умирать. То есть принцип альтернвтивных пар, которые, как в каком-то чрачном балете, дефилировали перед монм внутренним взором, продолжал действовать даже в ситуации крайнего выбора — между жизнью и смертью. В действительности же, думал я иногда, мне не столько хотелось умереть, сколько не хотелось продолжвть жить так, как я жил до сих пор.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Переехав на улицу Маргутта, я сумел побороть то необъяснимое, почти суеверпое отвращение, которое внушала мне вилла на Аппиевой дороге, и установил довольно регулярные отношения с матерью. Я ходил к ней раз в неделю, завтракать, так как это было то время дня, когда я мог быть уверен, что застану ее одну; я сидел у нее чвсв два, слушая обычные ее рассуждения, которые знал наизусть и которые касвлись двух предметов, единственно ее запимавших: ботаники, то есть цветов и плодов, которые онв выращивала в своем саду, и деяежных дел, которым она посвищала все свое время с тех пор, как вступила в сознательный возраст. Разумеется, матери хотелось, чтобы я навещал ее чаще и в другое время, тогда, например, когда она принималь друзей или принвдлежащих к ее кругу людей из общества, но после того, как я раза два твердо отклонил ее приглашение, она, по-видимому, смирилась с редкостью моих посещений. Разумеется, смирение это было вынужденным и могло исчезнуть при первом же представившемся случае. «Когданибудь ты поймешь, - частенько замечала мвть, говоря о себе в третьем лице, что у нее всегда было верным признаком чувства сляшком живого для того, чтобы она желала его скрыть, -- когда-нибудь ты поймешь, что твоя мать не из тех женщин, которым наносят визиты по долгу вежливости, и что твой настоящий дом здесь, а не яа улице Маргутта».

В один из таких дней, вскоре после того как я бросил рисовать, я отправнлся к матери на обычный свой еженедельный завтрак. Хотя, если сказать правду, завтрвк был не совсем обычный; на этот день приходилси мой день рождеяия, и мать, боясь, что и позабуду, напомнила мне об этом уже утром, поздравня по телефону в характерной для нее забавной манере — казенной и церемоняой: «Сегодин тебе исполниется тридцять пять. Поздравлню и от души желаю счастья и успехов». И тут же сказала, что приготовилв дли мени сюрприз.

Итак, где-то около полудия и сел в свой старый расхлибанный автомобиль и двинулси в путь через весь город, как всегда с чувством неловкости и впутреннего протеста, которое парастало по мере того, как и приближалси к цели. Со все усиливающейси душевной тревогой я выехал наконец на Аппневу дорогу, окаймленную на всем ее протижении зелеными дужайками, кипарисами, пияними и руннами кирпичных зданий. Ворота парка, в котором стояла вилла матери, находились примерно на середние дороги, но правую руку, и я, как всегда, поискал их глазами, как будто наденлен, что они каким-то чудом исчезли и я могу спокойно продолжать ехать дальше, до самого Квстелли, а потом верпуться в Рим, в свою студию. Но нет, вот они, распахнутые специально для меня, специально дли того, чтобы остановить и затящуть меня внутрь, когда я буду проезжать мимо. Я сбросил скорость, резко повернул и, ощущая глухое и мягкое подпрытивание колес на гравин, въехал в кипарисовую аллею. Незаметный подъем вел к вилле, которая виднелась в глубине, и, глядя на маленькие черные кипарисы, на их крутые пыльные завитки, на невысокий розовый дом, словно прикоряувший под небом, затянутым серыми перистыми облаками, похожими на комки грязной ваты, я снова ощутил в душе тот тоскливый ужас, который чувствовал всегда, направляясь на свидаяье с матерью. Подобный ужас испытывает, наверное, человек, собирающийся совершить что-то противоестественное; словяо, въезжая в эту аллею, я возвращался в лопо, которое произвело меня на свет. Я попытвлся подавить в себе это неприятное ощущение аозвращения вспять и изо всей силы нажвл на клаксоя, сообщая о своем прибытии. Затем, описав на гравни полукруг, остановил машину на подъездной площадке и вышел. Почти сразу же дверь первого этажа отпорилась, и на пороге появилась горянчиая.

Я никогда прежде ее не видел; мать, которая уноряо нанималв для нашего огромного дома прислугу, которой едва хватило бы на иятнкомяатную каартиру, была часто выпуждена ее менять. Горничная была аысокая, с шпрокими мощными бедрами, огромным бюстом и странными, то ли слишком коротко, то ли просто плохо подстриженными волосьми (такие волосы бывают у заключеняых или выздоравливающих после тяжелой болезни), с бледным веснушчатым лицом, которое из-за огромных очков в черной оправе, поляостью скрывавших глаза, выглядело угрюмым. Еще я отметил рот, похожий яа раздавленный цветок бледно-розовой герани. Я спросил, где мать, в она в свою очередь спросила у меня, очеяь мягко: «Вы сияьор Дино?»

— Да.

⁻ Сниьора в саду, около паринков.

Я направился туда, не преминув по дороге бросить любопытствующий взгляд на машину, которая стояла на площадке перед домом рядом с моей. Спортивная, нивкая, мощнап, с откидным верхом, моталличоски-синего цвета. Значит, мать пригласила к завтраку кого-то еще? Размышляя об этой вероятной неприятности, я обошел впллу кругом по идущему вдоль стон кирпичному тротуару, осененному доревцами лавра и каменными дубами, и оказался с другой сторояы. Отсюда начинался обширный парк в итальянском стиле — с клумбами в формо треугольника, квадрата, круга, с деревьями, подстриженными то в форме шара, то пирамиды, то сахарной головы, с бесчислепными гравнійными аллеями, окаїмленными самшитом. Самая широкап аллея, крытая сверху белой металлической перголой, по которой вилась виноградная лоза, делила парк на две части; аллея начиналась от дома и шла до конца участка, где уже у самой ограды поблескивали стекла многочисленных парников. Как раз на полпути между виллой и пврниками, под перголой, я увидел спину идущей впереди матери. Почему-то я ее не окликнул, а пошел следом, внимательно ее разглядывая.

Она шла медленио, очень медленно, как человек, который, глядя вокруг, наслаждается тем, что вндит, и стараетси продлить это приятное созерцание. На матери был темносиний костюм с очень узким в талии и широким в плечах жакетом и узкой, как футляр, юбкой. Она всегда одевалась так, в прилегающие костюмы и платья, которые делали ее маленькую рахитичную фигурку еще более сухой, прямой и негнущейся. У нее была длинная нераная шея, большая голова, а белокурые тусклые волосы всегда тщательно завиты и уложены. Даже издали я прекрасно видел каждую жемчужину ожерелья на ее шее — так они были велики. Мать любила броские украшения: массивные кольца, которые свободно болтались на ее худых пальцах; огромные браслеты с амулетами и подвесками, которые, казалось, вот-вот соскользнут с тощих запястий; булавки, слишком роскошные для ео иссохшей груди; серьги, чересчур круппые для некрасивых хрищеватых ушей. С чуаством привычной досады я в очередной раз отметил, какими огромными кажутся на ней туфли и сумка, которую она держала под мышкой. Наконец, собравшись с духом, я окликпул ее: «Мама!»

С характерной для нео подозрительностью она розко. словно почувствовав на плече чью-то руку, остановилась и, по поворачиваясь, поворнула на оклик голову. Я увидел худое лицо с запавшими щоками, иссохщим ртом, длинным узким посом и стеклянными голубыми глазами, которые смотроли на моня чороз плочо. Потом опа улыбнулась и, поверпувшись, пошла мно навстрочу, опустав голову и глядя в землю и произносл, словно бы по обпзанности, традиционную фразу: «Добрый донь и ещо сотню таких дней». И хотя она вкладывала в эту фразу самыо искрепнио чувства, я по мог по отметить, что голос ео, как всегда, звучал сухо и резко, как у вороны. Подойдя ко мно, она повторила: «Ещо сотию таких дной, пу поцолуй жо моня», и тогда я наклопился и чмокнул ее в щоку. Уже вдвоем мы пошля по аллое дальшо. Порвым долом мать сказала, указав на випоград, который вилсп по прутьям порголы: «Знаошь, на что я смотрю? На виноград. Взгляни-ка!» Я поднял глаза и увидел, что почти всо гроздья — одни больше, другие меньше — выглядели так, словно кто-то их высосал.

«Это ящерицы», — сказала мать том странно-доверительным, сердечным и в то же время рассудительным тоном, каким она всегда говорила о своих растениях. «Эти аверюшки поднимаются по прутьям наверх и одят мой виноград. И тем самым губят мне нерголу, потому что черные гроздып среди зеленых листьев выглядит замечательно, но если они наполовину высосаны — эффект уже не тот».

Я сказал что-то о потолке одного римского дворца, расписанном Цуккари, где был как раз использован мотив золотой нерголы с черными гроздьями и зелеными листьями, а мать продолжала: «А вчера вдруг, уж не знаю как, в сад пробралась курица. Одна из этих ищерок как раз была наверху, сосала мой виноград и вдруг свалилась епиз. Так вот, она еще не успела долететь до земли, как ее подхватила курица и буквально всосала ее в себя. Буквально — всосала».

«Раз так, — сказал я, — заводи кур. Они будут поедать ящериц, и те, будучи съедены сама, ужо не смогут поедать твой випоград».

«Ради бога! Куры кроме ящериц уничтожат вообще все, что тут есть. Уж лучше поржать ящериц».

Тем временем мы прошли под перголой до самой ограды и прохаживались теперь вдоль парников. Мать то наклонплась, чтобы взять на ладонь, удерживая между двумя пальцами, аепчик цветка, расцветшего этой почью, то буквально замирала с остекленевшим взглядом перед глинпным горшком, из которого свисал до самой земли какой-то толстый мохнатый стебель, так похожий на змею, что казалось страними, что оп не шипит; то в сухой поучительной манере сообщала мне какпе-то сведения из области ботаники, почеринутые ею из бесед с двумя нашими терпеливыми — так как очень хорошо оплачиваемыми — садовниками, к которым она приставала со своими разговорами все времи, пока они работали в саду. Как я уже говорил, любовь к цветам и растениям была единственной поэзией ее жизни, которая во всем остальном была силошной прозой. Разумеется, она любила меня — по-своему, а приумножением нашого состоянии занималась

с неподдельной страстью, но как в делах, так и в отношениях со мной на первое место всогда выступала ее властная, грубая, корыстная и подозрительная натура. В то времп как цветы и прочие растения она любила бескорыстно, с полным самозабвением и безо всякого расчота. Ну а отец, какой любовью она любила отца? И мне тут же, как всегда, пришла в голову мысль, что по крайней мере в одном мы с отцом сходились: нам обоим не хотелось жить рядом с нею. И я вдруг, бозо всякого перехода спросил:

- А кстати, можно узкать, почему отец всегда от тебя убегал?

Я увидел, что опа поморщилась — так она делала всегда, когда я заговаривал с нею об отце: «А почему "кстати"?»

- Неважно, ты ответь на вопрос.

— Твой отец никогда от меня не убегал,— ответила она с холодным достоинством, мгновенье помедлив,— он просто любил путеществовать. Посмотри-ка на эти розы, правда красивые?

Но я продолжал настаивать не допускающим возражений топом:

- Я хочу, чтобы ты рассказала мне об отце. Если он убегал не от тебя, почему ты не путешествовала вместе с ним?
 - Прежде всего, кто-то должен был оставаться в Риме, чтобы блюсти наши интересы.

— Ты хочешь сказать «твои интересы»?

— Интересы нашей семьи. А потом, мне не нравнлось, как он путешествовал. Я люблю путешествовать с удобствами. Поехать куда-нибудь, где хорошие гостиницы, где живут люди, которых я знаю. Например, в Лондон, в Париж, в Вену. А он потащил бы меня куда-нибудь в Афганистан или Боливию. Терпеть не могу неудобств и не выношу экзотических страи.

Но я стоял на своем:

— Почему же он все-таки убегал из дому. или, как ты говоришь, путешествовал? Почему он ке хотел оставаться с тобой?

Потому что он не любил сидеть дома.

- Почему он не любил сидеть дома? Ему что, было скучно?

— Моня это никогда ие интересовало. Знаю только, что у него вдруг портилось настроению, он пореставал разговаривать, не выходил из дому. Кончалось тем, что я сама давала ому деньги и говорила: «Бери и езжай куда хочешь».

- А тебе не кажется, что, осли бы он тобя любил, он бы сидел дома?

— Да, наверное,— отвотила она спокойно своим неприятным каркающим голосом, в котором, казалось, звучало удовлетворению, оттого что произносит он чистую правду.— Но он меня не любил. Ведь это я захотела, чтобы он на мие женился. По своей воле он, вероятно, никогда бы этого не сделал.

— Он был беден, да? А ты богата.

— Да, у ного пе было буквально ни гроша. Он, правда, был из хорошей сомьи. Но это все.

- А ты не думаешь, что для него это был брак по расчету?

 О нет, твой отец но был корыстен. В этом отношонии он был как ты. Он всегда нуждался, по но придавал деньгам пикакого значения.

- Знаешь, почему я расспрашиваю тебя об отцо?

- Честно говоря, нет.

 Мне вдруг пришло в голову, что в одном отношенни мы с ним похожи. Я ведь тоже временами от тебя убегаю.

Я увидел, что она наклонилась и маленькими ножницами, которых я до того не заметил, аккуратно срезала какой-то красный цвоток. Потом распрямилась и спросила: «Как подвигается твоя работа?»

При этом вопросе у менп словно петлей стянуло горло, и я почувствовал, как от меня как будто кругами пошло, заполоняя все вокруг, серое ледяное уныние: так бывает, когда на солнце наползет туча и скроет от него землю. Но я все-таки ответил, хотя голос мой звучал сдавленно: «Я больше не рисую».

Что значит не рисуешь?

Я решил бросить живопись.

Матери пикогда не нравплись мон занятия живописью прежде всего потому, что опа ничего в ней не смыслила, хотя и не любила в этом признаватьси и слышать, как ей говорят об этом; кроме того, она думала — и, может быть, была не так уж неправа, — что живопись отдаллет меня от нее. Однако я лишний раз восуптился ее самообладанием. Другая на ее месте выразила бы по крайней мере удовлетворение. Она же принпла новость совершенно равнодушно. «А почему? — спросила она, мгновенье помедлив, тоном праздного, вежливого, как бы светского любопытства. — Почему ты вдруг решил бросить живопись?»

В этот момент мы уже почти подошли к дому: из кухии доносился запах какого-то замечательного кушанья. Я чувствовал, что мое отчанию не только не уменьшается, но растет, хотя я и твердил себс как только мог яростно: «Сейчас пройдет, сейчас все пройдет». Я тут вдруг в моей памяти всплыло одно воспоминацие: мне пять лет, я я, отчанино

плача, бегу с кровоточащей коленкой вверх по аллее не этого, а другого сада и, добежав, в отчаянии бросаюсь на грудь матери; она же, наклонившись надо мной, говорит своим резким каркающим голосом: «Погоди, не плачь, покажи, что там у тебя; не плачь, разве ты не знаешь, что мужчины не плачут?» Я взглянул на мать, и мне показалось, что впервые за много лет я испытываю к ней чувство любви. И, отвечая на ее вопрос, я сказал: «Да так»,— самое короткое, что мог придумать, потому что стыдился своего отчаяния и не хотел, чтобы она его заметила.

Однако я сразу же понял, что «да так» не помогло, отчаяние не проходило, я чувствовал его кожей и волосами, весь мир вокруг меня как будто увял и лишился цвета. А потом, втянув ноздрями запах того прекрасного кушанья, который донес до меня легкий порыв ветра, я вдруг ощутил страстное желание броситься матери на шею, чтобы она утешила меня в моем горе с живописью, как утешила она меня пятилетнего, когда я разбил коленку. И я вдруг сказал неожиданно для себя самого: «Да, кстати, забыл сказать, я бросаю студию, которая мне теперь не нужна, и возвращаюсь сюда, к тебе». На мгновенье я замолчал, сам пораженный этими словами, которые вовсе не собирался произносить и которые вдруг вырвались сами, сам не знаю как. Потом, поияв, что отступать некуда, с усилием добавил: «Разумеется, если ты по-прежнему этого хочешь».

Несмотря на изумление, в которое повергло меня мое собственное предложение, я не мог еще раз не восхититься умением матери скрывать свои чувства: на своем светском языке она называла это умение — «держать форму». Я сказал ей сейчас то, чего она ожидала долгие годы, может быть, единственное, что могло доставить ей радость, и вот пожалуйста — ни один мускул не дрогнул в ее сухом, словно бы одеревеневшем лице, ничто не отразилось в ее стеклянных глазах. Медленно, голосом, который звучал более чем когда-либо неприятно, с интонацией светской дамы, которая обменивается в гостиной комплиментами с совершенно безразличным ей человеком, она сказала: «Как я могу не хотеть! В этом доме тебя всегда примут с распростертыми объятиями. Когда ты переедешь?»

- Сегодня вечером или завтра утром.

— Тогда лучше завтра утром, у меня будет время приготовить твою комнату.

- Договорились, завтра утром.

После этих слов мы кекоторое время молчали. Я пытался понять, что произошло, уж не было ли моим истинным предназначением сидеть с матерью дома, мириться со скукой, заботиться о нашем фамильном состоянии и быть богатым. По-видимому, и мать тоже уже пережила момент изумлення и радости по поводу неожиданной победы и теперь, судя по напряженному выражению сухого неподвижного лица, думала о том, как получше организовать эту победу, то есть планировала свое и мое будущее.

В конце концов она сказала безо всякого выражения: «Не знаю, нарочно ли ты так подгадал, но в общем это добрый знак. Сегодня твой праздник, и именно сегодня ты решил вернуться домой. Утром я уже говорила, что у меня есть для тебя сюрприз: будем считать, что я сделала его в связи с обоими событиями».

Я спросил без особого любопытства: «Какой сюрприз?»

Пойдем, я тебе его покажу.

 Как бы то ни было, — сказал я раздраженно, — веселиться сегодня можно только по одному из двух поводов: по поводу моего возвращения домой. Вот это и есть праздник.

Почувствовала ли мать сарказм в моих словах? Или не почувствовала? Во всяком случае, она ничего не сказала. Она шла впереди меня, обходя дом по тротуару, пока мы не оказались на подъездной площадке. Там она решительными шагами подошла к красивой спортивной машине, которая стояла рядом с моей, остановилась и положила руку на капот — совсем как те девушки, которые фотографируются на рекламах автомобильных фирм. «Ты как-то сказал, что хотел бы иметь быстроходную машину. Сначала я было подумала купить тебе гоночную, но они такие опасные, и тогда остановилась вот на этой. Агент фирмы сказал, что это последняя модель, выпущенная несколько месяцев назад. Она делает больше двухсот километров в час».

Я медленно подошел, спрашивая себя, сколько же может стоить автомобиль, который мать решила мне подарить: три миллиона, четыре? Машина была иностранной марки, исполнена в варианте «люкс», я знал, что автомобили этого типа стоят чрезвычайно дорого. А мать тем временем продолжала рассказывать мне о машине все тем же отвлеченно-любознательным, с оттенком сердечности, тоном, каким она говорила обычно о цветах своего сада. «Больше всего мне понравилось вот это,— сказала она, указывая на приборную доску, которая была вся черная, и никелированные кнопки и рычаги сверкали на этом черном фоне, как бриллианты на черном бархате ювелирной витрины.— А потом, мне нравится, что она надежна, как пара прочных башмаков ручной работы, предназначенных специально для дальних прогулок. Надежность, которая внушает доверне. Хочешь проехаться? Мы еще можем сделать небольшой круг до завтрака. У нас есть пара минут, но не больше — на сегодня у меня заказано блюдо, которое не должно перестаиваться».

Я пробормотал, тупо глядя на машину: «Если хочешь — пожалуйста».

Да, давай-ка попробуем, ведь надо еще подтвердить агенту, что мы ее покупаем.

Ни слова не говоря, я открыл дверцу и сел за руль. Мать села рядом и, пока я запускал двигатель и включал передачу, продолжала снабжать меня информацией о машипе, говоря все тем же доверительно-поучительным тоном. «У нее откидной верх. Но агент говорит, что зимой сюда не проникает ни малейшего дуновения ветерка. Впрочем, отопление тоже есть. А летом ты можешь ехать с поднятым верхом, так ведь приятнее».

- Да, разумсется, приятнее.

- А цвет тебе нравится? Мне ноказалось, очень красивый, я даже не захотела смотреть другие. Агент сказал, что металлизация эмали процедура дорогостоящая, но зато как элегантно!
 - Но очень непрочно, не удержался я.
 - Если эмаль обдерется, ее можно перекрыть.

Машина взревела, именно так, как ревут гоночные, я развернулся на площадке и быстро понесся по въездной аллее. Автомобиль был мощным и в то же время послушным, я чувствовал, как он буквально уходит из-под меня при малейшем нажатии на акселератор. Мы выехали из ворот, и я тут же вспомнил свое иедавнее ощущение, когда, подъезжая сегодня к вилле, вдруг почувствовал, что возвращаюсь в лоно, которое меня породило. Сейчас я был внутри этого лона, и, видимо, мне уже не суждено было из него выбраться.

Выехав за ворота, я повернул направо и поехал по Аппиевой дороге в сторону Кастелли. Деяь был хмурым и ветреным, и вершина Монте Каво была окружена черным дымящимся кольцом из грозовых туч. Все, мимо чего мы проезжали,— сосны, кипарисы, руины, поля, изгороди — казалось матовым от пыли и обожженным летним зноем. Мать в своей прежней непринужденной манере продолжала время от времени, словно бы исподволь, нахваливать машину, как будто открывая постепенно для себя все новые ее достоинства. Ни слова не говоря, я проехал всю Аппиеву дорогу до развилки, повернул влево, на большой скорости добрался до Новой Аппиевой, развернулся у семафора и двинулся назад.

- Ну, что скажещь? - спросила мать.

 Скажу, что по всем статьям это прекрасиая машина. Впрочем, я мог сказать это при первом взгляде.

 Как это при первом взгляде, если это совсем иовая модель, выпущенная всего месяц иаэад?

- Я имел в виду, что знаю машины этой марки.

Вот ворота, вот кипарисовня аллея, вот подъездная площадка подле виллы. Описав полукруг, я остановился, затянул ручной тормоз, искоторое время посидел молча и исподвижно, потом резко повернулся к матери и сказал: «Спасибо».

Она ответила: «Я купила ее просто потому, что она мне очень поправилась. Если бы

я ие купила ее для тебя, я взяла бы ее себе».

Мне казалось, что она ждет чего-то еще, по крайией мере, если судить по ее лицу — иедовольному и требовательному. И я еще раз сказал: «Нет, правда, она мне очень нравится, спасибо». И, потянувшись, коснулся губами ее сухой, шершавой от пудры щеки. И она, видимо, для того, чтобы ие показывать, как приятна ей моя ласка, сказала: «Агент посоветовал: перед тем как начать ездить — прочесть вот эту инструкцию». Она открыла бардачок и вынула оттуда желтую брошюру. «Дело в том, что этот тип машии требует очень осторожного обращения, оии легко ломаются».

- Хорошо, я прочту.

Имея такую машину, ты мог бы заняться и дальним туризмом. Например, отправиться осенью во Францию или Испанию.

Поеду весной, в этом году я не могу.

Весной тоже хорошо. Тут очень вместительный багажник — на три чемодана.

Вот теперь мать казалась полностью удовлетворенной; она даже поступилась формой, ибо по ней было видно — редчайший случай, — как она довольна. Мы пересекли площадку, и мать указала налево: там, в конце узкой и длинной аллеи, обсаженной лавровыми деревьями, виднелось небольшое красное одноэтажное эдание. «А аон и твоя студия, — сказала она, — там все как было. Никто ни к чему не притрагивался, если хочешь, можешь начать работать хоть завтра».

- Но я же тебе сказал, что бросил живопись.

Она ничего не ответила. Может быть, она показала на студию лишь для того, чтобы заставить меня повторить, что я бросил живопись? Тем временем мы подошли к входной двери. Мать прошла вперед, бросив мне с повелительной интопацией:

- Иди мыть руки, потому что завтрак сейчас подадут.

Она отворила дверь, за которой, я знал, был коридор, ведущий на кухню, и исчезла. А я через другую дверь прошел в ванную. Очутнышись посреди голубых кафельных степ, я сунул намыленные руки под теплую струю, невольно глядя на себя в зеркало. В этот момент позади меня приоткрылась дверь и я увидел в зеркале голову с то ли слишком короткими, то ли плохо подстриженными волосами: это была горничная, которая встретила иеня, когда я приехал.

Не оборачивансь, продолжая глядеть а зеркало, я спросил: «Как вас зовут?»

- Рита.
- Я вас пикогда не видел.
- Я адесь всего нолелю.

Я наклонился и с силой намылил лицо, хотя в этом но было никакой нужды: просто мне кззалось, что я стал грязным от тоскливых мыслей. Смывая мыло, я услышал мягкий голос Риты: «Полотенцо вот тут» — и покивал в знак того, что ношпл. Когда я енова ноднял лицо, девушки уже не было. Я вышел из ванной и прошел через прихожую в гостиную, вернее, в анфиладу из четырех-пяти маленьких гостиных, которые занимали весь первый этаж.

Эти парадные компаты для гостей, которые сообщались друг с другом посредством арок и дверей боз створок, образуя как бы одно целое, были обставлены совершение безтико, с той нышной и скучной безликостью, которая всогда отличает мебель, куплениую исключительно из-за ее дорогой цены. Вы могли быть уверены, что не найдете тут ни одной вещи, которая была бы не из самых дорогих или, но крайней мере, не принадлежала бы к натегорин самых дорогих. У матери не было ни вкуса, ни культуры, ни любопытства, ни любви к прекрасному; критерием выбора при нокупке для нее всегда служила цена: чем выше она была, тем несомпениее для нее было, что продавлемая вещь обладает свойствами красоты, утонченности и оригпиальности, которыю другим снособом она просто не в состоянии была бы распознать. Разумоется, мать не сорила деньгами, напротив, она была очень бережлива, и сколько раз приходилось мне слышать, как восклицает она в магазине: «Нет, нет, это слишком дорого, не стоит об этом и говорить». Однако я знал, что, говоря это, она имеет в виду лишь собстаенную покупательскую способность, а вовсе не реальную ценность вещи, в которой она не понимала решительно пичего и которая, хотя и была ей не по карману, оставалась желанной именно потому, что стоила так дорого.

Благодаря такому криторию отбора в доме постепенно собралась коллекции мебели, совершенно бесстильной и не создающей никакого уюта, но добротной и внушительной, потому что помимо денежной стоимости мать огромное значение придавала прочности аещи и ео размерам, то ость тем двум качествам, которыо она способна была разглядеть и оценить. Глубокие диваны, огромные кресла, гигантские абажуры, монументальные столы, тяжелыо шторы, массианыо безделушки — всо а этих гостиных наводило на мысль о дорогостоящей и добротной роскоши. Впечатленяе усиливалось снянием натертого воском паркета, нолированных доровянных поверхностей, до блеска начищенной модной и соребриной утвари — чистота тожо была одной из характерных примет этого дома. И наконец, новсюду были аваы, а которых стопли букеты, аыглидящие всегда почему-то немного похоронно: цвоты для них мать каждоо утро сама срозалв а оранжерее.

Я заметил, что смотрю на всо это но как обычно, рассеянно и разподушно; мно как будто хотелось понять, какое внечатлению производят на меня все эти венци теперь, когда я решил вернуться. И обнаружил, что испытываю чувство какого-то извращонного постыдного удовлотворония, как будто уступил давному искушенню, продолжающему быть для моня отвратительным дажо посло того, как я ему поддался. Я подошел к старинному зеркалу в тяжелой раме, которое висоло над консолью в глубино гостиной, изглянул в него я, неожиданно для себя, громко сказал: «Кретин» — то ли с простью, то ли злорадно. И в ту же самую минуту услышал рядом какой-то шорох.

Я обернулся и увидел Риту, которая стояла около сервировочного столика с баром и смотрела на меня вопросительным взглядом сквозь толстые стекла очков в черной оправе. Я спросил себя, слышала ли она, как я обругал себя вслух, но по ее бледному хмурому лицу пичего нельзя было поилть. Мгновенье помолчав, она сказала: «Синьора сейчас спустится. Пока она просила предложить вам аперитив. Что вы желаете?»

Я спова спроскл себя, не было ли в ее голосе иронии, которую я не мог прочесть на се лице. Но нет, голос был серьеаный, по крайней мере, притворплся серьезным. Я сказал, что хотел бы виски, и она, взяв бутылку, очонь точными движениями налила пемного виски в стакаи, разбавила водой, положила кубик льда и протянула мне, говорп: «Чтонибудь еще?»

Я ответил, что ничего больше по надо, и увидел, как она уходит, ступая в своих подбитых фетром туфлях совершенно бесшумно. Держа в руке стакан, я сел в одно из огромных кресел, зажег сигарету и принялси размышлять. Почему я обругал себи тогда, неред зеркалом? Очевидно, решил я в концо концов, самое онасное в этой комедки блудного сына, которую я разыгрывал перед самим собой, было то, что временами, именно тогда, когла я этого совсем не хотел, меня искушало желание устроять какое-нябудь скандальное безобразие. Иными словами, и был блудный сын особого рода, сын, который, падая в объптии старика отца, испытывают желание дать ему хорошего пинка, а съев праздничный обед, бежит в сад, чтобы его выблевать. Я не успел размить это интересное предположение, нотому что вошла мать. «Рита дала тебо выпять?»

- Да, спасибо. По кто она такая, эта Рита?
- Повенькап, с прекрасными рекомендациями; она служила раньше у американцев, по они уехали. Вообще-то у пих она была чем-то вроде гувернантки, но тут детей нет, 102

и я сказала: «Вот что, милая, мне придется разжаловать вас в горничные. Решайто сами, подходит вам это или нет». Она, разумеется, согласилась: еще бы, при нынешней-то безработяце!

Мать продолжала рассказывать о Рите и тогда, когда мы уже вошли а столовую, где сама Рита стояла возле буфета в нитяных перчатках, кружевной наколке и малепьком овальном передничке. Я хотел было сказать матери: «Тише, ведь Рита здесь», но посмотрел па угрюмое лицо в очках и внезапно совершенно точно попял, что она видела меня в тот момент, когда я, глидя в зеркало, обзывал себя кретином. Мне ноказалось, что в глубине души мне не было это неприятно, как будто с той минуты мы с Ритой вступпли в отношении некоего тайного сообщничества. Я сел, села и мать, и, сев, сказала Рите: «Рата, синьор Дино — мой сын и с завтрашнего дня будет жить здесь. Не забудьте, если к телефону позовут синьора по имени Дино, то это мой сын».

Мы сядели один протиа другого за маленьким круглым столом а небольшой, но очень высокой коммате, положив руки на кружевную флорентийскую скатерть, на которой лежали столовые приборы из английского серебра и стояли тарелки из немецкого фарфора и французские хрустальные бокялы. За спиной матери поблескивало в полутьме резное светлое дерено голландского буфета, а позади меня, я знал, стоял аенецианский буфет. Итальянское окно, выходившее в сад, было открыто, по шторы плотно задернуты, нотому что мать не любила, как она говорила, чтобы садовники считали куски у нее во рту. Мать сама налила мне вина из хрустального, отделанного серебром графина, потом сказала Рите, что можно подавать. Девушка азяла с буфета поднос с фарфоровым сотейником и поднесла его матери. Та сухо сказала: «Подай сначала синьору Дино».

- Но почему? Сначала тебе!
- Нет, тебе.
- Рита, подайте сначала синьоре.
- Но ведь я почти ничего не ем, сказала мать и кончиком ложки положила себе па тарелку какой-то крохотный кусочек. Рита подошла ко мпе, и тогда я попял, чем это так вкусно пахло в саду из кухни: макаронная запеканка! Мать сказала: «Я знаю, что ты ее любишь, и потому приказала приготовить ое сегодня споцивльно для тебя».
- Прокрасно! Прекрасно! воскликнул я с мазохистским удовлотаоропием, наваляавя себо в тарелку огромную порцию запеканки. Последноо аремя я ел совсем мало, а в особенности избогал блюд такого рода. И потому но мог не подумать о том, что комедип блудного сына таким образом продолжается. Я расхохотался. Мать забеспокоилась: «Чого ты смесшься?»

Я ответил: «Вспомнил, что читал гдо-то забавную пародию на историю блудного сына, помнишь ту, еаангольскую?»

- Какую пародию?

— В евангольской истории блудный сын возвращается домой, отец принимает его со всевозможными почестями и закалывает в чость него упитанного тольца. А а пародии упитанный телец, знающий о своем предпазначении, в страхе убегает, как только блудный сын возвращается домой. Телец заставляет собя подождать, потом наконец возвращается, и тогда на радостях, желая отпраздновать возвращение упитанного тельца, отоц закалывает блудного сына и предлагает его тольцу.

Я знал, что мать не верит ни ао что, кроме денег. Но, как я уже говорил, она верила в то, что называла «формой», а форма, кроме всего прочего, полуждала ее посещать церковь и, в общем, уважать все, что было связано с религией. Она сделала каменное лицо, потом сказала особенно неприятным голосом: «Ты же знаошь, что мне не нравится, когда ты смеешься над святынями».

— Да что ты, пи над какими святынями я не смеюсь. Но что такое мое возвращение, как не принесение в жертву блудного сына, которым являюсь я, упитанному тельцу, которым является здесь все остальное? — И я повел рукою вокруг, указывая на богатое убранство комнаты.

Не поняла.

Как ни странно, у матери было своеобразное чувство юмора, правда, несколько тягостное и прямолипейное. Потому она тут же, не улыбнувшись, добавила: «Во всяком случае, могу сказать, что телец будет сразу за этой горой макарон, вот только не знаю, достаточно ли упитапный».

Я пичего не ответил и продолжал пожирать свои макароны с удовольствием, к которому применцивалось раздражение, потому что я на самом деле был голоден и запеканка была вкусная, но при этом я элился на самого себя за то, что она мне правится. Потом я подпял глаза на мать и увидел, что она смотрит на меня неодобрительно. «Надо лучше прожевывать, — сказала она, — пища начинает перевариваться еще во рту».

- Какая гадосты! Кто тебе это сказал?
- Все врачи это говорят.

Ее стеклянные голубые невыразительные глаза смотрели на меня поверх унизанных перстипми, скрещенных под подбородком рук — взглядом, трудно поддающимся определенню. Я поспешио очистил свою тарелку, и мать тут же холодно сказала Рите своим

произительным голосом: «Положи синьору Дино ещо». Рита, которая все это время стояла, прислонившись спиной к буфету позади матери, спова взяла фарфоровый сотейник и поднесла его мне. Я взял ложку, чтобы положить себе макароны, оставив левую руку лежать там, где она была, на краю стола. И вдруг почувствовал, как рука Риты, которой она придерживала поднос, легонько пожала мою, легонько, но так, что трудно было поверить в случайность этого прикосиовения. Я не стал над этим особо раздумывать и снова принялся за еду. Потом спросил с отсутствующим видом:

- Ну, а чем ты теперь занимаешься?

- Что ты имеешь в виду?

- То, что и сказал. Чем ты занимаещься?

- О, я живу точно так, как и раиьше, ты же прекрасно все знаешь!

- Да, ио за все те годы, что я жил не дома, я ни разу не спросил тебя, чем ты занимаешься. А раз уж я возвращаюсь, мне интересно это знать. Может быть, у тебя все переменилось.
- Я не люблю ничего менять. Мне нравится сознавать, что я живу сейчас точно твк же, как жила десять лет назад и буду жить десять лет спустя.
- Но я-то ведь не знаю, как ты живешь. Ну, скажем так,— во сколько ты просыпаешься по утрам?
 - В восемь.
 - Так рано? Но я часто звоню тебе в девять, и мне говорят: синьора еще спит.
 - Да, бывает, я сплю и подольше, когда поздно ложусь.
 - А проснувшись, что ты делаешь? Завтракаешь?

- Ну разумеется.

- В спальне, в столовой?
- В спальне.
- В постели или за столом?
- За столом.
- Что ты ешь на завтрак?
- Всегда одно и то же: тосты и апельсиновый сок.
- А после завтрака что ты делаешь?
- Иду в ванную комнату.

Мать отвечала на мои вопросы слегка раздраженно, но с достоинством и не без удивлепия — как будто я подвергал сомнению то, что по утрам она, как все люди, завтракает и моется.

- Ты принимаешь ванну или душ?
- Ванну.
- Ты моешься сама или тебе помогает горничная?
- Горничная доводит воду до нужной температуры, кладет ароматические соли, а потом, когда все готово, помогает мне мыть те части тела, которые мне самой не достать.
 - А потом?
 - А потом я выхожу из ванны, вытираюсь и одеваюсь.
 - Гориичная помогает тебе одеваться?
 - Она помогает мне натянуть чулки. Одеваться я люблю сама.
 - А ты разговариваешь с горничной, когда моешься и одеваешься?

Мать вдруг, видимо невольно, рассмеялась — нервно и раздраженно: «Знаешь, очень страниые ты задаешь вопросы. Я могла бы и не отвечать. Моя интимная жизпь никого не касается».

- Разве я спрашиваю тебя, о чем ты думаешь? Я спрашиваю только о том, что ты делаешь. Постарайся меня понять. Ведь я возвращаюсь домой после десятилетнего отсутствия. Естественно, что мне хочется снова тут освоиться. Итак, ты разговариваешь с горничной?
 - Ну разумеется, разговариваю, она же не автомат, она живой человек.
 - А когда ты надеваешь драгоценности до платья или после?
 - В последнюю очередь.
 - А в каком порядке, то есть что сиачала, а что потом?
- Знаешь, кого ты мне напоминаешь? Полицейского из детективного романа, когда он начинает расследование.
 - Но мне и в самом деле нужно кое-что расследовать.
 - И что же?
- Сам пока не знаю. Знаю только, что нужно. Так в каком порядке ты надеваешь драгоценности?
 - Сначала кольца и браслеты, потом ожерелье, потом серьги. Ты удовлетворен?
 - А когда ты уже полностью одета, что ты делаешь?
 - Спускаюсь вниз и отдаю распоряжения кухарке.
 - То есть пишешь меню для обеда и ужина?
 - Да.
 - А потом?

— Иду в сад, парезаю цветы, приношу их домой, расставляю по вазам. Или гуляю и разговариваю с садовниками. В общем, занимаюсь садом.

А после сада что делаешь?

Она взглянула на меня, потом ответила с оттенком торжественности в голосе: «Иду в кабинет и начинаю заниматься делами».

- И это каждый день?
- Да, каждый день, всегда находится какое-то дело.
- И что копкретно ты делаешь?
- Ну что... пишу, принимаю посетителей.
- То есть к тебе приходят адвокаты, сборщики налогов, биржевые маклеры, доверенные лица, да?

Внезапно опа слова рассмеялась, но на этот раз каким-то довольным, почти чувственным смехом — верный признак того, что я попал в самую точку: «Вероятно, моя работа кажется тебе ерундой. Что и говорить, это ие живопись, но все-таки довольно тяжелый труд, который отнимает у меня всю первую половину дня, а иногда и вторую».

- Но эта работа тебе нравится?
- Да, но кногда у меня даже начипает болеть голова, вот тут, в затылке.

Так не нужно так надрываться.

Мать снова некоторое время смотрела на меня каким-то сочувственным взглядом, потом сказала своим режущим слух, каркающим голосом: «Я делаю это для тебя, я хочу, чтобы твое состояние не только сохранялось, но и росло».

- Мое состояние? Это твое состояние!
- Когда я умру, опо станет твоим.
- Ты еще совсем молода, я уверен, что умру раньше. От скуки. Ну ладно, скажем так: «наше состояние». Так как обстоит дело с нашям состоянием? Каково оно?
- Ну, знаешь, ты действительно ведешь себя очень странно. С состоянием все в порядке благодаря моим стараниям. Если бы не я, сейчас у пас не было бы ни гроша.

— Так что, мы очень богаты?

На этот вопрос мать не ответила, ограничившись тем, что сделала каменное лицо с совсем уже стеклянным взглядом. Потом сказала: «Рита, что вы там стоите столбом? Почему бы вам не взглянуть, готово ли второе?» Я увидел, как Рита вздрогнула, словно пробуждансь от сна, в вышла. Мать сразу же сказала: «Послушай, ведь я же всегда тебя просила не говорить о деньгах при слугах».

— Почему? Я бы еще понял, если бы мы говорили о чем-то неприличном. Но о день-

гах? Разве деньги — это неприлично?

Мать, опустив глаза, покачала головой, как бы не желая даже опровергать мои доводы: «Они бедны, и не следует хвастаться богатством перед тем, кто беден».

— Да брось, ты просто никогда не хочешь говорить о деньгах, даже когда мы одни. У тебя сразу делается такое лицо, будто ты шокирована: можно подумать, что речь идет не о деньгах, а о сексуальных проблемах!

И снова покачивание головой: «Нет, мне как раз нравится говорить о депьгах, но всему есть время и место; раз ты возвращаешься домой, нам даже надо о них поговорить. После завтрака пойдем ко мпе в кабипет, и я представлю всю интересующую тебя информацию».

В этот момент вошла Рита, неся длинный овальный подпос, на котором среди пучков зелени и овощей лежал разрезанный на множество кусков тот самый телец, о котором говорила мать. И я тут же, как ни в чем не бывало, спросил, словно побуждаемый каким-то элым демоном: «И все-таки ты мие не ответила: мы очень богаты или нет?»

На этот раз она ограничилась просто молчанием, но я почувствовал, что под столом ее нога ищет мою, чтобы наступить на нее. Затем она сказала Рите: «Обслужи синьора Дино, я мяса не ем».

Эта нога, наступившая на мою, вызвала во мне буквально взрыв отчаяния. Мать наступала мне на ногу, как делают обычно любовники, разница была только в том, что мы были не любовники, а мать с сыном, и связывала нас не любовь, а деньги. И я не мог отказаться от этой связи, потому что это означало бы отвергнуть кровные узы, которые за ними стояли. Итак, поделать было ничего нельзя, хочешь не хочешь, а я был богат, и опровергать это было то же самое, что признавать.

Между тем мое отчанние вылилось в совершенно неожиданные поступки. Когда, протягивая мне поднос с телятиной, Рита склонила надо мной свою цветущую грудь и веснущчатое непроницаемое лицо с красивым бледным ртом цвета герани, я, польауясь подносом как прикрытием, обхватил ее запястье и стал подниматься по руке все выше и выше. При этом другой рукой я с помощью вилки накладывал себе еду, а когда кончил, отложил вилку и снова холодно возобновил свой допрос: «Так богаты мы или нет?» И еще раз почувствовал на своей ноге ногу матери. Тогда я сказал: «Рита, пожалуйста, можно вас на минуточку?»

Рита послушно вернулась и протянула мне поднос второй раз. Я снова взял в руки вилку и принялся выбирать на подносе куски мяса и зелень, а другую в это время опустил

под стол и стал подниматься по ноге Ряты все выше я выше, до самого бедра. Сквозь пышные складки юбки моя рука чувствовала, как подергиваются ее мышцы — совсем как у лошади, которую гладит хозяин. При этом ничто не отразилось иа ее лице, в котором действительно, это мне не показалось, было что-то лицемериое. В копце концов Рита отошла, а я, поймав ее быстрый взгляд, устанавливавший между нвми отношения тайного сообщничества, вынужден был констатировать, что прямо сейчас, еще до переезда, я оказался в положении несравненно худшем, чем десять лет назад: в ту пору, что бы ни случилось, я бы все-таки не стал лапать собственную горничиую.

Мать сняла ногу с моего ботинка в тот самый миг, когда я оторвал руку от Ритиного бедра: это совпадение было странным, можно было подумать, что мать действовала со мной заодно. Я же сразу возобиовил прерванный разговор: «Итак, ты работаешь до часу

и позже каждый день?»

Каждый день, кроме воскресенья.

- А в воскресенье что ты делаешь?

- Хожу к мессе.

- В какую церковь?
- Святого Себастьяна.
- Что ты делаешь в церкви?
- То же, что и все, слушаю мессу.
- А ты когда-нибудь исповедуешься?
- Разумеется, исповедуюсь. И причащаюсь.
- И священник отпускает тебе грехи?
- Мне пикогда не приходилось исповедоваться в слишком тяжких грехах,— сказала мать с некоторым даже кокетством.— Знаешь, что говорит мне иногда дон Луиджи? «Синьора, вы кончаете там, где другие только начинают». Да и какио могут быть грехи в мои годы?

И она посмотрела на моня, как бы говоря: я давно уже отказалась от того едипственного, что могло заставить меня согрешить.

После небольшой паузы я возобновил разговор: «Вернемся к твоему расписанию. Итак, в будни ты по утрам работаешь, ну, а потом?»

- А потом обедаю.
- Одна?
- Да, утром я всогда ем одна. Лишь изредка приглашаю адвоката; в тех случаях, когда мы но успеваем кончить какое-нибудь доло и должны продолжать его во второй половине дня.
 - А кто этот адвокат? Де Сантис?
 - Да, по-прежиему ои.
 - Ну, а после завтрака?
 - Посло завтрака я гуляю в саду.
 - А потом?
 - Иду отдыхать.
 - То есть спать?
- Нет, я ие сплю, просто сиимаю туфли и, ио раздеваясь, ложусь в постель. Но ие сплю: лежу, думаю.
 - О чем?

И я снова увидел, как она рассмеялась, смущенно в нервно, словно девушка, которую заставляют говорить о любви. «Ну, когда как. Скажем, сейчас, в последние дни, знаешь, о чем я думала?»

- О чем?
- Я думала о доме, который продается на набережной Фламинио. Редкостная оказия одно местоположение чего стоит. К сожалению, сейчас я не могу себе этого позволить, но все равно об этом думаю. А ниогда я думаю о вещах, которые могу себе позволить, как, например, вот это. Она протянула руку и показала мие кольцо с огромным изумрудом, окруженным бриллиантами. Я долго думала, взвешивала все «за» и «против» и в конце концов решилась и купила.
 - Ну, а когда отдохнешь, что ты делаешь?
 - Да что же это, в конце концов, такое, допрос, что ли?
 - Я тебо уже говорил, что хочу войти в курс твоей жизни.

Очень неохотие она сказала: «Ну мало ли что, делаю, например, визиты».

- Кому?
- Когда как: бывает, надо пойти на какой-нибудь прием или коктейль, а кроме того, у меня есть подруги.
 - И много у тебя подруг?
- Почти все, с кем я дружила в пансионе, я и сейчас с ними дружу, сказала мать с неожиданно задумчивым видом. Не знаю почему, но после пансиона у меня не появилось ни одной новой подруги.
 - И что вы делаете?

- А что ты хочень, чтобы мы делали? Что обычно делают дамы, собравнись вместе? Болтаем, ньем чай или мартини, играем.
 - Во что играсте?
- Какой ты падоедливый! Ну в бридж, или в канасту, или в покер. Иногда устранваем соревнования по бриджу или канасте.
 - А. да, помию, благотворительные состязания.
 - В последний раз мы устранвали их в пользу потерявших зрение на войне.
 - На аойне? В каком-то смысле мы все потеряли зрепие на войне, ты не находишь?
 - Что-то я тебя не поняла. Но если это шутка, то, по-моему, весьма сомнительная.
 - Ну, певажно. А к портнихам ты ходишь?
- Раз уж я не хожу голая, значит, у меня должна быть портипха. Кстати, хорошо, что ты напоминя, иначе бы я забыла: завтра показ мод у Фанти.
 - А, Фанти! Все та же Фанти. Неужели она еще жива?
- Бедияжка, почему она должна умереть? Она не только жива, она прекрасно тебя помнит, помнит, как ребенком ты приходил к ней со мной. Она всегда спрашивает, что ты делаешь, как твое здоровье, надеется, что, когда ты женишься, ты приведешь к ней свою жену.
 - А вечерами что ты делаешь?
- Ужинаю, чаще всего одна. Иногда даю обеды человек на шесть на восемь, а после обеда приходят сще и другие. А то кожу в театр или кино с друзьями, все теми же. Но чаще всего смотрю телевизор.
 - А. так ты купила телевизор, а я и не знал.
- Разве я тебе не говорила? Я поставила его в одной из гостиных. Иногда приходят соседи, и мы смотрим вместе. А иногда я смотрю одна. Мне правится телевидение, оно лучше кино: не надо выходить из дому, можно сидеть в удобном кресле и при этом что-то делать. Представь себе, я сновз изчала вязать после стольких лет. Вяжу сейчас свитер.
 - А после телевизора что ты делаешь?
 - А что можно делать в это вромя?
 - Ну, к примору, читать.
 - Да, ворно, я и читаю, чтобы уснуть. Сейчас, например, читаю интересный роман.
 - А кто автор?
 - Но помию, роман амориканский. Из жизни маленького провпициального городка.
 - Как пазываются?

Увидев ноуверонность на ее лице, я поспошно добавил: «Я забыл, что ты никогда в жизни не могла запомнить ни автора, ни иззвания книги, которую читаешь. Правда?»

Мой тон, когда я это говорил, был почти ласковым, а кромо того, ей должен был доставить удовольствие тот факт, что я хоть что-то о иой помнил. Она смущонно засмеялась: «Нет, иеправда. Но только некоторые имена очень трудно запомнить. А потом, для меня главное — это убить время. Кто автор, мно все равно».

- Ты права. А перед спом ты, как и раньше, пьешь настой ромашки?
- Неужелв ты и это помнишь? Да, пью ромашку.
- Тебе приносят его в спальню? Ставят на тумбочку?
- Да, на тумбочку.

Впезанию я замолчал, почувстаював, что по горло сыт всей этой белибердой. Я подумал, что мог бы говорить с матерью часами, но так ничего и не добиться: и ее жизнь, и она сама были настолько лишены всякого содержания, что сделались замкнутой в себе тайной — нелепой и все-таки непостижимой. Потом мать сказала: «Ну что, допрос окопчен? Или тебе еще надо знать, какие мне снятся сны?»

Я совершенно удовлетвореп.

Спова пауза. Потом мать неожиданно сказала: «Твоя мать очень одинокая женщина, у нее нет никого, кроме тебя, и она счастлива, что ты возврвщаещься».

Я понял, как она взволнована, когда услышал, что она говорит о себе в третьем лице. Мне хотелось сказать ей что-нибудь ласковое, но я не сумел. К счастью, Рита в этот момент поднесла мне поднос с какими-то очень изысканными сладостями, и я сделал вид, что восхищен:

- Какой прекрасный десерт!
- Это твой любимый.

Я положил порцию себе на тарелку, отметив при этом, что Рита теперь держится от стола на некотором расстоянии. Я не поиял, делала ли она это для того, чтобы продемоистрировать мие свое недовольство, или, наоборот, то было своеобразное кокетство, которое только притворялось неудовольствяем. Мать, которыя к сладкому даже не притропулась, не отрываясь смотрела на меня, покуда я ел. Под конец она сделала Рите какой-то знак, который я не поиял. Девушка вышла и через некоторое время появилась снова с ведерком, из которого торчала бутылка шампанского.

А сейчас мы выньем бокал шампанского за твое эпоровье.

Я увидел, как Рита движением, свидетельствовавшим о большом опыте, вынула из

ведерка бутылку, содрала с горлышка серебряную фольгу и извлекла пробку без вякого шума и пены. Разлив шампанское по бокалам, она поспешно вышла, словно не желала парушать своим присутствием праздничный ритуал.

И вот я стою с бокалом в руке напротиа матери, которап, тоже встав, протягивает мпе свой. Не зная, что сказать, я произнес традиционное: «Еще сотпю таких дней».

Мать засмеялась: «Но вто же я должна сказать. Ты забыл, что это твой праздник, а не мой».

И тут я не выдержал: «О нет, праздник сегодня как раз у тебя: я бросил живопись, я возвращаюсь домой, к тебе. Так что: "еще сотню таких дпей"».

И чокнулся с матерью, которая на этот раз сделала вид, что не услышала моего тоста. Потом, уже отпив и поставив бокал на стол, она сказала: «Недостаточно заморожено».

- Почему? Мне показалось, шампанское замечательное.

- Да, но оно мало полежало во льду.

Она снова взяла бокал и выпила его до дна. Потом нажала кнопку звонка, вделанного в стол. Вновь появилась Рита. Мать сделала ей замечанне по поводу недостаточно замороженного шампанского, хотя, по-видимому, не ожидала никакого ответа. Потом сказала, что кофе мы будем пить в кабинете. Трапеза была окончена.

Мы вышли из столовой и направились в кабинет, небольшую комнату, которая находилась в одном из угловых помещений первого зтажа. Я заходил в эту компату не очень охотно, больше того, я ее избегал, потому что частенько думал о том, что это храм, принадлежащий религии, которую я меньше всего мог считать своей. Именно в этой комнате, сидя в кожаном кресле, обитом медными гвоздиками, перед большим барочным дубовым столом, спиной к книжным шкафам, где было мало книг и много гроссбухов, мать в одиночестве или в обществе доверенных людей совершала столь волнующие ее обряды заключения сделок. И в тот день я тоже последовал за ней неохотно и уже в кабинете, не удержавшись, сказал: «А почему здесь, почему бы нам не пройти в гостиную?»

Казалось, мать не расслышала моего вопроса. Она села за стол и знаком попросила меня занять место напротив, в кресле, предназначенном для ее собеседника во время деловых переговоров. Потом пошарила в сумке, вынула ключ, слегка откинувшись отперла и выдвинула пщик письменного стола и извлекла оттуда узкую длинную черную тетрадь, поразившую меня своим видом: было в ней что-то, напоминавшее о религиозных церемонилх. Я тут же вспомнил, что это была та самап тетрадь, где в идеальном порядке было заприходовано все принадлежавшее нам имущество. Мать задвинула ящик, положила тетрадь перед собой, пристально взглянула на меня глазами, сделавшимися еще более стеклянными, чем обычно, потом сказала: «Ты только что спрашиввл, богаты мы или нет, но нри горничной я не хотела говорить. Однако я все равно довольна, что ты меня об этом спросил. Сейчас я представлю тебе все сведения, какие ты только пожелаешь, потому что, — добавила она неожиданно деловым голосом, — самым большим моим желанием как раз всегда и было, чтобы ты помогал мне в управлении делами, чтобы ты, немного попрактиковавшись, кое в чем меня заменил. Тем более, что ты бросил живопись и, следовательно, у тебя теперь будет время».

При последних словах я вздрогнул: с каким спокойствием, с каким удовлетворением мать произкесла «ты бросил живопись»; она совершенно не понимала, что это было все равно что сказать: «ты бросил жить». И уже без прежней задиристости, даже сделав над собой некоторое усилие, я сказал: «Ну так и что, богаты мы или нет?»

Некоторое время она молчала, глядя на меня со странной торжественностью. Потом наклонилась ко мне и понизила голос: «Мы не просто богаты, Дино, мы очень богаты. Благодаря твосй матери ты сегодня очень богатый человек».

- Что значит «очень богатый»?

- «Очень богатый» значит нечто большее, чем просто богатый.
- Но печто меньшее, чем богатейший?
- Да, нечто меньшее.

Мать говорила сейчас с некоторой рассеянностью. Нацепив монашеского вида очки в золотой оправе, она листала страницы своей черной тетради. «Впрочем, только цифры дадут тебе понять... итак... где же это... а, вот оно, так вот, только цифры дадут тебе понять, что значит "очень богатый"».

Я понял, что она собирается предоставить мне обещанную информацию, и внезапно почувствовал неудержимое отвращение. «Нет, бога ради, не надо, — торопливо воскликнул я, — я не хочу знать, что такое "очень богатый". Я верю тебе на слово».

Мать поднила глаза от тетради, сняла очки и посмотрела на меня. «Но ты должен это знать, котя бы дли того, чтобы, как я уже говорила, помогать мне вести дела».

Я чуть было не заорал: «Да не желаю я тебе помогать!», но тут, к счастью, вошла Рита, неся на подпосе кофе. При виде Риты мать снова замолчала — как священник при виде неверующего. Резко захлопнув тетрадь, она сказала: «Разливайте кофе, Рита». И пока Рита, стоя около меня, наливала в чашечки кофе, я все думал, как мне избежать этого кошмара, то есть объяснения того, что значит «очень богатый». Рита снова стояла ко мне очень близко, почти касаясь ногой моего колеца. Потом, повернувшись ко мне, она протя-

нула чашку. Рука у меня непроизвольно дерпулась, чашка опрокинулась на блюдечко, и кофе пролился прямо на мои светлые брюки, ногам сразу стало горячо и мокро. «Черт возьми,— воскликнул я, притворяпсь огорченным,— мои брюки!»

 Рита, неужели нельзя поосторожнее, — упрекнула ее мать, не успевшая понять, что случилось.

случилось

Я поторопился вмешаться: «Рита тут ни при чем, это я сам. Но так или иначе, на брюках теперь останется пятно».

— Ничего страшного,— сказала Рита,— кофе был без сахара, я сейчас принесу воды сототру.

Это предложение не понравилось матери, которая тут же властно возразила своим неприятным голосом: «Ни в коем случае. Пятно не сводят прямо на человеке. Синьор Дино снимет брюки, вы их выстираете и отгладите».

Я ваглянул на Риту, которая стояла около стола с лицом, выражавшим смиренное послушание; она сказала совершенно серьезно: «Синьор Дино снимет брюки прямо сейчас или мне подождать?»

 От кофе может остаться пятно, — сказала мать, — будет лучше, Дино, если ты снимещь их сразу.

- Но не могу же я снимать их прямо здесь, посреди гостиной?

Я увидел, что Рита отвернулась, может быть, для того, чтобы скрыть улыбку. Мать сказала: «Так поди в свою комнату, там сними брюки и отдай их Рите. Потом надень халат — он ансит в шкафу — и спускайся вниз. Тем временем я приготовлю документы, которые мне пужно тебе показать».

Так мы и вышли, Рита и я, она впереди, почти бегом, успев бросить мне на ходу: «Знаете, я пойду первая, комната все время стояла запертая, я, по крайней мере, окна открою», а я за ней, с изумлением думая о том, что все разворачивается по неписаным, но непреодолимым законам классических историй со служанками. Не кто иной, как мать создает для сына повод уединиться с горпичной, сып с горпичной направляются к постели, в которую вот-вот лягут вместе, притворяясь друг перед другом, что приняли всерьез подсказанный матерью предлог, — горничная, возбужденная своим честолюбивым послушанием, сып, возбужденный своим упижением господина. Размышляя надо всем этим, я поднялся на третий этаж и направился к компате, в которую передо мной вощла Рита.

Войдя, я увидел, что Рита, свесившись из окна, распахивала жалюзи; дождавшись, когда она повернула ко мне раскрасневшееся от ходьбы, а может быть, и от возбуждения

лицо, я сухо сказал: «Подождите в коридоре, я вас позову».

Когда она вышла, я медленно подошел к окну и стал там спиной к двери, отрешенно глядя на раскинувшийся внизу сад. Я не люблю вспоминать прошлое, и меня не волиуют места, где я когда-то бывал, но все же это был дель, когда я решил верпуться, притом вернуться после десятилетнего отсутствия, и потому не удержался от того, чтобы не сравнить пынешнее свое душевное состояние с тем, десятилетней давности. Так вот, увидев сначала ампирную мебель гостиной, а теперь геометрическую планировку сада, все оставшееся точно таким, каким было, я заметил, что испытываю какое-то унылое облегчение при мысли, что и я тоже нисколько не изменился. Да-да, нисколько не изменился: возвращаясь к матери, я возвращался к старым своим привычкам, и может, постепенно снова начну рисовать в той самой студии в глубине парка, которая тоже осталась такой же, как и была. Кто знает, может быть, так же, как после переезда на улицу Маргутта, когда я, пусть ненадолго, поверил в свои силы, я и теперь, после переезда к матери, снова на какоето время поддамся иллюзии, будто могу писать картины; в сущности, жизнь и состоит из постоянных перемен точек зрения, она - как неудобная постель, где нельзя долго лежать на одном боку. Тут я взглянул на постель и, увидев, что на ней нет ни одеяла, ни простыней, а матрас скатан, как обычно делается это в нежилых комнатах, внезапно понял, что не так уж это хорошо, как мне казалось, - то, что ничего за это время не изменилось ни вокруг, ни во мне самом.

Да, ничего не изменилось, это правда, но именно потому мне снова угрожало отчаяние, то самое, которое в свое время погнало меня из дому. Ничего не изменилось, но, так как время даром не проходит, все стало немного хуже, хотя и осталось по существу таким же. Скажем, вот сейчас: покуда мать ждала меня в кабинете, чтобы с документами в руках объяснить мне, что значит быть богатым, в коридоре меня ждала Рита — чтобы я ее позвал и повалил в постель; две эти вещи только кажутся далекими друг от друга, на самом деле они связаны между собой точным и тонким механизмом. Существование этого механизма не было для меня новостью, я давно о нем подозревал, но пикогда он ие представал передо мной с такой ясностью, как сейчас, — так в витрине авнаконторы видишь авиационный мотор в разрезе, со всеми его многочисленными сложными деталями. Это был механизм отчаяния, который, стоит мне вернуться, заставит меня переходить от ощущения собственного богатства к творческому бессилию, от бессилия к скуке, от скуки к Рите или какому-нибудь другому унижению в том же роде. Уж лучше в таком случае вернуться в студию на улицу Маргутта, где отчаяние выражало себя просто в чистом холсте, кото-

рый мне не суждено было превратить в картину.

Тут я услышал тихое, ио откровенио нетерпеливое и доверительпое царапанье в дверь и, не успев отдать себе отчет в том, что делаю, расстегнул ремень, снял брюки, раскатал на кровати матрас и лег. Затем крикиул Рите, что она может войти.

Она вошла в тот же миг я, увидев меня лежащим, повернулась, чтобы запереть дверь. Я лежал пеподвижно, вернее, неподвижным оставалось во мне все, кроме той части тела, к которой желание вызвало прилив кроаи. Прижав подбородок к груди, я не отрываясь смотрел именно туда: так труп, распростертый на катафалке, может показаться разглядывающим собственное тело, убранное и готовое к выносу. Рита тем временем подошла к кровати и, остановившись около нее, разглядывала меня сквозь придающие ей такой лицемерный вид очки так, как могла бы разглядывать какой-то непопятный и достойный всяческого изучения предмет. Я протянул руку, схватил ес безвольно висящую кисть и потяпул так, как тяпут за узду не столько брыкливую, сколько боязливую лошадь; почувствовав, что вся она устремилась следом за рукой, я дотянул ее пальцы до этой части своего тела и, установив их там, отпустил. Теперь Рита стояла неподаижно, немного подавшись вперед, с румянцем, впезапно вспыхнувшим под черной оправой очков. Потом она сказала каким-то странным тоном — очень медленно, словно бы с глубочайшим удовлетворением: «Какая мерзость». Я удивился, так как это были именно те слова, которые сказал бы я сам, если бы захотел выразить то смещание чувство отвращения и возбуждения, которое испытывал в этот момент.

Когда все кончилось, я испустил глубокий вадох и спросил, не глядя на нее, шепотом: «А зачем ты сюда пришла?»

Опа пожала плечами и ничего не ответила, казалось, что она не в силах говорить.

— Оттереть пятно. Ну так иди оттирай, чего же ты ждешь?

Я видел, как опа вздрогнула, словно ее ударили по лицу, с усилием, один за другим, разжала пальцы, потом ясчезла из поля моего зрения. Наверное, она вышла из компаты, нотому что я слышал звук открываемой и закрываемой двери. Удостоверивнись, что она ушла, я вскочил с кровати и открыл шкаф. Как я и думал, рядом с піелковым халатом, о котором говорила мать, висол в своей целлофановой упаковке едииствонный из костюмов, который я не увез, переезжая в студию, — смокииг. Я взял брюки и надел. Они сидели довольно хорошо, разве что были чуть-чуть велики — десять лот назад я был толщо, кухия матори была богачо и питательнее, чем скромиые траттории, которые я теперь посещал. Я посмотрол на собя в зеркало: в коричновом пиджаке с черными брюками я был похож на уволонного официанта. Приоткрыв дворь и убедившись, что там никого пет, я поснешно спустился по лестнице, коридором, минуя гостиную, вышел в прихожую, а оттуда на нодъоздную илощадку перед домом.

Двс машины, старая и иовая, стояли рядышком порсд входом. Затянутое облаками небо, деревья, дом отражались в сияющом кузове иовой машины, старая же казалась особенно тусклой, такой же тусклой, каким становился вокруг меня мир, когда меня обволакивала скука. Я вырвал листочек из записной книжки и написал: «Спасибо, но и предпочитаю старую машину. Твой любящий сын Дино», и подсунул ого под стеклоочиститель, куда полицейские засовывают обычно квитанции на штраф. Потом сел в свой автомобиль, завел мотор и уехал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В том же доме на улице Маргутта, где жил я, в коридоре первого этажа, через три двери после моей, была дверь, которая вела в студию старого художника Балестриери. Я часто его встречал, обменивался с ним иезначащими фразами, по никогда у него не бывал: как все мужчивы, которые думают только о женщинах, Балестриери был крайне, почти оскорбительно холодеи с представителями своего пола независимо от их социального положения и возраста — вероятно, он видел в них потенциальных соперников. Балестриери был маленький, по широкоплечий и с огромными ногами, причем два этих своих непостатка он не только не старался скрыть, но, наоборот, подчеркивал, нося всегда просторные спортивные пиджаки в крупную клетку и старомодные, узконосые, ярко начименные ботинки. В лице у него было что-то от карнавальной маски или помпейского сатира: белые серебряные волосы, багровое лицо, черные как уголь брови, большой нос, огромный рот, острый подбородок. В выражении лица было что-то приторное и в то же время раздраженное. Кое-кто из пожилых художников, хорошо анавших Балестриери, говорил, что он был эротоман и начал в молодости заимматься живописью только для того, чтобы замашивать в студию женщин под предлогом позирования. Ну а потом он уже просто привык рисовать, а рисовать аначило для него рисовать обнаженное жеиское тело. Так как человек он был обеспеченный, работал он не ради заработка и никогда не выставлялся; в каком-то смысле он рисовал для самого себя; его друзья говорили мне, что он так привяаывался к своим картинам, что в тех редких случаях, когда решался какую-иибудь из них подарить, он делал копию и отдавал ее вместо оригинала. Что касается их качества, то все единодушно сходились на том, что это была очень плохая живопись. Заинтригованный, я несколько раз пытался заглянуть со двора в огромное окно его студии и рассмотреть его картины: я видел большие темные полотиа, из которых с трудом можно было различить огромные женские тела — с преувеличенными формами и в ценатуральных позах.

Студию Балестриери посещало мпожество женщин. В мое окно было видно, как илут они через двор и исчезают за дверью, которая вела в коридор первого атажа. Я не сомневался, что они ндут к Балестриери, потому что в двух других студиях жили художники с семьями и, кроме того, натурщицы были им не нужны, так как оба они занимались абстрактиой живописью. Женщины Балестриери свидетельствовали о широте его вкуса; молодые и зрелые, дамы и простолюдинки, девушки и замужние женщины, бловдинки и брюнетки, худые и толстые, маленыкие и высокие. Балестриери, нерзаборчивый, как все донжувны, был, видимо, не слишком привередлив и коллекционировал приключения, больше заботясь об их количестве, чем о качестве. Очень редко заводилось у него то, что называется связью, то есть более или менее длительные отношения с одной и той же жевщиной; но даже когда такое случалось, он не отказывался от других эпизодических приключений. В первые годы моего обитания на улице Маргутта сам Балестриери и его образ жизни интриговали меня настолько, что некоторое время я за ним даже шпионил. Я дошел до того, что пытался составить статистику женских посещений: до пяти разных женщии в месян, то есть каждые шесть дней новая, частота визитов — два раза в день. Балестриери было пятьдесят пять лет, когда я его увидел впервые, а в описываемую пору — шестьдесят пять; однако за эти десять лет я не заметил в его образе жизни никаких перемен: жепщин было столько же, сколько раньше, так что можно было подумать, что время для него стоит на месте.

Вернее, перемены были, но выразились они ие в уменьшении числа женских посещений, как можно было бы предполагать, а, напротив, в их увеличении. Эротизм Балестриери, который я сравнивал для себя с вулканом, пребывающим в состоянии умеренной, но постоянной активности, достиг к его шестидесятилетию стадии настоящего пароксизма. Женщин, которые проходили через каш двор и стучались в дверь старого художника. стало, на мой взгляд, больше; кроме того, я заметил, что почти всо они были теперь очень юными девуниками: как и все развратники, Балостриери стал с годами предпочитать подростков. Я сказал, что эротизм ого вошол в стадию пароксизма, ио если выражаться точнее, то это было просто своего рода зацикливанием, возможно, бессознательным, на одном типе женщин, путем исключения всох прочих. Иными словами, Балострисри, сам того по сознавля, перестал быть допжувном-коллекционером, каким он был до сих пор, и впервые в жизни посвятил себя одной женщияе. Ибо топерь бесчислонные ого довушки, всо приморно одного возраста, стали как бы подступами, и все более удачными, к одному определенному и все более уточиявшомуся типу жоищины; то были наброски идеального образа, который рано или поздно должои был обрести реальное воплощение. И в самом дело, пастал момент. когда поток юных довушек, устромлявшихся в студию Балестриери, вдруг иссяк, уступив место одной-одинственной посетитольнице, появление которой оны подготовили и которая как бы вобрала в собя их всох.

У меня была возможность рассмотроть ее очень виимательно, между прочим, и потому, что и она, как и заметил, меня рассматривала. Одетзя, как юная балерина, по моде того времени в легкую, свободно драппрующуюся блузку и очонь короткую и пышную, словно на кринолине, юбку, она была похожа на перевернутый цветок с неровным подрагивающим венчиком, так что пожки ее были у этого цветка как бы пестиками. Лицо у нее было круглое, как у ребенкз, но ребевка раво повзрослевшего и до времени приобретшего женский опыт. Она была бледная, легкие тени под скулами сделали щеки болое худыми, чем они есть, вокруг личика буйно вились чорныю кудри. Маленький рот был похож на не успевний раскрыться и уже увядший бутон, от его углов отходили две тонкие глубокие морщины, которые придввали всему лицу поразившее меня выражение черствости. Наконец глазз, самое красивое, что в ней было, большие и темные, и тоже совсем еще детской формы, смотрели исподлобья ваглядом, в котором начисто отсутствовала невинность, — странно отчужденным, уклончивым и неопределенным.

В отличие от других женщин Балестриери, которые решительными шагами, не глядя по сторонам, направлялись прямо в студию старого художника, эта пересекала двор с какой-то странной, словно нарочитой медлительностью: казалось, что она продвигается вперед, влекомая лишь ленивым рефлективным покачиванием бедер. Не то чтобы она шла к Балестриери неохотно, нет, но по дороге она как будто искала что-то еще, но что — не анала сама. Проходя по двору, она почти всегда поднимала глаза к моему окну и, если видела меня за стеклом (а это бывало часто, так как мой мольберт стоял как раз у окна), неиаменно сопровождала свой взгляд улыбкой.

Сначала я не был уверен, что не ошибся: улыбка была такой беглой, что впору было усоменться в ее преднамеренности. Но когда однажды мне случилось столкнуться с ней в коридоре, я убедился, что улыбка предназначалась мне и что вкладывался в нее совершенно определенный смысл.

Этот ее безмолвный призыв вызвал у мепя какое-то смутиое чувство неприязни, которое я попытаюсь сейчас объяснить. Прежде всего, я ие любитель приключений, осо-

бенно если приключение, как это было в данном случае, подсовывалось мне, можно сказать, павязывалось самой женщиной; больше того, именно настойчивость ее улыбки возмущала меня и вызывала желание не отвечать и вообще сделать вид, что я пичего не заметил. Во-вторых, сама девушка мне не нравилась: я всегда любил зрелых женщин, а эта, хотя и было ей, наверное, лет семнадцать, выглядела на пятнадцать из-за хрупкости сложения и детскости лица. Наконец, была и третья причина, самая, может быть, важная, котя далеко не такая ясная и определенная: дело в том, что мне было до тошноты противно представить себе, как я к ней подхожу, как заговариваю, а потом, в качестве совершенно неизбежного следствия, ложусь с пей в постель. Тошноту эту вызывало вовсе не примитивное физическое отвращение: да, девушка мне не правилась, но вовсе не была мне противна; противно было знать заранее, что меня ждет, если отвечу на ее призыв. Думаю, что подобное чувство тоскливого ожидания испытывает всякий, кто оказался на пороге неведомой, покрытой мраком реальности, которой он всегда избегал. Да-да, именно чувство отвращения, смешанное с тоскливым ужасом, -- меня это даже поразило, потому что столь инфантильная и неприметная девушка, казалось бы, не должна была внушать подобных страхов.

Но когда тебя одолевает скука, совсем нелегко постоянно удерживать в памяти какието вещи. Скука была чем-то вроде тумана, в котором тонула вся окружающая меня реальность, так что моя мысль лишь изредка вырывала из нее какую-нибудь подробность — так, оказавшись в гуще тумана, мы видим вдруг то угол дома, то фигуру прохожего или что-нибудь еще. В тумане скуки я различил девушку и Балестриери, но не придал им никакого значения и совершенно о них не думал. Случалось, что я на целые недели забывал об их существовании, хотя они жили и любили друг друга в двух шагах от меня. Временами я вспоминал о них почти с изумлением: «Смотри-ка, -- думал я, -- а они все еще здесь и по-прежнему занимаются любовью». Я забыл о Балестриери настолько прочно, что, когда на другой день после бегства из материнского дома я, выпив неподалеку от студии чашечку кофе, возвращался к себе и заметил как раз перед своим подъездом черных лошадей и черные с золотом похоронные дроги с традиционными позолоченными ангелами по углам, правда, еще без гроба и без цветов, мне даже в голову не пришло, что они могут ожидать здесь кого-нибудь из моих знакомых. Обойдя экипаж, загораживавший мне дорогу, я вошел в нодъезд, и так как шел я по обыкновению глядя себе под ноги, я буквально стукнулся лбом о нижний край гроба, который как раз в тот момент четыре человека выносили на улицу. Я тут же отскочил, причем могильщики бросили на меня изумленный и осуждающи взгляд, и гроб проплыл мимо меня. Провожавших было всего двое: молодой человек с грубым рыбьим лицом, одетый в синий костюм, и женщина, которую он вел под руку и которую я не разглядел, потому что она с ног до головы была закутана в траурную вуаль. Юноша походил на Балестриери, у него тоже было красное лицо и очень черные брови, а тут еще консьержка сказала что-то шепотом о внезапности некоторых смертей, и до меня донеслось имя Балестриери. И только тут я понял, что умер именно Балестриери, что умер он, видимо, накануне, что это были его похороны, что женщина в трауре была его женой, с которой он развелся много лет назад, а юноша в синем —

Как я уже говорил, от скуки я сделался в те дни настолько рассеянным, что забыл о существовании не только Балестриери, но и девушки, которая почему-то внушала мне любопытство. Поэтому я даже особо не удивился, когда понял, что, находясь все эти дни в студии, я умудрился не заметить, что за третьей от меня дверью кто-то болел, умер, был отпет, положен в гроб и вот сейчас вынесен. Кто знает, думал я, может быть, кто-нибудь и говорил мне о болезни Балестриери, но я хотя и слушал, ничего не услышал, как всегда с головой погрузившись в свою скуку: так мне случалось иногда внимательно прочесть газетные заголовки и минуту спустя обнаружить, что совершенно не представляю, о чем в них говорилось. Понадобился гроб, а вернее, болезненный ушиб, который я получил, наткнувшись на него лбом, чтобы я вспомнил о существовании художника как раз в тот момент, когда узнал о его смерти.

Однако со смертью Балестриери дело обстояло не так просто, как можно было подумать. В тот же день, частью из негодующих намеков консьержки, частью из более откровенных комментариев группы друзей, с которыми я встретился в кафе, я воссоздал для себя картипу смерти старого художника. Так вот, умер Балестриери, по-видимому, в чрезвычайно пикантный момент, то есть как раз тогда, когда занимался любовью с девушкой, которая так часто мне улыбалась. При этом любовный акт был не вполне естественным, если понимать под естественным тот, что ведет к деторождению, а был какой-то особой эротической его деформацией, так что Балестриери был убит, если можно так выразиться, не самою любовью, а именно способом, каким совершался любовный акт. Консьержка не пожелала высказаться яснее, ограничившись негодующими намеками, друзья же, от души веселясь, не скупились на подробности — можно было подумать, что они присутствовали в студии в момент его смерти; однако, насколько я понял, это были всего лишь их домыслы. Балестриери вдруг почувствовал себя плохо и умер прямо на глазах перепуганной девушки — это единственное, что можно было утверждать с уверенностью. Однако

то, что девушка была его любовницей, что нашли его в постели и полуголым, что девушка прибежала за консьержкой в халате, паброшенном прямо на голое тело, по-видимому, подтверждало слух о впезаппой смерти, случившейся в минуту страсти. Правда, те, кто не хотел верить этой версии, говорили, что девушка была в халате, нотому что поэкровала, и что Балестриери имел обыкновение летом работать в трусах и майке. С другой стороны, версию о смерти в минуту любви подтверждали слова врача, которого вызвали к умирающему: «Если бы этот человек отдавал себе отчет в том, что в его возрасте некоторые вещи непозволительны, он был бы еще жив». Другие, правда, говорили, что, осмотрев Балестриери, врач сказал девушке: «Сипьорина, это вы его убили», а потом добавил: «Вернее, помогли покончить с собой». Но никто не знал этого врача, неизвестно было, где он работает (может быть, он служил в одной из многочисленных аптек нашего квартала), и я не стал его разыскивать.

Когда в тот же день я вернулся в студию, пообедав в небольшой траттории на улице Маргутта, я обнаружил там небольшой сверток и записку от матери. В записке мать давала мне урок хороших манер: «В следующий раз, прежде чем удрать, зайди, по крайней мере, попрощаться», а в свертке был смокинг и светлые брюки, которые Рита замечательно отчистила и отгладила. Я швырнул все на пол, лег на диван и зажег сигарету. Как обычно, меня одолевала ужасная скука и мне казалось странным, что другие этого не видят: они не замечали, что они, как, впрочем, и весь остальной мир, для меня просто не существуют, и продолжали, подобно моей матери, вести себя так, будто никакой скуки нет и в помине. Куря сигарету, я потихоньку размышлял о своем положении, которое день ото дня делалось все хуже; в копце концов я спросил себя, что же мне теперь делать, — ведь от живописи я отказался, а взять деньги у матери так и не решился. Я понимал, что понастоящему, в смысле действия, которое существенно бы что-то переменило, поделать ничего нельзя, но у меня всегда оставалась возможность сделать то, что делает человек, попавший в безвыходную ситуацию: он примиряется с ней и старается к ней приспособиться.

В каком-то смысле — думал я — я был похож на отпрыска знатного, но обедневшего рода, который вопреки всему желает вести роскошный образ жизни своих предков. В тот день, когда он примирится с ситуацией, до того казавшейся ему невыносимой, по которая между тем воспринимается как совершенно пормальная бесчисленным множеством других людей, он поймет: все, что выглядит нестерпимым при каком-то определенном уровне жизни, воспринимается совсем иначе при уровне жизни более пизком. Ведь, в сущности, сильнее всего я страдал не столько от скуки, сколько от мысли, что ее могло бы не быть, что ее не должно было быть. Иными словами, я чувствовал себя отпрыском очень знатного и очень древнего рода, в котором никто никогда не скучал, то есть всегда умел вступить с реальностью в пормальные прямые отпошения. Мне следовало забыть о том, что я принадлежу к этому роду, и раз и навсегда примириться с положением, в котором я очутился. И все-таки разве можно было жить скучая, то есть не вступая ни в какие отношения с реальностью, и при этом — не страдать? Вот в чем была проблема.

Под эти мысли я задремал, а потом и заснул очень тяжелым сном; мне казалось, что, засыпая, я захлебываюсь, иду ко дну. Мне приснился очець ясный сон: я видел себя перед мольбертом, с палитрой в одной руке и кистью в другой. На подрамнике натянут чистый холст. Рядом с мольбертом стоит натурщица, что очень странно, так как я давно уже бросил фигуративную живонись. Это молодая женщина а очках, очень серьезная, лицом положая на Риту, но со странно плоским, лишенным объема телом, на бескровной белизне которого траурио черпеют пятна сосков, похожие на большие темные монеты, и темный треугольник лобка. Очевидно, я пишу ее портрет — моя рука движется, кисть перемещается по невидимой поверхности холста. Я рисую, рисую, старательно, сосредоточенно, уверенно, картина продвигается, натурщица боится вздохнуть, боится шевельнуться — ее вообще можно припять за мертвую, если бы не поблескивающие очки и ироническая улыбка, которая кривит ее губы. Наконец бесконечно долгий сеанс завершен, картина готова, и я делаю шаг назад, чтобы ее рассмотреть. Но какая странность: холст пуст, бел, чист, на нем нет и следа обнаженного тела — не только картины, даже наброска; нет сомнения, что я работал, но я ничего не сделал. В ужасе я хватаю первый попавшийся тюбик, выдавливаю краску на палитру, обмакиваю в нее кисть и снова с яростью набрасываюсь на холст. Никакого эффекта: холст остается чистым, девушка же, видя тщетиость моих усилий, улыбается все насмешливее, хотя большие очки в черепаховой оправе попрежнему придают ей какой-то лицемерно-благонравный вид.

Чья-то рука ложится на мое плечо — это Балестриери собственной персоной: с покровительственной улыбкой на багровом лице берет он у меня кисть и палитру и встает перед колстом, повернувшись ко мне спиной. Он в рубашке с короткими рукавами и трусах — одеяние, заставляющее меня вспомнить о Пикассо, с которым я вообще обнаруживаю вдруг у него неожиданное сходство. Теперь рисует Балестриери, а я гляжу на его затылок, заросший серебряными волосами, и думаю, что вот Балестриери умеет рисовать, а я не умею. Балестриери заканчивает работу. Балестриери отходит, и я стою перед его картиной. Не знаю, хороша она или плоха, но, вне всякого сомнения, она существует: холст уже

не пустой и не белый, яаким он был, когда кончил рисовать я,— на нем теснятся лниия и краски. И неожиданно меня вдруг охватывает ярость: я беру нож, которым обычно пользуюсь при соскабливания краски, и делаю на картиие несколько глубоких продольных разрезов. Но, о ужас: оказывается, я разрезал не холст, а тело натурщицы. И я вижу, как из этих длинных вертикальных разрезов— от груди до ног— начинает сочиться кровь. Кровь красиая, ее много, она образует бесчясленные ручейки, которые, сливаясь, образуют на теле девушки, улыбающейся как ни в чем не бывало, сплошную кровавую сетку, а я все режу и режу— упорно, методячно, до тех пор, пока не пробуждаюсь от собственного мучительного нечленораздельного крика.

День был пасмурный, комната погружена в тусклый свет сумерек. Я вскочял с дивана и, словно бы следуя какому-то внезапному озарению, бросился к дверя, открыл ее я вышел в коридор. Там было пусто, все три двери заперты, но, приглядевшись повнимательнее, я заметил, что та, которая ведет в студию Балестриеря, чуть-чуть приоткрыта. Не размышляя, продолжая действовать словно бы по наитию, я подошел к ней, убедился, что она я в самом деле не заперта, толкиул и вошел.

Я никогда раньше не бывал в студии старого художника и, таким образом, мог объяснить свой приход самому себе простым любопытством. Шторы на окнах были опущены, и в комнате было почти темно; лампа под красным абажуром на резной позолоченной деревянной ножке, почему-то наводившая на мысль о церковной утвари, горела на столе, покрытом скатертью из пурпурного дамаска. Разглядывая студию Балестриери в кровавом свете этой лампы, я убедился в том, что она совсем не похожа на мою. Она была больше, и в ней была еще внутренняя лестница, которая вела на антресоли, куда выходили две маленькие двери. Кроме того, если моя студия, кое-как обставленная, всегда в беспорядке, выглядела как типичный приют художника, то обставленная «под старину» студия Балестриери, как я сразу с бессознательной неприязнью отметил, была похожа на мещанскую гостиную, какие были в моде лет сорок-пятьдесят назад; никто бы не догадался, что здесь обитает художник, если бы не пресловутые «ню», густо, одна к другой развешаяные по стенам от пола до потолка, да монументальный мольберт, стоящий в хорошо освещенном месте, у самого окна; на мольберте был холст с незаконченной картиной.

Меня особенно поразила мрачяюсть этой комнаты; мебель, либо старинная, либо подделанная под старину, была вся выдержана в стиле Возрождения; стены под картинами обиты пурпурным дамаском; на полу грудой навалены персядские ковры с густым и темным рисунком. Я закрыл за собой дверь, огляделся и, вдыхая стоявший в комнате специфический запах — домашний и в то же время отдающий тлением, — медленно подошел к холсту. Неоконченная картина иссомнеяно была та самая, над которой работал Балестриери в день смерти, запечатлевая яа ней свою юную любовницу: признаюсь, что мне было любопытно увидеть, как она была сложена. Однако, очутившись перед холстом, я почувствовал разочарование и недоверие. Набросок углем, сделанный Балестриери, плохо соотносился с образом той хрупкой, с детским личиком девушки, которая так часто мне улыбалась. Это было тяпичное его «ню» с преувеличенными формами и в иарочитой позе: девушка прясела, сцепяв на затылне рукя, так что на первом плане оказались бедра и груди, то есть те части женского тела, к которым Балестриери был, по-видимому, особенио яеравнодушен. Меня поразили ширкна бедер и тяжелые груди — ничего подобного я вроде бы не замечал в его явтурщице. Правда, тонкая талия и хрупкие руки и плечи вполне могли припадлежать ей. Характерная деталь: Балестриери не позаботился о том, чтобы хотя бы набросать лицо, так что никакая идентификация, во всяком случае для меня, была просто невозможна,

Я долго смотрел на холст и думал о том, что Балестриери и в самом деле был очень плохим художником, даже если мерить его по меркам старой натуралястической школы, к которой он, по-видимому, принадлежал; затем я отошел от мольберта и стал одну за другой рассматривать картины, развешанные на степах. Как я уже говорил, все это были обнаженные женские тела, започатленные по большей части в нарочитых, неестественных позак, и, глядя на них, я подумал, что Балестриери, хотя и был плохим художником, отличался необыкновенной старательностью я был кропотлив до педантизма: было видно, что он не полагается на вдохновение, а работает как старые мастера, кроя картину несколькими слоями лака, по многу раз возвращаясь к одним и тем же деталям, пока не убедится, что спедал все возможное. Результатом же, увы, был специфический фотографический натурализм, тот самый «выдизаиный» стяль, который парят обычно на выставках коммерческих галерей. Но, с другой стороны, нельзя было не признать, что в своем роде это было совершенство, то омерантельное совершенство, которое бывает свойственно порнографическим изображениям. Иными словами, мир Балестриери был очень конкретным и последовательным: ничто не нарушало цельности этого мира, ничто чуждое к нему не примешивалось, и так ли уж важно, что в нем был оттенок маниакальности? Главное, что до самого конца Балестриери чувствовал себя в этом мире прекрасно и някогда даже не пытался выйти за его пределы. Может быть, он я был сумасшедшям, но в таком случае его безумие состояло в том, что он верил в прочность своих связей с реальностью, то есть в собственное адоровье, о чем, между прочим, свядетельствоваля и его картяны, в то время как я был убежден, что истинно адоровый человек не может поверить в возможность такой связи, и я действительно в нее не верил, ио именно потому и чувствовал себя не адоровым, а больным.

Размышляя обо всем этом, я обошел комнату, разглядывая картяны, и ни на одной яз яих яе нашел девушки с детским лицом. И подумал, что именно так и должно было быть: Балестриери някогда не писал свою юную любовницу, ему достаточно было ее любять, то есть он вел себя прямо противоположно тому, что можяо было бы предположить, учятывая его преклонный возраст. Я уже собрался уходить, когда какой-то шорох наверху заставил меня поднять глаза. На антресолях я увидел девушку Балестриери: не спеша, опустив голову и, видимо, не замечая моего присутствия, она спускалась по лестнице, одной рукой держась за перяла, а другой прижимая к грудя какой-то большой сверток.

Спустившись, она подняла наконец глаза и, видимо, испугалась, увидев меня прямо перед собой — у стола, в центре комнаты. Но это длялось одно мгновенье, сразу же после по ее лицу разлилось безмятежное спокойствие, словио эта встреча ие была для нее пеожиданностью, а подготовлялась заранее. Я сказал в некотором замешательстве: «Я жяву в студии по соседству, может быть, вы меня когда-нибудь видели, я зашел посмотреть картины».

— А я,— сказала она, указывая иа сверток,— зашла взять свои вещи, прежде чем студию сдадут снова. Я была его иатурщицей, у меня остались ключи, так что я смогла войти.

Я заметил, что в ее произиошении ие было решительно ничего характерного, ничего, что позволило бы угадать место ее рождения или социальную принадлежность. Голос, невыразительный и бесцветный, экономная и точная интонация говорили о стремлении к какой-то даже нарочитой, преувеличенной сдержаниостя. Не зная, что сказать, я сказал первое, что пришло мне в голову: «Вы часто бывали у Балестриери?»

- Да, почти каждый день.
- А когда он умер?
- Позавчера вечером.
- И в это время вы были тут?
- Я увидел, как она взглянула на меня своими большими темными глазами, которые, казалось, не видели окружающего, а только отражали его в себе. «Ему стало плохо в тот момент, когда я ему позировала».
 - Оя рисовал вас?
 - Да.

И тут, не скрывая удивлеяня, я воскликнул: «Но где же тогда тот холст, яа котором он вас рисовал?»

Она указала на мольберт: «Вот этот».

Я обернулся, бросил на картину беглый взгляд, потом долгим взглядом посмотрел на нее. В полутьме, которая размывала ее облик, скрадывая все коятуры, фигура девушки казалась еще более хрупкой и яифантильной: из-под широкого колокола юбкя виднелись тонкие иожкя, грудь выглядела совсем маленькой, большие темные глаза занимали поллица. Я недоверчиво сказал:

Неужели для этого иаброска позировали вы?

В свою очередь она удивилась моему изумлению: «Да, в что? Вам не яравится, как ои меня нарисовал?»

- Я не знаю, правится мне это или не правится, но вы здесь непохожи.
- Но тут нет лица, лицо он всегда рисовал в последнюю очередь, а без лица как можно сказать, похожа или непохожа?
 - Я хочу сказать, что это тело непохоже на ваше.
 - Вы думаете? Но на самом деле я именно такая.

Я чувствовал, как бессмысленно и фальшиво авучит эта якобы серьезная дискуссяя в связи с подобным наброском и вдобавок еще я с проблемой сходства. И хотя мие было стыдно за то, что я как бы шел навстречу возникшему между нами молчаливому сговору, который мне следовало бы отвергнуть, я все-таки не удержался и восклякнул: «Ну нет, это иевозможно, я не могу этому поверять!»

В самом деле? — сказала она. — И все-такя я именно такая.

Положив сверток на стол, она подошла к мольберту, некоторое время разглядывала колст, потом обернулась: «Может быть, тут и есть небольшое преувеличеняе, но в основном все правильно».

Не знаю почему, но, увидев ее рядом с мольбертом, я вспомнил свой дневной сон. И спросил просто так, чтобы что-нябудь сказать: «Балестриери сделал с вас только этот портрет яли есть и другяе картины?»

- Ну что вы, он рясовал меня множество раз.

Она подняла глаза к полотнам, развешанным на стенах, и, показывая то иа одио, то иа другое, стала перечислять: «Вот это я, и там я, я вон там наверху, и еще там». И словно подбивая итог, заключила: «Он рисовал меня не переставая. Он заставлял меня позировать часами».

Внезапио мне почему-то захотелось сказать о Балестриери что-нибудь дурное: может быть, таким путем я надеялся добиться от нее более личной, более выразительной интонации. И я сказал очень резко: «Столько трудов ради такого пичтожного результата».

- Почему вы так говорите?

 Да потому, что Балестриери был очень плохой художник, можно сказать — вообще не художник.

Она никак на это не реагировала, сказала только: «Я ничего не понимаю в живописи». Но я упорствовал: «В сущности, Балестриери был просто мужчиной, которому очень нравятся женщины».

С этим она охотно согласилась: «Да, это правда».

Она взяла со стола свой сверток и посмотрела на меня вопросительно, как бы говоря: «Я ведь сейчас уйду, почему ты не делаешь ничего, чтобы меня задержать?» И тут я сказал с внезапной ласковостью в голосе, ласковостью, которая удивила меня самого, потому что ничего подобного я не хотел и не ожидал: «А может быть, зайдем на минутку в мою студию?»

Я видел, как она загорелась внезапной простодушной падеждой: «Вы хотите, чтобы

я вам позировала?»

Я растерялся. В мои намерения не входило ее обманывать, но она вдруг сама предложила мне обман, который унижал меня вдвойне: и потому, что это был обман, и потому, что это был худший из обманов, к которому я мог прибегнуть, — художник приглашает к себе в студию красивую девушку под предлогом, что хочет ее писать, — одним словом, обман, достойный Балестриери. И потому я раздраженно заметил: «А что, Балестриери тоже первый раз пригласил вас к себе под предлогом, что он хочет написать ваш портрет?»

Она серьезно сказала: «Нет, я стала ходить к нему, чтобы брать уроки рисования.

Потом он действительно захотел меня рисовать, но это позже».

Итак, для нее обман с позированием был не обманом, а вполне серьезным предложением. Она даже добавила: «Сейчас у меня как раз есть время. Если хотите, я могу попозировать вам до ужина».

Я подумал, нужно ли объяснить ей, что я бросил рисовать и что даже в ту пору, когда еще рисовал, никогда не писал фигуративных картин. Но тогда — размышлял я — мне придется искать другой предлог, чтобы пригласить ее к себе, так как, судя по всему, предлог ей требовался. Тем более стоило принять этот, с позированием. И я произнес беспечно, ничего особенно не уточняя: «Хорошо, пойдемте ко мне».

— Я и для Балестриери всегда позировала в эти часы, — сообщила она с довольным видом, испытывая явное облегчение, и взяла со стола свой сверток. — Он всегда работал с четырех до семи.

- А по утрам?

- И по утрам тоже, с десяти до часу.

Мы направились к двери. Я понимал, что она в последний раз видит студию, где прошла значителькая часть ее жизни, и полагал, что простая жалость к умершему заставит ее что-нибудь сказать или, по крайней мере, на прощанье оглядеться вокруг. Но она ограничилась тем, что спросила, бросив взгляд на стекы: «А сейчас, когда он умер, что будет с этими картинами?»

Я ответил по-прежнему резко: «Может быть, попытаются их продать. Потом, когда увидят, что никому они не нужны, свалят где-нибудь в подвале».

- В подвале?

- Да, в подвале.

- Но у него есть жена, с которой он был в разводе. Картины перейдут к ней.

- А уж она тем более их выбросит.

Она ничего на это не сказала, всем своим видом выражая безучастную сдержанность. И глядя на то, как идет она с огромным свертком под мышкой впереди меня — словно бы принужденно и сопротивляясь, а на самом деле решительно и твердо, я подумал, что она похожа на человека, который переезжает с одной квартиры на другую. Да, она меняла студию Балестриери на мою — вот в чем было дело. Догнав ее, я распахнул перед ней дверь со словами: «Как видите, моя студия совсем не похожа на студию Балестриери».

Она не ответила, так что можно было подумать, что она как раз не видит никакой разницы между моей студией и студией своего старого любовника. Она просто подошла к столу, положила на него сверток и, обернувшись ко мне, спросила: «Где здесь ванная?»

- Вон та дверь.

Она направилась к ванной комнате и исчезла за дверью. Я подошел к дивану и поправил подушки, на которых недавно спал; потом принялся собирать бесчисленные окурки, которые бросал прямо на пол. Делая все это, я продолжал думать о девушке и пытался попять, нравится ли она мне, действительно ли мне хочется заняться с ней тем, чего она от меня ожидала, и вдруг понял, что не испытываю ни малейшего желания. И тогда я сказал себе, что расспрошу ее о Балестриери и об их отношениях, которые меня почему-то интересовали, а потом отошлю.

Я был так спокоен и так уверен в своем спокойствии, что совершенно забыл о предлоге, 116 подсказаниом мне девушкой и мною неосмотрительно принятом, — о рисовании. И потому был прямо-твки изумлен, когда дверь ванной комнаты отворилась, и девушка появилась на пороге. Она была голой, совершенно голой, и шла на цыпочках, прижимая к груди полотенце. При виде ее у меня сразу же мелькнула мысль, что Балестриери не преувеличивал, когда изображал ее с теми пышными формами, в которые я не мог поверить. У нее действительно были великолепные груди, смуглые и крепкие, которые совершенно не соотносились с торсом, худеньким и хрупким, как у подростка, и существовали словно бы отдельно от него. И талия была тоже как у юной девушки, неправдоподобно тоненькая и гибкая, но бедра, плотные и сильные, выглядели такими же зрелыми, как груди. Она шла, выставив внеред грудь и подобрав живот, с какой-то даже алчностью глядя на мольберт, который стоял у окна; подойдя к нему, она, не оборачиваясь, спросила своим лишенным всякого выражения голосом, сухо и коротко: «Где мне встать?»

Я спросил себя, была ли в ней в этот момент хотя бы капля притворства, и вынужден был признать, что не было. Она всерьез относилась к своим обязанностям натурщицы, даже если и подозревала, что то был предлог для зааязывания отношений совсем другого рода. И, номию, я тогда подумал, что она, должно быть, просто неспособна увязать в своем сознании одну вещь с другой и это позволяет ей быть искренней. Я спокойно ответил:

«Никуда не надо вставать». Она удивленно обернулась: «Почему?»

Я объясиил: «Мне очень жаль, но я проявил легкомыслие, согласившись воспользоваться подсказанным вами предлогом. На самом деле я уже давно не пишу. Да и когда писал, никогда не изображал ни натурщиц, ни вообще какие-либо реальные предметы. Я искрение сожалею, извините».

Она сказала прежним своим бесцветным голосом, вовсе не выглядя при этом обиженной: «Но вы же сказали, что хотите, чтобы я вам позировала».

- Да, это правда, но давайте считать, что я ничего не говорил.

Медленно, с видом человека, который не придает аначения пустякам, она взяла полотенце, которое прижимала к груди, набросила его на плечи и плотно в него закуталась. Затем подошла к дивану, робко и неуверенно, словно я предложил ей сесть, в то время как ничего подобного у меня и на уме не было, и уселась на самом его краю, вдали от меня. Наступила науза, а потом вдруг на ее детских губах появилась улыбка, которой опа всегда улыбалась мне при встрече в коридоре. Я сказал в некоторой растерянности: «Тенерь вы будете плохо обо мне думать».

Ничего не говоря, она отрицательно покачала головой. Она смотрела на меня своим ничего не выражающим взглядом так, словно глаза ее были двумя темными зеркалами, которые просто отражали реальность, не понимая ее, а может быть, даже и не видя, и я чувствовал, как растет моя неловкость: было очевидно, что она не собирается уходить и ждет от меня, если можно так выразиться, второй части программы. В поисках общей темы я, естественно, верпулся к Балестриери: «Вы давно познакомились с Балестриери?»

- Два года назад.

- Так сколько же вам лет?

- Семнадцать.

- Расскажите, как вы с ним познакомились.
- Зачем?
- Просто так.

Я подумал немного и добавил совершенно искренне: «Мне интересно».

Она медленно сказала: «Я познакомилась с Балестриери два года назад. У одной моей подруги».

— А кто она, ваша подруга?

- Одна девушка, ее зовут Элиза.
- A сколько лет Элизе?
- Она на два года старше меня.
- Что делал Балестриери в доме Элизы?
- Давал ей уроки рисовация, как и мне.
- А какая она, Элиза?
- Блондинка, сказала она, не вдаваясь в подробности.

Мне показалось, что я припоминаю одну из девушек, которую часто видел в нашем дворе, и сказал: «Блондинка, с голубыми глазами, длиппой шеей, овальным лицом и пухлыми, плотно сжатыми губами?»

- Да, это она. Вы ее знаете?

— Да нет, я просто несколько раз видел ее у Балестриери до того, как к нему стали ходить вы. Элиза брала уроки дома или у него в студии?

- И дома, и в студии, как придется.

 Вы не сказали, что произошло в тот день, когда вы встретили Балестриери в доме Элизы.

- Ничего не произошло.

 Хорошо, ничего не произошло. Но в конце-то концов Балестриери стал давать уроки рисования и вам тоже? Как это получилось? На этот раз она только посмотрела на меня и ничего не сказала. Но я был настойчив: «Вы слышали, что я сказал?»

В конце концов она решилась заговорить. Она спросила: «А зачем вам это знать?»

— Предположим, вы меня интересуете, — сказал я, ясно сознавая, что не то чтобы лгу, но говорю неправду того рода, которая в тот момент, когда я облекаю ее в слова, становится правдой.

Она посмотрела прямо перед собой, как школьница, которая приготовилась отвечать урок строгому учителю, и сказала: «Потом я еще раз встретила Балестриери у Элизы — мы дружили, и я часто у нее бывала. И однажды я попросила его давать уроки и мне, а он сказал, что не может».

Подумать только, я считал, что Балестриери бегает аа всеми женщинами, которые попадаются ему на пути, а он, оказывается, вон как — отверг предлог, который подсказала ему сама девушка. Я спросил: «И почему, вы думаете, Балестриери вам отказал?»

- Не знаю, просто не хотел.

- Может быть, он был влюблен в Элизу?
- Не думаю.
- Но тогда почему он не захотел?

Она объяснила: «Сначала я подумала, что это Элиза его отговорила, потом поняла, что она об этом даже не знает. Он просто не хотел и все. Я подумала — может, ему не нравится, что я буду приходить к нему в студию, и сказала, что он может давать мне уроки у меня дома. Но он все равно отказался. Видно, ему не хотелось».

— Но вам-то зачем так нужны были эти уроки?

Она замялась и покраснела— ее бледное лицо вдруг пошло пятиами: «Я влюбилась в него.— сказала она.— вернее, мне показалось, что влюбилась».

— И почему же он этим не воспользовался?

— Не знаю.

Она снова замялась, потом, словно перестав вдруг меня стесняться, заговорила гораздо своболнее, чем раньше, хотя и оставалась по-прежнему точной и немногословной.

- Все дело в том, что я ему не нравилась. Два или три месяца он даже старался избегать со мной встречаться, и я очень от этого страдала. Я ведь действительно была влюблена. И тогда я пошла на хитрость.
 - На хитрость?
- Да. Как-то раз я пригласила Элизу позавтракать со мной и выбрала тот час, когда, я знала, она должна была идти к Балестриери. Я сказала ей, что он звонил и просил в этот день не приходить, потому что был занят, а сама пошла к нему.
 - И как Балестриери отнесся к вашей проделке?
 - Сначала хотел меня выгнать. Потом стал любезнее.
 - И вы прямо в этот день занялись любовью?

Она снова покраснела, как и раньше, пятнами и молча кивнула.

- Ну, а Элиаа?
- Элиза так и не узнала, что в тот день я пошла к Балестриери вместо нее. А некоторое время спустя они разошлись.
 - Вы по-прежнему с ней дружите?
 - Нет, мы даже не встречаемся.

Возникла пауза. Я понимал, что устраиваю ей почти полицейский допрос, которому она, впрочем, охотно подчинялась, и спросил себя, что же я на самом-то деле хочу выяснить? Ведь ясно же, что меня интересовали не сами факты, а то, что за ними стояло, их сущность, их первопричина. В чем она состояла? И я резко спросил:

А почему вы влюбились в Балестриери?

- То есть как это почему?
- Я имею в виду почему именно в Балестриери, старика, который годился в отцы вашему отцу.
 - Какие могут быть причипы, когда влюбляещься? Влюбляещься и все.
 - Ну, положим, причины есть всегда и на все.

Она взглянула на меня, и, странная вещь, мне показалось, что сейчас она сидит ко мне гораздо ближе, чем раньше. Или то была оптическая иллюзия, возникшая оттого, что в результате допроса она стала мне ближе и понятней? Наконец она сказала, почти шепотом, наклонившись вперед и пристально на меня глядя: «Я испытывала к нему сильное влечение».

- Влечение какого рода?

Она ничего не сказала, только посмотрела на меня. Но я настаивал: «Так какого рода?»

- Ну если хотите, пожалуйста, я могу сказать. Балестриери был чем-то похож на моего отца, а я, когда была маленькая, испытывала к отцу настоящую страсть.
 - Страсть?
 - Да, он даже снился мне по ночам.
- Итак, вы влюбились в Балестриери, потому что он был чем-то похож на вашего отца?

— Да, и потому тоже.

Снова наступила пауза, потом я спросил:

- А почему, вы думаете, Балестриери поначалу не хотел о вас и слышать?

Я уже сказала: я ему не нравилась.

— «Не нравилась» — это ничего не объясняет. Могут быть тысячи причин, по которым кто-то нам не нравится.

- Наверное, были и причины, но я их не знаю.

- Но кое о чем вы могли бы догадаться. Как вы думаете, может быть, Балестриери не хотел иметь с вами дела, потому что, по его мнению, вы были для него сляшком молоды?
 - Нет, дело не в этом.
- A может быть, он испытывал к вам то же чувство, что вы к нему,— то есть вы казались ему дочерью?

— Не думаю, если бы это было так, он бы сказал.

На некоторое время я замолчал, старательно обдумывая услышанное. Теперь мне было уже ясно, что я расспрашиваю девушку о Балестриери для того, чтобы понять кое-что про себя самого: ведь я тоже до сих пор отвергал все ее попытки к сближению, и мне тоже казалось, что она в меня влюблена. «А вы не думаете, — сказал я наконец, — что Балестрнери просто боялся познакомиться с вами ближе?»

- Боялся? Почему он должен был меня бояться?

- Потому что предвидел то, что в действительности потом и произошло: боялся влюбиться. Любовь иногда внушает страх.
 - Мне, сказала она многозначительно, она страха не внушает.

Но я продолжал упорствовать: «Вы не ответили на мой вопрос. Балестриери избегал вас, потому что боялся?»

— Да ничего он не боялся. Да, я еще вспомнила, что потом он как-то мне скааал: «Если бы не та твоя уловка, я бы никогда не поддался — ты мне не нравилась». Помолчав, она добавила: «Это все, больше я ничего не могу сказать».

Я понял, что, двигаясь в этом направлении, ничего не добьюсь, и подошел к делу с другой стороны: «Но потом-то он в вас влюбился, так или нет?»

- Так.
- И сильно?
- Да, очень сильно.
- А почему?

Я видел, что она наклонилась вперед и внимательно на меня посмотрела. Она и в самом деле сидела сейчас совсем рядом, это не было оптическим обманом — ее колени касались моих. Она сказала:

- Откуда я знаю?
- Но разве он не говорил вам о своей любви?
- Говорил.
- И что он говорил?

Судя по всему, она задумалась над моим вопросом, но при этом почему-то так резко качнулась в мою сторону, что я испугался, что она на меня сейчас просто рухнет. Из-за полотенца, в которое ее тело было погружено, как в футляр, она казалась мне чем-то вроде до краев наполненного сосуда, который, накреняясь, словно бы предоставляет мне возможность из него зачерпнуть. В конце концов она сказала:

- Я не помню, что он говорил. Помню только, что делвл.
- И что же он делал?
- Ну, например, плакал.
- Плакал?
- Да, обхватывал вдруг голову руками и начинал плакать.

Я представил себе Балестриери, каким я его всегда видел: да, конечно, старый, седой, но еще такой крепкий, широкоплечий, твердо стоящий на ногах, с лицом, которое всегда пылало от кипящих в нем жизненных сил, и спросил в совершениейшем смятении: «Почему же он плакал?»

- Не знаю.
- Он не говорил вам, почему плачет?
- Нет, говорил только, что плачет из-за меня.
- Может быть, он ревновал?
- Нет, он был не ревнив.
- Но у него были поводы для ревности?

Некоторое время она, словно не понимая, молча смотрела на мепя, потом коротко ответила: «Нет».

- Неужели он плакал молча, ничего не говоря?
- Нет, он всегда что-нибудь говорил.
- А, вот видите, значит, говорил. И что же он говорил?
- І оворил, например, что уже не может без меня обойтись.

— Ага, так значит, у него были причины плакать: он хотел бы обходиться без вас, но не мог.

Она педантично меня поправила: «Нет, он говорил только, что не может без меня обойтись. Он никогда не говорил, что хочет от меня избавиться. Наоборот, когда однажды я решила его бросить, он попытался покончить с собой».

Меня поражало, что ее тон совершенно не менялся, говорила ли она о какой-то ерунде, или вот, как сейчас, сообщала о том, что Балестриери хотел из-за нее покончить с собой. Я переспросил: «Пытался покончить с собой? И каким же образом?»

С помощью этих лекарств, знаете, которые пьют от бессонницы. Не помию назва-

— Барбитураты?

Да-да, барбитураты.

— И ему было плохо?

- Да, ему было плохо два дня, но нотом все прошло.

А он вообще страдал бессонницей?

— Да, он принимал барбитураты. Бывали ночи, когда он спал самое большее два часа.

— А почему?

- Почему ему не спалось? Не знаю.

— Из-за вас?

— Он говорил, что все, что с ним случалось, было из-за меня.

— И больше ничего? Он пикак это не объяснял?

— Да, сейчас я вспомнила, что он говорил, будто я для него как наркотик.

Ну, это общее место, вам не кажется?

- А что такое общее место?

- Ну, неоригинальная мысль. Такое мог бы сказать всякий.

Снова пауза. Потом я опять начал допытываться: «И все же, почему Балестриери считал, что вы для него как наркотик?»

И тут наконец она, в свою очередь, обратилась с вопросом ко мпе. Она сказала очень медленно: «А почему вы меня обо всем этом спрашнваете?»

Я ответил вполне искренне: «Потому что во всей этой вашей истории с Балестриери есть что-то, что вызывает у меня любопытство».

- Что именно?

— Сам не знаю. Потому я вас и расспрашиваю. Чтобы понять, зачем я это делаю. Она не улыбнулась и снова взглянула на меня своим внимательным, хотя и невыразительным взглядом, наклонившись надо миою так низко, что я ощутил теплоту и свежий запах ее тела. Потом она иопыталась что-то объяснить: «Я думаю, Балестрпери считал, что я для него как наркотик, потому что с каждым дием он нуждался во мне все больше. Он так и говорил: дозы, которой мне было достаточно раньше, теперь мне мало».

В каком смысле он все больше в вас пуждался?

Во всех смыслах.

- В смысле постели?

Она посмотрела на меня и ничего не сказала. Я повторил вопрос. Тогда она, казалось, решилась и ответила без всякой уклончивости:

Па, и в смысле постели.

Вы часто занимались любовью?

 Спачала один-два раза в неделю, потом через день, потом каждый день, потом дважды в день. Под конец уже нельзя было сосчитать.

— И он никак не мог насытиться?

— Он уставал. Иногда ему даже становилось плохо. Но ему всегда было мало.

— А вам это нравилось?

Она замялась, нотом сказала: «Женщине не может не нравиться, когда мужчина показывает, как он ее любит».

- Но он действительно вас любил? Или просто нуждался в вас по привычке, как больной нуждается в наркотике?
 - Нет,— сказала она с неожиданным жаром,— он меня действительно любил.

— И в чем это проявлялось?

- Разве это можно объяснить? Такие вещи просто чувствуещь.

— И все-таки?

-- Пу, например, он хотел на мне жениться.

Разве он не был женат?

- Был, но он говорил, что сумеет добиться развода.
- А вы соглашались?
- Нет.
- Почему?
- Не знаю. Мне не хотелось выходить аа него замуж.

Значит, вы его не любили?

Я пикогда его не любила. — Тут она запнулась, видимо, боясь показаться неточной,

и добавила: «Вернее, я его любила, но только в первое время, когда мы познакомились».

Наступила долгая пауза. Теперь она сидела совсем рядом, почти нависая надо мною, лежащим, и пристально на меня глядя; казалось, она вот-вот на меня упадет, и я снова подумвл о сосуде, о прекрасной вазе с двумя ручками, с округлыми боками, доверху наполненной желанием, которая вот-вот опрокинется и меня затопит. Наконец я сказал: «Я устроил вам настоящий допрос, вы, наверное, устали».

О нет, — ответила она поспешно, — я совсем не устала, наоборот.

— Что значит наоборот?

— Мне было даже приятно, — сказала она, помолчав, — вы заставили меня подумать о вещах, о которых я никогда не думала и не думаю.

— Вы никогда не думаете о Балестриери?

- Никогла.

- Даже сегодня, в тот день, когда отсюда вынесли его тело?
- А сегодня тем более.
- Почему?

Она посмотрела на меня и ничего не сказала. Я повторил: «Почему "сегодня тем более"?»

Наконец она ответила, очень просто: «Потому что сегодня я думаю только о вас. Я хотела было пойти за гробом, проводить его издали, незаметно, по потом раздумала и вернулась. Я боялась, что сменят замок».

— Ну и что?

 Тогда я уже не смогла бы воспользоваться этим предлогом для того, чтобы вас увидеть.

Сделав вид, что я пропустил это признание мимо ушей, я спросил:

- И все же Балестриери что-то для вас значил?

- Ну, разумеется.

— Что же?

Она на мгновение задумалась, потом сказала: «Не знаю. Конечно, что-то он для меня значил, но что — я никогда об этом не думала и потому не знаю».

Подумайте сейчас.

 Я не могу об этом думать. Нельзя заставить себя думать о ком-то или о чем-то. Тут уж или думаешь, или не думаешь. Это получается само собой.

- А в эту минуту о чем вам думается «само собой»?

— О вас.

Я замолчал, потом зажег сигарету и сказал, как бы подводя итог: «Ну все, можете быть спокойны, с допросом покончено, мы подходим к финалу. Итак, если для вас Балестриери значил не так уж много, можно даже сказать — ничего не значил, вы для него были чем-то весьма реальным, весьма конкретным. Чем-то, без чего он не мог обойтись, говоря вашими словами, или чем-то вроде наркотика, если говорить его словами».

- Да, это так.

— То есть для Балестриери вы были не только чем-то весьма реальным, вы были единственной реальностью, которая для него существовала. Ведь когда вы ему сказали, что уйдете, он попытался покончить с собой. Он потому это и сделал, что ваш уход лишал его единственной реальности.

Слушая, она смотрела на меня с видом вежливым и благонравным, но было совершенно очевидно, что мои речи проходят мимо ее ушей; так смотрит ребенок на мать, когда та читает ему мораль, прежде чем дать конфету: он терпеливо пережидает проповедь, которой не придает никакого значения, чтобы по окончании вступить в обладание конфетой. Тем не менее она сказала: «Да, это правда, я сейчас вспоминаю, что Балестриери всегда говорил, что я для него все».

— Вот аидите? Таким образом, хотя он и был несчастливым любовником и плохим художником, кое в чем ему все-таки можно было позавидовать.

— В чем?

- В том, что он мог кому-то сказать: «Ты для меня все».

Она снова замолчала; казалось, она не была уверена, что хорошо поняла смысл моих слов, но доискиваться его не хотела; ей была важна конфета, а не мораль.

Я же опять вернулся к своему: «Ну, а теперь хватит о Балестриери, поговорим о нас». Казалось, она оживилась — при всей ее сдержанности это было видно по еле заметным признакам: она слегка подалась вперед, как бы демонстрируя внимание и интерес, и легким движением бедер переместилась по дивану еще ближе ко мне.

— Вот уже три или четыре месяца,— сказал я,— мы сталкиваемся в коридоре, и каждый раз, когда вы меня видите, вы смотрите на меня с улыбкой, которую я назвал бы многозначительной. Это так? Если не так, скажите, значит, у меня сложилось неверное мнение.

Она ничего не сказала, только посмотрела на меня так, словно ждала, когда же я кончу этот разговор, который ее совершенно не интересовал. Я продолжил: «Вы не отвечаете,

и я заключаю из этого, что не ошибся. Я прекрасно понимаю, чего вы от меня хотите. Простите за грубость, но все эти четыре месяца вы даете мне понять, что охотно занялись бы со мною тем, чем занимались с Балестриери. Во всяком случае, я так понял. Если и опять-таки ошибси, скажите».

Она по-прежнему молчала, но на лице ее выразилось нечто вроде робкого удовлетворения по поводу того, что ее так хорошо поняли. Я продолжал: «Балестриери говорил вам, что вы для него все. Это "все" оэначало, насколько я мог понять, действительно все. Я же, к сожалению, ощущаю прямо противоположное: если для Балестрнери вы были "все", для меня вы не значите ничего».

Я на минуту замолчал, глядя на нее, и не мог не восхититься ее невозмутимостью. Она

сказала, скромно потупив глаза: «Но мы знакомы всего полчаса».

Я поспешил объясниться: «Мне хотелось бы быть правильно понятым. Это совершенно невозможно, чтобы вы стали для меня всем или по крайней мере хоть чем-то в том смысле, какой обычно придается этим словам. Мы действительно, как вы только что заметили, знакомы всего полчаса. Но дело не в этом. Пожалуйста, выслушайте, что я вам скажу, даже если мое объяснение вас не интересует. Итак, я попросил вас зайти ко мне в студию под предлогом, что хочу написать ваш портрет. Верно?»

— Да.

— Но это был именно предлог, то есть неправда. Не говоря уже о том, что я много лет не пишу людей и вообще предметы реального мира, я солгал вам еще вот в чем: я не художник, вернее, с некоторых пор я перестал им быть, потому что мне нечего рисовать; я не способен вступить в контакт ии с чем, что имеет отношение к реальности.

Но она не сдавалась: «Какое это имеет значение — напишете вы мой портрет или нет». Я не выдержал и рассмеялся. «Я понимаю, вы не видите никакой связи между тем фактом, что я больше не рисую, и тем, чего вам так хочется. А между тем такая связь есть. Послушайте: я сказал, что вы для меня ничего не значите, но вы не должны искать в этой фразе никакого эмоционального содержания. Как бы вам это объяснить? Скажем так: вы предлагаете мне себя, как предлагает себя любая вещь. Возьмем конкретный пример; вот этот стакан, который стоит на столе. У него нет ни ваших прекрасных глаз, ни пышной груди, ни округлых бедер, и, прими я его предложение, он не стал бы ни обнимать меня, ни целовать. И тем не менее он предлагает себя ничуть не меньше, чем вы. И не больше. Точно так же, как вы, — откровенно, бесхитростно, без задней мысли. И я вынужден ему отказать, как отказываю вам, потому что он, как и вы, для меня ничто. Я взял в пример стакан, но мог взять что угодно, даже что-нибудь неосязаемое».

— Но почему так уж «ничто»? — сказала она тихо и несмело, заступаясь за стакан. Я коротко ответил: «Объяснение завело бы меня слишком далеко и было бы, в общем, бесполезно. Скажем так: этот стакан для меня ничто, потому что между нами не существует никаких взаимоотношений».

Она возразила, заступаясь на этот раз за себя: «Но ведь отношения создаются, вам не кажется? Нам постоянно приходится вступать в отношения с людьми, которых мы раньше даже не знали».

Я сказал: «Видите вы эту картину на мольберте?»

— Да.

— Это чистый холст, я не нарисовал на нем ничего. И это единственный холст, кото-

рый я могу подписать. Смотрите.

Я встал, подошел к мольберту, взял карандаш и поставил в углу свою подпись. Она провожала меня взглядом, пока я шел к мольберту и пока возвращался, но ничего не сказала. Сеа на место, я продолжал: «И точно так же единственно возможные отношения между мной и женщиной — это отсутствие отношений, то есть именно те отношения, которые были у нас до сих пор или, вернее, которых у нас не было. Я не импотент, поймите меня правильно, но практически это то же самое, как если бы я был им. Так что можете считать, что так оно и есть».

Я сказал все это решительно и резко, давая ей понять, что больше нам разговаривать не о чем. Но, увидев, что она продолжает сидеть, молчаливая и неподвижная, как будто чегото ожидая, я не без раздражения добавил: «Если я не испытываю ничего по отношению к вам, если между нами не существует никаких взаимоотношений, как я могу лечь с вами в постель? Это был бы акт механический, чисто внешний, совершенно бессмысленный и, главное, скучный. А значит...»

Я прервал фразу и бросил на нее многозначительный взгляд, словно говоря: «А значит, тебе ничего не остается, как уйти». На этот раз она, кажется, поияла и неохотно, медленно, делая над собой усилие, явно продолжая надеяться, что я остановлю ее и заключу в объятия, начала подниматься с дивана, ухитряясь при этом оставаться сидящей: она слегка приподняла зад, но торс оставался прямым, а ноги согнутыми. Но так как я не торопился заключать ее в объятия, ей все-таки пришлось встать. «Простите,— сказала она смиренно,— но если вам все же понадобится натурщица, вы можете мне позвонить. Я оставлю вам телефон».

Я видел, как она подошла к столу и, придерживая на грудн полотенце одной рукой,

другой написала что-то на листке бумаги. «Я до сих пор не сказала вам своего имени: меня аовут Чечилия Ринальди. Я написала его вот здесь, вместе с адресом и номером телефона». Она распрямилась и, ступая на цыпочках, направилась в ванную. Можно было подумать, что на ней вечернее платье: полотенце плотно облегало торс, оставляло открытыми плечи и руки и стелилось свади как шлейф. Она исчезла, закрыв за собой дверь, но при этом последнем движении полотенце вдруг соскользнуло, и и на мгновение увидел тело, которое Балестриери писал столько раз и которое, видя ее в платье, и не мог себе и представить.

Странно, но едва она вышла, я почему-то стал думать именно о Балестриери. Я все время возвращался мыслью к ее рассказу о том, как старик ее отверг и месяцами избегал с ней встречаться: он чувствовал своим звериным чутьем, чем она для него станет, и боялся; и еще я спрашивал себя, а что бы было, если бы он не уступил ей в тот день, когда она явилась к нему вместо Элизы, а продолжал бы сопротивляться? Вполне вероятно, что в таком случае он был бы сейчас жив, потому что, конечно же, косвенной причиной его смерти были любовные отношения с Чечилией. Но тогда почему он в конце концов не оттолкнул ее, раз сразу понял, что должен был это сделать? Иными словами, что заставило Балестриери смириться с участью, которую он хотя и смутно, но предчувствовал? И вообще — можно ли уйти от судьбы? А если нет, то к чему тогда все, что он пытался сделать? И возможно ли, чтобы не было никакой разницы между судьбой, принятой бессознательно, и той, которую выбирают?

Сейчас, узнав о первой попытке самоубийства, предпринятой Балестриери после того, как Чечилия решила его бросить, я понял, что, продолжая длить свои отношения с девушкой, старый художник совершил второе, уже удавшееся ему самоубийство. Наверное, он и на первое-то пошел из боязни, что с уходом Чечилии у него уже не будет возможности

совершить второе.

Размышляя обо всех этих вещах, я не переставал удивляться тому, что я о них размышляю, вернее, тому, что размышлять о них меня побуждало не праздное любопытство, а странное ощущение их роковой для меня притягательности, словно история Балестриери касалась и меня и судьба старого художника была связана с моей судьбой. Я понимал, что, если бы это было не так, я не задавал бы Чечилии столько вопросов: я, может быть, переспал бы с ней, но уж никак не допрашивал.

А я вместо того, чтобы с ней переспать, принялся ее допрашивать, но как бы и о чем бы

я ни допытывался, мое любопытство так и осталось неутоленным.

Как я уже сказал, я допрашивал ее именно для того, чтобы понять, почему мне было так нужно ее допрашивать. Это только кажется игрой слов, на самом деле это не игра. В результате мне стало понятно многое, но, судя по чувству пеудовлетворенности, которое я испытывал, самое главное от меня все-такн ускользнуло.

Я так погрузился в свои размышления, что не заметил, как Чечилия вышла из ванной и подошла ко мне. Я вздрогнул, услышав ее голос: «Так я с вами прощаюсь».

С трудом поднявшись, я пожал ей руку, механически пробормотав: «До свиданья». Она сказала, еле слышно: «Не беспокойтесь, не надо меня провожать», и я в последний раз почувствовал на себе неподвижный и пристальный взгляд ее больших темных глаз. Потом я увидел, как она взяла со стола свой сверток и направилась к двери, очень медленно, но теперь в этой медлительности не было никакой нарочитости: она действительно чувствовала себя связанной со мной крепкой и прочной связью, и ей трудно было от меня отрываться. На меня почему-то странно подействовало легкое колыхание ее короткой и пышной юбки в сочетании с грациозным покачиванием торса: так покачивается всадник, крепко сидящий в седле. Винтом ходящая юбка и подрагивающий торс — было в этом какое-то бессознательное кокетство, таящее в себе неотразимый соблазн. Я не отрывал от нее глаз, пока она не открыла дверь и не исчезла. Тогда я зажег сигарету и подошел к окну.

Ветреный день клонился к вечеру, в пустом дворе был разлит бледный свет сумерек, В доме напротив в некоторых окнах уже зажгли свет, зеленые кусты аканта, окаймлявшие клумбы, казались почти черными, булыжник двора светился матовой известковой белизной. Как обычно, на нем в таинственном, словно бы не случайном порядке расположилось множество кошек. Одни лежали, подобрав под себя лапки, другие сидели, обернув хвост вокруг лап, третьи медленно и осторожно прохаживались - хвост трубой, нос у самой земли: кошки черно-белые, кошки серые, кошки совершенно белые и совершенно черные, кошки полосатые, кошки рыжие. Я принялся внимательно их разглядывать, что делаю довольно часто, — способ убить время ничуть не хуже любого другого. Затем появилась Чечилия, неся под мышкой огромиый сверток. Онв шла медленно, опустив голову, пролагая себе путь между кошками, которые даже не шевелились при ее приближении. Проходя под моим окном, она подняла глаза, но на этот раз не улыбнулась. Я поднял руку, чтобы выпуть изо рта сигарету, и вдруг, сам не знаю почему, сделал ей знак вернуться -показал на дверь, которая вела в наш коридор. Она опустила в знак согласия голову и все так же медленно и размеренно, как человек, который позабыл какую-то вещь, но уверен, что найдет ее там, где оставил, повернула назад. Я задернул шторы и лег на диван.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Начиная с этого дня Чечилия стала приходить ко мне один-двв раза в неделю, потом через день и, в конце концов, спустя месяц после нашего знакомства, почти ежедневно. Являлась она всегда в один и тот же час, длились ее визиты всегда одно и то же время и проходили совершенно одинаково, так что доствточно описать один, чтобы дать представление обо всех. Чечилия извещала о своем приходе звонком, который был таким коротким, что я никогда не мог понять, был ли он действительно или только послышался, но именно по этой нечеткости я его и узнавал. Я шел открывать, Чечилия бросалась мне на шею, и мы целовались. И тут я должен сказать, что Чечилия, такая искушенная в делах любви, целоваться не умела. Может быть, потому, что поцелуй представляет собой акт, так сказать, символический, доставляя удовольствие скорее психологическое, чем физическое, а психология, как вы увидите позднее, не была сильным ее местом. А может быть, она не умела целоваться именно со мной, потому что наши отношения были не из тех, что выражают себя в поцелуе. Губы Чечилии были холодными, вялыми, неподвижными, как губы маленькой девочки, которая, ловя ртом ветер, бежит навстречу отцу и, добежав, радостно бросается ему на шею.

Но, с другой стороны, именно во время поцелуя очевиднее всего обнаруживалась двойственная природа Чечилии — одновременно детская и женская. Ведь в то самое время, как она протягивала мне свои бесстрастные бестрепетные губы, которые не умели ни открыться навстречу моему рту, ни проникнуть в него, я всем телом чувствовал, как напрягается ее тело и, выгнувшись наподобие лука, наносит мне лобком сухой и жесткий удар, в котором выражала себя требовательная косноязычность ее страсти.

Первый поцелуй был коротким: он не доставлял мне никакого удовольствия, и я прерывал его сам почти сразу же. Чечилия выскальзывала из моих объятий, швыряла на стол перчатки и сумочку, подходила к окну задернуть шторы и наконец начинала раздеваться — происходило это всегда в одной и той же последовательности и в одном и том же месте: между диваном и креслом, куда онв бросала, снимая с себя одну за другой, свои веши.

Я нознакомился с Чечилией в июле, когда она носила свою летнюю униформу, которую я уже описывал, — свободную блузку и коротенькую, как балетная пачка, юбку; осенью, с наступлением холодов, она стала приходить в длинном свободном свитере из зеленой шерсти и в черной, очень узкой юбке, которая доходила ей до колен. Первым делом Чечилия всегда снимала с себя через голову этот свитер, на какое-то мгновенье оставаясь с поднятыми руками и спеленутой головой; потом постепенцым, энергичным, всегда одинаковым движением она сдергивала с себя свитер и швыряла его, как он был, вывернутым, в кресло. Теперь она была в одной юбке, голая до нояса, потому что готова была терпеть грубое прикосновение шерсти к своей коже, лишь бы ничего пе носить под свитером. Она говорила, не хвастаясь, а как бы констатирун очевидность, что груди у нее не нуждались ин в каких подпорках, так как стояли сами по себе, но я все-таки считал, что тут был некнй кокетливый расчет: ей хотелось, чтобы великолецные ее груди явились моим глазам ослепительным, подобным взрыву видением сразу же, как только она сбрасывала свитер. Впрочем, даже эта грудь не снимала общего впечатления незрелости, которое оставляло ее тело: пышная и цветущая, она как будто не имела отношения к хрупкому торсу, из которого вырастала. Этот контраст был особенно разительным, когда Чечилия поворачивалась ко мне спиной — белой узкой худой спиной подростка, и грудь, на мгновенье мелькнувшая где-то между боком и поднятой рукой, настолько с нею не сочеталась, что, казалось, даже сделана была из совсем другой плоти — более теплой, более зрелой, более смуглой, чем все остальное тело.

Сняв свитер, она, слегка изогнувшись, бралась обеими руками за пояс и, расстегнув, спускала молнию. Юбка падала на пол, и, прежде чем подобрать и положить ее на кресло, Чечилия с тем же нетерпеливым возбуждением, с каким сдирала с себя свитер, несколько раз шаркала по ней ногами. Теперь она была совсем голая, вернее, на ней оставалась только самая интимная часть женской сбруи: пояс с резинками, на ногах — чулки, а на животе — прозрачный треугольник слипа. Эта сбруя всегда была перекошена и перекручена, как будто, раздеваясь, Чечилия лишала ее всякой функциональности: треугольник слипа скомкан и скатан, две из четырех резинок расстегнуты, так что пояс косо свисает на один бок, один чулок доходит доверху, другой болтается под коленкой. Женственный и в то же время воинственный характер этого беспорядка забавно не соответствовал ее детски-бесхитростному простодушному лицу. Да, Чечилия всегда выглядела двойственно — женщина-ребенок, и это обнвруживалось во всем, не только в ее теле, но и в жестах, и в выражении лица.

И все-таки особенно ярко эта двойственность выступала в контрасте между верхней и нижней частью ее тела. Существуют весовые различия, которые открываются глазу еще до того, как возьмешь предмет в руки. Вещь, сделанная из свинца, непременно покажется нам тяжелее вещи тех же размеров, но сделанной из более легкого материала. Так вот, ниже пояса тело Чечилии, казалось, обладало консистенцией вещей, сделанных из очень

плотного и очень тяжелого материвла. Каким мощным выглядело место сочленения ног и паха по сравнению с местом соединения рук и подмышек. Квк контрастировали с деликатной худобой торса крутой изгиб поясницы, пышность бедер, массивность и плотность зада. Подросток выше пояса, женщина — ниже, Чечилия наводила на мысль о тех декоративных монстрах, которые так часто встречаются на античных фресках, — этих то ли сфинксах, то ли гарпиях с нетронутой девственной грудью, эффектно контрастирующей с мощным животом и ногами.

И в том, как вела себя Чечилия во время любви, тоже легко было заметить контраст между двумя ее натурами, женской и детской. Я часто размышлял об этом и пришел к выводу, что Чечилия не знала пи чувства, ни даже настоящей чувственности, ей был доступен лишь сексуальный аппетит, требованиям которого она послушно, хотя, может быть, и бессознательно подчинялась. Покоясь в моих объятиях, она была похожа на ребенка, послушно открывающего рот навстречу ложке, которую протягивает ему мать. Только ртом у нее было ее лоно, а ложку ей подносил любовник. Чистое детское выражение ее бледного круглого личика находилось в постоянном противоречии с той грубой и жадной требовательностью, с какой она заставляла меня и себя достигать цели — то есть оргазма, которым она желала насладиться до самого последнего спазма. По мере того как соитие обретало свой мощный ритм, движения ее живота становились все более частыми и напоминали своей силой и равномерностью запущенный в действие и вышедший из повиновения механизм, который уже не под силу было остановить ни мне, ни ей. Поначалу едвв заметные, слабые и как будто даже ленивые, в конце они становились движениями поршня, который подымается и опускается с силой и неутомимостью автомата. Лицо же ее в это время оставалось спокойным, неподвижным, расслабленным; равнодушное и бесстрастное, оно казалось еще более детским, чем обычно, — с этими опущенными ресницами, маленьким полуоткрытым ртом, и только по румянцу, выступившему на скулах, можно было догадаться о том, что Чечилия не спит и полностью отдает себе отчет в своих

Эта свое образная выключенность души во время любви была особенно заметна у Чечилии в те моменты, когда она, внезапно встрепенувшись, переходила от описанной мною механической пассивности к активности, начиная отвечать на мои ласки. Любовь, которая ведет к воспроизводству человеческого рода, всегда, скажем так, чиста, однако приемы, которыми любоаникн поочередно возбуждают друг друга, редко бывают чисты. И тем не менее все, что делала Чечилня с моим телом, все было чисто, потому что ее действия были отмечены каким-то странным бессознательным автоматизмом. Вырвавшись вдруг из моих объятий, она резко приноднималась, садилась и приникала ртом к моему паху, словно клевала его, и в этом ее неожиданном порыве было что-то сомнамбулическое, словно она делала все это во сне, то есть, именно как я говорил, бессознательно. Потом, утолившись, а вернее, до последнего исчерпав все возможности этой ласки, Чечилия снова надала в мои объятия с закрытыми глазами и полуоткрытым ртом, и у меня опять возникало странное ощущение, будто я видел спящего, который совершал во сне какие-то странные, лишенные смысла движения, а потом, так и не проснувшись, заснул снова.

После оргазма, который сотрясал ее тело, как маленький энилептический припадок, но ничего не менял в неподвижной впатии лнца, Чечилия в изнеможении распластывалась подо мной: одна рука закинута за голову, другая вытянута вдоль тела, лицо склонилось к плечу, ноги еще раздвинуты, как были они в момент соития. Потом, сразу же после того как я от нее отрыаался, Чечилия мне улыбалась, очень коротко, и это был самый лучший миг нашей любви. Улыбка, очень нежная — казалось, к ней прилила вся нежность утоленного желания, — нисколько не протнворечила двусмысленной инфантильности, о которой я уже говорил: даже улыбаясь мне, Чечилин на меня не глядела и меня не видела; так что, может быть, и улыбалась она не столько мне, сколько себе — благодаря скорее себя за то, что испытала наслаждение, чем меня, давшего ей возможность его испытать. Эта улыбка, безличная и мимолетная, была последней фазой нашего соития, то есть общения и почти что слияния наших тел. Сразу же после нас снова становилось двое, один лежал подле другого, и нужно было разговарнвать.

И как раз в эту минуту я замечал, как сексуальный аппетит Чечилии, который хотя и не относился ко мне впрямую, но все же пользовался мною для своего утоления, переходил у нее в безразличие. Говоря «безразличне», я не имею в виду холодности или отчуждения. Нет, безразличие ко мне Чечилии сразу после акта любви было просто полным отсутствием какого-либо отношения, то есть очень походило на то, что заставляло меня так страдать и что я называл скукой; только Чечилия, в отличие от меня, не только от этого не страдала, но, казалось, вообще этого не замечала. Она словно так и родилась, отчужденной от окружающего, в то время как мне подобное отчуждение казвлось совершенно непереносимым искажением исходной ситуации: одним словом, то, что я ощущал как болезнь, для нее было здоровым и нормальным.

Однако, как я уже говорил, нужно было о чем-то разговарнвать. Только что пережитая интимность физической любви вызывала у меня желание другой и более подлинной интимности, интимности чувства, которая, я знал, достигается только посредством слова.

И я пытался разговаривать с нею, а точнее сказать, расспрашивать ее о ее жизни, так как Чечилия никогда не поддерживала разговора, а ограничивалась лишь ответами на вопросы. Так я узнал, что она была единственной дочерью, что жила она в Прати в одной квартире с родителями, что отец ее был коммерсантом, что воспитывалась она в монастыре, что у нее есть подруги, что она не помолвлена и многое другое. Изложенные таким образом, все эти сведения кажутся самой общей информацией, которая может относиться к любой девушке ее возраста и социального положения, но это и было все, что я с большим трудом смог из нее вытянуть. Насколько я понимаю, Чечилия вовсе не хотела что-нибудь от мене скрыть, просто она словно бы понятия не имела о множестве вещей, которые меня интересовади, или, во всяком случае, неспособна была описать их в деталях. Можно было полумать, что она никогда не пыталась оглядеться вокруг, взглянуть на самое себя и окружающий ее мир, так что, обращаясь к ней с вопросами, я в некотором смысле ставил ее в положение человека, которого расспрашивают о каких-то вещах и людях, а он обо всем этом никогда не задумывался, не обращал на них внимания. Есть такая игра, когда вам в течение минуты показывают картинку, а потом просят перечислить предметы, которые были там изображены. В этой игре, которая демонстрирует степень вашей наблюдательности, Чечилия наверняка получила бы самую ниакую оценку, потому что она, казалось, не увидела и не заметила ничего, хотя провела перед картинкой, изображавшей ее существование, не минуту, а целую жизнь. Полученная от нее информация была не только схематична, но и неточна; казалось, что она была не вполне уверена даже в том немногом, что она о себе рассказывала, — единственная дочь, отец-коммерсант, воспитание в монастыре, подруги; так бывает с людьми, когда с ними заводят речь о вещах, которые никогда не вызывали у них интереса, хотя и находились рядом, на расстоянии вытянутой руки, и их легко можно было изучить. И даже когда ей случалось дать точный ответ, меня все равно повергал в сомнение ее приблизительный бесцветный язык, который сам казался плодом ее непреодолимого ко всему равнодушия.

Ну а поскольку семья Чечилии и среда, в которой она жила, не слишком меня интересовали, мне в конце концов пряходилось волей-неволей возвращаться к Балестриери, который, как я уже говорил, казался мне таинственным образом связанным со мной и моими отношениями с Чечилией. Впрочем, Чечилия не изменяла своей лаконической манере, даже говоря о Балестриери, но я не сдавался, напротив: ее уклончивость в отношении старого художника поселяла во мне страстное желание узнавать о нем все больше и больше. В действительности, как очень скоро я понял, расспрашивая ее о ее прошлом и о Бале-

стриери, я расспрашивал ее о нашем будущем и о себе самом.

Тем временем прошло два месяца с того дня, как Чечилия впервые переступила порог моей студии, и я уже начал удинляться тому, что Балестриери мог испытывать к ней такую сильную страсть и что в их отношениях она могла играть роль «роковой женщины», если только вкладывать в два этих слова их подлинный, обычно подразумеваемый смысл, укааывающий на предопределенность гибели. Мне трудно было во все это поверить, потому что, если не считать выдающихся качеств Чечилии как любовницы, что в девушке ее возраста не такая уж редкость, она казалась мне особой в высшей степени заурядной, а потому вряд ли способной вызвать столь разрушительную страсть, какой, по-видимому, был одержим Балестриери. О том, что это было существо совершенно не интересное, свидетельствовала сама ее речь, как я уже говорил, бесцветная и приблизительная. Я часто думал о том, какого рода душевные качества может выражать подобная речь, и пришел к выводу, что то была простота. Но не та простота, которая в нашем представлении неотрывна от ясности, а простота темная, непроницаемая, не имеющая ничего общего с тем своеобразным психологическим самоограничением, которое зовется сдержанностью, пусть даже она невольна и бессознательна. Мне всегда казалось, что Чечилия не столько врет, сколь просто неспособна сказать правду: и это не потому, что она лжива, а потому, что сказать правду это значит вступить с чем-то в какие-то отношения, в то время как она не вступала в отношения ни с чем. И в результате получалось, что, когда она действительно врала (а такое, как вы позднее увидите, она умела делать замечательно), вам почти казалось, что, пусть в каком-то отрицательном смысле, она произносила что-то истинное, именно благодаря той доле личного участия, а следовательно, и истины, которую несет в себе всякая ложь.

Но каким же образом Балестриери ухитрился так безумно в нее влюбиться? Или, лучше сказать, что случилось между ними такого, что столь ничтожный характер, может, именно благодаря своей ничтожности, стал причиной такой страсти? Я знаю, что понять чужую любовь невозможно, но, в конце-то концов, ведь это именно я занял в жизни Чечилии место Балестриери, я стал принимать наркотик, о котором говорил Балестриери, и потому с чувством непреходящей тревоги, не оставляющей человека, видящего, что опасность, о которой его предупреждали, никак себя не обнаруживает, я с каждым днем все больше удивлялся тому, что на меня этот наркотик не действует.

В результате я расспрашивал Чечилию подолгу и словно бы на ощупь, не зная сам, что я хотел выяснить. Вот образец нашего разговора:

- Скажи, а Балестриери никогда не говорил тебе, за что он тебя любит?

- Уф, снова за старое, опять Балестриери...
- Прости, но мне непременно надо знать.
- Что знать?
- Да я и сам толком не знаю, что. Знаю только, что это касается Балестриери и тебя. Так скажи, он говорил тебе, почему он тебя любит?
 - Нет, он просто любил меня и все.
- Видно, я неточно выразился. У любви не бывает причин, это верно, человек любит и все; но всякая любовь бывает как-то окрашена. Ты любиць, и при этом тебе грустно, или весело, или тревожно, ты можешь быть доверчив, а можешь быть ревнив в общем, за любовью всегда есть что-нибудь еще. Балестриери, видимо, испытывал к тебе почти маниакальную страсть ты сама на это намекала. Ты была для него пороком, наркотиком, чем-то, без чего он не мог обойтись, это твои собственные слова. Так откуда взялась эта мания?
 - Не знаю.
- Ты не похожа на женщину, способную внушить такую страсть, по крайней мере, мне так кажется.

— Да я и сама так думаю.— Она сказала это без тени досады или нронии, с каким-то

смирением и совершенно искрение.

- Если тебя интересует, что думаю об этом я теперь, когда лучше тебя узнал, то должен сказать, что не могу понять Балестриери и его страсти. Я не то чтобы разочарован, я уднвлен. После того, что ты мне рассказала о своих отношениях с Балестриери, я думал, что ты должна быть женщиной совершенно ужасной, из тех, что способны погубить мужчину. А оказалось, что ты самая обыкновенная девушка. Я уверен, что из тебя вышла бы прекрасная жена.
 - Ты так думаешь?
 - Да, мне так кажется.
 - Сказать по правде, я и сама так думаю.
- Ну и тогда чем же ты объяснишь страсть, вернее, тот род страсти, который Балестриери испытывал к тебе?
 - Не знаю.
 - Подумай.
 - В самом деле не знаю. Видно, так уж он был устроен.
 - То есть?
 - Ну, он мог любить только так.
- Это неправда. Я годами наблюдал за тем, как Балестриери меняет женщин. Только с тобой случилось то, что случилось.

Долгая пауза, потом вдруг, в порыве искренней готовности: «Ты задай мне точный вопрос, и тогда я отвечу».

- Что ты называешь точным вопросом?
- Ну, о чем-нибудь физическом, материальном. Ты все время меня спрашиваешь о чувствах, о том, что люди думают, что они не думают. И я не знаю, что отвечать.
- О материальном? Ну хорошо, скажи: ты думаешь, Балестриери знал, что ваши отношения подрывают его здоровье?
 - Знал.
 - И что он говорил?
- Он говорил: не в этот раз, так в другой, по это меня доконает. Я предупреждала его, чтобы он был поосторожнее, но он говорил, что ему все равно.
 - Все равно?
- Да, потом, с напряженным взглядом человека, который силится что-то вспомнить, да, сейчас, когда мы об этом заговорили, я вспомнила, что однажды, когда мы занимались любовью, он сказал: «Продолжай, продолжай, я хочу, чтобы ты продолжала и не думала обо мие, даже если я попрошу тебя прекратить, даже если вдруг почувствую себя плохо, даже если ты доведешь меня до смерти».
 - Ну, а ты что?
- Тогда я не придала этим словам значения. Он ведь столько всего говорил. Но ты заставил меня об этом задуматься.
- То есть ты хочешь сказать, что он любил тебя, потому что ты могла довести его до смерти, потому что ты была для него орудием самоубийства?
 - Не знаю. Никогда об этом не думала.

Вот так я постепенно приближался к истине, вернее, мне казалось, что приближался. И все-таки мне этого было мало. Мысль, что Чечилия была девушкой, каких тысячи, и что Балестриери видел в ней то, чего в ней не было, и от этого умер, эта достаточно самоочевидная мысль выглядела соблазнительно; кроме всего прочего, она объясняла и то, почему я, в отличие от Балестриери, не испытывал к Чечилии ничего, кроме простого физического влеченин. Однако, сам не знаю почему, это объяснение меня ие удовлетворяло. Словно, объясняя все, оно не объясняло ничего и оставляло открытым вопрос о Чечилии — то есть вопрос о ее заурядности и о страсти, которую эта заурядность внушила.

Тем временем я начал замечать, что скучаю в обществе Чечилии, то есть что я снова оказался в ситуации отчуждения, как ато было накануне нашего знакомства. Слово «скучаю» не означало, что мне стало с ней неинтересно, что онв мне надоела. Нет, как я уже говорил, речь шла о скуке не в общепринятом смысле слова. Не Чечилия была скучной, а я скучал, понимая, что прекрасно мог бы не скучать, если бы каким-то чудом сумел сделать нашу связь, которая с каждым днем ослабевала и внутренне опустошалась, более реальной.

Эту перемену в своих отношениях с Чечилией я заметил прежде всего потому, что стал иначе, чем раньше, относиться к физической любви, то есть к той единственной форме любви, которая была между нами возможной. Вначале эта любовь была для меня чем-то в высшей степени естественным, потому что мне казалось, что в ней природа превосходит самое себя, делаясь человечной и даже более чем человечной; теперь, напротив, меня поражало в ней прежде всего отсутствие всякой естественности, сам акт казался мне каким-то противоестественным, абсурдным и нарочитым. Ходить, сидеть, лежать, подниматься, опускаться — все, что умело делать человеческое тело, казалось мне оправданным, необходимым и потому естественным, но в совокуплении я видел теперь какое-то противоестественное насилие над человеческим телом, которое потому и приспосабливалось к нему с таким трудом и муками. Все, думал я, можно делать легко, грациозно, гармонично — только не совокупляться. Само устройство двух полов — аатрудненный вход в женский орган, неспособность мужского достигать своей цели столь же самостоятельно, как достигает своей цели рука или нога, и нуждающегося для этого в поддержке всего тела, казалось, доказывало абсурдность соития. От ощущения абсурдности физической любви до восприятия Чечилии как чего-то совершенно абсурдного был всего шаг. Именно так и вела себя обычпо скука, разрушая поначалу мои отношения с окружающими предметами, а потом и сами предметы, делая их бессмысленными, недоступными пониманию. Однако новым было то, что в случае с Чечилией, тоже превратившейся в моих глазах в нечто совершенно абсурдное, скука - может быть, оттого, что мне не хотелось рвать нашу сексуальную связь, к которой я привык, -- не просто делала меня холодным и безразличным, она нереходила границу атих чувств, побуждая меня к жестокости.

Все-таки Чечилия была не стакан, а человек, и потому даже в минуты скуки, когда она переставала для меня существовать, как любой другой предмет в этой ситуации, я умом продолжал сознавать, что она — человек. Но так же, как в случае со стаканом, когда я нспытывал пенреоборимое желание схватнть его, швырнуть об пол и вдребезги расколотить, чтобы хотя бы носредством этого разрушительного акта убедиться в реальности его существования, так и с Чечилией, если я начинал с ней скучать, мне тоже хотелось не то чтобы ее убить, но по крайней мере причинить ей страдание. Когда я мучил ее и заставлял страдать, мне казалось, между нами восстанавливаются связн, нарушенные скукой, и что за важность, если я добнаался этого посредством жестокости, а не любви.

Я хорошо помню, как в первый раз обнаружила себя моя жестокость. В один прекрасный день Чечилия, раздевшись, направилась к дивану, где, глядя на нее, лежал я, уже раздетый. Чечилия шла на цыпочках, выставив вперед грудь и оттопырив зад и сохраняя на лице торжественное и в то же время неловкое, смущенное выражение человека, приступающего к хорошо ему известному, но всегда новому делу — как это бывает в ритуалах. Я смотрел на нее, как она идет, и думал, что не только не испытываю желания (хотя потом, пусть чисто механически, я достиг необходимой для соития степени возбуждения), но мне казалось просто непостижимым, что между мною и нею могут существовать какие-то отпошения.

Пока я размышлял на эту тему, она подошла к дивану и уже поставила на него колено, как вдруг я заметил, что окно в комнате не до конца зашторено. Мне был неприятен яркий свет ветреного дня, а кроме того, напротив были окна, из которых при желании можно было заглянуть ко мне в студию. И я сказал, как ни в чем не бывало: «Взгляни-ка, окно... Пожалуйста, закрой как следует шторы».

— А, да, шторы, — сказала она и, послушно повернувшись, все так же на цыпочках пошла к окну. И вот, пока она шла, пока в пространстве комнаты перемещался этот странный телесный аппарат, наполовину женский, наполовину детский, мне вдруг в первый раз с тех пор, как мы познакомились, захотелось причинить ей страдание. И это желание тут же перенесло меня в далекую пору детства, напомнив об одном случае из моей жизни, когдв я тоже сознательно проявил жестокость.

В те годы у меня был простой полосатый кот, которого я очень любил, но который частенько мне надоедал: особенно когда оказывались исчерпаны те немногие игры, в которых бедный зверь мог продемонстрировать свою смекалку. В конце концов скука пробудила во мне жестокость, и я придумал следующую игру. Положив в тарелку немного сырой рыбы, до которой кот — я это знал — был большой охотник, я ставил ее в углу комнаты. Потом шел за котом и, дав ему понюхать рыбу, относил в другой угол и ждал, что он будет делать. Кот сразу же бросался к тарелке, и все его тело от носа до кончика хвоста излучало плотоядную радость; но едва он добегал до середины комнаты, как я хватал его за шкирку и относил в исходный пункт. Я повторял ату игру, если только можно назвать это игрой,

несколько рвз, и по мере того, как коту делалось все яснее, что он стал жертвой какого-то рокового невезения, поведение его на глазах менялось. Поначалу, во время первых прыжков, он выглядел сильным, алчным, уверенным в себе; потом сделался осмотрительным, осторожным, как будто надеялся, что, если он будет еле заметно перебирать лапами и припадать к полу, ему удастся усыпить мою бдительность, а может, он думал, что вообще станет невидимым; под конец же бедняга ограничивался тем, что делал еле заметное движение в направлении тарелки: лукавая и вместе с тем трогательная попытка, не тратя понапрасну сил, убедиться в непреклонности моей жестокой воли. И вдруг неожиданно все переменилось: кот заговорил. Я хочу сказать, что, повернув ко мне голову и глядя прямо в глаза, он промяукал что-то необычайно выразительное — трогательное и в то же время рассудительное, словно хотел сказать: «Ну зачем, зачем ты это делаешь? Зачем ты со мной это делаешь?» Эта мяукающая речь, такая ясная и красноречивая, сразу же заставила меня устыдиться. По-моему, я даже покраснел. Взяв беднягу на руки, я сам поднес его к тарелке и дал ему спокойно съесть всю рыбу.

И вот сейчас, глядя, как Чечилия на цыпочках послушно идет к окну, я решил поиграть с ней в ту же жестокую игру, в которую когда-то играл с котом. Ведь и она тоже подходила к дивану с мыслью о том, как она удовлетворит сейчас свой аппетит, и она, как когда-то кот, всей своей фигурой излучала этот аппетит — такой естественный и такой здоровый. И вот сейчас я начну с ней ту же игру, но на этот раз ясно понимая, зачем я это делаю: посредством жестокости я хотел восстановить для себя разрушенные скукой связи с окружающим миром.

Чечилия тем временем подошла к окну, задернула шторы и направилась назад к дивану. На ее лице, только что выражавшем смиренную услужливость служанки, которая, даже голая, чувствует себя обязанной выполнить приказ хозяина, снова появилось то сложное, торжестаенное и напряженное выражение, которое предваряло любовный ритуал. Все так же на цыпочках она обогнула мольберт, прошла через всю комнату, приблизилась к дивану и уже сделала движение, чтобы на него взобраться. Но я остановил ее: «Прости,— сказал я,— я не могу заниматься любовью при открытых дверях. Пожалуйста, закрой дверь в ванную».

— Какой ты нудный, — пробормотала она. Однако, как и прежде послушно, снова направилась через всю комнату к ванной. В полутьме я видел ее удаляющуюся от меня легкую фигурку с пышной каштановой гривой, худым торсом подростка; ниже тонкой талии явственно обозначались бледные выпуклости ягодиц. Послушно закрыв дверь, она повернула назад, чем-то похожая на привидение в темноте, которая делала ее глаза темнее и больше, груди смуглее и тяжелее, треугольник лобка глубже и чернее. На этот раз я остановил ее не тогда, когда она запосила на диван ногу, а когда, запыхавшись, она уже укладывалась рядом со мной. «Ради бога, извини, но не будешь ли ты так добра выключить телефон? Вчера он позвонил в самый разгар. Разумеется, я не стал брать трубку, но он испортил мне все удовольствие».

Она посмотрела на меня и, сказав вполголоса, почти безо всякого выражения, во всяком случае, без упрека: «Это будет уже в третий раз», поднялась и пошла выключать телефон, стоявший на столе, в центре комнаты, и против света ясно обозначился ее нрофиль. Затем она онять направилась к дивану, с лицом, которое в третий раз пастроилось на ритуальное ожидание. Я подождал, чтобы она подошла поближе, и воскликнул с деланной наианостью: «Какой же я рассеянный! Чечилия, дорогая, сделай мне еще одно одолжение: поди принеси с подоконника сигвреты... ты знаешь, сразу после я люблю закурить... Очень тебя прошу».

Ничего не сказав, она бросила на меня изумленный взгляд, но повиновалась и в четвертый раз: вот она идет к окну, чтобы взять сигареты, вот возвращается, готовая отдаться и только этого и ожидающая.

— Держи свои снгареты,— сказала она шутливо, швыряя пачку прямо мне в лицо и делан вид, что сейчас и сама на меня набросится. Но я опять ее остановил: «А спички?»

«Уфф!» — еще одно путешествие по комнате, все так же на цыпочках, но, когда она возвращалась, ритуальное выражение на ее лице словно бы подернулось тенью сомнения и обиды. Она броснла мне в лицо спички, как до этого сигареты, но, вместо того чтобы улечься рядом, остановилась, не доходя до дивана, и сказала: «Скажи сразу, пока я не легла, что тебе еще нужно?»

- Ах да,— придумал я,— мне нужно, чтобы ты пошла на кухню и закрыла газовый кран: по-моему, я оставил его открытым.
 - Еще что?
- Есть кое-что и еще: поди в прихожую и отключи дверной звонок. Чтобы нас никто не побеспокоил.

И я стал ждать, когда она все это исполнит.

Я думал, что Чечилия тут же отправится выполнять приказанное, но вдруг увидел, что она внезапно села на стул, обхватив одну ногу руками, и, скорчившись в этой позе сомиения и обиды, молча на меня посмотрела. «Что с тобой, — спросил я удивленно, — почему ты не делаешь то, что тебя попросили?»

Ответила она не сразу. Но в конце концов спросила очень осторожно:

— Но только вот эти две вещи или еще что-нибудь?

- Только эти две.

Она встала с едва ааметным вздохом и опять пропутешествовала через всю комнату, сходив сначала на кухню, а потом в прихожую. Когда она возвращалась, я заметил, что на ее лице все еще держится выражение желания и ожидания, и спросил себя, а удержится ли оно, если я продолжу свою жестокую игру? Ведь это любовь, думал я, единственная любовь, на которую она способна, и я эту любовь убиваю. И тем не менее, когда она растянулась подле меня, я не удержался и скааал: «Мне очень жаль, но тебе придется встать еще раз. Мне нужна пепельница, не могу же я стряхивать пепел на пол».

И тут она сделала нечто прямо противоположное тому, что сделал кот в далекие годы моего детства. Кот заговорил рассудительно, как человек, как христианин, испытанное им страдание возвысило его до уровня человека. А вот Чечилия, столкнувшись с такой же жестокостью, прибегла к жесту чисто животного смирения — немого и в то же время душераздирающего. Вместо того чтобы встать, как я ей приказал, она, свернувшись клубочком, еще теснее прижалась ко мне, спрятав лицо у меня между плечом и шеей и сцепив вокруг меня руки. Как животное, которое не умеет говорить, она умоляла меня перестать ее мучить, какие бы ни были у меня на то причины и какое бы удовольствие я от этого ни получал. Это смиренное объятие, исполненное мольбы и печали, настолько же инстинктивно животное, насколько кошачье мяуканье было по-человечески разумным, оказало на меня то же действие. Внезанно я устыдился своей жестокости, которая в чужом страдании искала доказательства существовання реальности, и, взяв назад свои бессмысленные требования, обнял ее. И сразу почувствовал, как ее тело, которое, казалось, только и ждало от меня этого сигнала, прижалось ко мне уже совсем по-другому, не умоляя, а требуя: нетерпеливый сухой удар лобка дал мне понять, что она готова к любви. Ну что же, подумал я, уже нв скучая, а веселясь, приступим к трапезе.

Но с того дня я стал испытывать отвращение к жестокости как к ясному симптому нарушения связей и в то же время страх сделаться в будущем еще более жестоким, жестоким постыдно и непоправимо. Ведь это было лишь первым предупреждением, и я понимал, что, продлись моя связь с Чечилией еще немного, я могу дойти даже до садизма. Ибо именно на этот путь толкало меня желание установить с ней хоть какую-то связь. То, что патетический и бессловесный жест Чечилии ааставил меня прекратить пытку, не должно было меня особенно успокаивать. Ведь я перестал ее мучить не потому, что мне стало жалко ее и стыдно за себя, а потому, что этим объятием онв показала, что страдает, а именно этого я и добивался. Учитывая неизбежную потерю чувствительности, движение в этом направлении должно было, как я уже говорил, привести меня прямо к садизму, то есть трансформировать скуку в своеобразный механизм извращения. Сама скука пугала меня, но не вызывала отвращения, потому что в ней было все-таки что-то сущностное и подлинное. Садизм же мне был именно отвратителен, отвратителен своим лицемерием (ведь садист претендует на то, что должен наказать свою жертву, в то время как в самом деле он просто ищет наслаждения в тех страданиях, которые пол видом наказания он ей причиняет), а кроме того, мне был противен сам вид возбуждения, который он вызывал. тем более нечистого, чем более целомудренным оно хотело казаться вплоть по того момента, когда оно разрешалось в половом акте, обнаруживая таким образом свою по существу наркотическую природу.

К счастью, однако, я не жесток: первый случай мучительства так и остался иоследним. И я даже решил, что мне следовало бы набавиться от Чечнлии, и чем скорее, тем лучше. Мне было жалко это делать, но не из-за себя (я считал, что я-то ее не люблю), а из-за нее: мне казалось, что, хотя и не показывая этого, она была в меня влюблена. Почему я был так увсреи, что не люблю Чечилию, трудно сказать. Вндимо, потому, что я мог располагать ею, вернее, ее тслом, когда хочу и сколько хочу, и это создавало иллюзию нолного обладания, то есть отношений настолько законченных, что продолжать их просто не имело смысла. А в том, что Чечилия меня любит, я был уверен потому, что она всегда была такой послушной, такой уступчивой, такой покорной. По свойственному всем мужчинам тщеславию я приписывал эту покорность любви, хотя, казалось бы, мне должна была внушить подозрение любовь, которая никак себя не выказывает и имеет чисто автоматический характер. По полагая, что, порвав с Чечилией, один только я иснытаю от этого облегчевие, в то время как она будет от этого страдать, я со дня на день откладывал наш разрыв; мне хотслось найти предлог, который сделал бы для нее этот разрыв как можно менее обидным и болезненным.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Я принял решение бросить Чечилию в тот самый день, когда со миой случился описанный выше приступ жестокости. Решение пришло ко мне сразу, как только за Чечилией закрылась дверь, но должны были пройти еще две недели, прежде чем я придумал пред-130

лог иля разрыва. Никогда еще скука не терзала меня так сильно, как в эти две недели, когда она, кааалось, воплотилась для меня в облике моей молоденькой любовницы. Помню, что, когда я слышал знакомый авонок — коротенький и неуверенный, — я испускал тяжелый вздох человека, находящегося на пределе терпения, а все, что происходило после того, как Чечилия оказывалась в студии, словно аастывало в тусклой тупой неподвижности, которую не могли нарушить ни процедурв раздевания, ни поцелуи, ни ласки, ни эротические ухищрения, на которые Чечилия была так щедра, и даже ритуальная монотонность финала, аавершавшегося эпилептической судорогой оргаама. Одетая или раздетан, распростертая подо мною во время соития или лежащая рядом после, в темноте или на ярком свету, Чечилия с каждым днем становилась в моих глазах все менее и менее реальной — не просто даже как личность, но как вещь, которой еще совсем недавно удавалось меня убедить в несомненности своего существования. И так как прибегать к жестокости, которая, вероятно, на какое-то время могла бы сообщить эфемерную реальность нашим отношениям, я не хотел, мне стало ясно, что близок день, когда я поступлю с Чечилией, как поступил бы с любой вешью, которая мне больше не нужна, — то есть брошу ее, не позаботившись представить веских объяснений ни себе, ни ей. А аначит, нужно было, пока не поздно, найти какой-нибудь предлог.

Как-то утром я решил навестить мать, у которой не был с памятного дня своего бегства. Сев в свой старый расхлябанный автомобиль, я направился к Аппиевой дороге. Вот она, эта древияя дорога, языческая и христианская, ставшая столь модной сейчас у богатых людей; вот ограды, из-за которых наружу выплескивается аелень садов и парков; вот прорезанные в них ворота; вот спрятавшиеся среди деревьев виллы, вот высаженные рядами кипарисы, вот одинокие пинии, вот аелевые лужайки и на них краснокиричные развалины с вкраплениями белого мрамора; а вот, между двумя пилястрами, идущая вверх аллея с покрытием из хорошо разровненной гальки, подъездная площадка, обрамленная каменными дубами и лавровыми деревьями, и приземистое красное адание нашей виллы. На атот раз мне открыла не Рита — хмурая горничная в очках: на пороге появился коренастый дворецкий, в форменной полосатой куртке, с жирным лицом пономаря, и, называя меня «господин маркиз», сообщил, что «госпожа маркиза» дома. Я вздрогнул, услышав новый для меня титул, и вошел в кабинет. Мать сидела аа столом, погрузившись в бумаги: на носу очки, в зубах длинный мундштук. Приложившись традиционным поцелуем к иссохшей щеке, я сказал: «В чем дело? Откуда взялся титул маркиза. с которым обратился ко мне твой новый камердинер? И откуда взялся он сам? Где Рита?»

Мать сняла очки и некоторое время молча смотрела на меня стеклянными голубыми глазами. Потом сказала своим неприятным голосом: «Риту я выгнала, она оказалась совершенно жуткой бабой».

— Да? А в чем дело?

— Не пропустила ни одного мужчины ни в доме, ни вокруг, в радиусе нескольких километров. Нимфоманкв.

— Смотри-ка, кто бы мог подумать! У нее был такой серьезный вид!

Мать снова помолчала, словно хотела, чтобы я сосредоточился, прежде чем услышу новость, которую она собиралась мне сообщить: «Что касается титула, то недавно один специалист по геральдике сказал мне, что наш род очень анатен, что мы маркизы. Уж не знаю почему, но семейство твоего отца отбросило титул около века назад. Но я проведу необходимые расследования, и вскоре мы получим право его носить. Мне кажется, грешно им не воспользоваться, уж коли имеешь на это право».

Я ничего не ответил: снобизм матери был мне хорошо известен, и я привык ничему не удивляться. Через мгновенье она снова заговорила. «Не знаю, — сказала она тоном упрека, — отдаешь ли ты себе отчет в том, что после своего, скажем так, исчезновения в день

твоего рождения ты в первый раз навещаешь мать».

Я ответил достаточно сокрушенно: «Ты права. Но я был страшно аанят».

Она спросила: «Ты снова стал рисовать?»

Я ответил: «Не бойся, я был занят совсем другим».

- Па я ничего и не боюсь. Я даже предпочла бы, чтобы ты вернулся к рисованию.

— Почему?

— Потому что тогда ты бы меньше думал о женщинах, — сказала мать неожиданно и, главное, неприязненно. И потом, глядя мне в лицо, добавила: — Ты что, думаешь, это незаметно?

— Что незаметно?

Мать ушла от прямого ответа и сказала только: «Должна тебе сказать, что ты плохо выглядишь».

Я и сам это знал. Два месяца любви меня действительно вымотали. Так как ничем другим я в это время не занимался, выглядел я действительно не блестяще. Я сквзал: «Ну и что, аато я прекрасно себя чувствую».

— На мой взгляд, тебе следовало бы отдохнуть: уехать за город, заняться спортом, подышать свежим воздухом. Почему бы тебе не податься в горы на месяц-на два?

- Чтобы поехать в горы, нужны деньги, а у меня их нет.

Всякий раз, когда я начинал играть на своей бедности, которая была добровольной и в сущности притворной, мать возмущалась: моя щепетильность казалась ей бессмысленной и даже безнравственной. То же случилось и на этот раз: «Ну об этом, Дино, ты мог бы не говорить».

— Йочему? Сегодня пятнадцатое, и от месячного пособия у меня осталось всего каких-

то сорок тысяч лир.

— Но, Дино, у тебя нет денег, потому что ты сам этого не хочешь. Ты богат, Дино, ты очень богат и напрасно притворяешься бедным. Что бы ты там ни придумывал, ты богат и останешься богатым.

Это было именно то, что я и сам думал. И я сказал, очень четко: «Если ты хочешь, чтобы я к тебе приходил, перестань напоминать мне о том, что я богат. Поняла?»

— Но почему? Ведь это же правда?

— Да, это правда, но она меня унижает.

— Да почему она тебя унижает? Подумать только, сколько людей были бы счастливы оказаться на твоем месте! Послушай, сын: почему тебя унижает то, что любого другого сделало бы счастливым?

В голосе матери слышалось искрениее огорчение, и я неожиданно почувствовал раздражение и усталость. «Есть люди, — сказал я, — у которых аллергия к землянике. Стоит им хотя бы ее попробовать, как они тут же покрываются красными пятнами. А у меня аллергия к деньгам. Я краснею при мысли, что они у меня есть».

Мать, словно ища примпрения, сказала: «Ну, допустим. Пускай ты беден. Но ты бедняк, у которого есть богатая мать. По крайней мере с этим ты можешь согласиться?»

- Нуичто?

 — А то, что мать хочет одолжить тебе денег, чтобы ты мог поехать в горы, скажем, в Кортина д'Ампеццо.

Я чуть не взвыл от ярости, которую вызывали у меня обычно материнские рекомендации, которые я мог перечислить заранее, — зима в Кортина д'Ампеццо, лето на Лидо, весна на Ривьере, — как вдруг внезапно понял, что, сам того не желая, получил законный предлог для разрыва с Чечилией. Я возьму у матери сумму, на которую можно прожить в Кортина д'Ампеццо, на эти деньги куплю Чечилии подарок и тут же сообщу ей, что вынужден уехать, чтобы сопровождать мать в горы. Подарок смягчит разлуку, которую я, впрочем, пока представлю как временную, а позже я напишу ей прощальное письмо. Я сказал примирительным топом: «Ну хорошо. Пусть будет Кортина. Давай деньги».

Видимо, мать не ожидала, что я сдамся так быстро. Растерявшись, она внимательно на

меня посмотрела, потом спросила: «Когда ты хотел бы поехать?»

- Да сразу же. Сегодня пятнадцатое... Ну хотя бы восемнадцатого.

— Но надо заказать гостиницу.

- Я телеграфирую.

- И сколько ты думаешь там пробыть?

Дней пятнадцать-двадцать.

Казалось, что мать уже раскаивается, что сделала мне это предложение, вернее, насколько я мог понять, раскаивалась она не в том даже, что она его сделала, а в том, что предварительно не выторговала себе какую-нибудь компенсацию. Привычка к спекуляции была в ней так сильна, что она не могла расстаться с ней даже в отношениях со мною. Она сказала нерешительно и неохотно: «Разумеется, я дам тебе столько, сколько понадобится. Я обещала и сдержу свое слово».

— Хорошо. Так давай!

Что за спешка? И потом — сколько тебе нужно?

Ну, будем исходить из двадцати тысяч в день. Стало быть, двести тысяч.

Дваднати тысяч лир в день?

- Так я богат или нет? Вроде бы ты сама только что об этом говорила. Я не собираюсь останавливаться в отеле первого класса. Двадцать тысяч в день этого едва хватит для самого скромного проживания.
- Тут у меня денег нет,— сказала мать, решившись наконец на завуалпрованный отказ.— Я никогда не держу денег в кабинете.

— Хорошо, — сказал я, поднимаясь. — Так пройдем к тебе.

- И в спальне у меня тоже ничего нет. Как раз сегодня утром мне пришлось сделать одну выплату.

- Так выпиши чек. Уж чековая книжка у тебя наверняка есть.

Странно, но в ответ на это в высшей степени разумное предложение она внезапно переменила решение. «Нет, я все-таки дам тебе наличными, у меня вчера как раз кончилась чековая книжка. Пойдем наверх».

Мать поднялась, и я последовал за нею, спрашивая себя, почему произошла столь внезапная перемена в способе выплаты. Недоумевал я недолго. Уже на лестнице мать, не оборачиваясь, сказала: «Да, кстати, сейчас я дам тебе задаток — сто тысяч. Остальное завтра. Больше не могу, это все, что у меня сейчас есть».

То есть мать переменила свое решение, потому что чек ей пришлось бы выписать на

всю сумму, в то время как наличными она могла дать меньше, сославшись на то, что больше у нее сейчас нет. Откуда этот внезапный приступ скупости? Может быть, подумал я, она боится утратить надо мною контроль, а может быть, хочет получить от меня что-то в обмен на деньги. Ничего не сказав, я последовал за нею по лестнице, и мы вошли в ее спальню. Это была большая и комфортабельная комната в современном стиле, выдержанная в серых и белых тонах: из-за множества ковров и занавесок — тут не было ни кусочка пола, ни клочка стены, не задрапированного тканью, — возникало ощущение духоты. В полумраке, придававшем нашему отражению в зеркалах что-то зловещее, мы выглядели словно два заговорщика. Мать подошла к двери в ванную, находившуюся в глубине компаты, и открыла ее. Я остался стоять на пороге. «Что ты там стоишь, — сказала мать, — иди сюда, у меня от тебя нет секретов».

— У тебя нет секретов, — сказал я, — потому что ты знаешь, что мне не нужны твои

деньги. Если бы это было не так, ох, сколько бы у тебя появилось секретов!

- Что за глупости! сказала мать. Разве ты мне не сын? И первой вошла в ванную. Она была очень просторная такими подчеркнуто, бессмысленно просторными бывают в богатых домах помещения, предназначенные для ухода за телом. Ванну от раковины отделяло по меньшей мере четыре метра мраморного пола, а раковину от унитаза столько же кафельного. Я увидел, как мать подошла к стене, взялась за один из крючков, предназначенных для полотенец, повернула его направо, потом налево, а затем потянула на себя. Пластинка из четырех белых плиток открылась, как дверца, обнажив сверкающую поверхность стального сейфа. «Ну-ка, сказала мать менторским тоном, как бы предвкушая удовольствие, ну-ка, посмотрим, сможешь ли ты справиться с шифром». В свое время она сообщила мне этот шифр, и я, сам того не желая, его запомнил, просто потому, что у меня хорошая память, но мне было противно пускать его в ход, особенио под ее взглндом: так бывает противно участвовать в ритуалах религии, которую не исповедуешь. «Зачем это, сказал я, открывай сама, я-то тут при чем?»
- Я просто хотела проверить, помнишь ли ты шифр, весело сказала мать. Потом протянула свою белую, унизанную массивными перстнями руку и быстрым нервным движением набрала на циферблате несколько цифр. Сейф открылся. В глубине его были беспорядочно свалены пакеты акций и конверты, белые и желтые. Внезапно мать перешла от веселости к подозрительности и бросила на меня недоверчивый взгляд. Я растерянно отвел глаза: прямо передо мной в фарфоровой чаше унитаза лежал комок ваты. Я протянул руку и с шумом спустил воду. Когда я снова поднял глаза, мать уже держала в руке белый, очень толстый конверт и устанавливала на место плитки. Потом, возвращаясь обратно в комнату, она сказала: «Сегодня я дам тебе пятьдесят тысяч. Я только сейчас вспомнила, что другие пятьдесят мне нужно сегодня отдать поставщику».

То есть она еще раз урезала сумму, которую я у нее просил. Я рассчитывал сделать Чечилии подарок за двести тысяч, потом примирился с сотней, но пятьдесят — этого было слишком мало, чтобы смягчить известие о разрыве. И я решительно запротестовал: «Нет,

мне нужна сотня. Поставщику заплатишь в другой раз».

— Но это невозможно.— Мать подошла к высокому старинному комоду, отверпулась от меня и, насколько я мог видеть, на его мраморной поверхности распечатала конверт. Я сказал, не двигаясь с места: «Ведь ясно же, что в этом конверте больше пятидесяти, может быть, даже больше трехсот. Тут по крайней мере полмиллиона, к чему эти отговорки?»

Мать, не оборачиваясь, поспешно ответила: «Нет-нет, здесь всего пятьдесят».

Тогда дай мне взглянуть.

Она неожиданно резким движением повернулась ко мне, заслоняя собою конверт, и я увидел, каким взволнованным стало ее худое иссохшее лицо. «Дино, почему ты не хочешь вернуться к матери? Ведь если бы ты жил здесь, у тебя было бы столько денег, сколько ты захочешь!»

Так вот, значит, на какую компенсацию рассчитывала мать, и так ли уж важно, что свое требование она выставляла не в виде сухой дилеммы, как было бы в этом случае с должником, а в форме патетического призыва. И тогда и я спросил у нее в свою очередь: «При чем здесь это?»

— Но я же вижу, что ты пришел сюда только ради денег, и это после того, как мы не виделись целых два месяца!

Я уже говорил тебе, что был занят.

— Если бы ты вернулся, ты и здесь мог бы заниматься всем, чем хочешь. Я не вмешивалась бы в твою жизнь.

Лучше дай деньги, и прекратим этот разговор.

 Ты мог бы приходить и уходить по своему усмотрению, поздно возвращаться, принимать кого хочешь, водить любых женщин.

- Но мне никто не иужен!

— Может быть, ты убежал тогда, потому что подумал, что я помешаю таоей связи с Ритой? Ты ошибаешься. Мне нужно только, чтобы ты соблюдал форму, а в остальном я тебе не помеха.

Тут я не на шутку удивился. Так значит, мать ааметилв что-то между мной и Ритой, но молчала, надеясь, видимо, что интрижка с горничной укрепит мои связи если не с ней, то с домом, а значит, и с ней. И когда же она это заметила? Во время завтрака? Или позже? Я внезапно ощутил неприятное чувство сыновней виновности, словно снова стал мальчиком и мать имеет право меня пристыдить. Однако я быстро справился с этим чувством, вспомнив, что к Рите меня толкнуло отчаяние, в которое неизменно приводил меня каждый внзит к матери. И я раздраженно сказал, глядя ей прямо в лицо: «Нет, я бежал тогда не из-за Риты, я бежал из-за тебя».

— Из-за меня? Но я ведь даже сделала вид, что не замечвю, как ты ее лапаешь во

время завтрака!

Эта фраза, в еще больше тон матери меня взбесили. «Если хочешь знать, я из-аа тебя и стал ее "ланать", если воспользоваться твоим выражением».

- При чем здесь я? Разве я виновата в том, что ты пристаещь к служанкам?
- Я стал лапать ее руками, потому что ты стала лапать меня ногами.
- Ногами, я?
- Да, ты, ногами так ты давала мне понять, что не следует говорить о деньгах в присутствии горничной. И потом знай, — я подошел к ней вплотную и говорил ей теперь прямо в лицо, — знай, что все глупости, которые я делал в своей жизни, были иа-за тебя.
 - Из-за меня?
- Всю свою юность, закричал я внезапно в приступе бешенства, я мечтал стать вором, убийцей, преступником, лишь бы не быть таким, каким тебе хотелось меня видеть. И благодари Бога, что мне это не удалось, не представлялось случая. И все это из-за того, что я жил рядом с тобой, в этом доме.

На этот раз мой тон, видимо, в самом деле напугал мать, которая обычно, что бы я ни говорил, выглядела бестрепетной инкассаторшей. Я увидел, квк исказилось ее лицо, как задергалась голова. «Ну ладно, ладно, — пробормотала она, — если это в самом деле так, то не ходи больше ко мне, не ходи в этот дом».

Внезапно я успокоился. «Нет, приходить я буду, но не проси меня, чтобы я его любил».

- Да что такого ужасного в этом доме, разве он не такой, как все?
- Нет, он не как все, он даже красивее и удобнее многих других.
- Тогда в чем дело?

Я увпдел, что она почувствовала облегчение, убедившись, что я отказался от прямой атаки. Я ответил ей вопросом: «Но ведь и отец не хотел жить в этом доме. Почему?»

- Твой отец любил путешествовать.
- A не точнее ли будет сказать, что он путешествовал, потому что не любил жить здесь?
 - Твой отец был твой отец, а ты это ты.

Споры такого рода возникали у нас с матерью не в первый раз. Я мог кричать, мог ее оскорблять, но никогда не договаривал всю правду до конца: этот дом мне был противен, потому что это был дом богатых людей. И хотя я должен сказать, что мать сама все время подводила меня к этому порогу, словно дразня, словно провоцируя меня на ответ, ей всетаки не хотелось, чтобы я произнес все это вслух, и в последний момент она всегда отступала, переводя разговор на другую тему. Так случилось и сейчас. Я уже приготовился ей ответить, как она вдруг нервно сказала: «Сказал бы прямо, что хочешь жить отдельно, чтобы чувствовать себя свободным. Ты неправ, если так думаешь, но это неважно. Держи, вот твои сто тысяч».

Опа протяпула мне деньги, но как бы не окончательно: стоило мпе протяпуть за ними руку, как она свою отдерпула, словно желая подчеркнуть, что взамен я не даю ничего. И добавила: «Да, кстати, может быть, останешься хотя бы на завтрак?»

- He mory.
- Я пригласила несколько человек. Будет министр Триоло с женой. Симпатичный человек, интеллигентный, знергичный.
 - Министр? Какой ужас! Ну, давай же мои деньги!

На этот раз она отдвла мне деньги, движевием раздраженным и в то же время перешительным, словно, протягивая, хотела забрать их обратно. «Приходи тогда завтра. Будем только ты да я. И я отдвм тебе остальное. В том случае, разумеется, если ты действительно решишь поехать в Кортину».

- А почему ты сомневаешься?
- С тобой никогда ии в чем нельая быть уверенной.

Но сейчас мать выглядела уже довольной. Я понял это по тому, как она, идя впереди меня по лестнице, держала голову и скользила по перилам рукой. «Может быть, — думал я, — она довольна тем, что еще раз сумела избежать серьезного объяснения, того объяснения, которого не желает ни один богатый человек, потому что после цего он уже не смог бы спокойно наслаждаться своим богатством». Удовлетворение, которое она испытывала, было, по-видимому, таким полным, что она забыла о моем уклончивом отказе и уже у самых дверей снова сказала: «Почему бы тебе не дождаться министра? Выпьете с ним аперитив, а потом уйдешь. Он человек влиятельный, может тебе пригодиться».

— Мне он, к сожалению, пригодиться никак не может,— сказал я со вздохом.—
 И потом, мне пора бежать.

Мать не настаивала; отворив входную дверь, она вышла на порог, к подъездной площадке, пряча руки под мышками и подрагивая от осеннего влажного воздуха. «Если так будет лить и дальше,— сказала она, разглядывая затянутое тучами небо,— прощайте все мои цветочки».

— До свиданья, мама, — сказал я и, наклонившись, запечатлел ритуальный сухой поцелуй на столь же сухой щеке. Потом бегом побежал к машине: я уже видел, что в конце аллеи показался направляющийся к дому автомобиль, и всеми силами старался избежать встречи с гостем. Я уселся за руль в тот самый момент, когда машина въехала на подъездную площадку и остановилась. Мать стояла на пороге с видом человека, нриготовнышегося к приему почетных гостей. Я завел мотор и отъежал, успев увидеть, как из машины вышел шофер в униформе, снял фуражку и распахнул дверцу, но не успев разглядеть того, кому принадлежала нога в чериом башмаке, которая нащупывала землю, высунувшись из машины.

Еще не было часу, и я, пролетев на бешеной скорости Аппиеву дорогу, поспел на площадь Испании перед самым закрытием магазинов. Я знал, куда мне нужно пойти, чтобы купить подарок для Чечилии, -- в магазин дамских зонтов и сумочек на улице Кондотти. Он был полон элегантных покупательниц, которые при виде меня посторонились с некоторым, как мне показалось, удивлением. Потом, торопливо выбирая сумочку из крокодиловой кожи, я вдруг увидел себя в зеркале и понял причину этого удивления. У меня был вид бродяги, притом бродяги опасного: лысая макушка, обрамленная длинными белокурыми прядями, поросшие рыжей щетиной щеки, угольно-черный свитер, из-под которого виднелась рубашка без галстука, мятые потертые брюки оливкового цвета. Высокий, а в этом помещении с низкими потолками прямо-таки непомерно высокий, со лбом, нависающим как козырек над голубыми с красными прожилками глааами, с коротким носом, толстыми губами — обезьяна да и только! В то же время я понял, как должна была любить меня мать, если она была готова пригласить меня даже в таком виде на завтрак с министром и другими гостями. Но потом подумал, что благодаря особой ее чувствительности к тому, что она называла «формой», мать могла решить, что я одет так, как и подобает художнику, в своего рода униформу, указывающую на мое место в этом мире, место отнюдь не позорное в глазах общества, признававшего за художником право носить свитер, так же, как признает оно право министра на пиджак. Я так погрузился в эти размышления, что вадрогнул, услышав голос продавщицы, которая протягивала мне сумку, Я ааплатил, взял сверток и вышел.

Был час. Свидание было назначено на пять. Странно, но до сих пор, то есть пока отношения с Чечилией казались мне незыблемыми, я никогда не замечал часов ожидания; теперь же, когда я решил с ней расстаться, необходимость ждать вдруг повергла меня в какое-то странное смятение. Поэтому все, что я мог сделать до пяти, я делал чрезвычайно медленно, надеясь, что время таким образом пройдет незаметно и безболезненно; я поел в траттории своего квартала, притворяясь перед самим собой, что медлю потому, что смакую каждый кусок; потом я пошел в бар и, выпив кофе, еще прослушал несколько пластинок, меняя их в автоматическом проигрывателе; затем я выпил кофе в другом кафе и, вскарабкавшись на высокий табурет неред стойкой, прочел от первой до последией строчки какую-то газету. Потом минут двадцать я беседовал с попавшимся мне на улице художником, которого я даже не знал по имени, и старательно изображал интерес к произносимой им длинной диатрибе по поводу разных премий и выставок. Но даже при всем этом я сумел убить только два часа из тех четырех, которые отделяли меня от свидания. Чувствуя на душе тревогу, я вернулся нвконец в свою студию.

Там меня встретил сочащийся через белые шторы мягкий, пеяркий, но беспощадно ясный свет, тот самый свет, при котором ощущение скуки, то есть осознание полного разрыва между мпою и окружающими меня предметами, обретало качество единственно возможного, совершенно естественного ощущения, хотя от этого оно не становилось менее мучительным. Наоборот, стоило мне войти и сесть в кресло перед пустым холстом, до сих пор белевшим на подрамнике, я сразу же подумал: «Я здесь, а они там». «Они», как я это уже знал по опыту, это были предметы вокруг меня: холст на подрамнике, круглый стол посреди комнаты, отгораживающая кровать ширма в левом углу комнаты, кафельная печь с трубой, выведенной в потолок, стулья, заваленные набросками, книжный шкаф. «Они там, — твердил я себе, — а я здесь». И между ними и мной не было ничего, ну то есть абсолютно ничего, как в космическом пространстве между звездами, отстоящими друг от друга на миллиарды световых лет.

Я новторял: «Я здесь, а они там», и вспоминал Чечилию, как лежала она вчера на этом диване — закрытые глаза, голова, откинутая на валик, выпяченный живот, — предлагая себя в самом прямом и откровенном смысле слова, именно так, как предлагает себя вещь, которая сама по себе не может ничего, кроме как навязать вам обладание ею; и еще я вспомнил, что, идя к дивану, я подумал, как сегодня: «Она там, а я здесь», и почувствовал, что между мною и нею нет ничего, полная пустота, и эту пустоту я должен пройти, пере-

сечь, заполнить движением своего тела, бросающегося на ее тело. Вспоминая усилие, которое, словно при взятии барьера, мне пришлось над собою сделать, чтобы обнять Чечилию и овладеть ею, я внезапно понял, что мое решение покинуть ее было не чем иным, как официальным, если можно так выразиться, признанием уже существующего положения дел. Да, расстанусь я с Чечилией сегодня, но на самом-то деле я покинул ее много раньше, а вернее. я никогда и не был рядом с нею.

От всех этих мыслей я задремал и в конце концов заставил себя перейти с кресла на диван. Я заснул почти сразу и с таким страстным желанием заснуть, что мне казалось, будто я, скорчившись, стиснув кулаки и зубы, проваливаюсь в какую-то пропасть, и тело мое по мере этого падения становится все тяжелее и тяжелее. Потом я вдруг проснулся с привкусом железа во рту, как будто в зубах у меня была зажата металлическая планка. В студии было почти темно. Предметы в сером полумраке сделались черными. Я соскочил с дивана и включил свет. За окном сразу же наступила ночь. Тогда я посмотрел на циферблат будильника, стоящего на столе, и увидел, что уже больше шести. Чечилия должна была прийти в пять.

Не нужно было много воображения, чтобы понять, что опоздание не случайно и что сегодня она, по-видимому, уже не придет. Между тем одной из странностей противоречивой натуры Чечилии, которой были явно недоступны чувства, заставляющие одного человека не причинять страданний другому, была пунктуальность: она была пунктуальна так, как будто действительно меня любила, и когда ей почему-либо приходилось опаздывать, она всегда успевала меня предупредить. Поэтому сегодняшнее опоздание не было вещью обычной и могло объясняться разве лишь тем, что произошло нечто настолько более важное, чем иаше свидание, что Чечилия не только не пришла, но и не смогла сообщить мне о том, что не придет.

Однако первая мысль, которая пришла мне в голову в связи с этим, была следующая: «Так ты что — недоволен? Ты же хотел от нее избавиться, и вот, она не пришла. Казалось бы, так даже и лучше?» Однако в моем рассуждении был оттенок сарказма, так как я должен был с удивлением признать, что опоздание Чечилии не только не доставляет мне удовольствия, но, наоборот, очень меня тревожит.

Я вернулся на диван и принплся размышлять. Почему опоздание Чечилии так меня взволновало? И понял, что если до сих пор Чечилия была для меня, как я уже говорил, ничем, то теперь, именно в результате опоздания, она стала «чем-то». Но это едва обретенное «что-то», к сожалению, ускользало у меня из рук: ведь Чечилия не пришла! Когда она была в студии, когда она меня обнимала, она казалась мне несуществующей, зато теперь, когда ее не было и я знал, что она не придет, я с неосознанной горечью вдруг ощутил, что она существует.

Я попытался осмыслить все это получше, но заметил, что это мне дается с трудом, потому что мне было больно. Итак, Чечилия не пришла; итак, она даже не потрудилась представить мне какие-то оправдания; итак, она меня разлюбила, или, во всяком случае, любила меня не настолько, чтобы быть пунктуальной или хотя бы предупредить; иными словами, она любила меня чрезвычайно мало. И тут я неожиданно с удивлением осознал, что за все два месяца, пока длилась наша связь, Чечилия ни разу не сказала, что любит меня, и я ее ни разу об этом не спросил. Разумеется, можно было считать признанием в любви то, что она мне отдавалась, показывая тем самым, что ей со мной хорошо. Но вполне возможно, и это я понял только сейчас, что это не эначило ровно ничего.

О том, что эта «жертва тела» не значила для нее ничего, я мог бы догадаться и по тому, как мало она придавала этому значения. Такие вещи нельзя не чувствовать: Чечилия отдавала мне себя с тем поистине дикарским простодушным безразличием, с каким, снимая с шеи, дикарь отдает алчному завоевателю амулет из драгоценных камией. Можно было подумать, что она не знала поклонников, которые дали бы ей почувствовать, каким желанным может быть женское тело. Правда, Балестриери ее обожал и даже умер от этого обожания, по казалось, Чечилия до сих пор этому удивляется как вещи, с ее точки зрения глупой и непростительной.

Неожиданно я почувствовал укол в сердце я вздрогнул. Уколола меня мысль — думай не думай, а она не пришла, — которая заставила меня почти физически ощутить бесплодность всех моих размышлений перед лицом этого отсутствия. Я посмотрел на часы и заметил, что со времени моего пробуждения прошло уже тридцать минут: Чечилия, конечно, сегодня не придет. И я больше не желал убеждать себя в том, что ее отсутствие мне безразлично.

Я подумал: не заболела ли она — единственная причина, которая могла бы объяснить ее поведение, не посеяв во мне подозрений, и вскочил с дивана, чтобы ей позвонить. И только тогда, с ощущением совершающегося открытия, понял, что никогда не звонил Чечилии, ни разу. Это она мне всегда звонила, каждый день, а я не звонил, потому что мне это было не нужно. Такое полное отсутствие любопытства с моей стороны показалось мне весьма знаменательным. Я никогда не звонил Чечилии, потому что никогда не пытался установить с ней настоящие отношения. Так они и стали ничем: скука легко их подорвала, и в конце концов я даже решил покончить с ними совсем.

Номер Чечилии ответил загадочным молчанием: вернее, молчание казалось мне загадочным, потому что Чечилин с той минуты, как она не пришла, сама стала загадочной, укрывающейся в этом молчании, как знерь в норе. Однако будучи загадочным, это молчание все-таки не было окончательным. Без особой уверенности, как игрок, который после нескольких проигрышей все-таки не теряет надежды отыграться, я надеялся, что в конце концов а трубке раздастся голос Чечилии. Но вместо этого произошла странная вещь: гудки прервались, то есть кто-то взял трубку, но не произнес прн этом ни слова, мне показалось, что на той стороне я различил что-то вроде учащенного дыхания, а потом вздоха. «Алло, алло! — кричал я. — Кто у телефона?» — пока не услышал, как там положили трубку. В ярости я снова набрал номер, но мне снова ответило молчание, наполненное этим таинственным дыханием, и под конец трубку опять положили. Я набрал номер в третий раз и ждал очень долго, но никто не подошел.

Оставив в покое телефон, я вернулся на диван. Поначалу я был так поражен, что вообще ничего не соображал. Мие было ясно только одно: в тот самый день, когда я решил сообщить Чечилии о нашем разрыве, Чечилия, не знаю почему, впервые не явилась на свидание, то есть фактически сама спровоцировала меня на разрыв, который я только еще собирался ей предложить. Я испытывал то самое неприятное чувство, которое испытывает человек, спускающийся по крутой темной лестнице, когда, готовясь преодолеть последнюю ступеньку, вдруг нащунывает ровную поверхность лестничной площадки и теряет равновесие именно потому, что ступеньки, которой он ждал, на самом деле не оказалось.

Безотчетно, чисто механически, я поднялся, подошел к двери, открыл ее и взглянул в сторону входной двери, словно надеясь, что из-за угла сейчас появится Чечилия. Потом я посмотрел в другую сторону, и мой взгляд, обежав все двери, задержался на двери Балестриери. Я не мог не подумать о том, что и Балестриери, наверное, вот так же, бог знает сколько раз, выглядывал в коридор, чтобы посмотреть, не появится ли из-за угла опаздывающая Чечилин. Я знал, что в его студии пока никто не живет; говорили даже, что там хочет поселиться сама вдова. В день нашей первой встречи Чечилия оставила ключ от компаты старого художника у меня на столе и так его и не взяла, а я забросил его в какойто дальинй ящик, словно предчувствуя, что он мне еще понадобится. Внезапно мне захотелось очутиться в тех степах, где Балестриери мучился от той же самой пеясности, от которой сейчас мучился я.

Я взял ключ н, оставив дверь полуоткрытой, чтобы Чечилия, если она все-таки явится, могла войти, направился к студни Балестриери.

Когда я зажег искусственные, с искусственным же нагаром свечи центральной люстры, студия, с ее подделанной под старнну мебелью и темпо-красным дамаском, показалась мне еще более мрачной, чем в первый раз. Ступая по толстому ковру и с отвращением вдыхая застоявшийся, пыльный, дурно нахнущий воздух, я подошел к стоящему посреди комнаты большому, громозд сому, выдержанному в стиле Возрождения столу, чья блестящая поверхность за два месяца запустения покрылась густым слоем пыли. На нем стоял телефон, рядом лежали телефонный справочник и зеленая квитанция об уплате. Я подумал, что вдова, должно быть, и в самом деле собирается сюда переехать, раз уж платит за телефон, потом мой взгляд упал на справочник, нереплетенный «под мрамор». Я взял его и начал листать. Почерк Балестрнери, крупный, четкий, корявый, почему-то привел мне на память его слишком широкие плечи и огромные ступни. Меня поразило количество женских имен, просто имен без фамилий, почему-то все они были на одной странице: Паола, Мария, Милли, Инес, Даниэла, Лаура, София, Джованна и т. д., и т. д. Зная привычки Балестриери, я не сомневался, что все это были имена тех легкомысленных барышень которые когда-то, до того как началась его великая любовь к Чечилии, столь часто его посещали. Я продолжал листать, мне хотелось увидеть страницу с буквой «ч». Вот опо, имя Чечилни, и рядом телефон, по которому я только что тщетно пытался дозвониться. На мгновение я замер, не отводя глаз от этого имени и этих цифр и думая о том, сколь различны были чувства Балестриери в тот день, когда он делал эту запись, и потом. когда он открывал эту страницу, прежде чем позвонить Чечилии. Под конец ему, наверное, уже и не падо было прибегать к услугам справочника, потому что он знал номер нанзусть; но все равно он время от времени, наверное, смотрел на страницу с буквой «ч», вспоминая тот роковой час, когда он записал это нмя и этот номер. Неожиданно на столе зазвонил телефон.

Поколебавшись, я взял трубку. У меня было странное чувство, будто я это не я, а Балестриери, и что сейчас я услышу в трубке голос Чечилии. Это предчувствие неожиданно сбылось: я услышал по телефону знакомый голос, который спросил: «Это ты, Мауро?» Стало быть, Балестриери звали Мауро. Какая-то болезиенная тошнота подступила к горлу, и у меня сжалось сердце. Так, эначит, это действительно была Чечилия, и она звонила не мне, а Балестриери, то есть человеку, который умер, и она знала о том, что он умер.

Все это длилось одно лишь мгновенье. Я сказал еле слышно: «Нет, это Дино», и голос, сразу же потерявший всякое сходство с Чечилией и, более того, обнаруживший полное

с нею несходство, словно сходство это было порождением моей фантазии, в замещательстве сиазал: «О, простите, это квартира Балестриери?»

— Да.

— А что, Балестриери нет? Видите ли, мени четыре месяца не было в Риме, и я просто хотела узнать, как он там. А вы что, его друг?

— Ла. А вы ито?

— Ая Милли, — заверила девушиа горячо и иаи-то многозначительно, словно наменаи на интимность своих отношений с художнином.

- Видите ли, синьорина Милли, синьор Балестриери... уехал.

- Ла? А еы не знаете, иогда он вернется?

- Не могу сиазать.

- Ну хорошо, если вы его увидите, сиажите, что звонила Милли.

Я положил трубиу и на мгновенье замер, пытаясь проанализнровать смутное и иеприятное чувство, вызваиное у меня этим звониом. Потом я заметил, что в студии холодио, что холод пробпрает меня до иостей. Каиой-то особенный холод, отдающий пороиом и тленом, могильный и в то же время альиовный, холод альиова, иоторый стал могилой. Говоря по телефону, я сел, может быть, потому, что был потрясеи, услышав голос Чечилии. Я поднился со стула и вышел в иоридор.

Вернувшись в свою студию, я взглянул ив телефои и, таи каи не ждал уже больше иниого, понил, что посмотрел на него, чтобы понять, сиольно времени осталось до того утреннего часа, иогда мне обычно звонила Чечилии. И сразу же подумал, что думаю об этом в первый раз, и еще понил, что отныне и впредь подобные мысли будут посещать

меня все чаще и чаще.

Перевела с итальянского С. Бушуева

Окончание следует

Антон Антонов-Овсеенко

КАРЬЕРА ПАЛАЧА

В марте 1938 года на судебном процессе в Колонном зале Дома союзов Геприх Ягода в последнем слове просил оставить ему жизнь. Он готов пойти на стройиу простым рабочим. Было времи — народный иомиссар внутренних дел Ягода руководил строительством Великих изпалов, иоторые прославили Родину на весь мир...

В денабре пятьдесят третьего, на заседании Особого судебного присутствия, Лаврентий Берия тоже просил списхождения: «Я могу еще пригодиться...» Он сослался на свой богатый опыт государственной деятельности, напомнил о руководящем участии в созда-

нии отечественного сверхоружия.

А ведь по натуре своей Берни был человеком ленивым. В Закавиазье, в годы тридцатые, да и несколько ранее, этот заслуженный чекист старался переложить всю тяжесть рвботы на плечи заместителей и помощников. На протяжении ряда лет деятельностью органов ГПУ — НКВД фаитически руководил Тите Лордкипанидзе, Берия же отдавал явное предпочтение собственным удовольствиям. Любил председательствовать, выступать с докладами, не им, разумеется, написаниыми. Заложенную в нем природой знергию он тратил лишь на интриги и провокации да на любовные утехи. Тут он был неутомим.

Академии А. П. Александров четио разделяет всех лиц, причастных к Атомиому проекту, на нескольно групп. Харантеризуя Игори Курчатова как вполне компетентного ученого и ответственного организатора, Анатолий Аленсандров говорит, что это была пре-ирасная, богато одаренная личность. Да, и осуществлению этого проеита правительство

привлеило интеллеитуальный цвет советсиой научи.

Что иасаетси практических руиоводителей — министров и гепералов, то далено не все заслужили добрую память. Б. Л. Ванников, Е. П. Славсиий, А. Н. Завенигин, М. Г. Первухин поначалу почти пичего не понямали в атомном проенте. Однано упорный, целеустремленный труд помог им приобщитьси и новому делу и с большой пользой применить свой организационный опыт. Совсем иную, тормозищую роль сыграли генералы, привыкшие лишь властвовать. Дли них проблема сводилась и простой формуле: «Взорвется — не взорвется?» Именно таной подход и продемонстрировал маршал (это звание он носил с июли 1945 года) Берии, хотя в организацию самого дела он и вложил колоссальную энергию.

Ныне мы располагаем замечательными историчесиими документами — письмами Петра Леонидовича Капицы. В одном из его писем Сталину, датированном 25 поября 1945 года, известный ученый дает нелицеприятную оцениу всесильного фаворита. «Товарищи Берни, Малениов, Вознесенсиий ведут себя в Особом Комитете иак сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерсиая палочиа в руках... У тов. Берия основнай слабость в том, что дирижер должен не тольио махать палочиой, по и понимать партитуру. С этим у Берия слабо». Капица не отназывает Берии в энергии и умении быстро ориентироваться в сложных ситуациях, но тут же отмечает ленивый хараитер этого начальний и чрезмерную самоуверенность, иоторая помещала Берии принять предложение академииа помочь ему овладеть физиной. А заодно — познать по перво-

источникам историю техники. «Но дли этого нужно работать, — пишет Капица, — а черкать карандашом по проектам постановлений в председательском кресле — это еще пе зпачит

руководить проблемой».

Девять раз за последние две недели назначал Берия аудиещию Капице и всикий раз отменил. К этому приему Папа Малый прибегал обычно тогда, когда хотел «поставить на место» маститого ученого. «У меня с Берия совсем ничего не получается», — с горечью заключает физик. Он предлагает Сталину вывести ученых из состоинии подчиненных и, оказав им полное доверие, поставить во главе государственных проектов. «Следует, чтобы все руководищие товарищи, подобиме Берия, дали почувствовать своим подчиненным, что ученые в этом деле ведущаи, а не подчиненная сила». Пока же Берия и прочие начальники к мнешию, к возражениям ученых мало прислушиваются.

Капицу, всемирно известного ученого, положение слепого исполнителя административной воли не устраивает, он просит Сталина освободить его от участии в Особом комитете и Техническом совете. Он полагает, что Берии будет доволен его уходом. Подчеркнув, что это письмо не ивлиетси «доносом», ои просит Вожди ознакомить с ним товарища

Через несколько дней тот позвонил Петру Леонидовичу: «Товарищ Сталин показал мне ваше письмо. Надо поговорить, Приезжайте». — «Мне с вами говорить не о чем. Если

вы хотите поговорить со мной, то приезжайте в институт».

Пришлось Лаврентию Павловичу ехать самому. Он преподнес строптивому ученому богато инкрустированную тульскую двустволку, однако этот символический подарок, конечно же, не мог изменить мнения Капицы о шефе тайной полиции в роли куратора Атомного проекта.

Мог ли мстительный, злобный соратник Сталина оставить письмо Капицы без последствий? Травить ученого он изчал еще в августе сорок пятого. Верный своей привычке действовать через подставных лиц, оя уже в качестве председатели Бюро Совета Министров СССР предложил назначить заместителем Капицы по Главкислороду М. К. Сукова. Последний нослал на имя Сталина ивно инсценированиое письмо, содержащее клеветнические измышлении о деительности честного ученого. В этом письме-доиосе иашлось место и политическим обвинениим.

После же того памитного письма Сталину нитриги против Капицы возобновились с новой силой. По всему видно, устроитель провокаций решился на срыв важнейших кислородных работ ученого, лишь бы дискредитировать его в глазах руководителей государства. Исполнителем злой воли на сей раз выступил профессор И. П. Усюкин. Совсем недавно, в феврале 1945 года, он выдвигал работу Капицы «Установки высокой производительности для получении жидкого кислорода» на соискание Сталинской премии. А четыре месяца спустя этот же эксперт оценивает результаты деятельности Капицы как порочные и предлагает использовать немецкие установки и западную технологию. О своем резко отрицательном отношении к турбокислородным установкам Капицы эксперт Усюкии известил также ЦК партии.

Пораженный его беспринципностью, Петр Леонидович жалуетси Сталину на действия зкспертиых комиссий, которые, не посмотрев даже установку и не пригласив к участию в заседаниях руководители проекта, дали неблагоприятные отзывы. При этом председатели этих комиссий — ии Первухин, ни Сабуров, ни Малышев — ни разу не выслушали

объяспений академика Капицы.

Совсем нетрудно догадатьси, кто стоил за кулисами этого поистине вредоносного для

государства действа.

У Берии были все «основании» ненавидеть ученого. К этому столь естественному для него чувству примешивался еще и страх за свою шкуру. В среде физиков бытует рассказ о том, как во время беседы с Берией ученый сказал: «Лаврентий Павлович, вы не читали моих книг, а и — ваших. Но, заметьте, — по разным причинам...» 4 апреля 1946 года Сталип послал Капице письмо, в котором тепло отозвалси о письме академика и высказал пожелание побеседовать с ним. Если такая встреча состоится, Петр Леонидович не преминет сообщить генсеку о художествах главного куратора Атомного проекта. Надо упредить зарвавшегося академика, уничтожить его, и дело с концом. Летом 1946 года начальник тыла Вооруженных Сил СССР генерал А. В. Хрулев оказалси свидетелем знаменательной беседы в кабинете Вожди. Берии настаивал на аресте Капицы, Сталин ему в этой малости решительно отказал: «Я его тебе сниму, но ты его не трогай». Всего одна фраза, а в ней самая суть взаимодействии двух уголовинков.

Семь лет продолжалась опала замечательного ученого и патриота. Он стал затворником на своей подмосковной даче. Вместо созданного им Института физических проблем изба на Николиной Горе, в которой и разместилась его лаборатории. Опала была снита с Петра Леонидовича лишь в августе 1953 года, после ареста его личного врага Берии.

Но этот сталииский подручный оказался и врагом отечественной науки. О «невыносимом отношении Берии к науке и ученым» Петр Капица писал Н. С. Хрущеву в сентябре 1955 года. Ученый отошел от Атомного проекта из-за Берии, а тот распустил слух, будто академик Капица отказалси участвовать в создании бомбы в силу своих пацифистских

убеждений. В письме Хрущеву Капица упоминает также о мерах, принятых Берией, чтобы погубить кислородную проблему. Решение ее благодари злонамеренным действиям лубянского воротилы задержалось на много лет.

Как все это согласовать с положительными отзывами ученых-атомщиков о Лаврентии Берии как умелом, эпергичном организаторе? Он был не так уж прост, и с помощью одной черной краски его достоверный портрет не воссоздать.

Однажды — это происходило после войны — Берии беседовал с А. Н. Комаровским, опытным лагерным строителем. Он начинал карьеру на канале «Москва — Волга». Пили коньик, говорили о жизни. После третьей рюмки хозиин кабинета положил перед генералом чистый лист бумаги: «Пиши». — «Что писать, Лаврентий Павлович?» — «Напиши про то, как тебя немецкай и английскай разведка вербовала». — «Вы что, шутите, Лаврентий Павлович?» — «Какие еще шутки? Пиши». Комаровский растерилси, он пытался чтото доказывать, убеждал Берию, но тот не унимался. Раздалси телефонный звонок. «Слушаю, товарищ Сталин. Да. Это будет сделано. — Берия положил трубку и налил полные рюмки коньяку. — Ну вот что, Комаровский. По указанию товарища Сталина ты назначаешьси изчальником строительства одного объекта. Сегодни же подпишу приказ. А теперь обмоем твое назначение. С теби причитается...»

Страх стал постоинным спутником всех занитых в производстве атомной бомбы инженеров и ученых -- больших и малых. С помощью своих генерал-надзирателей Берия

поддерживал состоиние страха на всех стройках, заводах, лабораториях.

А Комаровский после сдачи в эксплуатацию важного объекта атомной программы был переведен в Челибинск, потом строил новые здания Московского университета, там этот

Герой Социалистического Труда прославился своим жестоким нравом.

Пока был жив Берия, Комаровский постоинно ощущал затылком его рыскающий взглид. Любимчиков Хозяина Лаврентий Павлович не жаловал. Как-то ои вызвал Комаровского и заявил ему, что на одной из дач Сталина у входной двери застряла пуля. Неподалеку от дачи работали люди Комаровского. На розыск стредявшего Лаврентий Павлович дал ему три дня.

Через два дии Комаровский представил шефу результаты баллистического анализа траектории пули. Оказалось, что стреляли с площадки, на которой обычно тренировались

личные охрапники Сталина.

Комаровскому удалось миновать все рифы бериевских провокаций. Судьба ветерана ГУЛАГа сложилась благополучно и после смерти Сталина. В 1963 году ои стал заместителем министра обороны по строительству и расквартированию войск и на этом посту оставался до конца, получив при Брежневе звание генерала армии.

Эстафета...

Наш рассказ об атомном короле был бы исполным без свидетельства Андрея Дмитриевича Сахарова. Бериевские агенты пытались привлечь его к работе в сухумском изучном центре, обещаи замечательные возможности дли исследовательской работы и не менее замечательные материальные блага. Беседа с неким «генералом Зверевым» состоялась в номере гостиницы в конце 1946 года, и если бы не отказ молодого ученого, его положение изменилось бы круто. Однако, как пишет в своих «Воспоминаниих» А. Сахаров, ему все же пришлось заниматьси разработкой термоидерного оружия — с конца июня 1948 до июли 1968 — двадцать лет. С Берией ученый встречался много раз в его кремлевском кабинете № 13.

...Берия обратьлси ко мне с вопросом, как идет работа по МТР у Курчатова. Я ответил. Он встал, давая повять, что разговор окончен, но вдруг сказал: «Может, у вас есть какие-нибуль вопросы ко мне?» Я совершенно не был готов к такому общему вопросу. Спонтанно, без размышлений, я спросил: «Почему наши новые разработки идут так медленно? Почему мы все времн отстаем от США и других страв, проигрывая техническое сореввование?» Берия ответил мне прагматически: «Потому что у нас нет производственно-опытной базы. Все висит на одной "Электросиле". А у американцев сотни фирм с мощной базой». (Такой ответ был мне, конечно, не интересен.) Он подал мне руку. Она была пухлаи, чуть влажная и мертвенно-холодная. Только в этот момент я, кажетси, осознал, что говорю с глазу на глаз со страшным человеком.

Летом 1952 года (еслв мне не изменяет память) произошел такой зпизод. Возвикли задержки в производстве одного из освовных входящих в изделие материалов. Ответственным по Первому главвому управлению за производство этого материала был Н. И. Павлов, одив из руководящих работников ПГУ, кажется, в то время полковник КГБ (а может, уже генерал). Существовало в принципе два различных метода производства — назовем их «старый» и «новый». Старыи метод использовал завод, ранее построенный дли другой цели, впоследствии отпаншей. Новый метод использовал установку, специально построенную ва основе оригинальных научно-технических разработок, и был гораздо более перспентивным. Павлов, то ли из перестраховии, то ли желая как-то использовать уже существующий завод, решил скомбинировать оба метода; нячего хорошего из этого не получилось, план производства материала был сорван.

На совещании у Берви, прв котором я првсутствовал, кто-то подиял этот вопрос. Берия уже имел, видимо, свою информацию. Ои встал и произяес примерно следующее: «Мы, большевики, когда хотим что-то сделать, закрываем глаза на все остальное (говоря это, Берия зажмурился, и его лицо стало еще более страшным). Вы, Павлов, потернли большевистскую остроту! Сейчас мы вас не будем наказывать, мы надеемся, что вы исправите ошибку. Но имейте в виду, у нас в турме места много!»

Берия говорил твердо «турма» вместо «тюрьма». Это звучало жутковато. Грозным признаком было и обращение на «вы». Павлов сидел молча, овустив голову, как, впрочем, и асе остальные при-

сутствующие.

еще не пришло.

На том же заседании решался вопрос о направлении на объект «для усиления» академика М. А. Лавреятьева и члена-корреспондента А. А. Ильюшвна. Когда была названа фамилия Ильюши-

на. Берия удовлетворенио кивнул, очевидво, она уже была ему извества.

....Лаврентьев и Ильюшин были иаправлены на объект в качестве «резервного руководства» в случае неудачи испытания они должны были сменить нас немедленио, а в случае удачи — немного погодя и не всех... Лаврентьев старался держаться в теви и вскоре уехал. Что же касаетси Ильюшииа, то он вел себя иначе. Он вызвал несколько своих сотрудников и организовал нечто вроде «бюро опасиостей». На каждом заседании Ильющии выступал с сообщением, из которого следовало, что обнаружена еще одна неувязка, допущеннан руководством объемта, которая неизбежно првведет к провалу. Ильюшину нельзн было отказать в остроумии и квалификации, и все же, как правило, он делал из мухи слова. Но в случае неудачи испытанки укус каждой из этих мух был бы смертелеи: ои ведь предупреждал...

Работа американских ученых над атомным проектом, тщательно засекречениая, аызаала асе же острое анимание Глааного разаедывательного управления (ГРУ) наркомата обороны, Формально начальник ГРУ Ф. Ф. Кузнецов подчинялся начальнику Генштаба, но эту область разведки контролировал и направлял все тот же неподменный Берия.

Военному атташе а Канаде полковнику Н. Заботину удалось организовать две группы осаедомителей, канадцеа и англичан. Самыми ценными оназались Д. Лунан, И. Гальперин («Бэкон») и Аллан Нап Мэй («Алек»). Им удалось не только установить местонахождеине завода по изготовлению атомной бомбы в США, но и передать советской разведке образцы урана-235 и 233. Зиачительный ущерб делу наиес Игорь Гузеико, шифровальщик советского посольства в Канаде. Он выдал канадскому правительству, участиину урановых исследований, важиме секреты. Последовали провалы. Но жертам оказались напрасиыми: как это часто случалось при иекомпетентиом руководстве, сведения, добытые столь дорогой ценой, устарели.

На Западе бытует мисиие, что без шпионских сведений, полученных от супругов Розенберг, создание советского атомного оружия задержалось бы на несколько лет. В Советском Союзе лишь недавно признали участие в этом деле американской пары, казисиной за предательство на электрическом стуле. А ведь упоминание имен осведомителей встречается даже в воспоминаниях Кима Филби, изданных в русском переводе в СССР в 1980 году. Только вот сведения, добытые Розенбергами, кстати, весьма ограниченные (как

утаерждал Курчатов), поступили в атомный центр слишком поздно. В последнее аремя появляются воспоминания о самоотверженной и эффективной работе советских разведчиков в Германии и Англии. Несмотря на потери опытных агентов, им удалось добыть исключительно ценные секреты атомного производствв. Опнако некоторые отечественные специалисты утаерждают, что и жертвы, и материальные затраты оказались напрасными: соаетские ученые разработали и осущестаили Атомный проект аполне самостонтельно. Видимо, аремя для ассоздания точной истории Атомного проекта

16 июля 1945, накануне открытия Потсдамской конференции, а штате Нью-Мексико американские специалисты азораали перасе атомное устройство. Президент США Трумеи полагал, что теперь Сталин станет сговорчивей и откажется от своих имперских амбиций. О рождении атомной бомбы кремлевского Генералиссимуса изпестили тут же, в Потсдаме. И что же? Он остался безучастен, будто речь шла о какой-нибудь новой модели бомбардировщика. И не освободил оккупированных стран. Его ие устрашила даже гибель Хиросимы и Нагасаки. Сталин уверил себя а том, что на большее Трумен не решится. Надо авиграть аремя, всего несколько лет, Советский Союз обзаведется сасей бомбой, тогда

Липа, отаетственные за атомиую политику США, явно недооценивали изучно-техничесиий потенциал СССР. «Для того, чтобы догнать нас, Советам в самом лучшем случае потребуется до пятнадцати лет», -- заявил генерал Гровс специальной комиссии Конгрес-

Роберт Оппеигеймер, отец первой атомной бомбы, был иастроен не столь благодушно, 142

но и он ие мог предположить, что советские ученые преодолеют отставание асего за четыре года. Но они сделали невозможное,

Незадолго до испытания нашей атомной бомбы Сталин аызвал к себе И. В. Курчатова и Н. М. Сисакниа. В кабинете находился Берия, он астретил их строгим взглядом. Ученые положили на стол письменные отчеты о ходе работы. Сталин бросил бумаги на стол и сказал раздраженно: «Мне не бумажки нужны! Мне бомба нужна!»

29 августа 1949 года а 7 часов утра под Семипалатинском прогремел взрыв пераой атомной бомбы. Председатель Государственной комиссии Лаврентий Берия провел последние сутки перед испытанием без сна, обощел асе объекты: полигон с командным пунктом и даумя пуиктами наблюдения, зал сборки с распределительными щитами, манипуляторами. Он присутствовал при окончательной сборке и проводил первенца к лифту перед подъемом на стальную аышку.

То, что произошло а то осеннее утро на леаом берегу Иртыша, а 70 километрах от Семипалатинска, детально описано Н. Головиным а его книге об И. Курчатове.

Берия появился на командном пункте, расположенном а десяти километрах от башни, когда уже начался отсчет аремени. Курчатоа, мериаший большими шагами пол укрытия. останавливается рядом с Флеровым. Остается пятнадцать минут, десять... И адруг: «Ничего у аас, Игорь Васильеаич, не получится!» — «Что аы, Лаарентий Паалоаич! Обязательно получится!»

Курчатов углубляется а наблюдеяие фона нейтронов, и только помрачневшее лицо выдает его состояние.

Когда раздался азрыа — точно в расчетную секущу, - Курчатов бросился наружу. азбежал на земляной аал с криком «Она! Она!..» Его аернули а укрытие. К Игорю Васильевичу подощел Берия, обнял и расцеловал: «Было бы большим несчастьем, если б не аышло!»

За даа года до этих событий американцы испытали саою бомбу на атолле Бикини, пригласиа туда советских ученых — наблюдателей М. Г. Мещерякова и Д. В. Скобельцина. Их сопровождал сотрудинк тайного ведомства некий полковник Александров.

Теперь Лаврентию Паалоанчу аажно было узнать мнение саидетелей того испытания. Он позвоинл на наблюдательный пункт, где находился Мещеряков: «Михаил Григорьезич? Похоже на американский? Очень? Мы не сплоховали? Курчатов нам не атирает очки? Все так же? Хорошо! Зпачит, можно докладывать Сталнну, что испытапие прошло успешно? Хорошо, хорошо!» Берня дал команду генералу, дежурнашему у телефона, тотчас же соединить его со Сталиным по ВЧ. В Москае взял трубку А. Поскребышев: «Товарнщ Сталии ущел спать». — «Очень важно, все разно позовите его». Через несколько минут ответил соиный голос: «Чего тебе?» — «Товарищ Сталии, все успешно. Варыв такой же, как у американцев...» - «Я уже зпаю», - отаетил Сталин. И положил трубку. Берия взораался, набросился с кулаками на побледнеашего генерала. «Вы и здесь суете мне палки в колеса, предатели! Сотру а порошок!»

Неужто генерал осмелился сам, по собстаенной инициативе, сообщить Сталину о результатах испытания? Конечно же, нет. Хозяин остался вереи себе, приставив к глав-

иому куратору саоих людей. И Берия знал об этом.

Испытанне бомбы было по указанию Берии заснято на кинопленку. Однако кинофильм, отразивший от начала до конца процесс испытания, не видел никто, кроме узкого круга специалистов. Не был он показан ни одному члену Политбюро, кроме, разумеется, генсека. Вячеслав Молотоа жаловался а 1953 году, уже после ареста Берни: «Он даже нам не показал этот фильм...»

Был в обслуге Сталина киномеханик, которому и Берия оказывал личное доверпе. Лаврентий Павлович вызвал его а просмотровый зал, где сидел один, совершенно один, и поманил пальцем: «Ты знаешь, что с тобой случится, если хоть одна живая душа услышит от тебя об этом фильме?» - «Знаю, товарищ Берия». - «Ну, тогда начинай».

В том, что азрыа под Семипалатинском очень скоро перестал быть тайной для западных держав, винить иекого. Утечка такой информации несомненно аходила а планы Папы Большого и Папы Малого. Не обошлось без ложного сообщения ТАСС от 25 сентября: якобы в СССР на строительстве одного объекта были применены азрывные работы. Что же касается атомного оружия, то им страна располагает с 1947 года...

Сталин блефовал и виовь отметил свое личное руководящее участие в создании сверхоружия. Без атомной бомбы как удержать оккупированные территории, как аести имперскую политику?.. Вождь анимательно следил за ходом подготоаки испытаний, ему не терпелось саоими глазами азглянуть на бомбу. Летом 1949 он приказал приаезти к нему в Кремль плутопиеный заряд. Один из генералов, сопровождавших Курчатова, аспоминал поаднее:

«А это не муляж?» — спросил Сталин Курчатова, указав на небольшое никелироаанное полушарие. «Нет, Иосиф Виссарионович. Положите руку на заряд, и аы убедитесь в том, что он выделяет тепло». Сталин так и сделал и удиалечно покачал голоаой: «Игорь Васильевич, а почему бы этот заряд не разделить на дае части и не сделать нам дае бомбы?» - «Нельзя, Иосиф Виссарионович. Есть такое физическое понятие, как критическая масса. Она ставит предел: если плутония по весу будет меяьше критической массы, бомба просто не взорвется».

Сталин долго ходил по кабинету, наконец остановился: «А вы здесь не ошибаетесь, Игорь Васильевич? Я так думаю: критическая масса асе же понятие не физическое, а диа-

Курчатов обладал гибким умом: «К сожалению, Иосиф Виссарионович, уровень знаний сегоднящней науки еще недостаточен и уменьшать критическую массу мы еще не можем, но, естественно, будем работать а этом направлении».

Странное дело, полуобразованный Хознин, надев маску Великого Ученого, случайно понал в самую точку. Много лет спустя, когда научились огромным даалением частично сминать кристаллическую решетку делищихся металлов да еще прокладывать листы плутония листами замедлителей нейтроноа, удалось осаоить метод уменьшения критической массы.

Профессор И. Н. Головин, один из сотрудников И. Курчатова, а с 1950 года — первый его заместитель, приводит подробности астречи. Вместе с Курчатовым а Кремль прибыли II. Зернов и Ю. Харитон. Последний принял активное участие в беседе, именно он упомянул о критической массе. И еще одна памятнан беседа Сталина с Курчатовым перед испытацием пераой бомбы. Сталин был заметно озабочен: «Вот испытаем бомбу, Игорь Васильевич, а американцы пронюхают о том, что у нас еще не явработано сырье длн аторого заряда, и попрут на нас. А нам нечем будет отаетить...» — «Постараемся подготовить сырье, Иосиф Виссарионович», — ответил Курчатов. Времени оставалось а обрез, но ко дню азрыва первой бомбы аторой плутониевый заряд был изготовлен.

Итак, Советский Союз стал аторой атомной державой. Люди, совершившие этот нодвиг — ученые, инженеры, техиики, мастера, организаторы — заслужили иаграды. Но как определить долю участия каждого? Как эта проблема разрешилась в кабинете Берии. Курчатов рассказал поздиее, не скрыаая горькой усмешки: «Я несколько дией ходил озадаченный. На очередной астрече с Берией а его ведомстве он спросил, почему это я хмурюсь, когда дело сделаио. Когда я рассказал, Берин подумал и вытащил из саоего хранилища какое-то номерное дело, в котором оказались списки асех участаующих в оружейном проекте — по всем ведомствам. Против каждой фамилии проставлена мера наказания (от расстрела до стольких-то лет лагерей). На тот случай, если бы бомба не взорвалась. При этом мера "ответственности" была уготована каждому а строгом соответствии со степенью важности выполняемых работ. "Так вот, — сменсь сказал Берия, — по зтим спискам мы никого не пропустим и одновременно легко и оперативно определим меру аознаграждения каждому"».

Так и было спелано. Ордена, медали, дачи, автомобили, денежные премии, подарки, льготы, почетные звания щедрым дождем пролились на тружеников атомной программы, созпателей советского саерхоружия. В числе новых Героев Социалистического Труда и лауреатов Сталииской премии — Курчатов, Флеров, Харитон, Щелкин, Алферов...

Сталин был шедр. Однако что сталось бы с лауреатами а случае неудачи, пусть временной? Но это уже были заботы Лаареития Берии.

Триумфальное завершение атомиой программы укрепило его место — аторого, после Сталина, аождя. Но он леленл тайную цель, для осуществления которой надо было азять под саой контроль армию, ее Генеральный штаб. Здесь он тоже преуспел, а Хознии, как это ни удивительно, проглядел хитрые манеары своего аерного слуги.

Войну Семен Штеменко начал а заании полкоаника. За плечами — дае академии: моторизации и механизации Красной Армии и Генерального штаба. И небольщой опыт командованин танковым батальоном (1937—1938). В Генеральном штабе, где он служил с 1940 года а должности старшего помощника начальника отдела, Штеменко аскоре занял место заместителя начальника направления, затем — пост начальника Ближневосточного направления. В 1942 году, когда Берия выполнил задании ГКО на Кааказе, штаб прикомандировал к нему генерал-майора Штеменко. Веронтно, Берия остался доволен таким помощником, иначе он не азял бы его с собой а Тегеран аесной 1943 года для подготовки конференции глав Союзных государств. Берин полагал, что сопровождать его должен геиерал-лейтеиант, и это заание было присаоено Штеменко немедленно, асего через четыре меснца после пераого генеральского чина. В том же 1943 году, а ноябре, он стал генерал-полкоеником, уже занимая аысокоотаетственный пост начальника Оперативного управленин. Минуло менее пити лет, и Штеменко аозглавил Генштаб а завиий генерала армии.

Это назначение было совершенно неожиданным для министра Вооруженных Сил маршала Василевского. Он занимал одиовременно пост начальника Генштаба и просил Булганина осаободить его от этой работы, рекомендовав на саое место опытного генерала армии Антонова. Однако на заседании Политбюро Сталин «рекомендовал» на пост начальника Генштаба Штеменко. Антонова же послали, со значительным понижением, а Закааказский аоенный округ.

Еще более неожиданное произошло а июне 1952 года, когда Штеменко без объяснения причин спяли с поста начальника Генштаба и отправили а ГДР а качестве начальника штаба грунпы советских войск.

Здесь мы прервем послужной список Семена Матвеевича Штеменко, чтобы ответить на некоторые аопросы. Кто способствовал внезапному и такому скорому еозвышению генерала? Кто обеспечил награждение Штеменко орденами, предназначенными лишь полкоаодцам? Мундир генерала-штабиста украсили два ордена Суворова I степени и один — II степени, а также — Кутузова I степени. Кроме этого — три ордена Боевого Красного Знамени и орден Ленипа. Почему Сталии резко обораал его карьеру а 1952 году? Ответ столь очевиден, что исключает поиск иных версий. Берия, став руководителем Атомного проекта и фактическим распорядителем сверхоружия, задумал азять под свой контроль и армию. Этой цели аполне соотаетствовал предвиный ему лично человек на посту начальника Генерального штаба. С атомной бомбой в правом кармане и Генеральным штабом Советской армии а левом, он мог совершить аеликое, непредсказуемое зло.

Сталин, конечно же, заметил, пусть с опозданием, куда клопит атомный король, и снил Штеменко с ключевого поста в тот момент, когда противоборство достигло высшей точки. Что касается объяснения, которое Сталин носчитал нужным дать Василевскому один на один по новоду смещения Штеменко («Он все время пишет, и пишет, и нишет на вас. Надоело».), то делалось асе это не без аедома Берип. Таким способом он надендся освободить для своего человека кресло министра обороны. Дальпейшие изменения в упикальной

судьбе Штеменко лишь подтверждают сказанное аыше.

После смерти Сталина — возвращение а столицу на ност первого заместителя начальника Генштаба (16 марта 1953 г.). За арестом Берии последовало резкое понижение а должности — Штеменко назначен пачальником штаба Западно-Сибирского воеиного округа (15 июля 1953 г.).

Вся послевоенная деятельность Лаврентия Берии, особенно участие а осущесталении атомной программы, убеждает нас в том, что а его лице Сталин получил равного себе

противника. Второго, подобного Берии, историн не знает.

Многие современиики полагают, что это противоборство началось а самом конце сороковых годов. Дело было не так. Поставиа Лаарентия Берию на ключевую позицию наркома виутренних дел, Стални был увереи в том, что сумеет держать фаворита в жесткой узде. И Берин на первых порах поддерживал эту иллюзию генсека. Но их медовый месяц продолжалсн недолго. Уже через год Сталин начал сомпеваться в разумности своего выбора. Все чаще и чаще стала брать верх постониная подозрительность Вождя. Светлане Аллилуевой запомпился один характерный знизод.

Она часто гостила на даче Берии, у Нины Теймуразовны, и отец поощрял эту дружбу. Однажды, в нервые дни войны, Светлана осталась там ночевать. «Наутро вдруг позвония разъяренный отец и обругал меня пецензурными словами. Он прокричал: "Сейчас же

езжай домой! Я Берии не доверню!"».

Вряд ли Сталин вкладыеал а эти слова политический смысл, он знал, что Берия способен на все. Без таких функционеров, как Берия, генсек не удержался бы у власти столько лет. На кого еще мог он опереться а дни военных поражений? Берия, конечно же, заметил растерянность Сталина, его трусость. И с тех пор стал вести себя вызывающе, порой даже нагло.

В копце войны, пользуясь благодушием Верхоаного Глаанокомандующего, Берия анедрил в дачную обслугу своих людей из грузии. Поощрения они получали царские.

...Это случилось года два спустя после аойны. За обедом Сталип огляделся и спросил: «Почему я окружен грузинами?» Берия был начеку: «Товарищ Сталин, эти люди — ваши аериые слуги. Опи асецело преданы вам...» — «А русские что же, мие не предапы?!» — «Нет, этого я не сказал, -- ответил Берия, -- по все, кто здесь паходятся, это вполне лонльные слуги». — «Мне не нужна их лояльность! — крикнул Хознин. — Гони их отсюда aou!» Пришлось Берии, публично униженному, покинуть гостиную и тотчас уаолить своих агентов-грузин. Тогда же была уволена сестра-хозника сталинского дома с 1937 года, майор госбезонасности Александра Пиколаевна Накашидзе. Такую фамилию носил известный ногромщик, бакинский генерал-губернатор. Не приходилась ли ему родстаенницей зта даоюродная сестра Нипы Теймуразовны Берин?

К тому времени Берия до тонкости разработал технологию устранения неугодных людей и создал безотказный механизм отсечении от генсека старых и новых фаворитов. Прошло то время, когда он уничтожал функционеров партийной в государственной власти по указке Сталина. Теперь оп это делал уже по собственному выбору, и, как заметил тогда же

Хрущев, Сталин это понимал. И стал бояться товарища Лаврентия.

Игиатий Лойола, основатель ордена иезуитоа, каждого члена ордена сравинавл с палкой а руках Геперала. Берия даано уже, с начала войны, когда а полной мере проявились не только трусость, но и бездарность Сталина, тяготился саоим положением исполнителя верховной аоли. Ему надоело быть палкой а руках Хозяина.

Берия был большим притворщиком, уже в первые годы службы а Грузияской ЧК искусно завоевывал доверие нужных людей. Без труда сумел он обойти простака Хрущева. На первых порах Никита Сергеевич считал Лаврентия своим другом, по очень скоро столкнулся с его жестоким двуличием. Они часто встречались за обедом у Сталина, и тот однажды ножаловался Хрущеву: «Раньше наши обеды были принтны, теперь же, при Берии, асе стало плохо. Он пьет и подбивает на пьянство других». Вспоминан об этом, Никита Хрущев попутно выдает один секрет. Оказывается, Берин, Маленков и Миконн просили официанток наливать им вместо вина подкрашениую воду. Как-то Щербаков, натурально упившись, открыл секрет трех «трезвенников», и Сталин подиял страшный шум...

Союз Берии с Маленковым имел ключевое значение а его борьбе за аласть. Именно о ней идет речь, об абсолютной аласти, но не о троне генсека. На этом посту Лаврентию І!валовичу виделся аполне послушный ему партфункциояер. Им мог стать Никита Хрущев, но он казался слишком простым и недалеким. И Берин остановился на Георгии Маленкове.

В свое аремя он был близок Николаю Ежоау, тогдашнему председателю КПК. Ежоа даже хотел сделать его своим помощником.

Берия давно оценил скрытую и необоримую силу центрального аппарата, поэтому хотел заручиться в первую очередь своим человеком а секретариате. И Маленков на посту секретари ЦК, сумевший взить под контроль почти весь главный штаб партии, мог стать опорой Берии. И стал ею. Объединившись, опи составили в Политбюро силу, которую мог одолеть лишь Сталин. Без его поддержки ни Молотов, ни Ворошилов, ни Калипин пе осмеливались спорить с более молодыми и весьма прыткими компаньонами. Берия продолжал играть роль послушяюто слуги, он выжидал, ибо знал, чем может кончиться прямой конфликт с генсеком.

В 1949 году Сталин вызвал из Киева Хрущева и поставил его во главе столичного комитета нартии. Он наденлся создать противовес усилившемуся тандему. Вспоминая о той тревожной норе, Никита Хрущев пишет, что постоинно противостоял Берни и Маленкову. Он передко преувеличивал свое значение, однако здесь несомненно содержится

большая доля правды.

В мае 1946 года гепсек неожиданно снял Маленкова с высокого поста и переместил а Узбекистан. Зигзаги в судьбе фаворитов генсек создавал и раньше, но такого еще не было: человек, занимавший второй по значению ност в партии, угодил вдруг а далекую ссылку. Это совивло по времени с арестом министра авиационной промышленности А. И. Шахурипа, обвиненного в развале дела. Рассказывают, что поводом послужила жалоба сына Сталина Василия на нлохое качество самолетов. Поскольку куратором этой отрасли был Георгий Маленков, у генсека появился повод убрать его.

Пе прошло и года, как Маленков аериулся в Москау — случай в истории партии упикальный. Обычно за снятием с высокого поста неотаратимо следовала казпь. Как же

это Берии удалось уговорить Хозянна?

Арест Шахурипа и онала Маленкова — каприз геисека или результат отлично сработанной провокации? Берия подпоил-подговорил Ваську Сталина, тот вызвал праведный гнеа отца и... Эта история могла понадобиться Берии для «спасенин» Маленкова. Ему нужен был в секретариате ЦК не просто свой человек, но человек предвиный, обязаиный ему всем. Такова возможная схема действий Лаврентия Берии. Как бы там ни было, с той поры Берия и Маленков стали неразлучны.

У Никиты Хрущева были асе основания называть Берию редчайшим мастером провокаций, всегда искавшим случая поймать конкурента на слове. За два года до войны, когда Хрущев прибыл по делам из Киева в Москау, Берия пригласил его на дачу: «Послушай, что ты думаешь о Маленкове?» — «А что н должен думать?» — «Я имею в виду теперешнее положение, когда арестован Ежоа».— «Понимаю. Ежоа с Маленковым были принтелями. Ну и что? Я думаю, Маленков — честный человек».— «Весьма возможно,—

отаетил Берия,— но ты асе же подумай...»

Подобные беседы Берия затевал и после войны — то с Хрущевым, то с Булганиным. Нозднее оп пытался вызвать недовольство самим генсеком, однако никогда не позволял себе писипуаций в адрес Сталина при Кагановиче. Лазаря Моисеевича он ненавидел страстно. При Хрущеве же оя доходил порой до оскорблений Божества и ожидал ревкции дорогого Никиты. Но тот «...никогда не закрывал ушей и никогда не открывал ртв...».

А как Берпя разделался с Вознесенским! Пользуясь близостью к Сталину, он умел аыбрать минуту благодущия или раздражения Хозяина и употребить целенаправленную информацию на пользу пли во аред определенному деятелю. Именпо так он поступил с председателем Госплана Николаем Вознесенским, который опрометчиво отбивал все попытки Берпи получить как можно больше средста за счет других министерств. И Вознесенский погиб.

Сталин асе видел, асе замечал. Берия был ему еще нужен, его присутствие а Политбюро обеспечивало зыбкое равновесие мелких самолюбий постоянно араждующих вождей. Но, сознавая приоритетное значение атомной программы, генсек решил освободить его от приятных обязанностей министра внутренних дел. Берия должен был полиостью переключиться на производство сверхоружия и органивацию разведки. Во главе МВД СССР Хозяин поставил одного из ближайших подручных Берии Серген Круглова. Борьба вокруг тропа обострилась до предела. Жданов со своей командой добивается не только отстранения и высылки Маленкова, по и смены руководства МГБ. Давний сподвижник Берии, его правая рука, Меркулов уступил свой пост Абакумову, который успел проявить себя с лучшей стороны как начальник СМЕРШа.

Назначая этого функционера главой Органов, Хозяин надеялсн сконструировать противовес Берии, чье могущество становилось опасным. Сталину трудно было вообразить, что в его окружении есть люди, преданные ему менее, чем кому-либо из его собственных подручных. Долгие годы раболенного поклонении трону притупили настороженный ум деспота. Не знал он, что Абакумов взирает на этот странно-покорный мир изпод козырька бериевской фуражки. «Он самый подлый, значит, самый безопасный», полагал Лаврентий Берия. Он остерегался лишь честных работников — они служили идее. Подлец же всегда преследует свои мелкие интересы. Его корыстные цели видны, поэтому подлеца легко вести за собой.

Сведенин, поставляемые генсеку Абакумовым, предварительно процеживал Лаврентий Павлович, на главный стол их подавали под соусом, сострянанным на бериевской кухне. Он продолжал контролировать личную охрану и обслугу Сталина, сколько бы раз тот ни менял состав ближайшего окружения. Кто посмел бы выказать непослушание

могущественному царедворцу?

Шли годы. В верхнем эшелопе аласти менялась обстановка, аместе с ней менялся Берия. Ольга Никитична Картвелишвили помнит его волевым, деятельным пачальником и напористым лицедеем. При надобности товарищ Лаврентий мог сыграть роль то заботливого друга, то — жизнерадостного весельчака, пустить в ход личное обанние.

Светлана Аллилуева учила французский язык, и ее преподаватель, П. Лавравш, часто астречалась а Кремле с Лаврентием Берией. Она отзывается о нем как о вежливом, восийтанном человеке. Француженка считала его одним из самых образованных руководителей

а сталинском окружении. Оказывается, Берия тоже владел французским.

Пронвив пезаурядные способности к политической мимикрий, наш обаятельный «француз» становился все жестче и надменнее. Вскоре он так прижмет старых членов Политбюро, что те уже не осмелятся пичего докладывать генсеку без его ведома. Если за столом у Сталина Лаврентий Павлович поднимал некий вопрос, который Хознин почемулибо отклонял, и кто-то позднее возвращался к этой теме, Берия мог осадить соратничка: «Я уже говорил об этом. Незачем поднимать этот вопрос вторично!»

С не меньшим изумлением наблюдал Никита Хрущев другие сцены, когда споры Берии со Сталиным доходили до ссоры. И всякий раз Берия обращал все в шутку: «Милые бра-

нятся — только тешатся...»

То были достойные друг друга нартнеры на кремлевской сцене. Но ссоры далеко не всегда носили такой характер. Берни наглел, изливалсн властью, он уже полагал обязательным согласовывать с ним тексты всех докладов генсека, и тот часто уступал его притязаниям.

Чем обънсиить столь несвойственное Вождю долготернение? Может быть, Берия шантажировал его документами царского департамента полиции?..

У Сталина не было новода дли недовольства Абакумовым. Министр пронвлял полное послушание, исправно служил, с разительным эффектом провел «Ленииградское дело». Но вот а конце мая 1951 года старший следователь по особо важным делам МГБ М. Д. Рюмин обратилсн к Сталину с инсьмом. Он сообщал, что Абакумов покровительствует террористическим замыслам вражеской агентуры. Таким образом, шеф МГБ ставит под угрозу жизнь самого товарища Сталина. Кроме того, Абакумов скрывает от ЦК промахи в своей работе и таким образом выводит органы госбезопасности из-под контроля нартии. Рюмин информировал Сталина, что Абакумов знает о существовании заговора еврейских буржуваных националистов, инспирированного американской разведкой, но, желая скрыть это от вождя народов, приказал умертвить расканвшегося а своих преступленинх врача Этингера.

Надо ли упоминать, что Рюмин не мог один сострянать подобную провокацию, санзанную со смертельным риском.

4 июля 1951 года Хозяин заменил Абакумова Игнатьевым, а на следующей неделе бывший министр уже сидел на «Матросской типпине».

Игнатьеа а двадцатые годы работал в Средней Азии, потом — на довольно ответственных партийных должностих а Бурят-Монголии, Башкирии, Белоруссии, а последние годы — в аннарате ЦК. Под началом Берии не служил, однако карьеру начинал именно а ЧК. Игнатьеа трепетно служил Вождю, который поднял его, крестынского сына, на такую негаданную высоту. Он оказался на своем месте. Тем не менее Сталин постоянно понукал его. Во аремя создания провокационного дела арачей Сталин а присутствии

членов Политбюро иричал на Игнатьева, угрожал ему. Он требонал зановать арачей в цепи

и бить, бить, превратить а фарш!

Сталин постоянно знаиомился с данными разведии, интерес и западным и восточным державам не ослабевал и а послевоенные годы. Китай, Мао Цзэдун и его оиружение пользовались особым вниманием иремлевсиого сидельца. Юрий Власов сообщает, что он часто читал доилады одного классного разведчика, опытного арача, иоторому Мао Цзэдун доверил даже оперировать свою супругу. Внезапно хирурга вызвали в Москву и арестовали, обвиния а санзях с женой америиансиого резидента в Китае. Сталин распорядился выпустить разведчика, справедливо полагая, что самые ценные сведения передио удается добыть именно через женщин. Однако на Лубяние «предателя» успели так обработать — в избиениях участвовал лично Абаиумов, — что ему понадобилось серьезное лечение. Но вот а дело аступил Берия, он-то знал, что Сталин подобных ошибок не прощает. И иогда хирург-разведчии после госпиталя отправился воздушным рейсом в санаторий, самолет по пути в Сочи сгорел...

Неудобным дли Берии оназался еще один человеи — непосредственный начальнии погибшего хирурга. Это был отец Юрин Власова. В 1942 году он возглавил группу военных иорреспондентов ТАСС а Китае, сблизился с Мао Цзэдуном. В 1948 году — назначен генеральным консулом а Шанхае. Берия пытался приручить разведчииа, но из этого ничего не вышло. История гибели хирурга тому известна а деталих, и это предопределило его судьбу. В ионце 1952 года он приехал а Мосиву из Бирмы, где служил послом. Берия пригласил его к себе и, узнав в дружеской беседе, что тот страдает желудком, опасается раиовой опухоли, предложил новейшее опиологичесное средство. Власов вернулся домой с распухшей руной. Жить ему оставалось после «целебного уиола» всего нескольно месяцев. Он погиб весной, не дожив до 49 лет.

Начальнии управления ионтрразаедии МГБ генерал-лейтенант Леонид Райхман, один из самых доверенных подручных Берии, аыдавал себя за ноляна, будучи евреем. То ли по этой причине, то ли из естественного желания ослабить позиции Берии, но Сталин приназал мннистру госбезопасности Игнатьеву врестовать генерала. Это произошло в 1952 году. На другой день после смерти Сталина Берия принес ональному в намеру мундир генерал-

Долгое аремя никто, кроме Берии, не снабжал генсена информацией о положении дел а Грузии, да и во всем Занавказье. Эта монополия и непререкаемый авторитет Папы Малого а этом рогноне стали раздражать Хозяина. Он решил обеспечить свой тыл прежде асего а Грузии. Нинолай Рухадзе, почти десить лет аозглавлявший грузниские Органы, генсека нинак не устранвал. В сентябро 1952 года он назначает министром ГБ Грузии А. И. Кочлавашанли. Ему Вождь поручил чистиу цартийных и государственных верхов республини с целью подораать там поэнции Берии. Кочлавашанли начал с мирного заявления: «До сих пор работа Органоа была неполнокровной». Сколько же еще ирови должно пролиться в распятой Грузии? Это мог определить только он, Кремлевсиий Дозироащик.

Охрана жизни генсена стала нанаажнейшим государственным делом. Ведь благополучие Вождя означало благополучие асего народа. В том раю, исторый учредил для себя

Сталии, Берии была отведена роль Верховного Охраннииа.

В тридцатые годы Сталин разъезжал на легиовой автомашине марки ЗИС-110: семь мест, усиленный кузов, пуленепробиваемое стеило. Автомобиль был почти полностью скопирован с вмериивнсиого «бьюиив», но оназвлся громоздиим и потреблял стольно горючего, что на одной международной выставие его зачислили в иласс иомфортабельных грузовиков. Послевоенную модель (1949 год) ЗИС-115 скопировали с вмериивнсиого «накиарда». На этот раз иузов изготовили из бронированной стали. Толщина двойных стенои достигала 30-40 миллиметров, пуленепробиваемых стеиол — 80, причем ивждое стекло отирывалось своим гидравличесиим домкратом, вмонтированным внутрь дверцы. Двойное дно, двойной потолои и особо усиленная задняя стенив, на тормозах — армированные чулии. Общий вес стального чудища достигал 6,5 тонны. Мощность мотора доведена до 180 лошадиных сил (прежняя — 140).

Таких машин на заводе имени Сталина аыпустили 28. Они не должны были ничем отличаться от серийных ЗИС-110 числом 2800. Все анешние атрибуты, асе параметры до миллиметра соападали с серийными. Сложная ионфигурация ставила перед инженерами очень трудные задачи, но асе горели желанием справиться с почетным заиазом Вождя на «отлично». Пришлось тольио уменьшить число мест до шести: сзади осталось даа (а серийных три), еще даа отиидных и даа апереди (одно из них для шофера). И все же точной иопии не получилось. Посиольиу значительно аозросла нагрузиа на иолеса, пришлось увеличить их диаметр. Они были снабжены специальными иамерами, более безопасными.

Больше стал и радиатор.

Подобный агрегат не мог даигаться а общем уличном потоие: радиатор перегреаался, аода в нем довольно сиоро заиипала. Быаший водитель персональной машины Лихачева рассиазывал, что по дороге на стадион приходилось пять-шесть раз останавливаться.

В довоенную пору Сталин занимал место на заднем сиденье, между даух дюжих охраннииов. Они прикрывали Хозянна своими телами сзади, сомкнув плечи. Нозднее генсек располагался на одном из откидных сидений, имея за спиной даух охраннииов. Да, трудно сыскать а истории человечества днитатора, который столь бережно относился бы и собственной персоне, иак Сталин. Из добрых побуждений, разумеется: что сталось бы с народом без него?...

Мы не знаем, что по этому поводу думал маршал Жуиоа, иоторый после аойны иногда

ездил а одной машине с Гепералиссимусом.

«Стеила а машине вот такие. (Он показал пальцами толщину стекол). Впереди сел пачальник личной охраны Сталина. Сталин указал мне, чтобы я сел на заднее место. Я удиаился. Ехали так: впереди — начальник личной охраны Власии, за ним — Сталин, за Сталиным — я. Я спросил нотом Власииа: "Почему он меня туда посадил?" — "А это он всегда так, чтобы, если будут спереди стрелять, — а меня попадут, а если сзади — а аас"».

Сталин имел обыкновение меннть свой маршрут перед самым выездом из Кремля. На апутреннем дворе Большого театра дежурили сиоростные машины с охраннинами, иоторые по спецсвязи получали приназ присоединиться а указанном пуните и аатоколоние. Люди пераого зшелона, естественно, иониурировали с людьми аторого, но именно таная ситуация — сопершичество при двойном контроле — и устраивала Хозяина больше асего. Об этом ныне свидетельствуют пережившие асех наследников Сталина служащие его личной охраны.

На некоторых улицах было установлено постоянное дежурство снециально подготовленных охранииков. На чердаках, на верхних зтажах арбатских домов сидели снайперы, готовые поразить любую подозрительную цель. Каждый ивадратный метр старого

Арбата был пристрелин саерху саетовыми лучами.

Сталинские автомобили, эти мпрные броневики, испытывали боевыми пулеметами. Потом иузов реставрировали, заделывали амятины. После этого бесстрашный генсеи мог пользоваться своей машиной.

Все 28 были разбросаны по стране: две а Лениграде, 20 в Мосиве и на загородных

дачах, остальные а Крыму, на Северном Кавказе, а Сочи и в Закавказье.

Прошло время, и автонарк усопшего Диктатора свезли в Кремль, на подземный склад. Потом отправили машины на завод именн Лихачева и разбили. Один из уцелевших монстров экспоинруется иыно в Риге, в клубе любителей автомобильной старины, два — в Политехинческом музее. Судьба четвертого автомобиля примечательна. Он был выкуплен у Советского правительства неинм Исидором Потановым. Летом 1990 года он решил продать его на Западе через австрийсиую фирму «Шерц». Иредполагали, что цена сталинского авто превысит на аукционе 2 миллиона долларов.

В Горн сохранняся другой музейный экспонат — железнодорожный авгоп. При зиизпи Диктатора его держали на станциях Кааказской железной дороги для поездои а Боржоми, Цхалтубо и Бакурнани. Длина его несколько уступала современному купированному авгону (21,6 против 23 метроа), зато оборонной мощью и оборудованием он мог поразить воображение самого прихотливого охранинка. Одетый в толстую броню стальной монстр весил 83 тонпы. Шесть пар колес, снабженных унинальными рессорами, держали его на

рельсах.

Представление о внутренней планировие двет схема. Для удобства примем за единицу площади одно иуне. Итак, первое купе — иухня. Рядом помещение для охраны. В третьем — спалыя. Два следующих — кабинет. Во аторой половине (шесть иупе) — зал заседаний.

Интерьеры отделаны дубовыми и ореховыми панелнми с инкрустациями в староиупеческом стиле. Зериальное стеило, нииель, бронза, позолота. В зале висели три хрустальные люстры. Тесно, конечно, зато шик каиой...

Вождь пользовался своим чудо-авгоном не чаще одного раза а три года.

Пристрастие и бронпрованным вагонам он проявил еще на заре Советской аласти, в 1918 году. Всего один раз выехал Великий Полиоводец на Царицынский фронт. В бронепоезде. В единственном бронепоезде, снятом срочно для этой цели с нозиций. Уже тогда
Сталин относился и своей персоне иви и государственной ценности. С годами животный
страх Любимца Партин и Народа возрос неимоверно, и Берия научился виртуозно играть
на этой струне.

После войны, когда генсек, теперь уже Генералиссимус, возобновил поездки на юг, Берия отряжал на его охрану целые армни. Из Москвы в Сочи отходили почти одновременно и ане расписания три поезда. Попробуй угадай — а каиом едет венценосный Герой. Вдоль всей трассы дежурили тысячи сотруднииов милиции и агентоа госбезопасности. Они брали под свой ионтроль службу даижения — от диспетчеров и дежурных по станциям до стрелочников. Со всех вокзалов убирали пассажиров.

В сентябре 1947 года Сталин избрал местом отдыха дачу на Холодной речие, под Гагрой. Немедленно во асех санаториях и домах отдыха от Сочи до Сухуми разместили десятии тысяч бериевсиих агентов. Они заняли добрую половину мест. Оставшихся больных и отдыхающих подвергли строжайшей проверие. Все милицейсиие посты заняли

полиовника.

московские сержанты и офицеры, включая службу ГАИ. Повсюду шпыряли агенты а штатском. Территорию сталипской дачи охранял особый полк войск МВД. Берия лично инспектировал эту грандиозную систему.

Но вот Сталин выехал домой (самолетам он свою жизнь не доверял), и в тот же день на станцию Адлер подали шесть железнодорожных составов, потом еще шесть. Специальные самолеты пошли на Москау. Армия профессиональных бездельников — сановных и рядо-

аых — аозвращалась а столицу.

В Кремле, где находилси рабочий кабинет Сталина, его каартира и зал заседаний Политбюро, система безопаспости была тщательно продумана и отлажена еще до войны, а годы большого террора. История не знает ни одного случая нокушения на жизнь генсека и его подручных на территории Кремля. Комендантом этой крепости служил Николай

Спиридонов.

Кабинетом Сталина, а значит, и подступами к нему ведал Александр Поскребышев. На нервый взгляд его можно было принять за обыжновенного работника центрального аннарата, пусть опытного и ваторитетного. Или за кербера, чей животный инстинкт безощибочно отличал нужных соратничков от непужных... И от обреченных. Носкребышев возглавлял личную канцелирию генсека и особый сектор. Эти полуофициальные конторы, уставом партии не предусмотренные, функционировали уже не одно десятилетие при ЦК, точнее, над ним. И — что имело особое тогда значение — над тайной службой. Пи Ежову, ни Яголе, ни Берии они не были подвластны.

В системе личной безопасности Сталина особый сектор занимал ключевую позицию. Он назначал и контролировал комендатуру и обслуживающий персопал Кремля — от высших офицеров до сотрудников музеев и поваров. Окруженные людьми особого сектора члены Политбюро жили в своих покрытых сусальным золотом клетках подобно сытым кроликам а сарае рачительного хозяина. А генсек обезопасил себя дважды — от возможных покушений отчаявшихся партийцеа и сотрудников государственной службы безопасности. Так было заведено еще в начале тридцатых, на взлете горийского хулигана

и бессмертию.

Сам кремлевский кабинет генсека находился под бдительной охраной постоннно дежуриацих у двери агентов. В их проходную компату посетитель нонадал через приемную, где стояли столы Поскребыщеаа и — чуть в сторопе — его заместителя. Обыску подвергали асех, за исключением нескольких особо доверенных лиц. Достижения техники тоже использовались. В годы асины динан в приемной был оборудован специальным

злектронным устройством.

Карьера Поскребынева началась довольно странно. В нартию он аступил в 1917 году в двадцатинестилетнем возрасте. В эту нору люди его поколения уже имели стаж поднольной борьбы с царизмом. Прошлое его затемнено наспех сочиненными легендами о революционных ностах, которые он занимал в Екатеринбурге, Туркестане, Златоусте, Уфе... Точно известно лишь, что он работал фельднером на одном из горных заводов Урала, нотом — а органах ВЧК и аскоре переехал в Москву. В 1922 году он уже служит а апнарате ГПУ, откуда его переаодит в канцелярию генсека. Предстоила Александру Поскребыневу долгая, на три десятилетия, почетная аахта в предбаннике Вождя.

Охрана квартиры генсека, расположенной рядом со зданием бывших судебных установлений, не представляла трудностей. Но чаще он обитал, особенно в последнее время, на своей даче а Кунцево, близ Москвы. Комендантом «Ближней», как ее называли, был генерал Власик. Сталин поставил его во главе Главного управления охраны МГБ. Полуграмотный, тупой служака щеголял в мундире генерал-лейтенанта и позволил себе ноучать ответственных лиц, вплоть до министров. Характеризуя Николая Сидоровича Власика как глупого и вельможного солдафона, Саетлана Аллилуева сообщает о том, что отец вверил ему управление отрядами охраны всех своих дач — под Москвой и на юге.

Ближние и дальние подступы кунцевской резиденции Сталина находились под круглосуточным наблюдением сотен аооруженных агентов, готовых в любой момент отразить налет отряда лихих кавалеристов, усиленного ротой пулеметчиков. Такое могло случиться только в сказке, но в то сказочное аремя никто пичему не удивлялся. И высокие заборы с массивными стальными воротами, и скрытая кустами колючан проволока под электрическим током, и тройная проверка документов, и сложный порядок представления посетителей Хозяину — все казалось необходимым, естественным.

Попаа на территорию дачи, автомашина совершала крутую петлю вокруг деревьеа, скрываащих фасад здания. Кошачьей натуре генсека претили прямые ходы, и это тоже

воспринималось как должное.

Но было одно обстоятельство, существенно отличавшее Купцево от Кремля: подбор и назначения охранников и обслуживающего персонала дачи осуществлял не кто иной, как Берия. Сталин иногда капризничал: то ему надоела грузинская обслуга, то ему не нравились русские садовники... Но Берия сумел сохранить свои командные позиции и в последней игре пустить этот козырь в ход.

Сталин опасался удара и с другой стороны. Он знал, кто отравил а 1936 году Нестора Лакобу. И кто отправил а мир иной бывшего советника Мао Цаздуна Петра Владимирова. За Лаврентием Паалоаичем числились и другие химические опыты, да и сам Сталин иикогда не ограничивал себя в выборе средста.

По свидетельству Светланы Аллилуевой, все продукты нитания — мясо, рыба, овощи, фрукты, хлеб, вино — подвергались лабораторному исследованию и поступали на кухню — каждый пакет а сопровождении акта, заверенного подписью токсиколога и круглой печатью. Такой же процедуре подвергались посылки, поступавшие сюда с Кавказа.

Никита Хрущев всиоминает, с какой опаской генсек относился ко всему поданному иа стол. Пытаясь сохранить достоинство, Вождь намекал на понравнашееся ему блюдо, и тогда Хрущев или Микоян, самые безотаетные нахлебники, отведав просимого, предлагали ему.

Но а стане осатанелых пауков, собранных в кремлеаской банке, бытовал еще один способ уничтожения ближнего — азрозоли. «Иногда, — пишет Аллилуева, — доктор Дьякоа появлялся у нас на квартире в Кремле со саоими пробирками и брал пробу аоздуха из асех комнат».

Медицинский персонал, стояаший на страже здоровья Вождя, подбирали прежде всего по признаку безусловной преданности. Лейб-медики Сталина и членов Политбюро находились под неусыпным контролем Берии, так что вельможные пациенты могли чувствовать себя а двойной безонасности.

Лечебпо-сапитарное управление Кремля, поздпее — Четвертое главное управление при Министерстае здравоохранения — располагало сетью поликлиник, аптек, больниц, сапаториеа для работникоа высшей номешклатуры, по и а этой закрытой системе для генсека и малых вождей были созданы особые условия.

Попробуем теперь представить себе графический образ сталинской крепости. По углам ее — четыре мощные сторожевые башни: личпая охрана — Власик, канцелярия и Особый

сектор — Поскребышев, лейб-медики и подручные.

Генерал Власик помимо охранной службы ведал хозяйством сталинской дачи. Вряд ли он осмелился бы утанть от Вождя деньги или ценные вещи. Однако удар последовал именно с этой стороны. Вездесущие Органы уличили его в присвоении фарфоровых сервинов, хрусталя, фотоаппаратов, а также — а серьезных упущениях по службе... Арестовали Власика 15 декабря 1952 года.

Вслед за Власнком за решетку угодил Александр Поскребышен, тот самый генерал Поскребышев, которого Сталин любезно называл «Главным». Для тех, кто общался с генсеком, он дейстнительно был главным после него, ибо только Александр Пиколаевич в любое время днн знал, в каком расположении духа изволит пребывать Диктатор, кому он

мирволит и кого собирается спустить с Олимиа.

Берия не утруждал себя разработкой новых видов провокаций. Пачальник личной канцелярии генсека оказался виновен в утечке сверхсекретной информации. И уличил его не кто иной, как Сталин. Может быть, по тонкости исполнения эта акция стала наивысшим достижением нефа органов кары в сыска.

Третью башню Сталии порушил сам. Большая группа кремлеаских врачей, включая его лейб-медика Виноградова, уже три месяца томится в тюрьме. Врачи успели чисто-сердечно признаться в террористических замыслах и шпионской дентельности и, соответ-

ственно, простились с жизнью.

Дезорпентированный последними событиями Вождь натренированным пюхом почуял смертельную опасность и решил аовсе отказаться от арачебной помощи. Кого ему прикомандируют в этот раз? Кто будет контролировать действия новых арачей? Органы безопасности поспешили арестовать аместе с врачами-вредителями начальника Лечсанупра Кремля Егорова. Министра здравоохранения СССР Смирнова заменили новым человеком — Третьяковым.

Оставалась последняя опора — подручные. И от этой опоры Сталин отказывается сам, удалив от себя таких абсолютно преданных помощников, как Молотов, Ворошилов, Мико-ян, Кагапович. Многоопытный дворцовый интриган утратил дар дальних расчетов.

И твердость руки.

Сталин знает истиниую цепу Маленкову и Берии, догадывается о памерениях этой нечистой пары и все же... все же апускает их анутрь полуразрушенной крепости. Он надеется на то, что Хрущев с Булганиным сыграют роль противовеса, некоего сдерживающего начала. Он по-прежнему уверен в себе, но события уже вышли из-под его контроля. Как и в доброе старое время, он жаждет крови. Его верный охранник Пиколай Власик брошен в тюрьму. Взяли его 15 декабря, за ним — Александра Поскребышева. Берин требует от каждого показаний на другого. Особенно достается Власику. Он получил возможность узнать на себе, что же это значит — рекомендованные сталинским ЦК «физические методы воздействия». Пачальника Главного управления охраны МГВ генерал-лейтенанта Власика обвиняют а огромном перерасходе государственных средств, в незаконном хранении дома и на даче секретных карт, а разглашении служебных тайи... Более двадцати лет беспорочной службы Хозяину не а счет. Свыше двух лет тянулось следствие, Власик пережил и Сталина, и Берию, но пришлось все же признать свою випу полностью; быть может, самооговор спас ему жизнь. На суде (17 января 1955) он отказался от вымученных

показаний, однако суд был милостиа: 10 лет ссылки. Этот срок а соотаетствии с амнистией 1953 года был тотчас сокращен адвое. Через даа года Власик аернулся из Сибири а Москау и аскоре был реабилитирован. Это сделал по старой дружбе Ворошилоа.

С Александром Поскребышевым пришлось быть осторожным. В ожидании команды Хозяина Берии не терпелось саести счеты с Главным. Но в сугубо партийной игре «казнить — миловать» Сталин верховодил сам. Здесь он никакой самостоятельности не

терпел.

Меж тем четверка продолжала исправно посещать Диктатора на даче. Глубоко ошибаются те, кто полагает, что все четверо представляли собой грунпу единомышленников. Уже а начале они разбились на пары, по и давно отработанный тапдем Берия — Маленков а дейстаительности не был тандемом. Профессиональный полицейский не мог делиться своими тайными планами с партфункционером. Что до этого простака Никиты и опереточного маршала Булганина, то кто же их принимал асерьез? Боялись они Лаарентия Павловича до дрожи а печенках. И Маленков, которому генсек доверил ведение партийноорганизационных дел, имел асе основания опасаться своего слишком изворотливого партнера. Берия и не таких под себя нодминал.

Его главенство а последней при жизни Сталина четверке соратничков было бесспорным. Как ни старался генсек изолировать товарища Лаврентия от органов, тот продолжал негласно командовать анпаратом насилия. Ни один член Политбюро не чувствовал себя а безонасности при нем. Надо также отдать должное незаурядной натуре Лаврентия Павловича. В той аморфной среде он резко выделялся волей к действию и решительным характером. Помноженные на отшлифованное аременем коварство, эти черты сделали его

безусловным лидером в канун исторической весны 1953 года.

В восноминациях Никиты Хрущева, ипогда противоречивых, несуразных даже, астречаются свидетельства очевидца и участника событий, рисующие вполне достоверную картину. Его отношение к Берии было сложным, но одно он уловил сразу: шеф тайной службы, став фаворитом Сталина, приобрел огромную власть. И способен на асе. Вот характерное признание Хрущева: «Я был более откровенен с Булганиным, чем с другими. "Ты знаешь, какан ситуация сложится, если Сталин умрет? Ты знаешь, какой пост хочет запять Берин?" — "Какой?" — "Он хочет стать министром госбезопасности. Если он им станет, то это начало конца для всех нас... Что бы ни случилось, мы абсолютно не должны допускать этого".

Булганин сказал, что оп согласен со мною, и мы начали обсуждать, что мы отныне

должны делать. Я сказал, что поговорю обо всем этом с Малевковым».

Четверка была лишь сколком бессмертного Политбюро. Члены его жили в постоянном ожидании подвоха со стороны коллег, но удар мог носледовать и сверху, от генсека. Пресным такое существование не назовешь. В этой обстановке аыживали лишь самые покорные и осторожные блюдолизы. От нашей же четаерки потребовалось нечто иное — мужество. Ибо настала пора действовать.

Как же свершился переворот? Сохранился рассказ Хрущева а передаче Аверелла Гарримана, бывшего посла США в Советском Союзе. Это пераое по времени свидетельстаю

Гарриман опубликовал а 1959 году.

В рассказе отсутствует главное — саедения о насильственной смерти Сталина и о плане заговора. Однако здесь Хрущеа сообщает некоторые подробности, опущенные а более поздних аоспоминаниях: «Он никому не верил, и никто из нас ему тоже не верил». Далее следует описание аесело проведенного а обществе Вождя субботнего вечера. Поутру асе четверо — Хрущеа, Берия, Булганин, Маленков — разъехались. По воскресеньям Сталии обычно звонил им, обсуждал с четверкой предстоящие дела, но на этот раз он остался на даче и никого не вызывал. Лишь а нонедельник вечером начальник охраны сообщил, что Сталин болен. Четверка немедленно отправилась а Купцево. Они застали генсека в тяжелом состоянии. «Мы находились с ним три дня, но сознание к нему ие возвращалось».

В своих «Воспоминаниях» Хрущев не отходит от этой версии, он только приводит другие детали. Четверо фаворитов провели вечер 28 февралн за обеденным столом на сталинской даче. Хозяин изрядно вынил, был а хорошем настроении, и соратники уехали

от него поздней ночью, вернее, рано утром 1 марта. Дальнейший ход событий и подлиннан дата смерти Сталина нуждаются еще, на мой

азглид, а тщательном исследовании.

Вечером 1 марта произошел удар, Сталин потерял сознание, упал с тахты, лишился дара речи. Охрана вызвала четверых приближенных, по они не задержались на даче и не позаботились о врачебной помощи.

Странный поступок, но он легко объясним. Когда дежурный офицер доложил Берии, что товарищу Сталину стало совсем плохо и он уже хрипит, Лаарентий Павлович резко

оборвал его: «Не поднимайте паники, он просто заснул и храпит во сне».

Эти сведенин сообщил многолетний служащий личной охрапы Вождн А. Т. Рыбин. Ему запомнились также тревожные телефонные звонки. Кто-то спрашивал Берию — не нужна ли врачебная помощь? Берия, грубо обругаа заониашего, отаечал, что никто здесь а помощи не нуждается. Более трипадцати часов не вызывали арача к пораженному ин152

сультом больному. И еще одна улика, изобличающая заговор. Когда вызванные с большим, точно рассчитанным опозданием арачи окружили больного, его вырвало. Присутствовавший при этом Булганин строго спросил — почему товарища Сталина рвет кровью? То был явный симптом отравления. Вызванный на сталинскую дачу профессор А. Л. Мясников поведает позднее обо всем увиденяюм своему сыну.

Злоумышленнику надо было отвести от себя асякие подозрения, и вот через депь после кончины Вождя в газетах появляется такое сообщение: «Результати патологоанатомического исследования полностью подтвердили диагноз... установили необратимый жарактер болезни И. В. Сталина с момента возпикновения кровоизлинния а мозг. Поэтому принятые энергичные меры лечения не могли дать положительный результат и предотвратить роковой исход».

Итак, для спасения жизни генсека с самого начала приняты асе необходимые меры. Неусыпный контроль обеспечил правильное лечение, исключил асякие случайности, малейший намек на насильственную смерть неуместен, даже преступен. Вот что угадыва-

лось в тексте

Объектианость исследования требует упомянуть еще об одной авъной детали. Как сообщили охранники, у «товарища Сталина» за год до смерти был первый инсульт, правда, а легкой форме. Однако после этого он стал волочить правую погу...

Можно согласиться с аыводом врачей относительно неизбежности рокового исхода, но при ином отношении Берии к Вождю такой исход арачи смогли бы отдалить. Что касается

газетной информации, то она составляет аесьма характерный фон.

В первом же правительственном сообщении, опубликованном в «Правде» 4 марта, говорится о «аременном уходе» товарища Сталина от работы а саязи с болезнью. И еще сказано, что удар случился у яего якобы а ночь на 2 марта и не на даче, а а Москае. Одно место особо примечательно: «Товарищ Сталин потерял сознание. Разаился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи».

Последовательность этих событий нереальна; констатировать явления паралича и утраты речи можно лишь ДО потери сознания. Оставиа умирающего без арачебной помощи, авторы правительственного сообщения отказались от участия специалистов

в составлении текста.

Не много ли лжи для небольшой публикации «Правды»?

Врачи были вызваны к потеряашему сознание Сталину лишь 2 марта, с роковым опозданием. Пора было убедить детей тирана в том, что к его спасению принимаются самые знергичные меры. «Все суетились, спасая жизнь, которую уже нельзя было спасти». Светлане Аллилуевой запомнилась картина медицинского аврала, она не замети-

ла здесь пикого из знакомых врачей (кроме одной молодой женщипы).

7 марта, через день после смертн Вождя, газеты публикуют текст заключения авторитетной медицинской комиссии в обновленном составе: «Результаты натологоанатомического исследования полностью подтвердили диагноз, поставленный профессорами — врачами, лечившими И. В. Сталина. Данные патологоанатомического исследования установили необратимый характер болезни И. В. Сталина с момента возникновения кровочизлияния а мозг. Поэтому принятые энергичные меры лечения не могли дать положительный результат и предотвратить роковой исход». Здесь сделан акцент на «необратимом характере болезни». В этой саязи хотелось бы зяать, какоао было состояние здоровья Сталина накануне гибели. В последнее аремя он не жаловался на недомогание, лишь сон у него был тяжелым, по об этом мало кто знал. Доктор, пользовавший Сталина песколько лет, рассказывал бывшему редактору «Известий» И. Гронскому, когда тот в 1955 году верпулся из лагеря: «Во время спа Сталин аскакивал с постели, кричал дико, конмары буквально душили его. Не дай Бог никому видеть то, что мне довелось наблюдать...»

Аллилуева упоминает о совершенных отцом жестокостях: «...память об этом не давала ему спать спокойно». Но, аспоминает дочь, Сталин отличался очень крепким здороаьем:

«сердце, легкие, печень были а отличяом состоянии».

Посол Индии К. Менон, посетивший Сталина 17 февраля, то есть за десять дней до внезапяюто удара, нашел Диктатора а полном здравии. Ему аторит Никита Хрущев, видеашийся с Хозяином за несколько часов до несчастья: «Не было пикаких призиаков какого-нибудь физического недомогация».

Некоторые историки склопны аидеть сыпа Сталина а роли свидетеля, изобличившего заговорщиков. Вызванный 2 марта на кунцеаскую дачу, он «разносил» врачей, кричал, что «отца убили... убивают». Можно ли относить к серьезным уликам аопли записного

алкоголика Васьки, этого уголовника и сына уголовника?

А. Авторханов, со свойственной ему обстоятельностью исследовавший историю мартовского дворцового нереворота, приводит ряд версий. Две из них — И. Эренбурга (1956) и П. Пономаренко (1957) — явно инспирированы тайной службой. В основе трех других лежат воспоминания Н. Хрущева. В последней он выведен на сцену в роли инициатора в главаря заговора. Кому-то нужна такая легеяда...

Сам Хрущев утверждвет, что а смерти Сталина был заинтересован только один человек — Лавреятий Берия. Это аполне согласуется с аоспоминаниями Аллилуевой о по-

следних часах жизни отца: Берия «был аозбужден до крайности. Лицо его то и дело искажалось от распираащих его страстей... Он подходил к постели больного и подолгу асматривался а лицо больяого — отец иногда открывал глаза... Берия глядел тогда, вниваясь а эти затуманенные глаза».

Хрущеву, Булгаянну невмоготу стало существование под жестокой сталинской дланью. По-человечески их колебания понять можно. Только были ли они, были ли соратнички Сталина — новые и старые — людьми? А Берия, чем этот палач лучше того?

Мы упомянули о мужестае, столь необходимом а таком рискованном деле, как устранение тирана. Можно подумать, что проявил его а полной мере только одип Берия. По аедь то было мужество отчаяния. Крыса, загнанная а угол, способна броситься на кошку...

Мужество Хрушева, поднившегося потом против Берии, - того же саойства. Все они, подручные Сталина, были убежденными трусами. Мужчин а саоем хозяйстве генсек не терпел. И асе же о Маленкове, Хрущеве и Булганине нельзя сказать, что они стояли в стороне. Они не остановили убийцу, аместе с ним они обманывали народ — относительно болезни и смерти Вождя. Но других авриантов не существовало. Предстоял дележ аласти, а за спиной чудилось горячее дыхание старших соратников устранешного... Аллилуева дает нам в руки еще одно важное саидетельство против Берии: «А когда асе было кончено, он первым выскочил а коридор, и в тишине зала, где асе стояли молчв аокруг, был слышен его громкий голос, не скрывавщий торжества: "Хрусталев! Машину!"».

...Некогда скорбеть о кончине Диктатора. Да и к чему? Некогда делить аласть, ее надо брать. Куда он так спешил? Уж не а кабинет ли Сталина, к секретному сейфу? На Лубянке он без помех оаладел центральным аппаратом на правах - может быть, апервые - пол-

ноаластного хозяина.

В Тбилиси экстренно отправлен специальный поезд с отборными оперативниками. Задание — вызволить из тюрем брошенных туда по приказу Сталина руководителей («Мингрельское дело»). И арестовать асех фаворитов генсека. Возглавить эту освободительно-карательную операцию Берия поручил своему испытанному помощнику Владимиру Деканозоау, палачу без страха и упрека.

Новая жизнь — повые заботы. Прежде асего надо замести следы преступления. Лишних евидетелей оказалось много, прежде всего — среди охранников Ближней дачи. Офицеров Берия отправил в отдаленные районы страны. Даос, во избежание худшего,

успели заетрелиться,

Обслуживающему персоналу — а там аодились даже генералы — Берия приказал убиратьен воп. Это происходило, как с прискорбием отмечает дочь, на второй день после

«Совершенно растерянные, ничего не понимающие люди собрали вещи, книги, посуду, мебель, грузили асе ео слезами на грузовики, — все куда-то увозилось, на какие-то склады... Людей, прослуживших здесь по десять-пятнадцать лет не за страх, а за совесть, вышвыривали на улицу».

Па, а мебель-то, мебель зачем было вывозить? И книги. Здесь ведь можно, нет, должно музей открыть. И ходили бы к Саятому Месту наломники, квк ныпе посещают Гори, родину Отца Народов. И то поворяюе место под кремленской степой, где он скоронен.

Что ж, и ходили бы. Если бы не Берия.

Единстаенное, пусть невольно сотворениюе злодеем благо. Зачтется ли ояо ему?

Смерть Сталина сопровождал торжественный дивертисмент, разыгранный па Красной площади в день похорон 9 марта. Первым аыступил Маленков, за ним Берия: «Трудно выразить словами чуастао великой скорби...» Что правда, то правда: ему, убразинему с пути генсека, очень трудно. Сколько фальшивых ролей сыграно на этих подмостках, сколько лживых речей произиесено...

«Не стало Сталина — аеликого соратника и продолжателя дела Ленина... Мудрое руководство Великого Сталина... Неутолима боль а наших сердцах, неимоверно тяжела утрата...» Речь полна дежурных фраз, но вот наследник вспомнил о своей профессии: «Теперь мы должни еще более усилить свою бдительность». Поток трескучих призывов кажется нескончаемым, однако ритуал определен во аремени, следует кода: «...неизменно хранить аерность идеям марксизма-ленинизма и, следуя заастам Ленина и Сталияа,

привести страну к социализму и коммунизму».

Этому предсказанию не суждено было сбытьея по независящим от Берии обстоятельстаам. А его участие а устранении Вождя до сих пор вызывает споры. Но а ходе судебного расследования, если бы оно состоялось при жизни заговорщиков, можно было бы легко обойтись без личных признаний Лаарентия Берии и соучастников. Вполпе хватило бы косвенных улик. Исеифа Сталина устранил его верный соратилк товарищ Лаарентий. А детали убийства — какие химические средства, когда и как были применены, - эти сведения сгорели вместе с ним в печи московского крематория в декабре 1953 года.

Политический тандем Берия — Маленков приобред после смерти Сталина силу решающую, необоримую. Молотоа, долгие годы занимавший аторую, аслед за Сталиным, 154

позицию, был им же дискредитирован. Успел-таки, радетель. Остапвлись Каганоаич, Микоян, Ворошилов, Булгвиии, Хрущев. Их Берия никогда всерьез не принимал: объединиться опи не могли, умом, мужеством не блистали.

Сценку образования правительственного кабинета Берия с Маленковым разыграли а бодром темпе. Спачала Берия выдвинул кандидатуру Георгия Максимилиановича на пост глваы Совета Министров, затем тот назавл Лаврентия Павловича своим первым заместителем, вернее — нервейшим. Президнум ЦК, предложенный этой нечистой парой, фактически дублировал состав асрхушки правительства. Смещая министра ГБ Игнатьева, Берин предложил ему весьма зыбкую должность секретаря ЦК и аскоре же убрал его вовсе из центрального анпарата. Подобная тактика в отношении неугодных лиц стала

а чертогах верховной власти традиционной.

За долгие годы сталинской диктатуры партия, да и всеь народ привыкли смотреть на Генерального (первого) секретаря как на Вождя, паделенного абсолютной аластью. Отдать этот пост Маленкову или же занять его самому значило бы обнаружить свои истипные нвмерения. Выдвигая секретарем ЦК Никиту Хрущева, Берия, как ему казалось, обрел в этой онасной политической игре нвдежную ширму. Оставалась еще одна забота приобретение популярности. В 1938-1939 годах Сталин помог ему разыграть спектакль, а котором на долю Ежова выпала роль элодея, Берия же выступил в образе доброго рыцаря. Этот опыт окалался истати: новый шеф Министерства анутренних дел - после слияния е МГБ — предложил коллегам по управлению страной объявить ампистию заключенным. Следующий ход — реабилитвция группы «врачей-убийц». Об этом сообщила 4 апрелн «Правда». «В результате проверки установлено, что привлеченные к этому делу врачи... были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против илх обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следстаня». Козлом отнущення оказалея этот ротозей Пгнатьев.

Пу а главный виповник провокации, тот, что дирижировал незаконными дейстаиями Игнатьева? Свидетельствует Коистантин Симонов: «Вскоре после сообщения о фальсификации дела врачей членов и кандидатов в члены ЦК знакомили а Кремле, в двух или трех отведенных для этого комнатах, с документами, евидетедьствующими о непоередственном участии Сталина во веей истории с "врачами-убийцами", с показаниями врестованного начальника следственной чаети бывшего Министеретва государственной безопасноети Рюмина о его разговорах со Сталиным, о требованиях Сталина ужесточить допросы — и так далее, и тому подобное. Были там показания и других лиц, веякий раз свяданные непосредственно е ролью Сталина в этом деле. Были записи разговоров ео Сталиным на эту

же тему».

Вее документы, представленные нв оболрение товарищем Берней, были доступны цекистам в течение педели. Войдя в роль звиисного правдолюбца и либерала, Лаврентий Павлович однажды предложил на заседании Президиума установить предельный ерок наказанин в 10 лет вместо прежних 20-ти. Однако, как справедливо заметил Хрущев, столь гуманиая на первый взгляд мера не имела на практике реального значения: дееятилетний срок можно было повторять и повторить вновь — как в лагере, так и в тюрьме. В дуже устоявшейся традиции. Кстати, убедиться а том, что «новаторство» Берин — всего лишь игра, можно было уже на следующем заесдании. Там он предложил установить жесткий контроль органов над всеми отбывшими срок заключения, то есть поселнть их в районах, назначаемых функционерами МВД. Было уже такое. Вспомпим год 1947-й, репрессивную инициатиеу Вичеслава Молотова. Тогда, при Сталине, миллионы невинно пострадавших обрекли на бессрочную ссылку. Ныне же предложение главного надлирателя не прошло.

Эта маленьквя неудача не отразилась на эдоровом оптимизме Берин. Осуществив свою миогоходовую комбинацию, Берия мог уже подсчитывать политические дивиденды. Итак, публика убедилась а редкой принципиальности нового лидера, в его гуманности. Тенерь с бесправием и репрессиями покончено раз и навсегда. На страже закона стоит несгибае-

мый ленипец товарищ Лаврентий...

Человек государственный, привыкший мыслить широкомасштабио. Берия совершенно серьезно полагал, что только он лично способен благотворно влиять на внешнюю политику Советского Союла. Он считал, например, нежелательным раздел Германии на два самостоятельных государства, ибо теперь а самом сердце Европы образовался постоянный очег напряженности. Смелые шаги предпринял Берия а области экономического персустройства Восточной Германии.

Экономические взелиды Берпи давно уже не соответствовали топорной политике Сталина, особенно а области сельского хозяйства. Лаврентий Берия, с его гибким умом, никак не мог быть причислен к окаменелым догматикам.

Один известный дипломат, близко знавший Сталина, новедал своему другу о случайном признании Диктатора, которое тот сделал незадолго до кончины. «В Германии,-

сказал Сталии, — надо сохранить фермерское хозяйство. Тольно оно способно решить продовольственную проблему». То были слова. На излете своей преступной жизни Диктатор продолжал, как астарь, аредоносную аграрную политику. Взамен колхозов повсеместно насаждали совхозы. Колхозам отказано а приобретении сельхозмашин у МТС. Один за другим закрывались сельские рынки. Ставка — на натуральный обмен между колхозами и промышленными предприятиями.

В феарале, за месяц до смерти, Сталия предложил увеличить налоги в деревие на немыслимую сумму в 40 миллиардов рублей, а то время как доходы всех азятых вместе

колхозов составляли чуть больше этой суммы.

Берия понимал, что эта установка ошибочна, если можно именовать ошибкой продолжение политики деревенского погрома. Понимал и делал, что велят. Как делал а саое

аремя а Грузпи, да и во всем Закааказье.

После смерти Хозянна Берия, уже не таясь, заметил по поводу тотальной коллективизации и обинцания дереапи: «Тут Старык явно перемудрил...» Хрущев, который после марта 53-го позволял себе кое-какпе упреки а адрес усопшего Хознина, сам был весьма склонен к реформаторству. В 1950 году, например, он аыдвинул план укрупнения колхозов. Берня составил тогда аместе с Маленковым пусть скрытую, но довольно твердую оппозицию новациям Хрущева, предпочитая действовать через подставных лиц. Верный ему первый секретарь ЦК партии Азербайджана Багиров в мае 1951 года высказал сомнение а пользе этой поснешно и непродуманно проведенной кампании.

Тогда же Хрущеа выдвипул план генерального переустройства деревни. Этот неуемный прожектер предложил аместо деревень воздвигнуть агрогорода. План был раскритикован на XIX съезде а октнбре 1952 года Маленковым. Еще раньше против него высказались секретари ЦК компартий Азербайджана и Армении Багвров и Арутюноа, доверенные помощники Берин. Сам оп, будучи а тесном контакте с Маленковым, воздерживался от публичной критики, оставлня за собой простор дли политического маневра. Смерть Сталина развязала руки. В начале июня в Восточной Германии была опубликована программа экономического возрождения страны. Всем крестьянам, включая зажиточных (гроссбауэроа), а также ремесленникам и торговцам предоставлялась свобода дентельности. Кроме того, были сняты ограничения, мещавшие прежде пормальному существованию интеллигенции и духовенства. Осуществлено этой либеральной программы началось под контролем министра госбезонасности Цайссера, ставленника Берин.

Все знергичнее вживаясь в роль нового Диктатора, Берин дает установку председателю Совета Министров Венгрии Матнасу Ракоши отказатьен от коонерпрования сельского хозниства. Ракоши позвонил Молотову и передал сказанное Лаврентием Берией: «Все это выдумки "старика". Не увлекайтесь колхозами, мы сами будем отказываться от этого

ошибочного пути».

Берин виступил инициатором пересмотра национальной политики. В одном из своих докладон на Президнуме ЦК он предложил ставить отныше на руководящие носты в реснубликах и автономных областях только представителей местных национальностей. Замена «русских вождей» началась сразу же на Украине, в Белоруссии, Прибалтике. Центральным Комитетам национальных республик была спущена бериевскан директива о переводе делопроизводства на местный язык. Тяжелые времена настали для служиного люда, не владевшего никаким языком, кроме русского. Зато заметно возросла популяр-

пость Берин на местах.

В мае Берия составил записки о работе бывших органов МГБ Литвы и Украины—с критикой национальной политики и осуждением массовых репрессий. Одобренные Президиумом ЦК записки были затем разосланы на места. После ареста Берин цекисты спохватились. Как доложил на июльском Пленуме ЦК первый секретарь КП Украины Кириченко, Берия употребил такие выражения, дословно: «занадно-украинская интеллитенции», «русаки», «русификация». То есть в мае назвал вещи своими именами. Теперь это зазвучало крамолой... И уж аовсе крамольной оказалась установка Берин на ограничение диктаторских функций ЦК. Отвечая на запрос того же Ракоши, Берия указал, что все вопросы текущей политики должен решать Совмин, а ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой. «Разве это марксистско-ленинский азгляд на партню?» — риторически вопрошает Хрущев.

Как известно, Сталин сделал асе для того, чтобы порвать пормальные отношения с Югославией и ошельмовать Иосипа Тито. Берия осмелился ревизовать гениальные предначертания, он заготовил письмо руководителям Югославии с целью восстановить дружественные отношения. Докладывая об этом на июльском Иленуме ЦК, Молотов не преминуя добавить, что «с проектом письма в кармане Берия был арестован как преда-

тель».

Что касается предложения Берии объединить Западную и Восточную Германню как «буржуваное миролюбивое государство», то Молотов назвал его аражеским.

Итоги подвела «Правда» 10 июля 1953 года.

«...Берия был тем, кто из правящей верхушки диктатуры раньше других и последовательней других стал на позицию длительной — "всерьез и надолго" — "передышки" как

в области политики внутреняей, так и особенно а области политики аяещяей. Как далеко он шел, судить трудно, по несомненно, что именно им было продиктовано то изменение а политике советской зоны в Германии, к проведению которой Политбюро немецкой компартии приступило а конце мая 1953, разным образом как именно ны было получено согласие китайских коммунистов на мир в Корее и согласие коммунистов Индо-Китая на уход из Лаоса в апреле-мае 1953. Именно в этих актах Берпи его коллеги по "коллективному руководству" узидели его стремление к замене политики, выработанной партией за многие годы, капитулянтской политикой, которая привела бы а конечном счете к реставрации капитализма».

На заседаниях Президнума ЦК никто не осмеливался противоречить Лаврентию

Павловичу. Но вот Хрущев решил подбить на сопротивление Маленкова:

 Пришло время сопротивляться. Ты видишь — позицин Берии носит антипартийый характер.

Маленков: Ты хочешь, чтобы я один выступил против него? Этого я не стану делать.

Хрущев: Почему ты один? Есть ты и я. Нас уже двое. Уверен, что и Булганин согласится. Я разговаривал с ним несколько раз об этом. Уверен, что и другие присоединятся. Если мы будем твердо держать партийную линию...

...В кояце концов они договорились, провели несколько репетиций. «Только тогда,— заключает Хрущев,— Маленков уверовал в возможность примененин партийных методов в борьбе с пеправильными, вредными для страны и партии предложенинми Берни».

Многим тогда товарищ Лаврентий запомнился зпергичным организатором, разпосторонним государственным деятелем. У себя на родине, в Закавказье, он дпрективно руководил кампаниями сбора хлопка и цитрусовых, театральной жизнью и литературой, а также борьбой с контрреволюцией. В Москае он вновь сражалсн на передовом рубеже, а годы войны показал себя стойким соратником товарища Сталина. А кто, кроме Лаврентия Пааловича, сумел бы в столь сжатые сроки организовать и наладить производство атомного оружия? Ныне он неутомимо прокладывает повые пути во внутренней и внешней политике...

Однако «либерализм» Берии преследовал отиюдь не гуманные цели. Этот устойчивый циник испо представлял себе, какой преступный режим охранял столько лет. Кардинальные реформы в Восточной Германии и а своей стране Берин задумал не из сострадания к распятому народу и не из любви к родине. Он хотел вывести страну из тупика, в который завел ее Сталин, и тогда уже править государством без помех.

Какоа парадокс: сталинский фаворит, профессиональный палач начал осуществлять разумную политику вопреки партфункционерам, лишенным не то что государственного ума — обыкновенного здравого смысла. Но у них хватило хитрости, чтобы обезвредить

Берию, хватило тупости - повернуть историю вспять.

* * *

Странная ситуация сложилась на верхних ступенях власти после смерти Сталипа. Хрущев, занявший пост секретаря ЦК, не был признанным лидером. Здесь все решали Берия с Маленковым. Прежние фавориты Сталипа — Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян — не могли противостоять могущественному тандему и подкрепить позиции Никиты Хрущева. Да и не хотели. Кабинетные интриганы, многоопытные карьеристы, они никогда не доверяли друг другу, ревниво следили за каждым шагом соперника, их ничто не объединяло. Впрочем, общее у пих было — жажда власти и страх утраты власти.

Опираясь на партийный аппарат, на многолетнюю традицию, Хрущев мог добиться от функционеров — в центре и на местах — беспрекословного подчинения своей воле. По он не смел. А Берия выжидал. Весной пятьдесят третьего в Президиуме ЦК установилось

некое зыбкое равновесие сил. Кто нарушит его первым?

Берия начал готовить почву для генеральной перетряски верховного органа партии. У него был верный, как он думал, помощник — Маленков с его богатим опытом и прочными саязями в центральном аппарате. Берия опирался на всесильные органы кары и сыска и мог уповать на разрозненность членов Президнума. Кто сможет ему противостоять?

В мае кпевский сослуживец Хрущева Тимофей Строкач привез тревожную весть: органы внутренних дел Украины получили секретный циркуляр из Москвы о мобилизации всех сил и переходе на режим боевой готовности. Природа наградила Никиту Сергеевича могучим инстинктом самосохранения. Вызвав под благовидным предлогом кое-кого из провинции, он установил, что секретный циркуляр послан не только на Украниу. Сколько лет жил он, партийный секретарь Никита Хрущев, под Сталиным, дрожа и пресмыкаясь, на положении не то шута, не то лакея. Теперь вот — Берия... Но как проникнуть а его планы? И, будто сжалившись над пезадачливым партвождем, судьба послала ему двух перебежчиков из лагеря противника. Заместители министра внутренних дел Иван Серов и Сергей Круглов, взвесив напсы своего шефа — а весами они располагали точными, — решили выдать его с головой. Опи доложили Никите Сергеевичу асе, что знали о намерениях Берип, обрисовали оперативный план вооруженного путча, дисполи-

цию частей, назвали имена заговорщиков. В уголовном мире это называется «заложить со всем бутером».

Хрущев с уважснием относился к Круглову, а с Серовым у него сще в годы совместной службы на Украине сложились дружсские отношения. Где ему было знать, что, повернись обстоятельства иначе, подручные Берии вырезали бы вместе с ним весь пестрый курятник, то бишь сталинское Политбюро. И сели два генерала положили за благо изменить сегодня дорогому Лаврентию Павловичу, то они имели в виду лишь свое личное благо. Захаатиа абсолютную власть, что сделает с ними Берия? Верные ему выходцы с Кавказа, все эти кобуловы-деканозовы, давно уж точат кинжалы...

В этих рассуждениях Серова и Круглова был саой уголовный резои. Псрсд Хрущевым встала альтериатива: ударить немедленно, опередив заговорщиков, или уйти в тень, отказаться от борьбы, от всего. Отдадим должное отваге Никиты Хрущева. Он выбрал дей-

ствис.

Первым делом надо было собрать в кулак членов Президиума ЦК — решать самую трудную задачу. Как он сам вноследстани рассказывал, ни один из бывших подручных Сталина не был надежным, твердым человеком. Сказывалась многолетняя селскция. Молотов — «тот сще тии» (подлинное выражение Хрущева). Маленков — близкий друг Лаарентия Берии. Ворошилов — трус и подхалим. Каганович — инкогда не знасшь, куда он иовернет, к кому примкиет в последний момент. Лазарь-лицедей. Можно положиться на Булганина, но как он новедет себя в случае отказа остальных?

Хрущев знал, конечно, что служба постоянного водслушивания охватывает не только кабинеты членов ЦК и Ирелидиум, ее щупальца процикли в квартиры, на дачи, в личные авто. А телефонные разговоры, переписка партевновников издавив поднали под пеусыя-

пый контроль Лубинки.

Он начал с Николая Булганина, министра обороны. Только армия способна сломить дивизии охранинков. С Булганиным Хрущсв сошелся еще в последние годы жизии Сталива, вместе териел унижения от Берии, вместе решили держатьен теперь. Разговаривали на даче, в саду. С Апастасом Микояном Хрущев выехзл за город а одной машине, оставил авто на шосес и совершил с ним ответственную прогулку вдоль лесной опушки. Микоян юлил: «Я знаю Лаврентия Навловича с 1919 года, на моих глазах он вырос в крупного партийного работника, нельля же вот так вдруг убирать заслуженного деятеля... Пусть сму укажут на ошибки... Он учтет товарищескую критику...» Пришлось Хрущеву говорить с Миконном еще рам.

Переговоры с Молотовым проили, против ожидания, гладко. За несколько дней до поездки с Хрущевым за город служба ГБ, не увсдомив Вячеслава Михайловича, сменила его личную охрану. Молотов давно с тревогой и нодозрением присматривалси к онасным интриганам. Они оттеснили его на второй, ист, на самый задний план и теперь готовят нечто худшее. Он был испоколебимо туп, многолетний сводвижник Сталина, но инстин-

ктом самосохранения природа его тоже не обделила.

Обещав саою безусловную поддержку Хрущеву, Молотов предполагал, что тот одинм ударом покончит и с Берней, и с Маленковым. Но Никита Сергеевич надеялся разорвать прочный тандем. Да и так ли уж прочен он был? Разве Маленкову наравне со асеми не

грозила скорая расправа?

Хрущев онасался решительного разговора с Маленковым: вдруг выдаст с головой? Но лишь только он приступии к этому щекотливому делу, как Маленков сразу же принял сторону большинства. В тот же день Хрущев отправился на Воздвиженку. Председатель Президнума Верховного Соаста ис ожидал такого поаорота событий: «Что вы мие предлагаетс? Тоаарищ Берия — замсчательный ленинец! Я всегда уважал Лаврентия Нааловича, и никто меня не переубедит!» — «Да не вони ты, ради Бога, — остановил его Хрущеа. — Здесь никого ист, кроме нас с тобой. Ты же ничего не знаешь, с нами все члены Президнума. Если мы не примем экстренных мер, он передушит нас поодиночке, неужели исполятно?...» Но маршал трусил.

Лазарь Каганович недалеко ушел от Ворошилова. Пришлось Хрущеву выложить ему всс колыри: Маленков, Молотов, Булганин, Сабуров уже сказали «да». Дав наконец свое согласис, Каганович спросил о Ворошилове. Хрущев повторил сказанное маршалом. Каганович возмутился: «Старый сукип сын! Он вам врал, он говорил мие, что не выпосит

Берию, что он очень онасси, что он может уничтожить всех нас...»

Хрущса решил сще раз испытать Ворошилова и послал к исму Маленкова. Когда тот выложил ему конкретный илаи действий. Ворошилов обиял его и заилакал...

Как только было достигнуто сдинство, Булганин с Жукоаым приступили к мобилизации сил. Но как создать мощную боевую группу войск на подступах к Москве и в самой столицс скрытно от агентоа Берии? Артемьев, командующий войсками МВО, он же верный слуга Берии. Ранес он командовал дивизией внутренних войск МВД. Первым делом министр обороны удалил его из Москвы под благовидным предлогом — на летиие маневры, они уже начались в районе Смоленска.

В середине мая начались волнения в Берлине, забастовали рабочис. Президнум ЦК решил направить туда Лаврснтия Берию, подкрепив своего посланца группой военных.

В отсутствие Берии Малсиков, Булгании и Хрущев намерсвались созвать узкое совещание и обсудить конкрстные мсры по устрансиию могущественного министра. Кто-то усисл уведомить Берию о том, что на 20 мая намечено заседание Президнума. Берия тотчас позаония: «Что вы там собираетссь делать? Какая повестка дня?» — «Обычное заседание, обсудим вопросы сельского хозяйства», — ответия Хрущев. «С чего бы это? Пришлите мне все материалы».

Иришлось срочно рефсрентам готовить соответствующие документы и отправлять в Берлин. На другой день звоишт опять Берия: «А почему пет секретаря ЦК по сельскому

хозяйстау, ночему нет министра? Что вы там дурака валястс?! Я вылетаю».

Он прибыл в Москау а канун зассдания, и нашим заговорщикам пришлось разыгрывать сцепу натурального обсуждения сельскохозяйственных проблем. Задуманцую операцию пришлось отложить, тем более, что не все было готово. Особые опасения вызывала новиция одного ил старейших подручных Сталина — Анастаса Микояна. Ведь с ним Хрущеву приплось бессдовать дважды. Но всему было видно, что Микоян готов присосдишиться к большинству, но останстся он всрен своему слову? Да и Ворошилов... Вдруг сще кто-нибудь проявит малодуние а последнюю минуту?

Меж тем обстановка явио накалялась. Интерссные дстали обстановки содержатся в восноминаниях участников событий, особенно — маршала Консва, а нерссказе поэта

Александра Твардовского и дочери маршала Майи Ивановны.

До Маленкова и Булганина дошли саедения о тайном формировании в районе Минского шоссе, близ Москвы, дссантной дивизии. Эти данные поступили также к маршалу Жукоау по липпи ГРУ. В начале июня стало известно, что Берия под каким-то предлогом собрал из разных областей страны партийных работников на краткосрочные курсы в числе 400 человек. Около полоанны курсантов прибыло из республик Закааказья. Им аыдали инстолеты и предупредили о возможном вызове в Кремль.

Нод Москвой дислоцировалась дивизия корпуса впутреплих войск имени маршала Лаврентия Берии. Их окружат по приказу министра. Один полк бериевских войск разме-

щался в Лефортовских казармах. Казармы поручено заблокировать.

День ареста Верми назначен на 26 июня. Как только он явится на заседание в Кремль, будут нодияты по боевой тревоге все военные академии и в столицу войдут особо надежные дивизии.

Все члены Президнумы ЦК знали о предстоящем заседании, но только трое — Маленков, Булгании и сам Хрущев — знали о том, что произойдет на этом заседании, какоа общий илаи операции. И еще одного человека носантили во все детали дела — мариала Жукова. Но оп был лишь кандидатом в члены ЦК.

И вот он настал, этот день. Комендант Кремля генерал Ведении вызвал из-под Москвы полк, которым командовал его сын. Училище имени Верховного Совета РСФСР было

подпято в ружье, Кремль буквально наводнен войсками...

Достовернан картина ареста и казни Берин не могла быть воссоздана без правдивых свидетельств восниых. Мне довелось многократио беседовать с тремя из них: Батицким, Баксовым и Юферевым. Отважные люди, бывалые фронтовики. И точние в исредаче деталей пережитого.

26 июня 1953 года. В этот день, в час дня, Никита Хрунцев аызаал командующего Московским районом ИВО генерал-полковника Кирилла Семсновича Москалсико: «У те-

бя есть верные люди? Такис люди, которым ты доверяешь, как себе?»

Москаленко: Найдутся, Никита Сергеевич.

Хрущев. Возьмы с собой четырех человек. И нусть ярихватят сигары.

Москаленко: Какие сигары?

Хрущев: Ты что, албыл, как это называлось на фронте?

Гсиерал всиоминд. Хрущей имел в виду револьверы.

Хрущев: Во дворе Генерального штаба тебя с людьми будет ждать Булгании. Иоторонись.

Москаленко тотчас вызвал офицера для норучений Виктора Нааноанча Юфсреаа и сообщил о задании Хрущева. Он спросил поднолковника: «Как ты думаешь, можно положиться на Батицкого?» Начальника главного штаба ВВС Юферев знал как надсжиого человека, боеаого генерала. Он добавил, что можно также вполне положиться на Алексея Наановича Баксова, начальника штаба Москоаского района НВО. «Кого бы нам сще прихаатить?» — спросил Москалевко. Юферев назвал Ивана Григорьеанча Зуба, начальника политуправления. Москаленко вызвал Батицкого и Баксова. Зуб оказался дома, он обслал. Решили заехать за полковником Зубом по дороге.

В маниис Москалснко предложил предупредить Зуба по телсфону. Остановились около магазина «Динамо», и Юферев с наикой в руках вышел из авто. Он позвонил на каартиру Зуба из кабинета директора магазина. Позднее, когда все было кончено, Москалснко признался, что, пока Юферев находился в магазине, он перструсия: а вдруг опера-

ция сорветси и асех накроют?..

Нолковник Зуб жил на улице Валовой, рядом с Пааелецким вокзалом. Ов уже стоял у подъезда своего дома. Ноехали апятером, не считая шофсра. Черный автомобиль марки ЗИС-110 вмещал шесть пассажиров, в салоне было два откидных места.

Во дворе Генерального штаба группу Москаленко встретил маршал Булганин. Его сопровождал начальник личной охраны подполковник Федор Безрук. Пересели в аатомобиль министра, а такой же ЗИС-110: охранник — с шофером, Булганин — на приставное место слева, Юферев — справа, остальные — сзади. Уместились ввосьмером. «В Кремль», — распорядился Булганин.

Когда подъехали к Тронцким воротам, Булганин предупредил: «Не аысовывайтесь».

Действительно, выглядывать в окио не было резона, пропуска были не у всех.

Благополучно проскочили часовых, подкатили к особому правительстаенному подъезду — это называлось «с уголка», — поднялись на второй этаж. Вот и кабинет, где когдато сидел Сталии. Сейчас здесь заседал Президиум ЦК. Булгании вошел в кабинет, остальных ировели из комнаты секретаря в смежный кабинет напротиа. Там находилось человек пятиадцать-даадцать — работники ЦК, песколько гепералов и маршал Жуков. Держались все непринуждению, шутили, рассказывали впекдоты... К группе Москаленко подошел Жуков, поздоровался и спросил: «Вы знаете, кого вам предстоит арестовать?» — «Не знаем, но догадываемся», — ответил Москаленко.

В этот момент появился Хрущев. Он подошел к Москаленко: «Вам придется брать одного из членов Президнума. Возможно, он будет вооружен...— Хрущев остановил азгляд на рослых, могучего сложения Батицком и Юфереве.— Вот вы и подойдете к не-

му — вам скажут, когда, — и возьмете его».

Юферев: Что, и стрелять можно?
Хомисв: Ист. его напо оставить для следстви

Хрущсв: Нет, его надо оставить для следствия. Оружие не нрименять. Пока все остаются вдесь. Когда услывите два длияных звонка, направляйтесь к нам, на заседание. Приходите прямо в кабинет, мимо секретаря, не обращайте внимания ни на кого.

Хрущев аышел. Берия явился на заседание одним из последних, заиял свое место и спросил: «Какая ноаестка дия?» — «Вопрос стоит одии, — ответил Хрущев, — о Лаврентии Берии, — II, обратившись к Маленкову, добавил: — Докладывай».

Нрошло не более четверти часа, и раздались два продолжительных заонка. Военные открыли дверь, навстречу им встал секретарь. Пятеро, минуя его, прошли в кабинет напротиа. За ними следовал маршал Жуков.

…На председательском месте — Малсиков, по правую руку — Хрущев, рядом с ним — Булгании, ближе к двери, панскосок от Маленкова, — Берия, напротив Лаарентия Пааловича — Воронилов,

Вошедшие встали слева, ближе к Булганицу, за синной Берии. Маленков лаканчивал чтсине документов: «...Как видите, Берия оказалси ис только врагом внутрениим, но в врагом в международили плане. Предлагается немедленно его арестовать и передать в руки этих товарицей».

Батицкий обнажил свой «нарабеллум», Юферси — «ТТ».

Бервя сидел, опустив голову, и первио писал что-то каранданом на листе бумаги. Потом оказалось, что он выводил лишь одно слово «тревога», повторил это слово цевятнадцать раз. Наконец Берия подинл глаза, восиные уже стояли подле него — Юфереа по левую руку. Батицкий по правую. Подошел Жуков: «Руки вверх. Вы арестованы». Дадони Юферева скользиули сверху вниз по карманам престованного. Берия подинл руки: «Оружия у меня нет».

Батицкий и Юферев предложили ему пройти в комнату отдыха — она примыкала к кабинету слева. Посадили министра на диван, встали рядом. Москаленко, Баксов, Зуб расположились на стульях а углу, возле круглого столика, с инстолетами в руках. Командующий достал свой «аальтер».

Батицкий: Снимите с него непсие.

Юфереа исполнил приказание.

Берия: Как же я теперь буду видеть? У меня слабое арение...

Ватицкий: Нечего тебе смотреть. Ну-ка нокажи, что у тебя в карманах.

Берия достал носовой платок и записную книжку.

Берия: Убери свою пушку.

Батицжий: Пичего, она еще пригодится.

Москаленко: Послушайте, Батицкий, с ним не следует сейчас разговаривать.

...Берня принялся тщательно разглаживать стрелки брюк и стряхивать с них пылицки. Он был в сером поношенном костюме, белой сорочке бел галстука.

Через некоторое время в комнату вошли генералы Андрей Лаарентьевич Гетман и Митрофан Иванович Неделин. Они были приданы в помощь группе захвата. В комнате отдыха военные пробыли с арестованным до глубокой почи. Это были тревожные часы, никто не знал, чем все кончится...

Москаленко тем временем отдавал распоряжения— уже на правах командующего Московским военным округом. Прежний командующий, генерал Артемьев, был смещен.

Члены Президиума ЦК отправились в тот вечер в Большой театр. Давали онсру «Декабристы». Один Ворошилоа задержался в Кремле, но нодоспел ко второму акту.

История сохранила фотографию: Берия с Ворошилоаым стоят в обнимку, словно братья. Но Клим асегда ненавидел удачливого Лаврентия и боялся его. Трусоватый мар-

шал тужился предугадать ход событий, ведь могущественного чекиста могли аыручить его давине дружки, тот же Иаан Сероа. Напрасно Никита Сергееаич ему доаерился. И когда Берию наконец вывели из комиат Президиума ЦК, Ворошилов был тут как тут. Он искательно заглядывал а глаза рослым конвоирам. Подполкоаник Юферев оставил саою фуражку в кабинете секретаря на вещалке и, проходя мимо, хотел се достать. Услужливо подскочил Ворошилов: «Сейчас я тебе, голубчик, подам...»

Надо сказать, что по указанию Хрущева и Булганина каждому офицеру охраны с утра был придан армейский офицер. Охранинкам пояснили, будто это входит в план репетицин военного положения. Так они и стояли парами на каждой лестничной площадке, у каждой двери. К вечеру охранинки куда-то исчезли, остались одни армейские офицеры. Они стояли сдвоенными рядами вдоль всех коридоров. Берию провели сквозь строй и посадили в машину Булганина. Арестованного поместили на заднее сиденье. Батицкий сел слева, Юферев — справа. На всякий случай Юферев сунул дуло пистолета под ребра Берии. А он смотрел по дороге в окно, явно любопытствуя, куда его аезут. Москаленко сидел рядом с шофером, Баксов и Зуб заняли откидные места.

Машина помчалась по набережной к Абельмановской заставе, повернула налево. Вот и Крутицкие казармы, здесь уже ждал вновь назначенный комендант города генерал Синилоа. Он поместил Берию на гауптвахту, под усиленную охрану. Начальником караула был назначен генерал Батицкий, отаетственными дежурными — Гетман, Зуб, Юферев,

Неделии, Баксоа. Караул несли офицеры ПВО Москвы.

Ночь Берия провел на гауптвахте. На другой день, в 12 часов, в казармы прибыл новый министр внутренних дел Круглов вместе с Серовым. Заметив высоких визитсров, Москаленко бросил сопровождающему его подполковнику: «Как они здесь очутились, эти сволочи?» Генерал спросил прибывших: «Что вам здесь нужио?» — «Они прибыли для проведения следствия», — ответил за них комендант.

Москаленко: Какого еще следствия? Уберите их отсюда сейчас же! (Коменданту.) Выведите

отсюда посторонних!

Серов: Мы не посторонние.

Москаленко: Вас инкто не уполномачивал.

Серов: Нас послали сюда, чтобы азчать следствие.

Москаленко: Мие об этом ничего не известно. Никто вам таких полномочяй не давал.

Не исключено, что Серов ноехал в казармы с ведома Хрущева, который хотел узнать о намерениях Берии.

...Серов с Кругловым уехали, а Москаленко с подполковником носпешили к Маленкову. Генерал доложил премьер-министру об инциденте. На экстренном заседании Президиума ЦК было решено перевести Берию в штаб МВО. Следствие по делу Берии и его

нодручных возглавил Генеральный прокурор Руденко.

Главное здание МВД на Лубянке было заблокировано военвыми. Они отобрали все ключи у сотрудников центрального аппарата и заняли их кабинеты в ожидании дальнейших указаний. Блокировать войска МВД было поручено двум танковым дивизиям — Кантемироаской и Таманской. Пераой командовал генерал Иван Якубовский. Как замстил один офицер военной разведки, Якубовским двигало отнюдь не бесстрание, а бездумное лакейство. Если бы не Москаленко, а Берия приказал ему, Якубовский передавил бы тапками всех противников шефа Лубянки. Сталин всегда мирволил лакействующим тупицам. Назовем самых ярких: Ворошилов, Буденный, Кулик, Булгании. Новые вожди продолжили столь опасную для обороны традицию...

Итаб МВО находился около набережной реки Москвы. Вечером 27 июля туда прибыл Булганин. Он остался доволен осмотром помещения, и ночью Берию перевезли на новое место. Как и в первый раз, его сопровождал Москаленко с четырьмя помощни-

Берию поместили в небольшую компату площадью не более двенадцати квадратных метроа. Койка, табурет — аот и вся мебель. Там же, в бункере, проходило следствие. Особый кабинет отвели Генеральному прокурору.

Москаленко находился а штабе округа неотлучно. И ночевал там вместе с Юфереаым.

На охране штаба дежурили танки и бронетранспортеры.

Берии пришлось сменить свой костюм на солдатское обмундирование — хлопчатобумажную гимнастерку и брюки. Еду арестованному достааляли из гаража штаба MBO солдатский паек, солдатская серапровка: котелок и алюминиевая ложка.

Первые дии Булганин звоиил в бункер каждую ночь после 12 часов: «Как дела? Все спокойно? Как себя ведет арестованный?» Если генерал Москаленко уже спал, Булганин получал информацию от подполковника Юферева, который постоянно дежурил а одном из

подземных кабинетов. Охрана надежная, случайности были исключены.

В 1920 году он впервые отведал тюрьмы. И выбрался с помощью Багирова. Верные друзья должны и теперь помочь, они заставят считаться со своим миением этого аыскочку Никиту. Но Маленков, Маленков! Сколько он для него сдслал... Если бы не он, Лаврентий, сидеть бы ему по сей день в Средней Азии, в ссылке. Если бы Хозяин позволил ему остаться в жиаых. Берия постучал в дверь и попросил бумаги и ручку. Ему дали тетрадный лист

и карандаш. «Егор разве ты не знаешь меня забрали какие то случайные люди хочу лично доложить обстоятельства когда вызоаешь». Берия называл Георгия Маленкова Егором. Заглавные буквы почему-то не жаловал, знаки препинания презирал.

Он передал записку дежурному офицеру... Да, после двадцать нервого года он быстро пошел в гору, через десять лет возглавил ГПУ Закавказья, потом — ЦК партии Грузии и Закавказский крайком. Новый иеревал — год 1938-й, пост наркома СССР. Следующий — год 1953-й. Он так удачно начался, сколько радостей сулил... И вдруг эта нелепость. Нет, им не обойтись без него, да и народ ценит его широкую, щедрую натуру. Если правду сказать, то он один во всем правительстве искрение заботится о благе трудящихся.

...Прошло два дня. От Маленкова — ничего. Подследственный передал ему вторую записку. «Егор почему ты молчишь?» Обе зачиски — карандашом, на четаертушках

бумаги - остались у Хрущева.

На предвыборном собрании избирателей Тбилисско-Сталинского округа по выборам в Верховный Совет СССР в ноябре тридцать седьмого Лаврентий Берия клялся: «Как член великой партии Ленина-Сталина я обязан хранить в чистоте великое звание члена партии, высоко держать знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина». В чем же он ошибся?

Может быть, слишком высоко держал сталинское знамя?

...На следствии Берия вел себя вызывающе, признавался только в тех преступлениях, которые прокуратуре удалось установить и подкренить неопровержимыми уликами. При этом он пыталси всически запутывать следователей, придумывая все новые и новые варианты для оправдания своих действий. Нередко запутывать создаваемые им узлы помогали соучастники. Когда возник вопрос об архивных документах, которые а течение двадцати лет незаконно хранились у самого Берии, он ответил: «...это я ноступил неправильно, изъпл их потому, что боялся: как бы их не уничтожили бывшие руководители ЦК КП (б) Азербайджана, которые впоследствии были разоблачены как враги».

Совсем в духе аремени: казнить ни в чем не повинных людей и потом, спустя пятнадцать лет, затепть против них новую провокацию. Проясинть ситуацию помог на суде Меркулов. Оказываетси, еще а 1932 году Берия, будучи уже первым секретарем Заккрайкома, поручил ему плъпть в бакинских архивах все документы, имеющие отношение к его произлому. Выполнив это поручение шефа, Меркулоа оформил все добытые (при содей-

ствии Багирова, разумеется) бумаги как личный архиа Л. Берии.

Следствие длилось полгода. Документы, свидетельские ноказания, протоколы допросов составили девятнадцать томов. По делу проходило шесть соратников Берии: Владимир Деканозоа, Всеволод Меркулов, Лев Влодзимирский, Навел Мешик, Сергей Гоглидзе,

Богдан Кобулов — всего линь частичка берневской армии головорезов.

... Более тридцати лет служили Лаврентию Берии эти подручные — Меркулов, Декапозов, Кобулов, Гоглидзе, Цанава... Нерушимой казалась создания им круговая порука, объединиашая налачей. Однако первое же испытание — следствие и суд — показало зыбкость берневской конструкции. «Берия — карьерист, авантюрист и бонанартист», — заявил на суде Богдан Кобулов. Ему вторил Владимир Деканозоа: «Берия проявил себя во всем как карьерист, властный и злобный человек». Оказывается, почти все аресты тридцатых годоа проводилнсь по его единоличным указаниям... Более сдержанным а оценке преступной деятельности главаря шайки был Всеволод Меркулов, зато Лаврентий Цанава высказался вполне определенно. Бывший министр госбезопасности Белоруссии сообщил, что а 1937—1938 годах Берия расстрелял всех, кто служил его заместителими, и многих своих бывших начальников. Жестоким, деснотичным назаал его Цанава. О неуемном властолюбии в жажде возвеличения Лаврентия Берии новедали суду Савицкий и Мичурин-Равер.

Наконец Берии предложили ознакомиться с обвинительным заключением. Когда Руденко приступил к чтепию объемистого, страниц на сто, документа, Берия заткнул уши.

Прокурор потребовал объяснений.

Берия: Меня арестовали какие-то случаиные люди... Я хочу, чтобы меня выслушали члены правительства.

Руденко: Вас арестовали согласно решению правительства, и вы это знаете. Мы заставим вас выслушать обвинительное заключение.

В 1920 году, сидя в кутаисской тюрьме, он один не участвовал в голодовке иолитических и аел себя предательски. Ныне же несгибаемый сталинский нарком выдержал без пищи целый день. Потом запросил обед с коньяком и выслушал обаинительное заключение, так и не нолучив коньяк.

Суд проходил на первом этаже здания штаба округа. Зал был соединен микрофонами

с кабинетами членов Президиума ЦК.

Поначалу Берия прикинулся сумасшедшим: бросался то аперед, то назад, размахивал руками... Внезапно к нему бросился Москаленко и отрезал пуговицу на брюках. Они начали спадать, и нодсудимый тотчас успоконлся. Тут, надо нолагать, сказался оныт генерала Москаленко, приобретенный им в саое время в бериевских застенках.

Судебному присутствию был представлен список более чем даухсот женщин, ставших жертвами сановного развратника. И тут произошло нечто соасем неожиданное: Берия 162

обратился к председателю суда с просьбой не оглашать их имена, защитить от позора. Суд удалился на совещание и единогласно принял решение — удовлетаорить ходатайство подсудимого. В качестве свидетелей в суд вызвали несколько десяткоа женщин. Ляля Дроздова довольно подробно рассказывала о своей связи с подсудимым, она ведь ряд лет жила на его даче. Увидев ее, Берня побледнел, подался корнусом вперед. Он был без привычного пенсие, плохо видел без очков. Всроятно, он ожидал от Дроздовой хоть нескольких слов благодарности... Но женщина начала с горького повествования о том, как он ее изнасиловал. И — ни одного доброго слова. Потом допросили Дроздову-мать. Она украсила показания дочери трогательными подробностями и высказала крайнее возмущение поступками подсудимого. В конце мать потребовала от суда выдать ей а виде компенсации все конфискованное имущество злодея.

Берия слушал, закрыв лицо ладонями. Он плакал. Плакал не а последний раз на этом процессе. В кутаисской тюрьме, почти четверть века назад, он тоже плакал, вымаливая прощение. И получил искомое. На что он рассчитывал теперь?.. Показания Л. Дроздовой включены в текст обвинительного заключения. В нем упомянуто и о том, что а 1944 году Берия болел сифилисом и, не закончив еще курс лечения, заражал случайных женщин. В связи с этим суд привлек его к уголовной ответственности по соответствующей статье УК.

Кровавых фактоа, веплывших на этом судебном процессе, хватило бы на несколько романов ужасов. Но ведь многое осталось нераскрытым.

В копце семидесятых довелось мне встретить пожилого рабочего-сантехника, который участвовал в нереоборудовании бывшего особняка Берии. Он аидел, как из подаала вытаскивали кампедробилку, и узнал от охранника, что в этом подвале спускали в канализацию размельченные трупы убитых. Да, особияк был настоящей душегубкой, не только местом отдыха и работи хозяина.

Кабинет Берии с аысокими, украшенными деревянной резьбой потолками помещался на втором этаже. На лестничной площадке — еще две двери, одна из них ведет а ванную комнату. Степы облицованы цветной плиткой, в глубине — белая аанна. Светло, просторно, есть аыход на балкон. При жизни хозяина здесь стояла еще одна аанна, до краев наполненная серной кислотой повышенной концентрации. Такая кислота не испарялась и не могла повредить ни металл, ни эмаль, зато органическое аещество растаорялось а цей почти полностью.

Этот способ уничтожения следов был изобретен при Ежове агентами Лубянки.

Несколько лет назад иностранное посольство, которое ныне занимает особняк, посетил старый охранник-пенсионер и показал место, где стояла ванна с кислотой.

Одинм из последних вызвали в суд генерала Штеменко. Подручный Берии в роли свидетеля обаннения чувствовал себя крайне пеуютно. Тем более, что служба бериевского агента в Генеральном штабе уже получила документальное подтверждение. В зал он вошел белее мела, ноги враскоряку. Коневу стало так неловко, что он решил сразу же отпустить бравого генерала: «Вы подтверждаете показания, данные на предварительном следствии?» — «Да...» — «Благодарю вас. Вы свободны». И свидетель удалился той же невыразимой походкой.

На суде Берия ни разу не сослался на Сталина, хотя а его положении было бы естественно свалить хоть часть вины на глааного режиссера. Можно думать, что прокурор и председатель суда, выполняя определенное указание, строго предупредили обвиняемых на сей счет... Долго они еще будут оберегать от скверны усопшего Диктатора. В сентябре 1955 года на судебном процессе в Тбилиси подручный Лаврентия Берии Николай Рухадзе позволил себе нарушить негласное табу. Генеральный прокурор Руденко возмутился: «Не смей своими грязными губами уноминать святое имя товарища Сталина!» Это было сказано за несколько меспцев до разоблачительного XX съезда.

Казнили приговоренного к расстрелу в том же бункере штаба MBO. С него сняли гимнастерку, оставив белую нательную рубаху, скрутили веревкой сзади руки и привязали к крюку, вбитому в деревянный щит. Этот щит предохранял присутствующих от рикошета пули. Прокурор Руденко зачитал приговор.

Берия: Разрешите мне сказать...

Руденко: Ты уже все сказал (Военным.) Заткните ему рот полотеацем.

Батицкий: Товарищ командующий, разрешите мне (достает свой «парабеллум»). Этой штукой я на фронте не одного мераавца на тот свет отправил.

Руденко: Прошу привести приговор в исполневие.

Батицкий вскинул руку. Над повязкой сверкнул дико выпученный глаз, аторой Берия прищурил. Батицкий нажал на курок, пуля угодила а середину лба. Тело повисло на веревках.

Казнь свершилась а присутствии маршала Конева, прокурора, группы военных и члена суда Кучавы. Подозвали врача. «Что его осматриаать, — заметил врач, — он готоа. Я его знаю, он давно сгнил, еще а сорок четаертом заболел сифилисом». Все же он азял

повисшую руку за кисть, взглянул на лицо казнешного. Осталось засвидетельствовать факт смерти. Тело Берии завернули в холстину и отправили в крематорий. Туда же отвезли останки казненных в тот же день на Лубянке шести подручных. Так бесславно в бетонном бункере закончилась жизнь одного из самых знаменитых в истории человечества вурдалаков.

«Правда», 24 декабря 1953 года

В ВЕРХОВНОМ СУДЕ СССР

18 — 23 декабря 1953 года Специальное Судебяое Присутствие Верховного Суда СССР в составе: Предселательствующего — Предселателя Специального Судебного Присутствия Маршала Советского Союза Коиева И. С. и членов Присутствия: Председателя Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов Шверника Н. М., первого заместителя Председателя Верховного Суда СССР Зейдина Е. Л., генерала армии Москаленко К. С., Секретарв Московского областного Комитета КПСС Михайлова Н. А., Председателя Совета Профессиональных Союзов Грузни Кучава М. И., Председателя московского городского суда Громова Л. А., первого авместителя Министра внутренних дел Лунева К. Ф. рассмотрело в закрытом судебном ааседании, в порядке, установленном Законом от 1 лекабря 1934 г., уголовное дело по обвинению Берия и других.

В соответствии с обвинительным заключением сулу были преданы: Берия Л. П. по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1 «б», 58-8, 58-13, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР, Меркулов В. Н., Деканозов В. Г., Кобулов Б. З., Гоглидзе С. А., Мешик П. Я., Влодзимирский Л. Е. по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58-4 «б», 58-8, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Судебное следствие полностью подтвердило материалы предварительного следствия и предъявленные всем подсудимым обвинения, изложенные в обнинительном заключении.

Судом установлено, что, измении Родине и действуя в интересах иностранного капитала, подсудимый Берия сколотил враждебную Советскому Государству изменивческую грунпу заговорщиков, в которую вошли связанные с Берия в течение многих лет совместной проступной деятельностью подсудимые Меркулов В. Н., Деканозов В. Г., Кобулов Б. З., Гоглидзе С. А., Мешик П. Я. и Влодзимирский Л. Е. Заговорщики ставили своей преступной целью использовать органы Министерства внутренних дел против Коммунистической партии и правительства СССР, поставить Министерство внутренних дел над нартней и правительством для захвата власти, ляквидации советского рабочекрестьянского строя, реставрации капитализма и восстановления господстаа буржуазни.

Суд установил, что начало яреступной изменинческой деятельности Берия Л. Н. и установление им тайных связей с иностранными разведками относится еще ко времени гражданской войны, когда а 1919 г. Берня Л. И., находясь в Баку, совершил предательство, поступиа на секретно-агентуриую должность а разведку контрреволюционного муссаватистского правительства в Азербайджане, действовавшую под контролем английских разведывательных органов.

В 1920 году Берин Л. Н., находясь в Грузви, ановь совершил предательство, установив тайную связь с охранкой грузинского меньшевистского правительства, также являвшейся филиалом английской разведки.

В последние годы, вплоть до своего ареста, Берия Л. П. поддерживал и рвспространял тайные связи с иностраниыми разаелками.

Став в марте 1953 г. министром виутренних дел СССР, подсудимый Берия Л. П., подготовляя захват власти, начал усиленно продвигать участников заговорщической группы на руководящие должности как в центральном аннарате МВД, так и в его местных органах. Берия Л. П. и его сообщиики расправлялись с честными работниками МВД, отказавшимися выполнять преступные распоряжения заговорщиков.

В своих антисоветских изменнических целях Берия Л. П. и его соучастники предприняли ряд преступных мер для того, чтобы активизировать остатки буржувано-националистических элементов в союзных республиках, посеять аражду и розиь между народами СССР и в первую очередь подорвать дружбу наролов СССР с великим русским народом.

Действуя как злобный враг советского народа, подсудимый Берня Л. П. с целью создания продовольственных аатруднений в нашей стране саботировал, мешал проведению важиейших мероприятий партни и правительства, направленных на подъем хозяйства колхозов и совхозов и неуклонное повышение благосостояния советского народа.

Уставовлено, что, скрывая и маскируя саою преступную деятельность, подсудимый Берия Л. П. и его соучастники совершали террористические расправы над людьми, со сторояы которых ови опасались разоблачения.

Судом также установлены преступления Берия Л. П., свидетельствующие о его глубоком моральяом разложении, и факты совершениых Берия преступных корыстиых действий и элоупотребления властью.

Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР постаяовило:

Приговорить Берия Л. П., Меркулова В. Н., Деканозова В. Г., Кобулова Б. З., Гоглидзе С. А., Мешика П. Я., Влодзимирского Л. Е. к высшей мере уголовного наказапия — расстрелу, с конфискацией лично им прииадлежащего имущества, с лишением воинских аваний и наград.

Приговор является окончательным и обжалованью не подлежит.

ПРИГОВОР ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ

Вчера, 23 декабря, приведен в исполиение приговор Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР в отношении осужденных к высшей мере уголовного наказания — расстрелу — Берия Л. П., Меркулова В. Н., Деканозова В. Г., Кобулова Б. З., Гоглидзе С. А., Мешика П. Я. и Влодзимирского Л. Е.

Публикуя этот документ в центральной печати, все ли сказали его составители? Заговор с целью захвата власти, коитрреволюционная деятельность, террор против честных партийнев, подрыв самой коммунистической партии. Кажется, сказано все главное. Но это только кажется. В сообщении Верховного Суда названы лишь основные подручные Берни. Его соратники-коллеги Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян, Маленков, Шверинк, Шкирятов, да и Щербаков с Сусловым впридачу остались в тени. А Никита Хрущев, столь энергично взявшийся за искоренение бериевщины, разве он не участвовал в массовом терроре на Украине и в Москве, не пресмыкался перед сталинским фаворитом?

На протяжении ряда лет Берия возглавлял партийные организации Грузии и Закавказья, входил в состав ЦК и Политбюро. Ответственные партийные посты занимали многие функционеры карательных органов, произошло сращение партийных верхов с тайным ведомством. Преступным оказался весь Центральный Комитет, отправлявший на казнь — волна за волной — своих членов. Он тоже подлежал суду, ираведному народному суду. Вместе с усоншим Вождем, которому преданно служил Берия.

Вот о чем умолчали наследники Сталина. Здесь Берия уловил свой шанс. Признав вниу в организации террора, он решил сделать акцент на своей половой распущенности. Войдя в роль кающегося грешинка, Берия заявил суду: «Самым тяжким позором для меня как гражданина, члена нартни и одного из руководителей, является мое бытовое разложение, безобразиая и неразборчивая связь с женщинами. Пал я мерзко и низко. Я настолько падший человек, что вам трудно теперь мне верить, а мне что-либо опровер-

Для того, чтобы вывести из-под удара собственные персоиы, сочинители судебного постановления обвинили Берию в «тайцых связях с иностранными разведками», которые он поддерживал якобы до самого дня ареста. Наслединки сталинской власти представили злодея в роли шянона. По этому поводу Конев позднее заметит: «Не был он никаким шнионом, зачем ему это понадобилось?..»

Они очень спешили, соратинки Сталина, сообщинки Берии. Сисиное следствие, да

и суд — экстренный, закрытый. И казнь без промедления.

Официальные сообщения в нечати, закрытое инсьмо ЦК, рассказы многочисленных жертв и очевидцев иотрисли современников. Известный кинорежиссер Алексаидр Довженко записал в своем диевнике: «Правая рука великого на протяжении почти двух десятков лет была рукой мелкого мерзавца, садиста и хама. Вот трагелия! Вот что заводится за высокими вепроветриваемыми степами. Тысячи агентов-дармоедов, расставленных на улицах и везде, где надо и не надо, в течение двадцати лет охраняли предателя Родины, партин... Что это? Кому же тенерь клястьси в верности? Уже голова седа. И в сердце не утихает боль. Болит мое сердце, болит. Треть столетия клянусь... кому? Будьте вы прокляты, предатели, жестокие авантюристы!»

После того намятного процесса был еще не один суд над бериевцами. В Тбилиси в сентябре пятьдесят иятого судили Авксентия Папаву с подручными. Во время процесса его дочери Нила и Эка прятались в сарае, во дворе Дома культуры железнодорожников, и наблюдали через щель, как папу ведут под конвоем. Сейчас они называют верного слугу Берни жертвой жестокого времени... Берня был крестным отцом старшей дочери подсудимого. Имя дали ей в честь супругов Берия, Нины и Лаврентия, - Нила.

Берия умом не отличался. Всякий намек на интеллект он воспринимал как личную обиду, интеллигентов истреблял в первую очередь. Более всего он не терпел в людях гордое чувство собственного достоинства. Ремесло палача этот врожденный садист избрал не удовольствия ради, хотя на этом поприще ему удалось превзойти всех. Путь на самый верх лежал через горы трупов, но Берня не боялся трудностей. Он минл себя «настоящим большевиком» вполне серьезно. Вполне, вполне.

Берии выпала лихая судьба. Ему не дано было истребить всех сограждан, Эту трагедию он мужественно разделил со своим учителем и другом Посифом Сталиным. Зато оставшиеся в живых подданные прониклись, до комчиков погтей пропитались духом послушания.

Не к этому ли конечному результату они стремились, Папа Большой и Папа Малый? В 1953-м были в ходу частушки, сочиненные Бог знает кем, скорее всего, плод фольклора.

> Лаврентий Палыч Берия Не оправдал доверия -

Осталися от Берия Лишь только пух да церия.

Цветет в Тбилиси алыча Не для Лаврентий Палыча, А для Климент Ефремыча И Вячеслав Михалыча.

И анекдот передавали из уст в уста:

Стоят преступники а аду — кто в крови, кто а иламени горит. Данте обходит владения дьявола, видит: один из самых страшных негодяеа стоит а крови лишь по колено. Удивился Данте, подошел, узнал Лаврентия Берию: «Почему так мелко, Лаврентий Павлоаич?» -- «А я на плечах Иосифа Виссарионовича...»

Жизнь Лаврентия Берии естественно вписалась а эпоху аеличайшего насилия, когда реальная история, отринув Марксово учение, разделила население бывшей царской империи на две категории - налачей и жертв. Свое место Лаврентий Берия нашел сразу. Юношей избрав профессию охранника, он уже через двадцать лет достиг положения главного фаворита Диктатора. Чуткий на все подлое, низменное, он сумел раньше многих разгадать уголовную натуру Сталина в без особых усилий стать его двойником. Для старщего убийство тоже являлось смыслом существования, способом самовыражения.

К своей последней черте Берия подошел в пятьдесят четыре года. В этом возрасте многие только приближаются к вершине, а он аон куда аознесся... Деятельность Берпи не ограничивалась массовыми убийствами. Правда, ему удалось, вместе с генсеком, истребить почти всех дееспособных руководителей, заодно с ненавистными интеллигентами. Громил сельских тружеников, громил деятелей культуры. Отменный лицедей и демагог, он, как никто иной, умел нагиетать атмосферу страха, доведя народ до состояния массовой истерии. Выселение из родных мест целых народов, реорганизация лагерной системы, насаждение тотального доносительства внутри страны — все это связано тоже с именем Берии, нак и подрывная диверсионно-шпионская работа на всех контичентах. Истичный профессионал, он увлеченно участвовал в пытках-казиях «врагов народа».

Испоков веков охранники уничтожали праведников. Отправляя на Голгофу Христа. Понтий Пилат знал, кого убивает. При Сталине, при Берии коммунист резал коммуниста.

И инкто тенерь не сыщет среди них праведников. Ни одного.

Суд над Берией проходил, как мы уже знаем, без адвоката. В этой роли выступила спустя почти сорок лет Нина Теймуразовна Гегечкори. Она убеждена в необходимости массового террора. В интераью, данном в июле 1990 года, вдова Берин оплакивает не только мужа, но и его Хозянна, строителя социализма. Она номинт все, кроме того, что Берия переехал в Москву летом 1938 года и тогда же возглаанл управление госбезопасности, «Мы переехали в Москау в конце 38-го. К тому времени репрессии 37-го уже унли в прошлос. Теперь вот появился человек, на которого можно повесить все грехи», - рассуждает Гегечкори. Если бы так думала только она...

Перечисляя политических деятелей, которые «боролись за счастливое будущее всех народов земли», Нина Теймуразовна называет Сталина и Берию. Нет, это не старческий маразм, в свои 86 лет она владест свободно и мыслью, и речью. Вполие резонно замечает, что Берия не стремился заиять главный государственный пост: второй грузин на троне это уже слишком. Покойный супруг был носителем высокой морали, дни и ночи проводил на работе. Разврат? — выдумки клеветников. Лаврентия окружали не любовницы, а многочисленные агенты, связь с этими женщинами Берия поддерживал лично, как шеф

разведки и контрразведки.

И еще одии случай вольного обращения с фактами. Оказывается, первый секретарь ЦК компартии Грузии Л. Картвелишвили «взял и увел» жену у чекиста Ершова. Когда Картведишвили сняди, она ушла от исго. Неужто Нина Гегечкори не знала, что Картвелишвили замучили в тюрьме, а его жена Ольга Никитична провела в лагерях более 15 лет? И что устроителем этих зкзекуций был не кто иной, как Берия?

Светлана Алдилуева и Евгений Джугашвили, пытаясь обелить Сталина, добаанли к его

имени семейного позора...

Вершина достигнута, до кресла диктатора оставался, может быть, один шаг, но он-то

и оказался гибельным.

Короткая, насыщенная трудом жизнь. Он прошел ее рядом с Вождем, в совместных деяниях и радостях, часто опережая самые дерзкие замыслы кремлевского пророка, по асегда чутко соблюдая дистанцию. Долгие годы Папа Большой и Напа Малый по-братски делили тяжкие заботы о благе народа. Но соблази самодержавия слишком велик, они схватились над пронастью. Более ловкий взял верх и, не удержавшись на краю, последоаал за первым. Кто подобрал их души, эти родственные души?

Со смертью Лаврентия Берии кончилась эпоха, которой трудно найти точное определение. Пожалуй, хватит проклятий позорному прошлому. Будем благодарны тем, кто не

допустит поаторения.

Виталий Кршишталович

ЛАБИРИНТ

Очерк

«Если мы не обеспечим своему народу более высокий жизненный уровень, чем в развитых капиталистических странах, то, спрацивается, какие же мы комму-

Н. С. Хрущев

Как-то в нашем овощном магазине эксперты запретили продавать партию свеклы, обнаружив, что нитраты в ней превышают допустимую норму в несколько раз. Когда я узнал о случившемся и вспомнил, что покупал там накапуне свеклу, которую в тот же день слопал а борще, когда я прикинул свои доходы и озлобляюще ясно понял, что колхозный рынок мне недоступен, аот тогда я и подумал — никто не объяснит мне, почему на мой стол понадают отравленная вода и ядовитый хлеб, пока я сам все это не аыясню.

Так я втянулся а расследование, имя коему лабиринт.

ОПАСНЫЕ ИНЪЕКЦИИ

Состояние сельского хозяйства в любой стране в любую эпоху служило очень точным. хоть и закодированным, отражением дел в этой стране. Все аеликие империи прошлого прекратили свое существование после крушения собственной экономики. А ни для кого не секрет, что состояние здоровья и долголетие экономики полностью зависят от здоровья сельского хоэяйства.

Развитие нашего сельского хозяйства напоминает мие историю, приключившуюся с одним знакомым, который восле крушения пассажирского поезда снасал заавленных людей от подступающего огия. Этот далеко не богатырского сложения человек перетаскивал восьмидесятикилограммовые кресла бегом на вытянутых руках. Целый месяц восле этого он чувствовал себя превосходно, был аессл, необычайно энергичен. Но внезапно в несколько дней силы его истощились, и началась тяжелейшая депрессия. Человек стал буквально разваливаться на глазах, превращаясь из молодого мужчины а дряхлого старика. Врач быстро определил причину: сильнейший эмоциональный накал во аремя крушения спровоцировал в организме моего знакомого массированный выплеск гормонов. Они удесятерили его силы и затем некоторое время поддерживали жизнеспособность. Но вот затребованные сверх нормы гормоны подошли к концу, а для производства новых требуется время. В результате - крах. Выписать гормональные препараты врач отказался получая искусственные гормоны, организм перестанет вырабатывать саои.

Наша страна тоже пережила затянувшийся период колоссального напряжения, связанного с правлением Сталина, войной, послевоенной разрухой. За асе эти годы напряжения произошел мощный выплеск политических, экономических и культурных «гормонов». Этот выплеск помог победить в войне и быстро восстановить разрушенное хозяйство. Но аот гормоны были израсходованы, и в стране наступила депрессия — правление Брежнеаа. В это время нашу экономику принялись лечить инъекциями а виде экспорта сырья. Аналогичные процессы происходили и в сельском хозяйстве. Только искусственный гормон там был свой - минеральные удобрения.

Хрущеву понадобился большой скачок в производстве продуктов питания. Для любого политического деятеля «скачок» — штука весьма соблазнительная. Особенно если он планирует в ближайшем будущем построить коммунизм. Скачок обещала Целина. Но всякому понятно, что без удобрений земля родить не будет. Навоза на такие просторы —

Кршишталович Виталий Георгиевич (род. в 1957 г.) — публицист, прозаик. Публикуется а журналах «Звезда», «Аврора» и других. Автор очерков о проблемах экологии.

вто было ясно с самого начала — конечно, не хватит. Выход предложила химия. Широкомасштабное освоение целинных и залежных земель могло быть начато только в расчете на мощное производство минеральных удобрений. И как это давно вошло у нас в добрую традицию, увеличение производства минеральных удобрений тут же превратилось в кампанию под названием «химизация сельского хозяйства».

Если подумать, то в начале всех наших великих свершений стояло слово: Электрификация, Коллективизация, Индустриализация... Перестройка. Слово объединяло миллионы людей. Ради него шли на смерть, терпели лишения. Слово дисциплинировало - вело к единой для всех цели, то есть формировало строй. Имея на знамени Слово, было проще бороться с противниками (научными, политическими, личными). «Ты против электрификации? Товарищи, он против того, чтобы народ жил в свете новой жизни! Он против народа! Ату ero!» Строй, провозгласивший примат материи над идеей, в своем идеологическом становлении скрупулезно повторил развитие официальных религий — вначале было Слово, И не суть, что оно означало — Бог или Коллективизация, — в том и в другом случае оно указывало дорогу в рай.

То же самое произошло в отношении Химизации — все как один на штурм! Не счита-

ясь ии с чем. И уж конечно, не слыша оппонентов.

Войдя в жизнь сельского хозяйства, минеральные удобрения разом превратились в его искусственный гормон, постепеняю вытеснив органику практически изо всех регионов.

Широкое применение минеральных удобрений вызвало прежде всего разрушение главного богатства почвы — гумуса. Дело в том, что азот, фосфор, кальций, попадая в почву в минеральном виде, резко стимулирует деятельность бактерий. Те, в свою очередь, начинают интенсивно перерабатывать гумус, расщенляя органику. Результат — истощение почвы и падение урожаев, Квк поднять урожай? Выход — «поднять» дозы минеральных удобрений. А это значит новый круг истощения.

С начала применения химни в сельском хозяйстве дозы увеличились в пятьсот раз,

тогда как урожайность только вдвое!

Когда-то Николай Владимирович Тимофсев-Ресовский в разговоре о распашке целинных земель говорил: «Если у вас есть в запасе две с половиной тысячи лет, вы можете экспериментировать». Именно такой срок он отводил на восстановление гумуса. Нынче в южных областях России ежегодно с каждого гектара пашин исчезает полтониы гумуса. И восстанавливать его нечем. Потому что химия в свое время пообещала отказаться от органических удобрений. И слово свое сдержала.

Надо сказать, что в прежине времена к навозу и другим органическим удобрениям, представляющим собой нерегинвшую органику, земледельцы относились с неводдельным почтением. Их применяли в Древием Китае уже во 11 тысячелетии до и. э. В Древнем Риме научились изготавливать компосты. Если ноле все-таки теряло плодородие, римляне знали, как его восстановить, - запахивали урожай. Сегодня, как и тысячелетия назад, это один из немногих способов восстановления гумуса. Применялся и другой — заболоченные пары. В пятом веке до н. з. люди империи Майя заболачивали «уставшее» поле с помощью специальных каналов, добиваясь таким образом роста торфяного слоя. Крестьяне Древней Руси задолго до крещения применяли пары и севообороты.

Обвинять в незнании исторического опыта руководителей нашего сельского хозяйства шестидесятых годов, пожалуй, несправедливо. Всё они знали и всё вонимали. Но минеральные удобрения обещали открыть новую зру в земледелии. «Что, поле истощилось? И вы хотите оставить его под пар? Безумцы — целое лето столько гектаров будет простанвать без дела. Удобрите это поле минеральными удобрениями, и плодородне восстано-

Постепенно применение минеральных удобрений превратилось в экстенсивную форму земледелия.

Вслед за почвой почувствовали на себе влияние минеральных удобрений люди. Вместе с ростом объемов вносимых в почву удобрений росла концентрация в продуктах нитратов. Попадая в организм, эта пакость нарушает код информационных ДНК, что ведет к нерегулируемому росту клеток (раковые опухоли), кроме этого, нитраты нарушают структуру гемоглобина крови.

приказано быть счастливыми

Кампания химизации нанесла удар еще по одному очень хрупкому природному механизму. Когда наши деревни полнились богатой разнообразной жизнью и этих деревень было много, сельское хозяйство представляло собой систему естественно-искусственных биогеоценозов. То есть содружества минерального, растительного и животного миров. Вокруг каждой деревни располагались поле, луга, сенокосные угодья. Леса и рощи уберегали поля от эрозии, сохраняли влагу, наполняли воздух насекомыми, опылявшими посевы и сады, и фитонцидами. Насекомыми кормились птицы, склевывавшие заодно и вредителей. Луга располагались вкруг полей, как правило, по берегам озер и рек и служили естественным препятствием на пути полезных веществ, выносимых с полей талыми водами и дождями. Еще Петром I был издан указ: «До уреза воды не пахать...» Наконец,

в тех деревнях не было проблем с органикой.

Хрущев решил максимально разгрузить сельского труженика от домашних забот, предоставив ему возможность для духовного совершенствования и самообразования, Средство для этого он выбрал простое, но эффективное — отобрал личный скот и дело с концом. У крестьян действительно образовалась масса свободного времени, которое они тут же заняли ноисками еды — поскольку кормильцев отобрали. Без скотины неблагодарный народ потек из деревни.

Вероятнее всего, Никиту Сергееви ча не только и не столько беспокоил досуг крестьян, сколько приближающийся катастрофическими темпами коммунизм. Верный и последовательный ленинец, он понимал, что только освобожденный от мелкобуржуваной идеологии пролетариат сможет достойно встретить светлое будущее. Частнособственнические же инстинкты астанут на пути коммунистического завтра непреодолимой преградой. И пото-

му было вновь поднято знамя борьбы с проклятой частной собственностью.

Сначала сталинская политика, потом аойна, пепосильные налоги создали предпосылки для уничтожения веками создававшихся структур сельского хозяйства. Но деревня еще жила, загнанная в рабство беснаспортного существования. Хрущев освободил крестьян от унизительного ноложения. И нараллельно с этим своей аграрной политикой сделал жизнь в деревне окончательно невыносимой, вызвав повсеместную миграцию в города.

Вряд ли можно допустить, что ни он сам, ни его советники не понимали, что творят. Скорее всего именно миграционный процесс и был конечным зтапом в их программе. Скоро в развитие этой программы появится, не к ночи будь помянутая, концепция Т. Заславской «Ненерспективные деревни». На месте мелкоузорчатых ландшафтов с полем, речкой, лугом, рощей протянутся на десятки километров «бескрайние просторы», предназначенные для промышленного освоения. Поднимутся в воздух миллионы тоин бесценной почвы — суперстратегического сырья, чтобы перемешаться с дорожной пылью и грязью, развеяться по лесам, насть кормон для водорослей рек и озер. Заколосятся пыльные смерчи над раснаханной целиной и разоренным Нечерноземьем.

Никогда бы Хрущев не решился отобрать скот у крестьян, если бы не минеральные удобрення. Он же понимал, что неудобренная земля ничего не даст. Но навозу был найден искусственный заменитель. А что до скота, то его решено было также производить про-

мышленным снособом. К встрече «счастливого завтра» подготовились.

О КОРМУШКАХ

Естественно, что почва истощается и в чисто природной системе. Но там эти процессы движутся чрезвычайно медленно, потому что в природе существуют механизмы восполнеиня потерь.

Азот забирают из воздуха и обогащают им почву азотфиксирующие бактерии, например те, что живут на корнях клевера. Углерод поступает оттуда же — углекислый газ с помощью фотосинтеза преобразуется в ткани растений. Только фосфор не восполняется. Он попал в почву давным-давно из материнской породы, и теперь его из года в год, из века в век расходуют растения. Пока существовал круговорот органики и выращенные на ноле растения возвращались сюда в виде навоза, траты фосфора были минимальны. Минеральные удобрения вытеснили навоз и тем самым запрограммировали потери фосфора из ночвы. Минеральный фосфор в данном случае не подспорье — он быстро вымывается

Но, исчезая из почвы, фосфор не исчезает бесследно. Он перекочевывает в реки, озера и моря. Ученые Института озероведения АН СССР подсчитали, что ежегодно в реки и озера одного только Нечерноземья попадает больше шестисот тысяч тони фосфора. Попадая в воду, он продолжает там делать то, что делал на суше, - варащивать растения. Ему ведь безразлично, что кормить: пшеницу или сине-зеленые водоросли. Один грамм фосфора способен взрастить сто пятнадцать граммов водорослей. К слову сказать, в Ладожское озеро с полей и животноводческих хозяйств поступает до семи тысяч тонн фосфора в год.

Обнесите небольшой лесок высоким непреодолимым забором и устройте в этом лесу великое множество кормушек. Пусть животные в вашем лесу буквально обжираются даровым харчем. Что произойдет? Уже лет через нять ваш лес переполнится всевозможным зверьем. По полянам будут рыскать толны кабанов, все кусты будут забиты волками, по просекам вытянутся колонны несъеденных косуль и лосей, зайцам придется прыгать по веткам, потому что земля будет усеяна лисицами. Кормите таким манером лес лет пятнадцать, добейтесь неимоверной плотности животных, а потом резко прекратите кормежку, по забора не снимайте. Половина травоядных тут же перемрет из-за пехватки еды. Хищники скоро уничтожат вторую половину и вымрут следом. Лес переполнится тушами разлагающихся животных и громадными стаями воронья. Но лесные санитары не успеют справиться с подобным изобилием. Трупный газ и патогенные бактерии уничтожат насет, комоядных птиц. Расплодившиеся вредители погубят деревья. Вот вам утрированная модель бездумного вторжения в экосистему.

Примерно то же происходит в водоеме, куда иопадает большое количество фосфора, — сказочными темпами разрастаются водоросли, ими питается зоопланктон, планктоном мелкие рыбешки, мелкими крупные. Чем больше жителей в водоеме, а водоросли тоже жители, тем меньше в воде остается кислорода. Первыми от кислородного голодания погибают крупные промысловые рыбы — им воздуха нужно много. В их отсутствие мелкие рыбешки плодятся совершенно безпастенчнао, продолжают нарождаться иодоросли, все больше потребляя кислород. Весь подаодный мир инрует, быстро приближая конец жизни своего озера. В один «прекрасный» момент из-за нехватки кислорода в водоеме наступают необратимые процессы и гибель всего живого — озеро превращается в болото.

По статистическим данным число мертвых озер на территории РСФСР за последние двадцать лет составило три процента от всего количества. Немецкие ученые установили, что в восточных районах Германии последние пятнадцать лет заморы рыбы происходили в три раза чаще из-за загрязнения аодоемов биогенами, чем из-за отравления ядохимика-

тами.

Сине-зеленые сами по себе доставляют массу хлопот людим — разлагаясь, они аыделяют сильнодейстаующие яды из группы циановых. Поэтому спие-зеленые нельзя использовать, скажем, на корм скоту или в качестве удобрений.

С цаетением воды связывают также холеру. Например, вспынки холеры Эль-Тор

в начале семидесятых годов, охвативиние тридцать пять стран.

Самое скверное в отношении сине-зеленых состоит в том, что очистка воды от них малоэффективна и необыкновенно дорога. Каждое предприятие, берущее воду из Дненра, тратит за месяцы цветения воды в среднем но сто восемьдесят тысич рублей только на борьбу с помехами в водоснабжении. И больше полумиллиона каждая ТЭЦ. Человек отбирает биогены у почвы и сбрасывает их в воду. Тем самым губит и почву, и водоемы.

Вынсняя главные источники загрязнения воды биогенами, ученые установили, что больше всего нищи для водорослей поступает из городов и животноводческих хозяйств. Оказалось, что около семидесяти процентов получаемого в животноводстве навоза сбрасы-

вается в водотоки.

Как же так, ценнейшее сырье, без которого нельзя нолучить богатый урожай чистой продукции, сырье, которое так ждут на полях, вместо того понадает в реки и озеращаясь там в убийцу? Почему так получаетси? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно верпуться в шестидесятые годы и пройти еще один коридор лабирнита.

об иждивенцах и кормильцах

Миграция в города превратилась в неупрааляемый, а главное — в необратимый процесс. И неизбежно вызвала к жизни новую проблему: неподготовленный, несбаланснрованный с возможностями региона рост Города. И, конечно, проблема проблем — снабжение продовольствием. Подвоз зерна наладили, а как быть с мясом, молоком? Стада и отары бродили далеко. Раньше существенным подспорьем служили частные хозяйства нригородных поселков, откуда поутру тянулись в город нодводы с бидонами молока и грудами кусков парного мяса. Хрущевская политика извела мерзкое наследие буржуазного прошлого, очистив город от жадных до денег частников из пригородов, а заодно и от свежих продуктов. К тому же подоспело падение поставок мяса с крестьинских подаорий, потому как мясо это выращнаать запретили. Подоспело надение мнсозаготовок в государственном секторе — миграционный процесс превращал крестьянима в горожавина, то есть из кормильца делал иждивенца. Впору было отменять скороспелые ренения и возаращать — тогда это было еще не поздно — деревню в прежнее состояние. Но «нет таких трудностей, с которыми не справились бы большевики», — не пристало идущим к светлому будущему возвращаться назад.

Примериваясь к точке зрения Хрущева и пытаясь постичь логику его поступков, понимаешь, ночему он не мог отступить от принятого курса. «Железный занавес» вечно висеть не мог. Рано или поздно он должен был приоткрыться. И тогда в страцу неминуемо хлынул бы поток информации о жизни а других странах, что вызанло бы в умах чрезаычайно нежелательное брожение вредных мыслей. Пока сохранялась тепличная обста-

новка, нужно было во что бы то ин стало догнать и перегнать Америку.

Непроизводительный труд сталииских лагерей такого эффекта дать не мог. Только творческий порыв масс, а основном молодежи, ведомых идеалом (в былые времена Богом, теперь — коммунизмом), способен был совершить быстрый зкономический скачок. Оттепель шестидеентых подняла мощный вал массового зитузиазма (выплеск гормонов) — люди рвались на Сеаер, на Целину, на Дальний Восток, искренне ценавидели Америку, искренне верили в скорый приход коммунизма. На фоне всеобщего ликования, на фоне первых рекордных целинных урожаев, первых побед в космосе, на фоне эффектных успехов во внешней политике не мог Хрущев пойти на попятную.

Решение светлых задач осложнялось еще и тем, что страна вступала в первую послевоениую демографическую «яму» — на производство пришло поколение, рожденное в военные годы. Особенно ощущался дефицит в этой возрастной полосе в районах недавних военных действий, то есть на западе страны — как раз в промышленном регионе.

Нехватка рабочих рук на заводах, а не добрая воля руководителя, вынудила дать в руки крестьянину паснорт. Вернуть деревню к прежней жизни означало бы остановить

поток рабочей силы в промышленность.

Сталин преследовал те же цели, когда заменял в сельском холяйстве частника-индивидуалиста государственной артелью. Его преемник решил усовершенствовать эту артель, переаедя ее на «промышленные рельсы». Что позволяло сократить численность работников и при этом выиграть в объемах продукции.

Решенив мясо-молочной проблемы созрело у Хрущева, по всей видимости, во время его поездки по США. Именио там он увидел хозяйства, специализироваашиеся на промышленном откорме скота и произаодстве молочиых продуктов. Такой способ как нельзя лучше вписывался во внутриполитическую стратегию Никиты Сергеевича.

Однако реализовались эти планы уже без участин Хрущева. В 1970 году в соакозе «Кузнецовский», что под Москвой, вступил в строй пераый советский животноводческий

комплекс.

В нашей стране началась зра истребления пресной воды и вышел нв новый виток процесс истощения почв.

что делать?

Потери гумуса из-за роста городов объясняются в общем просто. Во-первых, превратясь в горожанииа, бывший крестьянии нерестал вывозить по аесне продукты своей жизнедеятельности в иоле, а начал пользоваться канализацией, откуда вышеназванные продукты устремляются мимо полей в реку, затем в озеро или море. Таким образом в природ-

ном круговороте органического вещества образовалась нервая брешь.

Строительство животноводческих комилексов, тоже следствие урбанизации, в свою очередь резко усилило и загривнение рек, озер, и разграбление ночв. Дело в том, что скотину на комилексах кормит преимущественно зерном. Зерном, выращенным вдали от комилекса,— в зерносеящих районах. На сотворение этого зерна поле затратило силы — гумус. Для воснолнении этой потери почае необходимо вернуть взятос уже в виде навоза. Но если привезти издалека зерно еще возможно, то проделать то же самое с навозом крайне затруднительно. Вопрос — куда его девать? Ответ — в воду. Чтоб носкорей утек — с глаз долой, из сердца вон. А потерю интательных веществ полю вернут минеральные удобрения, которые, в свою очередь, усиляг дефицит гумуса и содержание интратов в продукции.

Понятно, что в отсутствие органики селяне, хочешь не хочень, сынлют минералку. В XIII интилетке производство минеральных удобрений будет увеличено вдаое. Только по Нечерноземью в почву ежегодно будет впоситься три миллиона шестьсот тысяч тоин.

Понятно, что это недопустимая ситуация, то есть ситуация, которую допустить никак нельзя, потому что мы все в таком случае просто-папросто перемрем. Пеобходимо во что бы то ин стало остановить процесс иланомерного упичтожения жизни на нашей земле. Но как его остановить? Разумеется, восстановлением природного круговорота органического вещества.

Проще сказать. А сделать?

Первое, что приходит на ум,— верпуть деревию в дохрущевское состояние. На ум это приходит в пераую очередь из газетных и журнальных публикаций, теле- и радиопередач. Они, как неренасыщенный раствор, сверкают кристаллами одной и той же идеи — отдать землю крестьянину. Это решит все проблемы!

Может, и правда решит? Если человек станет хозяином своей земли, то и отношение к труду на этой земле у него станет хозяйское, то есть бережное и любвеобильное. Или не

так?

Начнем с чувстаа хозянна (хотя на самом деле чувствами всегда надо заканчивать). Вот я, к примеру, высаживаюсь в составе трудового десанта от завода (фабрики, НПИ, вуза, треста ресторанов — не суть) в совхоз или колхоз, чтобы помочь (помочь, а не взять на себя) убрать урожай, например, картошки. Нашему десанту, как и водится в таких случаях, отводят поле — уберете и уедете. Еольшинство из нас люди семейные, рвемся домой. Погода стоит мерзопакостная, с кормежкой неважно, бытовые условия, мягко говоря, сквериые. Короче — созданы все условия для творческого бескорыстного энтузи-азма масс (возьмите у меня все, что захотите, только отпустите). Пренсполненные этих чувств, мы выходим на поле и принимаемся за работу. На соседнем трудятся рабочие колхоза. В пять вечера их поле пустеет — рабочий день окончеи. Нам же заканчивать работу преждевременно — эдак мы до белых мух проторчим в условиях экстремальной романтики. Как быть?

Трактористы, что таскают но полю картофелекопалку и вывозят собранное нами на

сортировальный пункт, тоже заканчивают работу. Мы начипаем горячиться, раскручиваем запас красиоречия, призываем трактористов к крестьянской сознательности, говорим, что в былые времена крестьянии встречал и провожал солнышко в ноле. Современный крестьянии щурит на нас ехидный глаз и отвечает вполне резоино:

— Вы дома что вечером делаете? Телевизор смотрите? В шахматы играете? А мпе после работы нужно корову подоить, поросенку корма наварить, кур в сарай закрыть, сено из копен с дальнего покоса перевезти и рядом с домом стожок сметать, огород докопать, дрова доколоть. Да еще нужно выспаться, потому что с утра вашу картошку конать. Себето я давно накопал. Есть у меня время солнышко в поле провожать?

Что ему ответить? Молча возвращаемся в отведенный под общежитие барак и дрожим от холода до утра. Это к вопросу о чувствах, то бишь о крестьянском самосознании.

Но вот, говоря старомодным языком, появилось мнение, что если дать тому трактористу землю в личное пользование, то его чувства резко изменятся. Что ж, дело хорошее, но только зачем земля нашему знакомому трактористу — понять пельзя. Пусть он теперь зарабатывает на своей «Беларуси» сто семьдесят. Возьмет землю — станет зарабатывать тысячу или две, если, конечно, будет вкалывать, как западные фермеры. Но зачем ему эта тысяча рублей, если купит он на нее столько же, сколько его сосед на сто? При этом он будет надрываться на поле от зари до зари, а сосед снокойно обихаживать свой огород, запасаясь на зиму дарами отечественной флоры.

Есть в разговоре о чувствах крестьянила и более сущестаенная тема. Помните, как Екатериие 11 «открыли глаза» на проворовавшегося губернатора? На что государыня с улыбкой ответила: «Что тут поделаешь? Поставь на его место другого — еще больше воровать станет. А этот уже насосался». Может, она как-пибудь иначе свою фразу построила, меня при этом не было, но смысл остался прежини — речь шла о психологии временщиков. Тех, что пришли «на час» и должны взять как можно больше, пока не погнали.

В последнее время ведется много разговоров о передаче земли в вечное или долгосрочное пользование частиым лицам, о гарантиях необратимости этого процесса в виде закона. Не знаю, возможно, наших нарламентариев такой закон и устроит, но вот вопрос — устроит ли он крестьян? Поверят ли?

Капиталистическое общество дает гарантии предпринимателим самим своим основополагающим иринципом — частной собстненностью. Представьте, что случится завтра в Англии, если парламент объявит, что в стране отменяется частная собственность на основные средства производства? Да ничего не случится, потому что никто в это не поверит. Тогда как наша страна имеет опыт нодобных нертурбаций.

. Каниталисти ческое общестно все состоит из одного всюду проникающего, всепропитывающего, всеноглощающего принципа частной собственности. Наше же государство живет совсем по другим законам. И то, что в Англии аксиома, для нас не больше чем гипотеза. Пикто не сможет гаранти ровать нашему предпринимателю, тем более фермеру, что тридцать четвертый год не новторится.

Именно это обстоятельство и лежит в основе психологии нашего временцика. Если бы арендатор был уверен, что сможет спокойно обрабатывать свою землю, вкладывая в это большие средства, беря крупные, долгосрочные кредиты, то он и планировал бы свое хозяйство соответственно, и чувство к земле у него формировалось бы особенное — к родному.

Но если человек не до конца уверен в завтрашнем дне и все же берет аренду, то, значит, он это делает ради сегодняшней выгоды. Значит, он будет стремиться выкачать как можно больший доход с наименьшими затратами. А это прежде всего выбор удобрений, выбор кормовых добавок (например, паприн и гормональные добавки ведут к ускоренному развитию животных, к хорошим привесам — то есть к солидной выручке. Но эти же добавки опасны для человека — откладываются в генной памяти, ослабляют мужские качества, влияют на материнские способности). Действия сегодняшнего временщика на земле — это прежде всего отказ от природоохранных мер, потому что меры эти чрезвычайно дороги и не дают сегодняшней денежной отдачи.

Конечно, пужно время, чтобы в людях появилась уверенность в завтрашнем дне, в необратимости процесса. Для этого в условиях фермерского хозяйства должно вырасти новое поколение. Только эти, новые, люди будут по-настоящему уверены, что земля, на которой они родились, на которой они трудятся,— их собственность, их кормилица.

Весь вопрос в том — есть ли у нас это время? И ответ на этот вопрос однозначен — времени в запасе нет. За последние тридцать лет, то есть за время безудержного разгула кампании химизации, наши сельские труженики состарили почву на три тысячи лет. Потому что в наше время темпы уничтожения гумуса в сто раз выше, чем в чисто природной системе. За последние тридцать лет убыль гумуса составила: в черноземной зоне — от трети до половины, в нечерноземной — половину всех природных запасов. По стране особенно тяжелое положение с плодородием в Средней Азии. За последние двадцать лет из почв хлопкосеющих районов выхолощено восемьдесят процентов гумуса!

Если к процессу разграбления почв подключить еще и временщика, то страшно представить себе последствия этого шага. Времени на эксперименты не осталось.

Но допустим, что я неправ. Допустим, что фермерство сегодия способно в нашей стране сотворить чудеса. Предположим, что знакомый тракторист взял надел земли, или ферму, и своим ударным трудом постарался обработать землю по всем правилам агротехники. Решится при этом вопрос с круговоротом органического вещества, то есть вериется на поля навоз?

К несчастью, нет! Потому что для этого нужно иметь средиих размеров ноле, а рядом ферму, а рядом луг, а рядом сепокосные угодья. А чуть дальше еще поля, и еще фермы... И так по всей стране. Ведь только для сохранения плодородия ночвы без каких-либо планов на урожай каждому гектару необходимо давать минимум десять топи навоза ежегодно. А если с этого поля еще и урожай требовать, то на гектар придется привезти тонн тридцать.

Реально это? К сожалению, нет. Ибо устранвать эти поля, работать на этих фермах, жить в этих деревиях стало некому. И сегодня в Центральном Нечерноземном районе России вносят в средием всего пять тони навоза на гектар пашни. Про южные области Нечерноземья и говорить нечего — в Орловской, Тульской, Рязанской норма внесения давно скатилась до 1,5—3 т/га.

Слишком мало осталось тех, кому в прежние времена привычно было крикнуть: «Выручай, мужики, родина в опаслости!»

Придется признать, что этот путь в лабиринте тупиковый, надо вернуться и поискать другой. И прежде всего всиомнить об основных транжирах бесценного навоза — о городах и животноводческих хозяйствах.

ИСТОЧНИКИ ЗЛА

В городах проблема лежит на поверхности и решается теоретически просто. Канализация наших городов устроена таким образом, что стоки от жилых кварталов смешиваются в одной трубе (коллекторе) со стоками промышленных предприятий и за время совместного путешествия под землей впитывают в себя такое количество яда (органика чрезвычайно подвержена вредному влиянию), что куда там использовать — не знают, как захоронить попадежнее.

Поэтому решение этой задачи простое — разделить канализацию на промышленную и бытовую. Просто на словах. На деле это задача, которую в ближайшее время никто решать не возьмется.

Один только Ленинград каждые сутки выдает около трех тысяч тони остроядовитой органики. Это без малого 1,1 млн. тони в год. Если бы она была чистой, то ее хватило бы для удобрения нятидесяти инти тысяч гектаров нашни ежегодно.

Все же в принцине эта задача решаема. А что в животноводстве? Ведь известно, что через эту отрасль сельского хозийства только по Нечерноземью теряется органики в нять раз больше, чем во всех городах этого региона, вместе взятых. Один свинооткормочный комплекс на сто пятьдесят тысяч голов выдает такое же количество навозосодержащих стоков, как и двухмиллионный город. И все это течет в реки и озера, вместо того чтобы удобрять поля и нополнять запасы гумуса.

Итак, первые свинооткормочные комплексы Хрущев увидел в США. Идея его увлекла, но масштабы американцев показались слабоватыми. Известно, что самые круппые слоны водятся в СССР, поэтому, думаю, инкого не удивило, когда Советский Союз заказал итальянской фирме Джи-Э-Джи проект свинооткормочного комплекса аж на сто восемь тысяч голов и по откорму телят — на десять тысяч. До сих пор нигде в мире пет таких крупных фабрик по выращиванию мяса.

Итальянцы рады стараться. Отчего не поэкспериментировать, благо на чужой земле, да еще за это деньги илатят. Одину из существенных затруднений для проектировщиков оказалась уборка навоза. Если на маленькой ферме свинарка справляется вручную, то на колоссальном комплексе об этом не может быть и речи. Остроумные нтальянцы быстро нашли решение — смывать водой. По вот вопрос — куда девать смытое? Так называемые навозосодержащие стоки представляют собой бурую, воиючую, густую воду. Ни перевезти, ни в склад запереть.

По итальянскому проекту предполагались очистные. Их построили, но работают они преотвратно, совершение не справляясь со своими задачами.

Может, они и справились бы, если б проектировщики из Джи-Э-Джи учли российскую специфику. Например, то, что русские свиньи выдают навоз, сильно отличающийся от навоза итальянского. Качество наших комбикормов такое низкое, что третья часть корма не усваивается свинским организмом, и двадцать процентов всех денежных вложений в животноводство «летит свинье под хвост». Это, в свою очередь, существению влинет на качество очистки — бактерии, перерабатывающие в азротенках очистных станций органику, просто не справляются с непредусмотренным изобилием, а заложенное в проект время на очистку изменить уже нельзя.

Не учли итальянцы особенности нашего климата. Что уж тут поделать, надо открыто признать, что у нас холоднее, чем в Италии. С этим связаны дополнительные сложности очистки. Степень ее зависит от скорости «размножения» бактерий, нереводящих органику в состав собственных клеток. И понять их можно — кому ж захочется плодиться на морозе.

Третья, возможно, основная наша особенность, упущенная итальянскими проекти-

ровщиками из виду, - человеческий фактор.

Как-то у нас в Ленинграде лет пятнадцать или двадцать назад в одном из таксомоторных парков решили установить телекоитроль. Надоело начальству выслушивать поутру о яочных происшествиях: на одном зтаже драка, на другом цьянка, на третьем картежный притон, на четвертом публичный дом. Короче, решили со всем этим безобразием кончать разом — закупили импортную систему телеслежения и установили камеры на каждом этаже. Задышало парковское начальство ровно и спокойно, восстановился сон, вернулся аппетит. Но ненадолго. Как-то ночью подошел к телекамере дядя в ватинке, да не в лоб, а сбоку, откуда не видно, да саданул но всевидищему импортному телеоку отечественным ломом. Проделали это на всех этажах в одну ночь. И списали поутру сто тысяч золотых рублей на ночной сквозняк.

Как ни горько об этом думать, но приходится учитывать «дядю в ватнике» при разработке любого проекта, не говоря уже о закупке лицензий. Этого не было сделано при покупке проекта Джи-Э-Джи. И до сих пор ни один институт страны не вынускает специа-

листов-эксплуатационников очистных станций.

В настоящее время четверть всего свиноводства страны переведена на промышленную основу, то есть свинооткормочные комплексы. Не так давно Минздравом СССР были проверены шестьдесит из них. На тридцати комплексах очистных не оказалось вовсе. Из числа имеющихся восемьдесят процентов работали отвратительно. Глаиная причина: неграмотная эксплуатация. Пример для наглядности: в помещении аэротенков очистной станции (емкостей, где бактерии расщепляют растворениую в воде органику) «нолетела» вентиляция. Новых моторов не достать. Совхозное начальство вышло из затрудненин просто и по-крестьянски мудро — распорядилось вынуть изо всех окон стекла, неределаа таким образом вентиляцию из принудительной в свободно-приточную. В помещении (это происходило зимой) резко упала температура. Результат — качестаю очистки ухудшилось вдвое.

Когда вспоминаешь, что один такой комплекс загаживает реку наравне с двухмиллионным городом, понимаешь всю серьезность подобных ошибок. Тем более, что круппые города в большинстве случаев расположились по берегам морей и океанов, а комплексы

стоят вдоль пресноводных (питьевых) рек и озер.

САМЫЕ КРУПНЫЕ СЛОНЫ

Использовать навоз от комплексов трудно не столько из-за удаленности их от главной инвы страны, сколько из-за двух чрезвычайно серьезных обстоятельств: во-нервых, из-за его иетранспортабельности — 99,5 процентов воды. Во-вторых, из-за того, что навозосо-держащими стоками можно навредить почве не меньше, чем минералкой.

По первоначальному проекту предполагалось орошать ими поля. Но вот беда — промышленные центры, вокруг которых расположились животноводческие комплексы, находятся, как правило, в тех регионах, где орошение земли не требуется. Скажем, в Ленинградской области — тут осущать впору. Куда деаать в таком случае? И как выходят из этого затруднения на практике?

В поисках ответа на последний вопрос я познакомился с тремя ленинградскими комплексами-гигантами: «Восточным», «Ноаым светом» и «Спутником». Каждый из них

пытается освободиться от навоза по-своему.

«Новый свет» очистных до последнего времени не имел. Первоначально предполагалось, что весь навоз пойдет на производство компостов. Для этого при комплексе построили компостную фабрику. Но выяснилось, что она всего объема стоков переработать не сможет. Срочно построили вторую. Но и в этом случае всего объема получаемого навоза утилизировать не удалось. Каждый год фабрики перерабатывают в комиосты сто шестьдесят тысяч тонн стоков, тогда как за год их образуется миллион тонн. Волей-неволей пришлось лить навозную воду в естестаенный резервуар — выработанные чеки старой торфоразработки. Постепенно образовалось навозное озеро площадью свыше пятидесяти гектаров. А на берегу этого «озера» раскинулся поселок свиноводов. Про санитарную обстановку говорить не приходится. Пришлось совхозу построить очистные. И в «Новом свете» познакомились с новой проблемой — куда девать жидкий осадок очистных станций.

Эта проблема хорошо известна другому ленинградскому комплексу — «Восточному». Когда его проектировали, то, как видно, думали, что очистной станции вполне достаточно, чтобы вопрос утилизации осадков был решен. Но не тут-то было. Во-нервых, вода на выхо-

де из очистных все же требует доочистки. Во-вторых, осадок, то есть та органика, которую бактерии «вынули» из воды и перевели в состав собственных клеток, содержит 95 процентов воды и по консистенции напоминает жидкую сметану (когда ее в магазине разбавляют кефпром). Куда его девать? Каждые сутки комплекс вырабатывает осадка восемьсот тонн (тринадцать железнодорожных цистери). Пробовали выливать на поля соседних хозяйств, но тамошние почвы дополнительного увлажнения не требуют.

Как быть? Времени на раздумья нет — станция выдает и выдает осадок. Махнули рукой и принялись лить все, что станция отфильтровала от воды, куда попало вокруг совхоза. Окрестные леса начали гибнуть. Дождями и паводками жижу размыло и унесло в речку Игполинку, оттуда в Неву, немпого новыше южного водозабора Ленинграда —

пейте, горожане!

То есть эффект очистки полностью аннулировался.

Самым крупным из ленинградских свинооткормочных комилексов является совхоз «Сиутник». Стоит он поблизости от Ладожского озера, и вклад его в погубление легендарного озера колоссалеи. На комплексе работают очистные. Вода после них направляется на поля орошения, почва которых фильтрует ее от оставшихся биогенов. Далее вода по закопанному под полем дренажу скатывается в канавы, а оттуда в ируд-накопнтель при насосной станции.

За годы эксплуатации почва на нолях настолько переувлажнилась, что быстро теряет саои фильтрующие способности. Все это говорит о том, что подобная технология доочистки для Центрального и Северо-Западного районов Нечерноземья явно не подходит.

11 уже знакомая проблема жидкого осадка. 11 не менее знакомое решение — вывозят бочками за околицу и льют куда придется. В конечном итоге все отфильтрованные биогены попадают в Ладогу.

ЧАСТНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Итак, внезапный скачок урбавизации привел к спешному и непродуманному строительству животноводческих комплексов, которые тенерь, в особенности свинооткормочные, губят все живое в реках и озерах, отравляют питьевую воду, а также способствуют истреблению гумуса в почвах. Где выход из этого тупика?

Как всегда, на ум просится простое, но действенное решение — позакрывать все эти фабрики мяса к чертовой матери, раздать скот крестьянам, распределить по мелким фермам, стелить под животных солому и вывозить по весие подстилочный навоз в поле.

«Мечты, мечты, где ваша сладость...» Если принять за маленькую ферму с единовременным содержанием одной тысячи свиней, то тиновой комилекс вроде «Восточного» придется разделить на сто восемь таких ферм. Организовать, иостроить — куда ни ило, но где азять людей, которые стали бы работать на этих фермах? А ведь стовосьмитысячинков у нас в стране сорок четыре штуки. Значит, придется организовать четыре тысячи семьсот пятьдесят две фермы и столько же новых деревень, потому что ферма на тысячу голов не такая уж и маленькая и в старую дереаню ее не впихнешь. У нас к тому же имеютси десятки супергигантов на двести шестнадцать тысяч свиней, пятьдесят четыре тысячи, и двадцать четыре тысячи — этих аж двести девяносто два. Все это норушить? По как ни крути — один только стовосьмитысячинк дает в год двенадцать тысяч двести тони мяса.

Раз ве удается их заменить мелкими фермами, то следует подумать о том, как свести вред, приносимый комплексами природе, до минимума. В чем же причина этого вреда? Гидросмыв? Вот его-то мы и отменим. А убирать будем вручную. Ничего, что больше придется поработать, зато и полп и реки выздоравливать начнут. Решение найдено...

Надо сказать, что этот подход вообще отличает нас — хватать те ответы, что плывут по поверхности, вместо того чтобы ноискать на глубине. На пераый взгляд — действительно выход. По крайней мере, во всех научных институтах, во всех чиновничьих конторах, даже в хозяйствах, где я вытался найти отает на вопрос: «Что делать?», мне отвечали: «Ликвидировать гидросмыв!»

И н уже почти уверовал а целительность этого предложения, как вдруг узнал, что в одном из свиноводческих хозяйств Ленинградской области— в совхозе «Романовский»— применнют гидросмыв. Изаестие поразило менп. Дело в том, что стадо «Романовского» размещено по мелким навильонам, где как раз никакого гидросмыва по идее не должно быть.

Уже на следующих день я шагал засиеженной дорогой к деревушке Лепсари, в которой расположились фермы самого дальнего и глухого отделения «Романовского».

Интерьер свинаринка описывать не стану, все как обычно,— длинный, узкий, посреди проход, по бокам от него дощатые загородки — станки. Внутри все белено. При входе корыто с опилками.

Как только вошел, так сразу стал искать глазами средства уборки. И тут же нашел — по обеим сторонам прохода в полу были выдолблены длиной во всю ферму узкие желоба, из которых виднелись элементы скребкового транспортера. То есть механическая уборка,

никакого гидросмыва. Время было уходить. Но тут я разгоаорился с экскурсоводом местной работницей Татьяной, чьим заботам меня поручили.

А как вы адесь изаоз убираете? — все же не удержался я.

- Скребком, конечно.

- Странно, мне говорили - гидросмыа у аас.

- Как это?

Водой смыааете.

— Так аодой и смываем,— явно не понимая моей озабоченности, сказала Татьяна,— скребком аыгребаем из станков а транспортер, а по траиспортеру гоним водой. Видите, шланг висит?

Только тут я обратил внимание на ржавую трубу, что тяпулась на высоте челоаеческого роста над желобом транспортера. Возле входных дверей труба заканчивалась краном и сансавшим до пола резиновым шлангом.

- Ничего не повимаю. Зачем смывать аодой, если у вас транспортер есть?

— Так ведь, чудак человек, транспортер сам не сиравится, ему помочь надо. Если без воды, то он целый день навоз переталкивать будет. А так — милое дело, нальешь в канавку воды, навоз сам утекает. За фермой в земле бак здоровый зарыт. Поутру трактор с бочкой подъедет н выкачает.

- Что же, повсюду водой смывают или только здесь?

— Повсюду, — растерянно отвечала Татьяна, — и на других фермах, и а других отделениях. И в совхозах других. Я родом из Калининской области, так у нас тоже водой смывают. Так проще и быстрее.

Вот так — оказывается, сегодня, вне зависимости от размеров свинарника, технической документации, навоз новсеместно смывают водой. И как ты гидросмый ни запрещай,

ничего не изменится, потому что так проще.

На круином промышленном комплексе смытый навоз проходит через очистные, где от воды отделяется. Осталось решить проблему утилизации осадков, и все войдет в порму. Зато в средних и мелких хозяйствах никто биологическую очистку организовывать не станет — слишком дорого, да и опытных кадров там иет. На крупном же предприятии хорошую работу очистных в принципе можно организовать хотя бы потому, что он на виду и его проще контрольровать. А замени его на сотию мелких, и контроль исчезнет полностью.

Я уже не говорю об арендаторах. Много было сказано о исихологии временщиков — вот вам и сфера ее действин. Неужели арендатор, взяашийся откарыливать санней, озаботится природоохранными мерами? Да и какие меры он в состоянии применить? Биологическую очистку? Одна только эксилуатация тиновой станции обходится в миллиов рублей в год, да два миллиона забирают поля орошения.

В былые времена под скотину стелили солому. Смешиваясь с ней, навоз становился комностом. Нынче хорошо, если она есть. А если нет? Не станет же арендатор из-за соломы выращивать зерио. Гораздо проще смыть навоз водой. И пусть течет, куда хочет.

А хочется ему, как назло, всегда в одном направлении — в реку.

Казалось бы, логика подводыт к тому, что надо искать способ утилизировать осадки очистных, но... руководители ленинградских животноводов приняли решение противоположное: больше промышленных комплексов не строить. Вместо этого запланировали к 2000-му году возвести двадцать семь свинооткормочных комплексов по четырнадцать тысяч голов в каждом. Без гидросмыва! Это значит — без очистных! То есть около трех тысяч тони навоза каждые сутки все равно будут смываться в реки и озера области.

Даже если произойдет невероятное и на всех ныне существующих и впредь проектируемых фермах переставут смывать навоз водой, а будут вычищать из свинарников чисто механическим способом, даже в этом случае навоз на поля вернуть не удастся. Потому что сам по себе свиной навоз по консистенции напоминает жидкий осадок очистных: 90—94 процента воды. То есть уже знакомые проблемы — далеко не повезешь, в склад не закроешь, а кучу не свалишь. Куда девать? Ответ первый — в поле.

Бесподстилочный навоз очень хорошее удобрение. Его примеяение может поаысить урожай картошки вдаое. По крайней мере, так было на опытных полях ВНИУА им. Прянишникова. Но следует учесть, что на эти поля вносили жидкий навоз специальными машинами под почву один раз а год от ста двадцати до шестисот килограммов на гектар. Теперь прикинем: один десятитысячник выдает а год не менее тридцати тысяч тонн бесподстилочного навоза. Если вносить а почву по шестьсот килограммов на гектар, то аокруг такого комплекса необходимо будет распахать не менее пятидесяти тысяч гектаров пашни. Целый год придется держать жижу в каком-то накопителе, а весной разом вывезти на поля специальными машинами, которые а остальное время будут простаивать без дела.

Может, рассредоточить комплексы по стране с таким расчетом, чтобы вокруг каждого располагалось не менее пятидесяти тысяч гектаров пашни? Эта шутка несмешная.

Выходит, использование бесподстилочного навоза, как это предлагают а институте

им. Прявининикова, нереально. Во всяком случае, их опыт нельзя распространить на страну или даже регион.

Что касается веограниченного внесения жидкого навоза а почву, то этот путь испробоаали на себе эстонцы. За четыре года применения навозной жижи в почве в три раза увеличилось количество грибов, вызывающих корневые инфекции и гниль растений, а количество почвенных бактерий, иереводящих полезную для человека и растений амонийную форму азота в опасную нитратную, увеличилось аж в сто раз. Объясняется это тем, что в жидком навозе много биогенов, особенно азота, по мало клетчатки, из которой «полезные» бактерии строят свои клетки. Зато комфортны условия для «вредных» нитрофицирующих бактерий. Последние в конкурентной борьбе легко вытесняют «полезных».

Получается, что чем больше удобрять землю необходимым растениям амоннийным азотом, тем больше в почве будет накапливаться опасных нитратоа. Настоящий крестьянин никогда свежий навоз а землю не кинет. Обязательно перемещает с соломой и даст года два вылежаться.

Компосты, или, как их еще называют, «подстилочный навоз», соасем другое дело — а них много клетчатки, и потому в борьбе за аыживание аыигрыаают «полезные» бактерии, вытесняя «онасиых». Поэтому иодстилочный навоз можно вносить без ограничений. Чем его будет больше, тем больше, в конечном итоге, образуется гумуса.

Итак, выход из тупика - изготовление компостов из жидкого навоза.

Правда, соломы, как мы уже говорили— а Нечервоземье мало, поэтому сегодня повсюду, где это возможно, компосты изготавливают из торфа. Это прежде всего Урал, российский север и северо-запад.

Хорошо это или плохо?

ЛЕТУЧИЕ СОКРОВИЩА

Это не плохо - это ужасно! Это... Это черт знает что!

Что такое торф? Не говоря о топливе (сжигание торфа решено прекратить к 2000 году), торф — это дешевые кормовые дрожжи. Это воск. Это восемьдесят видов высококачественной парфюмерии и косметики. Это фармакология. Это грязелечение. Это, в конце концов, Шотландское виски, которое, чтоб вы знали, уже даано изготавливается из торфа. И многое, многое другое.

И все неречисленное тоже илохо. Потому что торф особенно хорош там, где лежит.

Торф — это болота. О них стоит рассказать нодробнее.

Начнем с малого — на болотах растет клюква. В СССР собирают около сорока тысяч тони этой ягоды. Одну тонну клюквы нам обменивают на внешнем рынке на четыре тонны пшеницы. Я берусь утверждать, что нас бессоаестно обдирают — клюква стовт дороже. Причем, обратите внимание, — не надо ее возделывать, удобрять, гонять технику — болото само родит, приходи и убирай.

На болотах СССР живут тридцать видов лекарственных растений. Подсчитано, что

только эта статья дохода от болот превышает все доходы от мельорации.

На болотах самый стабильный, независимый от погоды медосбор.

Только на северо-западе в болотах живут десять видов животных и итиц, занесенных в международную Краспую книгу. Каждая такая иопуляция оценивается в тридцать два миллиона долларов.

Болота — родина большниства равнинных рек. Высушивая их кусок за куском для того, чтобы распахать или вытащить оттуда торф, мы, тем самым, снижаем полноводность рек.

Болота — это самый, самый, самый лучший фильтр атмосфериых осадков. В наше аремя — время радиоактивных и кислотных дождей — подобные способности болота просто неоценимы.

Болота — самая мощнан кислородообразующая система на земле. Гектар тайги или амазонской сельвы ничто а сравнении с гектаром болота по способности производить кислород.

И наконец, самая важивя роль болота — крупнейшее хранилище мировых запасов углерода. В торфяниках земли законсеранровано 300×10^9 тони углерода. Это сорок

процентов атмосферных запасов.

Чем больше разрабатывается торфяникоа, тем больше углерода переходит в углекислый газ и возносится на небо. Ведь торф — чистан органика, то есть деликатес для почвенных бактерий, простейших и беспозвоночных. Он может пролежать в кислой среде болота миллионы лет. Но стоит торф поднять, осущить, пустить в его разрыхленные толщи воздух, как вся почвенная братия набросится на него, быстро расщепляя торфяную органику на минеральные составляющие. Этим и объясияется, казалось бы, поразительный факт — поле, организованное на осущенном болоте, со временем опускается. Такие поля за последние семьдесят лет в Новгородской области опустились не миого не мало на метр! То есть по одной только Новгородской области миллиарды тони торфа исчезли — улетели в воздух, увеличивая парниковый эффект. В регионах с более благоприятными климатическими условиями скорость исчезновения торфа достигает десяти сантиметров в год!

Все это говорит о том, что разрабатывать болота, осущать их, подинмать торф — глупо и преступно. Американский энономист Ларсен подсчитал, что прибыль, которую приносят болота штата Массачусетс в своем естественном состоинии значительно превышает прибыль от их разработки и колеблется, в зависимости от конкретных условий, от иятисот до пятидесяти восьми тысяч долларов с одного акра в год (примерно шесть свдовых участков).

У нас подобные расчеты тоже имеются, но только онн непопулярны. В СССР добывается около двухсот миллнонов тонн торфа в год. Из них шестьдесят миллионов тут же сжигается в топках. В одной только Ленингрвдской области восемивдцать торфопредприятий.

Если здравый смысл все же возобладает над бездушием (а он таки возобладает, хотя бы под патнском общественной мысли других стран, напуганной приближающимся парниковым эффектом), в этом случве торф в нашей стране разрабатывать прекратят.

Это значит, что единственный отработанный прием утилизации осадков и жидкого навоза в животноводстве отпадает. Хоть микроскопический часть навоза, но все же возврвщалась на поля с торфяными компостами. Как быть, когда торфяники трогать запретит?

БАМИЛ

Вернемся еще раз к нсходной. Главный недостаток осадка с очистных или свежего яввоза состоит в том, что он жидкий. Из-за этого его невозможно перевозить на большие расстояния, долго хранить. А что, если его высушивать?

Именно эта мысль пришлв в голову заведующей лабораторней Всесоюлного института сельхозмикробнологии ВАСХНиЛ, кандидату биологических наук Архипченко. Ученым лаборатории Ирины Александровны поручили наладить рвботу очистных «Восточного». Они справились с заданием настолько успешно, что вывели очистку в этом хозяйстве на уровень лучших в стране. Но все усилия сводитси к нулю: некуда девать осадок.

Группа Архипченко предложиль осадок высушнвать и вносить в землю как органическое удобрение. Назвали это удобрение «бамил». На делянках института провели опыты, и вот что оказалось: урожай картошки на делянках, удобренных бамилом, в полтора раза выше урожая с делянок, куда виосили минеральные удобрения. Содержвине крахмала в клубнях увеличилось на пять процентов, витамина С — в два раза. Но что самое ценное — количество нитратов составило всего 5 мг/кг, тогда как предельной нормой для картошки установлено 240 мг. Еще три-четыре года назад предельная норма равнялась восьмидесяти миллиграммам, но постоянио увеличивающиеся дозы внесения минеральных удобрений и ядохимикатов приводят к постоянному росту концентрации интратов в продуктах. В министерских кабинетах с этой проблемой справились быстро -- подняли планку предельных норм втрое. Тогда как с применением высушенного осадка эта проблема отпадет вовсе — выращенная на нем продукция будет чистой. У бамила хорош и эффект последействия — два-три года после внесения урожей по-прежиему держится высоким. Бамил улучшает агрохимические свойства почвы, а твкже биологические в пробах почвы, обработанной бамилом, обиаружено в четыре раза больше бактерий, чем в пробах с минервльными удобрениями. Высущенный активный ил удобно фвсовать в мешки, хранить, перевозить нв большне расстояния.

Казвлось бы, все проблемы решены, лабнринт пройден, активный ил очистных станций — великоленное удобрение. С его помощью можно добиться возвращения навоза на поля. Кроме того, можно в три раза сократить применение минеральных удобрений — это не только оздоровит продукцию, но и даст огромный экономический эффект, откроет путь к обеспечению страны мясом — ведь нынче у нас эта задача под силу только промышленному животноводству. Разработки Института сельхозмикробиологии позволят обратить врага в друга и открыть для промышленного животноводства широкне перспективы.

Микробнологи сделали свое дело — исследовали, разработали, убедительно доказали. Что дальше? Дальше заключительный аккорд — высушить осадок, расфасовать его в мешки, развезти по хозяйствам. Через год подсчитать эффект от применения. Затем произвести окончательные экономические расчеты, составить ТЭО, и можно входить в правительство с предложением промышленного освоения.

Но... Не тут-то было. Сухой активный ил существует только в институтской лабораторин. И сушат его в сушильном шкафу. На комплексах он по-прежнему в нетранспортабельном виде. Лабораторные опыты никак не могут перешагнуть барьер на пути к промышленному испытанию из-за того, что никто не берет на себя сушку.

Как странно - вот он, выход из лабиринта, и дверь открыта, а не выйти.

Сегодня для успешного завершения этого крайне важного исследования необходима поддержка не только совхоза «Восточный», но всего кабинета министров. Но ее нет. И по-178 ка ученые пытаются доказать различным инстанциим перспективность своего метода, Лепагромпром махнул на них рукой и приступает к строительству трех десятков комплексов, где уже не будет биологической очистки, а следовательно, возможности производить бамил. Зато увеличатся потоки жидкого яввоза в реки.

БОРЬБА МИРОВ

Пытансь найтн ответ на вопрос, почему лабораторию Архипченко держат на голодном найке, и почему-то считал, что Институт сельхозмикробнологии молод и потому пока еще не успел отвоевать себе необходимого жизпенпого пространства. Каково же было мое удивление, когда и узнал, что речь идет о старейшем научном учреждении страны. Еще в XIX веке была организована лаборатории борьбы с вредными насекомыми и грызунями бактериологическим способом. В 1923 году из лаборатории вырос отдел сельхозмикробиологии при Госинституте опытной агрономии. В 1930 году на базе этого отдела возник самостоительный пиститут, первым директором которого стал замечвтельный советский ученый академик С. П. Костычев. Такви быстран эволюции лаборатории в целый институт указывает па стремительное развитие биологической инуки в те годы. Пока ... Нет нужды пересказывать трагическую судьбу отечественной биологии, она теперь широко известна.

К тому времени, когда Хрущеву понадобилси «скачок», биологическая наука попрежнему оставалась в загоне и потому не смогла доказать опасность для природы, а зивчит и дли человека, неподготовленного, резкого роста урожаев.

Зато это пообещала химня. Ей в руки и отдали каргы. По биологин тем самым был напесен еще один мощнейший удар — за годы безусловного приорнтета представителя химического комилекса страны расширили и укрепнли свои позиции в сельском хозийстве и ВАСХНиЛ. И теперь, занимви ключевые посты, они могут беспрепитственно управлить всем комплексом сельско созийственных наук сообразио своим критериим, представлениям и привизвиностям. Да и как же может быть иначе, если весь огромный, неповоротли вый, чрезвычайно влинтельный в политической сфере химический комплекс страны больше половины всех своих доходов получает от производстьа минеральных удобрений. Отказаться, хотн бы частично, от производства идохимикатов или минеральных удобрений — значит упустить из рук власть.

Подтверждение этой своей догадке и неожиданно ившел в иыне переименованном Госагропроме в Москве. Сотрудник экономпческой службы пожаловался мнс:

— Какой-то дурак пропустил препарат Кандыбица, и теперь хозяйства отказываются от нестицидов — подавайте им кандыбинские бактерии. Вы не предстввлиете, какие убытки понесут химические звводы, если бактерицидцые средства рвспространятся по всей стране. Это будет экономическан катастрофа!

Речь шлв о препаратах доктора биологических наук Николая Васильевича Кандыбиив. Его бактерии песравиенио успешиее справляютси с вредителями и грызунами. Ведь к химии у грызунов и насекомых вырабатывается иммунитет, из-за чего приходится год от года наращивать дозы виесения ндов. Тогда как к бактериям полевки или паутинный клещ привыкнуть не могут. Продукция после обработки растений бактерицидными средствами чиствя и белопасная. Почве от нее пикакого вреда. Но есть вред химическим заводам. Этим, должно быть, и объясияется то, что за многие годы своего существования бактерицидные средства борьбы так и не попали в крестьянские руки.

Зато более чем льготными условиями поощряли применение химикатов. Ровно половипу стоимости этих идов государство оплачивало за хозяйства в виде дотаций.

Это не первый и, к несчастью, не последний пример того, как сельское хознаство, крестьинский вопрос становится в руках группы людей средством досгижения сиюминутных политических целей. На всем протижении развития нашей страны (не только послеоктибрьского периода) сельское хознаство использовали в качестве орудия в борьбе между государственной властью и оппозицией, между оппозиционными группировками, при разделе власти между партинми и так далее. Властители разных времен жонглировали крестьинским вопросом, укреплия собственную власть.

Чем более обострялась политическая ситуация в стране, тем больнее это сказывалось на крестьниском аопросе. Нынче режущие грани политических проблем как никогда больно задевают деревню. Ведь всякое политическое обострение усиливает в первую очередь экопомические трудности. Во все времена их решали с помощью строжаншей экономии. То есть в первую очередь с помощью отказа от нерентабельных отраслей. Сегодия это прежде всего отказ от природоохранных мер.

Но в отличие от ниых периодов истории наше время не дает возможности для экспериментов. Мы подошли к краю. Наша земля близка к упичтожению. Необходимо просто немедлению приступить к восстановлению природных систем. И прежде всего — круговорота органического вещества. Если этим не заняться сейчас, то уже в ближайшем будушем, то есть на глазах паших детей, жизин на шестой части суши не останется.

Но для процесса экологического выздоровления необходим политический покой.

з литературного неаследия

Александр Вампилов

ДВА РАССКАЗА

Этот чериый старый чемодан с даумя металлическими замками всегда при жизии Саии был для меня тайной. Зпаю, что в середиие пятидесятых он приехал с ним в Иркутск из Кутулика поступать а университет. Знаю, что позже, когда чемодап отслужил свой вояжный срок, в него складывались рукописи, но что там было еще, можно было только догадываться.

Из Кутулика же был привезен пераый Сапип письменный, сработаппый поселковым умельцем стол, с аыдвижным ящиком посередице, обтянутый саерху черпым же кожемитом, аесь а кляксах и потертый, — ведь за ним запимались асе четверо детей учительской семьи Вампиловых. В ящике была чистая бумага и рукопись писаашейся тогда пераой большой пьесы «Ярмарка» — «Прощание а июне».

Чемодан, стол, аенский стул, гитара и много кшиг, сложенных прямо на пол за неимеиием кпижных шкафоа,— аот та обстановка, в которой жил Вампилов. Как давно это было!

С годами мало что менялось, разае только стулья, которые были принесеиы в подарок его друзьями на новоселье. Стульев было много, они были списаны Союзом писателей, что оказалось весьма кстати. Шествие это от трамвайной остановки до нашего дома было впечатляющим. Жизнь была бедная, ио счастливая. Все были молоды, талантливы, и бедпость не была пороком. Большим событием стали стеллажи, сделаниые для Сани столяром Иркутского драмтеатра. Наконец-то книги были расстаалены по полкам, и можно было быстро найти нужную. И опять это был праздник. По мере того, как ставились по провпициям две пьесы — «Прощание в июне» и «Старший сын», появились деньги, были розданы долги, и в Санином кабинете установили новый стол, серьезный, с даумя тумбами, а старый — был сиесеи им самим на улицу, разбит и сожжен.

Потом случайно была разбита гитара, что было для иего огорчительно и больио. А играл он иа ней удивительио. Сколько вечеров было связаио

с Яей, с исполнением романсов, песен, начиная с модного тогда Окуджавы и заканчивая любимой им «Элегией» Дельвига. Играл серьезио, подолгу, оттачивая мастерство. Он любил гитару. любил глубоко и серьезно. Он все и всех любил. да иначе было невозможно, верно, потому, что не было человека более любищего и понимающего жизнь и людей. Думаю, что с этим согласятся его друзья, которым он был аерен до конца, - асе, что касалось друзей, их проблем, их жизии, было для него саято. Осталось ощущение радости от того, что он стольких любил, стольким номогал. столько успел сделать добра, как быаает у тех, кому мало суждено прожить. Я ни разу ни до, ни после его смерти ни от кого никогда не слышала фразу, над которой, когда он ее произпес, не задумывалась: одниоких мне асегда жалко. Запумалась потом...

Вспомииать о нем трудио, потому что, и мы так привыкли, любые воспомииания должны нести а себе его мысли, его слоаа, его поступки, его облик, чтобы в них он был живым человеком.

Я все хотела понять его, но по молодости и, увы, по глупости как-то казалось — устею. Еще немиого и пойму. Трудно приходить к пониманию его теперь, когда я стала старше его. Только созиание того, что ты прошла несколько лет рядом, что тебе от этого светло и радостио, — и есть счастье.

Счастье, как сказка, быстро кончается. Не стало Саии, а осталось так много — в общечеловеческом поиимании, в том, что он дал своим читателям, зрителим, и так мало — осязаемого, аещественного. Остался черный старый чемодан с его записными кпижкамп, вариантами пьес, письмами друзей, иесколькими рисуиками и иебольшими рассказами, подписаиными его студенческим псевдоиимом — А. Сании. Рассказами, которые он не опубликовал, но почему-то и не уиичтожил, которые предлагаются не на суд, а только на знакомство. В иих он молодой, по-юношески романтичный, искреииий, и все у него еще впереди.

Ольга Вампилова

чужой мужчина

Больше двепадцати часов в сутки не удается поспать даже пассажирам. Петр Васильевич с досадой хлопнул по матрацу и сел у окна. За окном один за другим менялись пейзажи, но Петр Васильевич был не мальчиком, едущим по железной дороге в первый раз. Он спова лег, закинул руки за голову и с ненавистью взглянул в потолок.

«Хоть бы сел ко мне кто-нибудь в купе, что ли», - подумал он.

Петр Васильевич Голубев возвращался в свой город после двухмесячной командировки. В командировки Петру Васильевичу приходилось ездить часто, но особенно он любил обратную дорогу. Домой он возвращался всегда веселым, свежим, вез с собой подарок жене и пару старых анекдотов и острот, услышанных от новых знакомых. Новые знакомые всегда рассказывали старые анекдоты.

Подарок и анекдоты были и в этот раз, но настроение было такое паршивое, как будто у него только что вынули из кармана двести рублей. Петр Васильевич занемог болезнью довольно редкой и большей частью легко перепосимой — угрызениями совести. Он не изнурял себя этим недугом по пустякам, для этого нужна была какая-то серьезная причина. Такая причина была. В эту поездку Петр Васильевич в первый раз изменил своей жене.

Женился он пять лет назад, будучи студентом и будучи влюбленным. Спокойный и немного замкнутый, он был эти пять лет верен и тих и вот вдруг неожи-

данно свихнулся.

«Изменил самым подлым образом. Изменил кому? Вере, моей Вере. Такой чудной женщине, такой любящей жене. Ловелас! Гусар! — думал Голубев, ожесточенно раскуривая папиросу. — Как я буду смотреть ей в глаза? Обманывать ее... Это единственный человек, которому я не мог... не смел лгать, и вот... Как же это? Ведь я ей теперь в сущности совсем... абсолютно чужой мужчина».

«Чужой мужчина...— повторил Петр Васильевич вслух, вскочил и стал смотреть в окно, ничего в нем не видя.— Пожалуй, я признаюсь ей во всем. Она

умпая и нежная. Она простит меня...»

Здесь Голубев заметил наконец, что поезд остановился в небольшом новом городке, что дело к вечеру и до дома осталось три часа езды. За окном, вдоль вагона спешили навьюченные багажом люди с испуганными лицами. «Зачем они бегут? Ведь все равно все сядут. Особенно суетятся женщины», — подумал Петр Васильевич и стал следить за хорошенькой девушкой, которой быстро бежать мешала узкая юбка. Наблюдать за ней было смешно и весьма любонытио.

В это время дверь в купе Петра Васильевича отворилась легким и решительным движением. Голубев повернулся. Перед ним стоял незнакомец с небольшим чемоданчиком в руке и плащом, закинутым через плечо. Ему, как и Петру Васильевичу, было лет тридцать с лишним, но он был гораздо выше и молодцеватее. Под пиджаком он имел рубаху — «дикарку», на голове прогрессирующая плешь изящно прикрывалась темными волосами, зачесанными со лба назад, щеки гладко выбриты, штиблеты совсем еще не старые и хорошо вычищены. «Вот, накопец и попутчик! Да, кажется, интересный». Петр Васильевич улыбнулся и сделал шаг навстречу. Незнакомец поставил чемодан, бросил на полку плащ и, подавая руку, улыбнулся тоже.

Добрый день! Скороходов.

- Голубев.

- Очень приятно,— сказал Скороходов, усаживаясь у окна.— Через три часа мы будем в H-ске. Вам туда же?
- Да,— ответил Петр Васильевич, подсаживаясь к долгожданному собеседнику,— еду к жене.

К своей? — весело спросил Скороходов.

— К... своей. А почему вы спрашиваете? — забеспокоился Голубев. Скороходов ударил по самой дребезжащей струне его души. — Разве похоже, что я могу ехать к чужой жене?

— Нет, что вы! — отвечал Скороходов, снимая пиджак.— Это я, видимо, пошутил. К чужой, к своей — это все равно. К чужой приятнее. Давайте лучше закусим.

Он полез в свой чемодан и достал оттуда ветчину, хлеб и бутылку вина.

— Еще древние философы говорили, что человек живет для того, чтобы пить и закусывать, — говорил Скороходов, разливая вино. — Эта блестящая мысль не потеряла своей актуальности и по сей день. Выпьем! «Снова я пьян — снова я счастлив!» — говорил мой знакомый поэт.

«По-моему, он интеллигентнее меня, — подумал Петр Васильевич с уважением. Он повеселел, но мысль о совершенной им измене никак не улетучивалась из головы. — Интересно, как относится к этому, например, этот вот человек?» — думал Голубев во время разговора о ценах на вино и железнодорожные билеты.

Попутчики допили бутылку, закусили, закурили, и Петр Васильевич, пустив

перед своим лицом большой клуб дыма, вдруг спросил:

- Скажите... Вы никогда не изменяли своей жене?

Скороходов поднял брови, остановил руку с папиросой в воздухе и, с недоумением всматриваясь Голубеву в глаза, проговорил:

- Что?

Вы никогда не изменяли своей жене? — нервно повторил Петр Васильевич.

Тогда Скороходов расслабленно махнул рукой, откинулся к стенке и вдруг рассмеялся громко и раскатисто, заглушая стук колес.

- Что это... ха-ха-ха... что это вам взбрело? едва смог спросить он между приступами смеха. Скороходов, что называется, «ржал» и «ржал» так, что Петр Васильевич, глядя на него и не понимая себя, засмеялся тоже, сначала глухо и отрывисто, потом громче и смелее. Ему вдруг стало совсем несело.
- Вот уморилн! проговорил Скороходов, наконец унимаясь и вытирая лицо платком,— ...своей жене! Ха-ха! Вы ужасный фантаст.

— Да я пошутил, — соврал Голубев.

- Вы, наверное, открываете музей нравственности, и вам некого экспонпровать, продолжал Скороходов. Я вам сочувствую, но начем помочь не могу. Я умею выдавать себя за верного мужа только своей жене. Вы все равно мне не поверите.
 - А жена вам верит? спросил Петр Васильевич.
 - Конечно. Это одна из ее супружеских обязанностей.

— Hо.:.

- Никаких «по». «Любовь не вздохи на скамейке». В любви, как и везде, надо уметь пользоваться правами и уклоняться от обязанностей.
 - «А ведь оп гораздо интеллигентнее меня», спова подумал Петр Васильевич.
- Жениться приходится только для того, чтобы иметь законных детей,— говорил Скороходов,— женщине трудно сохранять верность, мужчине смешно...

И Скороходов пебрежно и цинично стал говорить о женщинах, излаган при этом взгляды отпетого алиментщика. Развеселившийся Петр Васильевич вторил, поддакивая, рассказал неприличный анекдот и между прочим с насмешкой и пренебрежением произнес:

А ведь некоторые остаются все же верными мужьями.

 Фантасты, мой друг, фантасты, — отвечал Скороходов, поднимаясь и надевая пиджак.

Уже стемнело, за окном запрыгали огни приближающегося города. Скороходов, опираясь руками о столик, наклонплся к окну и сказал:

— В этом городе около полумиллиона жителей, прикипьте-ка, сколько из них одиноких и временно одиноких женщин. Всем им хочется быть любимыми, все они жаждут ласки. Любите же их! И не любите долго одну и ту же, а то она подаст на вас в суд за невнимание к ее слабостям.

В окно ворвались большие и яркие огни вокзала, и поеэд остановился. Шумел, радовался, грустил и сентиментальничал перрон — место ничего не значащих, безнаказанных поцелуев. Голубев и Скороходов выбрались на привокзальную площадь.

Ну, я спешу,— сказал Скороходов, подавая руку.— Где-нибудь встретимся.

Голубев долго и с признательностью тряс его руку. Потом Скороходов отошел в сторону — ловить такси.

Петр Васильевич выкурил напиросу, сел в автобус и уже через иятнадцать минут подъезжал к дому.

В голове у него плавали легкие и беззаботные мысли. «Подумаешь, изменил! Скороходов поумнее меня, а смотрит на эти вещи просто. Так было, так будет. Не я так устраивал, не мне переделывать».

В пгривом расположении духа, пасвистывая, Голубев вошел в свою квартиру. В прихожей он увидел Скороходова, спимающего на его вешалке свой пиджак.

Мгновения оцепенения, в котором находился первое время Петр Васильевич, Скороходову было вполне достаточно. Он с артистической ловкостью оделся, взял свой чемодан и, пробормотав почему-то «извините», выскользнул в дверь.

А. Санин

СТРАСТИ

Ты знаешь, что такое летаргический сон? Вот рассказывали. Заснул этим летаргическим сиом знакомый там один. Ну, умер и все: уши холодные, пульс не работает. Лежит в гробу, все слышит, понимает, а ии закричать, ни руками замахать, и глаза ему закрыли. Палец у него на ноге один только двигалси, ну и он этим нальцем шевелил, заметили. Йотеха...— говорил молодой человек, пытаясь взять свою собеседницу под руку.

Его собеседница, девушка лет восемнадцати, хорошенькая, очень живая и подвижная настолько, насколько позволял быть подвижной не совсем свободный покрой ее одежды, неопределенно улыбалась и нозволила наконец взять себя под руку.

Они медленио прогуливались по шумной набережной.

 Какой вечер! А ты хотела сидеть дома. Дома сейчас с тоски можно сдохнуть.

Он не обманывал: всчер был действительно хорош. Закат совсем уже созрел, налился киноварью, и освещенная им улица вся выглядела нарядно, потому что окна красивых и пекрасивых домов пылали одинаковым пожаром. По улице разгуливали пскатели чудных вечеров; по реке в лодках, добытых терпением или хитростью, плавали мужественные или лукавые люди. Казалось, многим было весело, потому что было слышно много смеха и громких разговоров.

Молодой человек закурил, оживился и продолжал:

— Нет, честное слово, мне стало жаль этого вечера, я бросил все и к тебе, Ниночка... Дело даже не в вечере. Дело в том, Ниночка, что я хочу сказать тебе... то есть, мне печего тебе сказать — ты все и так знаешь... Я хотел спросить тебя... Сядем здесь, Ниночка.

Молодые люди зашли в скверик и сели на скамью. Они взглянули друг на друга, молодой человек — растерянно, Ниночка — неопределенно. Она знала уже, о чем он будет говорить, и готовила ответы на вопросы, которые он должен задавать.

— Ниночка,— начал оп,— мы знакомы уже три месяца, встречаемся почти каждый день, и ты заметила, копечно, что... что я люблю тебя.

Нипочка сделала вид, что удивилась, чуть подумала и сделала вид, что обрадовалась, будто бы сразу скрыла эту радость и опустила глаза.

— Люблю,— неестественным голосом повторил молодой человек, воровато оглянулся и продолжал, — с первого вечера, с первого часа...

Оп счел пужным подвинуться к ней ближе, но она сочла пужным сделать обратное.

^— Прошло три месяца,— не упимался оп,— и я хочу знать: любишь ли ты

Ниночка, внимательно паблюдая за носком своего ботинка, которым она с самого начала водила по песку, долго сидела молча, и наконец ее губы прошептали незаменимое «не знаю».

Как не знаешь? — вспылил молодой человек. — Ты знаешь! Скажи откровенно «нет», и я уйду.

Ниночка все это предвидела, но теперь все-таки растерялась и не знала, что делать. Он сам подал ей мысль. «Уйду»,— решила она, по вслух сказала:

- Что ты! Я... Я не знаю.

— Значит, «нет»?

Она встала и быстро ношла из сквера.

- Не ходи за мной, сказала она кокетливо.
- Но я должен знать!
- Я скажу после.
- Когда?
- Завтра.

...Назавтра она вышла замуж за другого, которого наш молодой человек знал, но не думал, что этот другой собирается жениться.

А. Санин

Публикация и текстологическая подготовка О. М. Вампиловой

Геннадий Николаев

ТРЕВОГА АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА

О судьбе Александра Вамнилова невозможно говорить спокойно. Погиб на самом

взлете, в разгар интереснейшей работы, на пороге заслуженной славы...

Одни говорят — рок, судьба. Другие сетуют на слишком холодную воду в Байкале, виня во всем только ее одну. Третьи, то тут, то там вещающие с разиых трибун о некоем «заговоре», о «механизме уничтожения российских талантов», считают, что «Вампилов... погиб, как разведчик в бою. В том поиске, сражении, в котором ногибали писатель Шукшии, поэт Рубцов, художники Васильев и Ионков, критик Селезцев... Вампилов ногиб в самом иачале 3-й мировой войны, которую мы продолжаем вести и сегодия!»

Эти, последние, театроведы и прочие «радетели» за российские таланты, нытаются использовать имя Вампилова в угоду своим черным «коицепциям», чиня произвол над личностью драматурга, игнорирун реальности его жизии, его пристрастия, взгляды, идеа-

Вампилов погиб 17 августа 1972 года, за два дня до своего 35-летня. Моторная лодка, на которой он плыл вместе с приятелем, натолкнулась на топляк и перевернулась. Оба оказались в воде. «Казанка» с полузатопленным носовым отсеком могла удержать только одного. На приятеле были болотные сапоги, на Вампилове — тяжелые туристские ботники, теплая куртка, по он оставил лодку приятелю, поплыл к берегу. Он хорошо плавал и те пятьдесят или чуть больше метров, конечно, одолел бы, но не выдержало сердце — у самого берега.

В тридцать пять не выдержало сердце...

Увы, это закон, подмеченный давным-давио, — в первую очередь не выдерживает сердце у талантливых. А тут трагически сошлись самые разные обстоятельства.

Жестокий штори пакапуие — выиес наверх ивжине холодные слои.

Сыграла свою злую роль и наша вопиющая бесхозяйственность, так называемый молевой сплав леса по Байкалу. Частые штормы разбивают связки бревеи. Озеро буквально кишит опасными топляками. От них страдало и страдает миожество людей, не говоря уж о том вреде, который наносит озеру глиющая древесина.

Накопец, наше потребительское, а точиее — равиодушиое отиошение к талаиту. «Простой» человек платит за равиодушие общества к себе равподушием к обществу, талаит — ранией гибелью. Почему так — попятио. Талаит всегда иов, всегда ие похож иа все, что было до иего. Талаиту иужиа свобода самовыражения, оп должен проявить свою самобытиость. Его пельзя вгопять в накие-либо рамки, давить на пего, запрещать. Талант хрупок. А у иас долгие годы царили административные методы руководства искусством. И соответствующие догмы: обязательный «положительный» герой, арифметический перевес «положительных» пад «отрицательными», пресловутый оптимистический финал. Чуть вышел за рамки — придирки, запреты, предание анафеме. Не всякий талаит мог выстоять.

Отиошение к человеку как к средству, с помощью которого можио построить завод, атомную электростанцию, дамбу, выполнить план, сочинить победный марш, лихую песню, отразить героические будии, распространялось и на писателей. Разумеется, миогие с готовностью откликались на официальные заказы и находили в этом немалую радость,

но каково было тем, чье призвание — не победные марши, не лихие несни и не восневание героических будней? Всномним судьбу Булгакова, Цветаевой, Мандельштама, Ахматовой, Илатонова, Зощенко...

В своих воспоминаниях О. Н. Ефремов пишет: «Пьесы Вампилова в 60-е годы в "Современнике" у миогих не вызвали интереса. Играли Розова, Володина, мечтали уже о "Гамлете", а "завтрашнего" драматурга — просмотрели. Специально это отмечаю, потому что очень распространено миение, что пьесам Вампилова мешали только некоторые не в меру ретивиые чиновники. К сожалению, мешали и стереотипно устроенные наши собственные мозги, ивше, художников театра, сознание того, что все истины уже известны».

Можно понять самокричное и благородное призиание Олега Николаевича, но вряд ли можно согласиться с ним в его как бы невольном занижении роли «некоторых не в меру ретивых чиновников». Увы, не в меру ретивые внесли свою весомую ленту в трагический исход судьбы Вампилова. Об этом свидетельствует перениска драматурга с Е. Л. Якушкиной, опубликованная на страницах «Нового мира». Об этом же свидетельствует и борьба, которая велась вокруг его пьес в Иркутске.

Помию, как в Иркутске после публикации теперь известной всему миру «Утиной охоты» против автора была развернута целая кампания. Его ругали за то, что выведеи ие тот герой, показана не та молодежь, взяты не те проблемы — дескать, сплошное очерянтельство! Произошла типичиейшая для некоторых критиков и людей, управляющих культурой, подмена: в социальной беде, которую отобразил автор, то есть в аполитично-

сти, апатии, безыдейности героя стали винить самого автора!

Но еще более драматически сложилась судьба пьесы «Прошлым летом в Чулимске». В конце 1971 года она была принята редколлегией и поставлена во второй помер альманаха «Сибирь», который издается с периодичиостью один раз в два месяца. В начале апреля 1972 года верстка помера с пьесой Вампилова была передана в Обллит. 17 апрели начальник Обллита Козыдло Н. Г. паправил пьесу в ОК КПСС, сопроводив ее письмом, в котором указывал на «идейную ущербность содержания» и невозможность по этой причине разрешения ее к печати. Пьесу прочитали работники отдела культуры обкома и даже секретарь по идеологии Антипия Е. Н.

Вскоре меия как редактора альманаха пригласили в обком. Когда я вошел в кабинет Аитипина, за длиниым столом совещаний уже сидело несколько человек: работники аппарата и директор Восточно-Сибирского книжного издательства, при котором и существовал наш альманах. Антипин высказал мнение, что пьеса не ивляется идейно ущербиой, но слаба по художественному уровню. Его единодушно поддержали. Я же настанвал на мнении редколлегии и на своем собственном, пытался убедить их, что пьеса талантлива, сделана в чеховской традиции, гуманиа, онтимистична. Я считал, что опубликовать ее просто необходимо. Искреиность моя, видимо, подействовала: Антинии позволил еще раз обсудить пьесу в Союзе писателей с привлечением всех членов редколлегии, в том числе и из Читы (альманах является органом двух писательских организаций: Иркутской и Читипской). Такое обсуждение состоялось 28 июня 1972 года.

Вот иекоторые выдержки из степограммы, представляющие наибольший интерес:

Козыдло Н. Г. Все действие происходит в чайной, герои пьют, ругаются. Это все как-то мрачио. Позвонил Чуркину (директор Восточно-Сибирского книжного издательства.— Г. Н.) — обещал подойти. Время идет — его нет. Позвонил Николаеву — иет дома. Сиова, в четвертый раз, позвонил Чуркину, снова обещал подойти. А мне надо уезжать на коллегию в Москву. Поэтому мною лично верстка пьесы была отправлена в обком партии, в соответствии с установленным порядком. Но, повторяю, упреков в антисоветчине или аполитичности автору пьесы я не делал...

Марк Сергеев (члеи редколлегии, ответственный секретарь Иркутской писательской организации). Думаю, что причина задержки пьесы заключается не в самой пьесе, а во внешник факторах. Я имею в виду ту официальную реакцию на публикацию сатирической комедии В. Ф. Тепдрякова «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» в шестом номере альманаха «Сибирь» за 1971 год. Этот номер вышел в свет с запозданием по независящим от редколлеги причинам, выход его совнал с решением ЦК КПСС по лесной промышленности. Случайное совпадение, а вовсе не целевая публикация, как было замечено с упреком из Москвы. Отсюда и настороженность к пьесе Вампилова... Вампилов по складу своего дарования комедиограф, ему всегда будет трудно... Я думаю, что пьеса достойна публикации.

Валеитин Распутии (члеи редколлегии). Когда речь идет о военных и государственных тайнах, тут все ясно. Но когда речь идет о произведениях искусства, расплывчатость мотивировок иедопустима. Еще важиее ие допускать навешивания ярлыков. А что получается: вы, начальник Обллита, задерживаете произведение, посылаете его в обком, там, естественно, возникает сомиение: раз цензура занодозрила что-то пеладное, значит, действительно что-то не так. И начинают смотреть не по-нормальному, а по-всякому: и кверх ногами, и снизу вверх, и вдоль. И появляется на авторе ярлык: это не простой автор, а автор, чьи произведения снимает цензура. Значит, это не совсем хороший

человек, с ним надо поосторожней. Чем может кончиться такая практика, мы все прекрасно знаем... Жизнь широка, многообразца, почему хотит заставить нас писать одну ее сторону — розовую? Если товарищи, которые делают такие замечания по ньесе Вампилова, называн ее ущербной, обладают правами запрещения, то пусть они сами тогда выпускают альманах — уж они-то не ощибутся. Я считаю, что пьесу... надо печатать... Если и дальше будет повторяться такая практика, то я не считаю возможным учествовать в ред-

Дмитрий Сергеев (член редколлегии). Пьеса кажется мне добротной, светлой, с верной авторской позицией. Нельзя читать произведение с заведомой настороженностью и недоброжелательностью...

Вячеслав III угаев (члея бюро писательской организации). О пьесе: на мой взгляд, в ней есть налишняя графичность, излишняя настойчивость в повторении эпизодов с калиткой. Она кажется мне художественно-сырой, над ней еще надо работать. Но о полнтической или идейной ущербности не может быть и речи...

Несмотря на решение редколлегия опубликовать пьесу в шестом номере 1972 года (в более ранние помера она уже не попадала по чисто техническим причинам, так как каждый помер сдавался в типографию почти аа четыре месяца), начальник Обллита категорически откалался давать разрешение, называя пьесу «художественно-сырой» и ссылаясь на оценку, данную секретарем обкома Е. Антипиным и писателем В. Шугаевым. Тогда я подал запвление об освобождении меня от обизанностей редактора.

В начале яюли 1972 года мы снова пошли в обком. Марка Сергсева и меня принял секретарь обкома Антипип Е. И. Разговор пошел о только что прошедшей расширенной редколлегии, о принятом на ней решении печатать пьесу и упориом нежелании пачальника Облинта пропустить ее в печать. М. Сергеев показал секретарю обкома мое заниление — Евстафий Никитич прочел, усмехнулся, сказал, что мы, дескать, оказываем на него давление. Но на прощанье пообещал содействие,

Однако вплоть до августовских трагических дней разрешение на публикацию пьесы не выдавалось. Вскоре после похорон Вампилова ны с М. Сергеевым снова пошли к Антипиву. Выралив нам свое сочувствие как тонарищам и коллегам Алексапдра Вампилова, Евстафий Никитич сообщил, что договоренность о разрешения пьесы достигнута (после смерти автора!).

Шестой номер альманаха стал мемориальным — кроме пьесы Вампилова «Прошлым летом в Чулимске» в нем были напечатаны его фотография, стихи, посвященные его памяти, статья о его творчестве.

Вампилов, консчио же, знал об этой борьбе, следил за ней, волповался. Снятие пьесы сильно огорчило его. Да это и понятно: в родпом Иркутске, где хотя и ругали, по все-таки печатали, вдруг получить удар в спину, коварный удар...

3а месни до его гибели мы втроем — Bампилов, Γ . Пакулов и н — на той самой алополучной лодые плавали по Байкалу. С 12 по 22 июля, десять дней и почей, вдоль западного побережья, от Листвянки до острова Ольхон и обратио. 700 километров по воде! Иссколько раз натыкались на тоиляки, по чудом удерживались на плаву. Я видел, до какой степени работа и непринтности с пьесой измотали Вампилова. Он старалси не подавать виду, но колоссальное внутреннее наприжение проивлилось в его каком-то нервном стремлении мчаться все вперед и вперед, не обращая внимания на погоду — шторм ли, дождь ли, и на время суток — день ли, ночь ли. Этой лихорадочной гонкой он, казалось, пытался синть напряжение, сбить усталость, развеять все то тягостное, что носил в себе последнее времи. Что-то гнетущее чудилось в его торопливости, в сосредоточенности на какой-то мысли. Он плохо спал, был вспыльчив, хотя прежде отличался завидной выдержкой.

Поездку эту я описал в своих воспоминаниях («Звезда», 1980, № 6), но сегодин хочется напомнить конструкторам умозрительных и отиюдь не безобидных «механизмов уничтожения российских талантов» один эпнзод из этой поездки.

«В ту ночь мы говорили о звездах, вернее, говорили обо всем на свете, по разговор наш освещался авездами, я мы невольно то и дело возвращались к ням как к исходной первооснове всего бытия. Он снова вспомпил про коллапс. Я стал рассказывать ... все, что сам анал из популярной литературы. Вампилов эти вещи глубоко чувствовал, ибо сказал примерно следующее: есть медяцияский коллапс, есть астрономический, но, видимо, есть и коллапс человеческой души — это когда вдруг, вроде бы пи с того ни с сего, человек превращается в подонка, в аверя. Мы заговорили о Раскольникове как литературном примере духовного колланса. Вспомнили и Карамазовых, Потом дошла очерель и до Зилова. Вампилов признал, что с точки арения «гипотезы» коллапса оп не довел своего Зилова до криаиса, а лишь проследил подход Зилова к нему... Нам было очевидно, что коллапс единичной души тоже очень страшен — тем, что может вызвать ценную реакцию, как это

186

случилось, скажем, в Германии в годы фацизма... Мысль его упорио пробивалась к этой главной болевой точке современности...»

Болевой точке 70-х и тем более - 90-х!

Главцан тревога Вамиилова в главцой его пьесе «Утинан охота» заключена, на мой взглял, в том, что Зидов как типичное явление времени пуст, живет без Идеи, без высокого смысла, как насекомое. Ридом с «пустым» Зиловым Вампилов прозорливо разглидел зловещую фигуру официанта с его механической готовностью быть палачом. Этой весьма символичной паре 70-х годов не хватало плеолога. Пуша Зилова образца 90-х так же пуста и открыта для заполнения, как и душа Зилова образца 70-х. Но сегодня объявились «идеодоги» — не идении ли «спасения» России от «жидо-масонских ааговорщиков» уже наполцена душа Зялова 90-х? Официант Дима и «наполненный» Зялов — подходящие кадры для экстремистов «Памяти»...

Критики, занимающиеся творчеством Вампилова, как мне кажется, не учитывают или не хотят учитывать главного — того, что Вампилов был человеком высокого общественно-

Вглядывансь в произлое, отчетливо понимаю наше состояние тех дет. Да, комечно, носле ХХ и ХХП съездов партии мы были в смятении от приоткрывшихся масштабов сталинского, партийного произвола. Расхождение между Идеалом и действительностью переживалось каждым по-разному, по каждый в той или иной форме пытался говорить об этой своей тревоге. Вамиилов нашел Зплова — человека, утратившего общественный Идеал и давшего цинизму почти полностью аавладеть душой. Вампилов потому-то и заметил, изобразил с такой тревожной силой «пустого» Зилова, забил тревогу, что сам носил этот Идеал в своем сердце. Сохранил!

Па, сохрания, потому что судьба досталась ему трудная изначально, вместе с зпохой. 1937 год — год его рожденин — стал годом утраты отца в период репрессий. Потом война; провернла осиротевшую многодетную семью Вампиловых на нравственную и физическую стойкость. Анастасия Проконьевна Копылова-Вампилова вырастила и воспитала троях добрых умных детей: Галину (она — педагог), Миханла (он — геолог) и Александра. И это в Сибири, в тех самых местах, где отбывали бессрочную сибирскую ссылку лекабристы, а вслед за ними — следующие поколения мятежников. Сибирь напитала его духом Правды, Протеста, Сопротивления, приавала в Литературу, сделала

Гражданином.

Сын бурнта и руссьой, интеллигент в третьем поколения (из учительского куста), он был противником любого национализма. Оп был интернационалистом — и по рождению, и по воспитанию, и по убеждениям. Его интернационализм проявлялся и в отношениях с людьми, и в выборе друзей, и в творчестве. И как бы ни пытались некоторые театроведы, публично проповедующие «3-ю мировую войну» (какую? националистическую?) у нас в страие, выстраивать ушедших из жизии российских художников в мрачные колонны под свои сомпительные знамена, пичего у них не получается — ни Вампилов, ин Рубцов, ин Шувшии инбав не объедицяются в «разведроту», у каждого своя судьба, своя дорога и своя смерть. Их действительно объединяет, но уже отъединенное от них самих, служеине людям во второй их жизии — через искусство, которым они одарили мир. Объединяет как художников-гуманистов, вошедших в национальную и общечеловеческую культуру каждый со своей болью, со своей страстью, со своим талантом. И со своей тревогой.

Евгений Голлербах

APPASSIONATO

Ленин как читатель Гумилева

«APPASSIONATO (итал.) - в музыке значит страстно, живо».

Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1912 год

Из множества легенд, окружающих и, возможио, создающих для нае образ Николая Гумилева, особенио интереена такая. Августовской ночью двадцать первого года нарком Лупачарский, извещенный о вынесениом позту емертном приговоре, позвонил Ленниу — е просьбой о помиловании. Ответом ему было молчание вождя. После продолжительной паузы веринитель судеб произнее: «Мы не можем целовать руку, поднятую против нас», — и повееил трубку 1.

Эта легеида, как и множество ей подобиых, подозрительно краеива, — ио отличаетея от прочих тем, что она еще и правдоподобиа, нбо исходит из авторитетного иеточиика. Когда размышляещь над этим евидетельством, возинкает иесколько вопросов — и есть среди них такой: чем объяещить замещательство вождя?

Вопрос ие праздный: особое значение темы «поэт и царь» в русской культурной традиции заставляет нас задавать его и настойчиво искать на него ответ. Попробуем же реконструировать старый механизм и внимательно разобраться в мотивах, определявших поступки людей, чьи дела и судьбы небезразличны нам сегодия.

1

Это были разные люди.

Истово верующий христиании Гумилев — и воинствующий безбожник Ульянов ². Хилый ребенок, бредивний наяву и «словом останавливавший дождь»,— и крепышволгарь, оптимист и конкретист, подлииное воплощение жизненной сметки. Тихий двоечиик Гумилев — и круглый отличиик Ульянов. Убежденный монархист-консерватор — и страстный социал-реформатор. Мрачный поэт — и смешливый Ильич. Патриот, ради защиты Отечества сумевший превозмочь даже свое природное косоглазие, — и отиюдь не идеологический диверсант, заброшенный на родные просторы враждебной державой. Равнодушный к мелосу Гумилев — и музыкальный Ленин, содрогавшийся от звуков «Аппассионаты». Утоиченный модернист, литератор-европеист Гумилев — и Лении, горячий поклопник Серафимовича, Бедиого, Чериышевского. Абсолютно разные человеческие индивидуальности — кажется, в них различно все: характеры, взгляды, способности, предпочтения...

И в этих различиях не было бы ровным счетом иичего замечательного — мало ли на свете разпых людей, — если бы первый не был крупнейшим поэтом России, а второй — ее ликтатором.

Поэт и царь. В нашем случае им было б лучше не встречаться.

Еагений Александрович Голлербах (род. в 1963 г.) — филолог. Печатался а «Искусстве Ленинграда», «Русской литературе», «Звезде». Живет в Ленинграде.

Они и не встретились. В фундаментальной многотомной «Биографической хронике» Ленина имя Гумилева не названо ни разу. Пет сведений о личном знакомстве вождя с поэтом ни в одном из известных восноминаний современников. Даже в опубликованных трудах Ленина — по свидетельству Крупской, точнейшем отражении жизненных и литературных впечатлений Ильича. — нет ни одного уноминанин о Гумилеве. Тогда, может быть, странное молчание Ленина в почном разговоре с Луначарским этим и объясниется — он просто ие знал названного ему имени?

2

В кремлевской библиотеке Ленииа — обшириом книжном собрании, включающем 8450 единиц хранения, — собрании, по которому можно с большой точностью реконструировать круг чтения вождя в последиие годы его жизии, — есть несколько работ Гумилева. И можио считать, что это именно тот максимум текстов, по которым Лении имел возможность получить свое собственное представление о личности и даровании Гумилева. Что же это за тексты?

Во-первых, гржебинский, двадцать первого года, том «Избранных сочинений» А. К. Толстого — киига, вышедшая под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями Гумилева ³. Ленин ценил Толстого, исоднократно перечитывал его и поэтому поотоянно держал киижку под рукой — в кабинете, среди любимых кииг.

Если даже предположить, что Лепин, читая Толстого, обратил внимаяие на фамилию редактора, — это, коиечно, не повод говорить о знакомстве Лепина с творчеством поэта, потому что тексты Гумилева в даином издании имеют сугубо справочный характер: «Вступление» представляет собой во всех отношенинх нейтральную краткую справку о жизии писателя, а комментарии — минимальный набор необходимых для малосведущего в исторических вопросах читателя сведений. По этой работе Гумилева невозможно составить внечатление о его творческих и ндеологических принципах.

Значительно больше дает читателю знакомство с двумя другими книгами, имеющими иепосредетвенное отношение к имени Гумилева, — «Избранные стихи» Теофиля Готье, с блиетательной и принципиально важной етатьей Гумилева ⁴, и, особению, гумилевские «Пиеьма о русской поззин», также включившие в еебя названную статью о Готье ⁵. Но обе эти публикации — посмертные, вышедшие в евет в 1923 году, то ееть много времени епустя поеле кровавой развязки, и, еетеетвению, Лении к 1921 году ие мог читать упомянутые текеты, кроме как по их первоначальным публикациям в модеринетекой периодике, за которой он никогда ие следил.

Есть основания полагать, что две последние книги не были прочитаны и в 1923 году. Весиой, и особенно в декабре 1922 года, состониие здоровья лидера сильио ухудинилось, и весь оставшийся год его жизии являл собой затянувшуюся агонию.

Правда, еоглаено утверждению официальных биографов Леинпа, ои вее равно продолжал еледить за иовииками текущей литературы. Известно, одпако, что в этот период ленинская «епособиость к чтению (...) была минимальна» ⁶. Едва ли больной непользовал ее на знакомство с Гумилевым.

Обе поемертные кинги писателя, согласио сведениям Книжной палаты, вышли в свет почти одновременио — в конце января и начале февраля 1923 года. Это времи приходится как раз на период относительного улучшения состояния больного, что несколько повышает вероятность запоздалого знакомства Ильича с творчеством расстрелянного писателя. Но не намного.

Во-первых, по утверждению авторитетных специалистов, углубленно занимавшихся изучением леиинского чтения, «Ленин-читатель — почти всегда с караидашом в руках» 7. Эту привычку и (частичную) способность он сохранял также и в последний период жиз-ии. Потому его пометки обиаруживаются на всем, к чему он как читатель имел какое-либо отношение. Но несмотря на продолжительное и интенсивное изучение исследователями вопроса о ленииских маргиналиях, никаких пометок на двух гумилевских книгах не обнаружено.

Во-вторых, как свидетельствует «Бнографическая хроника», круг литературных предпочтений Ленина и в последний период его сознательной жизни существенно не измечился: литературная критика вообще, а литературная критика писателей-модеринстов в особенности, в этот круг инкогда не входила ⁸.

И в-третьих, в краткий период относительного улучшения своего состояния Ленин был заият значительно более важными для иего вещами: с номощью стенографистки он реорганизовывал Рабкрии, и эта работа требовала от больного больной сосредоточенности имению иа проблеме Рабкрина, и ин на чем другом, — Гумилев же на эту тему не успел, как известио, написать инчего.

Таким образом, малопоказательная работа Гумилева об А. К. Толстом осталась, повидимому, единственным его текстом, известным вождю вообще и к авгуету 1921 года в частиости, когда ему предстояло решить судьбу поэта.

Не обязательно, одиако, читать книги писателя для того, чтобы иметь обисе представление о его творчестве, ибо существуют литературные репутации — так сказать, народные образы писателей, — которые нередко замениют читателим знакомство с текстами определенных авторов.

Но сколь многообразно общество, столь же многообразны могут быть в различных его стратах литературные репутации. И если для просвещенной публики обеих столиц Гумилев являлся фигурой первой величны (это полаолило, импример, Г. Иванову говорить о Гумилеве как об «одной из центральных и определеннейших фигур современной русской поэлии», о «прочном авторитете» его имейн «у широкого круга читателей» ⁹), то коммунистическая верхушка пролетарского государства вполие могла придержнааться вного мнения.

Каким же оно должно было быть у Лепина?

Первым и, не исключено, основным источником его представлений о Гумилеве была литература по теме, а именио — те печатиые критические отзывы о творчестве поэта, которые были известны или наиболее доступны Ленпиу.

К числу таких отиосится книга «Новейшая русская литература» В. Львова-Рогачевского (М., 1919), хранящаяся а кремлевской библиотеке вождя 10. Львов-Рогачевский, хотя нередко и отклонялся в своем творчестве от генеральной лиини партии большевиков, являлся все же, по-видимому, тем автором, которому Ленин был склоиен доверять в вопросах литературы как старому социал-демократу и литератору-маркенсту одного с ним прилыва.

В названной книге выскалывается с тержанно-отрицательная оценка таорчества всех «макоа и орхидей поаой поэзии», заботливо выращиваемых господами Рибушийским и Полнковым — в том числе и Гумилева ¹¹. Характеризуя акменстическое направление, Львов-Рогачевский определнет его в целом как явление малолиачительное, ио обладающее при этом миогичи отрицательными чертами: анемичиостью, натуралистичиостью, заметной иепоследовательностью, неактуальностью, отстраненностью от важных проблем текущего дия. белыдейностью и т. и. «Новый Адам пришел в этот мир в XX столетии, когда вокруг книнт борьба, когда подинмаются новые волиы праведного гнева, пришел, — и... вечего ему сказать», — уличает критик приверженцев новой школы. Родовые грехи направления, считает Львов-Рогачевский, отразились и в стихах Гумилева («холодны и мертвы "Жемчуга" И. Гумилева, неприветливо его "Чужое небо"» ¹²). Резюмируя свою критику акменяма, Львов-Рогачевский заключает: «Наследники символнстои оказались полади своих отцов и не сумели учесть их поучительный опыт» ¹³.

При этом автор весьма сдержанию оценивает роль Гумилева в анализируемом поэтическом направления: значительно более крупной фигурой ему представляется С. Городецкий, на цитатах из которого и строится старым демократом весь очерк о группе акменстов.

Таким образом, читатель, полагающийся на экспертные оценки Львова-Рогачевского, должои был бы определить для себя Гумилева как второстененного поэта второстененной поэтической группировки — малочислениой, для литературы незначительной и очень кратковременной (по Рогачевскому, «быстро промелькиувшей группки» ¹⁴).

Столь иезначительное имя могло и ие лапечатлеться в плияти Леиина. Поэтому вероятяю, что, желан навестн справки о Гумилево в 1921 году, оп мог прибегнуть к справочной литературе, находиашейся в его распоряжении. К таким изданиям Лении всегда испытывал большое уважение и витерес. В. Боич-Брусеич зафиксировал эту лециискую привязанность («интерес Владимира Ильича ко всякого рода словарно-справочной литературе вообще был очень силен» 15) и поделился конкретным воспоминанием, подтверждающим это: «В коице июия 1920 г. в кабинет председателя Совнаркома был доставлен "Новый зициклопедический словарь" Брокгауза и Ефрона, который Владимир Ильич иередко рассматривал, прочитывал и подробно знакомился со статьями, всегда выражая надежду, что наступит время, когда нам удастся выпустить такую же прекрасиую эпциклопедию, но написанную с марксистской точки зрения» 16. Иззванное мемуаристом издание постоянно находилось в ленинском кабинете и служило вождю оснопным справочным пособием по разным вопросам, лежащим за пределами его компетенции.

В «Новом энциклопедическом словаре», как и в «Энциклопедическом словаре Русского библиографического института Гранат» (также имевшемся у Лепина) пет специальной статьи, посвященной Гумилеву (и это могло подтвердить для Ленина вывод о пелначительности поэта, сделанный Львовым-Рогачевским). Но есть в этих изданиях другие статьи, посвященные современной литературе и написанные хотя и не с марксистских еще, но со специфических традиционалистских позиций,— такие, как, папример, «Декадентство» 17. Чтение этих статей никак не помогло бы Ленину понять гумилевские прииципы, а, ваоборот, должно было еще раз убедить его в правильности собственных.

В любимом словаре Ленина нет и статьи об акмеизме, но есть друган, иа которую, без сомнения, мог обратить внимание Ильич, рыщущий по книжным страницам в ноисках

сведений об арестованиом литераторе: «Акме — период расцвета организма или группы животных; период наивысшего развития болелни и т. п.» 18.

Прочитав такое, Ильич должен был захлопиуть том и прекратить поиски.

4

Впрочем, оставалась у Ленина еще одна возможность осведомиться о Гумилеве: расспросить товарищей, прокоисультироваться с теми из ближайшего окружения, кто пользовался доверием.

Что они ему ответили бы?

Известно, что революционеры из ленниской когорты, в большинстве своем, не были читателями и ценителями современной лирики 19. Железный Юзик, Серго, Коба жили простой и суровой жизиью, остввлившей слишком мало возможностей для изучения изящной словесности, и муза Эрато редко навещала нх тесный кружок, — а когда она являлась им, они развлекали ее «Варшавянкой» и только, может быть, кто-то, из отчаниных, декламировал ей «Интернационал» А. Я. Коца.

Было, одиако, в их компании иесколько знатоков литературной современности. Прежде всего — интеллигентнейший нарком Луначарский, но к его мнению, как мы уже знаем, Лении не стал прислушиваться. Из оставшихся вероятных советников вождя вспомним Троцкого и Бухарина, которые лучше других ориентировались в ситуации и.

конечио, имели что скалать о Гумилеве.

Об отиошении этих двух «литературных референтов» Ленина к Гумилеву мы можем судить по их выступлениям в печати на интересующую нас тему. Точка зрения Троцкого на «вие-октябрьскую литературу» и, в частиости, на творчество авторов гумилевского круга (хотя и без упоминания имени метра) обстоятельно выражена в одной из его наиболее значительных статей этого периода, специально посвищенных «литературному вопросу», -- «Вие-октибрьская литература» 20. Подробно обозревая современную ему русскую литературную панораму, Троциий делает выводы, совпадающие с мнением Львова-Рогачевского: на его взгляд, вся иесоветская литература «сплошь эпигоиствениа, поражена бледиой немочью». Художинков на гумилевского «Цеха поэтов» ои характериаует следующим образом: «⟨...⟩ они не творцы жизни, не участинки в созидании ее чувств и иастроений, а запоздалые непкосииматели, эпигоны чужою кровью созданиых культур. Оии - образованные и даже изысканные ямитаторы, начитанные, даже одаренные звукоподражатели — и ие более того» ²¹. Говори о крови, Троцкий, однако, имеет в виду ие расстреляниого за год до появления цитируемой публикации Гумилева. Покойный поэт в представлении наркома — гипичный представитель презираемой им «вие-октибрьской литературы».

В другой своей статье этого времени, посвящениой критике творчества А. Блока, Тронкий упоминает Гумилева — и лишь для того, чтобы сообщить: Блок «откровению зевал над Гумилевым», а те из читателей, которые не могли поиять такого отношения одного кумира к другому, — «благоговейные тупицы» ²². Красноречивый фрагмент.

Совершенно ясло, что человек, столь сурово оценивающий родиую словесность н откровенно выражающий при этом свои симпвтии к «гвоздевому сапогу», давящему ее, ие стал бы в приватном разговоре с единомышлонником авступаться за арестованиого

н обвиненного в контрреволюции писателя.

Более либералей в оценке творчества Гумилева Бухарии: несколько лет спусти, выступан на первом съезде Союзв советских писателей, он пространио цитировал строки из «Огиенного столпа» ²³ — что, безусловио, можио расцениввть не только как демоистрацию его знакомства с текстами поэта, ио и как изънвление определенной симпатии к ним. Однако стихи Гумилева Бухирии цитировал со значением — как талаитливый образец идеологически чуждой советской литературе «буржуваной поэтики». И, таким образом, показал себи в этом вопросе верным лениицем — догматиком, воспринимающим литературу через призму коммунистической идеологии.

Как бы то ин было, о бухарииском заступиичестве в 1921 году за арестованного Гумилевв история умалчивает, и даже если опо было — конечный итог сюжета пам известеи: Леиин лично отдал прикаа об убийстве писателя. Судьбы поэта и царя пересеклись,

и царь уничтожил поэта.

5

Итак: Ленин не знал Гумилева. Лении не цеиил Гумилева. И Ленин уничтожил Гумилева. Уничтожил, как бдительный садовник уничтожает вредный злак в своем саду. Лении уничтожил многих, и Гумилев был лишь одной из его жертв. Едва ли чем-то особенной: не знал Ленин, на что он поднимал руку.

Вопреки распространенному в советском лениноведении мнению, вождь не так уж «винмательно следил за развитием молодой советской литературы» 24 — не было ни вре-

мени, ни интереса, ни квалификации, ни способиости. Ленин был человеком с весьма ограниченным кругозором и очень плохо разбирался в изящных искусствах. Не любил сумбура — не талаит, ие художественность, ие точность и не своеобразие привлекали его в литературном произведении, а узко понимаемая «польза» и простота. Лучшим выражением пользы и простоты в советской поэзии, а потому любимым и просто лучшим для Ленина было творчество куплетиста Демьяна Бедного, и совершенно не переносил он «тарарабумбию» и «сверх-естественную чепуху» более серьезных авторов ²⁵. Из-за этого слишком многое в современной ему литературе он пропустил, многого не увидел.

И, быть может, главное, чего он не увидел, — поэзии Николая Гумилева, уникального и плодотвориейшего явления новейшей русской — теперь уже советской — литературы. Не сорняк был это, а росток нового дерева. И дерево это все равно выросло, когда не стало

Ильича.

Весьма вероятно, что когда Гумилев пачинал свой путь в литературе, конквистадоры для него были лишь разновидностью «канаидера», загадочным символом иной жизии — и иичем больше. Естественная для подростка тоска о иеземном, реализованная незаурядным талантом в стихотворные строки, проявилась в героике, экзотизме и несколько архаичиой эмблематике первого сборника Гумилева. Но скрипичная мелодия мальчика поразнтельным образом совпала с грозной музыкой яадвигающейся зпохи, и жизненный коитекст актуализировал детские романтические мечты о заморском «канаидере» ²⁶. Осиовными мотивами поэзии Гумилева стали мрачиая героика, мощный пафос преобразующего освоения и покорения мира, презрение к простым человеческим переживаниям и чувствам — всему тому, что он сам определял как «неврастепию», — и отвергание их, а взамен — воспевание воинской доблести как высшего смысла человечьего бытия, иасилия как красоты.

Не биологического человека, презираемого за «баиальность» и «незначительность» его переживаний, повседневных мыслей и проблем, выбрал своим героем Гумилев, а обласканного и мпогократно запечатленного уже к тому времени во множестве книг Человека, матерого Человечища, — мифологическое существо, имеющее мало общего с кем бы то ни было из земпых существ. Этот Человек покоряет мир, и природа, словпо отвергиутая царица, в бессилии бъется у иог сурового победителя.

Не в созерцании и эмоциональном освоении мелочей повседневного бытия, а в порабощении и преодолении всего сущего заключен освовной пафос гумилевского творчества. Не

мир, но меч чесет поэт, не покой, а бой радует его.

«Пзбранник свободы», Гумилев сам оказался не свободным от множества вещей — и в том числе от банального «пицшеанства», от всего комплекса связанных с ним идей, бывшего в начале века составляющей частью русского массового сознания (что, например, наглядно иллюстрирует творчество волжского босяка Максима Горького). Иден сверхчеловска, сильной личности, преобразующей мир в соответствии с собственными представленнями о нем, находят адекватное выражение и в поэзии Гумилева. Неудивительно, что в сознании читателя-современника поэт запечатлелся как поэт-вони, нассионарий, высокомерно отвергающий сумятицу простого бытия.

Копечно, у Гумилева есть не только это. Но это - основное.

Ментальность, запечатленная в стихах Гумилева, очень сходна с революционным миросознанием — и это тот вывод, который парадоксальным образом подтверждает один из немногих литературоведческих постулатов Ленина. Художник, как бы он ни относился к современности, всегда отражает в своем творчестве состояние окружающего мира. Настоящий поэт, Гумилев сумел уловить главный смысл происходивших мировых изменений, опасное (по тем и притягательное для него) ужесточение ритмов наступавшей жизни, сумел сформулировать новые приоритеты человеческого сообщества и национальные приоритеты — и выразить все это в замечательной художественной форме.

Гумилев первым примерил солдатскую шипель, в которую потом облачилась вся наша

литература, и сделал он это - не забудем - по собственной воле.

Стоит усомпиться в позднем свидетельстве Ахматовой о «ненависти» Гумилева к своим блистательным «Капитапам» ²⁷ — стихи эти, по праву считающиеся одной из вершин гумилевской поззии, полноценно выражают основные мотивы всего остального творчества поэта и являются подлинной квинтэссенцией его индивидуальности. Капитаны и конквистадоры — пастоящие герои Гумилева, и таковыми они иавсегда остались для самого автора, для его читателей и последователей.

Быть может, сам Гумилев ужаспулся бы, узнав, кто стал его последователем и что стали провозглашать после его расстрела его ученики,— и тем пе менее, пеопровержимым фактом является то, что панболее мощное развитие его линия получила именно в условнях советской диктатуры, а самыми пламенными адептами гумилевского творчества (при отказе от пекоторых его идеологических ингредиентов) оказались комсомольские поэты ²⁸. Молодость училась у Гумплева, и в ее новой поэзии очень скоро уже было невозмож ио разобрать, где копчается военный марш и начинается «Марш энтузнастов».

Название марша не имеет значения для тех, кто марширует.

Комиссарам полюбился Гумплев. И все же утверждение, что поэт является своеобразным выразителем коммунистического миросознания, не внолне прапочерно (хотя резоны для этого, как уже сказано аыше, достаточно веские). В этом убеждает изучение такой мало известной проблемы, как «Гумилев и фациям».

В СССР официальный взгляд на Гумилева как на фашистского писателя вполие определился уже к концу двадцатых годов ²⁹ и был окончательно сформулирован Карлом Радеком в 1934 году: «Могут быть очень талантливые писатели, которые выразят в образах мечту фашистского головореза (...), и это, может быть, будет большим художественным произведением. Мы имели такого писателя в России — Гумилева» ³⁰.

Это можно было бы принять за обычную пропагандистскую спекуляцию, если бы уже в это время имя Гумилева не стало использоваться нацистскими пропагандистами.

В немалой степени эта активность объясияется трагической смертью Гумилева от рук коммунистов. Но не только. «Как привлекательна фигура Гумилева! — восклицал один из авторов. — Как он мужествен и мудр! Среди почти повального демократически-социалистического безумия, господствовавшего в предреволюционном русском обществе, окружениый пустыми мечтателями, фанатиками лжи, болтунами, певрастениками, Гумилев смело ищет красоту жизни, восхищается грозпым величием природы, размышляет о Боге, открыто показывает любовь к своему государю и к своей родине. Как верный наладин, он защищает русскую культуру от нападений со всех сторон, от заобных ударов писаревскогорьковского революционно-хулиганствующего ингилизма (...). Талантливый поэт был прежде всего неустрашимым бойцом. Формально — председатель Петроградского союза поэтов, он вел в действительности крупную поднольную антибольшевистскую работу» 31.

В этой характеристике, кажется, все верпо, и все сполна подтверждается гумилевскими текстами. Иоэтический образ Гумилева, старательно созданный самим поэтом, очень удачно вписался в мифологему гитлеровской пропаганды, и не просто вписался, по и,

похоже, действительно соответствовал ей.

Другой автор нисал: «Сейчас, когда все подлинно русские люди по ту и по эту сторопу фронта с истернением ждут окончательной гибели ненавистного большевизма, когда подходит время решительной борьбы за Новую Россию, стихи Инколая Гумилева звучат для нас с новой силой. Нам дорога мужественная поступь его зрелого стиха, смелое разрешение лирического сюжета и, прежде всего, его постоянный страстный призыв к дерзновениому героизму (...). Не хочется верить, что есть еще маленькие и пичтожные душонки, предпочитающие отсиживаться где-то в стороне от великих наших дней:

Пеужель хоть одна есть крыса В грязной кухие иль червь в поре, Хоть один беззубый и лысый П номешанный на добре, Что не слышит песеи Улисса, Призывающего к игре?

⟨...⟩ Сегодия нам гораздо ближе и понятнее его простые, зрелые строки о любимой родине, о России. В "Колчане" Николая Гумилева мы находим стрелы, которые разят врага не хуже самолетов и танков» ³².

Да, в этих и других подобных газетных текстах стихи Гумилева не просто «кстати цитируются» — они идеологически соответствуют им. Как ин прискорбно, гумилевские цитаты в коричневой периодике ничуть не менее естественны, чем в красной печати предшествовавших лет.

«Трудно связать с именем Гумплева идейные искания»,— заметил один на современников поэта ³³. Это верно, по верно и то, что поэзня Гумплева идеологична: мировоззрение поэта запечатлено в его творчестве как статичный комплекс идей, имеющих песомпенное пропагандистское значение. Гумилев редко ищет, гораздо чаще излагает сумму хорошо усвоенных правил поведения, излагает просто и решительно, в явном расчете на читателя, который сам не знает, что делать ³⁴.

Идеологичность, телеологичность, дидактичность, национализм, героичность, патетика и подкупающая простота философии и языка — характерные черты поэзни Гумилева, и эти черты долгое время импонировали читателям по обе стороны всех фронтов. Стрелы из «Колчана» летели в обе стороны.

И по обе стороны лилась кровь.

Лишь одни вывод можно сделать из сказанного. Не коммунизм и не фашизм проповедовал Гумилев. Это был первый поэт тоталитарной эпохи, а потому по праву может быть иззван отцом русского тот-арта — главного искусства советского времени.

Лении убил Гумилева, не узнав в нем лучшего певца грядущего века. Царь был злодеем. Но ои был иародиым царем. А поэт был народным поэтом.

УСм.: Петрановский Виталий, Зобини Юрий. «Поэт и вождь», «Смена», Л., 1990, 24 августа, с. 4 (приводится свидетельство А. Э. Колбановского — секретаря А. В. Луначарского).

² Здесь и далее подтверждающие ссылки на мемуарные источники не приводятся ввиду об-

шеизвестиости последних.

См.: «Библиотека В. И. Ленииа в Кремле». Каталог. М., 1961, с. 504. № 6223.

⁴ Там же, с. 513. № 6398. 5 Там же, с. 482. № 5819.

6 Нетреико Н. «Леини в Горках — болезиь и смерть» (Источвиковедческие заметки). «Минувшее». Исторический альманах. Вып. 2, Paris, 1986, c. 163.

Зильберштейн И. «Зарубежная библиотена Ленина». «За рубежом», 1933, 25 инва-

ря, № 3, с. 6. Исчерпывающая характеристикв традициониых читательских интересов Леиниа содержится в целом ряде публикаций по теме, изпример: III аранов Ю. П. «Лении как читатель», Изд. 3-е, доп. М., 1990, с. 9—50; Абрам о в К. И. «Ленин как читатель библиотек». М., 1977, c. 3-4.

9 Иванов Георгий, [Вступит, статья]. Гумилев Н. С. «Письма о русской поэзия».

Hr., 1923, c. 6-7.

Обложечное заглавие: Львов-Рогачевский В. «Очерки по истории иовейшей русской литературы»: (1881—1919 гг.). М., 1920. См.: «Библиотека В. И. Ленина в Кремле», с. 486. № 5879. ¹¹ Львов - Рогачевский В. Указ. соч.,

с. 124. ¹² Там же, с. 139.

¹³ Там же, с. 140. ¹⁴ Там же, с. 140.

15 Боич-Бруевич Влад. «Пометки-Леинна на "Книжной летописи" 1917, 1918 и 1919 гг.». «Литературное наследство». Ки. 7/8. М., 1933, с. 406. ¹⁶ Там же. с. 404.

17 Коган П. «Декадентство». «Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат», т. 18. М., 1913, стлб. 154-

158.

18 Новый зициклопедические словарь. Под общей редакцией К. К. Арсеньева, т. 1, СПб.,

1912, стлб. 713.

19 Ср. со следующим свидетельством ииформироваиного современника: «(...) большинство ленииского окружения, не отличавшееся интеллектуальными качествами, придерживалось леницского мнения о необходимости упрощения форм искусства и требовало, чтобы все виды искусства стали доступны пониманию "нироких народиых масс". Восставая против формальных искательств, марксисты-ленинцы сводили искусство к вульгарному реализму "вериого отображения светлой советской действительности"» (Аниеиков Ю. «Мейерхольд». «Новый журнал», кя. 72, Нью-Йорк, 1963, с. 152—153).

Тооциий Л. «Вие-октябрыская литература». «Петроградская правда», 1922, 19 сентнбря, № 210, с. 2—3; 21 сентибря, № 212, с. 2—3. Там же, 21 сентября, № 212, с. 3.

²² Цит. по: Троцкий Л. «Литература в революция». М., 1923, с. 84.

См.: Бухарии Н. И. «О поззни, поэтике и авдачах поэтического творчества в СССР». «Первый Всесоюзный съезд советских писателей». Стенографический отчет. М., 1934, с. 480 -

481.
²⁴ Виноградов Л. К., Панков Б. В., Бессонова А. Ф. [Вступит. статья] «Библиотека В. И. Ленииа в Кремле», с. 24.

²⁵ См., иапример: Бонч-Бруевич Вл. «Ленин о поэзии: набросок на воспомнианий». «На литературиом посту», 1931, № 4, с. 7.

²⁶ Примечательиа, скажем, такая перекличка между раиними стихами Гумилева и реальностью 1917 года, запечатленная современником: «С Финляндского вокзала въехал в Петроград ие революционер даже, а фанатический конквистадор, думавший ие о народном благе, а о завоевании всего мира (...). И с первого жо его выступления явао "запахло серой"». (Рафальскии Сергей, «Их памяти». Статын. Париж, 1987, с. 91).

См.: «Самый непрочитанный поэт». Заметки Анны Ахматовой о Николае Гумилеве. (Подготовка текста К. Н. Суворовой, вступит. заметка, сост. и прим. В. А. Черных), «Новый

мир», 1990, № 5, с. 223.

Существует общирнаи литература из эту тему, в связи с чем коикретиую аргументацию позиции опускаю и отсылаю читателя к вубликациям по даиному вопросу. Весьма обстоятельны и интересны следующие работы: «Дру-зии В. «Кризие в позави». «Жизнь искусства», 1929, 7 апреля, № 15 (1335), с. 6; 3 елинский Кориелий. «Кентавр революции» (О Владимире Луговском). «На литературиом посту», 1929, № 6, с. 46, 49; Оксенов И. «Советскан поззия и наследство акмеизма». «Литературный Ленингряд», 1934, 26 мая, № 24 (46), с. 3; Поступальский И. «Но прямой дороге». «На литературном посту», 1929, № 23, с. 67--74; Рыкова Н. «Элуард Багрицкий». «На литературном посту», 1929, № 13, с. 64-68; Степаи о в Н. «Позтическое иаследие акменэма». «Литературный Леиннград», 1934, 20 сентября, № 48 (70), с. 3; и многие другие.

См.: Бескин О. «Гумилев Николай Степаиович». «Литературнаи энциклопедия», т. 3,

М., 1930, стлб. 81-86.

Радек К. Б. «Современная мировая литература и задачи пролетарского искусства». «Первый Всесоюзный съезд советских писателей», с. 307.

³¹ Балясный Аидрей. «Опоззии Н. Гумидева», «Молва», Одесса, 1944, 14 января,

№ 331, c. 2.

Шматов Г. «О доблестях, о подвигах, о славе» (Ко дию смерти Николая Гумилева). «Заря», Берлии, 1943, 1 сеитября, № 69, с. 4. «Вестиик литературы», 1921, № 10(34),

Ср. со свидетельством Н. Оцупа: «Потребность распространять приобретенные знаиия, "уча учиться" и даже просто учительствовать была (...) очень сильиа у Гумилева» (О цуп Николай. [Вступит. статья] Гумилев Н. «Избраниое», Paris, 1959, с. 15.).

Кейс Верхейл

КАЛЬВИНИЗМ, ПОЭЗИЯ И ЖИВОПИСЬ

Об одном стихотворении И. Бродского

Судя по тематике его стихов и прозы, можно скалать, что есть голландский Бродский, равно как есть и апглийский, американский, итвльянский, французский, литовский, мексиканский, китайский и, разумеется, также русский Бродский.

Существование голландского Бродского иеудивительно ввиду того, что поэт родился и первые тридцать два года своей жизни нровел в городе, созданном плотииком из Сардама, - в городе, где современный человек из Амстердама не может чувствовать себя на чужбине, хотя бы потому, что я сго пределах находится место с названием Новаи Голландия.

Не хочу задерживать читатели перечием всех голландских мотивов и ассоцианий, которые можно наметить в творчестве Бродского любых периодов. Остановлюсь всего лишь на двух более общих чертах его поэзии и пролы, так или имаче теспо связанных с представлениями о моей страие.

В критической литературе о Бродском пока еще мало замечено, что поэт в своих эссе иесколько раз выражал свою особеиную симпатию к кальвиныму как той форме христивиства, которая ему, кажется, больше по душе, чем православие, католичество или лютеранство. Предпочтение Бродским калывинизма не может ве норазить человека из страны, самое существоваиме которой есть продукт кальвинизма и культура которой до такой степени проинтана им, что не только наши протестанты, но и католики и даже иеверующие призиают себя - обычио с самосожалением и с проиней - кальвинистами по образу мышления. Чтоб быть еще чуть-чуть более личным: симпатия первого русского поэта современиости к кальвинизму, репутация которого среди интеллектуалов Занада стоит, пожалуй, ниже любого другого вида христианства, не может не удивлить и не радовать человека, крещениого, по решеиню сиону родителей, в индерландской либерально-реформаторской церкви и, иссмотря на свое влечение и к иным формам веры, до сих пор принадлежащего ей.

Привлекательность кальвинизма для поэта Бродского свизана, как мне кажется, прежде всего с центральным кальвинистским тезисом о далекости Бога от человека. Между божественным и человеческим лежит бездиа, пропасть: с одиой стороны, абсолютная, неизменимая справедливость Божьей, для человека непостижимой воли, с другой стороны, абсолютиая личная ответственность человеческого индивидуумы ла каждый свой поступок перед иеличием этого далекого и ему непопитного Бога. В результате такого жизнепоничении создается, если говорить уже на изыке не XVI, а XX века, та этика абсурда, которая всегда была свойственна мышлению зрелого Бродского.

Втораи общая голландская черта позиции Бродского — это его интерес к живописи голлаидских мастеров. Для русского поэта, жившего столько лет в пятнадцати минутах ходьбы от Эрмитажа, такой интерес. конечно, вполне естествеи. Любонытиее другое - то, что мотивы из голландской живописи живут в стихах Бродского и неявной, скрытой жизнью. Вместо трафаретных конькобежцев или мельниц, вместо стихотвориых описаций каких-то конкретных картип у иего существуют, папример, потвенные рембрандтовские ассоциации в глубине тематики таких его шедевров, как «Авраам и Исаак» и «Сретенье»,

Оба указанные миой момента, так сказать, голландизма Бродского - кальвицизм и живопись - связаны между собой. По одному из первых догматов христианства Бог есть Слово. Для человска, имеюшего свои кории в кальвинизме, это значит, что есть бездна несоответствии между Божеским и человеческим словом. Или, вериее, это зиачит, что человеческое слово уже само по себе есть нарушение некоей Божьей привилегии. Если Бог есть Стово, явлениюе во Христе, в мироздании, в Священиом Инсании, то человеку полобает молчать, и, когда ему захочется выразить свою точку зреиия на мир, ему, вместо того чтобы писать стихи, лучше сесть за мольберт и иаписать картину. (Объяснимо поэтому парадоксальное и, во всяком случае, сеисационное обращение в католичество во время полного триумфа кальвинизма в молодой республике - поэта Воидела, классика нашей литературы и одной из ключевых фигур европейского барокко, с которым, кстати, есть у Бродского принципиальная доля сходства. Оно вызвано, насколько такие вещи вообще можио объ-

Кейс Верхейл - писатель, профессор русской литературы, специалист по творчеству Ахматовой. Автор кинги «The Theme of Time is the Poetry of Аппа Akhmatova» («Тема времени в ноззии Аниы Ахматовой») и др. Живет в Голлаидии.

ясинть, чисто профессиональной иеобходимостью художника слова, развившего амбиции, соответствующие его необычному таланту, запечатлеть свою речь.)

Противоположио, а в некоторых важных случанх, как я предпочитаю думать, комплементарно по отиошению к кальвинизму православное понимание христианства: если Бог есть Слово, то в каждом человеческом слове есть хотя бы зачаток божественного. Со свойственным ему духовным экстремизмом Бродский идет по этому пути до копца, пастаивая па формуле - в пределах кальвинистского миропонимания уже совершенно немыслимой - о божествениости или даже надбожественности языка и не различая при этом божественный и человеческий логос. Сознание неизбежной греховности всякого словоупотребления и, тем более, всякого писательства, которое в русской литературной традиции мы паходим, иапример, у Ахматовой, у Блока, у Тютчева и, коиечно, сильиее всего у поздиего Гоголя, Бродскому как будто чуждо. Вера в наивысшую ценность поэтического слова привела его, одиако, к ряду грандиозных стихотворений, Сделав идеальным антиподом идеального голлаидского ху-

С культурфилософской точки зрения можно в итоге говорить о кальвниизме этики Бродского при подчеркиутом антикальвинизме его поэтики ¹.

Кульминацией интереса Бродского к голлаидской живописи до сих пор приходится считать его стихотворение «На выставке Карла Виллинка». В этом стихотворении имя художника, ие классика из XVII века, а современника (Виллинк родился в 1900 г. и умер в 1983-м), упоминается уже в названии.

Сначала расскажу коротко о становлении этих стихов, свидетелем которого я отчасти стал. Раиним летом 1985 года Иосиф был, в который раз, не помню, в Амстердаме, где у иего оказался маленький комплект с шестнадцатью репродукциями картин очень известного в Голлаидин, а за границей сравнительно неизвестного, исдавно перед тем умершего художника Карла Виллинка. (Ноэт утверждает, что он получил комплект как подарок от дамы, которой стихотворение посвящено,— к сожаленню, ее имя выпадало из иескольких публикаций; сама дама, наоборот, при всей благодариости за посвящение, о подарке катего-

рически ничего не помнит; лично я склонен понимать утверждение поэта как пример того, что Пастериак, кажетен, называл «лирической правдой».)

Иосиф верпулся в Штаты и оттуда мие сообщил по телефону, что он пишет стихотворение о картипах Виллинка, и спросил, знаю ли я, как кончил свою жизнь художиик, не самоубийством ли, потому что в таком духе он уже написал в своих стихах. На мои слова, что художник, насколько я знаю, умер «нормально», Иосиф ответил, что это неважно. Суть идеи самоубийства в его стихотворении была общая, абстрактиая.

Примерно месяц спустя я получил окончательный текст с просьбой перевести его и передать иашей общей подруге.

Первый раз стихотворение было опубликовано параллельно по-русски и по-голландски в амстердамском журнале с названием из русской литературы «De Revisor» (1986, № 1). Название произведения я по собственной инициативе несколько изменил. В оригинальном машинописном тексте было: «На выставке Кейса Вейлинка». Не мие судить, иасколько в замене имени художника (вместо «Карла» — «Кейс») тоже обпаруживается своего рода «лирическая правда». Тогда я, по крайней мере, решил, что ее нет. Фамилия Виллиика во всех русских изданиях и в переводах, которые я видел, кроме голлаидского, написана ошибочио. Лата, и иногда фамилия в посвящении,

Цитирую стихотворение целиком:

на выставке карла виллинка

Аде Струве

I

Почти пейзаж, Количество фигур, в нем возникающих, идет на убыль с наплывом статуй. Мрамор белокур, как наизнанку вывернутый уголь, и местность мнитси северной. Илато; гиперборей, азъерошивший капусту. Все так горизонтально, что никто вас не прижмет к взволнованному бюсту.

II

Возможио, это — будущее. Фон раскаяния. Мести сослуживцу. Глухого, ио отчетливого «вон!». Внезапного приема джиу-джитсу. И это — город будущего. Сад, чьи заросли рассматриваешь в оба, как ищерица в тропиках — фасад гостиницы. Тем паче — небоскреба.

Ш

Возможио также — прошлое. Предел отчавния. Общая вершина. Глаголы в длинвой очереди к «л».

Улегшаяся буря крепдешина. И это — царство прошлого. Тропы, заглохиувшей в действительности. Лужи, хранящей отраженья. Скорлупы, увидеиной пичницей спаружи.

IV

Бесспорно — перспектива. Календарь. Верней, нз воспалившихся гортаней тунпель в психологическую даль, свободную от папитх очертаний. И голосу, подробнее, чем взор, знакомому с ландшафтом неуспеха, сподручней выбрать большее из зол в расчете на чувствительное эхо.

V

Возможно — натюрморт. Издалека все, в раму заключенное, частично мертво и исподвижно. Облака. Река. Над ней кружащаяся итпика. Равнина. Часто имению она, принять другую форму не умея, становится добычей полотна, открытки, оправданьем Птолемея.

VE

Возможно — зебра морн или тигр. Смесь скинутого платьи и преграды облизывает циколотки икр к загару иеспособной балюстрады, и время, минтся, к вечеру. Жара; сияа потный молот с пыльной наковальни, иастойчивое соло комара кончается овациями снальии.

VII

Возможно — декорация. Дают «Причины Нечувствительность к Разлуке со Следствием». Приастствуя уют, певцы не столь нежны, сколь близоруки, н «до» звучит как временное «от». Блестящее, как капли из-под краиа, вибрирун, над проволокой иот парит лунообразное сопраяю.

VIII

Бесснорио, что — портрет, но без прикрас; поверхность, чья землистые оттенки естественно приковывают глаз, тем более — поставленного к степке. Поодаль, как уступка белизне, клубятся, сбивнись в тучу, олимпийцы, спяною чун брошенный извие взгляд живонисца — взгляд самоубніцы,

ΙX

Что, в сущности, и есть автопортрет. Шаг в сторону от собственного тела, повернутый к вам в профиль табурет, аид издали на жизнь, что продетела. Вот это и зовется «мастерство»: способность не страшиться процедуры небытия — как формы своего отсутствия, списав его с натуры. Человеку, знающему отдельно и поэзию Бродского, и живопись Виллинка, смысл их сочетания сразу понятеи. Вообще мысль о Виллинке как вдохновителе ленинградского поэта вполне естестнениам, и кажется страпным, что голландский художник никогда не был в Ленинграде. За год до написания Бродским стихов и без всякой дальнейшей связи с начия, находясь в Ленинграде, сделал такую аапись в своем дневнике:

«После концерта (в Капелле) прогулка по светлому вечеру» — дело было в белую почь. «Только здесь и там песколько вешеходов. Замний дворец, широкая площадь перед ним и в отдалении Исаакиевский собор под зловещим летним иебом — первоклассиая картина Виллинка».

Для этого художника, как и для поэта Бродского, характерно слияние, иногда шоковое, строгого классицизма с типичным для двадцатого века ощущением угрозы. катастрофичности, конца. Истоки стиля Виллинка — в ренессвисе, в «идеальных» или «героических» пейзажах Лорреца и Пуссена и, что касается портретоа, в образцах этого жапра у Рафалля и Да Винчи. Единственное собственно голландское и, если хотите, кальвинистское у Виллинка, это - холодиое, беспощадно яркое северное освещение его нейзижей и портретов и их общая атмосфера пеуловимой жуткости, ил-за чего Виллинка обычно связывают с сюрреализмом. В одиом витернью художинк так сформулировал исихологическую иаправленность своих картии:

«Я илображаю постоянную угрозу и совершенный абсурд происходящего вокруг меня, зловещность и абсурдность всего миропорядка».

Добавьте любимый прием Виллинка смешивания классических образов с явно современными или фантастично-будущими; добавьте его пристрастие к врхитектуре и к статуям, как заместителям живых фигур; добавьте еще его тягу к добросовестной технике и к кропотливому мастерству; добавьте, наконец, то, что лучший критик, паписавший о Виллинке, назпвл его страино «застывшим», «остолбенелым» юмором, и вы поймете, почему я считаю, что, если думать об иллюстрированных изданиях Бродского, инчего лучшего, чем репродукции картин Виллинка, не пайти.

Что касается русского стихотворения о художнике, то оно необыкновенно заинтересовало вдову Виллинка — художницу и скульптора. Она обратилась ко мие как переводчику иезнакомого ей автора: ее поразила совершенная точность, с которой этот иностранец сумел уловить в своих словах суть того, что ее муж вложил в свои картины.

Возвращаясь к тексту Бродского, вместо обширного анализа ограничусь заметкой об одной его особенности. Мени всегда поражала сравнительно второстепенная роль;

¹ Саоего рода поэтический кальвинизм чувствуется, с силой непревзойденной и вне русской литературы, в сухой и варочито «яекрасивой» прозе Льва Толстого, единственного классика своего нзыка, с которым, по-видимому, Бродский никогда не ощущал духовного родства. Удивительную близость эстетики графа Толстого к географически далекому ему кальвинизму надо, скорее всего, рассмотреть как последствие влияния иа него Руссо, писателн, рожденного в городе самого Кальвииа.

которую в нем играет описательное начало. Что, казалось бы, может быть естественнее, соблазнительнее, чем повытаться воссоздать в слове то же самое, что художник сделал а цвете, то есть попытаться вызвать у читателя сходные зрительные впечатления? Тем более для такого ноэта, как Бродский с его особым даром воспроизводства визуальных эффектов.

Некоторая описательность есть, разумеется, и в стихах «На выставке Карла Виллинка», но небольшая, как мне кажется, может быть, даже меньшая, чем в других произведениях поэта. Создается впечатление, что стихотворение Бродского о выставке - это, прежде всего, не попытка соревнования с живописцем, а претворение его зрительного мира в чисто словесный, поэтический. Конечно, можно нонимать девять строф стихотворения и как прогулку по выставке, гле поэт останавливается перед девятью разными картинами (из нестпадцати, включенных в комилект репродукций), передавая нам свои спонтанные внечатления и ассоциации. Но такое поинмание дает довольно бедиме результаты; во-первых, потому, что живонись Виллинка очень далека от свободной ассоциативности, обоснованной принципом Роршаха, а во-вторых, ассоциации ноэта слишком последовательны, слинком связаны между собой, чтобы соответствовать произвольному, «по ходу» сделанному взгляду на коллекцию разнородных картин.

Имеет смысл рассмотреть это стихотворение не столько как ряд случайных, от внениих стимулов зависящих импрессий, сколько как обычное для Бродского постепенное раавитие, в строфе за строфой, в метафоро за метафорой, в шутке за шуткой, одной линии идей. Основная формула фралы без сказуемого создает ряд вариантов определения чего-то общего, инкогда ирямо не названного поэтом. Определение этого чего-то — то ли внутреннего зрения художника, то ли внутрешнего зрения человека, смотрящего на его картины, — становится к концу все более точным, более сжатым.

В ходе этого процесса ноэт уже в третьей строфе нереходит от арительной к языковой, даже грамматической терминологии, а в четвертой — к терминологии музыкально-поэтической:

И голосу, подробнее, чем взор, знакомому с лаидшафтом веуспеха, сводручией выбрать большее из зол в расчете на чувствительное эхо.

В конце шестой строфы и дяльше, в седьмой, идея языка плюс музыки приводят, как естественное свое продолжение, к идее какой-то своеобразной оперы, созданной в результате сотрудичества художника с поэтом и их обоих — с музыкальным гением.

Если думать о прецедентах, стихотворение Бродского создает эффект, примерно схожий с тем, что произвел Мусоргский в своей мулыкальной «Выставке». Но есть в нем и печто схожее с тем, что сделали вместе русский композитор Игорь Стравинский, рисовальник XVIII века Хогарт и любимый Бродским английский поэт Одэн в «Приключениях повесы». В нашем случае получилась современная философская опера с аллегорическими фигурами в стиле барокко; декорации — голландец К. Виллинк; либретто и музыка — русский поэт И. Бродский.

В заключительных строфах происходит еще одна трансформация. «Это» теперь воснринимается сначала как просто портрет, нотом как тот «автопортрет», о котором нишет в интересной статье про этот ирием Бродского Валентина Полухина. Вместе с тем стихотворение нревращается в размышление о судьбе художника-живописца, или художника-поэта, или художникана, или художника-историка, или художника-астронома — кажется, в девяти строфах фигурируют более или менее пропрачно питомцы всех девяти Муз.

Мысль поэта, как я думаю, здесь сосредоточена над сутью самого слова и понятия «автопортрет». Как и авестно, автопортрет — чисто технически самая трудная задача для художника — есть окончательное доказательство его мастерства. В языке нарадоксальность задачи отражена в классическом термине для этого жанра: не «автопортрет», а «портрет художника», «portrait de l'artiste», «portrait of the artist».

Ведь человек себя изображать физически не может иначе, как в виде художника -садясь одновременно и к леркалу, и за мольберт, Другими словами: если жанр автопортрета автоматически значит уничтожение художником себя как не-художника и в этом смысле ивляется формой самоубийства, то ставится страшноватый вопрос: кто вообще илображен в автопортрете? Если бытовая персона в нем бесследно исчезла в художнике, тогда где остался Карл Виллиик, где остался Иосиф Бродский, где осталась разница между ними? И еще вопрос: где осталась разница между изображением своего Я и илображением любого другого предмета?

Последняя мысль и носледний эффект стихотворения, по моему внечатлению, как-то головокружительны. Подобно тому, как это происходит в гоголевской повести, портрет перед глазами читателя-зрителя вдруг растаивает, и медитативный ход по выставочному залу начинается снова:

Почти пейзаж. Количество фигур,

и так далее.

Борис Парамонов

ной и хамы

1

Трактовка формального литературоведения как мировозгрения, а не метода — дело не очень новое. В. М. Жирмунский говорил в связи с этим об эстетияме формалистов как мпровозэренческом кореляте метода. Эстетизм в то же время слишком часто привимает черты не теоретического мироволярения только, но и жилиенной, экзистенциальной поэкции. По этому последнему признаку формалистов вполне возможно причислить к романтикам, как бы сами они этому ин противились, «Бурные гении» - внолие романтическая характеристика. Особенно это нодходит к Шкловскому. Но это, конечно, некий «новый романтилм», вдохновляющийся не каприлом, импровизацией, экстазом и хаосом, а скорее но-новому понятым порядбом, если угодно — нормой. Романтым тут существует в самом моменте вдохновения и прозелитизма, а ценности, на этот рыл исповедуемые, -скорее классицистического типа. В теории - формалнаме как таковом - это нафос «сделавности» в искусстве, «искусство как прием», устаноака на мастерство, осознание профессионализма. В эстетической практике - скажем, конструктивизм. Но ни в коем случае пельзя забывать футуристической молодости движении: как раз романтического хаоса было а футуризме больше чем достаточно. Шкловский не «теоретический человек» прежде всего по своему темпераменту. Это но случайное обстоятельство.

Как это бывает с людьми по-настоящему значительными, Шкловский сумел сказаться сразу, в первом же своем сочинении — статье «Воскрешение слова». Данную здесь формулу надо знать и повторять, нока она не заучится наизусть, — здесь дан культурный прогноз века:

«Только создание новых форм искусства может возвратить человеку переживание мира, воскресить вещи и убить пессимизм».

Искусство, таким образом, это не только «прием», это еще и средство — отнюдь не цель в себе, как может показаться даже и при достаточно углублениом чтении формалистских текстов. Но еще более глубокий уровень нонимания ведет к выходу за предели искусства: а «жилы», чуть ли не в «теургию» символистон, от которых формалисты особенно настойчиво открещивались, «отталкивались». Последнее слово я взял в кавычки, потому что в современном языке оно удвоило смысл, и сейчас «отталкиваться» все чаще означает не только «откалываться», но и «исходить», «брать за основу»; эта амбивалентность лучше всего выражает подлинное соотношение даух течений. Позднейнее лефовское «искусство-жилиестроение» уже чуть ли не прямо выводится из символистской установки на теургию. Об этом уже писалось (Ю. Давыдов).

Правда, как раз Шкловского вроде бы следует отличать от теоретиков «нскусстважизнестроения» — он в ЛЕФе продолжал настаивать на чисто эстетическом измерении искусства, и галета, скажем, для него не «коллективный организатор», а литературный жанр, возможная новая форма искусства. Именно тогда, в середине двадцатых, он проилиес замечательную фразу о том, что судить о жизни по искусству все равно что судить о садоводстве по варенью; эта фраза не только дезавуирует «реалили», но и имплицитно отвергает любые «теургические» выходы искусства. Однако нельля сиять с Шклоаского ответственности за этот сверхэстетический максималили — ибо в левом искусстве он его и постулировал. Соответствующую цитацию можно продолжить. Вот самая, пожалуй, знаменитая формула:

«Так пропадает, в ничто вменяясь, жизнь. Автоматизация съедает вещи, мебель, жену

и страх войны».

Отсюда, как известно, идет у Шкловского учение об остранении — способе обновить видение вещи — всех перечисленных выше вещей и состояний. Но именно в этом ряду остранение оказывается чем-то явно сверхэстетическим. Меня здесь особенно заинтересовала «жена». В работе о Розанове Шкловский дает большую цитату из него, убеждающую в необходимости «остранения» для обновленного переживания супружеской жизни: этим «остранением» оказывается обыкновеннейшая супружеская измена. Пример показывает, что термины Шкловского имеют внеэстетическую корреспонденцию, по крайней мере, взяты не из наблюдений над Веселовским или Потебней. В статье «Искусство как прием» Шкловский пишет, что остранением являются вообще эротические образы. В общем, оно действует не только в искусстве.

Вот поэтому Шкловскому и понравились «революция и фронт». В «Сентиментальном

путеществии» он описывает революционный быт:

«Люся встала и затапливает печку документами из Центрального банка... Из длинной трубы, как из ноздрей курильщика, подымаются тоненькие гадины дыма.

Встаешь, вступаешь в валенки и лезешь на лестницу замазывать дырки.

Каждый день. Лестницу из комнаты не выносишь,

А печника не дозовешься. Он в городе самый нужный чвловек. Город отепляется. Все решили жить...

...Хорошо жить и мордой ощущать дорогу жизпи.

Сладок последний кусок сахара. Отдельно завернутый в бумажку.

Хороша любовь.

А за стенами пропасть, и автомобили, и выюга зимой.

А мы плывем своим плотом.

И как последняя искра в пепле, нет, не в пепле, как темное каменноугольное пламя.

А тут То-ло-нен. Одно слово — Финляндия».

Финляндия не интересна потому, что жизнь в ней автоматизирована, ничего не происходит, точнее — не ощущается. А социализм — в революции — был интересен, как путеннествие в ковчеге. Об этом Шкловский иншет в статье «Десять лет». И это не потому, что несколько лет существовала эфемерная эстетическая свобода, а потому, что у кариатид Эрмитажа играли в городки, а из торцов Дворцовой площади прорастала трава. Город «остранялся».

Даже классик Ходасевич признавал, что Петербург стал тогда еще прекраснее—в начавшемся моменте тления. То же писал Эренбург в «Тринадцати трубках»: «Заштатная столица была величественна и прекрасна». Оп же цитирует в мемуарах стихи серапионовой сестры Елизаветы Полонской — о впервые почувствованной ценности крох

бытия - хлеба, дров: ср. выше у Шкловского.

Революция и война были способами остранення как не эстетического уже, а социального действия. Чтобы почувствовать войну, нужен реальный страх, реальная война.

Есть лагерное выражение: научить свободу любить. Для этого иужен — лагерь.

Вот почему мпровоззрение Шкловского, скрывающееся за методом формального литературоведения, можно назвать не эстетизмом уже, а трагедийным гедонизмом.

Это форма, вариант инишеанства. (Можно вспомнить и Кьеркегора, отождествлявшего эстетическую форму сознания с чувственным экстремизмом.) Получается, что Шкловский не так уж далеко отстоит от какого-нибудь теургического Вячеслава Иванова. Футуристическая революция отнюдь не была разрывом с современной ей традицией — она только по-другому ее формулировала.

Остраненно.

2

«Младоформалист» Л. Я. Гинзбург пишет («Человек за письменным столом»):

«Опоязовское течение в широком смысле (гораздо более широком, чем опоязовцы и их ученики) было частью антисимволистской реакции (от футуристов и акмеистов до обериутов) на культуру начала века. Как и вся противосимволистская реакция, формализм многому учился и научился у символистов. Формализм быстро и в основном изнутри распался как догма, по как фермент он продолжал работать впрок. Эпохален формализм еще тем, что в своей склонности к аналитическому разъятию он был неузнанным двойником исторического и социологического анализа. Антиподом и двойником — что как-то увязывалось в большом культурном развороте».

«Исторический и социологический апализ» — это попросту марксизм. Но двойничество не только в совпадающей редуктивистской установке, оно еще и в позитивной, строительной программе — в том «конструктивизме», который выступает общим стилевым знаменателем политики как художества, революции как эстетического проекта.

Большой стиль эпохи — утопия. Это включает и символизм, и Бердяева, и гностические фантазии «Ладомира», в последнем же — Федоров плюс ленинские нужники из золота. Но в утопическое строительство были включены не только символические теурги и футуристические самовитые словесмики — в мего включились массы. Это была всеобщая мобилизация, мачавшаяся в 14-м году.

В гедонизме Шкловского, при всех его мицшевиских обертонах, нашла выражение, как сказали бы тогдашине социологи, учившие жить формалистов, «психоидеология» вот этих самых масс. Бердяев был прав, говоря в «Вехах» о стадах имдивидуалистов-ницшеанцев.

Индивидуалнам военнообязанного — исихология отпускника, если не мародера. В русской литературе как раз в это время ноявился такой отпускной солдат, Николай Тихонов, — явление очень значительное.

Тихонов заставляет вспомнить трактовку футуризма, данную Корнеем Чуковским: не столько будущее, сколько давно прошедшее. Архаизм, варварство:

Я одержимый дикарь, я гол...

Тихонов — человек Шкловского, находящий в войне и революции повод для обновленного переживания бытия. Остранение идет рука об руку с эротическими переживаниями:

Ов расскажет своей вевесте О забавной, живой игре, Как громил он дома предместий С бронепоездных батарей. Как пленительные полячки Присылали инсьма ему, Как вагоны и водокачки Умирали в красном дыму.

У Шкловского мы вправе видеть некий всеобщий культурный синтез, потому что он в собственной эпохальной личности объединил пафос конструктора, конструктивиста с элементарной (то есть стихийной) чувственностью резервиста культуры. Иногда он кажется инкариацией руссоистского дикаря-философа. Иногда — неким удавшимся Писаревым.

Интересно, что и в символизме была уже такая удача — Сологуб: кухаркин сын, пошедший не в писаревское естествознание, а в тогдашнюю сексуальную революцию

декадентов.

И если спроецировать все это на Ницше, то получится даже не искусство как воля к обмалу, а самый настоящий белокурый бестия.

И глаза стальной синевы.

Стихи Тихонова до «Орды» плохие, но одно названо очень хорошо — «Перекресток утопий».

Тихонова можно вывести из Киплинга или даже, еще верней, из Гумилева, но движение на Восток у обоих, столь ревпостно повторенное Тихоновым, вело к тому же Ницше, к Заратустре, говорившему, что женщина создана для услады вонна.

Отпускной солдат - он же и мертвый встанет, чтобы войти к жене.

Так что мертвые вставали не только у Горького, как вспоминает Шкловский в «Письменном столе». Его мало понятная сейчас любовь к Горькому идет не только от восхищения горьковским неканоническим Толстым или введения в беллетристику бессюжетного документального материала, на манер Розанова, но и родственностью с Ницие.

У Шкловского можно заметить, как и у Горького, признаки садистической исихоло-

гии. Гедониэм этого требует.

Ибо ласкать, учил Шкловский, хорошо бранными словами.

Всяческий конструктивизм близок к архаическому варварству, потому что в нем происходит некое упрощение, иримитивизация, отказ от культурного излишества. Это Пикассо и негрская скульптура: Аноллон чернявый, как писали футуристы. Особенно упрощается психология, собственно, даже уничтожается. «Психоложество», — говорил Маяковский. Нелюбовь Шкловского к роману — отсюда.

По-другому это называется архаической революцией. Позднее об этом много нисал

Томас Манн. Но в России писали раньше:

Постровв из земли катушку, Где только проволока гроз, Ты славишь милую пастушку У ручейка и у стрекоз.

Будетляне, писал Шкловский, осознали в искусстве работу веков: увидели в нем элементарный чувственный жест, радостное переживание.

Шкловский знал Фрейда и часто ссылался на него, но одну его страницу пропустил незамеченной: где тот говорит, что дикари, вынужденные иногда работать, ритмизируют физические усилия в лад произносимыми эротическими словами.

Этому не противоречит учение Шкловского о художественной речи как затрудненной, задержанной. Все это не более чем «пытка задержанным наслаждением» (формула из «Теории прозы»).

В любаи, как и в теории литературы, Шкловский был, по словам Эльзы Триоле,

специалистом (мемуары А. Чудакова).

.

Было бы носледним делом разговор о Шкловском свести к его индивидуальной, хотя и иезаурядной, психологии. Большой человек тем и отличен, что представителен, типичен. Шкловский, субъективно переживая как бы поражение, писал, что нужно делать не историю, а биографию. Но он и делал историю своей биографией. Его биография моделировала громадный исторический сданг.

Он - победитель, победу которого не сознают, вроде Барклая.

Внимание, а похоже, что и любовь Шкловского к Розанову не случайны. Он взял у Розанова и по-своему выразил его тему о наступлении мировой знохи *керепрессивной культуры*. В его, Шкловского, конкретном деле это было десублимацией искусства. Все учение об остранении можно свести к этому: не идеальные образы создает искусство, а углубляет и утоичает чувственный опыт.

Как всегда, новое оказалось хорошо забытым старым. Запахло «Сатириковом» и вира-

ми Тримальхиона, Сюда хорошо подверстывается кьеркегоровский Нерон.

Мие рассказываял одии москвич, хитростью проникций в просмотровый зал, где начальство принимало «Сатириков» Феллини, что у номенклатурщиков сложилось твердое внечатление, будто этот фильм — вариант «Сладкой жизши» и новествует об эроти ческих и гастрономических играх верхов нынешией буржуазии. Фильм принят не был и а советском прокате не ноявился, поскольку был оценен как пронаганда буржуазного разложении.

Если это и выдумано, то хорошо. Это Шкловскому и его компании некое возмездие: уж очень активно провели они кампанию по реабилитации плоти искусства, слишком бурно дезавупровали «бумажные страсти» (Маяковский). Всяческий «застой» — это реакции на революцию, а не просто дурной эстетический вкус. Люди, уставшие от революции, желали читать романы: роман требует кушетки, он отдохновенен.

А Шкловский подсовывал новый жанр — газету, в которой писали в основном о пеприятностях.

В конце концов был достигнут комиромисс, известный как «социалистический реализм».

Сопреализм, взятый в его сталинском варианте — с кановизацией Маяковского, но и с уходом от левого искусства в «психоложество», — очень большан тема: о конце революции, конце утопии. В длительной перспективе это был поворот к лучшему, если угодно — к человеку Достоевского, взятому со всеми его почесываниями. Позднее поэт скажет: «ворюги мне милей, чем кровопийцы».

Поначалу, одиако, это был отказ от Татлина, Малевича и Мельникова, и для людей Шкловского создавалось впечатление перемены к худшему. Потому что даже газету умуд-

рились сделать отдохновенным чтением - сказкой.

Дело было решено так: вместо эстетического авангарда создадим поменклатуру, которая и будет ощущать жизнь во всей чувственной полноте вместо того, чтобы декларировать чисто эстетическую необходимость таковой.

Писателям же было предложено создать собственную номенклатурную элиту. И они на это с удовольствием пошли. Иначе и быть не могло: ведь больше всего писатель жаждет воплотиться.

Главное задание соцревлизма — даже не мифотворческое. Опо — в обнаружении исихологии художественного типа личности, в социальной манифестации таковой. Тут имеет место обнажение приема и реализация метафоры: становясь платным функционером идеократического режима, художник превращается в жреца и начинает жрать. Может быть, такова и была первоначальная природа институтв жрецов. Соцреализм снова сиял с него культурные покровы, десублимировал его.

Розанов недаром любил православных попов за их вкус к осетрине.

Так и художник: следует говорить не о «вкусе» его, то есть не о чем-то «художественном», а о вкусе в смысле гастрономической эрудиции, об умении насытиться: Алексей Н. Толстой.

11. Я. Мандельштам рассказывает в первой кинге, как в доме в Лаврушинском они перемещались с этажа на этаж: у Шкловского ночевали, а к Катаеау ходили на обмывку ордена. Получается, что Шкловский хороший, а Катаев негодяй. На самом деле второй — это эманация первого.

Шкловский и породил все эти тримальхионовы пиры.

Но трагедийность со временем уходила, а гедонизм (так сказать, «чистый») оставался. Катаев пишет в «Святом колодце»:

«Мы жили в полное свое удовольствие, каждый в соответствии со своими склонностя-ми. Я, например, злоупотребляя своим сверхпенсионпым возрастом, сгарался ничего не делать, а жена с удовольствием готовила мне на электрической плитке легкие, поразительно вкусные застраки из чудесно разделанных, свежих и разнообразных полуфабрикагов. упакованных в целлофан, - как, например, фрикадельки из райских птин и синтетические пончики. Мы также ели много полезной зелени — вроде салата латука, артишоков, пили черный кофе. Нам уже не надо было придерживаться диеты, но мы избегали тяжелой пищи, которая здесь как-то не доставляла удовольствия. При одной мысли о свином студне или о суточных щах с желтым силом мы теряли сознание. Мы объедались очень крупной, сладкой и всегда свежей клубникой с сахаром и сливками, любили также перед заходом солнца выпить по чашке очень крепкого, почти черного чая с сахаром и каплей молока. От него в комнате распространялся замечательный индийский запах. Я же, кроме того, с идовольствием попивал холодное белое вино, пристрастие к которому теперь совершенно не вредило моему здоровью и нисколько не опьяняло, а просто доставляло удовольствие, за которое потом не нужно было расплачиваться. Мы также охотно ели мягкий сыр, намазывая его на хрустящую корочку хлебца, выпеченного не иначе, как ангелами. Я уже не говорю о том, что рино угром мы завтракали рогаликами со сливочным маслом и джемом в маленьких стеклянных баночках, когорый папоминал зелению мазь или же помаду».

Здесь вроде бы присутствует прония, поскольку речь идет о так называемом потустороннем существовании, по на самом деле эта потусторонность всего-навсего из разряда поменклатурных привилегий, в число когорых аходят путешествия не на тот свет, а за границу. И не об пронии пужно говорить, а о наглости удачника, знающего, что «райская жизнь» — это не совершенный, а просто не всякому доступный мир. Как писала, кажется, та же Мандельштам о поменклатурном зяте: «Папа, больше асего приятно не то, что бифштекс вкусный, а что у других такого нет».

У Катаева это прорвалось упоминанием суточных щей.

Очень хорошо гулялось в тридцать седьмом году (см. мемуары мачехи Лосева). Посадка соседей по Лаврушинскому переулку придавала этому необходимое остранение. Синявский, осознав этот «прием» (на Шклоаского, откуда же еще!), паписал, что пушкинский герой особенное удовольствие от Лауры получил в присутствии трупа Доп Карлоса.

Это даже нельзя назвать геннем и злодейством, нотому что ситуации оценки не предполагает: тут какая-то совершению нейтральная «физиология творчества». В Шкловском Писареа протягивает руку авангарду, и все получается, и женщины довольны.

4

По интересующему нас критерию — способности реализовать собственные чувственные возможности — инсателя разделяются на два разряда: удачники и завистники. Хрестоматийный пример, как всегда, — Толстой и Достоевский.

В инсьмах Достоевского жене масса вычеркнутых, замазанных строк, не ноддающихся прочтению. Сгрого говоря, это пеприличные письма. Завистник не значит слабосильный. О нестандартной чувственности Достоевского правильно нисал Мережковский.

В советской литературе указанная оппозиция классически представлена Катаевым и Олешей. Один проезжал мимо другого в большом, похожем на компату автомобиле. Это сцена из Достоевского: «Записки из подполья».

Ничего тут поаорного иет, это все тот же старый романтизм, с его разделением «томлеиия» и «обладания». Так что эту романтическую ситуацию можно даже назаать классической.

В новейшей литературе произошла реянкариация Юрия Олеши. Эго Эдуард Лимонов. Он даже псевдоним выбрал, следуя указаниям «Зависти»: фамилия Лимонов, как и Кавалеров, высокопариа и пизкопробиа.

В «Диевнике неудачника» масса реминисцепций Олеши: зкономка миллиопера в роли Анечки Проконович, да и сам поэт, служащий сильному мира сего. Вспоминается не только «Зависть»: есгь, например, сцепа с крысой, поражаемой ударом ноги. Это из мемуарной прозы Олеши.

Такие совпадения Шкловский обънсняет сюжетной инерцией. Он сам однажды обнаружил поразительные сходства ситуаций в романах Конрада и Бахметьева. Но можно ведь говорить и о сходстве психологического типа.

Вообще же Лимонов более литературен, чем кажется.

Приведу здесь фрагмент из «Диевника неудачника», который аряд ли скоро будет напечатан в отечественной прозе сам по себе.

Как говорит в таких случаях Шкловский, прошу прощения за длиниую цитату.

«Воровать, воровать, воровать, украсть так много, так, чтобы еле унести. Охапками, кучами, сумками, корзинами, на себе уволакивать, велосипедами, тележкими, грузовиками увозить из магазина Блумингдэйл и тащить к себе в квартиру.

Духи мужские, корзину духов; пусть поплескивают — зеленые, кремы, шляпы, много разных шуб и костюмов и свитеров. Воруй, тащи, грабь — веселись, наслаждение получай, что не дотащим — в грязь и снег вышвырнем, что не возьмем — бритвой порежем, чтоб никому не досталось, вот она — бритва — скользь в руку — ага, коси, молоти, руби!

— И по лампе вдары! — Возьми зонт — Жан! — На $oldsymbol{ au}$ оршер — Филипп — е... по

зеркалу! - (Хрясть! Хрусть!)

— Λ мы за это шею гнули, жизни лишались, живот надрывали, вот вам, вот! — \Im й, пори белье женское, режь его, розовое да голубое, трусами пол устилай! — Γ ляди, какие большие — \Im азарь! — \Im 4 и размер, на какую же ж... и рассчитаны!

— И этот отдел переполосуем, танцуй-пляши на рубашках ночных да беленьких, ишь ты, порядочные буржуйки в фланельке этой по ночам е..., а эти халатики к любовникам днем надевают — п.... при распахнувшихся полах показать, посветить ею.

- \pmb{E} ей, \pmb{K} арлос! - $\pmb{\Pi}$ омогай, Энрико! - \pmb{E} еги сюда, \pmb{X} уан! - здесь голд этот самый -

золото!!! *(Р*рррр!)

— Пошли пожрем в продовольственный! — Шоколаду хошь? На — шоколаду в карман. Мешок шоколаду возьмем домой. Два мешка шоколаду.

— Вдарь по стеклу! (Дзынь!)

— X..., руби!

— А вот оторви этот прут, да е...! (Хлысты! Хрусты!)

- Ткни эту п.... стулом, чтоб буржуваное достояние не защищала!

Ой, не убивайте, миленькие!

- Бей ее, суку, пе иначе как начальница, а то и владелица!

— Мальчики! Мальчики! — что же вы делаете! Умоляю вас — не надо!

— E... ее, стерву накрашенную — правильно, ребята! Давно мы в грязи да нищете томились, x... исстрадались по чистому мясу — дымятся!

- А пианина - Александр - мы с возмущенным народом пустим по лестнице вниз. На дрова! (Гром x-n-3- τ -гррррр!)

— И постели эти! (Та-да-да-да-да-дрррр!)

Так я ходил в зимний ненастный день по Блумингдзйлу, грелся, и так как ничего по полному отсутствию денег не мог купить и второй день кряду был голодный, то и услышал извне все это».

А тенерь можно сказать, кто это Лимонову наговорил в чуткое ухо: Хлебников Вели-

мир, «Ночь перед Советами», а больше всего «Ночной обыск».

Ученик Хлебинкова Шкловский помочился в броневики гетмана Скоропадского — это из той же оперы или, если хотите, поэмы. Булгаков пришпилил Шкловского в «Белой гвардии», и правильно сделал, хотя тот обиделся на всю жизнь и много лет сиустя говорил Чудакову, что на веранде дома Герцена сидели крупные люди.

Но это не мешало им быть шпаной.

Крупной, как воры в законе.

Тут, к сожалению, прав недоброжелатель советской литературы Ходасевич, написавший совсем плохую статью о Маяковском.

Другой архаист, Бунии, пишет в «Окаянных днях:

«Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: "За сто тысяч убыю кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки..."».

Сказать, что русская литература виновна в русской революции,— значит сказать самую малость. Это мировой процесс — превращение артиста в героя скандальной хроники, скандальных историй, скандальяой истории. Россия гордится буйством Есенина как чем-то немыслимым на Западе. Но на Западе этот процесс шел не менее бурно. Начало его зафиксировано, пожалуй, в «Подземельях Ватикана» Андре Жида, где Лафкадио — как кажется, немотивпрованно, но мы-то знаем, что для остраненной остроты ощущений,— убивает незнакомого соседа в купе поезда.

Тот же Андре Жид еще в конце прошлого века написал «Плоды земные» — книгу, мало известную в России, но на Западе сделавшую революцию. «Послание» книги было

в духе Шкловского: обновленное переживание чувственной полноты бытия.

В мемуарной литературе встречаются упорные утверждения, что Есенин если не расстреливал несчастных по темницам, то не раз присутствовал при этом. Это из той же области, что разговоры о его бисексуальности: мог попробовать педерастию из хулиганской лихости, как пробовал Лимонов, открыто пишущий об этом.

Лимонов, конечно, босяк, но босяк литературный, имеющий сильную традицию в России, можно сказать, благородную традицию босячества как всяческого революционизма. Это Горький и Маяковский вместе взятые — но в процессе вырождения, нисхождения и саморазоблачения типа писателя и литературной темы.

Нисхождение темы здесь означает ее выпячивание: материал берется вне искусства, втаскивается на экран тремя, а не двумя измерениями. Лимонов писатель никакой, несуществующий. Но вместе с ним исчезает литература как художество, как «метод», он —

знак этого исчезновения. Позтому он — событие большое, хотя и отрицательное. Отрицательность здесь не оценка, а математическое понятие: меньше, чем ноль, но не поль.

Чтобы утешить Лимонова, скажу, что такая же минус единица на Западе — Пазолини, по крайней мере, в его фильме «Сало, или Сто двадцать дней Содома»: ощущаемость материала в фильме — внезстетического характера, он действует на первы.

С совершенно впезстетической откровенностью Лимонов называет свою книгу «Дневник неудачника». И никакне литературные реминисцепции не должны заслонить того, что речь у него идет о реальных пижамах и п... Неудача Лимонова — социальная: он не попал в свое время в советскую писательскую номенклатуру и об этом печалится на Западе, совсем не о тамошних голодных и рабах.

Тема советской литературы — да и тема современного искусства вообще — приходит

здесь к самоопознанию;

Нам надоели бумажные страсти, Дайте жить с живой женой!

Поэтому «Ладомира» Лимонову никак не написать. Для этого нужна вера в сверхчувственные ценности, пужен утопнам, еще не переставший быть поэзией:

И зоркие соблазны выгоды, Неравевство и горы денег — Могучий двигатель в лови годы — Заменит песней современник.

Нужна способность заменить позмой не только соблазны выгоды, но и соблазны любви. Шкловский, написавший об этом в «Zoo», сам эту способность всего лишь имитировал,

и «Zoo» осталась единственной его художественной удачей.

Лимонов, как сказал бы Фейербах,— «тайна» Шкловского, или его Немезида, как сказал Вл. Соловьев о Каткове в его отношении к славянофилам. У этого певца мастерстав искусство было лишено метафизического измерения, указывая лишь на эмпирические соотнесения, помогая, всего-навсего, острее ощутить «жизиь» (на ученом языке формализм есть вариант эмотивной теории искусства). Но для нотребной — вли непотребной — остроты, как оказалось, совсем не обязательно искусство: не пужно «Zoo» писать, достаточно экивой Эльзы.

Вопреки всякому формализму, из искусства выперав эта тема, «материал». А «стиль» исчез в неизвестном направлении. Впрочем, известно, в каком: растворился в постмо-

дернизме, «вивризме», хэпиенингах.

«Художник» ныне подтверждает наихудине опасения Тынянова в «Промежутке»: это голан тема, взятая на голой эмоции. (Об этом и Шклоаский писал в «Современниках и синхронистах».) Это — «неносредстаенное самовыражение» какого-инбудь рок-певца.

На Западе этот маскульт и стал исходом искусства— как в СССР им стал «культ личности». Отсутствие в России демократических традиций привело к модели художника как диктатора, тогда как на Западе ноявился художник как голос толпы. Рок-концерт— это не сольное выступление, а некое коллективное действо.

Художник-диктатор в СССР — Сталин. Эта идея долго посилась в воздухе, а сейчас ее зафиксировал Борис Гройс в квиге, по-немецки назаанной «Сталии как полное собрание

сочинений».

В диктаторстве как жестко оформляющей жизнь идее жизпенный выход нашла «конструктивистская» сторона культурфилософии Шкловского. Ее «гедонистическая» сторона ушла в теперешний маскульт. Первоначальная синтетичность, даже синкретичность теории разложилась, распалась на эти два элемента. Первый злемент уже в России изжит.

Перестройка и послеперестроечная литературная жизнь в России не будет реставрацией «Нового мира» с Твардовским, но без коммунистов. «Культа личности» снова не будет, но будет маскульт с Лимоновым как очень вероятным претендентом на роль культо-

вой фигуры.

Лимонов — telos русской литературы. С другой стороны, к литературе он имеет не большее отношение, чем рок-стар Мадонна — к христианской религии. Если объединить два эти утверждения, то получится, что литература кончилась, что такой конец и был ее целью. Она реализовала метафоры, сказалась вещно. Назвать это — то есть демократию — торжествующим хамом тоже будет метафорой и пынешнему стилю не отвечает.

Остается только построить демократию в России, то есть накормить Лимонова, чтоб он

перестал писать даже то, что пишет.

Ноябрь 1990

Пользуемся случаем прянести Б. М. Парамонову и читателям извинение за допущенные во вине редакции опечатки в статье «Портрет еврея: Эренбург» («Звезда», 1991, № 1): с. 137, строка 28-я сверху, нужно читать «Фолкпер» вместо «Флобер»; с. 140, 8-я сверху— «светскому» вместо «советскому»; с. 148, 12-я спизу— «Провинциальные» вместо «Принципиальные»; с. 149, 9-я сверху— «интеллигентская» вместо «интеллигентная»; с. 149, 23—24-е спизу— «русский классик» вместо «русский классик» вместо «русский классик» — Пастернак».

Раздел ведет Ив. Толстой

«ОПЫТЫ»

Среди послевоенных амигрантских журналов, продолживших дело объединения русских литературных сил, замстен был а свое время журнал О (1953—1958, 9 помероа). Расположение его редакции в Нью-Порке было в целом связано с перемещением центра русского издательского дела за оксаи. О были начаты под ред. Р. Н. Грипберга и В. Л. Пастухова и с пометкой: «Издатель М. Э. Цетлина». Со 11 номера О выходили как «литературный» журнал, з с IV помера Здесь смейнося и редактор им стал Ю. П. Ивась.

1 номер О был открыт «Письмом редакции», в котором, в частности, говорилось: «Собирзя по свету папих сотрудников, мы им писали, что программя нашего журналя— литература, т. е. стихи в беллетристика, театральные пьесы, литературиан критика, статьи о человеке и современности, корресионденции о жизни других литератур и искусств. библиогряфия, анкеты среди внострянцев о проникновении русского языка, мысли и художественного творчества за границу, политическвя проза в плане философии и истории.

Дальше мы им писали, что навсегда останемся прагами не только русского большевизмв и других нвпых тотвлитарных систем, во в тех родственных идей и взглидов, довольно распространенных, хоти и не столь очевидных в демократическом климате, которые все же направлены на планомерное упичтожение человеческой индивидуальности — единственного источника творческих сил:

что мы желаем освобождения русского художественного труда от партпино-полицейской опеки и избавления от "социального заказа"; что мы не сторонники готовых формул в творческой, художественной деятельности;

что шаблоны, столько раз возвещенные глашатаями разных школ и направлений, оставались, большей частью, бесплодными;

что в искусстве только личная энергия может разрешить возникшую перед ним творческую задачу, в зависимости от замысла и материала, свободно выбрвиных им. Сообразио этому, главное достоииство созданного произведения заложено в самом произведении, в раскрытии его внутренией закономерности.

Еще мы писали, что дорожим русским дереволюционным просвещением и опытом, когда наша родина в духовко-культурной области жила за-

одно с Европой, когда радость и скорбь, успех или вадение в жизни европейских народов были страстным переживанием и собственным делом лучшей части русского общества, двровитейшие представители которого создали на своем молодом языке, говори своим голосом, высказывля свою тревожную мысль о человеке, выпевая свои задушевные песпи, — бессмертные творения, воществие в число общечеловеческих вечных ценностей».

За івесть лет своего существования О напечатали стихи поэтов первой эмигрыции и тех, кто оказался на Западе в результате войны: Георгия Иванова, Юрия Иваска, Дмитрин Кленовского, Ивана Буркина, Сергея Маковского, Владимира Набокова, Ирины Одоевцевой, Владимира Смоленского, Глеба Струве, Лидии Червинской, Игоря Чиннова, Владислава Ходвсевича, Георгия Адамовича, Ольги Анстей, Нины Берберовой, Владимира Злобина, Юрия Одарченко, Никольн Оцуна, Всеволода Пастухова, Владимирв Марковв. Из советских поэтов нв страницах О появился только Борис Пастернак — стихами из «Доктора Живаго», а также — посмертно — Осии Мандельштам дауми стихотворениими, не известными к тому времени в эмиграции.

Раздел прозы О поместил историософские заметки «Судьба без судьбы» А. М. Ремизова, его же «Дягилевские вечера» и отрывок из романа «Плачужная канава»: два рассказа В. Варшавского; отрывок на романа «Базилисса» Игорн Каруао: отрыаки из печатавшегося еще в довоенных парижских «Числах» романа «Аполлон Безобразов» Б. Поплавского; философские миниатюры Карла Гершельмана; мемуарные заметьи Алексантры Толстой «Николка»: рассказы Г. Газданова, Е. Неверозой, В. Японского, Дм. Леховича и И. Сзвина; главы из воспоминьний В. Набокова; главу из романа «Загржевский» А. Головиной — о жизни детей в русской эмигрантской гимназии в Чехословакии; миннатюрный рассказ И. Бабеля «В щелочку», исключенный в 1924 году из лепинградского журнала «Русский современник».

Как и вообще русская критика, так и, в особенности, критика эмигрантская теснейшим образом смыквлась с эссеистикой, философской вублицистикой, исторнософскими и культурологическими этюдами. Не составила исключения и критика на страницах О. Георгий Адамович продолжил здесь печатание своих «Комментари-

ев», вонвлявшихся на протяжении четверти века в самых разных печатных органых зарубежья. Была опубликована статьи покойной 3. Гиппиус «Искусство и любовь» (размышления по поводу «Митиной любви» Бунина: «Попытка изобрааить мир в статике, в его настоящем моменте никогда не удается истиниому художнику. Отрицвет ли он мировой процесс восхождения или просто ие хочет смотреть в сторону всей этой метафизики - результат один: воля, не направленная вперед. — оказывается напрввленной навад и вниз. Не желан улучшвть действительность, такой художник роковым образом ее ухудшает... Отчуждение искусства от общей мировой жизни, сепаратизм искусства есть ложь»); заметки Н. Оцупа о поззни и судьбе Н. Гумилева: поклад С. Маковского «Поззия Игоря Чинновв»; рвамышления А. Ремизова о Гоголе: ствтьи В. Вейдле «Об иллюзорности эстетики и о жизиенной полноте искусства» («...почему же вырвженное, явленное делается явленным в искусстве, если оно не было ценным до него?.. как ни трудится художник и как им нужем искусству этот труд, все же не плоды его труда созерцаем мы... и не замысел... а то, что он выразил, быть может, сам того не зная, то, на чем в ответ нв его подвиг и заботу отпечатлелся, словно лик на убрусе, нерукотворный образ бытия»); заметки Ю. Иваска о Клюеве; философский опыт Ю. Марголина «О лжн»; главы из кинги Л. Шестова «Sola Fide»; статья прот. А. Шмемана «О Византии, 1453-1953» («Нужно не возвращаться в Визвитию, а только в свиом мире. в свмом человске снова увидеть все то, что увидело в них христианское врение Византии»); «Зависки читателн» Ю. Иввскв; «Заметки пв полях» Вл. Маркова; отрывок из готовившейсн книги В. Варшавского «Незамеченное поколение» (глава о Набокове); статьн Ф. Степуна «Кино и театр» («...нету искусства, которое с такою же силой выражало бы сложную сущвость нашей эпохи: богооставленность, нвуковерие, прометеевское самоуправство, импровизация собственного мирв, канитвлистическая предприимчивость, интерпационвлизм, потакание массам — все эти черты иншей современности находят исключительно полное выражение и двлюе символическое ознаменование в лучших созданиях современного фильмового искусства. В этом его смыся и оправдание его бытип») и много других материалов.

Большое винмание в О уделялось разделу рецензий и отзывов на книжные новинки. Не удивительно, что в первую очередь реценаироввлись русские книги, издававшиеся тут же в Нью-Йорке и выпускавшиеся издательством имени Чехова, самым крупным на Западе а 50-е годы. Это отзывы В. Пастухова на книгу А. Ремизова «В розовом блеске» и исторический ромая Н. Ульянова «Атосса»: Ю. Иваска — нв сборник «Приглушенные голоса», антологию советской позвии, составленную Вл. Марковым; М. Кантора — на сборник статей и речей А. Гольденвейзера «В звіциту права»; В. Емельниова — на книгу о дальневосточной русской эмиграции, роман Н. Федоровой «Семья», Н. Полторацкого — на политическую биографию П. Б. Струве, написвиную С. Франком, а также другие.

Подтверждая свою журнальность, О стреми лись виформировать читателей о нарижских и московских новинках: стихах А. Гингера, Л. Червинской; В. Мамченко, С. Прегель, С. Маковского — их сборники понвились в послевоенном издательстве «Ряфма», «Дие позлии», сборниках пврижского Пиститута Слввиноведения, посвященных русской литературе.

Первые два померв О напоминали своей внешностью и печатью довоенные «Числа»; помера выходили обычными и нумеровавинми. Начиняя с третьего номера уменьшися формит О, а с четвергого — оформление. Один из редвктороа О, стоявший у истоков издания, Роман Гринберг, станет в 60-е годы издателем взвестного вльмвнаха «Воздушные пути».

СОДЕРЖАНИЕ

Илья ФОИЯКОВ. Актуальные соцеты	3
Александр СОЛЖЕНИЦЫН. Март Семнадцатого. Роман (окончание)	5
	76
	79
	80
	87
Александр СКИДАН. Стихи	89
Елена ДУНАЕВСКАЯ. Стихи	90
новые переводы	
Альберто МОРАВИА. Скука. Роман. Перевод с итальянского С. Бушуевой	91
публицистика	
Антон АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО. Карьера палача (окончание)	39
• •	67
из литературного наследия	
Алексапдр ВАМПИЛОВ. Цва рассказа. Предисловие, публикация и текстологическая подготовка О. М. Вампиловой	80
	84
КРИТИКА	
Евгений ГОЛЛЕРБАХ. Appassionato (Ленин как читатель Гумилева)	88
Кейс ВЕРХЕИЛ. Кальвинизм, поэзия и живопись (Об одном стихотворении	95
ФИЛОСОФСКИЙ КОММЕНТАРИЙ	
Борис ПАРАМОНОВ. Ной и Хамы	199
книжный угол	
Ив. ТОЛСТОЙ. «Опыты»	206

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своем решении. Рукописи объемом менее двух печатных листов не возвращаются.

к сведению подписчиков

Сообщаем, что всеми вопросами доставки журнала занимаются местные отделения «Союзпечати».

Редакция не имеет свободных экземпляров журнала для рассылки читателям.

В 1992 ГОДУ «ЗВЕЗДА» НАПЕЧАТАЕТ:

Фантастический роман Андрея СТОЛЯРОВА «Монахи под луной».

Роман Владимира КОМИССАРОВА «Сухая гроза» — сатирическое повествование о временах «хрущевской оттепели».

Повесть Бориса НОСИКА «Большие птицы» — остроумно рассказанная история любви московского литератора и молодой англичанки.

«Книга пустот» Виктора СОСНОРЫ — метафорически насыщенная яркая проза известного ленинградского поэта.

Пьеса Бориса ХМЕЛЬНИЦКОГО «Ванька Каин».

В 1992 ГОДУ «ЗВЕЗДА» НАПЕЧАТАЕТ:

Роман самого известного из неизвестных в России английских писателей Лоренса ДАРРЕЛА «Жюстина» — любовно-эротическое произведение с драматическим сюжетом, действие которого развивается в экзотической Александрии.

Роман Нормана МЕЙЛЕРА «Американская мечта» — книга, три последние десятилетия будоражащая умы читателей в США.

Роман Джона СТЕЙНБЕКА «Короткое правление Пипина IV» — веселое «историческое повествование» о восстановленной во Франции в середине XX века монархии.

Сергей ДОВЛАТОВ — из литературного наследия.

Главы из документальной книги американского журналиста Гаррисона СОЛСБЕРИ «900 дней» (о блокаде Ленинграда).

Стихи и эссеистика лауреата Нобелевской премии поляка Чеслава МИЛОША.

Главы из мемуарной книги немецкого писателя Вольфганга КЕППЕНА «В Россию и еще кое-куда».

Работа английского философа Бертрана РАССЕЛА «Власть».

В рубрике «Мемуары XX века» будут опубликованы: Григорий ПОДЪ-ЯПОЛЬСКИЙ «Автобиографическая повесть» (предисловие А. Д. Сахарова), Борис ВАЙЛЬ «Особо опасный», Владимир ШЛЯПЕНТОХ «Открывая Америку».

Готовится специальный номер, посвященный столетию со дня рождения Марины Цветаевой.

Некоторые интереснейшие материалы 1992 года мы не рекламируем — из-за участившихся случаев пиратской перепечатки другими изданиями текстов, объявленных нашим журналом. Они являются тайной журнала и будут сюрпризом для его читателей.

Всех обладателей годовой подписки на «Звезду»—92 ждет приз:

Вместе с 11—12 номерами журнала вы бесплатно получите книгу, вами же выбранную из списка, который будет опубликован в первом номере за 1992 год.

- Да нет, старики никудышние. Очень хлопотала Сухомлинова— ей отказал. И Макарова— ни за что не отпущу, он мне ответит! Вот вернусь— буду старших охранников хоть сам доправнивать.
 - А царь останется под арестом?
- Да какой это арест! отфыркнул Керенский длинными губами, они у него и беспощадно умели складываться. Узникам дают общаться друг с другом, какое ж тогда следствие? Вот на днях заберу охрану в министерство юстиции, тогда разделю царя и царицу, чтоб они совсем не виделись, как полагается, вот тогда мы кое-что узнаем! Оживился. Но ненависти не было в его голосе. Тогда, может быть, и выследим «дело Царя». Дело Царя!.. Да я должен увидеть их сам. Поеду вот в Царское к ним, нагряну!

Чего не хватило во Французской революции: не явилсн Робеспьер к Людовику сам!
— Чем более революционным будет правительство в методе своих действий,— внушал

друг, - тем больную устойчивость оно приобретёт.

— В такой буре — пойдите, сохраните устойчивость! — горько отозвался Керенский, всё ещё бледшый. — Послал судебным палатам приказ; кому это удастся, пока по возможности не освобождать уголовников. Ведь что делается: в тюрьмах посжигали дела, теперь никого не знают, у кого когда конец срокв, все говорят — на днях. Теперь всё равно неизбежно давать большую общеуголовную амнистию: кому тюрьма — всех освободить, каторжные работы — снять половину. Скоро дадим амнистию, какой не бывало ни при олном царе!

 Но отчего, отчего ваши министры все такие нежные? — с волевым переливом спросила неуклонная поэтесса. — Почему среди министров, кроме вас, попросту говоря —

пет мужчип?

Керенский перебрал длинио-волнистыми губами:

— Не говорите, друг мой. Я сам среди них — просто изнываю. Да! — вспомнил, и ещё на ступень оживился, и обратился к поэту-мужу: — Зачем и приехал? Я же приехал заказать вам популярную брошюру о декабристах — ведь вы же дышите ими, вам легко. Напишите скорей! И напоминайте, и выявите, что декабристы были — офицеры! Это сейчас очень пригодится, это может смягчить трения в войсках. А Сытин закатит тираж тысяч сто!

Муж аоодушевился, друг во внимательных очках заинтересовался,— но хозяйка продолжала свой важный допрос:

- А как министры восприняли последний манифест Совета?

— Никак! — возмущался Керенский. — Разве рыбы могут что-нибудь воспринять, не

воспринять?

- Но я нахожу... но мы тут находим, что... Манифест ничего. Конечно, язык эсдечный и есть нодозрительные места. Но он возглащает как бы мир без победы? Это красиво. И нри этом не зачёркивает войну как субстанцию, как мы её понимаем, символисты: не а грубо прямолинейном смысле всеобщего истребления, но как жертвенное прещение, экстатический подъём, очистительную жертву вселенского костра, в котором и выявляется Мировая Красота. А вы это понимаете? разделяете?
- Ах, ах! страдальчески обжал Керенский локтесогнутыми руками свою огурцовую голову.— Эти идиоты просто предают западные демократии! Мне стыдно будет смотреть в глаза французским социалистам, которых я так заверял в нашей верности!

Он оглянул их троих — и испугалсн их торжественных, загадочных, философских лиц. И в испуге — вскричал, чтоб эти исторические сфинксы услышали! И — вспрыгнул

из кресла, и забегал по гостиной, вценляясь в свой короткий бобрик:

— Исполнительный Комитет — это кучка фанатиков, а вовсе не Россия! Мне нечего делать с этим Исполнительным Комитетом! И с этим правительством размазней мне тоже нечего делать! А между тем, не пришлось бы правительству уйти под давлением сепаратного мира, как нажимают тупицы Совета! И что будет с Россией?

И — упал-наклонился к шкафу, как к скале, на его ребро, провисая спиною в глухом

френче:

— А вот ещё приедет скоро сумасшедший Лепин — что будет тогда? Я для него — шовинист! A? A??

635

В комнате Исполнительного Комитета за все дни так и не прибили вешалки — и шубы, пальто наваливались на диване, на скамье в углу, и там всегда кто-то возился, разыскивая своё. А пустым шкафом задвигали, чтоб не было прямого ходу, дверь в соседнюю комнату солдатской Исполнительной комиссии, в неё тоже уже навыбирали несколько десятков человек. А председатель её поручик Станкевич был и там, и тут.

А сколько состояло членов в Исполкоме — наверно и Чхеидзе не знал точно, они всё что-то добавлялись, то из эмиграции, может быть секретариат успевал знать, потому что каждому члену ИК был выдан красный билет для свободного прохода всюду в Таврическом. А вот Пешехонов и Мякотин, иаиболее близкие Станкевичу по право-социалистиче-

ской ориентации, войти в ИК не захотели, не признавая законности Советов. И седовласый патриарх народников Чайковский, хотя зачислен в ИК, а почти не бывал. И симпатии Станкевича склонились к группе так сказать «правых» здесь — Гвоздеву, Брамсону и Богданову. А ещё ж сюда доизбирали и солдатских депутатов — пяток писарей во главе с Завадьей и Бинасиком, присяжным поверенным. Да ещё была пара военных чиновников от Совета офицерских депутатов, не смевших на Исполкоме и слова сказать. А Капелииский от простого секретаря поднялся в заведующего секретариатом в трёх комнатах, а просто на протоколах сидели у него Перазич и Суриц, тоже не простые писаря, а какието партийные, давно кому-то знакомые.

Приезжающие фроштовые депутации иногда допытывались: как Исполком возинк и из кого он состоит. Возникало неудобное положение, потому что непартийным людям трудно объяснить традицию революционно-партийных представительств, при которых примитивные общие выборы совсем не обязательны. Да многое было, о чём Исполком не хотел бы дать знать наружу. Он издавал директивным тоном громогласные на всю страну решения — но как они родились тут, оставалось его тайной. Он ни единый день не выполнил своей повестки, под напором внеочередного принимал решения второпях. Изображаемой уверенности в вождях демократни не было, мнения их менялись с большой быстротой, от уходов-приходов сильно менялся состав заседающих — и настойчивый член мог подловить нужный момент случайного большинства для яужного ему решения. А самым настойчивым оказывался Нахамкис, как второй стоячий председатель он перестаивал и подминал под себя, да ещё ж выходил к делегациям и полкам речи держать — а речи те, как вслушался Станкевич, были многословной пустотой и тупым повторением, что внутренний враг ещё пе сломлен и эта подозрительная гуманность погубит революнию.

Но больше: что б там на Исполкоме ни было решено, а по стране разносился даже не его голос, а трубный голос «Известий», четверть миллиона порхающих газетных листов, и это был собственный голос Нахамкиса, захватившего «Известия» с тем же самоуправством и безответственностью. Подбор статей и тон их были безобразны, часто голос «Известий» не отличался от самого грубого голоса «Правды», а «Декларацией прав солдата», напечатанной воасе не как проект, переколыхнули всю армию.

Да десятки членов и не членов вообще самовольно действовали от именн ИК: на бланках с его печатью рассылали разрешения на грабёж имений, как Александрович, или с мандатами Совета и не считаясь с его постановлениями разъезжали по провинции и фронту. А Скобелев требовал предоставить Совету Зимний дворец.

Таков был тот Исполнительный Комитет, в который Станкеаич сознательно принцёл и осваивался тут, видя в нём онору для решений и действий. Но — здесь ли она была?

Во глубине России, по новой моде, возникали такие же неведомые, не сосчитанные и неизвестно как выбранные советы, советы — и слали запросы нетроградскому Совету, какой же тактики иридерживаться? как относиться к Временному правительству? как...? (А минский Совет слал телеграмму: отвяжитесь, не вмешивайтесь в наши дела!) Петроградский Исполком и хотел бы руководить всеми этими местными советами, да не успевал справиться. И всё чаще говорили, что надо бы ещё в марте собрать Всероссийское совещание Советов.

Станкевич всегда был натурой не только деятельной, но направляющей. Он не мог быть пассивным свидетелем хаоса. Высшая задача была: из какого-то опорного центра опередить разлив анархии, не дать ей развалить армию и Россию! И когда он сидел в бурлении двухтысячного Совета — ему казалось: нет, тут толку не будет, действовать только на ИК. Но с преарением наблюдая бестолковое прозябание ИК, его страхи перед конфликтами с рабочнии и с таниственным фронтом, как бы он ветром не сдул их тут чертовщинную слаженность, и как ёжились перед распахнутыми лицами фронтовиков; и слушая жалкий жаргои здешних циммервальдистских формул и как они запутались с этой империалистической войной, что о ней думать, и скорей же надо её кончать, и нельзя же стать лёгкой добычей Гогенцоллернов,— Станкевич откидывался: нет! даже с громоздким солдатским еборищем можно кашу сварить надёжнее: оно благоразумней своего Исполкома, потому что солдаты, по крайней мере, стихийные натриоты, их безграмотная толпа настроена здоровей и дружелюбней.

А тут — участились фронтовые делегации. И перенимая общую самовольщину Исполкома — Станкевич, на то не уполномоченный, стал к ним выходить и решать армейские вопросы. Едва ли не каждая фронтовая часть уже слала или хотела прислать свою денутацию в Петроград: узнать, понять, что тут делается — как может существовать две власти (иногда спрашивали о судьбе царя). Но — высказаться и самим. И высказывания их были самые не циммервальдские: готовы до последиих сил бороться! ни пяди не уступим врагу! армия не потернит мира с Германией! мы не хотим, чтобы жертвы прошлых лет окончились ничем, и это позор для России! всё для войны! Мы 24 часа под снегом, дождём и ветром — а как будет работать тыл? и он должен идти на те же жертвы! Боимся только одного: что нам не дадут кончить победой! Мы под пулемётами врага не хотим купить своё личное спасение позором России! Неужели новая Россин заклеймит себя

спасет нас от провокаторов-агитаторов, а мы спасем его от немцев!

И эта обративя фронтовая волна, прикатившая в ответ на посланную туда волну разложения— несла надежду! С этими фронтовыми делегациями Станкевыч освежался от затклого воздуха Исполкома и снова узнавал себя (военных лет), свою армию и свою Россию. Может быть, эти делегации и не выражали истипно того, что медленно проваривалось сейчас в дремучих низах армии: делегации могли быть посланы инициативными, энергичными, достаточно просвещенными групцами. Но от этого они не переставали выражать возможную энергию армии. Эту обратную здоровую волну надо всеми силами поддержать! эту энергию возглавить и направить. Ещё армия здорова! — но нельзя терять этот короткии момент — надо выйти ей навстречу честной, открытой и пераздвоенной революционной аластью!

А с первых дней революции появился обычай посытки во все места комиссаров — сперва от Думы в обезглавленные министерства, смятенные губернии, разъяснителями на фронты. Но если бессильная Дума так посылала, то не стократно ли успешней может послать Совет с его реальной властью? Посылать теперь не временных, но постоянных военных комиссаров Совета — состоять нашими советчиками и направителями при самом военном министре, при Ставке, при штабах фронтов, флотов, да пожалуй и асех четырнадцати армий? В момент, когда раскололась власть и на фронтах плохо понимают события, — такие мостики военных комиссаров всё соединят в жесткую конструкцию: незамедлительно передать директивы, быстро решать все армейские вопросы, предупреждать ошибочные шаги командующих, но и руководить политической деятельностью в иойсках и всей системой солдатских комитетов так, чтоб ощи не вели к развалу. Право же, это было здоропо задумано!

И со своими офицерамы-депутатами подготовив доклад, Станкевич вчера застиг Исполком врасплож и получил предварительное согласие, записали в протокол.

Так — наступит ли эта твердая конструкция? Можно ли её состроить петвёрдыми руками? В Исполкоме в ту минуту, может, сложился случайный состав. А ведь это еще

надо провести и через правительство?

Сегодия в комнате Исполкома было меньше обычных заседающих, зато натаскано много знамён, венков и плакатоа: как раз на сегодня назначались гранднозные похороны жертв революции на Марсовом поле, но в последний день отменили за неготовностью. А всё натасканное пока останется здесь, придавая заседанням Исполкома торжественнотраурный аид: то рабочий, разрывающий цени на фоне восходящего солица, то погребальные венки.

И как раз в эту странную обстановку явился совсем неожиданный гость: министр финансов и миллионер, разодетый и даже благоуханный Терещенко. Заседание уже кон-

чилось, по Станкевич остался посмотреть.

Это был первый министр, ноторый япился поклониться Исполнительному Комитету! — Исполком всё же не рискнул бы вызвать министра. До того молодой человек — тридцати лет ему не было, не старше Станкевича, и до того с услеженной наружностью, без усов, без бороды, по-евронейски подстрижен, костюм от лучшего портного, уголок носового платка из нагрудного кармана, крахмальный воротничок, бабочка, сияющая улыбка (а глуноватая), — а вокруг чёрно-красные ленты: «вы жертвою пали».

А из Екатерипинского зала доносится марсельеза и вопли, принимают очередной

гвардейский полк.

По чьей бестактности этот сахарозаводный наследник и принц кневских шантанов стал революционным министром? Уж после этого ничего более экстравагантного он не мог аыкинуть, ни даже вот явясь в Исполиительный Комитет. А явился — кажется только познакомиться и показать свою обворожительность? Обходил, любезнейше жал руки членам, рассыпался в комплиментах, давал понять, что он тоже читал отцов социализма. Как болтовию наполияют светскими мелочами, так он рассказывал тут, что уже перестранвает государственный бюджет на демократических началах. И о чем только просил: прислать к нему в министерство нескольких советских, помогать в этой работе.

Власть! — наша революция давала задуматься о ней. Ведь как будто революция и производится, чтобы свергнуть одну власть и утвердить другую. Но — странное впечатление вызывал вот такой министр, да и коллеги его: как будто они робели перед

властью, не полимали её и себя в ией.

Но так же диковаты были и эти революционные пиджаки, которые вот раскланивались с благоуханным министром. Сами-то они брать власть не хотели никак, а «пусть либерализм обанкротится перед лицом широких масс». (И: чёрт его знает, чем ещё кончится эта революция, и эта война, и эти двенадцать миллионов под ружьём, что с ними делать?) Сам Исполнительный Комитет брать власти не хотел ни за что — но саязал и правительство так, чтоб оно не имело власти.

Но пепопятно осталось: зачем же Терещенко приходил?

А вот что: ведь инчего не сказал о 10 миллионах рублей Совсту!

И как-то опешили от его ласковости, никто и не спросил.

636

(армейские фрагменты)

. . .

В Особой армии в гвардейском стрелковом волку Его Величества солдаты отказались спороть с поговов царские вензеля. Генерал Гурко приказал: не привуждать солдат,

. . .

В Каменец-Подольске, где штаб Юго-Западвого фроита, генерал Брусилов собрал а обширном Народвом доме митинг из солдат и офицеров. Из его речи арисутствующие узнали, что Брусилов инкогда не любил династии, как ни украшал его бывший царь орденами и аксельбантами, купить его ласками было невозможно, — а всегда оставался верен яароду. И что ему всегда претила вадоедливая церемония отдалин чести, он рад от веё отделаться.

. . .

Командир 22-го армейского корпуса генерал барон фов-Бринкен в момент принесения его корпусом присяги Времениому правительству ввезапно узал перед строем: умер от разрыва сердца.

* *

Как теперь понимать отмененвую арисягу? Кое-где дошло до драки между частями присягавшими и неприсигаашими.

•

Батальои из резерва повели вечером работать на передовую линию. По дороге в темноте кто-то закричал: «А что нам идти башку подставлять, что мы, дурные?» И другой: «У всех слобода, а нам башку подставлять?» Офицеры всё же уговорили. Но когда арошли асю дорогу — и асю по грязи — солдаты окопчательно отказались. И весь батальов отправили назад в резерв.

Ещё через ночь их водили уже в другое место, по сухой дороге. С верекурами, с переговорами добрели к работам перед полуночью. Повозились малость — и через два часа пошабашили.

А ещё на следующий вечер сказали: «Там на рабочем месте грязь.» И не вошли.

. . .

И две роты 14-го Финляндского стрелкового полка отказались идти на работы, днём. Начальник дивизии генерал-лейтенант Селиавае́а, иебольшого роста, а с длияным лысым череном, сам отправился а лес к этим двум построенным ротам, поздравил их с првиятием присяги и предложвл рассказать, как они её понимают. Вышел унтер-офицер и доложил: раньше они дрались за немцев и предателей родины, а теперь — за счастье свободной России. Гонорал громко спросил, согласны ли роты. Отаотили, что согласны. Тогда он объяснил им, что долг и повелевает драться при всех услоамих. Обещали работать безропотно.

Ещё спросил: а слыхали ли они, что цекоторые мутят слухами о аыборе себе начальников? Так аот, он предлагает им выбрать аместо себя начальника дивизни, яа что даёт им четверть часа. Отъехал с офицерами, через 15 минут вернулси: готоао? В один голос ответили: «Только вас, господин гене-

рал, ааше ареаосходительство!»

Тогда генерэл объясиил, почему им трудво выбирать себе явчальников, яе апая ни жизяи их, ни военвых вознаний.

. .

Высокопоставленный генерал из штаба фроита поехал сам уговаривать полки, отказаашиеся заиять окопы. Вдруг одии солдат с безумным видом кинулся к нему, аыхватил шашку из генеральских ножен, вамахнул яад генералом!!! — и воткиул в аемлю рядом. И в истерике закричал: «Клянемся генералу, что поддержим поридок!»

. . .

На митиштах требуют: убрать из офицеров, кто с немецкими фамилиями. И просто строгих. И — на кого покажут, скажут. Некоторые младшие офицеры, прежде в чём-либо оскорблённые, теперь удобно сводит счёты с обидчиками, старшими чииом: одни — через подставных уитеров, другие сами произносит зажигательные речи.

На одном таком митвиге слушал-слушал старый офицер и саросил: а как теперь будет с пенсией

аа беспорочную выслугу лет?

Оратор с трибуны показал ему кукиш под гогот солдат:

- Фигу тебе в нос, а не пенсию, прислужвик старого режима!

. . .

Исполнительный Конитет Совета Солдатских депутатов 8-й армии (Каледина) составился из: двух арачей, одного аоенного чиновника, одного служащего Союза городов и лишь одного солдата. Перенолошился затеей офицеров, чиновников и врачей создать в Черновицах саой отдельный союз; объявили «черяосотенной затеей» и «контрреволюцией», «темным делом». И натравлквали солдат на тот офицерский соает.

. . .

Ахтырский гусарский полк посылал в Петроград своего унтер-офицера «для осведомлении». Тот вернулся и доложил своим:

— Соает солдатских депутатов состоит из солдат, никогда не быаших на фроите. Да ещё из

. . .

В Петрограде готовились к похоронам «жертв революции» — то есть павших дли её торжества. Не хватало трупов. Из лазарета гвардейского Москоаского батальона собрались везти убитого капитава Фергена... Полковая дама уэнала, возмутилась, вывезла его труп из лазарета и похоровила на Успенском военном кладбище.

. .

В Кронштадте вад кораблеми и домами — вперемежку андреевские и красные флаги. Строевые занятия как будто возобновляются, ио сильно не хватает офицеров, зато мяого комитетов и комиссий. Приезжали от Петросовета Скобелев и Мураиов, было революционное вече на Якорной площади. Кровштадт «согласеи поддержать СРД и Временное правительство постольку, поскольку». С 15 марта выходит большевицкий «Голос Правды» в тысячах экземпляров. На гарнизонном собрании в манеже большевики выступают один за другим: «Для рабочего класса и крестьявства революции только начинается!» Военные оркестры играют интернационал.

. .

13 марта 710 полк ополченской 178 динизии близ г. Рогачёна оказал сопротивление ари посадке в зшелон, ехать из фроит. Только после прибытии начальника динизии офицерам удалось построить солдат и посадить в нагоны.

Два эшелона 445 аехотного полка отказались ехать на позицию: «Воевать хотим, а на позицию не желаем, дайте отдых месяца два!»

ment Mante of Man mountain Monta

. . .

16 марта в Твери генерал Чеховской, которого Совет солдатских депутатов избрал бригадным генералом, явился в канцелярию запасвого пехотного полка за городом и вёл беседу с офицерами. Вошли трое вооружённых солдат:

- Генерал! Нам приказано вас арестовать! Следуйте за вами на гауптвахту.

Никакой бумага пе было предънвлено, но генерал беспрекословно подчипилси. На одав при-

сутствующий офицер тоже не возразил ви словом.

Конвой из 12 солдат повел его, впереди отдельно. Со сторовы другие солдаты и штатские стали бросать в генерала камвими. Одвим на них равевный в голову, генерал Чеховской упал. На него набросились и добили камиями — беа помех от коввоя и даже при участии его.

. . .

728 пехотный полк пожелал вядеть своего вачальника дивизии в 2 часа иочи. Затем пережелал и согласился на следующий день. К его встрсче полк был выстроев в полном составе, с офицерами. Уполномочевные от солдат, под шумные восклицавия всего полка, заявиля, что просит разрешения послать четырёх депутатов от полка в Истроградский Совет, чтоб узнать, что там у них делаетси, и сделать им свои авявлении.

Уже было соответствующее разрешение по корпусу, в вачальник дивизии согласялси.

Затем нолковые уполномоченные выразили, что их дивязин уже меснц стоит на позиции, а другие дивизии корпуса давно отдыхают в Двинске, — и пусть теперь те дивизии поработают а окопах, а без этого и наша на позицию не пойдёт. И ещё они заявляют, что те части в Пстрограде в городах, которые ходят по улицам и вывешивают флаги «война до полной победы!», — должны быть поставлены в окопы и испытать на себе, как победа достигаетси. А нам, послужившим на войне, стать вместо их.

Начальник дивизии генерал-майор Попов четыре часа кряду уговаривал, разъяснял, убеждал (как уже и, с 1 марта, каждодненио беседовал во всех частих),— ничего не добился. Солдаты настанваля, чтобы спешно было доложено командиру корпуса и командующему армией, и дать им ответ.

С каждым днём иедоразумения всё чаще — по пустякам, а по характеру грозные. Солдаты озлоблены. Уговорят по одному случаю — вспыхивает по другому.

. . .

В 26-м корпусе из дивизиовной инженерной роты пришла анонимка командиру корпуса генералу Миллеру — довос на дивизиояного инженера, что он не позволиет роте читать газеты, передаёт по все распоряжения Временяого правительства и вообще ивлиется привержевцем старого режима, а позтому рота настаивает убрать его и заивлиет, что не будет ему подчивяться.

Начальник штаба корпуса воехал в ту виженериую роту. Дивизионный итжевер, высокий худой старик, оправдывался: «А зачем вм газеты? Что ови ва тех газет поймут, идиоты? Россия —

некультурнан страяа, я вся революция в ней — дурацкая аатея от начала до ковца.»

Уволили его тотчас, рота кричала «ура». Но за дивизионным инженером и старший офипер роты подал рапорт об уходе, по мнимой болезни. А рота стала требовать сместить и прапорщика, и фельдфебеля.

А в одной дивизии 18-го корпуса взбунтовался перевязочный отряд: потребовал, чтоб над ним не было никакого воинского начальника, а медицииский персонал сам бы самоуправлялся.

В 144 Каширском полку, известном яам по Хохенштейну, где лёг он наполовину, задерживая немцев, и командир был убит при знамени, а другие попали в плен,— в этом вовом полку со старым названием теперь арестовали командира полка и полкового адъютанта. Через день, однако, освободили.

В одном полку на Западном фронте арестовали сразу 17 офицеров, начиная с полкового командира и до прапорицика. Обвинили всех в измене: какой-то депщик слышал разговор офицеров: «Такой кабак с правительством — хоть бери чемодан и иди к немцам». К счастью, приехавший денутат Государственной Думы Щепкин убедил солдат отпустить арестованных. Но начальник дивизии вынужден был взамен этих офицеров дать в полк других.

. . .

В гвардейском Московском полку на фронте третья рота самочинио построилась без оружия, и фельдфебель подпрапорщик Кузиечихии доложил командиру роты штабс-капитану Климовичу 3-му, что рота просит его выйти к вей. Он вышел к ией, поздоровалси. Но вместо ответа ени по знаку фельдфебеля объявили, что ие желают, чтоб он командовал ротой дальше. Климович отправился к командиру батальона с докладом о происшедшем — тем временем рота, смяа ряды, бросилась к землянке, где помещался подпоручик Костылев, объявила ему, что выбрала своим командиром, и стала качать при криках. Климовичу осталось отправиться в обоз 2-го разряда.

* * 4

Скомандовали солдатам, что будет полковой парад. Куда его ещё заведут? Не поверили — и зарядили боевые патроны.

В одном полку требуют 8-часового окопного дня. В атаку не пойдут, так как атой аемли им не папут.

В другом: «Хотим домой! Хотим попользоваться свободушкой и земляцей! Зачем нам теперя калечиться? Шибко ужасно умирать при таких открытых дверих в России!» Потом уступили: ладно, стоять в обороне будем, ио в наступление ие пойдем.

Через лавочника солдатской лавки один полк передал другому угрозу: и ваступление не ходить, откроют фланговый огонь.

Восемь разведчиков бросили винтовки и перебежали к противнику. («Теперь слобода, не вкажут.»)

В германских листовках: Германия сочувствует государственному перевороту в Россия, отказывается от вмешательства в её внутревние дела и от наступления на русском фровте. «Англин желает воевать до бескопечности и чтобы русский солдат служил ей пушечным мясом. Свергните постыдное иго англичані»

А Юго-Западное интендантство как раз в эти иеделя ухудшило выдачи: ржавые селёдки, худая солонина, чечевица. Громче кричали на митингах: офицерье это нарочно делает, чтоб нас опять вогнать в нижних чинов!

Уже и такое поползло: офицеров бы кончить, девежные ящики разбить, девьгя поделить поровну— да и по помам.

Поделить ротные деньги? Солдаты из хозяйственных мужвков оспаривают: не делить, ещё всей роте нужда будст.

Солдаты в землниках целыми диями режутся в карты. Командующий 4-й армисй генерал Рогоза запретил и генералам и офицерам играть в карты до конца войны — чтобы только солдаты не играли.

Так всё равно будут.

. . .

В 109 пехотной дивизии нашлись такие развитые-грамотные, что в резолюции написали: установить солдатский контроль над операционными частями штабов. Установить в стране единый прогрессивный подоходный налог, как требует солдатская масса. Конфисковать помещичьи, монастырские и удельные земли. И — пора приступать к мирным переговорам.

В Бринске вспыхнул бунт гарнизона. При командующем 10-й армией генерал для поручений Марков поспешил в кинение совета военных депутатов, бурно выступил там, добился постановления: освободить 20 арестованных офицеров и восстановить дисциплину. Но после получочи несколько вооружённых рот даинулись на вокзал расправиться с Марковым и освобождёнными. Толпа беспова-

лась, положение отчаянное. Марков, перекрикивая гул:
— Да если был бы тут один из моих железных стрелков, он бы вам сказал, кто такой генерал Марков.

Из толпы голос:

— Я — из 13-го полка.

Марков, расталкиван солдат, к нему и за ворот шинели:

Ты? Ну так стрелий. Пощадила пуля в боих — пусть покончит мой стрелок.
 Толпа взмыла восторгом. И под «ура» отпустила его с освобожденными в Минск.

. . .

Покоряейше просим в яашем 13-м тяжёлом артиллерийском дивизионе полковник биляев, родственник бывшего военного министра Биляева, убрать, который распространяет слухи, что неверте свободе ети люди сегодня красный флаг, азавтра чёрный и зелёный. Депутаты ивлялись, но как запуганные старым режимом бонтся говорить правду. Ещё командир 3-й батарен капитан Ванчехазе, сын Арестованного генерала Ванчехи, разгневанный выстроил всю батарею и говорит, что я Вас подведу под самые вули, что некого не останется, наказывал солдат безовсякой вины, которое могут подтвердит вси батареи, что он изменник Государства, и покорнейше аросим убрать нашего внутреннего врага Ванчехазу за старое истязание.

По желаниям, выраженным из Петрограда, генерал Алексеев понял, что Гучкову сегодня не надо устраивать никакой торжественной встречи, а министрам завтра — напротив, надо. И он отдал распоряжение собрать завтра на вокзал штабных офицеров и публику, а сегодня поехал к полудню встречать Гучкова лишь с Лукомским и Клембовским.

Это и лучше, что Гучков приезжал прежде остальных министров, отдельно. Наперёд выступал не политический разговор, очень неприятный, но профессиональный военный.

На перроп всё же стяпулось пемного публики, кто узиал. Поезд остановился — из гучковского вагона вышло двое юнкеров-павлонов и стали часовыми у входа, отлично

держась. В окнах виднелись полковники, сопровождавшие министра.

Алексеев вошёл в вагон, волнунсь: ещё живо было в памяти, как Гучков едва не погубил его прошлой осенью перед императором своими необузданными письмами, так что на некоторое время даже само звучание его фамилии становилось гепералу неприятно. Не виделись больше года — и вот он приехал в Ставку не скромным краснокрестным представителем — а в полной власти. Да он и раньше казался Алексееву человеком необыкновенным — своею всероссийской славой, отвагой, своею противотронной дерзостью. Поэтому и сейчас не было ревнивого чувства, что это — штатский выскочка, занявший пост военного министра. Алексеев с тревогой ожидал, как на него Гучков посмотрит и что первое скажет.

Гучков сидел над бумагами в салоне-канцелярии, образовавшемся от разгородки двух купе. В полувоенном френче, а вид усталый. Поднялся без всякой военной подтяжки. Алексеев отрапортовал с рукой при козырьке. Пожали руки запросто. Немного

полегчало: вид у Гучкова был не для разноса.

Сказали по несколько слов. Несколько слов после таких событий! Всё — ничтожно, певыразимо, пеперечислимо, а сколько уже отпечатано на текущих лентах аппаратов...

А поздравление с занятием министерского поста — как-то не выговорилось. Но и, встречно, никакого сочувствия уязаленному Советом положению Алексеева Гучков не высказал. И унизительно было бы жаловаться сму на Совет? А может быть, это и значило, что не надо обращать внимания на газетные статьи?

Гучков представил несколько своих чинов. И — корреспондента «Таймс», зачем-то

сопровождавшего его вместо русского.

Фельдфебель навлонов выстроил свою чёткую четвёрку у выхода — и это был весь караул. Проминаясь, Гучкоа вышел на нерроп, пожал руки Лукомскому, Клембоаскому,

не добавил ничего - и все пошли, сели в моторы.

Этот путь по Дпепровскому проспекту за последние недели с разным настроением проезжал Алексеов — то в темноте, то днём, встречая, провожая царя, и всегда с душевным грузом. А кроме этих немногих проездок, он вса три педели просидел и пролежал в своём кабинете.

В офицерском собрании был сераирован торжественный завтрак, и все старшие чины штаба ожидали (только оставшимся великим князьям было советано не приходить). Гучков, здороваясь со всеми, иногда и улыбалси, а был рассеян. Разговор за завтраком

свёлся к пустякам, вполне как бывало за царским столом.

После завтрака закрылись вдвоём в небольшой «государевой» комнате, Гучков сел в единственное здесь кресло, в котором педелю назад томился, не помещался долгоскладный Николай Николаевич. А Алексеев — сбоку, разложив на зелёном сукне стола начку заготовленных бумаг.

И пять карт фронтов висели на стойках позади их спин, но не пригодились, не дошло

до паправлений и стрелок.

Алексеев начинал переговоры с правительством — иеравным партнёром: и от передвижки всех событий и властей, и от улюлюкающей травли Совета, и от ослабления армин, и ещё не утверждённый в своём посту, — начинал гораздо неуверенней, чем бывало раньше рядом с расположенным, всегда доверчивым императором.

Раньше военный министр совсем и никак не командовал Ставкой. А сейчас — не могло

возникнуть и мысли о неподчинении Ставки министру.

Однако в последние дни и даже часы, проведя важные консультации с главнокомандующими, обменявшись подробными телеграммами, Алексеев пришёл к неожиданному

выводу, который укреплял его по отношению к правительству.

Консультации были: на что способны, что могут иланировать наши фронты в ближайшие недели и месяцы? И, кроме Кавказского, из четырёх спрошенных главнокомандующих один только Рузский — три дня назад просивший четыре корпуса в подкрепление, имеющий двукратное численное превосходство над противииком, а желающий трёхкратного, — только он ответил пессимистически: вековые устои сброшены, новые не созданы, отношения налаживаются с трудом, в запасных частях крайнее расстройство, новых комплектований нет и не будет, дезертирства даже подсчитать нельзя, в одном 171 запасном полку не досчитывают 4 тысяч человек, — для нас возможна только оборона! — на подготовку наступления нет сил. Перед союзпиками же следует объяснять поздней асспой и распутицей.

И Алексеей, тоже мрачио видя армейское положение, был с тем согласей. Да от Рузского ой и не хотел бы наступления, трудно добыть линию лучше, чем Двина.

Но тут же вослед, с Западного фронта, где временно главнокомандовал старнк генерал Смирнов (с которым Алексеев как раз хорошо дойствовал в августе 1915 при окончательной остановке немцев), — пришёл бодрый ответ совершенно противоположного смысла. Он уверенно писал, что если наше политическое расстройство отнимет у нас способность наступать — то тем более оно отнимет у нас способность обороняться: на оборону надо никак не меньше сил и средств, но их придётся рассредоточить на фронте в 1650 вёрст, не зная, где немцы нанесут удар, а при наступлении мы сами концентрируем их в назначенном месте, и при нашем иннешнем педостатке притекающего снаряжения и пополнений — именно это и легче. Лучше наступать, даже без полной уверенности в успехе, чем обречь себя затыкать угрожаемые места. При неудачном наступлении мы в худшем случае останемся на том же месте, а при неудачной обороне мы будем отступать хуже, чем в 1915 году, — по чисто-русской земле и ближе к жизненным центрам страны. Напротив: чем скорей мы втинем аойска в боевую работу, тем скорей они отвлекутся от политических увлечений. Да обязаны же мы и помогать союзникам, они вправе ждать нашей помощи.

Михвил Васильич был поражён не самими этими простыми доводами, а — насколько же его в намороки отшибло за эти недели, что подчинённый должен ему объяснять прекрасно ему самому известные принципы стратегии. Так он был травмирован революцией, что потерял ясность азгляда. Да больше всего приходилось общаться с Рузским, а Рузский-то и нагонял паники. Да и правда же Балтийский флот развалился, — и едва освободятся ото льда Финский и Рижский заливы — какой может быть удар по нашему правому

флангу?

Но и тем более, значит, чем этого ждать — лучше самим избрать наступление в центре. А если Гурко примет Западный фронт — то, зная его: он ещё резче будет требовать

того, что сейчас Смирнов.

А ответил Брусилов - и пришлось Алексееву покрасиеть ещё больше. Когда две педели назад решался вопрос об устоянии армии против революционной заразы и ещё можно было всё спастн — именно Брусилов (с Рузским) мешал собраться совещанию главнокомандующих. А теперь он собрал своих четырёх командующих армиями, и их военный совет решил даже единогласно: армин желают и могут наступать! Наступление вполне возможно! Революционное даижение не отразилось пока на правственной упругости и духе ваеренного мне фронта, тлетворное влияние пропаганды скажется лишь при долгом бездействии. Мы перешли к новому порядку а полном спокойствии, вопрос внутренней политики для армии должен считаться законченным, и накаких больше партийных влияний. Нассивный образ дейстани убъет настроение, подорвёт веру в высших пачальников, войска будут возмущены их бездействием и исчезиет дисциплина. Так же уверен Брусилов, что и военный министр преувеличивает надение правственного уровия запасных частей: вливаясь а боевые части, они тотчас укрепятся. А перван даже небольмая победа ныловет воодушевление всей России, патриотизм поднимется и напрягутся асе силы государства. Да победа пужна нам и для того, чтобы не подораать веру союзников в нас, иначе они поставят нас а изолированное положение и лишат денежных кредитов. Да победа нужна дам по самым общим соображениям: 1917 — несомненно последний год войны, и как же можем мы закончить бесславно? Конечно, риск есть, -- но по ограниченности ресурсов мы выпуждены сузить фронт прорыва и масштаб наступления. И просит Брусилов не предпринимать никаких шагов в смысле отказа перед союзниками от выполнения наших обязательств. Наступлоние наше возможно начать в первых числах

Да так же педавно думал и Алексеев! Именно так он и писал 9 марта французам: наше наступление начиётся в первых числах мая. Но потом подрезал его первый же Гучков, что правительство ничего не значит без Совета, ничем не распоряжается, не будет ин пополнений, ни снаряжения. И затменной головой Алексеев написал союзникам 13 марта, что наступление не может начаться равыше июня-июля. И в какое же глуное положение, оказывается, он поставил не только себя, но всю армию и всю Россию?

И даже, вот, нерешительный Сахаров, ещё перепуганный всеми румынскими расслаб-

лениями, — и тот ответил, что склоняется к небольшим активным ударам!

И: все главнокомандующие подтверждали, что гурковская зимняя переформировка дивизий была успешна, новые дивизий не уступают старым и увеличилась наша мобильность.

И всё это сложилось у Алексеева — буквально за несколько часов до приезда военного министра. И когда теперь они с Гучковым уселись и государевой комнате для разговора — Алексеев, очиувшийся в своём прежнем убеждении, мог уверенно докладывать. Что моральио пеустойчивые войска лучше применимы в наступлении, нежели в обороне. А патронов, снарядов и укомплектований для обороны требуется никак не меньше, чем для наступления. По нынешнему нравственному настроению войск и по глубине театра

действий наше отступление теперь было бы губительно, грозней, чем в Пятнадцатом году. Мы не смеем обречь себя на оборону или отложить наступление до июня-июля. А от первых успехов будет всеобщее воодушевление, и — надеется Алексеев — исправится ныпешнее недобросовестное поведение рабочих Петроградского района.

А Гучков, по мере того как всё это слышал, — поднимался плечами, выравнивал спину, поблескивал пенсне с растущим удовольствием, и возвращался к нему прежний задористый вскид головы. И даже охотно принял брусиловский упрёк, что военный министр преувеличивает нравственное падение запасных частей. И легко согласился с бурчанием Алексеева — не давать просимых четырёх корпусов Рузскому. Им-то двоим, здесь, было хорошо понятно, что все те шумные заявления их об угрозе германского наступления на Петроград были дуты, лишь для вразумления столицы и подтяжки дисциплины в ней.

Но теперь, укрепясь против министра, Алексеев не мог не спросить: а как же— сам министр? само Временное правительство, если, писал Гучков, оно располагает властью

лишь в пределах, допускаемых Советом?

Однако, вот, повеселевший Гучков ответил совсем другое: то было написано в мрачную минуту. Обстоятельства нестабильны, да, но не так страшен чёрт. Постепенно улаживается.

Можно было это понять и так, что правительство защитит Алексеева от травли Совета?.. Гучков не сказал прямо. И генерал постеснялся спросить прямо. А так:

— Значит, Ставка в своих действиях может реально учитывать только директивы правительства?

Да, конечно.

И есть надежда, что правительство обеспечит высылку маршевых рот из петроградского гарнизона?

Да. Да.

Пободревший Гучков объяснял имеющее пыпе быть соотпошение между ними. Английская система: за Ставкой — только техническое выполнение чисто-военных задач, а общие директивы — от Временного правительства. Некоторые прежние высшие функции Станки теперь перейдут к военному министерству. Генерал Алексеев останется в качестве Верховного Главнокомандующего. Лукомского придётся убрать, да и Клембовского оставить только на переходный период.

Не в силах был Алексеев тут спорить, да и не сжился он ни с тем ни с другим. Да не всё ли равно, с кем работать, если делаень всё сам? По своей ностоянной форме работы он и не

пуждался ни в ком.

А пачальником штаба Верховного предполагается назначить генерала Деникина, отличный боевой генерал, Гучков падеется — Михаил Васильич не будет возражать?

В такой форме и так поздно спрашивали — что ж теперь спорить?.. (Отличный боевой генерал? — так и место бы ему на своём корпусе...)

Сахарова — в отставку, после его рыданий над надающим императором, заменим Лечицким.

Но Лечицкий уже отказался принять Западный фронт.

Ну а Румынский, свой, примет.

Да переставлять, переставлять — владело Гучковым пеутолимое желание. Командующих армиями из четырпадцати хотел снять чуть ли пе пятерых! да командиров корпусов — полтора десятка! да начальников дивизий десятка четыре! И верил, что от этого наступит бодрящее пастроение среди воинов.

Сидел штатский хромуля— и рвался пройтись ураганом по командному составу. Как будто есть лучшее соответствие, чем когда человек привык к своему посту и к нему при-

выкли.

Для постоянной связи предполагается держать при Ставке представителей от военного министра.

Когда бывал такой представитель? Зачем?..

Но выбора не было. Разве Алексеев — условно оставляемый, как быть не назначенный, да при арестах ставочных офицеров, тень на всю Ставку, да яростно атакованный Советом и не защищённый правительством, — разве он был в позиции возражать против этих или даже удвоенных реформ? Он должен был проглатывать и своё унижение, и дикие постановления позорной поливановской комиссии, да ещё узнавая их готовыми из газет.

638

От того, что правительство разрешило Шингареву готовить хлебную монополию — бремя его только увеличилось, а колебания не оставили. По всей логике дела, монополию надо было вводить. У прогрессивной русской интеллигенции всегда было убеждение, что государственное регулирование имеет преимущество перед частной инициативой, только в кадетских кругах высказывалось, что бюрократическое государство не сумеет регулировать рационально. Теперь же, когда на Руси возникла свободная государственность, —

теперь-то, кажется бы, регулирование и начать! Все воюющие страны так или иначе уже откалывались от свободы торговли. И перед всеми глазами — блистательный образец германского регулирования. Так почему ж отставать России?

Но Шингарёв сердцем ощущал нечто выше логики: хлеб израстил землепашец, а государстии клало руку: всё моё! И хотя это делалось для нользы всех этих же земленашцев, всей этой Руси соединённо— а было содрогновенное чувство роковой черты. Но только другу своей юпости, взятому в заместители, да Фроне Андрей Иваныч об этом говорил— никому более в министерстве, ни тем более в правительстве: это был, конечно, реликт сознания, который надо отогнать.

Как отец семьи не может жить и спать спокойно, зная, что семье грозит голод,— так и Шингарёв теперь стал чуть не отцом всей России: за всякий голод в ней отвечал он.

Простой сельский врач, как ни рачительный о крестьянах,— думал ли он когпанибудь, что станет главным вершителем судеб всей русской деревни? Что окажется тем главным человеком, который должен накормить всю Россаю? Финансы, он видел теперь, была придуманная для него отрасль. А министр земледелия— он был, кажется, настоящий, уж но всей душе.

Да он рад был, да он горд был, что это так. И крикнуть хотелось: Милая! Потерпи! Ещё немного потерни! Ещё немного поднатужься и помоги — вот сейчас! А мы Тебе скоро всё воздадим.

Но, Боже, какое бремя! — опо ощутимо гнуло и проваливало плечи, и со дня на день становилось всё тяжелей.

Тем временем сведения о проекте монополни попали в газеты и обсуждались там, министра предупреждали от возможных ошибок: спешное введение монополни может отразиться с плачевностью. Посетила Шнигарёва и депутация от хлебных фирм. Эта настаивала, более того: в Германии хлеба педостаёт, а у пас миого, и введение моиополни у нас — бессмыслица. А учёт запасов, напротив, у нас и труден, и не умеем мы. Фирмы настанвали вообще отменить твёрдые цены и отменить все запреты на переданжение хлебшых грузов по железным дорогам: только тогда Петроград получит неограничению хлеба. Да и ясио, что только аыгодные цены на хлеб могут подвигнуть и к полному засеву в будущем.

И это было во многом верно! Но на колебательные размышлення не оставалось уже ни дия: проект уже разрабатывался а министерстве н нензбежно катился к утверждению — и министерство предусмотрительно уже отбирало себе даже зернохранилница у Петроградского банка. Шингареа проаёл несколько заседаний комиссии по разработке монополни, сегодия работа была почти окончена — и только предстояло ещё пропускать её через Продовольственный комитет, где Громан будет много портить. (Громан нёс бестолковщину на каждом шагу, странио, что раньше думцы не замечали его ограниченности. Теперь он вообразил себя как бы вторым министром продовольствия, от Совета, оккупировал и сам кабинет Шингарёва, поставил стол а середнне компаты, контролировать миннстра. За тем столом сразу по пять человек курнли — а Шингареа, не курильник, задыхался от дыма и страдал от шума, - а неудобно было выставить.) Уже было установлено: что весь сохраниашийся в зерне хлеб прошлых лет, хлеб 1916 года н будуций 1917 — поступает на учёт и в распоряжение государства, отчуждается им. Владельцам хлеб оставляется лишь по нормам: для обсеменения, для прокормлення себя - пуд с четвертью на душу в месяц (почти петроградская норма), сезонных рабочих, скота — пормы должны быть подробно разработаны губерискими комитетами, учесть местиые условня, род сеялки, дни усиленного и исусиленного труда каждой лошади, и молодняк скота отдельно от взрослого, и род корма, и род круп. Всякий владелец обязан объявлять колнчества по видам и места храцения своих запасов. Порядок и сроки сдачи хлеба (по твёрдым ценам) определяются местными продовольственными органами, онн же проверяют заявленные данные. Кто отказывается от добровольной сдачи — у того производится реквизиция по особым правидам, по сииженной цене. Обнаруженные же скрытые запасы отчуждаются в пользу государства по половниной цене. (Очевидио, у местных продовольственных комитетов для этого должны быть с илы, физические.) Также обязательна для владельца доставка хлеба на станцию, пристань, а до сдачи — храиенье н ответственность за сохраиность, а иеобмолоченый должен быть обмолочен за счёт владельца. Где нет злеваторов — сушить зерно в хлебозанасных крестьянских магазинах, в частиых помещениях.

И ведь не предстояло остановиться на монополии распределять хлеб. Очевидио, при войие, это втянет и глубже: государство должно будет снабжать инвентарем, рабочими руками, удобрениями, кредитом. Подчинить государственному регулированию и мукомолов. А там — регулировать и всю промышленность, и траиспорт...

А пока — надо было успевать поворачиваться и распоряжаться как под артиллерийским огием. В Петрограде — ввестн хлебиые карточки! (Хотели — с 18 марта, но яе успели с перепнсью населения и не напечаталн бумажек, так будет с 22-го.) Телеграфировать во все губериии, чтобы вводили хлебные карточки и там. В Петрограде — запретить все кондитерское и конфетное производство, выпечку сдобиого хлеба, бисквитов, пирожных, исключение для одних куличей под Пасху. Встречный вопль: но у нас недоработанные запасы! Хорошо, на доработку запасов — месяц, и всё закоичить после Пасхи. Ввести карточки и на фураж для лошадей, изготовлять для них галеты из жмыхов, отрубей и иегодной муки. Завал овса у одних породистых на ипподроме, — так закрыть в этом году беговой и скаковой сезои в столицах, а коней отправить прочь. Не упустить распорядиться и о быстром подвозе яиц в Петроград из Киева. А тут — грянула забастовка ломовых извозчиков: требуют 8-часового рабочего дня. И сразу создался затор в разгрузке прибывающих продуктов, я без того задержанной в революцнонные дни. А подходило ещё полмиллиона пудов мяса из Сибири — и если

его же доставить тотчас на колодильники, то всё придётся выбросить по начавшейся оттепели. Кого же просить? Только Совет рабочих депутатов, чтобы повлиял на ломовиков.

А тут еще: стариние чиновинки минястерства стали подавать в отставку, и особым распоряженяем на днях Шингарёв повелел всем оставаться нв местах. А младшие чиповинки вместо полноду щевиой работы запялись созданием республиканского клуба при министерстве. А петроградская Продовольственная комиссия (уже теперь — комятет), запяв недурное здание биржи на Кроиверкском, посягаль получять Аничков дворец. Пользуясь тем, что ещё ие создаи общегосударственный Продовольственный комитет, она без дела мешалась и лезла в каждое распоряжение министра, будучя сама никто — призрак революционных дией. Хлеба они яе доставали, но при изобилии в петроградских холодильниках битои птицы и мороженой рыбы (раньше о них и не говорили, как о подранумевасмой мелочи) — разрабатывали принудительную таксу имению на эти продукты, что грозило перерывом и в этом снабжении.

Не голод - толод ещё нигде не маступял, его только боялись, - но министр земледелия, поспеваи с сегодияшним продовольствием, должен был поспевать готовить и урожай Семнадцатого года, и урожай Восемнадцатого. Продовольствие я земледелие вместе — это и значило: вся Россия на плечах. С юга на север всполатла грозная черта распутицы — а за распутицей и за подсыханьем так же пеотступно катило с юга на север время посева. А с осеии ие пахали под яровое, ие хватало рабочих рук. На юге полевые рыботы вот уже начались — и не хватает рабочеи силы, иивеитаря, семян. И как убедить крестьян довериться, что в будущем им не грозит отобранье зерны, это только сенчас такой острый момент, - и убедить их сеять усердно? Онять же - воззвание. (И Родзянко то и дело катит саои воззвания, попимвет: «засеванте поля! хлеб будет куплен правительством по необидном цене!. Уж по какои там будет куплен, но - засевайте, родные!) А ещё воззвать к горожанам: волделывайте сами огороды! А сшё воздвать к городским самоуправлениям: выдавайте льготиую землю по г огороды! Использовать земли коноплянников, претников. Создать нарники рассад, отпускать семент. Каждый, кто вырастит хоть пуд овощей — облегчит продовольственное бремя России! Департвмент земледелия будет рассылать коллекции семян, брошюры по сушке, квашенью, засолу.

Весиа идёт! И мицистерство земледелия должно усноть помочь посевьм, в необычной обствновке третьего года войны и второго месяца революции. Инвеитарь? У кого иет денег ив покунку — для тех устроить коллективное пользование, Сиабжение семенамя в долг. (Для всего этого тоже потребуются особые органы по всеи России.) Рваъезжающих депутатов Думы Шингарев по-дружески изгружал звданиями: обследовать носевные площади и помочь. По главное -- это рабочая сила. Вот, не решаются брать инородцев не то что на войну, но даже на рытьё оконов — а тогда освободились бы крестьяие прифронтовой полосы. (Впрочем, и сарты иужиы на хлонке.) Кинулся к Гучкову: в тяжелых местах радрешить крестьянам отсрочки от призыва. И — двть военнопленных, и дать воимские команды на номощь земельной обработке — ведь ланаеные воинские части по всей России ничего не делают, пусть помогают местному сельскому населению! И ещё же у нас — 300 тысяч учвщейся молодожи, такои вктивной и революционной, а вот разъедутся на каникулы — как их потом собрать и использовать? Уже теперь собрать в дружины, инструкторам обучать их земледелию...

И во всём этом кипи — ни минуты не забывать, что посевную площадь надо поддерживать и для будущих лет. Не прекращать ин обследовательской работы, ни статистическои, ни мелиоративнои.

Анпрей Иваныч едва не плагался. Он не высыпался уже чуть ли не месяц, был измучен,

пригнулись илечи, нотерял неизменную бодрость.

Но и это всё — было не всё! Всё, всё это, что он делал, мог сделать и Риттих при своёч налаженном аннарате, не хуже. А министр земледелия революционного правительства должен был ещё — и прежде того! — дать крестьянам землю, многолетие обещанную кадетами!

Несчастная эта нрежияя пропаганда о земельном переделе! Какой сейчас передел? Начни сейчас передел – и остановится последнее снабжение городов. Но не только не время им заняться и сил нет, а вот изумление: самой этой необъятной земли для раздачи в России не обнаружилось! Оказывается, даже всю казённую и помещичью землю разделив — в иных губерниях нельзя добавить крестьянину и одной десятины. А все те занидные обещанные десятки миллионов десятин оказались тайгой да тундрой. И не то чтоб это было трудно развидеть раньше, статистика всегда же была доступна, но в снешке и накале борьбы со старым режимом кадетские умы и другие интеллигенты, занятые земельным вопросом, не вникли и не взялись объяснить неистовым передельщикам, да ведь и специалистов всегда не хватало в партии. Что такой земли нет - всегда говорил Столыции, — отвергали. Посмотреть думские протоколы — так и Шидловский в Восьмом году докладывал об этом Думе, — страстно отвергали. Так пронеслись, как в завороженном сне, - и очнулись теперь, после революции, когда пришло практически делить, и оказалось: три четверти эемли и так уже у крестьян. А оно уже само не ждёт: о но, грозиое, уже первыми дымами подожжённых помещичьих усадеб завиднелось то в одной губернии, то в другой. Да ведь и должно было полыхнуть, и должно было заклубиться, этого и следовало ждать!

Ах, что бы вам ещё потерпеть, мужички! Что бы вам потерпеть ещё один годок, еще этот один последний годок — пока Временное правительство укрепится, кончит войну, созовёт Учредительное Собрание...

Нет, теперь-то они и не хотели подождаты!

Что там кипело, в деревенской темени, даже представить было трудно, а предотвратить — нет сил никаких. И несколько дней назад Шингарёв разослал и воззвание к кооператорам: своим нравственным влиянием — не допустите погромов, поджогов, грабежей,

истребления звпасов! Хорошо ещё, что пламенные эсеры сегодня отступились от поджогов и разделов: теперь сами призывали крестьян ждать до Учредительного Собрания, а пока увеличивать хлебиую продукцию, обсеменять неиспользуемые помещичьи земли. С этим и правительство было согласно: пустующие казённые и номещичья эемли обрабатывать без нарушения принципа собственности,

А сегодня пришла и тревожная телеграмма от московского сельскохозийственного общества. Под вестями о начавшихся крестьянских беспорядках они тоже торопили:

издайте срочное воззвание!

Да! И тут ничего не находилось срочней и действенней, чем прямое воззвание. И Шингарёв сразу начал его набрасывать. Но предрекать и обещать, в какую сторону земельный вопрос будет решён, - этого ни министр земледелия, ни Временное правительство не смели, это было бы неуважением к будущему Учредительному Собранию. Можно только писать, что вообще вопрос будет подготавливаться, вот начиётся разработка материалов.

И на сегодняшнем заседании правительства Шингарёв держал перед собой проскт

волзвания, ещё меняя и дописывая.

Заседание было на редкость нудное. Четверо министров прямо отсюда ехали на вокзал и мечтали отоснаться хоть в вагоне. Всё текло кредитованне, все просили кредитов: внутрешних дел — кредитовать пособия освобождённым каторжанам и ссыльным, юстиции ещё полмиллиона также и лицам, покровительствующим освобождённым, путей сообщения — 15 миллионов на продолжение дороги до Кандалакши и покрытие перерасходов, просвещения — 2 миллиона на суточные и другие перерасходы, торговли-промышленности — 5 миллионов на перепос рысистых испытаний в провинцию...

И Терещенко важно кивал, кивал, записывал, нисколько не возражал, как будто

деньги у него были немерянные.

Стал Шингарёв докладынать своё воззвание — волновался: ведь знаменательный исторический момент для Россин, либеральные круги внериые сами останавливают крестьянскую мечту!

Но министры не заметили ничего необычного. В той же дрёмной текучей манере согласились, без прений и поправок.

А Некрасов, как проснувшись, сказал свежим голосом:

 Это идея! Я тоже такое возэвание напишу, от имени правительства. На станциях солдаты бесчинствуют — нет управы. Насильничают над железнодорожными служащими, переполняют поезда, - а если ось лопиет, да крушение? Нанишу,

ПОДУМАЕШЬ УМОМ — ГОЛОВУШКА КРУГОМ

639

Жить оставалось только надеждой, что через месяц-два всё устоится, угомозится и боеспособность армии восстановится. Но по всему, что капитан Клементьев видел в своей батарее и слышал из окружающей пехоты, - солдатское настроение, напротив, раскачивалось и стало такое переменное, что у офицеров опускались руки. За порывом тёплого разговора — тут же какая-нибудь дикая выходка или недоброе слово, дослышанное. Пойдёшь от нечего делать пушки осмотреть — из эемлянки выглядывают, бурчат: «Вот, заноза, дырку в целке ищет.» И что было правильно: тотчас же пытаться поставить ослушника на место - или не аамечать и ждать, что сами убрыкаются?

От начальства получить указания было не от кого. Командир дивилиона продолжал линию, что революция — к лучшему и нас спасёт. А командир батареи, и всегда-то широкой илывучей комплекции с расплывшейся лысиной на голове, - ещё разрыхлился,

расслабился и у себя в землянке всё раскладывал пасьянсы.

— Да-а-а, — говорил с сожалением или завистью. — Теперь многие офицеры отпрашиваются в госпиталь. Собирался и я заболеть, да совесть не позволила. Если б не долг войны — взять да и уйти, пусть управляются сами. Но надо всё-таки, знаете, спасать Россию. А с кем, спрацивается, спасать, если солдаты из оконов убегут? Уж вы. Василь Фёдорыч, прошу, держите батарею, — вы молодой, духом крепкий и происхождения народного, к вам доверия солдатского больше. А нам — теперь трудно стало с солдатами разговаривать. Хоть и признали мы безропотно новый строй — а всё бесполезно.

Не он один отошел — как-то вообще офицеры разъединились перед солдатским недоверием, перед газетной пакостью. Соединённые годами войны — теперь вдруг разрознились, не было дружных решений, не было единства мнений, каждый сам избирал линию поведения.

А солдаты, ножалуй, наоборот: они теперь искали будущего все вместе. Чернобородый мрачный медлительный Хомутов выразил это так:

— Теперича свово обчества надо держаться. Ежели чужим будешь, храни Господь подранят где,— на перевязку не подхватят. Санитары теперича в очко режутся.

Безработные санитары резались в карты, да, но и свой батарейный ветеринарный фельдшер не только перестал опекать ковку лошадей, но где-то в близком тылу наладил самогонный аппарат, сам был пьян и других угощал, ездовых.

Фельдшеры — это была известная обиженная категория: 4 года они учились, а получали только унтерский чин. И все их зовут на «ты». И в мирное время ещё 6 лет должны были служить — куда после этого пойдёшь? Всегда недовольные, завистливые к офицерам, они теперь и потянули в революцию.

Клементьев нагрянул к фельдшеру, аппарата не нашёл, но самого застал в дымину

пьяного: с койки подпялся, но шатался, и весь растрёпан.

- Вы знаете, что пить спиртное на передовой запрещено? отчитывал его капитан.
- Эт-та остатки царских приказов! отмахнулся фельдшер неровным движением.— A мы теперь держим новый режим!

- А кто вам разрешил стоять вольно?

— А я смирно пикогда и не умел! А теперь наша взяла — чего тянуться? Власти у вас уже больше нет, котора была при царе. Теперь каждый — себе голова! Не Девятьсот Пятый вам год! — не повесите, не расстреляете...

Уже и остановить его было нельзя, на пять слов капитана вываливал полсотни своих.

- Да не боюсь я и даже Бога!.. И вся сознательная пехота на моей стороне!

А на поясе, на шпурке, висел у него финский нож.

И ушёл от него Клементьев ни с чем, с позором и бессилием.

И что, правда, он мог сделать? Никаких наказаний у командиров не осталось. Он только мог просить батарейный комптет рассмотреть дело этого фельдшера.

Если комитет ещё что-то решит.

И если фельдшер раньше того времени сам не дезертирует прочь — кто его теперь тут удержит?

Этой фельдшерской историей капитан Клементьев был ранен горестно: да, вообще —

теперь всё возможно, и такое. Но - в нашей батарее? Но в нашей!...

Как туча мрачный, возвращался он от фельдиера на батарею. Как же оставалось управляться? Только фейерверкерами: они не стесиялись ругать своих по-прежнему

и ругиёй заставляли поворачиваться.

Но вернулся на батарею — ждало его не приятней. В землянку к нему постучали. Впустил. Вошли Прищенко и Евграфов — по близкому без шинелей, но и без шанок, как никто не ходит, и в отхожее место шанку надевают, — а латем, наверно, чтоб не козырять? или чтоб не снимать их? Вошли — набавляя себе больше значения или смелости — Прищенко поддуваясь, Евграфов покачиваясь.

— Что, ребята, скажете?

— А вот, господин капитан,— начал конечно Евграфов, как городской он всегда был для разговору первый, начал насмешливо позвенивающим голоском,— есть вопрос хозяйственный. Отрегулевать надо.

Мог бы Клементьев — да время тому прошло — указать на устав: что надо обращаться через своего фейерверкера. Да ведь Прищенко теперь и член комитета, куда же старше.

- Хозяйственные вопросы вы теперь на комитете и решайте, попробовал отвести капитан. Или с фельдфебелем, как положено. Никита Максимыч и хочет, чтоб вы всё кухонное и одёжное сами отпускали.
- Нэ як, господин капитан, возразил Прищенко, у него и движение рук стало важное, да не по швам они и висели. Фельдфебель тут нэ прикасается, тут господов офицеров дило.

- Ну что ж, - вздохнул Клементьев. Сам сидел и их пригласил. - Что ж. Выклады-

вайте

Так вот: прослышали они (только писаря и могли их натравить), что в батарее есть такие «економические деньги». Так — отчего от солдат их скрывают? Почему не объявят и не поделят?

И смешно, и тошно.

— А вы знаете, братцы, что это за деньги? Их от вас никто не отбирает и никто не скрывает, они проведены по книгам. Такие суммы установлены аж от времён Петра Великого. Если батарея сэкономит по сравнению с казённым отпуском, например получит фураж, а прокормит лошадей на подпожном корму, — так вот она имеет экономию. И может тратить её на батарейные нужды, для вас же. Вот например всем вам куплены непромокаемые плащи, а в других батареях ведь нет. Это — на эти деньги. Они и есть для вашей нужды.

- А нот как раз теперь, господин капитан, и пужда! ловкой приказчичьей скороговоркой перехватил Евграфов. На его непоросших щеках девически-гладкой кожи проявился румниец. Нужда теперь эти деньги по нижним чинам разделить, на питанию, на кто что хочет.
- А вот это пикак нельзя, возражал канитан рассудливо. Такого порядка нет, командир батарен не имеет права. Но вы будьте спокойны.

— Никак не можем быть снокойны, господин капитан! — ещё больше румянился Евграфов, но только не от стеснения. — Тревога нас гложет. Мы к вам — не от себя, мы —

депутатами от народу.

— А вот,— словил Прищенко капитана на прищур глаза.— Цим литом распорядывся фельдфебель нам сино косшть, тамочки, биля второго резерва. Нам и не в голову, мы скосили— а ить ниякой доли с того не ймали. А нонче вот докурлыкиваем: то ж не служба военная була, то ж економия, а на нашем горбу? Так с того— нам полагается получить?

Осной изрытое его лицо всё было захвачено этими ускользающими деньгами.
— Пет-нет, господин капитан! — семенил языком и Евграфов.— Надоть хозяй ственные книги всех прощым дет проверить нашим денутатам. Може нас обворовыва-

ли? — а мы скудаемся.

Такой разговор, такие подозрения вслух — быть не могли две недели назад. А сейчас Клементьев хоть бы и рассердился — не мог ин крикнуть на них, им выгнать, ни даже и отказать.

Но рассердился он только на писарей, за их ядовитую болтливость. А эти ребита — что ж... Клементьев и сам знал но своему голодному нищему детству, как легко в обездоленьи питается подозрение и зависть к высшим.

Этим — что ж, он обещал: доложить, добиться, комитету покажут и чоляйственные

книги, отчего же. Даже и хорошо, что комитет этим займётся.

Он-то знал, что в батарее всё чисто, по закону.

Только — ведь они на этом не уснокоятся, будут и дальше, и дальше наседать, смотришь, и оперативные иланы потребуют.

Дожила наша армия!..

А вскоре после них ворвался в землянку угольнобородый с горящими глазами фельдфебель Никита Максимыч. Ему бы вот и рассказать, пожаловаться насчёт писарей и хозяйственных книг,— по мрачно его принесло, и своим запятого.

Такого и не бывало: не спросясь по форме — плюжнулся на табуретку, шапку скинул с хлоном и голову свою чернокудлую подвёр об стол локтями, как какой Пугачёв. И сидел во мраке, отдынивался.

- Что с тобой, Никита Мэксимыч? даже испугался канитан. Что то он, видать,
- Ничего не знаете? дохнул как по-ньяному, а воздухом трезвым фельдфебель.

– Heт.

— От начала не знаете?

— Hет.

- Hy, хорошо. Тревожились меньше.

И сам тоже не торонился говорить. Вытяпул по столу руки, нривычные к власти. Ладони потёр.

Схлоннул ими.

Посмотрел из мрака, исподлобья, из-под пугачёвской космы:

— Этой почью из обоза второго разряда укатили два копюха — Клёцкии и Безбатченко. И прихватили два мешка муки. Мне доложили насвету, я — за ними верхом, на Черпогузе. И догнал подлецов на боковом просёлке! — Глаза его сверкнули царским гневом. — Лошадей у них — отбил, повозку. И муку отобрал.

Бесовство в глазах запрыгало:

А самих дезертиров — не-об-на-ру-жил. Безо них воротился.

- Как?? уж и зная Никиту Максимыча, не понял Клементьев. Как же так не обнаружил?
 - Вот так, не обнаружил! по усам, по бороде сухо и грозно утёрся фельдфебель.

— Так ты... ты... ?

— Я ж один был, а их двое! Ещё я их в госпиталь повезу, сволочь такую? На дороге оставил.

640

Господи Всевышний! Мы ещё смеем скорбить, мы ещё смеем жаловаться! Да оставь нач живыми наших детей!

Как тяжко, но и — промыслительно, но и — объяснительно налегла болезнь всех пятерых детей на эти чёрные дни трона и царской четы. Уже три педели болезней, Ольга и сегодня не поднялась, а приноздавшие Мария и Апастасия вот погрузились в повую

бездну жара, у Марии 40,9, дышит из кислородных подушек, у обеих — поспаление лёгких, оглохли обе от воспаления ушей, Анастасию рвёт, Мария бредит. Обе лежат в темпой компате, и уже совсем измученная Аликс подле них.

Страх был: что Мария умрёт. Очень плоха. Всё колебалось на весах Господних.

Много раз н день молились.

А наследник в этот раз проболел легче всех, вот уже выздоровел, и даже бегал. Из-за своего всегдашнего нездоровья, оттого отставания в занятиях, он был моложе своих тринадцати лет: вот забывался в играх ото всего отречения, от всех изменений, совсем ребёнок.

А Татьяна, тоже уже на ногах, самая гордая и замкнутая из сестёр, со скорбным лбом,— напротив, всё усвоила, ничего не забыла ни на минуту. Да ведь, Господи, уже взрослая женщина, уже за двадцать ей, а Ольге и за двадцать один. А что теперь ждёт вас,

девочки, какие и где женихи? Теперь и румынский принц откажется.

В положении семьи можно было ожидать только ухудшений. Отвечено было, что ни Львов, ни Гучков, которых просил приехать государь, — не приедут. Вместо того приезжали правительственные комиссары — проверять, квк выполняются инструкции содержания узников. Объявлено было, что по ведомству бывшего Двора и Уделов комиссаром назначен Фёдор Головин, когда-то гнусный председатель Второй Думы, потом капиталист, концессионер дороги на Екатеринбург, язвительный, мелко самолюбиаый и неиавистник государя. В его руки теперь понадали и все дворцовые службы, и о содержании вдовствующей императрицы предстояло ходвтайствовать тоже перед ним.

А судя по газетам — происходил поворот всё больше в сторону обвинения императорской четы, грозили следствием и судом. Предстояло практически думать: кого брать

защитником? Кони?...

У коменданта Коцебу возникли неприятности от начальства. Очевидно, были доносы на него от дворцовой прислуги и от солдат, что он слишком благоволит к узникам и даже дружески обращается,— и как бы не заменили коменданта.

Очень будет жаль. Всё больше понимали арестованные, что режим содержания гораздо больше зависит от лиц, чем от инструкции. Когда в караулы попадали хорошие офицеры,

солдаты — сразу чувствовалось в быту и на прогулке отношение другое.

Но эти, кто допосил, - зачем же не ушли, остались служить? Для измены?..

Между тем подробно печатали газеты речь германского канцлера Бетмапа-Гольвега. Читая её, Николай заметил, что газета дрожит в руках. Это было — первое германское публичное высказывание после переворота. Для Николая это было — как голос самого Вилли.

Уже давно, три годв, всё сердечное было порвапо между иими. После коварства Вильгельма в июле Четырнадцатого — они стали враги насмерть и навсегда. Но — столько лет дружбы невозможно было выскрести из груди и всё забыть. И в минувшие дни нетнет да всходила мысль: а что тенерь Вилли? Что думает он о падении русской монархии? И — начинал ли бы он войну, если б это всё предвидел?

И вот — пришёл от него ответ на всё. Речью канцлера.

Царь пал жертвой своей трагической вины: он попал под влияние держав Согласия. В Девятьсот Четырнадцатом он остался глух к напоминаниям Вильгельма о вечной дружбе. Россия прикрыла преступное сербское нападение на Австро-Венгрию. А в декабре Шестнадцатого первая из наших врагов с презрением отвергла наши мирные предложения.

Беспросветно. Беспролазно. Никогда не объясинться. Но — дальше??

Германия никогда не поддерживала реакционный русский режим против освободительного движения. Император Вильгельм всегда советовал Николаю II не сопротивляться реформам. (Да напротив же: он советовал не опускать повода, никакого соглашения с мятежник имп. а грянуть речью к народу из стен Кремля.) Царь не послушал его советов. Трудно выразить даже чисто челоаеческое сочувствие павшему царскому дому. Вздорны слухи о намерениях Германии оказать содействие в восстановлении власти царя.

Боже, как он ожесточился... «Трудно выразить сочувствие»...

Суди тебя Бог, Вилли.

Впрочем, надо вспомнить честно: и Николай же ожесточился. Обещал Палеологу, что лишит Гогенцоллернов права представлять Германию в мирных переговорах.

На Земле между ними было кончено всё, навсегда.

Но ещё не кончена речь канцлера. Но Германия не смежила воинственных очей: на Востоке Германия добьётся своих национальных интересов! Мы будем следить за событиями хладнокровно, с готовым для удара кулаком.

Боже, Боже! Сохрани Твою Православную Русь...

Нет, не ошибочен был роковой выбор России! Германцы — чужие иам отвеку. Слава Богу, что есть у нас верные союзники в Европе. Вильгельм — никогда, значит, не был искренен, всегда враг. А Георг — и родственник, и верный.

Странно, однако, что так и не написал, не отозвался.

Надо бы разбирать книги и вещи, откладывать, что с собой в Англию брать.

Хотя ехать к ним туда — не хочется. Всегда охотно путешествовал Николай за границу (не так уж и много). А сейчас, когда подступила почти неизбежность отъезда, — вдруг стеснилось в нём, сколько русских мест он уже не повидает инкогда (а ведь было всё доступно! мало ездил) и скольким святым местам не поклонится. (Как упустил? Благодаренье Богу, что ездил в Сарон.)

Хотя и замкнутый то в Петергофе, то в Царском, то в Ливадии — Николай, однако, повседневно ощущал своё единство со всею Сольшой Русью: он пребывал — в ней, единством с нею кренился в шторме зложелательства образованного общества, высшего света и даже династии. И уверенно знал, что отдалённый нахарь и неведомый косец — посто-

янно знают своего Царя, пусть и немы, не слышно их в столичном гвалте.

И всегда непритязательный в потребностях, а сейчас, тем более, уже отделённый от трона и даже тяготясь ещё сохранённой по инерции, не его приказом, церемонийностью, — всё те же ливреи шествовали важно, всё те же камердинеры предупреждали приход редких теперь и незваных посетителей, и те же скороходы в галунах и со страусовыми перьями сопровождали их, — Николай всё более готов был расстаться со всем этим начисто. Только Ливадию одну было жалко, Ливадию хотелось бы сохранить, Алексею там очень хорошо. Но если и это будет невозможио, а надо бы определить свою жизнь не на оставшиеся месяцы войны, а уже до конца, навсегда, — то предпочитал бы он поселиться простым крестьянином в России, в самом скромпом уголке родины, да даже хоть и в Сибирп, — чем ехать на постылую, постыдную, скандальную западную популярность или вечное бездомное гостевание — да и на какие средства? никаких средств на Западе не было у него.

И только если уж никак не исполнимо, если присутствие его в России может повредить

государственному спокойствию — тогда он готов подчиниться изгнанию.

Эту истекшую неделю заточения и начавшуюся вторую, несмотря на грозные признаки вокруг, Николай с каждым днём всё более чувствовал умиротворение и распрямленье души. Такое настроение было: если бы сейчас и все хором просили бы вернуться на престол— ни за что бы не вернулся.

Прошёл перами ожог развенчанности — и он обнаружил, что ему легче и проще обращаться с людьми, — стало легче разговаривать с людьми, вот как! Он и раньше предполагал в людях более искренность, чем искательство, — но уж теперь-то и вовсе мог

рассчизывать на откровенность тех, кто был к нему хорош.

Во всё царствование он старался принимать решения по совести — насколько это было открыто ему. И никогда не принимал решения в гневе, но всегда давал себе охладиться. И к врагам своим — вот Гучкову, Милюкову, никогда не был преследователен и никогда не арестовывал их, как вот они его. И не применил низких усилий цепляться за власть: едва почувствовав себя помехою, тут же и ушёл.

Говорится: царю — пуще правда нужна. Царю нужна правда больше, чем кому-либо

из живущих.

Он оттого был внутренно спокоен, что твёрдо верил: и судьба России, и судьба его семьи находятся в руках Господа. Господь поставил его так, как он стоит. И что бы ни случилось — надо преклониться перед Его волей.

В эти последние дни — заблистал наружный мир. Погода переменилась на солнечную — вчера, сегодня стояли лёгкие весенние морозцы, задерживающие таянье, но всё

залилось светом весны. Как поднялось настроение!

Каждый день долго гуляли с Долгоруковым, — слава Богу, не запрещали. Приучились совсем не замечать охраны вокруг и не досадовать на выходки её, если те случались. Да довольно пространства и здесь — если не верхом, если не пешим гоном, а с работницей снеговой лопатой. Чистили, чистили снег с разных сторон, друг другу навстречу, и кончали дорожку у старой беседки.

Николай — наслаждался этими днями! И как увлекает такая работа: из бело-радужной массы, в ослепительных точках всех цветов, вырезать лопатою ровные кубы этого сказочного вещества, перекидывать их — а самому вдвигаться, вдвигаться в белую стену. Ничего в мире больше ше видишь, кроме этого, Богом созданного, бело-сверкающего моря.

документы — 30

17 марта

личный секретарь георга v стамфордам — бальфуру, министру иностранных дел

...Его Величество не может не испытывать сомнений не только по поводу опасностей переезда, ио и из общих соображений целееообразности: желательно ли, чтобы императорская семья поселилась в этой стране.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ МАРТА

СУББОТА

641

Большое помещение с высокими и тёмными потолками, нанолненное шумным безалаберным множеством людей, лицами в разные стороны. Откуда-то понимает Варсонофьев, что это — Биржа, и он тут зачем-то стоит. Но не успевает ни приглядеться, ни — что они делают (только разговаривают громко все). Вдруг властно голова его поворачивается, обязанная смотреть. Мимо него входит в зал — мальчик с дивно светящимся лицом, и слоано он хочет объявить всем необыкновенную новость. Он проходит мимо, держа в руках перед грудью какой-то пебольшой сверкающий предмет, — проходит на середину зала, свободно, как будто тут не столплены густо, там останавливается, приподнимает что в руках! — и вдруг в едином жарко-ледяном дыхании, дыбящем волосы, охватывающем весь зал (всех тут!), Варсонофьев понимает, что этот мальчик — Христос, а в руках у него бомба! — ужасного взрыва для целого мира — и сейчас, через секунду, она взорвётся!

И не выдержав содрогновения, нестернимого ожидания взрыва — проснулся. Ещё и в яви обнимал его ужас этого космического подошедшего взрыва.

Такие сны он записывал. Потянул за питочку стебель ночника, тот зажёгся,— хотел записать на клочке, как делал всегда, чтобы скорей потушить и заснуть. Но так сильно он был охвачен, что всё равно пескоро заснёт.

И с лёгкостью встал в прохладное, взял халат с кресла, в халате пошёл к бюро, сел, зажёг настольную лампу, из ящика достал тетрадь снов и стал записывать туда.

Оп давно перестал понимать сны как сочетание бессмыслицы. Бессмыслица и путапица отделялась сама, тут же и забывалась. По меньшей мере наши мысли и чувства во сне — наши истинные, и мы отвечаем за пих. Но Варсонофьев знал, что почему-то избран принимать и тайнопись вещих снов. Психологически безошибочны были и все его сны с близкими, он истинно воспринимал, и на большом расстоянии, кто что чувствует. Правда снов не в ситуации, а в настроении.

Однажды приспилось ему, что он подходит к маленькому фонтану и понимает: если нриблизить губы к его струе и шентать — то по струе нередастся как по телефону, и кто-то другой в далёком фонтане всё услышит. Многи способы нередачи чувств и мыслей, мы не во всё верим. Не раз бывало, что Павла Ивановича тяпуло к телефону — и он шёл, и по пути раздавался первый звонок.

У Варсопофьева была уверенность, что все события нашей жизни и другие лица связаны с нами и друг с другом не только теми явными причинными и следственными связями, которые видны всем,— по ещё и связями тайными, которых мы не услеживаем, даже не предполагаем,— а они не только существуют, по властно влияют, по формируют души и судьбы.

Из каких-то неведомых Божьих глубин к нам постоянно притекает на поддержку и сила, и сознание.

Но сон сейчас так сотряс его, ещё вот оставался страх в теле. Варсопофьев постарался записать точные минуты, когда это приснилось.

И ещё сидел, старался вспомнить точные оттенки смысла, ощущения, ведь они сотрутся потом. Что это была за Биржа? Не петербургская, не московская, и может быть даже вообще не Россия или, во всяком случае, не одна Россия. Это какой-то смысл имело — всеобщий.

И хотя нестернимо было пережить этот взрыв — но он был не просто уничтожение, он был и Свет, слишком светилось лицо мальчика.

О! сколько было сил непознанных! В каком-то непостигаемом объёме совершалось нечто великое — и может быть только слабым отображением были те завихрения на улицах русских городов в последние педели.

Но — зачем посылаются такие сны, вот ему, ещё кому-пибудь? Ведь о них невозможно обънвить, на них невозможно сослаться, никого научить, ничего доказать.

Предыдущая занись его в тетради была: «Сны анемнодиста в Анапобожьи». Так — присимлось ему, не кто-пибудь сказал это вслух, а — ясно вошло в сознание: что это — его сны так называются, что якобы край, где всё это ему видится, — Ананобожье. Очень но-нятно было, что — Богов край, но всё в целом не улавливалось.

У сное был свой язык. То спилось ему выражение «на тайло́к» — и он сразу понимал, что это значит: тайно. То на какой-то узорчатой решётке, как бы ворот, от невидимой руки выкладывалась наднясь метазлической вязью, тут и застывая: «Кто не был князь — поди, ведась». И во сне — ему был вл. ине понятен и значителен этот смысл, а вот записывая — уже не мог ухватить.

А ещё предыдущий занисанный сон, на прошлой неделе, был таков. Будто находится Варсонофьев в церкви, но -- почью, на запрытой сокровенной службе, и церковь ночти

пуста, присутствующих с дюжину — есть священники, есть миряне, все мужчины. И попятно ему, что церковь эта — в России, но вся Россия — под властью каких-то страшных нрагов. А эти здесь собрались на обряд запечатления церкви — то есть запечатания её на долгое время, как запечатывались храмы старообрядцев. И запечатление это будет вот в чём состоять: на аналой посреди церкви уже положены три больших серебряных креста (не помещаясь, чуть с перекрывом друг друга, так ясно это видно) — и в ходе службы старший священник зальёт их вместе расплавленным белым воском, и так они застынут надолго. И ещё знают они все: что после этого обряда их всех должны посадить в тюрьму, за то что были здесь, и это неминуемо, и они к этому готовы. А власть врагов спешит, чтоб этот обряд не произошёл: они хотят, чтобы церковь не успела запечатлеться. А в обряде тоже спешить нельзя: теперь они все должны лечь на каменный пол ниц и так оползти всей чередою все церковные стены кругом, лишь потом будет запечатление. И Варсонофьев, ползя, думает — как потом успеть дать знать дочери, Марине, о своём аресте, — и вдруг слышит её надрывный плач. И не поднимая головы от пола и не поворачиваясь, он видит другим каким-то оком: Марина в крестьянской вышитой рубахе стоит на пороге храма, не смея войти на обряд, и плачет, уже всё, всё поняв.

Он продолжал ползти ничком со всеми — и как-то продолжал видеть на входе рыдающую Марину — такую русскую, в этих вышитых вздувных рукавах, такую родную и понимающую — как будто никогда, ни на сколько они не разделялись, не размежались: они снова были душами слитно, всё иное вмиг отшелушилось как случайное. И уже неважно было, поймёт или не поймёт она теперь о его аресте, — важно, что она — видела запечатление. Будет свидетель!

Что это? Откуда это всё сочеталось?

Однако сегодняшяний взрыв из рук светлого мальчика выходил и ещё гораздо шире этого всего.

На улицах, а больше в редакциях, а больше на страницах печати хлестало опьянённое веселье. Павел Иванович не узнавал знакомых — так они были победны, так залётны в мечтах. Но сам он ходил среди них — осупутый, со свечами тревожных глаз.

Оп — никого никогда не мог переубедить своими статьями, над ним посмеивались как над чудаком несовременным. И что группа их 8 лет назад предсказывала в философском сборнике — ни тогда никого не убедило, ни сейчас никому не вспоминалось.

Так — ещё кому же он мог передавать и сны?

Все удивлялись, как сразу, без мрака, разразилось всеобщее ликование.

И не видели, что ликование — только одежды великого Горя, и так и приличествует ему входить.

Все удивлялись, что для колоссального переворота никому не пришлось приложить совсем никаких сил.

Да, земных.

642"

(по спободным газетам, 16-18 марта)

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ НАКАНУНЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ ГЕРМАНИИ.

ВАНДАЛИЗМ ГЕРМАНЦЕВ. Потопление...

 \dots Весь интерес борьбы на море сосредотачявается на борьбе двух блокад — английской надводной и германской подводной...

Германские планы. По сведениям из германофильских кругов в Швейцарии, германское высшее комаидование, в связи с революцией в России, отказалось от наступления иа Францию и Италию и готовит удар на Петроград.

...По-видимому, германцы готовятся к нанесению России сокрушительного удара, возлагая надежды на якобы наступившую дезорганязацию русской армян. Они надеются занять Петроград я продиктовать оттуда условия мира державам четвертого Согласия. Но это может вызвать негодование среди демократических элементов германской армии.

О МАНИФЕСТЕ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.

Итак, армия остаётся на месте и будет хранять свой доблестный дух для борьбы до последнего вздоха. Это упраздняет тревогу о настроении революционной демократии. («Биржевые ведомости»)

Чхеидзе сказал ещё ярче: обращаясь к немцам, мы не выпускаем из рук винтовки». В сущности, идеология, общая нам с союзниками. Но, господа, будьте последовательны: если вы намерены не выпускать винтовки из рук, то не дайте же ослабнуть боеспособности армии. («Речь»)

...Смелый шаг, беспримерный в мировой истории. Но трудно поверить в успех обращения. («Русское слово»)

...Это обращение настолько убедительно, что австро-германскому пролетариату возразить нечего.

Ребяческий идеализм тех, кто пытался навизать лозунг «долой войну» широким массам. Это ие удастся! Ни одии голос больше не смеет говорить о братании с вемцами. Россия распримляет крылья для орлиного полета, армия готова зажечься новым энтузиазмом.

(«Русская воля»)

...недоумение по поводу того, что до сих пор остаются неизвестными и президиум, и Исполнительный Комитет, я многочисленный состав Совета рабочих и солдатских депутатов. Вообще, печать обратила внимение на странную анонимность ях. А Петроградский Совет играет роль центрального Совета для всей страны. Должно быть устранено всякое подозрение самозванства. Должно стать широко взвестно, как Совет составился, на наких основаниях организовано представительство. А ведь именно Совет горячо протестует против всяких тайн. Врачу, исценися сам!

(«Peub»)

Кто такой этот влиятельный ановим с прерогативами второго правительства? Его контроль над правительством имеет ве петроградский, а всероссийский характер.

... Может быть, состав СРСД стожился и не вполие удачно — в вихре революции яскогда было обдумывать. Но это революционное воплощение «святого недовольства» совершенно необходимо, чтобы поддерживать во Временном правительстве реформаторский пафос.

народная армия.

Вссти с фронта всё более успокоительные - о бодром настроении в армии и готовпости бороться по конца.

...Весть о крушении монархии не могла не захватить войска врасплох, от главнокомандующего до солдата. Можно было опасаться неожиданиостей. Но вот становится ясным, что фронт прииял новый строй.

...В одном из ораниенбаумсьих пулеметных полков сегодин бросался жребий, какон батальон должен выступить в первую очередь на фронт...

...Обилие военноплеиных было позором врошлого. В вовой армия сдача в плен станет явлением всключительным.

ОФИЦЕРСТВО. Всё офицерство как совокупность взято под подозрение. По каким основаниям? Нотому это рево ноцию пачали солдаты, а не офицеры. И только. Основание не выдерживает критики. Офицерство не только нитте не защищало старого режима, но на второи же день революции всецело персило на сторону Временного правительства и народа. И началась беззаветная борьба со всеми остатками стърого режима. Одии офицер в нашей редакции с горечью говорил: «Мне до слёз больно было смотреть, как неумело брались солдаты за борьбу.»

(«Новое время»)

Рабочие Казанской и Адмиралтейской слободы в ознаменование назначения А. И. Гучкова военьим министром единогласно постановили: сверх усиленной работы на оборону надбавить промаводительлость работ и назвать эту надбавку «гучковским процентом».

В военном министерстве. Министр Гучков отдал распоряжение, чтобы во все военные училища беспрепятственно принимались лица иудеиского вероисповедвния, а также баптисты, молокане.

..Нам сообщают, что предполагавшееся назначение генерала Лечицкого главнокомандующим армиями Западного фронта не состонлось ввиду того, что было признано необходимым присутствие атого генерала на Румынском фронте, знатоком которого ои считается.

ПРОДОВОЛЬСТВИЕ СТРАНЫ. Нелёгкое наследство приняло новое правитольство от старого режима. Предшественники министра земледелия приложили старания, чтобы запутать и осложиить про зовольственное дело....

X.TEБ ВЕЗУТ! Чего не могло сделать прежнее правительство, то постепенно достигается всенародным норывом. Давно ли говорили, что нужны чрезвычайные мероприятия, чтоб откопать хлеб. Проспувшаяся и не сразу разобравшаясн, что произошло, провинция... Со всех концов России извещают о пожертвованиях хлебом для армии.

...Свобода мгновенно переродила миллионы людей, и крестьянство немедленно начало вывозить на рынки продукты. Нам возразят, что в Москве и Петрограде не заметно обилия. Но не нужно забывать, что при том расстройстве, какое нам оставяло самодержавное правительство... Терпели долго, потерпим еще — и все кризисы отойдут в область кошмариого прошлого.

...Крестьянин должен помнить, что у него имеются и обязанности. Разрушение помещичьего хозяйства гролит голодом городскому населению, и город может требовать от деревни, чтоб уважались и его права.

(Туган-Барановский, «Биржевые ведомости»)

 ${f B}$ министерстве юстицяи уже составлен набросок законопроекта об отмене всех вероясповедных ${f B}$ национальных ограничении.

...Закончен законопроект об общей уголовной амиистия...

О смертной казин. Отмена Россией смертной казии в военное время явится делом беспрямерным. Но это такой вопрос, в отношении которого нельзи идти в хвосте за Западом. Мы не будем мстить смертью и шпионам. Раз человек уже схвачеи — вет логического основания вешать его.

Право ареста. Времанные правила об условии освобождения арестованных и пронаводства новых арестов в Петрограда...

...В первую веделю революции в Москве было отдано много приказов на право арестов и обысков. Теперь постепенио все они анвулируются. Теперь кончилось время так называемых «эксцессов». Главиая аабота момевта — поскорее установить принцип неприкосновенноств лиц и жилища.

...Не злоупотребляйте тем, что новый порядок ие мстит за прошлое. Не испытывайте слишком проявляемой им терпимости. Новая Россия не мстит, во правосудие в ней будет действовать неукловиев, чем прежда.

Короленк

Обыси в квартире Распутива. ...15 марта арестованы, доставлены под конвоем в Таврический дворец и посажены в мивистерский павильов сыв Расвутииа и две дочери, 18 и 15 лет.

Арестованный также секретарь Распутива Аров Симанович обещал конвойным 15 тыс. рублей, если ему разрашат поговорить по телефону.

Дому Романовых, иссмотря на венасытимую венависть к иему, вичто в России ве угрожаат. Но не грозит ли Свободной России опасность от дома Романовых? Отравленные властью маленькие самодержцы полезут цепкими руками за шапкой Мономаха. Довольно нам быть мягкими в гуманными! Им — не масто в России! Палачи русской свободы, вы не смеате больше ходить по русской земле!

(«Рисская воля»)

...15 марта по постановлению министра юстиции произведены обыск и выемка документов у известной графини М. Е. Игватьевой, в салоне которой вращались высшие представители церкви и сановники.

Подруга бывшей царицы Апна Вырубова разошлась с мужем ещё в 1908 году, когда начелись её похождения с Распутиным. Бывшая царица целые дии проводила в квартире Вырубовой, здесь же назиачались любовные свидания.

БЕССАРАБСКАЯ ВАНДЕЯ. Черносотенная агятация в Аккермане.

Ликвидации мариовцев. В Щиграх арестован брат Маркова 2-го, а также председатель мествого «союза русского народа». Заключены в тюрьму.

....Режим самовластия, опричнины, насилия над жизнью и совестью милиопов «чужих» людей в Империи... выжимая кровь к слезы... Цепи ограничении накладывалясь на народы высокой культуры... Поистипе кошмарное еврейское бесправие... Самодержавие в союзе с погромными бандами минмых натриотов. Союз русского народа — вот позорное явление, а котором отразилась грязная... Очищаться от остатков старого, закладывать фундамент яового можно только революционным путём. («Биржевые ведомости»)

Телетрамма истроградской еврейской общины. Мы счастливы сознанием, что отныне асе творческие нормам евраев смогут пойти яв дело обновления родины.

Пари:к. Телеграмма главе Временного правительства: «Лига для защиты прав угнетаемых евреев с эптузназмом приветствуют русскую революцию и выражает твердую уверенность, что Временное правительство немедленно проведет в жизнь полное равиоправне евреев согласно своей декларации.»

.. Быть может, именно затем Россия и опоздала в своих политических формах и приёмах, чтобы ей блике всех подойти к созданию «общества будущего».

«НОВОЕ ВРЕМЯ». Суворинская газета чувствует необходимость связать своё темное прошлое со светлым настоящим и как-пибудь объяснить свой резкий переход от вчерашнего к сегодняшнему. Трудная задача, но нужда в покаянии заставляет. «Новое время» объясняет свою трансформацию так: вся Россия переменилась, и мы в том числе...

«Прявда» умиеет. ...После хороших уроков, полученных большевистской «Правдой», ата газета, к её чести, очень быстро сдала свои пораженческие позиции.

(«Новое время»)

ОДУМАЛИСЬ. К чести представителей русского большевизма, они очень скоро убедились в своей ошибке, отреклись от своей проповеди «долой войну», и проявили гражданское мужество заявить об атом в «Правде». Таким образом, исчез последиий повод для внутренней смуты.

...Следует отметить как чрезвычайно отрадный симптом, что «Правда» начинает освобождаться от опасного угара и разбираться в окружающей обстановке. Искренне приветствуем это просветление.

(«Peub»

...Все крайности «Правды» в смысле тоиа, стиля лежат всецоло на ответственности старого режима, которым так долго угнетал свободное слово. Ещё неизвестно, что хуже: узкий фаяатизм «Правды» или потаканно обывательщине. Время не такое, чтобы бояться парадоксов. Слобода личности — краеугольный камень нового строя, — но разве не обязано было прввительство лишить свободы представителей старого строя? Именио во имя будущей близкой свободы (после Учретительного Собрания) правительство сейчас ве может не прибегать к насилию. Например, свобода русской цер-

кви есть одна из частных целей революции. Но пока с тела цериви не будет иасильственно снята короста черносотенства — ни о какой свободе церкви не может быть речи. Поддаваться теверь ва удочку софизмов о свободе — значит поощрять контрреволюцию.

П. Философов

Свобода — это нежная красная роза, вынесенная на улицу Петрограда и день суровой зимы.

Советом Рабочих Депутатов установлены неслыханные доселе разрешения иа бумагу для «благонадежных газет». Что это? Все чистые восторги, надежды, упования, и вся «Европа с восхищением взирает» — но?! — строится новая тюрьма для свободиой мысли?.. Цензоры прошлого не додумывались так: запрещать фабрикантам выдавать бумагу тем газетам, кто на подозрении... В час ослепительного торжества демократии больно и стыдно...

Чего только ин говорят! Через второе ухо уже не успеваешь выпустить, в голове каждого граждаинна столько набирается слухов, мнений и мыслей, что в голове его происходят митииги. Сейчас он большевик, через мннуту уже в окопах и лупит немцев, затем эмигрирует на Сандвичевы острова, чтоб вичего больше не видеть, не слышать, а не усвев доехать до вокзала, записывается в социалдемократы. Но это — молодость народа, и хорошо, что мы не успели состаритьси.

...На Крестовском острове было расклеено по заборам воззвание арестовывать переписчиков населения (для хлебных карточек), так как перепись делается будто бы Союзом русского иарода для организации погрома. Крестовский остров считает себя автономвым и подчиняется только Государственной Думе.

...Разъяспяется, что чиновняки и офицеры также должны быть виесевы в ведомости на получение жлеба, наряду со всеми.

ВОЗЗВАНИЕ КОМИССАРА г. МОСКВЫ. ...Многие и с карточками на руках, простояв много часов у булочных, не получают... При разгроме полицейских участков много хлебных карточек было расхящено и пущено в обращение... Солдаты получают вне очередк я без карточек... Не забывайте однако, что новая власть существует всего две недели. Нельзя в полмесяца создать заново то, что в обычное времн стронтся векамн и десятками лет. Граждане, вы пронзвелн велнчайшую в мире революцию, иизложяли сильнейшего монарха Европы. Призываю же вас к самообладаяию. На короткое время ограничьте свон потребности.

Н. Кишкин

...В успокоение жителей Москвы заведующий сахарным отделом сообщает, что город обеспечеи сахаром с избытком относительно нормы потребления.

Грузинов в Алексееаском училище. «Юнкера! — теперь господ нет. Я счастлив, что в Московском округе солдаты и офяцеры именно спаялись. Я думаю, вы понесёте в армию живой дух — и об него разобыётся железный пемецкий кулак.» Повинуясь приказу подполковника, юнкера побороли своё стремление идти с приветствием к городской думе. Один из юнкеров обратился: «Дорогой подполковник! От всего сердца приветствуем вас, одного из вождей революциовяюй армии, первого командующего, избранного народной волей. Все мы пламенно желаем...»

ПРИКАЗ ПО МОСКОВСКОМУ ВОЕННОМУ ОКРУГУ. ... Солдатам надлежит внушить, что онн должны соблюдать железнодорожные правила, не позволить себе викаких бесчииств и быть вежливыми с пассажирами...

Грузинов

Арест губернатора. По распоряжению комиссара г. Москвы Кишкина арестованы владямирский губерцатор и его супруга и доставлены под конвоем в Таврический дворец. Во Владимире толпа намеревалась совершить над ними самосуд. У губернатора сломана иога, у губернаторши вырваны из головы клоки волос.

Иркутск. Жандармскяе офяцеры, арестованные в первые дни революции, предаются теперь суду.

Тнфлис. Дворец наместника взят для общественных нужд в веденье Исполнятельного комитета Совета. Ежедневно в воинское присутствие являются группы уклонявшихся от воинской повинности. И заявляют о готовности отдать жизнь за счастье свободной родины.

Владикавказ. Тёмные силы ещё не сложили оружия. Особое сопротивление оказывают осетины и ингушя. Из многих станиц поступают сведеняя о работе тёмных сил.

УДАЛЕНИЕ ПАМЯТНИКА СТОЛЫПИНУ. Киев, 16. На сегодня назначен праздник свободы. Ночью войска оценяля думскую площадь, и началясь работы по удалению памятняка Столыпину. К утру работы не быля окончены. Фигура Столыпина, сдвинутая с пьедестала, окутанная ценями, висела на блоках. Огромные толпы народа, еле сдерживаемые ценью милиции, с большим интересом следиля за работами. В 3 с половиной часа дня фигура Столыпина грохнулась на землю. Толпа с крнком «ура» кянулась к поверженному Столыпину. Мимо бесконечной рекой потекли маняфестация с оркестрами. Украянские процессии шли под марш запорожских казаков. Телеграфисты — с плакатом: «Телеграф — глаза и уши революции». Фигура Столыпива, весящая около 400 пудов, затем вывезена грузовыми автомобилями.

Проезд Николая Николаемим в Крым. Киев, 16. Приехавшего из Ставки великого киязи на вокзале встречали его супруга, брат, супруга брата и Мария Федоровна. Высшей администрации не было. Великий князь не выходил на перрои.

Одесский уезд. Ненадёжные злементы старой полиции ликвидированы: часть бежали, частью арестованы. Был случай оставления их на местах по желанию жителей. Деревни нуждается в немедленном содействии интеллигентных сил для усвоения происшедшего.

Могилевскак губ. В Рогачёвском уезде аграрные беспорядки. По прибытия солдат все взятые вещи возвращены потерпевшим. Усилена охрана винокурениых заводов. В Савинском уезде началась самовольная порубка крестьянами казёниых лесов. Крестьяне согласились, что совершают беззаконие, и прекратили порубки.

Астрахань. Рыбачье население сместило казённую рыболовную полицию. В некоторых местах казённые рыболовные участки захвачены местным населением.

Тронцкосавск. Веками угнетённые буряты радостно встречают благую весть...

ПРИВЕТСТВИЯ. ...Председатель ГД Родзянко продолжает получать телеграммы... от доктора Сун-ят-Сена, от социалистической партии Аргеитииы, от французской масоиской ложи «Великий Восток»...

Привет масонов. Париж. Масоны ложи «Великий Восток», собравшись на малый конвент, отправили телеграмму князю Львову, выражая надежду... что Государственная Дума и Совет Рабочих депутатов сумеют сосредоточнть всю нацию под одним братским знаменем.

...Депутация дворннков заявила Совету, что все подозрительные элементы исключены из их среды. Вся масса петроградских дворинков, в числе около 5 000 человек, выражает желавие прийти в Гос. Думу для выражения своей готовиости.

...Долой ремесленное сословие как учреждение арханческое!..

Разгром квартиры баикира Гутмана. Трое в студенческой форме... Связали прислугу, взломали все хранилища и унесли ценности и деньги.

Ареет громил. 15 марта ночью сторожа Апраксина рынка, обходя галереи, задержали нескольких человек, взламывавших магазинные замки. Громилы оказались из числа освобождёвных революционным движением каторжав Шлиссельбургской тюрьмы.

Обыски в притонах по Свечному пер. ...Задержано несколько жеящии. У одной оказались снимки окрестностей Петрограда... Подозреняе в шпноистве...

Неосторожное обращение с оружием. Один из миляциоверов вечаянно взвёл курок... Раненые доставлены...

Около экрала. Письмо артистов. Беззастенчивые спекулянты, прикрываясь лозунгом свободы, выбрасывают на рынок циичные фильмы, вроде «Похождения Распутяна»...

Самоубийство в Таврическом дворце. 16 марта на рассвете из солдатской винтовки застрелился в Совете Рабочих Депутатов делегат 3-го Сибирского ж. д. батальона. Ещё был жив: «Я не сумел справяться с возложенной обязанностью, мщу себе за это»... В письме: «Я прибыл в Петроград 3 марта. Приветствие от батальона так и не попало в «Известяя», председатель забыл дать записку. Я просял три раза редактора внести поправку. Он забывал, а и терзался душевно. Всё это сделало мевя полоумным. Так кочется жить на заре лучшей изродной жизни.»

БИБЛИОТЕКА ПРОСВЕЩЕНИЯ. Книжный склад ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА. «Интернационал», «История Коммуны», «Всеобщая стачка», «Исторический материализм», «Общественное движение в России», «Положение рабочего класса».

В ближайшяе дни выйдет в свет закрытый царским правительством в 1905 году журнал ПУЛЕ-МЕТ.

Литейный театр, новая программа КРАХ ТОРГОВОГО ДОМА РОМАНОВ И К°. Гротеск.

Театр «Мозаика». Пьеса «Гильотииа». Концерт цыган. В концертном зале кабарз до 2-х ч. иочи.

Сважа нужна солидная, со связями — для молодого человека, имеющего общественное

Господа рекомендуют камеристку, честную девушку.

Требуется судомойка с хорошей личной рекомендацией, приходить с паспортом.

ГЕРМАНО-АМЕРИКАНСКИЙ КОНФЛИКТ.

Гермвио-китвйский разрыв.

Угрозв гермвицев. В перехваченной радиотелеграмме из Берлина сообщают, что германцы угрожнют военными действиями, каких ещё никто не видел. Гений Гивденбурга в соединения с новыми методами войны...

Стокгольм. Поезда, отправляемые в Россию, переполвены возврвщающимися вв родиву русскими.

Прввое крыло шведсквх консервиторов, т. е. по иншей терминологии черноеотенцы...

(«Новое время»)

…Довольно споров о каких бы то ии было вопросах, кроме защиты Родины! Помните, что Петроград — не крепость, и если бы Вильгельму удалось до него добраться... Взятие Петрограда рааносильно победе ввд Россией.

Телегрвмив Кропотимва. ...Детв Россив, спасите нашу страну м цивмлизацию от чёрных сотен Центральных Империй! Противопостввьте им героический фроит!

...воскресшую из емрвдного гробв Росеию защитить от врага...

...По Канту: «долг человекв — смысл Вселенной». Вместе с Россней н мы, поэты-сниволисты, приннли эту войну — как величайшее социальное жертвоприношение. Старый мир багряно умирает. Преображение мирв происходит в торжествениом еобориом действе. Но дракон еще не повержен окоичательно, и вселенское дело ве коичено.

Ф. Сологув

...Третий год мы стоим нв рубежах, грудью отствивая родину от вторжения осатаневшего гунпа, который в жертву гнуеному Молоху растерзвл Бельгаю, Сербию в Польшу. Он протигивает когтистые лапы, снлясь схватить за горло прекрасиую Францию, вольную Англию... До вас долетают неясные крнки предателей свободы, требующих прекрвщения войны. Они раздражают нвс в должны исчезнуть. Нас не емутит наивный лепет о немецком пролетарии...

Согласитесь, что люди нмеют право знать, кто им приказывает. Хотелось бы думать, что ин анонимов, ин псевдонимов больше не будет в большом государственном деле.

(«Русское слово»)

народная армия.

...Боязнь дезорганизации в армии в значительной мере преузеличена. Со дня на день в армин растет сознание веобходимоств солидариости. Теперь-то в будет спаниность между офвисрами и солдатами... Новая гражданская дисциплина... («Биржевые ведомости»)

...Телеграмма оберуполномоченного Щепкина: «В восемь дией кроме бесед произнёс явселенню и воинским частям 43 речв. Всюду доверне, двециплини повышенная.»

...Наши товарнщи под удушливыми газами, под огневыми струями, под свинцовым дождем, колодные, голодные, молят нас о помощи и смене. Самовольно отлучившиеся из Литовского батальонв должны возвратиться в уквзаниые срокв, вввче будут приияты лвшь по поствновлению комитета.

…Раньше у дезертиров было миого смягчающих вину обстоятельетв. Теперь — дезертирство ничем нельзя оправдать.

ИНВАЛИДЫ И ВОЙНА. Инвальды, выходящееся из взлеченые в московскых госпитвлях, протестуют против лозуигь «долой войну»: «Мы потребуем выдать нам оружие, будем умырыть в оконах, ио отстоим свободу родной Россив.»

Об облегчение участи лац, совершваших уголоваые преступлении. Постановление Временного Правительства. ...Освободить от суда и наказания ие выше заключения в крепости или тюрьме... Уклоиившихся от воияской повивноети, если ивятся ие позже... Освободить от всех последствии судимости с правом повееместного жательства. Каторгу, исправательное врестантское отделение уменьшить наполовину... Освободить от суда и иаказвиия лиц, обвиняемых в промотании казённого оружия, в самовольном оставлении своих частей...

...Воспитанный в атмосфере беспрания в неуважения к человеческой личности, прежний тюремный персопал в ближайшем будущем будет удалён. Для подготовки новых кадров начальников мест заключения будут открыты краткосрочные куреы тюрьмоведения

...Началась «чистка Авгиевых конюшеи» судебиого ведомства. Список увольняемых должен расти с каждым днём. Пусть задумаются над словами министра Керенского, что «пусть у лиц, служныших старому строю, хватит мужества уйти».

...Таких идиотов, кто по свободному разумению етояли бы за самодержавную монархию, в России больше нет...

…Но, конечно, процагандой не исчерпывается. Произвести безошибочный отбор вчерашних героев. С ними необходимо обойтись квк с врагами… Они должны быть лишены всякого общения с населением… Удалнте их… Арестуйте их… судите их. Изоляруйте всеми законнымя способами, но без мягкотелой саитиментальноств… Они не поколеблются покрыть щестую часть земного шара

виселицами, если б одолели сейчае. Если нам суждено пережить смуту, то только в провинции бу цет её начало. Это явдо предвидеть и предупредить.

(А. Вершинин, «Биржевые ведомости»)

...Там, в глушн, куда ещё не допёсся благовест новых днеи, там еще черпая сотня щёлкает аубями...

Происки ревиционерои. Низложенную царскую чету при первом громовом ударе покинули все, кто вчера еще лежал, распростершись или перед престолом. Все они спешат выразить удовольствие от инспровержения самодержавия, торопитси обвесить себя лештами революционных цвстов и предложить Временному Правительству свои продажные услуги... Но притяхшая реакция пичинает поднимать голову, и против иеё...

НЕ СПЕШИТЕ ЗАБЫВАТЬ! Это слепой оптимизм, что Николай II уже в прошлом и обезврежен. Короткую память надо иметь, чтобы так скоро позабыть режим засилия. Забить осиновый кол в могилу династии! Нет, руссквя печать не должиа умолкать о её грязных скандалах. Россией управляла шайка полетического иегодяйствв! Слишком великодушны те, кто предлагает иабросить вуаль на преступные тайиы цврскосельских разбойянков, нв екверну царизмв. Нет, рассказывать, рассказывать в рассказывать в рассказывать

Амфитеатров

ЗА ЧТО АРЕСТОВАН ГЕПЕРАЛ ИВАПОВ. Имеютси давные, аподне удичающие его в замыслах против революционного народа. Поводом к аресту явились показания георгиевских кввалеров, с которыми ов ехал для усмирения.

СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ. Независнмо от Чрезвычайной Следственной Комиссия при министре юстинии образуется и при московском комиссаре местная следственная комиссия дли рассмотрения дел врестованных лиц, опвсных в смысле их участия в контрреволюции.

Арестован полковник Резанов, проводняший следствие по делу Д. Л. Рубинштейна.

Объясиение Мврновв 2-го. «...В том, что монархическая печать получала поддержку от монархического правительства, ничего предосудительного нет, как и в том, что вынешнее революционное правительство поддерживает Совет Рабочих и Солдатских депутатов. Мы старались просветить народ, по не готовили из евоих отделов вооружённых отрядов. Сравнительно с действительной потребностью помощь правительства была вичтожна. Ныве, как известно, полная свобода печати, я потому редакция в типография "Земщины" конфискованв, редактор "Русского знамени" сидит в тюрьме, а оствлывым правым изданням во имя разноправия воспрещено выходить в евет.»

ЗАДАЧИ ЦЕРКОВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. ... Очястить личный состав о рганов управление от элементов... Наряду е чисткой личного состава следовало бы установить строгий общегосударственный контроль яад денежными капиталамя и всяким прочкм имуществом перкви. Конечно, новая государственнан аласть не может примириться с наследием прошлого в составе Синода. Но для этого падо вызвать деятельность республиканского духовенства... Петроград и Москва один уже могли бы послужить базисом для новой организации церкви. Обер-прокурор Сипода как комиссар правительства должен был бы, немедленно распустив св. Синод... Предупредить, что будущий церковный собор не явился бы орудием...

(«Peub»)

В почь на 17 марта произведены обыски и врестованы: директор капцелирия обер-прокурора, управляющий синодальной типографии и еще несколько синодальных чиповников.

КУРСЫ ЗАКОНА БОЖЬЕГО, ИСТОРИИ И ЕВРЕЙСКОГО ЯЗЫКА, учреждённые раввином Айзенштадтом. Занятия продолжаются.

ДАВНО ЖДАННЫЙ ДЕНЬ. Создалась целая «поззня русско-польской дружбы, спаяннан кровью»... Лжнвые декларации старого лицемерного правительства... Царское правительство откладывало решение польского вопроса, Положепие спвслв великая русская реаолюция. Свободный иарод отринул ложь стврой власти... «За вашу и ивту свободу!»

(«Новое время»)

В 9-й аудитории уняверситета состоится скодка етудентов-евреев для обсуждения вопросов переживаемого момента.

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ БУНДА состоится в Петрограде 1, 2, 3 апреля... Отношение к войие и восстановление Интернационала, взанмоотношення Совета Рабочих Депутатов я Временного правительства... равноправие евреев и культурно-пациональная автопомия, отношение к политическим партиям и группам в еврействе и к общееврейским учреждениям, задачи партийного строительства, съезд Бунда...

Перепут «Правды». «Правды» сама себя произвела в герон-мученики и с перепуту вообразила, что против пеё «организован поход буржуазной контрреволюции». С топкостью Ляпкина-Тяпкина она объясияет... Страхи её так же преувеличены, как представление о своём влинини.

...«Правда», после короткого момента просветления, откалывается даже от оборончества.

«ПРАВДА». На неё ополчилась буржуванан пресса, которой большевизм не по сердцу и, главное, не по карману. А во всей буржуваной прессе нет ни одного органа, который мог бы похвастаться такой кристальной чистотой.

(«Московский листок»)

Откуда опасность контрреволюции? Революция – не праздник разрушения, но торжество государственного строительства. Европа изумляется той стройностью, с какой совершился у нас государственный переворот. Русскан социал-демократия обязана покорно преклониться перед священной волей русского народа закончить войну победой.

(«Новое время»)

ГНУСНЫЙ ПРИЗЫВ. Нам доставлена отлично отпечатанияя прокламация за подписью «Харь-ковский комитет» и от имени Российской социал-демократической партин. Она содержит ряд грубых выходок против Государственной Думы, Родзянко, Милюкова и призыв распространять лозуиг «долой войну». В конце прокламации жирным шрифтом гнусные слова: «Да адравствует гражданская война!»

Нельзя допустить, конечно, чтобы соцнал-демократическая партяя выпустила такую преступную прокламацию. Очевидно, контрреволюция работает вовсю. Нам пишут, что прокламация усердно распрострациется среди населения. Слишком много негодяев старого режима, которые ня перед чем ни остацовятся.

(«Peub»)

Городские дела. О наилучшем использованин для общественных нужд свободных зданий Александро-Неаской Лавры. Юревнч и Кинповяч вместе со следователем по особо-важным делам посетили... В настоящее время там прожявает всего около 200 человек братни я пряслуги. Решено разместить: воннские части, камеру судебных следователей и дом для приезжающих.

...Вино для церквей отпускать по удостоверениям, выдаваемым общественным градоначальня-

В Тенншевском училище состоялось общее собрание учащихся средних учебных заведений Петрограда. Прочтено приветствие от министра просвещения. Юные ораторы не пожалели черных красок заклеймить старый порядок в средней школе... Представители учительского союза и педагогического общества аосхищались зрелым пониманяем, обнаруженным учащимися... «Мы пойдем в деревню не только номочь крестьянам нахать, но будем пропагандистами»...

У будущих могил. 17 марта. Несмотри на объявление, что похороны жертв революции отложены, сегодня из некоторых частей города к Марсову полю потянулись дроги с гробами. Ошибочно привезенных покойпикоа пришлось вернуть.

В совещании петроградского городского голоам. ...Сложная задача, как охранить от тёмпых элементов все дома в столице, когда население из них выйдет на улицу на похороны жерта реаолюции. Решено держать на запоре все дома и чердаки. Ко дию похорон будут изъяты целые группы поеступных элементов...

Трамиай. Московский трамвай с каждым днём работает всё хуже и хуже. Например, 16 марта на работе было всего 30 % вагонов от действовавших до начала событий. Объясняется ато тем, что рабочне относятся к своему делу вяло. Городское управление решило обратиться к Совету рабочих депутатов с просьбой оказать давление на рабочях в целях предупреждения полной остановки, а к рабочим — с воззванием не сокращать числа рабочях часов.

Таниственные автомобили поивляются в Москве в почное время, несутся с бешеной скоростью. **П**ока существенного вреда никому не причинилн.

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГ. Комнесар казённой палаты обращается к населению Москвы с напоминацием, что подоходный нвлог не отменён.

Подполковник Грузинов. Вчера командующий войсками, проеджая верхом по городу, обратил виямание, что у Спасских казарм идёт самая оживленияя торговля солдатскими вещами. Командующий въехал в середниу толпы и обратился к солдатам с короткой речью, что они расхищают народное достояние. Обратясь к покупщикам, он напомнил, что скупка солдатского имущества преступна. Солдаты тут же потребовали обратно уже проданные вещи, и скупщики охотио их возвратили.

Из приказов по Московекому военному округу. ...Солдаты и офицеры рот пополнения! Армия ждёт-не дождётся вашей поддержки. Напрягите все свои сялы, готовьтесь к отправке на фронт. Держите связь со свободным русским народом — он вас накормит, напоит, только не дайте зачахнуть его свободе.

Грузинов

ПРОТИВ ПОРАЖЕНЧЕСТВА. В провищии парастает сильное движение против распространяемых от имени какого-то Совета рабочих депутатов летучек с призывом «долой войну!» Собрание жителей Сергиевского посада...

ПРЕДУНРЕЖДЕНИЕ ОПАСНОСТИ. Не прекращаются слухи о погромной агитация на местах. Провинция не пережила великих дней переворота, как мы, не ошутила этого энтузназма— н враги переворота там не обезврежены, как здесь. Совершается великая ошибка: происходит централизация

отечественной истории в Петрограде. Надо дать русской провинции то ощущение счастья и радости освобождения, которое испытали мы. Массам вужвы эмоциональные восприятия. Устраивайте парады, спектакли, арелища, пусть массы на местах получат свою долю правдняка революции и непременно официального. Кричите о великом счастьи освобождения! В провинции имеется беспутная чернь, усиленная теперь пеосторожно выпущенными уголовными преступниками. Можно не верить в русскую Вандею, но можно верить в российский погром. Бессарабская, Херсонская, Подольская губернии — полоса изуверства и зверства. Егдо, необходимо принять меры иемедленно. Не верьте атой тишине на местах, аа ней чувствуется предательство.

(«Новое время»)

Сход Подорвановской полости Нешехоновского уезда постановил: убрать царские портреты, оставить только Царя-Освободителя.

Минек. Из уездов поступают сведения о порубках в частновладельческих лесах.

Из волостного приговора... инзвержение старого преступного правительства... горячо приветствовать борцов за народную свободу... Ввиду малого запаса дров на будущую зиму — оставшийся запас очередных делянок распилить на дрова. Должна быть низложена спекуляция, торговать чаем и табаком по цене атикета...

Краеноярек. Многие крестьяяе сдают в казначейство попрятанное золото и серебро.

Рыбинекий уезд. Крестьянское население собрало крупные суммы на памятник в честь навших борцов за свободу. Волостное собрание постановило: в память освобождении от ромавовского ярма все солдатки отказываются от мартовского пайка в пользу правительства.

…В ответ на прязывы доставлять хлеб для армии — со всех концов России приходят телеграммы от лиц, жертвующих хлеб… В Певзевеной губ. многие сельские общества жертвуют хлеб бесплатно. 4 волости пожертвовали 12 тысяч пудов.

Появление продуктов, падение цен на рынках...

...На днях ожидается закон об укрепленяи навсегда запретительных мер по продаже спиртных напитков.

Митниг полицейских. Одесса. Полнция должна отдать свои силы на служение обновленной России. Отныне участок должен перестать быть презреняым отверженным местом... Если нам выкажет доверие Соает Рабочих и Солдатских депутатов...

Одесса. Студенческий комитет возбудил ходатайстаю о распространении среды населения громадных запасов литературы 1905 года. Ходатайстаю будет удовлетаюрено. В комитет поступают саедения о попытках пританашихся монархистоа сеять смуту. Соаещания монархистов немедленно раскрываются, некоторые участпики арестоааны. Прааая «Русская речь», преобразоваашаяся было в «Саободную Россию», окончательно прекратилась.

Ф. И. Шалипив сочинил слова и музыку иового гимна «Свободный гражданин» и ясполнит его в воскресенье с хором Марнинского театра;

К оружью, граждане, к знамёнам, Тиранов жадных свергнут гнёт, Зпамена красные— вперёд, Во славу русского народа!

...Вчера, 15-го, в первом балетном спектакле аал Мариинского театра, полный демократяческой публикн от верхних ярусов до первых рядов кресел, представлял редкостное зрелище. Не было отвратительных фраков и ниако вырезанных жилетов со снежно белеющими манишками, ни следа ресторанно-аристократяческого шика, обычно господствующего на балетных представлениях. Не было белекусицы расфранчённых неприличий и безбрежных богатств, амальгамы биржи и кокетства... Перед третьим действием вся труппа выстроялась на сцене, под марсельезу, Фокин прочёл от артистов адрес с выражением преданности новому строю. Карсавина сидела в ложе честных борцов за новую гражданственность.

Посох «Васи-Босоножки». В следственную комиссию при Гос. Думе доставлен посох юроднвого, железный, весом около пуда, на нём выгравирована надпись следующего содержання: «Сей посох дан страннику Василию Его Императорским Величеством». Следственна комиссия иашла нужиым отобрать посох, дабы «Вася-Босоножка» не мог использовать надпись на посохе для агятации среди тёмных масс.

Дешевый прокат изящных автомобилей.

ПРОДАЕТСЯ РОСКОШНАЯ ГОСТИНАЯ красного дерева с бронзовыми предметами.

РАЗВОД быстро и дешево.

 Π р и e 3 ж a я молодая девушка желает получять место к одинокому (или к одинокой),

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ПЕРЕД ВОЙНОЙ. Президент Вильсоп в своём послании к конгрессу в попедельник укажет, что Соединённые Штаты были вынуждены к войно.

Английские воиска в 70 километрах от **Исрусалима**. Новый крестовыи поход! В случае овлядения Пазестиной Англия официально выскажотся за предоставление страны евреям для колонизации.

Приготовление Бразилии к войме... варварская германская подводная воина...

ПРОРЫВА НЕ БУДЕТ Ввиду близкой распутицы пельзя ожидеть решительных действий противиика... остающиеся недели распутицы будут употреблены Германией на энергичную подготовку операций.

Победв или рабство. Всего нееколько педель отделяют иас от начала нового иемецкого наступления. Не сумев устоять, мы потеряем золотую свободу.

(«Новое время»)

...нужно призвать и етарых и малых. Нужно превратить вочи в дии и работать изо всех сил...

Страна ждёт от петроградских рабочих чудв, что 8-часовой день не подорвёт производства. Заводские комитеты несомненно помнят прекрасное место из речи Ллойд Джорджа... Они не уподобятся приспешникам старого режима, забывавшим обо всём, кроме своих интересов...

(«Новое время»)

Телеграмма химического комитета. Доношу, что государственный переворот не вызвал остаповки заводов взрывчатых веществ, удушвющих ередств и кислотных... Рабочие проявляли радость событиям только в свободиое время...

Академик Ипатьев

Батальон I-го марта... из бывших дезертиров, добровольно желающих в строй, и из солдат, освобожденных из тюрем... Комаидный соетав батальона будет избираться, должности будут распределяться вне зависимости от числа звёздочек на погонах. Может быть ато — первая частица республиканских войск, будущий оплот свободы против посягательств контрреволюцип!.. Товарищи солдаты-дезертиры! Вам указывается путь доказать вашу любовь к Родине. Батальон ходатайствует о присвоении ему имени подполковника Грузинова.

Химики и огнеметчики! Ротный комитет изаещает, что еели ие явитесь в чаеть до 28 марта, то будете считаться изменниками родины, сторонниками етарого режима я отданы под еуд.

...объявляется, что яака дезертироа ещё раз отложена до 15 апреля, последний срок...

постановление временного правительства об отмене смертной казни.

...Отмена казни в момент торжества революции— признак великодушия и проницательной мудрости. В новои свободной России уже никогда не может быть того надругательетва над человеческой душой..

Керенский со елезвми на глвзах сказал: «Я ечастлиа, что мпе выпало на долю подписать указ об отмене смертной казни в России навсегда.»

...Сотни лет лучшие умы мира боролись с атим жестоким бессмысленным... Тысяча раз доказана бесполедность устрашения смертью. Тем не менее до настоящего для даже в демократических государствах, как Англин, Франция и Соединенные Штаты, емертная казпь продолжает существовать... Никогда, ни при каких условиях, пи за какие вины Россия не будет больше убивать своях граждан. Что бы ии далв наша свобода потом,— более нолного выражения народоправетва не найти! День очищения народной души от величайшего греха монархической России.

(«Биржевые ведомости»)

СМЕРТЬ ГИЛЬОТИНЫ. Одив великая революция ввела гильотину, другая отменита её. Как празднично светло и красиво, что свободная республикацская Россия начинает е отмены казни! Власть подаёт обществу возвышенный пример облагороження нравов. Великая Французская Революция, провозглашая высокие принципы. не гнушалась насаждать их при номощи палача. Русская революция пачинает с того, что берёт человеческую жизнь под охрану. Отменить смертную казнь во время войны может только власть, солнающая свою силу.

...Кто теперь смеет упрекнуть реаолюцию в кровожадности? Кто осмелитен оспаривать её глубокую чистогу?

ОТМЕНА НАЦИОНАЛЬНЫХ ОГРАПИЧЕНИЙ. Быть может, завтра эта реформа, которой страна тщетно ждала при старом строе, станст законом. Могут упрекнуть, почему правительство начинает с уравнении инороднев, а не уравнения крестьян... А тут — пичего не надо создавать, а только разрушить уродливые...

По все правоограцичення национальностей бледнели перед чистосредневековой системой издевательства и гиёта, которой подвергался еврейский парод.

(«Русское слово»)

...Прежде веего по отношению к евреям беепрерывно производвлись аксперименты, которые в последние годы приняли характер открытого глумления и издевательства над человеческим достоипством. Царизм может сказать про себя словами Макбета: эту кровь не смоет с рук весь океан Нептуна!

От ме и а вероис поведных в и ациоиальных ограничений... в отношении жительства, передвижения; приобретения веществевных прав на имущества, яе исключаи казенных; представления их в залог; участии в казенных подрядах, поставквх, акционерных обществах, публичных торгах; пайма рабочих; занятия всяких должностей также и в государственной и военной елужбе; поступления в учебные заведения, преподавания в них; занятия должностеи присяжных заседателен и попечителем. Девствие проекта не распространяется лишь на германских, австрийских и венгерских выходцев. Акт будет обсуждаться во Временном Правительстве 18 марта.

Приезд американеких капиталистов. ...сообщают о приезде в екором времени в Россию большого числа русских евреев, предполагающих применить капиталы на дело рвивития русской промышленности. Лино, недавно вернувшееся из Нью-Йорка, рассказывает, что нигде не приходилось ивблюдать такого интереса к России, как ереди русских евреев.

(«Новое время»)

Воавращение политических эмигрантом. В Ториео вазывают евою принадлежиость к политическим эмигрантам — и комендаит, не аходя в проверку этих данных, предоставляет таким лицам места в первом же курьерском поезде. Эмигранты проверяются комиссаром лишь на Финляндском вокзале.

В первые дни революции, как известно, жандармы, охранявшие пограничные станции, бросили свои посты, вследствие чего череа Торнео хлывула в Россию масеа шпионов. В настоящее время охрана границ восстаиовлена.

ХВАЛА МАРКОВУ 2-му. Он всегда в принципе отвергал свободу слова. Теперь он требует ее для себя. Он говорит: старый порядок я защищал раньше, оствюсь его защитником и в дни надения. Согласитесь, в этой позиции Маркова больше достоивства, чем в пресмыкательстве оборотией, поспешивших преклониться перед новым строем.

НОВАЯ ЭМИГРАЦИЯ? Некрасявая картина массового отъезда из Петрограда. Буржуазные слои, которые молчаливо приняли переворот, но взирают на будущее е тревогой... Дряблые души, лишенные чувства гражданственпости, у них нет веры в прочиость нового уклада. Они перенесут пвнику за рубеж, дискредитируют дело саободы в глазах иностранцеа. Изменники нашему демократическому етрою, они увозят из етраны массу денег, подрывают курс рубля.

РЕЧЬ КЕРЕНСКОГО В СВЕАБОРГЕ. ...Я приехал принестя финляидскому народу весть о его свободе, которую дал ему русекий рабочий, крестьянин, солдат. Отныне прочь всякие сомяеиия! Позаольте мне объявить финляядским гражданам, еовершиашим политические преступлення, полную ампистию! Товарищи, на днях я еду а Ставку для еаидвния с генералом Алексеевым. Позаольте мне ему сказать, что отныне он может надеяться на Бвлтийский флот, как на самого себя? Можио мне это ему еказать? (Рукоплескания, «просим!»)

Союз писателей. Руеские писатели должны немедленно создать общедоступную народную лятературу по всем важнейшим идейно-политическим вопросам, которая помогла бы тёмным людям уловить идей...

(Любовь Гуревич, «Речь»)

Искусство должно служнть народу! В демократическом государстве искусство имеет право на существованяе, поскольку оно является орудием народного просвещения.

...В Таврический дворец продолжают поступать арестованные, но это по большей части лица, не совершившие никаких преступлений. Их тотчас освобождают.

Облава. В ночь на 18 марта в рваных районах Петрограда аадержано милициоверами 70 воров.

Мнимые страхи. В комиссариат Лесного района явилась жительница с заявлением, что она укажет штаб черносотенцев, у которых несколько автомобилей, вооруженных пулемётами, они разъезжают по окрестностям Петрограда и расстреливают прохожих и малиционеров. При проверке выяснилось, что никакого штаба черносотенцев и никаких автомобилей не ямеется, заявительница оказалась психически больной. Подобных ааявлений много поступает, оеобенно в окраиниые комиссариаты.

Надзор за проституцией. Отменён прежний надзор полицейских комитетов с врвчами. Ныне для женщин, занимающихся позорным промыслом, будут созданы особые приемвые пункты.

Воззвание комнсеара Москвы. Граждане! С падением старой власти пришлось устранить и ту полицию, на которой лежало взыскание налогов. Но потребности государства не могут ждать ни дня, ни чаеа. Граждане, несите сами в казначейство налоги, какие с вас следуют.

Предупреждение иаселению. За последяее время участились случви принуждения торговцев продавать товары, находящиеся у них на складах. Комиссар Москвы Кишкин просит население сохрвнять на пекоторое времи полное спокойствие... Все ати запасы будут предоставлены не случайно

подошедшем группам населения. Бессистемная продажа товароа влечёт за собой ухудшение положе-

Присяга Грузинова. ...В 12 час. дня в Кремле, яа Царской площади против Архангельского собора, командующий войсками с чинами штаба принесет присягу на верность российскому государству, после чего гаринзонным духовенством будет отслужено молебствие. По приказу комапдующего на торжество явится от каждой частя по взводу со знаменем.

Приказ яомиссара по Москве. Для устранения затруднения в движении населения предписываю немедленно приступить к очистке мостовых я тротуаров ото льда, снега и сора,

Ростов-на-Дону. Общественный комитет решял распустить выборную городскую думу как непригодяую в условиях настоящего момеята. Нахичеванская дума остаётся, ясключаются только гласные, заведомо негодные по своим антяобщественвым взглядам.

Тюмень. Прекращена газета «Ермак». Издатель заключён в тюрьму.

Нижний Новгород. В пряказе по гарнизону объявлено, что ввиду высокого значения Совета Солдатских Лепутатов — временно считать всех его членов неприкосновенными, не приводить в исполненяе дясциплияарных взысканий к ням, освободять от яарядов в обязаиностей службы. По всей губернян яачалась чистка пряверженцев старой власти.

Одесса. Арестованы ещё несколько видвых черяосотенцев.

Житомир. Прекращено печатание правой газеты, её редактор — председатель Союза русского народа, арестован.

ДЕРЕВНЯ. Переворот был совершён городом. Деревня город яе знает, но установилось подозрительное отношение к ней. Само Учредительное Собрание в крестьянских руках начинает казаться опасной вгрушкой. В среде крестьянства нет някакого ясного самосознания. По деревням не стало жятья от воров я хуляганов.

Новая сенсационная книга ТАЙНЫ РУССКОГО ДВОРА. Закулисная жизпь Николая II. Секрет распутинского вляяняя на женщин. Распутин я эксямператрица. Тайны великосветских салонов.

Молодая особа с хорошям разборчивым почерком...

МЭЗОН АНГЛЕЗ. К сезонам в колоссальном выборе МАНТО, ПАЛЬТО, КОСТЮМЫ.

В СИБИРСКОМ ЭКСПРЕССЕ желаю кунить билсть, плачу за персуступку.

ОСТАТКИ ВЕНСКОЙ МЕБЕЛИ продаются в очень большом количестве.

643

Так и чуяло сердце Николвя Иудовича: не обойдётся. Ох, нет, не обойдётся! Уехал как мог далеко ото всех этих опасных мест — и от Петрограда, и от Могилёва в Киев. В Киев, где он так долго и счастливо служил командующим Округа, оставил хорошую память, имел много друзей, - хотя и здесь теперь кипела со всею страстью революция, но тут-то он думал перебыть. Нет, не удалось! Разнёсся по Киеву слух, что он привхал, достиг Исполнительного комитета — и именно его здешнив зиакомства и связи почему-то толкиули комитет на подозрение, что генерал может что-то злоумышлять, может перестать быть вереи новому правительству.

И два дня иазад его незаслуженно жестоко арестовали — а позавчера, неведомо зачем, отправили в злогрозный Петроград, от которого он не знал, как унести ноги дальше.

За что??! Откуда же ои мог зивть 28 февраля, что мятежинки станут правительством? Правда, везли его благородно: инкто нв стоял у купв со штыком, инкакого коивоя, а сопровождали генерала два кивыских офицера, самых предупредительных. Можно было на станциях выходить из вагона гулять — ио Николай Иудович ие вышвл ни разу, ии даже в Могилёве, где прирастал его вагон, откуда вся беда его и пошла. (Да боялся он — и чтоб ие оскорбили прохожие солдаты.)

Этой дорогой от Киева до Петербурга сколько раз он ездил прежде, сколько мест знал глазом, -- свичас иа эти поля и междулесья, гдв боролись туман, солнце, спег, вода и чернеющив проталины - с новым отрешённым захолонувшим чувством смотрел Николай Иудович, пытаясь проникнуть в свою чёрную судьбу и найти выход.

Ои уже видел но миогим рвсправам и общему суматошью, что могут засуднть и безо всякой вины, разорить, растоптать. А за ним, - за ним пристрастный взгляд мог найти и вину?

Но взгляд справедливый должен был высветлить от обвинений: нет, ив было вины за гвивралом Ивановым, не было!

Теперь ои особенно жалел о несчастных обстоятельствах 2-го марта — что не удалось

ему тогда встретиться с Гучковым. Достаточио было в тот день оправлаться пвовл Гучконым — и теперь, когда ои стал вовниым министром, никто б и руки не поднял на Николая Иудовича.

И, как съвдающий парной туман из полях, клубилось в нём: иадо оправдаться перед Гучковым! Ещё и сейчас нв поздио написать, подать обстоятельный доклад Гучкову.

Но в дороге ему не пришлось написать: ещё не были готовы все доводы, и трясло. Да чем большв ои обдумывал свою защиту — тем болев она глубилась, расщеплялась, уже целов дерево корпви и ветвей.

Сперва подробно обдумывал ои свои действия в первомартовскив дни. Взгляду придирчивому, недоброжелательному оии, действитвльно, могли представиться отягощающей цепью: ои — и вдинственный ои во всей России! — прямо вхал на подавление революции! Это был — эшафот.

Но если теперь со всею силой ума вдумываться и вдумываться в каждый шаг и перипвтию той злополучной поездки, и вдумываться с проницанием ума сочувствующего. заинтвресованного (как только может быть заинтересован сам человек в сохранении своей шеи!), - то та жв самая злонвсчастная цепь событий могла быть (лишь при малых измепительных мазках) совсвм напротив обрисована и истолкована — в оправданив Николаю Иудовичу!

Всю дорогу теперь, почти ие спя, почти ис ев, генерал обдумывал каждов звёнышко той

повздки: как его объяснить, понять и првдставить.

Если ничего нв пропускать и с самого начвла: в ту ночь назиачения, в императорском вагоив на могелёвском вокзале, - я уже поиимал, что причины петроградских волнений имвют глубокив корни. И я уже тогда доложил — как бы сказать? — бывшвму царю Николаю Второму, что надо удовлетворить недовольство народа, и нвльзя рассчитывать, что все войска останутся на сторонв правительства.

А внести войска в Петроград? — совсви не имело карательного назначения. Предполагалось привлвчь войска с фроита лишь для облегчения положения запасных петроград-

ских войск. Лишь — для охраны петроградских заводов, не больше.

И именно для того, чтобы ни в коем случае не применить вооружённую силу, я и приквзал войскам высаживаться из поездов не в Петрограде, но далеко в окрестностях. Я именно желал избежать междуусобицы. Части, бывшие со миой, не имели инкаких столкновений и ие пролили ни капли крови.

Это — главиый выигрыш! С этим не поспоришь.

Да собственно — нет, даже нет, не так! Я к этим войскам не имел никакого отношения! H — их ие посылал. И я — не видел их в дороге. И я не посещал их под Петроградом. Прошу отметить, это все знвют: я ведь не поехал к Тарутиискому полку на станцию Александровская. Хотя он был рядом. У меня, по сути, инкаких войск не было. А в Петроград я ехал просто как отдельное лицо: просто принять командование Петроградским военным округом. (Вовремя он сжёг удостоверение Алексеева о диктаторстве.)

Георгиевский батальон? Моя поездка совершенно случайно совпала с поездкой батальоиа. Просто — мой вагои подцепили к их поезду. Нет осиований ставить это мне

в вину.

Да всю эту повздку просто раздули газеты.

Да, в пути были иекоторые иежвлатвльные эпизоды, между стаициями Дно и Вырица, когда солдаты отбирали у офицеров оружие, - и мнв пришлось прибыгнуть к силв, но безо нсякого оружия. Некоторыв из звдержанных имвли ужв по несколько экземиляров ору-

В самом Царском Селе, лишь исполняя приказ бывшего Верховного Главнокомандующего, я посетил его супругу, -- но вы можетв любыми срвдствами провврить, что я нв принял от неё инкаких поручений и не установил никакой связи против нового народного правительства.

Моё положение очень осложнялось тем, что я нв имел инкаких сведений об обстаповке, — но имвино поэтому я принял благоразумнов добровольнов рвшвиив — уйти сам и увезти этот единственный батальои в Вырицу — для вщё большего успокоения. Тут я имел от генерала Алвксевва сообщение, что в Пвтроградв начинавтся успокоенив и надо ожидать благополучного исхода. На станции Вырица я и решил ожидать исхода первговоров бывшего царя с двпутацией Думы.

(Чего ии в коем случае только ив слвдувт двлать — это ссылаться на обмеи твлвграммами с Гучковым и надежду встретиться. На нынешнего военного министра это может наложить пятно, быть ему неприятио — и только ухудшит положенив обвиняемого гвие-

И так я не имел инкаких важных для дела сввдений до утра 3-го марта, когда получил от Государственной Думы приказ, что вместо меня командовать Округом назначен генерал Корнилов — а я, стало быть, свободен от своих обязаиностей.

И я тотчас же стал возвращаться к месту свовго житвльства в Ставку. И только уже на

обратном пути узнал об отречении бывшвго царя.

Да болев того! да гораздо болвв того и глубжв! Упрёки в «царизме», которые мнв

делиют последние дни, — глубоко несправедливы! Вместе со всеми я разделял общее недовольство делами царстиования Николая II — за что меня очень ве любила придворная немецкая партия. Моё отчисление с Главнокомандовании Юго-Западным фронтом и было бозьшой интригой группы лиц, с Распутиным в центрс.

Это уже тогда породило у меня чрезвычейно тяжёлос чувство по отношению к бывше-

му царю и его супруге.

Царизмом я не был зарвжен и не мог быть.

И в Ставке я находизся в совершенно илолированном положении. Нв вокзале.

Напротив, отречение носледнего царя отнюдь не освободиво меня от верности службы Отечеству— и всем властям. Отсчеством поставленным.

Моя готовность служить новому праинтельству усугубляется сознанием необходимости искоренения того многого отрицательного, что я наблюдал и иснытал при прежних порядках.

И я — инкогда не принвдлежал к каким-либо политическим или хотя бы религиозным организациям и кружкам. Поэтому отпадает всякая возможность дурного влияния на меня моих лиакочетв, в том числе в Киеве.

А в Кией я приехал — просто отдохнуть и разобраться в личных делах.

...Так кручиные думы отеминли и гнули генерала нею дорогу. Как будто он неплохо строил свою круговую защиту, — по что можно ждать от этих обезумелых революционеров? Недорого вольмут потацить и на эшафот.

Надежда была — на одного только Гучкова.

И вторую иочь в поезде, как и нервую, Николай Иудович почти не спал. Остро болело сердце.

С воспалённой душой он сидел у окна последние часы перед Петроградом. Что ждало

Подъехали к Варшавскому вокзалу. У Николая Иудовича было два доиольно тяжких чемодана, сопровождающий офицер не сразу націёл и носильщика. Встречал их офицер — а тыстапт коменданта Таврического дворца. Стали выходить из вагона — откуда ни возьмись кучка солдат. Увидели генерала — столпились, кто-то произительно свистнуя, зубоскалили — и хоти ни но чему не было видно, что генерал арестован, — ио потребовали, чтобы он сам понёс свои чомоданы, иначе не пропускали.

И так — с каждым гепералом, значит?.. И офицеры ничего не могли ноделать. Неограждённость была полная — могли и оскорбить, и ударить. Слава Богу, хотя и отставленный, хотя и почётно-старый, но генерал ещё не потерял силушку. Он безропотно взял оба чемодана и понёс, вовсе даже не защатавшись, только налился красно.

Солдаты, очень довольные, или рядом, погогатывали и посвистывали.

К счастью, дальше их ждал автомобиль — и так они оторвались от этой группы. Но тотчас дальше, по Обводному, шли войска с красным знаменем. Николай Иудович попросил: всэти как-инбудь стороною, так чтоб не мимо войск.

Но и перед самым Таврическим все улицы были забиты стонцими, чего-то ожидающими войсками. Только и везти мимо них тикого видпого генерала, дразнить. Но Шпалерной вообще бызо невозможно просхать — объехали по Кирочной, с другого ходу. Уж чемоданов нока не брали, офицеры любелно обсщали доставить вослед.

Но и в самом Таврическом было ие избежать перейти зал — в в нём тожс в обилин толпились солдаты, и заметили генерала, и это вызвало колкое недружелюбное внимание.

Воистипу, был ход как на Голгофу. Уж не чаял Иудович, как скорей бы принели его в отъединённое, хоть и запертое место. Болезненно ждал он оскорбления.

Но обощлось. Довели его коридором до какого-то часового, там дальше ещё коридор — и в комнату. Обыкновенную комиату, без решёток, ис бызо в ней никого, стопл стол, диван, стулья. Ему принесли зввтрак и оставили его одного.

Николай Иудович покушал, посидел, походил: вот так-так, судьбы человеческие! — он арестапт.

А время уходило, надо было писать Гучкову.

Он позвал, попросил чернил и хороший лист бумаги. И хотя перо подали дрянное, но всё ж ои выписал красивым, чисто писарским почерком:

«Милостивый государь Алексвидр Инанович!

Есзи назначение меня Командующим Петроградского Округв с цезью уснокоения в нем брожения и предполагавшееся усиление гарнизона Петрограда действующими войсквми не соответствовало обстановке наступившего момента,— то принятое мною решение остановиться в Царском Селе, а затем и отойти на станцию Вырица представляется вполне целесообразным: иначе возможное кровопролитие затруднило бы установление нового порядка управления Отечеством.

Отречение последнего царя от престола не избавило меня от верности Отечеству и поставленным властям. Как я служил $47^1/_2$ лет чуждый искательству, так буду служить и новому правительству, тем более, что иовый государственный строй может дать блага иароду. И я пикогда не принвдлежал никаким политическим и религиозным... Напротив, солдата и простолюдииа люблю с первых лет моей офицерской службы...

644

Минувшие недели все-таки не одной революцией были наполнены, Свечин имел удовольствие последить и за настоящей войной, имел азарт и угадывать стратегический замисел и чужое исполиение: гермвиское отступление на Сомме. Как вссгда, первые вести приносились близорукими и крикливыми газетными корреспондентами и сообщения о якобы гранднозном наступлении союзников, какого у них и за всю войну не было, не пресловутый домик паромщика, ио сотни квадратных километров, и даже союзные военные представители при Ставке поиязи так. Но затем, и через них же, ствли приходить сведения достоверные — и проступил встинный смысл события, какой Свечин и подозревал: пичего французы не прорвази, слишком это было бы легко на устоявшемся фронте: немцы отступали сами, ничем не вынуждениые к тому! Да отступали — квк? С высоким искусством, узнавалась до мелочей разработанная напряжённая программа гинденбурговского штаба: отступвли так, что имели всё время инициативу, свободу действий, а францулам покидали настольио методически резорёниую территорию вместо их палаженной прифронтовой, что обрекази их яа важнейшем участке фроита к длительной разрухе и бездействию. Везиколепный замысел и великолепное исполнение! Немпы на несколько месяцев создавали себе новое выгодное соотношение и освобождали много своих сил. Свечин и всегда считал, что гениальность более всего может проявиться не в наступлении, а в отступлении.

На третьем году войны немцы ни в чём не проявили ослабления, по оставались всё тем же мировым классическим врагом.

Следил за чужим замыслом и завидовал, что не русская стратегия мечет такие петли.

Русских стратегов посадили под дурацкий красный колпак.

Но — где вспользуют иемцы освободившиеся силы? На Западном ли фронте? Не на Восточном? В отношении чисто военном это было для пих и возможно и исключитсльно выгодно: при начавшемся рвзвале русской армии они могли бы иметь здесь крунный быстрый успех.

Однако, кажется, политическое зарево стояло выше военного: нужно ли им на наше

разложение наступать, или двть нам раалагаться дальше?

Революционные события Свечин переносил, точнее всего сказать: брезгливо. Высокоразумные существа — люди — вдруг обращаются в стадо озверелых обезьян. Личность растворяется в слепых страстях толпы, и больше всего боятся люди показаться умеренными. Об этой революции или дворцовых переворотах давио болтали все петроградские и московские салоны и аемгоровские интеллигентские агитаторы, внушвли, кликали, призывали — не могли потерпеть до конца войиы.

Великому народу в великих боях такое легкомыслие не проходит зря.

Но остановить — было упущено в роковые февральские дни. Прохлопал Государь. Прохлопал Алексеев со своей блеклой упряжкой Лукомского-Клембовского. Прохлопал Хабалов. Прохлопал Иудушка Иванов. Уже не говоря о размазие императорского правитслыства. И наконец, сползая с гривы на хвост, прохлопал и долгоногий великий князь. (Что он заменёй на Кавказс деловым Юденичем — только к счастью для Кавказского фронта. Лишь не дать англичанам погонять нас захватывать для них мосульскую нефть.)

Опи исе прохлопали, и закатились или быстро закатывались, — но должна была стоять Россия, и её Армия, и её Ставка — и все, кто служил в Стввке, пренебрежа своей брезгливостью, или презрением. Для того, чтобы всем им стоять, приходилось терпеть и иеприятное, и неопрятное — и как-то служить и ему. Терпеливая линия в дальнем просмотре всегда оказывается верней. Какая-то дрянь ушла с переворотом, какая-то наплывёт и новая, может быть и гущс, — а Ставка должиа стоять. И ие только решать обычные задачи стратегическис, по ещё и методами, которых у иеё сроду ие было, охранить создат от подстрекательства депутатов, комитетов, Советов, — удержать армию от переёма порядков тыла. А сейчас опубликовали ещё какую-то «Декларацию прав солдата», — это что ж? в отмен всех уставоа? Окоичательно отмеияется отданис чести, и даже перед строем? отменяется вечерияя поверка, а «смирио» — команда лишь предварительная, — это что?

Свечин всегда знал один девиз: служить. Пути вольномыслия очень завлекательны и разнообразиы, и очень принпты образованными людьми, но дело движут и развивают не оии, а вот те самые презрениые чиновники и военные служаки, которые являются на

службу утром и уходят в пять пополудии, если иет сверхурочных работ.

Спраьнтся ли Ставка в новом положении? Способна ли Ставка ещё на что-нибудь? Но нельзя признать положение уже загубленным, а службу уже бесполезной. Вот, Егор просится — хочет что-то придумать? (В нынешией нерваберихе, да когда ликвидируются всс великокияжеские отделы, наверно удастся всунуть сго в Ставку, вот только улучить Алексесва наедине.)

Главное — Ставка не должна выступить против нового правительства, это Алексвев ведёт правильно.

Выход — всегдашний единственный выход жизни: компромисс. Принести присягу Временному правитвльству? Пожалуйста. С почётом принять в Ставкв министров иового правительства как людей якобы серьёзных и что-то попимающих? Пожалуйста.

Как оправдать новую присягу? Можно это составить. Я прежде присягал императору Николаю II? Но разве я присягал лично ему, Николаю Александровичу? Я присягал главв государства, которов является моим отечеством. Однако, раз благо отвчвства нв осущв-

ствилось при том императорв — будем искать его при новой власти.

Ужв вчера на завтракв в собрании Свечин видвл Гучковв, тот поздоровался весьма прохладно. Он конвчно помиил крутой отказ Сввчина тогда, в ресторане Кюба, когда пылкий Воротынцев чего-то от Гучкова с вврою ждал. А Сввчину давно ужв надовла эта игра в младотурок, давно пора ствновиться взрослыми. Но раз Гучков стал военным министром — он пвреходит из сил мятежных в силы созидающив, в те, с которыми неизбвжвн компромисс. Он становится одной из дюжины голов этого нового сочлвнения, которой Свечин ужв присягнул. И потому, и по служебному благоразумию, не слвдувт продолжать прежнего вызова — но сгладить, сколько удастся.

Достиг Гучков задуманной своей высоты, но показался он Свечину не орлом, ширяющим под небесами, а довольно утомлённым и помятым петухом. И арвсты ставочных чинов по вго приказу выглядели нв грозно, а жалко. И офицеры, привхавшив с Гучковым,

таскали позорныв красныв банты, - а ставочныв ни один.

Встрвчать министров сегодня на вокзалв, Алексеев настоял, должны всв ведущие чины

Вдруг почему-то пожалел Алексева. (Никогдв не жалел.) Вся мера ушижения, какая была в этой встрече, она падала большв всего ему. Серых, честных, трудолюбивых — таких ни при какой власти не возвышают, это ещё государева была личная склонность, — а вот обливала вго революция помоями, а ему оставалось только отираться, как и ничто.

Итак, на вокзалв был выстроен почётный квраул из георгиевского батальона. Вся главная квартира, вместе и с морским штабом. Военные агенты союзных держав вышли на перрои из гучковского вагона. (Это Гучков подстроил по времеци. А сам не вышел. И по-

нимающий глаз разило, что военного министра встречали вчера не так.)

Обывателей из города было мало — город не смыкался с вокзалом. Но приехали на извозчиках (носились на них по городу) какие-то с красными бантами, красными шарфами и даже красными лентами наискось, через плечо. Но привели и построили какую-то школу, уже с красным флагом. Остальной перрон был беспорядочно забит любопытными железнодорожниками и солдатами, что создавало толну, по нарушало строй.

Ещё и на крышах нримыкающих станционных построек тоже набрался любопытствующий народ. Ещё выше, вкруг высоких станционных тополей, в тепловатом пвсмурном

дне суетились, возились, кричали грачи, прилетевшие тому для три.

На подходе ноезда два оркестра уже заиграли марсельезу.

Вагон министров сразу был отмечен тем, что из нвго выходила и строилась охрана из гвврдейского экипажа.

Встречающие не знали точно, кто именно из министров будет, ожидали пврвым

увидеть князя Львова — первым явлением не царской власти на Руси.

Но в вагонной двери появился — подчёркнуто узкий, тщедушный, подчёркнуто подвижный, не в штатском пальто, но в полувоениой куртке и в полувоенном картузе, всеи видом и движениями явно претвидуя казаться военным. И ещё ему явно хотелось отдать под козырёк. Но он удержался, а с тамбурной площадки приветствовал всех собравшихся каким-то римским движением руки — и тут же, звонкоголосо перекрикиваи ещё не замолкший оркестр, закликнул:

Товарищи! Армиям фронта — низкий поклон свободного народа! Надеюсь, ваше

воинство сломит упорство внешнего врага!

И — ив сошёл, и нв сбежал, а почти спрыгнул к Алексееву со ступенек. И нв просто пожал руку генералу, но повышенным тоном вскричал:

— Позвольтв мне, гвнерал, в знак братского приветствия армии, поцеловать вас как ей вврховного представителя и пвредать привет от Государственной Думы!

И — смело поцвловал колючего Алексеева своим голым обгубьем.

Дальше вышла заминка, которую Сввчин хорошо видел поблизости: этот мальчиковый министр тут же намеревался и идти, с Алексеевым или даже без него, мимо почётного караула. Но Алексеев, встественно, ждал следующих министров. А следующий министр в тамбуре не появлялся. (Когда потом появился надутый Милюков в шубе, можно было догвдаться, что он не хотел просто прилиннуть к спине юного предшественника.) Вышла заминка,— а тем временем матрос гвардейского экипажа с усилием опустил одно вагонное окно— и оттуда выставился ещё квкой-то штатский, без шапки, хорьковатого вида, с холёными усами, и тоже ораторски высунул руку и закричал, но ужв в тишине, в приготовленном внимании:

— Товарищи жвлвзнодорожники! Ваш героизм и сознательность безропотно несущих

днём и ночью свой труд с удвосиной эпергией на алтарь отечества!.. Старое правитвльство разрушило железные дороги, но мы оживим их и поднимем правовое положение железно-дорожников!

Так что постепенно прояспялось, что это наверно — министр путей сообщений.

А в тамбуре показался и выдвигался к двери — очень постепенно, очень солидно, на голова богатая меховая шапка, шея в меховом воротнике, строгий вид, строгив очки — всем известный Милюков.

От некоторых нв в строю раздались аплодисменты.

Милюков осторожно, как бы остврегаясь свалиться, сошёл по ступенькам, внизу поздоровался с Алексвввым. И движвнья не делал приобнять или цвловаться.

Тем временем сходил со ступенек ещё один министр — ростом вышв Милюкова, совсем нв надутый, открытов прямое лицо.

Затвм и тот хорьковатый.

И тепврь всв чвтверо с Алексеевым двинулись мимо почётиого караула,— но минвстрмальчик на нетерпеливый шаг вперёд всех остальных, и первый звоико крикнул, смешно из юношеского горла:

Здорово, молодцы!

И георгиевские кавалеры отлично отрубили:

Здравия — желаем — господин — министр!

Милюков и другие уже нв кричали караулу.

И мимо выстроенных чинов Ставки прошли со штатскими поклонами, никто никому нв подал руки.

Впрочем, и много стояло же этих чинов.

Впрочем, Государь подавал.

Затем опять возвратились к сноему тамбуру, и тот шустрый министр легко взлетвл на площадку, обернулся и быстрым горячим голосом нвчал выбрызгивать рвчь. Кидалась вго необычайная взволнованность, и ощущение необычайности момента, и страсть голоса,— за всем тем Свечин только и усвоил из его речи, что Учредительного Собрания нельзя собрать, не достигнув прежде победы над немцами.

По крайней мере хоть это понимали.

И — «ура» за армию!

— Ура-а-а-а-а!

Затем медленно, солидно на ту же площадку взошёл тяжёлый Милюков, обернулся, взялся руками за верхи поручней (проверя нальцем, нет ли там налётов наровозной сажи) — и стал нодчёркнуто не торопясь и подчёркнуто без ажитации, довольно долго говорить.

Он отмечал заслуги армии в свержении старого режима.

(Если говорить об Армии Действующей, то заслуга могла быть только в полном бездействин.)

Уверен был:

 Народ, сумевший в четыре дня совершить мировой переворот, — добъётся и победы нал внешцим врагом!

Сесть бы тебе за оперативный стол, да посчитать, сколько мы потеряли от петроградских заводов. Да смещённых начальников. Да комитетов сколько. Да дезертиров.

И — «ура» за армию!

— Ура-а-а-а-а!

А затем поднялся тот трвтий министр, с таким хорошим, встественным лицом. И голос у него оказался ествственный и душевный, дажв редко такой услышишь. Но говорил он зачем-то длинно, с косвенными отвлеченнями, всё не мог остановиться, — всё о тяжёлом наследстве старого режима, как вго преступный хаос отразился на продовольствии. Говорил как-то растерянно или рассвянно, будто сам озабоченно думая о другом:

— Хлебородная страна вследствив преступной политики старого режима осталась бвз хлеба. В двв недели наладить спабжение было, конечно, трудно. Но будут привлечены лучшие люди общества. Не пеняйте нам, если на нервых порах придётся несколько и со-

кратить потребление.

А что ж неняли старому правительству? Оно и не сокращало.

— Тепврь — мы сами делаем свою историю — и не на кого сваливать ответственность. Во имя будущего падо ограничить себя в настоящем. Только общей неустанной самоотверженной работой...

645

Не прошло и трёх недель революции — армия была расколота до основания, шаталась и гибла. Нв то что наступать в этом году на Гврманию, — разумному военному чвловвку было ясно, что для спасения самой-то армии, чтобы было кому с то я т ь, могли остаться только недели!

А Лечицкий сказал: всё равно ничего не поделать...

А сослуживцы по штабу врмии и кого Воротынцеа повидал а поездке по корпусам — были встревожены, уязвлены, ироничны, или даже равиодушны (или даже перекрашивались под новую власть?), — по никто ие разделял, что надо немедленно, вот тут же, самим, что-то резкое предпринять.

Армия — всегда и на всё ждёт команды.

Как мы все разъединены! Все дёргаемси поодиночке. Офицерстаю оказалось — сплошиое баранство. Мы смелы в своём обязательном строю, а бою протиа Гинденбурга, — по пришло с пеожиданной стороны, из-за нашей спины, — и какой мрази уступили?

Впрочем, большинство когда умело что-нибудь сделвть? Большинство и асегда лениво

духом, на него надежды нет.

Но — немыслимо не противостать этому разложению! Ведь на этом не кончится, пойдёт ещё глубже. Лечицкий прав: это — осыпь земляной кручи, и она троиулась ещё только по верху. О революции уже асе пишут как о чём-то, произошедшем три недели иззад. Хо-го! Она только начинается!

 $\sf M$ падо спешно искать наилучшей точки: $\sf m-q$ тоб самому не сползти, $\sf m-q$ тоб

удержать. Если это вообще кому-иибудь посильно.

Воротынцев стал спать дурно, его жгло, что надо немедленио делать! Он ждал

ответа от Свечина. Свечин пока дал телеграмму, что — надеется устроить.

Решение не рождалось. Первое соображение воениого — применить к ситуации аоенные средства. Но такие средства — у кого были? И был бы у Воротыицева свой прежний позк — сегодня, конечно, тоже разлагаемый — так и тоже ие то, аращённым в костяк фронта, отдельно не вынешь. И: реаолюция — точно квк зараза: тот, кто хочет приблидиться лечить от неё, — обречён прежде заразиться сам.

Ла и что на Румынском фронте можно делать?

Оп только мог присоединиться к кому-то крупному и сильпому.

Но вот — и Лечицкий не собирал таких. Западный фронт — на уровне Москвы! — мог

быть таким центром действин! - но вот Лечицкий ие брал его.

Вчера весь день стоял туман над городишкой Романом, а сегодия подул совсем тёплый ветер, туман сдёрнуло, под солицем и небом открылся Серет и степь за ним а сторону Ясс — пыт це уже ни клочка снега, и только чёрные-пречёрные плодородиейшие поля, ждущие семин, и такие же чёрные взмешенные дороги, по которым проехать совсем не возможно. На несколько дней вся Девятая армия потонула а этом море грязи. Но каждый, кто становился пощуриться под солицем и прииять этот обещательный ветер в лёгкие, — узнавал вокруг и в себе каждогодиее, каждый год удивлиющее ликование ассны — толчком в грудь, вмещающее а нас сноп радости, самоуверениости и надежд.

В такую ногоду, и чувствуя себя молодым — нельзя ие верить а успех.

И в этот солнечно-голубой день — пришла Воротынцеву телеграмма из военного министерства. Не от самого Гучкова, по от помощника его, генерала Новицкого. А содержание захватывало дух: немедленно прибыть а министерство получить назначение с большим повышением!

Такая телеграмма может придти офицеру — раз а жизни. И не в каждой жизни.

Да Воротыпцев, признаться-сказать, и ждал такой телеграммы. И даже удивлялсн, почему не шлют: обиделся на него Гучков?

Воротынцеву, в его разряде командира полка, повышением было бы — получить дивизию и генеральский чин. Λ — большим повышением? Сразу корпус?..

Или... революция чудит... или — даже Армию потом вскоре?

Всё может быть, когда прежние начдиаы и комкоры начали сыпаться как сосновые шишки.

«Дорогу независимым!»... На этом тезисе аедь и было их соападение с Гучковым. Об этом в мечтали: сменять по непригодности, а не по старческой только болезня. Это и обличали: загромождение командных постов засидевшимись стариками.

Головокружительный соблази.

Выбор — целой жизни...

Какой выбор? Дв, конечно, я согласен! Кто может быть не согласен?

А Лечицкий сказал: не время сейчас аозвышаться.

Но и именно — времп! Но и важней асего — управлять событиями сейчас!

Но если Лечицкий ие видит силы а Главиокомандовании Фронтом — то что может сделать корпусной? Получить от Гучкова корпус, — а с чего он окажетси крепкий и стойкий?

И потом: идти сейчас к Гучкову— зиачит и служить этой самой революции? Разве Гучков позовёт— противодействовать ей? Ои же сам— петроградская власть.

Но революция — это событие слишком огромиого масштаба, чтоб его безошибочно разглядеть изблизи. И из революций тоже выходили могучие государства, на века.

Могут быть ещё разные, разиме повороты к лучшему, там дальше увидим?..

Но что, вот, сразу близко видно: Временное правительство, которому так бы естественно выйти из войны,— безмозгло кричит о новом приливе сил и о войне до победы.

И — сами же при этом разрушают армию.

На что ж опи надеются?..

Продолжать войну? — уже в прошлом году это было преступно перед русским ивродом. Сегодня — это стало и безнадёжно. После того как отпробовали шинучего комитетского нашитка — кто ж вернётся в старый строй? Теперь-то, после революции, — продолжать вейну самоубийство.

Теперь долг — не переть на аойну, не жален лба, — ио спасти парод в час его охмеления.

Да вот: как Гучков допустил эту «Декларацию прав солдата»? Он возвышает энергичных офицеров — и он же развазивает армейские уставы? И чего он ещё наворочает?

И какой же смысл возвышаться по куче, которая рушится?

А в этих комиссиях — поливановской, Военной — однако, кто и налип, как не младотурки же?..

Нет, пути расходятся. Это был самообман, будто и Воротынцев состоял а той компании. Как будто все едипо хотели разумных армейских реформ. А они, аот, готовы и на разаал.

Новицкий, подписавший телеграмму,— генерал-писатель, большой любитель изъяснять военную жизпь пером. Сейчас, когда больше асего иужна пропаганда, конечно, ему и быть при военном министре. Он еще из юнкерон был разжалован за политику, потом все же прошёл курс. А недавно был отставлен от бригады: что она по его вные понесла потери газовей атакой.

Ка́к всегда жвждал Воротыпцев высокого назначения! И вдруг сверкнуло — виезаплое, небывалое!

Но - не от тех.

Но — не а то время.

Нет, не должность важна при революции. А — реальиая возможность делать дело. Однако в штабе Девятой армии теперь уж аоасе не остаётся делать ничего серьёзного.

Ставка! Вот единственное место, которое может противостоять и развалу от правительства, и развалу снизу. Единственное место, независимое от Петрограда и само себе командующее.

Единстаенное место, где может завязаться армейское сопротивление красному Петрограду. Если уж не а Ставке — то где ж ещё?

Или, всё-таки, принять вызов Гучкова?

С квкой решимостью — отшвырнуть?.. Ведь на корпусе вскоре — и генерал-лейтенантский чин! А в Ставке — ничто, какая-нибудь жвлкая должность?

Выбор честолюбия: да, безусловно ехать к Гучкову! Сейчвс же — согласие, и выезжать!

Как вот подсохиет.

Выбор реального дела: только Ставкв! Нервиый узел.

Не может быть, чтоб уже асё было без поворота проиграно!

Во всякей стесиённой задаче, если всматриваться а неё пристально и со свежестью, можно увидеть решение — и даже достаточно простое, неожиданное.

И есть — азарт опасных положений!

Сказал Лечицкий: революцию не перехитрить?

А может быть, всё-таби, есть такой способ?

Да не может быть, чтоб не оставалось пикакого выхода! Так не бывает ни на войне, ни в природе.

646

И спова катили торжественные валы революции! И снова текли и текли праздничные войска к Государственной Думе!

Позавчера пришёл ил Нового Петергофа гвардейский артиллерийский дивизнон — и притащил за собой 12 тяжёлых пушек. И с оркестром и со всеми илакатами хлыпул на ненадёжные полы Екатерининского зала, к счастью не пытансь втяпуть с собой и пушки — они все двенадцать оствлись на Шпалерной, грозиою народною защитой Государственной Думы. Но ещё стояли в Екатерининском артиллеристы — как уже подошёл к дворцу, мешая строй из-зв пушек, — гвардейский Литовский батальон. Пока разобрались, вывели одних, ввели других, произнесли речи перед литовцами (и Родзянко опять, но и Чхеидзе опить), — доложили, что снаружи подошёл 180-й запасной полк. («Тех, кто предавал нврод, — под народный суд!»)

Уже так много было полков, желающих выразить предапность, что не все могли пойти по круговороту Таарический дворец-Дворцовая площадь, по кто куда уснел. С Дворцовой площади допосили по телефону, что там в этот день Корпилов принимает парад и митинг сразу двух нулемётных полков перед отправкою их в Орапиенбаум. (Уже который день пулемётиые полки ходили в рвзные места Петрограда и прощались.)

Вчера привалил к Государственной Думе звпасной батальон гвардейского Петроградского полка— с полуистлевшим георгиевским знаменем, простреленным в турецкую

камнанию, и красной лентой: «Доверяем Временному правительству». Родзянко в это время не было в Таврическом; Чхендзе, на этот раз не «генерал», а «солдат от народного доверин», воснользовался и звал зорко следить за шагами Временного правительства. А к Измайловскому батальопу Родзянко поснел, и выборный полковник произнёс здравину: «За мунрого честного вождя Родзинко!» — и обоих поцесли на руках.

Однако высшего ликования шествия полков достигли сегодня! Феерически поеторялась незабываеман картина революционных дней! Колонны войск забили всю Шиалерную, завернули на Потёмкинскую и дальше вокруг Таерического сада — и по несколько часов ожидали внуска во дворец, многие сидя на спегу, а то и лёжа, ружья везде

составлены е пирамидки.

Первым пригарцевал 9-й запасной кавалерийский полк, сам себя назвений «1-м кавалерийским нолком республиканской армии»,— это название они и везли на пиках первой шеренги.

Сразу же за ними пришёл лейб-геардейский Москоеский, и тут же за ним — лейб-

гвардии Преображенский.

Так и забили улицы — хотя и это был не конец: дальше пришли пешком из Петергофа, потом 2-й балтийский флотский экипаж и, уже к вечеру, — геардейский экипаж. А е 8 часов вечера, уже е полной темноте, — дошегал из Краспого Села 176-й полк.

И есе дожидались очереди еойти е Екатерипинский зал и тут держать митипг. За-

копное желание! (Хотя и утомительное.)

И еыступали, еыступали, черецуясь, то думские депутаты, то члены Соеета. Сам Родзянко берёг свои силы, чтобы выступить перед экипажами, тем и другим. Вот еливались е зал и чёрные шинели. (У гвардейцее на знамени с одной стороны изображён крестьянии, «земля и воли», с другой — кузнец с наковальней и «да здраествует сеобода».) Второй Балтийский зкинаж Родзянко убеждал тернелиео ждать воли Учредительного Собрания, которое и ответит на есе вопросы, волнующие русский народ. Но тут же елез от московского соеста депутатое: что моряки — революционный авангард и выдвинули лейтенанта Шмидта, и отстоит тенерь свободу, которан пока завоёвана лишь наполовину.

И его -- балтийны качали. А Роданику -- не качали.

А к гвар цейскому экипажу прежде Родзянки обратился их командир, капитан первого ранга: мол, 100 лет назад, когда декабристы вывели на улицу нетербургские полки, — гвардейский экинаж тогда вышел нервый. Теперь — не нервым, но тоже вышел. А с проклитыми немцами будем бороться до победного конца! С «ура» подхватили матросы его качать. Затем и Родзянку.

Так до позднего вечера ликоввл сегодня Таврический. А завтра, в воскресенье, сюда ожидалась огромная манифестация женщин, добиваться избирательных прав,— и тоже

ведь не мог Михаил Владимирович не выступить.

Всё так, всё отлично, но разве деятельность его только была приветствовать полки? Да именно в эти самые дни 23 армейский корпус прислал Комитету Государстеенной Думы в подарок шлем — как эмблему безопасности от посягательств вригов свободы. А артиллерийский нарк прислал всё месячное солдатское жалование на усиление войны. И приходили сведения, что крестьяне жертвуют для родины хлеб. И надо было принять делегацию объединившихся демократических поликов, пришедшую благодарить Цумский Комитет за обещание пезависимости Польше. (И хотя Комптет был ни ири чём — но как не прицять благодарцости?) И нельзя было не прицять Громана, который приходил мутить и жаловаться по продовольствию на Шингарёва. (Да и пора была нисать воззвание к крестьянам: не поддаваться агитаторам и не громить имення. Очнулся теперь Родзянко, что зря это он в революционных поныхах утвердил реквизицию хлеба, у кого свыше 50 десятии. Это — разбой. И он теперь протестовал Львову.) И надо было рассылать, рассылать комиссаров Думы во все концы страны и разъяснять единство Думского Комитета, Временного правительства и Совета Рабочих Депутатов. А сегодня вызывал к прямому проводу генерал Рузский — и ни с того ни с сего повёл по телеграфу дискуссию: кого нменно понимать под правительством — Думский Комитет или Совет министров? Генерал понимает совет министров лишь как исполнительный орган, а Комитет Государственной Думы — как орган высшего контроля. Да, конечно, именно так! — горячо подтверждал Родзинко. Но мы решили предоставить им отчасти и законодательную власть.

А дошло ли е Петрограде до полного успокоения?

Ох, много раз говорил Родзянко, кажется, что дошло. Но нет, увы, далеко до успокоення.

Именно в эти последние дни успевал решать Михаил Владимирович и ещё более важные вопросы. Тяготящий душу позорный вопрос, что иекоторые депутаты получали субсидии из секретного фонда. Наконец, пришли объяснения ото всех них. К счастью, Пуришкевич, оказывается, получал для составления солдатских библиотек — и так оказался чист. А Марков имел наглость открыто признать в газетах, что да, получал помощь от правительства и сам как монархист поддерживал правительство — и гордится этим А другие — уверяли, что не получали. А Крупенский прислал чек назад.

В тревоге заседал трижды Комптет и наконец постановил: лишить педостойных депу-

татского зеания и считать это мнением как бы есей Государстеенной Думы, которую невозможно теперь, собрать.

Но, когда ездил е доемин, принял Михаил Владимироеич на душу ещё горшую тревогу и отемнение: узнал он, что готоеится назначение Алексеева Верхоеным Глаенокомандую-

Роковой шаг! Этого он и боялся! С первой минуты произило его, что это — опаснея ошибка. И потом час за часом прорабатывалось в нём: какая же это опесиая ошибка!

Лукавое котячье лицо Алексеева так и стояло перед ним, живое!

Как фактический глава государства, как человек, ответственный за Россию,— Михаил Владимирович не мог не вмешаться! И самым энергичным образом! Он должен был спасти— и русскую армию, и победу, и революцию.

Но ие имея прямо власти емешаться и запретить и не имея под рукой полной Государстеенной Думы для запроса — одии способ имел Родзянко; написать предупредительное

уеещательное письмо. Кому же? Ну, очевидно, киязю Львову.

Письмо прорабатывалось в нём,— и сегодия в дальней комиате дворца, сотрясаемого шагом тысяч, он написал— сеоим красивым решительным разбросистым почерком, мысли легко ложились под перо:

«Милостиеый государь князь Георгий Евгеньеенч.

...Это назначение не приесдёт к благополучному окончанию войны. ...Я сильно сомиееаюсь, чтобы генерал Алексеее сосредоточил в себе сумму достаточного таланта, силы
воли... Генерал Алексеее есегда считал, что армия должиа командовать над тылом, над
волей народа... Вспомните обениение генерала Алексеева против народного представительстеа: что оно из глееных аниоеников надвигающейся катастрофы... Не забудьте, что
он настанеал на ееедении еоениой диктатуры... Ширины умственного кругозора в этом
человеке нет, охеатить широким размахом донельзя усложинешиеся услоеня ему будет не
по силам, да имя его и мало изеестно в России... Для меня соеершенно ясно, что только
Юго-Западный фронт оказался на еысоте положения. Там чувствуется голоеа широкого
полёта мысли — я имею в енду генерала Брусилоеа. Это единственный генерал, соемещающий... Другим лицом широкого государстеенного ума я считаю генерала Поливаноеа.
Выть может, ещё не поздно изменить еаше решение...»

Вот. Вот так. Сегодня же и отпраеить.

А если не повлияет?

0-0-0!.. 0-0-0!..

Тогда: завтра же собрать заседание Временного Комитета Государственной Думы — и просто постановить!

То есть, вынести рекомендацию.

647

По-настоящему, трудно было уразуметь, о чём бы Верховному Глввнокомандующему надо было совещаться с министром юстиции и даже путей сообщения после того, как накануне уже обо всём важном отсовещались с военным министром. Другое дело — по иностранным делам. И всегда охотно — по продовольствию.

Да ещё: как понимать этих пятерых министров в их совокупности и взаимоположении? если не приехал премьер — то кого из них считать старшим? Гучкова? А может быть Милюкова? (А Керенский уверенио держал себя как зв старшего. Впрочем, простой

искренний молодой человек, неожиданный его поцелуй тронул Алексеева.)

Травимый Советом депутатов, Алексеев ли всей душой не хотел наладить сотрудничество с правительством? Да как без этого вести дальше войну? Без Временного правительства — что теперь есть Ставка? Она не может решить ни одного стратегического вопроса, ни с пополнениями, снаряжением. Надо любой ценой установить бескоифликтные отношения, и придётся принять дух, круг понятий и условия новой власти.

Но принять их условия — не значило принять все их безумия подряд. Вот они простили всех дезертиров, вот они простили уголовных, — а теперь отменили смертную казны! во время еойны и на фронте! Хотя этого и раньше почти не применяли — но оно же должно быть! Газеты даено болтали об этой отмене — но никак Алексеев не думал, что у правительства настолько не хватит благоразумия. Они как будто совсем не понимали реальной онасности развала армии — всё заслонялось выставочным щитом демократизации.

Через глухое течение телеграфных лент или сухую сдержанность донесений передать в дальний Петроград здешнюю трееогу и опасность было непосильно. Но теперь-то, когда министры сами наехали сюда в таком числе, — теперь-то и было высказать всё открыто. Да, поддержать хорошее взаимопонимание, но также и отстоять армейский взгляд. Как-то нужно в сегодняшнем совещании всё это тактично совместить.

Генерал Алексеее сильно волновался. После дня отречения Государи вчера и сегодня были для армии самые важные дии.

По пути с вокзала министры проявили приятное весёлое настроение: сегодии в вагоне, говорили они, внервые за три недели они крепко спали. А то ведь в самые революционные дни не умывались по шесть дяей и спали в сутки по часу! — но скорее с гордостью об этом. Всем министрам Алексеев приготовил померв в гостиинце «Бристоль», рядом со штабом, однако помера могли понадобиться им лишь для дневных переодеваний: дела революции не позволяли им задержаться в Ставке, и сегодня же поздио вечером намеревались они отправляться назад и поспать снова в поезде.

Против штаба собралась на площади большая толпа — поглядеть министров. Охрана гвардейского экипажа продолжала сопровождать их, и ещё филёры сиоввли в толчее.

Министры махали руками толпе, и особенно воодушевлённо Керепский.

Завтрак сервировали в узком составе — пятеро министров и три ведущих генервла, и уже за завтраком началось деловое обсуждение. Потом перешли в конференц-комнату, то есть всё в ту, где висело пять карт фронтов. Теперь собраны были исе повые лица, о ком и вообразить нельзя было прежде тут, — а решать, по сути, надо было исё тот же вопрос: нлан кампании 1917 годв.

И вот теперь Алексеев мог повторить им свои повейшие выводы: что наступление — лучший выход дли нас. И мы можем намечать его, хотя и в ограниченном размере, на

первые числа мая.

Какое облегчение! — ие придётся красиеть перед союзниквми! Министры радостно засветились, едва ли не больше всех сдержанный Милюков. И все стали крайне благожелательны к Алексееву. В десять глаз рассматривали этого цврского генерала и удостоверялись, что — можно ему доверить всероссийскую вооружённую силу!

(Да уж забыли они или не ценили: кто ж больше Алексеева помог им самим утвердить-

ся?..)

А тут ещё имеино сегодня появился при Стввке америкаиский военный агеит поручик Purc. Он вот-вот ожидает извещения о вступлении Соедииённых Штатов в войну, чтобы

официально начать действовать при Ставке. Это — радовало всех, ещё бы!

Но Алексеев не дал себе раскисиуть от их доброжелательства, но стал выдвигать твёрдо. Господа! Освободите армию от тлетвориых влияний и от политики. (И особенно смотрел при этом на Керенского: затлела у иего надежда, что именно этот министр — могбы!) Мы не можем допустить такой резкой ломки всего воинского устава. Армия переживает фактически болезнь, упадок духа офицерского состава, солдатское брожение. А — Балтийский флот?.. Провален весь наш правый фланг. А как может быть, что Петроградский военный округ отказывается давать пополнения Действующей армии? А петроградские заводы уже три педели не двют вооружения... А именио в Петрограде главное производство всех боевых припасов. По причине революциоиных событий мы не получаем более ни спарядов, ни патронов, ни орудий, ни ружей. Не поступают и мины для обороны Балтийского моря, оно станет открыто противнику. Теряя столицу, мы теряем возможность победы. А такан пеудача сотрясла бы страну морально — и население привншет тому, что нереворот произведен не вовремя. И будет исквть виновников.

Koro?..

Так Алексеев выдвинул остриём против министров всё, что мог.

А вот — сведены заявки по разным отделам интеидаитской части, по артиллерийской части, по сиаряжению, по людским укомплектоваииям, конским, но железнодорожному транспорту, по топливу, по металлам. Вот — графы потребиых иорм, вот — наличных аапасов, вот — ожидаемое от тыла. Война теперь ведётся на истощение.

Всё так, господин генерал, ио Ставка должиа уяснить себе народные желания и руководствоваться ими. Слишком ивстаивать на узких военно-технических вопросах — значит не понимать духа революции, это производит невыгодное впечатление на общественность. Стввка не должна довлеть сама себе, а являться исполнительным органом революционной власти. Возникает вопрос: достаточно ли разъяснено командующим армиями значение переворота? Войска должны идти рука об руку с народом, и врвги нового строя нетерпимы. Новое правительство и само имеет значительные трудности с Советом депутатов, да. Тем не менее, оно смогло спасти родину от грозящей гибели. У нас у всех преобладает оптимистический взгляд на будущее.

При такой настороженности министров — разве мог Алексеев дальше пожвловаться, что даже в Могилёве сама Стввка чувствует себя неуверению, страдает от хвиства товарищей из местного Совета. Даже в Могилёве Алексеев реально теряет власть.

Ну что ж, проще двигаться по повестке дия, вот по этим заготовленным заявкам, которые уже и в Петроград миогие посылвлись. На фронтах запасов продовольствия и фуража стало недостаточио. Значит, надо либо уменьшить суточную дачу, но это опасно при нынешнем возбужденном настроении армии, либо надо сократить в армии число ртов и лошадей. Отводить в тыл конные дивизии?

Затруженный Шиигарёв печально отвечал: сокращать лошадей и рты — да, ио этого мало: неизбежно и лиачительио уменьшить суточиую двчу хлеба, круп, фуража: хлеба — до двух фунтов, крупы — до четверти фуита. Шиигарёв разводил большими ладонями: всё посчитано, у нас нет другого выхода. Настроения армии не надо бояться: как раз револю-

ционное настроение и поможет перенести урезы, которых не простили бы царю. Причём: категорически воспретить воинским частям проилводить закупки или заготовки в тылу собственным понечением, как это разрешалось до сих пор: это разваливает всё государственное снабжение. Пусть армия разводит огороды, вог выход.

Разводить огороды? - какое ж тогда наступление!

Но если мы не можем спабдить самих себя, запротестовал Алексеев, то падо же прекратить отправку ппеницы союзникам!

Малоподвижное лицо Милюкова и твёрдый лоб его омрачились: ведь это ему, ему

придётся краснеть и извиняться перед союзниками.

Пекрасов запервинчал: железные дороги не могут сейчас справиться одновременно и с перевозкой запасон для армии и с оперативными перебросками войск, если они попадобятся для паступлеция.

Вот как... Генерал Алексеев нашёл доводы и силы обнадёжить правительство —

а правительство, напротив, глушило его. H — что ж из этого выйдет?

А вот что. Генерал Алексеев должен издать ободрительную директиву фронтам. Пынешнее положение создалось от неумения прежних министров наладить продовольствие и транспорт. Новые народные министры стараются распутать, но требуется терпеливо пережить переходное время. Потребности армии огромны, и дороги пока не могут удовлетворить их в полной мере. Ограничены и ресурсы в Европейской России. Внутри страны нет такого запаса собранных продуктов, и вот почему придётся уменьшить дачу продовольствия и фуража. Пусть армия обходится пока тем, что доставляется, и верит, что в тылу всё делают лучшие люди и лучшим образом. Затруднении - и во всех странах, и даже твм дачи — меньше. Война идёт на истощение, и нобеда достанется тому, кто сумеет всё перетернеть. Временное правительство обещает, что через 11/2-2 месяца уже будут благоприятные результаты.

Да не для того министры приехали в Ставку на короткие часы, чтоб изучать эти цифры, настроченные в гиготеющих докладах,— над тем будут работать компесии по сек-

циям.

А — вот что надо сокращать: саму Ставку. Во-первых, ускорить ликвидацию управлений бывших великих внязей. И сами они, и принц Ольденбургский пусть немедленно нодают прошение об отставке и отправлнются в Петроград, мы не будем арестовывать их. Затем: царский железнодорожный батальон — отправить на фронт. Георгиевский батальон? — тоже доверять им нельзя, это каратели, хотя теперь притворяются, что не знали, куда едуг.

Генерал Алексеев не спорил. Он даже, со своей стороны, просит правительство как можно скорей отправить бывшего царя а Англию: его пребывание в России может нерви-

ровать армию.

Керепский волразил с оживлением, что надо прежде разобрать все царские бумаги — и только тогда...?

Да, вот ещё. В прввительственных кругах очень сочувственно относятся к новой инициативе Земеснова: сверх всей многообразной заботы, которую он уже аедёт об армин, ещё взять на себя создание Комитета Пронаганды, который будет давать армин ответы на все интересующие её вопросы политической, социальной, военной жизни, способствовать росту её сознания и подготовке выборов в Учредительное Собрание. (А пока на этот комитет нужей один миллион рублей.)

Земсоюл был больным местом генерала Алексеева, теперь скрываемо больным: ведь он докладывал царю свой решительный вывод, что Земсоюз приносит врмии больше вреда, чем пользы, и следовало бы его разогнать, и рассылал секретную директиву, как надо ограничивать Земсоюз. И сейчас на это новоо феерическое предложение он серьёзно мог бы ответить только одно: а ие хотят ли все эти молодчики-земгусары да послужить в строю? Именно их пропаганды он и опасался всегда. Но председатель Земсоюза стал теперь премьер-министром России. И Алексееву оставалось только согласиться на эту новую карусельную болтовню.

С последней надеждой он взглянул на Гучкова, — должен же он понимать эту вздор-

иость?! Но тот сидел квк с зубной болью. Не возразил.

И ещё есть правительственное предложение: посылать делегации от войск в Петроград для приветствий Временному Правительству.

Ну что ж, если это нужно. (Алексеева как бы опять ие познабливало, ие возаращалась ли болезиь?)

Так постепенио совещание прошло черезо все трудности — и проступал итог для газетного коммюнике:

«Генерал Алексеев понял народные желания. Линия для общей работы с ним найдеиа.» 18 марта

ФРАНЦУЗСКИЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ГЕНЕРАЛ НИВЕЛЬ— ГЕНЕРАЛУ ЖАНЕНУ ПРИ РУССКОЙ СТАВКЕ

Энергичным образом настанвать перед генералом Алексеевым, чтобы, несмотря на важные внутренние событив, русская армия, в соответствии с принятыми ранее решениями, оказата возможно полное содействие операциям англо-французских войск. Наилучшим выходом как с точки зрения общих интересов коалиции, так и для морального состоянии русской армии является как можно более скорый переход ее в наступление.

648

А даже и хорошо, что князь Львов не поехал в Ставку: у него образовался в субботу как бы певольный день полуотдыха. То есть нисколько не прервался ни шоток приветствий, ни поток забот, звонков, докладов, и особешно Щепкии, в себе не уверенный, спешил решать в этот день с князем все вопросы по министерству внутренних дел, — а всё-таки чувствовалось облегчение: без половины министров ни одного мучительного вопроса не придётся сегодня постановлять. И не придётся мирить шакопляющиеся страсти, особенно между Керенским и Милюковым, что бывает князю очень тижело душевно. Заседание правительства если и состоится, то по вопросам третьестепенным — об отмене переводных и выпускных экзаменов в средних учебных заведениях, об обнаруженных хищениях при строительных работах, о выплате суточных и других вознаграждений комиссарам губериским и уездным, служащим правительственной квицелярии, телеграфного агентства, и процентные надбавки им.

Самым давящим в жизни князя Львова последние две недели то и было, что никто не состоял над инм в качестве начальника, высшей инстанции, с которой бы ему и ладить: снокойней было бы князю иметь над собою решительное твёрдое пачальство. Нет, он стал тот самый верхний, за всё ответственный, который и должен теперь укладывать все нерагренивые вопросы России. И эта нагрузка была бы непосильна для человеческого молга, если бы не верить, что сама Россин во всём разберётся и всё вытянст.

Отең киязя Гсоргия был вольтерьянен, и не любил русской деревни, и даже бежал из неё в нредреформенные, довольно жуткие тогда годы за границу, — так что Жоржинька родился в Дрездене и первый язык его был не русский, а английский, от бонны. Отец, и воротнсь потом в Россию, всё не доверял русским крестьянам и на более сложные работы в имении выписывал рабочнх из Германии, хотя от этого смехотворно не было лучше. Однако Жоржинька, напротив, вырос в уверенности, что наши мужики во всём учителя жизни, и наши народ — богоносец. И эта вера в наш чистый, святой народ особенно поддерживала князн Георгия сейчас, на бурных общественных волнах. Он понимал, он верил, что вся стихня уляжется, когда здравый смысл возьмёт верх. Что наш народ сам знает, что ему вужно, и сам всё устроит.

А между тем корреспонденты, конечно, пронюхали и сообразнли, что у князи Львова сегодня менее загруженный день, — и дружно приступили с просьбой о беседе для вос кресных выпусков газет: двть читателям общий обзор пережнваемого момента и общие проспективы

Ну вот и недостающее сегодня бремя,— грустно усмехнулся князь. Но не только невозможно было отказать настойчивым корреспондентам, а он тут же н нодумал, что это хорошо, что это даже лучший способ управления: не постановления выпосить, не указы, но — вольными, широкими словами объяснить всё народу России.

Пригласил корреспондентов к себе в кабинет, выдержанный в синих и костяных тонах.

Лакей в ливрее и высоких белых чулках подал кофе.

Создалась вместе — интимность и просторность, было легко говорить. И слышал князь, как голос его задушевен и как это передаётся, умягчает корреспондентов. И князь говорил как бы сам с собой или мысленно со всей Россией:

— Время, которое мы переживаем, настолько выходит за рамки всех привычных представлений о ходе государственной жизни, что я чувствую себя затруднительно говорить в форме газетного интервью. Жизнь — ещё в расплавленном состоянии, и те твёрдые формы, в которые она выльстся, намечаются нока лишь в общих очертвниях, а определятся со временем — свободным народным творчеством.

Князь говорил не торопясь, весь вдумываясь, весь вчуствуясь, поводя то к одному корреснопденту, то к другому седоватой своей головой и улыбаясь своею, как он знал неизъяснимои, улыбкой.

— Русский народ только сейчас стал перед всем миром н перед самым собою во весь свои гигантский рост. Он совершил настоящее чудо: в течение пескольких дней он снёс до

конца прогнившее здание старого порядка — безо всякого междуусобия, ночти без кровопролнтия. Он совершил и второе чудо: он сумел на второй день после своего великого переворота сорганизовать новую власть и в центре, и на местах. Скажу вам, я верю в то, что он совершит и третье чудо: донесёт свою свободу и своё единение в неприкосновенности до того великого дня, когда Учреди...

Персполненный верой, князь дрогнул голосом:

— Только эта вера и помогает нам нести наши сверхчеловеческие задачи — и не сламываться. Без дружной народной поддержки мы бы...— докончил шёпотом, — свалились.

Оп должен был передышать, чтоб овладеть собой, но корреспоиденты пе ринулись грубо в эту паузу с вопросами. Да это всё были чуткие интеллигентные люди. Чуть звяквли кофейные ложечки.

— Великая русская революция сделала нас — исполнителями воли народной. Мы в полной мере оцениваем значение тех сил страны, которые сыграли главнейшую роль

в час великого переворота.

То — не был ни сам князь, ни думцы, то — были удивительные герои, солдаты запасных полков, н удивительные рабочие, которые... Экспромтом блеснуло князю, что эту беседу он может использовать для публичного обмена как бы дружеской улыбкой с Советом рабочих денутатов, улыбкой, каких немало он послал им через стол в заседаниях Контактной комиссии — но, публичная, такая улыбка более обязывала и контрагентов. Он, кажется, нашёл очень тактичную форму:

— Всё старание наше — осуществить полноту власти, которую нам вверила народная воля в согласии с этими силами. Но мы надеемся, что и эти силы ясно понимают положение русской свободы и Временного правительства. Чтоб ответственность Временного правительства нередо всем русским народом была реальной, для этого ему нужны... возможности решения и действия...

Кажется, он хорошо и уместно это выразил!

— И признаки всеобщего объединения вокруг Временного правительства являются со всех сторон России — в выраженнях доверия, приветствнях, депутациях. Наша программа — уже известна стране. Основное обязательство — это созыв Учредительного Собрания в возможно кратчайший срок. Определить этот срок уже сейчас с полной точностью — само собой разумеется, нет возможности. Нет готовых образцов. Составление избирательных списков уже будет грандиозно, как всеобщая перепись. И надо обеспечить голосоввние на фронте, — значит, чтобы военные действия не были в полном разгаре. И надо же обеспечить абсолютную тайну голосования.

Действительно, эта проблема была тем головоломней, чем пристальней в неё вематриваться. В горячке революционных дней обещали собрать Учредительное чуть ли не в мае.

Но корреспоидентов не приходилось убеждать, они понимали.

— А тем временем, господа, что ж, правительство приступает к самым неотложнейшим из реформ. На первом месте здесь — отмена нетерпимых, позорных всроисноведных и национальных ограничений, — это уже готово у нас и будет опубликовано в ближайшие дни. Затем пойдёт очередь — равноправия женщин, равноправия сословий. Затем потребуется регламентация.. В краткой беседе трудно исчерпать, господа, бесконечный список вопросов. Но не могу не коснуться кардинальных: войны и продовольствия.

При слове «война» даже мирно-лучистые ласковые глаза князя Львова заблестели

иным огиём (оставив недописанное, корреспонденты спешили записать это):

— Вступая во впасть, мы были убеждены, что свободный русский народ не преклонится перед врагом. И мы оказались правы: клич «война до победпого конца» уже знучит со всех сторон. И даже те, кто при старом порядке был холоден к этой борьбе, теперь зажигается новым огнём! Но и враг яе дремлет! — он уже стягивает войска к нашему фропту и готовит новый удар.

Лица корреспондентов пыражали ту же мужественную решимость. Когда зпала Россия такое душевное единение между председателем правительства и прессой!

— Внутренние отношения в армии уже обновляются в духе права и справедливости. Что же касается продовольствия,— тут князь тяжко вздохнул,— то нам досталось от старого порядка тяжёлое наследство. Вся надежда — на готовность земледельческого населения продавать и даже жертвовать хлеб для нужд свободной России. Я верю,— он поднял глаза выше своих собеседников на подпотолочную лепку,— что великая крестьянская сила выручит Россию из беды. И несмотря на все онасности, я — бодро смотрю в будущее. Я — верю в жизненные силы и мудрость нашего великого народа. Я верю в его великое сердце, этот первоисточник правды и истины.

Так эффектно он кончил, так полно выразил себя, что уже мелкие вопросы неудобно

было и задавать. Его благодарили, беседа кончилась.

Князь нозвал Щепкина, чтоб углубнться в министерство внутренних дел. Тут было множество вопросов назначения, увольнения, кредитовання, распределения,— но в этой деловой сфере тем более не терялся князь, величайший практик. Однако пришли и доложили, что очень настапвает на приёме у князя некая депутация с Западного фронта.

С Северного уже побывало их иесколько, с Западного— ещё не успевали приезжать. Посадно было отрываться, ио и...

А сколько их человек? — спросил киязь.

Ца не больше дюжины.

Обычно депутации принимались в ротоиде или в Квадратном зале, отделанном в номнейском стиле.

А вы заведите их прямо сюда,— предложил киязь.

И, два штатских человека, оии со Щепкиным астали, аышли на середину кабииета

павстречу депутации, выровиялись.

Те входили, без шинелей, ио с покрытыми головами, постукивая свпогами, бренчв оружием и шпорами, почти все с георгиевскими крестами, кто и по два. Выстроились а дае шеренги, лицом к князю, три офицера — а первой шеренге. И самый младший из иих — подпоручик, с очень саободной речью, произиёс звоикое приветствие правительству, а обычных словах.

Князь ответил, как всегда благожелательно, ио кратко, по усталости. И у иего тоже слова были все повторные: что правительство служит народу, а народ надеется на армию,

которая и должиа привести к победе.

Единстаения и необычность, может быть, была имению в том, что приём происходил в кабинете, и оттого не стигивалось никого со стороны — послушать и посмотреть. Только и стояли вдвоём киязь со Щепкиным протиа малой депутации, а торжествениюм, но закрытом кабинете.

И от этой ли ощутимой отъедний иности или такое намерение и было у делегации, — вдруг аыступил старший из офицероа — доиской казачий, с двумя звёздами при двух просаетах, ещё соасем молодой, литой, и усы литые чёрные, черпоглазый, с приятной мягкостью, скрывающей лихость, — сделал шаг из строя аперёд, молиненосно отсек кинзю честь, доложился:

Войсковой старшина Ведеринков! — и уже тише, но ие от своей скрываясь делегации, ей-то слышно каждое слово, и лицом ие продрогиул ии одии уитер, ни солдат, не удивился ии слоиу произнесенному: — Ваше синтельство! Мы наслышаны, что у вас в Петрограде — как бы две аласти. Что вашему правительству мещают разные самочиные организации, суются не а свои дела. Вы, — ои не смел улыбиуться а строевой позе, ио всё смазливое лицо его просилось к аесёлой улыбке, и даже можно было поинть, что это — улыбка стовора и уверенности: — Вы — только приквжите нам! мы — вас освободим от илх враз, ваше сиятельство!

И онить мельквул честью, задержавщись у козырька, ожидая отаета.

Книзь Львоа почуастаюаал, что горячая краска ударила ему а лицо. Слава Богу, никто посторонний ие слышал, но он покраснел даже перед Щепкиным, и перед самим войсковым старшиной, и перед молчаливыми солдатами а двух коротких шеренгах: а кто поручится, что один из этих солдат не отправится тотчас доложить а Совет рабочих депутатов?

Нет, а этой дружной грушпе было вечто слитное. Так и сдаинулись.

Одиако князь покраснел сильно, краска не сходила, и а этом стыдливом пламени,

стараясь держаться беспечией, он пробормотал в аеличайшем смущении:

— Что аы, что аы! Нет, иет! Эти слухи преувеличены. Всё приходит а равиоаесие. Всё приходит в порядок. Ничего, иичего не требуется, господа. Ныкакой защиты анутри страны иам не требуется, только авщита от немцеа!

Войсковой старшина опустыл руку медленио-медлению, и уже никакой улыбки не

проглядывало на его лице. И шагнул назад не оборачнавясь, спиной.

По его тихой комаиде две шеренги повериулись иаправо — и, стараясь ие стучать после ковра на пороге, тихо аышли из кабинета.

Князь со Щепкиным сели заинматься дальше, не обсуждая происшедшего.

Но что-то очень испортилось в душе киязя, что-то очень провалилось и тоскливо подымливало, как от рухнувшей штукатурки. Киизь Георгий Евгеньевич дозанималсн с трудом и с упавшим аниманием.

Ои ие успевал дать себе отчёта, что это произошло, отчего так дурно? Сожаление? Опасение? Сомиение?

Щепкии ушёл — князь подпёр голову двумя руками, закрыл ладонями и отсиживался а некоем головокружении, как бы ожидая, чтобы осела эта тоскливая дымящая пыль.

Боже, отчего оптииские старцы ие аелели ему остаться в пустыни, как он хотел, ие дали отрешиться от мирского, как ои одно аремя просился?..

649

А ведь Нижняя Волга в эти дии уже вскрыласы! — и суда выходят из затоиов, начипается навигация. Гордей Польщиков и сердцем зиал издали сроки, ио и в Петрограде в утро отъезда успел получить телеграмму из Астрахани, что его пераый пароход вышел в Красиый Яр.

Всякое времи года любил на Волге Гордей, но лучшее время — весеннее половодье! Эта всякий раз повая распахнутая радость от открывшейся реки, от мощи разливов, от воли и простора, какие дадены каждому человеку, и мие, и асем нам. От начала могучей общей работы, её чувствуют все, она на лицах всех матросов, рабочих, грузчиков, и даже нассажиры возбуждены по-своему. Парусные расшивы с рыбой выходят из Астрахаии тотчас по ледоплаву, украшансь флагами — и команды в красных рубахах. Лучшее аремя года! — и Полыциков всегда старался сам пройти нв первом своём судие, — а вот а этом году задержался тут на севере. Но и сейчас из Москвы, отбыа зватра-послезавтра этот торгово-промышленный съезд, сралу же кинется а инзовья Волги.

Его пвроходное общество «Купец» соревновалось с «Самолётом» и с казённым пароходством — и а нассвжирских рейсах, и а баловстве волжских гуляний, а более асего —
в перехватчивых торговых перевозках, в чём и есть главная работа реки и главный доход
судовладельца. Любил Польщиков все свои суда — от скоростиых нассажирских бегуноа
и до последней сепобежки и угольной баржи, знал сильности, слабости каждого судна и
номнил уём каждого. Да нешлохо знал и чужие суда. И канитанов не только всех своих,
но всех заметных аолжских. П знатных лотовых. Это для посторониих Волга так длинна,
так неохватна, и Царицын с Тверью как не видались шкогда, и Ока с Камою как не обинмались, — а для волгарей асё в единстве. Когда на великой реке встречаются капитаны и
нароходы, то узнают друг друга как односельчане на деревенской улвце. И как те останавливаются потолковать о сельских новостях, так и эти — весело трубят друг другу, сигналит знаками, кричат в рупоры, а то и сбортовываются, сбросиа движение, а то и переки
цывают лёгкие перильца, иногда и с мостика на мостик, и переходят в гости, как циркачи.

И своё аолжское дело любил Польщиков (и своё коинозаводство за Волгой) — во и своё купеческое сословие. Правда, уже ис из тех ои был купцов — в армяках, а длинных кафтанах, шароварах с гармошкой на голенища, борода по брюхо и золотые ценочки на обеих сторонвх живота симметрично. Он был - из кущов нового поколеция, после коммерческого училища ещё год доучимался в Гамбурге корабельно торговому делу, поездил и по Eapone. Таких, как ои, среди купцов звали «америкаицами», ещё и по западной одежде (котя Польщиков любил русскую, даже в столице не расставался с саногами, а дома на выгулку ивдевал шубу лисью). Но никак не был ои из тех, кто «тянулся ла барами да распрощался с амбарами». Тысяцкий, почётный потомственный граждания - и хватит с нас, борзых не гоняем, а карты не продуваемся, и а гвардейские полки не добиваемся. А истая сила русская — в нас! И посравнив наши коммерческие обычаи с западными, где на каждый шаг контракт и вексель, как не прохватиться иашими? Кто честен и проявил это среди купечества — то грации доверию нет, дают задатки по 50 тысяч и не берут раснисок, -- вот так, нам не по судам тигаться, асё торговое в России делается на слово, без бумаги, уговором торг стоит, ряда узлом затянута, обещвл — вынолняй, не выполнить купеческое слово — последний позор. У нас а России громадные сделки заключаются за чвшкой чая, на словах, – и асегда аыполняются, и чтоб дело шло разгонисто. Да помнил Польщиков и такое, ещё нврнем, при отце, он попал у себя а Нижцем, а 96-м году, тоже вот на торгово-промышленный съезд: Витте хвастален пошлинами на западные товары, чтоб русским было легче, — а статейные купцы собрали больщинство: не цадо! открывай им ворота, пусть! поверстаемся, кто сильней! Витте поверить не мог: не из-за границы ли их подкупили? А вот это и было по-нашему, размахнуться так размахнуться!

Пыпешним октябрём скопчалась в Нижнем Повгороде знаменитая пароходчица Марин Капитоновна Кашина, кликали её Марфой Посадницей. Много от неё Польщиков перенял

в купецком деле, и говорила она: так — от Верхиего Новгорода идёт.

И когда а смуту Пятого-Шестого года иные состоятельные, напуганные грабенами, громежом, стали деньги переводить за границу, а предприятия сворачивать, то согласно корили их: «Стыдно деньги за границу прятать. Как бы нас мвлость ни потрясло— а Россия как стонла, так и будет стоять, и капиталы наши и силы наши— ей нужны каждый день.» И выгодиые условия в Европе для денег предлагают— по цет!

В эту войну полили газеты глупую несмыслениость, что «купцы причут товары», не понимая, что когда купцам «прятать» будет уже иечего, тогда-то цены и подскочат до небес. В начале войны нас только и спасли запасы купцов: по дурацкому закону о мобилизации асе товарные вагоны разгружались в тот час и а том месте, где их заставал приказ. П на несколько месяцев прервалось товариое обращение по стране, и не будь торговых запасов у купцов — города бы обницали и вымерли. А так — и ие заметили перерыву.

В этот раз уехал Польщиков в Волхов да в Череповец ещё из цельного Питерв, а воротился через пять дней — баики, фирмы, биржа закрыты, прекратились операции, не работают заводы, ие разгружаются, ие иагружаются товарные поезда. Так что и какие дела оставалось Польщикову доделать в Питере — все прервались. И он — уехал бы в Нижний, или повис бы тут без смысла и живого дела, стороиним наблюдателем революционного сумбура, — если б — не эта девочка.

Польщикову сейчас чуть за сорок, а ии в чём нет этих лет — ни иа лице, пи в стане, пи в глазах, ип а иогах. Волгарь, капитап, всадиик, лошадник, легкий иа подъем, на

аспрыг, — в этом декабре в Астрахаии из ледяной воды аытянул тонущего, даа ствквна водки выпил, бутылку шампанского — и как ни в чём. Лёгкий и на язык, весёлый, — он всегда всяким женщинам правился. Хотя, конечно, женатый, но по роду подвижной своей жизни всегда в поездках, в чужих городвх, Польщиков нигде не скучал. А ещё была у него страсть — наперерез всем страстям — к театру. И в Германии немало повидал, и в Москве-Петербурге. Хоть на сотый спектакль придёшь, хоть на трёхсотый, — а как только свет пригвсили и занавес тихо-тихо стал расползаться, с шорохом метя по доскам просцениума, — так сердце и обоймёт: в этот раз — что-то особенное будет! Компаньоны смеялись, а мог Польщиков на изрядный новый спектакль тысячу вёрст отмотать, туда и назал.

А зту-то худенькую черповолосую — и не узнал по её тихости в уголку, хоть и надышанную тем же воздухом, это она его узнала! и сама к нему подошлв!

И — во всём остальном городе катилась ли революция, нет, — а эти часы они не думали. Запирались, зашторивались, и от рвза к разу всё услвдистей и захватней забирала его Ликоня, — да не забирала, а сама была звбрана до последнего вздоха, до затворенных век, — и только в одном имела волю устояться упористо, стыдливо: никогда не обнажилась при свете. Только глазам его не далась открыть себя всю.

Старшему сыну Гордея было 17 лет, дочери 15, а Ликоне — 22, но не видел он в том покора. Жену свою, близко к ровеспице, Гордей ощущал чуть не как мать, а аот Ликоия была ему самая как бы ровня, и даже робела от его задора.

Он паучился и говорить с ней — не как с девчёнкой, и не как с дамой, - а прямо, как

думал.

Между тем жизпь в Петрограде ожила, и дела Польщикова как-то сносно закоичились, время было гнать на Волгу,— в он не спешил уехать, добавлял день, второй — чтобы с ней побыть. Возобновились уже и театры — но не шёл с ней Гордей никуда,— и двже не чтоб уберечься от лишнего слуха (хотя и тоже ни к чему), а: показывать своё сокровище никому не пуждался.

И Ликоня тоже никуда не рвалась идти: лишь бы вдвоём.

Оттягивал отъезд — и вот как придумал: в воскресенье 19-го в Москве открывается общероссийский торгоао-промышленный съезд, на который он был приглашён, да и надо же по новой обстановке носмотреть-послушать. Так в Нижний покв не возвращаться, а ещё были дела в Твери, сладить их по пути на съезд. И Польщикоа дотянул петроградское сиденье до нозавчераннего утра, четверга. Так а последнее утро и уехали из гостиницы: посадил её на извозчика, а сам — на Николаевский вокзал.

Квждый день с ней, в лишь втраалялся больше, и травля-то — медовая. Жизни такие разные, а не только не соскучился — а аот бы ты мне и нужна! И если б совсем у иего был

свободный выбор — азял бы её и а Тверь, и в Москау, как пикого не возил.

Ещё в петроградском зале пароходного общестаа «Кааказ и Меркурий» потолковал со своими торговыми партиёрами: события обещали, что теперь араз отпадут таможенные грвницы губерний, запреты на вывоз, гибель грузов, твёрдые цепы, все эти стеспения от уполномоченных, от петербургских канцелярий, от илобилия пачальников,— польётся теперь торговля свободным дыханием, и Россия сразу выиграет (а уж после войны-то!). Сильно гпиловато было последнее время, да, сколько нечистых рук совалось погреться, «работать на оборону», а за горячими барышами,— теперь будет всё на открытом просмотре. Не как с уральской платиной: ведь на приисках и промышленники крали платину от учёта, и даже рабочие, и продавали в тайные руки, и утекала русская платина, в 5 раз дороже золота. (А сейчас, говорят, и вовсе не стало горно-полицейской стражи, так что там делается? — скорей бы мимо эти мутные дни.)

Сегодня вот уже приехал в Москву. (А всё в нём трубило и радовалось! Вошла Ликоия в жизпь — и уже так просто не уйдёт. Зажглась ему и правда — как Зоренька.) Стал в «Славянском бвзвре», который не за удобства любил, а за кипливость, лёгкость купече-

ских встреч, и Китай-город тут же.

И вот — особый день, у всех на устах: мининские дни, минииский съезд. Настал момент, когда России нужны Минины! Торгово-промышлениое сословие объединяется на большие дела! Прошлую неделю неслись телеграммы туда и сюда, рассылались приглашения купеческим упрввам и обществам, биржевым и торговым комитетам. Приехали даже иемудрящие кунчишки из захолустий, почти — хозяйственные мужики. На завтра ждались и повые министры, Коновалов и Терещенко, и от Совета съездов промышлениоститорговли Кутлер и барон Майдель.

Съезд открывался завтра, уже сегодия почти все участинки съехались, много номеров заняли и в «Славянском базаре», гардеробы были изувешены купеческими шубами, меховыми картузами с пуговками, в столовом зале сидели большими рассудливыми группами, содвинув столы по два и по три, по посту заказав кто ботвинью с осетриной, кто паровую стерлядь, и беседовали в перемежке с бесконечной едой, и потом подолгу чай пья, простяки с блюдечек, подувая. Мелькали половые с подносами блюд и фарфоровыми чайниками.

А ведь если тут покопать — то у трёх четвертей отцы были крепостиые. Сами себя

освободили, до всякой реформы, смекалкой.

И едаа ль пе за каждым столом аиделось зпакомое лицо. Были тут и знатнейшие — двое Хлудовых, один Рукавишникоа. С разных концов России знакомцы — из Сибири, Туркестана и Малороссии, узнавали друг друга, а кто знакомился впервой. И много было дремучих бородачей, а немало и в европейских машжетах-галстуках, средь них Польщиков — едва не из самых молодых, а из молодцеватых — уж точно.

И от одного стола звали судовладельцы: «Гордей Арефьевич!» Вот собирались обтолковать, где рабочих брать на ремонт судов, просить у министра военнопленных? и металл? и чтоб службу береговую не забирали в армию. А фрахты — новысить, не избежать.

А за другим столом увидел своего сибирского заимодавца. Так чем через банк — тут же подсел к иему, отсчитал три тысячи, тот переверил, ещё раз бумажки перекидал, крепче счёт — твёрже дружба.

В освобождении от денег, когда произаодишь законный платёж, есть приятное ощуще-

ние порядка, точности, аыполиенного долга, оправдания самих ленег.

И когда Польщикоа сел — под открытой форточкой, у окиа на аесенний солиечный день, на Никольскую с несколотым, дружио тающим льдом (даоринки разбаловались без полиции) — то, повертя голоау, и тут видел нескольких знакомцев рядом. (Промышлеи-яики-фабриканты не останавливались а «Славинском», не было их сегодня тут. Сойдёмся с ними завтра.)

Такого съезда купцоа давио не помиили. И среди этих сметливых лбов, цепких глаз, и отрывистого броского купеческого делового разговора — ощущал каждый гордость при-

иадлежать к этому сборищу и соучаствовать завтра.

Да давно бы позвали их выручать Россию. Почему ж купечество не имеет власти решать, направлять? На купцов только натравливали, аалили на них рост цен. Купцам зажимали рты, отстраняли всю войцу, отказывались от их опыта и действия. А теперьто — мы скажем caoë!

Теперь — съезжалась глубинная коидовая Россия, ие участница происшедшего трясения, ио прихвачениая им среди дела. Цвря вспоминать, или пожалеть его — удерживались: по всему московскому разбору, застигиутому ими здесь, это было как бы запрещено, вон Рябушинский объявил привет «свержению презренной царской власти», да называют старый Петербург «ханской стаакой». Ханская — не ханская, по и произволяли иами, да. Труд народиый опутан был препонами, и дело — не в тех руках состояло. Но вот собирались — чтобы сплотиться, и выдюжать, и устоять, а если мы не устоим — то кто? Многоликая русская торговая сила нривалила спасать Москву, как в давние времена. И Учредительное Собрание назначим — только тут, а Белокаменной! Было торжественио, хотя не все могли аыразить складно.

В рестораие «Славянского базара» окидыаали друг друга ценящими азорами, переходили по залу, пересаживались, аыслушивали аразумлиао: да если мы — не сила, то кто же в России сила? Теперь аот только войну докончить — всё наладится у нас, расцветёт. Не

Питер нам будет указчик. Вот пошагаем!

Думал так и Польщикоа, и даже, Европу зиая, — залётиее их. Природные дары у ивс — богаче Америки, иам только — рассаободите даижение, посостязаемся мы товарами со всей заграиицей. Ещё б железиые дороги иаши так отладить и сгустить, как германские. А от войны оправимся, капиталы соберём — да, смотри, и Волгу с Доном соединим, ведь даести лет без дела проект лежит. И поплыаут иаши волжские — туда, а те моря!

Толковали, что надо на съезде хорошие головы избрать — в столице сидеть и защищать торгово-промышленные интересы. Все теперь так-то избирают, все защищают.

А тут скажи молодой Хлудов, да уж и передавали из уст в уста: тузы московского купечества, Третьякоа и Четвериков, порешили предложить: самим торгово-промышленникам — и огрвиччить свою прибыль, с этого изчать. За воеиные годы в иных предприятиях прибыль превысила осиовиой капитал. Так издо изм сговориться и, не дожидаясь, самим отрубить излишки прибыли: сколько можио, а выше чего нельзя — отдай в казиу. И все цены — вииз пойдут, а производство — вверх. И укрепим Расею-матушку, и мир будет промежду изродом помягше, к нам же. Кому-то надо первым совесть заивить — так нам. Тогда отобьются от нас и все мародёры, притянутые высокой прибылью, очистимся и от них. Вырежем от изс эту язву, кто из армейских поставках иечистые срывы берёт, или квк киевские сахарозаводчики — сахар через Персию едва ль не в Германию гнали.

Поблескивали глаза. Что ж, и наживе есть край, не всё нажива, а что-то куда-то жертвовать, чтобы после тебя осталось, в твою память и во спасенье души. А теперь вот — в казиу, поддержать саму Расею. И оттого — всем отдастся добром.

Показыввли на вёрткого черноусого посреди зала в большой компании, за столом на

12 персои. К иему какой-то иаридиый вскочил с бокалом:
— Вашего имени, господии Бубликов, Россия пикогда н

— Вашего имеии, господии Бубликов, Россия пикогда не забудет! Вам удалось предотвратить кровавую бойию!

А Бубликов — громко, для многих, шире своего стола:

Смотреть на Россию не как на жирный пирог, а как на горячо любимую мать!

Избегать бороться за классовые интересы. Предстоит увеличение налогового бремени и примириться с этим. Лечь костьми, но отдать свои силы на благо родины!

Отзывались ему:

- Для родины мо-ожно не поскупиться. Налоги-то малые платим, признагься
- Правительство новое ва-адо подкрепить. Мы подкрепим чтоб другие на него не

А Бубников:

Так-так, но и Временнов правительство тоже должно знать себе границы, а нв душить нас новой 87-й статьёй. Сокращение прибыли — вщё немавестно, как тот же Коновалов примвт, как индустрия посмотрит. Там, в Петербурге -- мародёрская штаб-квартира. Уже не приходится, господа, нугать катастрофой, - катастрофа у наших ворот.

И — разлилось, погудело по залу: ка-та-стро-фаг...

Да вести-то польли, прислущаться кунеческому люду, — так себе. Бумажных деиег будут напечатывать всё больше. И, слыщь, выжимают жвртвоаать — да не муку для голодающих, это-то мы готовы, а на «освобождённых, пострадавших за свои политические убеждения», -- и уже Третьяков пожертвовал, Второв дал 500 тысяч, суконные фабриканты собрали 100 зысяч, - мол будто эти полигическив за нас всех страдали и нас вызволили. А — что они нам? кто такие? почему и им жвртвовать? Что т мы нв замечали, как они нас вызволяли. Да не те ли они, что бомбы кидали, банки грабили?

А вон уже, слышь, готовят объвдинение всех приказчиков. Это значит — супротив нас? И воп свобода — интерские рабочие стали 8 часов работать, не глядя на военное времи. А питерскив фабриканты все условия им сдали — а наценку переложат на изделия. На военные товары конкуренции нет, казна всё примет. Так чем же оди поступились? Нв своим карманом.

Да хуже того: хлебную вольную торговлю, мол, не воротить хотят, не снять запрет на вывоз из губерний, не дать хлебушку дышать по себе - а всё забрагь в казёниые руки и ими направлять. Мо-но-полия!

Ну, так и посевы сократятся. Ну, так и будет Русь года. Всё клещами зажмут — всё

и обронит. Россия — голодная будет.

С Монополни — разае хлеб вырастет?

Надо ото всего съезда слать министрам телеграмму: отменить монополию!!

Кому вязнуть, кому вытянуть, — тут ещё не видать.

Заатра этот Коновалов ещё что в речи выразит? Какие у них задние цели есть? Мы-то добродушно съехались.

Э-э-э... Да не упущено ли уже, православные?...

650

Лихо ты моё, куда ж мы посуиулись? Неделю назад Козьма ног под собою не чуял: какого соглащения достиг с фабрикантами! Одним шагом получил для всего Питера восьмичасовой день, о котором 20 лет только грезили, — и с сохранением прежней заработной илаты!

А — рабочие? Оглинулись, что из свободы можно и больше выколотить, мало взяли, и ну выколачивать! Почему у буржуазии барыши, а нам не аырвать? Распахнулась воля так можно рвать!

И с каждым днём не меньшв, а больше, на каждом ааводе выдумыввли по-своему. На том заводв угрозили администрации — и удвоили плату всвы вкруговую. А там ужв кричаг: утроить! А на том: учвтверить! Путиловская вврфь давала повышение 20 процентов — рабочие потребовали 400! Там — по болезни оплачивать двв трети, там — оплачивагь выборных. На Промете — отменить сверхурочныя, из-за сверхурочных не оставтся вовмени на гражданские права, нв видим завовааний революции. Ещё гдв: отменить сдельиую оплату труда, не жвлави боле напрягаться! На Трвугольнике потребовали: шестичасовой рабочий день, а наградиые — на Рождество и на Пасху каждый раз по два месячных оклада; а все служащие — себе: чтоб им участвовать в прибылях. На Невском судостроительном уже приучили администрацию выполнять все требования тотчас: уже и старостат, и оплаченная милиция, и отмвнили обыски на проходной, теперь надумали - убрать директора! На Адмиралтейском судостроительном — убрали 49 твхиических служащих. Там -- инженеров стали избирать, и от этих уже требуют всего, за день -- пять-шесть изменений. Там — фабричные инспвктора тоже чтобы выборные. Там требуют: вообще безо всякого начальства, работа вщё лучше пойдёт! А чернорабочие (подстрекаемые большевиками) требуют и себе такую же оплату, как получают высшие разряды. Туда ж и банщики: нв желаем работать больше четырёх днвй в недвлю, и чтобы в субботу тоже отдыхать (самое, когда людям мыться).

Никогдв не ждал Козьма, что такое пеоглядное озорство и такая жадность разгорится в рабочих людях. То и обидно было ему смертно, что не хотели виять, скандалили и всё 54

разваливали — свои жв рабочив, самый родной его люд, кто умвл всё в мирв сделать своими руками, и кем Козьма гордился всю жизнь, что и он из них.

А вот мы какив рыла вылезли. Попрекали образованных, что они своекорыстны,а мы? Попрекали фабрикантов, что они жадны, никак не насытятся, - а мы? Да мы жалней и личей!

Да питерские фабриканты -- вот, подписали соглащение по-хорошему. Они рассужденье имели, что и мы тоже обороты подбавим, и так оборону вытянем, а? Им-то в глаза как Козьме смотреть, когда сам подписывал с ними? Они нашего Совета слушаются — так надо ж и нам знать край. Соглашение есть соглашение, надо и самим выполнять. Производительность обещали новысить, а она ни к чёрту унала, на заводы ходим только болтаться да требовать. А у них сырья нет, угля нет — откуда им повышать идату? Надо же совесть иметь, ребята! Надо же по справедливости!

Вчера петроградское общество заводчиков собралось — и составило Совету депутатов вопль: рабочие предъявляют невыполнимые требования, конфликты обостряются до полной анархии, постановления примпрительных камер остаются без исполнения, работы идут беспорядочно, производительность резко упала, насилии над мастерами и администрацией, избиения до убийств, самовольные аресты, выгоны. Просит Исполнительный Кочитет — припять меры!

И бумага эта - прилетела, легла к Гвоздеву на стол. А - к кому же?

Оп сидел пад ней - и держался за растрёпанную свою бедовую голову. Ивделя прошла — и ото всего соглашения одна злоба. Подписывал Гвоздев своей рукой, и фабри канты улыбались ему, руку жали и верили.

Да что там стыдно! — страшно. Ведь знал он эти насилия, в бумаге подробно не расписанные: одного мастера утопили в проруби, а одного за малым нв скинули живьём

И это - мы такие? И это мы такие - всегда и были? Только пока боялись тюрьмы или виновных пошлют на позиции - так сидели небось тихо? А теперь - давай, громи?

Зве педели Козьма себя утищал, что это — только шатиулись, нывихнулись, что это все станет по местам.

А — пет.

Да ведь этак — и все сгорим, как на пожаре.

Так значит, дело-то не в классе. А в своём сердце.

Да рабочие умелые, разрядами выше — во всей этой заварухе и кипели куда не так. Громили и зорили, и лезли в комитеты — не они, а валоаые рабочие, самая чёрная нижняя

Да не на кого и валить. Не мог быть Кольма в том сам не виноват. Полтора года он всё рабочее дело вёл, - так инкто другой. И если завалилось — так не бел его вины.

По - чего? По когда? Оп не видел.

Куда кидатьси Козьме? Сидеть в споём отделе труда? — уже в двух отделах труда, с полавчера уже и в министерстве промышленности, считай в правительстве, был у него свой отдел, а что толку? Кидаться по заводам? Да с твилой бы душой. Да ведь — и Козьму не слушают. Да ведь и не объедешь всех. Посылал номощников по всем местам — тоже не обуватит. На электрической станции трамвая оле уговорили — не изгонять силой цеугодных лиц.

А самого Козьму — то тяпули на запудные заседания Исполиительного Комитета. То слали — непременно выступить в новом рабочем клубе на Херсонской с речью об Учредительном Собрации, — а что он сам в этом Учредительном понимает, и на кой оно лид, когда заводы разваливаются? (Уговорил вместо свбя — Станкевича.) А то погнали — исобходно падо ему сидеть в ложе, в Мариинском театре, на открытии спвктаклей. Просидел как чучело, красно налитой, галетуком удущенный. А то тепврь приступили: именно ему (как тогда — царя арестовывать) составить новую воинскую присягу. Почему-то другим неудобно.

Да, конечно, знал Козьма, кто же не зиал: что твперь свмьёю день прожить надо 3 - 4 рубля, и не все же получают 5 и 8, многие и получают не более четырёх, а то и номене. Требование повышать оплату — не выдуманиое, сама жизнь гонит, всё повышается. Но и должен же человек всегда зпать себе границы, по и опамятоваться: не один же ты! Давайте всё ж попридержимся, да сделаем обдуманно. Ну дажв-ть захватим - а удастся ли удер:кать? Смотрите, нам бы не захлебпулься. Пойдёт общий развал, не будет ни топлива, ни сырья, — так откуда нам будет плата? И что нам тогда этот 8-часовой двнь? Да хозьйственный развал — он хужв этой, бишь, контрреволюции. А крестыннин тоже нв будет кормить нас в обмен. Мы инчего не дадим - так и хлеба не будвт. Мы всв границы переступим — так и фабриканты на том заводы закроют — и комец.

А — война? Война же идёт, очнитесь, ребята, что за дикие мы оказались? В твердом разуме выход один — чтобы Питер давал и снаряды, и пушки. А как нам иначе смотреть в глаза фронтовым делегациям?

Они и стали тут подбывать, да с резолюциями фронтовиков, корящими рабочих за 8-чвсовой день и что спаридов не шлют. Кой-где рабочие застыдились, стали и своими

резолюциями отвечать: мы не лодыри! а просто не хватает угля и нефти, только из-за этого работа тормозится, не верьте слухам, что мы не дорожим обороной. Да со всего громадного Путиловского проняло одпу башенную мастерскую, 800 человек, постановили: «Учитывая серьёзность момента, производить работу полностью. Всякое манкирование и требование чрезмерной оплаты — позорное явление. Товарищей, желающих закрепленин свободы, призываем присоединиться.»

Знал Гвоздев, что дело куда хуже, чем в этих резолюциях,— но хоть бы принимали везде такие. Один выход — не бунтовать каждому заводу по-своему, сохранять какой-то порядок,— а уж Исполнительный Комитет (Гвоздев же) будет стараться добиться общего по городу минимума оплаты, на какой можно жить.

Призывы номогали мало, но только призывы и оставались.

Исполком не поможет (позавчерашний доклад Дмитриева ничего не сдвинул) — так ставить вопрос на пленуме Совета, пусть воззовёт сам Совет.

Хотя и он уже взывал, тоже не помогло.

Взъерошенный озабоченный Гвоздев пошёл на сегодняшнее дневное заседание Исполкома, чтоб уговориться о постановке вопроса на пленуме.

Из Екатерининского зала бодро вспыхивала очередная марсельеза очередного затопившего полка.

Перед дверьми Исполкома ждала польская делегация: пришли благодарить за независимость.

А на Исполкоме — и уже который раз — озабоченно обсуждали: как сократить пленум Совета, разросшийся до трёх тысяч? Там совсем бессмысленные прения, социалистический дух распадается, большой перевес солдат пад рабочими придает консервативность. Такой Совет становится просто даже вреден.

Однако, где сила, которая убедила бы его распуститься? Кто посмел бы теперь распустить Совет?

Выходило: надо как-то обмануть Совет. Рафес, Соколовский, Капелинский высказали опасение, что Совет забунтует. Всё сорвётся — и только хуже станет.

А Богданов — взялся: сегодня же вечером он попробует!

— Погодите, погодите! — вмешался тут и Гвоздев. — Но неотложный вопрос с положением работ на заводах. Это нельзя откладывать, я прошу поставить на пленум сегодня!

Но тут ворвался комендант Таврического дворца и, не прося слова, стал кричать, что он спимает с себя дальше ответственность за митинги: полы залов больше не выдерживают марширования! Или переносите митинги на улину, или все тут провалимся!

Входила приосиянцая торжественная нольская делегацин.

* * *

Взыграли радостные силы, Как буйный волжский ледоход. И вышел Стенька из могилы Вновь поглядеть на свой народ.

(«Русская воля»)

651

Острое объяснение с Еленькой позавчера ещё долго докалывало и дозванивало в сашиной груди — как колют и быются острые льдинки, со звоном нечальным. И даже не взбрыкнуло в нём: «Ах так? Так обойдусь без тебя!» Наоборот, чем непоправимее он узнавал, что теряет Еленьку, — тем нежней хотелось оставаться ей верным. Почему-то — надежды он не потерил, хотя она всё сделала, чтоб отбить её. И даже какое-то больное наслаждение было в этом мучительстве: не добиться её — а продолжать любить. Вот теперь он особенно понял, что не просто хочет её, а любит. Даже понимая с ужасом её в чьих-то чужих руках — не освободился от неё.

Ещё и потому, что наступило такое подвижное время — и обстоятельства сами могут вернуть ему Еленьку.

Всё это так беспокойно в нём колыхалось, что и вчера весь день пролетел как поте-

А сегодня позвонил Матвей: не хочет ли Саша познакомиться с ведущими большевиками? На совещание о принцинах действий к ним идут от межрайонцев человека три, можно взять и Сашу.

И без того тошно. Отквзался.

Но прошло полчаса, час, — пожалел: а что вот так травиться? Лучше уж на совещание. Перезвонил Матвею. Ещё успел.

А совещание оказалось в особняке Кшесинской, который Саша хорошо запомнил. Только теперь уже не было того безлюдья, во дворе стояло несколько броневиков, расхаживали унтеры в кожаных куртках и штанах, в вестибюле — часовой с винтовкой,

в внутри — совсем была оголена столовая, как уже и не столовая, и гостиная не как гостиная, уже не было аромата дома знатной дамы, но мебель ещё на месте, в беломраморном залике так же рояль, бело-золотые полумягкие стулья, а совещание — в той скруглённой комнате, как бы зимнем садике, где посередине грот с голубым фоном, вода уже не сочится, но ещё стоят две пальмы, раньше, кажется, больше.

Саша пришёл, как и всегда ходил теперь, в военной форме. Разумеется, пикто из этих унтер-офицеров или дежурный не потянулись отдать ему чести, он и не ждал — но шагал и понимал, что военный человек нужен, понадобится любой из социалистических партий. Да и в совещании, среди двух десятков сидящих, оказался один рослый черноволосый мичмаи.

По пути снова рассказывал Матвей Саше, что сейчас владеет социалистами дух объединения — всех фракций в одну партию — и есть к тому реальные возможности: не только межрайонцы хотят слиться с большевиками, но, с другой стороны, и часть меньшевиков (а их межрайонцы как раз не хотят), и московские большевики за, но тут приехали сибирцы и противятся.

Объединение всех социалистов в одну партию — это казалось Саше всего надёжней:

будет сила! и выбирать не надо, в кого вступать, — а то что, правда, делят?

Пришли к самому началу, сели, где было место. Через соединённые окна полукруглой стороны виделся Троицкий мост. Там в выступе, лицом к остальным, сидели как бы президиум, около них и Кротовский, одного его Саша и знал в лицо, — да лидер он был никудышний, суетливый, и физиономия, надо сказать, без налёта интеллекта, а весьма премерзкая: голова вокруг лысины будто усеяна волосиками, а не выросли, лысина со лбом как нахлобучена на юркие глаза, не давая им высоты взгляда, губы толстые, а уши мясистые. А большевиков Саша никого не знал. Один там, в полукруге, сидел очень интеллигентный, в очках, симпатичный. А рядом с ним, руки сплетя на груди, беспокойный, простоватый, с небрежными усами, всё вертелся: проверял ли, кто здесь или кто говорить будет. А в общем-то лица были очень заурядные, до того пеиндивидуальные, что встреть их кого Саша на петроградской улице — никогда б не догадался подумать, что они из головки той партии, наводящей последнее время такой страх на общество. И не интеллигенты, и не рабочие, а так — мелкие служащие.

Повестку озаглавили: вопросы тактики. А начали обсуждать последний Манифест ко

всем народам.

Саша-то находил Манифест просто замечательным: сама необычность прямого обращения ко всем народам Евроны — не остаться революционным островком в воюющем мире, а чтобы революция перекидывалась дальше и дальше! И ведь действительно евронейская война тогда остановится, действительно! Всеобщий мир через всеобщую революцию — ну разве не красота? Вот это — цель!

Но так — никто тут не думал и не высказывался. Этот интеллигентный — Каменев — умеренно похваливал Манифест, только надо ещё давить на Временное правительство, чтоб заставить его открыто высказаться против завоевательных планов. А какие-то резвые кричали ему:

А где призыв к немедленному прекращению?

— Да так и любой Шейдеман охотно выскажется! Нет, надо заставить их формулировать нашу революционную волю! Надо их заставить немедленно вести переговоры о мире!

— Как же мы их заставим? — снисходительно усмехался невозмутимый Каменев, не повышая голоса.— Чем?

Но, видно, тема была больная, о ней говорено раньше, ораторы ссылались на прежние стычки, выступали не связно, а короткими репликами, поднимаясь со стульев или не поднимаясь. Очень горячился, больше чем мог доказать, тот простоватый усвч — Шляпников (ах, это и был их главный Шляпников? всего-то? не боги горшки обжигают), и те все резвые были за него, и Кротовский: если не свергать Временное правительство, то бить его в спину и в шею.

Это ещё что за дикость? — удивлялся Саша. Против своего же революционного правительства? Каменев на это возражал с большим самообладанием, разумно. (Вообще, он тут, кажется, единственный умный.) А большеголовый бровастый Муранов — рядом

с Каменевым — очень важно голову держал, но молчал.

Замелькало «надеть узду на революционную стихию?», «оборонцы!», «пораженцы!». Шляпников горячился, что среди собравшихся не может звучать термин «пораженцы», это недостойно, так клеймила большевиков неразборчивая буржуазная печать, либералы в союзе с чёрной сотней, а «пораженчество» было всего лишь предсказанием неизбежности крушения романовской монархни на почве внешних неудач. На «пораженцев» не клеветал только ленивый — а предсказание их блестяще оправдалось, нервый революционный полк на улицах Питера и был главный «пораженец», — бессмысленное и обидное слово.

Но Каменев разумию возражал ему, что не надо кидаться и «оборончеством» и «революционным оборончеством», это тоже бессмысленные обидные клички, лишь смазывающие суть вещей.

Шляпников, горячась:

- Зачем пролетариату война? - на его долю только увечья и смерть, а в тылу длинный рабочий день и дорогоаизна. Правящио круги запутались, выйти из войны не могут. Надо заключать мир без официальных сфер!

Каменев, уравновешению:

- Конечно, хотелось бы кончить войну поскорей. Но когда армия стоит против армии -- не сложить же оружие и домой? -- это политика рабства. Если Германия сейчас начнёт наступать — нало дать ей сильный отпор.
 - Правительство капиталистов наши враги!

Но яа «долой правительство», — улыбался Каменев, — у нас просто яет сил.

Если не свергать сейчас — то хоть объясиять массам, что всё равно неизбежно нам

придётся брать власть!

А рядом с Ленартовичем сидел какой-то кавказского вида, маленького роста, с оспинками на лице и с толстыми длинными усами, разведенными ровяо вбок. Саща ещё удивился, какие туповатые сюда попадвют, сказать бы — чистильщик сапог, при чём тут оя? А тот поднял руку, объявили «товарищ Сталия» (только в насмешку можно было к цему прицепить!). И этот тихий забитый встал, подшагнул к фонтаняому гроту и стал говорить заунывно, но яе так глупо.

Как это теперь модяю козырялось, оя потянул из французской истории: что в 1792 году республиканская Франция воевала против коалиции реакционных королей, и если б чтонибудь подобное было сейчас, то социал-демократы все бы дружно подпятись на защиту свободы. Но нынешняя война — с обеих сторон имперналистическая, за рынки сбыта и сырья, а главное: сегодня она не угрожает нам восстановлением старых порядков, как пугает буржуазная печать, и нет никаких оснований бить в набат, что свобода а опасности.

Таким образом грузия подыграл как будто шляпниковпам — по тем же тоном ровно подыграл и Каменеву, что лозунг «долой аойну» выглядит голым пацифизмом и тоже ничего не даёт. Что Манифест Совста падо приветствовать, но (уклонился тут же) приветствовать с оговорками, что он не разоблачает хищнического характера войны. А нам (вроде опять а сторояу резвых) яадо давить на Временяое правительство, чтоб опо начинало мирные переговоры, — и только так мы сорвём маску с этих наших империалистов.

Примирить — никого яе примирил, а запутал больше.

Энергичные: надо бороться за армию! Буржуазия призывает к бургфридену. А нам нужно — выборное пачало! чтобы солдаты не шли покорно за офицерами, вот чем надо запиматься! — и только так мы отберём у них силу.

Что ж, Саша к такой армии был вполие готов: честно, демократично. А толковый офицер всегда сумеет и обратиться к солдатам и зажечь их, и быть аыбраяным,— и поасдёт их ещё лучие, чем а подневольной армии.

Тут выступил одил кудлатый, здоровый, а лицо барановатое, Кривобоков Невский. Он

на гротик как настунал, тот не давал ему простора:

Падеиться на бывшую императорскую армию, как бы её там ни демократизировали, - в корие неверный путь! Преступно забывать, что ни одна революция не побеждала без собственного войска. В 1789 году сразу стали создавать национальную гвардию и только потому нобедили. В 1848 не было её — и революцию нотонили в крови. И сегодия реакция не спит и готовит нам разгром...

Вот уж галдели об этой коятрреволюции, но Саша ингде её не видел, аыдумки. Где ояа

есть?

...И пока мы хозяева положения — надо требовать декрета о немедленном аооруженин народа! Если не хотим дожить до парижских июньских дней, чтобы буржуазная молодёжь топила нас в крови.

А Мурапов а президиуме — водил своими страшными огромными бровями. Но ничего

не говорил.

А это кто? — спросил Саша про смешного толстяка, весь объём живота которого нельзя было вообразить а сидячем положении, а только когда он вот поднялся, безобразный живот, хоть и обтянутый армейским поясом поверх суконной рубахи.

Бонч-Бруевич, - шепяул Матвей.

Толстяк вколачивал кулаком невидимые гвозди с поспешностью, как бы предыдущий

оратор не забрал всю его мысль:

...Да если Совет рабочих депутатов не будет опираться на революционную армию, то он осуждёя на падение! Вооружение рабочих — это один наш путь. Напряжём все силы для устройства громадяейшей армии пролетариата! Нам именно нужна другвя, своя рабочая армия, как финлиядская Крвсная гвардия в Девятьсот Пятом! И не револьаер каждому нужен, а солдатская винтовка с большим количеством патропов!

А что? готовность к делу у большевикоа — как ни у кого не увидишь, это правда. Кажется, не в илохое место Матвей привёл. (И сам захвачен, раскраснелся.) Там ещё

объединение социалистов будет, не будет, а эти... Хоть энергичны.

Вдруг — всё изменилось яа совещании: с гордым видом вошла красивейшая женщина — вот удалась природе! — и одетая так хорошо, как не одеваются на нартийные

совещания и вообще а этой среде. Белокурая голова, тшательно аыложены волосы отдельными кольцевыми кудрями. Тонкий профиль. При аластном вэгляде как будто выражвла готовность и к приветливой улыбке. На груди брелок на цепочке, Невысокая фигура с приятною полнотой: заняты все формы, отпущенные природой, и все а меру. Выталки вая коленами тяжёлую ткань лилового платья, она прошлв, как это было ни закрыто, — по одной стороне гротика, мимо колен сидящих, - по какому-то праву прошла в полукруглый уступ позади спин президиума, твм нашёлся стул, она повернула его боком к окну и села, облокотясь на подоконник, профилем к Троицкому мосту. И так (проектируясь для Саши на череду мостовых фонарей как скульптура) сидела: слушая речи, но и рассеянно, но и показывая себя всем тут.

Да она одна и подходила к этим стенам как состоятельная хозяйка этого дома, а они все

тут — случайный сброд посетителей.

Мичман откровеняю воззрился нв яеё. И а Саше тоже — замутило, и он яа какое-то

аремя перестал слышать, что говорилось.

И пропустил: очевидно, перешли на другой вопрос повестки? или как? Почему-то опять этот комичный Ствлин получил слово и монотонно иегромко вёл, никак ие подавая

надежды на пламенную речь:

- Уч-редительные Собрания а-бычно собираются уже после успокоения страяы. Поэтому о-пытные революционеры, - и тень улыбки прошла по его лицу, - асегда пытались а-существить свою программу, ат-тягивая созыв Учредительного Собрания, и постаашть его уже перед фактом а-существленных реформ. Но наше Временное правительство возникло сав-сем не на баррикадах, а... — сожаление выразилось в его голосе. — Па-этому оно сав-сем не реаолюционяю. На-ше Учредительное Собраяне будет на-много демократичней этого правительства. Поэтому нам — яы а коем случае из надо оттягивать Учредительного Собрания.

Матвей с кривоватой узыбкой шепнул:

- Член ПК.

Ах вот как. Ну, это сильно разочаровывало.

А та красивая большевичка, как она прошла-села, так ояа, может быть, тоже члея ЦК? - ..Можно назвать че-тыре условия победы русской революции. Первое...

652

Всегда не слишком светлая и наблещенная, даже сумрачяоватая, общирная квартира Виняверов, в минувние дня, по сограству с Думой, не раз пряют для ЦК кадетов, сейчас, ещё до вечерней темноты, светилась во все электрические лампы — с вотолков и со стен. В столовой сновала прислуга, комчая собирать парвдиый обед, в других комнатах сидели и гуляли гости, числом до двадцати, больше мужчины, больше - сотрудники и соучастники жизни Максима Моисеевича, — по юриспруденции, по борьбе за еврейское полноправие, по еврейским культурным организациям. И ещё ждали двух почётных

Весь вид квартпры, всё настроеяие да и одежда собравшихся были торжественно именинны — и не к рядовым именинвм, но к большому юбилею. Однако никто не принёс юбилнру подарков. Хотя он и был здесь, по сутя, главный виновяик торжества — по плоды его и ликованье его разделяли равно асе.

Приглашены и собрались они сегодня по тому поводу, что не только уже были уверены, что закон о национально-вероисповедном равноправин утверждён, - но Максим Моисе евич получил на руки его полный текст, а со дня на день он появится в газетах.

И какое же указующее совпадение: почти а день еврейской Пасхи!...

Да! Это и есть наш второй исход из Египта!

Сепчас же после опубликования будет общегородской митинг, и обещал выступить Милюков. И там начнём сборы пожертвований, чтобы построить а Петрограде большой еврейский Народный Дом.

Какой долгий путь страданий и борьбы пройден — и как адруг быстро всё соверши

Да, господа, двадцать пять лет усилий, как раз юбилей! Я считаю, мы начали эту борьбу в начале девяностых годов, с «Бюро Защиты». Считайте, как раз даадцвть пять!

Но — и износился же хозяин-юбиляр за эти четверть века. Ведь ему сейчас только 54, а на вид давали и шестъдесят. Уже припоквчена была его спина, как если б он носил. и носил, и носил мешки. И крупный лоб его облысел далеко на верх темени, борода с сединой, и уже куда не расцветный вид, яо по-стврчески сложены складки, утопляющие серые глаза. Однако и пободрели, побыстрели его движения зв последние две недели, и поживели глаза. А улыбка всегдашняя — добродушно-хитроватая, и добродушно-радушно разводил он руки, встречая каждого нового гостя, — а вот и Фёдора Фёдоровича Кокошкина!

А Кокошкии и сам блистал как главный юбиляр, да - по-кокошкински: франтовски одетый, сверкающий белизною и стеколками, веретенно-стройный, закованно-крахмальный, в на маленьком сухоньком личике — чёрные усы почти по-вильгельмовски загнуты тонкими воииственными пиками вверх, но и всем этим Кокошкин как будто скрывал, в скрыть не мог, что сам он - эстет, мечта и нежность. Он - синл, и взгляд его был задумчиво-раду;кный.

Винавер обиял его простоватым движением и поцеловал, но так, чтоб не испортить это картинное чудо. И не сломать: изысканная подобранность Кокошкина всегдв вызывалв

опасение, не прячет ли он за ней нездоровье.

Боже, сколько их соединяло, от самой Первой Думы! Сколько решающих ночных совещаний разделили они! Сколько исторических документов составили совместно прежде - начиная от бессмертного Выборгского воззвания в июльскую ночь - и спова, в новый прибой, новый орлиный полёт — воззвание Временного правительства — «свершилось великое!» — и вместе же работали теперь над проектом Учредительного Собрания. Какой рок сводил их руки над самыми великими документами!

Да ведь программа Февральской революции — это и есть программа нвшей Первой

Лумы! Все попытки вразумить власть оказались тщетны.

Да, конечно, они оба и сегодня расплачивались за Выборгское воззвание: не имели права избираться в три последние Думы, оттого их имена не стояли так высоко у публики — и опи не смогли войти прямо во Временное правительство. Но поддерживали его па-

за кулис своими перьями и советами.

Теперь главное: не дать силам контрреволюции расправить чёрные крылья и посигнуть на новый строй! Вот, арестовал Гучков кое-кого из Ставки, И арестован кровавый семёновец Риман... Вот, вы слышали, господа, арестовали полковника из следственной комиссия Батюшина... Как? Разве ещё не вся комиссия посажена? Давно пора этих зубров всех!.. К сожалению только — Совет депутатов несколько выходит зв пределы своих функций... Да, это отчасти есть... Но — обойдётся...

Но господа! Кто у меня был на днях? Не догадаетесь! Пуришкевич.

Загудели, действительно удивлённые.

— Пришёл спрашивать пути спасення России! Теперь нашёл, у кого. Я ответил: это вы, темные злементы, ввергли Россию во все её несчастья. Это вы приучили народ к бесправию - и тенерь чего будет стоить вернуть его к правовому строю!

Ну, действительно, исихонат был, и осталсн.

А вот он, вот он! - грузно появился князь Павел Дмитриевич Долгоруков, несн мамонтовую голову на слоновьем корнусе. (Тот самый князь Павел, который революционной мочьою Девятьсот Пятого годь выдвигался на императорский престол, а в Шестом году своё место в Думе уступил Герценштейну; и потом ездил к Клемансо от имени России просить не давать нам займа.)

Випавер приветствовал князя сердечно, обеими руками за обе, и синзу вверх лобызал. Киязь тоже был среди тех ведущих кадетов, десять дней назад и составивших проект отмены национальных ограничений, - ещё неизвестно, когда б у правительства дошли бы руки. Ещё предстояло министерству юстиции кропотливо изыскать и неречесть все изменяемые и отменяемые статьи прочих законов — но общий закон, перпейшая задача правительства, - уже был утверждён, уже был - вот.

Переходили в столовую. Стол сверкал всей возможной белизной и серебризной. Горничные в кружевных нередниках и наколках были наготове обносить закусками. Хозяин и хозника сели на противоположных оконечностях стола, Максим Моисеевич —

под большими часвми, а по две руки от него — Кокошкин и князь Павел.

От Винавера ждали не тоста — речи. Гости замерли ещё прежде ножевого стука о хрусталь. От знаменитого адвоката ждали речи сильной, и сам он, давно отволновавшийся на речах, поднялся растроган, взнесен, вскружен. Он был невысокого роста, но с голо-

вой непропорционально большой.

60

– Друзья мон! — гулко выговорил он, вкладывая весь смысл.— «Свершялось великое!» — так начали мы на днях обращение Временного правительства. Но с ещё большей ааслуженностью просятся эти слова на язык сейчас. У пали цепи рабства с еврейского народа! Едва ли мирован история знает пример столь ошеломлиющего превращения! За последние 25 лет русское еврейство подверглось гонениям и унижениям, неслыханным и пебывалым даже в истории нашего многострадального народа. Ещё вчерв безрассудная злоба и ненависть загоняли евреев в тиски морального гетто, лишали его неотъемлемых прав. Ещё вчера наши права на передвижение, образование взвешивались на унции. Наш народ, согбенный под тяжестью вековой неправды, и неся все государственные повинности, - ждал как милости хоть какого-нибудь незначительного послабления в праве дышать воздухом родины. Еврейский народ пронёс через тысячелетия провозглашенные им когда-то идеалы равенства и братства. Гонимый из кран в край, он всё не терял надежду на царство Божие на земле — и вот теперь, нв самом краю своего рассенния, он обретает всю полноту человеческих прав!

Максим Монсеевич вошёл в речь, иногда прикрывал веки, и плавный голос выносил:

 Разлетается првхом злосчастный постыдный вопрос о вероисповедных ограничениях, многолетнее злоных ательство поколений казённых глупцов! От клеветы и наветов более всего страдали евреи. И в чём только не обвиняли их: то — они эксплуатируют коренное население, то — стоят во главе Освободительного движения, то наразиты и тунендцы, то слишком энергичны и деятельны. Жертвоспособность еврейской молодёжи и та стала для старой власти орудием возбудить инстинкт толпы. Сколько раз царизм с подлой хитростью пользовался бесправием нашего народа, чтобы свалить на него месть и злобу. Еврейский вопрос сделался для старого режима козлом отпущения. Мы перестояли и смерч столыпинского режима. Царизм не задумывался даже расстронть акционерное дело у себи в стране, лишь бы ограничить участие евреев. Не останавливался перед охлаждением отношений с Америкой. В разжигании ненависти к евреям царизм видел средство поддержать своё существование. Еврейское перавноправие усугублялось общим отсутствием правового начала в стране. Положение евреев уже было препоной для общего введения правового строя. Еврейская молодёжь в течение десятков лет шла в ряды борцов за общерусскую свободу, здоровым инстинктом чун, что одна и та же твердыня охраняет и политическое рабство по всей России и гражданское рабство евреев. И отцы взирали на своих детей, идущих на каторгу, с болью, но не с осуждением. Самые большие тяготы в этой стране падали на долю еврейского народа — но он не уставал бороться. Историн иациональных гонений в России еще не написана. Сегодин мне не хочетси возвращаться даже чувством к тем танталовым мукам, какие пришлось перетерпеть евреям. Да ведь пострадали и притеснители, морально: это от еврейского бесправия у них развивался произвол, беззаконие и взяточничество.

Что это напоминало? Что это ужасно напоминало? -- вот такой торжественный сверкающий стол и торжественные заседатели, но собравшиеся вовсе не для еды, а лишь по поводу её, — а выход весь, а ожиданье всё — пламенная речь? Да — банкеты же, банкеты с Девятьсот Четвёртого на Пятый! — не зри прогремевшие серебром и стеклом,

нагремевшие нам и революцию!

 Духа же евреев тяжкий гнёт писколько не угашал, напротив — возбуждал к сознатвльности и борьбе! Вместо прежней покорной и трусливой мвесы явилась нация с высоко рвзвитым чувством собственного достоинства! И вот сегодня, когда вся гниль одинм ударом смыта с тела пародного, - перед нами во весь рост стоит еврей-граждании, с достоинством перенесший годы угнетения и преследования. Навсегда закрыта ещё одна позорнан страница нашей государственности. Вырван ядовитый зуб царизма. Снята тижесть с русской совести. На долю Временного правительства выпала великая честь синть с русского народа тяготевнее на нём пятно. Теперь Россия вступает в ряды цивилизованных народов. Мы освободились от засилив отечественных ногромщиков. Сегодня мы в полном смысле можем назвать русскую революцию Великой: ещё горят страсти — а революция спешит восстановить значение личности, выполнить повелительный долг чести относительно евреев! Вот она, грань между старым и новым строем. «Ныне отнущаеши.» Первый раз за две тысячи лет мы будем праздновать нашу Пасху не рабами, а свободными гражданами. Радостные чувства этих великих дней откристаллизуются и нередадутся потомству в восторженных рассказах и трогательных легендах.

Зааплодировали. Сверкали глаза. Предупредительно поднимали бокалы. Максим Моисеевич отдышивался от радости, как от большого подъёма. Но он ещё не кончил.

— Тенерь евреи могут смело войти в храм свободы, ибо он воздвигнут и на костях еврейских борцов. Евреи могут гордиться, что и они принимали участие в революции. Евреи добивались свободы не как рабы — и теперь полноправно могут участвовать в закреплении достигнутого успеха. Конечно, одним росчерком пера ещё не будут устранены все противоеврейские традиции. Вот и сегодня: освобождённая Финляндин ещё сохраняет у себя еврейское бесправие. Из Дерпта приходит нован клевета, что милиция из евреевстудентов вызвала кровопролитив. Ползут нашёптывания тёмных сп.і, и провокаторы хотят сорвать революцию на вопросе допуска евреев в офицерство. Понадобится сищё одна революция — в тёмных невежественных мозгах, чтобы поняли все, что никакого еврейского вопросв вообще никогда не существовало. Но в врком пламени революции ностепенно звбудутся рознь и педоверие, которые сеял старый режим. Все помыслы нового еврейского гражданина теперь — на благо родины, открывшей ему свои объятья. И весь его никем не отрицаемый гений теперь будет вложен в строительство родины. Забудем же наши обиды — и пусть запоздалость зари не отягчит души страдальца. Никогда ещё Россия так не нуждалась в энергиях и талантах — и евреи принесут их ей. Еврейский народ теперь докажет, как высоко может подпяться волна преданности родине в сердцах свободных граждан. И да не омрачится больше наше братство взаимным подозрением, также и на поле брани с внешним врагом. Вот, придёт Учредительное Собрание, будут решены и другие национальные вопросы — и наступит тесное содружество народов России к умножению её вечных ценностей.

По составу речи можно было понять, что он — кончил, и отчего ж не на высокой поте, упущенной раньше? А Максим Моисеевич вовсе не кончил, глааный-то поворот был сейчвс.

- Напомию, что в своей известной речя в Первой Государственной Думе я бросил в лицо правительству: да, мы полны силы отчаяния, но у нас есть и один союзник — это исполненный истипной человечности русский народ! Да, господа, это так, - объёл он глазами всех, но не двух самых близко сидящих. - За светлое будущее России мы боролись не один, но вместе с лучшими русскими людьми. Такая Россин не погибнет и такую Россию кровно полюбили мы, так называемые ипородцы, с нею силелись иеразрывно, через неё связали себя с русским прошлым и с нею вместе будем строить русское будущее. Дух Пушкина, Белинского, Герцена и Толстого, и вся атмосфера Девятьсот Иятого-Шестого годов и Девятьсот Семнадцатого - это негаснущие эманации. И современное нам поколение русских людей сумело выявить те же истипные черты русской души и этих дорогих друзей мы видим сегодии и здесь, в нашем узком избранном кругу и - п разрешите, - сияюще повернулся он направо, - обнять вас, дорогой князь Павел Имитриевич?

И наложил руки на плечи слоногрузного князя, не давая ему поднятьси а рост, - тот

разошёлся в смущённой улыбке. Обнялись.

- И разрешите, - с глубинным порывом поверпутся Вппавер малево, к своему сердечному любимцу, обнять вас, наш пенаглядный Федор Федорович!

И наложил руки на хрупкость Кокошкина.

Все встали.

Обедать министры должны были в офицерском собрании Ставки. Но вовремя не пришли, и всё не шли и обед начался без них.

Гут они и вошли, все в пиджвках, Геренский в курточке. Никто из офицеров не поднялся. Линь когда министры подошли к генеральскому столу привскочил Алексеев. И иностранные офицеры прекратили еду.

Все жадно смотрели на диковинвых министров, и особенно на Керенского: больше

всего он гремет по газетам, а портретов его ещё не знали.

Только после обеда, когда подпялись, вокруг каждого из пяти смогли образоваться группы - и твк присмотрелись и прислушвансь к нам ближе. Трое старших были люди привычного общества, таким же старался быть и Некрасов, а Керенский излишие первпо дёргался то в одну, то в другую сторону, иногда его жесты и фразы были напряжены, сценичны, не по размеру аудиторни.

Но эти беседы стоя не продолжались долго: все министры спешили, в разные места,

использовать для своих дел эти пемногие часы в Ставке.

Милюков объянил предстввителям союзников, что на сегоднящием заседании правительство решило оставить Алексеева Верховным Главнокомандующим. Союзные агенты внимательно и вежливо кисали. (Они ещё утром, до совещання, знали об этом же от Гучкоза.) Разумеется, никакого непринтного упоминьния о задержке нашего наступления тут не прозвучало.

Затем Милюков и Гучков вместе с Алексеевым отправились па совещание с морским штабом. Гучкову как морскому министру цеизбежно было такое совещание устроить, по Милюков непременно хотел участвовать - и тут стал проводить свой заветный план: убедить и Ставку и морской штаб энергично подготовить и произвести высадку в Босфоре! Он знал, что адмирал Колчак только об этом и грезит, — и тут в темпераментном кругленьком адмирале Бублове нашёл тоже горячую поддержку. Но вечный противник босфорской операции Алексеев стал кисло и скучно выговаривать и выписывать на бумаге целые столбики возразительных соображений - всё вокруг распыления сил, нехватки десантных судов, трудностей снабжении, задержки сроков и тяжёлых особенностей момента.

Но как же было из-за мелочен малодунно отложить, не осуществить в эти революционные яркие меснцы константинопольскую мечту России?! Милюков пикогда, и даже в эти месяцы особенно, не терял государственной мысли: путь России — через проливы,

через Балканы, через Средиземное море!

И он смотрел на Гучкова со страстным выражением, - если таковое было ему до-

Но Гучков, ведь тоже прикосновенный к балканским проблемам, - нет, не выказывал мужества. Любил он деракие шаги, но что-то слишком много сразу предпринималось дерзких: одна его генеральская пертурбация чего стоила. А все перетрнеки уставов, комитеты? Однако и боевой расчет, представленный Колчаком, был поразительно убедительный: вся недоступность Босфора казалось мнимой, — а только руку протянуть — и взять!

Но уже привыкнув за эти дни к подавляющим трудностям, Гучков скрипел. Не столько против расчёта Колчака, как -- о снабжении. О разгрузке железных дорог. Мы везём из Донбасса уголь, перегружая дороги, — а могли бы морем везти его из Мариуполя в Одессу - но для этого тоже нет судов, а придётся с транспортов Колчака снять десантные приспособления и поставить их под уголь и руду.

Милюков сердито возражаз. Не сошлись, не решили.

Гучков весь день был настроен нервно именно из-за обильного присутствия других министров, которые лезли не в свои дела, отравляли ему встречу со своею Ставкой. И хотя его главиме дела уже были за полтора дня все обсуждены — но он решил пересидеть министров, не уезжать сегодня, остаться ещё на день. Как заноза досадная ему особенно мешал Керенский своим претенциозным, исуместным здесь поведением. На дневном заседании Гучкову подали телеграмму из министерства, что получено известие: в Петроград ив Архангельска везут арестованных там по приказу министра юстицип — двадцать пять морских офицеров и трёх генералов! Каково? И это — без морского министра! Гучков едва не захлебнулся этой телеграммой - но всё шло совещание, а потом Керенский сразу ускольдал, а потом обед, а потом опять ускользнул, - никак не удавалось его припереть и выпалить ему! Между совещаниями у самого Гучкова были встречи: утром — с военными представителями союзников (осторожно готовя их, что России очень трудно будет выполнить обязательства, но скоро-скоро восстановитси её военная мощь), затем сидел в Дежурстве у генерала, получая самое для себн нужное: списки всех старших начальников от дивизии вверх со всеми аттестациониыми отметками.

Накояец, из вежливости просидел и час с великим книзем Сергеем Михайловичем, отставляемым от инспектора артиллерии: тот боялся ехать куда бы то ни было, уже наученный злоключениями династии и своей бывшей любовницы Кшесинской в Петрограде («Скажите, Александр Иваныч, женщину, бвлерину — ва что?» — «Но разве я могу уследить, кто кого арестует?»), — я вопреки официальным рекомендациям правительства

Гучков советовал ему ехать куда угодно, только ие в Петроград.

Лишь поздно вечером Гучков узнал, что Керенский в этот день успед принять смотр георгиевского батальона (в какой сумасшедшей страие это мог сделать мивистр юстицин?!) — а только что, вечером, выступил на собрании офицерских п солдатских депутатов (куда и Гучкова звали, да оп был занит). Ну, чёрт подери, Гучков рассердился уже черезкрвине: с этим фиглиром надо как-то кончать, он открыто лез в компетенцию военного министра. И выходки его были так неожиданны, что нельзя их предусмотреть. И – уже уехал.

Откладывая объясяение до следующего правительственного заседания (осадить фигляра по первому же поводу), - пока только и мог Гучков; остаться на следующие сутки, завтра собрать это же самое собрание офицерских и солдатских депутатов и на нём произнести обширную речь, заслоняя болтовню Керенского: как он, Гучков, ещё с 1907 года пытался возродить боевую мощь России, а ему мешали правительственные сферы. Как революция вызволила нас из проклятой тины — и теперь солдату предоставлены все права гражданина, и теперь свободным революционным развитием мы создадим непобеди-

мую армию!

А Керенский - а Керенский, со своим динамизмом, провёл сегодня ослепительноочаровательный день! Уже утром, с вокзала, — единственный министр, кого подпяли на руки, был он! И вот блистательно придумал принять парад батальонв георгиевских кавалеров — умеренно укорил их, что они поддались карательной поездке в Петроград, но и тут же благодарил, что они остались верны иароду, - держа руку у картузиого козырька, пропустил мимо себя их печатный шаг — и очаровал. Пробежал в комнаты военносудного управления — и очаровал, Наконец, приятно поболтал часок с великим князем Сергеем Михайловичем. К каждому великому князю Керенский испытывал острое любонытство, желание сокоснуться. А в эту поездку — неудобно было поехвть в самом царском поезде, — но тогке в одном из литерных вагонов, похоже. А в самой Ставке — какой особенно бодрящий, военязирующий воздух. А вот и опустевший двухэтажный дом, где жил царь. Как министр юстиции Керенский должен был проверить — и прощёлся дорожками двора и сада: вот тут ходил сам царь — а теперь ходит Керенский! (Так же одинокий, запожив руки за спину, - а охрана из гвардейского экипажа всё время зв яим, в отдалеини. Распорядился выдать им царского вина.)

Во время большого совещания Керенский то и дело вставал и подходил рассматривать карты, развешанные на стене. Молодой, стройный, впечатлительный, умный, с одной рукой небрежно заложенной за спину, он чувствовал, как полководческий дар вливается в него чвс от часу. (А кто был здесь полководец? И Николви Николаевич не был полково-

лец, его популярность раздула общественность в пику царю.)

Очень обижало Керенского пренебрежение Гучкова, что он приехал на сутки раньше, держался воё время особо, отдельно и как бы выше. А вот что надо: по возврату а Петроград тотчас же дать газетам интервью о впечатлениях от Ставки — и заявить от себя проект омоложения командного состава армии, — да разве Керенский не думает твк? не думал так всегда? Этим путём и будет создана та революционная армия, которая существовала во Французскую революцию! Проект омоложения командиого состава вызовет восторг и сочувствие всей армии!

Так в разпообразных событиях, чувствах и впечатлениях прокатился этот незабываемый день Керенского — а закончился он блестящим выступлением в солдатско-офицерском могилевском Совете депутатов (60 солдат, 30 офицеров) в здании городской думы. Его встретили, конечно, единодушными овациими — и он взнёсся на помост и тотчас же приступил к речи, каждым свободным жестом своим показывая, насколько новая власть

выгодно отличается от старой.

 Товарищи! Русская революция поразила аесь мир быстрым темпом своего свершения — и порядком, не имеющим примера в истории! Старая власть, лишённая всякой опоры в народе и армии, сдалась в несколько дней без сопротивления! И они все — в наших руках! Дело реакции проиграно бесповоротно! Но должен последовать справедливый суд, а не медкая мстительность! Великий народ должен проявить величие и в великоду-

В такие мгновения — гусиным пёрышком щекотало Керенского в горле.

- А что мы видим в нашей армии? Она станет ещё сильней, когда до конца осуществится приобщение к гражданским правам! Уже сегодня я вынес самое отрадное впечатление. Офицеры чувствуют себя прекрасно и говорят, что наконец-то нашли своё настоящее место. Они прониклись пониманием психологии солдата-гражданина. Солдаты проникнуты духом верности, чувством долга перед родиной. Дезертирство не только не усилилось, но многие возвращаются на фронт. Генералитет, котя и не ориентируется в новых формах жизни, но мы не встречаем от него противодействия. Впутри государства — больше нет нам опасности! Но она — от внешних врагов. Если бы немцам удался прорыв — они бы восстановили у нас старый деспотический режим. Но я ни минуты не сомневаюсь, что наша армия грудью защитит завоёванную свободу! Если не исчезнет наш энтузиазм — мы выдержим удар! Солнце свободы всходит — и осветит не одну Россию, но и весь мир, который напряжённо ждёт с Востока своего освобождения!

А дальше — аплодисменты, аплодисменты, зитузиазм не поддавался описанию! И снова его вынесли из зала на руках. (В сопровождении подпьяневших матросов гвардейского экипажа.)

Сегодня в Белом думском зале очередь собираться была рабочей секции Совета. Не так избыточно, как солдатская, двери закрывались и по проходам можно было пробраться, но всё же сидели впритиску и во всех ложах, и на ступеньках. И даже -- не курили, обязались так, иногда кто где засмолит — на него цыкнут. Всё это рознилось от солдатских дней, когда стояли даже и во все стороны лицами, и всё висло в дыму. Сегодия, в рабочий день, и на хорах оставалось место — я там расселвсь стража арестованных из соседнего коридора, кто-то и до белья раздевшись от духоты, на привольи чай пили.

А Екатерининский зал по соседству грохотал от пришедших там сейчас моряков. Нз родзянковскую вынку, на фон опустошённой императорской рамы, уверенно взошёл полноватый Богданов. Он теперь стал ходить с портфелем, что, при упитанном белом лице, придаазло ему и министерскую солидность. И перед подъёмом на трибуну снимал, соввл в карман ненспе, нужное ему только для бумаг. Эпергично постучал но пюнитру (родзинковский колокольчик за эти дли украли) — уже и стук его и манеру знали, и сразу слушали. За три недели уже привык Совет к Богданову и Богданов к Совету, управлялся с ним оборотисто, и доводов его слушались, он и был тот главный, кто приносил из Исполнительного Комитета директивы, а здесь превращал в решения. По умелости, бодро надеялся он и сегодня справиться, хотя понимал, что дело окажется потрудней.

 Товарищи! — сильным голосом подал в тишине. — Сегодия нам предстоит два вопроса. О положении работ на заводах — но это потом. А раньше нам надо обсудить некоторую перестройку работы самого Совета. Исполнительный Комитет пришёл к выводу: в таком виде, как мы существуем, мы больше существовать не можем. Теперь в Совете две тысячи солдат и восемьсот рабочих, — это слишком много, на общих собраниях рещение вопросов может быть непродуманное. Простое голое поднятие рук — это не решение. Как теперь изменить положение вещей? Это называется — реорганизация. В теперешнем составе Совета много наслоений, ибо он сложился стихийно. Наш Совет рос на случайных основаниях. И пришлось разбиться на отдельные солдатские и рабочие собрания, у солдат свон Исполнительная комиссия, тоже 107 человек. Так работать нельзя, это слишком

Солдатская аудитория — много бород, здесь — ни одной, самое большее — усы у третьего, а то бриты. Сквозь солдатские дремучие бороды нескоро проникает речь оратора. А тут, с рабочими, поостерегись, их всё же (сами же) годами приучали к сходкам и речам. И лица у них — размысливые, честно серьёзные, и пришли они — понимать, и торжествеиный парламентский зал приосеняет им важности. Тут — поосторожней, через каждую фразу — и успокаивать. (А начали с рабочих, потому что перестройка ущемит солдат побольше.)

 Но, надо сказать, хотя состав Совета и случайный — он сохраняет полное единство. Нам нельзн ломать эту махину. Нельзя сказать — распускаем и созываем новый. Мы всётаки свизаны друг с другом, рабочие с солдатами, и через Исполнительный Комитет. Мы росли стихийно — но рвать эту связь нельзя. Этот аппарат нельзя уничтожать. Наша задача — связать эту махину, чтоб она представляла сильное гармоническое целое. Хотя мы считаем, что три тысячи человек работать трудно, всё же вопрос слабо освещён. Но Совет распустить нельзя. Он должен сохраниться, только его роль должна быть точно определена.

Пока сходило ничего. Но слушали — не безразлично, кажется, начиная подозревать

и подвох.

 И вот я доложу проект сегодня на вашей секции, завтра на солдатской. Впредь Совет должен намечать общую линию. А разрабатывать эту линию при таком большом количестве членов нельзя. Кроме того, есть случаи торжественные, например, обращение к полнкам, когда нужен весь Совет. Разработка же и принятие решений и постановлений должна лежать на рабочем органе. И мы предлагаем такой создать: Малый Совет Рабочих и Солдатских денутатов, не больше нятисот человек. Теперь момент спокойный, не как 27 февраля, и выборы могут быть произведены закономерно. Выбирать депутата не на полтысячи, а на две тысячи человек. И солдат — не от каждой роты, а от батальона, полка. А ещё в Совете отдельно должны быть предстаалены партии. И профсоюзы. Мы ценим организации. Возьмём депутатов и из ремесленного пролетариата. А из торгового пролетариата — только нижние слои, они стоят на страже демократии. А верхияя часть настроена буржуазно. Итак, старый Совет не уничтожается! - который раз оговорился он, хотя ж никто ещё этого ему не кинул, но промахнулся языком, назвал Совет не Большим, а сразу старым, - его задача - разработка общей линии и вотирование торжественных

Теперь зашевелились. Только радости и поддержки в движении не было.

А Исполнительный Комитет??! — крикпули, даже из разных мест.

Этого Богданов и ждал, самое больное место, осторожно его обойти — не допустить и мысли переизбирать Исполнительный Комитет.

- Исполнительный Комитет, товарищи, избран ещё 27 февраля...

Временно! — крикнули.

Помпили...

Сперва решили, что он будет состоять из девяти рабочих, девяти солдат. А нотом ещё присоединялись партийные денутаты. Да, он сложился несколько стихийно. В нём сейчас 37 человек, из них далеко не все бывают на собраниях. И мы предполагаем доилбирать туда рабочих и солдат. — (И не собирались.) — Но сейчас надо думать, как реорганизовать большой Совет.

Богданов ждал сразу большого шума, по если быстро бы проявился - быстро его и приглушить. А тут разрабатывалось медленно. Оттуда и отсюда стали выкликать вопро-

Так — депутатов в Малый совет — новые выборы? Или — яз этих, из нас?

- Новые! - уверенно ответил Богданов. Потому что так говорили на Исполкоме. А сам сразу и подумал: ошибка, вот тут надо было и уступить.

 А остальным — чего ж? — забеспокоились ещё в нескольких, справа, слеаа, высоко, и винзу. - К станкам?

Их ведь, этих заседающих, освободили от работы.

- Да, товарищи, а что ж, с работой у нас плохо. Но Большой Совет время от времени будет собираться.
 - А топлива нет, какая работа?...

А районные советы — будут?...

А Малый Совет — будет выбирать свой Исполнительный Комитет?...

Ишь, куда заваливают! Нет-нет:

Исполнительный Комитет остаётся от Большого, мы туда довыберем. Малый Совет не избирает своего Исполнительного. Так, товарищи, давайте организованно выступать, но покороче! - гнал Богланов.

 Не покороче! — распалялось в зале. — Вопрос важный, сокращать времени нельзя! Стали выкликать и фамилии — и занисываться. И быстро записалось больше двадцати человек. Таких прений Богданов допустить не мог: чем дольше прения - тем больше проигрываешь, уж он знал. Но уже шёл первый — с завода Паля, и уже с привычелями и словечками оратора:

 Та-ак, — сказал, — товарищи! Вопрос требует самого напряжённого обсуждения. Он постановлен расплывчато и не конкретно. Мы не видим плана реорганизации, Надо его раскритиковать как следовает... Мы реорганизуемся, пожалуйста, но чтобы был максимум пользы и чтоб мы не потеряли своего удельного веса.

- Вы сами, товарищ, говорите конкретно, а не лишнее! - стал подправлять Богда-

нов. Эти речи, он знал, нельзя запускать.

- Чего неконкретно? стал сбиваться оратор. Если, например, три депутата от завода уже есть, а нвдо выбрать ещё один, так будет четы ре? А если от одного завода сразу восемь и говорят одно и то же, так не лучше ль их сократить, а на их место других доба-
 - Чего сократить! Кого сократить! возмущённо закричали из зала, это от крупных

заводов. — И сбили оратора. Он ещё поблуквл языком и ушёл. Когда само собрание прогоняет ораторов — тогда председателю и вести легче.

Второй вылез с Лангезиппена, тоже, видяо, умелец поговорить:

- Да, товарищи! Как и для чего — это аопрос очень еурьёзный. Когда нвчиналась революция — так и всё делалось кое-квк. А Исполнительяый Комитет — он есть теперь законодательный комитет. А не только здесь, но в по всей России оказывается давление со стороны остатков тёмных сил. Стврвя влаеть местами ещё существует, ого! Вот я, например, узнал: в Великих Луках земский начальник еще и сегодня арестовывает. Мы иаходим, что три тысячи депутатов — это много? но, товарищи, и выходов много. Учредительное Собрание, вот, недвлеко — в на меетах нигде иет передового элемента. А в Петрограде этого элемента как раз очень даже много. И мы можем чаеть существующего пашего Совета отделить и разослать по провияциям, чтоб онв организовывали массы к Учредительному Собранию. Мы вынеели нв себс тяжееть революции — и нам теперя надо взять за себя пропаганду! На местах буржувзия, пебоеь, работает, а мы почему-то инчего не делаем. Исходя из этого, я предлягаю: чвсть Совета командировать во вее провинции длн пропаганды. Докладчик сказал — в Малый Совет войдёт 500 человек, а нам оствльным — куда? на улицу? И я предлагаю: рассыпаться иам по всей России!

Он покидаз трибуну — уже заспорили на меетах, еоееди с еоседями. Многим показа-

лось звманно, другим неохотв из Питера уезжать.

Ох, трудяа ты, рвботв головы! Ох, трудно пробиться, весь хлам прокидвть: чего же именно правильно?

И с трибупы очередной тоже сетовал, отирая еерый лоб:

Вопрос, товарищи, сложный. В пять минут его пикак решить нельзя. В этом зале, в Думе, самый сраненький вопрос и обнаковенно обсуждался по нескольку днеи. А теперь — вся Россия к нам прислушается, ибо должен быть один центральями орган. Исполнительный Комитет должен был проект соопчить нам заблаговременно, а не этвк сразу на голову кидать. Мы так уразуметь не поспеем. Да по какой категории избирать-то будем? Значит, один Совет у нас будет правильный, а другой непрввильный?

А сразу за ним — полез конторщик е Айваза с выложенной у кармаяа цепочкой часов,

слышали его в Совете, не раз. Так и заявил сразу громко изотрез:

 Нет, товарищи! Я хочу указать на замечание товарища Богданова, что наши решения просто принимались поднятием рук. Это неверно, они принимвлись вполне сознательно. Никто решений Совета не опротестовывает - значит, работа ведётся правильно. А если это так — то к чему нам меняться? Теперь я перехожу к существу вопроса, что якобы Совет продуктивно работать не может, и предлагают схему реоргацизации. Я яе согласен. Да, у нас около трёх тыеяч человек, и возможно, будет раети до пяти тысяч А Малый вырастет до семьсот, это не парламент? А что же будут делать наши три тысячи человек? Только ждвть торжественного случая? Это — опять не решение. Вот, товарищ с Лаштезиппена паметил выход, и он мне рисустея присмлемым. Сократим Совет до пятьсот-пестьсот человек — ио и остальных остввим в звании, только поручим им: подтянуть к нашему сознательному уровню общирные области стрвяы. Выплатим комаидировочпые - и пусть едут, возглашают. Многие по России яе зяают, что в Петрограде творится, - и пвдо им это показвть. Это даст - колоссальнейшую пользу! Итвк, одна чвсть оствлась бы здесь, а другая поехала бы. У яас тут, однако, разные взгляды, и вот, чтобы нонести всё одинаково, надо выработать план. А если сделать, как предлагает Богданов, то положительного результата мы не получим. Мы бы, значит, топтались тут, яз месте, а там бы. на меетах, шла работа тёмных сил? Временяое правительство е этим мирится, но мы поджны побиваться евоего. На местах есть тёмные массы — и тогда мы убили бы сразу двух зайцев: и здееь бы еократили бы количество депутатов — и страну бы подготовили к восприятию великих реформ.

Так, еамодельно и неожиданно, повернул Совет весь вопрос. Но не для того был

поетавлен ловкий предеедатель-доклвдчик, и оя загремел, опоминая зал:

— Предыдущие товврищи говорили яе по еуществу. Нви надо — усилить, укрепить Совет рабочих, в не усылать его в провинцию, не подменять всероссийской проблемой. — То ееть он хотел им намекнуть, что надо увеличить рвбочих за счёт солдат, яо об этом никак нельзя сквзать прямо велух, дойдёт до солдат. — Давайте говорить о Малом Совете.

Но не взял их е наскоку сразу к голосованию, тенерь забарахталось трудяей. За время трёх-четырёх ораторов етали рабочие — опоминаться, в затылках расчесывать, друг е другом обменялись из ряда в ряд: да ист, тут дело яе чисто! это ведь нас разогнать хотят.

И вылез длинный хитрый черноусый дядька ео Старого Парвиайнена, обопёрея об

трибуну хорошо и повёл так:

— Я — е другими говорившими тут не соглвсен. Как это: Совет слишком большой — давайте выбирать других? Как это: Совет — уменьшить, а Большой — для торжеетвенного случая? Это не выдерживвет критику. Значит — мы годны только для парада? Я не думаю, чтоб свободв была яастолько упрочена, — и яам расходитьси ещё рано, — как это: выбирать других? Теперь наетроение масе опустилоеь и начинают действовать нежелательные силы, и если новые выборы — то только ухудшат еоетвв Советв. И получитея

мненяе, что мы были — яе еовсем подходящий елемент? И что ж будет делать дальше Совет? У меня такое предложение: если от какой фабрики двадцать депутатов — ну, можно сократить. Хорошо, выберем 500 человек, но из нашей здешней ереды. Но и Исполнительный Комитет — тогда тоже заново. Из этих пятьсот выберем.

— Этого— не допустим!— зветучал Богданов кулаком.— Ещё чего? Кто не доверяет нашему Исполнительному Комитету— пусть организуется сам на стороне, как хочет. А наш Исполнительный Комитет— избран этим Советом.

Богданов лишил оратора слова, дядька не хотел уходить.

Почему говорить не даёте? — загудели.
 Круго звгибаешь — оглоблю спомаешь!

Но тут близко еразу нееколько с вытянутыми руками соввлиеь к трибуне— и квк угвдать полезного? Богданов отметил одного— опять вида пряказчичьего или контореко-

Этот подвижный завертелся на трибуне, поспевая убеждать во вее стороны:

— Товарищи! Мы с вами — люди подполья! А наш Совет организовалея во время стихии. А если еделять теперь яовые выборы — то в Совет придут люди, которые будут звать «воевать до победы».

Застучал над его головой уже недовольный Богданов, и с меет орали с разных,— но

и конторский не рвстерялея, а продолжал виться:

— А сила перейдёт от Большого Совета к Малому? Нет, товарищи, мы явилиеь сюда не для реорганизации, а — организовать разбитую Росеию, и для этого нужны строители.

А сам — кто? — глушил Богданов, ебивая.

— Я сам, товарищи, пожалуйста, фармацевт. Здесь много служащих. Раньше мы, служащие, были отделены от рабочих, в теперь мы слилиеь. И цель Совета Рабочих и Сондатских Депутатов — это контроль над Временным правительством. А между тем миннетр просвещения осталея совсем без контроля, вы обратите ваше внимание! А нам говорят — разойтись? Нет, товарищи, делать гоеударетвенное дело пужен инструмент — а нам говорят: разойтись? Здесь, в этом здании, была холопская Дума, а у нас новое настроение, мы хотим организоваться, в нам говорят — реорганизоваться?

Наступил общий шум — от богдановекого стука и горла и ветречно от зала, квк и раиьше на Советах бывало: ораторов на трибуне оказалось еразу двое, и по ступенькам подпирали даое, а по всему залу ещё вставали и говорили окружающим. Совет расколыхвлея, окончательно поняв, что его обманывают и хотят разогнать. Кричали, и грозили

кулаками Богданову - по и он смело крпчал:

А я вас не боюсь!

Но сам то уже понял, что не еправилея, что прения проиграны и надо не голоеовать, в откладывать на следующий раз.

— Десять пятнадцать минут покричали, разрядилиеь, угомонилиеь — выбрал Богданов

на глаз и двл елово белокурому парию с Трубочного.

— Я высказываю против посылки нас на места. Это значит — распылить еилы, а нам надо быть в единении. Такая поеылка будет громаднейшим ущербом. Чтобы не был громвдный соетвв — так Малый надо выбирать из нас же, зачем же ео сторояы ещё набирать? А еели уж ео стороны — так пусть Малый Совет будет ео всей Роееии, ото всех разных городов и губерний. А то ведь нас и так ечитают Всероееийеким — так вот. Не нам туда ехвть — в пущай еюда едет провинция. Мы, Петроград, евоё дело и сделали — теперь пущай делает провинция!

Пришлось Богданову опять вмешиваться, разгребать свою воеьмисотную неразбериху:
— Нет, товарищи, это неправильно! Хотя мы и петроградекие, но волею еудеб мы и так
уже всероссийские. Мы только формально именуемся Петроградеким Советом — а сила

у нас на всю Россию. И возможно, нае и так признают всероесийским. А гуща ему — нового оратора вытолкнула, тоже кудрявого, молодого:

— Мы выбраны еюда решать вопрос — в получается, что знакомимся с готовым докладом. Надо раньше оповещать! Совет рабочих депутатов спаялся — и уничтожить его не двдим! Когдв девятый вал прошёл — так мы уже и не нужны — и «выбирайте новых»? Мы распустить еебя — никак не можем! Мы выбраны еовеем не елучайно, а вполне разумно. Да к чему нам новые выборы, зачем нам новые? Придут новые — мы должны их знакомить е делами снова. Среди нве тоже-ть нет буржуев! Да, разбирать при трёх тысячах трудно, — в ежели разойтиеь по комисеиям да по подкомисеиям — так и нет никого. Да воя, пулечётчики из Народного Дома уходят — щекатуры обевежат, дв и занимайся! Хотя б и были у нае недостатки, яо в такое ответное время распускать нас недопустимо! Выбирать новых членов Совета — это только внееёт путаницу. И зачем яам Москва и другие города? Если мы их пуетим еюда — так они начнут нами упраь нять Это мы — еброеили иго, мы и должны Росеией управлять! А они — пусть присы нают людей для связи. А подчияить еебя мы никому не позволым! Ежели нужно выбирать Малый еовет — то

и выбрать из сидящих здесь, п всё! Ну, поднялоеь! — вой. Вставали, кричали, руками мвхали, выходили, ещё такого Совет не помнил. Сейчае оборвать прения — нельзя, веё проиграно. Сразу не прошло — тенерь другой вариант: дать им много часов говорить, сами разбредутся и запутаются. В растянутых прениях толна всегда запутывается и ослабляет сама себя, мысли расползаются, разделяются — и тут-то снова её можно взять сильной рукой.

Куда вы уходите, товарищи? — перекрикивал Богданов, приложив раструб к губам. — Вопрос очень важный, продолжаем свободные прения, никто вам инчего не навизы-

вает!

Уселись и онять продолжали.

Теперь — от Розенкранца:

— Да, товарищи, наш Совет выбрая стихийно — но и надо издать директивы, чтобы не было заявлений, что мы неправильно избраны и наши решения неправильные. А раз демократическая республика — так сделать пропорционально тысячам. На нас смотрит вся Россия, и авторитетность наша увеличится, если будут представители от других городов. Тут ругали буржуазию — а что? Привлечь и её в Совет рабочих денутатов. — (Загудели, закричали недовольно.) — Её будет немного, но мы ещё больше поднимемся в глазах. Нужно привлечь в Совет и умственные силы. А если возникнет конфликт Большого Совета с Малым — так кого население будет слушаться? Они будут считаться правильно избранные? Они будут — всё, а мы — ничто? Нет, так не нойдёт.

А следующий повёл ещё загибистей:

— Я предложил бы лучше — удалить Исполнительный Комитет, а вместо него и создать Малый Совет с подкомиссиями. Мы в первый день революции избрали Исполнительный Комитет на три-четыре дня, а он остался постоянным, это нежелательно. Всё захвачено в руки кучки посторонних людей!

— Этого никто вам не разрешит! — бомбил Богданов по кафедре. — Иснолнительный Комитет — не посторонние, а состоит из рабочих и солдат! И из политических партий!

— Здесь говорят массу пустых слов! Вопрос тонет в словах! — взывал следующий, подмеченный зорким Богдановым, взятый на поддержку. — При чём тут Исполнительный Комитет? Обсуждается Совет! На нас устремлены взоры всей России! Мы сейчас должны реорганизоваться. По мы никак не можем сговориться.

Геперь кого своих знал в лицо, так их бы вызывать — по рук не тянули.

— Исполнительный Комитет и так делает всё возможное в интересах революции! Мы только можем ещё распирить Комитет борцами за благо. Конечно, они перегружены работой, и надо их нонолнить! Надо согласиться с предложением докладчика. Нас никто не упраздинет. Но Малый Совет будет нродукт обдуманного решения. Эти люди не будут лишними, раз они выбраны!

— Так ежели нас уже много — зачем же ещё выбирать?! — волновались с разных

Свои, проверенные, не тянулись, а какого-то глупого кудлатого Богданов выделил — и дал ему слово. И — не оннибся намётанный глаз. Кудлатый завёл, как и не слышал предыдущего, вот это и надо:

— Я хочу сказать: в настоящее время автомобильное дело на краю гибели, а мы тут чёрт-те-что обсуживаем. Автомобили принесли большую пользу революции. Но каждая комиссия старается захватить над ними власть. А нас в комиссию не приняли. И людям дают право распоряжаться. А я говорю от пяти тысяч шоферов. Мальчишки разбивают автомобили. Тогда их — в мастерскую, а после починки уже худшего качества. И разве можно ограничивать движение автомобилей записками? Вот офицеры и развозили женщин, вместо прокламаций к Учредительному Собранию. Мы — погубим зту промышленность! Надо уничтожить пронуска...

Такой шум поднялся — не дали ему больше говорить. Но сделал своё: одно острое

выбил другим острым. Недалеко от входной двери, сбоку, сидел и волновался Гвоздев: он видел, что страсти разожглись, прения затягиввются — и всё меньше оставалось надежды сегодня же обсудить с успехом состояние заводов и убедить эту разгневанную массу ещё и в чём-то другом против её сочувствия, как можно было бы на холодную голову.

За недели революции, он заметил, это было не первый раз: или пустик, или раззадори-

на захватывали всё внимание и силы людей — а главное рушилось.

Происходило безумие: не то что с петроградскими автомобилями — но обрушивалась вся оборонная промышленность в разгар войны — и свой брат-рабочий не хотел внять и отозваться, — чего же ждать от исполкомовцев? И если уж сам Совет тоже не направит...

Тут ои услышал — за дверью прошли по коридору к Полуциркульному с радостными громкими голосами, будто что-то нашли редкое. В зале Гвоздеву делать было пока нечего — и он подался посмотреть, кто это там, что.

В двери Полуциркульного входили, толпясь, и от задних Козьма узнал: вот, приехали

из Иркутска Церетели и Гоц, сейчас будут говорить!

Лидер социалистов во 2-й Думе, Церетели пробыл в Сибири 10 лет — и Козьма, простым ещё рабочим, никогда его близко не встречал. Хотя вот переписывался с ним иедавно. Теперь ои увидел на помосте рядом с Чхеидзе, Чхенкели и другими исполкомовцами очень высокого, стройного молодого грузина, в пальто, сильно чёрного волосами,

усами. Приветственные речи приехавшему были уже произнесены на вокзале или на ступеньках Таврического — теперь отвечал он сам.

Он стоял как тополь. Говорил с улыбкой. В улыбке его было — ненаигранное, но смягчённое страдание пережитых лет. Гоаорил с паузами между фразами, с большим

значением выбирая слова:

— Кончились мрачные годы реакции. Пробил час для полного торжества демократии!
Ваш подвиг был и в том, что вы остановились вовремя: вы понязи, что идёт революция

буржуазная и ещё не настал момент для конечных задач пролетариата. Которые и нигдо ещё не осуществлены. Вы не стали навизывать событиям свою волю – по лишь толкаете буржуазию на путь революции. И хотя 4-я Дума была построена на костях 2-й — мы

готовы забыть Временному правительству прошлое и поддерживать его.

Грозно повёл высокой головой:

— Но если правительство станет на путь компромиссов — мы низвергнем его в прах! Вадохнул. ${\sf H}$ — задушевно:

— А самое главное, самое главное: кончилось наше собственное разделение. Мы больше не будем раскалываться на меньшевиков и большевиков, мы будем — единая социал-демократия!..

655

А говорят о возможной поездке через Германию — все и много. И несколько эмигрантских комитетов и все нартнйные направления просили Гримма вступить в переговоры с немецким послом Ромбергом. (Как Мартов предложил — за каждого эмигранта освободим пленного немца.) Отлично, отлично, план Мартова работает!

Гримм — взялся! (Ещё лучше.) По он не только вождь Циммервальда — он и член швейцарского парламента, и такой шаг ему неблагоразумно делать без сочувствия правительства, например, министра иностранных дел Хоффманз. (И есзи Гримм взялся — значит, консультация была, заметим. А почему бы Швейцарии быть против? Швейцарии и самой бы неплохо эту шумную банду отправить. Швейцария сама стеснена войною со всех сторон.) Гримм ходит и ходит к Ромбергу, он ведёт переговоры абсолютно-секретные, чтоб не проникло в печать, чтоб не опорочить швейцарский нейтралитет, — но главным представителнм каждой партии (Натансону, Мартову, Зиновьеву) он-то сообщает. Мы — знаем.

Улита едет — когда-то будет. Пусть, пусть.

А Ромберг всем отвечал: «да». И Гримм посчитал, что он легко всё исполнил: да — и да. Теперь остаётся вам, товарищи, обращаться ав разрешением к своему Временному правительству.

Ах, спасибо! Ах, забыли перед вами шапочку спять! И потом век кланяться в пожки

Луи Блану-Керенскому?

Все эти острые дни ужасно не хватало Радека-плута, телефоном вызвали его из давосской санатории, отдыхал, даже на русскую революцию сразу не ехал. Но уже по нути всё поннл и придумал ещё один шаг отвлекающего зондирования: в Берне, через немецкого корреспондента.

Что ж, и тут был ответ от Ромберга, как и всем: да, да, конечно, всех желающих

пропустим.

Но — не распахивалась германская граница, да и все желающие только узнать хотели, да посравнить, да спроситься Временного (слали телеграммы Керенскому), а так больше мнлись.

Все согласны — и не начиналось ничто. Неуклюжи старинные динломатические пути. Не начиналось, пока тёмные крупные рыбы у самого дна не пройдут свой курс.

Пока Скларц не доложит в Берлине встречных предложений Ленина.

И германская Ставка не скажет окончательно: да.

И министерство иностранных дел не всполошится: уже так много публичных разговоров об этом возврате, уже князь Львов откровенно сказал швейцарскому посланнику, что быстрый отъезд эмигрантов из Швейцарии нежелателен. Так надо ж поспешить! — из-за кого же тянулось? — этот шанс для Германии не повторится!

И 18 марта, в субботу, Ромберг в Берне получил наконец распоряжение как можно быстрей сообщить Ленину, что его предложения об экстерриториальности приняты, не

будет личного контроля и ограничительных условий.

В субботу — и «как можно быстрей»! Значит — не перемедливать лениво воскресенья. И нарушая все законы осторожности, используя запасную крайнюю связь, германский посол стал вызванивать по телефонам, в Народном доме нашёл наконец социалиста-немца Пауля Леви: надо немедленно передать Ленину, что...

И ещё одним звонком был вызван Ульянов к соседнему телефону на Шпигельгассе —

и шёл, аолнуясь, что это Инесса.

А это был — ответ!!!

И вот когда — путь был открыт! Вот когда можно было назначать группе в 40 человек отъезд хоть через два дни, ровно сколько нужно товарищам уложить вещи, сдать книги, уладить денежные дела, съехаться из Женевы, Кларана, Берна, Люцерна, купить продуктов на дорогу, можно было ехать уже во вторник, а в ту субботу — на одну субботу позже, чем со Скларцем, - вмешаться в русскую революцию!

Но ещё во мраке тёмной затхлой лестницы, а потом в дневном мраке комнаты-камеры (с утра онять то крупный густой спег валил, то снег с дождём вперемежку), руки подхватывая к вырезам жилета, чтоб опи не вырывались к действию прежде времени, и успокаиваемый пальтовой тяжестью старого засаленного пиджака, — Лепин заставил себя ни к кому не кидаться объявлять, но - подумать. Подумать. Подумать, бегая.

Потерять голову в поражении и в унынии не может твердый человек. Но потерять

голову в успехе - легко, и это самая большая опасность для политика.

Все открывалось в воспользоваться и сейчас было нельзя: как потом объяснины: через кого и как согласовано, что вдруг внезапно подали вагон одним ведущим большевикам и уехали?

Ещё надо сделать несколько отвлекающих, осленляющих шагов.

Пикакого простора бегать ногам, и на улицу не выскочить в такую погоду (и давно забыты читальни), - и вся беготвя ушла в огненные вихревые спирали, провинчивающие

Поездка открыта, да, но куда? Для задержки на финской гранцие? Или в тюрьму к Временному правительству? Можно представить, как там сейчае свистит шовиннам! По существующим мещанским представлениям это ведь так называемая «измена розшие». И даже тут, в Швейцарии, – меньшевики, эсеры, вся бесхребетная эмигрантская сволочь, закричат об измене.

Нет!

Нет.

Нет...

(Кстати, нока Ганецкому: обращался к англичанам за пропуском, ие дают!.. Пусть

Удерживали бы обстоятельства, - но держать себя самого, уже свободного, рваться и держать, до чего ж трудно!

Тут надо... тут надо...

Все, что проплыло у дна тижёлыми тёмными рыбами, тенерь провести по поверхностя белецькой парусной лодочкой.

Переговоры окончены? - теперь-то переговоры начать! Как будто сегодня начать их в первый раз!

И нет фигуры приличнее, чем доверчивый безлукавый Платтен.

Готовить группу само собой. Да список уже и есть.

(Инесса! Неужели и теперь не поедень? Чудовинно! С нами — не поедень? В Рос сню! - на праздинк, на долгожданный? Останешься в этой гинли?..)

Сорок человек — уже не обвинишь в измене. По сорока человекам пятно распаылось - и нет. Конечно, можно бы прихватить и максималистов и разных отдельных отчаянных, тогда б ещё безгрешней. Но... Лучше с собой чужих не брвть, лишние свидетели в нути, линине свидетели каждого имта, а мало ли будет что. Да и в чём тогдв успеванье, если своими усильями, в своём вагоне провозить врагов, а в Питере с нями бороться? Нет! Всё до последнего мочента - втайне, и депь и час отъезда втайне.

Только переговоры - открытые.

Пе имея согласвя уже в кармане - такие переговоры нельзя начинать: а вдруг не удадутся, что ла полор! Но с согласием в кармане - вот тут-то их и вести.

И: как пужна высокая организация во всяком пролетарском деле, в каждом шаге пролетарского дела, - так и в этой поеадке. Жестокий обруч. Чтобы какое-нибудь дерьмо в сторону не вывернулось. Чтобы все заодно - и пикто не уклопился, не сказал бы никто: а я не участвовал! а я не подозревал, в чем дело!

Поэтому — за подписью каждого. Как присяга, как клятва. Как разбойники целуют нож. Чтоб никто не отбился потом, не кинулся «разоблачать». Ответственность — самая серьезная, и должны разделить все сорок.

(Пеужели Инесса не поедет?..)

И уже — силел, составлял такое обязательство. Уже набрасывал, на стуле у окна на коленях, в сумерках снежной вьюги, своим почерком косоугончивым, как в настиг за мыслями наискосок листа, в эти дин круппей обычного, так волновался, — набрасывал пункты, какие могли бы тут войти: я подтверждаю... что условия, предложенные германским посольством товарищу Платтену, мне были объявлены... и я подчинился им со всей политической ответственностью перед возможными последствиями...

II вдруг из коридора — приятно-резкий, насмешливый голос Радека. Приехал?! Ну, лучшего гостя и помощника не придумать сейчас! Карл, Карл, здравствуйте, раздевайтесь, ох, за воротник вам насыпалось. Да вы новость нашу — представля-

ете?!?

Короткий вопль, сверкающие зубы, не убираемые за верхней губой, кучернвый, с ореолом бакенбардов - смеющийся озорник Радек!

Ну-ка-сь, ну-ка-сь, давайте вместе составлять. Такие же твёрдые условия надо подготовить и для Ромберга.

— Вы — им — условия?

— Да. А что?

Восхитительно!

Такая звтея - как раз по Радеку. Он - и советует, он - и шутит, у него и находки и мысли предусмотрительные.

Только вот курить в этой комнате запрещено, сухую трубку сосёт. И... Э-э...

— Владимир Ильич! А как же будет со мной? Неужели вы меня способны не взять?

Да ночему же не взять?

 Да ведь если мы пишем — «русские эмигранты», а я — австрийский подданный? Ах ты, чёрт, австрийский подданный! Ах, чёрт! Привыкли как к своему, только для виду считается — польская партия. Но квк же можно Радека не взять? Радека — и не взять!

У Радекв выход готов: если будет Платтен с Ромбергом заключать письменный договор (а не будет письменный, так устно еще легче нопутать) — пропустить слово «русские», написать — «политэмигранты», в — о каких же ещё речь? Не додумаются немцы, под-

Вообше, в такой архиответственный момент, в таком наисерьёзнейшем деле недопустима игра, и германская Ставка- не из тех партнёров, с которым шутят. Но для Радека незаменимого, ни с кем не сравнимого, фонтана изобретений, острого, едкого, нахального Радека — пожалуй и попробовать?

Но — согласится ли Платтен вести эти переговоры? И сам — ехать с нами?

- А больше - некому. Значит, согласится.

А если — Мюнценберг? Потвёрже.

Вилли? Да ведь он считается немецкий дезертир. Как же ему — с послом? И как

— Всё-таки... — ностукивал Радекс черенком между зубами, — всё-таки, Платтен —

партийный секретарь, а какая-то поездка с амигрантами? А тут начнёт мучиться, не будет ли вреда его Швейцарии?..

А что — Швейцарии? Ей только лучше.

Нет, Ленин тут не сомневался. Перед Гриммом Платтен заминался, да, отступал, но в главном — нойдет, раз увидит аргументы. Он — человек рабочий, пролетарская кость, О переговорах же с Парвусом он не знаст и цикогла не узнаст.

А Радеку о Парвусе хоть рассказывай, не рассказывай, - всё нонимает сам. Радек даже неприлично преклонён перед Парвусом: в бериских кабачках, по интернациональному долгу как бы ни обязан был его ноносить — за отчаянный шаг к шовинистам, за богатство, за тёмные сделки, за нечестность, за дамские истории, - а сам со ртом разицу тым, с набившейся пеней в углу губ, видно: ах, и молодец! ак, мне бы так!..

 Про Скларца я ему сказал: восьмигрошовый парень немецкого правительства, я его выгнал! Про Гримма сважу: что-то подозрительное, тормозит отъезд, какие-то гешефты в свою пользу. А мы — больше ждать не можем, революция зовёт! По-пролетарски, открыто, без всяких тайностей — возьмём и обратимся в германское посольство! Возьмётся! уверен был Ленин.

Да как явучить его с Ромбергом говорить? Ведь это ж совсем повый текст. Мол. в Россин дела принимают опасный для мира оборот. Надо вырвать Россию у англо-французскях поджигателей войны. Мы конечно приложим ответные усилия к освобождению немецких воеинопленных (лови нас потом!..). Но мы должны быть застрахованы от компрометации и гарантированы, что не будет придирок в пути... Готовы ехать в запертых и даже в запиторонных купе. Но должны быть уверены, что вагон пе остановит...

Ленин захаатил пространство комнаты и носился по косой — три шага, три шага, три — одну руку за спину, а другой размахивая, — а Радек записывал, пустой трубкой

придерживая лист.

С Радеком внакладку находки: для такого шага ещё пеплохо бы нам собрать оправдательных подписей от западных социалистов... Социалистов — да, но и ещё бы какихнибудь безупречных людей...

Да где же таких найти?..

Ну, например, Ромена Роллана?

Головасто придумано, хорошо!

Так пора и крючок закинуть. Через кого бы закипуть под Родлана?

С приходом Радека облегчились невместимые прожигающие вихри в голове: есть мыслям исход, можно высказать и услышать ответ. Вот... Если начинать демонстративные новые переговоры через Платтена, то ведь надо так же демонстративно порвать с Грим-

Да просто — звонко порвать!

Да чтоб всю вину на него же и свалить!

 Да чтоб п за старое ему наложить, мерзавцу! Пусть попомнит, как отложил швейпарский съезд!

А для этого падо: во-первых, опубликовать все доверительные сведения о его скрытых переговорах!

Эт-то очень всегда ударяет: впезапная публикацин довернтельного. Оч-чень ошеломляет.

То есть просто вот сейчас, немедленно, подготовить такую публикацию!

...И расставить нужные акценты!

— ...И завтра же опубликовать!

Ну, с Радеком н самая напряжённая работа превращается в весёлую игру! За что Ленни особенно Радека любил — за хорошую пристрастность!

Уже сидели н писали: Радек пнсал, теребя пустую трубку в зубах, в корндор выйти некогда, иногда смеясь н даже подпрыгивая от выражений,— а Леннн сидел сбоку н советовал.

Единственный такой был Радек человек, кому, сидя рядом, Лепни вполне мог передать перо и только посменватьси. Лучше радекова пера никогда не было во всей большевицкой партин. Луначарский, Богданов, Бухарии — все писали слабей.

— Тут важно, что ещё получится: что нменно Швейцарня все этн переговоры ведёт н нас выталкивает. А вовсе не мы!

Ах, умный, попнмающий, золото!

— Завтра же и опубликуем — у Нобса или...

— Завтра — воскресенье. А вот что! — запрыгали, запрыгали искры за радековскими очками: — Завтра воскресенье, так пошлём с е й ч а с же, немедленно — Гримму телеграмму! В субботу вечером, немедленно, сейчас! — Усмехался и подпрыгивал Радек, как будто его со стула кололо.

И Лении подпрыгивал от удовольстаия.

И говорили, говорили вперебой, поправлили, и Радек тут же записывал:

...Паша партин решила... безоговорочно принять... предложение о проезде через Германию... и тотчас же организовать эту поездку... Мы абсолютно не можем отвечать... за дальнейшее промедление... решительно протестуем... и едем одни!..

- Та-ак! - почесал Радек за ухом, - закатаем ему в листовой шоколад:

- ...Убедительно просим немедленно договориться...

Завтра, в швейцарское воскресенье, договориться!.. Да! ещё завтра первое апреля!

— Первое апреля!! — давно так не смеялся Ленин, всё напряжение последних недель выбнвалось из его груди сильными, жёсткими, освобождающими толчками. — Вот получит бонбоньерку, центристская сволочь!

...Договориться... н, если возможно, завтраже...

Когда вся Швейцарня дрыхнет!

...Сообщить нам решенне!.. С благодарностью...

Как на шахматной доске, уже сделав задуманный ход, ещё больше видишь успеха и возможностей, чем рассчитывал перед тем. Но эту усмешку — с 1-м апреля и с воскресным заданием товарищу Гримму — придумал Радек-весельчак!

 — А если за воскресење он не сделает — так в попедельник мы свободны действоввть сами!

- Ну, во вторник...

Да что! да ещё лучше придумал Радек:

— Владимир Ильич! А — Мартову? А Мартову мы тем более обязаны написать, он же инициатор плана!? — душился Радек от смеха.

А что же Мартову? — так быстро и Леции не сообразил.

— Да что мы немедленно принимаем предложение Гримма о проезде через Германию! Вот обкакать: что это его предложение!!! На весь мир — е г о! Швейцарские социалисты нас выталкивают! Член швейцарского парламента!

Ну, это совсем было гениально! Ну, Радек! Ну, завоет Гримм! Ну, кинется оправдываться. Да отмываться всегда трудней, чем плюнуть. Надо уметь быстро н в нужный момент плюнуть первым.

Вспомнит, подлец, ненапечатанцую мою брошюру!..

- Но уже поздно. Придётся идти сдавать на Фраумюнстер.

- Да я сбегаю, Владимир Ильич.

Да уж пойдёмте вместе, разохотились.

Но уж тогда оглидеться, подумать — что ещё? А, вот, Ганецкому в Стокгольм:

Срочно переведите три тысячи крон на дорожные расходы.

(Тогда уж и Инессе: «...О деньгах не беспокойтесь... Их больше, чем мы думали... Здорово помогают товарищи из Стокгольма... Надеюсь, мы едем вместе с Вами?..»)

Й вот что: там залог в кантональном банке за проживание в Швейцарии, 100 франков, нечего баловать лакейскую республику, надо забрать.

Одевались, Ильич — в своё железно-неподъёмное, на ватине, а Радек — в летнее пальтишко, так всю зиму и пробегал, все карманы затолканы книгами.

Трубку пабнвал, спички готовил.

Ленин вслух:

— Ничего. У Платтена с Ромбергом — какие переговоры? Ромберг вынет из стола — и даст. Но этн несколько дней надо, надо было кинуть шоаинистическим харям. Радек крутился как юноша, лёгкий, удачливый:

— Руки чешутся, язык чешется! — скорей на русский простор, на агитационную работу!

И пропуская Ильича вперёд, уже спичка наготове, в коридоре зажечь:

 $-\,$ В общем так, Владимир Ильич: через шесть месяцев или будем министрами $-\,$ или будем висеть.

ПОКУМЕНТЫ — 32

18 марта, Берлин

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ЧИНОВНИКА М. И. Д. ИЗ ГЕНШТАБА

...Прежде всего, мы должны избежать компрометации едущих слишком большой предупредительностью с нашей стороны. Очень было бы желательно получить какое-либо заявление швейцарского правительства. Если без такого заявления мы внезапно пошлем эти беспокойные элементы в Швецию, это может быть использовано против нас.

18 марта, Берлин

ПОМОЩНИК СТАТС-СЕКРЕТАРЯ — ПОСЛУ В БЕРНЕ РОМБЕРГУ

Шифровано

Спешно! Проезд русских революцнонеров через Германню желателсн каи можно быстрей, т. к. Антанта уже начала протнводействие в Швейцарни. По возможноети ускорьте переговоры.

20 марта, Копенгаген

ГЕРМАНСКИЙ ПОСОЛ В ДАНИИ ГРАФ БРОКДОРФ-РАНТЦАУ — В М. И. Д.

Совершенно еекретно

...Мы должны теперь непременно стараться еездавать в России наибольший хаес. Для этого избегать всякого внешне-заметного вмешательства в ход русской революции. Но втайне делать исе, чтобы углубить противоречия между умеренными и крайними партиями, так как мы весьма заинтерееованы в победе последиих, ибо тогда переворот будет неизбежен и примет формы, которые сотрясут устои русского государства. ... Поддержка нами крайних элементов — предпочтительнее, ибо таким образом проводится белее основательнан работа и достигается быстрее результат. По веем прогнозам можно рассчитывать, что месяца за три раснад продвинется достаточно, чтобы нашим военным вмешатсльством гарантировать крушение русской мощи.

656

И по-прежнему жил Волынский запасной батальон в тех же казармах, и учебная команда — на тех же нарах, близко которых подпяла бунт, — по это была уже не та жизнь и не тот батальон. Две недели вовсе никаких занятий не было — ни строевых, ни учебных, ни даже в учебной команде. Только с этого попедельника в иных ротах унтеры сами стали выгонять молодых запасников пошагать по улице, да и то час неполный, а больше с них не возьмёшь. А ведь молодые — они ж ничего не смыслят, не умеют, — когда ж учиться будут?

Но в Тимофея Кирпичникова за годы военной службы, а других лет у него как и не было,— вросла строгость. И от этой новой сплошной разольготы у него был развал сердца. Что ж это: солдаты уже и от унтеров стали свободны, делаем чего хотим? В казарме грязь— и никого не заставишь убрать как следует? Сидят на нарах босиком, ноги потатарски, и в карты режутся. А пойдут по городу шаландаться— так на отлучку и разрешения не берут, да без пояса, да шинель внакидку, да ещё хлястик с одного конца отстётнут и свис,— пришла пиву неперелива! Смотреть на это— глаза лопнут.

В учебной команде, конечно, построже, а уже и тут расслаба.

И начальства, офицеров в батальоне — тоже как не стало. Одних — совсем как вымело, иету, Воропцов-Вельямииов аж с того дия не являлся. Другие если и промелькиут — твк стороной я словно не видят всего атого безобразия, не вмешаются. Уж не по команде обра тился Кирпичников к штабс канитану Цурикову: «Ваш высокоблагородие, что-то делать надо?» А ои папироской об портсигар постучал, закурил — «Ладно, Кирпичииков, постепенио наладится как-инбудь.» Мол, иди в батальонный комитет.

Так Кирпичинков там и сам состоит. А головой у них какой-то образованный, педавно призваниый, уже в годах; солдат — ещё никакой, ио де в ссылке побывал, в Сибири, и теңерь всё солдатам указывает. Да два горлана, из расхлябаниых. Теперь Комитет тотовит батальонный оркестр -- в театре выступать, деньги собирать на нохороны жертв.

А молодые прапорідики составили свой офицерский комитет, ио в угодье с солдатским. Так если запасной народ вот этак и дальше - а как же паша на фроите? Вы там

пропадвите, а мы тут попроклажаемся?

Ну правда, раз ходили на парад на Дворцовую площадь. Принимал сам Комаидующий. Ничего прошлись. А то стали нахаживать гости сюда, в вольнские казармы. Одиова пришёл итальянский геиерал с офицерами — и уж как руками с табуретки рахмахивал, вот улетит. Пока чего переведут на наш — уж как волынцев нахваливал, революцию содела ли, - покачали во дворе того генерала. И два англичанина долговнаме как-то приходили, офицер и солдат, оба в громких кованых ботинках, распаренные как из бани. Этот порусски мал-мала говорил, двигал челюстью из помощь, уж наши смеялись изд инми и нособляли. И тоже покачали их. И все они так говорили, что теперь обновленная ар мня напесёт вместе с союзниками последний сокрушительный удар.

Как же она панесёт, ежели всю армию развинчивают? Если вот уже скоро месяц на охтенском полигоне и стрелять нерестали? Если изо всех нетербургских запасных, туча немалая, за это время не послали на фронт ни одной маршевой роты? — и обещают впредь пе слать! Война там как ни должись — а мы к ней боком? - а паёк прежний. Так так нас

Вильгельм и завоюет,

С каждым днём в казармах томче прежнего — без дела, без учения, — так чего мы тут? Изневолю побредёнь и сам по городу. А там — и раненые и калечные бродят, да как с ни ми разговоринься - так ещё растравней: за что ж мы-то руки ноги отдавали, - дураки, значит? Надо было раньше охомениться? Или уж теперь эти пусть тоже идут!

До чего дошло: на госинталя все санитары квк один уаалят в цирк на митинг, а лежачие больные без помощи.

Па тех митингах чего только не галагонит.

А не решись они тогда с Марковым — и не было бы пичето нигде?

(Этим калечным, раненым он про свою заслугу помалкивал, совестно.)

Никто той почи уже не вспоминал, и о самом Кирпичникове, — а дружно все галдели. Да уже послыхивали и такое по городу: мол «долой войну!» — воевать не будем больше. Как ж'эт так? — ополоумеешь. Так чтоб войиу скорей кончать — на иее и надо идти!

А под Варшавой номиншь, Миша, каки сибирские полки сложили? Да ведь и моя и твоя кровь там осталась. А теперь - всё отдай, и русские города отдай?

И батальонный комитет не туда тянет.

И решили с Мишей Марковым: пусть наш ефрейтор Орлов, кого мы в Совет депутатов

избрали, - пусть он там добьется, чтобы вразумили гарнизон.

И говорили Орлову, а зри: выбрали мы его как здешнего питерского заводского — а он теперь к тем и поворачивает. Заводы-то работать не хотят! — что это, 8-часовой день? а сверхурочно не желают. Снарядов не шлют, ии патроиов, никакой амуииции, — что твм с нвшими будет? это в какую кровь обойдётся?.

Орлов только своё: Совет — всё знает и укажет. Подчиниться только Совету и одному Совету!

Как это одному Совету? А — правительству?...

Кому? кому пожаловаться? — тяпуло Тимофея. Некому. Одии раз повезло: увидел их прежнего студеита, который разъясиял им, в посёлке Мвхаила Архаигела: увидел, тог проезжал в открытом зелёном автомобиле с красиыми спицами. Вот бы кинуться к нему, спросить: как? что? почему же? — так уже пролетел, не догонишь. На ту квартиру сходить, на Невскую сторону? - так то и не его квартира, там его и не найдёшь.

Раньше мог солдат из казармы в город отлучаться только с нарядом. А теперь — ходи когда хочешь. Солдаты ходят и гулять и белый хлеб покупать: хвост баб оттеснят и себе берут. (Хвосты-то за хлебом стоят ещё длиньше, чем раньше, и с вечера становятся.)

Не стало в казармах вечерней поверки, так по вечерам все себе полные хозяева: кто опять на нары да в карты, кто друг дружке домашние побылки рассказывать, кто спать. Так ведь столько ночей и по столько часов никакой и медведь не выспит. И тянутся ребята опять в город, свми не аная авчем.

Сегодня пошли и Кирпичников с Марковым.

Город Питер из внезапиого дружного восстания опять обращался в свой прежний самостный чужой обычай. В этом городе люди ведь копились не для какой прямой работы, а для весёлой жизни. С утра небось подолгу спят — а потом долго а ночь живут при светах.

И когда но улице мельтвшат — не понять: за каким делом? или гуляют просто? (В деревие сразу видно: кто с топором пошёл, кто с косой, или навоз вывозит. Н в армии: при каком

оружин рота понгла или с белыми свёртками в баню.)

Прав ју говорит: город затейный, что ни шаг, то питейный. Как выбредёшь на Невский у Знаменской площади (откуда асё и началось) - у-у-у-ой! примизна да светлизна, матушки мои! Да сколь огней, да сколь публики, да разодетые как. А на дамочках шляпки какие полястые, а под ними сетки зачем-то, как на рысистых лошалях, а пройдёт мимо опахнёт тебя каким-то запахом-зельем, какого сроду никогда не нюхано.

Так и в Варшаве всегда дразнило: барскан жизнь недоступнаи. Как они — нам никогда

не жить.

Но сейчас Цитер малость пооблез. Дворинки иебрегут — кучи снега невывезенные, лёд из-под ног не сколот, - и семнчек, семячек везде налускано. И не носятся с шорохом ломким выездные санки под ковриками или баре с теми дамами в легковых автомобилях. П не стало городовых, а стоит милицин из соиляков. (Говорят: нолицейским илатили 40 рублей в месяц, а эти 8 рублей за одно дежурство берут, этак бы и мы в охотку.) Барскан публика на Певском осталась — а все ж не ихини уже улица, и нашего брата ие мало.

II трамваев — с резкими звонами, а илнутри все огиенные и ещё с парами глазков под крышей, там бело краспый, сине-зелёный, желто-синий, какой зпачит номер, - трамааев тоже по всчерам куда меньше стало: служащие работать не хотят, 8 часов и в сторону. Оттого трамваи набиты иевиротолчь, и ещё люди гроздами внавесь на держалках, на

ступеньках - тут и солдат не вскочит.

А сол ізт любит поездить: ему без платы, и гони хоть через весь город.

Да главная-то жизнь — она ие на улицах, она вон там за толстыми стёклами (где побито уже вставлено), в свету и в тепле. И вот уж там хахакают, аубы не покрывают. II чем позже аечер, когда солдату уже спать, — тем больше их туда, за стёкла, набивается. И спідят за белыми столами, и шьют и лакомятся часами, и всякую всячину едят, чуть де не лягушек, тьфу!

Вот, говорят, равенство: нижнему чину теперь никуда войти не запрещено. А попробуй войди ту (а к им, в ихиюю обжираловку - на все нужны денежки. А денег - у смирных

вольшских унтеров нет.

Другие хоть спирта где-то разок набрались, нашились, а мы с тобой. Миша, всё

Толкаются вольницы по тротуару — никто на их знаменитые бескозырки уже и не носмотрит, не вспомянет.

И куда как поздво, а магазины с озврными окнами — торгуют. И чего там на подоконпиках за стёклами не выставлено под свет, стой и рассматривай бесплатно. Цветы, цветы через каждый квартал, да каких в России и не растёт сроду, -- откуда берут? да середь 3HMBI?

И - фрукты, фрукты тоже. Какие ещё аидывал, знаешь: вот это - виноград, вот это абрикос, а других диковинных и название не ведано, однако ящики ими полные.

Или финтифлюшки для барских баб, поблестушки, постеклушки на синем бархате выложены, или чего исподнее развешано, глаз ие оторвать.

Или, поскольку грамота твоя твердая есть, иди и читай вывески: Жорж Борман... Бликен и Робинзон... Брокер... Сиу... Ралле...

Всё – не наши...

А то -- кинематографов вывески и театров вывески, с лампочками вкруговую, и на тумбах же то новторено, читай откуда хочешь: «Наша содержанка»... «Цветок эла»... «Казнь женщины»..

Или: «Спальин...» — а дальше буквы ие русские.

Или: театр Суворина — «Мотылек под колесом».

A нам — только оталкиваться плечами, только сапоги тяжелые переставлять по чужому лёгкому проснекту.

А в деревне, пишут, - ни керосииа, ни мыла, ни гаоздей, ни соли.

А калек войны — и иикому не жаль, кроме сродственников.

А н нас с тобой покалечат -- так и тоже.

А в оконах — там сидят, сидят во тьме и сырости.

II теперь — всё иемцу отдадим?

И как это мы, Тимофей, решились? Как это нас понесло в то утро? Сачим дивно,

- Давно бы в петле жизнь кончили.

1977 - 1986

Кавендиш, Вермонт

Елена Ушакова

* * *

О, как мие жаль, как жаль хотя бы этого Кулышева И вои ту женщину, что тащит по переулку почти волоком Свою сумку,— так жалеют неизвестного умершего, По которому, как по тебе, заопит колокол.

Так жалел Симор, помиите, саою глупую тещу, Оттого что свет поэзии не дал ей силы, Пе пропик в бедной головы темную рощу, Пролилась мимо гармония, не задела, не усыновила.

Пе говоря уже о бедолагах с глазами кроликов, Знаете ли вы о нечальной участи графомана? Жалеть, жалеть всех глупцов и скотов — сколько б их Пи было! Только они несчастны, сказал Луппи. Как странно!

Пеужели в этот синсок, тайный словник илачевный, Свободно входит вместе с Вавиловым товарищ Шлыков И А. А. Жданов идет вслед за Анной Андревной? Что есть беда, Госноди, а что — улика?

В этой путанице разобраться не просто. Ах, как вы правы, старые эстонки ¹, наверно! Вина ищет пристанища, сторопится погоста И льнет к тому, хлипкая, кому отпущено безмерно.

. . .

Почему цифры запоминаются легко по сравнению со словами? Слово — Психея, летает, дышит, меняется, оставляет след, То призраком проскользнет, то анхрем взмоет, цупами; Вот оно, вот оно! То вдруг его нет.

Цифра требует к своей плоской персопе особого впимания, Ее вытаскивает из чащи событий хоботок Цепкого, заинтересованного, спортивно воспитанного сознания, Только так от нее может быть прок.

И когда я силюсь вспомнить смысл сообщения или доклада, Вижу голубые глаза докладчика и «горячую лобную кость»; Знаю, мысль не положишь в кармап и не вынешь, ей надо Захотеть посетить тебя, сказано: мысль как гость.

Вижу, вижу, как ты стоишь у окна вагона— на юг дорога, Держась за перекладину, ие успевая переаодить взгляд, Белая рубашка, ее треплет ночной теплый ветер из Тагапрога, Что-то сказал, что?— не помню, ты весел, нет, рад.

Жизнь, ты — сон, когда не знаешь, что спишь, сповидение, Цветные картинки яркие, но слегка запотел объектив, Все перепуталось, связано, сцеплено, как в стихотворении, Не всегда даже знаю, кто умер, кто жив.

* * *

Что же так чужая смерть нас пугает Посторонняя? Ведь все умрем, последнего позора Не избежать и здороаенному покуда бугаю. Всех обнимет, запрячет, никто не останется без призора.

Я заоню в нарикмахерскую, чтобы Узнать, в какую смену работает Понова Галя: Во вторник — утром, а в среду аечером? Понробуй Тогда успеть! А есля наоборот, то тоже едва ли.

Набираю помер — бодрый голос вещает об урожае. Ура, дозвопилась! Мне гоаорят: «Нет ее».— Молчанье. «А когда...» — и ненужный вопрос опережая: «Умерла она, первого похоронили... Да, впезапно, случайно».

Этого не может быть, потому что так не бывает! Жизнь в борьбе со всеми страхами, с самой смертью, казалось, На нее, как на самую надежную сааю, На грубоватое ее лихое спокойствие оппралась.

Ничему не удивилась, все приняла, пичего не оттолкнула Галя Попова. Без нее не обойтись, и нет другого выхода, как создать, Экстренно сделать спова Такую же. Такую же? А сын, Костя? А парализованная мать?

А морозные узоры на стеклах и радиопередачи? Будут, будут завтра, как сегодия. К чужой смерти мы как-то не готоаы. Иначе Со своей — асегда с пами, почти родня, у, сводия!

* * *

Старый китайский коврик над маминым диваном, Сколько себя— столько его помию, Висел надо миой все детство, отрочество и юность, не стану Всего вспоминать, бог с тобою, мой дух бездомный!

Китаянка над ним трудилась, пекинская ткачиха, Черные бусинки плескались в раскосых глазах-полосках, О, нежные сумерки, щекой ворс трогаю, так тихо-тихо И спокойно, как до рождения,— спасибо таблетке крохотной, плоской.

[«]Старые эстоики» — стихотворение Анвенского.

Елена Ушакова — поэт. Публиковалась в журналах «Радуга», «Нева», «Синтаксис», «Знамя» и альманахе «Петрополь». Живет в Ленниграде.

Жгучая рана исчезла куда-то, укатила, Словно на поезде уехала — все дальше, мельче, о, подольше, Прошу, покачай, мягкотелая милосердная сила — Неподвижная, ласковая, piano, dolce...

Ошибка произошла, ошибка! Когда? Давно! Прежде, Чем я успела задвигаться в байковых тряпицах; До первого испуга, пока сладко сомкнуты вежды, До света, до первого звука если б можно было остановиться!

А потом уже поздно, поздно, потому что «нет спасения От любви и страха», от любви и страха. Тщетны адвокатские Твои приемы: растения Многоцветные и многострунные увещевания Баха.

к акцентной речи

Этот волглого ритма возвратный, упругий порыв, Эти волны слогов, тенлых стоп череда и приливы! Как бы ни был расслаблен ход мысли и сладко ленив Или горько подавлен, как будто невольно игривы Наши лучшие чуаства, размер их со дна достает Удивленной души, принуждая к роенью и строю,-Так, наверное, в школе военной берут в оборот, Ставят сонных и слабых насильно в затылок герою. Есть волшебная прелесть в авучанье! Но все же запрет и засов, Не впускающий штатскую речь, - как акцент иностранный, Потому что приструненный голос души, ее зов Слишком, что ль, угловат, а сама она слишком туманна. И сказаться без слов, как хотел того Фет, норовит, Обнаружить младенческие и интимные жесты, Не сгибается, гибкая, нет, презпрает кульбит Переносов, цезур, главным образом, строки ей тесны. Ее искренность терпит какой-то неясный урон, Или чувства застенчивые вдруг становятся резки? -Вот и сносит тихонько стопу, разрушает васлон И ручонку протискивает в стиховые отрезки, Хочет, глупая, слиться с призатным акцентным стихом. Как детей обучала французскому строгая Долли, Непосредственностью поступаясь, — ужель волшебством Пренебречь? — ради все-таки лживой рифмованной боли!

* * *

«А что до любовниц...» — чужими словами воспользовавшись, ты сказал, Запиувшись на миг, - я успела подумать, что кто-то И горько таплся, и втайне, наверное, горевал, — Как много вмещает возможностей крошечный интераал...— Скорее всего, ухмылялся молодцевато без тени заботы. Затем я подумала, что... есть такие названия, имена, Которые в поисках вечных находятся и не находят предмета. «Любовинца» — кто это? Предательница-жена Плохая, неверная? Но и другое возможно: одна Из многих, не слишком ценимых, а так — мимоходом пригрета. И та, и другая, и есть еще третья, но тоже плачевная роль. Все, все унизительиы... Жеищиной быть разве можно? Поэт восхищался: быть женщиной — это теройство и шаг! О, конечно, но соль Восторженного восклицания в чем-то другом, где-то рядом, как соль И соль-диез, взятый невольно, задетый неосторожно.

СТАРЫЙ КВАРТАЛ

Почему, почему, если знаешь, как их называть, На таблички нв глядя, лишь чувствуя с ночвой сцепленье Всей стопой, как Аитей, новых сил иабираясь опять, Пролревая сквозь стены весь хаос и хитросплетенья Четырехподворотных и трехподворотных двороа, Будто в итичьем полете все это держа на ладони Городком в табакерке — как странно изрезан сей кров! — Чуть жалея, что просто идешь — не бежишь от погони, — Так легко здесь забиться в межъящичный лаз или щель, Раствориться в парах, что от люкоа ползут неустанно, И не верить а реальность саою сквозь пурги карусель, Не своим языком что-то шарфу шепча покаянно...

* * :

Все, что скажешь мне, скажешь — как странно! — не мве, А кому-то другому — себе ли, жеие, Другу детства — побыть бы во времени оном! Как скаозной обращенности линок синдром, Но привычному уху давно випочем Эти странности, ставшие общим законом.

Вот и я говорю не тебе, нв ему, Я даано говорю вензвестно кому— Не себе, но, наверное, даже не Богу... Ненаправлена речь, и разомкнута связь, Что ж так вьется мучительно плотная вязь Безупречного и бесполезного слога?...

. . .

Куда меня везет «двенадцатый» трамваи? Опомнюсь, оглянусь — к Некрасовскому рынку... Знакомые места. Как в юность ни играй, Совсем другой мотив тягучая волынка Выводит... Мхом оброс и ракушкой мешок Шотландского шитья, наполненный дыханьем. Ну что там — липов цвет набрать на посошок? А может быть, сирень? С пугающим стараньем Волынщик мой гудит. Все ниже, ниже звук, Все тоньше, тоньше нить, но все острее зренье Привярачивой души, свой обошедшей круг, Но неспособной жить, как зверь, вне мест рожденья...

Елена Васильевна Елагина — поэт. Первая публикация — в журнале «Нева» (1990). Работает инженером. Жввет в Ленмвграде.

Два рассказа

последний мастер

Хочу шептать любому на ухо Слова давмишнего прибоя, А не хочу закрыться наглухо И пренебречь судьбой любою.

В. Шаламов

Я вытащил из нармана квитанцию и пробежался глазами по кнопкам. Как-то все-таки странио. Неужели в адресном столе ошиблись? А может, я перепутал номер дома. Надо спуститься винз и проверить.

Оказывается, не перепутал.

Вернувшись обратно, я еще раз неречитал все фамилии и, прежде чем позво-

нить, задумался.

У каждого человека, если у него нет отдельной жилплощади, среди наклеенных с фамилиями полосок должна радовать глаз хотя бы своя нерсональная кнонка. А здесь, мало того, что коммуналка. Еще и без опознавательного знака.

Придется звонить наугад — кто-нибудь да откроет.

С той стороны спросили:

- Кто там? - спрашивала женщина.

Я сказал:

- Простите... Здесь живет Варлам Тихонович Шаламов?

За дверью ничего не ответили. Я стоял и ждал...

Н решил пажать на другую кнопку, может, другая окажется поудачливее, но в это время звякнула цепочка, и за спиной у женщины я увидел старика. Он двигался из глубины коридора какой-то непонятной поступью.

— К вам пришли! — повернувшись на шаги, резко выкрикнула женщина, и я заметил, что каждая выходящая в коридор дверь при этом выкрике приоткрылась и каждан со своим косяком образовала щель, из которой кто-то выглядывал.

Нет, наверно, мне все это померещилось. И это совсем не Варлам Тихонович. Просто я не туда попал. Но Варлам Тихонович нриблизился и не оставил мне

(Недавно в журнале «Юность» я прочитал про Варлама Тихоновича такие строчки: «У него была легкая походка. Это казалось невероятным для человека едва ли не двухметрового роста, с могучим разворотом плеч, с той совершенно богатырской статью, которой природа все реже наделяет людей; но в этот раз она щедра была не понапрасну — путь, который выпал Варламу Тихоновичу Шаламову, был неимоверно тяжел, порою трагичен». И это мне тоже показалось невероятным.)

«Могучий разворот плеч» был как-то бесцеремонно отторгнут от туловища, точно поннкший на стволе сдвинутый каркас переломанных ветвей, и каждое

Михайлов Анатолии Григорьевич (род. в 1940 г.) — прозвик, печатался в журналах и газетвх; в 1990 г. выпустил сборник рассказов «Ложный сустав» (Л., «Художественная литература»). Живет в Лепинграде.

плечо ходило ходуном независимо от рук, как будто это не руки, а крылья, которые принадлежат нтице, а птицу только что подстрелили. И это было видно даже при свете коридорной лампочки.

— Варлам Тихонович...— выдавил я наконец, даже не выдавил, а скорее выдохнул — и замолчал. Я уже предчувствовал, что ничего хорошего меня в этой квартире не ожидает.

Мы прошли с инм по коридору, и, пока мы с ним шли, я обратил внимание,

что из каждой щели на нас продолжают смотреть.

Он вошел в комнату первым, а я со своим нелепым магнитофоном следом за ним. Резко остановившись, он как-то неожиданно повернулся. И тут я его разглядел уже окончательно.

На Варламе Тихоновиче висело неопределенного цвета рубище, как будто на кресте, что-то вроде полотняного костюма; такие костюмы выделяет производство на похороны одиночек. Но дело даже не в костюме, а в самом лице.

Нижняя губа по отношению к верхней была смещена, а выжидательный наклон головы, словно к чему-то внимательно прислушивающейся, придавал всему лицу выражение какой-то застывшей тревоги. Точно когда-то его свело судорогой, да так и не отпустило.

(На фотографии в книжке Варлам Тихонович совсем не такой. Конечно, все это есть, но где-то там, внутри. А наружу лишь только взгляд. Не то чтобы подавленный или страдальческий. А просто отрешенный. Но зато в самую душу.)

Вокруг, рассыпанные в поэтическом беспорядке, молчаливо белели листы, наверно, черновики; откуда-то из угла кругляшками клавиш проступала пишущая машинка, а возле нее, отбрасывая тень, горела настольная лампа.

Варлам Тихонович сделал по направлению ко мне шаг и произнес:

— Вы ка-а-а мне? — При этих словах он как-то весь напрягся, и голова у него мало того что затряслась, еще и потянулась вверх подбородком. И туловище снова задергалось. И даже когда он замолчал, оно продолжало раскачиваться.

Я плохо соображал, что делаю, но чувствовал, что каждое мое слово куда-то

— Варлам Тихонович... — снова начал я, — я на ваши стихи...

— Что?! — закрячал Варлам Тихонович и приставил дрожащую ладонь к своему уху. Лицо у него в этот момент было хоть и перекошенное, но доброе. Наверно, он меня принял за водопроводчика с коробкой для инструмента. И только тут я окончательно понял, что, в довершение ко всему, Варлам Тихонович еще и глухой.

Так ничего и не придумав, я прокричал чуть ли не в самое его ухо:

Я на ваши стихи написал песни...

По его выпученным глазам я вдруг сообразил, что он меня услышал, а может, разобрал по губам. Лицо у него не то чтобы перекосило, оно ведь и так уже было перекошено до предела, а как-то теперь перекрутило. Он опять весь затрясся и несколько раз со все еще дрожащей возле уха ладонью прокричал слово «что», и каждый раз все громче и громче:

— Что? что?! что?!! Песни??!!

И тут я почувствовал, что он уже еле сдерживается, чтобы меня не ударить. Я втянул голову в плечи и, лепеча: «Варлам Тихонович... Варлам Тихонович...» — стал от него пятиться.

А он рывком распахнул дверь и как-то истерически закричал:

Только через Союз писателей!!! Только через Союз писателей!!!

Миновав коридор, мы выскочили на лестничную клетку. Он — чуть ли меня не подталкивая и кандыбая, все продолжая выкрикивать: «Только через Союз писателей!!! Только через Союз писателей!!!», а я — чуть ли не прикрыв голову руками и все продолжая лепетать: «Варлам Тихонович...»

Бросившись из подъезда вон, я поплелся к троллейбусной остановке. Возле входа в продовольственный шевелили мозгами алкаши. По улице Горького, все прибывая и прибывая из подземных переходов, валила толпа...

А там, наверху, где-то в стороне, среди тараканов и клопов (наверно, когда мы выскакивали, снова в каждой щели затаили дыхание), остался тянуть лямку и умирать удивительный поэт и последний российский мастер короткого рассказа.

небесный гость

Ни страпы, ни погоста Не хочу выбирать. На Васильевский остров Я приду умирать...

И. Бродский

Когда я появился в Лепинграде, меня озадачило название одной улицы.

Неужели в честь Иосифа? Но оказалось, что в честь Исаака. Того самого, что когда-то Иосифа рисовал. По только совсем не того. А того, что мне нужен, я разыскал через городское справочное бюро. И оказалось, что он прописан на Литейном, примерно в десяти минутах от Комитета государственной безонасности; если пешком. А если на машине, то совсем ерунда. И это очень удобно: не надо трястись через весь город.

Зимой 72-го года я решил поменять место жительства. В Москве у меня была в новостройках комната. И всего одна соседка. А в Ленинграде соседей прибави-

лось. Зато на Непском проспекте.

Если сравнить наши квартиры, мою и его, то по количеству звонков преимущество будет, ножалуй, на стороне Иосифа. Я отыскал его фамилию и позвонил, и мне открыла уже немолодая женщина, наверно, его мама. Перед тем как откривать, она могла бы спросить «Кто там?» или, по крайней мере, ноглядеть через цепочку в щель. У нас в квартире так бы поступил каждый. Но она отворила сразу, не совсем, правда, решительно и, мне даже показалось, через силу, и тут же все собой загародила.

Я сказал:

— Здравствуйте. Мне нужен Иосиф... Только вы, пожалуйста, не волнуйтесь... Я на стихи Иосифа подобрал музыку... У меня магнитофон... и я хочу, чтобы Иосиф послушал...

Она на меня внимательно посмотрела и сказала:

- Иосифа сейчас нет дома. Он ушел. Но я вам могу дать телефон.

- А если я приду еще... нопозже...

Она снова забесноконлась и, увеличив расстояние между моим ботником и косяком, торонливо возразила:

 Нет, нет. Не надо. Вы лучне позволите. Иосиф скоро вернется, и я ему передам.

Я ее уснокоил:

— Конечно, конечно... давайте я запишу...— и, порывшись в кармане, вытащил авторучку. Я хотел ей еще что-нибудь такое сказать. Но она уже закрыла дверь, и я спустился по лестнице вниз.

Вечером я нозвонил, и мне Иосифа позвали. От волнения у меня заплетался язык.

Я спросил:

- Это Иосиф?

Он ответил:

- Ла. Это Иосиф.

Я сказал:

— Здравствуйте.

Он мин тоже сказал:

— Здравствуйте!

Я немного помолчал и испугался, что сейчас он повесит трубку. Но он не повесил. Надо было что-то говорить, и я наконец решился:

— Я вас разыскал через адресный стол... я на ваши стихотворения... у меня песни... и я хочу, чтобы вы их послушали. Может, вам что-нибудь поправится...

В трубке продолжали молчать, и теперь я уже испугался, что нас разъединили.

И вдруг оп предложил:

- Хорошо. Я к вам сегодня приду. Вы где живете?

Эго било так неожиданно, что я сразу даже и не понял, о чем оп спрашивает. И тут меня как будто прорвало:

— Между Суворовским в Дегтярной... знаете, баня...— я уже чуть ли не кричал,— Невский, сто тридцать четыре... квартира один... если смотреть на Лавру, то...

Он меня прервал:

 — Я знаю эти дома. Я к вам приду... сейчас сколько... семь... ну, давайте в восемь.

...Он уже повесил трубку, а я все еще стоял и слушал гудки. Сейчас ко мне в гости придет Иосиф Бродский.

Из компаты напротив вылезла старуха и заперла свою компату на ключ. Я думал, она уходит. Но она ведь без пальто. А она пошла на кухню. А может, в туалет. В это время входная дверь отворилась, и в квартиру вошел дядя Миша. Сразу было видно, что дядя Миша косой. У нас еще, помимо дяди Миши, есть просто Мишкв. Он тоже косой. Он сейчас сидит в майке на кухне и смотрит на свою жену. А его жена вместе с остальными стоит возле своей плиты и и рвничает.

И вдруг я вспомнил, что я не сказал Иосифу свою фамилию, и теперь, когда он придет, то на какую ему нажимать кнопку?

Надо его встретить. Но как же я его узнаю? Ведь я его ни разу не видел. Я нахлобучил ушанку и посмотрел на себя в зеркало. Ушанка вси какая-то облезлая. Может, опустить уши?

Пужно чем-инбудь его угостить.

Вывернув карманы, я несколько раз все пересчитал, но больше двух рублей так и не набралось. Хватит на самый паршивый портвейн. А чем же закусывать?

Я открыл холодильник и увидел кусок колбасы, он лежал прямо на решетке. Граммов на восемьдесят. А в скомканной бумажке — граммов пятьдесят масла. И больше ничего. Хлеба тоже почти не осталось. Какие-то огрызки. Но зато целая начка чаю. Я решил угостить Иосифа чаем.

Сначала я спустился в кондитерский: а вдруг вишневое варенье? Но вишневого, как всегда, не оказалось. Хорошо еще, было клюквенное.

Потом я сбегал нанротив в булочную и купил за двадцать две копейки халу, может, Иосиф любит намазывать варенье на булку. Оставалось еще тридцать

восемь копеек.

Потом заскочил в продовольственный и пробежался глазами по прилавкам. В винно-водочном отделе стояли алкаши и выпрашивали у продавщицы бутылку. Водку она уже спрятала, а «бормотуха» кончилась. Куплю бутылку лимонада, а вдруг Иосифу захочется.

Осталось одиннадцать копеек, но на них покупать было нечего. Я возвратился

к себе к комнату и поглядел на будильник. Уже половина восьмого.

Банку с вареньем я поставил на стол, а лимонад в холодильник. Потом подумал и вытащил. Пускай лучше постоит на подоконнике. В холодильнике он сделается ледяной, и у Иосифа может заболеть горло.

Я снова оделся и вышел на лестницу. Я решил Иосифа подсторожить возле

входа в подъезд.

С потолка вестибюля в меня прицелились стрелами произведения искусства. На Невском проспекте каждый дом напоминает дворец.

Я размечтался и прозевал: в подъезд кто-то вошел. Опомнившись, я бросился вслед. Тот, что вошел в подъезд, прислонился к батарее и вытащил из кармана бутылку. Нет. Это не Бродский.

На улице я посмотрел на часы. Уже восемь. Немного постоял и решил снова Иосифу позвонить. Вдруг он еще дома, и тогда я ему скажу свою фамилию.

Я опять поднялся и набрал номер. Но было занято. Я позвонил еще, и снова было занято. Соседка, что напротив, возвратилась из кухни и, не говоря ни слова, подошла и уставилась. Я понял, что ей нужен телефон. Я повесил трубку и опять вернулся в комнату.

И вдруг я сообразил, что Иосиф, может, уже стоит на лестничной клетке и не

знает, что же ему делать дальше.

Я выскочил в коридор, и в это время во входной двери зашебуршал ключ и в квартиру вошла старуха, уже другая, еще старше той, что говорила по телефону. И вслед за старухой вошел Бродский, он, и правда, уже давно стоял возле перил и все ждал, когда же наконец появится кто-нибудь из нашей квартиры.

Я к нему подбежал и остановился. Он тоже остановился. Я хотел пожать ему руку, но первым постеснялся. Он тоже смутился и мне сам руки не протянул.

Старуха проползла к себе.

Когда мы вошли с ним в комнату, то он как-то одним махом скинул с себя пальто и бросил его прямо на холодильник. Ботинки у него были старые, рублей за двенадцать, а кепка примерно за два пятьдесят. Зато пальтишко приличное, похоже, импортное. Кепку он тоже бросил, потом придвинул стул, сел, повернулся к стенке, оперся скулой о ладонь и застыл. Мне у него запомнились густые брови и уже лысеющая голова. Я думал, что он более хрупкого телосложения.

Больше всего я боялся, что у меня сломается магнитофон; я песни напел в Москве у друга, а своего магнитофона у меня еще пока нет. Поэтому пришлось взять напрокат. Сначала мне его не давали — все требовали паспорт, а паспорт у меня на прописке, ведь я же только поменялся. Тогда я им вытащил военный билет. Но мне все равно не дали: чтобы получить в Ленинграде что-нибудь напрокат, надо быть в Ленинграде прописанным. Но я ведь уже ленинградец, у меня же обменный ордер! Но мне не дали, и все. Потому что я в Ленинграде не прописан. Пришлось ставить бутылку соседу. И он вместе со мной пошел и взял.

Я включил магнитофон и на магнитофоне запел. Бродский даже не повернулся. Он все так же сидел — подбородком на ладони и смотрел в стенку.

«На прощанье — ни звука, — пел я на магнитофоне, — граммофон за стеной...»

Вдруг он как будто очнулся и спросил:

- Откуда у вас этот стих?

Я ответил:

- Из вашей книги. - Сразу было видно, что Бродского это заинтересовало. Не что я пою, а что у меня его книга.

Я уточнил:

- Она не у меня, а в Москве. - Магнитофон я, пока мы разговаривали, выключил.

Он поинтересовался:

А в каком переплете, в мягком?

Я задумался:

- Да вообще-то не книга... просто перепечатано...

Он уснокоился и снова повернулся к стенке.

Я на него посмотрел и обратил внимание, что хотя он со мной сейчас и разговаривает, но сам где-то совсем не здесь. Не то чтобы витает, а, наоборот, сосредоточен на какой-то мысли. Я не стал его отвлекать и опять включил магнитофон.

И вдруг я вспомнил, что его надо угостить. Я снова нажал на клавишу

и спросил:

— Хотите варенье с чаем? Не любите? Клюквенное. — И повернулся к банке с вареньем.

Он покачал головой:

- Вы знаете, не хочется. Спасибо.

Я предложил:

А, может быть, лимонаду?

Он оживился:

— Вот лимонад — это другое дело.

Я подошел к подоконнику и отвернул занавеску. Достал из шкафа стакан и, открыв бутылку, протянул стакан Бродскому. Бродский со стаканом в руке запрокинул голову.

Он пил с наслаждением. Он пил, а я на него смотрел. Мне было приятно, что стаканом лимонада я ему доставил такую радость. Гораздо большую, чем своим

пением.

Я спросил:

- Ну, как вам песни, не нравятся?

- Я не совсем это понимаю. Гитара... он пожал плечами, какая-то цыганщина. Но, знаете, лезть на стенку не хочется.
 - Я не понял:
 - Как на стенку?

Он объяснил:

д объяснил: Однажды еду в злектричке и вдруг слышу: «Пилигримы»... Орут на весь вагон... Чуть на ходу не выпрыгнул...

Я удивился:

Так ведь это же Клячкин! Его музыка...

Бродский насупился:

— Я этому Клячкину когда-нибудь надену гитару на голову...

Я даже растерялся: н думал, что они с Клячкиным чуть ли не кореша. На пару писали «Шествне». Бродский — слова, а Клячкин — музыку. Как Римский-Корсаков с Пушкиным. Недаром же у Клячкина есть песенка, где он поет: «Профессор Римский-Корсаков, вертясь на пьедестале, никак не мог подинться, чтоб руку мне пожать...»

Бродский признался:

Мне нравится Высоцкий. Больше никто.

Интересно: ВЫСОЦКИЙ и БРОДСКИЙ. Земля и небо.

Я снова включил магнитофон. Бродский протянул мне пустой стакан и опять уставился в стенку. Я пел.

В конце одной песни он меня прервал. Он предупредил:

— Знаете, я вам не советую петь эти строки. Они касаются только меня. У вас могут быть неприятности.

(Песня заканчивалась так: «Слава Богу, что я на земле без отчизны остался».)

Я согласился:

— Да... – и замолчал. Потом подумал и добавил:

- Если вам все это не правится, то я эти песни никому петь не буду. Но я все равно от них не откажусь. Йотому что они мне дороги. Я буду их петь сам себе.

Он улыбнулся:

 Ну, что вы. Пожалуйста, пойте кому угодно. Просто я хочу сказать, что я ничего не понимаю в гитаре. И, к тому же, у меня нет магнитофона.

Я заметил:

А может, у кого-нибудь есть из друзей...

Он отрезал:

У меня нет друзей.

Я задумался:

— А...

Бродский вдруг спросил:

Вы с какого года?

Я совсем этого не ожидал и как-то засмущался:

С сорокового.

Он заинтересовался:

— А месяца?

Я уточнил:

С июля.

Он улыбнулся:

— Аясмая.

Оказывается, мы с ним ровесники.

Он снова поинтересовался:

- А чем занимаетесь?

Я признался:

- Йока ничем. Вот поменялся и возвращаюсь на Север. В Магадан.

В Магадан? — Бродский удивился. — И вам туда хочется?

Я опять его удивил:

Да. Мне туда хочется.

...Мы все дослушали, и он встал. Ему уже понадобилось уйти. Мне было жалко с ним расставаться, и я спросил:

— А вы не могли бы мне дать еще какие-нибудь ваши стихи, меня бы это очень поддержало.

Он снова улыбнулся:

 Почему же? Можно. — Потом посмотрел на мою пишущую машинку и задумался.

Я тоже встал. Бродский уже одевался. Он надел кепку и теперь напяливал пальто. Я заметил, что брюки у него тоже старые, даже не брюки, а потрепанные джинсы или что-то вроде этого. После я слышал, что он везде носил кепку, в которой отбывал за «тупеядство» срок. Как тялисман. Он в ней работал на тракторе. Помощником тракториста. «Сельскохозяйственный рабочий Бродский» — как он о себе неписал в одном ил своих стихотворений. Наверно, это как раз и была та самая кепкв.

Я тоже оделся, и мы с ним вышли. Человек, которого я чуть было не принял за Бродского, уже набрался и в задумчивой позе дремал на батарее.

И вдруг Бродский предложил:

— Позвоните мне недели через две, и я вам подберу. Можете перепечатать. На прощание я хотел ему сказать что-нибудь такое значительное, но так ничего и не придумал.

...И вот он уже ушел в своем импортном пальтишке и в своей исторической

кепочке, смешался с толпой и растворился.

Я вемного постоял, и меня потянуло на Васильевский остров. Я еще там ни разу не был.

Я дошел до метро и проехал две остановки. Поднялся по эскалатору и вылез. Я думал, Васильевский остров синий. Как у Бродского: «...тной фасад темносиний я в потемках найду...» А он какой-то бесцветный. Потемки-то, конечно, были, а вот синего фасада нет. И никакого острова. Обыкновенные трамваи. Да грязно-серый снег.

Через неделю я улетел в Магадан, а Бродский через полгода совсем в другом направлении. Чтобы больше никогда не появиться в этих местах.

кровь

Кто Кавказский хребет перевалит служить. Быть тому с той поры дворянином.

Ходу тебе, продвижения нет в мире равнинном. Перевалил за Кавказский хребет — стал дворянином.

Как корошо государь рассудил: боец не грубеет, ежели кроаи своей не щадил, кровь голубеет.

Сталн бойцы за суровый поход сталью из жести. Входит война в генетический код колексом чести.

Стычки в горах распрямили твой взгляд, рабское выжгли (только вот жаль, что живьем из засад все-то не вышли).

День посчитали нам за три денька правильно, право, и для потомства вошла в ДНК русская слава.

Наша сивуха, пройдя эмеевик Военно-Грузииский, облагородилась, стала навек Божьей росинкой.

унижение гения

Вручи мне Ювеналов бич!

Над белой бумагой потея, перо изгрызая на треть, все мучаясь, как бы Фаддея еще побольное поддеть: «Жена у тебя потаскушка, и хуже ты даже жида!..» Фаддею и слушать-то скушно, с Фаддея что с гуся вода.

Фаддей Венедиктыч Булгврии съел гуся, что дивно изжарен, засим накропал беа затей статью «О прекрасном» Фаддей, на чижика в клеточке дунул, в уборной слегка повонял, а там заодно и обдумал он твой векролог, Ювенал.

подражание

Как ты там смертника ни прихорашивай, осенью он одинок. Быется на ленте солдатской оранжевой жалкий его орденок. За гамнастерку ее беззащитную жалко осину в лесу. Что-то чужую я струнку пощипываю, что-то чужое несу.

Ах, подражание! Вы не припомните, это откуда, с кого? А отражение дерева в омуте — тоже, считай, воровство? А отражение есть подражание, в мрак погруженье ветвей. Так подражает осине дрожание красной аорты моей.

Лев Лосев родился и вырос в Левивграде, живет в США. Подробнее о поэте см.: «Звезда», 1990, № 9. Стихи Льва Лосева печатаются нами по тексту журнала «Континент» (№ 59).

18 BEK

Восемпадцатый век, что свинья в парике. Проплывает бардак золотой по реке, а в атласной каюте Фелица захотела пошевелиться. Офицер, приглашенный для ловли блохи, вдруг учуял, что силу теряют духи, заглушавшие запахи тела, завозилась мать, запыхтела.

Восемнадцатый век проплывает, проплыл, лишь свои декорации кой-где забыл, что разлезлись под натиском прущей русской зелени дикорастущей. Видпы волглые избы, часовня, паром. Все построено грубо, простым топором. Накарябан в тетради гусиным пером стих занозистый, сердце скребущий.

новые сведения о карле и кларе

Кораллы

украв у Клары, скрылся, сбрив усы пасh Osten. Что-то врал. Над ним сменлись. Он русским продал трубку и часы с кукушкой. Но часы тотчас сломались. А в лиственных лесах дуплистых губ не счесть, и вашентаться довелось им, что обрусел немецкий лесоруб, запил, запел, тонор на печь забросил.

Кларнет

украв у Карла, как-то смеху для, она его тотчас куда-то дела, но дева готская уберегла футляр, его порою открывала дева. Шли облака кудряво, кучево, с востока, наступая неуклонно, но снег не шел, не шел и ничего не падало в коралловое лоно.

Mein Gott!

Вот густорозовый какой коловорот, скороговорок вороватый табор, фольклорных оговорок à la Freud, любви, разлуки, музыки, метафор!

ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ

Я говорю: ах, минута! — т. е. я говорю: М, Н, Т — скомканио, скрученио, гнуто там, в тесноте, в темноте, в мокрых, натруженных, красных мышцах (поди перечисль!) бульканьем, скрипом согласных обозначается мысль.

Кабы н маг-семиотик был, отрешился б от иих.

Я бы себе самолетик сделал из гласных одних: А — как рогулька штурвала, И — исхитрился, взлетел, У — унесло, оторвало от притяжения тел.

Бездны не чаю, во чую: О — озаряет чело. Гибелью обозначаю все или ничего.

PRO DOMO SUA I

Деревянный, лубяной да последний, ледяной, зй, домишки, как делишки за железною стеной? К лесу черному лицом деревянный дом с крыльцом, деревинный, с газом, с вавиой, с важной вежитью-жильцом. К лесу черному спиной бедный домик лубяной. Ах, дух щаный, стол дощаный, поговорки с глубиной! Мое сердце в ледяном. Ночью в вем светло как двем. А убранства - лишь пространство, холод, свет и метроном. Ломкий лед галиматын. Тонкий звон со диа бадын. Выплывают ледяные Лешки Лосева ладыи. 1988

ИЗ ЦИКЛА «АНАДИПЛОСИС»

-1

Где смерть живет, как малое сознанье на дне большого,— опершвсь о свод акрополя,— немые изваянья все наши мысли переходят вброд и, достигая берега значений, нащарив средостенья крестовик, как воинство летучих сновидений, переломляют ропщущий тростник.

Эвтерпа, матрица, Европа, парафраз материковый! Мотыльковый пеплум в пакгаузах глоссария! Лишь беглым пустеющим окинуть взором вас и самому стать скважиной... Дионис сожмет и выжмет вивоградный сок из крайней плоти... Хризолит и оникс, в изнанку музыки втираемый песок.

2

* * 3

В этом городе мы, как в пространной цитате, живем.
Хлеб земной и заемный небесный бесславно жуем, бестолково по улицам бродим и бесстрашные речи заводим.
Всё о том, что в стране, как в простравной цитате, живем, и т. д., и т. п., и т. п., и, конечно, жуем.
Бестолково по улицам бродим и ао всем этом что-то находим. А снохватится кто-вибудь — живо его приструнять: струвы вырвут с вогтями, покажут

ндреную мать,

припугиут после ядериым взрывом и завяжут глаза над обрывом. А потом разрешат возвратиться в знакомый до слез этот город, трепещущий крыльями черных стрекоз, с его свастикой улиц и лиц, и простуженным клекотом жриц. Здесь с прохожих срывает шинели коллежский асессор и строчит на жидов и масонов доносы профессор, Медный всадник за гением скачет и Евгевий тоску свою нянчит!

COH

«По Анаксагору черен спег, а душа — вдвойне», учяла меня одна гимпазисточка при луне. А потом задирала платье и — «шах-наме»!... Я же, как досократик, ни бз ни мз. «По Анаксагору черен снег, а душа — белым...» учила меня дворовая сука, беря калым. А потом тянула носочек, как ноту ля. Я ж, как отец пустынник: изыди, бля! «По Анаксагору черев свег». А по мне — была или нет та жвдовочка божьей матерью, что брала в . . . и давала в . . . Да не все ль равно! ...Я лежал, проснувшись, в гробу хрустальном, смотрел в окно. «По Анаксагору черен снег, но чиста лыжня». И эта третья была права, потому — княжна. Я лежал, проснувшись, в гробу хрустальном, смотрел в окно, повиман, что то, что вижу, и есть — $O\partial \mu o$.

В защиту себя, о себе (лат.).

Александр Вадимовнч Скидав (род. в 1965 г.) — поэт. Публикуется с 1990 года. Стихи печатались в журнале «Аврора», в «Унвверситетской газете» и в «Автологии русского верлибра». Живет и Левивграде.

Елена Дунаевская

Дома в предвечерием свете, И многопудовый дым, Шагают из школы дети, И голени их худы. Шахиет окраина щами, Воздух нохож на азвесь. Много мы обещали, Ну а подохнем здесь, Не разорваа завесы Сорных дождей над лесом.

СТАНСЫ ОКРАИНЕ

Дома в розоватом свете, И многопудовый дым, И а школу шагают дети, И голени их худы, Как ноги болотных цапель, Над желгой, сухой травой, А мамы, одеты а штапель, Взпрают на свой привой, Разняв, как фату — невеста, Кухопную занавеску.

Окраина — род бумаги, Где краски всегда плывут. От вечной и элостной влаги Бесформен трамвайный люд. Соленый запах отбросов, Не жизнь, но ее макет. Окраина — это снособ Жить, если жизни иет. Окраина — грязный ватман, Водка, мазня и вата.

Окраиной правит осень В самую развесну. Безвременьем здесь заносит, Клонит к дурному спу, И жизни топорный остов Тебя укрепляет в том, Что человек — не остров, Не крупноблочный дом: На арматуре — тонны Коснеющего бетоиа.

Окраина — место встречи Быта с небытием.
Здесь всяк пустотой замечен, Заначен житьем-бытьем.
И струны здесь рвут под вечер, Словно — живьем в гробу — ПІвыряют подростки в вечность Проклятье или мольбу.
Времени нет. Пространство К пасынкам — беспристрастно.

И дирижер склонился к партитуре, И, кажется, не все сошли с ума. Как памятник исчезнувшей культуре — Классическая русская зима.

* * *

И зеркало в пенмоверной раме Серебряной проходишь ты насквозь, И прежний свет струптся над полями, Где хлябь, и кровь, и шналы вкривь

да акось.

A.A.A.

Вошла. Никого не узнала. Не призрак ли смотрит на то, Как ночью бредут вдоль канала Фигуры в квадратных пальто

Из драпа? Из бурого мрака? А рядом стволов антрацит Безруких. И, кажется, драка. И грязный свиицовый Коцит,

И варево вспышек быгровых, И в струпьях больших полотно... Какой-то художник из новых, На жизиь негодуя давно,

Раздрызг, напряженность, обиду С такой густотою нанес, Что звезды не брезжат сквозь сито Материи, веткой насквозь.

А женщина взглядом усталым Скользиула по раме — и прочь: С Обводного, злого канала В летейскую белую ночь.

Альберто Моравиа

CKYKA Poman

пролог

Я хорошо помню, как бросил рисовать. Как-то раз я просидел в сасей студии восемь часов нодряд — то работал минут по десять-пятнадцать, то бросался на диван и часа два лежал, уставив глаза в потолок, -- и вдруг, словно бы в порыве вдохновения, осенившего меня после стольких бессильных нотуг, раздавил в переполненной ненельнице последнюю сигарету, с кошачьей живостью вскочил с кресла, в котором только что расслабленно нокоился, схватил острый нож, которым пользовался иногда для того, чтобы соскабливать краски, и, удар за ударом, начал полосовать холст, не успоконвшись, покуда не изорвал его в клочья. Затем вытащил из угла чистый, такого же размера, сиял с подрамника изрезанный и натянул новый. И сразу же почувствовал, что вся моя, как бы это сказать, творческая энергия полностью ушла на этот в сущности совершенно разумный, хотя и разрушительный акт. Я работал над картиной целых два месица, упорно и без передышки: изрезать ее ножом было в каком-то смысле то же, что и загершить; может быть, с точки зрения видимых результатов ноступок мой носил чисто негативный характер, но для моего творческого состояния это несомненно было полезно. И в самом деле, изрезать холст — это было все равно, что завершить наконец долгую беседу, которую я вел с самим собой бог знает сколько аремени. Это означало, что я оплутил под ногами твердую ночву. Новый холст, натяпутый на подрамник, был не просто обычным, еще не записанным холстом, - нет, это был холст, который оказался там в результате долгих трудов. Одним словом, утешал я себя, стараясь подавить дунчившее меня отчаниие, именчо этот холст, с аиду такой же, как все прочие, но для меня исполненный смысла, как бы воплотивший а себе результат, должен номочь мне ощутить себя свободным, способным начать все с начала: так, словно не было у меня за спиной десяти лет занятий живописью, словно мне снова дваднать пять, как тогда, когда я ушел из дому, от метери, и нереехал на улицу Маргутта, чтобы никто не мешал мне спокойно работать. Впрочем (было вполне вероятно и такое), красовавшийся на подрамиике чистый колст мог выражать результат объективной, внутренней и при этом абсолютно негативной заолюции, которая привела меня к полному краху. И то, что верным было, пожалуй, именно это, аторое, предположение, подтверждалось, между прочим, тем обстоятельством, что скука, неотступно сопровождавшая мою работу в течение последних шести месяцев, начисто прошла в тот момент, когда я изрезал холст; так известковые отложения источника в конце концов настолько засоряют трубу, что вода перестает течь.

Тут, видимо, пришла пора сказать несколько слов об этой самой скуче, чувстве, о котором мне не раз придется упоминать на этих страницах. Дело в том, что, как бы далеко ин заглядывал я в свое прошлое, мне неизменно вспеминается, как мучила меня скука. Но, наверное, нужно договориться и по новоду самого этого слова. Для большинства людей скука — это нечто протиноположное состоянию, которое испытываещь, приятно проводя время, развлекаясь, а развлекаться это значит отвлекаться, забываться. Для меня же, напротив, скука вовсе не противоположна ощущению, испытываемому при развлечении,

Елена Семеновна Дунаевскан— поэт, переводчик англвиской классической поэзии. Первая публикация— в 1965 году. Стихи печатались в отечествевных и зарубежных журналах и альчанахах. Опубликованы переводы из Киплиига, Китса, Спевсера, Кольриджа. Живет в Ленинграде.

Альберто Моравна (1907—1990) — крупнейший втальянский инсатель, автор романов: «Равнодушные» (1929), «Римлянка» (1947), «Конформист» (1951), «Презрение» (1954), «Чочара» (1957), «Я и он» (1971) и многих других, а так:ке рассказов, драматических и публицистических сочиневий. Роман «Скука» («La noia») написан в 1960 году.

я бы даже сказал, что в каком-то, котя и очень специфическом смысле, она даже схожа с развлечением. Скука для меня — это ощущение неполноты, недостаточности окружающей меня реальности, ее скудости, ее несоответствия собственным возможностям. Если прибегнуть к сравнению, я могу уподобить свое состояние в момент, когда я скучаю, ощущениям челоаека, который в зимнюю ночь спит под слишком коротким одеялом: натянешь его на ноги — мерзнет грудь, натянешь на грудь — мерзнут ноги, и в результате так и не удается толком заснуть. Если поискать другого сравпения, то можно вспомнить о том, как иногда вдруг, совершенно необъяснимо в комнате начинает мигать электрический свет: то светло и все ясно видно — вот кресла, вот диваны, вон там, подальше, шкафы, зтажерки, картины, занавески, окна, двери, — и вдруг, мгновенье спустя, вокруг темно и пусто. Или вот еще третье сравнение: я мог бы определить скуку как саоего рода болезнь окружающих меня предметов, которые словно бы увядают, блекнут, теряя жизненный топус, -- это то же самое, что на протяжении нескольких секунд увидеть, как цветок, только что бывший бутоном, уаядает и преаращается а прах.

Скука настигает меня в те мгновенья, когда я ощущаю абсурдность окружающего меня мира, то есть тогда, когда он становится, как я уже говорил, каким-то неполноценным, не способным убедить меня в реальности своего существования. К примеру, мое внимание вдруг привлекает к себе вот этот бокал. И до тех пор, пока я говорю себе, что бокал — это стеклянный или метэллический сосуд, предназначенный для того, чтобы, не расплескав, подносить ко рту налитую а него жидкость, то есть до тех пор, пока я сохраняю твердое о нем представление, мне кажется, между нами завязываются отношения, достаточные для того, чтобы я ноперил в его реальность, а следовательно, и в свою тоже. По стоит только этому бокалу ноблекнуть в моих глазах, то есть утратить свою чувственную, предметную убедительность в том смысле, о котором я уже говорил, то есть стоит ему предстать передо мной как нечто чуждое, не имеющее ко мне ни малейшего отношения, или, если говорить попросту, стоит ему ноказаться вещью совершенно бессмысленной, как из ощущения этой бессмысленности рождается скука, которая есть, в сущности (пора это сказать), выражение некоммуникабельности и полной невозможности ее нреодолеть. Однако сама эта скука не доставляла бы мне таких мучений, если бы я не знал, что бокал, не имеющий ко мне отношения, мог бы его иметь, то есть что он существует в каком-то недоступном мне раю, где предметы ни на миг не перестают быть предметами. И из этого следует, что скука, то есть моя неснособность вырваться за пределы своего «я», — это теоретическое сознание того, что, случись чудо, я все-таки мог бы выйти за эти пределы.

Я уже сказал, что, сколько я себя помню, я асегда скучал; добавлю к этому, что лишь совсем недаано я сумел достаточно ясно понять, что же она такое — моя скука. В детстве же, отрочестве и а нераые годы молодости я страдал от нее, будучи совершенно не в состоянии ее объяснить; так человек страдает от хронических головных болей, не решаясь обратиться к врачу. А уж а детстве эта же самая скука принимала формы настолько неясные, недоступные не только моему - ничьему пониманию, что мать, которой я не мог ничего объяснить, принисывала ее нездоровью: примерно так, как дурное настроение младенцев объясняют тем, что у них режутся зубы. В те годы мне случалось неожиданно прераать игру и на долгие часы застыть в полной неподвижности так, словно меня оглушили: это было то самое болезненное состояние, которое вызывало у меня внезапное «увядание» окружающих меня предметов, а точнее, бессознательное ощущение того, что между мною и остальным миром перестала существовать какая-либо связь. Если в такую минуту в компату входила мать и, видя меня молчаливым, бледным, безвольным, спрашивала, что случилось, я неизменио отвечал ей: «Мне скучно», объясняя этим ясным и плоским словом сложное и темное состояние своей души. Но мать принимала мое объяснение буквально и, наклоняясь, чтобы меня обнять, обещала сегодня же вечером сводить меня а кино или сулила еще какое-нибудь развлечение, которое, я точно знал, не могло быть лекарством протиа скуки, так как в самой идее развлечения не было ничего ей противоположного. И покуда матери казалось, что она успешно развеяла мое настроение, я, притворившись, что с радостью принимаю ее предложение, продолжал маяться все той же скукой, которая рождалась во мне и от прикосновения ее губ к моему лбу, ее рук к моим плечам, и даже от вызванного ее словами ослепительного видения кинозкрана. Как мог я объяснить матери, что развеять мою скуку невозможно? Я уже говорил, что скука — это прежде всего выражение некоммуникабельности. И вот, не в силах установить связь с собственной матерью, от которой я чувствовал себя отрезанным, как от всего остального мира, я был пынужден мириться с возникшим между нами недоразумением и лгать ей.

Не буду долго останавливаться на неприятностях, которые доставляла мне скука во времена отрочества. В ту пору мои плохие отметки неизменно приписывались «слабости здоровья» или врожденной неспособности к тому или другому предмету, и я сам принимал это объяснение за неимением другого, более убедительного. Ho сейчас-то я прекрасно понимаю, что плохие отметки, которые сыпались на меня в конце каждого учебного года, объяснялись все тем же: скукой. Дело в том, что я с болезненной остротой чувствовал, что не в силах установить какую-либо связь между собой и всей этой кашей из афинских царей и римских императоров, рек Южной Америки и гор Азии, одиннадцатисложного

стихв Данте и гекзаметра Вергилия, алгебранческих действий и химических формул. Одним словом, вся эта уйма сведений из разных областей знания совершенно меня не затрагивала, а если иной раз и затрагивала, то в результате я лишь еще сильнее ощущал их изиачальную бессмысленность. Но, как я уже говорил, ин перед самим собою, ни перед другими я никогда не кичился этими своими чисто негативными ощущениями: наоборот, я убеждал себя в том, что не должен был их испытывать, и страдал от этого. Помню, что уже тогда это страдание поселило во мне стремление как-то определить его и объяснить, но я был подростком, со всей свойственной этому возрасту амбициозностью и педаитизмом, и результатом моих усилий явился проект всемириой истории, рассмотренной с точки зрения скуки. В основе всемирной истории, рассмотренной под этим углом зрения, лежала очень простая мысль: пружиной истораи была не биологическая эволюция, не зкономические факторы и вообще ни один из тех мотивов, которые выдвигаются историками разиых школ: пружиной была скука. Воодушевленный своим замечательным открытием, я приступил к делу с начала всех начал. Итак, вначале была скука, вульгарно именуемая хаосом. Наскучив этой скукой, Бог создал землю, небо, воды, животных, растения, Адама и Еву; эти последние, соскучившись, в свою очередь, в раю, съели запретиый плод. Они иаскучили Богу, и он выгнал их из Эдема; Канн, которому наскучил Авель, его убил; Ной, когда заскучал сверх всякой меры, изобрел вино; Бог, которому снова наскучили люди, наслал на них потоп; но последний, в свою очередь, до того наскучил Богу, что он вернул на землю хорошую погоду, и так далее. Великие египетские, персидские, греческие и римские империи создавались от скуки и от скуки же погибали; скука язычества породила христианство, скука католицизма — протестантство; соскучившись в Европе, люди открыли Америку; соскучившись от феодализма, сделали французскую революцию, соскучившись от капитализма — русскую. Я составил список всех этих сделанных мною замечательных открытий, а затем с большим старанием принялся писать саму историю. Не помню точно, но мне кажется, я не пошел дальше чрезвычайно детального описания жестокой скуки, которая терзала в Эдеме Адама и Еву, и того, как от этой самой скуки они впали в смертный грех. Затем, соскучившись, в свою очередь, от своего проекта, я забросил дело, так и не пойдя дальше.

Надо сказать, что в период между десятью и двадцатью годами я страдал от скуки больше, чем в любую другую пору своей жизни. Я родился в 1920-м, и значит, моя юность прошла под черным знаком фашизма, то есть того политического режима, который возвел некоммуникабельность в систему: векоммуникабельность определяла отношения диктатора с массами, отпельных граждан между собою и их же отношения с диктатором. Скука, которая есть отсутствие каких-либо саязей между человеком и окружающим его миром, во времена фацизма была растаорена а самом аоздухе, которым мы дышали; а к этой, социальной, скуке следует добавить еще скуку неосознанной и безотлагательной сексуальной потребности, которая, как обычно бывает а этом возрасте, мещала мне аступать а подлинно человеческие отношения с теми самыми женщинами, в чьем общестае, мне казалось, я разаенааю саою скуку. Однако эта же скука спасла меня от участия в гражданской войне, которая вскоре разразилась а Италии и опустошала ее в течение даух лет; аот как это было: я служил а дивизии, дислоцировавшейся в Риме; как только объявили перемирие, я снял форму и вернулся домой. Затем асем военнослужащим было приказано — нод страхом смертной казни — возвратиться в ряды армии. Мать, с характерным для нее почтительным отношением к властям, которых в ту пору было две — немецкая и фашистская, советовала мне надеть мундир и вернуться в строй. Она желала меня спасти, но на самом деле толкала на путь депортации, что, вполне вероятно, повлекло бы за собой гибель в нацистском концлагере, как это и случилось со многими моими товарищами по военной службе. И именно скука и только скука, то есть внутренняя невозможность уловить какую-либо связь между мною и этим приказом, мною и военной формой, мною и фашистами, скука, от которой я мучился двадцать лет, ибо она делала в моих глазах простонапросто несуществующими обе великие империи — и империю ликторского пучка, и империю свастики ', - эта скука на этот раз меня спасла. Не послушавшись уговоров матери, я укрылся в деревне, на вилле одного моего приятеля, и просидел там всю гражданскую войну, занимаясь живописью, — способ убивать время не хуже всякого другого. Так я стал художником или, точнее сказать, поддался иллюзии, будто посредством художественного выражения смогу раз и навсегда установить связь между собой и окружающей меня реальностью. Я действительно испытал поначалу некоторое облегчение, вызванное зитузиазмом, с которым я приступил к работе, и даже почти убедил себя в том, что моя скука была скукой художника, который просто не догадывался о том, что он художиик. Я ошибся, но в течение какого-то времени мне казалось, что я нашел способ излечения.

В конце войны я вернулся к матери, которая за это время успела купить большую виллу на Аппиевой дороге. Как я уже говорил, мне казалось, что занятия живописью

¹ То есть — фашистскую Италию и нацистскую Германию (здесь и далее примечания переводчика).

окончательно развеют мою скуку, но вскоре я убедился, что это не так. Несмотря на живопись, я сиова начал скучать; больше того, так как скука автоматически прерывала мои занятия живописью, я накоиец смог составить точное представдение об интенсивности и частоте приступов этой болезии, куда более точное, иежели в ту пору, когда я еще не рисовал. Когда проблема скуки предстала передо мной во асей своей неизмениоств, я начал спрашивать себя, какие же у нее могли быть причины, и методом исключения пришел к выводу, что скучал я оттого, что был богат, и что будь я беден, я бы, по-видимому, не скучал. Эта мысль вырисовывалась в моем созиании ие с такой ясностью, как сейчас, когда ояа предстает написанной на бумаге; тогда это была не столько мысль, сколько подозреиие, пранда, прияявшее вскоре почти маниакальный характер: мне казалось, что между моею скукой и моими деньгами существует несомпенная, хотя и не явная связь. Я не хочу останавливаться слишком долго на этом достаточно неприятиом периоде моей жизии. Так как я снова начал скучать, — а когда я скучал, я бросал живонись, — я от всей души возненавидел нашу виллу и роскошь, которая меня там окружала; возлагая именно на них вину за одолевавшую меня скуку, которая лишала меня возможности рисовать, я стал страстно мечтать оттуда уехать. Но так как речь шла — как я уже говорил — всего лишь о нодозрении, я ие решился прямо сказать матери то едииственное, что, в сущности, должен был сказать: я ие хочу жить у тебя, потому что ты богата, а богатство нагоняет на меня скуку, а скука мешает мие рисовать. Однако я инстинктивно вел себи так, чтобы, потеряв тернение, мать сама приняла решение о моем отъезпе.

Я вспоминаю тот период моей жизни как время вечных споров, бесконечных размодаюк, ожесточенной вражды, почти болезненной неприязни. Никогда я яе вел себя с матерью так ужасио, как в ту пору, в таким образом к иснытываемой мною скуке примешивалась еще и смутяая жалость к той, которая никак не могла понять причин моей грубости. Но больше всего я страдал от чего-то вроде наралича, поразнышего меня в те дни в сделавшего немым, апатичным, упрямым; мие казалось, что я заживо замурован внутри самого себя, как внутря наглухо запертой душной тюрьмы.

Моя жизнь на материиской вилле и вызываемое этой жизнью душевное состояние, вероятио, продлились бы много дольше, если бы, на мое счастье, мать не решила бы, что узпает в моей скуке чувство, подобное тому, которое одиажды уже испортило ее отношения с моим отцом. И тут, по-видимому, надо хотя бы коротко рассказать и о нем, то есть том человеке, который прошел по дороге скуки раньше меня.

Так вот, насколько мне удалось выяснить, отец мой был прирожденным бродягой, одним из тех людей, которые, сидя дома, постепенно перестают разговаривать, теряют анпетит и вообще отказываются жить (так некоторые птицы ие могут жить в клетке), но, очутывшись на палубе корабля или в купе поезда, сразу обретают свойственную им жизнерадостность.

Он был высокий, атлетически сложенный, белокурый — как я; но я некрасив, потому что раяо полысел, и лицо у меня чаще всего тусклое и мрачное, отец же был именно красив, если верить дифирамбам матери, которая в свое время женила его на себе насильно, несмотря на то, что он не нереставал твердить, что не любит ее и непременно от нее уйдет.

В сущности, я его совсем не знал, потому что он вечно где-то путешествовал; последиий раз, когда я его видел, волосы у него были уже почти совсем седые, а все еще молодое лицо изрезано тоикими глубокими морщинами; тем не менее он продолжал иосить легкомысленные галстуки бабочкой и клетчатые костюмы времен его молодости. Он приезжал и тут же уезжал, вернее, убегал от моей матери, с которой ему было скучно; потом возвращался, вероятно, затем, чтобы раздобыть денег для нового побега, потому что у самого у него ие было ии гроша, котя и считалось, что ои заиммается «экспортом-имнортом». В коице коицов одиажды он ие вернулся. Сильный порыв ветра неревериул в одном из виутрениих морей Японии паром с сотней пассажиров, и отец оказался в числе утоиувших. Что делал он в Японии, был ли он там в связи с «экспортом-импортом» или занимался чем-то еще, я так никогда и ие узиал. По мнению матери, которая любит научиые и наукообразиые определения, у отцв была «дромомания», то есть страсть к поремеие мест. Может быть, этой мании, объясняла она, словио размышляя вслух, был обязан он и своею страстью к маркам, этим крохотным ярким свидетельствам миогообразия и общирности мира; отец собрал прекрасную коллекцию, которую она продолжала хранить, тем более что география была единственным предметом, который она хорошо изучила в школе. Мне казалось, что мазь рассматривает «дромоманию» отца как сугубо индивидуальную и малосущественную особенность; меня же именно эта особенность заставляла иснытывать поистине братское сочувствие к его патетической, почти стершейся и чем дальше, тем больше стиравшейся из памяти фигуре, в которой, мне казалось, я различал, во всяком случае в сфере отношений с матерью, черты некоторого сходства с собою. Но, иак понял я позднее, сходство было чисто внешним: отең действительно страдал от скуки, но избавлялся от нее в счастливом бродяжничестве, переезжая из страны в страну; иными словами, его скука была самой обычной скукой, которая проходит от новых и необычных ощущений. Да и в самом деле, достаточно сказать, что отец верил в мир, во всяком случае географический, в то время как я не мог поверить даже в существование бокала.

Однако мать не ножелала углубляться во все эти тонкости и решила, что без сомиения уанаёт в моей скупе то легко излечимое уныние, которое когда-то осложняло ее отношения с мужем. «К сожалению, от отца ты взял больше, чем от меня, — твердо сказала она мне как-то однажды. — А я знаю, что, когда на вас это находит, лучшее средство — отослать вас подальше. Так что уходи, уезжай куда угодио, а когда все пройдет, возвращайся».

Я сразу же с облегчением ей ответил, что а мон намерения вовсе не входило куданибудь уезжать: путешествия меня совершенно не интересовали. Мне просто хотелось уйти из дому и зажить самостоятельно. Мать возразила, что это глупо — жить отдельно, когда в моем распорижении роскопния вилла, в которой я к тому же могу делать все, что захочу. Но я уже решил воснользоваться подверяувшимся случаем и резко ответил, что уйду прямо завтра, ни на минуту не задержавшись. Таким образом, мать ноняла, что это серьезно. И ограничилась лишь тем, что с горечью ко всему привыкшего человека заметила, что даже в тоне моего ответа она узнает отца; так что ладно, пусть я делаю, что хочу, и живу там, где вздумается.

Оставалось решить денежный вопрос. Как я уже говорил, мы были богаты, и до сих пор я пользовался своего рода пеограниченным кредитом: когда мне нужиы были деньги, я брал их со счета матери. Однако мать, полагая, что повторяет со мной опыт, уже проделанный с отцом, которому она давала денег достаточно для того, чтобы он мог уехать, но недостаточно для того, чтобы остаться вдали от нее наасегда, сухо ответила, что с этой минуты она определит мне месячное содержание. Я ответил, что о лучшем и не мечтаю; а когда она, скрывая неловкость за раздражением, назвала сумму, которую собиралась мне назначить, я тут же сказал, что готов удовольствоваться и половниой. Мать, видимо, приготовившаяся к спорам того рода, что бывали у нее с отцом, ноторому всегда было мало, очень удивилась моему неожиданному бескорыстию. «Но, Дино, на такие деньги яевозможно прожить!» — невольно воскликнула она. Я ответил, что это мое дело, и, чтобы не изображать из себя аскета, добавил, что надеюсь вскоре начать зарабатывать живописью. Мне показалось, что мать взглянула на меня с сомнением: я знал, что она не верит в мои способности как художника. Несколько дней спустя я нашел студию на улице Маргутта и переехал туда со всем своим имуществом.

Как и следовало ожидать, перемена местожительства иичего не изменила в моем душевном состоянии. Как только проило первое облегчение, которое обычно следует за всякой переменой, меня, квк и прежде, стала периодически одолевать скука. Я сказал «как и следовало ожидать», потому что, конечно же, можно было предвидеть, что скука яе рассеется только оттого, что я переменил квартиру: ведь, не говоря об остальном, я мог счвтать себя богатым не только нотому, что обитал на Аппиевой дороге, но и потому, что располагал определенной суммой денег. То, что я не желал ими пользоваться, дела не меняло: многие богачи, если они скупы, тратят лишь крохотную часть своих доходов и живут бедно, одиако никому не придет в голову считать их из-за этого бедняками.

Таким образом, первая моя идея, вериее, сделавнаяся навязчивой мыслью догадка о том, что скука и связанное с нею творческое бессилие объясняются жизнью а доме матери, постененно сменилась другой, еще более навязчнаой: отказаться от собственного богатства попросту невозможио; быть богатым — это то же, что иметь голубые глаза и орлиный нос; тончайшими нитями богач связан со своими деньгами, которые окрашивают в цвет денег даже его решение ими не пользоваться. И в самом деле, ведь я не мог даже отнести себя к категории бедияков, которые когда-то были богаты: я был богач, который лишь притворяется бедным перед собою и перед людьми.

То, что дело обстоит именио так, я доказывал себе следующим образом: «Что делает иастоящий бедияк, когда у иего иет деиег? Умирает с голоду. Что делаю в таком случае я? Иду просить помощи у матери. И даже если не иду, все равно меия нельзя считать бедным — разве что сумасшедшим». К тому же, продолжал я, в моем случае иет даже инчего особениого. Эго самый заурядный случай: ведь я не отказывался от материиских денег, я только ограничивал себя самым необходимым. По отношению к настоящим бедиякам я находился в том заведомо нечестном привилегированиом положении, в котором находится богатый игрок по отношению к игроку бедному: первый может проигрываться до бесконечности, второй — иет. Но главное, первый может действительно «играть», то есть развлекаться, в то время как второй должен непременно стремиться выиграть.

Трудно пересказать, что я испытал, обдумывая все эти вещи. Я чувствовал себя жертвой каких-то низких козней, против которых ничего не мог предпринять, потому что не знал, ни где, ни когда напущеиа на меня эта порча. Иногда я всиоминал евангельское изречение: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в царствие небесное» и спрашивал себя, что же все-таки значит быть богатым. Богатый — это тот, у кого много денег? Или тот, кто родился в богатой семье? Или тот, кто всю жизнь прожил и продолжает жить в обществе, ставящем богатство выше всего на свете? Или тот, кто считает, что самое главное в жизни — это богатство, и при этом неважно, хочет ли он разбогатеть или сожалеет о том, что богат? Или, как в моем случае, богач — это тот, кто, будучи богатым, не хочет им быть? Чем больше я над этим раздумывал, тем труднее мле было определить точный смысл положения в предиазначения человека, которого можно

назвать богатым. Разумеется, всего этого не было бы, если бы я сумел избавиться от своей исходной навязчивой мысли, будто испытываемая мною скука ведет свое происхождение от богатства, а творческое бессилие — от скуки. Но все наши мысли, даже самые рациональные из них, уходят а темную глубину чувства. А от чувства избавиться не так легко, как от мыслей: мысли приходят и уходят, чувства остаются.

Вы, конечно, можете мне на это сказать, что все дело в том, что я был плохим художником, хотя и (редкий случай) сознающим свое ничтожество. Это верно, но это не все. Разумеется, я был плохим художником, но не потому, что не умел писать картины, которые нравились бы людям, а потому, что чувствовал — мои картины не выражают меня, то есть не дают мне ощущения связи с окружающим миром. А ведь рисовать-то я, между прочим, начал именно для того, чтобы разаеять скуку. И если я продолжал скучать, стоило ли продолжать рисовать?

Если не ошибаюсь, от матери я съехал в марте 1947 года; и вот прошло более десяти лет, и я, уничтожив свою последнюю картину, решил бросить живопись. И сразу же скука, которую занятия живописью хоть как-то сдерживали, навалилась на меня с неслыханной силой. Я уже говорил, что скука — это прежде всего потеря связи с окружающим миром: так вот, в эти дни мие не хватало связи не только с чиром, но и самим собой. Я понимаю, что все это вещи трудно объяснимые, и попытаюсь прибегнуть к помощи сравнения: в течение всего того аремени, которое последовало за решением бросить живопись, я был для самого себя чем-то вроде несносного попутчика, которого путешественник неожиданно обнаруживает в своем купе в самом начале длинного пути. Купе старого типа, то есть не сообщающееся с другими, поезд остановится только на конечной станции, и, следовательно, наш путешестаеминк вынужден терпеть общество ненавистного соседа до самого конца. Ну а если отбросить сравнения, то можно сказать так: скука, пусть даже слегка смягченная запятиями живописью, изглодала мою жизнь до такой степени, что не оставила во мне живого места. И стоило мне бросить живопись, как я незаметно для себя превратился в развалину, в какой-то жалкий бесформенный обрубок. Теперь, как я уже говорил, главным в моей скуке стало ощущение полной невозможности наладить связь с самим собой, а между тем я как раз и был тем единственным в мире человеком, избавиться от которого не мог никакими силами.

Я стал в ту пору ужасно иетерпелив. Что бы я пи делал, все мне пе нравилось или казалось не заслуживающим випмания; с другой стороны, я ие представлял себе, что могло бы мне поправпться или, по крайней мере, хоть пенадолго меня занять. Я только и делал, что приходил в студию и тут же уходил под любым инчтожным предлогом, какой только мог придумать, чтобы оправдать свой уход: пойти за спгаретами, которые были мне не нужны, или выпить кофе, которого мне совсем не хотелось, или купить газету, которая меня пе интересовала, сходить на выставку, которая не вызывала у меня никакого любопытства. С другой стороны, я чувствовал, что все эти предлоги есть не что иное, как отчаяниан попытка смены личии, которыми прикрывалась моя скука, так что иной раз я даже не доводил начатое до копца, и вместо того чтобы купить газету, или выпить кофе, или сходить на выставку, я, сделав несколько шагов, возвращался в ту самую студию, откуда с такой поспешностью вышел минуту назад. Но н в студии, разумеется, меня поджидала скука, и все начиналось сызнова.

Я брал книгу — у меня была маленькая библиотека, я всегда был усердным читателем, — но она очень скоро выпадала у меня из рук: романы, статьи, пьесы — вся литература мира сводилась в конце концов к одной-единственной странице, которая не в силах была удержать моего внимания. Да и почему она была обязана его удержать? Слова — это символы вещей, а именно с вещами у меня раалась всякая связь в минуты скуки. Я откладывал книгу или в принадке ярости швырнл ее в угол и призывал на почощь музыку. У меня был прекрасный проигрыватель, подарок матери, и сотия пластинок. Но кто сказал, что музыка непременно должна «действовать», то есть что она сиособна заставить себя слушать даже самого рассеянного человека? Тот, кто так сказал, был неточен. Потому что мои уши отказывались не только слышать, но и слушать. И потом, в тот самый миг, когда я выбирал пластинку, меня нарализовала мысль: какой же должна быть музыка, чтобы ее можно было услышать даже в те минуты, когда тебя одолеаает скука? Кончалось тем, что я выключал проигрыватель, бросался на диван и начинал думать о том, чтобы мне еще сделать.

Больше всего меня иоражало, что я не хотел делать решительно ничего, страстно при этом желая сделать хоть что-нибудь. Все, что я собпрался сделать, тут же представало передо мною — как снамский близнец с братом — в паре со саоею противоположностью, которая отвращала меня в той же степени. В результате я чувствовал, что мне не хотелось видеть людей, но и не хотелось оставаться в одиночестве; не хотелось сидеть дома, по и не хотелось выходить; не хотелось путешествовать, но и не хотелось продолжать жить в Риме; не хотелось рисовать, но и не рисовать тоже не хотелось; не хотелось бодрствовать и не хотелось спать; не хотелось заниматься любовью, но и отказываться от нее тоже не хотелось и так далее. Я говорю «чувствовал», но точнее было бы сказать, что я чувствовал это с отвращением, омерзением, ужасом.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пересхав на улицу Маргутта, я сумел побороть то необъяснимое, почти суеверное отвращение, которое внушала мне вилла на Аппиевой дороге, и установил довольно регулярные отношения с матерью. Я ходил к ней раз в неделю, завтракать, так как это было то время дня, когда я мог быть уверен, что застану ее одну; я сидел у нее часа два, слушая обычные ее рассуждения, которые знал наизусть и которые касались двух предметов, единственно ее занимавших: ботаники, то есть цветов и плодов, которые она выращивала в своем саду, и денежных дел, которым она посвящала все свое время с тех пор, как вступила в сознательный возраст. Разумеется, матери хотелось, чтобы я навещал ее чаще и в другое время, тогда, например, когда она принимала друзей или принадлежащих к ее кругу людей из общества, но после того, как я раза два твердо отклонил ее приглашение, она, по-выдымому, смырилась с редкостью моих посещений. Разумеется, смирение это было вынужденным и могло исчезнуть при первом же представившемся случае. «Когдапибудь ты поймешь, - частенько замечала мать, говоря о себе в третьем лице, что у нее всегда было верным признаком чувства слишком живого для того, чтобы она желала его скрыть, -- когда-нибудь ты поймешь, что твоя мать не из тех женщин, которым ианосят вилиты по долгу везкливости, и что твой настоящий дом здесь, а не на улице Маргутта».

В один из таких дней, вскоре после того как я бросил рисоаать, я отправился к матери на обычный свой еженедельный завтрак. Хотя, есля сказать правду, завтрак был ие совсем обычный; на этот день приходился мой день рождения, и мать, боясь, что я позабуду, напомпила мне об этом уже утром, поздравив по телефону в характерной для нее забавной манере — казениой и церемонной: «Сегодня тебе исполняется тридцать пять. Поздравляю в от души желаю счастья и успехов». И тут же сказала, что приготовила для меня сюрприз.

Итак, где-то около полудия я сел в свой старый расхлябанный автомобиль и двинулся в путь через весь город, как всегда с чувством неловкости и впутреннего протеста, которое нарастало но мере того, как я приближался к цели. Со все усиливающейся душевной тревогой я выехал наконец на Аппневу дорогу, окаймленную на всем ее протяжении зелеными лужайками, кипарисами, пиниями и руинами кирпичных зданий. Ворота парка, в котором стояла видла матери, находились примерно на середине дороги, но правую руку, и я, как всегда, поискал их глазами, как будто надеялся, что они каким-то чудом исчезли и я могу спокойно продолжать ехать дальше, до самого Кастелли, а потом вернуться в Рим, в свою студию. Но нет, вот оии, распахнутые специально для меня, специально для того, чтобы остановить и затянуть меня внутрь, когда я буду проезжать мимо. Я сбросил скорость, резко повернул и, ощущая глухое и мягкое подирыгивание колес на гравии, въехал в кинарисовую аллею. Незаметный подъем вел к вилле, которая виднелась в глубине, и, глядя на маленькие черные кинарисы, на их крутые пыльные заантки, на неаысокий розовый дом, словно прикорнувший под небом, затянутым серыми перистыми облаками, похожими на комки грязной ааты, я снова ощутил в душе тот тоскливый ужас, который чувстаовал всегда, направляясь на свиданье с матерью. Подобный ужас испытывает, наверное, человек, собирающийся совершить что-то противоестественное; словно, въезжая в эту аллею, я возвращался в лоно, которое произвело меня на свет. Я нопытался подавить в себе это неприятное ощущение возвращения вспять и изо всей сылы нажал на клаксон, сообщап о своем прибытии. Затем, описав на гравни полукруг, остановил машину на подъездной площадке и вышел. Почти сразу же дверь нервого этажа отворилась, и на пороге пояаилась горничная.

Я пикогда прежде ее не видел; мать, которая упорно нанимала для нашего огромного дома прислугу, которой едва хватило бы на пятикомнатную квартиру, была часто выпуждена ее менять. Горпичная была высокая, с широкими мощными бедрами, огромным бюстом и странными, то ли слишком коротко, то ли просто плохо подстриженными волосами (такие волосы бывают у заключенных или выздоравливающих после тяжелой болезни), с бледным веснушчатым лицом, которое из-за огромных очков в черной оправе, полностью скрывавших глаза, выглядело угрюмым. Еще я отметил рот, похожий на раздавленный цветок бледно-розовой герани. Я спросил, где мать, а она а свою очередь спросила у меия, очень мягко: «Вы синьор Дино?»

— Да.

⁻ Сниьора в саду, около парников.

Я направился туда, не преминув по дороге бросить любопытствующий взгляд па машину, которая стоила на илощадке перед домом рядом с моей. Спортивная, низкая, мощная, с откидным верхом, металличоски-синего цвета. Значит, мать пригласила к завтраку кого-то еще? Размынляя об этой аероятной пеприятности, я обошел анллу кругом по идущему вдоль степ кирпичному тротуару, осененному деревцвми лавра и каменными дубами, и оказался с другой сторояы. Отсюда начинался обширный парк а итальянском стиле — с клумбами в форме треугольника, квадрата, круга, с деревьями, подстриженными то в форме шара, то нирамиды, то сахарной головы, с бесчисленными гравийными аллеями, окаймленными самшитом. Самая широкая аллея, крытая сверху белой металлической пергоной, по которой вилась аиноградная лоза, делила парк на две части; аллея начиналась от дома и шла до конца участка, где уже у самой ограды поблескивали стекла многочисленных парников. Как раз на полпути между виллой н парпиками, под перголой, я уаидел синну идущей впереди матери. Почему-то я ее не окликнул, а пошел следом, анимательно ее разглядывая.

Она шла медленио, очень медленио, как человек, который, глядя вокруг, наслаждается тем, что аидит, и старается продлить это приятное созерцание. На матери был темиосиний костюм с очень узким в талии и широким а плечах жакетом и узкой, как футляр, юбкой. Она всегда одевалась так, в прилегающие костюмы и платья, которые делали се маленькую рахитичиую фигурку еще более сухой, прямой и негнущейся. У нее была длинная иервная шея, большая голова, а белокурые тусклые волосы всегда тщательно завиты и уложены. Даже издали я прекрасно видел каждую жемчужину ожерелья на ее шее — так они были велики. Мать любила броские украшения: массивные кольца, которые свободно болтались на ее худых пальцах; огромные браслеты с амулетами и подвесками, которые, казалось, вот-вот соскользнут с тощих аапястий; булавки, слишком роскошные для ее иссохшей груди; серьги, чересчур крупные для некраснвых хрящеватых ушей. С чуаством привычной досады я в очередной раз отметил, какими огромными кажутся на ией туфли и сумка, которую она держала под мышкой. Наконец, собравшись с духом, я окликнул ее: «Мама!»

С характериой для нее подозрительностью она резко. словно почувствовав на плече чью-то руку, остановилась и, не поворачиваясь, повернула на оклик голову. И увидел худое лицо с авпавшими щеками, иссохшим ртом, длинным узким носом и стеклянными голубыми глазами, которые смотрели на меня через илечо. Потом она улыбнулась и, повернувшись, пошла мне навстречу, опустив голову и глядя в землю и произноси, словно бы по обизанности, традиционную фразу: «Добрый день и еще сотню таких дней». И хотя она аклидывала а эту фразу самые искренние чувства, я не мог не отметить, что голос ее, как асегда, звучал сухо и резко, как у вороны. Подойдя ко мне, она повторила: «Еще сотню таких дней, ну поцелуй же меня», и тогда я накловился и чмокнул ее в щеку. Уже адвоем мы ношли но аллее дальше. Нераым делом мать сказала, указав на виноград, который вился по прутьям перголы: «Знаешь, на что я смотрю? На анноград. Взгляни-ка!» Я подпял глаза и увидел, что почти асе гроздья — одни больше, другие меньше — аыглидели так, словно кто-то их аысосал.

«Это ящерицы»,— сказала мать тем странио-доверительным, сердечным и в то же аремя рассудительным тоном, каким она всегда гозорила о саоих растениях. «Эти засрюшки подинмаются по прутьям наверх н едят мой виноград. И тем самым губят мне перголу, потому что черные гроздья среди зеленых листьее выглядят замечательно, но если они наполовину аысосавы — эффект уже не тот».

Я сказал что-то о потолке одного римского дворца, расписанном Цуккари, где был как раз использован мотив золотой перголы с чериыми гроздьями и зелеными листьями, а мать продолжала: «А ачора вдруг, уж не знаю как, в сад пробралась курица. Одна иа этих ищерок как раз была наверху, сосала мой виноград и вдруг свалилась вниз. Так вот, она еще не успела долетсть до земли, как се подхаатила курица и буквально всосала ее а себя. Буквально — асосала».

«Раз так, — сказал я, — заводи кур. Они будут поедать ящериц, и те, будучи съедены сами, уже не смогут поедать таой виноград».

«Радн бога! Куры кроме ящериц уничтожат вообще все, что тут есть. Уж лучше

держать ящериц»

Тем временем мы проили под нерголой до самой ограды и нрохаживались теперь вдоть нарников. Мать то наклонялась, чтобы взять на ладонь, удерживал между двумя пальцами, венчик цветка, расцветшего этой ночью, то буквально замирала с остекленевшим взглядом перед глиняным горшком, из которого свисал до самой земли какой-то толстый мохнатый стебель, так похожий на змею, что казалось странним, что он не шипит; то в сухой поучительной манере сообщала мне какие-то сведения из области ботаники, почеркнутые ею из бесед с двумя нашими терпеливыми — так как очень хорошо онлачиваемыми — садовниками, к которым она приставала со своими разговорами все время, пока они работали в саду. Как я уже говорил, любовь к цветам и растепинм была единственной поэзией ее жизни, которая во всем остальном была сплоиной пролой. Разумеется, она любила меня — по-своему, а приумножением нашего состояния занималась

с неподдельной страстью, по как а делах, так и а отношениях со мной на первое место асегда выступала ее властная, грубая, корыстная и подозрительная натура. В то время как цветы и прочие растения она любила бескорыстно, с полным самозабвением и безо всякого расчета. Ну а отец, какой любовью она любила отца? И мне тут же, как всегда, пришла в голову мысль, что по крайней мере в одном мы с отцом сходились: нам обоим не хотелось жить рядом с нею. И я вдруг, безо всякого перехода спросил:

А кстати, можно узнать, почему отец всегда от тебя убегал?

Я увидел, что она номорщилась — так она делала асегда, когда я заговариаал с нею об отце: «А почему "кстати"?»

- Неважно, ты ответь на вонрос.

— Твой отец никогдв от меия не убегал,— отаетнла она с холодным достоинством, мгновенье помедлив,— он просто любил путешествовать. Посмотри-ка на эти розы, правда красивые?

Но я продолжал настанаать не допускающим аозражений тоном:

- Я хочу, чтобы ты расскаавла мне об отце. Если он убегал не от тебя, почему ты не нутешествовала вместе с ним?
 - Прежде всего, кто-то должен был оставаться а Риме, чтобы блюсти наши нитересы.

— Ты хочешь сказать «твои интересы»?

— Интересы нашей семьи. А потом, мне не нравилось, как он путешествовал. Я люблю путешестаовать с удобствами. Поехать куда-нибудь, где хорошие гостиницы, где живут люди, которых я знаю. Например, в Лондон, а Париж, а Вену. А он потащил бы меня куда-нибудь а Афганистан или Боливию. Терпеть на могу неудобств и не выношу экзотических стран.

Но я стоял на своем:

— Почему же он все-таки убегал из дому или, как ты говоришь, путешествовал? Почему он не хотел оставаться с тобой?

- Потому что он не любил сидеть дома.

- Почему ои не любил сидеть дома? Ему что, было скучно?

— Меия это никогда не интересовало. Знаю только, что у иего вдруг портилось настроение, он переставал разговарнвать, не аыходил из дому. Коичалось тем, что я сама давала ему деньги и говорила: «Бери и езжай куда хочешь».

- А тебе не кажется, что, если бы он тебя любил, он бы сидел дома?

— Да, иаверное,— отаетила она спокойно саонм яенриятным каркающим голосом, а котором, казалось, заучало удоалетаорение, оттого что произносит он чистую правду.— Но он меня не любил. Ведь это я захотела, чтобы он на мне женился. По саоей аоле он, вероятно, никогда бы этого не сделал.

Он был беден, да? А ты богата.

— Да, у него ие было буквально ни гроша. Он, правда, был нз хорошей семьи. Но это все.

- А ты не думаешь, что для него это был брак по расчету?

 О нет, твой отец не был корыстен. В этом отношении он был как ты. Он асегда нуждался, но не придавал деньгам никакого значения.

- Знаешь, почему я расспрашиваю тебя об отце?

- Честио голоря, нет.

— Мне вдруг пришло а голову, что а одном отношении мы с иим похожи. Я ведь тоже временами от тебя убегаю.

Я увидел, что она наклонилась и маленькими ножницами, которых я до того ие заметил, аккуратно среавла какой-то красный цаеток. Потом распрямилась и спросила: «Как подвигается твоя работа?»

При этом вопросе у меня слоано петлей стянуло горло, и я почувствовал, как от меня как будто кругами пошло, заполоняя все аокруг, серое ледяное уныние: так бывает, когда на солнце иаползет туча и скроет от него землю. Но я асе-таки ответил, котя голос мой звучал сдавленно: «Я больше не рисую»,

Что значит не рисуешь?

Я решил бросить жиаопись.

Матери пикогда не правились мои занятия живописью прежде всего потому, что она ничего в ней не смыслила, хотя и не любила а этом признаваться и слышать, как ей говорят об этом; кроме того, она думала — и, может быть, была не так уж неправа, — что живопись отдаляет меня от нее. Однако я лишний раз восхитился ее самообладанием. Другая на ее месте выразила бы по крайней мере удовлетворение. Она же приняла новость совершенно равнодушно. «А почему? — спроснла она, мгновенье почедлиа, тоном праздного, вежливого, как бы светского любопытства. — Почему ты вдруг решил броснть живопись?»

В этот момент мы уже почти подошли к дому: из кухии доносилси запах какого-то замечательного кушанья. Я чувствовал, что мое отчаяние не только не уменьшается, но растет, хотя я и твердил себе как только мог яростио: «Сейчас пройдет, сейчас все пройдег». И тут вдруг в моей памяти всилыло одно воспоминание: мне пять лет, и я, отчаянно

плача, бегу с кровоточащей коленкой ваерх по аллее не этого, а другого сада и, добежаа, а отчаянии бросаюсь на грудь матери; она же, наклониащись надо мной, говорит своим резким каркающим голосом: «Погоди, не плачь, покажи, что там у тебя; не плачь, разве ты не знаешь, что мужчины не плачут?» Я азглянул на мать, и мне показалось, что впервые за много лет я испытываю к ней чувство любвн. И, отвечая на ее вопрос, я сказал: «Да так»,— самое короткое, что мог придумать, потому что стыдился своего отчаяния и не хотел, чтобы она его ааметила.

Однако я сраау же понял, что «да так» не помогло, отчаяние не проходило, я чувствоаал его кожей и аолосами, аесь мир вокруг меня как будто увял и лишился цвета. А потом, атянуа ноздрями аапах того прекрасного кушанья, который донес до меня легкий порыа аетра, я адруг ощутил страстное желание броситься матери на шею, чтобы она утешила меня а моем горе с живописью, как утешила она меня пятилетнего, когда я разбил коленку. И я вдруг скааал иеожиданно для себя самого: «Да, кстати, забыл сказать, я бросаю студию, которая мне теперь не нужна, и возвращаюсь сюда, к тебе». На мгновенье я замолчал, сам пораженный этими словами, которые вовсе не собирался произносить и которые вдруг вырвались сами, сам не знаю как. Потом, поияв, что отступать некуда, с усилием добаанл: «Разумеется, если ты по-прежнему этого хочешь».

Несмотря на изумление, а которое повергло меня мое собственное предложение, я не мог еще раз ие восхититься умением матери скрывать свои чувства: на своем светском языке она называла это умение — «держать форму». Я сказал ей сейчас то, чего она ожидала долгие годы, может быть, единственное, что могло доставить ей радость, и аот пожалуйста — ни один мускул не дрогнул в ее сухом, словно бы одеревеневшем лице, ничто не отразилось в ее стеклянных глвзах. Медленно, голосом, который звучал более чем когда-либо неприятно, с интонацией светской дамы, которая обменивается в гостиной комплиментами с совершенно безразличным ей человеком, она сказала: «Как я могу не хотеть! В этом доме тебя всегда примут с распростертыми объятиямн. Когда ты переедешь?»

- Сегодня аечером или аавтра утром.

- Тогда лучше завтра утром, у меня будет время приготовить твою комиату.

- Договорились, завтра утром.

После этих слов мы некоторое аремя молчали. Я пытался поиять, что произошло, уж не было ли моим истинным предназначением сидеть с матерью дома, мириться со скукой, заботиться о нашем фамильном состоянии и быть богатым. По-аидимому, и мать тоже уже пережила момент изумлення и радости по поводу исожиданной победы и теперь, судя по иапряженному выражению сухого неподвижного лица, думала о том, как получше организовать эту победу, то есть планировала свое и мое будущее.

В коине концов она сказала безо всякого выражения: «Не знаю, нарочно ли ты так подгадал, но в общем это добрый знак. Сегодня твой праздник, и именно сегодня ты решил вернуться домой. Утром я уже говорила, что у меня есть для тебя сюририз: будем считать, что я сделала его в связи с обоими событиями».

Я спросил без особого любопытства: «Какой сюрприз?»

Пойдем, я тебе его покажу.

 Как бы то ни было, — сказал я раздраженно, — веселиться сегодня можно только по одному из двух поводов: по поводу моего аозвращения домой. Вот это и есть праздник.

Почувствовала ли мать сарказм в моих словах? Или не почувствовала? Во всяком случае, она ничего не сказала. Она шла впереди меня, обходя дом по тротуару, пока мы не оказались на подъездной площадке. Там она решительными шагачи подошла к краснаой спортивной машине, которая стояла рядом с моей, остановилась н положила руку на капот — совсем как те девушки, которые фотографируются на рекламах автомобильных фирм. «Ты как-то сказал, что хотел бы вметь быстроходную машину. Сначала я было подумала купить тебе гоночную, но они такие опасные, и тогда остановилась вот на этой. Агент фирмы сказал, что это последияя модель, выпущенияя несколько месяцев назад. Она делает больше двухсот километров в час».

Я медленно подошел, спрашивая себя, сколько же может стоить автомобиль, который мать решила мне подарить: три миллиона, четыре? Машина была нностранной марки, исполнена в варианте «люкс», я знал, что автомобили этого типа стоят чрезвычайно дорого. А мать тем временем продолжала рассказывать мне о машине все тем же отвлеченнолюбознательным, с оттенком сердечности, тоном, каким она говорила обычно о цветах своего сада. «Больше всего мне понравилось вот это, — сказала она, указывая на приборную доску, которая была вся черная, и никелированные кнопки и рычаги сверкали на этом черном фоне, как бриллианты на черном бархате ювелирной витрины. — А потом, мне нравится, что она надежна, как пара прочных башмаков ручной работы, предназначенных специально для дальних прогулок. Надежность, которая внушает доверие. Хочешь проехаться? Мы еще можем сделать небольшой круг до завтрака. У нас есть пара минут, но не больше — на сегодня у меня заказано блюдо, которое не должно перестаиваться».

Я пробормотал, тупо глядя на машину: «Если кочешь — пожалуйста».

— Да, давай-ка попробуем, ведь надо еще подтвердить агенту, что мы ее покупаем.

Ни слова не говоря, я открыл дверцу и сел за руль. Мать села рядом и, пока я аапускал даигатель н включал передачу, продолжала снабжать меня информацией о машине, говоря все тем же доверительно-поучительным тоном. «У нее откидной верх. Но агент говорит, что знмой сюда не проннкает ни малейшего дуновения ветерка. Впрочем, отопление тоже есть. А летом ты можешь ехать с поднятым аерхом, так ведь нриятнее».

Да, разумеется, приятнее.

— A цвет тебе нравится? Мне показалось, очень красивый, я даже не захотела смотреть другне. Агент сказал, что металлизация змали процедура дорогостоящая, но зато — как элегантно!

- Но очень непрочно, - не удержался я.

Если эмаль обдерется, ее можно перекрыть.

Машина азревела, именно так, как ревут гоночные, я разаернулся на площадке и быстро понесся по въездной аллее. Автомобиль был мощным и а то же время послушным, я чувствовал, как он буквально уходит из-под меня при малейшем нажатии на акселератор. Мы выехали из ворот, и я тут же вспоминл свое иедавнее ощущение, когда, подъезжая сегодия к вилле, вдруг почувствовал, что аозвращаюсь в лоно, которое меня породило. Сейчас я был внутри этого лона, и, видимо, мне уже не суждено было из него аыбраться.

Выехав за ворота, я повернул направо и поехал по Аппневой дороге в сторону Кастеллн. День был хмурым и ветреным, и вершина Монте Каво была окружена черным дымящимся кольцом из грозовых туч. Все, мимо чего мы проезжали,— сосны, кипарисы, руины, поля, изгороди — казалось матовым от пыли и обожженным летним зноем. Мать в своей прежней непринужденной манере продолжала время от времени, словно бы исподволь, нахвалиаать машниу, как будто открывая постепенно для себя все новые ее достоинства. Ни слова не говоря, я проехал всю Аппиеву дорогу до развилки, повернул влево, на большой скорости добрался до Новой Аппиевой, развернулся у семафора и даинулся назад.

- Ну, что скажешь? - спросила мать.

 Скажу, что по асем статьям это прекрасиая машина. Впрочем, я мог сказать это при первом взгляде.

 Как это при пераом азгляде, если это совсем новая модель, аыпущенная асего месяц назад?

- Я имел в анду, что знаю машины этой марки.

Вот аорота, аот книарисовая аллея, аот подъездная площадка подле аиллы. Описав полукруг, я остановился, затянул ручной тормоз, иекоторое время посидел молча и неподвижно, потом резко поаернулся к матерн и сказал: «Спасибо».

Онв ответила: «Я кунила ее просто потому, что она мне очень поиравилась. Если бы

я ие купила ее для тебя, я азяла бы ее себе».

Мне казалось, что она ждет чего-то еще, по крайией мере, если судить по ее лицу — иедовольному и требовательному. И я еще раз сказал: «Нет, правда, она мне очень нрааится, спасибо». И, потянувшись, коспулся губами ее сухой, шершавой от пудры щеки. И она, видимо, для того, чтобы не показывать, как приятна ей моя ласка, сказала: «Агент посоветовал: перед тем как начать ездить — прочесть вот эту инструкцию». Она открыла бардачок и вынула оттуда желтую брошюру. «Дело а том, что этот тип машин требует очень осторожного обращения, они легко ломаются».

- Хорошо, я прочту.

 Имея такую машину, ты мог бы запяться и дальним туризмом. Например, отпрааиться осенью во Францию или Испанию.

- Поеду весной, в этом году я не могу.

Весной тоже хорошо. Тут очень вместительный багажник — на три чемодана.

Вот теперь мать казалась полностью удовлетворенной; она даже поступнлась формой, ибо по ней было видно — редчайший случай, — как она довольна. Мы пересекли площадку, н мать указала налево: там, в конце узкой и длинной аллеи, обсаженной лааровыми деревьями, виднелось небольшое красное однозтажное здание. «А вон и твоя студия, — сказала она, — там все как было. Никто ни к чему не притрагнвался, если хочешь, можешь начать работать хоть завтра».

- Но я же тебе сказал, что бросил живопись.

Она ничего не ответила. Может быть, она показала на студию лишь для того, чтобы заставить меня повторить, что я бросил живопись? Тем временем мы подошли к входной двери. Мать прошла внеред, бросив мне с повелительной интопацией:

- Иди мыть руки, потому что завтрак сейчас подадут.

Она отворнла дверь, за которой, я знал, был коридор, ведущий на кухню, н исчезла. А я через другую дверь прошел в ванную. Очутившись посреди голубых кафельных стеи, я сунул намыленные руки под теплую струю, невольно глядя на себя в зеркало. В этот момент позадн меня приоткрылась дверь и я увидел а зеркале голову с то ли слишком короткими, то ли плохо подстриженными волосами: ато была горничная, которая астретила меня, когда я приехал.

Не оборачиваясь, продолжая глядеть в зеркало, я спросил: «Как аас зовут?»

- Рита.

- Я вас инкогда не видел.

Я здесь всего неделю.

Я наклонндся и с сидой намылил лицо, хотя в этом не было никакой пужды: просто мне казалось, что я стал грязным от тоскливых мыслей. Смывая мыло, я услышал мигкий голос Риты: «Полотенце вот тут» — и покывал в знак того, что нонял. Когда я снова поднял лицо, девушки уже не было. Я вышел из ванной и прошел через прихожую в гостиную, вернее, в анфиладу из четырех-няти маленьких гостиных, которые занимали весь первый этаж.

Эти парадные компаты для гостей, которые сообщались друг с другом посредством арок и дверей без створок, образуя как бы одно целое, были обставлены совершенно без тико, с той пышной и скучной безликостью, которая всегда огличает мебель, купленную исключительно из-за ее дорогой цены. Вы могли быть уверены, что не пайдете тут ни одной вещи, которай была бы не из самых дорогих или, но крайней мере, не принадлежала бы к категории самых дорогих. У матери не было ни вкуса, ил культуры, ни любонытства, ни любой к прекрасному; критерием выбора при покупке для нее всегда служила цена: чем выше она была, тем несомнениее для нее было, что продавлемая нець обладает свойствами красоты, утончениости и оригинальности, которые другим способом она просто не в состоянии была бы распознать. Разумеется, мать не сорила депьгами, напротиа, она была очень бережлива, и сколько раз приходилось мне слышать, как восклицает она в магазине: «Нет, нет, это слишком дорого, не стоит об этом и говорить». Однако я знал, что, говоря это, она имеет в виду лишь собственную покупательскую способность, а вовсе не реальную ценность вещи, в которой она не понимала решительно ничего и которан, хотя и была ей не по карману, оставалась желанной именно потому, что стоила так дорого.

Благодаря такому критерию отбора в доме постепенно собралась котлекция мебели, совершенно бесстильной и не создающей пикакого уюта, но добротной и внушительной, потому что помимо денежной стоимости мать огромное аначение придаала прочности вещи и ее размерам, то есть тем двум качествам, которые она способна была разглядеть и оценить. Глубокие диваны, огромные кресла, гигантские абажуры, монументальные столы, тяжелые шторы, массивные безделушки — все в этих гостиных наводило на мысль о дорогостоящей и добротной роскоши. Впечатление усиливалось силинем натертого воском наркета, полированных деревянных поверхностей, до блеска начищенной медной и серебряной утвари — чистота тоже была одной из характеринх примет этого дома. И наконец, новсюду были вазы, в которых стояли букеты, аыглядящие всегда почему-то немного нохоронно: цветы для них мать каждое утро сама срезала в оранжерсе.

Я заметил, что смотрю на все это не как обычно, рассению и равнодушно; мие как будто хотелось нонять, какое внечатление нроизводят на менн все эти вещи теперь, когда я решил вернуться. И обнаружил, что испытываю чувство какого-то извращенного костыдного удовлетворения, как будто уступил давнему искушению, продолжающему быть для меня отвратительным даже после того, как я ему ноддался. Я подошел к старинному веркалу в тяжелой раме, которое висело над консолью в глубине гостиной, изглянул в него в, неожнданно для себя, громко сказал: «Кретин» — то ли с яростью, то ли злорадно. И в ту же самую минуту услышал рядом какой-то шорох.

Я обернулся и увидел Риту, которая стояла около сервировочного столика с баром и смотрела на меня вопросительным взглядом сквозь толстые стекла очков в черной оправе. Я спросил себя, слышала ли она, как я обругал себя вслух, но по ее бледному хмурому лицу инчего нельзя было понять. Мгновенье помолчав, она сказала: «Синьора сейчас спустится. Пока она просила предложить вам анеритив. Что вы желаете?»

Я снова спросил себя, не было ли в ее голосе иронни, которую я не мог прочесть на ее лице. По нет, голос был серьезный, по крайней мере, притворялся серьезным. Я сказал, что хотел бы виски, и она, взяв бутылку, очень точными движениями налила немного виски в стакан, разбавила водой, положила кубик льда и протяпула мие, говоря: «Чтонибудь еще?»

Я ответил, что инчего больше не надо, и увидел, как она уходит, ступая в своих подбитых фетром туфлях совершенно бесшумно. Держа в руке стакан, я сел в одно из огромных кресел, зажег сигарету и принялся размышлять. Почему я обругал себл тогда, неред веркалом? Очевидно, решкл я в концо концов, самое онасное в этой комедии блудного сына, которую я разыгрывал перед самим собой, было то, что временами, именно тогда, когла я этого совсем не хотел, меня искушало желание устроить какое-нибудь скандальное безобразие. Иными словами, я был блудный сын особого рода, сын, который, падая в объятия старика отца, испытывает желание дать ему хорошего пника, а съев праздничный обед, бежит в сад, чтобы его выблевать. Я не успел развить это интересное предположение, потому что вошла мать. «Рита дала тебе вызлить!»

— Да, спасибо. Но кто она такая, эта Рита?

— Повенькая, с прекрасными рекомендациями; она служнла раньше у американцев, по они уехали. Вообще-то у них она была чем-то вроде гуверпантки, но тут детей нет, 102

и я сказала: «Вот что, милая, мне придется разжаловать вас в горпичные. Решайте сами, подходит вам это или нет». Она, разумеется, согласилась: еще бы, при нынешней-то безработпце!

Мать продолжала расскааывать о Рите и тогда, когда мы уже вошли в столовую, где сама Рита стояла возле буфета в нитяных перчатках, кружеаной наколке и маленьком овальном передничке. Я котел было сказать матерн: «Тише, ведь Рита здесь», ио посмотрел на угрюмое лицо а очках и внезапно совершенно точно понял, что она видела меня в тот момент, когда я, глядя в зеркало, обзывал себя кретином. Мне ноказалось, что в глубине души мне не было это неприятно, как будто с той минуты мы с Ритой аступили в отношения некоего тайного сообщичества. Я сел, села и мать, н, сев, сказала Рите: «Рита, синьор Дино — мой сын н с завтрашиего дня будет жить здесь. Не забудьте, если к телефону позовут синьора по имени Дино, то это мой сын».

Мы сиделн одив против другого за маленьким круглым столом в небольшои, но очень высокой комнате, положив руки на кружевную флорентийскую скатерть, на которой лежали столовые приборы из английского серебра и стояли тарелки из немецкого фарфора и французские хрустальные бокалы. За спиной матери поблескивало в полутьме резное светлое дерево голландского буфета, а позади меня, я знал, стоял вснецианский буфет. Итальянское окно, выходившее в сад, было открыто, по шторы плотно задернуты, потому что мать не любила, как она говорила, чтобы садовники считали куски у нее во рту. Мать сама налила мне вина на хрустального, отделанного серебром графина, потом сказала Рите, что можно подааать. Девушка взяла с буфета поднос с фарфоровым сотейником и ноднесла его матери. Та сухо сказала: «Подай сначала сииьору Дино».

Но почему? Сначала тебе!

Нет, тебе.

- Рита, подайте сначала синьоре.

— Но ведь я почти ничего не ем, — сказала мать и кончнком ложки положила себе па тарелку какой-то крохотный кусочек. Рита подошла ко мпе, и тогда я попял, чем это так вкусно пахло а саду из кухни: макаронная запеканка! Мать сказала: «Я знаю, что ты ее любншь, и потому приказала приготовить ее сегодия специально для тебя».

— Прекрасно! Прекрасно! — воскликнул я с мазохистским удовлетворением, наваливая себе в тарелку огромную порцию запеканки. Последнее время я ел совсем мало, а в особенности избегал блюд такого рода. И потому ие мог ие подумать о том, что комедия блудного сына таким образом продолжается. Я расхохотался. Мать забеспокоилась: «Чего ты смеешься?»

Я ответил: «Вспомнил, что читал где-то забавную на историю блудного сына, помнишь ту, евангельскую?»

Какую пародию?

— В еваигельской истории блудный сыи возвращается домой, отец принимает его со всевозможными почестями и закалывает в честь него упитанного тельца. А в пародии унитанный телец, знающий о своем предназиачении, в страже убегает, как только блудный сын возаращается домой. Телец ааставляет себя подождать, потом иаконец возвращается, и тогда на радостях, желая отпраздновать возвращение упитанного тельца, отец закалывает блудного сына и предлагает его тельцу.

Я знал, что мать не вериг нн во что, кроме денег. Но, как я уже говорил, она верпла в то, что называла «формой», а форма, кроме всего прочего, понуждала ее посещать церковь и, в общем, уважать все, что было связано с религией. Она сделала каменное лицо, потом сказала особенно неприятным голосом: «Ты же знаешь, что мне не правится, когда ты смеешься над святынями».

— Да что ты, пн над какими святынями я не смеюсь. Но что такое мое возвращение, как не принесение в жертву блудного сына, которым являюсь я, упитанному тельцу, которым является здесь все остальное? — И я повел рукою вокруг, указывая на богатое убранство комнаты.

Не поняла.

Как ни странно, у матери было своеобразное чувстао юмора, правда, несколько тягостное н прямолинейное. Потому она тут же, не улыбнувшись, добавила: «Во всяком случае, могу сказать, что телец будет сразу за этой горой макарон, вот только не знаю, достаточно ли упитанный».

Я инчего не ответил и продолжал пожирать свои макароны с удовольствием, к которому примешивалось раздражение, потому что я на самом деле был голоден и запеканка была вкусная, во при этом я злился на самого себя за то, что она мне правится. Потом я поднял глаза на мать и увидел, что она смотрит на меня неодобрительно. «Надо лучше прожевывать, — сказала она, — пища начинает перевариваться еще по рту».

- Какая гадость! Кто тебе это сказал?

- Все врачи это говорят.

Ее стеклянные голубые невыразительные глаза смотрели на меня новерх упизанных перстиями, скрещенных под подбородком рук — взглядом, трудно поддающимся определению. Я поспешно очистил свою тарелку, и мать тут же холодно сказала Рите своим

произительным голосом: «Положи синьору Дино еще». Рита, которая все это время стояла, прислонившись спиной к буфету позвди матери, снова взяла фарфоровый сотейник и поднесла его мне. Я взял ложку, чтобы положить себе макароны, оставив леаую руку лежать там, где она была, на краю стола. И вдруг почувствовал, как рука Риты, которой она придерживала поднос, легонько пожала мою, легонько, но так, что трудно было поверить в случайность этого прикосиовения. Я не стал над этим особо раздумывать и снова принялся за еду. Потом спросил с отсутствующим аидом:

Ну, а чем ты теперь занимаешьси?

— Что ты имеешь а виду?

- То, что я сказал. Чем ты занимаешься?

- О, я жиау точно так, как и раиьше, ты же прекрасно асе знаешь!

- Да, но за все те годы, что я жил не дома, я ни разу не спросил тебя, чем ты занимаепься. А раз уж я возвращаюсь, мне интересно это знать. Может быть, у тебя асе переменилось.
- Я не люблю ничего менять. Мне нравится сознавать, что я живу сейчас точно так же, как жила десять лет назад и буду жить десять лет спустя.
- Но я-то ведь не знаю, как ты живешь. Ну, скажем так,— ао сколько ты просыпаешься по утрам?
 - В восемь.
 - Так рано? Но я часто звоню тебе а девять, и мне говорят: синьора еще спит.
 - Да, бывает, я сплю и подольше, когда поздно ложусь.

- А проснувшись, что ты делаешь? Завтракаешь?

- Ну разумеется.

- В спальне, а столовой?
- В спальне.
- В постели или за столом?
- За столом.
- Что ты ешь на завтрак?
- Всегда одно и то же: тосты и апельсиновый сок.
- А после завтрака что ты делаешь?

— Иду а аанную комнату.

Мать отвечала на мои вопросы слегка раздраженно, но с достоинством и не без удивлеиия— как будто я подвергал сомнению то, что по утрам она, как все люди, заатракает и моется.

- Ты принимаешь ваниу или душ?
- Ванпу.
- Ты моешься сама или тебе помогает горпичная?
- Горничная доводит воду до нужной температуры, кладет ароматические соли, а потом, когда асе готово, помогает мне мыть те части тела, которые мне самой не достать.
 - А потом?
 - А потом я выхожу из аанны, аытираюсь и одеааюсь.
 - Горничная помогает тебе одеваться?
 - Она помогает мне натянуть чулки. Одеааться я люблю сама.
 - А ты разговариваещь с горничной, когда моешься и одеваешься?

Мать адруг, аидимо невольно, рассмеялась — нервно и раздраженно: «Знаешь, очень странные ты задаешь аопросы. Я могла бы и не отвечать. Моя интимпая жизпь никого не касается».

- Разве я спрашиваю тебя, о чем ты думаешь? Я спрашиваю только о том, что ты делаешь. Постарайся меня понять. Ведь я возвращаюсь домой после десятилетнего отсутствия. Естественяо, что мне хочется снова тут освоиться. Итак, ты разговарнааешь с горничной?
 - Ну разумеется, разговвриваю, она же не автомат, она живой человек.
 - А когда ты надеваешь драгоценности до платья или после?
 - В последнюю очередь.
 - А а каком порядке, то есть что сначала, а что потом?
- Знаешь, кого ты мне напоминаешь? Полицейского из детективного романа, когда он начинает расследование.
 - Но мне и а самом деле нужно кое-что расследовать.
 - И что же?
- Сам пока не знаю. Знаю только, что нужно. Так в каком порядке ты надеваещь драгоценности?
 - Сначала кольца и браслеты, потом ожерелье, потом серьги. Ты удовлетворен?
 - А когда ты уже полностью одета, что ты делаешь?
 - Спускаюсь вниз и отдаю распоряжения кухарке.
 - То есть пишешь меню для обеда и ужина?
 - Да.
 - А потом?

Иду в сад, нарезаю цветы, приношу их домой, расставляю по вазам. Или гуляю и разговаринаю с садовниками. В общем, занимаюсь садом.

А после сада что делаешь?

Она взглянула на меня, потом ответила с оттенком торжестаенности в голосе: «Иду а кабинет и начинаю запиматься делами».

— И это каждый день?

- Да, каждый день, всегда находится какое-то дело.

- И что конкретно ты делаещь?

- Ну что... пишу, принимаю посетителей.

То есть к тебе приходят адвокаты, сборщики налогов, биржевые маклеры, доверенные лица, да?

Внезапно она снова рассмеялась, но на этот раз каким-то довольным, почти чувственным смехом— верный признак того, что я попал а самую точку: «Вероятно, моя работа кажется тебе ерундой. Что и говорить, это не живопись, но все-таки довольно тяжелый труд, который отнимает у меня всю первую половину дня, а иногда и аторую».

Но эта работа тебе нрааится?

- Да, но ппогда у меня даже начинает болеть голова, вот тут, а затылке.

Так не нужно так падрываться.

Мать снова некоторое время смотрела на меня каким-то сочувственным взглядом, потом сказала своим режущим слух, каркающим голосом: «Я делаю это для тебя, я хочу, чтобы таое состояние не только сохранялось, но и росло».

- Мое состояние? Это твое состояние!

- Когда я умру, опо станет твоим.

— Ты еще соасем молода, я уверен, что умру раньше. От скуки. Ну ладно, скажем так: «наше состояние». Так как обстоит дело с нашим состоянием? Каково оно?

 Ну, знаешь, ты действительно ведешь себя очень странно. С состоянием все а порядке благодаря моим стараниям. Если бы не я, сейчас у нас не было бы ни гроша.

- Так что, мы очень богаты?

На этот вопрос мать не ответила, ограничившись тем, что сделала каменное лицо с совсем уже стеклянным взглядом. Потом сказала: «Рита, что вы там стоите столбом? Почему бы вам не взглянуть, готово ли второе?» Я увидел, как Рита вздрогнула, словно пробуждансь от сна, и аышла. Мать сразу же сказала: «Послушай, ведь я же всегда тебя просила не говорить о деньгах при слугах».

- Почему? Я бы еще понял, если бы мы говорили о чем-то неприличном. Но о день-

гах? Разае деньги — это неприлично?

Мать, опустна глаза, покачала головой, как бы не желая даже опровергать мои доводы: «Они бедны, и не следует хаастаться богатством перед тем, кто беден».

— Да брось, ты просто никогда не хочешь говорить о деньгах, даже когда мы одни. У тебя сразу делается такое лицо, будто ты шокирована: можно подумать, что речь идет не о деньгах, а о сексуальных проблемах!

И снова нокачивание головой: «Нет, мне как раз нравится говорить о деньгах, но всему есть время и место; раз ты возвращаешься домой, нам даже надо о них поговорить. После завтрака нойдем ко мне а кабинет, и я представлю всю интересующую тебя информацию».

В этот момент вошла Рита, неся длинный овальный поднос, на котором среди пучков зелени и овощей лежал разрезанный на множество кусков тот самый телец, о котором говорила мать. И я тут же, как ни в чем не бывало, спросил, словно побуждаемый каким-то злым демоном: «И все-таки ты мие не ответила: мы очень богаты или нет?»

На этот раз опа ограничилась просто молчанием, но я почувствовал, что под столом ее нога ищет мою, чтобы наступить на нее. Затем она сказала Рите: «Обслужи синьора Дино,

я мяса не ем».

Эта иога, наступившая на мою, вызвала ао мне буквально взрыв отчаяния. Мать наступала мне на ногу, как делают обычно любовники, разница была только в том, что мы были не любовники, а мать с сыном, и связывала нас не любовь, а деньги. И я не мог отказаться от этой связи, потому что это означало бы отвергнуть кровные узы, которые за ними стояли. Итак, поделать было ничего нельзя, хочешь не хочешь, а я был богат, и опровергать это было то же самое, что признавать.

Между тем мое отчаяние вылилось в совершенно неожиданные поступки. Когда, протягивая мне поднос с телятиной, Рита склонила надо мной свою цветущую грудь и веснущчатое непропицаемое лицо с красивым бледным ртом цвета герапи, я, пользуясь подносом как прикрытием, обхаатил ее запястье и стал подниматься по руке все выше и выше. При этом другой рукой я с помощью вилки накладывал себе еду, а когда кончил, отложил вилку и снова холодно возобновил свой допрос: «Так богаты мы или нет?» И еще раз почувствовал на своей ноге ногу матери. Тогда я сказал: «Рита, пожалуйста, можно аас на минуточку?»

Рита послушно вернулась и протянула мне поднос второй раз. Я снова взял а руки аилку и принялся выбирать на подносе куски мяса и зелень, а другую в это время опустил под стол и стал подниматься по ноге Риты все выше и аыше, до самого бедра. Сквозь пышные складки юбки моя рука чуастаоаала, как подергиваются ее мышцы — соасем как у лошади, которую гладит хозяин. При этом ннчто не отразилось на ее лице, в котором действительно, это мне ие показалось, было что-то лицемерное. В конце концов Рита отошла, а я, поймав ее быстрый взгляд, устанаалнаавший между нами отношения тайного сообщиччества, вынужден был констатировить, что прямо сейчас, еще до переезда, я оказался в положении несравненно худшем, чем десять лет назад: а ту пору, что бы ни случилось, я бы асе-таки не стал лапать собственную горничную.

Мать сняла ногу с моего ботника в тот самый миг, когда я отораал руку от Ритиного бедра: это совпадение было странным, можно было нодумать, что мать действовала со мной заодно. Я же сразу аозобиовил прерванный разговор: «Итак, ты работаешь до часу

н позже каждый день?»

— Каждый депь, кроме аоскресенья.

- А а аоскресенье что ты делаешь?

- Хожу к мессе.

В какую церковь?

Святого Себастьяна.

— Что ты делаешь в церкан?

То же, что и асе, слушаю мессу.А ты когда-нибудь исноведуещься?

- Разумеется, исповедуюсь. И причвщаюсь.

— И священник отпускает тебе грехи?

— Мне инкогда не приходилось исповедоваться а слишком тяжких грехах,— сказала мать с иекоторым даже кокетством.— Знаешь, что говорит мне иногда дон Луиджи? «Синьора, вы кончаете там, где другие только начинают». Да и какие могут быть грехн а мои годы?

И она посмотрела на меня, как бы гоаоря: я даано уже отказалась от того едипственного, что могло заставить меня согрешить.

После небольшой паузы я аозобновил разговор: «Вернемся к твоему расписанию. Итак, а будни ты по утрам работаешь, ну, а потом?»

— А потом обедаю.

- Одна?

- Да, утром я всегда ем одна. Лишь изредка приглашаю адвоката; в тех случаях, когда мы не успеваем кончить какое-нибудь дело и должны продолжать его во второй половине дня.
 - А кто этот адаокат? Де Сантис?

Да, по-прежиему ои.

- Ну, а после завтрака?
- После завтрака и гуляю в саду.
- А потом?
- Иду отдыхать.
- То есть спать?
- Нет, я не сплю, просто снимаю туфли и, не раздеааясь, ложусь в постель. Но не сплю: лежу, думаю.

— О чем?

И я снова увидел, как она рассмеялась, смущенно в нерано, словио деаушка, которую заставляют говорить о любвн. «Ну, когда как. Скажем, сейчас, в последние дни, знаешь, о чем я думала?»

— О чем?

- Я думала о доме, который продается на набережной Фламинио. Редкостная оказия одно местоположение чего стоит. К сожалению, сейчас я не могу себе этого позволить, но асе равно об этом думаю. А иногда и думаю о аещах, которые могу себе позволить, как, например, вот это. Она протянула руку и показала мне кольцо с огромным изумрудом, окруженным бриллиантами. Я долго думала, азаешнаала асе «за» и «против» н а конце концов решилась и купила.
 - Ну, а когда отдохнешь, что ты делаешь?

— Да что же это, а коице коицов, такое, допрос, что ли?

— Я тебе уже говорил, что хочу войти в курс твоей жизни.

Очень неохотно она сказала: «Ну мало ли что, делаю, например, визиты».

— Кому?

 Когда как: бывает, надо пойти на накой-нибудь прием или коктейль, а кроме того, у меня есть подругн.

— И много у тебя подруг?

- Почти все, с кем я дружила а пансионе, я и сейчас с ними дружу, сказала мать с неожнданно задумчивым вндом. Не знаю почему, но после пансиона у меия ие появилось ни одной новой подруги.
 - И что вы делаете?

— А что ты хочешь, чтобы мы делали? Что обычно делают дами, собравнись вместе? Болтаем, ньем чай или мартини, играем.

— Во что пграете?

— Какои ты надоедливый! Ну а бридж, или в канасту, или в покер. Иногда устранааем соревнования по бриджу или канасте.

А, да, помию, благотворительные состязания.

- В последний раз мы устранвали их в пользу потерявших эрение на войне.
- На аойне? В каком-то смысле мы все потеряли зрепие на войне, ты не находишь?

- Что-то я тебя не понила. Но если это шутка, то, по-мосму, весьма соминтельная.

Ну, неважно. А к портнихам ты ходишь?

— Раз уж я не хожу голая, значит, у меня должна быть портипха. Кстати, хорошо, что ты напомнил, иначе бы я забыла: завтра показ мод у Фанти.

- А, Фанти! Все та же Фанти. Неужели она еще жива?

— Бедияжка, почему она должна умереть? Она не только жива, она прекрасно тебя помнит, помнит, как ребенком ты приходил к ней со мной. Она всегда спрашивает, что ты делаешь, как твое здоровье, надеется, что, когда ты женишься, ты приведешь к ней свою жену.

А аечерами что ты делаешь?

— Ужинаю, чаще всего одна. Иногда даю обеды человек на шееть — на восемъ, а после обеда приходят еще и другие. А то хожу в театр или кино с друзьями, все теми же. Но чаще всего смотрю телевизор.

- А, так ты купила телевизор, а я и не знал.

- Разве я тебе не говорила? Я поставила его а одной из гостпных. Иногда приходят соседи, и мы смотрим вместе. А иногда я смотрю одна. Мне правится телевидение, оно лучше кино: не надо выходить из дому, можно сидеть в удобном кресле и при этом что-то делать. Представь себе, я снова измала вязать после стольких лет. Вяжу сейчас свитер.
 - А после телевизора что ты делаешь?

- А что можно делать а это аремя?

Ну, к примеру, читать.

— Да, верпо, я и читаю, чтобы уснуть. Сейчас, например, читаю интересный роман.

- А кто автор?

— Не помию, роман американский. Из жизни маленького провнициального городка.

- Как называется?

Увидеа неуверенность на ее лице, я поспешно добавил: «Я забыл, что ты никогда в жизни не могла запомнить ни автора, ни иззаания книгн, которую читаешь. Правда?»

Мой тои, когда я это говорил, был почти ласковым, а кроме того, ей должен был доставить удовольствие тот факт, что я хоть что-то о ней помнил. Она смущенно засмеялась: «Нет, неправда. Но только некоторые имена очень трудно запомнить. А потом, для меня главное — это убить время. Кто автор, мне асе равно».

- Ты права. А перед спом ты, как и раньше, пьешь настой ромашки?

Неужели ты н это помнишь? Да, пью ромашку.
 Тебе приносят его а спальню? Ставят на тумбочку?

Да, на тумбочку.

Внезапно я замолчал, почувствовав, что по горло сыт асей этой белибердой. Я подумал, что мог бы говорить с матерью часами, но так ничего и не добиться: и ее жизнь, н она сама были настолько лишены всякого содержания, что сделались замкнутой в себе тайной— нелепой и все-таки непостижимой. Потом мать сказала: «Ну что, допрос окопчен? Или тебе еще надо знать, какие мне снятся сны?»

Я совершенно удовлетвореп.

Снова пауза. Потом мать неожиданно сказала: «Твоя мать очень одинокая женщина, у нее нет никого, кроме тебя, и она счастлива, что ты возвращаещься».

Я понял, как она взволнована, когда услышал, что она говорнт о себе в третьем лице. Мне хотелось сказать ей что-нибудь ласковое, но я не сумел. К счастью, Рита в этот момент поднесла мне поднос с какими-то очень изысканными сладостями, и я сделал вид, что восхишен:

Какой прекрасный десерт!

Это твой любимый.

Я положил порцию себе на тарелку, отметиа при этом, что Рита теперь держится от стола на некотором расстоянии. Я не повял, делала ли она это для того, чтобы продемонстрировать мие свое недовольство, или, наоборот, то было своеобразное кокетство, которое только притворялось неудовольствием. Мать, которая к сладкому даже не притронулась, не отрываясь смотрела на меня, покуда я ел. Под конец она сделала Рите какой-то знак, который я не понял. Девушка вышла и через некоторое время появилась снова с ведерком, из которого торчала бутылка шампанского.

А сейчас мы аыпьем бокал шампанского за таое здоровье.

Я увидел, как Рита движением, свидетельствовавшим о большом опыте, вынула из

ведерка бутылку, содрвла с горлышка серебряную фольгу и извлекла пробку без вякого шума и пены. Разлив шамианское по бокалам, она поспешно вышла, словно не желала нарушать саоим присутствием праздничный ритуал.

И вот я стою с бокалом а руке напротив матери, которая, тоже встав, протягивает мпе свой. Не зная, что сказать, я произпес традиционное: «Еще сотию таких дней».

Мать засмеялась: «Но это же я должиа сказать. Ты забыл, что это твой праздник, а не мой».

И тут я не аыдержал: «О нет, праздник сегодия как раз у тебя: я бросил живопись, я возвращаюсь домой, к тебе. Так что: "еще сотню таких дней"».

И чокнулся с матерью, которая на этот раз сделала вид, что не услышала моего тоста. Потом, уже отпив н поставнв бокал на стол, она сказала: «Недостаточно заморожено».

- Почему? Мне показалось, шампанское замечательное.

- Да, но оно мало полежало во льду.

Опа снова взяла бокал н выпила его до дна. Потом нажала кнопку звонка, вделанного в стол. Вновь появилась Рита. Мать сделала ей замечанне по поводу недостаточно замороженного шампанского, хотя, по-видимому, не ожидала никакого ответа. Потом сказала, что кофе мы будем пить в кабинете. Транеза была окончена.

Мы вышли из столовой и направились в кабинет, небольшую комнату, которая находилась в одном из угловых номещений первого этажа. Я заходил в эту компату не очень охотно, больше того, я ее избегал, потому что частенько думал о том, что это храм, принадлежащий религии, которую я меньше всего мог считать своей. Именно в этой комнате, сидя в кожаном кресле, обитом медными гвоздиками, перед большим барочным дубовым столом, спиной к книжным шкафам, где было мало книг и много гроссбухов, мать в одиночестве или в обществе доверенных людей совершала столь волнующие ее обряды заключения сделок. И в тот день я тоже последовал за ней неохотно и уже а кабинете, не удержавшись, сказал: «А почему адесь, почему бы нам не пройти в гостиную?»

Казалось, мать ие расслышала моего вопроса. Она села за стол и знаком попросила меня занять место напротна, в кресле, предназначенном для ее собеседника во время деловых переговоров. Потом пошарила в сумке, вынула ключ, слегка откинуашись отперла и выдвинула ящик письменного стола и извлекла оттуда узкую длинную черную тетрадь, поразившую меня своим видом: было в ней что-то, напоминавшее о религиозных церс мониях. Я тут же вспомнил, что это была та самая тетрадь, где а идеальном порядке было заприходовано все принадлежавшее нам имущество. Мать заданнула ящик, положила тетрадь перед собой, пристально взглянула иа меня глазами, сделавшимися еще более стеклянными, чем обычно, потом сказала: «Ты только что спрашивал, богаты мы или нет, но при гориичной я ие хотела говорить. Однако я асе равно довольна, что ты меня об этом спросил. Сейчас я представлю тебе асе сведения, какие ты только пожелаешь, потому что, — добавила она неожиданно деловым голосом, — самым большим моим желапием как раз всегда и было, чтобы ты помогал мне в управлении делами, чтобы ты, немного попрактиковавшись, кое а чем меня заменил. Тем более, что ты бросил живопись и, следовательно, у тебя теперь будет время».

При последних словах я аздрогнул: с каким спокойстанем, с каким удовлетвореннем мать произнесла «ты бросил живопись»; она совершение не понимала, что это было все равно что сказать: «ты бросил жить». И уже без прежней задиристости, даже сделав над

собой некоторое усилие, я сказал: «Ну так и что, богаты мы или нет?»

Некоторое время она молчала, глядя на меня со странной торжественностью. Потом наклонилась ко мне и понизила голос: «Мы не просто богаты, Дино, мы очень богаты. Благодаря твоей матерн ты сегодня очень богатый человек».

— Что значит «очень богатый»?

- «Очень богвтый» аначит нечто большее, чем просто богатый.
- Но печто меньшее, чем богатейший?
- Да, нечто меньшее.

Мать говорила сейчас с некоторой рассеянностью. Нацепив монашеского вида очки в золотой оправе, она листала страницы своей черной тетради. «Впрочем, только цифры дадут тебе понять... итак... где же это... а, вот оно, так вот, только цифры дадут тебе понять, что значит "очень богатый"».

Я понял, что она собирается предоставить мне обещанную информацию, н анезапно почувствовал неудержимое отвращение. «Нет, бога ради, не надо, — торопливо воскликнул я, — я не хочу знать, что такое "очень богатый". Я верю тебе на слово».

Мать подняла глаза от тетради, сняла очки н посмотрела на меня. «Но ты должен это знать, хотя бы для того, чтобы, как я уже говорила, помогать мне аести дела».

Я чуть было не заорал: «Да не желаю я тебе помогать!», но тут, к счастью, аошла Рита, иеся на подносе кофе. Прн виде Риты мать снова замолчала — как священник при виде неверующего. Резко захлопнув тетрадь, она сказала: «Разливайте кофе, Рита». И пока Рита, стоя около меня, наливала в чашечки кофе, я асе думал, как мне избежать этого кошмара, то есть объяснения того, что аначит «очень богатый». Рита снова стояла ко мне очень близко, почти касаясь ногой моего колена. Потом, повернувшись ко мне, она протя-

нула чашку. Рука у меня непроизвольно дерпулась, чашка опрокниулась на блюдечко, н кофе пролился прямо на мои светлые брюки, погам сразу ствло горячо и мокро. «Черт возьми,— воскликнул я, притворяясь огорченным,— мои брюки!»

Рита, неужели нельзя поосторожнее, — упрекнула ее мать, не успевшая понять, что

случилось

Я поторопился вмешаться: «Рита тут ни при чем, это я сам. Но так илн иначе, на брюках тенерь останется пятно».

Ничего страшного, — сказала Рита, — кофе был без сахара, я сейчас принесу воды и ототру.

Это предложение не понравилось матери, которая тут же властно аозразила своим неприятным голосом: «Ил в коем случае. Пятно не саодят прямо на человеке. Синьор Дино синмет брюки, аы их аыстираете и отгладите».

Я взглянул на Риту, которая стояла около стола с лицом, выражавшим смиренное послушание; она сказала совершенно серьезно: «Синьор Дино снимет брюки прямо сейчас или мие подождать?»

— От кофе может остаться пятно,— сказала мать,— будет лучше, Дино, если ты снимешь их сразу.

Но не могу же я снимать их прямо здесь, посреди гостиной?

Я увидел, что Рита отвернулась, может быть, для того, чтобы скрыть улыбку. Мать сказала: «Так поди в свою комнату, там сними брюки н отдай их Рнте. Потом надень халат — он висит в шкафу — и спускайся вниз. Тем временем я приготовлю документы, которые мне цужно тебе показать».

Так мы и вышли, Рита и я, она впередн, почти бегом, успеа бросить мие на ходу: «Знаете, я пойду первая, комната все аремя стояла запертая, я, по крайней мере, окна открою», а я за ней, с изумлением думая о том, что все разворачивается по неписаным, но непреодолимым законам классических историй со служанками. Не кто иной, как мать создает для сына повод уединиться с горинчной, сын с горинчной направляются к постели, а которую вот-вот лягут вместе, притворяясь друг перед другом, что приняли асерьез подсказанный матерью предлог, — горинчная, возбужденная саонм честолюбивым послушанием, сын, возбужденный саоим унижением господина. Размышляя иадо всем этим, я поднялся на третий этаж и направился к комнате, в которую передо мной аошла Рита.

Войдя, я увидел, что Рита, саеснашись из окна, распахивала жалюзи; дождаашись, когда она повернула ко мые раскрасневшееся от ходьбы, а может быть, и от возбуждения

лицо, я сухо сказал: «Подождите а коридоре, я аас позову».

Когда она аншла, я медленно подошел к окну и стал там спиной к дверн, отрешенно глядя на раскииуащийся анизу сад. Я не люблю вспоминать прошлое, н меня не аолнуют места, где я когда-то бывал, ио асе же это был деиь, когда я решил аериуться, притом аериуться после десятилетнего отсутстаия, и потому не удержался от того, чтобы не сравнить пынешнее свое душевное состояние с тем, десятилетней давности. Так аот, увидев сиачала ампириую мебель гостиной, а теперь геометрическую планировку сада, асе оставшееся точно таким, каким было, я заметил, что испытываю какое-то унылое облегчение при мысли, что и я тоже нисколько ие изменился. Да-да, иисколько не изменился: аозвращаясь к матери, я возвращался к старым своим привычкам, и может, постепенно снова пачну рисовать а той самой студин в глубине парка, которая тоже осталась такой же, как и была. Кто знает, может быть, так же, как после персезда на улицу Маргутта, когда я, пусть ненадолго, поверил в свои снлы, я и теперь, после переезда к матерн, снова на какоето время поддамся иллюзни, будто могу писать картины; а сущности, жизнь и состоит из постоянных перемен точек зрения, она — как неудобная постель, где нельзя долго лежать на одном боку. Тут я взглянул на постель н, увидев, что на ней нет ни одеяла, ни простыней, а матрас скатан, как обычно делается это в нежилых комнатах, анеаапно понял, что не так уж это хорошо, как мне казалось, — то, что ничего за это время не изменнлось ни аокруг, ни во мне самом.

Да, ничего не изменилось, это правда, но именно потому мне снова угрожало отчаяние, то самое, которое а свое время погнало меня нз дому. Ничего не изменилось, но, так как время даром не проходит, асе стало немного хуже, хотя и осталось по существу таким же. Скажем, вот сейчас: покуда мать ждала меня в кабинете, чтобы с документамн а руках объяснить мне, что значит быть богатым, в коридоре меня ждала Рита — чтобы я ее позвал и повалил в постель; две эти вещи только кажутся далекими друг от друга, на самом деле онн связаны между собой точным и тонким механизмом. Существование этого механизма не было для меня новостью, я давно о нем подозревал, но иикогда он не представал передо мной с такой ясностью, как сейчас, — так а аитрине авнаконторы видишь авиационный мотор в разрезе, со асеми его многочисленными сложными деталнми. Это был механизм отчаяния, который, стоит мне вернуться, заставит меня переходить от ощущення собственного богатства к творческому бессилию, от бессилия к скуке, от скуки к Рите или какому-нибудь другому унижению в том же роде. Уж лучше а таком случае аернуться в студию на улицу Маргутта, где отчаяние выражало себя просто в чистом холсте, кото-

рый мне не суждено было превратить а квртнну.

Тут я услыпал тихое, но откровенно нетерпеливое и доаерительпое царапанье а дверь и, не успев отдать себе отчет а том, что делаю, расстегнул ремень, снял брюки, раскатал на

кровати матрас и лег. Затем крикяул Рите, что она может аойти.

Она вошла в тот же миг и, увидеа меня лежащим, повернулась, чтобы запереть даерь. Я лежал неподвижно, вернее, неподвижным оставалось во мне все, кроме той части тела, к которой желание вызвало прилиа крови. Прижав подбородок к груди, я не отрываясь смотрел именно туда: так труп, распростертын на катафалке, может показаться разглядыаающим собственное тело, убранное и готовое к выносу. Рита тем временем подошла к кровати и, остановившись около нее, разглядывала меня сквозь придающие ей такой лицемерный вид очки так, как могла бы разглядывать какой-то пепопятный и достойный всяческого изучения предмет. Я протянул руку, схватил ее безвольно висящую кисть и потянул так, как тянут за узду не столько брыкливую, сколько боязливую лошадь; почувствовав, что вся она устремилась следом за рукой, я дотянул ее нальцы до этой части своего тела и, установив их там, отпустил. Теперь Рита стояла неподвижно, немяого подавшись внеред, с румянцем, внезапно вспыхнувшим под черной оправой очков. Потом она сказала каким-то странным тоном — очень медленно, словно бы с глубочайшим удовлетвореннем: «Какая мерзость». Я удивился, так как это были именно те слова, которые сказал бы я сам, если бы захотел выразить то смещанное чувство отвращения и аозбуждения, которое испытывал в этот момент.

Когда все кончилось, я испустил глубокий аздох и спросил, не глядя на нее, пенотом: «А азчем ты сюда пришла?»

Она пожала плечами и пичего не ответила, казалось, что она не в силах говорить.

Оттереть пятно. Ну так иди оттирай, чего же ты ждешь?

Я видел, как она вадрогнула, словно ее ударили по лицу, с усилнем, один за другим, разжала пальцы, нотом исчезла из поля моего зрения. Наверное, она вышла из комнаты, нотому что я слышал звук открываемой и закрываемой двери. Удостоверивнись, что она ушла, я вскочнл с кровати и открыл шкаф. Как я и думал, рядом с шелковым халатом, о котором говорила мать, аисел а саоей целлофановой упаковке едниствеяный из костюмов, который я не уаез, переезжая а студию, — смокииг. Я азял брюки и надел. Они сидели довольпо хорошо, разве что были чуть-чуть велики — десять лет назад я был толще, кухия матери была богаче и питательнее, чем скромные траттории, которые я теперь посещал. Я посмотрел на себя в зеркало: в коричнеаом пиджаке с черными брюками я был похож из уволенного официанта. Прноткрыа дверь и убеднвшись, что там инкого нет, я поспешно спустилси по лестинце, коридором, минуя гостиную, вышел в прихожую, а оттуда на нодъездную илоналку неред домом.

Две машины, старая и иовая, стояли рядышком перед аходом. Затяпутое облаками небо, деревьи, дом отражались а сияющем кузове иовой машины, старая же казалась особенно тусклой, такой же тусклои, каким стаиовился вокруг меия мир, когда меня обволакивала скука. Я вырвал листочек из записиой книжки и написал: «Спасибо, но я предпочитаю старую машину. Твой любящий сыи Днио», и подсунул его под стеклоочиститель, куда полицейские засовывают обычно квитанции на штраф. Потом сел а свой автомобиль, завел мотор и уехал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В том же доме на улице Маргутта, где жил я, в коридоре первого этажа, через три двери после моей, была дверь, которая асла а студию старого художника Балестрнери. Я часто его встречал, обменивался с ним незначащими фразами, по никогда у него не бывал: как все мужчины, которые думают только о женщинах, Балестрнери был крайне, почти оскорбительно холоден с представителями саоего пола независимо от их социального положения и возраста — вероятно, он видел в них потенциальных сопершиков. Балестриери был маленький, по широкоплечий и с огромными ногами, причем два этих своих недостатка он не только не старался скрыть, но, наоборот, подчеркивал, нося всегда просторные спортивные пиджаки а крупную клетку и старомодные, уаконосые, ярко начишенные ботинки. В лице у него было что-то от кврнавальной маски или помпейского сатира: белые серебряяые волосы, багровое лицо, чериые квк уголь брови, большой нос, огромный рот, острый подбородок. В выражении лица было что-то приторное и в то же время раздраженное. Кое-кто из пожилых художников, хорошо знавших Балестриери, говорил, что он был эротоман и начал а молодости заниматься живописью только для того, чтобы ааманивать в студию жеищин под предлогом позирования. Ну а потом он уже просто привык рисовать, а рисовать значило для него рисовать облажение женское тело. Так как человек он был обеспечеиный, работал он не ради заработка и никогда не выставлялся; а каком-то смысле он рисовал для самого себя; его друзья говорили мне, что он так привяаывался к своим картинам, что а тех редких случаях, когда решался какую-янбудь из них подарить, он делал копню и отдавал ее аместо оригннала. Что касается их качества, то все единодушно сходились на том, что это была очень плохая живопись. Занитригованный, я несколько раз пытался заглянуть со даора а огромное окно его студии и рассмотреть его картниы: я видел большие темные полотна, на которых с трудом можно было различить огромные женские тела— с преувечиченными формами и а пенатуральных позах.

Студню Балестриери посещало множество женщин. В мое окно было видно, как илут они через двор и исчезают за дверью, которая аела а коридор первого атажа. Я не сомяевался, что онн идут к Балестриери, потому что а даух других студиях жили художянки с семьями и, кроме того, натурщицы были им не нужны, так как оба оян заиимались абстрактяой живописью. Женщины Балестриери свидетельствовали о нироте его вкуса: молодые и зрелые, дамы и простолюдинки, девушки и замужние женщины, блондинки н брюнетки, худые и толстые, маленькие и высокие. Балестриери, неразборчивый, как все донжуаны, был, видимо, не слишком привередлив и коллекционировал приключения, больше заботясь об их количестве, чем о качестве. Очень редко заводилось у него то, что яазывается связью, то есть более или менее длительные отношения с одной и той же женщиной; по даже когда такое случалось, он не откааывался от других эпизодических приключений. В первые годы моего обитания на улице Маргутта сам Балестрисри и его образ жизни интриговали меня настолько, что некоторое время я за инм двже шпионил. Я дошел до того, что пытался составить статистику женских посещений: до пяти разных женщии в месяц, то есть каждые шесть дней иовая, частота визитов — даа раза а день. Балестриери было пятьдесят пять лет, когда я его увидел апераме, а а описываемую пору — шестьдесят пять; однако аа эти десять лет я не заметил а его образе жизни никаких перемен: женіцин было столько же, сколько раныпе, так что можяо было подумать, что время для него стоит на месте.

Вернее, перемены были, но выразились они не а уменьшении числа женских посещений, как можно было бы предполагать, а, напротив, в их увеличении. Эротизм Балестриери, который я сравнивал для себя с вулканом, пребывающим в состоянии умеренной, но постоянной активности, достиг к его шестидесятилетию стадии яастоящего пароксизма. Женщин, которые проходили через наш двор и стучались в дверь старого художника. стало, на мой взгляд, больше; кроме того, я ааметил, что почти все они были теперь очень юными девушками: как и все развратники, Балестриери стал с годами прешточитать подростков. Я сказал, что эротнам его вошел а стадию пароксизма, ио если аыражаться точнее, то это было просто своего рода зацикливанием, возможно, бессозиательным, на одном типе жениции, путем исключения асех прочих. Иными словами, Балестриери, сам того не сознавля, нерестал быть донжуаном-коллекционером, каким он был до сих пор, и впервые в жизни носвятил себя одной женщине. Ибо теперь бесчисленные его девушки, все примерно одного возраста, стали как бы подступами, и все более удачными, к одному определенному и все более уточнявшемуся типу жеищины; то были наброски идеального образа, который рано или поздно должен был обрести реальное аонлощение. И а самом леле, пастал момент, когда ноток юных деаушек, устремлявшихся а студию Балестриери, вдруг иссяк, уступив место одной-единственной посетительяице, появление которой они подготовили и которая как бы вобрала а себя их асех.

У меия была возможность рассмотреть ее очень анимательио, между прочим, н потому, что н она, как я заметнл, меня рассматривала. Одетая, как юная балерина, по моде того аременн в легкую, свободно драппрующуюся блузку н очень короткую и пышную, словно на кринолине, юбку, она была похожа на переверпутый цветок с неровным подрагивающим венчиком, так что пожки ее были у этого цветка как бы пестиками. Лицо у нее было круглое, как у ребенка, но ребенка рано повзрослеашего и до времени прнобретнего женский опыт. Она была бледная, легкие тени под скулами сделали щеки более худыми, чем они есть, вокруг личнка буйно вились черные кудри. Маленький рот был похож на не успевший раскрыться н уже уаядший бутов, от его углов отходили две топкие глубокие морщины, которые придавали всему лицу поразившее меня выражение черствости. Наконец глаза, самое краснвое, что в ней было, большие и темные, и тоже совсем еще детской формы, смотрели исподлобья взглядом, в котором начисто отсутствовала невинность, — странно отчужденным, уклончивым и неопределенным.

В отличие от других женщин Балестрнери, которые решительными шагами, не глядя по сторонам, направлялись прямо в студню старого художиика, эта пересекала двор с какой-то странной, словно нарочнтой медлительностью: казалось, что она прочвигается аперед, влекомая лишь ленивым рефлективным покачиванием бедер. Не то чтобы она шла к Балестриери неохотно, нет, но по дороге она как будто искала что-то еще, но что — не знала сама. Проходя по двору, она почти всегда подинмала глаза к моему окну и, если аидела меня за стеклом (а это бывало часто, так как мой мольберт стоял как раа у окна), неизменно сопровождала свой взгляд улыбкой.

Сначала я не был уверен, что не ошибся: улыбка была такой беглой, что впору было усомниться а ее преднамеренности. Но когда однажды мне случилось столкнуться с ней в корндоре, я убедился, что улыбка преднааначалась мне и что вкладыаался в нее совершенно определенный смысл.

Этот ее безмолвный призыв вызвал у меня какое-то смутное чувство неприязни, которое я попытаюсь сейчас объяснить. Прежде асего, я не любитель приключений, осо-

бенно если приключение, как это было в даниом случае, подсовывалось мие, можио сказать, навязывалось самой женщиной; больше того, именно настойчивость ее улыбки возмунцала меня и вызывала желвние не отвечать и вообще сделать вид, что я ничего не заметил. Во-вторых, сама девушка мие не нравилась: я всегда любил зрелых женщин, а эта, хотя и было ей, навериое, лет семнадцать, выглядела на пятнадцать из-за хрупкости сложения и детскости лица. Наконец, была и третья причина, самая, может быть, важная, котя далеко не такая ясная и определенная: дело в том, что мне было до тошноты противно представить себе, как я к ней нодхожу, как заговариваю, а потом, в качестве совершенно неизбежного следствия, ложусь с ней в постель. Тошноту эту вызывало вовсе не примитивиое физическое отвращение: да, девушка мне не правилась, но вовсе не была мне противна; противно было зиать заранее, что меня ждет, если отвечу на ее призыв. Думаю, что подобное чувстаю тоскливого ожидания испытыаает всякий, кто оказался на пороге неведомой, покрытой мраком реальности, которой он всегда избегал. Да-да, именно чувство отвращения, смешанное с тоскливым ужасом, — меня это даже поразило, потому что столь инфантильная и неприметная девушка, казалось бы, не должна была внушать подобных страхов.

Но когда тебя одолевает скука, совсем нелегко постоянно удерживать в памяти какието вещи. Скука была чем-то вроде тумана, в котором тонула вся окружающая меня реальность, так что моя мысль лишь изредка вырывала из нее какую-нибудь подробность — так, оказавшись в гуще тумана, мы видим вдруг то угол дома, то фигуру прохожего или что-нибудь еще. В тумане скуки я различил девушку и Балестриери, но не придал им никакого значения и совершенно о них не думал. Случалось, что я на целые недели забывал об их существовании, хотя они жили и любили друг друга в двух шагах от меня. Временами я вспомииал о иих почти с изумлением: «Смотри-ка, -- думал я, -- а они все еще здесь и по-прежнему занимаются любовью». Я забыл о Балестриери настолько прочио, что, когда на другой день после бегства из материнского дома я, выпив неподалеку от студии чашечку кофе, возвращался к себе и заметил как раз перед своим подъездом черных лошадей и черные с золотом похоронные дроги с традиционными позолоченными ангелами по углам, правда, еще без гроба и без цветов, мне даже в голову не пришло. что онн могут ожидать здесь кого-вибудь из монх знакомых. Обойдя экипаж, загораживвыший мне дорогу, я вошел в нодъезд, и так как шел я по обыкновению глядя себе под иоги, я буквально стукнулся лбом о нижний край гроба, который как раз в тот момент четыре человека аыносили на улицу. Я тут же отскочил, причем могильщики бросили на меия изумлеииый и осуждающи азгляд, и гроб проилыл мимо меня. Провожавших было всего двое: молодой человек с грубым рыбым лицом, одетый а синий костюм, и женщина, которую он вел под руку и которую я ие разглядел, потому что она с ног до головы была закутана а траурную ауаль. Юноша походил на Балестриери, у него тоже было красное лицо и очень черные брови, а тут еще консьержка сказала что-то шепотом о анезапности некоторых смертей, и до меня донеслось имя Балестриери. И только тут я понял, что умер именно Балестриери, что умер он, аидимо, накануне, что это были его похороны, что женщина в трауре была его женой, с которой он развелся много лет назад, а юноша в еннем —

Как я уже говорил, от скуки я сделался в те дни настолько рассеянным, что забыл о существовании не только Балестриери, но и девушки, которая почему-то внушала мне любонытство. Поэтому я даже особо не удивнлся, когда понял, что, находясь вее эти дни в студии, я умудрился не заметить, что за третьей от меня дверью кто-то болел, умер, был отнет, положен в гроб и вот сейчас вынесен. Кто знает, думал я, может быть, кто-нибудь и говорил мне о болезни Балестриери, но я хотя и слушал, ничего не услышал, как всегда с головой погрузившись а саою скуку: так мне случалось иногда внимательно прочесть газетные заголовки и мннуту спустя обнаружить, что совершенно не представляю, о чем в них говорилось. Понадобился гроб, а вернее, болезненный ушиб, который я получил, наткнувшись на него лбом, чтобы я вспомнил о существовании художника как раз в тот момент, когда узнал о его смерти.

Однако ео смертью Балестриери дело обстояло не так просто, как можно было подумать. В тот же день, частью из негодующих намеков консьержки, частью из более откровенных комментариев группы друзей, с которыми я встретился в кафе, я воссоздал для себя картину смерти старого художника. Так вот, умер Балестриери, по-видимому, в чрезвычайно пикантный момент, то есть как раз тогда, когда занимался любовью с девушкой, которая так часто мне улыбалась. При этом любовный акт был не вполне естественным, если понимать под естественным тот, что ведет к деторожденню, а был какой-то особой эротнческой его деформацией, так что Балестриери был убит, если можно так выразиться, не самою любовью, а именно способом, каким совершался любовный акт. Консьержка не пожелала высказаться яснее, ограничившись негодующими намеками, друзья же, от души веселясь, не скупились на подробности — можно было подумать, что они присутствовали в студии в момент его смерти; однако, насколько я понял, это были всего лишь их домыслы. Балестриери вдруг почувствовал себя плохо и умер прямо на глазах перепутанной девушки — это единственное, что можно было утаерждать с уверенностью. Однако

то, что девушка была его любовницей, что нашли его в постели и полуголым, что девушка прибежала за консьержкой в халате, наброшенном прямо на голое тело, по-видимому, подтверждало слух о внезанной смерти, случившейся в минуту страсти. Правда, те, кто не хотел аерить этой версии. говорили, что девушка была в халате, нотому что позировала, и что Балестриери имел обыкноаение летом работать в трусах и майке. С другой стороиы, версию о смерти в минуту любви подтверждали слова арача, которого вызвали к умирающему: «Если бы этот человек отдавал себе отчет в том, что в его возрасте некоторые вещи непозволительны, он был бы еще жив». Другие, правда, говорили, что, осмотреа Балестриери, врач сказал деаушке: «Синьорина, это вы его убили», а потом добавил: «Вернее, помогли покончить с собой». Но никто не знал этого врача, неизвестио было, где он работает (может быть, он служил в одной из многочисленных аптек нашего квартала), и я не стал его разыскивать.

Когда в тот же день я вернулся в студию, пообедав в иебольшой траттории на улице Маргутта, я обнаружил там небольшой сверток и записку от матери. В записке мать давала мне урок хороших манер: «В следующий раз, прежде чем удрать, зайди, по крайней мере, попрощаться», а в свертке был смокинг и светлые брюки, которые Рита замечательно отчистила и отгладила. Я швырнул все на пол, лег на диван и зажег сигарету. Как обычно, меня одолевала ужасная скука и мне казалось странным, что другие этого не видят: они не замечали, что они, как, впрочем, и весь остальной мир, для меня просто ие сущестауют, и продолжали, подобно моей матери, вести себя так, будто никакой скуки нет и а помине. Куря сигарету, я потихоньку размышлял о саоем положении, которое день ото дня делалось все хуже; а копце концов я сиросил себя, что же мне тепсрь делать, — аедь от живописи я отказался, а взять деньги у матери так и не решился. Я понимал, что понастоящему, в смысле действия, которое существенно бы что-то переменило, поделать ничего нельзя, но у меня всегда оставалась возможность сделать то, что делает человек, понавший в безвыходную ситуацию: он примиряется с ней и старается к ней присиособиться.

В каком-то смысле — думал я — я был похож на отнрыска знатного, но обедневшего рода, который вопреки всему желает вести роскошный образ жизни своих предков. В тот день, когда он примирится с ентуацией, до того казаашейся ему невыносимой, но которая между тем воспринимается как совершению пормальная бесчисленым множеством других людей, он поймет: асе, что выглядит нестерпимым при каком-то определениом уровие жизни, воспринимается совсем иначе при уровие жизни более низком. Ведь, а сущности, сильнее всего я страдал не етолько от скуки, сколько от мысли, что ее могло бы ие быть, что ее не должио было быть. Иными словами, я чуветаовал себя отпрыском очень анатного и очень дреанего рода, а котором инкто никогда не скучал, то есть асегда умел аступить с реальноетью а пормальные прямые отношения. Мне еледовало забыть о том, что я принадлежу к этому роду, и раз и навсегда примирнться с положением, а котором я очутился. И все-таки разае можно было жить скучая, то есть не аступая ни а какие отношения с реальностью, и при этом — не страдать? Вот а чем была проблема.

Под эти мысли я задремал, а потом и заснул очень тяжелым сиом; мне казалось, что, засыпая, я захлебываюсь, иду ко дну. Мне нриснился очень ясный сон: я аидел себя перед мольбертом, с налитрой в одной руке и кистью в другой. На подрамнике натянут чистый холст. Рядом е мольбертом стоит натурщица, что очень странно, так как я давно уже бросил фигуративную живонись. Это молодая женщина в очках, очень серьезная, лицом положая на Риту, но со странно плоским, лишенным объема телом, на бескровной белизне которы о траурно чернеют пятна сосков, похожие на большне темные монеты, и темный треугольник лобка. Очевидно, я пишу ее портрет — моя рука движется, кисть перемещается по невидимой иоверхности колста. Я рисую, рисую, старательно, сосредоточенно, уверенно, картина продвигается, натурщица боится вздохнуть, бонтся шеаельнуться — ее вообще можно принять за мертвую, если бы не поблескивающие очки и ироническая улыбка, которая крнвит ее губы. Наконец бесконечно долгий сеанс аавершен, картина готова, и я делаю шаг назад, чтобы ее рассмотреть. Но какая странность: холст пуст, бел, чист, на нем нет и следа обнаженного тела — не только картины, даже наброска; нет сомнения, что я работал, ио я ничего не сделал. В ужасе я хватаю первый попавшийся тюбик, выдавливаю краску на палнтру, обмакиваю в нее кисть и снова с яростью набрасываюсь на холст. Никакого эффекта: холст остается чистым, девушка же, видя тщетность моих уснлий, улыбается все насмешливее, хотя большие очки в черепаховой оправе попрежнему придают ей какой-то лицемерно-благонравный вид.

Чья-то рука ложится на мое плечо — это Балестриери собственной персоной: с покровительственной улыбкой на багроаом лице берет он у меня кисть и палитру и встает перед колстом, повернувшись ко мне спиной. Он в рубашке с короткими рукавами и труеах — одеяние, заставляющее меня вспомнить о Пикассо, с которым я вообще обнаруживаю вдруг у него неожиданное сходство. Теперь рисует Балестриери, а я гляжу на его затылок, заросший серебряными волосами, и думаю, что вот Балестриери умеет рисовать, а я не умею. Балестриери заканчивает работу. Балестриерн отходит, и я стою перед его картиной. Пе знаю, хороша она или плоха, но, вне всякого сомнения, она существует: холст уже

не пустой и не бедый, каким он был, когда кончил рисовать я,— на нем теснятся линни и краски. И неожиданно меня вдруг охаатывает ярость: я беру нож, которым обычно пользуюсь при соскабливании краски, и делаю на картине несколько глубоких продольных разрезов. Но, о ужас: оказывается, я рвзрезал не холст, а тело натурщицы. И я внжу, как из этих длинных аертикальных разрезоа— от груди до ног— начинает сочиться кровь. Кровь красная, ее много, она образует бесчисленные ручейки, которые, сливаясь, образуют на теле девушки, улыбающейся как нн в чем ие бывало, сплошную кровавую сетку, а я асе режу и режу— упорцо, методично, до тех пор, пока не пробуждаюсь от собственного мучительного нечленораздельного крика.

День был пасмурный, комната погружена а тусклый свет сумерек. Я вскочил с днвана и, словно бы следуя какому-то внезапному озарению, бросился к двери, открыл ее и вышел в коридор. Там было пусто, все три двери заперты, но, приглядевшись повнимательнее, я заметил, что та, которая ведет в студню Балестриерн, чуть-чуть прноткрыта. Не размышляя, продолжая действовать словно бы по наитию, я подошел к ней, убедился, что она

и в самом деле не заперта, толкнул н вошел.

Н никогда раньше не бывал в студии старого художника н, таким образом, мог объяснить свой приход самому себе простым любопытством. Шторы на окнах были опущены, и в комнате было почти темно; лампа под красным абажуром на резпой позолоченной деревянной ножке, почему-то наводившая на мысль о церковной утвари, горела на столе, покрытом скатертью из пурпурного дамаска. Разглядыаая студию Балестрнери в кровавом свете этой лампы, я убедился в том, что она совсем не похожа на мою. Она была больше, и в ней была еще внутренняя лестница, которая вела на антресолн, куда выходили две маленькие дверн. Кроме того, если моя студия, кое-как обставленная, всегда в беспорядке, выглядела как тиничный приют художника, то обставленная «под старину» студия Балестриери, как я сразу с бессознательной неприязнью отметил, была похожа на мещанскую гостную, какие были в моде лет сорок-пятьдесят назад; никто бы не догадался, что здесь обитает художник, если бы не пресловутые «ню», густо, одна к другой развешанные по стенам от пола до потолка, да монументальный мольберт, стоящий в хороню освещенном месте, у самого окна; на мольберте был холст с незаконченной картнной.

Меня особенно поразила мрачность этой комнаты: мебель, либо старинная, либо подделанная под старину, была вся выдержана в стиле Возрождения; стены под картинами обиты пурпуриым дамаском; на полу грудой навалены персидские ковры с густым н темным рисунком. Я закрыл за собой дверь, огляделся и, вдыхая стоявший а комнате специфический занах — домашний и а то же время отдающий тлеиием, — медлеино подошел к холсту. Неоконченная картина иссомнение была та самая, над которой работал Балестрнери в день смерти, запечатлевая на ней свою юную любовницу: признаюсь, что мне было любопытно уандеть, как она была сложена. Однако, очутившись перед холстом, я почувствовал разочарование и недоверие. Набросок углем, сделанный Балестриери, плохо соотносился с образом той хрупкой, с детским личиком девушки, которая так часто мие улыбалась. Это было типичное его «ню» с преумеличенными формами и в нарочитой позе: деаушка присела, сцепнв на затылке рукн, так что на первом плане оказались бедра и груди, то есть те части женского тела, к которым Балестриери был, по-видимому, особенно неравнодушен. Меня поразили ширина бедер и тяжелые груди — ничего подобного я вроде бы не замечал в его натурщице. Правда, тонкая талия и хрупкие руки и плечн вполне могли ирпнадлежать ей. Характерная деталь: Балестриери не позаботился о том, чтобы хотя бы набросать лицо, так что никакая идентификация, во всяком случае для меня, была просто невозможна.

Я долго смотрел на колст и думал о том, что Балестриерн и а самом деле был очень плохим художником, даже если мерить его по меркам старой натуралистической школы, к которой он, по-видимому, принадлежал; затем я отошел от мольберта и стал одну за другой рассматривать картины, разаешанные на стенах. Как я уже говорил, все это были обнаженные женские тела, запечатленные по большей части а нарочнтых, неестественных позах, н, глядя на них, я подумал, что Балестриери, хотя и был плохим художником, отличался необыкновенной старательностью и был кропотлив до педантизма: было видно, что ои не полагается на вдохновение, а работает как старые мастера, кроя картину несколькими слоями лака, по многу раз возаращаясь к одним и тем же деталям, пока не убелится, что сделал все возможное. Результатом же, увы, был специфический фотографический натурализм, тот самый «аылизанный» стиль, который дарит обычно на выставках коммерческих галерей. Но, с другой стороны, нельзя было не признать, что в своем роде это было совершенство, то омерзительное совершенство, которое бывает свойственно порнографическим изображениям. Иными словами, мир Балестриери был очень конкретным и последовательным: ничто не нарушало цельности этого мира, ничто чуждое к нему не примешивалось, и так ли уж аажно, что а нем был оттенок маниакальности? Глааное, что до самого конца Балестрнерн чувствовал себя а этом мире прекрасно и никогда даже не пытался выйти за его пределы. Может быть, он и был сумасшедшни, но в таком случае его безумие состояло в том, что он аерил а прочность своих связей с реальностью, то есть в собственное здоровье, о чем, между прочим, саидетельствовали н его картины, а то время как я был убежден, что истинпо здоровый человек не может поаерить в возможность такой саязи, и я действительно а нее не верил, но именно потому и чувстаовал себя не здоровым, а больным.

Размышляя обо всем этом, я обошел комнату, разглядывая картины, и ни на одной на них не нашел деаушки с детским лицом. И подумал, что именно так и должно было быть: Балестриери никогда не писал свою юную любовницу, ему достаточно было ее любить, то есть он вел себя прямо противоположно тому, что можно было бы предположить, учитывая его преклонный возраст. Я уже собрался уходить, когда какой-то шорох наверху заставил меня поднять глаза. На антресолях я увидел девушку Балестриери: ие спеша, опустив голову и, видимо, не замечая моего присутствия, она спускалась по лестнице, одной рукой держась за перила, а другой прижимая к груди какой-то большой саерток.

Спустившись, она подняла иаконец глаза и, аидимо, испугалась, увидеа меня примо перед собой — у стола, а центре комнаты. Но это длилось одно мгноаонье, сразу же после по ее лицу разлилось безмятежное спокойствие, словно эта астреча не была для нее пеожиданностью, а подготовлялась заранее. Я сказал а некотором замещательстве: «Я жнау в студни по соседству, может быть, аы меня когда-нибудь аидели, я зашел посмотреть картины».

— А я,— сказала она, указывая на сверток,— зашла взять саои аещи, прежде чем студию сдадут снова. Я была его натурщицей, у меня остались ключи, так что я смогла аойти.

Я заметил, что а ее произношении ие было решительио ничего характерного, ничего, что поэволило бы угадать место ее рождения или соцнальную принадлежность. Голос, неаыразительный и бесцветный, зкономная и точная интонацня гоаорили о стремлении к какой-то даже нарочитой, преувеличенной сдержанности. Не зная, что сказать, я сказал пераое, что прншло мне а голову: «Вы часто бывали у Балестриери?»

— Да, почти каждый день.

— А когда он умер?

Позавчера аечером.

— И а это время аы были тут?

Я уаидел, как она взглянула на меня саоими большими темными глазами, которые, казалось, не виделн окружающего, а только отражали его а себе. «Ему стало плохо в тот момент, когда я ему позировала».

- Ои рисовал вас?

— Да.

И тут, не скрывая удивления, я воскликиул: «Но где же тогда тот холст, на котором он вас рисовал?»

Она указала на мольберт: «Вот этот».

Я обериулся, бросил из картину беглый азгляд, потом долгим взглядом посмотрел из нее. В полутьме, которая размывала ее облик, скрадывая асе коитуры, фигура девушки казалась еще более хрупкой и иифантильной: из-под широкого колокола юбки аиднелись тонкне ножки, грудь аыглядела совсем маленькой, большие темные глаза занимали поллица. Я иедоверчиво сказал:

Неужели для этого наброска позировали вы?

В саою очередь она уднанлась моему изумлению: «Да, а что? Вам не нравится, как он меня нарисовал?»

- Я не знаю, нравится мне это или не нравится, но вы здесь непохожи.

- Но тут нет лица, лицо он всегда рисовал а последнюю очередь, а без лица как можно сказать, похожа или непохожа?
 - Я хочу сказать, что это тело непохоже на ваше.
 - Вы думаете? Но на самом деле я именно такая.

Я чувствовал, как бессмысленно и фальшиво авучит эта якобы серьеаная дискуссня в связи с подобным наброском и вдобавок еще и с проблемой сходстав. И хотя мие было стыдно за то, что я как бы шел наастречу аозникшему между нами молчаливому сговору, который мне следовало бы отвергнуть, я асе-таки не удержался и воскликнул: «Ну нет, это невозможно, я не могу этому повернть!»

В самом деле? — сказала она. — И асе-таки я именно такая.

Положна сверток на стол, она подошла к мольберту, некоторое аремя разглядывала холст, потом обернулась: «Может быть, тут и есть небольшое преувеличение, но а основном все правильно».

Не анаю почему, но, увидев ее рядом с мольбертом, я вспомнил саой днеаной сон. И спросил просто так, чтобы что-нибудь сказать: «Балестриери сделал с аас только этот портрет или есть и другие картины?»

- Ну что аы, он рисоаал меня множество раз.

Она подняла глаза к полотнам, разаешанным иа стенах, н, показывая то на одно, то на другое, стала перечислять: «Вот это я, и там я, и аон там наверху, и еще там». И словно подбивая итог, заключила: «Он рисовал меня не переставая. Он заставлял меня позировать часами».

Внезапно мне почему-то захотелось сказать о Балестриери что-нибудь дурное: может быть, таким путем я надеялся добиться от нее более личной, более выразительной интонации. И я сказал очень резко: «Столько трудов ради такого ничтожного результата».

- Почему вы так говорите?

 Да потому, что Балестриери был очень нлохой художник, можно сказать — вообще не художник.

Она никак нв это не реагировала, сказала только: «Я ничего не понимаю в живописи». Но я упорствовал: «В сущности, Балестриери был просто мужчиной, которому очень нравятся женщины».

С этим она охотно согласилась: «Да, это правда».

Она взяла со стола свой сверток и посмотрела на меня вопросительно, как бы говоря: «Я ведь сейчас уйду, почему ты не делаешь ничего, чтобы меня задержать?» И тут я сказал с внезапной ласковостью в голосе, ласковостью, которая удивила меня самого, потому что ничего подобного я не хотел и не ожидал: «А может быть, зайдем на минутку в мою студию?»

Я видел, как она загорелась внезанной простодушной надеждой: «Вы хотите, чтобы

я вам позировала?»

Я растерялся. В мои намерения не входило ее обманывать, но она вдруг сама предложила мне обман, который унижал меня вдвойне: и потому, что это был обман, и потому, что это был худший из обманов, к которому я мог прибегнуть, — художник приглашает к себе в студию красивую девушку под предлогом, что хочет ее писать, — одним словом, обман, достойный Балестриери. И потому я раздраженно заметил: «А что, Балестриери тоже первый раз пригласил вас к себе под предлогом, что он хочет написать ваш портрет?»

Она серьезно сказала: «Нет, я стала ходить к нему, чтобы брать уроки рисования.

Потом он действительно захотел меня рисовать, но это позже».

Итак, для нее обман с позированием был не обманом, а вполне серьезным предложением. Она даже добавила: «Сейчас у меня как раз есть время. Если хотите, я могу попозировать вам до ужина».

Я подумал, нужно ли объяснить ей, что я бросил рисовать и что даже в ту пору, когда еще рисовал, никогда не писал фигуративных картин. Но тогда — размышлял я — мне придется искать другой предлог, чтобы пригласить ее к себе, так как, судя по всему, предлог ей требовался. Тем более стоило принять этот, с позированием. И я произнес беспечно, ничего особенно не уточняя: «Хорошо, нойдемте ко мне».

— Я и для Балестриери всегда нозировала в эти часы,— сообщила она с довольным видом, испытывая явное облегчение, и взяла со стола свой сверток.— Он всегда работал с четырех до семи.

— А по утрам?

- И по утрам тоже, с десяти до часу.

Мы направились к двери. Я понимал, что она в носледний раз видит студию, где прошла значительная часть ее жизни, и нолагал, что простая жалость к умершему заставит ее что-нибудь сказать или, по крайней мере, на прощанье оглядеться вокруг. Но она ограничилась тем, что спросила, бросив взгляд на стены: «А сейчас, когда он умер, что будет с этими картинами?»

Я ответил по-прежнему резко: «Может быть, попытаются их продать. Потом, когда увидят, что никому они не нужны, саалят где-нибудь в подвале».

- В нодвале?

- Да, в подвале.

— Но у него есть жена, с которой он был в разводе. Картины перейдут к ней.

А уж она тем более их выбросит.

Она ничего на это не сказала, всем своим видом выражая безучастную сдержанность. И глядя на то, как идет она с огромным свертком под мышкой впереди меня — словно бы принужденно и сопротивляясь, а на самом деле решительно и твердо, я подумал, что она похожа на человека, который переезжает с одной квартиры на другую. Да, она меняла студию Балестриери на мою — вот в чем было дело. Догнав ее, я распахнул перед ней дверь со словами: «Как видите, моя студия совсем не похожа на студию Балестриери».

Она не ответила, так что можно было подумать, что она как раз не видит никакой разницы между моей студией и студией своего старого любовника. Она просто подошла к столу, ноложила на него сверток и, обернувшись ко мне, спросила: «Где здесь ванная?»

Вон та дверь.

Она направилась к ванной комнате и исчезла за дверью. Я подошел к дивану и поправил подушки, на которых недавно спал; потом принялся собирать бесчисленные окурки, которые бросал прямо на пол. Делая все это, я продолжал думать о девушке и пытался понять, нравится ли она мне, действительно ли мне хочется заняться с ней тем, чего она от меня ожидала, и вдруг понял, что не испытываю ни малейшего желания. И тогда я сказал себе, что расспрошу ее о Балестриери и об их отношениях, которые меня почему-то интересовали, а потом отошлю.

Я был так спокоен и так уверен в своем спокойствии, что совершенно забыл о предлоге,

нодсказанном мне девушкой и мною неосмотрительно принятом,— о рисовании. И потому был прямо-таки изумлен, когда дверь ванной комнаты отворилась, и девушка появилась на пороге. Она была голой, совершенно голой, и шла на цыпочках, прижимая к груди полотенце. При виде ее у меня сразу же мелькнула мысль, что Балестриери не преувеличивал, когда изображал ее с теми пышными формами, в которые я не мог поверить. У иее действительно были великолепные груди, смуглые и кренкие, которые совершенно не соотносились с торсом, худеньким и хрупким, как у подростка, и существовали словно бы отдельно от него. И талня была тоже как у юной девушки, неправдоподобно тоненькая и гибкая, но бедра, плотные и сильные, выглядели такими же зрелыми, как груди. Она шла, выставив внеред грудь и подобрав живот, с какой-то даже алчностью глядя на мольберт, который стоял у окна; подойдя к нему, она, не оборачиваясь, спросила своим лишенным всякого выражения голосом, сухо и коротко: «Где мне встать?»

Я спросил себя, была ли в ней в этот момент хотя бы капля притворства, и вынужден был признать, что не было. Она всерьез относилась к своим обязанностям натурщицы, даже если и подозревала, что то был предлог для завязывания отношений совсем другого рода. И, номню, я тогда подумал, что она, должно быть, просто неспособна увязать в своем сознании одну вещь с другой и это позволяет ей быть искренней. Я спокойно ответил:

«Никуда не надо вставать». Она удивленно обернулась: «Почему?»

Я объяснил: «Мне очень жаль, но я проявил легкомыслие, согласившись воспользоваться подсказанным вами предлогом. На самом деле я уже давно не пишу. Да и когда писал, никогда не изображал ни натурщиц, ни вообще какие-либо реальные предметы. Я искренне сожалею, извините».

Она сказала прежним своим бесцветным голосом, вовсе не выглядя при этом обиженной: «Но вы же сказали, что хотите, чтобы я вам позировала».

- Да, это нравда, но давайте считать, что я ничего не говорил.

Медленно, с видом человека, который не придает значения пустякам, она взяла полотенце, которое прижимала к груди, набросила его на илечи и плотно в него закуталась. Затем нодошла к дивану, робко и неуверенно, словно я предложил ей сесть, в то время как ничего нодобного у меня и на уме не было, и уселась на самом его краю, вдали от меня. Наступила науза, а потом вдруг на ее детских губах появилась улыбка, которой она всегда улыбалась мне при встрече в коридоре. Я сказал в некоторой растерянности: «Тенерь вы будете нлохо обо мне думать».

Ничего не говоря, она отрицательно покачала головой. Она смотрела на меня своим ничего не выражающим взглядом так, словно глаза ее были двумя темными зеркалами, которые нросто отражали реальность, пе нонимая ее, а может быть, даже и не вндя, и я чувствовал, как растет моя неловкость: было очевидно, что она не собирается уходить и ждет от меня, если можно так выразиться, второй части программы. В ноисках общей темы я, естественно, вернулся к Балестриери: «Вы давно нознакомились с Балестриери?»

- Два года назад.

- Так сколько же вам лет?

- Семнадцать.

- Расскажите, как вы с ним познакомились.

Зачем?

- Просто так.

Я подумал немного и добавил совершенно искренне: «Мне интересно».

Она медленно сказала: «Я познакомилась с Балестриери два года назад. У одной моей подруги».

А кто она, ваша подруга?

Одна девушка, ее зовут Элиза.

— А сколько лет Элизе?

- Она на два года старше меня.
- Что делал Балестриери в доме Элизы?
- Давал ей уроки рисоаания, как и мне.

— А какая она, Элиза?

- Блондинка, - сказала она, не вдаваясь в подробности.

Мне показалось, что я припоминаю одну из девушек, которую часто видел в нашем дворе, и сказал: «Блондника, с голубыми глазами, длинпой шеей, овальным лицом и пухлыми, плотно сжатыми губами?»

— Да, это она. Вы ее знаете?

— Да нет, я просто несколько раз видел ее у Балестриери до того, как к нему стали ходить вы. Элиза брала уроки дома или у него в студии?

- И дома, и в студии, как придется.

— Вы не сказали, что произошло в тот день, когда вы встретили Балестриери в доме Элизы.

— Ничего не произошло.

— Хорошо, ничего не произошло. Но в конце-то концов Балестриери стал давать уроки рисования и вам тоже? Как это получилось?

На этот раз она только посмотрела на меня и ничего яе сказала. Но я был настойчив: «Вы слышали, что я сказал?»

В конце концов она решилась заговорить. Она спросила: «А аачем вам это знать?»

— Предположим, вы меня интересуете, — сказал я, ясно сознавая, что не то чтобы лгу, но говорю неправду того рода, которая в тот момент, когда я облекаю ее в слова, становится правдой.

Она посмотрела прямо перед собой, как школьница, которая приготовилась отвечать урок строгому учителю, и сказала: «Потом я еще раз встретила Балестриери у Элизы — мы дружили, и я часто у нее бывала. И однажды я попросила его давать уроки и мне, а он сказал, что не может».

Подумать только, я считал, что Балестриери бегает за всеми женщинами, которые попадаются ему на пути, а он, оказывается, вои как — отверг предлог, который подсказала ему сама девушка. Я спросил: «И почему, вы думаете, Балестриери вам отказал?»

— Не знаю, просто не хотел.

- Может быть, он был влюблен в Элизу?

— Не думаю.

— Но тогда почему он не захотел?

Она объяснила: «Сначала я подумала, что это Элиза его отговорила, потом поняла, что она об этом даже не знает. Он просто не хотел и все. Я подумала — может, ему не нравится, что я буду приходить к нему в студию, и сказала, что он может давать мне уроки у меня дома. Но он все равно отказался. Видно, ему не хотелось».

— Но вам-то зачем так нужны были эти уроки?

Она замялась и покраснела— ее бледное лицо вдруг пошло пятнами: «Я влюбилась в пего,— сказала она,— вернее, мне показалось, что влюбилась».

- И почему же он этим не воспользовался?

Не знаю.

Она снова замялась, потом, словно перестав вдруг меня стесняться, заговорила гораздо свободнее, чем раньше, хотя и оставалась по-прежнему точной и немногословной.

- Все дело в том, что я ему не нравилась. Два или три месяца он даже старался избегать со мной встречаться, и я очень от этого страдала. Я ведь действительно была влюблена. И тогда я пошла на хитрость.
 - На хитрость?
- Да. Как-то раз я пригласила Элизу позавтракать со мной и выбрала тот час, когда, я знала, она должна была идти к Балестриери. Я сказала ей, что он звонил и просил в этот день не приходить, потому что был занят, а сама пошла к нему.
 - И как Балестриери отнесся к вашей проделке?
 - Сначала котел меня выгнать. Потом стал любезнее.
 - И вы прямо в этот день занялись любовью?

Она снова покраснела, как и раньше, пятнами и иолча кивнула.

- Ну, а Элиза?
- Элиза так и не узнала, что в тот день я пошла к Балестриери вместо нее. А некоторое время спустя они разошлись.
 - Вы по-прежнему с ней дружите?
 - Нет, мы даже не встречаемся.

Возникла пауза. Я понимал, что устраиваю ей почти полицейский допрос, которому она, впрочем, охотно подчинялась, и спросил себя, что же я на самом-то деле хочу выяснить? Ведь ясно же, что меня интересовали не сами факты, а то, что за ними стояло, их сущность, их первопричина. В чем она состояла? И я резко спросил:

А почему вы влюбились в Балестриери?

- То есть как это почему?
- Я имею в виду почему именно в Балестриери, старика, который годился в отцы вашему отцу.
 - Какие могут быть причины, когда влюбляешься? Влюбляешься и все.
 - Ну, положим, причины есть всегда и на все.

Она взгляяула на меня, и, странная вещь, мне показалось, что сейчас она сидит ко мне гораздо ближе, чем раньше. Или то была оптическая иллюзия, возникшая оттого, что а результате допроса она стала мне ближе и понятней? Наконец она сказала, почти шепотом, наклонившись вперед и пристально на меня глядя: «Я испытывала к нему сильное влечение».

— Влечение какого рода?

Она ничего не сказала, только посмотрела на меня. Но я настаивал: «Так какого рода?»

- Ну если хотите, пожалуйста, я могу сказать. Балестриери был чем-то похож на моего отца, а я, когда была маленькая, испытыаала к отцу настоящую страсть.
 - Страсть?
 - Да, он даже снился мне по ночам.
- Итак, вы влюбились в Балестриери, потому что он был чем-то похож на вашего отца?

— Да, и потому тоже.

Снова наступила пауза, потом я спросил:

- А почему, вы думаете, Балестриери поначалу не хотел о вас и слышать?

- Я уже сказала: я ему не нравилась.

— «Не правилась» — это ничего не объясняет. Могут быть тысячи причин, по которым кто-то нам не правится.

- Наверное, были и причины, но я их не знаю.

- Но кое о чем вы могли бы догадаться. Как вы думаете, может быть, Балестриери ие хотел иметь с вами дела, потому что, по его мнению, аы были для него слишком молоды?
 - Нет, дело не в этом.
- А может быть, он испытывал к вам то же чувство, что вы к нему,— то есть вы казались ему дочерью?

- Не думаю, если бы это было так, он бы сказал.

На некоторое время я замолчал, старательно обдумывая услышанное. Теперь мне было уже ясно, что я расспрашиваю девушку о Балестриери для того, чтобы понять кое-что про себя самого: ведь я тоже до сих пор отвергал все ее попытки к сближению, и мне тоже казалось, что она а меня влюблеяа. «А вы не думаете, — сказал я наконец, — что Балестриери просто боялся познакомиться с вами ближе?»

— Боялся? Почему он должен был меня бояться?

— Потому что предвидел то, что в действительности потом и произошло: боялся влюбиться. Любовь иногда внушает страх.

Мне, — сказала она многозначительно, — она страха не вяущает.

Но я продолжал упорствовать: «Вы не ответили на мой вопрос. Балестриери избегал вас, потому что боялся?»

— Да ничего он не боялся. Да, я еще вспомнила, что потом он как-то мне скааал: «Если бы не та твоя уловка, я бы никогда не поддался — ты мне не правилась». Помолчав, она добавила: «Это все, больше я ничего не могу сказать».

Я понял, что, двигаясь в этом направлении, ничего не добыюсь, и подошел к делу с другой стороиы: «Но потом-то он в вас влюбился, так или нет?»

- Так.
- И сильяо?
- Да, очень сильно.
- А почему?

Я видел, что она наклопилась вперед и внимательно на меня посмотрела. Она и в самом деле сидела сейчас совсем рядом, это не было оптическим обизном— ее колени касались моих. Она сказала:

- Откуда я знаю?
- Но разве он не говорил вам о своей любви?
- Говорил.
- И что он говорил?

Судя по всему, она задумалась над моим вопросом, яо при этом почему-то так резко качнулась в мою сторону, что я испугался, что она на меня сейчас просто рухнет. Из-за полотенна, в которое ее тело было погружено, как в футляр, она казалась мне чем-то вроде до краев наполненного сосуда, который, накреняясь, словно бы предоставляет мне возможность из пего зачерпнуть. В конце концов она сказала:

- Я не помню, что он говорил. Помню только, что делал.
- И что же он делал?
- Ну, например, плакал.
- Плакал?
- Да, обхватывал вдруг голову руками и начинал плакать.

Я представил себе Балестриери, каким я его всегда видел: да, конечно, старый, седой, но еще такой крепкий, широкоплечий, твердо стоящий на ногах, с лицом, которое всегда нылало от кипящих в нем жизненных сил, и спросил в совершеннейшем смятении: «Почему же он плакал?»

- Не знаю.
- Он не говорил вам, почему плачет?
- Нет, говорил только, что плачет из-за меня.
- Может быть, он ревновал?
- Нет, он был не ревнив.
- Но у него были поводы для ревности?

Некоторое время она, словно не понимая, молча смотрела на меня, потом коротко ответила: «Нет».

- Неужели он плакал молча, ничего не говоря?
- Нет, он всегда что-нибудь говорил.
- А, вот видите, значит, говорил. И что же он говорил?
- І оворил, например, что уже не может без меня обойтись.

— Ага, так значит, у него были причины плакать: он хотел бы обходиться без вас, но не мог.

Она недантично менн поправила: «Нет, он говорил только, что не может без меня обойтись. Он никогда не говорил, что хочет от меня избавиться. Наоборот, когда однажды я решила его бросить, он попытался покончить с собой».

Меня поражало, что ее тон совершенно не менялся, говорила ли она о какой-то ерунде, или вот, как сейчас, сообщала о том, что Балестриери хотел из-за нее покончить с собой. Я переспросил: «Пытался покончить с собой? И каким же образом?»

С помощью этих лекарств, знаете, которые ньют от бессонницы. Не помню назва-

— Барбитураты?

Да-да, барбитураты.

— И ему было плохо?

- Да, ему было плохо два дня, но нотом все прошло.

А он вообще страдал бессонинцей?

— Да, он принимал барбитураты. Бывали ночн, когда он спал самое большее два часа.

— А почему?

- Почему ему не сналось? Не знаю.

- Из-за вас?

- Он говорил, что все, что с ним случалось, было из-за меня.

— И больше ничего? Он никак это не объяснял?

Да, сейчас я вспомнила, что он говорил, будто я для него как наркотик.

- Ну, это общее место, вам не кажется?

А что такое общее место?

— Ну, неоригинальная мысль. Такое мог бы сказать всякий.

Снова пауза. Потом я опять начал донытываться: «И все же, почему Балестриери считал, что вы для него как наркотик?»

И тут наконец она, в свою очередь, обратилась с вопросом ко мне. Она сказала очень медленно: «А почему вы меня обо всем этом спрашиваете?»

Я ответил вполне искрение: «Потому что во всей этой вашей истории с Балестриери есть что-то, что вызывает у меня любопытство».

- Что именно?

— Сам не знаю. Потому я вас и расспрашиваю. Чтобы понять, зачем я это делаю. Она не улыбнулась и снова взглянула на меня своим внимательным, котя и невыразительным взглядом, наклонившись надо мною так низко, что я ощутил теплоту и свежий занах ее тела. Потом она ноныталась что-то объяснить: «Я думаю, Балестриери считал, что я для него как наркотик, нотому что с каждым днем он пуждался во мне все больше. Он так и говорил: дозы, которой мне было достаточно раньше, теперь мне мало».

В каком смысле он все больше в вас нуждался?

- Во всех смыслах.

- В смысле постели?

Она носмотрела на меня и ничего не сказала. Я повторня вопрос. Тогда она, казалось, решилась и ответила без всикой уклончивости:

Да, и в смысле ностели.

— Вы часто занимались любовью?

 Сначала один-два раза в неделю, потом через день, потом каждый день, потом дважды в день. Под конец уже нельзя было сосчитать.

— И он никак не мог насытиться?

- Он уставал. Иногда ему даже становилось плохо. Но ему всегда было мало.

- А вам это правилось?

Она замялась, потом сказала: «Женщине не может не нравиться, когда мужчина показывает, как он ее любит».

- Но он действительно вас любил? Или просто нуждался в вас по привычке, как больной нуждается в наркотике?
 - Нет,— сказала она с неожиданным жаром,— он меня действительно любил.

— И в чем это проявлялось?

- Разве это можно объяснить? Такие вещи просто чувствуешь.

— И все-таки?

-- Ну, например, он хотел на мне жениться.

- Разве он не был женат?

- Был, но он говорил, что сумеет добиться развода.
- А вы соглашались?
- Нет.
- Почему?
- Не знаю. Мне не хотелось выходить аа него замуж.

- Значит, вы его не любили?

Я никогда его не любила. — Тут она запнулась, видимо, боясь показатъся неточной,

и добавила: «Вернее, я его любила, но только в первое время, когда мы познакомились».

Наступила долгая пауза. Теперь она сидела совсем рядом, почти нависая надо мною, лежащим, и пристально на меня глядя; казалось, она вот-вот на меня упадет, и я снова подумал о сосуде, о прекрасной вазе с двумя ручками, с округлыми боками, доверху наполненной желанием, которая вот-вот опрокинется и меня затопит. Наконец я сказал: «Я устроил вам настоящий допрос, вы, наверное, устали».

- О нет, - ответила она поспешно, - я совсем не устала, наоборот.

— Что зяачит наоборот?

— Мне было даже приятно,— сказала она, помолчав,— вы ааставили меня подумать о вещах, о которых я никогда не думала и не думаю.

— Вы никогда не думаете о Балестриери?

Никогда.

- Даже сегодня, в тот день, когда отсюда вынесли его тело?
- А сегодня тем более.
- Почему?

Она посмотрела на меня и ничего не сказала. Я повторил: «Почему "сегодня тем более"?»

Наконец она ответила, очень просто: «Потому что сегодня я думаю только о вас. Я хотела было пойти за гробом, проводить его издали, незаметно, по потом раздумала и вернулась. Я боялась, что сменят замок».

— Ну и что?

 Тогда я уже не смогла бы воспользоваться этим предлогом для того, чтобы вас увидеть.

Сделав вид, что я пропустил это признание мимо ушей, я спросил:

— И все же Балестриери что-то для вас значил?

- Ну, разумеется.

— Что же?

Она на мгновение задумалась, потом сказала: «Не знаю. Конечно, что-то он для меня значил, но что — я никогда об этом не думала и потому не знаю».

Подумайте сейчас.

 Я не могу об этом думать. Нельзя заставить себя думать о ком-то или о чем-то. Тут уж или думаешь, или не думаешь. Это получается само собой.

- А в эту минуту о чем вам думается «само собой»?

О вас.

Я замолчал, потом зажег сигарету и сказал, как бы подводя итог: «Ну все, можете быть спокойны, с допросом покончено, мы подходим к финалу. Итак, если для вас Балестриери значил не так уж много, можно даже сказать — ничего не значил, вы для него были чем-то весьма реальным, весьма конкретным. Чем-то, без чего он не мог обойтись, говоря вашими словами, или чем-то вроде наркотика, если говорить его словами».

— Да, это так.

— То есть для Балестриери вы были не только чем-то весьма реальным, вы были единственной реальностью, которая для него существовала. Ведь когда вы ему сказали, что уйдете, он попытался покончить с собой. Он потому это и сделал, что ваш уход лишал его единственной реальности.

Слушая, она смотрела на меня с видом вежливым и благонравным, но было совершенно очевидно, что мои речи проходят мимо ее ушей; так смотрит ребенок на мать, когда та читает ему мораль, прежде чем дать конфету: он терпеливо пережидает проповедь, которой не придает никакого значения, чтобы по окончании вступить в обладание конфетой. Тем не менее она сказала: «Да, это правда, я сейчас вспоминаю, что Балестриери всегда говорил, что я для него все».

— Вот видите? Таким образом, хотя он и был несчастливым любовником и плохим художником, кое в чем ему все-таки можно было позавидовать.

— В чем?

- В том, что он мог кому-то сказать: «Ты для меня все».

Она снова замолчала; казалось, она не была уверена, что хорошо поняла смысл моих слов, но доискиваться его не хотела; ей была важна конфета, а не мораль.

Я же опять вернулся к своему: «Ну, а теперь хватит о Балестриери, поговорим о нас». Казалось, она оживилась — при всей ее сдержанности это было видно по еле заметным признакам: она слегка подалась вперед, как бы демонстрируя внимание и интерес, и легким движением бедер переместилась по дивану еще ближе ко мне.

— Вот уже три или четыре месяца, — сказал я, — мы сталкиваемся в коридоре, и каждый раз, когда вы меня видите, вы смотрите на меня с улыбкой, которую я назвал бы многозначительной. Это так? Если не так, скажите, значит, у меня сложилось неверное мнение.

Она ничего не сказала, только посмотрела на меня так, словно ждала, когда же я кончу этот разговор, который ее совершенно не интересовал. Я продолжил: «Вы не отвечаете,

и я заключаю из этого, что не ошибся. Я прекрасно понимаю, чего вы от меня котите. Простите за грубость, но все эти четыре месяца вы даете мне понять, что охогно занялись бы со мною тем, чем аанимались с Балестриери. Во всяком случае, я так поиял. Если я опять-таки ошибся, скажите».

Она по-прежнему молчала, но на лице ее выразилось нечто вроде робкого удовлетворения по поводу того, что ее так корошо поняли. Я продолжал: «Балестриери говорил вам, что вы для него все. Это "все" означало, насколько я мог понять, действительно все. Я же, к сожалению, ощущаю прямо противоположное: если дли Балестриери вы были "все", для меня вы не значите ничего».

Я на минуту замолчал, глядя на нее, и не мог не восхититься ее невозмутимостью. Она

сказала, скромно потупив глаза: «Но мы знакомы всего полчаса».

Я поспешил объясниться: «Мне чотелось бы быть правильно понятым. Это совершенно невозможно, чтобы вы стали для меня всем или по крайней мере хоть чем-то в том смысле, какой обычно придается этим словам. Мы действительно, как вы только что заметили, знакомы всего полчаса. Но дело не в этом. Пожалуйста, выслушайте, что я вам скажу, даже если мое объяснение вас не интересует. Итак, я попросил вас зайти ко мне в студию под предлогом, что хочу написать ваш портрет. Верно?»

— Да.

— Но это был именно предлог, то есть неправда. Не говоря уже о том, что я много лет не пишу людей и вообще предметы реального мира, я солгал вам еще вот в чем: я не художник, вернее, с некоторых пор я перестал им быть, потому что мне нечего рисовать; я не способен вступить в контакт пи с чем, что имеет отношение к реальности.

Но она не сдавалась: «Какое это имеет значение — напишете вы мой портрет или нет». Я не выдержал и рассмеялся. «Я понимаю, вы не видите никакой связи между тем фактом, что я больше не рисую, и тем, чего вам так хочется. А между тем такая связь есть. Послушайте: я сказал, что вы для меня ничего не значите, но вы не должны искать в этой фразе никакого эмоционального содержания. Как бы вам это объяснить? Скажем так: вы предлагаете мне себя, как предлагает себя любая вещь. Возьмем конкретный пример; вот этот стакан, который стоит на столе. У него нет ни ваших прекрасных глаз, ни пышной груди, ни округлых бедер, и, прими я его предложение, он не стал бы ни обнимать меня, ни целовать. И тем не менее он предлагает себя ничуть не меньше, чем вы. И не больше. Точно так же, как вы, — откровенно, бесхитростно, без задней мысли. И я выпужден ему отказать, как отказываю вам, потому что он, как и вы, для меня ничто. Я взял в пример стакан, но мог взять что угодно, даже что-нибудь неосязаемое».

— Но почему так уж «ничто»? — сказала она тихо и несмело, заступаясь за стакан. Я коротко ответил: «Объяснение завело бы меня слишком далеко и было бы, в общем, бесполезно. Скажем так: этот стакаи для меня ничто, потому что между нами не существует никаких взаимоотношений».

Она возразила, заступаясь на этот раз аа себя: «Но ведь отношения создаются, вам не кажется? Нам постоянно приходится вступать в отношения с людьми, которых мы раньше даже не знали».

Я сказал: «Видите вы эту картину на мольберте?»

— Да.

— Это чистый холст, я не нарисовал на нем ничего. И это единственный холст, кото-

рый я могу подписать. Смотрите.

Я встал, подошел к мольберту, взял карандаш и поставил в углу свою подпись. Она провожала меня взглядом, пока я шел к мольберту и пока возвращался, но ничего не сказала. Сев на место, я продолжал: «И точно так же единственно возможные отношення между мной и жепщиной — это отсутствие отношений, то есть именно те отношения, которые были у нас до сих пор или, вернее, которых у нас не было. Я не имнотент, поймите меня правильно, но практически это то же самое, как если бы я был им. Так что можете считать, что так оно и есть».

Я сказал все это решительно и резко, давая ей понять, что больше нам разговаривать не о чем. Но, увидев, что она продолжает сидеть, молчаливая и неподвижная, как будто чегото ожидая, я не без раздражения добавил: «Если я яе испытываю ничего по отношению к вам, если между нами не существует никаких взаимоотношений, как я могу лечь с вами в постель? Это был бы акт механический, чисто внешний, совершенно бессмысленный и, главное, скучный. А значит...»

Я прервал фразу и бросил на нее многозначительный взгляд, словно говоря: «А значит, тебе ничего не остается, как уйти». На этот раз она, кажется, поняла и неохотно, медленно, делая над собой усилие, явно продолжая надеяться, что я остановлю ее и заключу в объятия, начала подниматься с дивана, ухитряясь при этом оставаться сидящей: она слегка приподняла зад, но торс оставался прямым, а ноги согнутыми. Но так как и не торопился заключать ее в объятия, ей все-таки пришлось встать. «Простите, — сказала она смиренно, — но если вам все же понадобится натурщица, вы можете мне позвонить. Я оставлю вам телефон».

Я видел, как она подошла к столу и, придерживая на груди полотенце одной рукой,

другой нанисала что-то на листке бумаги. «Я до сих пор не сказала вам своего имени: меня аовут Чечилия Ринальди. Я написала его вот здесь, вместе с адресом и номером телефона». Она распрямилась и, ступая на цыпочках, яаправилась в ваиную. Можно было подумать, что на ией вечернее платье: полотенце плотно облегало торс, оставляло открытыми плечи и руки и стелилось саади как шлейф. Она исчезла, закрыв за собой дверь, но при этом последнем движении полотенце вдруг соскользнуло, и я на мгновение увидел тело, которое Балестриери писал столько раз и которое, видя ее в платье, я не мог себе и представить.

Странно, ио едва она вышла, я почему-то стал думать именно о Балестриери. Я все время возвращался мыслью к ее рассказу о том, как старик ее отверг и месяцами избегал с ней встречаться: он чувствовал своим звериным чутьем, чем она для него станет, и боялся; и еще я спрашивал себя, а что бы было, если бы он не уступил ей в тот день, когда она явилась к нему вместо Элизы, а продолжал бы сопротивляться? Вполне вероятно, что в таком случае он был бы сейчас жив, потому что, конечно же, косвенной причиной его смерти были любовные отношения с Чечилией. Но тогда почему ои в конце концов не оттолкнул ее, раз сразу понял, что должен был это сделать? Иными словами, что заставило Балестриери смириться с участью, которую он хотя и смутно, но предчувствовал? И вообще — можно ли уйти от судьбы? А если нет, то к чему тогда все, что он пытался сделать? И возможно ли, чтобы не было никакой разницы между судьбой, принятой бессознательно, и той, которую выбирают?

Сейчас, узнав о первой попытке самоубийства, предпринятой Балестриери после того, как Чечилия решила его бросить, я понял, что, продолжая длить свои отношения с девушкой, старый художник совершил второе, уже удавшееся ему самоубийство. Наверное, он и на первое-то пошел из боязни, что с уходом Чечилии у него уже не будет возможности

совершить второе.

Размышляя обо всех этих вещах, я не переставал удивляться тому, что я о них размышляю, вернее, тому, что размышлять о них меня побуждало не праздное любопытство, а странное ощущение их роковой для меня притягательности, словно история Балестриери касалась и меня и судьба старого художника была связана с моей судьбой. Я понимал, что, если бы это было не так, я не задавал бы Чечилии столько вопросов: я, может быть, переспал бы с ней, но уж никак не допрашивал.

А я вместо того, чтобы с ней переспать, принялся ее допрашивать, но как бы и о чем бы

я ни донытывался, мое любопытство так и осталось неутоленным.

Как я уже сказал, я допрашивал ее именно для того, чтобы понять, почему мне было так нужно ее допрашивать. Это только кажется игрой слов, на самом деле это не игра. В результате мне стало понятно многое, но, судя по чувству неудовлетворенности, которое я испытывал, самое главное от меня все-таки ускользнуло.

Я так погрузился а свои размышления, что не заметил, как Чечилия вышла из ванной и подошла ко мне. Я вздрогнул, услышав ее голос: «Так я с вами прощаюсь».

С трудом поднявшись, я пожал ей руку, механически пробормотав: «До свиданья». Она сказала, еле слышно: «Не беспокойтесь, яе надо меня провожать», и я в последний раз почувствовал на себе неподвижный и пристальный взгляд ее больших темных глаз. Потом я увидел, как она взяла со стола свой сверток и направилась к двери, очень медленно, но теперь в этой медлительности не было никакой нарочитости: она действительно чувствовала себя связанной со мной крепкой и прочной связью, и ей трудно было от меня отрываться. На мепя почему-то странно подействовало легкое колыхание ее короткой и пышной юбки в сочетании с грациозным покачиванием торса: так покачивается всадник, крепко сидящий в седле. Винтом ходящая юбка и подрагивающий торс — было в этом какое-то бессознательное кокетство, таящее в себе неотразимый соблазн. Я не отрывал от иее глаз, пока она не открыла дверь и не исчезла. Тогда я зажег сигарету и подошел к окну.

Ветреный деяь клопился к вечеру, в пустом дворе был разлит бледный свет сумерек, В доме напротив в некоторых окнах уже аажгли свет, зеленые кусты аканта, окаймлявшие клумбы, казались почти черными, булыжник двора светился матовой известковой белизной. Как обычно, на нем в таинственном, словно бы не случайном порядке расположилось множество кошек. Одни лежали, подобрав под себя лапки, другие сидели, обернув хвост вокруг лап, третьи медленно и осторожно прохаживались — хвост трубой, нос у самой земли: кошки черно-белые, кошки серые, кошки совершенно белые и совершенно черные, кошки полосатые, кошки рыжие. Я принялся внимательно их разглядывать, что делаю довольно часто, — способ убить время ничуть не хуже любого другого. Затем появилась Чечилия, неся под мышкой огромный сверток. Она шла медленно, опустив голову, пролагая себе путь между кошками, которые даже не шевелились при ее приближении. Проходя под моим окном, она подняла глаза, но на этот раз не улыбнулась, Я поднял руку. чтобы выпуть изо рта сигарету, и вдруг, сам не знаю почему, сделал ей знак вернуться показал на дверь, которая вела в наш коридор. Она опустила в знак согласия голову и все так же медленно и размеренно, как человек, который позабыл какую-то вещь, но уверен, что найдет ее там, где оставил, повернула назад. Я задернул шторы и лег на диван.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Начиная с этого дня Чечилия стала приходить ко мне один-два раза в неделю, потом через день и, в конце концов, спустя месяц после нашего знакомства, почти ежедневно. Являлась она всегда в один и тот же час, длились ее визиты всегда одно и то же время и проходили совершенно одинаково, так что достаточно описать один, чтобы дать представление обо всех. Чечилия извещала о своем приходе звонком, который был таким коротким, что я никогда не мог понять, был ли он действительно или только послышался, но именно по этой нечеткости я его и узнавал. Я шел открывать, Чечилия бросалась мне на шею, и мы целовались. И тут я должен сказать, что Чечилия, такая искушенная в делах любви, целоваться не умела. Может быть, потому, что поцелуй представляет собой акт, так сказать, символический, доставляя удовольствие скорее психологическое, чем физическое, а психология, как вы увидите позднее, не была сильным ее местом. А может быть, она не умела целоваться именно со мной, потому что наши отношения были не из тех, что выражают себя в поцелуе. Губы Чечилии были холодными, вялыми, неподвижными, как губы маленькой девочки, которая, ловя ртом ветер, бежит навстречу отцу и, добежав, радостно бросается ему на шею.

Но, с другой стороны, именно во время поцелуя очевиднее всего обнаруживалась двойственная природа Чечилии — одновременно детская и женская. Ведь в то самое время, как она протягивала мне свои бесстрастные бестрепетные губы, которые не умели ни открыться навстречу моему рту, ни проникнуть в него, я всем телом чувствовал, как напрягается ее тело и, выгнувшись наподобие лука, наносит мне лобком сухой и жесткий удар, в котором выражала себя вся требовательная косноязычность ее страсти.

Первый поцелуй был коротким: он не доставлял мне никакого удовольствия, и я прерывал его сам ночти срану же. Чечилия выскальзывала из моих объятий, швырялв на стол перчатки и сумочку, подходила к окну задернуть шторы и наконец начинала раздеваться — происходило это всегда в одной и той же последовательности и в одном и том же месте: между диваном и креслом, куда она бросала, снимая с себя одну за другой, свои вещи.

Я познакомился с Чечилией в июле, когда она носила свою летнюю униформу, которую я уже описывал, - свободную блузку и коротенькую, как балетная пачка, юбку; осенью, с наступлением холодов, она стала приходить в длинном свободном свитере из зеленой шерсти и в черной, очень узкой юбке, которая доходила ей до колеп. Первым делом Чечилия всегда снимала с себя через голову этот свитер, на какое-то мгновенье оставаясь с подпятыми руками и спеленутой головой; потом постепенным, знергичным, всегда одинаковым движением она сдергивала с себя свитер и швыряла его, как он был, вывернутым, в кресло. Теперь она была в одной юбке, голая до пояса, потому что готова была терпеть грубое прикосновение шерсти к своей коже, лишь бы ничего не посить под свитером. Она говорила, не хвастаясь, а как бы констатирун очевидность, что груди у нее не нуждались ни в каких подпорках, так как стояли сами по себе, по я все-таки считал, что тут был пекий кокетливый расчет: ей хотелось, чтобы великоленные ее груди явились моим глазам ослепительным, подобным взрыву видением сразу же, как только она сбрасывала свитер. Впрочем, даже эта грудь не снимала общего внечатления незрелости, которое оставляло ее тело: пышная и цветущая, она как будто не имела отношения к хрупкому торсу, из которого вырастала. Этот контраст был особенно разительным, когда Чечилья поворачивалась ко мне спиной — белой узкой худой спиной подростка, и грудь, на мгновенье мелькнувшая где-то между боком и поднятой рукой, настолько с нею не сочеталась, что, казалось, даже сделана была из совсем другой плоти — более теплой, более зрелой, более смуглой, чем все остальное тело.

Сняв свитер, она, слегка изогнувшись, бралась обеими руками за пояс и, расстегнув, спускала молнию. Юбка падала на пол, и, прежде чем подобрать и положить ее на кресло, Чечилия с тем же нетерпеливым возбуждением, с каким сдирала с себя свитер, несколько раз шаркала по ней ногами. Теперь она была совсем голая, вернее, на ней оставалась только самая интимная часть женской сбруи: пояс с резинками, на ногах — чулки, а на животе — прозрачный треугольник слипа. Эта сбруя всегда была перекошена и перекручена, как будто, раздеваясь, Чечилия лишала ее всякой функциональности: треугольник слипа скомкан и скатан, две из четырех резинок расстегнуты, так что пояс косо свисает на один бок, один чулок доходит доверху, другой болтается под коленкой. Женственный и в то же время воинственный характер этого беспорядка забавно не соответствовал ее детски-бесхитростному простодушному лицу. Да, Чечилия всегда выглядела двойственно — женщина-ребенок, и это обнаруживалось во всем, не только в ее теле, но и в жестах, и в выражении лица.

И все-таки особенно нрко эта двойственность выступала в контрасте между верхней и нижней частью ее тела. Существуют весовые различия, которые открываются глазу еще до того, как возьмешь предмет в руки. Вещь, сделанная из свинца, непременно покажется нам тяжелее вещи тех же размеров, но сделанной из более легкого материала. Так вот, ииже пояса тело Чечилии, казалось, обладало консистенцией вещей, сделанных из очень

плотного и очень тяжелого материала. Каким мощным выглядело место сочленения ног и паха по сравнению с местом соединения рук и подмышек. Как контрастировали с деликатной худобой торса крутой изгиб поясницы, пышность бедер, массивность и плотность зада. Подросток выше пояса, женщина — пиже, Чечилия наводила на мысль о тех декоративных монстрах, которые так часто встречаются на античных фресках,— этих то ли сфинксах, то ли гарпиях с нетронутой девственной грудью, аффектно контрастирующей с мощным животом и ногами.

И в том, как вела себя Чечилия во время любви, тоже легко было заметить контраст между двумя ее натурами, женской и детской. Я часто размышлял об этом и пришел к выводу, что Чечилия не знала ни чувства, ни даже настоящей чувственности, ей был доступен лишь сексуальный аппетит, требованиям которого она послушно, хотя, может быть, и бессознательно подчинялась. Покоясь в моих объятиях, она была похожа на ребенка, послушно открывающего рот навстречу ложке, которую протягивает ему мать. Только ртом у нее было ее лоно, а ложку ей подносил любовник. Чистое детское выраженне ее бледного круглого личика находилось в постоянном противоречии с той грубой и жадной требовательностью, с какой она заставляла меня и себя достигать цели — то есть оргазма, которым она желала насладиться до самого последнего спазма. По мере того как соитие обретало свой мощный ритм, движения ее живота становились все более частыми и напоминали свосй силой и равномерностью запущенный в действие и вышелший из повиновения механизм, который уже не под силу было остановить ни мне, ни ей. Поначалу едва заметные, слабые и как будто даже лепивые, в конце они становились движениями поршня, который подымается и опускается с силой и неутомимостью автомата. Лицо же ее в это время оставалось спокойным, неподвижным, расслабленным; равнодушное и бесстрастное, оно казалось еще более детским, чем обычно, — с этими опущенными ресницами, маленьким полуоткрытым рточ, и только по румянцу, выступившему на скулах, можно было догадаться о том, что Чечилия не спит и полностью отдает себе отчет в своих

Эта своеобразная выключенность души во время любви была особенно заметна у Чечилии в те моменты, когда она, внезанно встрененувшись, переходила от описанной мною механической пассивности к активности, начиная отвечать на мои ласки. Любовь, которая ведет к воспроизводству человеческого рода, всегда, скажем так, чиста, однако приемы, которыми любовники поочередно возбуждают друг друга, редко бывают чисты. И тем не менее все, что делала Чечилия с моим телом, все было чисто, потому что ее действия были отмечены каким-то странным бессознательным автоматизмом. Вырвавшись вдруг из моих объятий, она резко приподнималась, садилась и приникала ртом к моему паху, словно клевала его, и в этом ее неожиданном порыве было что-то сомнамбулическое, словно она делала все это во спе, то есть, именно как я говорил, бессознательно. Потом, утолившись, а вернее, до последнего исчерпав все возможности этой ласки, Чечилия спова падала в мои объятия с закрытыми глазами и полуоткрытым ртом, и у меня опять возникало странное ощущение, будто я видел спящего, который совершал во спе какие-то странные, лишенные смысла движения, а потом, так и не просиувшись, заспул спова.

После оргазма, который сотрясал ее тело, как маленький эпилептический припадок, но ничего не менял в неподвижной апатии лица, Чечилия в изпеможении распластывалась подо мной: одна рука закинута за голову, другая вытянута вдоль тела, лицо склонилось к плечу, ноги еще раздвинуты, как были они в момент соития. Потом, сразу же после того как я от нее отрывался, Чечилия мпе улыбалась, очень коротко, и это был самый лучший миг нашей любви. Улыбка, очень пежная — казалось, к ней прилила вся нежность утоленного желания, — нисколько не противоречила двусмысленной инфантильности, о которой я уже говорил: даже улыбаясь мпе, Чечилия па меня не глядела и меня не видела; так что, может быть, и улыбалась она пе столько мне, сколько себе — благодаря скорее себя за то, что испытала наслаждение, чем меня, давшего ей возможность его испытать. Эта улыбка, безличная и мимолетная, была последней фазой нашего соития, то есть общения и почтв что слияния наших тел. Сразу же после нас снова становплось двое, один лежал подле другого, и нужно было разговаривать.

И как раз в эту минуту я замечал, как сексуальный аппетит Чечилии, который хотя и не относился ко мие впрямую, но все же пользовался мною для своего утоления, переходил у нее в безразличие. Говоря «безразличие», я не имею в виду холодности или отчуждения. Нет, безразличие ко мне Чечилии сразу после акта любви было просто полным отсутствием какого-либо отношения, то есть очень походило на то, что заставляло меня так страдать и что я называл скукой; только Чечилия, в отличие от меня, не только от этого не страдала, но, казалось, вообще этого не замечала. Она словно так и родилась, отчужденной от окружающего, в то время как мне подобное отчуждение казалось совершенно непереносилым искажением исходной ситуации: одним словом, то, что я ощущал как болезнь, для нее было здоровым и нормальным.

Однако, как я уже говорыл, нужно было о чем-то разговарывать. Только что пережитая интимность физической любви вызывала у меня желание другой и более подлинной интимности, интимности чувства, которая, я знал, достигается только посредством слова.

И я пытался резговаривать с нею, а точнее сказать, расспранивать ее о ее жизни, так как Чечилия никогда не поддерживала разговора, а ограничивалась лишь ответами на вопросы. Так я узнал, что она была единственной дочерью, что жила она в Прати в одной квартире с родителями, что отец ее был коммерсантом, что воспитывалась она в монастыре, что у нее есть подруги, что она не помолвлена и многое другое. Изложенные таким образом, все эти сведения кажутся самой общей информацией, которая может относиться к любой девушке ее возраста и социального положения, но это и было все, что я с большим трудом смог из нее вытянуть. Насколько я понимаю, Чечилия вовсе не котела что-нибудь от менн скрыть, просто она словно бы понятия не имела о множестве вещей, которые меня интересовали, или, во всяком случае, неспособна была описать их в деталях. Можно было полумать, что она никогда не пыталась оглядеться вокруг, взглянуть на самое себя и окружающий ее мир, так что, обращаясь к ней с вопросами, я в некотором смысле ставил ее в положение человека, которого расспрашивают о каких-то вещах и людях, а он обо всем этом никогда ие задумывался, не обращал ив них виимания. Есть такая игра, когда вам в течение минуты показывают картинку, а потом просят перечислить предметы, которые были твм изображены. В этой игре, которая демонстрирует степень вашей наблюдательности, Чечилия наверняка получила бы самую низкую оценку, потому что она, казалось, не увидела и не заметила ничего, хотя провела перед картинкой, изображавшей ее существование, не мииуту, а целую жизнь. Полученная от нее информвция была не только схематична, но и неточна; казалось, что она была не вполне уверена даже в том немногом, что она о себе рассказывала, — единственная дочь, отец-коммерсант, воспитание в монастыре, подруги; так бывает с людьми, когда с ними заводят речь о вещах, которые никогда не вызывали у них интереса, котя и накодились рядом, на расстоянии вытянутой руки, и ик легко можно было изучить. И даже когда ей случалось дать точный ответ, меня все равно повергал в сомнение ее приблизительный бесцветный язык, который сам казался плодом ее непреодолимого ко всему равнодушия.

Ну а поскольку семья Чечилии и среда, в которой она жила, не слишком меня интересовали, мие в конце концоа приходилось волей-неволей возвращаться к Балестриери, который, как я уже говорил, казался мне таинственным образом связанным со мной и моими отношениями с Чечилией. Впрочем, Чечилия не изменяла своей лаконической манере, даже говоря о Балестриери, но я не сдавался, напротив: ее уклончивость в отношении старого художника поселяла во мне страстное желание узнавать о нем все больше и больше. В действительности, как очень скоро я понял, расспрашивая ее о ее прошлом и о Бвле-

стриери, я расспрашиввл ее о нашем будущем и о себе самом.

Тем времснем прошло два месяца с того дня, как Чечилия впервые переступила порог моей студии, и я уже начал удивляться тому, что Балестриери мог испытывать к ней такую сильную страсть и что в их отношениях она могла играть роль «роковой женщины», если только вкладывать в два этих слова их подлинный, обычно подразумеваемый смысл, указывающий на предопределенность гибели. Мне трудно было во все это поверить, потому что, если не считать выдающихся качеств Чечилии как любовницы, что в девушке ее возраста не твкая уж редкость, она казалась мне особой в высшей степени заурядной, а нотому вряд ли способной вызвать столь разрушительную страсть, какой, по-видимому, был одержим Балестриери. О том, что это было существо совершенно не интересное, свидетельствовала сама ее речь, как я уже говорил, бесцветная и приблизительная. Я часто лумал о том, какого рода душевные качества может выражать подобная речь, и пришел к выводу, что то была простота. Но не та простота, которая в нашем представлении неотрывна от яспости, а простота темная, непроницаемая, не имеющая ничего общего с тем своеобразным психологическим самоограничением, которое зовется сдержанностью, пусть даже она невольнв и бессознательна. Мне всегда казалось, что Чечилия не столько врет, сколь просто неспособна сказать правду: и это не потому, что она лжива, а потому, что сказать правду это значит вступить с чем-то в какие-то отношения, в то время как она не вступала в отношения ни с чем. И в результате получалось, что, когда она действительно врала (а такое, как вы позднее увидите, она умела делать замечательно), вам почти казалось, что, пусть в каком-то отрицательном смысле, она произносила что-то истинное, именно благодаря той доле личного участия, а следовательно, и истины, которую несет в себе всякая ложь.

Но каким же образом Балестриери ухитрился так безумно в нее влюбиться? Или, лучше сквзать, что случилось между ними такого, что столь ничтожный характер, может, именно благодаря своей ничтожности, стал причиной такой страсти? Я знаю, что понять чужую любовь невозможно, но, в конце-то концов, ведь это именно я занял в жизни Чечилии место Балестриери, я стал принимать наркотик, о котором говорил Балестриери, и потому с чувством непреходящей тревоги, не оставляющей человека, видящего, что опасность, о которой его предупреждали, никак себя не обнаруживает, я с каждым днем все больше удивлялся тому, что нв меня этот наркотик не действует.

В результате я расспрашивал Чечилию подолгу и словно бы на ощупь, не зная сам, что я котел выяснить. Вот образец нашего разговора:

- Скажи, а Балестриери никогда не говорил тебе, за что он тебя любит?

- Уф, снова за старое, опять Балестриери...
- Прости, но мне непременно надо знать.
- Что знать?
- Да и сам толком не знаю, что. Знаю только, что это касается Балестриери и тебя. Так скажи, он говорил тебе, почему он тебя любит?
 - Нет, он просто любил меня и все.
- Видно, я неточно выразился. У любви не бывает причин, это верно, человек любит и все; яо всякая любовь бывает как-то окрашена. Ты любишь, и при этом тебе грустно, или весело, или тревожно, ты можешь быть доверчив, а можешь быть ревнив в общем, за любовью всегда есть что-нибудь еще. Балестриери, видимо, испытывал к тебе почти маниакальную страсть ты сама на это намекала. Ты была для него пороком, наркотиком, чем-то, без чего он не мог обойтись, это твои собственные слова. Так откуда взялась эта мания?
 - Не знаю.
- Ты не похожа на женщину, способную внушить такую страсть, по крайней мере, мне так кажется.

— Да я и сама твк думаю.— Опа сказала это без тени досады или иронии, с каким-то

смирением и совершенно искрение.

- Если тебя интересует, что думаю об этом я теперь, когда лучше тебя узнал, то должен сказать, что не могу понять Балестриери и его страсти. Я не то чтобы разочаровая, я удивлен. После того, что ты мне рассказала о своих отношениях с Балестриери, я думал, что ты должна быть женщиной совершенно ужасной, из тех, что способны погубить мужчину. А оказалось, что ты самая обыкновенная девушка. Я уверен, что из тебя вышла бы прекрасная жена.
 - Ты так думаешь?
 - Да, мне так кажется.
 - Сказать по правде, я и сама так думаю.
- Ну и тогда чем же ты объяснишь страсть, вернее, тот род страсти, который Балестриери испытывал к тебе?
 - Не знаю.
 - Подумай.
 - В самом деле не знаю. Видно, так уж он был устроен.
 - То есть?
 - Ну, он мог любить только так.
- Это неправда. Я годами наблюдал за тем, квк Балестриери меняет женщин. Только с тобой случилось то, что случилось.

Долгая пвуза, потом вдруг, в порыве искренней готовности: «Ты задай мне точный вопрос, и тогда я отвечу».

- Что ты называешь точным вопросом?
- Ну, о чем-нибудь физическом, материальном. Ты все время меня спрашиваешь о чувствах, о том, что люди думают, что они не думают. И я не знаю, что отвечать.
- О материальном? Ну хорошо, скажи: ты думаешь, Балестриери знал, что ваши отношения подрывают его здоровье?
 - Знал.
 - И что он говорил?
- Он говорил: не в этот раз, так в другой, но это меня доконает. Я предупреждала его, чтобы он был поосторожнее, но он говорил, что ему все равно.
 - Все равно?
- Да, потом, с яапряженным взглядом человека, который силится что-то вспомнить, да, сейчас, когда мы об этом заговорили, я вспомнила, что однажды, когда мы занимались любовью, он сказал: «Продолжай, продолжай, я хочу, чтобы ты продолжала и не думала обо мне, даже если я попрошу тебя прекратить, даже если вдруг почувствую себя плохо, даже если ты доведешь меня до смерти».
 - Ну, а ты что?
- Тогда я не придала этим словам аначения. Он ведь столько всего гоиорил. Но ты заставил меня об этом задуматься.
- То есть ты хочешь сказать, что он любил тебя, потому что ты могла довести его до смерти, потому что ты была для него орудием самоубийства?
 - Не знаю. Никогда об этом не думала.

Вот так я постепенно приближался к истине, вернее, мне казалось, что приближался. И все-таки мне этого было мало. Мысль, что Чечилия была девушкой, каких тысячи, и что Балестриери видел в ней то, чего в ней не было, и от этого умер, эта достаточно самоочевидная мысль выглядела соблазнительно; кроме всего прочего, она объясняла и то, почему я, в отличие от Балестриери, не испытывал к Чечилии ничего, кроме простого физического влечения. Однако, сам не апаю почему, это объяснение меня не удовлетворяло. Словно, объясняя все, оно не объясняло ничего и оставляло открытым вопрос о Чечилии — то есть вопрос о ее заурядности и о страсти, которую эта заурядность внушила.

Тем временем я начал замечать, что скучаю в обществе Чечилии, то есть что я снова оказался в ситуации отчуждения, как это было накануне нашего знакомства. Слово «скучаю» не означало, что мне стало с ней неинтересно, что она мне надоела. Нет, как я уже говорил, речь шла о скуке не в общепринятом смысле слова. Не Чечилия была скучной, а я скучал, понимая, что прекрасно мог бы не скучать, если бы каким-то чудом сумел сделать нашу связь, которая с каждым днем ослабевала и внутренне опустошалась, более реальной.

Эту перемену в своих отношениях с Чечилией я заметил прежде всего потому, что стал мначе, чем рапьше, относиться к физической любви, то есть к той единственной форме любви, которая была между нами возможной. Вначале эта любовь была для меня чем-то в высшей степени естественным, потому что мне казалось, что в ней природа превосходит самое себя, делаясь человечной и даже более чем человечной; теперь, напротив, меня поражало в ней прежде всего отсутствие всякой естественности, сам акт казался мне каким-то противоестественным, абсурдным и нарочитым. Ходить, сидеть, лежать, подпиматься, опускаться — все, что умело делать человеческое тело, казалось мне оправданным, необходимым и потому естественным, но в совокуплении я видел теперь какое-то противоестественное насилие над человеческим телом, которое потому и приспосабливалось к нему с таким трудом и муками. Все, думал я, можно делать легко, грациозно, гармонично — только не совокупляться. Само устройство двух полов — эатрудненный вход в женский орган, неспособность мужского достигать своей цели столь же самостоятельно, как достигает свосй цели рука или нога, и нуждающегося для этого в поддержке всего тела, казалось, доказывало абсурдность соития. От ощущения абсурдности физической любви до восприятия Чечилии как чего-то совершенно абсурдного был всего шаг. Именно так и вела себя обычно скука, разрушая поначалу мои отношения с окружающими предметами, а потом и сами предметы, делая их бессмысленными, недоступными пониманию. Однако новым было то, что в случае с Чечилией, тоже превратившейся в моих глазах в печто совершенно абсурдное, скука — может быть, оттого, что мне не хотелось рвать нашу сексуальную связь, к которой я принык, -- не просто делала меня холодным и безраэличным, она переходила границу этих чувств, побуждая меня к жестокости.

Все-таки Чечилия была не стакан, а человек, и нотому даже в минуты скуки, когда она переставала для меня существовать, как любой другой предмет в этой ситуации, я умом продолжал сознавать, что она — человек. По так же, как в случае со стаканом, когда я испытывал непреоборимое желание схватить его, швырнуть об пол и вдребезги расколотить, чтобы хотя бы посредством этого разрушительного акта убедиться в реальности его существования, так и с Чечилией, если я начинал с ней скучать, мне тоже хотелось не то чтобы ее убить, по но крайней мере причинить ей страдание. Когда я мучил ее и эаставлял страдать, мне казалось, между нами восстанавливаются связи, нарушенные скукой, и что за важность, если в добивался этого носредством жестокости, а не любви.

Я хорошо номню, как в нервый раз обнаружила себя моя жестокость. В одии прекрасный депь Чечилия, раздевшись, направилась к дивану, где, глядя на нее, лежал я, уже раздетый. Чечилия шла на цыпочках, выставив вперед грудь и оттопырив зад и сохраняя на лице торжественное и в то же время неловкое, смущенное выражение человека, приступающего к хорошо ему известному, по всегда новому делу — как это бывает в ритуалах. Я смотрел на нее, как она идет, и думал, что не только не испытываю желания (хотя нотом, пусть чисто механически, я достиг необходимой для сонтия степени возбуждения), но мне казалось просто непостижимым, что между мною и нею могут существовать какие-то отношения.

Пока я размышлял на эту тему, она подошла к дивану и уже поставила на него колено, как вдруг я заметил, что окно в комнате не до конца зашторено. Мне был неприятен яркий свет ветреного дня, а кроме того, напротив были окна, из которых при желании можно было заглянуть ко мне в студию. И я сказал, как ни в чем не бывало: «Взгляни-ка, окно... Пожалуйста, закрой как следует шторы».

— А, да, шторы,— сказала она и, нослушно повернувшись, все так же на цыпочках пошла к окну. И вот, пока она шла, пока в пространстве комнаты перемещался этот странный телесный аппарат, наполовину женский, наполовину детский, мне вдруг в первый раз с тех пор, как мы познакомились, захотелось причинить ей страдание. И это желание тут же перенесло меня в далекую пору детства, напомнив об одном случае из мосй жизпи, когда я тоже сознательно проявил жестокость.

В те годы у меня был простой полосатый кот, которого я очень любил, но который частенько мне надоедал: особенно когда оказывались исчерпаны те немногие игры, в которых бедный эверь мог продемонстрировать свою смекалку. В конце концов скука пробудила во мне жестокость, и я придумал следующую игру. Положив в тарелку немного сырой рыбы, до которой кот — я это знал — был большой охотник, я ставил ее в углу комнаты. Потом шел за котом и, дав ему понюхать рыбу, относил в другой угол и ждал, что он будет делать. Кот сразу же бросался к тарелке, и все его тело от носа до кончика хвоста излучало плотоядную радость; но едва он добегал до середины комнаты, как я хватал его за шкирку и относил в исходный пункт. Я повторял эту игру, если только можно наэвать это игрой,

несколько раз, и по мере того, как коту делалось все яснее, что он стал жертвой какого-то рокового невезения, поведение его на глазах менялось. Поначалу, во время первых прыжков, он выглядел сильным, алчным, уверенным в себе; потом сделался осмотрительным, осторожным, как будто надеялся, что, если он будет еле заметно перебирать лапами и принадать к полу, ему удастся усыпить мою бдительность, а может, он думал, что вообще станет невидимым; под конец же бедняга ограничивался тем, что делал еле заметное движение в направлении тарелки: лукавая и вместе с тем трогательная попытка, не тратя понапрасну сил, убедиться в непреклонности моей жестокой воли. И вдруг неожиданно все переменилось: кот заговорил. Я хочу сказать, что, повернув ко мне голову и глядя прямо в глаза, он промяукал что-то необычайно выразительное — трогательное и в то же время рассудительное, словно хотел сказать: «Ну зачем, зачем ты это делаешь? Зачем ты со мной это делаешь?» Эта мяукающая речь, такая ясная и красноречивая, сразу же заставила меня устыдиться. По-моему, я даже покраснел. Взяв беднягу на руки, я сам поднес его к тарелке и дал ему спокойно съесть всю рыбу.

И вот сейчас, глядя, как Чечилия на цыпочках послушно идет к окну, я решил поиграть с ней в ту же жестокую игру, в которую когда-то играл с котом. Ведь и она тоже нодходила к дивану с мыслью о том, как она удовлетворит сейчас свой аппетит, и она, как когда-то кот, всей своей фигурой излучала этот аппетит — такой естественный и такой здоровый. И вот сейчас я начну с ней ту же игру, но на этот раз ясно понимая, зачем я это делаю: посредством жестокости я хотел восстановить для себя разрушенные скукой связи

с окружающим миром.

Чечилия тем временем подошла к окну, задернула шторы и направилась назад к дивану. На ее лице, только что выражавшем смиренную услужливость служанки, которая, даже голая, чувствует себя обязанной выполнить приказ хозяина, снова появилось то сложное, торжественное и напряженное выражение, которое предваряло любовный ритуал. Все так же на цыпочках она обогнула мольберт, прошла через всю комнату, приблизилась к дивану и уже сделала движение, чтобы на него взобраться. Но я остановил ее: «Прости,— сказал я,— я не могу заниматься любовью при открытых дверях. Пожалуйста,

закрой дверь в ванную».

— Какой ты нудный, — пробормотала она. Однако, как и прежде послушно, снова направилась через всю комнату к ванной. В полутьме я видел ее удаляющуюся от меня легкую фигурку с пышной каштановой гривой, худым торсом подростка; пиже тонкой талии нвственно обозначались бледные выпуклости ягодиц. Послушно эакрыв дверь, она повернула назад, чем-то нохожая на привидение в темноте, которая делала ее глаза темнее и больше, груди смуглее и тяжелее, треугольник лобка глубже и чернее. На этот раз я остановил ее не тогда, когда она заносила на диван ногу, а когда, запыхавшись, она уже укладывалась рядом со мной. «Ради бога, извини, но не будешь ли ты так добра выключить телефон? Вчера он позвонил в самый разгар. Разумеется, я не стал брать трубку, по он испортил мне все удовольствие».

Она посмотрела на меня и, сказав вполголоса, почти безо всякого выражения, во всяком случае, без упрека: «Это будет уже в третий раз», поднялась и пошла выключать телефон, стоявший на столе, в центре комнаты, и против света ясно обозначился ее нрофиль. Затем она онять направилась к дивану, с лицом, которое в третий раз настроилось на ритуальное ожидание. Я подождал, чтобы она подошла поближе, и воскликнул с деланной наивностью: «Какой же я рассеянный! Чечилия, дорогая, сделай мне еще одно одолжение: поди принеси с подоконника сигареты... ты энаешь, сразу после я люблю закурить... Очень тебя прошу».

Ничего не сказав, она бросила на меяя изумленный взгляд, но повиновалась и в четвертый раз: вот она идет к окну, чтобы взять сигареты, вот возвращается, готовая отдаться

и только этого и ожидающая.

— Держи своп сигареты,— сказала она шутливо, швыряя пачку прямо мне в лицо и делан вид, что сейчас и сама на меня набросится. Но я опять ее остановил: «А спички?»

«Уфф!» — еще одно путешествие по комнате, все так же на цыпочках, но, когда опа возвращалась, ритуальное выражение на ее лице словно бы подернулось тенью сомнения и обиды. Она бросила мне в лицо спички, как до этого сигареты, но, вместо того чтобы улечься рядом, остановилась, не доходя до дивана, и сказала: «Скажи сразу, пока я не легла, что тебе еще нужно?»

- Ах да,— придумал я,— мне нужно, чтобы ты пошла на кухню и закрыла газовый кран: по-моему, я оставил его открытым.
 - Еще что?
- Есть кос-что и еще: поди в прихожую и отключи дверной звопок. Чтобы нас никто не побеспокоил.

И я стал ждать, когда она все это исполяит.

Я думал, что Чечилия тут же отправится выполнять приказапное, но вдруг увидел, что она внезаппо села на стул, обхватив одну ногу руками, и, скорчившись в этой позе сомнения и обиды, молча на меня посмотрела. «Что с тобой, — спросил я удивленно, — почему ты не делаешь то, что тебя попросили?»

Ответила она пе сразу. Но в конце концов спросила очень осторожно:

— Но только вот эти две вещи или еще что-нибудь?

Только ати две.

Она встала с едва заметным вздохом и опять пропутешествовала через всю комнату, сходив сначала на кухню, а потом в прихожую. Когда она возвращалась, я заметня, что на ее лице все еще держится выражение желаиия и ожидания, и спросил себя, а удержится ли оно, если я продолжу свою жестокую игру? Ведь это любовь, думал я, единственная любовь, на которую она способна, и я эту любовь убиваю. И тем не менее, когда она растянулась подле меня, я не удержался и сказал: «Мне очень жаль, но тебе придется встать еще раз. Мне нужна пепельница, не могу же я стряхивать пепел на пол».

И тут она сделала нечто прямо противоноложное тому, что сделал кот в далекие годы моего детства. Кот эаговорил рассудительно, как человек, как христианин, испытанное им страдание возвысило его до уровня человека. А вот Чечилия, столкнувшись с такой же жестокостью, прибегла к жесту чисто животного смирения — немого и в то же время душераэдирающего. Вместо того чтобы встать, как я ей приказал, она, свернувшись клубочком, еще теснее прижалась ко мне, спрятав лицо у меня между плечом и шеей и сцепив вокруг меня руки. Как животное, которое не умеет говорить, она умоляла меня нерестать ее мучить, какие бы ни были у меня на то причины и какое бы удовольствие я от втого ни получал. Это смиренное объятие, исполненное мольбы и печали, настолько же инстинктивно животное, насколько кошачье мяуканье было по-человечески разумным, оказало на меня то же действие. Внезанно я устыдился своей жестокости, которая в чужом страдании искала доказательства существования реальности, и, взяв назад свои бессмысленные требования, обнял ее. И сразу почувствовал, как ее тело, которос, казалось, только и ждало от меня этого сигнала, прижалось ко мне уже совсем но-другому, не умоляя, а требуя: нетерпеливый сухой удар лобка дал мне понять, что она готова к любви. Ну что же, подумал я, уже не скучая, а веселясь, приступим к трапезе.

Но с того для я стал испытывать отвращение к жестокости как к ясному симптому нарушения связей и в то же время страх сделаться в будущем еще более жестоким, жестоким постыдно и непоправимо. Ведь это было лишь первым предупреждением, и я понимал, что, продлись моя связь с Чечилией еще немного, я могу дойти даже до садиэма. Ибо именно на этот путь толкало меня желание установить с ней хоть какую-то связь. То, что патетический и бессловесный жест Чечилии заставил меня прекратить пытку, не должно было меня особенно успокаивать. Ведь я перестал ее мучить не потому, что мне стало жалко ее и стыдно за себя, а потому, что этим объятнем она показала, что страдает, а именно этого я и добивался. Учитывая неизбежную потерю чувствительности, движение в этом направлении должно было, как я уже говорил, привести меня прямо к садиэму, то есть трансформировать скуку в своеобразный механнам изаращения. Сама скука пугала меня, но не вызывала отвращения, потому что в ней было все-таки что-то сущностное и нодлинное. Садизм же мне был именно отвратителея, отвратителен своим лицемерием (ведь садист претендует на то, что должен наказать свою жертву, в то время как в самом деле он нросто ищет наслаждения в тех страданиях, которые пол видом наказания он ей причиняет), а кроме того, мне был противен сам вид возбужления, который он вызывал. тем более нечистого, чем более целомудренным оно хотело казаться вплоть по того момента, когда оно разрешалось в половом акте, обнаруживая таким образом свою по существу наркотическую природу.

К счастью, одпако, я не жесток: первый случай мучительства так н остался последним. И я даже решил, что мне следовало бы избавиться от Чечилии, и чем скорее, тем лучше. Мне было жалко это делать, но не из-за себя (я считал, что я-то ее не люблю), а из-за нее: мне казалось, что, хотя и не показывая этого, она была в меня влюблена. Почему я был так уверен, что не люблю Чечилию, трудно сказать. Видимо, потому, что я мог располагать ею, вернее, ее телом, когда хочу и сколько хочу, и это соэдавало иллюзию полного обладания, то есть отношений настолько законченных, что продолжать их просто не имело смысла. А в том, что Чечилия меня любит, я был уверен потому, что она всегда была такой послушной, такой уступчивой, такой покорной. По свойственному всем мужчинам тщеславию я приписывал эту покорность любви, хотя, казалось бы, мне должна была внушить подозрение любовь, которая никак себя не выказывает и имеет чисто автоматический характер. По полагая, что, порвав с Чечилией, один только я иснытаю от этого облегчение, в то время как она будет от этого страдать, я со дня на день откладывал наш разрыв; мне хотелось найти предлог, который сделал бы для нее этот разрыв как можно менее обидным и болезненным.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Я принял решение бросить Чечилию в тот самый день, когда со мной случился описанный выше приступ жестокости. Решение пришло ко мне сразу, как только за Чечнлией закрылась дверь, но должны были пройти еще две недели, прежде чем я нридумал пред-130

лог пля разрыва. Никогда еще скука не тераала меня так сильно, как в эти две недели, когда она, казалось, воплотилась для меня в облике моей молоденькой любовницы. Помию, что, когда я слышал знакомый звонок — коротенький и неуверенный, — я иснускал тяжелый вздох человека, находящегося на пределе терпения, а все, что происходило после того, как Чечилия оказывалась в студии, словно застывало в тусклой тупой неподвижности, которую не могли нарушить ни процедура раздевания, ни поцелуи, ни ласки, пи аротические ухищрения, на которые Чечилия была так щедра, и даже ритуальная монотонность финала, эавершавшегося эпилептической судорогой оргаэма. Одетая или раздетая, распростертая подо мною во время соития или лежащая рядом после, в темноте или на ярком свету, Чечилия с каждым днем становилась в моих глазах все менее и менее реальной — не просто даже как личность, но как вещь, которой еще совсем недавно удавалось меня убелить в несомненности своего существования. И так как прибегать к жестокости, которая, вероятно, на какое-то время могла бы сообщить эфемерную реальность нашим отношениям, я не хотел, мне стало ясио, что близок день, когда я поступлю с Чечилией, как поступил бы с любой вещью, которая мне больше не нужна, — то есть брошу ее, не поработившись представить веских объяснений ни себе, ни ей. А эначит, нужно было, пока не поздно, найти какой-нибудь предлог.

Как-то утром я решил навестить мать, у которой не был с памятного дня своего бегства. Сев в свой старый расхлябанный автомобиль, я направился к Аппиевой дороге. Вот она, эта древняя дорога, языческая и христианская, ставшая столь модной сейчас у богатых людей; вот ограды, из-за которых наружу выплескивается зелень садов и парков; вот прорезанные в них ворота; вот спрятавшиеся среди деревьев виллы, вот высаженные рядами кипарисы, вот одинокие пинии, вот зеленые лужайки и на них краснокиричичные развалины с вкраплениями белого мрамора; а вот, между двумя пилястрами, идущая вверх аллея с покрытием из хорошо разровненной гальки, подъездная площадка, обрамленная каменными дубами и лавровыми деревьями, и приземистое красное эдание нашей виллы. На этот раз мне открыла не Рита — жмурая горпичная в очках: на пороге появился коренастый дворецкий, в форменной полосатой куртке, с жирным лицом пономаря, и, называя меня «господин маркиэ», сообщил, что «госпожа маркиза» дома. Я вздрогнул, услышав новый для меня титул, и вошел в кабинет. Мать сидела за столом, погруэившись в бумаги: на носу очки, в эубах длинный мундштук. Приложившись традиционным поцелуем к иссожшей щеке, я сказал: «В чем дело? Откуда вэялся титул маркиза, с которым обратился ко мне твой новый камердинер? И откуда вэялся он сам? Где Рита?»

Мать сняла очки и некоторое время молча смотрела на меня стеклянными голубыми глазами. Потом сказала своим неприятным голосом: «Риту я выгнала, она оказалась совершенно жуткой бабой».

— Да? А в чем дело?

— Не пропустила ни одного мужчины ни в доме, ни вокруг, в радиусе нескольких километров. Нимфоманка.

— Смотри-ка, кто бы мог подумать! У нее был такой серьезный вид!

Мать снова помолчала, словно хотела, чтобы я сосредоточился, прежде чем услышу новость, которую она собиралась мне сообщить: «Что касается титула, то недавно один спепиалист по геральдике сказал мне, что наш род очень знатен, что мы маркизы. Уж не энаю почему, но семейство твоего отца отбросило титул около века назад. Но я проведу необходимые расследования, и вскоре мы получим право его иосить. Мне кажется, грешно им не воспользоваться, уж коли имеешь на это право».

Я ничего не ответил: снобизм матери был мне хорошо известен, и я привык ничему не удивляться. Через мгновенье она снова заговорила. «Не знаю, — сказала она тоном упрека, — отдаешь ли ты себе отчет в том, что после своего, скажем так, исчезновения в день твоего рождения ты в первый раз навещаешь мать».

Я ответил достаточно сокрушенно: «Ты права. Но я был страшно эанят».

Она спросида: «Ты снова стал рисовать?»

Я ответил: «Не бойся, я был занят совсем другим».

- Да я ничего и не боюсь. Я даже предпочла бы, чтобы ты вернулся к рисованию.
- Почему?
- Потому что тогда ты бы меньше думал о женщинах,— сказала мать неожиданно и, главное, неприязненно. И потом, глядя мне в лицо, добавила: Ты что, думаешь, это незаметно?
 - Что незаметно?

Мать ушла от прямого ответа и сказала только: «Должна тебе сказать, что ты плохо выглядишь».

Я и сам это знал. Два месяца любви меня действительно вымотали. Так как ничем другим я в это время не занимался, выглядел я действительно не блестяще. Я сказал: «Ну и что, эато я прекрасно себя чувствую».

— На мой взгляд, тебе следовало бы отдохнуть: уехать за город, заняться спортом, подышать свежим воздухом. Почему бы тебе не податься в горы на месяц-на два?

- Чтобы поехать в горы, нужны деньги, а у меня их нет.

Всякий раз, когда я начияал играть на своей бедности, которая была добровольяой и в сущности притворной, мать возмущалась: моя щепетильность казалась ей бессмысленной и даже безнравственной. То же случилось и на этот раз: «Ну об этом, Дино, ты мог бы не говорить».

— Йочему? Сегодня пятнадцатое, и от месячного пособия у меня осталось всего каких-

то сорок тысяч лир.

— Но, Дино, у тебя нет деяег, потому что ты сам этого не хочешь. Ты богат, Дино, ты очень богат и напрасно притворяешься бедным. Что бы ты там яи придумывал, ты богат и останешься богатым.

Это было именно то, что я и сам думал. И я сказал, очень четко: «Если ты хочешь, чтобы я к тебе приходил, перестань напоминать мне о том, что я богат. Поняла?»

— Но почему? Ведь это же правда?

— Да, это правда, но она меня унижает.

— Да почему она тебя унижает? Подумать только, сколько людей были бы счастливы оказаться на твоем месте! Послушай, сын: почему тебя унижает то, что любого другого сделало бы счастливым?

В голосе матери слышалось искрениее огорчение, и я неожиданно почувствовал раздражение и усталость. «Есть люди, — сказал я, — у которых аллергия к эемлянике. Стоит им хотя бы ее попробовать, как они тут же покрываются красными пятнами. А у меня аллергия к деньгам. Я краснею при мысли, что они у меня есть».

Мать, словно ища примирения, сказала: «Ну, допустим. Пускай ты беден. Но ты бедняк, у которого есть богатая мать. По крайяей мере с этим ты можешь согласиться?»

- Ну и что?

 — А то, что мать хочет одолжить тебе денег, чтобы ты мог поехать в горы, скажем, в Кортина д'Ампеццо.

Я чуть не взвыл от ярости, которую вызывали у меня обычно материнские рекомендации, которые я мог перечислить заранее, — эима в Кортина д'Ампенцо, лето на Лидо, весна на Ривьере, — как вдруг внезапно понял, что, сам того не желая, получил законный предлог для разрыва с Чечилией. Я возьму у матери сумму, на которую можно прожить в Кортина д'Ампенцо, на эти деньги куплю Чечилии подарок и тут же сообщу ей, что вынужден уехать, чтобы сонровождать мать в горы. Подарок смягчит разлуку, которую я, впрочем, пока представлю как временную, а позже я напишу ей прощальное нисьмо. Я сказал нримирительным тоном: «Ну хорошо. Пусть будет Кортина. Давай деньги».

Видимо, мать не ожидала, что я сдамся так быстро. Растерявшись, она внимательно на

меня посмотрела, потом сиросилв: «Когда ты хотел бы поехать?»

— Да сразу же. Сегодня пятнадцатос... Ну хотя бы восемнадцатого.

- Но надо заказать гостиницу.

Я телеграфирую.

- И сколько ты думаешь там пробыть?

Дней пятнадцать-двадцать.

Казалось, что мать уже раскаивается, что сделала мне это предложение, вернее, насколько я мог понять, раскаивалась она не в том даже, что она его сделала, а в том, что предварительно не выторговала себе какую-пибудь компенсацию. Привычка к спекуляции была в ней так сильна, что она не могла расстаться с ней даже в отношениях со мною. Она сказала перешительно и неохотно: «Разумеется, я дам тебе столько, сколько понадобится. Я обещала и сдержу свое слово».

Хорошо, Так давай!

— Что за спешка? И потом — сколько тебе нужно?

Ну, будем исходить из двадцати тысяч в день. Стало быть, двести тысяч.

Двадцати тысяч лир в день?

- Так я богат или нет? Вроде бы ты сама только что об этом говорила. Я не собираюсь останавливаться в отеле первого класса. Двадцать тысяч в день этого едва хватит для самого скромного проживания.
- Тут у меня денег нет,— сказала мать, решившись наконец на завуалированный отказ.— Я никогда не держу денег в кабинете.

— Хорошо, — сказал я, поднимаясь. — Так пройдем к тебе.

 И в спальне у меня тоже ничего нет. Как раз сегодня утром мне пришлось сделать одну выплату.

Так выпиши чек. Уж чековая книжка у тебя наверняка есть.

Странно, но в ответ на это в высшей степени разумное предложение она внезапно переменила решение. «Нет, я все-таки дам тебе наличными, у меня вчера как раз кончилась чековая книжка. Пойдем наверх».

Мать поднялась, и я последовал за нею, спрашивая себя, почему произошла столь внезапная перемена в способе выплаты. Недоумевал я недолго. Уже на лестнице мать, не оборачиваясь, сказала: «Да, кстати, сейчас я дам тебе задаток — сто тысяч. Остальное завтра. Больше не могу, это все, что у меня сейчас есть».

То есть мать переменила свое решение, потому что чек ей пришлось бы выписать на

всю сумму, в то время как наличными она могла дать меньше, сославшись на то, что больше у нее сейчас нет. Откуда этот внезанный приступ скупости? Может быть, подумал я, она боится утратить надо мною контроль, а может быть, хочет получить от меня что-то в обмен на деньги. Ничего не сказав, я последовал за нею по лестнице, и мы вошли в ее спальню. Это была большан и комфортабельная комната в современном стиле, выдержанная в серых и белых тонах: из-за множества ковров и занавесок — тут не было ни кусочка пола, ни клочка стены, не задрапированного тканью, — возникало ощущение духоты. В полумраке, придававшем нашему отражению в зеркалах что-то зловещее, мы выглядели словно два заговорщика. Мать подошла к двери в ванную, находившуюся в глубине комнаты, и открыла ее. Я остался стоять на пороге. «Что ты там стоишь, — сказала мать, — иди сюда, у меня от тебя нет секретов».

— У тебя нет секретов, — сказал я, — потому что ты знаешь, что мне не нужны твои

деньги. Если бы это было не так, ох, сколько бы у тебя появилось секретов!

- Что за глупости! сказала мать. Разве ты мне не сын? И первой вошла в ванную. Она была очень просторная такими подчеркнуто, бессмысленно просторными бывают в богатых домах помещения, предназначенные для ухода за телом. Ванну от раковины отделяло по меньшей мере четыре метра мраморного пола, а раковину от унитаза столько же кафельного. Я увидел, как мать подошла к стене, взялась за один из крючков, предназначенных для полотенец, повернула его направо, потом налево, а затем потяпула на себя. Пластинка из четырех белых плиток открылась, как дверца, обнажив сяеркающую поверхность стального сейфа. «Ну-ка, сказала мать менторским тоном, как бы предвкушая удовольствие, ну-ка, посмотрим, сможешь ли ты справиться с шифром». В свое время она сообщила мне этот шифр, и я, сам того не желая, его запомнил, просто потому, что у меня хорошая память, но мне было противно пускать его в ход, особенно под ее взглядом: так бывает противно участвовать в ритуалах религии, которую не исповедуешь. «Зачем это, сказал я, открывай сама, я-то тут при чем?»
- Я просто хотела проверить, помпишь ли ты шифр, весело сказала мать. Потом протянула свою белую, унизанную массивными перстнями руку и быстрым нервным движением набрала на циферблате несколько цифр. Сейф открылся. В глубине его были беспорядочно свалены пакеты акций и конверты, белые и желтые. Внезапно мать перешла от веселости к подоэрительности и бросила на меня недоверчивый вэгляд. Я растерянно отвел глаза: прямо передо мной в фарфоровой чаше унитаза лежал комок ваты. Я протянул руку и с шумом спустил воду. Когда я снова поднял глаза, мать уже держала в руке белый, очень толстый конверт и устанавливала на место плитки. Потом, возвращаясь обратно в комнату, она сказала: «Сегодня я дам тебе пятьдесят тысяч. Я только сейчас вспомнила, что другие пятьдесят мне нужно сегодня отдать поставщику».

То есть она еще раз урезала сумму, которую я у нее просил. Я рассчитывал сделать Чечилии подарок за двести тысяч, потом примирился с сотней, по пятьдесят — этого было слишком мало, чтобы смягчить известие о разрыве. И я решительно запротестовал: «Нет,

мне нужна сотня. Поставщику заплатишь в другой раз».

— Но это невоэможно. — Мать подошла к высокому старииному комоду, отверпулась от меня и, насколько я мог видеть, на его мраморной поверхности распечатала конверт. Я сказал, не двигаясь с места: «Ведь ясно же, что в этом конверте больше пятидесяти, может быть, даже больше трехсот. Тут по крайней мере полмиллиона, к чему эти отговорки?»

Мать, не оборачиваясь, поспешно ответила: «Нет-яет, эдесь всего пятьдесят».

Тогда дай мне взглянуть.

Она неожиданно резким движением повернулась ко мне, заслопяя собою конверт, и я увидел, каким взволнованным стало ее худое иссохшее лицо. «Дино, почему ты не хочешь верпуться к матери? Ведь если бы ты жил эдесь, у тебя было бы столько денег, сколько ты захочешь!»

Так вот, значит, на какую компенсацию рассчитывала мать, и так ли уж важно, что свое требование она выставляла не в виде сухой дилеммы, как было бы в этом случае с должником, а в форме патетического призыва. И тогда и я спросил у нее в свою очередь: «При чем здесь это?»

— Но я же вижу, что ты пришел сюда только ради денег, и это после того, как мы не виделись целых два месяца!

Я уже говорил тебе, что был занят.

Если бы ты верпулся, ты и эдесь мог бы заниматься всем, чем хочешь. Я не вмешивалась бы в твою жизнь.

- Лучше дай деньги, и прекратим этот разговор.

— Ты мог бы приходить и уходить по своему усмотрению, поздно возвращаться, принимать кого хочешь, водить любых женщин.

— Но мне пикто не пужен!

— Может быть, ты убежал тогда, потому что подумал, что я помешаю твоей связи с Ритой? Ты ошибаешься. Мне нужно только, чтобы ты соблюдал форму, а в остальном я тебе не помеха.

Тут я не на шутку удивился. Так значит, мать заметила что-то между мяой и Ритой, но молчала, надеясь, видимо, что интрижка с горничной укрепит мои связи если не с ней, то с домом, а значит, и с ней. И когда же она это заметила? Во время завтрака? Или поэже? Я виезапяо ощутил неприятное чувство сыновней виновности, словно снова стал мальчиком и мать имеет право меня пристыдить. Однако я быстро справился с этим чувством, вспомяив, что к Рите меня толкиуло отчаяние, в которое неизменно приводил меня каждый визит к матери. И я раздраженно сказал, глядя ей прямо в лицо: «Нет, я бежал тогда не из-за Риты, я бежал из-аа тебя».

— Из-за меня? Но я ведь даже сделала вид, что не замечаю, как ты ее лапаешь во

время аавтрака!

Эта фраза, в еще больше тон матери меня вабесили. «Если хочешь знать, я из-за тебя и стал ее "ланать", если воспользоваться твозм выражением».

— При чем здесь я? Разве я виновата в том, что ты пристаешь к служанкам?

- Я стал лапать ее руками, потому что ты стала лапать меня ногами.

- Ногами, я?

- Да, ты, ногами так ты давала мие понять, что не следует говорить о деньгах в нрисутствии горничной. И потом знай, — я подошел к ней вплотную и говорил ей теперь нрямо в лицо, — знай, что все глупости, которые я делал в своей жизни, были из-за тебя.
 - Из-за меня?

— Всю свою юность, — закричал я внезапно в приступе бешенства, — я мечтал стать вором, убийцей, преступником, лишь бы не быть таким, каким тебе хотелось меня видеть. И благодари Бога, что мне это не удалось, не представлялось случая. И все это из-за того, что я жил рядом с тобой, в этом доме.

На этот раз мой тои, видимо, в самом деле напугал мать, которая обычно, что бы я ни говорил, выглядела бестрепетной инкассаторшей. Я увидел, как исказилось ее лицо, как задергалась голова. «Ну ладно, ладно, — пробормотала она, — если это в самом деле так, то не ходи больше ко мне, яе ходи в этот дом».

Внезапио я успокоился. «Нет, приходить я буду, яо не проси меня, чтобы я его любил».

- Да что такого ужасного в этом доме, разве оя не такой, как все?
- Нет, он не как все, он даже красивее и удобнее многих других.

- Тогда в чем дело?

Я увидел, что опа почувствовала облегчение, убедившись, что я отказался от прямой атаки. Я ответил ей вопросом: «Но ведь и отец не хотел жить в этом доме. Иочему?»

Твой отец любил путенествовать.

— A не точнее ли будет сказать, что он путешествовал, потому что не любил жить эдесь?

— Твой отец был твой отец, а ты это ты.

Споры такого рода возникали у пас с матерью не в первый раз. Я мог кричать, мог ее оскорблять, но никогда не договаривал всю правду до конца: этот дом мие был противен, потому что это был дом богатых людей. И хотя я должен сказать, что мать сама все время подводила меня к этому порогу, словно дразня, словно провоцируя меня на ответ, ей всетаки не хотелось, чтобы я произнес все это вслух, и в последний момент она всегда отступала, переводя разговор на другую тему. Так случилось и сейчас. Я уже приготовился ей ответить, как она вдруг нервно сказала: «Сказал бы прямо, что хочешь жить отдельно, чтобы чувствовать себя свободным. Ты неправ, если так думаешь, по это неважно. Держи, вот твои сто тысяч».

Опа протянула мне деньги, но как бы не окончвтельно: стоило мпе протянуть за ними руку, как она свою отдернула, словно желая подчеркнуть, что взамен я не даю ничего. И добавила: «Да, кстати, может быть, останешься хотя бы на завтрак?»

Не могу.

Я пригласила несколько человек. Будет министр Триоло с женой. Симпатичный человек, интеллигентный, энергичный.

— Министр? Какой ужас! Ну, давай же мои деньги!

На этот раз она отдала мне деньги, движением раздраженным и в то же время перешительным, словно, протягивая, хотела забрать их обратно. «Приходи тогда завтра. Будем только ты да я. И я отдам тебе остальяюе. В том случае, разумеется, если ты действительно решишь поехать в Кортину».

А ночему ты сомневаешься?

- С тобой никогда ни в чем нельзя быть уверенной.

Но сейчас мать выглядела уже довольной. Я понял это по тому, как она, идя внереди меня по лестнице, держала голову и скользила по перилам рукой. «Может быть, — думая я, — она довольна тем, что еще раз сумела избежать серьезяого объяснения, того объяснения, которого не желает ни один богатый человек, потому что после него он уже не смог бы спокойно наслаждаться своим богатством». Удовлетворение, которое она иснытывала, было, по-видимому, таким полным, что она забыла о моем уклончивом отказе и уже у самых дверей снова сказала: «Почему бы тебе не дождаться министра? Выпьете с ним аперитив, а потом уйдешь. Он человек влиятельный, может тебе пригодиться».

— Мне он, к сожалению, пригодиться никак ие может,— сказал я со вадохом.—
 И потом, мне пора бежать.

Мать не настаивала; отворив входную дверь, она вышла на порог, к подъездной площадке, пряча руки под мышками и подрагивая от осеннего влажного воздуха. «Если так будет лить и дальше, — сказала она, разглядывая затянутое тучами небо, — прощайте все мои цветочки».

— До свиданья, мама, — сказал я и, наклонившись, авпечатлел ритуальный сухой поделуй на столь же сухой щеке. Потом бегом побежал к машине: я уже видел, что в конце аллеи показался направляющийся к дому автомобиль, и всеми силами старался избежать встречи с гостем. Я уселся за руль в тот самый момент, когда машина въехала на подъездную площадку и остановилась. Мать стояла на пороге с видом человека, нриготовившегося к приему почетных гостей. Я завел мотор и отъехал, успев увидеть, как из машины вышел шофер в униформе, снял фуражку и распахнул дверду, но не успев разглядеть того, кому принадлежала нога в черяом башмаке, которая нащупывала землю, высунувшись из машины.

Еще не было часу, и я, пролетев на бешеной скорости Анпиеву дорогу, поспел на площадь Испании перед самым закрытием магазинов. Я знал, куда мне нужно пойти, чтобы купить подарок для Чечилии, -- в магазин дамских зонтов и сумочек на улице Кондотти. Он был полон элегантных покупательниц, которые при виде меня посторонились с некоторым, как мне показалось, удивлением. Потом, торопливо выбирая сумочку из крокодиловой кожи, я вдруг увидел себя в зеркале и понял причину этого удивления. У меня был вид бродяги, притом бродяги опасного: лысая макушка, обрамленная длинными белокурыми прядями, поросшие рыжей щетияой щеки, угольно-черный свитер, из-под которого виднелась рубашка без галстука, мятые потертые брюки оливкового цвета. Высокий, а в этом помещении с низкими потолками прямо-таки непомерно высокий, со лбом, нависающим как козырек над голубыми с красными прожилками глазами, с коротким носом, толстыми губами — обезьяна да и только! В то же время я понял, как должна была любить меня мать, если она была готова пригласить меня даже в таком виде на завтрак с министром и другими гостями. Но потом подумал, что благодаря особой ее чувствительности к тому, что она называла «формой», мать могла решить, что я одет так, как и подобает художнику, в своего рода униформу, указывающую на мое место в этом мире, место отнюдь яе позорное в глазах общества, признававшего за художником право посить свитер, так же, как признает оно право министра на пиджак. Я так погрузился в эти размышления, что вздрогнул, услышав голос продавщицы, которая протягивала мне сумку. Я заплатил, взял сверток и вышел.

Был час. Свидание было назначено на пять. Странно, но до сих пор, то есть пока отношения с Чечилией казались мне незыблемыми, я никогда не замечал часов ожидания; теперь же, когда я решил с пей расстаться, необходимость ждать вдруг повергла меня в какое-то страяное смятение. Поэтому все, что я мог сделать до пяти, я делал чрезвычайно медленно, надеясь, что время таким образом пройдет незаметно и безболезненно; я ноел в траттории своего квартала, притворяясь перед самим собой, что медлю потому, что смакую каждый кусок; потом я пошел в бар и, выпив кофе, еще прослушал песколько нластичок, меняя их в автоматическом проигрывателе; затем я выпил кофе в другом кафе и, вскарабкавшись на высокий табурет неред стойкой, прочел от первой до последней строчки какую-то газету. Потом минут двадцать я беседовал с попавшимся мне на улице художником, которого я даже не знал по имени, и старательно изображал интерес к произносимой им длинной диатрибе по поводу разных премий и выставок. Но даже при всем этом я сумел убить только два часа из тех четырех, которые отделяли меня от свидания. Чувствуя на душе тревогу, я вернулся наконец в свою студию.

Там меня встретил сочащийся через белые шторы мягкий, неяркий, но беснощадно ясный свет, тот самый свет, при котором ощущение скуки, то есть осознание полного разрыва между мною и окружающими меня предметами, обретало качество единственно возможного, совершенно естественного ощущения, хотя от этого оно не станонилось менее мучительным. Наоборот, стоило мне войти и сесть а кресло перед пустым холстом, до сих пор белевшим на подрамнике, я сразу же подумал: «Я здесь, а они там». «Они», как я это уже знал по опыту, это были предметы вокруг меня: холст на подрамнике, круглый стол посреди комнаты, отгораживающая кровать ширма в левом углу комнаты, кафельная печь с трубой, выведенной в потолок, стулья, заваленные яабросками, книжный шкаф. «Они там, — твердил я себе, — а я здесь». И между ними и мной не было ничего, ну то есть абсолютно ничего, как в космическом пространстве между звездами, отстоящими друг от друга на миллиарды световых лет.

Я повторял: «Я здесь, а они там», и вспомипал Чечилию, как лежала она вчера на этом диване — закрытые глаза, голова, откинутая на валик, выпяченный живот, — предлагая себя в самом прямом и откровенном смысле слова, именно так, как предлагает себя вещь, которая сама по себе не может ничего, кроме как навязать вам обладание ею; и еще я вспомнил, что, идя к дивану, я подумал, как сегодня: «Она там, а я здесь», и почувствовал, что между мною и нею нет ничего, полная пустота, и эту пустоту я должен пройти, пере-

сечь, заполнить движением своего тела, бросающегося на ее тело. Вспоминая усилие, которое, словно при взятии барьера, мне пришлось над собою сделать, чтобы обнять Чечилию и овладеть ею, я внезапно понял, что мое решение покинуть ее было не чем иным, как официальным, если можно так выразиться, приэнанием уже существующего положения дел. Да, расстанусь я с Чечилией сегодня, но на самом-то деле я покинул ее много раньше, а вернее, я цикогла и не был рядом с нею.

От всех этих мыслей я задремал и в конце концов эаставил себя перейти с кресла на диван. Я заснул почти сразу и с таким страстным желанием заснуть, что мне казалось, будто я, скорчившись, стиснуа кулаки и зубы, проваливаюсь в какую-то пропасть, и тело мое по мере этого падения становится все тяжелее и тяжелее. Потом я вдруг проснулся с привкусом железа во рту, как будто в зубах у меня была зажата металлическая планка. В студии было почти темно. Предметы в сером полумраке сделались черными. Я соскочил с дивана и включил свет. За окном сразу же наступила ночь. Тогда я посмотрел на циферблат будильника, стоящего на столе, и увидел, что уже больше шести. Чечилия должна была прийти в пять.

Не нужно было много воображения, чтобы понять, что опоздание не случайно и что сегодня она, по-видимому, уже не придет. Между тем одной из странностей противоречивой патуры Чечилии, которой были явно недоступны чувства, заставляющие одного человека не причинять страданий другому, была пунктуальность: она была пунктуальна так, как будто действительно меня любила, и когда ей почему-либо приходилось опаздывать, она всегда успевала меня предупредить. Поэтому сегодняшнее опоздание не было вещью обычной и могло объясняться разве лишь тем, что произошло нечто настолько более важное, чем паше свидапие, что Чечилия не только не пришла, по и не смогла сообщить мне о том, что не придет.

Однако первая мысль, которая пришла мие в голову в связи с этим, была следующая: «Так ты что — недоволен? Ты же хотел от пее избавиться, и вот, она не пришла. Казалось бы, так даже и лучше?» Однако в моем рассуждении был оттенок сарказма, так как я должен был с удивлением признать, что опоэдание Чечилии не только не доставляет мпе удовольствия, но, паоборот, очень меня тревожит.

Я вернулся на диван и принялся размышлять. Почему опоэдание Чечилии так меня взволновало? И понял, что если до сих пор Чечилия была дли меня, как я уже говорил, ничем, то теперь, именно в результате опоэдания, она стала «чем-то». Но это едва обретенное «что-то», к сожалению, ускользало у меня из рук: ведь Чечилия не пришла! Когда она была в студии, когда она меня обнимала, она казалась мне несуществующей, зато теперь, когда ее не было и я энал, что она не придет, я с пеосоэнанной горечью вдруг ощутил, что она существует.

Я попытался осмыслить все это нолучше, но эаметил, что это мие дается с трудом, потому что мне было больно. Итак, Чечилия не пришла; итак, она даже не потрудилась представить мне какие-то оправдания; итак, она меня разлюбила, или, во всяком случае, любила меня не настолько, чтобы быть пунктуальной или хотя бы предупредить; иными словами, она любила меня чрезвычайно мало. И тут я неожиданно с удивлением осознал, что эа все два месяца, пока длилась наша связь, Чечилия ни разу не сказала, что любит меня, и я ее ни разу об этом не спросил. Разумеется, можно было считать признанием в любви то, что она мне отдавалась, показывая тем самым, что ей со мной хорошо. Но вполне возможно, и это я понял только сейчас, что это не эначило ровно ничего.

Отом, что эта «жертва тела» не значила для пее ничего, я мог бы догадаться и по тому, как мало она придавала этому значения. Такие вещи нельзя не чувствовать: Чечилия отдавала мне себя с тем поистине дикарским простодушным безраэличнем, с каким, снимая с шеи, дикарь отдает алчному эавоевателю амулет из драгоценных кампей. Можно было подумать, что она не знала поклонников, которые дали бы ей почувствовать, каким желанным может быть женское тело. Правда, Балестриери ее обожал и даже умер от этого обожания, но казалось, Чечилия до сих пор этому удивляется как вещи, с ее точки зрения глупой и непростительной.

Неожиданно я почувствовал укол в сердце и вэдрогнул. Уколола меня мысль — думай не думай, а она не пришла, — которая эаставила меня почти физически ощутить бесплодность всех моих размышлений перед лицом этого отсутствия. Я посмотрел на часы и заметил, что со времени моего пробуждения прошло уже тридцать минут: Чечилия, конечно, сегодня не придет. И я больше не желал убеждать себя в том, что ее отсутствие мне безразлично.

Я подумал: не заболела ли она — единственная причина, которая могла бы объяснить ее поведение, не посеяв во мне подозрений, и вскочил с дивана, чтобы ей позвонить. И только тогда, с ощущением совершающегося открытия, понял, что никогда не эвонил Чечилии, ни разу. Это она мне всегда звонила, каждый день, а я не звонил, потому что мне это было не нужно. Такое полное отсутствие любопытства с моей стороны показалось мне весьма знаменательным. Я никогда не звонил Чечилии, потому что никогда не пытался установить с ней настоящие отношения. Так они и стали ничем: скука легко их подорвала, и в конце концов я даже решил покончить с ними совсем.

Номер Чечилии ответил загадочным молчанием: вернее, молчание казалось мне загадочным, нотому что Чечилия с той минуты, как она не иришла, сама стала загадочной, укрывающейся в этом молчании, как зверь в норе. Однако будучи загадочным, это молчание все-таки не било окончательным. Без особой уверенности, как игрок, который после нескольких проигрышей все-таки не теряет надежды отыграться, я надеялся, что в конце концов в трубке раздастся голос Чечилии. Но вместо этого произошла странная вещь: гудки прервались, то есть кто-то взял трубку, но не произнес при этом ни слова, мне показалось, что на той стороне я различил что-то вроде учащенного дыхания, а потом вздоха. «Алло, млло! — кричал я. — Кто у телефона?» — пока не услышал, как там положили трубку. В ярости я снова набрал номер, но мне снова ответило молчание, наполненное этим таинственным дыханием, и под конец трубку опять положили. Я набрал номер в третий раз и ждал очень долго, но никто не подошел.

Оставив в покое телефон, я вернулся на диваи. Поначалу я был так поражен, что вообще ничего не соображал. Мне было ясно только одно: в тот самый день, когда я решил сообщить Чечилии о нашем разрыве, Чечилия, не энаю почему, впервые не явилась на свидание, то есть фактически сама спровоцировала меня на разрыв, который я только еще собирался ей предложить. Я испытывал то самое неприятное чувство, которое испытывает человек, спускающийся но крутой темной лестнице, когда, готовясь преодолеть последнюю ступеньку, вдруг нащунывает ровную поверхность лестничной площадки и теряет равновесие именно потому, что ступеньки, которой он ждал, на самом деле не оказалось.

Безотчетно, чисто механически, я поднялся, подошел к двери, открыл ее и взглянул в сторону входной двери, словно надеясь, что из-за угла сейчас появится Чечилия. Потом я посмотрел в другую сторону, и мой взгляд, обежав все двери, задержался на двери Балестриери. Я не мог не подумать о том, что и Балестриери, наверное, вот так же, бог знает сколько раз, выглядывал в коридор, чтобы посмотреть, не появится ли из-за угла опаздывающая Чечилия. Я знал, что в его студии пока никто не живет; говорили даже, что там хочет поселиться сама вдова. В день нашей первой встречи Чечилия оставила ключ от комнаты старого художника у меня на столе и так его и не вляла, а я забросил его в какойто дальний ящик, словно предчувствуя, что он мне еще понадобится. Внезапно мне захотелось очутиться в тех стенах, где Балестриери мучился от той же самой пеясности, от которой сейчас мучился я.

Я вэнл ключ и, оставив дверь полуоткрытой, чтобы Чечилия, если она все-таки явится, могла войти, направился к студии Балестриери.

Когда я эажег искусственные, с искусственным же нагаром свечи центральной люстры, студия, с ее подделанной под старниу мебелью и темно-красным дамаском, покаэалась мне еще более мрачной, чем в первый раз. Ступая по толстому ковру и с отвращением вдыхая эастоявшийся, пыльный, дурно пахнущий воздух, я нодошел к стоящему посреди комнаты большому, громоздкому, выдержанному в стиле Воэрождения столу, чья блестящая поверхность за два месяца запустения покрылась густым слоем пыли. На нем стоял телефон, рядом лежали телефонный справочник и эеленая квитанция об уплате. Я подумал, что вдова, должно быть, и в самом деле собирается сюда переехать, раз уж платит за телефон, потом мой вэгляд упал на справочник, нереплетенный «пол мрамор». Я взял его и начал листать. Почерк Балестрвери, крупный, четкий, корявый, почему-то привел мне на память его слишком широкие плечи и огромные ступни. Меня поразило количество женских имен, просто имен без фамплий, почему-то все они были на одной странице: Паола, Мария, Милли, Инес, Даниэла, Лаура, София, Джованна и т. д., и т. д. Зная привычки Балестриери, я не сомневался, что все это были имена тех легкомысленных барышень которые когда-то, до того как началась его великая любовь к Чечилии, столь часто его посещали. Я продолжал листать, мне хотелось увидеть страницу с буквой «ч». Вот опо, имя Чечилии, и рядом телефон, по которому я только что тщетно пытался дозвониться. На мгновение я замер, не отводя глаз от этого имени и этих цифр и думая о том, сколь различны были чувства Балестриери в тот день, когда он делал эту запись, н потом, когда он открывал эту страницу, прежде чем позвонить Чечилии. Под конец ему, наверное, уже и не надо было прибегать к услугам справочника, потому что он знал номер панзусть; но все равно он время от времени, наверное, смотрел на страницу с буквой «ч», вспоминая тот роковой час, когда он записал это имя и этот номер. Неожиданно на столе зазвонил телефон.

Поколебавшись, я взял трубку. У меня было странное чувство, будто я это не я, а Балестриери, и что сейчас я услышу в трубке голос Чечилии. Это предчувствие неожиданно сбылось: я услышал по телефону знакомый голос, который спросил: «Это ты, Мауро?» Стало быть, Балестриери звали Мауро. Какая-то болезненная тошнота подступила к горлу, и у меня сжалось сердце. Так, значит, это действительно была Чечилия, и она звонила не мие, а Балестриери, то есть человеку, который умер, и она энала о том, что он умер.

Все это длилось одно лишь мгновенье. Я сказал еле слышно: «Нет, это Дино», и голос, сразу же потерявший всякое сходство с Чечилией и, более того, обнаруживший полное

с нею несходство, словно сходство это было порождением моей фантазии, в замешательстве сказал: «О, простите, это квартира Балестриери?»

— да.

— А что, Балестриери нет? Видите ли, меня четыре месяца не было в Риме, и я просто хотела узнать, как он там. А вы что, его друг?

Да. А вы кто?

- Ая Милли, заверила девушка горячо и как-то многозначительно, словно намекая иа интимность своих отношений с художником.
 - Видите ли, синьорина Милли, синьор Балестриери... уехал.

- Ла? А вы не знаете, когда он вернется?

— Не могу сказать.

- Ну хорошо, если вы его увидите, скажите, что звоинла Милли.

Я положил трубку и на мгновенье замер, пытаясь проанализировать смутное и неприятное чувство, вызванное у меня этим звонком. Потом я заметил, что в студии холодно, что холод пробирает меня до костей. Какой-то особенный холод, отдающий пороком и тленом, могильный и в то же время альковный, холод алькова, который стал могилой. Говоря по телефону, я сел, может быть, потому, что был потрясен, услышав голос Чечилии. Я поднялся со студа и вышел а коридор.

Вернувшись в свою студию, я взглянул яа телефон и, так как не ждал уже больше никого, понял, что посмотрел на него, чтобы понять, сколько времени осталось до того утреннего часа, когда мне обычно звонила Чечилия. И сразу же подумал, что думаю об этом в первый раз, и еще понял, что отныне и впредь подобные мысли будут посещать меня все чаще и чаще.

Перевела с итальянского С. Бушуева

Окончание следует

Антон Антонов-Овсеенко

КАРЬЕРА ПАЛАЧА

В марте 1938 года на судебном процессе в Колопном зале Дома союзов Генрих Ягода в последнем слове просил оставить ему жизнь. Он готов пойти на стройку простым рабочим. Было время — народный комиссар внутренних дел Ягода руководил строительством Великих каналов, которые прославили Родину на весь мир...

В декабре пятьдесят третьего, на заседании Особого судебного присутствия, Лаврентий Берия тоже просил списхождения: «Я могу еще пригодиться...» Он сослался на свой богатый опыт государственной деятельности, напомпил о руководящем участии в созда-

нии отечественного сверхоружия.

А ведь по патуре саоей Берия был человеком ленивым. В Закавказье, в годы тридцатые, да и несколько ранее, этот заслуженный чекист старался переложить всю тяжесть работы на плечи заместителей и помощников. На протяжении ряда лет деятельностью органов ГПУ — НКВД фактически руководил Тите Лордкипанидзе, Берия же отдавал явное предпочтение собственным удовольствиям. Любил председательствовать, выступать с докладами, не им, разумеется, написаяными. Заложепную в нем природой энергию он тратил лишь на интриги и провокации да па любовные утехи. Тут он был пеутомим.

Академик А. П. Александров четко разделяет всех ляц, причастных к Атомному проекту, на несколько групп. Характеризуя Игоря Курчатова как вполне компетентного ученого и ответственного организатора, Анатолий Александроа говорит, что это была прекрасная, богато одаренная личность. Да, к осуществлению этого проекта прааительстао

привлекло интеллектуальный цвет советской науки.

Что касается практических руководителей — министров и гепералоа, то далеко не все заслужили добрую память. Б. Л. Ванников, Е. П. Славский, А. П. Завенягин, М. Г. Первухин попачалу почти пичего не понимали в атомном проекте. Однако упорный, целеустремленный труд помог им приобщиться к новому делу и с большой пользой применить свой организационный опыт. Совсем иную, тормозящую роль сыграли генералы, привыкшие лишь властаовать. Для них проблема сводилась к простой формуле: «Взорвется — не взорвется?» Именно такой подход и продемонстрировал маршал (это звание он носил с июля 1945 года) Берия, хотя в организацию самого дела он и вложил колоссальную энергию.

Ныне мы располагаем замечательными историческими документами — письмами Петра Леонидовича Капицы. В одном из его писем Сталипу, датированном 25 ноября 1945 года, известный ученый дает нелицеприятную оценку всесильного фаворита. «Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом Комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках... У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо». Капица не отказывает Берии в знергии и умении быстро ориентироваться в сложных ситуациях, но тут же отмечает ленивый характер этого начальника и чрезмерную самоуверенность, которая помешала Берии принять предложение академика номочь ему овладеть физикой. А заодно — познать по перво-

источникам историю техники. «Но для атого нужно работать, — пишет Капица, — а черкать карандашом по проектам постановлений в председательском кресле — это еще не значит

рукоаодить проблемой».

Девять раз за последние две недели назначал Берия аудиенцию Капице и всякий раз отменял. К этому приему Папа Малый прибегал обычно тогда, когда хотел «поставить на место» маститого ученого. «У меня с Берия совсем ничего не получается»,— с горечью заключает физик. Он предлагает Сталину вывести ученых из состояния подчиненных и, оказав им полное доверие, поставить во главе государственных проектов. «Следует, чтобы все руководящие товарищи, подобные Берия, дали почувствовать своим подчиненным, что ученые в этом деле ведущая, а не подчиненная сила». Пока же Берия и прочие начальники к мнению, к возражениям ученых мало прислушиваются.

Капицу, всемирно известного ученого, положение слепого исполнителя административной воли не устраивает, он просит Сталина освободить его от участия в Особом комитете и Техническом совете. Он полагает, что Берия будет доволен его уходом. Подчеркнув, что ато письмо не является «доносом», он просит Вождя ознакомить с ним товарища

Берию.

Через несколько дней тот позвонил Петру Леонидовичу: «Товарищ Сталии показал мне ваше письмо. Надо поговорить. Приезжайте».— «Мне с вами говорить не о чем. Если

вы хотите поговорить со мной, то приезжайте в институт».

Пришлось Лаврентию Павловичу ехать самому. Он преподнес строптивому ученому богато инкрустированную тульскую двустволку, однако этот символический подарок, конечно же, не мог изменить мнения Капицы о шефе тайной полиции в роли куратора

Атомного проекта.

Мог ли мстительный, злобный соратник Сталина оставить письмо Капицы без последствий? Травить ученого он начал еще в августе сорок пятого. Верный своей привычке действовать через подставных лиц, он уже в качестве председателя Бюро Совета Министров СССР предложил назначить заместителем Капицы по Главкислороду М. К. Сукова. Последний нослал на имя Сталина явно инсценированное письмо, содержащее клеветнические измышления о деятельности честного ученого. В этом письме-доносе нашлось место и политическим обвинениям.

После же того намятного письма Сталину интриги против Каницы возобновились с новой силой. По всему видно, устроитель провокаций решился на срыв важнейних кислородных работ ученого, лишь бы дискредитировать его в глазах руководителей государства. Исполнителем злой воли на сей раз выступил профессор И. П. Усюкин. Совсем недавно, в феврале 1945 года, он выдвигал работу Каницы «Установки высокой производительности дли получения жидкого кислорода» на соискание Сталинской премии. А четыре месяца спустя этот же эксперт оценивает результаты деятельности Капицы как порочные и предлагает использовать немецкие установки и западную технологию. О своем резко отрицательном отношении к турбокислородным установкам Каницы эксперт Усюкин известил также ЦК партии.

Пораженный его беспринципностью, Петр Леонидович жалуется Сталину на действия экспертных комиссий, которые, не посмотрев даже установку и не пригласив к участию в заседаниях руководителя проекта, дали неблагоприятные отзывы. При атом председатели этих комиссий — ни Первухин, ни Сабуров, ни Малышев — ни разу не выслушали

объяспений академика Капицы.

Совсем нетрудно догадаться, кто стоял за кулисами этого поистине вредоносного для

государства действа.

У Берии были все «основания» ненавидеть ученого. К этому столь естественному для него чувству примешивался еще и страх за свою шкуру. В среде физиков бытует рассказ о том, как во время беседы с Берией ученый сказал: «Лаврентий Павлович, вы не читали моих книг, а я — ваших. Но, заметьте, — по разяым причинам...» 4 апреля 1946 года Сталин нослал Капице письмо, в котором тепло отозвался о письме академика и высказал пожелание побеседовать с ним. Если такая встреча состоится, Петр Леонидович не преминет сообщить генсеку о художествах главного куратора Атомного проекта. Надо упредить зарвавшегося академика, уничтожить его, и дело с концом. Летом 1946 года начальник тыла Вооруженных Сил СССР генерал А. В. Хрулев оказался свидетелем знаменательной беседы в кабинете Вождя. Берия настаивал на аресте Капицы, Сталин ему в атой малости решительно отказал: «Я его тебе сниму, но ты его не трогай». Всего одна фраза, а в ней — самая суть взаимодействия двух уголовников.

Семь лет продолжалась опала замечательного ученого и патриота. Он стал затворником па своей подмосковной даче. Вместо созданного им Института физических проблем — изба на Николиной Горе, в которой и разместилась его лаборатория. Опала была снята с Петра Леонидовича лишь в августе 1953 года, после ареста его личного врага Берии.

Но этот сталинский подручный оказался и врагом отечественной науки. О «невыносимом отношении Берии к науке и ученым» Петр Капица писвл Н. С. хрущеву в сентябре 1955 года. Ученый отошел от Атомного проекта из-за Берии, а тот распустил слух, будто академик Капица отказался участвовать в создании бомбы в силу своих пацифистских

убеждений. В письме Хрущеву Капица упоминает также о мерах, принятых Берией, чтобы погубить кислородную проблему. Решение ее благодаря злонамеренным действиям лубянского воротилы задержалось на много лет.

Как все это согласовать с положительными отзывами ученых-атомщиков о Лаврентии Берии как умелом, апергичном организаторе? Он был не так уж прост, и с помощью одной чериой краски его достоверный портрет не воссоялать.

* * *

Однажды — это происходило после войны — Берия беседовал с А. Н. Комаровским, опытным лагерным строителем. Он начинал карьеру на канале «Москва — Волга». Пили коньяк, говорили о жизни. После третьей рюмки хозяин кабинета положил перед генералом чистый лист бумаги: «Пиши».— «Что писать, Лаврентий Павлович?» — «Напиши про то, как тебя немецквя и английская разведка вербовала».— «Вы что, шутите, Лаврентий Павлович?» — «Какие еще шутки? Пиши». Комаровский растерялся, он пытался чтото доказывать, убеждал Берию, но тот не унимался. Раздался телефонный звонок. «Слушаю, товарищ Сталин. Да. Это будет сделано.— Берия положил трубку и налил полиые рюмки коньяку.— Ну вот что, Комаровский. По указанию товарища Сталина ты назначаешься начальником строительства одного объекта. Сегодня же подпишу приказ. А теперь обмоем твое назначение. С тебя причитается...»

Стрвх стал постоянным спутником всех занятых в производстве атомной бомбы инжеперов и ученых — больших и малых. С помощью своих генерал-надзирателей Берия

поддерживал состояние страха на всех стройках, заводах, лабораториях.

А Комаровский после сдачи в эксплуатацию важного объекта атомной программы был переведен в Челябинск, потом строил новые здания Московского университета, там этот

Герой Социалистического Труда прославился своим жестоким нравом.

Пока был жив Берия, Комаровский постоянно ощущал затылком его рыскающий взгляд. Любимчиков Хозяина Лаврентий Павлович не жаловал. Как-то оп вызвал Комаровского и заявил ему, что на одной из дач Сталина у входпой двери застряла пуля. Неподалеку от дачи работали люди Комаровского. На розыск стрелявшего Лаврентий Павлович дал ему три дня.

Через два дня Комаровский представил шефу результаты баллистического анализа траектории пули. Оказалось, что стреляли с площадки, на которой обычно тренировались

личные охранники Сталина.

Комаровскому удалось миновать все рифы бериевских провокаций. Судьба ветерана ГУЛАГа сложилась благополучно и после смерти Сталина. В 1963 году оп стал заместителем министра обороны по строительству и расквартированию войск и на этом посту оставался до конца, получив при Брежневе звание генерала армии.

Эстафета...

Наш рассказ об атомном короле был бы неполным без свидетельства Андрея Дмитриевича Сахаровв. Бериевские агенты пытались привлечь его к работе в сухумском научном центре, обещая замечательные возможности для исследовательской работы и не менее замечательные материальные блага. Беседа с неким «генералом Зверевым» состоялась в помере гостиницы в конце 1946 года, и если бы не отказ молодого ученого, его положение изменилось бы круто. Однако, как пишет в своих «Воспоминаниях» А. Сахаров, ему все же пришлось заниматься разработкой термоядерного оружии — с конца июня 1948 до июля 1968 — двадцать лет. С Берией ученый встречался много раз в его кремлевском кабинете № 13.

...Берия обратился ко мне с вовросом, как идет работа по МТР у Курчатова. Я ответил. Он встал, давая повять, что разговор окончен, но вдруг сказал: «Может, у вас есть квкие-нибудь вопросы ко мне?» Я совершевно не был готов к такому общему вопросу. Спонтанно, без размышлений, я спросил: «Почему наши новые разработки ндут так медленно? Почему мы все время отстаем от США и других стран, проигрывая техническое соревнование?» Берия ответил мне прагматически: «Потому что у нас вет производственно-опытной базы. Все висит нв одной "Электросиле". А у американцев сотни фирм с мощной базой». (Такой ответ был мне, конечво, не интересен.) Он подал мне руку. Она была пухлая, чуть влажная и мертвенно-холодная. Только в этот момент я, квжется, осознал, что говорю с глазу на глаз со страшным человеком.

Летом 1952 года (если мне не изменяет вамять) произошел такой апизод. Возникли аадержки в производстве одного из основных входящих в изделие материалов. Ответственным по Первому главному управлению зв производство этого материала был Н. И. Павлов, одии из руководящих работников ПГУ, кажется, в то время волковник КГБ (а может, уже генерал). Существовало в принципе два различных метода производства — назовем их «старый» и «новый». Старыи метод использовал завод, ранее построенный для другой цели, впоследствии отпавшей. Новый метод использовал установку, специально построенную на основе оригинальных научно-технических разработок, и был го-

рвало более перспективным. Павлов, то ли из перестраховки, то ли желая как-то использовать уже существующий завод, решил скомбинировать оба метода; нячего хорошего из этого не получилось,

план производства материала был сорван.

На совещании у Берян, прв котором я присутствовал, кто-то поднял этот вопрос. Берия уже имел, видимо, свою информацию. Он встал и провзяес примерио следующее: «Мы, большевики, когда котим что-то сделать, закрываем глааа на все остальвое (говоря это, Берня зажмурился, и его лицо стало еще более странным). Вы, Павлов, потеряли большевистскую остроту! Сейчас мы вас ие будем иаказывать, мы напеемся, что вы исправите ошибку. Но имейте в виду, у нас в турме места много!»

Берия говорил твердо «турма» вместо «тюрьма». Это звучало жутковато. Грозным призиаком было и обращение на «вы». Павлов сидел молча, опустив голову, как, впрочем, в все остальные при-

сутствующие.

На том же заседавии решался вопрос о направлении на объект «для усиления» академика М. А. Лаврентьева и члена-корреспондента А. А. Ильюшина. Когда была названа фамилия Ильюши-

на. Берия удовлетворенно кивнул, очевидно, она уже была ему известяа.

....Лаврентьев и Ильюшии были направлены на объект в качестве «резервного руководства» -в случае неудачи испытания они должны были сменить нас немедленно, а в случае удачи — вемного погодя и ие всех... Лаврентьев старался держаться в тени и вскоре уехал. Что же касаетси Ильюшина, то он вел себя иначе. Он вызвал несколько своих сотрудников и организовал нечто вроде «бюро опасиостей». На каждом авседании Ильюшин выступал с сообщением, на которого следовало, что обваружена еще одна неувязка, допущениая руководством объекта, которая неизбежно приведет к провалу. Ильющину иельзи было отказать в остроумии и квалификации, и все же, как правило, он делал из мухи слоиа. Но в случае неудачи испытания укус каждой из этих мух был бы смертелен: он ведь предупреждал...

Работа американских ученых над атомным проектом, тщательно засекречепная, вызвала асе же острое внимапие Главпого разведывательного управлепия (ГРУ) паркомата оборопы. Формально пачальник ГРУ Ф. Ф. Куапедов подчинялся начальнику Генштаба, но эту область разведки контролировал и иаправлял все тот же пеподменный Берия.

Воеппому атташе в Канаде полковнику Н. Заботипу удалось организовать две группы осведомителей, канадцев и англичан. Самыми цепиыми оказались Д. Лупап, И. Гальперип («Бэкон») и Аллан Нап Мэй («Алек»). Им удалось пе только устаповить местопахождепие завода по изготовлению атомной бомбы в США, но и передать советской разведке образцы урапа-235 и 233. Зпачительный ущерб делу напес Игорь Гузенко, шифровальщик советского посольства в Канаде. Он выдал канадскому правительству, участпику урановых исследований, важные секреты. Последовали провалы. Но жертвы оказались напрасными: как это часто случалось при пекомпетептпом руководстве, сведения, добытые столь дорогой ценой, устарели.

На Западе бытует мпепие, что без шпиоиских сведений, получеиных от супругов Розенберг, создание советского атомпого оружия задержалось бы па песколько лет. В Советском Союзе лишь недавно признали участие в этом деле американской пары, казненной за предательство на электрическом стуле. А ведь упоминалие имеп осведомителей встречается даже в воспоминаниях Кима Филби, вздаппых в русском переводе в СССР в 1980 году. Только вот сведения, добытые Розенбергами, кстати, весьма ограниченные (как

утверждал Курчатов), поступили в атомпый цептр слишком поздпо. В последнее время появляются воспомипания о самоотверженной и эффективной работе советских разведчиков в Гермапии и Англии. Несмотря на потери опытных аген-

тов, им удалось добыть исключительно ценпые секреты атомиого производства. Однако некоторые отечественные специалисты утверждают, что и жертвы, и материальные затраты оказались напрасными: советские ученые разработали и осуществили Атомный проект вполне самостоятельно. Видимо, время для воссоздания точной истории Атомпого проекта

еще не пришло.

16 июля 1945, накануне открытия Потсдамской конференции, в штате Нью-Мексико американские специалисты взорвали первое атомное устройство. Президент США Трумен подагал, что теперь Сталин станет сговорчивей и откажется от своих имперских амбиций. О рождении атомной бомбы кремлевского Генералиссимуса известили тут же, в Потсдаме. И что же? Он остался безучастен, будто речь шла о какой-нибудь новой модели бомбардировщика. И не освободил оккупированных стран. Его не устрашила даже гибель Хиросимы и Нагасаки. Сталин уверил себя в том, что на большее Трумен не решится. Надо вынграть время, всего несколько лет, Советский Союз обзаведется своей бомбой, тогда посмотрим...

Лица, ответственные за атомиую политику США, явно недооценивали изучно-технический потенциал СССР. «Для того, чтобы догнать нас, Советам в самом лучшем случае потребуется до пятнадцати лет», — заявил генерал Гровс специальной комиссин Конгрес-

Роберт Оппенгенмер, отец первой атомной бомбы, был настроен не столь благодушно, 142

во и он не мог предположить, что советские ученые преодолеют отставание всего за четыре года. Но они сделали невозможное.

Незадолго до испытания нашей атомной бомбы Сталин вызвал к себе И. В. Курчатова и Н. М. Сисакяна. В кабинете находился Беряя, он встретил их строгим взглядом. Ученые положили на стол письменные отчеты о ходе работы. Сталин бросил бумаги на стол и сказал раздраженно: «Мне не бумажки нужны! Мне бомба нужна!»

29 августа 1949 года в 7 часов утра под Семипалатинском прогремел взрыв первой атомной бомбы. Председатель Государственной комиссии Лаврентий Берия провел последние сутки перед испытанием без спа, обошел все объекты: полигон с командным пунктом и двумя пунктами наблюдения, зал сборки с распределительными щитами, мани-

пуляторами. Он присутствовал при окончательной сборке и проводил первенца к лифту

перед подъемом на стальную вышку. То, что произошло в то осепнее утро на левом берегу Иртыша, в 70 километрах от Семипалатинска, детально описано Н. Головиным в его книге об И. Курчатове.

Берия появился на командном пункте, расположенном в десяти километрах от башни, когда уже начался отсчет времени. Курчатов, меривший большими шагами пол укрытия. останавливается рядом с Флероаым. Остается пятнаддать минут, десять... И вдруг: «Ничего у вас, Игорь Васильевич, не получится!» — «Что вы, Лаврентий Павлович! Обязательно получится!»

Курчатов углубляется в наблюдение фона нейтронов, и только помрачневшее лицо выдает его состояние.

Когда раздался взрыв — точно в расчетную секупду, — Курчатов бросился паружу. взбежал на земляной вал с криком «Она! Опа!..» Его вернули в укрытие. К Игорю Васильевичу подошел Берия, обиял и расцеловал: «Было бы большим несчастьем, если б не вышло!»

За даа года до этих событий американцы испытали свою бомбу на атолле Бикини, пригласив туда советских ученых — наблюдателей М. Г. Мещерякова и Д. В. Скобельцина. Их сопровождал сотрудник тайного ведомства некий полковник Александров,

Теперь Лаврентию Павловичу важно было узнать мнение свидетелей того вспытания. Он позвонил на наблюдательный пункт, где находился Мещерякоа: «Михаил Григорьевич? Похоже на американский? Очень? Мы не сплоховали? Курчатов нам не втирает очки? Все так же? Хорошо! Значит, можно докладывать Сталину, что испытание прошло успешно? Хорошо, хорошо!» Берия дал команду генералу, дежурившему у телефона, тотчас же соединить его со Сталиным по ВЧ. В Москве взял трубку А. Поскребышев: «Товарищ Сталин ушел спать». - «Очень важно, все равио позовите его». Через несколько минут ответил сопный голос: «Чего тебе?» — «Товарищ Сталин, все успешно. Варыв такой же, как у американцев...» — «Я уже знаю», — ответил Сталин. И положил трубку. Берия взорвался, пабросился с кулаками па побледневшего генерала. «Вы и здесь суете мне палки а колеса, предатели! Сотру в порошок!»

Неужто генерал осмелился сам, по собственной инициативе, сообщить Сталину о результатах испытания? Конечно же, нет. Хозяии остался верен себе, приставив к глав-

ному куратору своих людей. И Берия зпал об этом.

Испытание бомбы было по указанию Берии заснято на киноплепку. Однако кинофильм, отразивший от пачала до конца процесс испытания, не видел никто, кроме узкого коуга специалистов. Не был он показан ни одному члену Политбюро, кроме, разумеется, генсека. Вячеслав Молотов жаловался в 1953 году, уже после ареста Берни: «Он даже нам не показал этот фильм...»

Был в обслуге Сталина киномеханик, которому и Берия оказывал личное доверне. Лаврептий Павлович вызвал его в просмотровый зал, где сидел один, совершенно один, и поманил пальцем: «Ты знаешь, что с тобой случится, если хоть одна живая душа услышит от тебя об этом фильме?» - «Знаю, товарищ Берия». - «Пу, тогда начинай».

В том, что взрыв под Семипалатинском очень скоро перестал быть тайной для западных держав, винить некого. Утечка такой информации несомненно входила в планы Папы Большого и Папы Малого. Не обощлось без ложного сообщения ТАСС от 25 сентября: якобы в СССР на строительстве одного объекта былв применены взрывные работы. Что же касается атомного оружия, то им страна располагает с 1947 года...

Сталин блефовал и вновь отметил свое личное руководящее участие в создании сверхоружия. Без атомной бомбы как удержать оккупированные территории, как вести имперскую политику?.. Вождь внимательно следил за ходом подготовки испытаний, ему не терпелось своими глазами взглянуть на бомбу. Летом 1949 он приказал привезти к нему в Кремль плутопиевый заряд. Один из генералов, сопровождавших Курчатова, вспоминал

«А это не муляж?» — спросил Сталин Курчатова, указав на небольшое никелироаанное полушарие. «Нет, Иосиф Виссарионоаич. Положите руку на заряд, и вы убедитесь в том, что он выделяет тепло». Сталин так и сделал и удивленно покачал головой: «Игорь Васильевич, а почему бы этот заряд не разделить на две части и не сделать нам две бомбы?» - «Нельзя, Иосиф Виссарионович. Есть такое физическое понятие, как крятическая масса. Она ставит предел: если плутония по весу будет меньше критической массы, бомба просто не взорвется».

Сталин долго ходил по кабинету, наконец остановился: «А вы здесь не ошибаетесь, Игорь Васильевич? Я так думаю: критическаи масса все же понятие не физическое, а диалектическое...»

Курчатов обладал гибким умом: «К сожалению, Иосиф Виссарионович, уровень знаний сегодняшней науки еще недостаточен и уменьшать критическую массу мы еще не можем, по, естествение, будем работать в этом направлении».

Странное дело, полуобразованный Хозяин, надев маску Великого Ученого, случайно попал в самую точку. Много лет спустя, когда научились огромным давлением частично сминать кристаллическую решетку делящихся металлов да еще прокладывать листы илутония листами замедлителей нейтронов, удалось освоить метод уменьшения критической массы.

Профессор И. Н. Головин, один из сотрудников И. Курчатова, а с 1950 года — первый его заместитель, приводит подробности встречи. Вместе с Курчатовым в Кремль прибыли П. Зернов и Ю. Харитон. Последний принял активное участие в беседе, именно он упомянул о критической массе. И еще одна памятная беседа Сталина с Курчатовым — перед испытанием первой бомбы. Сталин был заметно озабочен: «Вот испытаем бомбу, Игорь Васильевич, а американцы пронюхают о том, что у нас еще не наработано сырье для второго заряда, и попрут на нас. А нам нечем будет ответить...» — «Постараемся подготовить сырье, Иосиф Виссарионович», — ответил Курчатов. Времени оставалось в обрез, но ко дню взрыва первой бомбы второй плутониевый заряд был изготовлен.

Итак, Советский Союз стал второй атомной державой. Люди, совершившие этот подвиг — ученые, инженеры, техники, мастера, организаторы — заслужили награды. Но как определить долю участия каждого? Как эта проблема разрешилась в кабинете Берии, Курчатов рассказал позднее, не скрывая горькой усмешки: «Я несколько дней ходил озадаченный. На очередной встрече с Берией а его ведомстве он спросил, почему это я хмурюсь, когда дело сделано. Когда я рассказал, Берия подумал и вытащил из своего хранилища какое-то номерное дело, в котором оказались списки всех участвующих в оружейном проекте — по всем ведомствам. Против каждой фамилии проставлена мера наказания (от расстрела до стольких-то лет лагерей). На тот случай, если бы бомба не взорвалась. При этом мера "ответственности" была уготована каждому в строгом соответствии со степенью важности выполняемых работ. "Так вот, — смеясь сказал Берия, — по этим снискам мы никого не пропустим и одновременно легко и оперативно определим меру вознаграждения каждому"».

Так и было сделано. Ордена, медали, дачи, автомобили, денежные премии, подарки, льготы, почетные звания щедрым дождем пролились на тружеников атомной программы, создателей советского сверхоружия. В числе новых Героев Социалистического Труда и лауреатов Сталинской премии — Курчатов, Флеров, Харитон, Щелкин, Алферов..

Сталин был щедр. Однако что сталось бы с лауреатами в случае пеудачи, пусть вре-

менной? Но это уже были заботы Лаврентия Берии.

Триумфальное завершение атомной программы укренило его место — второго, после Сталина, вождя. Но он лелеял тайную цель, для осуществления которой надо было взять под свой контроль армию, ее Генеральный штаб. Здесь он тоже нреуспел, а Хозяин, как это ни удивительно, проглядел хитрые маневры своего верного слуги.

Войну Семен Штеменко пачал в звании полковника. За плечами — две академии: моторизации и механизации Красной Армии и Генерального штаба. И небольшой опыт командования танковым бвтальоном (1937—1938). В Генеральном штабс, где он служил с 1940 года в должности старшего номощника начальника отдела, Штеменко вскоре занял место заместителя начальника направления, затем — пост начальника Ближневосточного направления. В 1942 году, когда Берия выполнял задания ГКО на Кавказе, штаб прикомандировал к нему генерал-майора Штеменко. Вероятно, Берия остался доволен таким помощником, иначе он не азял бы его с собой а Тегеран аесной 1943 года для подготовки конференции глав Союзных государств. Берия полагал, что сопровождать его должен генерал-лейтенвит, и это звание было присвоено Штеменко немедленно, всего через четыре месяца после первого генеральского чина. В том же 1943 году, в ноябре, он стал генерал-полковником, уже занимая высокоответственный пост начальника Оперативного управления. Минуло менее пяти лет, и Штеменко возглавил Генштаб в звании генерала армии.

Это назначение было совершенно неожиданным для министра Вооруженных Сил маршала Василевского. Ои занимал одновременно пост начальникв Генштаба и просил Булганина освободить его от этои работы, рекомендовав на свое место опытного генерала армии Антонова. Однако на заседании Политбюро Сталин «рекомендовал» на пост начальника Генштаба Штеменко. Антонова же послали, со значительным понижением, в Закавказский военный округ.

Еще более неожиданное произошло в июне 1952 года, когда Штеменко без объяснения причин спяли с поста начальника Генштаба и отправили в ГДР в качестие начальника штаба группы советских войск.

Здесь мы прервем послужной список Семена Матвеевича Штеменко, чтобы отаетить на некоторые вопросы. Кто способствовал внезапному и такому скорому возвышению генерала? Кто обеспечил награждение Штеменко орденами, предназначенными лишь полководнам? Мундир генерала-штабиста украсили два ордена Суворова I степени и один — И степени, а также — Кутузова I степени. Кроме этого — три ордена Боевого Красного Знамени и орден Ленниа. Почему Сталин резко оборвал его карьеру и 1952 году? Ответ столь очевиден, что исключает поиск иных версий. Берия, став руководителем Атомного проекта и фактическим распорядителем сверхоружия, задумал взять под свой контроль и армию. Этой цели вполне соответствовал преданный ему лично человек на посту начальника Генерального штаба. С атомной бомбой в правом кармане и Генеральным штабом Советской армии в левом, он мог совершить великое, непредсказуемое зло.

Сталин, конечно же, заметил, пусть с опозданием, куда клонит атомный король, и снял Штеменко с ключевого поста в тот момент, когда противоборство достигло высшей точки. Что касается объясления, которое Сталин посчитал нужным дать Василевскому один на один по новоду смещения Штеменко («Он все время пишет, и пишет, и пишет на вас. Надоело».), то делалось все это не без ведома Берии. Таким способом он надеялся освободить для своего человека кресло министра обороны. Дальнейшие изменения в уникальной

судьбе Штеменко лишь подтверждают сказанное выше.

После смерти Сталина — возвращение в столицу на ност первого заместителя начальника Генштаба (16 марта 1953 г.). За арестом Берии последовало резкое понижение в должности - Штеменко назначен начальником штаба Западно-Сибирского военного округа (15 июля 1953 г.).

Вси послевоенная деятельность Лаврентия Берии, особенно участие в осуществлении атомной программы, убеждает нас в том, что в его лице Сталин получил равного себе

противника. Второго, подобного Берии, история не знает.

Многие современники полагают, что это противоборство пачалось в самом конце сороковых годов. Дело было не так. Поставив Лаврентия Берию на ключевую позицию наркома внутренних дел, Сталин был уверен а том, что сумеет держать фаворита а жесткой узде. И Берия на первых порах поддерживал эту иллюзию генсека. Но их медовый месяц продолжался педолго. Уже через год Сталин пачал сомпеваться в разумности своего выбора. Все чаще и чаще стала брать верх постоянная подозрительность Вождя. Светлане Аллилуевой заномнился один характерный эпизод.

Она часто гостила на даче Берии, у Нины Теймуразовны, и отец поощрял эту дружбу. Однажды, в первые дни войны, Светлана осталась там почевать. «Наутро вдруг позвония разъяренный отец и обругал меня пецензурными словами. Он прокричал: "Сейчас же

езжай домой! Я Берин не доверяю!"».

Вряд ли Сталин вкладывал в эти слова нолитический смысл, он знал, что Берия снособен на все. Без таких функционеров, как Берия, генсек не удержался бы у власти столько лет. На кого еще мог он опереться в дни военных поражений? Берия, конечно же, заметил растерянность Сталина, его трусость. И с тех пор стал вести себя вызывающе, порой даже нагло.

В конце войны, пользуясь благодушием Верховного Главнокомандующего, Берия внедрил в дачную обслугу своих людей из грузни. Поощрения они получали царские.

....Это случилось года два спустя после войны. За обедом Сталин огляделся и спросил: «Почему я окружен грузинами?» Берия был начеку: «Товарищ Сталин, эти люди — ваши верные слуги. Они всецело преданы вам...» — «А русские что же, мне не преданы?!» — «Нет. этого я не сказал, — ответил Берия, — по все, кто здесь находятся, это вполне лояльные слуги». — «Мне не нужна их лояльность! — крикпул Хозиин. — Гопи их отсюда вон!» Пришлось Берии, публично униженному, покинуть гостицую и тотчас уволить своих агентов-грузин. Тогда же была уволена сестра-хозяйка сталинского дома с 1937 года, майор госбезонасности Александра Пиколаевна Наканидзе. Такую фамилию носил известный погромицик, бакинский генерал-губернатор. Не приходилась ли ему родствеиницей эта двоюродная сестра Нины Теймуразовны Берии?

К тому времени Берпя до тонкости разработал технологию устранения неугодных людей и создал безотказный механизм отсеченин от генсека старых и новых фаворитов. Прошло то время, когда он уничтожал функционеров партийной и государственной власти но указке Сталина. Тенерь он это делал уже по собственному выбору, и, как заметил тогда же Хрущев, Сталин это понимал. И стал бояться товарища Лаврентия.

Игнатий Лойола, основатель ордена исзуитов, каждого члена ордена сравнивал с палкой в руках Генерала. Берия давно уже, с начала войны, когда в полной мере проявились не только трусость, по и бездарность Сталина, тяготился своим положением исполнителя верховной воли. Ему надоело быть палкой в руках Хозяина.

Берия был большим притворщиком, уже в первые годы службы в Грузинской ЧК искусно завоевывал доверие нужных людей. Без труда сумел он обойти простака Хрущева. На первых порах Никита Сергеевич считал Лаврентия своим другом, по очень скоро столкнулся с его жестоким двуличием. Они часто встречались за обедом у Сталина, и тот однажды пожаловался Хрущеву: «Раньше наши обеды были приятны, течерь же, при Берии, все стало плохо. Он пьет и подбивает на пьянство других». Вспоминая об этом, Никита Хрущеа попутно выдает один секрет. Оказывается, Берин, Маленков и Микоян просили официанток наливать им вместо вина подкрашенную воду. Как-то Ицербакоа, патурально упившись, открыл секрет трех «трезвенников», и Сталин подпял страшный шум...

Союз Берии с Маленковым имел ключевое значение в его борьбе за власть. Именно о ней идет речь, об абсолютной власти, но не о троне генсека. На этом посту Лаврентию Навловичу виделся вполие послушный ему партфункционер. Им мог стать Никита Хрущев, но он казался слишком простым и недалеким. И Берия остановился на Георгии Маленкове.

В свое время он был близок Николаю Ежову, тогдашнему председателю КНК. Ежов даже хотел сделать его своим помощником.

Берия давно оценил скрытую и необоримую силу центрального аппарата, поэтому хотел заручиться в нервую очередь своим человеком в секретариате. И Маленков на посту секретари ЦК, сумевший взять под контроль почти весь главный штаб партии, мог стать опорой Берии. И стал ею. Объединившись, они составили в Политбюро силу, которую мог одолеть лишь Сталин. Без его поддержки ни Молотов, ни Ворошилов, ни Калинии не осмеливались спорить с более молодыми и весьма прыткими компаньонами. Берия продолжал играть роль послушного слуги, он выжидал, ибо знал, чем может кончиться прямой конфликт с генсеком.

В 1949 году Сталин вызвал из Киева Хрущева и поставил его во главе столичного комитета партии. Он надеялся создать противоаес усилившемуся тандему. Вспоминая о той тревожной поре, Никита Хрущев пишет, что постоянно противостоял Берии и Маленкову. Он передко прсуведичивал свое значение, однако здесь несомпенно содержится

большая доля правды.

В мае 1946 года генсек неожиданно снял Маленкова с высокого поста и переместил в Узбекистан. Зигзаги в судьбе фаворитов генсек создавал и раньше, по такого еще не было: человек, заиммавший второй по значению пост в партии, угодил вдруг а далекую ссылку. Это совнало по времени с арестом министра авиационной промышленности А. И. Шахурина, обвиненного в развале дела. Расскалывают, что новодом послужила жалоба сына Сталина Василия на илохое качество самолетов. Поскольку куратором этой отрасли был Георгий Маленков, у генсека появился повод убрать его.

Не произло и года, как Маленков вернулся в Москву— случан в истории нартни упикальный. Обычно за сиятием с высокого поста неотвратимо следовала казнь. Как же

это Берии удалось уговорить Хозяина?

Арест Шахурина и онала Маленкова — каприз генсека или результат отлично сработаяной провокации? Берия подпоил-подговорил Ваську Сталина, тот вызвал праведный гнев отца и... Эта история могла нопадобиться Берии для «спасеция» Маленкова. Ему нужен был в секретариате ЦК не просто свой человек, но человек предапный, обизанный ему всем. Такова возможная схема действий Лаврентия Берии. Как бы там ни было, с той поры Берия и Маленков стали неразлучны.

У Никиты Хрущева были все основания называть Берию редчайшим мастером провокаций, всегда искавшим случвя поймать конкурента на слове. За два года до войны, когда Хрущев прибыл по делам из Киеаа в Москву, Берия пригласил его на дачу: «Послущай, что ты думаешь о Маленкове?» — «А что я должен думать?» — «Я имею в виду теперешнее положение, когда арестован Ежов».— «Понимаю. Ежов с Маленковым были приятелнии. Ну и что? Я думаю, Маленков — честный человек».— «Весьма возможно, ответил Берия,— но ты все же подумвй...»

Нодобные беседы Берия затеввл и после войны — то с Хрущевым, то с Булганным. Позднее он пытался вызвать недовольство самим генсеком, однако никогда не позволял себе писинуаций в адрес Сталина при Кагановиче. Лазаря Монсеевича он ненавидел страстно. При Хрущеве же он доходил порой до оскорблений Божества и ожидал реакции

дорогого Никиты. Но тот «...никогда не закрывал ушей и никогда не открывал рта...». А как Берия разделался с Вознесенским! Пользуясь близостью к Сталину, он умел выбрать минуту благодушия или раздражения Хозяина и употребить целенвправленную информацию на пользу или во вред определенному деятелю. Именно так он поступил с председателем Госилана Николаем Вознесенским, который опрометчиво отбивал все нопытки Берии получить как можно больше средств за счет других министерств. И Вознесенский ногиб.

Сталин все видел, все замечал. Берия был ему еще нужен, его присутствие в Полнтбюро обеспечивало зыбкое равновесие мелких самолюбий постоянно враждующих вождей. Но, сознавая приоритетное значение атомной программы, генсек решил освободить его от

приятных обязанностей министра внутренних дел. Берия должен был полностью переключиться на производство сверхоружии и организацию разведки. Во главе МВД СССР Хозянн поставил одного из ближайших подручных Берии Сергея Круглова. Борьба вокруг трона обострилась до предела. Жданов со сиоей командой добиваетси не только отстранения и высылки Маленкова, по и смены руководства МГБ. Давийй сподвижник Берии, его правая рука, Меркулов уступил свой пост Абакумову, который усиел проявить себя с лучшей стороны как начальник СМЕРШа.

Назначая этого функционера главой Органов, Хозяин надеялся сконструировать противовес Берии, чье могущество становилось опасным. Сталину трудно было вообразить, что в его окружении есть люди, преданные ему менее, чем кому-либо из его собственных подручных. Долгие годы раболенного поклонения трону притупили настороженный ум деспота. Не знал он, что Абакумов взирает на этот странно-покорный мир изпод козырька берневской фуражки. «Он самый подлый, значит, самый безонасный», полагал Лаврентий Берия. Он остерегался лишь честных работников — они служили идее. Подлец же всегда преследует свои мелкие интересы. Его корыстные цели видны, поэтому подлеца легко вести за собой.

Сведения, поставляемые генсеку Абакумоаым, предварительно процеживал Лаврентий Павлович, на главный стол их подавали под соусом, сострянанным на бериевской кухне. Он продолжал контролировать личную охрану и обслугу Сталина, сколько бы раз тот ни менил состав ближайшего окружения. Кто посмел бы выказать непослушание

могущественному царедворцу?

Шли годы. В верхнем эшелоне власти менялась обстановка, вместе с ней менялся Берия. Ольга Инкитична Картвелишвили номнит его волевым, деятельным начальником в напористым лицедеем. При на тобности товарищ Лаврентий мог сыграть роль то заботливого друга, то — жизнерадостного аесельчака, пустить в ход личное обаяние.

Светлана Аллилуева учила французский изык, и се преподаватель, П. Лавранш, часто встречалась в Кремле с Лаврентием Берией. Она отзывается о нем как о вежливом, воснитанном человеке. Француженка считала его одним из самых образованных руководителей

в сталинском окружении. Оказывается, Берия тоже владел французским.

Проявив незаурядные способности к политической мимикрии, наш обаятельный «француз» становилси все жестче и надмениее. Вскоре он так прижмет старых членов Политбюро, что те уже не осмелятся ничего докладывать генсеку без его ведома. Если за столом у Сталина Лаврентий Паалович поднимал некий вопрос, который хозяин почемулибо отклонял, и кто-то позднее возвращался к этой теме, Берин мог осидить соратничка: «И уже говорил об этом. Пезачем поднимать этот вопрос вторично!»

С не меньшим изумлением наблюдал Никита Хрущев другие сцены, когда споры Берпи со Сталиным доходили до ссоры. И всикий раз Берия обращал все в шутку: «Милые бра-

яятся — только тешатси...»

То были достойные друг друга нартнеры на кремлевской сцене. Но ссоры далеко не всегда посили такой характер. Берин наглел, наливалси властью, он уже полагал обязательным согласовывать с ним тексты всех докладов генсека, и тот часто уступал его притязаниям.

Чем объяснить столь несвойственное Вождю долготернение? Может быть, Берия шантажировал его документами царского денартамента полиции?..

У Сталина не было новода для недовольства Абакумовым. Министр проявлял полное послушание, исправно служил, с разительным эффектом провел «Ленинградское дело». Но вот в конце мая 1951 года старший следователь по особо важным делам МГБ М. Д. Рюмин обратился к Сталину с письмом. Он сообщал, что Абакумов покровительствует террористическим замыслам вражеской агентуры. Таким образом, шеф МГБ ставит под угрозу жизнь самого товарища Сталина. Кроме того, Абакумов скрывает от ЦК промахи в своей работе и таким образом выводит органы госбезонасности из-под контроли нартии. Рюмин информировал Сталина, что Абакумов лиает о существовании заговора еврейских буржуазных националистов, инспирированного американской разведкой, но, желая скрыть это от аождя народов, приказал умертвить раскаявшегоси в своих преступлениих врача Этингера.

Надо ли упоминать, что Рюмин не мог один сострянать подобную провокацию, связанную со смертельным риском.

4 июлн 1951 года Хознин заменил Абакумова Игнатьеаым, а на следующей неделе

бывший министр уже сидел на «Матросской тишине». Игнатьев а двадцатые годы работал в Средней Азин

Игнатьев а двадцатые годы работал в Средней Азии, потом – на довольно ответстаенных партийных должностях в Бурят-Монголии, Башкирии, Белоруссии, а последние годы — в анпарате ЦК. Под пачалом Берии не служил, однако карьеру начинал именно в ЧК. Игнатьев трепетно служил Вождю, который поднял его, крестьянского сыиа, па такую негаданную высоту. Он оказался на своем месте. Тем не менее Сталин постоянно понукал его. Во время создания провокационного дела врачей Сталин в присутствии

членов Политбюро кричал на Игнатьева, угрожал ему. Он требонал заковать врачей в цепи

и бить, бить, превратить в фарш!

Сталин постоянно эпакомился с данными разведки, интерес к западным и восточным державам не ослабевал и в послевоенные годы. Китай, Мао Цаздун и его окружение пользоаались особым винманием кремлевского сидельца. Юрий Власон сообщает, что он часто читал доклады одного классного разведчика, опытного врача, которому Мао Цзздун доверил даже оперировать свою супругу. Внезапно хирурга вызвали в Москву и арестовали, обвинив в связях с женой американского резидента в Китае. Сталии распорядился выпустить разведчика, справедливо полагая, что самые ценные сведения нередко удается добыть именно через женщин. Однако на Лубянке «предателя» уснели так обработать в избиениях участвовал лично Абакумов, — что ему понадобилось серьезное лечение. Но вот в дело вступил Берия, он-то знал, что Сталин подобных ошибок не прощает. И когда хирург-разведчик после госпиталя отправился воздушным рейсом в санаторий, самолет по пути в Сочи сгорел...

Неудобным для Берии оказался еще один человек — непосредственный начальник погибшего хирурга. Это был отец Юрия Власова. В 1942 году он возглавил группу военных корреспондентов ТАСС в Китае, сблизился с Мао Цзздуном. В 1948 году — назначен генеральным консулом в Шанхае. Берия пытался приручить разведчика, но из этого ничего не вышло. История гибели хирурга тому известна в деталях, и это предопределило его судьбу. В конце 1952 года он приехал в Москву из Бирмы, где служил послом. Берия пригласил его к себе и, узнав в дружеской беседе, что тот страдает желудком, опасается раковой опухоли, предложил новейшее опкологическое средство. Власои вернулся домой с распухшей рукой. Жить ему оставалось после «целебного укола» всего несколько меся-

цев. Он погиб весной, не дожив до 49 лет. Начальник управления контрразведки МГБ генерал-лейтенант Леонид Райхман, один из самых доверенных подручных Берии, выдавал себя за поляка, будучи евреем. То ли по зтой причине, то ли из естественного желания ослабить позиции Берни, но Сталии приказал министру госбезонасности Игнатьеву арестовать генервла. Это произошло в 1952 году.

На другой день после смерти Сталина Берия принес ональному в камеру мундир генералполковника.

Долгое время никто, кроме Берии, не снабжал генсека информацией о положении дел в Грузни, да и во всем Закавказье. Эта монополия и непререкаемый авторитет Папы Малого в этом регионе стали раздражать Хозяина. Оп решил обеспечить свой тыл прежде всего в Грузии. Николай Рухадзе, почти десять лет возглавлявший грузинские Органы, генсека никак не устраивал. В сентябре 1952 года он назначает министром ГБ Грузии А. И. Кочлавашвили. Ему Вождь поручил чистку партийных и государственных верхов республики с целью подорвать там позиции Берии. Кочлавашвили начал с мирного заявления: «До сих пор работа Органов была неполнокровной». Сколько же еще крови должно пролиться в распитой Грузии? Это мог определить только он, Кремлевский Дозировщик.

Охрана жизни генсека стала наизажнейшим государственным делом. Ведь благополучие Вождя озяачало благополучие всего народа. В том раю, который учредил для себя

Сталин, Берии была отведена роль Верховного Охранника.

В тридцатые годы Сталин разъезжал на легковой автомашипе марки ЗИС-110: семь мест, усиленный кузов, пуленепробиваемое стекло. Автомобиль был почти полностью скопирован с американского «быюика», по оказался громоздким и потреблял столько горючего, что на одной международной выставке его зачислили в класс комфортабельных грузовиков. Послевоенную модель (1949 год) ЗИС-115 скопировали с американского «наккарда». На этот раз кузов изготовили из бронированной стали. Толщина двойных стенок достигала 30-40 миллиметров, пуленепробиваемых стекол — 80, причем каждое стекло открывалось своим гидраалическим домкратом, вмонтированным внутрь дверцы. Двойное дно, двойной потолок и особо усиленная задняя стенка, на тормозах — армированные чулки. Общий вес стального чудища достигал 6,5 тонны. Мощность мотора доаедена до 180 лошадиных сил (прежняя — 140).

Таких машин на заводе имени Сталина выпустили 28. Они не должны были ничем отличаться от серийных ЗИС-110 числом 2800. Все внешние атрибуты, все параметры до миллиметра совпадали с серийными. Сложная конфигурация ставила перед инженерами очень трудные задачи, но все горели желанием справиться с почетным заказом Вождя на «отлично». Пришлось только уменьшить число мест до шести: сзади осталось два (в серийных три), еще даа откидных и два впереди (одно из них для шофера). И все же точной копии не получилось. Поскольку значительно возросла нагрузка на колеса, пришлось увеличить их диаметр. Они были снабжены специальными камерами, более безопасными.

Больше стал и радиатор.

Подобный агрегат не мог даигаться в общем уличном потоке: радиатор перегревался, вода в нем довольно скоро закипала. Бывший водитель персональной машины Лихачева рассказывал, что по дороге на стадион приходилось пять-шесть раз останавливаться.

В довоенную пору Сталин занимал место на заднем сиденье, между двух дюжих охранников. Они прикрывали Хозяина своими телами сзади, сомкнув плечи. Позднее генсек располагался на одном из откидных спдений, имея за спиной двух охранников. Да, трудно сыскать в истории человечества диктатора, который столь бережно относился бы к собственной персопе, как Сталин. Из добрых побуждений, разумеется: что сталось бы с народом без него?..

Мы не знаем, что по этому поводу думал маршал Жуков, который после войны иногда

ездил в одной машине с Генералиссимусом.

«Стекла в машине вот такие. (Он показал пальцами толщину стекол). Внереди сел пачальник личной охраны Сталина. Сталин указал мне, чтобы я сел на заднее место. Я удивился. Ехали так: впередв — начальник личной охраны Власик, за ним — Стачин, за Сталиным — я. Я спросил потом Власика: "Почему он меня туда посадил?" — "А это он всегда так, чтобы, если будут спереди стрелять, — в меня попадут, а если сзади — в вас" ».

Сталин имел обыкновение менять свой маршрут перед самым аыездом из Кремля. На внутреннем дворе Большого театра дежурили скоростные машины с охранниками, которые по спецсвязи получали приказ присоединиться в указанном пункте к автоколоние. Люди первого эшелона, естественно, конкурировали с людьми второго, но именно такая ситуация — соперничество при двойном контроле — и устраивала Хозяина больше всего. Об этом ныне свидетельствуют пережившие всех наследников Сталина служащие его личной охраны.

На некоторых улицах было установлено постоянное дежурство специально подготовленных охранинков. На чердаках, на верхних этажах арбатских домов сидели снайперы, готовые поразить любую подозрительную цель. Каждый квадратный метр старого

Арбата был пристрелян сверху световыми лучами.

Сталинские автомобили, эти мириые броневики, испытывали боевыми пулеметами. Потом кузов реставрировали, заделывали вмятины. После этого бесстрашный генсек мог пользоватьси своей машиной.

Все 28 были разбросаны по стране: две в Леннграде, 20 в Москве и на загородных

дачах, остальные в Крыму, на Северном Кавказе, в Сочи и в Закавказье.

Прошло время, и автонарк усоншего Диктатора свезли в Кремль, на подземный склад. Потом отправили машины на завод имени Лихачева и разбили. Один из уцелевших монстров экспонируется ныне в Риге, в клубе любителей автомобильной старины, два в Политехническом музее. Судьба четвертого автомобиля примечательна. Он был выкуплен у Советского правительства неким Исидором Потановым. Летом 1990 года он решил продать его на Западе через австрийскую фирму «Шерц». Предполагали, что цена

сталинского авто превысит на аукционе 2 миллиона долларов.

В Гори сохранился другой музейный экснонат — железподорожный вагон. При жизни Диктатора его держали на станциях Кавказской железной дороги для поездок в Боржоми, Цхалтубо и Бакуриани. Длина его несколько уступала современному купированному вагону (21,6 против 23 метров), зато оборонной мощью и оборудованием он мог поразить воображение самого прихотливого охранника. Одетый в толстую броню стальной монстр весил 83 топны. Шесть пар колес, спабженных уникальными рессорами, держали его на рельсах.

Представление о внутренией планировке дает схема. Для удобства примем за единицу площвди одно куне. Итак, первое купе — кухня. Рядом помещение для охраны. В третьем — спальия. Два следующих — кабинет. Во второй половине (шесть купе) — зал

ааседаний.

Интерьеры отделаны дубовыми и ореховыми панелями с инкрустациями в старокупеческом стиле. Зеркальное стекло, никель, бронза, позолота. В зале висели три хрустальные люстры. Тесно, конечно, зато шик какой...

Вождь пользовался своим чудо-вагоном не чаще одного раза в три года.

Пристрастие к бронированным вагонам он проивил еще на заре Советской власти, в 1918 году. Всего один раз выехал Великий Полководец на Царицынский фронт. В бронепоезде. В единственном бронепоезде, снятом срочно для этой цели с позиций. Уже тогда Сталин относился к своей персоне как к государственной ценности. С годами животный страх Любимца Партии и Народа возрос неимоверно, и Берия научился виртуозно играть на этой струпе.

После войны, когда генсек, тенерь уже Генералиссимус, возобновил поездки на юг, Берия отряжал на его охрану целые армии. Из Москвы в Сочи отходили почти одновременно и вне расписания три поезда. Попробуй угадай — в каком едет венценосный Герой. Вдоль всей трассы дежурили тысячи сотрудников милиции и агентов госбезопасности. Они брали под свой контроль службу движения — от диспетчеров и дежурных по станци-

ям до стрелочников. Со всех вокзалов убирали пассажиров.

В сентябре 1947 года Сталин избрал местом отдыха дачу на Холодной речке, под Гагрой. Немедленно во всех санаториях и домах отдыха от Сочи до Сухуми разместили десятки тысяч бериевских агентов. Они заняли добрую половину мест. Оставшихся больных и отдыхающих подвергли строжайшей проверке. Все милицейские посты заняли

московские сержанты и офицеры, включая службу ГАИ. Повсюду иныряли агенты в интатском. Территорию сталинской дачи охранял особый нолк воиск МВД. Берия лично инспектировал эту грандиозную систему.

Но вот Сталин выехал домой (самолетам он свою жизнь не доверял), и в тот же день на станцию Адлер подали шесть железподорожных составов, потом еще шесть. Специальные самолеты пошли на Москву. Армия профессиональных бездельников — сановных и рядовых — возвращалась в столицу.

В Кремле, где находился рабочий кабинет Сталина, его квартира и зал заседаний Политбюро, система безонасности была тщательно продумана и отлаженв еще до войны, в годы большого террора. История не знает ни одного случая покушения на жилнь генсека и его подручных на территории Кремля. Комендантом этой крепости служил Николай

Спиридонов.

Кабинетом Сталина, а значит, и подступами к нему ведал Александр Поскребышев. На нервый взглид его можно было принить за обыкновенного работника центрального анпарата, пусть опытного и авторитетного. Или за кербера, чей животный инстинкт безошибочно отличал нужных соратничков от ненужных... И от обреченных. Поскребышев возглавлял личную кавцелирию генсека и особый сектор. Эти полуофициальные конторы, уставом партии не предусмотренные, функционировали уже не одно десятилетие при ЦК, точнее, пад ним. И — что имело особое тогда значение — над тайнои службой. Ни Ежову, ни Яголе, ни Берии они не были подвластны.

В системе личной безонасности Сталина особый сектор занимал ключевую позицию. Он назначал и контролировал комендатуру и обслуживающий персонал Кремля — от высших офицеров до сотрудников музеев и поваров. Окруженные людьми особого сектора члены Политбюро жили в саоих покрытых сусальным лолотом клетках подобно сытым кроликам в сарае рачительного хозяина. А генсек обезонасил себя дважды — от возможных покушений отчаявшихся партийцев и сотрудников государственной службы безонасности. Так было заведено еще в начале тридцатых, на вялете горийского хулигана

к бессмертию.

Сам кремлевский кабинет генсека находился под бдительной охраной постоннно дежуривших у двери агентов. В их проходную комнату посетитель попадал через приемную, где стояли столы Поскребышева и — чуть в стороне — его заместителн. Обыску подвергали всех, ла исключением нескольких особо доверенных лиц. Достижения техники тоже использовались. В годы войны диван в приемной был оборудован специальным

электронным устройством.

Карьера Носкребынева началась довольно странно. В нартию он аступна в 1917 году в двадцатинестилетнем возрасте. В эту нору люди его ноколения уже имели стаж ноднольной борьбы с царизмом. Прошлое его затемнено наспех сочиненными легендами о революционных ностах, которые он занимал в Екатеринбурге, Туркестане, Златоусте, Уфе... Точно известио лишь, что он работал фельдшером на одном из горных заводов Урала, нотом — в органах ВЧК и вскоре нереехал в Москву. В 1922 году он уже служит в аппарате ГПУ, откуда его нереводят в канцелярию генсека. Предстояла Александру Поскребышеву долгая, на три десятилетия, почетиая вахта в предбаннике Вожди.

Охрана квартиры генсека, расположенной рядом со зданием бывних судебных установлении, не предстааляла трудностей. Но чаще он обитал, особенно а последнее премя, на своен даче в Кунцево, близ Москвы. Комендантом «Ближней», как ее называли, был генерал Власик. Сталин поставил его во главе Главного управления охраны МГБ. Полуграмотный, тупой служака щеголял в мундире генерал-лейтенанта и позволял себе поучать ответственных лиц, вилоть до министров. Характеризуя Николая Сидоровича Власика как глупого и вельможного солдафона, Светлана Аллилуеаа сообщает о том, что отец вверил ему управление отрядами охраны всех своих дач — под Москвой и на юге.

Ближние и дальние подступи кунцевской резиденции Сталина находились под круглосуточным наблюдением сотен вооруженных агентов, готовых в любой момент отразить налет отряда лихих кавалеристов, усиленного ротой пулеметчиков. Такое могло случиться только в сказке, но в то сказочное время никто ничему не удивлялся. И высокие заборы с массивными стальными воротами, и скрытая кустами колючая проволока под электрическим током, и тройная проверка документов, и сложный порядок представления посетителей Хозянну все казалось необходимым, естественным.

Понав на территорию дачи, автомашина совершала крутую нетлю вокруг деревьев, скрывавших фасад здвиня. Кошачьей натуре генсека претили прямые ходы, и это тоже

воспринималось как должное.

Но было одно обстоятельство, существенио отличавшее Кунцево от Кремля: подбор и назначения охранников и обслуживающего персонала дачи осуществлил не кто иной, как Берия. Сталин иногда капризничал: то ему надоела грузинская обслуга, то ему не нравились русские свдовники... Но Берия сумел сохранить саон командные позиции и в последней игре пустить этот козырь в ход.

Сталин опвсался удара и с другой стороны. Он знал, кто отравил а 1936 году Нестора Лакобу. И кто отправил в мир иной бывшего советника Мао Цаздуна Петра Владимирова.

За Лаврентием Пааловичем числились и другие химические опыты, да и сам Сталин инкогда не ограничивал себя в выборе средств.

По свидетельству Светланы Аллилуевой, все продукты питания — мясо, рыба, овощи, фрукты, хлеб, вино — подвергались лабораторному исследованию и поступали на кухню — каждый накет в сопровождении акта, заверенного подписью токсиколога и круглой печатью. Такой же процедуре подвергались посылки, поступавшие сюда с Кавказа.

Пакита Хрущев вспоминает, с какой опаской генсек относился ко всему ноданному на стол. Пытаясь сохранить достоинство, Вождь намекал на понравившееся ему блюдо, и тогда Хрущев или Микоян, самые безотаетные нахлебники, отведав просимого, предлагали ему.

Но в стане осатанелых пауков, собранных в кремлевской банке, бытовал еще один способ уничтожения ближнего — аэрозоли. «Иногда, — нишет Аллилуева, — доктор Дъяков появлялся у нас на каартире в Кремле со своими пробирками и брал пробу воздуха из всех комнат».

Медицинский персонал, стоявший на страже здороаья Вождя, подбирали прежде всего по признаку безусловной преданности. Лейб-медики Сталина и членов Политбюро находились под неусыпным контролем Берни, так что вельможные пациенты могли чувствовать себя в двойной безонасности.

Лечебно-санитарное управление Кремля, позднее — Четвертое главное управление при Министерстве здравоохранения — располагало сетью ноликлиник, аптек, больниц, санаторнев для работников высшей номенклатуры, но и в этой закрытой системе для геисека и малых вождей были созданы особые условия.

Попробуем теперь представить себе графический образ сталинской крепости. По углам ее — четыре мощные сторожевые башни: личпая охрана — Власик, канцелярия и Особый

сектор - Поскребышев, лейб-медики и подручные.

Генерал Власик помимо охранной службы ведал хозяйством сталинской дачи. Вряд ли он осмелился бы утанть от Вождя деньги или ценные вещи. Однако удар последовал именно с этой стороны. Вездесущие Органы уличили его в присвоении фарфоровых сервилов, хрустали, фотоаппаратов, а также — в серьезных упущениях по службе... Арестовали Власика 15 декабря 1952 года.

Вслед за Власиком за решетку угодил Александр Поскребышев, тот самый генерал Поскребышев, которого Сталин любезно называл «Главным». Для тех, кто общался с генсеком, он деиствительно был главным после него, ибо только Александр Инколаевич в любое время дня знал, в каком расположении духа изволит пребывать Диктатор, кому он мирволит и кого собирается спустить с Олимна.

Берия не утруждал себя разработкой новых видов провокаций. Пачальник личной канцелярин генсека оказался виновен в утечке сверхсекретной информации. И уличил его не кто иной, как Сталин. Может быть, по тонкости исполнении эта акция стала наивысшим достижением ниефа органов кары и сыска.

Третью башню Сталин порушил сам. Большая группа кремлевских врачей, включая его ленб-медика Випоградова, уже три месяца томится в тюрьме. Врачи уснели чисто-сердечно признатьси в террорыстических замыслах и шинонской деятельности п, соответственно, простились с жизнью.

Дезорпентированный последними событиями Вождь изтренированным пюхом почуял смертельную опасность и решил вовсе отказаться от врачебной иомощи. Кого ему прикомандируют в этот раз? Кто будет контролировать действия новых врачей? Органы безопасности поспешили арестовать вместе с врачами-вредителями начальника Лечсанупра Кремля Егорова, Министра эдравоохранения СССР Смирнова заменили новым человеком — Третьяковым.

Оставалась последняя опора подручные. И от этой опоры Сталин отказывается сам, удалив от себя таких абсолютно преданных помощников, как Молотов, Ворошилов, Микоян, Кагапович. Многоопытный дворцовый интриган утратил дар дальних расчетоа.

И твердость руки.

Сталин знает истиниую цену Маленкову и Берии, догадывается о намерениях этой нечистой пары и все же... все же впускает их внутрь полуразрушенной крепости. Он надеется на то, что Хрущев с Булганиным сыгрвют роль противовеса, некоего сдерживающего начала. Он по-прежнему уверен в себе, но событин уже вышли из-под его контроля. Как и в доброе старое время, он жаждет крови. Его верный охранник Николай Власик брошен в тюрьму. Взили его 15 декабря, за ним — Александра Поскребышева. Берия требует от каждого показаний на другого. Особенно достается Власику. Он получил возможность узнать на себе, что же это значит — рекомендованные сталинским ЦК «физические методы воздействия». Пачальника Главного управления охраны МГБ генерал-лейтенанта Власика обвиниют в огромном перерасходе государственных средств, в незаконном хранении дома и на даче секретных карт, в разглашении служебных тайн... Более двадцати лет беспорочной службы Хозяину не в счет. Свыше двух лет тянулось следствие, Власик пережил и Сталина, и Берию, но пришлось все же признать свою вниу полностью: быть может, самооговор снас ему жизнь. На суде (17 янааря 1955) он отказался от вымученных

показаний, однако суд был милостив: 10 лет ссылки, Этот срок в соответствии с амнистией 1953 года был тотчас сокращен вдвое. Через два года Власик вернулся из Сибири в Москву и вскоре был реабилитирован. Это сделал по старой дружбе Ворошилов.

С Александром Поскребышевым пришлось быть осторожным. В ожидании команды Хозяина Берии не терпелось свести счеты с Главным. Но в сугубо партийной игре «казнить — миловать» Сталин верховодил сам. Здесь он пикакой самостоятельности не

терпел.

Меж тем четверка продолжала исправно посещать Диктатора на даче. Глубоко ошибаются те, кто полагает, что все четверо представляли собой грунпу единомышленников. Уже в начале они разбились на пары, но и давно отработанный тандем Берия — Маленков в действительности не был тандемом. Профессиональный полицейский не мог делиться своими тайными планами с партфункционером. Что до этого простака Никиты и опереточного маршала Булганина, то кто же их принимал всерьез? Боялись они Лаврентия Павловича до дрожи в печенках. И Маленков, которому генсек доверил ведение партийноорганизационных дел, имел все основания опасаться своего слишком изаоротливого партнера. Берия и не таких под себя подминал.

Его главенство в последней при жизни Сталина четверке соратничков было бесснорным. Как ни старался генсек изолировать товарища Лаврентия от органов, тот продолжал негласно командовать анцаратом насилия. Ни один член Политбюро не чувствовал себя в безопасности при нем. Надо также отдать должное незаурядной натуре Лаврентия Пааловича. В той аморфной среде он резко выделялся волей к действию и решительным характером. Помноженные на отшлифованное временем коварство, эти черты сделали его

безусловным лидером в канун исторической весны 1953 года.

В воспоминаниях Никиты Хрущева, впогда противоречивых, несуразных даже, встречаются свидетельства очевидца и участника событий, рисующие вполне достоверную картину. Его отношение к Берии было сложным, по одно он уловил сразу: шеф тайной службы, став фаворитом Сталина, приобрел огромную власть. И способен на все. Вот характерное нризнание Хрущева: «Я был более откровенен с Булганиным, чем с другими. "Ты зплешь, какан ситуацин сложится, если Сталин умрет? Ты знаешь, какой пост хочет занять Берин?" - "Какой?" - "Он хочет стать министром госбезопасности. Если он им станет, то это начало конца для всех нас... Что бы ни случилось, мы абсолютно не должны допускать этого".

Булганин сказал, что оп согласен со мною, и мы начали обсуждать, что мы отныне

должны делать. Я сказал, что ноговорю обо всем этом с Маленковым».

Четверка была лишь сколком бессмертного Политбюро. Члены его жили в постоянном ожидании подвоха со стороны коллег, но удар мог последовать и сверху, от генсека. Пресным такое существование не назовешь. В этой обстановке выживали лишь самые покорные и осторожные блюдолизы. От нашей же четверки потребоаалось печто иное мужество. Ибо настала пора действовать.

Как же свершился переворот? Сохранился рассказ Хрущева в передаче Аверелла Гарримана, бывшего посла США в Советском Союзе. Это первое по аремени свидетельство

Гарриман опубликовал в 1959 году.

В рассказе отсутствует главное — сведения о насильственной смерти Сталина и о плане заговора. Однако здесь Хрущев сообщает некоторые нодробности, опущенные в более поздних аоспоминаниях: «Он никому не верил, и пикто из нас ему тоже не верил». Далее следует описание весело проаеденного в обществе Вождя субботнего вечера. Поутру все четверо — Хрущев, Берия, Булганин, Маленкоа — разъехались. По воскресеньям Сталии обычно звонил им, обсуждал с четверкой предстоящие дела, но на этот раз он остался на даче и пикого не вызывал. Лишь в понедельник вечером начальник охраны сообщил, что Сталин болен. Четверкв немедленно отправилась в Кунцево. Они застали генсека в тяжелом состоянии. «Мы находились с ним три дия, по сознание к нему не возвращалось».

В своих «Воспоминаниях» Хрущев не отходит от этой версии, он только приводит другие детали. Четверо фаворитов провели вечер 28 февраля за обеденным столом на сталинской даче. Хозяни варядно вынил, был в хорошем настроении, и соратники уехали от него поздней ночью, аернее, рано утром 1 марта.

Дальнейший ход событий и подлинная дата смерти Сталина нуждаются еще, на мой

взгляд, в тщательном исследовании.

Вечером 1 марта произошел удар, Сталин потерял сознание, упал с тахты, лишился дара речи. Охрана вызвала четверых приближенных, по они не задержались на даче и не позаботились о врачебной номощи.

Странный поступок, но он легко объясним. Когда дежурный офицер доложил Берии, что товарищу Сталину стало совсем плохо и он уже хрипит, Лаврентий Павлович резко

оборвал его: «Не поднимайте паники, он просто звснул и *храпит* во сне».

Эти сведения сообщил многолетний служащий личной охраны Вождя А. Т. Рыбин. Ему запомнились также тревожные телефонные звонки. Кто-то спрашивыл Берию — не нужна ли врачебная помощь? Берия, грубо обругав звонившего, отвечал, что никто здесь в помощи не нуждается. Более тринадцати часов не вызывали врача к пораженному ин-152

сультом больному. И еще одна улика, изобличающая заговор. Когда вызванные с большим, точно рассчитанным опозданием врачи окружили больного, его вырвало. Присутствовавший при этом Булганин строго спросил — почему товарища Сталина рвет кровью? То был явный симптом отравления. Вызванный на сталипскую дачу профессор А. Л. Мясников поведает позднее обо всем увиденном своему сыну.

Злоумышленнику надо было отвести от себя всякие подозрения, и вот через день после кончины Вождя в газетах появляется такое сообщение: «Результати натологоанатомического исследования полностью подтаердили диагноз... установили необратимый жарактер болезни И. В. Сталина с момента возникновения кровоизлияния в мозг. Ноэтому принятые знергичные меры лечения не могли дать положительный результат и предотвратить роковой исход».

Итак, для спасения жизни генсека с самого начала приняты все необходимые меры. Неусыпный контроль обеспечил правильное лечение, исключил всякие случайности, малейший намек на насильственную смерть неуместен, даже преступен. Вот что угадыва-

Объективность исследования требует упомянуть еще об одной важной детали. Как сообщили охранники, у «товарища Сталина» за год до смерти был первый инсульт, нравда, в легкой форме. Однако после этого он стал волочить правую погу...

Можно согласиться с аыводом врачей относительно неизбежности рокового исхода, но при ином отношении Берии к Вождю такой исход врачи смогля бы отдалить. Что касается

газетной информации, то она составляет весьма характерный фон.

В первом же правительственном сообщении, опубликованном в «Правде» 4 марта, говорится о «временном уходе» товарища Сталина от работы в связи с болезнью. И еще сказано, что удар случился у него якобы в ночь на 2 марта и не на даче, а в Москве. Одно место особо примечательно: «Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи».

Последовательность этих событий переальна: констатировать явления паралича и утраты речи можно лишь ДО потери сознания. Оставив умирающего без врачебной помощи, авторы правительственного сообщения отказались от участия специалистов

в составлении текста.

Не много ли лжи для небольшой публикации «Правды»?

Врачи были вызваны к потерявшему сознание Сталину лишь 2 марта, с роковым опозданием. Пора было убедить детей тирана в том, что к его спасению принимаются самые энергичные меры. «Все суетились, спасая жизнь, которую уже пельзя было снасти». Светлане Аллилуевой запомнилась картина медицинского аврала, она не замети-

ла здесь никого из знакомых врачей (кроме одной молодой женщины).

7 марта, через день после смерти Вождя, газеты публикуют текст заключения авторитетной медицинской комиссии в обновленном составе: «Результаты патологоапатомиче ского исследования полностью подтвердили диагноз, поставленный профессорами врачами, лечившими И. В. Сталина. Данные патологознатомического исследования установили пеобратимый характер болезни И. В. Сталина с момента возникновении кровоизлияния в мозг. Поэтому принятые знергичные меры лечения не могли дать положитель ный результат и предотвратить роковой исход». Здесь сделан акцент на «необратимом характере болезни». В этой связи хотелось бы зяать, каково было состояние здоровья Сталина накануне гибели. В последнее время он не жалоаался на недомогание, чишь сон у него был тяжелым, по об этом мало кто знал. Доктор, пользовавший Сталина несколько лет, рассказывал бывшему редактору «Известий» И. Гронскому, когда тот в 1955 году верпулся из лагеря: «Во время сна Сталин вскакивал с постели, кричал дико, кошмары буквально душили его. Не дай Бог никому видеть то, что мне довелось наблюдать...»

Аллилуева упоминает о совершенных отцом жестокостях: «...память об этом не давала ему спать спокойно». Но, вспоминает дочь, Сталин отличался очень крепким здоровьем:

«сердце, легкие, печень были в отличном состоянии».

Посол Индин К. Менон, посетивший Сталина 17 февраля, то есть за десять дней до внезапного удара, нашел Диктатора в полном здравии. Ему вторит Никита Хрущев, видевшийся с Хозяином за несколько часов до несчастья: «Не было никаких признакоа какого-нибудь физического недомогания».

Некоторые историки склонны видеть сыпа Сталина в роли свидетеля, изобличившего заговорщиков. Вызванный 2 марта на кунцевскую дачу, он «разносил» врачей, кричал, что «отца убили... убивают». Можно ли относить к серьезным уликам вопли записного

алкоголика Васьки, этого уголовника и сына уголовника?

А. Авторханов, со свойственной ему обстоятельностью исследовавший историю мартовского дворцового переворота, приводит ряд версий. Две из них — И. Эренбурга (1956) и П. Пономаренко (1957) — явно инспирированы тайной службой. В основе трех других лежат воспоминания Н. Хрущева. В последней он выведен на сцену в роли инициатора и главаря заговора. Кому-то нужна такая легенда...

Сам Хрущев утверждает, что а смерти Сталина был ааинтересован только один человек — Лаарентий Берия. Это вполне согласуется с воспоминаниями Аллилуеаой о последних часах жизни отца: Берия «был возбужден до крайности. Лицо его то и дело искажалось от распиравшях его страстей... Он подходил к постели больного и подолгу вематривалси в лицо больного — отец иногда открывал глаза... Берия глядел тогда, вниваясь в эти затуманенные глаза».

Хрущеву, Булганину невмоготу стало существование под жестокой сталинской дланью. По-человечески их колебания понять можно. Только были ли они, были ли соратнички Сталина — новые и старые — людьми? А Берия, чем этот палач лучше того?

Мы упомянули о мужестве, столь необходимом в таком рискованном деле, как устранение тирана. Можно нодумать, что проявил его в полной мере только один Берия. По ведь то было мужество отчаяния. Крыса, загнанная в угол, способна броситься на кошку...

Мужество Хрущева, поднявшегося потом против Берии, того же свойства. Все они, подручные Сталина, были убежденными трусами. Мужчин в своем хозяйстве генсек не терпел. И все же о Маленкове, Хрущеве и Булганине нельия сказать, что они стояли в стороне. Они не остановили убийцу, вместе с ним они обманывали иврод — относительно болезни и смерти Вождя. Но других вариантов не существовало. Предстоял дележ аласти, а за спиной чудилось горячее дыхание старших соратников устранейного... Аллилуева дает нам в руки еще одно важное свидетельство против Берии: «А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор, и в тишине зала, где все стояли молча вокруг, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества: "Хрусталев! Машину!"».

...Некогда скорбеть о кончине Диктатора. Да и к чему? Некогда делить власть, ее надо брать. Куда он так спешил? Уж не в кабинет ли Сталина, к секретному сейфу? На Лубянке он без помех овладел цеитральным аппаратом на правах — может быть, впервые — пол-

нов тастного хозяина.

В Тбилиси экстренно отправлен специальный поезд с отборными оперативниками. Задание — вызволить из тюрем брошенных туда по приказу Сталина руководителей («Мингрельское дело»). И арестовать всех фаворитов генсека. Возглавить эту освободительно-карательную операцию Берия поручил своему испытанному помощнику Владимиру Деканозову, палачу без страха и упрека.

Новая жизнь – новые заботы. Прежде всего надо звмести следы преступления. Линних свидетелей оказалось много, прежде всего — среди охранников Ближней дачи. Офицеров Берия отправил а отдаленные районы етраны. Двое, во избежание худшего,

успели застрелиться,

Обслуживающему персоналу — а там водились даже генералы — Берия приказал убираться вои. Это происходило, как с прискорбием отмечает дочь, на второй день после похорон наны.

«Совершенно растерянные, ничего ис понимающие люди собрали вещи, книги, посуду, мебель, грузили все со слезами на грузовики, — все куда-то увозилось, на какие-то склады... Людей, прослуживних здесь по десять-пятнадцать лет не за страх, а за совесть, вышвыривали на улицу».

Да, а мебель-то, мебель зачем было вывозить? И кимии. Здесь ведь можно, нет, должно музеи открыть. И ходили бы к Святому Месту паломники, как ныне посещают Гори, родину Отца Пародов. И то позорное место под кремлевской степой, где он схоронен.

Что ж, и ходили бы. Если бы не Берия.

Единственное, пусть невольно сотаоренное злодеем благо. Зачтется ли оно ему?

Смерть Сталина сопровождал торжественный дивертисмент, разыгранный на Красной площаци в день похорон 9 марта. Первым выступил Маленков, за ним Берии: «Трудно выразить словами чувство великой скорби...» Что правда, то правда: ему, убравшему с пути генсека, очень трудио. Сколько фальшивых ролей сыграно на этих подмостках, сколько лживых речей произнесено...

«Не стало Сталина - великого соратника и продолжателя дела Ленина... Мудрое руководство Великого Сталина... Неутолима боль в наших сердцах, неимоверно тяжела утрата...» Речь потит дежурных фраз, но вот наследник вспомнил о своей профессии: «Теперь мы должны еще более усилить свою бдительность». Поток трескучих призывов кажется нескончаемым, однако ритуал определен во времени, следует кода: «...неизменно хранить верность идеям марксизма-ленинизма и, следуя заветам Ленина и Сталина,

привести страну к социализму и коммунизму».

Этому предсказанию не суждено было сбыться по независящим от Берии обстоятельствам. А его участие в устранении Вождя до сих пор вызывает споры. Но в чоде судебного расследовании, если бы оно состоялось при жизни заговорщиков, можно было бы легко обойтись без личных признаний Лаврентия Берии и соучастников. Вполне хватило бы косвенных улик. Иосифа Сталина устранил его верный соратник товарищ Лаврентий. А детали убийства — какие химические средства, когда и как были применены, — эти сведения сгорели вместе с ним в печи московского кречатория в декабре 1953 года.

* * 1

Политический тандем Берия — Маленков приобрел после смерти Сталина силу решающую, необоримую. Молотов, долгие годы занимавший вторую, вслед за Сталиным, 154

позицию, был им же дискредитирован. Успел-таки, радетель. Оставались Каганович, Микоян, Ворошилов, Булгании, Хрущев. Их Берия никогда исерьез не принимал: объединитьси они не могли, умом, мужеством не блистали.

Сценку образования правительственного кабинета Берия с Маленковым разыграли в бодром темпе. Спачала Берия выдвинул кандидатуру Георгия Максимилиановича на пост главы Совета Министров, затем тот назвал Лаврентия Павловича саоим первым заместителем, вернее — первейшим. Президиум ЦК, предложенный этой нечистой парой, фактически дублировал состав верхушки правительства. Смещая министра ГБ Игнатьева, Берия предложил ему несьма зыбкую должность секретаря ЦК и вскоре же убрал его вовсе из центрального анпарата. Подобная тактика в отношении неугодных диц стала

а чертогах верховной власти традиционной.

За долгие годы сталинской диктатуры партия, да и весь народ привыкли смотреть на Генерального (первого) секретаря как на Вождя, наделенного абсолютной властью. Отдать этот пост Маленкову или же занять его самому значило бы обнаружить свои истинные намерения. Выдвигая секретарем ЦК Никиту Хрущева, Берия, как ему казалось, обрел а этой опасной политической игре надежную ширму. Оставалась еще одна забота приобретение популярности. В 1938-1939 годах Сталин помог ему разыграть спектакль, в котором на долю Ежова аынала роль злодея, Берия же выступил в образе доброго рыцаря. Этот опыт оказалси кстати: новый шеф Министерства внутренних дел — после слияния с МГБ — предложил коллегам по управлению страной объявить амиистию заключенным, Следующии ход — реабилитация группы «врачей-убинц». Об этом сообщила 4 апреля «Правда». «В результате проверки установлено, что привлеченные к этому делу врачи... были арестованы бывшим Министерством государственной безонасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований. Установлено, что показания арестованных, якобы подтаерждающие выдвинутые против них обанцения, получены работииками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности нутем применения педопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия». Козлом отнущения оказался этот ротозей Игнатьев.

Ну а глааныи виновник провокации, тот, что дирижировал незаконными действиями Игнатьева? Свидетельствует Константин Симоноа: «Вскоре после сообщения о фальсификации дела врачей членов и кандидатов в члены ЦК знакомили в Кремле, в двух или трех отведенных для этего комнатах, с документами, свидетельствующими о непосредственном участии Сталина во всей истории с "врачами-убинцами", с ноказаниями арестованного начальника следственной части бывшего Министерства государственной безопасности Рюмина о его разговорах со Сталиным, о требованиях Сталина ужесточить допросы — и так далее, и тому подобное. Были там ноказания и других лиц, всякии раз связанные не носредственно с ролью Сталина а этом деле. Были записи разговоров со Сталиным на эту

же тему».

Все документы, представленые на обозрение товарищем Берией, были доступны цекистам в течение петети. Воидя в роль ваписного правдолюбца и диберала, Лаврентий Павлович однажды предложил на заседании Президиума установить предетыный срок наказания в 10 лет вместо прежних 20-ти. Однако, как справеднию заметил Хрущев, столь гуманная на первый взгляд мера не имела на практике реального значения: десятилетнии срок можно было повторять и повторить вновь — как в лагере, так и в тюрьме. В духе устоявшенся традицин. Кстати, убедиться в том, что «поваторство» Берии — всего лишь игра, можно было уже на следующем заседании. Там он предложил установить жесткии контроль органов над всеми отбывшими срок заключения, то есть поселить их в районах, назначаемых функционерами МВД. Было уже такое. Вспомним год 1947-и, репрессианую инициативу Вячеслава Молотова. Тогда, при Статине, миллионы невипно пострадавших обрекли на бессрочную ссылку. Пыне же предложение главного надзирателя не прошло.

Эта маленькая неудача не отразилась на здоровом оптимизме Берии. Осуществив саою много ходовую комбинацию. Берия мог уже подсчитывать политические цивиденды. Итак, публика убедилась в редкой принципизльности нового лидера, в его гуманности. Теперь с бесправием и репрессиями покончено раз и навсегда. На страже звкона стоит несгибае-

мый ленинец товарищ Лаврентий...

Человек государственный, привыкший мыслить широкомасштабно, Берия совершенно серьезно полагал, что только он лично способен благотворно влиять на внешнюю политику Советского Союза. Он считал, например, нежелательным раздел Германии на два самостоятельных государствв, нбо теперь в самом сердце Европы образовалси постоянный очаг напряженности. Смедые шаги предпринял Берия в области экономического переустройства Восточной Германии.

Экономические взгляды Берии давио уже не соответствовали топорной политике Сталина, особенно в области сельского хозяйства. Лаврентий Берия, с его гибким умом, никак не мог быть причислен к окаменелым догматикам.

Один известный дипломат, близко знавший Сталина, поведал своему другу о случайном признании Диктатора, которое тот сделал незадолго до кончины. «В Германии.—

сказал Сталии, — надо сохранить фермерское хозяйство. Только оно способно решить продовольственную проблему». То были стова. На излете своей преступной жизни Диктатор продолжал, как встарь, вредоносную аграрную политику. Взамен колхозов повсеместно насаждали совхозы. Колхозам отказано в приобретении сельхозмашин у МТС. Один за другим закрывались сельские рынки. Ставка — на натуральный обмен между колхозами и промышленными предприятиями.

В феврале, за месяц до смерти, Сталин предложил увеличить налоги в деревие на немыслимую сумму в 40 миллиардов рублей, в то время как доходы всех взятых вместе

колхозов составляли чуть больше этой суммы.

Берия понимал, что эта установка ошибочна, если можно именовать ошибкой продолжение политики деревенского погрома. Понимал и делал, что велят. Как делал в свое

время в Грузни, да и во всем Закавказье.

После смерти Хозяина Берия, уже не таясь, заметил по поводу тотальной коллективизации и обинидания деревни: «Тут Старик явно перемудрия...» Хрущев, который после марта 53-го позволял себе кое-какие упреки в адрес усопшего Хозяина, сам был весьма склонен к реформаторству. В 1950 году, например, он выдвинул план укрупнения колхозов. Берия составил тогда вместе с Маленковым пусть скрытую, но довольно твердую оппозицию новациям Хрущева, предпочитая действовать черел подставных лиц. Верный ему первый секретарь ЦК партии Азербайджана Багиров в мае 1951 года высказал сомнение в пользе этой поснешно и непродуманно проведенной камиании.

Тогда же Хрущев выдвинул план генерального переустройства деревии. Этот неуемный прожектер предложил вместо деревень воздингнуть агрогорода. План был раскритикован на XIX съезде в октябре 1952 года Маленковым. Еще раньше против него выскалались секретари ЦК компартий Азербайджана и Армении Багиров и Арутюнов, доверенные номощники Берии. Сам он, будучи в тесном контакте с Маленковым, воздерживался от публичной критики, оставляя за собой простор для нолитического маневра. Смерть Сталина развязала руки. В начале июня в Восточной Германии была опубликована программа экономического возрождения страны. Всем крестьянам, включая зажиточных (гроссбауаров), а также ремесленинкам и торговнам предостав излась свобода деятельности. Кроме того, были сняты ограничения, мешавшие прежде порматьному существованию интеллигенции и духовенства. Осуществление этой либеральной программы началось под контролем министра госбезонасности Цайссера, ставленивка Берии.

Все эпергичнее вживаясь в роль нового Диктатора, Берин дает установку председателю Совета Министров Венгрии Матиасу Раконы отказаться от коонерпровании сельского хозяйства. Раконы полвонил Молотову и передал сказанное Лаврентием Берней: «Все это выдумки "старика". Не увлекайтесь колхизами, мы сами будем отказываться от этого

онибочного иути».

Берия виступил инициатором нересмотра илциональной политики. В одном из своих докладов на Президнуме ЦК он предложил ставить отныне на руководящие носты в реснубликах и автономных областях только представителей местных илциональностей. Замена «русских вождеи» началась сразу же на Украине, в Белоруссии, Прибалтике. Центральным Комитетам национальных республик была спущена бериевская директива о нереводе делопроизводства на местный язык. Тяжелые времена настали дли служиного люда, не владевшего никаким языком, кроме русского. Зато заметно возросла популир-

ность Берии на местах.

В мае Берия составил записки о работе бывших органов МГБ Литвы и Украины — с критикой национальной политики и осуждением массовых репрессий. Отобренные Президиумом ЦК записки были затем разосланы на места. После ареста Берин цекисты спохватились. Как доложил на июльском Пленуме ЦК первый секретарь КП Украины Кириченко, Берия унотребил такие выражении, дословно: «занадно-украинская интеллитенция», «русаки», «русификация». То есть в мае назбал вещи своими именами. Теперь это зазвучало крамолой... И уж вовсе крамольной оказалась установка Берин на ограничение диктаторских функций ЦК. Отвечая на запрос того же Ракоши, Берия указал, что все вопносы текущей политики должен решать Совмин, а ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой. «Разве это марксистско-ленинский взгляд на партию?» — риторически вопронает Хрущев.

Как известно, Сталин сделал все для того, чтобы порвать пормальные отношения с Югославней и ошельмовать Иосипа Тито. Берия осмелился ревизовать гениальные предначертания, он заготовил письмо руководителям Югославии с целью восстановить дружественные отношения. Докладывая об этом на июльском Иленуме ЦК, Молотов не преминул добавить, что «с проектом письма в кармане Берия был арестован как преда-

тель».

Что касается предложения Берии объединить Западную и Восточную Германню как «буржуваное миролюбивое государство», то Молотов назвал его вражеским.

Итоги подвела «Правда» 10 июля 1953 года.

«...Берня был тем, кто из правящей верхушки диктатуры раньше других и последовательней других стал на позицию длительной — "всерьез и надолго" — "передышки" как

в области политики внутренней, так и особенно в области политики внешней. Как далеко он шел, судить трудно, но несомненно, что именно им было продиктовано то изменение в политике советской зоны в Германии, к проведению которой Политбюро немецкой компартии приступило в конце мая 1953, равным образом как именно им было получено согласие китайских коммунистов на мир в Корее и согласие коммунистов Индо-Китая на уход из Лаоса в апреле-мае 1953. Именно в этих вктах Берии его коллеги по "коллективному руководству" увидели его стремление к замене политики, выработанной партией за многие годы, капитулянтской политикой, которая привела бы в конечном счете к реставрации капитализма».

На заседаниях Президнума ЦК никто не осмеливаяся противоречить Лаврентию

Павловичу. Но вот Хрущев решил подбить на сопротивление Маленкова:

Пришло время сопротивляться. Ты видишь — позиция Берии носит антипартийный характер.

Маленков: Ты хочешь, чтобы я один выступил против него? Этого я не стану делать.

Хрущев: Почему ты один? Рость ты и я. Нас уже двое. Уверси, что и Булганин согласится. Я разговаривал с ним несколько раз об этом. Уверен, что и другие присоединятся. Если мы будем твердо держать нартийную лицию...

...В конце концов они договорились, провели несколько репетиций. «Только тогда, заключает Хрущев,— Маленков уверовал в возможность применения партийных методов в борьбе с неправильными, вредными для страны и партии предложениями Берии».

Многим тогда товарищ Лаврентий запомнился знергичным организатором, разносторонним государственным деятелем. У себя на родине, в Закавказье, он директивно руководил кампаниями сбора хлопка и цитрусовых, театральной жизнью и литературой, а также борьбой с контрреволюцией. В Москве он вновь сражался на передовом рубеже, в годы войны показал себя стойким соратником товарища Сталина. А кто, кроме Лаврентия Павловича, сумел бы в столь сжатые сроки организовать и наладить производство атомного оружия? Ныне он неутомимо прокладывает новые пути во внутренней и внешней политике...

Однако «либерализм» Берин преследовал отнюдь не гуманные цели. Этот устойчивый циник ясно представлял себе, какой преступный режим охранял столько лет. Кардинальные реформы в Восточной Германии и в своей стране Берня задумат не из сострадания к распятому народу и не из любви к родине. Он хотел вывести страну из тупика, в который завел ее Сталин, и тогда уже править государством без помех.

Каков парадокс: сталинский фаворит, профессиональный палач начал осуществлять разумную политику вопреки партфункционерам, лишенным не то что государствонного ума — обыкновенного здравого смысла. Но у них хватило хитрости, чтобы обезвредить

Берию, хватило тупости — повернуть историю вспять.

. . .

Странная ситуация сложилась на верхних ступенях власти после смерти Сталина. Хрущев, занявший пост секретаря ЦК, не был признанным лидером. Здесь все решали Берня с Маленковым. Прежине фавориты Сталина — Молотов, Каганович, Ворошилов, Микояй — не могли противостоять могущественному тандему и подкренить полиции Никиты Хрущева. Да и не хотели. Кабинетные интриганы, многоопытные карьеристы, они никогда не доверяли друг другу, ревниво следили за каждым шагом соперника, их ничто не объединяло. Впрочем, общее у них было — жажда власти и страх утрати власти.

Опираясь на партийный аппарат, на многолетнюю традицию, Хрущев мог добитьси от функционеров — в центре и на местах — беспрекословного подчинения споси ио не. По оп не смел. А Берня выжидал. Весной изтъдесят третьего в Президиуме ЦП установилось

некое зыбкое равновесие сил. Кто нарушит его первым?

Берия пачал готовить почву для геперальной перетряски верховного органа партии. У него был веркый, как он думал, помощник — Маленков с его богатым опытом и прочными связями в центральном аппарате. Берия опирался на всесильные органы кары и сыска и мог уновать на разрозненность членов Президнума. Кто сможет ему противостоять?

В мае кневский сослуживец Хрущева Тимофей Строкач привез тревожную весть: органы внутренних дел Украины получили секретный циркуляр из Москвы о мобилизации всех сил и переходе на режим боевой готовности. Природа наградила Никиту Сергеевича могучим инстинктом самосохранения. Выявав под благовидным предлогом кое-кого из провинции, он установил, что секретный инркуляр послан не только на Украину. Сколько лет жил он, партийный секретарь Никита Хрущев, под Сталиным, дрожа и пресмыкаясь, на положении не то шута, не то лакея. Тенерь вот — Берия... Но как проникнуть в его планы? И, будто сжалившись над незадачливым нартвождем, судьба послала ему двух перебежчиков из лагеря противника. Заместители министра внутренних дел Иван Серов и Сергей Круглов, взвесив шансы своего шефа — а весами они располагали точными, — решили выдать его с головой. Они доложили Никите Сергеевичу все, что знали о намерениях Берин, обрисовали оперативный илан вооруженного путча, дисполи-

цию частей, назвали имена заговорщиков. В уголовиом мире это называется «заложить со всем бутером».

Хрущев с уважением относился к Круглову, а с Серовым у него сще в годы совместной службы на Украине сложились дружсские отношения. Гдс сму было знать, что, повернись обстоятельства иначе, подручные Бсрии вырезали бы вмссте с иим весь пестрый курятник, то бишь сталинское Политбюро. И если два генерала положили за благо изменить сегодня дорогому Лаврентию Павловичу, то они имели в виду лишь свос личное благо. Захватив абсолютную власть, что сделает с ними Берия? Верныс ему выходцы с Кавказа, все эти кобуловы-дсканоловы, давно уж точат кишжалы...

В этих рассуждениях Серова и Круглова был свой уголовный релон. Перед Хрущевым встала альтернатива: ударить исмедленно, опередив заговорщиков, или уйти в тень, отказаться от борьбы, от всего. Отдадим должное отваге Никиты Хрущева. Он выбрал дей-

ствие.

Первым делом надо было собрать в кулак членов Президнума ЦК — решать самую трудную задачу. Как он сам впоследствии рассказывал, ни один из бывших подручных Сталина не был надежным, твердым человеком. Сказывалась многолетняя селекция. Молотов — «тот сще тип» (подлинное выражение Хрущева). Малсиков — близкий друг Лаврентия Берии. Ворошилов — трус и подхалим. Каганович — никогда не анасшь, куда он повернет, к кому примкиет в последний момент. Лазарь-лицедей. Можно положиться на Булганина, но как он поведет себя в случае отказа остальных?

Хрущев знал, конечно, что служба постоннного подслушивания охватывает не только кабинеты членов ЦК и Президнум, се щупазыца проникли в квартиры, на дачи, в личные авто. А телефонные разговоры, перениска партеановников издавна поднали под неусып-

ный контроль Лубянки.

Он начал с Инколая Булганина, министра обороны. Только армия способна сломить дивизим охранинков. С Бунганиным Хрущсв сошелся сще в последние годы жизии Сталина, вместе терисл унижения от Берин, вместе решили держаться тенерь. Разговаривали на даче, и саду. С Анастасом Микояном Хрущев выехал за город в одной машине, оставил авто на шоссе и совершил е инм ответственную прогулку вдоль лесной онушки. Микоян юлил: «Я знаю Лаврентия Павловича с 1919 года, на монх глазах он вырос в крупного партийного работника, исльзя же вот так вдруг убирать заслужениого деятеля... Пусть ему укажут на онибки... Он учтет товарищескую критику...» Пришлось Хрущеву говорить с Миконном еще рал.

Переговоры с Молотовим пришли, против ожидания, гладко. За песколько дней до поездки с Хрущсвым за город служба ГБ, не уведомив Вячеслава Михайловича, сменила его личную охрину. Молотов давно с тревогой и подозрением присматривался к опасным интриганам. Они оттеснили его на второй, нет, на самый задини план и тенерь готовят нечто худшес. Он был непоколебимо туп, многолетини сподвижник Сталина, но инстин

ктом самосохранения прирада его тоже не обделила.

Обещав свою белусловную поддержку Хрущеву, Молотов предполагал, что тот одним ударом покончит и с Берней, и с Маленковым. Но Никита Сергсевич надеялся разорвать прочный тандем. Да и так ли уж прочен он был? Разве Маленкову наравне со всеми не

грозила скорая расправа?

Хрущев онасался решительного разговора с Маленковым: вдруг выдает с головой? Но лишь только он приступил к этому щекотливому делу, как Маленков сразу же принял сторону большинства. В тот же день Хрущев отправился на Воздвижсику. Председатель Презициума Верховного Совета ис ожидал такого поворота событии: «Что вы мне предлагаетс? Товарниц Берия — замсчательный лепинец! Я всегда уважал Лаврентия Павловича, и никто меня не переубедит!» — «Да не вопи ты, ради Бога, — остановил его Хрущев. — Здесь никого нет, кроме нас с тобой. Ты же ничего не знаеть, с нами все члены Президнума. Если мы не примем экстренных мер, он передушит нас поодиночке, неужели испонятно?..» По маршал трусил.

Лазарь Каганович недалеко ушсл от Ворошилова. Пришлось Хрущеву выложить ему всс козпри: Маленков, Молотов, Булганин, Сабуров уже сказали «да». Дав наконец свое согласие, Каганович спросил о Ворошилове. Хрущев повторил сказанное маршалом. Каганович возмутился: «Старый сукин сын! Он вам врал, он говорил мие, что не выпосит

Берию, что он очень онасен, что он может уничтожить всех нас...»

Хрущев решил сще раз испытать Ворошилова и послал к нему Маленкова. Когда тот выложил сму конкретный илан действий. Ворошилов обиял сго и заплакал...

Как талько было достигнуто единство, Булганин с Жуковым приступили к мобилизации сил. Но как создать мощиую босвую группу войск на подступах к Москвс и в самой столице скрытно от агентов Берии? Артемьев, командующий войсками МВО, он же аерный слуга Берии. Ранее он командоват дивизией внутренних войск МВД. Первым делом министр обороны удалил его из Москвы под благовидным предлогом — на летине маневры, они уже начались в районе Смоленска.

В середине мая начались волнения в Берлине, забастовали рабочие. Президнум ЦК решил направить туда Лаврентия Берию, подкрепив своего посланца группой восиных.

В отсутствие Берии Малсиков, Булгании и Хрущев намеревались созвать узкое совещание и обсудить конкретные меры по устранению могущественного министра. Кто-то уснел уведомить Берию о том, что на 20 мая намечено заседание Президнума. Берия тотчае позвонил: «Что вы там собираетесь делать? Какая повестка двя?» — «Обычное заседание, обсудим вопросы сельского холянства», — ответил Хрущев. «С чего бы это? Пришлите мне все материалы».

Пришлось срочно референтам готовить соответствующие документы и отправлять в Берлин. На другой день звоинт опять Берия: «А почему цет секрстаря ЦК по сельскому

хозяйству, почему нет министра? Что вы там дурака валяетс?! Я вылетаю».

Он прибыл в Москву в капун зассдания, и нашим заговорщикам приплось разыгрывать сцену патурального обсуждения сельскохозяйственных проблем. Задуманную операцию пришлось отложить, тем более, что не все было готово. Особые опасения вызывала позиция одного из старейших подручных Сталина — Анастаса Микояна. Ведь с ним Хрущеву приплось беседовать дважды. По всему было видно, что Микоян готов присоедишитыся к большинству, но останется он верен своему слову? Да и Ворошилов... Вдруг еще кто-нибудь проявит малодушие в последнюю минуту?

Меж тем обстановка явно накалялась. Интересные детали обстановки содержатся в восноминаниях участинков событий, особенно — маршала Конева, в исресказе поэта

Александра Твар (овского и дочери маршала Маин Ивановны.

До Маленкова и Булганина дошли сведения о тайном формировании в районс Минского шоссе, близ Москвы, десантной дивизии. Эти данные поступили также к маршалу Жукову но типпи ГРУ. В начале июня стало навсство, что Берия под каким-то предлогом собрал из разных областей страны партийных работников на краткосрочные курсы в числе 400 человек. Около половины курсантов прибыло из республик Закавкалья. Им выдали инстолеты и предупредили о возможном вызове в Кремль.

Нод Москвой дислоцировалась дивизия корпуса впутренних войск имени маршала Лаврентия Берии. Их окружат по приказу министра. Один полк бериевских войск разме-

ща іся в Лефортовских казармах. Казармы поручено заблокировать.

День ареста Берии на шачен на 26 июня. Как только он явится на заседание в Кремль, будут подняты по боевой тревоге все военные академии и в столицу вои ну г особо надежные дивилии.

Все члены Президнума ЦК лиали о предстопщем заседании, но только трое — Маленков, Булгании и сам Хрущев — знали о том, что произойдет на этом заседании, каков общий илли операции. И еще одного человека носвятили во все детали дел і — маршала Жукова. Но он был лишь кандидатом в члены ЦК,

И ват он насты, этот день. Комендант Кремля генерал Веденви выдвал ил-под Москвы полк, которым командовал его сын. Училице имени Верхавного Совета РСФСР было

поднято в ружьс, Кремть буквально наводнен войсками...

Достоверная картина арсста и казии Берии ис могла быть воссоздана без правдивых свидетельств военных. Мис довелось многократно беседовать с тремя из них: Батицким, Баксовым и Юферевым. Отважные люди, бывалые фронтовики. И точные в исредаче деталей исресквтого.

26 июн і 1953 года. В этот день, в час дня, Пикита Хрунцев вітівал командующего Московским районом ПВО генерал-полковника Кирилла Семеновича Москаленко: «У ге

оя есть верные люди? Такис люди, которым ты доверяещь, как ссбе?»

Москаленно: Наидутся, Никита Сергеевич.

Хрущев. Возьми с собои четырех четовек. И пусть прихватят сигэры.

Москалевко: Какие сигары?

Хрущев: Гы что, забыл, как это называлось на фронте?

Генерал вспоминл. Хрущев имел в виду револьверы.

Арущев: Во дворе Генерального штаба тебя с людьми будет ждать Бу изания Потороннось.

Моска тепко тотчас вызвыл офицера для поручений Виктара Ивановича Юферева и сообщил о ладании Хрущева. Он спросил поднолковника: «Как ты думаешь, можно положиться на Батицкого?» Пачальника главного питаба ВВС Юферев анал как надежного человека, боевого генерала. Он добавил, что можно также вполне положиться на Алексея Ивановича Баксова, начальника штаба Московского района ИВО. «Кого бы нам еще прихватить?» — спросил Москаленко. Юферев назвал Ивана Григорьевича Зуба, начальника политуправления. Москаленко вызвал Батицкого и Баксова. Зуб оказался дома, он обедал. Репилли заехать за полковником Зубом по дорогс.

В манине Москатсико предложил предупредить Зуба по тслефопу. Остановились около магазина "Динамо», и Юферсв с наикой в руках вышел из авто. Он позвонил на квартиру Зуба из кабинста директора магазина. Полдисс, когда все было кончено, Москаленко признался, что, пока Юферев находился в магазине, он перструсил: а вдруг опера-

ция сорветси и всех накроют?..

Полковник Зуб жил на улице Валовон, ридом с Павелецким вокзалом. Он уже стоят у подъезда своето дома. Поехали впятером, не считая шофсра. Черный автомобиль марки ЗИС-110 вмещал шесть нассажиров, в салоне было два откидных места.

Во дворе Генерального штаба группу Москаленко встретил маршал Булганин. Его сопровождал начальник личной охраны подполковник Федор Безрук. Перссели в автомобиль министра, в такой жс ЗИС-110: охранник — с шофсром, Булганин — на приставное место слева, Юферен — справа, остальные — сзади. Уместились ввосьмором. «В Кремль», — распорядился Булганин.

Когда подъехали к Троицким воротам, Булганин предупредил: «Не высовывайтесь».

Дсиствительно, выглядывать в окно не было резона, пропуска были нс у всех.

Благополучно проскочили часовых, подкатили к особому правительственному подъезду — это называлось «с уголка», — подиялись на второй этаж. Вот и кабинет, где когдато сидел Сталин. Сейчас здесь заседал Президиум ЦК. Булганий вошел в кабинет, остальных провели из комнаты сскретаря в смежный кабинет напротин. Там находилось человек пятнадцать-двадцать — работники ЦК, несколько генералов и маршал Жуков. Держались все непринуждению, шутили, рассказывали анекдоты... К группе Москаленко подощел Жуков, поздоровался и спросил: «Вы знаете, кого вам предстоит арестовать?» — «Не знаем, по догадываемся», — ответил Москаленко.

В этот момент появился Хрущев. Он подошел к Москаленко: «Вам придется брать одного из членов Президнума. Возможно, он будет вооружен...— Хрущев остановил взгляд на рослых, могучего сложения Батицком и Юфереве.— Вот вы и подойдете к ис-

му — вам скажут, когда, — и возьмете его».

Юферев: Что, и стрелять можно?

Хрущсв: Нет, его надо оставить для следствия. Оружие не применять. Пока все остаются здесь. Когда услышите два длинных звонка, паправляитесь к нам, на зассдание. Приходите прямо в кабинет, мимо секретаря, не обращайте внимания ни на кого.

Хрущсв вышел. Берия явился на заседание одним из последних, занял свое место и спросил: «Какая новестка дня?» — «Вопрос стоит один, — отистил Хрущсв, — о Лаврен-

тин Берин. - И, обратившись к Маленкову, добавил: - Докладывай».

Прошло не более четверти часа, и раздалясь два продолжительных звонка. Военные открыли дверь, наветречу им встал секретарь. Пятеро, минуя его, прошли в кабинет напротив. За ними следовал маншал Жуков.

...На председательском месте — Маленков, по правую руку — Хрущев, рядом с иим — Булгании, ближе к двери, наискосок от Маленкова, — Берия, напротив Лаврентия Павло-

вича — Воронилов.

Вошедище встали слева, ближе к Булганину, за симной Берии. Малсиков лаканчивал чтение документов: «...Как видите. Берия оказался ис только врагом внутренним, но и врагом в международном плане. Предлагается немедленно его арестовать в передать в руки лтих товарищей».

Батицкий обнажил свой «парабеллум», Юферев - «ТТ».

Берия сидел, опустив голову, и нервно писал что-то каранданиям на листе бумаги. Потом оказалось, что он выводил лишь одно слово «тревога», повторил эти елово девяти иднать раз. Наконец Берия подиял глаза, военные уже стояли подле него - Юферев но левую руку. Батицкий по правую. Подошел Жуков: «Руки вверх. Вы арестованы». Ладони Юферева скользиули сверху вниз но карманам арсстованного. Берия нодиял руки: «Оружия у меня ист».

Багицкий и Юферев предложили ему пройти в комнату отдыха — она примыкала к нобинету слева. Посадили министра на диван, встали рядом. Москаленко, Баксов, Зуб расположились на стульях и углу, возле круглого столика, с пистолетами в руках. Ко-

мандующий достал свой «вальтер». Батицини: Синмите с него пенсие.

Юферев исполнил приказание. Верия: Как же я теперь буду видсть? У меня слабое арение...

Батицкий: Нечего тебе смотреть. Ну-на покажи, что у тебя в карманах.

Берня достал посовой платок и записную книжку.

Берия: Убери свою пушку.

Батиценії: Пичего, она еще пригодится.

Москаленко: Послушанте, Батицкий, с ним не следует сейчас разговаривать.

...Берия принится тщательно разглажинать стрелки брюк и стряхивать с них нылинки.

Он был в сером поношенном костюме, бслой сорочке без галстука.
Через некоторое время в комнату вошли генералы Андрей Лаврентьевич Гетман и Митрофли Пванович Неделин. Они были приданы в помощь группе захвата. В комнате отдыха военные пробыли с арестованным до глубокой почи. Это были тревожные часы, никто не знал, чем все кончится...

Москалсико тем временем отдавал распоряжения— уже на правах командующего Московским военным округом. Презкний командующий, генерал Артемьев, был смещен.

Члены Прелиднума ЦК отправились в тот вечер в Большой театр. Давали онеру «Декабристы». Один Ворошилов задержался в Кремле, но подоспел ко второму акту.

История сохранила фотографию: Берия с Ворошиловым стоят в обничку, словно братья. Но Клим всегда ненавидел удачливого Лаврентия и боялся его. Трусоватый мар-160 шал тужился предугадать ход событий, ведь могущественного чекиста могли выручить его давине дружки, тот же Иван Серов. Напрасно Никита Сергеевич ему довсрился. И когда Берию наконец вывсли из компат Президиума ЦК, Ворошилов был тут как тут. Он искательно заглядывал в глаза рослым конвоирам. Подполковник Юферев оставил свою фуражку в кабинете секретаря на всшалке и, проходя мимо, хотел ее достать. Услужливо подскочил Ворошилов: «Севчас я тебе, голубчик, подам...»

Надо сказать, что по указанию Хрущева и Булганина каждому офицеру охраны с утра был придан армейский офицер. Охранцикам ноясшили, будто это входит в плаш ренетиции военного положения. Так они и стояли парами на каждой лестиичной площадке, у каждой двери. К вечеру охранники куда-то исчезли, остачись один армейские офицеры. Они стояли сдвоенными рядами вдоль всех коридоров. Берию провели сквозь строй и посадили в машину Булганина. Арестованного поместили на заднее сиденье. Батицкий сел слева, Юферев — справа. На всякий случай Юферев сунул дуло пистолета под ребра Берии. А он смотрел по дорогс в окно, явно любопытствуя, куда его везут. Москаленко сидел рядом с шофсром, Баксов и Зуб заняли откидные места.

Машина помчалась по набережной к Абельмановской заставе, повернула налево. Вот и Грутицкие казармы, здесь уже ждал вновь назначенный комендант города генерал Синилов. Он поместил Берию на гауптвахту, под усиленную охрану. Начальником караула был назначен генерал Батицкий, ответственными дежурними — Гетман, Зуб, Юферев,

Неделин, Баксов. Караул иссли офицеры ПВО Москвы.

Ночь Берия провел на гауптвахте. На другой день, в 12 часов, в казармы прибыл новый министр внутренних дел Круглов вместе с Серовым. Замстив высоких визитеров, Москаленко бросил сопровождающему его подполковнику: «Как они эдесь очутилиеь, эти сволочи?» Генерал спросил прибывших: «Что вам здесь нужно?» — «Они прибыли для проведении следствия», — ответил за них комендант.

Москаленко: Какого еще следствия? Уберите их отсюда сейчас же! (Коменданту.) Выведите

отсюда носторонних!

Серов: Мы не посторонине

Москаленко: Вас никто не унолномачивал.

Серов: Нас послали сюда, чтобы начать следствие.

Москаленко: Мне об этом вичего не известно. Иньто вам таких полномочий не давал,

Не исключено, что Серов ноехал в казармы с ведома Хрунцева, который хотел узнать о намерениях Берпи.

...Ссров с Кругловым уехали, а Москаленко с подполковинком поспсшили к Маленкову. Генерал доложил премьер-министру об инциденте. На экстренном заседании Президиума ЦК было решено перевести Берию в штаб МВО. Следствие по делу Берии и его

подручных возглавил Генеральный прокурор Руденко.

Главное здание МВД на Лубянке было заблокировано военными. Они отобрали все ключи у сотрудников центрального апнарата и заняли их кабинеты в ожидании дальнейших указаний. Блокировать войска МВД было поручено двум танковым дивизиям — Кантемировской и Таманской. Первой командовал генерал Иван Якубовский. Как заметил один офицер военной разведки, Якубовским двигало отнюдь не бесстрашие, а бездумное лакейство. Если бы не Москаленко, а Берия приквзал ему, Якубовский передавил бы танками всех противников шефа Лубянки. Сталин всегда мирволил лакействующим тупицам. Назовем самых ярких: Ворошилов, Буденный, Кулик, Булганин. Новые вожди продолжили столь опасную для обороны траднцию...

Штаб МВО находился около набережной реки Москвы. Вечером 27 июня туда прибыл Булганин. Он остался доволен осмотром помещения, и ночью Берию персвезли на новос мссто. Как и в первый раз, его сопровождал Москаленко с четырьмя помощни-

ками.

Берию поместили в небольшую комнату площадью не болес двенадцати квадратных метров. Койка, табурет — вот и вся мебель. Там же, в бунксре, проходило следствие. Особый кабиист отвели Генеральному прокурору.

Москалснко находился в штабе округа неотлучно. И ночевал там вместе с Юферевым.

На охране штаба дежурили танки и бронетранспортеры.

Берия пришлось сменить свой костюм на солдатское обмундирование — хлопчатобумажную гимнастерку и брюки. Еду арестованному доставляли из гаража штаба MBO солдатский паек, солдатская сервировка: котелок и алюминиевая ложка.

Первые дии Булгании звонил в бункер каждую ночь после 12 часов: «Как дела? Все спокойно? Как себя ведет арестованный?» Если генерал Москаленко уже снал, Булгании получал информацию от подпилковника Юферева, который постоянно дежурил в одном из

подземных кабинетов. Охрана надежная, случайности были исключены.

В 1920 году он впервые отведал тюрьмы. И выбрялся с помощью Багирова. Верные друзья должны и теперь помочь, они заставят считаться со своим мнением этого выскочку Пикиту. Но Маленков, Маленков! Сколько он для него сделал... Если бы не он, Лаврентий, сидеть бы ему по сей день в Средней Азии, в ссылке. Если бы Хозяин позволил ему остаться в живых. Берия постучал в дверь и попросил бумаги и ручку. Ему дали тетрадный лист

и карандаш. «Егор разве ты не знаешь меня забрали какие то случайные люди хочу лично доложить обстоятельства когда вызовешь». Берия называл Георгия Маленкова Егором. Заглавные буквы почему-то не жаловал, знаки препинания презирал.

Он передал записку дежурному офицеру... Да, после двадцать первого года оп быстро пошел в гору, через десять лет возглавил ГПУ Закавказья, потом — ЦК партии Грузии и Закавказский крайком. Новый перевал — год 1938-й, пост паркома СССР. Следующий — год 1953-й. Он так удачно начался, сколько радостей сулил... И вдруг эта нелепость. Пет, им не обойтись без него, да и народ цепит его широкую, щедрую натуру. Если правду сказать, то оп один во всем правительстве искрение заботится о благе трудящихся.

...Прошло два дня. От Маленкова — ничего. Подследственный передал ему вторую записку. «Егор почему ты молчишь?» Обе записки — карандациом, на четвертушках

бумаги — остались у Хрущева.

На предвыборяем собрании избирателей Тбилисско-Сталинского округа по выборам в Верховный Совет СССР в ноябре тридцать седьмого Лаврентий Берия клялся: «Как член великой партии Лешина-Сталина я обязан хранить в чистоте великое звание члена партии, высоко держать знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина». В чем же он ошибся?

Может быть, слишком высоко держал сталинское знамя?

...На следствии Берия вел себя вызывающе, признавался только в тех преступлениях, которые прокуратуре удалось установить и подкренить неопровержимыми уликами. При этом он пытался всически запутывать следователей, придучывая все новые и новые варианты для оправдания своих действий. Нередко запутывать создаваемые им узлы помогали соучастники. Когда волник вопрос об архивных документах, которые в течение двадцати лет незаконно хранились у самого Берии, он ответил: «...это я поступил пенравильно, изъял их потому, что боялся: как бы их не упичтожили бывшие руководители ЦК КП(б) Азербайджана, которые впоследствии были разоблачены как враги».

Совсем в духе времени: казинть ни в чем не повинных людей и нотом, спустя пятнадцать лет, затеять против них новую провокацию. Прояснить ситуацию номог на суде Меркулов. Оказывается, еще в 1932 году Берия, будучи уже первым секретарем Заккрайкома, поручил ему изъять в бакинских архивах все документы, имеющие отношение к его проинлому. Выполнив это поручение шефа, Меркулов оформил все добытые (при содей-

ствии Багирова, разумсется) бумаги как личный архив Л. Берии.

Следствие длилось полгода. Документы, свидстельские показания, протоколы допросов составили девятиадцать томов. По делу проходило шесть соратников Берии: Владимир Деканозов, Всеволод Меркулов, Лев Влодзимирский, Навел Мешик, Сергей Гоглидзе,

Богдан Кобулов — ясето ляшь частичка берисвской армин головорсзов.

...Болсе тридцати лет служили Лаврентию Берин эти подручныс — Мсркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Цанава... Нсрушимой казалась созданная им круговая порука, объединившая налачей. Однако псрвос же иснытанис — следствис и суд — ноказало зыбкость берневской конструкции. «Берин — карьерист, авантюрист и бонанартист», — заявил на суде Богдан Кобулов. Ему вторил Владимир Деканозов: «Берия проявил ссбя во всем как карьерист, властный и злобный человек». Оказывается, почти все аресты тридцатых годов проводились но его единоличным указаниям... Более сдержанным в оценке преступной деятельности главаря шайки был Всеволод Меркулов, зато Лаврентий Цанава высказался вночие определенно. Бывший министр госбезопасности Белоруссии сообщил, что в 1937—1938 годах Берия расстрелял всех, кто служил его заместителями, и многих своих бывших начальников. Жестоким, деснотичным назвал его Цанава. О неуемном властолюбии и жажде возвеличения Лаврентия Берии новедали суду Савицкий и Мичурин-Равер.

Наконец Берии предложили ознакомиться с обвинительным заключением. Когда Руденко приступил к чтению объемистого, страниц на сто, документа, Берия заткнул уши.

Прокурор потребовал объяснений.

Берия: Меня арестовали какие-то случаиные люди... Я хочу, чтобы меня выслушали члены

правительства.

Руденко: Вас арестовали согласно решению правительства, и вы это знаете. Мы заставим вас выслушать обвинительное заключение.

В 1920 году, сидя в кутаисской тюрьме, он один не участвовал в голодовке политических и вел себя предательски. Ныне же несгибаемый сталинский нарком выдержал без пищи целый день. Потом запросил обед с коньяком и выслушал обвинительное заключение, так и не получив коньяк.

Суд проходил на первом этаже здания штаба округа. Зал был соединен микрофонами

с кабинетами членов Президнума ЦК.

Поначалу Берия прикипулся сумасшедшим: бросался то вперед, то назад, размахивал руками... Внезапно к нему бросился Москаленко и отрезал пуговицу на брюках. Они начали спадать, и нодсудимый тотчас успоконлся. Тут, надо полагать, сказался оныт генерала Москаленко, приобретенный им в свое время в бериевских застенках.

Судебному присутствию был представлен синсок болес чем двухсот женщин, ставших жертвами сановного развратника. И тут произошло нечто совсем неожиданное: Берпя 162

обратился к председателю суда с просьбой не оглашать их имсна, защитить от нозора. Суд удалился на совещание и единогласно принял решение — удовлетворить ходатайство подсудимого. В качестве свидетелей в суд вызвали несколько десятков женщин. Ляля Дроздова довольно подробно рассказывала о своей связи с подсудимым, она ведь ряд лет жила на его даче. Увидев ее, Берия побледиел, нодался корнусом вперед. Он был без привычного ненспе, плохи видел без очков. Вероятно, он ожидал от Дроздовой хоть нескольких слов благодарности. Но женщина пачала с горького повествовании о том, как он ее изнасиловал. И — ни одного доброго слова. Нотом допросили Дроздову-мать. Она украсила покалания дочери трогательными подробностями и высказала крайнее возмущение поступками подсудимого. В конце мать потребовала от суда выдать сй в виде компенсации все конфискованное имущество алодея.

Берия слушал, закрыв лицо ладонями. Он плакал. Плакал не в последний раз на этом процессе. В кутансской тюрьме, почти четверть века назад, он тоже плакал, вымаливая прощение. И получил искомое. На что он рассчитывал теперь?.. Показания Л. Дроздовой включены в текст обвинительного заключения. В нем упомянуто и о том, что в 1944 году Берия болел сифилисом и, не закончив еще курс лечения, заражал случайных женщин. В связи с этим суд привлек его к уголовной ответственности по соответствующей статье

УК.

Кровавых фактов, всплывших на этом судебном процессе, хватило бы на несколько

романов ужасов. Но ведь многое осталось нераскрытым.

В конце семидесятых довелось мне встретить пожилого рабочего-сантехника, который участвовал в переоборудовании бывшего особняка Берии. Он видел, как из подвала вытаскивали кампедробилку, и узнал от охранника, что в этом подвале спускали в капализацию размельченные трупы убитых. Да, особняк был настоящей душегубкой, не только местом отдыха и работы хозяина.

Кабинет Берии с высокими, украшенными деревянной резьбои потолками помещался на втором этаже. На лестничной площадке — еще две двери, одна из них ведет в ванную комнату. Стены облицованы цветной плиткой, в глубине — белая ванна. Светло, просторно, есть выход на балкон. При жизни хозянна адесь стояла еще одна ванна, до краев наполненная серной кислотой повышенной концентрации. Такая кислота не испарялась и не могла повредить ни металл, ни змаль, аато органическое вещество растворялось в ней почти полностью.

Этот способ уничтожения следов был изобретси при Ежове агентами Лубянки.

Несколько лет назад иностранное посольство, которое выне занимает особняк, посстил старый охранник-пеневонер и показал место, где стояла ванна с кислотой.

Одним из последних вызвали в суд генерала Штеменко. Подручный Берии в роли свидетеля обвинения чувствовал себя крайне нсуютно. Тсм болес, что служба берисвского агента в Генсральном штабс уже получила документальное подтверждение. В зал он вошел белее мела, ноги враскоряку. Коневу стало так неловко, что он решил сразу же отпустить бравого генерала: «Вы подтверждаете показания, данные на предварительном следствии?» — «Да...» — «Благодарю вас. Вы свободны». И свидетель удалился той же невыразимой походкой.

На суде Берия ни разу не сослался на Сталина, хотя в его положении было бы естественно свалить хоть часть вины на главного режиссера. Можно думать, что прокурор и председатель суда, выполняя определенное указание, строго предупредили обвиняемых на сей счет... Долго они еще будут оберегать от скверны усопшего Диктатора. В сентябре 1955 года на судебном процессе в Тбилиси подручный Лаврентив Берии Николай Рухадзе позволил себе нарушить негласное табу. Генеральный прокурор Руденко возмутился: «Не смей свонми грязными губами уноминать святое имя товарища Сталина!» Это было сказано за несколько месяцев до разоблачительного XX съезда.

Казнили приговоренного к расстрелу в том же бункере штаба МВО. С него сняли гимнастерку, оставив белую нательную рубаху, скрутили веревкой сзади руки и привязали к крюку, вбитому в деревянный щит. Этот шит предохранял присутствующих от рикошета пули. Прокурор Руденко зачитал приговор.

Берик: Разрешите мне сказать...

Руденко: Ты уже все сказал (Военным.) Заткните ему рот полотенцем.

Батицкий: Товарищ командующин, разрешите мне (достает свой «варабеллум»). Этой штукой я на фронте не одного мерзавца на тот свет отправил.

Рудеико: Прошу привести приговор в исполнение.

Батяцкий вскинул руку. Над повязкой сверкнул дико выпученный глаз, второй Берия прищурил. Батицкий нажал на курок, пуля угодила в середину лба. Тело повисло на веревках.

Казнь свершилась в присутствии маршала Конева, прокурора, группы военных и члена суда Кучавы. Подозвали врача. «Что его осматривать, — заметил врвч, — он готов. Я его знаю, он давно сгнил, еще в сорок четвертом заболел сифилисом». Все же он взял

повисшую руку за кисть, взгляцул на лицо казнеиного. Осталось засиидетельствовать факт смерти. Тело Берии завернули в холстину и отправили и крематорий. Туда же отнезли останки казненных в тот же день на Лубянке шести подручных. Так бесславно в бетонном бункере закончилась жизнь одного из самых знаменитых в истории человечества вурдалаков.

«Праяда», 24 декабря 1953 года

В ВЕРХОВНОМ СУДЕ СССР

18—23 декабря 1953 года Специальное Судебяое Присутствие Верховного Суда СССР в составе: Председательствующего — Председателя Снециального Судебного Присутствия Маршала Советского Союза Конева И. С. и членов Присутствия: Председателя Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов Шверника Н. М., первого заместителя Председателя Верховного Суда СССР Зейдина Е. Л., генерала армин Москаленко К. С., Секретаря Московского областвого Комитета КПСС Михайлова Н. А., Председателя Совета Профессиональных Союзов Грузии Кучава М. И., Председателя московского городского суда Громова Л. А., первого авместителя Министра внутренних дел Лунева К. Ф. рассмотрело в аакрытом судебном заседании, в порядке, установленном Законом от 1 лекабря 1934 г., уголовное дело но обвинению Берия и других.

В соответствии с обвинительным заключеннем суду были преданы: Берия Л. П. по обяннению в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1 «6», 58-8, 58-13, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР, Меркулов В. Н., Деканозов В. Г., Кобулов Б. З., Гоглидзе С. А., Мешик П. Я., Влодзимирский Л. Е. по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьими 58-1 «6», 58-8, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Судебное следствие полностью подтвердило материалы предварительного следствия и предъввленные всем подсудниым обяниения, изложенные в общинительном заключении.

Судом установлено, что, изменив Родине и действуя в интересах иностранного капитала, водсудимый Берии сколотил враждебную Сояетскому Государству измениическую грунпу заговорщиков, в которую вошли связанные с Берия я течение многих лет сояместной преступной деятельностью подсудимые Меркулов В. Н., Деканозов В. Г., Кобулов В. З., Гоглидзе С. А., Мешик П. Я. и Влодзимирский Л. Е. Загояорщики ставили своей преступной целью использовать органы Министерства внутренних дел протия Коммунистической партии и правительства СССР, поставить Министерство япутренних дел над партией и правительстном для захяата яласти, ликяидации советского рабочекрестьянского строя, реставрации канитализма и восстановления господства буржуазии.

Суд установил, что начало преступной изменнической деятельности Берня Л. П. и установление им тайных связей с иностранными разведками относится еще ко времени гражданской войны, когда в 1919 г. Берня Л. П., находясь я Баку, совершил предательство, поступив на секретно-агентурную должность в разведку контрреволюционного муссаватистского правительства в Азербайджане, действоваящую под контролем английских разяедывательных органов.

В 1920 году Берин Л. П., находясь в Грузви, вновь совершил предательство, установив тящую связь с охранкой грузинского меньшевистского правительства, также являвшейси филиалом английской развелки.

В последние годы, вплоть до своего ареста, Берия Л. П. поддерживал и распространял тайные связи с илостранными разведками.

Став в марте 1953 г. министром внутренних дел СССР, подсудимый Берия Л. П., подготовляя захват власти, начал усиленно продвигать участников заговорщической группы на руководящие должности как в центральном аннарате МВД, так и в его местных органах. Берин Л. П. и его сообщики расправлялись с честными работниками МВД, отказавшимися выполнять преступные распорнжении заговорщиков.

В своих антисоветских изменнических целях Берия Л. П. и его соучастники предприняли ряд престунных мер для того, чтобы активнаировать остатки буржуазно-националистических элементов в союзных республиках, посеять вражду и рознь между народами СССР и в первую очередь подорвать дружбу народов СССР с великим русским народом.

Действуя как элобный враг советского народа, подсудимый Берия Л. П. с целью создания продовольственных затруднений в нашей стране саботировал, мешал проведению важнейших мероприятий партии и правительства, направленных на подъем хозяйства колхозов и совхозов и неуклонное пояышение благосостояния советского народа.

Установлено, что, скрывая и маскируя свою вреступную деятельность, подсудкмый Берия Л. П. и его соучастники совершали террористические расправы над людьми, со стороны которых они опасались разоблачения.

Судом также установлены преступлення Берия Л. П., свидетельствующие о его глубоком моральпом разложении, и факты совершенных Берия преступных корыстных деиствий и злоупотребления властью.

Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР постановило:

Приговорить Берия Л. П., Меркулова В. Н., Деканозова В. Г., Кобулова Б. З., Гоглидзе С. А., Мешика П. Я., Влодзимирского Л. Е. к высшей мере уголояного наказапия — расстрелу, с конфискацией лично им привадлежащего имущества, с лишением воинских званий и наград.

Приговор является окончательным и обжалованью не подлежит.

Вчера, 23 декабря, приведен в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР в отношении осужденных к высшей мере уголовного наказания — расстрелу — Берня Л. П., Меркулова В. Н., Деканозова В. Г., Кобулова Б. З., Гоглидзе С. А., Мешика П. Я. и Влодзимирского Л. Е.

Публикуя этот документ в центральной печати, все ли сказали его составители? Заговор с целью захвата власти, контрреволюционная деятельность, террор против честных партийцев, подрыв самой коммунистической нартии. Кажется, сказано все главное. Но это только кажется. В сообщении Верховного Суда названы лишь основные подручные Берии. Его соратники-коллеги Молотов, Каганович, Ворошилов, Микояи, Маленков, Швериик, Шкирятов, да и Щербаков с Сусловым впридачу остались в тени. А Никита Хрущев, столь энергично взявшийся за искоренение бериевщины, разве он не участвовал в массовом терроре на Украияе и в Москве, не пресмыкался перед сталинским фаворитом?

На протяжении ряда лет Берня возглавлял партийные организации Грузии и Закавказья, входил в состав ЦК и Политбюро. Ответственные партийные посты аанимали многие функционеры карательных органов, произошло сращение партийных верхов с тайным ведомством. Преступным оказался весь Центральный Комитет, отправлявший на казнь — волна за волной — своих членов. Он тоже подлежал суду, праведному народному суду. Вместе с усоншим Вождем, которому преданно служил Берия.

Вот о чем умолчали наследники Сталина. Здесь Берия уловил свой шанс. Признав випу в организации террора, оп решил сделать акцеит на своей половой распущенности. Войдя в роль кающегося грешника, Берия заявил суду: «Самым тяжким позором для меня как гра:кданина, члена нартии и одного из руководителей, является мое бытовое разложение, безобразная и перазборчивая связь с женщинами. Пат и мерзко и низко. Я настолько падший человек, что вам трудно теперь мне верить, а мне что-либо опровергать...»

Для того, чтобы вывести из-под удара собственные персоны, сочинители судебного постановления обвинили Берию в «тайных связях с иностранными разведками», которые он поддерживал якобы до самого дня ареста. Наслединки сталинской власти представили злодея в роли ининона. По этому поводу Конев позднее заметит: «Не был он никаким ининоном, зачем ему это понадобилось?..»

Они очень спешили, соратники Сталина, сообщинки Берии. Снешное следствие, да

и суд — экстреници, закрытый. И казнь без промедления.

Официальные сообщения в нечати, закрытое инсьмо ЦК, рассказы многочисленных жертв и очевидцев потрясли современников. Известный кинорежиссер Александр Довженко записал в своем дневнике. «Правая рука великого на протяжении почти двух десятков лет была рукой мелкого мерзанца, садиста и хама. Вот трагедия! Вот что заводится за высокими испроветриваемыми стенами. Тысячи агентов-дармоедов, расставленных на улицах и везде, где надо и не надо, в течение двачцати лет охраняли предателя Родины, партии... Что это? Кому же тенерь клясться в верности? Уже голона седа. И в сердце не утихает боль. Болит мое сердце, болит. Треть столетия клянусь... кому? Будьте вы прокляты, предатели, жестокие авантюристы!»

После того намнтиого процесса был еще не один суд над бериевцами. В Тбилиси в сентябре пятьдесят иятого судили Авксентия Папаву с подручными. Во время процесса его дочери Нила и Эка прятались в сарае, во дворе Дома культуры железнодорожников, и наблюдали через щель, как папу ведут под конвоем. Сейчас они называют верного слугу Берии жертвой жестокого времени... Берия был крестным отцом старшей дочери подсудимого. Имя дали ей в честь супругов Берия, Нины и Лаврентия,— Нила.

Берия умом не отличался. Всякий намек на интеллект он воспринимал как личную обиду, интеллигентов истреблял в первую очередь. Более всего он не терпел в людях гордое чувство собственного достоинства. Ремесло палача этот врожденный садист избрал не удовольствия ради, хотя на этом поприще ему удалось превзойти всех. Путь на самый верх лежал через горы трупов, но Берия не боялся трудностей. Он мнил себя «настоящим большевиком» вполне серьезно. Вполне, вполне.

Берии выпаля лихая судьба. Ему не дано было истребить всех сограждан. Эту трагедию он мужественно разделил со своим учителем и другом Посифом Сталиным. Зато оставшиеся в живых подданные проинклись, до кончиков ногтей пропитались духом послушания.

Не к этому ли конечному результату они стремились, Напа Большой и Папа Малый? В 1953-м были в ходу частушки, сочиненные Бог знает кем, скорее всего, илод фольклора.

Лаврентий Палыч Берия Не оправдзл доверияОсталися от Берия Лишь только пух да нерия.

Цветет в Тбплисв алыча Не для Лаврентий Палыча. А для Климент Ефремыча И Вячеслав Михалыча.

И анекдот передавали из уст в уста:

Стоят преступники в аду — кто в крови, кто в иламени горит. Данте обходит владения дьявола, видит: один из самых страшных негодяев стоит в крови лишь по колено. Удивился Данте, подошел, узнал Лаврентия Берию: «Почему так мелко, Лаврентий Павлович?» — «А я на плечах Иосифа Виссарионовича...»

Жизнь Лаврентия Берии естественно вписалась в зпоху величайшего насилия, когда реальная история, отринув Марксово учение, разделила население бывшей царской империн на две категории - налачей и жертв. Свое место Лаврентий Берия нашел сразу. Юношей избрав профессию охранника, он уже через двадцать лет достиг положения главного фаворита Диктатора. Чуткий на все подлое, низменное, он сумел раньше многих разгадать уголовную натуру Сталина и без особых усилий стать его двоиником. Для старшего убинство тоже являлось смыслом существования, способом самовыражения.

К своем последней черте Берия подошел в иятьдесят четыре года. В этом возрасте многие только приближаются к вершине, а он вон куда вознесся... Деятельность Берни не ограничивалась массовыми убийствами. Правда, ему удалось, вместе с генсеком, истребить почти всех дееспособных руководителей, заодно с ненавистными интеллигентами. Громил сельских тружеников, громил деятелей культуры. Отменный лицедей и демагог, он, как пикто иной, умел нагнетать атмосферу страха, доведя народ до состояния массовой истерии. Выселение из родных мест целых народов, реорганизация лагерной системы, насаждение тотального доносительства внутри страны — все это связано тоже с именем Берии, как и подрывная диверсионно-шпионская работа на всех континентах. Истинный профессионал, он увлечению участвовал в пытках-казиях «врагов народа».

Испокон веков охранники уничтожали праведников. Отправляя на Голгофу Христа. Понтий Пилат знал, кого убивает. При Сталине, при Берни коммунист резал коммуниста.

И никто тенерь не сыщет среди них праведников. На одного.

Суд над Берией проходил, как мы уже знаем, без адвоката. В этой роли выступила спустя почти сорок лет Нина Теймуразовна Гегечкори. Она убеждена в необходимости массового террора. В интервью, данном в нюле 1990 года, вдова Берли оплакивает не только мужа, во и его Хозянна, строителя социализма. Она номнит все, кроме того, что Берия переехал в Москву летом 1938 года и тогда же возглавил управление госбезопасности. «Мы переехвли в Москву в конце 38-го. К тому времени репрессии 37-го уже ушли в прошлое. Теперь вот ноявился человек, на которого можно повесить все грехи», - рассуждает Гегечкори. Если бы так думала только она...

Перечисляя политических деятелей, которые «боролись за счастливое будущее всех народов земли», Нина Теймуразовна называет Сталина и Берию. Пет, это не старческий маразм, в свои 86 лет она владеет свободно и мыслью, и речью. Вполне резонно замечает, что Берия не стремился заиять главный государственный пост: втирой грузин на троне это уже слишком. Покойный супруг был посителем высокой морали, дви и ночи проводил на работе. Разврат? — выдумки клеветников. Лаврентия окружали не любовницы, а многочисленные агенты, связь с этими женщинами Берия поддерживал лично, как шеф

разведки и контрразведки.

И еще один случай вольного обращения с фактами. Оказывается, первый секретарь ЦК компартия Грузии Л. Картвелишвиля «взял и увел» жену у чекиста Ернюва. Когда Картвелишвили сняли, она ушла от исго. Пеужто Нина Гегечкори не знала, что Картвелишвили замучили в тюрьме, а его жена Ольга Никитична провела в лагерях более 15 лет? И что устроителем этих экзекуций был не кто иной, как Берия?

Светлана Аллилуева и Евгений Джугашвили, пытаясь обелить Сталина, добавили к его

имени семейного позора...

Вершина достигнута, до кресла диктатора оставался, может быть, один шаг, но он-то

и оказался гибельным.

Короткая, насыщенная трудом жизнь. Он прошел ее рядом с Вождем, в совместных деяниях и радостях, часто опережая самые дерзкие аамыслы кремлевского пророка, по всегда чутко соблюдая дистанцию. Долгие годы Папа Большой и Напа Малый по-братски делили тяжкие заботы о благе народа. Но соблазн самодержавня слишком велик, они схватились над пронастью. Более ловкий взял верх и, не удержавшись на краю, последовал за первым. Кто подобрал их души, эти родственные души?

Со смертью Лаврентия Берин кончилась зпоха, которой трудно найти точное определение. Пожадуй, хватит проклятий иозорному прошлому. Будем благодарны тем, кто не

допустит повторения.

Виталий Кршишталович

ЛАБИРИНТ

Очерк

«Если мы не обеспечим своему народу более высокий жизненный уровень, чем в развитых капиталистических странах, то, спрашивается, какие же мы комму-

Н. С. Хрущев

Как-то в нашем овошном магазине эксперты запретили продавать партию свеклы. обнаружив, что витраты в ней превышают лопустимую норму в несколько раз. Когла я узнал о случлышемся и вспомнил, что покупал там накануне свеклу, которую в тот же день слопал в борще, когда я прикинул свои доходы и озлобляюще ясно понял, что колхозный рынок мне недоступен, вот тогда я и подумал — никто ис объяслит мле, почему на мой стол попадают отравленная вода и ядовитый хлеб, пока я сам все это не выясню,

Так я втянулся в расследование, имя коему лабиринт.

ОПАСНЫЕ ИНЪЕКЦИИ

Состояние сельского хозяйства в любой стране в любую зпоху служило очень точным. хоть и закодированным, отражением дел в этой стране. Все великие империи проилого прекратили свое существование после крушения собственной экономики. А ни для кого не секрет, что состояние здоровья и долголетие экономики полностью зависят от здоровья сельского хозяйства.

Развитие нашего сельского хозяйства напоминает мие историю, приключившуюся с одним знакомым, который после крушения нассажирского поезда спасал заваленных людей от подступающего огля. Этот далеко не богатырского сложения человек неретаскивал восьмидесятикилограммовые кресла бегом на вытячутых руках. Целый месяц после зтого он чувствовал себя превосходно, был весел, необычайно эцергичен. Но внезапно в несколько дней силы его истощились, и началась тяжелейшая пеирессия. Человек стал буквально разваливаться на глазах, превращаясь из молодого мужчины в пряхлого старика. Врач быстро определял иричину; сильнейший змоциональный накал во время крушения спроводировал в организме моего знакомого массированный выплеск гормонов. Они удеся терили его силы и затем некоторое время поддерживали жизнеспособность. Но вот затребованные сверх нормы гормоны подошли к концу, а для производства новых требуется время. В результате — крах. Вышисать гормональные препараты врач отказался получая искусственные гормоны, организм перестанет вырабатывать свои.

Наша страна тоже пережила затянувшийся период колоссального напряжения, связанного с правлением Сталина, войной, послевоенной разрухой. За все эти годы напряжения произошел монный выплеск политических, зкономических и культурных «гормонов». Этот выплеск помог победить в войне и быстро восстановить разрушенное хозяйство. Но вот гормоны были израсходованы, и в стране наступила депрессия — правление Брежнева. В это время нашу экономику принялись лечить инъекциями в виде экспорта сырья. Аналогичные процессы происходили и в сельском хозпйстве. Только искусственный гормои там был свой - минеральные удобрения.

Хрущеву понадобился большой скачок в производстве продуктов питания. Для любого политического деятеля «скачок» — штука весьма соблазнительная. Особенно если он планирует в ближайшем будущем построить коммунизм. Скачок обещала Целина. Но всякому понятно, что без удобрений земля родить не будет. Навоза на такие просторы —

Кримишталович Виталии Георгиевич (род. в 1957 г.) — публицист, прозаик. Публикуется в журналах «Звезда», «Аврора» и других. Автор очерков о проблемах экологии.

это было ясно с самого пачала — конечно, не хватит. Выход предложила химия. Широкомасштабное освоение целинных и залежных земель могло быть начато только в расчете на мощное производство минеральных удобрений. И как это давно вошло у нас в добрую традицию, увеличение производства минеральных удобрений тут же превратилось в кампанию под названием «химизация сельского хозийства».

Если подумать, то в начале всех наших великих свершений стояло слово: Электрификация, Коллективизация, Индустриализация... Перестройка. Слово объединяло миллионы людей. Ради него шли на смерть, терпели лишения. Слово дисциплинировало — вело к единой для всех цели, то есть формировало строй. Имея на знамени Слово, было проще бороться с противниками (научными, политическими, личными). «Ты против электрификации? Товарищи, он против того, чтобы народ жил в свете новой жизни! Он против народа! Ату его!» Строй, провозгласивший примат материя над пдеей, в своем идеологическом становлении скрупулезно повторил развитие официальных религий — вначале было Слово. И не суть, что оно означало — Бог или Коллективизация, — в том и в другом случае оно указывало дорогу в рай.

То же самое произошло в отношении Химизации — все как один на штурм! Не счита-

ясь ил с чем. И уж конечно, не слыша оппонентов.

Войдя в жизнь сельского хозяйства, минеральные удобрения разом превратились в его искусственный гормон, постепенно вытесияв органику практяческя изо всех регионов.

Широкое применение минеральных удобрений вызвало прежде всего разрушение главного богатства почвы - гумуса. Дело в том, что азот, фосфор, кальций, попадая в почву в минеральном виде, резко стимулирует деятельность бактерий. Те, в свою очередь, начивают питенсивно перерабатывать гумус, расщенляя органику. Результат — истощение почвы и падение урожаев. Как нодиять урожай? Выход — «поднять» дозы минеральных удобрений. А это значит новый круг истощения.

С начала применения химии в сельском хозяйстве дозы увеличились в пятьсот раз,

тогда как урожанность только вдвое!

Когда-то Инколай Владимирович Тимофеев-Ресовский в разговоре о распашке целинных земель говорил: «Если у вас ссть в запасе две с половиной тысячи лет, вы можете экспериментировать». Именно такой срок он отводил на восстановление гумуса. Ныпче в южных областях России ежегодно с каждого гектара пашин исчезает полтонны гумуса. И восстанавлявать его печем. Потому что химия в свое время пообещала отказаться от органических удобрений. И слово свое сдержала.

Надо сказать, что в прежинс времена к навозу и другим органическим удобрениям, представляющим собой исреглившую органику, земледельны относились с исподдельным почтением. Их применяли в Древием Китас уже во И тысячелетии до и. з. В Древием Риме паучились изготавливать компосты. Если полс все-таки теряло плодородис, рямляне знали, как его восстановить, — запахивали урожай. Сегодня, как и тысичелетия назад, это одии из исмногих способов восстановления гумуса. Примсиялся и другой — заболоченные пары. В нятом веке до и. э. люди империи Майя заболачивали «уставшее» полс с помощью специальных каналов, добиваясь таким образом роста торфяного слоя. Крестьяне Древней Руси задолго до крещения применяли пары и севообороты.

Обвинять в незнании исторического опыта руководителей нашего сельского хозяйства пиестилесятых годов, пожалуй, несправедливо. Всё они знали и всё понимали. Но минеральные удобрения обещали открыть новую эру в земледелии. «Что, поле истощилось? И вы хотите оставить его под пар? Безумцы — целое лето столько гектаров будет простанвать без дела. Удобрите это поле минеральными удобрениями, и плодородие восстано-

Постепенно применение минеральных удобрений превратилось в экстенсивную форму земледелия.

Вслед за почвой почувствовали на себе влияние минеральных удобрений люди. Вместс с ростом объемов вносимых в почву удобрений росла концентрация в продуктах нитратов. Попадая в организм, эта пакость нарушает код информационных ДНК, что ведет к нерегулируемому росту клеток (раковые опухоля), кроме этого, нятраты нарушают структуру гемоглобина крови.

ПРИКАЗАНО БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМИ

Кампания химизации нанесла удар еще по одному очень хрупкому природному механязму. Когда нашя деревни полнилясь богатой разнообразной жязнью и этих деревень было много, сельское хозяйство представляло собой систему естественно-искусственных биогеоценозов. То есть содружества минерального, растительного и животного миров. Вокруг каждой деревни располагались поле, луга, сенокосные угодья. Леса и рощи уберегали поля от эрозии, сохраняли влагу, наполняли воздух насекомыми, опылявшими посевы и сады, и фитонцидами. Насекомыми кормились птицы, склевывавшие ааодно и вредителей. Луга располагались вкруг полей, как правило, по берегам озер и рек и служили естественным препятствием на пути полезных веществ, выносимых с полей талыми водами и дождями. Еще Петром I был издан указ: «До уреза воды не пахать...» Наконец,

в тех деревнях не было проблем с органикой.

Хрущев решил максимально разгрузить сельского труженика от домашних забот, предостанив ему возможность для духовного совершенствования и самообразования. Средство для этого он выбрал простое, но эффективное — отобрал личный скот и дело с концом. У крестьян действительно образовалась масса свободного времени, которое они тут же заняли поисками еды — поскольку кормильцев отобрали. Без скотины неблагодарный народ нотек из дерении.

Вероятнее всего, Пикиту Сергееви ча но только и не столько беспокоил досуг крестьян, сколько приближающийся катастрофическими темпами коммунизм. Верный и последовательный ленинец, он понимал, что только освобожденный от мелкобуржуваной идеологии пролетариат сможет достойно встретить светлое будущее. Частнособственнические же инстинкты встанут на пути коммунистического завтра непреодолимой преградой. И пото-

му было вновь поднято знамя борьбы с проклятой частвой собственностью.

Спачала сталинская политика, потом война, пепосильные налоги создали предпосылки для уничтожения веками созданавшихся структур сельского хозяйства. Но деревия еще жила, загнанная в рабство беспаспортного существования. Хрущев освободял крестьян от унизительного положения. И параллельно с этим своей аграрной политикой сделал жизнь в деревие окончательно невыносимой, вызвав повсеместную миграцию в города.

Вряд ли можно допустить, что ни он сам, ил его советняки не понималя, что творят. Скорее всего яменно миграционный процесс и был конечным этапом в ях программе. Скоро в развитие этой программы появится, не к ночи будь помянутая, конценция Т. Заславской «Неперспективные деревни». На месте мелкоузорчатых ландшафтов с полем, речкой, лугом, рощей протянутся на десятки километров «бескрайние просторы», предназначенные для промышленного освоенин. Поднямутся в воздух мялляюны тоня бесценпой почвы — суперстратегического сырья, чтобы перемещаться с дорожной пылью я грнзью, развеяться но лесам, насть кормом для водорослей рек и озер. Заколосятся пыльные смерчи над распаханной цельной и разоренным Нечерноземьем.

Никогда бы Хрущев не решился отобрать скот у крестьян, есля бы не минеральные удобренняя. Он же нонимал, что неудобренная земля ничего не даст. Но навозу был найден искусственный заменятель. А что до скота, то его решено было также производить про-

мышленным снособом. К встрече «счастливого завтра» подготовились.

О КОРМУШКАХ

Естественно, что ночва истощается и в чисто природной системе. Но там эти процессы движутся чрезаычайно медлению, потому что в ирироде существуют механизмы восполнения потерь.

Азот забирают из воздуха и обогащают им почву азотфиксирующие бактерии, например те, что жинут на корнях кловера. Углерод поступает оттуда же — углекислый газ с помощью фотосинтеза преобразуется в ткани растений. Только фосфор не восполняется. Он попал в почву давным-давно из материиской породы, и теперь его из года в год, из века в век расходуют растения. Пока существовал круговорот органики и выращенные на ноле растения возвращались сюда в виде навоза, траты фосфора были минимальны. Минеральные удобрения вытеснили навоз и тем самым запрограммировали потери фосфора из ночвы. Минеральный фосфор в данном случае не подспорье — он быстро вымывается

Но, исчезая из почвы, фосфор не исчезает бесследно. Он перекочевывает в реки, озера и моря. Ученые Института озероведения АН СССР подсчитали, что ежегодно в реки и озера одного только Нечерноземья попадает больше шестисот тысяч тони фосфора. Попадая в воду, он продолжает там делать то, что делал на суше, — взращивать растения. Ему ведь безразлично, что кормить: пшеницу или сине-зеленые водоросли. Один грамм фосфора способен взрастить сто пятнадцать граммов водорослей. К слову сказать, в Ладожское озеро с полей и животноводческих хозяйств поступает до семи тысяч тони фосфора в год.

Обнесите небольшой лесок высоким непреодолимым забором и устройте в этом лесу великое множество кормушек. Пусть животные в вашем лесу буквально обжираются даровым харчем. Что произойдет? Уже лет через пять ваш лес переполнится всевозможным зверьем. По полянам будут рыскать толпы кабанов, все кусты будут забяты волкамя, по просекам вытянутся колонны несъеденных косуль и лосей, зайцам придется прыгать по веткам, потому что земля будет усеяна лисицами. Кормите таким манером лес лет пятнадцать, добейтесь неимоверной плотности животных, а потом резко прекратите кормежку, по забора не спимайте. Половина травоядных тут же перемрет из-за цехватки еды. Хищники скоро уничтожат вторую половину и вымрут следом. Лес переполнится тущами разлагающихся жизотных и громадными стаями воронья. Но лесные санитары не успеют справиться с подобным изобялием. Трупный газ и патогенные бактерии учичтожат пасет: комоядных птиц. Расплодившиеся вредители погубят деревья. Вот вам утрированная

модель бездумного вторжения в экосистему.

Примерно то же происходит в водоеме, куда попадает большое количество фосфора, — сказочными темпами разрастаются водоросли, ими питается зоопланктон, планктоном мелкие рыбешки, мелкими крупные. Чем больше жителей в водоеме, а водоросли тоже жители, тем меньше в воде остается кислорода. Первыми от кислородного голодания погибают крупные промысловые рыбы — им воздуха нужно много. В их отсутствие мелкие рыбешки плодятся совершенно безластенчиво, продолжают нарождаться водоросли, все больше потребляя кислород. Весь подводный мир нирует, быстро приближая конец жизни своего озера. В один «прекрасный» момент из-за нехватки кислорода в водоеме наступают необратимые процессы и гибель всего живого — озеро превращается в болото.

По статистическим данным число мертвых озер на территории РСФСР за последние двадцать лет составило три процента от всего количества. Немецкие ученые установили, что в восточных районах Германии последние пятнадцать лет заморы рыбы происходили в три раза чаще из-за загрязнения водоемов биогенами, чем из-за отравления ядохимика-

тами.

Сине-зеленые сами по себе доставляют массу хлопот людям — разлагаясь, они выделяют сильнодействующие яды из группы циановых. Поэтому сине-зеленые нельзя использовать, скажем, на корм скоту или в качестве удобрений.

С цветением воды связывают также холеру. Например, веньшки холеры Эль-Тор

в начале семидесятых годов, охвативние тридцать иять стран.

Самое скверное в отношении сине-зеленых состоит в том, что очистки воды от них малозффективна и необыкновенно дорога. Каждое предприятие, берущее воду из Днепра, тратит за месяцы цветения воды в среднем по сто восемьдесят тысям рублей только на борьбу с номехами в водоснабжении. И больше полумиллиона каждая ТЭЦ. Человек отбирает биогены у почвы и сбрасывает их в воду. Тем самым губит и почву, и водоемы.

Выясняя главные источники загрязнения воды биогенами, ученые установили, что больше всего нищи для водорослей ноступает из городов и животноводческих холяйств. Оказалось, что около семидесяти процентов нолучаемого в животноводстве навоза сбрасы-

вается в водотоки.

Как же так, цениейшее сырье, без которого нельзя получить богатый урожай чистой продукции, сырье, которое так ждут на полях, вместо того понадает в реки и озеращансь там в убийцу? Почему так получается? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вернуться в шестидесятые годы и пройти еще один коридор лабиринта.

об иждивенцах и кормильцах

Миграция в города превратилась в неуправляемый, а главное — в особратимый процесс. И неизбежно вызвала к жизни новую проблему: неподготовлениый, несбалансированный с возможностями регнона рост Города. И, колечно, проблемв проблем — снабжение продовольствием. Нодноз зерна наладили, а как быть с мясом, молоком? Стада и отары бродили далеко. Раньше существенным подспорьем служили частные хозяйства пригородных поселков, откуда ноутру тянулись в город подводы с бидонами молока и грудами кусков парного миса. Хрущевская политика извела мерзкое наследие буркуазного прошлого, очистив город от жадных до денег частников из пригородов, а заодно и от свежих продуктов. К тому же подоспело падение постанок мяса с крестьянских нодворий, потому как мясо это выращивать запретили. Подоспело вачение мясозаготовок в государственном секторе — миграционный процесс превращал крестьянны в горожанина, то есть из кормильца делал иждивенца. Впору было отменять скороспелые решения и возвращать — тогда это было еще не поздно — дереаню в прежнее состояние. Но «нет таких трудностей, с котчрыми не справились бы большевики», — не пристало идущям к светлому будущему возвращаться назад.

Примериваясь к точке зрения Хрущева и пытаясь постичь логику его поступков, понимаешь, почему он не мог отступить от принятого курса. «Железный занавсс» вечно висеть не мог. Рано или поздно он должен был приоткрыться. И тогда в страну неминуемо хлынул бы поток информации о жизни в других странах, что вызвало бы в умах чрезвычайно нежелательное брожение вредных мыслей. Пока сохранялась тепличная обста-

новка, нужно было во что бы то ни стало догнать и перегнать Америку.

Непроизводительный труд сталинских лагерей такого эффекта дать не мог. Только творческий порыв масс, в основном молодежи, ведомых идеалом (в былые времена Богом, теперь — коммунизмом), способен был совершить быстрый экономический скачок. Оттепель шестидесятых подняла мощный вал массового эптузназма (выплеск гормонов) — люди рвались на Север, на Целицу, на Дальний Восток, искрение ненавидели Америку, искрение верили в скорый приход коммунизма. На фоне всеобщего ликования, на фоне первых рекордных целинных урожаев, первых побед в космосе, на фоне эффектиых успехов во внешней политике не мог Хрущев пойти на попятную.

Решение светлых задач осложнялось еще и тем, что страна вступала в первую послевоениую демографическую «яму» — на производство пришло поколение, рожденное в военные годы. Особенно ощущался дефицят в этой возрастной полосе в районах недавних военных действий, то есть на западе страны — как раз в промышленном реглоне.

Нехватка рабочих рук на заводах, а не добрая воля руководителя, вынудила дать в руки крестьянину паспорт. Вернуть деревню к прежней жизни означало бы остановить

поток рабочей силы в промышленность.

Сталян преследовал те же целя, когда заменял в сельском хозянстве частника нидивидуалиста государственной артелью. Его преемник решял усовершенствовать эту артель, переведя ее на «промышленные рельсы». Что позволяло сократить чясленность работников и при этом выиграть в объемах продукции.

Решение мясо-молочной проблемы созрело у Хрущева, по всей видимости, во время его поеадки по США. Именно там он увидел хозяйства, специализированшиеся на промышленном откорме скота и производстве молочных продуктов. Такой способ как нельзя лучше внисывался во внутринолитическую стратегию Никиты Сергесвича.

Однако реализовались эти планы уже без участия Хрущева. В 1970 году в совхозе «Кузнецовский», что нод Москвой, вступил в строй первый советский животноводческий

комплекс

В нашей стране началась эра истребления пресной воды и вышел на новый виток процесс истощения почв.

что делать?

Потери гумуса яз-за роста городов объясняются н общем просто. Во первых, превратясь в горожанина, бывший крестьянин перестал вывозить по весне продукть своей жизнедеятельности в ноле, а начал пользоваться канализацией, откуда вышеназванные продукты устремляются мимо полей в реку, затем в озеро яли море. Таким образом в прярод-

ном круговороте органического вещества обрановалась первая брешь.

Строительство животноводческих комилексов, тоже следствие урбанизации, в сною очередь резко усилило и загризнение рек, озер, и разграбление ночв. Дело а том, что скотину на комилексах кормит преимущественно зерном. Зерном, выращенным вдали от комилекса,— в зерносеящих районах. На сотворение лтого зерна поле затратило силы—тумус. Для носноляения этой нотери почве необходимо вернуть взятое уже в виде навоза. Но если привезти издалека зерно еще аозможно, то проделать то же самое с навозом крайне затруднительно. Вопрос — куда его девать? Ответ — в воду. Чтоб поскорей утек — с глаз долой, из сердца вон. А потерю витательных вещести волю вернут минеральные удобрении, которые, в свою очередь, усилят дефицит гумуса и содержание питратов в продукции.

Понятно, что в отсутствие органики селяне, хочешь пр хочень, сыплют минералку. В XIII пятилетке производство минеральных удобрений будет унеличено вдвое. Только по Нечерноземью в ночну ежегодно будет вноситься три миллиона шестьсот тысяч тони.

Понятно, что это недопустимая ситуация, то есть ситуация, которую допустить никак нельзя, потому что мы все в таком случае просто-панросто перемрем. Пеобходимо во что бы то ин стало остановить процесс планомерного упичтожския жизни на нашей земле. Но как его остановить? Разумеется, восстановлением природного круговорота органического вещества.

Проще сказать. А сделать?

Первое, что приходит на ум,— вернуть деревию в дохрущевское состояние. На ум это приходит в первую очередь из газетных и журнальных публикаций, теле- и раднопередач. Они, как перепасыщенный раствор, сверкают кристаллами одной и той же и јеи — отдать землю крестьинину. Это решит все проблемы!

Может, и правда решит? Если человек станет хозянном своей земли, то и отношение к труду на этой земле у него станет хозяйское, то есть бережное и любвеобильное. Или не

так?

Начнем с чувства хозянна (хотя на самом деле чувствами всегда надо заканчивать). Вот я, к примеру, высаживаюсь в составе трудового десанта от завода (фабряки, НИП, вуза, треста ресторанов — не суть) в совхоз или колхоз, чтобы помочь (помочь, а не взять на себя) убрать урожай, например, картошки. Нашему десанту, как и водятся в таких случаях, отводят поле — уберете и уедете. Большинство из нас люди семейные, рвемся домой. Погода стоит мерзопакостная, с кормежкой неважно, бытовые услония, мягко говоря, скверные. Короче — созданы все условия для творческого бескорыстного энтузивама масс (возьмите у меня все, что захотите, только отпустите). Пренсполненные этих чувств, мы выходим на ноле и принимаемся за работу. На соседием трудятся рабочие колхоаа. В пять вечера их поле пустеет — рабочий день окончен. Нам же заканчивать работу преждевременно — здак мы до белых мух проторчим в условиях экстремальной романтики. Как быть?

Трактористы, что таскают но полю картофелекопалку и вывозят собранное нами на

сортировальный пункт, тоже заканчивают работу. Мы начинаем горячиться, раскручиваем запас краспоречия, призываем трактористов к крестьянской сознательности, говорим, что в былые времена крестьянии встречал и проножал солнышко в поле. Современный крестьянии щурит на нас схидный глаз и отвечает вполне резонно:

- Вы дома что вечером делаете? Телевизор смотрите? В шахматы играете? А мне после работы нужно корову подоять, поросенку корма наварить, кур в сарай закрыть, сено из копен с дальнего покоса перевезти и рядом с домом стожок сметать, огород докопать, дрова доколоть. Да еще нужно выспаться, потому что с утра вашу картошку конать. Себето я давио накопал. Есть у меня время солнышко в поле провожать?

Что ему ответить? Молча возвращаемся в отведенный под общесьитие барак и дрожим от холода до утра. Это к вопросу о чувствах, то бишь о крестьянском самосознании.

Но вот, говоря старомодным языком, появилось мнение, что если дать тому трактористу землю в личное пользование, то его чувства резко изменятся. Что ж, дело хорошее, но только аачем земля нашему знакомому трактористу — понять нельзя. Пусть он теперь зарабатывает на своен «Беларуси» сто семьдесят. Возьмет землю — станет зарабатывать тысячу или две, если, конечно, будет вкалывать, как западные фермеры. Но зачем ему эта тысяча рублей, есля купит он на нее столько же, сколько его сосед на сто? При этом он будет надрываться на поле от зари до зари, а сосед снокойно обихаживать свой огород, запасаясь на зиму дарами отечественной флоры.

Есть в разговоре о чувствах крестьянина и более существенная тема. Помните, как Екатерине II «открыли глаза» на проворовавшегося губернатора? На что государыня с улыбкой ответила: «Что тут поделаешь? Поставь на его место другого — еще больше воровать станет. А этот уже насосался». Может, она как-инбудь иначе свою фразу построила, меня при этом не было, но смысл остался прежним — речь шла о психологии временциков. Тех, что пришли «на час» и должны изять как можно больше, нока не погнали.

В последнее время ведется много разговоров о передаче земли в вечное или долгосрочное пользование частным лицам, о гарантиях необратимости этого процесса в виде закона. Не знаю, возможно, наших нарламентариев такой закон и устроит, но вот вопрос — устроит ли он крестьян? Поверят ли?

Капиталистическое общество дает гарантии предпринимателям самим своим основополагающим принципом — частной собственностью. Представьте, что случится завтра в Англии, если парламент объявит, что в стране отменяется частная собственность на основные средства производства? Да ничего не случится, потому что никто в это не повсрит. Тогда как наша страна имсст опыт подобных нертурбаций.

Каниталистическое общество все состоит из одного всюду проникающего, всспропитывающего, всепоглощающего принцина частной собственности. Начис же государство живст совсем по другим законам. И то, что в Англии акслома, для нас ис больше чем гипотеза. Пикто не сможет гарантировать нашему предпринимателю, тем болсе фермеру, что тридцать четвертый год не повторится.

Именно это обстоятельство и лежит в основс психологии начиего врсменщика. Если бы арендатор был уверен, что сможет спокойно обрабатывать свою землю, вкладывая в это большие средства, беря крупные, долгосрочные кредяты, то он и планировал бы свое хозяйство соответственно, и чувство к земле у него формировалось бы особенное — к род-HOMV.

Но если человек не до конца уверен в завтрашнем дне и все же берет аренду, то, значит, он это делает ради сегодияшней выгоды. Значит, он будет стремиться выкачать как можно больший доход с наименьшими затратами. А это писжде всего выбор удобрений, выбор кормовых добавок (например, паприн и гормональные добавки ведут к ускоренному развитию жявотных, к хорошям привесам — то есть к солядной выручке. По эти же добавки опасны для человека — откладываются в генной памяти, ослабляют мужские качества, влияют на материнские способности). Действия сегодияшнего временщика на земле — это прежде всего отказ от природоохранных мер, потому что меры эти чрезвычайно дороги и не дают сегодняшней денежной отдачи.

Конечно, нужно время, чтобы в людях ноявилась уверенность в завтрашием дне, в необратимости процесса. Для этого в условиях фермерского хозяйства должно вырасти новое поколение. Только эти, новые, люди будут по-настоящему уверены, что земля, на которой они родились, на которой они трудятся, - их собственность, ях кормилица.

Весь вопрос в том — есть ли у нас это время? И ответ на этот вопрос однозначен времени в запасе нет. За последние тридцать лет, то есть за время безудержного разгула кампании химизации, наши сельские труженики состарили почву на три тысячи лет. Потому что в наше время темпы уничтожения гумуса в сто раз выше, чем в чисто природной системе. За последние тридцать лет убыль гумуса составила: в черноземной эоне — от трети до половяны, в нечерноземной — половину всех природных запасов. По стране особенно тяжелое положение с плодороднем в Средней Азии. За последние двадцать лет на почв хлопкосеющих районов выхолощено восемьдесят процентов гумуса!

Если к процессу разграбления почв подключить еще и временщика, то страшно представить себе последствия этого шага. Времени на эксперименты не осталось.

По допустим, что я неправ. Допустим, что фермерство сегодия способио в нашей стране сотворить чудеса. Предположим, что знакомый тракторист взял падел земли, или ферму, и своим ударным трудом постарался обработать аемлю по всем правилам агротехники. Решится пря этом вопрос с круговоротом органического нещества, то есть вериется на поля навоз?

К несчастью, нет! Потому что для этого нужно иметь средних размеров ноле, а рядом ферму, а рядом луг, а рядом сепокосные угодья. А чуть дальше еще поля, и еще фермы... И так по всей стране. Ведь только для сохранения плодородия ночвы без каких-либо планов на урожай каждому гектару необходимо давать минимум десять тони навоза ежегодно. А ссли с этого поля еще и урожай требовать, то на гектар придется привезти тони тридцать.

Реально это? К сожалению, нет. Ибо устраивать эти поля, работать на этих фермах, жить в этих деревнях стало некому. И сегодня в Центральном Нечерноземном районе России вносят в среднем всего пять тони навоза на гектар пашии. Про южные области Нечерноземья и говорить нечего — в Орловской, Тульской, Рязанской норма впесения давно скатилась до 1,5-3 т/га.

Слишком мало осталось тех, кому в прежнис времена привычно было крикнуть:

«Выручай, мужики, родина в опасности!»

Придется признать, что этот путь в лабиринте тупиковый, надо вернуться и поискать другой. И прежде всего вспомпить об основных транжирах бесценного наноза — о городах и животноводческих хозяйствах.

ИСТОЧНИКИ ЗЛА

В городах проблема лежит на поверхности и решается теоретически просто. Канализация наших городов устроена таким образом, что стоки от жилых кварталов смениваются в одной трубе (коллекторе) со стоками промышленных предприятий и за время совместного путешествия под землей впитыаают в себя такое количество яда (органика чрезвичайно подвержена вредяому влиянию), что куда там использовать — не знают, как захоронить попадежнее.

Поэтому решение этой задачи простое — разделять каналязацию на промышленную я бытовую. Просто на словах. На делс это задача, которую в ближайшее время никто решать ис возьмется,

Один только Ленинград каждые сутки выдает около трех тысяч тони остроядовитой органики. Это без малого 1,1 млн. тони в год. Если бы она была чистой, то ее хватило бы для удобрения нятидесяти няти тысяч гектаров пашни ежегодно.

Все же в принципе эта задача решасма. А что в животноводстве? Ведь извество, что через эту отрасль сельского хозяйства только по Нечерноземью теряется органяки в пять раз больше, чем во всех городах этого региона, вместе взятых. Один свинооткормочный комплекс на сто пятьдесят тысяч голов аыдает такое же количество навозосодержащих стоков, как и двухмиллионный город. И все это течет в реки и изера, вместо того чтобы удобрять поля и пополнять занасы гумуса.

Итак, первые свинооткормочные комплексы Хрущев увидел в США. Идея его увлекла, по масштабы американцев показались слабоватыми. Известно, что самые крунные слоны водятся в СССР, ноэтому, думаю, никого не удявило, когда Сонетский Союз заказал итальянской фирме Джи-Э-Джи проект свинооткормочного комплекса аж на сто восемь тысяч голов и по откорму телят — на десять тысяч. До сих пор нигде в мире пет таких крупных фабрик по выращиванию мяса.

Итальянцы рады стараться. Отчего не позкспериментировать, благо на чужой земле, да еще за это деньги платят. Одним из существенных затруднений для проектировщиков оказалась уборка цаноза. Если на маленькой ферме свинарка справляется вручную, то ца колоссальном комплексе об этом не может быть и речи. Остроумные итпльянцы быстро нашли решение - смывать водой. По вот вопрос - куда девать смытое? Так называемые навозосодержащие стоки представляют собой бурую, вонючую, густую воду. Ни перевезти, ни в склад запереть.

По итальянскому проекту предполагались очистные. Их построили, но работают они преотвратно, совершенно не справляясь со своями задачами.

Может, оня я справились бы, есля б проектировщики из Джи-Э-Джи учли российскую специфику. Например, то, что русские свиньи выдают навоз, сильно отличающийся от навоза итальянского. Качество наших комбикормов такое низкое, что третья часть корма не усватвается свинским организмом, и двадцать процентов всех денежных вложений в животноводство «летит свинье под хвост». Это, в свою очередь, существенно влияет на качество очистки — бактерии, перерабатывающие в азротенках очистных станций органику, просто не справляются с непредусмотренным язобиляем, а заложенное в проект время на очистку изменить уже нельзя.

Не учли итальянцы особенности нашего климата. Что уж тут поделать, надо открыто признать, что у нас холоднее, чем в Италии. С этим связаны дополнительные сложности очистки. Степень ее зависит от скорости «размножения» бактерий, нереводящих органику в состав собственных клеток. И понять их можно — кому ж захочется плодиться на морозе.

Третья, возможно, основная наша особенность, упущенная итальянскими проекти-

ровщиками из виду, - человеческий фактор.

Как-то у нас в Ленинграде лет пятнадцать или двадцать назад в одном из таксомоторных парков решили установить телеконтроль. Надоело начальству выслушивать поутру о ночных происшествиях: на одном этаже драка, на другом пьянка, на третьем картежный притон, на четвертом публичный дом. Короче, решили со всем этим безобразием кончать разом — закупили импортную систему телеслежения и установили камеры на каждом этаже. Задышало парковское начальство ровно и спокойно, восстановился сон, вернулся аппетит. Но ненадолго. Как-то ночью подошел к телекамере дядя в ватнике, да не в лоб, а сбоку, откуда не видно, да саданул по всевидищему импортному телеоку отечественным ломом. Проделали это на всех этажах в одну ночь. И списали поутру сто тысяч золотых рублей на ночной сквозняк.

Как ни горько об этом думать, но приходится учитывать «дядю в ватнике» при разработке любого проекта, не говоря уже о закупке лицензий. Этого не было сделано при покупке проекта Джи-Э-Джи. И до сих пор ни один институт сграны не выпускает специа-

листов-эксплуатационников очистных станций.

В настоящее время четверть всего свиноводства страны переведена на промышленную основу, то есть свинооткормочные комплексы. Не так давно Минздравом СССР были проверены шестьдесят из них. На тридцати комплексах очистных не оказалось вовсе. Из числа имеющихся восемьдесят процентов работали отвратительно. Гланная причина: неграмотная эксплуатация. Пример для наглядности; в помещении аэротенков очистной станции (емкостей, где бактерии расщепляют растноренную в воде органику) «полетела» вентиляция. Новых моторов не достать. Сонхозное начальство вышло из затруднения просто и по-крестьянски мудро — распорядилось выпуть изо всех окон стекла, неределав таким образом вентиляцию на принудительной в снободно приточную. В помещении (это происходило зимой) резко упала температура. Результат — качество очистки ухудшилось вдвое.

Когда вспоминаещь, что один такой комплекс загаживает реку наравне с двухмиллионным городом, понимаещь всю серьезность подобных ошибок. Тем болсе, что крупные города в большинстве случаев расположились по берегам морей и океанов, а комплексы стоят вдоль пресноводных (питьевых) рек и озер.

САМЫЕ КРУПНЫЕ СЛОНЫ

Использовать навоз от комплексов трудно не столько из-за удалениости их от главной нивы страны, сколько из-за двух чрезвычайно серьезных обстоятельств: во-первых, из-за его петранспортабельности — 99,5 процентов воды. Во-вторых, из-за того, что навозосо-держащими стоками можно навредить почве не меньше, чем минералкой.

По первоначальному проекту предполагалось орошать ими поля. Но вот беда — промышленные центры, вокруг которых расположились животноводческие комплексы, находятся, как правило, в тех регионах, где орошение земли не требуется. Скажем, в Ленинградской области — тут осущать впору. Куда девать в таком случае? И как выходят на этого аатруднения на практике?

В поисках ответа на последний вопрос я познакомился с тремя ленииградскими комплексами-гигантами: «Восточным», «Новым светом» и «Спутником». Каждый из них

пытается освободиться от навоза по-своему.

«Новый свет» очистных до последнего времени не имел. Первоначально предполагалось, что весь навоз пойдет на производство компостов. Для этого при комплексе нострои ли компостную фабрику. Но выяснилось, что она всего объема стоков нереработать не сможет. Срочно построили вторую. Но и в этом случае всего объема получаемого навоза утилизировать не удалось. Каждый год фабрики перерабатывают в компосты сто шестьдесят тысяч тони стоков, тогда как за год их образуется миллион тони. Волей-неволей пришлось лить навозную воду в естественный реаервуар — выработанные чеки старой торфоразработки. Постепенно образовалось навозное озеро площадью свыше пятидесяти гектаров. А на берегу этого «озера» раскинулся поселок свиноводов. Про санитарную обстановку говорить не приходится. Пришлось совхозу построить очистные. И в «Новом свете» познакомились с новой проблемой — куда денать жидкий осадок очистных станций.

Эта проблема хорошо известна другому ленинградскому комплексу — «Восточному». Когда его проектировали, то, как видно, думали, что очистной станции вполне достаточно, чтобы вопрос утилизации осадков был решен. Но не тут-то было. Во-нервых, вода на выхо-

де из очистных все же требует доочистки. Во-вторых, осадок, то есть та органика, которую бактерии «вынули» из воды и перевели в состав собственных клеток, содержит 95 процентов аоды и по консистенции напоминает жидкую сметану (когда ее в магазине разбавляют кефиром). Куда его девать? Каждые сутки комплекс вырабатывает осадка восемьсот тони (тринадцать железнодорожных цистери). Пробовали выливать на поля соседних хозяйств, но тамошние почны дополнительного увлажнения не требуют.

Как быть? Времени на раздумья нет — станция выдает и выдает осадок. Махнули рукой и принялись лить все, что станция отфильтровала от воды, куда попало вокруг совхоза. Окрестные леса начали гибнуть. Дождями и паводками жижу размыло и унесло в речку Игиолинку, оттуда в Иеву, немного повыше южного водозабора Лешинграда — пейте, горожане!

То есть эффект очистки полностью аннулировался.

Самым крупным из ленинградских свинооткормочных комплексов является совхоз «Спутник». Стоит он поблизости от Ладожского озера, и вклад его в погубление легендарного озера колоссален. На комплексе работают очистные. Вода после них направляется на поля орошения, почва которых фильтрует ее от оставшихся биогенов. Далее вода по закопанному под полем дренажу скатывается в канавы, а оттуда в пруд-накопитель при насосной станции.

За годы эксплуатации почва на полях настолько переувлажнилась, что быстро теряет свои фильтрующие способности. Все это говорит о том, что подобная технология доочистки для Центрального и Северо-Западного районов Печерноземья явно не подходит.

И уже знакомая проблема жидкого осадка. И не менее знакомое решение — вывозят бочками за околицу и льют куда придется. В конечном итоге все отфильтрованные биогены попадают а Ладогу.

ЧАСТНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Итак, внезапный скачок урбанизации привел к спешному и непродуманному строительству животноводческих комплексов, которые теперь, в особенности свинооткормочные, губят все живое в реках и озерах, отравляют интьевую воду, а также способствуют истреблению гумуса в почвах. Где выход из этого тупика?

Как всегда, на ум просится простое, по действенное решение — позакрывать все эти фабрики мяса к чертовой матери, раздать скот крестьянам, распределить по мелким фермам, стелить под животных солому и вывозить по весне подстилочный навоз в поле.

«Мечты, мечты, где ваша сладость...» Если принять за маленькую ферму с единовременным содержанием одной тысячи свиней, то типовой комилекс вроде «Восточного» придется разделить на сто восемь таких ферм. Организовать, построить — куда ни ило, по где взять людей, которые стали бы работать на этих фермах? А ведь стовосьмитысячников у нас в стране сорок четыре штуки. Значит, придется организовать четыре тысячи семьсот интьдесят две фермы и столько же новых деревень, потому что ферма на тысячу голов не такая уж и маленькая и в старую деревню ее не впихнешь. У нас к тому же имеются десятки супергигантов на двести шестнадцать тысяч свиней, пятьдесят четыре тысячи, и двадцать четыре тысячи — этих аж двести девяносто два. Все это порушить? Но как ни крути — один только стовосьмитысячник дает в год двенадцать тысяч двести тони мяса.

Раз не удается их заменить мелкими фермами, то следует подумать о том, как свести вред, приносимый комплексами природе, до минимума. В чем же причина этого вреда? Гидросмыв? Вот его-то мы и отменим. А убирать будем вручную. Инчего, что больше придется поработать, зато и поля и реки выздоравливать начнут. Решение найдено...

Падо сказать, что этот подход вообще отличает нас — хватать те ответы, что плывут по поверхности, вместо того чтобы ноискать на глубине. На первый взгляд — действительно выход. По крайней мере, во всех научных институтах, во всех чиновничьих конторах, даже в хозяйствах, где я пытался найти ответ на вопрос: «Что делать?», мне отвечали: «Ликвидировать гидросмыв!»

И я уже почти уверовал в целительность этого предложения, как вдруг узиал, что в одном из свиноводческих хозяйств Ленинградской области — в совхозе «Романовский» — применяют гидросмыв. Известие поразило меня. Дело в том, что стадо «Романовского» размещено по мелким навильонам, где как раз никакого гидросмыва по идее не должно быть.

Уже на следующих день я шагал заснеженной дорогой к деревушке Лепсари, в которой расположились фермы самого дальнего и глухого отделения «Романовского».

Интерьер свинарника описывать не стану, все как обычно, — длинный, узкий, посреди проход, по бокам от него дощатые загородки — станки. Внутри все белено. При входе корыто с опилками.

Как только вошел, так сразу стал искать глазами средства уборки. И тут же нашел — по обеим сторонам прохода в полу были выдолблены длиной во всю ферму уакие желоба, из которых виднелись элементы скребкового транспортера. То есть механическая уборка,

никакого гидросмыва. Время было уходить. Но тут я разговорился с экскурсоводомместной работинцей Татьянои, чьим заботам меня поручили.

А как вы здесь навоз убираете? — все же не удержался я.

- Скребком, конечно.

— Странио, мне говорили — гидросмыв у вас.

— Как зто?

- Водой смываете.

— Так водои и смываем,— явно не понимая моей озабоченности, сказала Татьяна, скребком выгребаем из станков в транспортер, а по транспортеру гоним водой. Видите,

Только тут я обратил внимание на ржавую трубу, что тянулась на высоте человеческого роста над желобом транспортера. Возле входных дверей труба заканчивалась краном и свисавшим до пола резиновым шлангом.

Ничего не понимаю. Зачем смывать водой, если у вас транспортер есть?

 Так ведь, чудак человек, транспортер сам не справится, ему помочь надо. Если без воды, то он целый день навоз переталкинать будет. А так — милое дело, нальешь в канавку воды, навоз сам утекает. За фермой в земле бак здоровый зарыт. Поутру трактор с бочкой подъедет и выкачвет.

Что же, повсюду водой смывают или только здесь?

 Повсюду, — растерянно отвечала Татьяна, — и на других фермах, и в других отделениях. И в совхозах других. Я родом из Калининской области, так у нас тоже водой смыаают. Так проще и быстрее.

Вот так — оказывается, сегодия, вне зависимости от размеров свипарника, технической документации, навоз повсеместно смывают водой. И как ты гидросмыв ни запрещай,

пичего не изменитси, потому что так проще.

На крупном промышленном комплексе смытый навоз проходит через очистные, где от воды отделяется. Осталось решить проблему утилизации осадков, и все войдет в порму. Зато в средних и мелких хозяйствах никто биологическую очистку организовывать не станет - слишком дорого, да и опытных кадров там нет. На крупном же предприятии хорошую работу очистных в принципе можно органиловать хотя бы потому, что он на виду и его проще контролировать. А замени его на сотню мелких, и контроль исчезиет по-

Я уже не говорю об арендаторах. Много было сказано о исихологии временщиков вот вам и сфера ее действин. Неужели арендатор, взявшийси откармливать свиней, озвботится природоохранными мерами? Да и какие меры он в состоянии применить? Биодогическую очистку? Одна только эксплуатации типовой станции обходится в миллион рублей в год, да два миллиона звбирают поля орошения.

В былые времена под скотипу стелили солому. Смешиваясь с пей, навоз становился компостом. Пынче хорошо, если она есть. А если яет? Не станет же арендатор из-за соломы выращивать зерно. Гораздо проще смыть навоз водой. И пусть течет, куда хочет.

А хочется ему, как пазло, всегда в одном паправлении — в реку.

Казалось бы, логика подводит к тому, что падо искать способ утилизировать осадки очистных, ио... руководители лепинградских животноводов принили решение противоноложное: больше промышленных комплексов пе строить. Вместо этого запланировали к 2000-му году возвести двадцать семь свинооткормочных комплексов по четырнадцать тысяч голов в каждом. Без гидросмыва! Это значит — без очистных! То есть около трех тысяч тони навоза каждые сутки все равно будут смываться в реки и озера области.

Даже если произойдет невероятное и на всех ныне существующих и впредь проектируемых фермах перестапут смывать навоз водой, а будут вычищать из свинарников чисто механическим способом, даже а этом случае навоз на поля вернуть не удастся. Потому что сам по себе свипой навоз по копсистенции напоминает жидкий осадок очистных: 90-94 процента воды. То есть уже знакомые проблемы — далеко не повезещь, в склад не закроешь, в кучу не свалишь. Куда девать? Ответ первый — в поле.

Бесподстилочный навоз очень хорошее удобрение. Его применение может повысить урожай картошки вдвое. По крайней мере, так было на опытных полях ВНИУА им. Прянишникова. Но следует учесть, что на эти поля вносили жидкий навоз специальными машинами под почву один раз в год от ста двадцати до шестисот килограммов на гектар. Теперь прикинем: один десятитысячник выдает в год не менее тридцати тысяч тонн бесподстилочного навоза. Если вносить в почву по шестьсот килограммов на гектар, то вокруг такого комплекса необходимо будет распахать не мешее пятидесяти тысяч гектаров пашни. Целый год придется держать жижу в каком-то накопителе, а весной разом вывезти на поля специальными машинами, которые в остальное время будут простаивать без дела.

Может, рассредоточить комплексы по стране с таким расчетом, чтобы вокруг каждого располагалось не менее пятидесяти тысяч гектаров пашни? Эта шутка несмешная.

Выходит, использование бесподстилочного навоза, как это предлагают в пиституте

им. Прянишникова, переально. Во всяком случае, их опыт нельзя распространить на

страну или даже регион.

Что касается пеограниченного внесения жидкого навоза в почву, то этот путь испробовали на себе эстонцы. За четыре года применения навозной жижи в почве в три раза увеличилось количество грибов, вызывающих корневые инфекции и гниль растепий, а количество почвенных бактерий, нереводящих полемную для человека и растений амонийную форму азота в опасную нитратную, увеличилось аж в сто раз. Объясняется это тем, что в жидком навозе много биогенов, особенно азота, но мало клетчатки, из которой «полезные» бактерии строят свои клетки. Зато комфортны условия дли «вредных» питрофицирующих бактерий. Последние в конкурентной борьбе легко вытесняют «по-

Получается, что чем больше удобрять землю необходимым растениям амонийным азотом, тем больше в почве будет иакапливаться опасных нитратов. Настоящий крестьянин никогда свежий навоз в землю не кинет. Обязательно перемещает с соломой и даст года два вылежаться.

Компосты, или, как их еще называют, «подстилочный навоз», совсем другое дело в них много клетчатки, и потому в борьбе за выживвшие выигрывают «полезные» бактерии, вытесняя «опасных». Поэтому подстилочный навоз можно вносить бел ограничений. Чем его будет больше, тем больше, в конечном итоге, образуется гумуса.

Итак, выход из тупика — изготовление компостов из жидкого навоза.

Правда, соломы, как мы уже говорили — в Нечерноземье мало, поэтому сегодня повсюду, где это возможно, компосты изготавливают из торфа. Это прежде всего Урал, российский север и северо-запад.

Хорошо это или плохо?

ЛЕТУЧИЕ СОКРОВИЩА

Это не плохо — это ужвсио! Это... Это черт зиаст что!

Что такое торф? Не говоря о топливе (сжигание торфа решено прекратить к 2000 году), торф — это дешевые кормовые дрожжи. Это воск. Это восемьдесят видов высококачественной нарфюмерии и косметики. Это фармакология. Это грязелечение. Это, в конце концов, Шотландское виски, которое, чтоб вы знали, уже давио изготавливается из торфа. И многое, многое другое.

И все перечисленное тоже плохо. Потому что торф особенно хорош там, где лежит.

Торф — это болота. О них стоит рассквзать подробнее.

Начнем с малого — на болотву растет клюква. В СССР собирают около сърокв тысяч топи этой ягоды. Одиу топиу клюквы нам обменивнот на внешнем рынке на четыре топиы пшеницы. Я берусь утверждать, что нас бессовество обдирают - клюква стоит дороже. Причем, обратите внимание, — не надо ее возделывать, удобрить, гонять технику — болото само родит, приходи и убирай.

На болотву СССР живут тридцать видов лекарственных растений. Подсчитано, что

только эта статья дохода от болот превышает все доходы от мелиорации.

На болотах самый стабильный, независимый от погоды медосбор.

Только на северо-западе в болотах живут десить видов животных и птиц, занесенных в международную Краспую кпигу. Каждая такая популнипя оцепивается в тридцать два миллиона долларов.

Болота — родина большинства рввнииных рек. Высушивая их кусок за куском для того, чтобы распахать или вытащить оттуда торф, мы, тем самым, снижаем полноводность

рек.

Болота — это самый, самый, самый лучший фильтр атмосферных осадков. В наше время — время радиоактивных и кислотных дождей — подобные способности болота просто неоценимы.

Болота — самая мощная кислородообразующая система на земле. Гектар тайги или амазонской сельвы ничто в сравнении с гектаром болота по способности производить кислород.

И наконец, самая важная роль болота — круппейшее хранилище мировых запасов углерода. В торфиниках земли законсервировано 300×10^9 тоин углерода. Это сорок

процентов атмосферных запасов.

Чем больше разрабатывается торфяников, тем больше углерода переходит в углекислый газ и возпосится на небо. Ведь торф — чистан органика, то есть деликатес для почвенных бактерий, простейших и беспозвоночных. Он может пролежать в кислой среде болота миллионы лет. Но стоит торф поднять, осущить, пустить в его разрычленные толщи воздух, как вся почвенная братия набросится на него, быстро расщепляя торфяную органику на минеральные составляющие. Этим и объясияется, казалось бы, поразительный факт — поле, организованное на осущениом болоте, со временем опускается. Такие поля зв последние семьдесят лет в Новгородской области опустились не много не мало на метр! То есть по одной только Новгородской области миллиарды тонн торфа исчезли —

улетели а воздух, увеличивая парниковый вффект. В регионах с более благоприятными климатическими условиями скорость исчезновенин торфа достигает деснти сантиметров а год!

Все это говорит о том, что разрабатывать болота, осущать их, поднимать торф — глупо и преступно. Американский экономист Ларсен подсчитал, что прибыль, которую приносят болота штата Массачусетс а саоем естественном состоянии значительно превышает прибыль от их разработки и колеблется, а аваисимости от конкретных условий, от интисот до пятидесяти восьми тысяч долларов с одного акра в год (примерно шесть садовых участков).

У нас подобные расчеты тоже имеются, ио только они иепопулярны. В СССР добывается около двухсот миллионов тоян торфа а год. Из них шестьдесят миллионов тут же сжигается а топках. В одной только Ленинградской области аосемнадцать торфопредприятий.

Если здравый смысл все же возобладает над бездушием (а он таки возобладает, хотя бы под натиском общественной мысли других стран, напуганной приближающимся парниковым эффектом), а этом случае торф а нашей стране разрабатывать прекратят.

Это значит, что единственный отработанный прием утилизации осадков и жидкого навоза а животноводстве отпадвет. Хоть микроскопическая часть павоза, но все же возвращалась на поля с торфяными компостами. Как быть, когда торфяники трогать запретят?

БАМИЛ

Вериемся еще раз к исходной. Главный недостаток осадка с очистных или свежего навоза состоит а том, что он жидкий. Из-за этого его невозможно перевозить на большие расстояния, долго хранить. А что, если его высушивать?

Именно эта мысль пришла а голову заведующей лабораторией Всесоюзного института сельхолмикробиологии ВАСХНиЛ, кандидату биологических наук Архипченко. Ученым лаборатории Ирины Алексаядровны поручили наладить работу очистных «Восточного». Они справились с заданием настолько успешно, что вывели очистку в этом хозяйстве на уровень лучших а стране. Но все усилия сводится к нулю: некуда девать осадок.

Группа Архинченко предложила осадок высушивать и вносить в аемлю как органическое удобрение. Назвали это удобрение «бамил». На делянквх института провели опыты, и вот что оказалось: урожай картошки на делянках, удобренных бамилом, в полтора раза выше урожая с делянок, куда аносили минеральные удобрения. Содержание крахмала в клубнях увеличилось на пять процентов, антамина C-B два раза. Но что самое цен пое — количество интратов составило всего 5 мг/кг, тогда как предельной нормой для картошки установлено 240 мг. Еще три-четыре года назад пределынан норма равнялась восьмидесяти миллиграммам, но постоянно увеличивающиеся дозы внесения минеральных удобрений и ядохнмикатов приводят к постопиному росту концентрации нитратов в продуктах. В министерских кабинетах с этой проблемой справились быстро — подинли планку предельных норм атрое. Тогда как с применением высущенного осадка эта проблема отпадет вовсе -- выращенная на нем продукция будет чистой. У бамила хорош и эффект последействия — дав-три года после внесения урожай по-прежнему держится высоким. Бамил улучшает агрохимические свойства почвы, а также биологические в пробах мочвы, обработанной бамилом, обнаружено а четыре раза больше бактерий, чем а пробах с минеральными удобрениями. Высушенный активный ил удобно фасовать в мешки, хранить, перевозить на большие расстоянин.

Казалось бы, все проблемы решены, лабиринт пройден, активный ил очистных станций — великоленное удобрение. С его помощью можно добиться возаращения навоза на поля. Кроме того, можно а три раза сократить применение минеральных удобрений — это не только оздоровит продукцию, но и даст огромный экономический эффект, откроет путь к обеспечению страны мясом — ведь нынче у нвс эта задача под силу только промышленному животноводстау. Разработки Института сельхозмикробиологии позаолят обратить врага а друга и открыть для промышленного животноводства широкие перспективы.

Микробиологи сделали свое дело — исследовали, разработали, убедительно доказали. Что дальше? Дальше заключительный аккорд — аысушить осадок, расфасовать его а мешки, разаеэти по хозяйствам. Через год подсчитать эффект от применения. Затем про-изаести окончательные экономические расчеты, составить ТЭО, и можно аходить а правительство с предложением промышленного освоення.

Но... Не тут-то было. Сухой актианый ил существует только а институтской лаборатории. И сушат его а сушильном шквфу. На комилексах он по-прежнему а нетраиспорта-бельном аиде. Лабораторные опыты никак не могут перешагнуть барьер на пути к промышлеяному испытанию из-за того, что никто ие берет на себя сушку.

Как странно — вот он, выход из лабиринта, и дверь открыта, а не выйти.

Сегодня для успешного зваершения этого крайне аажного исследования необходимв поддержка не только соахозв «Восточный», но асего кабинета министроа. Но ее нет. И по-

ка ученые пытаются доказать различным вистанциим перспективность своего методв, Лепагромпром махнул на них рукой и приступает к строительству трех десятков комплексов, где уже не будет биологической очистки, а следовательно, возможиости производить бамил. Зато уветичатся потоки жидкого навоза а реки.

БОРЬБА МИРОВ

Пытаясь пайти ответ на вопрос, почему лабораторию Архипченко держат на голодном пайке, и почему-то считал, что Институт сельхозмикробиологии молод и потому пока еще не успел отвоевать себе необходимого жизпеппого пространства. Каково же было мое удивление, когда и узнал, что речь идет о старейшем научном учреждении страны. Еще в XIX веке была организована лаборатория борьбы с вредными насекомыми и грызунами бактериологическим способом. В 1923 году из лаборатории вырос отдел сельхозмикробиологии при Госинституте опытной агроиомии. В 1930 году на базе этого отдела возник самостонтельный пиститут, первым директором которого стал замечательный советский ученый вкадемик С. П. Костычев. Такая быстран эволюцин лаборатории в целый институт указывает на стремительное развитие биологической науки в те годы. Пока ... Нет нужды перескалывать трагическую судьбу отечественной биологии, она теперь широко известна.

К тому времени, когда Хрущеву понадобилси «скачок», биологическая наука попрежнему оставалась в загоне и потому не смогла доказать опасность для природы, а значит и дли человека, неподготов јешного, резкого роста урожаев.

Зато это пообещала химия. Ей в руки и отдали каргы. По биологии тем самым быз напесен еще один мощиейший удар — за годы безустовного приоритета представители химического комплекса страны расширили и укрепили свои позиции в сельском хозийстве и ВАСХНиЛ. И теперь, занимая ключевые посты, они могут беспрепятственно управлять всем комплексом сельскохозийственных наук сообразио своим критериям, представлени ям и привязаниюстям. Да и как же может быть иначе, если весь огромный, неповоротли вый, чрезвычайно влиятельный в политической сфере химический комплекс страны больше половниы всех своих доходов получает от производства минеральных удобрений. Отказаться, хотя бы частично, от производства и дохимикатов или минеральных удобрений — значит упустить из рук власть.

Подтверждение этой своей догадке и неожиданно нашел в ныне переименованном Госагропроме в Москве. Сотрудник зкономической службы пожаловался мне:

— Какой-то дурак пропустил преппрат Кандыбина, и тенерь хозяйства отказываются от пестицидов подавайте им кандыбинские бактерии. Вы не представлнете, какие убытки попесут упинческие заводы, если бактерицидные средства распространится по всей стране. Это будет экономическан катастрофа!

Речь иля о препаратах доктора бпологических наук Николан Васильевича Кандыбина. Его бактерии песравненно успешнее справляются с вредительми и грызунами. Всдь к хи мии у грызунов и насекомых вырабатывается иммунитет, из-за чего приходится год от года паращивать дозы внесенин пдов. Тогда как к бактериям полевки или паутинный клещ привыкнуть не могут. Продукции после обработки растений бактерицидиыми средствами чистая и безопасиая. Почве от нее пикакого ареда. Но есть вред химическим заводам. Этим, должно быть, и обънсияется то, что за многие годы своего существования бактерицициые средства борьбы так и не попали в крестьянские руки.

Зато более чем льготными условинми поощряли применение химикатов. Ровно полови ну стоимости этих идов государство оплачивало за козяйства в виде дотаций.

Это не первый и, к несчастью, не последний пример того, как сельское хознаство, крестьинский вопрос становится в руках группы людей средством достижения сиюминутных политических целей. На всем протижении развития нашей страпы (не только послеоктибрьского периода) сельское хозяйство использовали в качестве орудия а борьбе между государственной властью и оппозицией, между оппозиционными группировками, при разделе власти чежду партиями и так далее. Властители разных времен жонглировали крестьянским вопросом, укреиляя собственную власть.

Чем более обострилась политическая ситуация в стране, тем больнее это сказывалось на крестьинском вопросе. Нынче режущие грани политических проблем как никогда больно задсвают деревню. Ведь всякое политическое обострение усиливает в первую очередь экономические трудности. Во все времена их решали с помощью строжаишей экономии. То есть в первую очередь с помощью отказа от нерентабельных отраслей. Сегодня это прежде всего отказ от природоохранных мер.

Но в отличие от иных периодов истории наше время не дает возможности для экспериментов. Мы подошли к краю. Наша земля близка к упичтожению. Необходимо просто немедлению приступить к восстановлению природных систем. И прежде всего круговорота органического вещества. Если этим не заняться сейчас, то уже в ближайшем будущем, то есть на глазах наших детей, жизни на шестой части суши не останется.

Но дли процесса экологического выздоровления необходим политический поком.

Александр Вампилов

ДВА РАССКАЗА

Этот черный старый чемодан с двумя металлическими замками всегда при жизни Саии был дли меня тайпой. Зпаю, что в середине питидесятых оп приехал с ним в Иркутск из Кутулика поступать в университет. Зпаю, что позже, когда чемодап отслужил свой вояжный срок, в него складыванись рукописи, по что там было еще, можно было только догадываться.

Из Кутулика же был привезен нервый Санип письменный, сработанный поселковым умельцем стол. с выдвижным ящиком носередине, обтинутый сверху черпым же кожемитом, весь в кляксах и потертый, — ведь за янм занимались все четверо детей учительской семьи Вампиловых. В ящике была чистая бумага и рукоппсь писавшейся тогда первой большой пьесы «Ярмарка» — «Прощание в июне».

Чемодай, стол, венский стул, гитара и много книг, сложенных прямо на пол за неимением книжных шкафов, — вот та обстановка, в которой жил Вамнилов. Как давно это было!

С годами мало что менялось, разве только стулья, которые были принесены в подарок его друзьями на новоселье. Стульев было много, они были снисаны Союзом нвсателей, что оказалось аесьма кстати. Шествие это от трамвайвой остановки до нашего дома было впечатляющим. Жизнь была бедная, но счастливая. Все были молоды, талантливы, и бедпость не была пороком. Большим событием стали стеллажи, сделанные для Сани столяром Иркутского драмтеатра. Наконец-то книгв были расставлены по полкам, и можно было быстро найти нужвую. И онять это был праздник. По мере того, как ставились по провпициям две ньесы — «Прощание в июне» и «Старшив сып», появились пеньгв, были розданы долги, в в Савином кабинете установили новый стол, серьезный, с двумя тумбами, а старыв — был сиесев им самим на улицу. разбит и сожжев.

Потом случайно была разбита гитара, что было для него огорчительно и больно. А играл он на ней удивительно. Сколько вечеров было связано

с ней, с всполнением романсов, песен, начиная с модного тогда Окуджавы и заканчивая любимой им «Элегией» Дельвига. Играл серьезно, подолгу, оттачивая мастерство. Он любил гитару, любил глубоко и серьезно. Он все и всех любил. да иначе было невозможно, верно, потому, что не было человека более любищего и понимвющего жизнь и людей. Думаю, что с этим согласятся его друзьи, которым он был верен до концв, - все, что касалось друзей, их проблем, их жизни, было для него свято. Осталось ощущение радости от того, что он стольких любил, стольким помогал. столько успел сделать добра, как бывает у тех, кому мало суждено прожить. Я ни разу ни до, ни после его смерти ни от кого никогда не слышала фразу, над которой, когда он ее произнес, не задумывалась: одиноких мне всегда жалко. Залумалась потом...

Вспоминать о пем трудно, потому что, и мы так привыкли, любые воспоминания должны неств в себе его мысли, его слова, его поступки, его облик, чтобы в них он был живым человеком.

Я все хотела нонять его, но по молодости и, увы, по глуности как-то казалось — успею. Еще вемиого и нойму. Трудно приходить к пониманию его тецерь, когда я стала старше его. Только созванве того, что ты прошла несколько лет рядом, что тебе от этого светло и радостно, — и есть счастье.

Счастье, как сказка, быстро коичается. Не стало Сани, а осталось так много — в общечеловеческом нойимайни, в том, что он дал своим читателям, зрителям, и так мало — осязаемого, веществейного. Остался черный старый чемодвн с его записными книжками, вариантами пьес, письмами друзей, иесколькими рисункамв и небольшими рассказами, ноднисанными его студенческим псевдонимом — А. Санин. Рассказами, которые он не опубликовал, но ночему-то и ие уничтожил, которые предлагаются не на суд, а только на знакомство. В них он молодой, по-юношески романтвуный, искренний, и все у него еще впереди.

Ольга Вампилова

чужой мужчина

Больше двенадцати часов в сутки не удается поспать даже нассажирам. Петр Васильевич с досадой хлопнул по матрацу и сел у окна. За окном один за другим менялись пейзажи, но Петр Васильевич был не мальчиком, едущим по железной дороге в первый раз. Он спова лег, закинул руки за голову и с ненавистью взглянул в потолок.

«Хоть бы сел ко мне кто-нибудь в купе, что ли», - подумал он.

Петр Васильевич Голубев возвращался в свой город после двухмесячной командировки. В командировки Петру Васильевичу приходилось ездить часто, но особенно он любил обратную дорогу. Домой он возвращался всегда веселым, свежим, вез с собой подарок жене и пару старых анекдотов и острот, услышанных от новых знакомых. Новые знакомые всегда рассказывали старые анекдоты.

Подарок и анекдоты были и в этот раз, но настроение было такое паршивое, как будто у него только что вынули из кармана двести рублей. Петр Васильевич занемог болезнью довольно редкой и большей частью легко нерепосимой — угрызениями совести. Он не изнурял себя этим недугом по пустякам, для этого нужна была какая-то серьезная причина. Такая причина была. В эту поездку Петр Васильевич в первый раз изменил своей жене.

Женился он пять лет назад, будучи студентом и будучи влюбленным. Спокойный и немного замкнутый, он был эти пять лет верен и тих и вот вдруг неожи-

данио свихнулся.

«Изменил самым подлым образом. Изменил кому? Вере, моей Вере. Такой чудной женщине, такой любящей жене. Ловелас! Гусар! — думал Голубев, ожесточенно раскуривая напиросу. — Как я буду смотреть ей в глаза? Обманывать ее... Это единственный человек, которому я не мог... не смел лгать, и вот... Как же это? Ведь я ей теперь в сущности совсем... абсолютно чужой мужчина».

«Чужой мужчина...— повторил Петр Васильевич вслух, вскочил и стал смотреть в окно, инчего в нем не видя.— Пожалуй, я признаюсь ей во всем. Она

умная и нежная. Она простит меня...»

Здесь Голубев заметил наконец, что поезд остановился в небольшом новом городке, что дело к вечеру и до дома осталось три часа езды. За окном, вдоль вагона спешили навьюченные багажом люди с испуганными лицами. «Зачем они бегут? Ведь все равно все сядут. Особенно суетятся женщины», — подумал Петр Васильевич и стал следить за хорошенькой девушкой, которой быстро бежать мешала узкая юбка. Наблюдать за ней было смешно и весьма любонытио.

В это время дверь в купе Петра Васильевича отворилась легким и решительным движением. Голубев повернулся. Перед иим стоял незнакомец с небольшим чемодаичиком в руке и плащом, закинутым через плечо. Ему, как и Петру Васильевичу, было лет тридцать с лишним, но он был гораздо выше и молодцеватее. Под пиджаком он имел рубаху — «дикарку», на голове прогрессирующая плешь изящно прикрывалась темными волосами, зачесанными со лба иазад, щеки гладко выбриты, штиблеты совсем еще не старые и хорошо вычищены. «Вот, накопец и попутчик! Да, кажется, интересный». Петр Васильевич улыбпулся и сделал шаг навстречу. Незнакомец поставил чемодан, бросил на полку плащ и, подавая руку, улыбнулся тоже.

Добрый день! Скороходов.

- Голубев.

— Очень приятно,— сказал Скороходов, усаживаясь у окна.— Через три часа мы будем в H-ске. Вам туда же?

— Да,— ответил Петр Васильевич, подсаживаясь к долгожданному собеседнику,— еду к жене.

К своей? — весело спросил Скороходов.

— К... своей. А почему вы спрашиваете? — забеспокоился Голубев. Скороходов ударил по самой дребезжащей струне его души. — Разве похоже, что я могу ехать к чужой жене?

— Нет, что вы! — отвечал Скороходов, снимая пиджак.— Это н, видимо, пошутил. К чужой, к своей — это все равно. К чужой приятнее. Давайте лучше

закусим.

Он полез в свой чемодан и достал оттуда ветчину, хлеб и бутылку вина.

— Еще древние философы говорили, что человек живет для того, чтобы пить и закусывать, — говорил Скороходов, разливая вино. — Эта блестящая мысль не потеряла своей актуальности и по сей день. Выпьем! «Снова я пьян — снова я счастлив!» — говорил мой знакомый поэт.

«По-моему, он интеллигентнее меня, — подумал Петр Васильевич с уважением. Он повеселел, но мысль о совершенной им измене никак не улетучивалась из головы. — Интересно, как относится к этому, например, этот вот человек?» — думал Голубев во время разговора о ценах на вино и железнодорожные билеты.

Попутчики донили бутылку, закусили, закурили, и Петр Васильевич, пустив

перед своим лицом большой клуб дыма, вдруг спросил:

- Скажите... Вы никогда не изменяли своей жене?

Скороходов поднял брови, остановил руку с паниросой в воздухе и, с недоумением всматриваясь Голубеву в глаза, проговорил:

— Что?

Вы никогда не изменяли своей жене? — нервно повторил Петр Васильевич.

Тогда Скороходов расслабленно махнул рукой, откинулся к стенке и вдруг

рассмеялся громко и раскатисто, заглушая стук колес.

- Что это... ха-ха-ха... что это вам взбрело? едва смог спросить он между приступами смеха. Скороходов, что называется, «ржал» и «ржал» так, что Петр Васильевич, глядя на него и не понимая себя, засмеялся тоже, сначала глухо и отрывиего, потом громче и смелее. Ему вдруг стало совсем несело.
- Вот уморили! проговорил Скороходов, наконец унимаясь и вытирая лицо платком,— ...своей жене! Ха-ха! Вы ужасный фантаст.

- Да я пошутил, - соврал Голубев.

- Вы, наверное, открываете музей нравственности, и вам некого экспонировать,— продолжал Скороходов.— Я вам сочувствую, но ничем помочь не могу. Я умею выдввать себя за верного мужа только своей жене. Вы все равно мие не поверите.
 - А жена вам верит? спросил Петр Васильевич.
 - Конечно. Это одна из ее супружеских обязанностей.

— Hо.:.

- Никаких «но». «Любовь не вздохи на скамейке». В любви, как и везде, надо уметь пользоваться правами и уклоняться от обязвиностей.
 - «А ведь он гораздо интеллигентнее меня», снова подумал Петр Васильевич.
- Жениться приходится только для того, чтобы иметь законных детей,— говорил Скороходов,— женщине трудно сохранять верность, мужчине смешно...

И Скороходов небрежно и цинично стал говорить о женщинах, излагая при этом взгляды отпетого алиментщика. Развеселившийся Петр Васильевич вторил, поддакивая, рассказал пеприличный анекдот и между прочим с насмешкой и пренебрежением произнес:

- А ведь некоторые остаются все же верными мужьями.

Фантасты, мой друг, фантасты, — отвечал Скороходов, поднимаясь и надевая пиджак.

Уже стемнело, за окном запрыгали огни приближающегося города. Скорохо-

дов, опираясь руками о столик, наклопился к окну и сказал:

— В этом городе около полумиллиона жителей, прикцикте-ка, сколько из них одиноких и временно одиноких женщин. Всем им хочется быть любимыми, все они жаждут ласки. Любите же их! И не любите долго одну и ту же, а то она подаст на вас в суд за невнимание к ее слабостям.

В окно ворвались большие и яркие огни вокзала, и поезд остановился. Шумел, радовался, грустил и сентиментальничал перрон — место ничего не значащих, безнаказанных поцелуев. Голубев и Скороходов выбрались на привокзальную площадь.

— Ну, я спешу,— сказал Скороходов, подавая руку.— Γ де-нибудь встретимся.

Голубев долго и с признательностью тряс его руку. Потом Скороходов отошел в сторону — ловить такси,

Петр Васильевич выкурил напиросу, сел в автобус и уже через иятнадцать минут подъезжал к дому.

В голове у пего инавали легкие и беззаботные мысли. «Подумаешь, изменил! Скороходов поумнее менн, а смотрит на эти вещи просто. Так было, так будет. Не я так устраивал, не мне переделывать».

В пгривом расположении духа, пасвистывая, Голубев вошел в свою квартиру. В прихожей он увидел Скороходова, снимающего на его вешалке свой пиджак.

Миновения оцепенения, в котором находился первое время Петр Васильевич, Скороходову было вполне достаточно. Он с артистической ловкостью оделся, взял свой чемодан и, пробормотав почему-то «извините», выскользнул в дверь.

А. Санин

СТРАСТИ

Ты знаешь, что такое летаргический сон? Вот рассказывали. Заснул этим летаргическим спом знакомый там один. Ну, умер и все: уши холодные, пульс не работает. Лежит в гробу, все слышит, понимает, а ни закричать, ни руками зама хагь, и глаза ему закрыли. Палец у него на ноге один только двигалси, ну и он этим нальцем шевелил, заметили. Потеха...— говорил молодой человек, пытаясь взять свою собеседницу под руку.

Его собеседница, девушка лет восемнадцати, хорошенькая, очень живая и подвижнан настолько, насколько позволял быть поднижной не совсем свободный покрой се одежды, неопределенно улыбалась и позволяла наконец взять себя под руку.

Они медленио прогуливались по шумной набережной.

Какой вечер! А ты хотела сидеть дома. Дома сейчас с тоски можно сдохнуть.

Оп не обманывал: вечер был действительно хорош. Закат совсем уже созрел, налился квиоварью, и освещенная им улица вся выглядела нарядно, потому что окна краснвых и некрасивых домов пылали одинаковым пожаром. По улице разгуливали искатели чудных вечеров; по реке в лодках, добытых терпением или хитростью, илавали мужестненные или луканые люди. Казалось, многим было весело, потому что было слышно много смеха и громких разговоров.

Молодой человек закурил, оживился и продолжал:

— Нет, честное слово, мне стало жаль этого вечера, я бросил все и к тебе, Ниночка... Дело даже не в вечере. Дело в том, Ниночка, что я хочу сказать тебе... то есть, мне нечего тебе сказать — ты все и так знаешь... Я хотел спросить тебя... Сядем здесь, Ниночка.

Молодые люди зашли в скиерик и сели на скамью. Они взгляпули друг на друга, молодой человек — растериино, Ниночка — неопределенно. Она знала уже, о чем он будет говорить, и готовила ответы на вопросы, которые ои должен задавать.

— Ниночка,— начал оп,— мы знакомы уже три месяца, встречаемся почти каждый день, и ты заметила, конечно, что... что я люблю тебя.

Инпочка сделала вид, что удивилась, чуть подумала и сделала вид, что обрадовалась, будто бы сразу скрыла эту радость и опустила глаза.

- Люблю, - неестественным голосом повторил молодой человек, воровато оглянулся и продолжал, - с первого вечера, с первого часа...

Оп счел нужным подвинуться к ней ближе, но она сочла нужным сделать обратное.

— Прошло три месяца,— не унимался оп,— и я хочу знать: любишь ли ты

Ниночка, внимательно паблюдая за носком своего ботинка, которым она с самого начала водила по песку, долго сидела молча, и наконец ее губы прошептали незаменимое «не знаю».

Как не знаешь? — вспылил молодой человек. — Ты знаешь! Скажи откровенно «нет», и я уйду.

Ниночка все это предвидела, но тенерь все-таки растерялась и не знала, что делать. Он сам подал ей мысль. «Уйду», — решила она, по вслух сказала:

- Что ты! Я... Я не знаю.

— Значит, «нет»?

Она встала и быстро пошла из скнера.

- Не ходи за миой, сказала она кокетливо.
- Но я должен знать!
- Я скажу после.
- Когда?
- Завтра.

...Назавтра она вышла замуж за другого, которого наш молодой человек знал, но не думал, что этот другой собирается жениться.

А. Санин

Публикация и текстологическая подготовка О. М. Вампиловой

Геннадий Николаев

ТРЕВОГА АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА

О судьбе Александра Вамнилова невоаможно говорить спокойно. Погиб на самом

валете, в разгар интереспейшей работы, на пороге авслуженной славы...

Одни говорят — рок, судьба. Другие сетуют на слишком холодную воду в Байкале, винн ао всем только ее одну. Третьи, то тут, то твм вещающие с разных трибун о некоем «ааговоре», о «механизме уничтожения российских талантов», считают, что «Вамнилов... погиб, как разведчик в бою. В том ноиске, сражении, в котором погибали писатель Шукшив, поэт Рубцов, художники Васильев и Ионков, критик Селезнев... Вамиилов ногиб в самом начале 3-й мировой войны, которую мы продолжаем вести и сегодия!»

Эти, последние, театроведы и прочие «радетели» за российские таланты, нытаются использовать имя Вампилова в угоду своим черным «концепциям», чиня произвол пад личностью драматурга, штюрирун реальности его жизни, его пристрастия, взгляды, идеа-

Ваминлов ногиб 17 августа 1972 года, за два дня до своего 35-летия. Моторная лодка, на которой ов илыл вместе с приятелем, натолкпулась на топляк и перевернулась. Оба оказались в воде. «Казанка» с полузатопленным носовым отсеком могла удержать только одного. На приятеле были болотные сапоги, на Вампилове — тяжелые туристские ботинки, теплан куртка, по оп оставил лодку приятелю, поплыл к берегу. Он хорошо плавал и те нятьдесят или чуть больше метров, конечно, одолел бы, но не выдержало сердце у самого берега.

В тридцать пять не выдержало сердце...

Увы, ато закоп, подмеченный давным-давно, - в первую очередь не выдерживает сердце у талантливых. А тут трагически сошлись самые разине обстоятельства.

Жестокий шторм накануне — вынес наверх нижние холодине слои.

Сыграла свою злую роль и наша вопнющая бесхозяйственность, так пазываемый молевой сплав леса по Байкалу. Частые штормы разбивают свядки бревен. Озеро буквальпо кишит опасными топляками. От них страдало и страдает множество дюдей, не говоря уж о том вреде, который наносит озеру гинющая древесина.

Наконец, наше потребительское, а точнее — равнодушное отношение к таланту. «Простой» человек платит за равнодушие общества к себе равнодушием к обществу, талант — ранней гибелью. Почему так — попятно. Талант всегда нов, всегда не похож на все, что было до него. Таланту нужна свобода самовыражения, он должен проявить свою самобытность. Его пельзя вгопять в какие-либо рамки, давить на пего, запрещать. Талант хрупок. А у нас долгие годы царили административные методы руководства искусством. И соответствующие догмы: обязательный «положительный» герой, арифметический перевес «положительных» над «отрицательными», пресловутый онтимистический финал. Чуть вышел за рамки — придирки, запреты, предавие анафеме. Не всякий талант мог выстоять.

Отпошение к человеку как к средству, с помощью которого можно построить аавод, атомную электростанцию, дамбу, выполнить план, сочинить победный марш, лихую песию, отразить героические будии, распространялось и на писателей. Разумеется, многие с готовностью откликались на официальные заказы и находили в этом немалую радость, по каково было тем, чье призвание — не победные марши, не лихие несин и не воспевание героических будней? Вспомним судьбу Булгакова, Цветаевой, Мандельитама, Ахматовой, Илатонова, Зошенко...

В своих воспоминаниях О. Н. Ефремов пишет: «Пьесы Вампилова в 60-е годы в "Современнике" у многих не вызвали интереса. Играли Розова, Володина, мечтали уже о "Гамлете", а "завтрвишего" драматурга - просмотрели. Специвльно ато отмечаю, потому что очень распространено мнение, что пьесам Вампилова мешали только некоторые не в меру ретивные чиновники. К сожалению, мещали и стереотвино устроенные наши собственные мозги, наше, художников театра, сознание того, что все истины уже известны».

Можно понять самокрячное и благородное признание Олега Николаевича, но вряд ли можно согласиться с ним в его как бы невольном лацижении роли «некоторых не в меру ретивых чиновников». Увы, не в меру ретивые впесли свою весомую лепту в трагический исход судьбы Вампилова, Об этом свидетельствует переписка драматурга с Е. Л. Якушкиной, опубликованная на страницах «Нового мира». Об атом же свидетельствует и борьба, которая велась вокруг его пьес в Иркутске.

Помию, как в Иркутске после публикации теперь известной всему миру «Утиной охоты» против автора была развернута целая кампания. Его ругали за то, что выведен не тот герой, показана не та молодежь, взяты не те проблемы — дескать, сплошное очерпительство! Произошла типичнейшая для некоторых критиков и людей, управляющих культурой, подмена: в социальной беде, которую отобразил автор, то есть в аполитично-

сти, апатии, безыдейности героя стали винить самого автора!

Но еще более драматически сложилась судьба пьесы «Прошлым летом в Чулимске». В копце 1971 года она была принята редколлегией и поставлена во второй помер альчапаха «Сибирь», которни издается с периодичностью один раз в два месяца. В начале впреля 1972 года верстка номера с пьесой Вампилова была передана в Обллит. 17 апреля начальник Обллита Козыдло II. Г. направил пьесу в ОК КПСС, сопроводив ее письмом, в котором указывал на «идейную ущербность содержания» и невоаможность по этой причине разрешении ее к печати. Пьесу прочитали работники отдела культуры обкома и даже секретарь по идеологии Антипин Е. Н.

Вскоре мени как редактора альманаха пригласили в обком. Когда я вошел в кабинет Антипина, за длинпым столом совещаний уже сидело несколько человек: работники аннарата и директор Восточно-Сибирского книжного издательства, ири котором и существовал наш альманах. Антипин высказал мнение, что пьеса не является идейно ущербиой, но слаба по художественному уровню. Его единодушно поддержали, Я же настаивал на мнении редколлегии и на своем собственном, пытался убедить их, что пьеса талантлива, сделана в чеховской традиции, гуманиа, оптимистична. Я считал, что онубликовать ее просто необходимо. Искрепность моя, видимо, подействовала: Антипин позволил еще раз обсудить ньесу в Союзе писателей с привлечением всех членов редколлегии, в том числе и из Читы (альманах является органом двух инсательских организаций: Иркутской и Читвиской). Такое обсуждение состоялось 28 июни 1972 года.

Вот некоторые выдержки на стенограммы, представляющие напоольший интерес:

Козылло Н. Г. Все действие происходит в чайной, геров ньют, ругаются. Это все как-то мрачно. Позволил Чуркину (директор Восточно-Сибирского клижного илдательства. — I'. H.) — обещал подойти. Время идет — его нет. Позвонил Пиколаеву — нет дома. Спова, в четвертый раа, позяонил Чуркину, снова обещал подойти. А мне нвдо уезжать на коллегию в Москву. Поэтому миою лично верстка пьесы была отправлена в обком партии, в соответствии с установленным порядком. Но, повторяю, упреков в антисоветчине или аполитичности автору пьесы я не делал...

Марк Сергеев (член редколлегии, ответственный секретарь Иркутской писательской организации). Думаю, что причина задержки пьесы даключается не в самой пьесе, а во внешних факторах. Я имею в виду ту официальную реакцию на публикацию сатирической комедии В. Ф. Тендрякова «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» в шестом помере альманаха «Сибирь» аа 1971 год. Этот номер вышел в свет с ааполданием по независящим от редколлегии причинам, выход его совнал с решением ЦК КПСС по лесной промышленпости. Случайное совпадение, а вовсе не целевая публикация, как было замечено с упреком из Москвы. Отсюдв и настороженность к пьесе Вампилова... Вампилов по складу своего дарования комедиограф, ему всегда будет трудно... Я думаю, что пьеса достойна публикации.

Валентин Распутин (член редколлегии). Когда речь идет о военных и государственных тайпах, тут все ясно. Но когдв речь идет о произведениях искусства, расплывчатость мотивировок недопустима. Еще важнее не допускать навешивания ярлыков. А что получается: вы, начальник Обллита, авдерживаете произведение, посылаете его в обком, там, естественно, воаникает сомнение: раа ценаура ааподозрила что-то пеладное, аначит, действительно что-то не так. И начинают смотреть не по-пормальному, а по-всякому: и кверх ногами, и снизу вверх, и вдоль. И появляется на авторе ярлык: это не простой автор, а автор, чьи произведения снимает ценаура. Значит, это не совсем хороший

человек, с иим надо поосторожней. Чем может кончиться такая практика, мы все прекрасно знаем... Жизнь широка, мяогообразна, почему хотят заставить нас писать одну ее сторону - розовую? Если товарищи, которые делают такие замечания по пьесе Вампилова, называя ее ущербной, обладают правами запрешения, то пусть они сами тогда выпускают альманах — уж они-то не ошибутся. Я считаю, что пьесу... надо печатать... Если и дальше будет повторяться такая практика, то я не считаю возможным учествовать в ред

Дмитрий Сергсев (член редколлегии). Пьеса кажется мне добротной, светлой, с верной авторской позицией. Нельзя читать произведение с заведомой настороженностью

и недоброжелательностью...

Вячеслав III угаев (член бюро писательской организации). О пьесе: на мой взгляд, в ней есть излишняя графичность, излишняя настойчивость в повторении эпизодов с калиткой. Она кажется мие $xy\partial ожественно-сырой$, над ней еще надо работать. Но о политической или идейной ущербности яе может быть и речи...

Несмотря на решение редколлегии опубликовать пьесу в писстом номере 1972 года (в более ранние помера она уже не попадала по чисто техническим причинам, так как каждый номер сдавался в типографию почтя за четыре месяца), пачальник Обллита категорически откалался давать разрешение, называя пьесу «художественно-сырой» и ссылаясь на оценку, данную секретарем обкома Е. Антяпиным и писателем В. Шугаевым. Тогда я подал заявление об освобождении меня от обязанностей редактора.

В начале июля 1972 года мы снова пошли в обком. Марка Сергеева и меня прицял секретарь обкома Антиния Е. И. Разговор пошел о только что прошедшей рвенией редколлегии, о принятом на ней решении нечатать пьесу и упорном нежедании начальника Обллита пропустить се в печать. М. Сергеев показал секретарю обкома моо заявление — Евстафий Никитич прочел, усмехнулся, сказал, что мы, дескать, оказыпаем на него давление. Но на прощанье пообещал содействие.

Однако вплоть до августовских трагических дней разрешение на публикацию пьесы не выдавалось. Вскоре после похорон Вампилова мы с М. Сергееаым снова пошли к Антипияу. Вырвзив нам свое сочувствие как топарищам и коллегам Александра Вампиловь, Евстафий Никитич сообщил, что договоренность о разрешении ньесы достигнута (после смерти автора!).

. Шестой помер альманвха стал мемориальным — кроме пьесы Вампилова «Нрошлым летом в ¹Нулимске» в нем были напечатаны его фотография, стихи, посвященные его памяти, статья о его творчестве.

Вампилов, конечно же, знал об этой борьбе, следил за ней, волновался. Снятие пьесы сильно огорчило его. Да это и пояятяю: в родном Иркутске, где хотя и ругали, но все-таки печатали, вдруг получить удар в спину, коварный удар...

За месяц до его гибели мы втроем — Вампилов, Г. Пакулов и я — на той самой злонолучной лодке плавали по Байкалу. С 12 по 22 июля, десять дяей и почей, вдоль западного побережья, от Листиянки до острова Ольхои и обратно. 700 километров по воде! Песколько раз натыкались на топляки, по чудом удерживались на плаву. Я видел, до клкой степеян работа и исприятиости с пьесой измотали Вампилова. Он старался не подавать виду, но колоссальное внутрениее напряжение проявлялось в его каком-то нервном стремдении мчаться все вперед и вперед, не обращая внимания на погоду — шторм ли, дождь ли, и на время суток — день ли, ночь ля. Этой лихорадочной гонкой он, казалось, пытался снять напряжение, сбить усталость, развеять все то тягостяое, что носял в себе последнее время. Что-то глетущее чудилось в его торопливости, в сосредоточенности на какоп-то мысли. Он плохо спал, был вспыльчив, хотя прежде отличался завидной выдержкой.

Поездку зту я описал в своих воспоминаниях («Звезда», 1980, № 6), но сегодия хочется напомиить конструкторам умозрительных и отпюдь не безобидяых «мехапизмов уничтожения российских талантов» один эпизод из этой поездки.

«В ту ночь мы говорили о звездих, вернее, говорили обо всем за свете, по разговор наш освещался звездами, и мы исвольно то и дело возвращались к ним квк к исходной первооснове всего бытия. Он снова вспомиял про коллапс. Я стал рассказывать ... все, что сам знал из популяриой литературы. Вампилов эти вещи глубоко чувствовал, ибо сказал примерно следующее: есть медицинский коллапс, есть астрономпческий, но, видимо, есть и колланс человеческой души — это когда вдруг, вроде бы пи с того ни с сего, челояек превращается в подонка, в зверя. Мы загопорили о Раскольникове как литературном примере духовного коллапса. Вспомнили и Карамазовых, Иотом дошла очередь и до Зидова. Вампилов признал, что с точки зрения «гипотезы» коллапса он не довел своего Зилова до кризиса, в лишь проследил подход Зиловв к нему... Нам было очевидно, что коллапс единичной души тоже очень страшен — тем, что может вызвать цепную реакцию, как это

случилось, скажем, в Германии в годы фацизма... Мысль его упорно пробивалась к этой главной болевой точке современности...»

Болевой точке 70-х и тем более — 90-х!

Главизя треяога Вамиилова в главиой его пьесе «Утиная охота» заключена, на мой взгляд, в том, что Зидов как тиничное явление времени пуст, живет без Идеи, без высокого смысла, как насекомое, Ридом с «пустым» Зиловым Вампилов прозорливо разглядел адовещую фигуру официанта с его механической готовностью быть падачом. Этой весьма символичной паре 70-х годов не хватало идеодога. Луша Зилова образца 90-х так же пуста и открытв для започнения, как и дуща Зилова образца 70-х. Но сегодня объявились «идеодоги» — не идеями ли «спасения» России от «жидо-масонских заговорщиков» уже наполцена душа Зилова 90-х? Официант Дима и «наполиенный» Зилов — подходящие кадры для экстремистов «Памяти»...

Критики, занимающиеся творчеством Вампилова, как мне кажется, не учитывают или не хотят учитывать главного — того, что Вампилов был человеком высокого общественно-

Вглядываясь в прошлое, отчетливо поянмаю наше состояние тех лет. Да, конечно, после ХХ и ХХИ съездов партии мы были в смятении от приоткрывшихся масштабов сталинского, партийного произвола. Расхождение между Идеалом и действительностью переживалось каждым по-разному, по каждый в той пли иной форме пытался говорить об зтой своей тревоге. Вамии тов нашел Зилова - человека, утратившего общественный Идеал и давшего цинилму почти полностью завладеть душой. Вампилов потому-то и заметил, изобразил с такой тревожной силой «пустого» Зилова, забил тревогу, что сам носил этот Идеал в своем сердне. Сохранил!

Ла, сохрания, потому что судьба досталась ему трудная изпачально, вместе с эпохой. 1937 год — год его рождения — стал годом утраты отца в период репрессий, Потом война: проверяла осиротевшую многодетную семью Вампиловых на нравственную и филическую стойкость. Анастасия Проконьевиа Копылова-Вампилова вырастила и воспитала троих добрых умных детей: Галину (она — педагог), Миханда (он геодог) и Александра. И это в Сибпри, в тех самых местах, где отбывали бессрочную сибпрскую ссылку лекабристы, а вслед за иими — сдедующие поколения мятежинков. Сибирь напи тала его духом Правды, Протеста, Сопротивления, призвала в Литературу, сделала

Гражданицом.

Сын бурята и русской, интеллигент в третьем поколении (из учительского куста), он был противинком любого национализма. Он был питеряационалистом — и по рождению, и по воспитанию, и по убрждениям. Его витериационализм проявлился и в отношениях с людьми, и в выборе друзей, и в творчестве. И как бы ии пытались некоторые театроведы, публично проповедующие «3-ю мировую войну» (какую? националистическую?) у пас в стране, выстранвать ушедщих из жизли российских художников в мрачные колониы под свои сомиштельные знамена, ничего у них но получается — ии Вампилов, ни Рубцов, ни Шукіции никак не объедициются в «разведроту», у каждого своя судьба, своя дорога и своя смерть. Их действительно объединяет, по уже отъединенное от них самих, служение людям во второй их жизни — через искусство, которым они одарили мир. Объединяет как художинков-гумалистов, вошедших в национальную и общечеловеческую культуру каждый со споей болью, со своей страстью, со своим талантом. И со своен тревогон.

Евгений Голлербах

APPASSIONATO

Ленин как читатель Гумилева

«APPASSIONATO (итал.) - в музыке значят страстно, живо».

Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1912 год

Нз мпожества легенд, окружающих и, возможно, создающих для нас образ Николан Гумилева, особенно интересна такая. Августовской почью двадцать первого года нарком Лупачарский, извещенный о выпесенном поэту смертиом приговоре, позвонил Леппну — с просьбой о помиловании. Ответом сму было молчание вождя. После продолжительной наузы вершитель судеб произисс: «Мы не можем целовать руку, поднятую против нас», — и повесил трубку 1.

Эта легенда, как и мпожество ей подобных, подозрительно красива, — по отличается от прочих тем, что она еще и правдоподобна, ибо исходит из авторитетного источника. Когда размышляещь пад этим свидстельством, возникает несколько вопросов — и есть среди илу такой: чем объяснить замещательство вождя?

Вопрос не праздный: особое значение темы «поэт и царь» в русской культурной традиции заставляет нас задавать его и настойчиво искать на него отнет. Попробуем же реконструировать стврый механизм и внимательно разобраться в мотявах, определявших ноступки людей, чьи дела и судьбы небезразличны нам сегодня.

1

Это были разные люди.

Истово верующий христиании Гумилев — и воинствующий безбожник Ульянов ². Хилый ребенок, бредивний наяву и «словом останавливавший дождь», — и крепышволгарь, оптимист и конкретист, подлинное воплощение жилиенной сметки. Тихий
двоечник Гумилев — и круглый отличник Ульянов. Убежденный монархист-консерватор — и страстный социал-реформатор. Мрачный поэт — и смешливый Ильич. Патриот,
ради защиты Отечества сумевший превозмочь даже свое природное косоглазие, — и отнюдь не идеологический диверсант, заброшенный на родные присторы враждебной
державой. Раниодущий к мелосу Гумилев — и музыкальный Лении, содрогавшийся от
звуков «Анпассионаты». Утонченный модернист, литератор-европеист Гумилев — и Леяин, горячий поклонник Серафимовича, Бедного, Чернышевского. Абсолютно разные
человеческие индивидуальности — кажется, в них различно все: характеры, взгляды,
способности, предпочтения...

И в этих различиях не было бы ровным счетом ничего замечательного — мазо ли на свете разных людей, — если бы первый не был крупнейшим поэтом России, а второй — ее пиктатором

Поэт и царь. В нашем случае им было б лучше не встречаться.

Евгений Александрович Голлербах (род. в 1963 г.) — филолог. Печатался в «Искусстве Ленинграда», «Русской литературе», «Звезде». Живет в Ленинграде.

2

В кремлевской библиотеке Ленина — обширном книжном собрании, включающем 8450 единиц хранения, — собрании, по которому можно с большой точностью реконструировать круг чтения вождя в последние годы его жизни, — есть несколько работ Гумилева. И можно считать, что это именно тот максимум текстов, по которым Ленин имел возможность получить свое собственное представление о личности и даровании Гумилева. Что же это за тексты?

Во-первых, гржебинский, двадцать первого года, том «Избранных сочинений» А. К. Толстого — книга, вышедшая под редакцией, со вступительной статьей и примечаинями Гумилева ³. Ленин ценил Толстого, неоднократно перечитывал его и поэтому повтоянно держал книжку под рукой — в кабинете, среди любимых книг.

Если даже предположить, что Лении, читая Толстого, обратил винмание на фамилию редактора, — это, конечно, не повод говорить о знакомстве Ленина с творчеством поэта, потому что тексты Гумилева в данном издании имеют сугубо справочный характер: «Вступление» предстввляет собой во всех отношениях нейтральную краткую справку о жизни писателя, а комментарии — минимальный набор пеобходимых для малосведущего в исторических вопросах читатели сведений. По этой работе Гумилева невозможно составить внечатление о его творческих и идеологических принципах.

Значительно больше дает читателю знакомство с двуми другими книгами, имеющими непосредственное отношение к имени Гумилева,— «Илбранные стихи» Тсофили Готье, с блистательной и принципиазына важной статьсй Гумилева 4, и, особыно, гумилевскис «Письма о русской поэзин», также включившие в себи названную статью о Готьс 5. Но обе эти публикации— посмертные, вышедшие в свет в 1923 году, то сеть много времени спустя после кровавой развязки, и, сетественно, Лении к 1921 году не мог читать упомянутые тексты, кромс как по их первопачальным публикациям в модеринетской периодике, за которой он пикогда не следил.

Есть основании полагать, что двс последние книги не были прочитаны и в 1923 году. Весной, и особенно в дскабре 1922 года, состояние здоровья лидера сильно ухудшилось, и весь оставшийся год его жизни являл собой затянувшуюся агонню.

Правда, согласно утверждению официальных биографов Ленина, он все равно продолжал следить зв новинками текущей литературы. Известно, однако, что в этот период ленинская «способность к чтению (...) была минимальна» ⁶. Едва ли больной использовал ее на знакомство с Гумилевым.

Обе посмертные книги писателя, согласио сведениям Книжной палаты, вышли в свет почти одновременно — в конце января и начале февраля 1923 года. Это время приходится как раз на период относительного улучшения состояния больного, что несколько повышает вероятность запоздалого знакомства Ильича с творчеством расстрелянного писателя. Но не намного.

Во-первых, по утверждению авторитетных специалистов, углубленно занимавшихся изучением ленинского чтения, «Ленин-читатель — почти всегда с караидашом в руках» ⁷. Эту привычку и (частичную) способность он сохранял также и в последний период жизни. Потому его пометки обнаруживаются на всем, к чему он как читатель имез какое-либо отношение. Но несмотря на продолжительное и интенсивное изучение исследователями вопроса о ленинских маргиналиях, никаких пометок на двух гумилевских книгах не обнаружено.

Во-вторых, как свидетельствует «Биографическая хропика», круг литературных предпочтений Лепина и в последний период его сознательной жизни существенно не изменился: литературная критика вообще, а литературная критика писателей-моденинстов в особенности, в этот круг никогда не входила ⁸.

И в-третьих, в краткий период относительного улучшения своего состояния Лении быз занят значительно более важными для него вещами: с помощью стенографистки оп реорганизовывал Рабкрии, и эта работа требовала от больного большой сосредоточенности именно на проблече Рабкрииа, и пи на чем другом, — Гумплев же на эту тему пе успсл, как известно, написать пичего.

Таким образом, малопоказательная работа Гумилева об А. К. Толстом осталась, повидимому, единственным его текстом, известным вождю вообще и к августу 1921 года в частности, когда ему предстояло решить судьбу поэта.

Не обязательно, однако, читать книги иисателя для того, чтобы иметь общее пред ставление о его творчестве, ибо существуют литературные репутиции — так скалать, иародные образы писателей, — которые нередко заменяют читателям знакомство с текстами определенных авторов.

Но сколь многообрално общество, столь же многообразны могут быть в различных его стратах литературные репутации. И если для просвещенной публики обенх столиц Гуми лев являлся фигурой первой величины (это позволило, например, Г. Иванову говорить о Гумилеве как об «одной из центральных и определеннейших фигур современной русской поэзии», о «прочяом авторитете» его имени «у широкого круга читателей» ⁹), то коммунистическая верхушка пролетарского государства виолис могла придерживаться иного миения.

Каким же оно должно было быть у Ленипа?

Первым и, не исключено, основным источником его представлений о Гумилеве была литература по теме, а именно — те печатные критические отзывы о творчестве поэта, которые были известны или наиболее доступны Леницу.

К числу таких относится книга «Новейшая русская литература» В. Львова Рогачевского (М., 1919), хранящаяся в кремтевской библиотеке вождя ¹⁰. Львов-Рогачевский, хотя передко и отклонялся в своем творчестве от генеральной линии партии большевиков, явтялся все же, по-видимому, тем автором, которому Ленин был ектонен доверять в вопросах литературы вак старому социал-демократу и литератору-марксисту одного с ним призыва.

В названной книге выскалывается сдержанно-отринательная оценка творчества всех «мяков и орупдей новой поэзии», заботливо выращиваемих госпедами Рябушинским и Поляковым — в том числе и Гумплева ¹¹. Характеризуя акменстическое направление, Львов-Рогачевский определяет его в целом как явление малолиачительное, но обладающее при этом многими отрицательными чертами: ансмичностью, натуралистичностью, заметной непоследовательностью, неактуральностью, отстраненностью от важных проблем текущего дня, безыдейностью и т. и. «Новый Адам пришел в этот мир в ХХ столетии, когда вокруг кинит борьба, когда ноднимаются новые волны праведного гнева, пришел. — и... нечего ему сказать», — уличает критик приверженцев новой школы. Родовые греуи направления, считает Дьвов-Рогачевский, отразились и в стихах Гумилева («холодный мертвы "Жемчуга" Н. Гумилева, неприветливо его "Чужое небо"» ¹²). Резюмирун свою критику явмензма, Львов-Рогачевский заключает: «Наследники символистой оказались новади своих отцов и не сумели учесть их поучительный опыт» ¹³.

При этом автор весьма сдержанно оценивает роль Гумилсва в внализируемом поэтическом направлении: значительно более крупной фигурой ему представляется С. Городецкий, на цитатах из которого и строится старым демократом весь очерк о группс акмеистов

Таким образом, читатель, полагающийся на экспертные оценки Дьвова-Рогачевского, должен был бы определить для себя Гумилева как второстенсиного поэта второстененной ноэтической группировки малочисленной, для литературы незначительной и очень братковременной (по Рогачевскому, «быстро промелькиувшей группки» 14).

Столь незначительное имя могло и не ланечатлетьси в намити Ленина. Поэтому вероятно, что, желая навести справки о Гумилеве в 1921 году, он мог прибегнуть к справочной дитературе, находившейся в его распоряжении. К таким изданиям Лении всегда испытывал большое уважение и интерес. В. Боич-Брусрич зафиксировал эту лениискую привизанность («питерес Владимира Ильича ко всякого рода словарно-справочной литературе вообще был очень силен» ¹⁵) и поделился конкретным воспоминацием, нодтверждающим это: «В конце июня 1920 г. в кабинет председателя Совнвркома был доставлен "Новый энциплопедический словарь" Брокгауза и Ефрона, который Владимир Ильич нередко рассматривал, прочитывал и подробно знакомился со статьями, всегда выражая надежду, что наступит время, когда нам удастся выпустить такую же прекраспую энциклопедию, но написанную с марксистской точки зрения» ¹⁶. Изаванное мемуаристом издание постоянно находилось в ленинском кабинете и служило вождю основным справочным пособнем по разным вопросам, лежащим за пределами его компетенции.

В «Новом энциклопедическом словаре», как и в «Энциклопедическом словаре Русского библиографического института Гранат» (также имевшемся у Ленина) ист специчльной
статьи, посвященной Гумилеву (и это могло подтвердить для Ленина вывод о ислиачительности поэта, сделанный Львовым-Рогачевским). Но есть в этих изданиях другие
статьи, посвященные современной литературе и написанные хотя и не с марксистских
еще, но со специфических традиционалистских позиций,— такие, как, например, «Декадентство» 17. Чтение этих статей никак не помогло бы Ленину понять гумплевские
прииципы, а, наоборот, должно было еще раз убедить его в правильности собственных.

В любимом словаре Ленина нет и статьи об акмеизме, но есть другая, на которую, без сомнения, мог обратить внимание Ильич, рыщущий по книжным страницам в ноисках

сведений об арестованном литераторе: «Акме — период расцвета организма или группы животных; период напвысшего развития болезни и т. п.» 18.

Прочитав такое, Ильич должен был захлопнуть том и прекратить поиски

4

Впрочем, оставалась у Ленииа еще одна возможность осведомиться о Гумилеве: расспросить товарищей, проконсультироваться с теми из ближайшего окружения, кто пользовался доверием.

Что они ему ответили бы?

Илвестно, что революционеры из ленинской когорты, в большинстве своем, не были читателями и ценителями современной лирики ¹⁹. Железный Юзик, Серго, Коба жили простой и суровой жизнью, остввлявшей слишком мало возможностей для изучения изящной словесности, и муза Эрато редко навещала их тесный кружок,— а когда она являлась им, они развлекали ее «Варшавянкой» и только, может быть, кто-то, из отча яяных, декламировал ей «Интернационал» А. Я. Коца.

Было, однако, в их компании несколько знатоков литературной современности. Прежде всего — интеллигентнейший нарком Луначарский, но к его мнению, как мы уже знаем, Ленин не стал прислушиваться. Из оставшихся вероятиых советников вождя вспомним Троцкого и Бухарина, которые лучше других ориентяровались в ситуации и,

конечио, имели что скалать о Гумплеве.

Об отношении этих дяух «литературных референтов» Ленина к Гумилеву мы можем судить по их выступлениям в нечати на интересующую нас тему. Точка зрения Троцкого яа «вне-октябрьскую литературу» и, в частности, на творчество авторов гумилевского круга (хотя и без упоминания имени метра) обстоятельно выражена в одной из его наиболее значительных статей этого периода, специально посвященных «литературному вопросу», — «Вне-октябрьская литература» 20. Подробно обозревая современную ему русскую дитературную папораму, Троцкий деласт выводы, совпадающие с мнением Львова-Рогачевского: на его взгляд, вся несоветская литература «сплошь эпигонственна, поражена бледной немочью». Художников из гумилевского «Цехв поэтов» он характеризует следующим образом: «(...) они не творцы жизни, не участники в созидании ее чувств и настроений, а запозданые пенкосниматели, эпигоны чужою кровью созданных культур. Опи - образованные и даже изысканные имитаторы, начитанные, даже одаренные звукоподражатели — и не более того» ²¹. Говоря о крови, Троцкий, однако, имеет в виду не расстредянного за год до появления цитируемой публикации Гумилева. Покойный поэт в представлении наркома — гиничный представитель презираемой им «вие-октябрьской литературы».

В другой своей статье этого времени, посвященной критике творчества А. Блока, Троцкий упочинает Гумилева — и лишь для того, чтобы сообщить: Блок «откровенно зевал над Гумилевым», а те из читателей, которые не могли понять такого отношения одного кумира к другому, — «благоговейные тупицы» ²². Красиоречивый фрагмент.

Совершенно ясно, что человек, столь сурово оценивающий родпую словесность и откровенно выражающий при этом свои симпатии к «гвоздевому сапогу», давящему ее, не стал бы а приватном разговоре с единомышленником заступаться за арестованного и обвиненного в контрреволюции писателя.

Более либерален в оценке творчества Гумилева Бухарин: несколько лет спустя, выступая на первом съезде Союза советских писателей, он простраино цитировал строки из «Отненного столпа» ²³ — что, безусловио, можно расценивать не только как демонстрацию его знакомства с текстами поэта, но и как изъявление определенной симпатии к ним. Однако стихи Гумилева Бухарин цитировал со значением — как талантливый образец идеологически чуждой советской литературе «буржуваной поатики». И, таким образом, показал себя в этом вопросе верным ленинцем — догматиком, воспринимающим литературу через призму коммунистической идеологии.

Как бы то ни было, о бухаринском заступиичестве в 1921 году за арестованного Гумилевв история умалчивает, и даже если оно было — конечиый итог сюжета нам известен: Ленин лично отдал приказ об убийстве писателя. Судьбы поэта и царя пересеклись,

и царь уничтожил поэта.

5

Итак: Ленин не тнал Гумилева. Ленин не пенил Гумилева. И Леиин уничтожил Гумилева. Уничтожил, как бдительный садовиик уничтожает вредный злак в своем саду. Ленин уяичтожил многих, и Гумилев был лишь одной из его жертв. Едва ли чем-то особенной: не знал Ленин, на что он поднимал руку.

Вопреки распространенному в советском лениноведении мнеиию, вождь не так уж «виимательно следил за развитием молодой советской литературы» ²⁴ — не было ни вре-

мени, ни интереса, ни квалификвции, ни способности. Ленин был человеком с весьма ограниченным кругозором и очень плохо разбирался в изящных искусствах. Не любол сумбура — не талант, не художественность, не точность и не своеобрание привлекали его в литературном произведении, а узко понимаемая «польза» и простота. Лучшим выражением пользы и простоты в советской поззии, а потому любимым и просто лучшим для Ленина было творчество куплетиста Демьяна Бедного, и совершенно не переносил он «тарарабумбию» и «сверх-естественную чепуху» более серьезных авторов ²⁵. Из-за этого слишком многое в современной ему литературе оя пропустил, многого не увидел.

И, быть может, главное, чего он не увидел,— поззии Николая Гумилева, уникального и плодотворнейшего явления новейшей русской— теперь уже советской— лютературы. Не сорняк был это, а росток нового дерева. И дерево это все равно выросло, когда не стало

Ильича.

Весьма вероятно, что когда Гумилев пачинал свой путь в литературе, конквистадоры для него были лишь разновидностью «капандера», загадочным символом иной жизпи — и ничем больше. Естественная для подростка тоска о неземиом, реализованная незаурядным талаптом в стихотворные строки, проявилась в героике, зкзотизме в несколько врхаичной эмблематике первого сборпика Гумилева. Но скрипичная мелодоя мальчока поразительным образом совпала с грозной музыкой надвигающейся эпохи, и жизненный коитекст актуалилировал детские романтические мечты о заморском «канандере» 26. Основными мотивами поззии Гумилева стали мрачная героика, мощный пафос преобразующего освоения и покорения мира, презрение к простым человеческим переживанинм и чувствам — всему тому, что он сам определял как «неврастепию», — и отверганое их, а взамен — воспевание вопиской доблести как высшего смысла человечьего бытия, насилия как красоты.

Не биологического человека, презираемого за «банальность» и «незпачительность» его переживаний, новседневных мыслей и проблем, выбрал своим героем Гумилев, а обласканного и мпогократно запечатленного уже к тому времени во множестве книг Человека, матерого Человечища, — мифологическое существо, имеющее мало общего с кем бы то ни было из земных существ. Этот Человек покоряет мир, и природа, словно отвергнутая царица, в бессилии бъется у ног сурового победителя.

Не в созерцании и змоциональном освоении мелочей новседневного бытия, а в норабонцении и преодолении всего сущего заключен основной пафос гумилевского творчества. Не

мир, но меч несет ноэт, не вокой, а бой радует его.

«Пзбранник свободы», Гумилев сам оказался не свободным от множества вещей — и в том числе от банального «инцинеанства», от всего комплекса связанных с ним идей, бывшего в начале века составляющей частью русского массового сознания (что, например, наглядно иллюстрирует творчество волжского босяка Максима Горького). Иден сверхчеловека, сильной личности, преобразующей мир в соответствии с собственными представлениями о нем, находят адекватное выражение и в поэзии Гумилева. Неудивительно, что в сознании читателя-современника поэт запечатлелся как ноэт-воин, нассионарий, высокомерно отвергающий сумятицу простого бытия.

Конечно, у Гумилева есть не только это. По это - основное.

Ментальность, занечатленная в стихах Гумилева, очень сходна с революционным миросознанием — и это тот вывод, который нарадоксальным образом подтверждает один из немногих литературоведческих постулатов Ленина. Художник, как бы он ни относился к современности, всегда отражает в своем творчестве состояние окружающего мира. Настонций поэт, Гумилев сумел уловить главный смысл происходивших мировых изменений, опасное (по тем и притигательное для него) ужесточение ритмов наступввшей жизни, сумел сформулировать новые приоритеты человеческого сообщестна и национальные приоритеты — и выралить все это в замечательной художественной форме.

Гумилев первым примерил солдатскую шппель, в которую потом облачилась вся наша

литература, и сделал он это — не забудем — но собственной воле.

Стоит усомпиться в позднем свидетельстве Ахматовой о «ненависти» Гумилева к своим блистательным «Капитанам» ²⁷ — стихи эти, по праву считающиеся одной из вершии гумилевской поэлин, полноценно выражают основные мотивы всего остального творчества поэта и являются подлинной квинтассенцией его индивидуальности. Капитаны и конквистадоры — настоящие герон Гумилева, и таковыми они навсегда остались для самого ввтора, для его читателей и последователей.

Быть может, сам Гумилев ужаспулся бы, узнав, кто стал его последователем и что стали провозглащать после его расстрела его ученики,— и тем пе менее, пеопровержимым фактом является то, что папболее мощное развитие его линия получила именно в условинх советской диктатуры, а самыми пламенными адептами гумилевского творчествв (при отказе от пекоторых его идеологических ингредиентов) оквзались комсомольские позты ²⁸. Молодость училась у Гумилева, и в ее новой поззии очень скоро уже было невозмож но разобрать, где кончается военный марш и начинается «Марш знтузиастов».

Название марша не имеет значения для тех, кто марширует.

Комиссарам полюбился Гумплев. И все же утверждение, что поэт низистся способразным выразителем коммунистического миросознания, не вполне правочерно (хотя резоны для этого, как уже сказано выше, достаточно веские). В этом убеждает илучение такой мало известной проблемы, как «Гумилев и фацизм».

В СССР официальный взгляд на Гумилева как на фашистского писателя вполие определился уже к концу двадцатых годов ²⁹ и был окончательно сформулирован Карлом Радеком в 1934 году: «Могут быть очень талантливые писатели, которые выразят в образах мечту фашистского головорезв (...), и это, может быть, будет больним художественным произведением. Мы имели такого писателя в России — Гумилева» ³⁰.

Это можно было бы принять за обычную пропагандистскую спекуляцию, если бы уже в это время ими Гумилева не стало использоваться нацистскими пропагандистами.

В немалой степени эта активность объясияется трагической смертью Гумилева от рук коммунистов. Но не только, «Как привлекательна фигура Гумилева! — восклицал один на авторов. — Как он мужествен и мудр! Среди почти повального демократически-социалистического безумия, господствовавшего в предреволюционном русском обществе, окруженный пустыми мечтательми, фанатиками лжи, болтунами, неврастениками, Гумилев смело ищет красоту жизни, восхищается грозным величием природы, размышляет о Боге, открыто показывает любовь к своему государю и к своей родине. Как верпый наладин, он защищает русскую культуру от нападений со исех сторон, от эпобных ударов писаревскогорьковского революционно-хулиганствующего ингилизма (...). Талантливый поэт был прежде всего неустрашимым бойцом. Формально — председатель Петроградского союза поэтов, он вел в действительности круппую поднольную антибольшевистскую работу» 31.

В этой характеристике, кажется, все верио, и все сполна подтверждается гумилевскими текстами. Поэтический образ Гумилева, старательно созданный самим поэтом, очень удачно вписался в мифологему гитлеровской пропаганды, и не просто вписался, по и,

похоже, действительно соответствовал ей.

Другой автор нисал: «Сейчас, когда все подлинию русские люди но ту и по эту сторону фронта с нетернением ждут оковчательной гибели ненавистного большевизма, когда подходит времи решительной борьбы за Новую Россию, стихи Инколая Гумилева звучат дли нас с повой силой. Нам дорога мужественная поступь его зрелого стиха, смелое разрешение лирического сюжета и, прежде всего, его постоянный страстный призыв к дерлиовенному героизму (...). Не хочется верить, что есть еще маленькие и пичтожные душойки, предпочитающие отсиживаться где-то в стороне от великих наших дней:

Неужель хоть одил есть крыса В гризной кухие иль червь в поре, Хоть один безгубый и лысый И помешанный на добре, Что не слышит несен Улисса, Иризывающего к игре?

 $\langle ... \rangle$ Сегодня пам гораздо ближе и поинтиее его простые, зредне строки о любимой родиве, о России. В "Колчане" Николан Гумилева мы находим стреды, которые ралит врага не хуже самолетов и танков» 32 .

Да, в этих и других подобных газетных текстах стихи Гумилева не просто «кстати цитируютси» — они пдеологически соответствуют им. Как ин прискорбно, гумилевские цитаты в коричневой периодике ничуть не менее естественны, чем в красной печати предшествовавших лет.

«Трудно связать с именем Гумилева идейные исканин»,— заметил один из современников поэта ³³. Это верно, по верно и то, что поэзия Гумилева идеологична: мировоззреное поэта запечатлено в его творчестве как статичный комплекс идей, имеющих несомпенное пропагандистское значение. Гумилев редко ищет, гораздо чаще излагает сумму хорошо усвоенных правил новедении, излагает просто и решительно, в явном расчете на читателя, который сам не знает, что делать ³⁴.

Идеологичность, телеологичность, дидактичность, национализм, героичность, патетика и подкупающия простота философии и языка — характерные черты поззии Гумилева, и эти черты долгое время импонировали читателям по обе стороны всех фронтов. Стрелы из «Колчана» летели в обе стороны.

И по обе стороны лилась кровь.

Лишь один вывод можно сделать из сказанного. Не коммунизм и ие фацизм проповедовал Гумилев. Это был перший поэт тоталитарной зпохи, а потому по праву может быть назван отцом русского тот-арта — главного искусства советского времени.

Ленин убил Гумилева, не узпав в нем лучшего певца грядущего века. Царь был злодеем. Но он был народным царем. А поэт был народным поэтом.

1 См.: Петрановский Виталий. Зобиви Юрий. «Поэт и вождь», «Смена», Л., 1990, 24 августа, с. 4 (приводится свидетельство А. Э. Колбановского - секретвря А. В. Лупачарского).

² Здесь и далее подтаерждающие ссылки ив мемуарные источники ве приводятся ввиду об-

щеизвестности последних.

См.: «Библиотека В. И. Ленинв в Кремле». Каталог. М., 1961, с. 504. № 6223.

Там же, с. 513. № 6398. 5 Там же, с. 482. № 5819.

6 Петренко Н. «Ленин в Горквх — 60лезнь и смерть» (Источниковедческие ааметки). «Минувшее». Исторический альманах. Вып. 2, Paris, 1986, c. 163.

Зильберштейн 11. «Зарубеживя биб лиотекв Ленина». «За рубежом», 1933, 25 янва-

ря, № 3, с. 6. Исчерпывающвя характеристикв традиционвых читательских интересов Ленинв содержится в целом ряде публикаций по теме, например: III а р а и о в Ю. П. «Ленин как читатель». Изд. 3-е, дов. М., 1990, с 9-50; Абрам о в К. И. «Лении как читатель бвблиотек». М., 1977, c. 3-4.

9 Иванов Георгий. [Вступит, статья]. Гумилев И. С. «Нисьма о русской поэзив».

Hr., 1923, c. 6–7

Обложенное заглавие: Львов Рогачевский В. «Очерки по истории новейшей русской литературы»: (1881—1919 гг.), М., 1920. См.: «Библиотека В. И. Ленина в Кремле», с. 486. № 5879. ¹⁾ Львов-Рогачевский В. Указ. соч.,

¹² Там же, с 139. ¹³ Там же, с. 140. ¹⁴ Там же, с. 140.

15 Бонч-Бруевич Влад. «Пометки Ленинв на "Квижной летописи" 1917, 1918 и 1919 гг.». «Литературное наследство». Кн. 7/8. M., 1933, c. 406.

Там же. с. 404.

"Коган П. «Декадентство». «Энцикловедический словарь Русского библиографического ииститута Гранат», т. 18. М., 1913, стлб. 154

158.

18 Новый энциклопедический словарь. Под общей редакцией К. К. Арсеньева, т. 1, СПб.,

1912, стлб. 713.

19 Ср. со следующим свидетельством информированного современника: «(...) большивство ленинского окружения, не отличавщееся интел лектуальными качествами, придерживалось ленииского мнения о необходимости упрощения форм искусства и требовато, чтебы все виды искусства стали доступны понрманию "широких народных масс". Восставая против формальных исквтельств, марксисты ленинцы сводили искусство к вульгарному реализму "верного отображеиия светлои советской действительноств"» (АвиеиковЮ. «Мейерхольд». «Новый журявл», кв. 72, Нью-Йорк, 1963, с. 152-153).

Троцкий Л. «Вие-октябрьская литература» «Петроградская правда», 1922, 19 сентября, № 210, с. 2—3; 21 сентября, № 212, с. 2—3. ²¹ Там же, 21 севтября, № 212, с. 3.

²² Цит. по: Троцкий Л. «Литература в революция», М., 1923, с. 84.

См.: Бухарин И. И. «О поэзии, поэтике и задачвх поэтического творчества в СССР». «Первый Всесоюзный съезд советских писвтелей». Степографический отчет. М., 1934, с. 480

481. ²⁴ Виноградов Л. К., Панков Б. В., Бессонова А. Ф. [Встувит. статья] «Библиотека В. И. Ленина в Кремле», с. 24.

²⁵ См., например: Боич-Бруевич Вл. «Лении о поэаии: набросок из воспоминаний». «На литервтурвом посту», 1931, № 4, с. 7.

²⁶ Примечательна, скажем, таквя перекличка между ранними стихами Гумилевв и реальностью 1917 годв, запечатленная современником: «С Финляндского вокзала въехал в Петроград не революционер даже, а фанатический конквистапор, думавший не о народном благе, а о завоеваини всего мира (...). И с первого же его выстунления явно "аапахло серой"». (Рафальский Сергей. «Их памяти». Статьи. Париж, 1987, с. 91).

См.: «Самый неврочитанный воэт», Звмет ки Аниы Ахмвтовой о Николае Гумилеве. (Подготовка текста К. Н. Суворовой, вступит, заметка, сост. и прим. В. А. Червых), «Новый

мир», 1990, № 5, с. 223,

Существует общирная литература на эту тему, в связи с чем конкретную аргументацию позиции овускаю и отсылаю читателя к публикациям по данному вовросу. Весьмв обстоятельны и интересны следующие работы; «Дру а и и В. «Кризис в возани», «Жизнь искусства», 1929, 7 апреля, № 15 (1335), с. 6; Зеливский Корнелий, «Кевтавр революции» (О Владимире Луговском). «На литературном восту», 1929. № 6, с. 46, 49; Оксенов И. «Советская поэзия и наследство акмензма». «Литервтурный Ленинград», 1934, 26 мая, № 24 (46), с. 3; Поступальский И «По врямой дороге». «На литературном восту», 1929, № 23, с. 67 -74; Рыкова Н. «Элуард Багрицкий». «На литературном посту», 1929, № 13, с. 61 68; Стевви о в Н. «Поэтическое настедие акмензма». «Ли тературный Левинград», 1934, 20 сентября, № 48 (70), с. 3; и многие другие.

См.. Бески II О. «Гумилев Николав Степвиович», «Литературная энцикловеция», т. 3,

М., 1930, стлб. 81-86.

⁰ Радек К. Б. «Современиая мировая литература и задачи пролетарского искусства». «Первый Всесоюзный съезд советских писате-

³¹ Балясный Андрей. «Опоэзии Н. Гумилева», «Мотва», Одесса, 1944, 14 января,

Шматов Г. «О доблестях, о подвигвх, о славе» (Ко дию смерти Николая Гумилева). «Заря», Берлин, 1943, 1 сентября, № 69, с. 4. «Вестник литературы», 1921, № 10(34),

Со. со свилетельством Н. Сиупа: «Потребность распространять вриобретенные знаяия, "Уча учяться" и даже просто учительствовать была (...) очень сильна у Гумилева» (Оцув Николай. [Вступит. статья] Гумилев Н. «Избранвое», Paris, 1959, с. 15.).

Кейс Верхейл

КАЛЬВИНИЗМ, ПОЭЗИЯ И ЖИВОПИСЬ

Об одном стихотворении И. Бродского

Судя по тематике его стихов и прозы, можно сказать, что есть голландский Бродский, равно как есть и анг инский, американский, итальявский, французский, литовский, мексиканский, китайский и, разумеется, также русский Бродский.

Существованио годландского Бродского неудинительно ввиду того, что поэт родился и первые тридцать два года своей жизни провед в городе, созданиом плотником из Сардама, - в городе, где современный человек из Амстердама не может чувствовать себя на чужбине, хотя бы потому, что в его пределах находится место с назвышем Нован Голзандип.

Не хочу дадерживать читатели перечнем всех гозлындских мотивов и ассоциации, которые можно наметить в творчестве Бродекого любых периодов, Остановлюсь всего лишь на двух более общих чертах его поэзии и пролы, так или иначе тесно связашных с представлениями о мосй страце.

В критической литературе о Бродском пока еще мало замечено, что поэт в своих эссе несколько раз выражал свою особенную свынатию к кальнинилму как той форме уристианства, которая ему, кажется, больше по душе, чем прапоставие, католи чество изи эютеранство. Предпочтение Бродским кальрвизма не может не поразить человека из страны, самое существоваяие которой есть продукт кальвинизма и культура Которой до такой степени пронитана им, что не только наши протестанти, по и католики и даже неверующие признают себя - обычно с самосожалением и с пронцей - кальвинистами по образу мышления. Чтоб быть еще чуть-чуть более личным: симпатия первого русского поэта современности к кальвинизму, репутация которого греди интеллектуа гов Запада стоит, пожатуй, ниже зюбого другого вида уристианства, не может не удивлять и не радовать четовека, крещенного, по решению своих родитезей, в индертаидской либерально-реформаторской церкви и, несмотря на свое влечение и в иним формам веры, до сих пор принадлежащего ей.

Привзекательность кальвинизма дзя поэта Бродского связана, как мне кажется, прежде всего с центральным кальвинистским тезисом о далекости Бога от человека. Между божественным и человеческим де-

жит бездна, пропасть: с одной стороны, абсолютная, неизменимия справедлиность Божьей, для человека непостижимой вози, с другой стороны, абсолютная личная ответстиенность человеческого индивидуума за каждын свои поступок перед пеличием этого далекого и ему непопитного Бога. В результате такого жизпенопиманин создается, если говорить уже на языке не XVI, а XX века, та этика абсурдз, которан всегда была свойственна мыш зению зрелого Бродского.

Вторан общан голландская черта позиции Бродского зто его интерес к живовиси голландских мастеров. Для русского позта, жившего столько лет в пятна цати минутах ходьбы от Эрмитажа, такой инте рес, конечно, внолне сстествен. Любонытнее другое - то, что мотивы из голланаской живонией живут и стихал Бродского и ненвион, скрытои жизнью. Вместо трафаретных колькобежцев или мезьпиц, вместо стихотворных описаний каких-то конкретных картин у него существуют, например, потвенные рембрандтовские астоцвации в глубине темзтики таких его шедевров, как «Авраам и Исаак» и «Сретенье»

Оба указанные мяон момента, так сказать, голландизма Бродебого - кальвипизм и живопись — связаны между собой. Но одному из первых догматов уристианства Бог есть Слово Для человека, имеющего свои кории в кальиинизме, это значит. что есть бездна несоответствия между Божеским и человеческим словом. Или, вернее, это значит, что человеческое слово уже само по себе есть парушение некоей Божьей привилегии. Если Бог есть Сзово, явленное во Христе, в мироздании, в Священиом Писании, то человеку полобает молчать, и, когда ему захочется выразить свою точку зрения на мир, ему, вместо того чтобы писать стихи, лучше сесть за мольберт и написать картину. (Объясиние позтому парадоксальное и, во всяком случае, сенсационное обращение в катозичество но время полного триумфа кальвинизма в молодой республике - поэта Воидела. классика нашей литературы и одной из ключевых фигур европейского барокко, с которым, кстати, есть у Бродского принциппальная дозя сугд гва. Оно вызвано, насколько такие вещи вообще можно объ-

Кейс Верхеил - писвтель, профессор русской литературы, специалист по творчеству Ахматовой. Автор книги «The Theme of Time in the Poetry of Anna Akhmatova» («Тема времени в ноэзии Анны Ахматовой») и др Живет в Годландии.

ясиять, чисто профессиопальной иеобходимостью художника слова, развившего амбиции, соответствующие есо пеобычному таланту, запечатлеть свою речь.)

Противоположио, а в некоторых важных случаях, как я предпочитаю думать, комплементарно по отношению и кальвинизму православное вонимание христивиства: если Бос есть Слоао, то в каждом челоаеческом слове есть хотя бы зачиток божественного. Со саейственным ему духовным экстремизмом Бродский идет по этому нути по конца, настанавя на формуле - в пределах налывинистского миропонимания уже совершенно немыслимой - о божественности или даже надбожественности языка и не различая при этом божественный и человеческий логос. Сознание неизбежной срехоаности всякого словоупотребления и, тем более, всякого писательства, которое в русской литературной традиции мы находим, панример, у Ахматовой, у Блока, у Тютчева и, конечно, сильнее всего у позднего Гоголя, Бродскому кан будто чуждо. Вера в нанаысшую ценность поэтического слова привела его, однако, к ряду грандиозных стихотворений, сделав идеальным антинодом идеального голландского ху-

С культурфилософской точки зрения можно в итоге гоаорить о вальвинизме этики Бродского при подчеркнутом анти кальвинизме его поэтики !

Кульминацией интереса Бродского к голландекой живописи до сих пор приходится считать его стихотворение «На выставке Карла Виллинка». В этом стихотаорении имя худоменика, не классика из XVII века, а соаременника (Виллинк родился в 1900 г. и умер в 1983-м), упоминается уже в названии.

Спачала расскаку коротко о станоаления этих стихов, саидетелем которого я отчасти стал. Ранним летом 1985 года Иосиф был, а который раз, не помино, а Амстердаме, где у несо оказался маленьяні комилект с шестнаддатью репродукциями нартипочень известного в Голландин, а за границей сравнительно неизвестного, педавно перед тем умершего художника Карла Виллина. (Полу туверждает, что он получил комилект нак подарок от дамы, ноторой стихотворение посвящено,— к сожалению, ее ими выпадало из нескольких публикаций; сама дама, наоборот, при всей благодарности за посвящение, о поддраке катего-

рически инчего не помнит; лично я силонен понимать утверждение поэта как пример того, что Пастернак, кажется, называл «лирической правдой».)

Посиф вериулся в Штаты и оттуда мие сообщил по телефону, что он иншет ствхотворсиве о картинах Видлина, и спросил, знаю ли я, как кончил свою жилыжудожник, не самоубийством ли, вотому
что в таком дуже он уже написал в своих
стихах. На мои слова, что художник, накослько я авию, умер «нормально», Иосиф
ответил, что это неаажно. Суть иден самоубийства в его стихотворении была общвя,
абстрактная.

Примерно месяц спустя я получил онончательный текст с просьбой перевести его и передать нашей общей подруге.

Пераый раз стихотворение было опубликоаапо парадлельно по-русски и по-годландски а аметердамском журнале с названием из русской литературы «De Revisor» (1986, Ne 1). Название произведения и по собственной инициатиае несколько изменил. В орисинальном маницонисном тексте было: «На выставле Кейса Вейлинка». Не мие судить, насколько а замене имени художпика (аместо «Карла» - «Кейс») тоже обнаруживается своесо рода «лирическая правда». Тогда я, по крайней мере, решил, что се нет. Фамилия Виллинка во всех русских изданиях и в переводах, которые я аивел, кроме солландского, написана оплибочно. Дата, и иногда фамилия в посвящении,

Цитирую стихотворение целиком:

НА ВЫСТАВКЕ КАРЛА ВИЛЛИНКА

Аде Струве

I I

Почти пейзан: Количество фигур, в ием возникающих, идет на убыль с надизавом статуй. Мрамор белокур, как панзивнку вывернутый уголь, и местность вийтей сезерной. Плато; гинерборей, взъеропиваций кашусту. Вес так горизонтально, что никто вас ие прижмет к взволнованному бюсту.

- 1

Возможно, это — будущее Фон раскаяния. Мести сослуживать Глухого, по отчетливого свой». Внеалиного приема джиу-джитсу. И это город будущего. Сад, чак ааросля рассматриваень в оба, как ящерица в тропиках — фасса гостниция. Тем паче — небоскреба.

111

Возможно также — прошлов. Предел отчаяния. Общая вершина. Глаголы в длиной очереди к «л». Улстшаяся буря крепдсинна. И это — царство прошлого. Тропы, заслохиувшей в действительности. Лужи, храницей отраженья. Скорлуны, увиденной янчинией спяружи.

IV

Бесспорио — перепектива. Календарь. Верней, па воспанивникат гортаней тунневь в неихологическую даль, свободную от наших очертаний. Н гизоку, подробнее, чем ваор, анакомому с ландшафтом неустеха, сподручней выбрать большее вз эки в расчест вы чукствитььное эхо.

v

Возможно — натюрморт, Падалека вес в раму заключение метино мертво и неподявижно. Облака. Рекв. Над ней кружащаяси итичка. Раввива. Чисто именно она, принять друсую форму не умея, становится добачей полотиа, открытик, оциваданьем Птолемоя. Птолемоя.

ν.

Возможно — жбра моря вли тигр. Смесь скинутого платы и врегра ы облизывает циклолтия инре и затару неспособной балестрады, и время, минтся, к всчеру. Жара; сняв потный молот с пильной наковатыни, настойчивое сого комара кончести оващиями спальни.

VII

Возможно — декорации. Дают «Прумственность к Розлуке об Спедствена». Принетствуя уют, пенца не столь пензы, коль билоруки, и «до» авучит как временное «коль билоруки, и «до» авучит как временное «коль билоруки, выструк, как какия вы-под крана, вибрируя, над проволокой пот парит лучююблайсе соппано.

VIII

Бесенорио, что — портрет, но без прикрає; поверхность, чы землистью оттенки естественно приковывают слав, тем более — поставленного к стенке. Ноодаль, как устунка белизне, клубятся, сбивнись и тучу, олимпийцы, сплиою чум брошенный извив взгляд моняющим загляд; самоубийцы.

IX

Что, в сущности, и есть автипортрет. Шат в сторону от собственного тела, повермутый к вам в профиль табурст, вид надали на жизнь, что пролетель. Вот это и зовется «мастерство»: способность не стрыциться протедуры пебытия — как формы своего отсутствия, списае вто е натуры.

Человеку, знающему отдельно и позаню Бродекого, и живовие Виллинка, смысл их сочетании сразу неизтеле. Вообие высаь о Виллинке как адохновителе лениисрадского поэта вполну естествения, и кажестся странным, что полландский чудожник инкогда не был в Ленинсраде. За год до написания Бродевим стихов и бел асивой дальнейшей связи с неми я, изходись а Ленинграде, сделал такую запись в своем павания.

«После копцерта (в Капелле) прогулка по светлому вечеру» — дело было в белую почь. «Только здесь и там нескепьво нешеходов. Зимини дворец, широкая илощадь перед ним и а отдалении Исамкевский собор под зловещим летиим пебом — первовлассная вартны Виллинка».

Дап этого художника, как и для ноэта Бродского, уарактерно слинине, иног м пововое, строгого влассицизма с тивичным для лоалнатого века онущением усроды. катастрофичности, конца. Истови стиля Виллинка - в репессансе, а «идеальных» или «геронческих» пейлажах Лоррена и Пуссена в, что касается портретов, а образцах этого жапра у Рафаэля и Да Винчи. Единственное собственно солландское и, если хотите, кальаниистское у Виллиика. это - холодное, беспощално пркое северпос осаещение его непавжей и портретов и их общая атмосфера веуловимой жуткости, из-за чего Виллишка обычно свизывают с сюрреализмом. В одном питервью художник так сфирмулировал исихологическую направленность своих вартин;

«Я и пображаю постоний ую угрозу и совершенный абсурд происходищего вокруг меня, эловещность и абсурдность асего миропоридка».

Добаньте любимый прием Виллинка смешнавния классических образон с инпо соиременными или фантастично-будущими; добавьте его пристрастие к архитектуре и к статуим, как заместителям живых фитур; добавьте еще его тигу к дюбросовестной технике и к кропотливому мостерству; добавьте, наконец, то, что дучший критик, написавщий о Виллинке, наявал его странне «застывшим», состолбененым комором, и вы ноймете, почему и считаю, что, есаи думать об иллюстрированных вадлинях Ероде бого, пичего лучщего, чем репродукции картин Видликка, ве найги.

что касается русского стихотаоренна охудожнике, то но всебыниовенно занитересовало адову Выллинва — художнику и екульяторы. Она обратылась ко мне вык переводчику незнаконого ей авторы: ее поразила совершенных точность, с которой этот иностранец сумел удомить в своих словах суть того, что ее муж вложил а саои вартины.

Возвращаясь к тексту Бродского, аместо общирного амализа ограничусь заметной об одной есо особенности. Меня всегда поражала сравинтельно аторостепенная роль-

¹ Саосто рода поэтический кальвинам чувствуется, с силой непревзойденной в вые русской литературы, в с ухой и напрочито «некрасипой» прозе Льва Толстого, единственного классина своего язытые, с которым, по-видимому, Бродекий инкогда не опучнал духовного родства. Удивительную бланость астетния граф Толстого к географически далекому ему кальвинаму надо, скорее всего, рассмогреть как последетные влияния на него Руссо, писателя, рожденного в гороле самого Къльвина.

которую в нем ягрвет описательное начало. Что, наазлось бы, может быть естественнее, соблазинтельнее, чем понытаться воссоздать в слове то же свмое, что художинк сделал а цвете, то есть понытаться вызвать у читателя сходные зрительные впечвтлеция? Тем более пля такого поэта, как Бродский с его особым заром воспроизводства визуальных эффектов.

Некоторая описательность есть, разучеется, и в стихах «На выставке Карлв Виллинка», но небольшая, как мне кажется, может быть, даже меньшав, чем в других произведениях поэта. Создается внечатление, что стихотворение Бродского о выставке - это, преисде всего, не попытка сорешования с живописцем, а претворение его зрительного мира в чисто словесный, поэтический. Конечно, можно понимать де вять строф стихотворения и как прогулку по выставке, где поэт останавливается перед девятью разными картинами (на престравляти, выдюченных в комилект репполукций), перезавая цам свои спонтанные висчатления и ассодиздии. По такое попимание дает довольно бедиме результвты; во-нервых, потому, что живопись Виллинкв очень далека от свободной ассоциативности, обоснованной поинципим Роризаха, а во-вторых, ассоцнации позтв слишком последовательны, сдинком связвны между собой, чтобы соответствоявть произвольному, «но ходу» сделанному взгляду на коллекцию разнородных картин.

Имеет суысл рассмотреть это стихотворешне не столько как ряд случайных, от вценних стимулов зависпирах импрессий, сколько как обычное для Бродского постепенное ризвитие, в строфе зв строфой, в метафоре за метафорой, в шутке за шут кой, однов линип идей. Основная форму ча фразы без сказуемого создвет ряд вари антов определения чего-то общего, инкогда прямо не названного поэтом. Определение этого чего-то - то ли внутреннего эрения хуложника, то ли внутреннего зрения человека, смотрящего на его квртины, -- становится к концу все более точным, более сжатым.

В ходе этого процесса поэт уже в третьей строфе вереходят от зрятельной к языковой, даже грвыматической термипологии, а в четвертой и терминологии музыквльно-поэтической:

> И голосу, подробнее, чем взор, знакомому с ландшафтом неуспеха, сподручней выблать большее на зоав расчете на чувствительное эхо.

В ионце шестой строфы и дальше, в седьмой, идея языка плюс музыки приводит, как естественное свое продолжение, к идее какой-то своеобразной оперы, созданной в результате сотрудничества художника с поэтом и их обоих -- с музыкальным гением. - и так далее.

Если думать о прецедентах, стихотвореяне Бродского создает аффект, примерно сложни с тем, что произвел Мусоргский в своей музыкальной «Выставке». По есть в вем и нечто схожее с тем, что сделали вместе русский композитор Игорь Стравин сьий, писовальник XVIII века Хогарт и любичый Бродским английский поэт Одэн в «Приключениях повесы». В нашем случае получилась современная философская опера с аллегорическими фигурвии в стиле барокко; декорации - голландец К. Виллинк: либретто я музыка - русский поэт 11. Бродский.

В завлючительных строфах происходит еще одна трансформания. «Это» теперь воспринямается спачала как просто по-PIDET, HOTOM KAK TOT *ABTOHODTDET*, O KOTOпом виниет в интересной статье про этот прием Бродского Валентина Полухина. Вместе с тем етихотворение превращается в размышление о судьбе художникв-живописна, или художкика-поэта, или художника музыканта, или художника-историка, или художника-астронома - кажется, в девяти строфях фигурируют более или менее прозрачно интомиы всех девяти Mya.

Мысль поэта, как я думаю, здесь сосредоточена над сутью самого свова в понятия «ввтопортрет». Как известно, ввтопортрет - чисто техническя самая трудная задача для художника - есть окончительное доказвтельство его мастеретва. В языке наралоксальность далачи отражена в классическом термине для этого жапра: не «автоноптрет», а «портрет художинка», «portrait de l'artiste», «portrait of the artists.

Вець человек себп изображать физически не может пначе, как в виде художникв салясь одновремения и к аеркалу. И за мольберт. Пругими словами: если жанр автопортрета автоматически значит уничтожение художником себя как не-художника и в этом суысле является формон самоубяйства, то ставится страшноватый вопрос: кто вообще изображен в автопортрете? Если бытовая нерсона в нем бесследно исчезла в художнике, тогда где остался Карл Виляник, гле остался Посиф Бролский, гле астялась назнина между ними? И еще вопрос; где осталась разиина между изображением своего Я и изображением любого другого предмета?

Последняя мысль и последний эффект стихотворения, но масму висчатлению, как-то головокружительны. Подобио тому, квк это происходит в гоголевской поаести, портрет перед глазами читателя арителя втруг растапвает, и медитативный ход по выставочному звлу изчинвется снова:

Почти пейзаж, Количество фигур,

Борис Парамонов

ной и хамы

Трвктовьа формального литературоаедения как мировозарения, а не метода -- де то не очень новое. В. М. Жирмунский говория в связи е этим об эстетизме формалистов какмировоззренческом корелите метода. Эстетизм в то же время слишком часто принямыет черты не теоретического мировозарения толььо, но и жизненион, экзистенинальной позиции. По этому последнему признаку формалистов впозне возможно причислить к романтикам, как бы сами они этому ин противились, «Бурные гении» - впоэне романтическая харавтеристика. Особенно это подходит к Шваовскому. Но это, конечно, некий «новый романтизм», вдохновляющийся не бапризом, импровизацией, экстазом и хаосом, а сворее по новому поцитым порядком, если угодно — пормов. Ром натым тут существу ет в самом моменте вдохновения и прозелитизма, в ненности, на этот раз иснове дуемые, -скорее кляссицистического типэ. В теория - формализме как такцаом - это вафос «сделанностя» в испусстве, «вскусство как прием», установкя на мастерство, осознамие профессионализма. В эстетической практике - скажем, конструктивизм. Но им в коем случие цельзя забывать футуристической молодости движении: как раз романтического хаосв было в футурныме больше чем доствточно. Шклоаский не «теоретический человек» прежде всего по своему темпераменту. Это но случайное обстоятельство,

Как это бывает с людьми по-пастоящему значительными. Шкловсьий сумел свизаться сразу, в нервом же своем сочинении - статье «Воскрешение словв». Данную здесь формулу надо знать и повторить, нока она не авучится напаусть, - здесь дан бультурный протноз векы:

«Только создание новых форм искусства может возвратить человеку переживание мира, воскресить вещи и убить пессимизм».

Искусство, таким образом, это не только «прием», это еще и средство — отнюць не цель в себе, как может новазаться даже и при доствточно углублением чтении формалистских текстов. По еще более гаубокви уровень понямания ведет к выходу за предедн ИСКУССТВА: В «ЖИФІЬ», ЧУТЬ ЛЕ НЕ В «ТЕУРГІНО» СИМВОЛИСТОИ, ОТ БОТОРИХ ФОРМАЛИСТЫ особенно настой чило открещивались, «оттаживались». Последнее слово я азял а каамчки, нотому что я современном языье оно удвоило смыса, и сейчас «отталкиваться» все чаше означает не только «отказываться», но и «исходить», брать за основу»; эта амбива јентность лучше всего вырвжает подзинное соотношение двух течении. Поздвениее лефовское «искусство-жизнестроение» уже чуть ли не прямо выводится из символистской уствновки на теургию. Об этом уже писвлось (Ю. Давыдов).

Правда, как раз Инкловского вроде бы следует отличить от теоретиков «искусстважизнестроения» - он в ЛЕФе продолжал настанвать на чисто эстетическом измерении искусства, и галета, скажем, для исто не «коллективный организатор», а литературный жвир, возможная новая форма искусства. Именно тогда, в середине дваднатых, он прованее замечательную фразу о том, что судить о жизни по искусству все равно что судить о садоводстве по варенью; эта фраза не только дезавунрует «реализм», но и имплицитно отвергает любые «теургические» выходы искусства. Однако недьзя сивть с Шкловского ответственности за этот сверээстетический максималиам ибо в лепом искусстве он его и постузпровал,

Соответствующую цитацию можно продолжить. Вот самая, пожалуй, знаменитая формула:

«Так пропадает, в ничто вмеияясь, жизнь. Автоматизация съедает вещи, жебель, жену

и страх войны».

Отсюда, как известно, идет у Шклоаского учение об остранении — способе обновить достранение вещи — всех перечисленных аыше вещей и состояний. Но именно в этом риду остранение оказывается чем то лано сверхастетическим. Менв элесь особенно заинтересовала «жена». В работе о Розанове Шкловский дает большую цитату из него, убеждающую в псобходимости «остранения» для обновленного пережвания супружеской изиани: этим «остранением» оказывается обыкновеннейшав супружеская изичея. Пример показывает, что терчины Шклоаского имеют анеэстетическую корреспонденцию, по крайней мере, кавты не из наблюдений над Веселовским для Потебней. В статье «Искусство как прием» Шкловский пишет, что остранением ввлиются вообще эротические образы. В общем, оно действует не только а вкусстае.

Вот поэтому Шкловскому и поправились «революция и фронт». В «Септиментальном

путеществии» он описывает революционный быт:

«Люся встала и затапливает печку документами из Центрального банка... Из длинной трубы, как из ноздрей курильщика, подымаются тоненькие гадины дыма.

Встаешь, вступаешь в валенки и лезешь на лестницу замазывать дырки.

Каждый депь. Лестницу из комнаты не выносишь.

А печника не дозовешься. Он в городе самый нужный чвловек. Город отепляется. Все решили жить...

...Хорошо жить и мордой ощущать дорогу жизни.

Сладок последний кисок сахара. Отдельно завернутый в бумажку.

Хороша побовь.

А за стенами пропасть, и автомобили, и выога зимой.

А ны плывем своим плотом.

И как последняя искра в пепле, нет, не в пепле, как темное каменпоугольное пламя.

А тут То-ло-нен. Одно слово — Финляндия».

Филлиндип не интереспа потому, что жизиь а ней автоматизирована, ничего пе происходит, точнес — не ощущается. А соцвализм — в ренолюции — был интересен, иак путешествие в ковчеге. Об этом Шидонский инпист в статье «Десать, лет». И это не потому, что несколько лет существовала эфемериан эстетическая свобода, а потому, что у карматид Эрмитажа играли а городки, а из торцов Дворцовой илощади прорастала трава. Город «остранвлев».

Даже классик Ходассвич признавал, что Петербург стал тыгда еще прекраспее — в начапиемся моменте тления. То же писал Эренбург в «Трипадцати трубках»: «Заштатнан столица была величественна и прекрасна». Он же цитпрует в мемуарах стихи сераниоповой сестры Елизаветы Полонской — о впервые почувствованной ценности крох битии — хлеба, дроз: ср. выше у Шкловского.

Реаолюцив и война были способами остраненив как не эстетического уже, а социального действин. Чтобы почувствовать аойну, нужен реальный страх, реальнав война.

Есть лагерное выражение: научить свободу любить. Для этого нужен - лагерь.

Вот почему мировоззрение Шкловского, скрывающееся за методом формального литературовления, можно назвать не эстетизмом уже, а траседийных гедонизмом.

Это форма, авдивит индишевиства. (Можно вспомнить и Кьеркегора, отождествлившего эстетическую форму сознания с чувстаенным экстремизмом.) Получается, что Шкловский не так уж далеко отстоит от какого нибудь теургического Вичеслава Иванова. Футуристическии реаолюция отноль не была разрыаом с соаременной ей традицией — она только по-люгому се фоюмульговаль.

Остранению.

2

«Младоформалист» Л. Я. Гинзбург пишет («Челоаек за письменным столом»):

«Опояловское течение в широком смысле (гораздо более широком, чем опоязовцы и их ученики) было частью антисимволистской реакции (от футуристов и акмеистов до обериутов) на культури начала века. Как и вся противосимволистсках реакция, формализм
многому учился и научился у символистов. Формализм быстро и в основным изнутри
распался как дозма, но как фермент он пройолжал работать впрок. Эпохален формализм
еще тем, что в своей склонности к аналитическому разъятию он был неузнамным двойником исторического и социологического внализа. Антиподом и двойником — что как-то
увязывалось в большом культурном развороте».

«Исторический и социологический анализ» — это попросту марксизм. Но даойничество ис только в совпадающей редуктивистской установись, оно еще и в позитивной, строительной программе — в том «конструктивизме», который выступает общим сталевым значенателем политики как художества, революции как эстетического проектв. 200 Большой стиль зпохи — уговия. Это включает и символизм, и Бердяева, и гностические фантазии «Ладомира», в последием же — Федоров плюс ленинские пужники из золота. Но а утолическое строительстаю были включены не только символические теурги и футуристические самовитые слонеспини — в него включились массы. Это былы всеобщая мобялизация, начавивнося в 14-м гиду.

В гедонизме Шкловского, при всех его инишеанских обертонах, пашла выражение, как сказали бы тогдашиме социологи, учившие житъ формалистоа, «психоидеология» вот этих самых масс. Беоляев был прав, говори в «Вехах» о стадах инпивиумацетов-инишеаниев.

Индивидуализм военпообязанного — неихология отпускника, если не мародера. В урсской литературе как раз в это времв появился такой отпускной солдат, Николай Тяхонов, – явление очеть значительное.

Тихонов заставляет вспомнить трактовку футуризма, данную Корнеем Чуковским: не столько будущее, сколько давно прошедшее. Арханач, вараарстао:

Я одержимый дикарь, я гол...

Тихонов — человек Шклоаского, иаходищий в аойне и революции повод для обновлен ного переживания бытия. Остранение идет рука об руку с эротическими нереживвниями:

> Ои расскажет своей невесте О забавной, живой игре, Как громил он дома предместий С броненоездных батарей. Как пленительные полячки Присылали письма сму, Как выовы и водокачки Умирали в красном тыму.

У Шклоаского мы вправе видеть некий всеобщий культурный синтел, потому что оп в собственной эпохальной личности объединил пафос конструктора, конструктивиста с элементарной (то есть стихийной) чувственностью реасрвиста культуры. Иногда он кажется инкарнацией руссоистского дикаря-философа. Ипогда — неким удавшимся Писаревым.

Интересно, что и в символизме была уже такая удача — Сологуб: кухаркии сын, пошедший не в писаревское естествознание, а а тогдащию сексуальную революцию докадентов.

И если спроецировать асе это на Ницше, то получится даже нв искусство как воля и обману, а самый настоящий белокурый бестия.

И глаза стальной синевы.

Стихи Тихонова до «Орды» плохие, по одно названо очень хорошо — «Перекресток утопий».

Тихонова можно вывести на Бинлинга или даже, еще верней, из Гумилсва, но движепне на Восток у обоих, столь ревностно повторенное Тихоновым, вело к тому же Ницше, к Заратустре, говориашему, что женщина создана дли услады вонна.

Отнускной солдат он же и мертами встанет, чтобы пойти к жене.

Так что мертвые вставали не только у Горького, как вспоминает Шкловский в «Письменном столе». Его мало попятная сейчас любовь к Горькому идет не только от восхищепия горьковским некановическим Толетым кам введения в беллетристику бессижетного документального материала, на манер Розанова, но и родственностью с Пицие.

У Шкловского можно заметить, каи и у Горького, признаки садистической исихологии. Гедонизм этого требует.

Ибо ласкать, учил Шклонский, хорошо бранными словами.

Всяческий конструктникам блилок к архамческому вараарстау, потому что в нем происходит некое упрощение, примитивизация, отказ от культурного излишества. Это Пикаесо и иегреизи скультуры: Аполлом чернивый, как писали футуристы. Особенно упрощается пеихология, собствению, даже умичтожается. «Психоложество», — говорил Манковский. Незлюбов Индовского к римапу — отегода.

Но-другому это называется арханческой реаолюцией. Поздвее об этом много нясал Томае Манн. Но а России писали раньше:

> Постронв из земли катушку, Где только проволока гроз, Ты славишь милую наступку У ручейка и у стрекоз.

Будетлвие, писал Шкловский, осознали в испусстве работу всков: увидели в нем элементарный чувственный кест, радостное переживание.

Шкловский знал Фрейда и часто семлался на него, но одну его страницу пропустил незамеченной: где тот гоаорит, что дикари, вынужденные иногда работать, ритмизируют физические усилия в лад промоносимыми эротическими словами. Этому не противоречит учение Шклоаского о художественной речи как аатрудненной, запражанной. Все это не более чем «пытка эвдержанным наслаждением» (формула на «Teopha прози»).

В любви, как и в теорпи литературы, Шкловский был, по словам Эльзы Триоле,

специалистом (мемуары А. Чудакова).

3

Выло бы последним делом разговор о Шкловском свести к его индивидуватьной, хотя перазурядной, психологии. Большой человентем и отличен, что предствантелен, типичен Шкловский, субъектывно переживава как бы поражение, писвы, что нужно долять не историю, а биографию. Но он и делал историю своей биографией. Его биография моделировала громадный исторический сдвиг.

Он — победитель, победу которого не сознают, вроде Барклая.

Внимание, а похоже, что и любовь Шкловского к Роаннову не случайны. Ов выяз по-звоему выразия его тему о наступлении мировой эпохи нерепрессионой культуры. В сто, Шкловского, конкретном деле это было десублимацией искусства. Все учение об остранения можно спести к этому: не идеальные образы создает искусство, а углубляет и утоичает чувственный оныт.

Как всегда, новое оказалось корошо забытым старым. Запакло «Сатиракопом» и инрыми Тримыльучона. Сюда хорошо подверстывается кьеркегоровский Иеров.

Мие расскамывал один москвич, хитростью проинжинй в просмотровый зал, г це изальство приничало «Сатирикон» Федании, что у поменклатурициков сложилось твердое висчатление, будго этот фильм — вариант «Саладкой жилян» и повестнует об эрели ческих и гастрономических играх верхов импешией буржувани. Фильм принит ис бил и в сои-теком прокате не появился, поскольку был оценен как пронаганда бур куалного разложения.

Если это и выдуманю, то хорошо. Это Шкловскому и его компании пское возмездие: уж очень активно провели они кампанию по реабилитации плоти вскусства, слишком бурно дезавунровали «буможные страсти» (Мляковский). Всический «астой» — это реакция на революцию, а не просто дурной эстетический вкус. Люди, уставшие от революции, желали читать романия: роман требует кушетики, он отдолжовенен.

А Шкловский подсовывал повый жанр — газету, а которой писали в основном о непринтностях.

В конце концов был достигнут комыромисс, известный как «социалистическый реализм».

Сопредлизм, взятый в его сталинском варианте — с каноштвацией Маяковского, по и с уходом от девого искусства в «психоложество», — очень большан тема: о конце революции, конце утония. В длительной перспектные это был новорот к лучнему, если угодно — к человеку Достовского, взятому со всеми его почесываниими. Полдпес поэт скажет: «ворюги мие мялей, чем кровонийць».

Попачалу, однако, это был отказ от Татлииа, Малевича и Мельпикова, в для людей применения и Мельпикова, в для людей применения образа и Мельпикованным четимен — сказкой.

Дело было решено так: аместо эстетического авангарда создадим номенклатуру, когорая и будет опущать жизнь во всей чувственной полноте вместо того, чтобы декларировать чисто встетическую необхолимость таковой.

Писателям же было предложено создать собственную ном-яклатурмую элиту. И они на это с удонольствием пошли. Иначе и быть не могло: ведь больше всего писатель жвждет воплотиться.

Главное звдание соцреализма — даже не мифотворческое. Оно — в обнаружении испуслогия художественного типа, личности, в социальной мавифестации таковой. Тут пичет место обнажение прнемя в реализация метафоры: становяес платным функционером идеократического режима, художник превращается в жреца и начинает жрать. Может быть, такова и была перволичальная природа института жрецов. Соцреализм снова сина с него культурных покромы, лесс/одимировал его.

Розанов педаром любил православных полов за их вкус и осетрине.

Так и художник: следует говорять не о «вкусс» его, то есть не о чем-то «хучожественном», в о вкусе в смысле гастрономической эрудиция, об умения насытиться: Алексей Н. Толетой.

П. Я. Мандельштам рассказывает в первой кинге, нак в доме в Лаврушинском опи перемещались с отажа на этаж: у Шкловского почевали, а к Катаеву ходили на обмывку ордена. Нолучается, что Шкловский хороший, а Катаев негодий. На самом деле второй это эманация первого.

Шкловский и породил все эти тримальхионовы пиры.

По трагедийность со временем уходила, а гедонизм (так сказать, «чистый») оставался. Катаев нишет в «Святом колодце»:

«Мы жили в полное свое удовольствие, каждый в соответствии со своими склонностями. Я, например, злоупотребляя своим сверхпенсионным вограстом, старался ничего не делать, а жена с удовольствием готовила мне на электрической плитке легьие, поразительно вкусные застраки из чудесно разделанных, свежих и разнообразных полуфабрикатов, унакованных в целлофан,- как, например, фрикадельки из райских птиц и синтетические пончики. Мы также ели много полезной зелени - вробе силата латука, артишоков, пили черный кофе. Нам уже не надо было придерживаться диеты, но мы избегали тяжелой пищи, которая здесь как-то не доставляла удовольствия. При одной мисли о свином студне или о суточных щах с желтым салом мы теряли сознание. Мы объедались очень круиной, сладкой и всегда свежей клубникой с сахаром и сливками, любили также неред заходом солнца выпить по чашке очень крепкого, почти черного чаз с сахаром и канлей молоки. От него в комнате распространялся замечательный инфийский запах. Я же, кроме того, с удовольствием понивал холодное белое вино, пристрастие к которому теперь совершенно не вредило моему здоровью и нисколько не опьяняло, а просто доставляло удовольствие, за которое потом не нужно было расплачиваться. Мы также охотно ели мягкий сыр, намазывая его на хрустящую корочку хлебца, вынезенного не иначе, как ангелами. Я уже не говорю о том, что рино угром мы гавтракали рога шками со сливочным мислом и джемом в маленьких степлянных баночках, когорый напоминал зелению мазь или же помаду».

Здесь вроде бы присутствует ирония, носкольку речь идет о так называемом полустиронием существовании, по на самом деле эта потусторонность несто навесно вз разрядпоменклатурных привилегий, в число которых входят путешествия не на тот свет, а за грайницу. И не об проши пужно гошорить, а о наглости удачника, завющего, что «райская жанны» — это не совещенный, а просто из веккому достушими мыр. Как пислаг, кажется, та же Мандельштам о поменклатурном зите: «Пана, больше всего приятно не то, что бифштекс вкусний, а что у других такого мег».

У Кагаева это проравлось упоминанием суточных щей.

Очень хорошо гулилось а гридцать седьмом году (см. мемуары мачеми Лосова). Посадив соседей по Лаврушинсьому переулку придавалв этому необходимое остранение Синявский, осознав этом «прием» (на Шкиювского, откуда ме еще!), написал, что нушкий ский герой особенное удовольствие от Лаури получил а присутствия трупа Дон Карлоса,

Это даже ислым назвать тепнем в элодойством, потому что гитуация оценки не вреднолагает: тут каквя-то совершению нейтральная «физиологии творчестав». В Шкловском Писарев протигивает руку аввитарду, и асе получается, и женщими довольны

4

По витересующему нас критерию — способности реализовать собственные чувственные возможности — писатели разделяются на два разрида: удачники и завистники. Хрестоматийный пример, как всегда, — Толстой и Достовский.

В инсьмах Достоевского жене масса вычеркнутых, замазанных строк, не поддающихся прочтемию. Строго говори, это неприличные письма. Завистинк не значит слабосыльный. О местандартной чувственности Достоевского правильно писал Мерекковский;

В советской литературе указанная опновиции классически представлена Катаевым и Олешей. Один проезжал мимо другого в большом, похожем на компату автомобиле. Это сцены из Достосвекого: «Записки из подподья».

Ничего тут поворного ист, это все тот же старый романтизм, с его разделением «томдевия» и «обладания». Так что эту романтическую ситуацию можно даже назвать классичесной

В новейшей литературе произошла реникарпация Юрня Олеши. Эго Эдуард Лимонов. Он даже псевденим выбрал, следуя указанним «Зависти»: фамилия Лимонов, как и Каввлеров, выскопарна и нижкопробить.

В «Дпеанике псудачника» масса реминисцепций Олеши; экономка миллионера в роли Ансчин Проконович, да и сам поэт, служащий сильному мира сего. Вспоминается не только «Зависть»: есть, например, сцена с крысой, поражаемой ударом поги. Это из мемувоной прозы Олешь.

Такие совиодения Шклоаскый объясниет сюжетной инерцией. Он сам однажды обнаружил поразительные сходства ситуаций в романнах Копрада и Бахметьева. Но можно ведь говорить и о сходстве пенхоло ического типв.

Вообще же Лимонов более литературен, чем кажется.

Приведу здесь фрагмент из «Диевника исудачника», который вряд ли скоро будет нашечатан в отечественной прозе гам по себе.

Как говорит в таких случаях Шкловский, прошу прощения за длинцую цитату.

«Воровать, воровать, воровать, украсть так много, так, чтобы еле унести. Охапками, кучами, сумками, корзинами, на себе уволакивать, велосипедими, тележками, грузовиками увозить из магазина Блумингддаг и тацить к себе в квортиру. Aухи мужские, корлину духов; пусть поплескивают — зеленые, кремы, шлялы, много рай, что и костюмов и свитеров. Воруй, тащи, грабь — веселись, наслаждение получай, что не возымем — бритвой порежем, что кикому не досталось, вот она — бритва — скользь в руку — ага, коси, молоти, риби!

- И по лампе вдары — Возьми зонт — Жанt = Ha торшер — Филипп — е... по

зеркалу! — (Хрясть! Хрусть!)

— A мы за это шею гнули, жизни лишались, живот надрывали, вот вам, вот! — Эй, пори белье женское, режь его, розовое да голубое, турсами пол устилай! — Гляди, какие большие — Дазары! — Ну и размер, на какию же ж... и рассчитаны!

— И этот отдел переполосуем, такцуй-плящи на рубашках ночных да беленьких, ишь ты, порядочные буржуйки в фланельке этой по ночам е..., а эти халатики к любовникам днем надевают — п... при распахнувшихся полах показать, посветить ею.

Бей, Карлос! — Йомогай, Энрико! — Беги сюда, Хуан! — здесь голд этот самый —

олото!!! (Ррпор!)

 Пошли пожрем в продовольственный! — Шоколаду хошь? На — шоколаду в карман. Мешок шоколади возьмем домой. Ява чешка шоколади.

Вдарь по стеклу! (Дзынь!)

λ..., py6u!

А вог оторви этот прут, да е...! (Хлысты! Хрусты!)

— Ткни эту п.... стулом, чтоб буржуваное достояние не защищала!

Ой, не убивайте, жиленькие!

Бей ее, суку, не иначе как начальница, а то и владелица!

Мальчики! Мальчики! — что же вы делаете! Умоляю вас — не надо!

— E... ее, стерву накрашенкую — правильно, ребята! Давно мы в грязи да нищете томились, x... исстрадались по чистому мясу — дымятся!

— А пианина — Александр — мы с возмущенным народом пустим по лестнице вниз.
 На дрова! (Гром х-п-э-т-гррррр!)

— И постели эти! (Та-да-да-да-да-дрррр)!)

Так я ходил в зимний ненастный день по Bлумингдзйлу, грелся, и так как ничего по полому отсутствию денег не мог купить и второй день кряду был голодный, то и услышал ильне все 3 то».

А теперь можно сказать, кто это Лимонову наговорил в чуткое ухо: Хлебинков Вели-

мир, «Почь перед Советами», а больше ясего «Ночной обыск».

Ученик Хлебникова Шкловский помочился в броневики гетмвна Скоропадского — это из той же оперы или, ссли хотите, позмы. Булгаков пришинлил Шклоаского в «Белой гвардии», и правильно сделал, хотя тот обиделся на всю жизнь и миого лет спустя говорил Чудакову, что на веранде дома Герцева сидели круппые люди.

Но это не мешало им быть шпаной.

Крупной, как воры в закопе.

Тут, к сожалению, прав недоброжелатель советской литературы Ходасевич, паписааший совсем плохую статью о Маяковском.

Другой арханст, Бунии, пишет в «Окаянных диях:

«Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо неорожен. Говорил: "За сто тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошю есть, хочу иметь хорошию шяли, отлачные ботинки..."».

Силлать, что русскви литература виновна в русской революции,— значит сказать самую малюсть. Это мировой процесс — превращение ортиста в геров сывидальной хроивки, скандальных историй, скандальной истории. Россия гордится буйством Есенина как чем-то немыслимым на Западе. Но на Западе этот процесс шел не менее бурго. Начало его аафиксировано, покважуй, в «Подъемельях Ватипроцесс шел не менее бурго. Начало его аафиксировано, покважуй, в «Подъемельях Ватипана» Акаре Жида, где Лафкадио — как кажется, немогиапрованно, но мы-то знаем, что для остраненной остроты ощущений, — убявает незнакомого соседа в куне поезда.

Тот же Андре Жид еще в конце проилого века написал «Плоды земные» — квигу, мало известную в России, но на Западе сделавшую революцию. «Послание» наиги было в духе Шкловского: обновленное переживание чувственной полноты бытия.

В мемуарной литературо встречаются упоряме утаерждения, что Есепин если не расстреливал несчастных по темницам, то не раз присутствовал при этом. Это из той же области, что разговоры о его бисексуальности: мог попробовать педерастию из хулиганской лихости, кок поробоват Лимонов, открыто пинущий об этом.

Лимонов, конечно, босян, но босян литературный, ячеющий сылыную традицию в России, можно сказать, благородкую традицию бочячества нан всяческого революционизма. Это Горький и Манковский яместе взятые — но в процессе вырождения, писхожде-

ния и саморазоблачения типв пясателя и литервтурной темы.

Нисхождение темы адгов, означает ее выпячивание: материал берется вие искусства, втаскивается на экран тремя, в не двумя измерениями. Лимоноя писвтель инкакой, иесуществующай. По амеете с ини исчезает литература нак художество, как «метод», он — знак этого исчезновения. Неэтому оп — событие большое, хотя и отрицательное. Отрицательность здесь не оценка, а математическое понятие: меньше, чем поль, но не поль.

Чтобы утешить Лимонова, скажу, что такая же минус единица на Западе — Пазолнии, по краіней мере, в его фильме «Сало, пли Сто двадцать дней Содома»: ощущаемость материала в фильме — внеастетического характера, он действует на первы.

С совершенно внежететической откровенностью Лимонов называет свою книгу «Днеаник неудачника». И инкакие литературные реминисцепции не должны заслонить того что речь у иего идет о реальных пижамах и п... Неудача Лимонова — соцвальная: он не нопал в свое аремя в советскую писательскую поменклатуру и об этом печалится из Западе, совеси не о тамониму голодиму и рабка.

Тема советской литературы — да и тема современного вскусства вообще — приходит

здесь к свисопознанию:

Нам надоели бумажные страсти, Даяте жить с живой женой!

Поэтому «Ладомира» Лимонову никак не каписать. Для этого нукна вера в сверхчувственные ценности, пужен утопизм, еще не переставший быть поэзней:

> И зоркие соблазны выгоды, Перавенство и горы денег — Могучий двигатель в лояв годы — Заменит песией современник.

Нужна способность заменить поэмой не только соблазны аыгоды, но и соблазны дюбви. Шкловсиий, нанисавший об этом в «Zoo», сам эту способность всего лишь имитировал,

и «Zoo» осталась единственной его художестяенной удачей.

Лимонов, нак сказал бы Фейербвх,— «тайна» Шкловского, иля его Немелида, нак сказал Вл. Соловьев о Каткове в сто откошения к славнофилам. У этого невыв частерства искусство было линиено мстафизического изчерения, указывая лишь на эмпирические соотнесения, помогая, всего-навсего, сстрее ощутить «жизнь» (на ученом языке формалым есть вариант змотивной теории искусства). Но для потребова — али непотребной остроты, вак оказалось, совсем не обизательно искусство: не пумно «Zoo» писать, достаточно живой Эльзы.

Вопреки всякому формалнаму, из искусства выперла эта тема, «матерпал». А «стиль» исчез в ясилвестном каправлении. Впрочем, известно, в каком: растворился в постмо-

деринзме, «вивризмо», хэппенингах.

«Художник» ныне подтверждает наях удшие онассиия Тынянова в «Промежутке»: это голаи тема, взятая на голой эмоцки. (Об этом и Шкловский иксал в «Соаременниках и спихроинстах».) Это — «непосредственное самовыражение» какого-инбудь рок-пенца.

На Западе этот маскульт и стал исходом искусства — как в СССР им стал «культ лячности». Отсутствио в России демократических традиций привело к модели художника квк диктатора, тогда квк на Западе ноявился художник как голос толны. Рок-иокцерт — это не сольное выступление, а некое коллективное действо.

Художишк-диктатор в СССР — Сталин. Эта идея долго посилась в воздухе, в сейчас ее зафиксировал Борис Гройс в кинге, по-немецки названной «Сталин как полное собрание

сочинений».

В диктаторстве как жестко оформалнощей жизпь идсе жизпенный выход пвила конструктивистская» сторона культурфилософии Шкловского. Ее «гедопистическая» сторона ушла в теперешний маскульт. Первоначальная синтетичность, даже синкретичность теории разложилась, распалась ка эти два элементв. Первый элемент уже в России изжит.

Перестройка и послеперестроечная литературная жизнь в России не будет реставрацией «Нового мира» с Твардовским, по без коммунистов. «Культа личности» снова не будет, по будет маскульт с Лимоновым квк очень вероятным претендентом на роль культовой фисуры.

Лимонов — telos русской литературы. С другой стороны, к литературе он имеет не большее отношение, чем рок-стар Мадонна — к христивнской религии. Если объединить дав эти утверждении, то получится, что литература кончилась, что такой конец и был ее целью. Она реализовалы метафоры, сказалась вецие. Назвать это — то есть демократию — торжествующим замом тоже будет метафорой и измешному стилю не отвечвает.

Остается только построить демократию в России, то есть накормить Лимонова, чтоб ои

перестал писать даже то, что пишет.

Ноябрь 1990

Пользуемся случаем принсти Б. М. Парамонову и читателям навинение за допущенные по вине редакцию опечати в статъе «Погряст еврои: Эренбург» («Зведа», 1991, № 1): с. 137, строка 28-я сверху, пужно читать «Фолкиер» вместо «Флабер»; с. 140, 8-я сверху — «светскому» смест скому»; с. 148, 12-я сицау «Пролициальные» авесто «Принципральные»; с. 149, 9-я сверху — «интеллигентская» вместо «вителлигентская» вместо «принципральные» до эрестификации правитые»; с. 149, 9-я сверху — «мителлигентская» вместо «принципральные» до эреский классик» вместо «русский классик» вместо «приндипральные» до эреский классик» вместо «русский классик» вместо «принципральные» до эреский классик» до эрес

Раздел ведет Ив. Толстой

«ОПЫТЫ»

Срога послеваенных омигрантелях журналов, придожнимих дело объеницения руссых литературных сил, аметен бал в свое время журнал С (1933—1938, 9 номерон). Разволожение его редакции в Выо-Порке было в целом свядано с перемещением центра русс нало вздательского дета за океан О были начаты под ред. Р. П. Гринберга и В. Л. Пастухова не пометкой: сИздатель М Э. Цетлина» СО В номера О выхолили яви сатгературным эмурнал, а с В иомера Летев смешален и редактор им стал Ю. П. Выаска.

П номер О был открыт «Письмом редакции», в котором, и частности, говорилось: «Собирая по свету веним сотруднимся, мо в дм письли, что программ и нашего журнала — литература, т е стих и в беллегристама, театральное пьесы, литературам критика, статы о чельвек и соременности, корресноиденции о жизни других литератур и искусств. библиографии, зиметы среди плиостранцев о проинкиоления русского зына, части и зу сожетененного творичествя за границу, подитическая проза в плане философии в истотим.

Дальше мы ми шесли, что навсегда останечей пригам не только русского большенизма и других зиных тогатантарных систем, но и тех роуственных и цей и вагличая, докольно риспространенных хоти и естоль оченациям к демофатаческом климите, которые псе же направлены и
налимерное упичтожение чеолиемечей индивидуальности сденственного източника творчеких сист.

что мы желлем освобождения русского кудожественного труда от нартийно полицейской опека и дабавления от "сецциального заказа»; что мы не сторонники готовых формул в творческой, художественной деятельности;

что шаблоны, столько раз возвещенные глашатаями разных школ и направлений, оставались, большей частью, бесплодными;

что в искусстве только дичная энергия может разредить возникшую перед ним творческую задачу, в завискамости от замисла и материала, свободию выбранных им. Сообразно этому, гавенее достояществе созданного произведения заложено в самом произведения, в раскрытив его вытретней закоможерности.

Fine чы писали, что дорожим русским дореволюционным прогисцением и опытом, иогда паша родици и духовео культурной области жила за-

одно с Европой, когля радесть и скорбь, уенех или надение в жилин европейских пародов были страстным перемиванием и собственным долом дучней частк русского общества, даровитейние представители когорого создали на своем чоло дом изыке, говори своим толосом, выскалывай своих тревожну ю мысль и человеке, имперая гвои задушеных песии. Бессмертные тюрения, выперание в число общечеловеческих вечных ценностей».

За плесть лет гвоего существования О напечатали стихи поэтов нервой эмпірации и тех, кто оказален на Запале в результате вобща: Георгин Иванова, Юрия Иваска, Дмитрин Кленовского, Ивана Буркина, Серген Маковского, Владимира Набокова, Привы Одоевневой, Влачимира Смоленского, Глеба Струве, Лидии Червинской, Игорн Чиннова, Владислива Ходасевича, Георгия Адамовича, Ольги Анстей, Нины Берберовой, Владимира Злобина, Юрия Одарчение, Пиколан Опупа, Всеволодв Пастухова, Владимвра Мариова. Из говетских поэтов на страницах О появился только Борис Пастернак - етихами на «Доктора Живаго», а также посмертно Осип Мандельштам двумя стихотворениями, не илвестными к тому времени и эмиграции.

Раздел прозы О поместил историософские ааметки «Судьба без судьбы» А. М. Ремизова, его же «Лигилевские вечера» и отрывок из романа «Плачуживя капава»; два рассказа В. Варшивского; отрывок на романа «Базилисеа» Игори Карузо, отрывки из печатаншегося еще в доноенных парижених «Числах» романа «Аполлов Безобразов» Б. Поплавского; философские миниатюры Карла Гершельмана; мемуарные заметын Алексанары Толстой «Николка»: рассказы Г. Газданова, Е. Неверовой, В. Ниовского, Дм. Лековича и И. Савина; главы из вогноминьний В. Набокова: гляву из романа «Загржевсьпії А. Головиной — о жизци летей в русской эмигрантской гимназии в Чехословакии; миниатюрный рассказ И. Бабеля «В щелочку», исключенный в 1924 году из денциградского журнала «Русский современнии».

Квы и вообще русская критика, так и, в осревнюети, критика замирантекая тесейейшим образым смыкалась с эссенстикой, философской публицитикой, исторнософсками и кузътурологическими этохдами. Ис составилы исключени и критика на страницах О. Георгий Адамович продолжил здесь печатание евиму «Комментари-

ев», понвлявшихся на протижении четверти века в свиых разных печатвых органах зарубежья. Была опубликована стачья покойной З. Гиппиус •Исиусство и любовь» (размышления по воводу «Мигиной любви» Бунина: «Попытка взебовайть мир в статике, в его настоящем моменте викогда не удается истиплому художнику. Отрицает ли он мировой процесс восхождения или просто не хочет смотреть в сторону всей этой метафизики результат один: амля, не направ ленная вперед, оназывается напрввиенной навад и вниз. Не желан улучшать дейстингельность, такой художник роковым образом ее ухудшает... Отчуждение искусства от общен мировой Жизин, сепаратизм искусства есть дожь»): заметки И. Оцупа о позвин и судьбе И. Гумилева; доилад С. Маковского «Пованя Игоря Чиннова»; размышления А. Ремизова о Гоголе: статьи В. Вейдле «Об иллюзорности эстетики и о жиз ненной полноте искусства» («...почему же выра женное, явленное делается ивленным в искусстве, если оно не было ценным до него?.. как ни трудится художний и как ни нужен искусству этот труд, все же ие плоды его труда созерцаем мы... и ве замысел,.. а то, что он выразил, быть может, сим того не зная, то, на чем в ответ на его подвиг и заботу отпечатлелся, словно лик на убрусе, нерукотворный образ бытин»); ваметки Ю. Ивасиа о Клюеве; философсиий опыт Ю. Марголипа «О лжи»; главы из кциги Л. Шестова «Sola Fide»; статья прот. А. Шмемана «О Византии. 1453—1953» («Нужно не возвращаться в Византию, в только и самом мите. в самом человеће снова увидеть все го, что увиде ло в янх хрпетивнское зрение Византии»); «Зв писки читателн» Ю. Иваска; «Заметки на полях» В.г. Маркова: отрывок из готовившейся книги В. Варшавского «Незамеченное поколеиме» (глава о Набокове); статья Ф. Степуна «Кино и театр» («...нету искъства, которое с такою же силой выражало бы сложную сущвость нашей эпохи: богооктавленность, науковерые, прометененское свымуправство, импровидащи собственяюто мира, капиталистическая перприначивость, интерпационализм, потавшие массам – все эти черты и писії современности накорят всключительно полное выражение и данее символическое олизменовине В лучших создавнях современного фильмового искусства. В этом его смысл и оприждание его бытин») и много других материвлом.

Больное винявние в О уделилось разделу реценани и отаывон на инижиме новинки. Не Удивительно, что в першую очередь репенапровались русские канги, издававшиеся тут же в Нью-Йорке и выпускавишеся издательством имени Чехова, связым крупцым на Западе в 50-е годы. Это отзывы В. Пастухова на книгу А. Ремиаова «В розовом блееке» и псторический роман. Н. Ульннова «Атосса»; Ю. Иваека на сборцик «Приглушенные радоса», антологню советской возаин, составленную Вл. Марковым; М. Кашторв - на сборник статея и речей А. Гольденвензе ра «В защиту права»; В. Емельниява - на книгу о дальнев сточной русской вмиграции, роман Н Федороной «Семья», II. Полторациого - на колитическую биографию II Б. Струве, явни сапную С. Франком, а также другие.

Подтвержава свою журнальность, О стреми пись информировать чилленей о паримения и моском свях вовяниях: стихах А. Гингера, Д. Чераниской; В. Мамуненко, С. Преста, с. Маковского их сборшики повышлесь в последоенном вадательстве «Рифма», «При позаннь, сборинка к паримеского Пиститута Славнимедения, последненных русском липературе.

Первые для комерв О выноминали своен внеш мостью и печатью довоенные «Числа»; помера выходила объчвыми в нумерованными. Начивая с третьего номера уменьшился формат О, а с четвергого офирмление. Один па редакторов О, стоявший у истоков издании, Роман Гринберс, станет в ОО-е года выдителем известного альмвиха «Водушные ву им».

Ma T.

СОДЕРЖАНИЕ:

Илья ФОИЯКОВ. Актуальные советы	3
Александи СОЛЖЕНИЦЫН. Март Семпадцатого. Роман (окончание)	5
Елена УШАКОВА. Стихи	76
Елена ЕЛАГИНА. Стихи	79
Анатолий МИХАЙЛОВ. Два рассказа	80
Лев ЛОСЕВ. Стихи	87
Александр СКИДАН. Стихи	89
Елена ДУПАЕВСКАЯ. Стихи	90
Proceedings of the control of the co	
новые переводы	
Альберто МОРАВИА. Скука, Роман. Перевод с итальянского С. Бишиевой.	91
Альосріо мол льил. Скука, гоман. перевоо с инпомиского С. вушуевой	91
публицистика	
Антон АНТОПОВ-ОВСЕНКО, Карьера палача (окончание)	139
Виталий КРШИВТАЛОВИЧ. Лабиринт. Очерк	167
Birthing at the second at the	401
из литературного наследия	
Александр ВАМПИЛОВ. Два рассказа. Предисловие, публикация и текстологичес- кая подготовка О. М. Вампиловой	180
	184
Геппадий НИКОЛАЕВ. Тревога Александра Вампилова	104
КРИТИКА	
Евгений ГОЛЛЕРБАХ, Апраssignato (Ленин как читатель Гумилева)	188
Кейс ВЕРХЕЙЛ, Кальвинам, поэзия и живопись (Об одном стихотаорении	
И. Бродского)	195
ФИЛОСОФСКИЙ КОММЕНТАРИЙ	
Борис ПАРАМОНОВ. Пой и Хамы	199
книжный угол	
H. PORCEON D.	206

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своем решении. Рукописи объемом менее двух печатных листов не возвращаются.

к сведению подписчиков

Сообщаем, что всеми вопросами доставки журнала занимаются местные отделения «Союзпечати»

Редакция не имеет свободных эклемпляров журнала для рассылки чигателям.

В 1992 ГОДУ «ЗВЕЗДА» НАПЕЧАТАЕТ:

Фантастический роман Андрея СТОЛЯРОВА «Монахи под луной».

Роман Владимира КОМИССАРОВА «Сухая гроза» — сатирическое повествование о временах «хрушевской оттепели».

Повесть Бориса НОСИКА «Большие птицы» — остроумно рассказанная история любви московского литератора и молодой англичанки.

«Книга пустот» Виктора СОСНОРЫ — метафорически насыщенная яркая проза известного ленинградского лоэта.

Пьеса Бориса ХМЕЛЬНИЦКОГО «Ванька Канн».

В 1992 ГОДУ «ЗВЕЗДА» НАПЕЧАТАЕТ:

Роман самого известного из иеизвестных в России аиглийских писателей Лоренса ДАРРЕЛА «Жюстина» — любовно-эротическое произведение с драматическим сюжетом, действие которого развивается в экзотической Александрии.

Роман Нормана МЕЙЛЕРА «Американская мечта» — киига, три последние десятилетия будоражащая умы читателей в США.

Роман Джона СТЕЙНБЕКА «Короткое правленне Пипина IV» — вссеное «историческое повествование» о восстаиовленной во Франции в середние XX века монархии.

Сергей ДОВЛАТОВ — из литературного наследня.

Главы из документальной книги американского журналиста Гаррисона СОЛСБЕРИ «900 дней» (о блокаде Ленинграда).

Стихи и эссеистика лауреата Нобелевской премии поляка Чеслава МИЛОША.

Главы из мемуарной книги немецкого писателя Вольфганга КЕППЕНА «В Россию и еще кое-куда».

Работа английского философа Бертрана РАССЕЛА «Власть».

В рубрике «Мемуары XX века» будут опубликованы: Григорий ПОДЪ-ЯПОЛЬСКИЙ «Автобиографическая повесть» (предисловие А. Д. Сахарова), Борис ВАЙЛЬ «Особо опасиый», Владимир ШЛЯПЕНТОХ «Открывая Америку».

Готовится специальный номер, посвященный столетню со дня рождения Марины Цветаевой.

Некоторые интереснейшие материалы 1992 года мы ие рекламируем из-за участившихся случаев пиратской перепечатки другими изданиями текстов, объявленных нашим журиалом. Они являются тайной журнала и будут сюрпризом для его читателей.

Всех обладателей годовой подписки на «Звезду»—92 ждет приз:

Вместе с 11—12 номерами журнала вы бесплатно получите книгу, вами ж выбранную из списка, который будет опубликован в первом номере за 1992 год.